

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

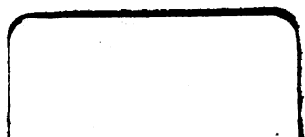
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

INDEX

592569

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЪ.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА I-я.

ЯНВАРЬ, 1875.

ИЗВЕЩАНИЕ О РАБОТАХ...

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ...

В. И. СЕРГЕЕВ — 1. Из истории науки... — 2. Из истории...

А. А. АНДРЕЕВ, С. А. ДАРЬНИЦКА — В. И. Мещеряков...

С. А. ДАРЬНИЦКА — ПЕРВЫЕ ПЕРЫЕ ОПЫТЫ... — 1. Введение...

С. А. ДАРЬНИЦКА, в соавторстве М. А. Виноградова... — 1918 год... — Ч. В. Виноградов...

С. А. ДАРЬНИЦКА — 1. Введение...

С. А. ДАРЬНИЦКА — 2. Введение...

С. А. ДАРЬНИЦКА — 3. Введение...

С. А. ДАРЬНИЦКА — 4. Введение...

С. А. ДАРЬНИЦКА — 5. Введение...

С. А. ДАРЬНИЦКА — 6. Введение...

С. А. ДАРЬНИЦКА — 7. Введение...

С. А. ДАРЬНИЦКА — 8. Введение...

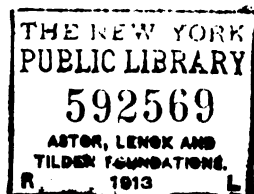
С. А. ДАРЬНИЦКА — 9. Введение...

С. А. ДАРЬНИЦКА — 10. Введение...

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ XXXIX. — ТОМЪ CCXIV. — 1/10 ЯНВАРЯ, 1875.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ

ПЯТЬДЕСЯТЬ-ПЕРВЫЙ ТОМЪ

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

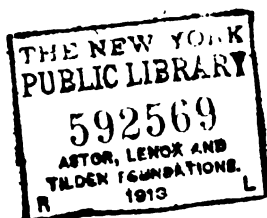
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Невскомъ просп., у Казанск. моста,
№ 30.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ,
№ 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1875.

В. В. В.
С. С. С.
А. А. А.

ВЪ УСДЬБѢ И НА ПОРЯДКѢ

ПОВѢСТЬ.

I.

Замерла усадьба села Шелонихи. Большой дворъ, кругомъ обставленный службами и вѣковыми садомъ, совсѣмъ опустился въ густой мракъ іюльской безлунной ночи. Дворъ этотъ — въ котловинѣ. Господскія хоромы стоятъ влѣво отъ вѣзда въ ворота: ихъ громоздкая масса еле-еле отдѣляется отъ неба. Ярво мигаютъ звѣзды, тамъ-и-сямъ загораясь по своду. Привычный глазъ различаетъ въ густой мглѣ очертанія крышъ и крылечекъ, купы липъ и дубовъ — въ сторону сада; а потомъ и частоколъ, и рѣшетки, и колодезь, и неровности двора, и бѣлесоватую стѣну штукатуренныхъ конюшенъ съ флюгеромъ посрединѣ крыши и фигурными фронтонами по угламъ.

Рядомъ съ конюшнями, подъ навѣсомъ приютились двѣ конуры; а глубже уже нельзя и привычному глазу различить скоро, что тамъ кроется: телѣга, вѣялка или какіе козлы.

Тишь слилась въ одно съ теплой, слегка влажной мглой. Даже ничего стрекотанія не слышно въ травѣ густо-обросшихъ котловинокъ и заборовъ. Только испаренія наполняютъ жизнью эту непробудную черноземную ночь великорусской Украины. Со всѣхъ сторонъ несутся струи пранаго, сильного, бодрящаго запаха конопли. Онъ покрываетъ всѣ прочія дыханія ночи и говоритъ о сочной землѣ, синей листьѣ и стройныхъ стебляхъ.

Задній фасъ барскаго дома глядитъ на дворъ двумя узкими выступами и рядами оконъ нижняго жилья и антресоли. Въ по-

ловинѣ перваго часа ночи, одно изъ нижнихъ оконъ растворили съ чуть слышнымъ шумомъ, и кто-то выглянулъ на дворъ, точно желая по-вольнѣе вобрать въ себя струю воздуха. Въ то же почти мгновеніе бѣлая мужская фигура отдѣлилась отъ калитки сада, спертой съ обѣихъ сторонъ двумя постройками и, выйдя на средину двора, остановилась, зорко всматриваясь по направленію къ окну, издавшему легкій скрипъ. Оно почти тотчасъ же захлопнуло. Тому, кто выглянулъ изъ него, можно было замѣтить бѣловатое пятно въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя. Когда окно закрылось, бѣлая фигура постояла какъ-бы въ раздумьи, сдѣлала два-три шага назадъ и впередъ, и повернувъ къ конюшнямъ, пошла, опустивъ голову. Надъ чернымъ поясомъ волосъ поднималась соломенная шляпа съ широкой лентой.

Вдругъ звякнула цѣпь подъ навѣсомъ въ одной изъ конуръ, и густой, хриплый лай вылетѣлъ изъ полукруглаго отверстія; звякнула и другая цѣпь, также съ лаемъ,—пожиже.

— Омичъ,—раздался мужской слабый, но ясный голосъ, вздрогнувшій во влажной мглѣ.

Темная, кудластая масса заколыхалась, закрутилась на мѣстѣ, радостно рыча и взвизгивая.

— Вотъ тебѣ, Омичъ, вотъ тебѣ,—ласкалъ собаку мужчина въ бѣломъ, подойдя къ громадной овчаркѣ и подавая ей что-то изъ руки.

— Оатѣвна! — также ласково крикнулъ онъ вправо, и изъ второй конуры высочила съ глуховатымъ лязгомъ желѣзной цѣпи такая же овчарка, но уже свѣтлой шерсти, и начала еще больше извиваться, чѣмъ Омичъ, визжа и хватая на легу приформку.

Обѣ собаки, путаясь въ привязяхъ, облапили своего пріятеля и перестали совсѣмъ лаять. Въ темнотѣ ихъ круглые, добрые глаза такъ и искрились. Когда послѣдній кусочекъ хлѣба былъ проглоченъ Оатѣвной, молодой баринъ простился съ ними, и обѣ онѣ вразъ запрыгали на цѣпи, но залаять, или сильно завизжать точно не посмѣли.

Бѣлая фигура, пройдя медленно дворъ, еще разъ остановилась передъ открывшимся-было окномъ; а обѣ овчарки ушли спать. Тишина снова охватила котловину двора. Черезъ три минуты, въ одномъ изъ оконъ антресоли, сквозь отверстіе ставни, вырѣзанное въ видѣ сердечка, пробилась красноватая полоска свѣта.

II.

Полоска шла изъ «дѣтской» комнатки, занятой по прежнему молодымъ бариномъ, только-что въ тотъ вечеръ явившемся въ Шелонику.

Въ двойственномъ свѣтѣ этой низкой спальни стоялъ худощавый, стройный, чуть-чуть сутуловатый мужчина лѣтъ двадцати-шести, съ блѣднымъ лицомъ, впалыми карими глазами и необычайно тонкимъ для русскаго носомъ; небольшая бородка, раздѣленная на два клинышка, и темные волосы, закинутые за уши, давали его облику что-то юношеское, стыдливое, почти цѣломудренное...

Онъ снялъ шляпу, но продолжалъ стоять у стола; не снимая своего желтоватаго лѣтнаго костюма и слегка затуманеннымъ взглядомъ обратился къ окну. Потомъ онъ подошелъ къ нему вплотъ, нервнымъ движеніемъ взялся за ременную ручку ставня, составилъ его на полъ, свѣчку потушилъ и сѣлъ у косяка. Оттуда, немного подавшись головой, можно было видѣть то окно нижняго этажа, которое за четверть часа кто-то растворялъ.

Въ темнотѣ спальни слышно было задержанное дыханіе. Такъ прошло нѣсколько секундъ.

«Что это я!» почти вслухъ выговорилъ молодой человѣкъ, и всталъ со стула. Но свѣчи онъ не зажегъ, и уже другой поступью, безъ всякой видимой цѣли, вернулся къ открытому окну и долго-долго, быть можетъ цѣлый часъ, смотрѣлъ въ ночную мглу.

Ему не удалось, въ этотъ вечеръ, побыть за-свѣтло на воздухѣ одному, какъ онъ любилъ это дѣлать, возвращаясь въ Шелонику. Онъ пріѣхалъ съ *** станціи желѣзной дороги поздно, къ самому ужину. Только къ полуночи могъ онъ побродить по саду, когда все уже закуталось и побурѣло даже для его глаза, узнающаго всякій кустикъ и всякую ложбинку. Растительные запахи ночи, ея ласкающая мягкость и торжественность мало его-малу отогнали отъ него какую-то неприятную тревогу. Но, ощущая отраднымъ ощущеніемъ этого лѣтнаго мрака, онъ испытывалъ возвратъ иныхъ впечатлѣній, иныхъ картинъ...

Вотъ, онъ ѣдетъ съ той же станціи въ Шелонику; но не въ сансѣ, какъ сегодня, а въ открытыхъ крестьянскихъ саняхъ, въ держась на своемъ заграничномъ сундукѣ, въ короткомъ льновомъ пальто, съ тонкимъ пледомъ на ногахъ. Ему и не жарко, и тряско, и холодно; но не оттого онъ начинаетъ все

больше и больше страдать. Передъ нимъ на облучѣй подпрыгиваетъ ямщикъ, обвязавшій себѣ шею какой-то тряпичей. То-и-дѣло онъ оборачивается и, ухая въ ухабы, покрикиваетъ для ободренія сѣдока:

— Не далече, батюшка, ваше сіятельство, не далече!

Его борода и усы — ожерелье ледяныхъ сосулекъ, и даже щеки заиндевели: полупубокъ, шапка, волосы, все сливается съ волнами снѣга, по которымъ катятся сани. Сначала сѣдокъ-баринъ разсѣянно глядитъ вправо и влѣво. Тутъ смело снѣгъ съ обледенѣлой «плѣшки», тамъ нанесло его цѣлые холмы. Сизое небо съ красными зловѣщими полосами заката сводчатой гробовой крышкой покрываетъ эту окоченѣлую Сахару. Начали спускаться въ овражекъ. Сани стало закидывать взадъ по убитой скользкой дорогѣ. Въ одномъ мѣстѣ чуть-чуть и ямщикъ, и сѣдокъ не свалились въ сугробъ.

— Бойко тутотко, — бойко! — наставительно поясняетъ ямщикъ, и улыбается сквозь свое ледяное ожерелье.

Совсѣмъ спустились. По обѣимъ отлогостямъ ложбины, продираясь изъ-подъ бѣлаго савана, еле-поднимаются отъ уровня снѣговъ какія-то неровности въ видѣ продолговатыхъ кучъ, что-то безформенное, жалкое, лишенное цвѣта и очертаній. Кое-гдѣ торчатъ между этими кучами тощія, корявыя ракитки, чернѣющія на льдисто-сизомъ фонѣ своими узловатыми стволами.

Сѣдока схватило за сердце.

— Деревня Свербѣево! — крикнулъ ямщикъ: — экъ ихъ, малый, занесло!

Поближе сѣдокъ распозналъ.... что? хлѣвы, или людскія жилища?... Онъ задалъ себѣ этотъ именно вопросъ, и каждая изба, вросшая въ сугробъ, съ гнилой соломенной покрывшей, во всей своей зимней чистотѣ и во всемъ своемъ зимнемъ ужасѣ заговорила съ нимъ на особый ладъ...

III.

Да, тутъ живутъ люди, вотъ такіе точно, какъ этотъ рѣчи-стый и толковый ямщикъ, съ особымъ оживленіемъ объявившій сѣдоку, что двойной рядъ безформенныхъ логовищъ прозывается: «деревня Свербѣево». Никогда сѣдоку, ѣхавшему въ Шелонижу (хотя ему и стукнуло уже двадцать-пять лѣтъ), не приходилось видѣть такого зрѣлища. Онъ ѣздилъ въ родовую усадьбу по лѣтамъ; онъ зналъ ее хорошо, онъ и по избамъ не мало хаживалъ.

валъ. Давно, чуть не съ отроческихъ лѣтъ, ёкало его сердце, глядя на то, какъ и въ чемъ живутъ «мужички». И въ селѣ Шелонихѣ—такіе же хлѣвы безъ трубъ и безъ полу, какъ и въ деревнѣ Свербѣево, и тамъ то же убожество, та же безпомощность, то же животное прозябаніе... Но лѣтомъ какъ-то выходило легче... Народъ, видишь, больше въ полѣ, на порядкѣ есть всякая зелень, самыя ракиты смотрять по-пригляднѣе. Уйти можно, отдохнуть можно хоть на безмятежныя безконечныя поля, хоть на картинѣ труда, какъ онъ ни тяжель.

А тутъ—окоченѣлый сонъ смерти, замкнутая копотъ и слизъ, восточное удушье хлѣва!...

«Нѣтъ, нельзя такъ жить!» вырвалось у сѣдока. Онъ почувствовалъ, какъ краска стыда и жалости разлилась по его щекамъ. И тутъ же всплыла передъ нимъ другая картина. Быть можетъ, она-то, не спросясь его, усилила контрастъ мертвящаго зрѣлища, мимо котораго проѣзжалъ онъ теперь въ валехъ крестіанскихъ пошевняхъ... Ровно недѣлю передъ тѣмъ прощался онъ съ Римомъ. Это было послѣднее воскресенье карнавала. Тихо спускался онъ внизъ по аллеѣ, отъ Монте-Пинчіо къ Santa Trinità de' Monti. Стоялъ мягкій, радостный день съ игривымъ римскимъ солнцемъ и порханіемъ теплаго вѣтерка. На первой площадкѣ лѣстницы, ведущей къ самому подножью холма къ Piazza di Spagna, онъ неожиданно былъ охваченъ наплывомъ красокъ, движеній, лицъ, костюмовъ, гама, говора, топота, звуковъ волынки и бубна... Цѣлая сцена импровизовалась *передъ* нимъ, если не для него, такъ какъ вѣдь онъ представлялъ собою «форестьера». Натурщики, промышляющіе изъ года въ годъ на ступенькахъ этой самой лѣстницы, справляли карнавалъ пляской. Посрединѣ круга изъ всякаго гуляющаго люда двѣ-три дѣвочки-подростки и малый ихъ же лѣтъ въ костюмѣ пифферара, топтались на мѣстѣ и кружились подъ удары бубна. Пиффераръ, уперевъ руки въ бока, съ опущенной внизъ головой, сосредоточенно и грузно выдѣлывалъ ногами. Одна дѣвочка особенно страстно прыгала около него, и ея каріе искристые глаза такъ и метали улыбки во всѣ стороны изъ-подъ надвинутаго на лобъ полосатаго полотенца... Онъ остановился, чувствуя, какъ струя горячей жизни вливается въ него, и любуясь всѣмъ: и этими плясунами, и суровыми крестьянками въ пестрыхъ юбкахъ, и оборвышами—ихъ ребятишками, и небомъ, и солнцемъ, и террасами лѣстницы, и толпой, зѣвующей на деревенскую пляску, точно на какой тысячный балетъ...

И ему подбѣжала плясунья и протянула бубенъ. Онъ по-

ложилъ туда нѣсколько су. Она поблагодарила его смѣхомъ. Знакомъ пахнуло отъ ея алыхъ щекъ. Обѣжавъ кругъ зрителей, она пустилась въ плясъ уже для собственнаго наслажденія. Паренѣкъ схватилъ ее за талью обѣими руками, и они задвигались еще стремительнѣе подъ гулъ бубновъ, на которыхъ выдѣлывали разныя трудности двѣ побурѣлыя старухи... Пониже, около форестьеровъ, катался кубаремъ между ногъ крошечный мальчуганъ, лѣтъ пяти-шести, въ полномъ приборѣ: въ лаптяхъ и овчинной безрукавкѣ. Въ сторонѣ, сидя на перилахъ лѣстницы, отецъ его, красивый натурщикъ, поглядывалъ на него съ доброй и хитрой усмѣшкой, какъ-бы говоря: «порастрася-ка мошну у форестьеровъ-то, порастрася!» Голова мальчугана, огромная, съ выпуклымъ лбомъ и совсѣмъ круглыми глазами, смотрѣла и дѣтски-забавно, и стариковски-осмысленно: такъ выраженіе глазъ и губъ было полно игры и комической серьезности. Въ его дырявую шляпенку упало не одно су. Онъ ихъ отдалъ отцу и сталъ его тащить внизъ. Натурщикъ пошелъ съ нимъ, продолжая родительски улыбаться. Мальчуганъ спустился на площадь и повелъ отца къ фонтану Бернини, въ такъ-называемой «Баркѣ». По камню добрался онъ до струи и хотѣлъ подставить подъ нее свою мордочку; но не смогъ и чуть не выкупался. Русскій форестьеръ слѣдилъ за всѣми его милыми движеніями. Отецъ взялъ тогда у мальчугана шляпенку и нацѣдилъ туда воды. Косматая головка вся ушла въ шляпу, а когда высвободилась оттуда, мокрая мордочка улыбалась и морщилась къ общей потѣхѣ всѣхъ зрителей...

Русскій форестьеръ долго стоялъ на площади и вбиралъ въ себя, въ послѣдній разъ, все, чѣмъ жила лѣстница—*Santa Trinità de' Monti*—въ послѣднее воскресенье карнавала.

IV.

«Нѣтъ, никогда я этого не забуду!» подумалъ онъ, удаляясь, но не могъ предвидѣть, что картина всплыветъ передъ нимъ такъ скоро, всего черезъ недѣлю, и среди какихъ ощущеній! Да, вѣдь и на площадкахъ римской лѣстницы мужики и мужицкія дѣти добываютъ себѣ милостыню, и они—тамъ, въ классической римской Кампаньѣ, живутъ въ грязныхъ каменныхъ подвалахъ, безъ рамъ и дверей, и они не ѣдятъ по цѣлымъ мѣсяцамъ ничего, кромѣ вареной кукурузы... Но отчего же у дѣвочки и у паренька, да и у старухъ, такъ разгорались щеки и глаза? Отчего они такъ

страстно плясали и били въ бубны, точно гости, званные на праздники природы... И когда? Въ февралѣ, когда коченьютъ кровь и мостъ въ этой вотъ ложбинѣ, гдѣ примостилась деревня Свербѣво. Тамъ хоть что-нибудь есть... *Что-нибудь!* Всѣ: дары, блага, роскошныя наслѣдства:—и природа, и античная культура, и инстинктивное чувство красоты и формы, и дѣтская безпечность!.. Полянешь, постоишь въ позѣ—и проживешь день припѣвучи... А здѣсь—ничего!.. Ничего, кромѣ роковой, неустанной, вѣчной борьбы со стужей и голодомъ...

Ноги подъ жидкимъ пледомъ совсѣмъ у него занялись. Онъ уже самъ началъ понукать ямщика, хоть тотъ и ѣхалъ на добрыхъ рыскахъ.

— Иль зазѣбъ, ваше сіятельство? А вонъ и Сенькины выехали... Согрѣться не желательно къ Спиридонову?.. Шинокъ отъ-та...

Подѣзжаютъ къ шинку. Черезъ вонючія сѣни входятъ и сѣдокъ, и ямщикъ въ избу со стойкой и сбитымъ изъ неотесанныхъ досокъ столомъ. Хозяинъ — худой, плечистый малый, въ ситцевой рубахѣ и валенкахъ по-колѣна—объявляетъ, что кромѣ водки и «бальсанчику» у него ничего нѣтъ.

Отъ роду невѣдавшій водки, принужденъ сѣдокъ отъ холоду проглотить цѣлый стаканчикъ чего-то противно-желтоватаго, до сѣбѣ обжегшаго ему горло. Ямщикъ получилъ цѣлую косяку.

Изъ-подъ стола поднимается совсѣмъ посоловѣлый сѣдой мужикъ въ рваномъ полушубкѣ, и, воззрившись въ проѣзжающаго, вскрикиваетъ:

— А я тебя, баринъ, узналъ!..

— Чтѣ орешъ?—осаживаетъ его кабатчикъ.—Видно, что гость пропилъ уже всё, и кредиту ему нѣтъ.

— Анъ знаю,—мажетъ мужикъ вязкимъ языкомъ и силится придвинуться къ барину.—Анъ это Митрій Лексѣча сынокъ, княжій сынокъ... А ты брысь, воронка кабацкая!.. Гришенька это... Я ево во-о-какимъ видалъ... Тятенька ихъ меня эхъ какъ обидѣли!.. Посулилъ самъ двѣ десятинки, позади т.-е. Волчьяго крака, по восьми рублевъ... вот-те хрестъ... а опосля забожился... и Стратилашекъ, пономарю, отдалъ приквашекъ... Жеребчикъ по...

И рассказчикъ горько заплакалъ, голова его бухнулась на полъ, и носовой хряпъ разнесся по избѣ...

Какъ изъ вертепа выскочилъ нервный сѣдокъ, не успѣвъ хорошенько отогрѣться. Въ виски ему стучало отъ водки и угара. Онъ сѣлъ въ сани и страдающими, испуганными глазами озиралъ...

рался на затемѣвшую даль. Невыносимо ему сдѣлалось: и жалко, и горько, и безотрадно до отчаянія...

«И ты-отпрыскъ того же народа», говорил онъ, внутренне одушевляясь. «Вотъ, какъ онъ живетъ, вотъ куда идетъ его ко-пѣйка!»

«Ужасно! Ужасно!» повторялъ онъ съ дрожью во всемъ тѣлѣ, не замѣчая, куда катились сани, не думая о томъ: отморозить онъ ноги съ своимъ заграничнымъ пледомъ, или доберется по-добру, по-здорову...

Одно стало для него ясно, одно выдѣлялось точно какая скрижаль: «довольно готовиться тамъ, за морями и цѣпами горъ, въ нѣмецкихъ кабинетахъ и въ античныхъ хранилищахъ красоты. Пора! Пора сѣсть на мѣсто, думать свою думу, дѣлать свое дѣло тутъ, а не тамъ».

И вотъ онъ опять въ Шелонихѣ. Полгода пошло на послѣднее прощаніе съ Западомъ. Стужи нѣтъ, снѣга растаяли; пахнетъ липой и коноплей; но и теперь, сидя у окна и вбирая въ себя запахи ночи, онъ повторяетъ:

— «Пора, пора!»

Онъ уже не можетъ, какъ въ былые годы, отдыхать въ деревнѣ и безмятежно переходить отъ одного образа, знакомаго съ дѣтства, въ другому. Въ немъ если и живетъ спокойствіе, то совсѣмъ не прежнее.

У дальняго забора забили въ чугунную сторожевую доску. Звукъ этотъ вывелъ молодого человѣка изъ долгаго раздумья. Онъ опять зажегъ свѣчу и осторожно заставилъ окно ставнемъ.

V.

Комнатка, также какъ и ея хозяйинъ, смотрѣла молодо и цѣломудренно. Она не похожа была на заброшенные коморки въ антресоляхъ деревенскихъ домовъ, грубо обмазанныя бѣлой краской, изъ тѣхъ, что отводять обыкновенно подъ гостей средней руки, гувернеровъ и дѣтей. Видно было, что ее когда-то отдѣляли съ особой заботой. Обои сѣренькіе — маленькими букетами — придавали ей игривую свѣжесть; кровать съ бѣлымъ пологомъ, двѣ жардиньерки, нѣсколько англійскихъ гравюръ на цвѣтныхъ шнурахъ съ кистями, комодъ, шкафъ и письменное бюро изъ корельской березы — старинной отдѣлки — въ порядкѣ и чистотѣ. Но въ комнатѣ чувствовалась немного пустота, которую

только-что прїѣхавшій подъ вечеръ постоялецъ не наполнилъ своими дорожными вещами... Одно мѣсто боковой стѣны стояло даже совсѣмъ пустое. По объѣмъ нетрудно было догадаться, что тут помѣщалось пьянино. Обѣ жардиньерки были еще безъ цвѣтовъ.

Большой заграничный сундукъ съ приподнятой крышкой занималъ часть пустого мѣста изъ подъ-пьянино. На комодѣ лежалъ сакъ и свертокъ съ пледомъ; а рядомъ съ нимъ холщовая сумка, изъ которой выглядывалъ конецъ ручки геологическаго молотка. На бюро выложены были: ящикъ съ микроскопомъ, нѣсколько письменныхъ вещей, двѣ-три книги и брошюра въ оранжевой нѣмецкой оберткѣ, только-что на одну треть разрѣзанная широкимъ костянымъ ножомъ.

Все, что привезъ съ собой и разложилъ постоялецъ «дѣтской», не выказывало особой щеголеватости, но отличалось рѣзко бросающагося въ глаза опрятностью и удобствомъ. Ни одинъ ремешокъ не оборвался, ни одна книга не замшилась. Та же печать лежала и на туалетѣ его. Онъ началъ раздѣваться тихо, все положилъ на стулъ въ порядкѣ, и по-европейски выставилъ свои башмаки на площадку. Онъ дѣлалъ все это почти машинально, въ силу давней привычки, но безъ жесткости человѣка, ушедшаго въ одну аккуратность, безъ всякаго педантизма. Его мягкія движенія, тонкая юношеская фигура и въ особенности выраженіе лица отгоняли отъ него и его вещей все чопорное и самодовольное. Убираясь, онъ велъ себя, какъ студентъ, жившій въ привычкахъ недорогого комфорта и мягкой, осмысленной, такъ сказать, научной порядочности.

Въ постелѣ, откинувъ часть полога, онъ еще почиталъ съ полчаса брошюру въ оранжевой оберткѣ, сдѣлалъ даже на одномъ мѣстѣ отиѣтку твердымъ и удлиненнымъ ногтемъ указательнаго пальца, и передъ тѣмъ, какъ задуть свѣчку, взглянулъ еще разъ на окно, причѣмъ, на бѣломъ, гладкомъ лбу его, сильно сдвоенномъ въ вискахъ, обозначилась всего одна, довольно рѣзкая морщинка.

Спалъ онъ легко и проснулся въ седьмомъ часу, когда въ сердцевидное отверстіе ставня солнце врывалось яркой полосой, а со двора нсслись всевозможные, не шумные, но многообразные звуки. Онъ никого не сталъ будить, самъ почистилъ платье и даже башмаки—за ними никто еще, разумѣется, не приходилъ по раннему часу—и, неспѣшно одѣвшись, съ свѣтлымъ шелковымъ костюмомъ, спустился потихоньку черезъ переднее крыльцо въ садикъ, разросшійся передъ террасой дома.

Цвѣтникъ этотъ такъ только назывался, на самомъ же дѣлѣ въ немъ было очень мало цвѣтовъ, а за то довольно тѣни и хорошихъ уголковъ подъ густыми кустами бузины и сирени, подъ черемухой, рябиной, топодемъ, акаціей: всѣ эти породы обильно были насажены вдоль дорожекъ и по куртинамъ, расположеннымъ въ видѣ лиры, еслибъ кто сталъ смотрѣть на цвѣтникъ съ крыши господскаго дома.

Постоялецъ дѣтской обошелъ всѣ дорожки и постоялъ передъ всѣми куртинами. Къ цвѣтамъ былъ онъ очень чувствителенъ. Ему показалось, что ихъ стало еще меньше, чѣмъ въ прошлые годы, да и вообще цвѣтникъ говорилъ о маломъ призорѣ: и дорожки поросли кое-гдѣ травой, и бордюры—тощи, и штамповыя розы совсѣмъ почти перевелись, и разные грубые цвѣты, въ родѣ мальвы, піоновъ и астръ, разрослись неумѣренно, пользуясь тѣмъ, что не ограничиваютъ ихъ захватомъ... Тѣни еще прибавилось; но скамейки стояли не крашенныя, кусты плохо подстрижены, площадки подъ деревьями не выметены... И все-таки, на утренней прохладѣ—«цвѣтникъ»—тѣшилъ его и приглашалъ присѣсть на ту скамью, гдѣ онъ съ дѣтства, когда пріѣзжалъ въ Шелонику, вставши также рано, сидѣлъ съ книжкой и ждалъ той минуты, когда откроется большое угловое окно, выходящее въ садъ, рядомъ съ бурой колонной, поддерживающей фронтонъ дома, подъ которымъ пріютилась терраса, вымощенная старымъ позеленѣлымъ плитнякомъ.

VI.

Онъ и теперь сѣлъ на ту же скамью, и теперь, прислонясь слегка спиной къ толстоватому, перевитому стволу рябины, глядѣлъ на то же самое окно. Оно было закрыто снаружи двойными створчатыми ставнями, съ такой же вырѣзкой сердечкомъ, какъ и ставень его комнаты и, по старинному устройству, съ тяжелымъ желѣзнымъ болтомъ. Просидѣлъ онъ минутъ десять, оглядывая и плиты террасы, и чугунную рѣшетку, и побурѣлыя колонны, поросшія кое-гдѣ мхомъ, и гипсовыя украшенія надъ окнами, на-половину разрушенныя временемъ. Краска дома—когда-то изъ-сѣра шоколатная, теперь пошла пятнами и во всѣхъ направленіяхъ потрескалась.

«Падаетъ, совсѣмъ падаетъ Шелониха», промолвилъ онъ про себя, и тутъ-же сообразилъ, что усадьба эта—никогда не процвѣтала. О ней и прежде, при крѣпостныхъ, особенно не за-

ботились, а поддерживали кое-какъ, на случай прїѣзда. Ыздили въ нее довольно часто, но постоянной лѣтней резиденціей все-таки не дѣлали. Шелониха значила:—плохія дѣла, зима съ большими проигрышами, невозможность поѣхать въ Баденъ или Виші, или по крайней мѣрѣ помѣститься на тысячной дачѣ въ Петергофѣ.

Часы доложили ему, что не далеко и до восьми. Окно все еще прикрывали ставни, и никто не шелъ вынимать желѣзнаго болта. Стало, сонъ еще царить въ этой спальнѣ; а прежде было совсѣмъ иначе, прежде въ восьмомъ часу окно отворялось, и его спрививали:

— Ты здѣсь, Гриша?—или: *c'est toi, mon enfant?* И онъ радостно вскакивалъ и подбѣгалъ къ низкому окну, и цѣловалъ протянутую ему худую прозрачную руку, и бѣжалъ, по влажнымъ, мшистымъ ступенямъ на террасу, откуда итальянская дверь ведетъ въ гостиную; а гостинная и примыкаетъ къ спальнѣ, остающейся теперь такъ долго запертой желѣзнымъ болтомъ.

Перешло и за восемь. Сквозь мелкую, перистую листву рябины, солнце забралось на площадку и стало играть на тиковой скамьѣ ранняго посѣтителя. Онъ всталъ съ чуть-замѣтнымъ движеніемъ плечъ и прошелся въ другой конецъ сада, гдѣ еще сохранился довольно глубокій, покрытый раковинами, гротъ.

Гротъ внутри такъ отсырѣлъ, такъ капало со скважистыхъ камней обшивки, что никому бы не захотѣлось углубляться въ него. Ранній посѣтитель постоялъ передъ нимъ, замѣтивъ про себя: какъ малъ казался ему теперь этотъ гротъ въ сравненіи съ лѣтскими впечатлѣніями, и опять, по той-же дорожкѣ, вернулся къ скамьѣ подъ рябиной. Мысль его была прикована къ окну и къ комнатѣ, гдѣ, до сихъ поръ, все еще спали. Отъ этой комнаты онъ, незамѣтно, перешелъ мыслью къ расположенію стараго дома. Ему представилась, позади спальни, маленькая площадка коридора и дверь въ уборную; а окно уборной выходитъ на дворъ, какъ разъ въ томъ углу, гдѣ вчера...

Онъ снялъ шляпу, вчерашняя морщинка опять появилась на переносицѣ. Рука провела по лбу платкомъ...

•Кто-жъ могъ, въ самомъ дѣлѣ, около часу ночи открыть окно уборной? Фигура была темная, не женская. — Стало-быть, мужская... Чья-же?...

Точно желая отдѣлаться отъ такихъ ненужныхъ вопросовъ, онъ всталъ и скорыми шагами направился къ выходу изъ цвѣтника. Лучше было пождать въ большомъ саду, гдѣ четырехугольные възовыхъ липовыхъ аллея давалъ душистую прохладу.

На поворотѣ дорожки, его остановилъ окликъ: — Grégoire bonjour!

Онъ, не приподнимая шляпы, протянулъ руку къ дѣвущинѣ, окликнувшей его, и мягко, но безъ особаго оживленія, выговорилъ:—здравствуй, Loulou.

Трудно было-бы отыскать какое-нибудь сходство между ними, хотя они и были братъ и сестра. Онъ уродился въ мать; она—въ отца. Въ ней преобладалъ широкій, рыхлый, сырой типъ; въ немъ—нервный, худощавый, тонкій. Сестра была моложе его на пять лѣтъ, и всѣ особенности дѣвицы «за двадцать» уже сказывались и въ ея скуластомъ коротконосомъ лицѣ съ большимъ сѣрыми глазами, и въ пышной прическѣ бѣлокурыхъ волосъ, и въ бюстѣ, выдающемся впередъ, и въ движеніяхъ, значительныхъ лишенныхъ истинно-дѣвственнаго отбѣнка. Ея высокая и все-какъ-то изгибающаяся фигура колыбалась въ свѣтло-сиреневомъ батистовомъ пеньюарѣ-помпадурѣ; а на низкій лобъ сползала соломенная шляпка—«petit chinois», съ короткой вуалеткой. Она держала въ лѣвой, по локоть обнаженной рукѣ зонтикъ-палку изъ вѣнской темно-красной кожи.

— Ты гуляешь?—спросила она, пойдѣмъ въ тѣнь.

— Пойдѣмъ,—отвѣтилъ ей братъ, и повелъ ее въ своей скамьѣ.

VII.

Не только въ наружности и манерахъ, но и въ говорѣ братъ и сестры различіе ярко заявляло себя. Онъ говорилъ тихо, вдумчиво, теноровыми нотами, съ чуть замѣтной грудной дрожью и такой же легкой, чуть замѣтной картавостью. Она кидала слова, но выговаривала ихъ рѣзко и съ какимъ-то прививнымъ акцентомъ, нѣсколько хрипловатымъ голосомъ.

Они сѣли рядомъ. Отъ сестры шелъ запахъ сильныхъ духовъ. Братъ невольно отклонилъ голову.

— Ты точно ждалъ кого-нибудь, Grégoire?

— Я думалъ, мамá выйдетъ,—отвѣтилъ братъ неспѣшно, глядя на песокъ площадки.

— Comme par le passé!

И она засмѣялась такъ же рѣзко, какъ и говорила. Братъ съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на нее въ бокъ.

— Qu'est-ce que tu as à rire? — спросилъ онъ вполголоса. Фраза была выговорена несмѣло, какъ будто нехотя. Его французскій выговоръ былъ совсѣмъ не такой, какъ у сестры. Она

износила старательно, какъ русская, онъ же выговаривалъ французскую фразу, какъ говорить только на родномъ языкѣ. Иногда сказалъ бы, что онъ стыдится своего выговора, которому легкая картавость придавала еще болѣе французскую манеру.

Сестра выправила свой бюстъ подъ пеньюаромъ, и выставя конецъ туфли съ пряжкой почти на самомъ носкѣ, продолжала чуть слышно хихикать.

— C'est que tu es drôle!... Ты все думаешь, что ты—Гриша... un collégien... Мамап не можетъ же вставать для тебя à l'aube... Она просыпается не раньше девяти.

— Не раньше девяти?—наивно переспросилъ братъ.

— Да, она долго читаетъ... que sais-je!...

Толстоватыя губы дѣвушки сложились почти въ гримасу.

— А здоровье мамы?

— Parfait... Ахъ, Grégoire, что ты это не отстанешь отъ мамы звать мамап—мама... Tu oublies que tu es six ans plus âgé que moi.

Братъ могъ бы ее поправить на цѣлый годъ—онъ этого не сдѣлалъ. Тонъ сестры не былъ ему особенно пріятенъ; но онъ не показывалъ никакого раздраженія; онъ, видимо, помирился съ нимъ, какъ съ вещью неизбѣжною и установившеюся.

На губахъ его появилась легкая усмѣшка, и тише еще, чѣмъ выговорены были первыя фразы, онъ замѣтилъ:

— Развѣ не все равно?

— C'est ridicule!

Но тотчасъ же сестра какъ-бы спохватилась, ласковѣе оглядѣвъ фигуру брата, придвинулась къ нему и даже положила свою крупную и рыхлую руку на его колѣно.

— Ecoute,—закладала она словами,—si nous allions dans le grand jardin... Здѣсь жарко... Тамъ мы походимъ и поболтаемъ... Я должна ходить по утрамъ.

Онъ молча согласился и, вставая, бросилъ взглядъ на окно спальни. Солнце уже совсѣмъ припекало дворъ, обставленный постройками, поднимавшимися вчера ночью въ видѣ темныхъ безформенныхъ массъ. Только штукатуренныя конюшни смотрѣли еще поваряднѣе; все же остальное: сарай, ледники, кухня, сушильня, людская, контора—доживало свой вѣкъ.

И братъ, и сестра остановились въ тѣни ледника, въ пяти шагахъ отъ калитки въ садъ.

— Шелониха падаетъ!—тихо выговорилъ братъ, какъ бы про себя.

— Tout-va à vau-l'eau, — подхватила дѣвушка... — Tu sais,

c'est le dicton de notre père... Нечего особенно жалѣть. — C'est une campagne bête... Жить здѣсь нельзя и поддерживать... нѣ на что, — прибавила она, оттанувъ книзу и вбогъ нижнюю губу... Viens!

Она отворила калитку и высоко подняла пеньюаръ, когда шагнула черезъ низкій порогъ ея. Онъ шелъ за нею медленно, съ озабоченнымъ, нѣсколько выжидающимъ лицомъ. У входа въ садъ, на задахъ одной изъ аллеѣ четырехугольника, — заборъ, направо и налѣво, поросъ густой и разнообразной травой. Сестра вошла уже въ аллею съ влажной убитой землей и благоуханіемъ липъ; а братъ остановился около одного куста, внимательно всмотрѣлся въ какой-то стебелекъ съ маленькими цвѣточками и выдернулъ его съ корнемъ, не безъ усилія. Онъ еще нѣсколько секундъ разглядывалъ узлы стебля и лепестки цвѣтковь, потомъ — отряхнулъ корешки и бережно взялъ растеніе въ лѣвую руку.

— Grégoire! Viens donc! — раздалось изъ аллеи.

— Иду, иду! — откликнулся онъ веселѣе.

VIII.

Разговоръ не пошелъ сразу живой болтовней, съ безпрестанными вопросами, какъ это бываетъ между своими, послѣ долгой разлуки. Чувствовалось, что оба или сдерживаютъ себя, или не испытываютъ настоящей потребности въ душевной бесѣдѣ. И, въ то же время, въ глазахъ и у нея, и у него, мелькала тревога: точно каждый имѣлъ на душѣ одинъ только вопросъ и подбирался къ нему осторожно, выжидая подходящей минуты.

Она стала говорить по-русски, чтобы вызвать въ братѣ болшую сообщительность: — онъ не любилъ «сословнаго» (по его выраженію) семейнаго языка. Безъ отдѣльныхъ французскихъ фразъ и возгласовъ, конечно, не обошлось; но они машинально вылетали у нея, несмотря на желаніе вести рѣчь по-русски.

— Тебя, Grégoire, и не получишь во весь день, — начала она, раскачиваясь на ходу и по-мужски опираясь на свой зонтикъ, — хоть теперь побудемъ вмѣстѣ. Скажи: ты все такой же taciturne... какъ и прежде; по крайней мѣрѣ со мной? Видишь-ли, вотъ ты сейчасъ сказалъ: — Шелониха падаетъ!.. Право, какой ты до сихъ поръ наивный... Avec le train que menait...

— Кто? — сухо и твердо остановилъ ее братъ.

— Кто? Отецъ... Je sais que ce n'est pas maman... Но,

право, это скучно повторять все одно и то же... D'abord notre règne... Онъ ужъ такъ теперь притихъ... Поѣхалъ служить Богъ знаетъ куда... Что же можно отъ него больше требовать?.. Онъ прожилъ свое... mettons... часть состоянія маман... Но не все, loin de là... Я рассуждаю, ты знаешь, по-своему, je suis positiviste à ma façon... Всѣмъ достанетъ... У Пьера и Володи будетъ дорога... такая же, какъ и у тебя была.

— О моей дорогѣ зачѣмъ же, — остановилъ онъ опять, но мягче.

— Ah! mon Dieu!.. Я совсѣмъ не задѣваю тебя!.. Ты—философъ... И прекрасно. Ты могъ бы быть теперь premier secrétaire de légation ou même d'ambassade, это твое дѣло... Я всегда говорила: à chacun sa liberté... Ты видишь, что я совсѣмъ не такая réactionnaire, какъ ты, кажется, вообразилъ себя.

И она засмѣялась опять тѣмъ же хриповатымъ, рѣзкимъ смѣхомъ.

— Оставимъ это!—замѣтилъ братъ, разсѣянно глядя въ сторону.

— Je le veux bien! Я, ты знаешь, не привыкла проповѣдывать мораль... C'est si bête. Каждый живетъ для себя... Отчего выходить неприятности, comment dirai-je, натянутыя отношенія, отчего? Все отъ того же!.. Manque de tolérance! Я это вижу теперь... Мы съ маманъ никогда, правда, не ссорились; но очень часто проходили цѣлые мѣсяцы, когда было что-то тяжелое...

— А теперь?—съ большимъ интересомъ спросилъ братъ.

— Я гораздо довольнѣе ею.

— Довольнѣе?

— Pardon... ты любишь говорить по-русски... Moi, je n'ai pas l'habitude... какъ же сказать: je suis plus contente?

— Конечно.

— Да!.. я довольнѣе... Маманъ не будируетъ меня, говорить со мной проще, elle partage souvent mes idées!.. Да и сама она измѣнилась... къ лучшему.

— Въ чемъ-же?

— Неужели ты вчера еще вечеромъ не замѣтилъ? Она гораздо живѣе, веселѣе... у ней нѣтъ этого... c'est air... ну, да ты знаешь, про что я говорю... Съ ней гораздо покойнѣе... Но за что я ей благодарна... это за мальчиковъ.

— Какихъ мальчиковъ?

— Братъевъ... Нѣтъ ничего несноснѣе такихъ mioches... Прежде она бы ихъ не пустила гостить къ Ковлищевымъ.

— Я бы не пустил и теперь,—замѣтилъ братъ, слегка наклонивъ голову.

— Et pourquoi pas?

— Объ этомъ что же распространяться.

— Вотъ ты всегда такъ, Grégoire... скажешь comme le père infallible, я тебя исправлять не желаю; но согласись, что...

— Въ чемъ же еще такъ измѣнилась маман? Въ привычкахъ, что ли? Какъ она проводитъ день?...

Три вопроса, одинъ за другимъ, произнесены были съ возрастающимъ оживленіемъ; оно не укрилось отъ собесѣдницы.

— Маман, какъ ты видишь, встаетъ не раньше десятого, одѣвается... Ah! par exemple, ce n'est pas comme par le passé.

— Что?—уже совсѣмъ почти тревожно спросилъ братъ.

— Прежде она одѣвалась presque toujours de la même manière... и очень скоро... ты это знаешь еще лучше меня; а теперь туалетъ беретъ у ней больше часа... въ одиннадцать она выходитъ завтракать съ нами.

— Съ тобой... и съ этимъ... Качковымъ?

— Да, я и Поль—en toilettes... Un vrai lunch anglais...

— Качковъ,—началь-было братъ, но внезапно стихъ.

— Зачѣмъ ты его такъ зовешь?... Онъ просто Поль... Il fait le personnage important; но кто же на это обращаетъ вниманіе?

Она сдѣлала гримасу и надѣла темноватый pince-nez, до тѣхъ поръ болтавшійся у нея на груди.

— Ты говоришь, что онъ задаетъ тонъ?—началь братъ, и легкая краска выступила на его худыхъ, бѣлыхъ щекахъ.

Сестра прищурилась за стеклами своего pince-nez и тотчасъ же раскрыла глаза. Глаза эти говорили: «погоди, сначала я свое узнаю, а потомъ и ты кое-что получишь».

— Сядемъ сюда,—пригласила она на дерновыи диванъ.

Они сѣли.

IX.

— Тебя не можетъ особенно интересовать этотъ мальчикъ,— замѣтила сестра какъ-бы вскользь, опираясь на большой круглый набалдашникъ своего зонтика. Ce n'est pas ton homme... Но ты вѣдь не долго будешь скучать.

Она остановилась и провела по верхней губѣ кончикомъ языка.

Братъ вопросительно взглянулъ нее.

— Monsieur Oreste viendra te tenir compagnie...

Фраза была выговорена очень мягко и просто; но врядъ-ли братъ поддался очень этой мягкости и простотѣ.

— Да, Гильзень будетъ... писалъ.

— Отчего ты, Grégoire, такъ сухо его называешь: Гильзень?.. Почему же не Орестъ? Вѣдь вы—товарищи, друзья... Si c'est Hilsen, pourquoi pas von der Hilsen...

— Если тебѣ угодно, — лѣниво отвѣтилъ братъ, — то ванъ-дери-Гильзень:—«фономъ» онъ никогда не бывалъ.

— Вотъ, ты станешь теперь доказывать, что онъ не дворянинъ? Какъ же онъ могъ учиться съ тобой вмѣстѣ?

— Онъ сынъ тайнаго совѣтника; но онъ ванъ-дери-Гильзень—внукъ или правнукъ, ужъ не знаю, голландскаго сигарнаго фабриканта; а не «фонъ»... вотъ и всё.

Его лѣвая рука поднесла къ глазамъ вырванное имъ у забора растеніе. Сестра громко перевела духъ. Ея щеки пошли пятнами.

— Ça revient au même!—кинула она, сдержавъ себя большимъ усиліемъ воли,—«фонъ» или «ванъ»...

— Конечно, только на карточкахъ не слѣдовало бы ставить «фонъ».

— А ты видѣлъ?

— Видѣлъ.

Пятна начали рѣзко обозначаться на щекахъ дѣвушки.

— Я удивляюсь, Гриша, какъ ты съ такой мелочностью придираешься къ твоимъ первымъ друзьямъ... Pourquoi cet esprit de dénigrement?.. Право, ты останешься совсѣмъ одинъ... Ужъ и теперь... Tu es si mal vu...

Братъ остановилъ ее взглядомъ. Губы его слегка сжались. Возражать онъ сталъ послѣ небольшой паузы.

— Напрасно, Лидія, ты занимаешься мной. Оставь меня въ покоѣ. Я ужъ много разъ и говорилъ, и писалъ тебѣ это. Было время, когда мы могли бы сойтись. Ты знаешь остальное. Я одного сорта человекъ — ты другого. Моя терпимость вотъ въ чемъ состоитъ: не упрекать другихъ.

— А это не упрекъ... вотъ то, что ты сейчасъ сказалъ на счетъ карточки?

— Нѣтъ, это не упрекъ... я вслухъ пожалѣлъ... а впрочемъ и это—лишнее...

Дѣвушка повела плечами... Pince-nez слетѣло съ ея носа. Она пододвинулась къ брату и опять, какъ на скамейкѣ въ цѣтникѣ, положила руку на его колѣно.

— Ne nous chamaillons pas!—весело сказала она съ игрой

въ большихъ сѣрыхъ глазахъ, — стараго я никогда не вспоминаю... Если я замѣтила тебѣ, то вотъ почему: только пожалуйста, Grégoire, имѣй ко мнѣ больше довѣрія... Ты много такъ требуешь отъ другихъ... Tu es à cheval sur certains principes... Вдругъ я слышу, что ты о своемъ другѣ говоришь въ такомъ тонѣ... Развѣ я не имѣю права узнать: почему этотъ тонъ? Что твой другъ сдѣлалъ? Ты не можешь такъ... dénigrer le monde... ты скажешь мнѣ: вотъ почему я говорю о немъ такимъ тономъ.

И она прибавила, помолчавъ:

— Ce n'est pas la vanité ou la curiosité qui parlent en moi.

Послѣ чего немного опустила довольно красивыя, густыя рѣсницы.

Не тотчасъ отвѣтилъ ей братъ и на этотъ разъ.

— Гильзентъ, — какъ бы нехотя выговаривалъ онъ, — совсѣмъ не тотъ, что прежде. Онъ мой товарищъ; но другомъ я... не могу его назвать.

Съ особеннымъ трудомъ выговоря послѣднюю фразу, онъ всталъ и оперся на свой зонтикъ.

— Это очень... vague! — вскричала сестра, и тоже поднялась.

— Больше я не стану говорить... на эту тему... Я не сказалъ, что Гильзентъ то-и-то: я сказалъ только, что дружбы между нами теперь (и онъ напѣръ на это слово: *теперь*) ужъ больше нѣтъ.

Дѣвица полуигриво, но совсѣмъ не съ веселымъ лицомъ, погрозила пальцемъ и пододвинулась къ брату.

— Ah, Grégoire!, — вздохнула она громко и выправила всѣмъ корпусомъ, — у тебя такой видъ... On dirait un petit Jésus... но ты... съ душкомъ!.. Toujours et en tout, tu fais à ta tête.

Онъ даже не улыбнулся и сталъ въ нерѣшительности: идти ему вверхъ или внизъ по аллеѣ.

— Encore un tour! — пригласила она и просунула ему руку такимъ движеніемъ, какимъ маски ловятъ кавалеровъ.

X.

Они пошли подъ руку внизъ по аллеѣ. Братъ былъ вершка на два выше ея; но она съ своей широкой фигурой казалась одного съ нимъ роста.

— Ecoute, Grégoire, — заговорила она тѣмъ тономъ, какой она считала «задушевымъ», — ты можешь имѣть свои взгляды... бросать твоихъ друзей... какъ тебѣ угодно, но нельзя же все

дѣлать à sa tête... Monsieur Oreste n'est pas le premier venu... согласишься самъ?

— Очень способный.

— C'est un homme fait!.. Это не мальчишъ, не Поль Качковъ... да и по лѣтамъ... онъ вѣдь на цѣлый годъ старше тебя... Онъ собирается сюда почти какъ свой... Онъ твой товарищъ, наконецъ... мы съ нимъ настолько сошлись, qu'il m'intéresse sérieusement.

— Развѣ я помѣха? — мягко, но съ удивленіемъ спросилъ братъ.

— Tu dis: помѣха... Я не знаю, что ты этимъ хочешь сказать... Autrefois... ты имѣлъ большое вліяніе на маман...

Рука брата слегка дрогнула.

— Но еслибъ и теперь она тебя во всемъ слушалась... Qu'est ce que cela me fait? Je suis majeure.. Отецъ знаетъ, что я не способна на какой-нибудь coup de tête... Онъ мнѣ очень довѣряетъ, ты это долженъ знать.

Тутъ губы ея нѣсколько выпятились.

— Разумѣется, еслибъ не маман—avec ses idées, я бы...

— Ты бы давно сдѣлала партію?—подсказалъ братъ, точно про себя и не глядя на нее.

— Oh, que oui!.. Но я совсѣмъ не то хотѣла сказать... Повторяю: je suis majeure., но согласишься самъ, Grégoire, это будетъ очень неловко... придетъ monsieur Hülsen и вдругъ ты станешь держать себя... d'une certaine façon... Нельзя же всегда думать только о себѣ.

— Ты боишься за меня?—съ искреннимъ удивленіемъ спросилъ братъ.

— Кто же тебя знаетъ?.. Дай мнѣ, по крайней мѣрѣ, слово, что ты не будешь... enfin que tu ne froisseras pas l'amour-propre de monsieur Oreste.

— Будь покойна, я совсѣмъ ступаюсь...

— И этого не нужно!..

— Ничему не помѣшаю, Люлю, ничему... И Гильзенъ простится со мной, какъ съ товарищемъ.

— Merci... Я тебѣ вѣрю... но вѣдь ты не всегда можешь отвѣчать за себя... Tu es une de ces natures...

Рѣзко перемѣнивъ тонъ, она шутливо добавила, опираясь на руку брата:

— Вотъ и изъ-за этого Поля... нечего, по-моему, волноваться.

— Зачѣмъ ты мнѣ это говоришь?—тревожно и почти строго спросилъ братъ.

— Je te mets sur tes gardes...

— Но почему же?—уже съ краской на щекахъ, перебилъ онъ.

— Mais par conséquent... Въдь ты и вчера долженъ былъ замѣтить, что маман ужасно имъ... увлечена.

— Какъ ты выражаешься, Лидія!..

— Какъ умѣю, Grégoire... Но чтó же тутъ удивительнаго? Ты всегда былъ первый другъ маман... Не правда ли, она никогда не могла жить безъ какого-нибудь engouement? То музыка, то литература, то écoles professionnelles, то Италия, то швейцарскіе asiles... que sais-je?.. А теперь это тоже engouement... sous forme d'un mioche...

Пока сестра говорила, лицо брата блѣднѣло и дѣлалось, если не угрюмымъ (такое выраженіе не складывалось у него), то почти страдающимъ.

— И онъ позволяетъ себѣ?..

— Онъ не кончилъ вопроса, не сталъ даже подыскивать выраженія, а только нервно замигалъ такими же длинными, какъ у сестры, рѣсницами.

— Со мной—ничего, конечно... но такъ... въ домѣ... да ты увидишь сегодня... Маман увлечена и его талантами... У него есть голосъ en herbe, и онъ даже сочиняетъ... il compose... Да, въдь, ты долженъ знать всѣ его facultés... одно время, помнишь, здѣсь же, въ Шелонихѣ, ты съ нимъ все занимался.

— Да, я занялся; но увидалъ, что...

— Grégoire... voilà que tu commences à faire le diplomate... Скажи просто: ты нашелъ, что онъ—не стóитъ твоего интереса... Et tu as bien fait. Только, пожалуйста, не огорчайся, что въ сердцѣ маман quelqu'un t'a supplanté... à demi je l'espère... Ты, пожалуй, tout philosophe que tu es, способенъ en faire une question... Выйдетъ что-нибудь... quelque chose de très bête. Ты-то уѣдешь, какъ это всегда бываетъ; et c'est nous qui payerons les pots cassés... Ахъ!.. какъ я съ тобой заболталась... Пора, пора домой! Viens-tu?

— Нѣтъ, я останусь еще здѣсь,—глухо промолвилъ братъ.

— Je me sauve!.. Прощай, и merci!..

Поднявши пеньюаръ обѣими руками, дѣвушка спѣшно пошла въ калиткѣ.

XI.

Братъ опять опустился на дерновый диванъ. Фразы сестры, ея голосъ, все еще звучали въ ушахъ его.

Она пришла предупредить. Ей нужно было заручиться его словомъ насчетъ того, кто входилъ въ ея «серьезные виды». Но этого мало: она сочла нужнымъ и его успокоить, предупредивъ и по другому пункту.

Это успокоеніе и волнуетъ его невысимо. Для Люлю все просто, понятно, въ порядкѣ вещей; а въ его душѣ все взбудоражено, все пошло вверхъ дномъ.

Почему же такъ?

Онъ сталъ на это отвѣчать долгой думой, перебирая все свое прошлое съ той поры, когда здѣсь, въ Шелонихѣ, онъ впервые страстно привязался къ своей матери. Оттого и эта усадьба была ему всегда такъ мила, что она напоминала имя его матери, ея дѣвичье имя. Княжна Вѣра Юрьевна Шелонина родилась тутъ, въ этой самой усадьбѣ и, выйдя замужъ за Дмитрія Алексѣевича Рыкалова, передала ему, какъ послѣдняя въ родѣ, и свой княжескій титулъ. Здѣсь и онъ, Гриша, родился. Здѣсь онъ своимъ дѣтскимъ разумомъ началъ понимать, что такое отецъ его, и что такое мать, и съ каждымъ годомъ становился замкнутѣе, сосредоточеннѣе въ любви къ той, кого онъ, по сіе время—когда ему уже двадцать-шесть лѣтъ—зоветъ «мáмой». Съ дѣтскихъ лѣтъ ничто ему не нравилось въ окружающемъ; почти все заставляло его дѣтскую душу страдать—только въ матери и находилъ онъ свое пристанище, свой идеалъ, друга и наставника. Но этотъ другъ не всегда могъ дѣйствовать по-своему. Мать слишкомъ часто играла подчиненную роль. Противъ ея воли Гриша мальчикомъ зажилъ за-границей. Надо было его отдать въ заведеніе. Гриша и самъ этого хотѣлъ, точно сознавая, что иначе онъ слишкомъ уйдетъ въ себя. Вотъ онъ — въ *collège S-te Barbe*, сначала приходящимъ, а потомъ и *interne'омъ*, когда мать должна была оставить Парижъ, изъ-за отца. Какъ теперь помнить онъ себя худенькимъ *барбистомъ*, въ курточкѣ съ отворотами, въ формѣ, извѣстной всему Парижу. Въ коллежѣ его сначала травилъ, называли «*cosaque*» и «*mangeur de chandelles*», а потомъ какъ-то разомъ притихли, увидавъ, что такого мальчика, да еще иностранца допекать не годится. Когда онъ обжился, всѣ—и маленькіе и большіе—не зная даже, какъ его фамилія—стали называть «*Griche*». Такъ они и теперь зовутъ его, сталя-

ваясь, во время его поѣздовъ во Францію. Гришѣ противно было зубренье; но онъ ладилъ съ *монами* и за шалости *penesit* овъ никогда не получалъ. Его объѣдали и выпрашивали у него все, что только можно было. Въ рефектуарѣ одноклассники его нарочно начинали говорить всякія гадости, возбуждающія тошноту, зная что нервный «Griche» уступить имъ свою порцію. Онъ участвовалъ въ играхъ, охотно ходилъ гулять; но любилъ уединеніе. Не по угрюмости или врожденному нелюбимству любилъ онъ его, а потому что съ нимъ не было его добраго друга. Ни съ кѣмъ изъ товарищей, даже и старше возрастомъ, не могъ онъ бесѣдовать по душѣ, никто его такъ не понималъ. Съ этимъ убѣжденіемъ онъ выросъ и пробылъ до настоящей минуты. Когда его оставили одного въ Парижѣ, онъ жилъ весь въ своихъ письмахъ къ матери. Отъ нея у него не было ни одного сокровеннаго помысла, желанія, укоровъ отроческой совѣсти. Въ коллегѣ онъ былъ одинъ—русскій, и одинъ носилъ княжескій титулъ. Хотя его и звали всѣ «Griche», многіе знали однакожъ, что онъ «prince russe», и на первыхъ порахъ задиры-мальчишки, то-и-дѣло становясь въ позицію, театрално раскланивались съ нимъ, восклицая—monseigneur!

Эти шутки не отличались никакимъ особымъ злорадствомъ; но Гришу сталъ тяготить его титулъ. Ему хотѣлось совсѣмъ ступеваться въ массѣ товарищей, чего онъ и достигъ очень скоро. Если въ коллегѣ и замѣтно было нѣкоторое франтовство, то сословный духъ трудно было учуять: и маленькій виконтикъ, и сынъ лавочника сидѣли на лавкѣ рядомъ и преисправно дрались въ рекреацію. Гришѣ стало вскорѣ очень легко именно оттого, что онъ затерялся въ массѣ, что онъ для всѣхъ «Griche», и ничего больше. А этотъ необъятный, полный памятникоевъ и воспомина- ній Парижъ началъ, въ свой чередъ, дѣйствовать на него точно какая громадная книга, гдѣ на каждой страницѣ открывается новый плодъ знанія... Все, что отрокъ читалъ, хотѣлъ онъ видѣть и ощутить. На прогулкахъ онъ то-и-дѣло обращался къ пьону съ вопросами, и въ два года зналъ исторію Парижа, какъ ни одинъ изъ его товарищей-французовъ. Въ груди его, уже въ это время, начинало дрожать чувство, возбуждаемое созерца- ніемъ великихъ судебъ человѣчества, еще не продуманное, но уже живое и страстное. Гриша четырнадцати лѣтъ повѣрилъ матери свое желаніе: лучше не покидать коллегѣ до тѣхъ поръ пока онъ, выдержавъ испытаніе на бакалавра, не будетъ въ со- стояніи поступить въ русскій университетъ. И она поняла его, но не сдумѣла отстоять отъ отцовской идеи. Его отдали туда, от

куда, по выраженію его отца, «вышли, entends-tu-bien, Grégoire, не только великій русскій поэтъ, но и самъ князь *Алексій Михайловичъ!*»

ХІІ.

Потужили они съ матерью. Она ему шепнула: «courage, mon enfant!.. всего года три-четыре; а тамъ ты уже на своей волѣ». Онъ сдержалъ недовольство, и свѣше мѣры утѣшенъ былъ тѣмъ, что не разстанется больше съ матерью. Но и этого не сбылось. Отецъ и въ Петербургѣ, и за-границей проигрывался въ пухъ и прахъ и заставлялъ мать ѣздить по деревнямъ, жить тамъ съ маленькими дѣтьми для экономіи и наблюдать за правѣльной высылкой ему денегъ. Въ знаменитомъ сословномъ «заведеніи», онъ явился «французикомъ». Такъ его прозвали товарищи, игравшіе въ его классѣ роль «козлищъ». Къ нимъ-то онъ присталъ, а съ высокоприличными, особливо титулованными юношами, не иначе говорящими между собой какъ по-французски и на «вы» — онъ прервалъ почти всякія сношенія. Духъ, незнаемый дотолѣ въ заведеніи — увеличилъ цифры козлищъ до почтенныхъ размѣровъ. Они ужасно одѣвались, совсѣмъ почти не причесывались, говорили громко и исключительно по-русски, въ классы ходили мало, на заведеніе смотрѣли, какъ на чистилище, откуда имъ слѣдуетъ поскорѣе удалиться. И многіе, не дождавшись окончанія курса, шли въ университетъ. Гришу, черезъ полгода, они уже перестали звать «французикомъ». Онъ отличался отъ нихъ внѣшнимъ видомъ, опрятностью, манерами, тономъ, выговоромъ; но онъ былъ ихъ человѣкъ. И мать знала это, и опять-таки поняла, что въ немъ говорить и куда вѣдетъ его натура и душевныя стремленія. Ея пониманіе и поддержка сдѣлались для него, и въ этотъ возрастъ, дороже сочувствія всѣхъ строптивыхъ и плохо умытыхъ товарищей. Классы считалъ онъ, кромѣ нѣкоторыхъ лекцій, пустой формальностью и все свое время проводилъ въ лабораторіи, въ кабинетахъ, въ саду, гдѣ уже никто ни изъ «овецъ», ни изъ «козлищъ» не читалъ ни «Цицерона», ни «Апулея» — какъ когда-то, въ первой четверти вѣка.

Протянулись четыре года неволи въ заведеніи. Гриша, не взирая на свое «возмутительное» отношеніе къ класснымъ порядкамъ, получилъ медаль и право на IX-й классъ. Но только-что они съ матерью хотѣли осуществить свою мечту объ университетѣ, налегѣлъ отецъ и вмнѣ пристроилъ сына къ «иностранной коллегіи», какъ онъ еще выражался, держась дворянской

традиціи. Гриша не возмущался потому только, что придумалъ, съ согласія матери, такую комбинацію, при которой университетъ никакъ не уйдетъ отъ него. Онъ смиренно отправился, въ званіи *attaché*, безъ жалованья, въ одну изъ мелкихъ прирейнскихъ столицъ, съ твердымъ намѣреніемъ сидѣть въ Гейдельбергѣ и тамъ исправлять свои дипломатическія обязанности. Такъ онъ и сдѣлалъ. Мать наѣзжала къ нему по лѣтамъ; отецъ выходилъ изъ себя, получая жалобы свыше на то, что его сынъ ведетъ себя «*d'une façon inouïe*», сидитъ «*dans ce bouge de Heidelberg*», ни на какіе выходы и торжества не является, и камеръ-юнкерства ему не видать, какъ своихъ ушей! До двадцати-одного года Гриша отмалчивался; но съ наступленіемъ совершеннолѣтія оставилъ номинальную службу и почти прервалъ переписку съ отцомъ, которому, въ сущности, было—все равно. Въ это время князь Рыкаловъ-Шеловинъ, достигнувъ генеральскаго чина, бился только изъ того, чтобы его, за слишкомъ ужъ скандальные нравы, не попросили выдти въ отставку, и чтобы жена его не отказывала ему въ доходѣ съ ея приданыхъ имѣній: свое онъ давно проигралъ и прожилъ на женщинѣ.

Пролетѣло и еще пять лѣтъ. Гриша побывалъ во всѣхъ центрахъ точной науки и крупной соціальной жизни. Онъ — уже и нѣмецкій докторъ философіи, и русскій магистръ. Восемь лѣтъ труда и живыхъ наблюденій дали все, что можно было извлечь изъ нихъ при доброй волѣ и горячемъ стремленіи. Въ это время его дорогой другъ — мать — тратила силы на злосчастное супружество, на сохраненіе какихъ-нибудь средствъ дѣтямъ, на ихъ воспитаніе, на безпрестанныя поѣздки и хлопоты. Когда Гриша увидалъ совсѣмъ уже ясно, куда безпутство отца ведетъ семью — а увидалъ онъ это вскорѣ по выходѣ изъ заведенія — онъ объявилъ матери, что ему *не слѣдуетъ* пользоваться отъ нея содержаніемъ, и готовъ былъ сейчасъ же начать зарабатывать свой кусокъ хлѣба. Мать не допустила до этого, и на ея доводы онъ не могъ не поддаться.

— Моего состоянія, — сказала она ему, — отецъ твой до тла не проживетъ — у меня достанетъ характера удержатъ, что только можно. Ты — мой сынъ. Тебѣ нужно учиться — это твое призваніе. А кто учится — тому некогда быть поденщикомъ.

Но вотъ теперь онъ покончилъ ученіе. Пора не только выступать съ запасомъ знанія, но и жевать свой кусокъ хлѣба. Съ этимъ радостнымъ предчувствіемъ труда и дѣла ѣхалъ онъ вчера Шелониху — и одинъ вечеръ, одна ночь, одно утро точно постоѣлъ.

но не

мutilи все его прошлое, точно отняли у него ту, кто шель съ нимъ, рука объ руку, по долгому пути самосовершенствованія...

ХІІІ.

Хорошо его сестрѣ, этой бойкой и «позитивной» Люлю, под-
сигиваться надъ его дружбой съ матерью!.. Развѣ она знала
когда-нибудь, чѣмъ мать была для него, на протяженіи всей его
сознательной жизни? Не то только сдѣлалось ему дорого, что въ
матери видѣлъ онъ вѣрнаго друга, нѣжно отеликавагоса на
каждый его помыселъ и каждое чувство. Нѣтъ! не это одно.
Она стала для него оплотомъ отъ того житейскаго скептицизма,
который заразилъ почти всѣхъ его сверстниковъ. Бывало, въ за-
веденіи, или въ Гейдельбергѣ, въ кружкѣ молодыхъ русскихъ, или
въ Парижѣ, у бывшихъ товарищей по S-te Barbe—сколько разъ
заходила рѣчь «о женщинахъ вообще» — и сыпались со всѣхъ
сторонъ несмѣтныя доказательства ихъ легкомыслія, вздорности,
злости, невѣжества—и главнѣе всего, ихъ легкихъ нравовъ, ихъ
неустойчивости подъ давленіемъ чего бы то ни было: бѣды, ни-
щеты, тщеславія, разыгравшейся фантазіи, озлобленія, зависти, рев-
ности... Ни одинъ изъ его сверстниковъ не вѣрилъ въ абсолют-
ную чистоту и прямоту женщинъ, и когда кто-нибудь, бывало,
воскликнетъ театрално: «а наши матери!» — ему не дадутъ
воспользоваться этимъ возгласомъ; ему сейчасъ закричатъ, что
матери—въ расчетъ нейдутъ, что взгляды на нихъ подкуплены
символической привычкой. Да и говоря это, каждый, молча, какъ-бы
хочетъ дать замѣтить, что только внѣшняя порядочность не по-
зволяетъ ему и мать подвести подъ тотъ же скептический взглядъ.
Гриша, присутствовавшій при этихъ разговорахъ, не участвовалъ
въ нихъ. Онъ не могъ спорить противъ фактовъ, случаевъ, по-
дробностей, онъ сумѣлъ бы сказать одно только:

— Быть можетъ, всѣ женщины—таковы; я не знаю; всѣ—
только не мать моя!

Но онъ хранилъ молчаніе. Его, среди такихъ разговоровъ,
заволавало особое сладкое чувство: онъ точно хоронилъ какой
кладъ и не хотѣлъ имъ дѣлиться, не хотѣлъ и показывать, что
у него есть такой кладъ. Да ему и не снести бы удара, еслибы
каждый изъ скептиковъ-товарищей, не то что словомъ, а одной
попыткой возразилъ ему:

— Ты насъ не свернешь съ нашего житейскаго опыта при-

мѣромъ твоей матери, и вѣрить тебѣ, какъ сыну, мы вовсе не обязаны.

Возмужалъ онъ, сталъ человѣкомъ вполне взрослымъ, и, не взирая на свое личное цѣломудріе, все-таки ~~на~~смотрѣлся на то, что творится во всѣхъ углахъ и слояхъ общества. Не одни романы говорили ему про реальную правду. Скептики-товарищи торжествовали слишкомъ дешевой цѣной въ своихъ выводахъ. Но ему довольно было признанія, что его мать—не то, что другія, и никакія испытанія не заставятъ ее замарать себя.

Безъ всякаго ригоризма смотрѣлъ онъ на нее въ послѣдніе два-три года. Онъ, болѣе чѣмъ кто-либо, простилъ бы ей всякое «паденіе» уже за одно то, что ей привелось перенести съ перваго года замужства. Мужъ ея оказался пустымъ фразѣромъ, а потомъ и просто игрушкой своихъ гаденькихъ инстинктовъ. Если она не бросила его, то потому только, что въ ней мать преобладала надъ всѣмъ. Внести такой раздоръ въ семью, она никогда не хотѣла—даже въ минуты полнѣйшаго отвращенія къ своему мужу. Кто же бы могъ бросить въ нее камень? Но камень бросать было не за что. И каждый годъ, сынъ, пріѣзжая на свиданіе съ нею, съ особымъ благоговѣніемъ повторялъ:

— Ничто, ничто не сокрушитъ ее!

Уже не одно себялюбивое чувство клада и сокровища наполняло его, какъ прежде, нѣтъ! Эта кроткая, изящная, чуткая женщина, послѣ цѣлой жизни, потраченной на пошлый бракъ, полный униженій всякаго рода, сдѣлалась для него живымъ доказательствомъ того, что скептики-товарищи далеко не правы...

— Неправда!—могъ онъ во всякій часъ крикнуть имъ:—что бы вы ни говорили—есть женщины, предъ которыми вы всѣ должны пасть на колѣни, и не потому только, что онѣ наши матери, а потому, что нельзя быть на землѣ чище и честнѣе.

Пускай его энтузіазмъ показался бы смѣшнымъ—онъ не боялся этого. Его вѣра была въ глазахъ его—сама правда. Другихъ женщинъ онъ почти не зналъ; но зачѣмъ ему было погружаться въ ихъ грязь, когда та же дѣйствительность казала ему живой идеаль?

Вотъ съ чѣмъ онъ ѣхалъ вчера въ Шелонику; а теперь фразы сестры гложутъ его; въ себѣ самомъ, тамъ, въ глубинѣ душевной, онъ не находитъ прежняго вѣрованія—путеводной нити всей его жизни. Ему хочется поскорѣе дотронуться до какой-то кровавой раны—и боится онъ двинуться съ мѣста, боится идти на этотъ завтракъ, гдѣ его ждутъ... не такъ, какъ прежде!..

XIV.

Въ столовой, выходявшей окнами на дворъ,—продолговатой комнатѣ съ новенькими обоями и желтыми соломенными стульями—моды сороковыхъ годовъ—завтракъ былъ уже давно поданъ, когда молодой Шелонинъ вошелъ въ нее. За овальнымъ столомъ, прямо противъ двери, сидѣла худощавая, блѣдная женщина, съ длинными, удлинненными чертами красиваго лица. На видъ ей не казалось больше тридцати-шести-восьми лѣтъ.

— Гдѣ ты пропадалъ, Grégoire?—кротко спросила она сына и обратила къ нему большіе каріе глаза, совершенно такой же формы, какъ и у него.

Онъ, ничего не отвѣчая, сѣлъ на мѣсто, противъ нея. Ему почти же сдѣлалось жутко—оттого, вѣроятно, что онъ принужденъ былъ такъ сухо поздороваться съ матерью. Подойти къ ней и поцѣловать ее, какъ прежде, было неловко; присутствіе сестры, и въ особенности ея визави—стѣсняло его. Онъ сдѣлалъ общій поклонъ, но глаза его, прежде всего, остановились на матери и стали разглядывать не только выраженіе ея лица, но и каждую подробность туалета. Въ лицѣ (такъ по крайней мѣрѣ казалось ему) было, кромѣ обычной кротости, еще какое-то, не сразу уловимое, выраженіе. Туалетъ не бросался ничѣмъ особенно въ глаза. Никто бы не нашелъ, что княгиня Вѣра Юрьевна молодилась не по лѣтамъ: синее кретоновое платье съ бѣлымъ шпильемъ, легкій чепчикъ съ васильками—вотъ какъ она была одѣта. Но что-то подсказало сыну, что такъ обдуманно мать его не была бы одѣта годъ тому назадъ, хотя изыщество никогда не покидало ее.

— Князь, здравствуйте, — окликнулъ его справа звонкій, очень молодой голосъ.

Онъ немедленно повернулъ голову и беззвучно отвѣтилъ:

— Здравствуйте, Качковъ.

Поль Качковъ сидѣлъ наотлѣтъ, закинувъ лѣвую руку за спину стула, а правой тыкалъ вилку въ тарелку грибовъ. Лицо его, при большой подвижности, сохраняло все одну и ту же усмѣшку крупнаго рта съ толстыми губами, и свѣтлосѣрые глаза улыбались въ то же время, какъ-бы говоря: «вы, пожалуйста, держите ухо востро—я бѣдовый». Остальное въ наружности принадлежало къ типу, который старинные люди зовутъ «красивникомъ». Носъ съ горбинкой, густыя брови, цвѣтъ лица, призыва русыхъ волосъ, бѣлый лобъ, свѣжая полная шея и двѣ

ямочки на щекахъ—все это Поль Качковъ точно предоставлялъ обглядывать каждому, сколько душѣ угодно. Но ему безпрестанно хотѣлось сдерживать свою усмѣшку и давать лицу полузабоченный, строгій видъ. Тогда онъ ввѣдывалъ прямо монокль въ правый глазъ и морщилъ правую бровь. Шоколатно-желтоватый полный костюмъ съ цвѣтнымъ фуляровымъ галстукомъ и цвѣтной же рубашкой дополнялъ обликъ этого юноши.

Противъ него, старательно и держа лицо близко къ тарелкѣ, ѣла сестра Шелонина, успѣвшая уже переимѣнить туалетъ. Къ завтраку она надѣла суроваго батиста платье, съ такимъ же шитьемъ, какъ и у матери. Иной бы сказалъ, что онѣ одѣлись, если не подъ цвѣтъ, то съ уговоромъ. Не мудрено было принять ихъ скорѣе за сестеръ (съ разницей въ возрастѣ лѣтъ на десять), чѣмъ за мать и дочь.

Люлю кончила свои грибы и, обращаясь къ брату, спросила:

— Ты ботанизировалъ, Гриша? *Mange, tu auras ta part de* грибы...

— *Де грибы!*—подхватилъ Качковъ и расхохотался...—Отчего же, княжна, *де* грибы...

— Какъ отчего?—съ гримаской откликнулась княжна.

— Ну да, отчего?.. Вы это такъ сказали... Я вспомнилъ случай... Ъхали мы изъ Гельсингфорса... я и Миша Остолоповъ... знаете, ученикъ Эверарди... на той станціи, гдѣ таможня... около насъ какая-то семья... Сейчасъ видно—жиды... но палются... и гувернантка у нихъ... жиденята цѣлый звѣринецъ, и вдругъ жена кричитъ мужу на всю станцію и тычетъ пальцемъ: «*Est-ce que c'est du билѣ, или нѣтъ?*» Мы такъ и разразились. Ду билѣ... замѣйте еще: *биле*, а не *бѣле*. До самого Петербурга, я какъ задумаюсь, Остолоповъ мнѣ сейчасъ: «*du билѣ*». Мы и помираемъ!..

Качковъ опять разсмѣялся. Люлю покраснѣла. Братъ поглядѣлъ на нее съ улыбкой, въ которой сидѣлъ вопросъ:

«Объясни мнѣ, пожалуйста, такъ-то ты свысова третируешь этого *mioche*'а?»

Но, въ удивленію брата, Люлю выслушала не только *анекдотъ*, прямо задѣвающій ее, но и смѣхъ своего визави. Онъ взглянулъ на мать. Княгиня Вѣра Юрьевна не то конфузилась, не то была довольна: съ губъ ея не сходило все то же двойственное, еще неразгаданное сыномъ выраженіе.

XV.

— Я кончилъ!—объявилъ Поль, обтираясь салфеткой, съ видимымъ желаніемъ встать...—Князь, вы позволите?—небрежно кивнулъ онъ въ сторону.

— Пожалуйста,—нѣсколько чопорно отвѣтилъ Шелонинъ, принимаясь завтракать.

— Княжна, — продолжалъ Поль, уже стоя, — вы вѣдь кофе не будете пить?

— Не буду, — отвѣтила Люлю сухо, но очень сдержанно.

— Такъ пожалуйста-ка въ залу. Маленькій моціончикъ... Я квокализирую.

— Тотчасъ послѣ завтрака?

— Ничего-съ!.. Мы безъ этихъ тонкостей. Пѣвецъ долженъ всегда пѣть!.. Пожалуйста... Мерсі, княгиня!

Онъ на ходу чмокнулъ руку княгини и шумно вышелъ изъ столовой.

— Ты ему аккомпанируешь?—обратился Шелонинъ къ сестрѣ.

— Моі, ой тамап, — опять также сдержанно отозвалась Люлю.

Княгиня не совсѣмъ увѣренно взглянула на сына.

— Ты вѣдь всегда любишь пѣніе, Grégoire?—проговорила она больше тономъ успокоенія, чѣмъ вопроса.

— Онъ упражняется каждое утро?—спросилъ Шелонинъ, обращаясь опять къ сестрѣ.

— Да, — отвѣтила за Люлю княгиня, съ нѣкоторой торопливостью:—когда серьезно занимаются искусствомъ—это необходимо...

Сына не удивилъ отъѣнокъ искренней аффектаціи въ тонѣ матери. Княгиня всегда говорила такъ, но на этотъ разъ слухъ его былъ пораженъ особой какой-то сладостью.

Люлю встала, сдѣлавши губами обычную свою гримаску, сказала на ходу:

— Мерсі, тамап! и вышла изъ столовой.

Оставшись наединѣ съ матерью, Шелонинъ ощутилъ еще большую неловкость, чѣмъ при сестрѣ и Качковѣ. Онъ медленно и тяжело дышалъ. Ему непріятно было сидѣть такъ, черезъ себя отъ матери, а встать и поздороваться съ ней по-дѣтски казалось, въ первый разъ, совершенно неумѣстнымъ.

— Ты хорошо спалъ, Grégoire?—спросила княгиня послѣ маленькой паузы.

— Прекрасно, тамап.

«Мама» у него не вышло, какъ слетало съ языка еще полгода тому назадъ каждый день въ разговорахъ съ нею. Куски плохо шли ему въ ротъ. Завтракъ затягивался, вопреки его желанію; онъ искалъ слова, фразы, вопроса, съ которыхъ бы полилась задушевная бесѣда, и не находилъ ихъ. Почти то же замѣчалъ онъ и въ ней, кидая на нее быстрые и робкіе взгляды. Имъ обоимъ было одинаково неловко.

Княгиня встала и присѣла къ нему на тотъ стулъ, гдѣ завтракалъ Качковъ, и пододвинулась поближе.

— Ты пожалуйста, Гриша,—говорила она тихо и точно ожидая звуковъ изъ залы:—не лишай себя свободы для меня... Дѣлай, чтó хочешь... Мы найдемъ время для всего... Отдохни и, главное, не волнуй себя ничѣмъ, дитя мое, погляди, какой ты худой сталъ.

Слова были ласковыя, но тонъ ихъ звучалъ почти чуждо и непривѣтно для Шелонина. Онъ не рѣшался поднять голову отъ тарелки и поглядѣть матери прямо въ глаза.

Послѣ паузы, когда мальчикъ Вася, въ сѣрой ливреѣ, принесъ ему кофе и удалился, Шелонинъ сѣлъ на стулъ лицомъ къ матери и взялъ ее за руку; но не по прежнему: неуверенно и неловко.

Княгиня тихо поцѣловала его въ лобъ, а правой рукой, съ тонкими, длинными пальцами, слегка потрепала по щекѣ.

— Ты что-то нервень сегодня?—спросила она, улыбаясь ему точно капризному ребенку.

— Нѣтъ, нисколько,—отозвался онъ серьезно, я ни на что не могу пожаловаться...—Даже мои невралгіи совсѣмъ прошли теперь.

Въ эту минуту въ залѣ раздались переливы голоса. Онъ началъ вокализировать. Услыхавъ звуки, княгиня восторженно повернула голову къ двери, вся выпрямилась и стала слушать на губахъ ея забродила улыбка, неукрывшаяся отъ сына. Онъ опустилъ голову и уныло глядѣлъ въ окно черезъ столъ.

До самого конца первой вокализмы, въ которой для Шелонина не было ничего занимательнаго, княгиня не проронила слова, она точно и забыла, что тутъ, рядомъ съ нею, сидитъ Гриша, котораго она не видала съ зимы.

— Чтó ты скажешь про голосъ?—вдругъ обратилась она ему и подняла брови, чтó у ней выходило всегда особенно характерно.

— Хорошъ.

— О! въ этомъ голосѣ—блестящая будущность. Я такъ

сплива, Grégoire, что сынъ моей бѣдной Sophie съ такимъ чуднымъ даромъ... Голосъ—это первый талантъ. Не правда ли, другъ мой?.. И, конечно, мой долгъ сдѣлать все для этого... *маленько.*

Княгиня какъ-бы съ нѣкоторымъ усиленіемъ выговорила последнее слово.

— Конечно,—односложно отвѣтилъ Шелонинъ.

— Ты на меня не въ претензіи за то, что твое пьянино стоитъ въ комнатѣ Поля... Ты понимаешь, онъ долженъ постоянно эверсироваться; а ты вѣдь только иногда любишь...

— Пожалуйста,—перебилъ онъ, и вдругъ спросилъ:—а гдѣ его комната?

Вопросъ былъ сдѣланъ обыкновеннымъ голосомъ, но слово «гдѣ» особенно рѣзко выдѣлилось изъ всей фразы.

Лицо княгини на мгновеніе точно сжалось. Взглядъ сына упорно устоялся въ нее: онъ не смогъ сдержать въ себѣ такого движенія глазъ.

— Поль въ кабинетѣ отца...—отвѣтила княгиня оправившись,—ты вѣдь не любишь этой комнаты, Grégoire.

«Изъ кабинета—дверь въ уборную», промелькнуло въ голову сына, и въ виски его застучало. Онъ продолжалъ глядѣть въ лицо матери.

XVI.

Она опять заговорила. Предметомъ разговора сдѣлался все тотъ же Качковъ. Княгиня повторила нѣсколько разъ, съ особой яркостью голоса и мимики, что Поль, какъ сынъ ея воспитательницы, Sophie Качковой, оставшійся круглой сиротой, долженъ быть для нея такъ же дорогъ, какъ и родныя дѣти.

— Ты понимаешь, мой другъ,—продолжала она, поднимая концы бровей вмѣстѣ съ вѣками,—онъ теперь въ самомъ критическомъ возрастѣ... При его натурѣ... une nature abondante et he... въ Петербургѣ можно легко увлечься и потерять все... бѣзны на каждомъ шагу... Надо, чтобы онъ прошелъ школу...ista—une grande école... Теперь онъ разсуждаетъ очень хорошо. Три года останется онъ въ Петербургской консерваторіи... преподаваніе у насъ серьезное... Въ немъ есть также задатки композитора... Ему слѣдуетъ заняться теоріей... J'y veillerai, metterai toute ma sollicitude.

И снова концы бровей поднялись, руки княгини встрѣтились пальцы переплелись. Говоря о Полѣ, княгиня продолжала при-

слушиваться къ его вокализамъ и, дѣлая маленькія передышки, съ видимымъ удовольствіемъ затыгивала рѣчь.

Лицо ея сына становилось все смутнѣе и смутнѣе. Онъ рѣшительно не могъ отвѣчать ей въ тонъ. Въ головѣ его все еще вертѣлась фраза: «изъ кабинета дверь въ уборную». Онъ перемѣнилъ позу, поправилъ волосы, хотѣлъ-было улыбнуться, но не сдѣлалъ. Княгиня такъ была проникнута своимъ сюжетомъ, что ничего этого не замѣчала.

— Ты видишь,— все говорила она,—Полю съ Лидіей—en vtais samarades. Знаешь, Grégoire, Лидія—немножко gaide; но мы съ тобой очень ужъ строго на нее смотрѣли... У ней много таета, она понимаетъ жизнь... Право, другъ мой, пора быть снисходительнѣе. Въ насъ съ тобой слишкомъ много было... du bleu...

— Du bleu?—переспросилъ онъ, удивленный и оборотомъ разговора, и тѣмъ, что мать его гораздо больше вставляла французскихъ словъ въ свою рѣчь, чѣмъ прежде.

— Да, мой другъ, du bleu... идеальности, восторженности (она произносила: восторженности). Il faut donner vivte aux autres... Я знаю, что ты неспособенъ никому сдѣлать неприємность; но ты такъ строгъ... въ твоихъ правилахъ, такъ горячо держишься ихъ, что малѣйшая вещь тебя волнуетъ.

«Это Люлю говорить, а не мама», вымолвилъ про себя Шелонинъ.

— Ты когда-то интересовался Полемъ... потомъ охладѣлъ къ нему... Я не хочу спорить съ тобой... можетъ быть у него есть что-нибудь не въ твоёмъ вкусѣ, но вѣдь онъ еще такъ молодъ Grégoire... Онъ развивается... Зачѣмъ составлять себѣ сейчасъ ж des idées arrêtées? Поприглядись къ нему и обсуди все безпристрастно... C'est une nature excessivement riche!.. И ты не можешь не признать этого съ твоимъ умомъ и пониманіемъ всеизыщнаго...

Худыя щеки княгини начали покрываться румянцемъ, орбиты глазъ расширились, кисти рукъ она держала въ той же позе. Не такое ли оживленіе овладѣвало ею въ былое время, когда она слушала рассказы своего Гриши или отвѣчала на его пламенные мысли, упованія?.. Шелонинъ почувствовалъ это, и совсѣмъ смѣлся. Губы его сжались, глаза потухли. Ему не о чемъ было говорить съ матерью, не о чемъ ее спрашивать, не на что отзываться.

Онъ перебилъ ее, вставъ со стула.

— Здѣсь душно,—глухо выговорилъ онъ.

— Ахъ, полно, Grégoire, это самая прохладная комната: она вся въ тѣни... Пойдемъ ко мнѣ. Въ цвѣтникѣ сидѣть — жарко.

— Пойдемъ къ тебѣ, — повторилъ онъ.

Войдя въ комнату княгини, Шелонинъ жадно началъ оглядываться. Все та же, два десятка лѣтъ знакомая ему спальня шла на него. Она отдѣлана была въ «греческомъ вкусѣ», съ колоннами и голубымъ занавѣсомъ алькова, зеркалами въ позолотѣ и бѣлой люстрой въ видѣ какой-то мифологической птицы... Вотъ тутъ, около кушетки, стоитъ все тотъ же низенькій табуретъ, гдѣ Гриша прочелъ матери столько книжекъ вслухъ. На стѣнѣ, противъ алькова, висятъ его портреты всѣхъ возрастовъ: есть и силуэтъ, и дагерротипъ, и нѣсколько фотографій. Но отчего же въ этой комнатѣ стоитъ другой воздухъ? Онъ не узнаетъ ея обычнаго, легкаго запаха: пахнетъ слащавымъ турецкимъ табакомъ папирись... Что это?.. Прямо на него глядитъ съ простѣнка улыбающаяся фizioномія Поля Качкова, изъ рамки фотографическаго поясного портрета въ натуральную величину.

Комнату разомъ точно заволокло въ глазахъ Шелонина. Онъ измѣнился въ лицѣ и обернулся спиной къ окнамъ. Княгиня присѣла на кушетку, но видно было, что она усаживается не надолго.

— Я хотѣла съ тобой поговорить, Grégoire, — медленно начала она, точно ища словъ, и тотчасъ же остановилась.

Изъ залы раздалась мелодія: Поль кончилъ свои вокализы.

— C'est quelque chose de nouveau? — радостно вскричала княгиня и поднялась съ необыкновенною живостью: — пойдемъ въ залу... послушай.

Не дожидаясь, какъ откликнется сынъ на ея приглашеніе, она послѣшно вышла изъ комнаты походкой молодой дѣвушки, слышавшей въ залѣ звуки вальса.

Еслибы она вернулась изъ коридора черезъ нѣсколько секундъ, она нашла бы сына своего на кушеткѣ, съ лицомъ, закрытымъ ладонями рукъ, въ болѣзненныхъ конвульсіяхъ. Но никто не видалъ его припадка. Изъ залы пѣніе доносилось все громче и громче. Въ антрактахъ слышались даже рукоплесканія.

Черезъ десять минутъ Шелонинъ открылъ лицо, оглянулся на минуту съ выраженіемъ испуга и нетвердыми шагами двинулся къ двери въ коридоръ. На площадкѣ онъ взялся за ручку двери въ уборную. Глаза его горѣли, губы поводило. Онъ сдѣлалъ движеніе — дверь не подавалась: она была заперта.

— Зачѣмъ заперта, — спросилъ онъ съ плающей головой, — зачѣмъ? —

И такими же нетвердыми шагами вышелъ онъ черезъ заднее крыльцо на дворъ.

XVII.

Онъ не чувствовалъ, какъ его пекло. Не замѣчая, куда онъ идетъ, Шелонинъ забрелъ на зады людскихъ службъ, къ оврагу, отдѣлявшему господскую усадьбу отъ крестьянской земли. Совершенно машинально присѣлъ онъ на кучу бревенъ, лежавшихъ у скотнаго двора. Такъ просидѣлъ онъ около часа.

Въ первыя минуты онъ не могъ стряхнуть съ себя томительнаго столбняка. Въ темя ему било, въ глазахъ пестрѣли цвѣтные круги, грудь поднималась тяжело и высоко, въ горлѣ сперлось и душили горькія слезы; но онъ не плакалъ. Въ мозгу что-то легло точно какой камень, не позволяя ни думать, ни разбирать свои ощущенія, ни складывать какія-нибудь фразы... Потомъ немного отошло, въ головѣ прояснилось; за то сильнѣе схватило за сердце...

Первымъ душевнымъ движеніемъ, еще никогда имъ неиспытаннымъ, была жгучая потребность жаловаться и злиться до послѣдней капельки, показать, до какой глубины нравственной обиды дошелъ онъ, на какое поруганіе обрекли всю его святыню... Но первое движеніе замерло: его охолодили вопросы:

«На что ты вознегодовалъ? что смутило тебя? Вѣдь тебя предупреждали?»

Да, онъ долженъ былъ сознаться, что ничего *особеннаго* онъ не увидалъ и не услышалъ. Люлю сказала ему въ саду про «engouement» его матери къ Полю Качкову — и engouement оказалось на лицо. Что же больше? Онъ не смѣлъ еще и самому себѣ точнѣ выразить своихъ подозрѣній. Онъ уже гналъ ихъ, боясь грази и почти изумлялся тому, какъ могъ онъ и вчера и сегодня останавливаться на пустыхъ фактахъ и выводить изъ нихъ Богъ знаетъ что...

Но легче ему не стало отъ этихъ успокоеній. Пускай *ничего* нѣтъ, пускай говорить въ немъ одна его сыновняя ревность и нетерпимость къ людямъ; развѣ не правда, что онъ не напелтъ своей матери, ни вчера, ни сегодня, что прежняя ихъ связь порвана, что ни одна душевная струна его не дрогнула, слушая ее? Развѣ это не голая правда? И какъ отыскать ключъ къ прежней дружбѣ? Какъ заговорить по старому? Какъ восстано-

вить тотъ воздухъ пониманія, безъ котораго жизнь потеряла въ его глазахъ цѣну и обаяніе...

Какъ?..

Не находилъ онъ отвѣта.—Грузно опустилась на руки голова его, и другія ѣдкія, холодящія мысли забороздили ее. Показалось ему, что вотъ, до двадцатипестилѣтняго возраста дожилъ онъ мальчишомъ, визионеромъ. Чѣмъ онъ докажетъ, что мать его измѣнилась? А, быть можетъ, онъ въ первый разъ, подъ уколomъ подозрѣній и досады, трезво поглядѣлъ на нее и увидалъ, что она женщина, какъ и другія, ничуть не серьезнѣе, не глубже, не идеальнѣе—а просто себѣ усталая, русская княгиня, за сорокъ лѣтъ, немножко сентиментальная, немножко дилеттантка, жившая весь свой вѣкъ своимъ маленькимъ міромъ исключительныхъ привязанностей... Поручится ли онъ за то, что не его сыновняя любовь, не его идеализація возвели ея личность въ нѣчто, неразрывно связанное съ высшими задачами его жизни? Да полно, понимала ли она эти задачи, и не сводилось ли это пониманіе къ общему расплывчатому желанію добра, подъ которое онъ подписывалъ то, что ему самому хотѣлось?.. И вотъ, теперь онъ негодуетъ, потому только, что *«quelqu'un l'a supplanté dans le coeur de maman»*, какъ выразилась Люлю; онъ не можетъ переварить того факта, что, вмѣсто него, на другой день его приѣзда, исключительно поглощены какимъ-то мальчишкой, ученикомъ консерваторіи, хорошенькой буждой, шумной, нахальной и пошлой!..

Шелонину сдѣлалось гадко. Недовольство собою, смѣнившееся натискомъ скорбнаго чувства, было нѣсколько полегче; но оно не облегчило перваго удара. Что-то оборвалось—и оборвалось безвозвратно: вотъ къ чему онъ пришелъ опять, когда его разгоряченная голова продѣлала весь кругъ тяжелыхъ выводовъ.

Тѣло искало движенія; но жаръ взялъ свое и заставилъ замедлить ходъ. Онъ уже былъ далеко отъ скотнаго двора и кучи бревенъ, по дорогѣ къ селу. У перваго колодца онъ точно очнулся и попросилъ у бабы, пришедшей съ ведрами, дать ему испить. Жадно пилъ онъ прямо изъ ведра колодезную, мутную воду. Баба съ немалымъ удивленіемъ оглядѣла барина, и еще долго смотрѣла ему вслѣдъ.

Возвращаться домой Шелонинъ не хотѣлъ. Даже наверху или въ саду онъ не считалъ себя защищеннымъ отъ впечатлѣній, которыя сегодня переполнили бы чашу. Вступать въ какія-нибудь объясненія съ матерью онъ уже не могъ. Онъ видѣлъ ясно и теперь, что ему предстояло: — переживать пассивно все,

что случится и ждать лучшихъ дней, не надѣясь на нихъ. Еслибъ что-нибудь помогло ему сегодня же проститься съ Шелонихой — не схватился-ли бы онъ за такой случай съ великой радостью, но гдѣ этотъ случай? И если оно такъ, то ѣхать было незачѣмъ, дѣлиться не съ кѣмъ и нечѣмъ, ждать нечего. Выходило полное отщепенство и одиночество въ ту минуту, на которую онъ, навивный мальчикъ, посмотрѣлъ какъ на рубежъ школы и жизни...

Дорога вела Шелонина на крестьянскій порядокъ. Онъ двигался, опускаясь все ниже и ниже въ котловину. Дойдя до перваго проулка, онъ остановился, поднялъ голову, что-то какъ-бы сообразилъ, взялъ вправо и началъ подниматься опять вверхъ. Видно было, что всѣ ходы ему хорошо извѣстны. Дороги онъ ни у кого не спрашивалъ. Пошелъ онъ спокойнѣе и бодрѣе. Не легко было выбраться наверхъ довольно крутого склона, пробираясь задами, коноплянниками, огородами, между бань, мшенниковъ и полосокъ хмѣля. Все это обито было сплошной массой свѣта, желтѣло, бурѣло и зеленѣло при полномъ почти безмолвіи селенія.

XVIII.

Сильно пѣрило въ котловинѣ, гдѣ расположились крестьянскіе дворы, вправо отъ господской усадьбы. По-ту сторону оврага стояла на юру деревянная церковь съ побурѣлой крышей. Избы лѣпились въ разбродъ. Только къ пруду велъ порядокъ попрамѣе и почище.

Шелонинъ спустился въ оврагъ по крутой тропкѣ, перешелъ мостъ безъ перилъ, крытый поверхъ брусевъ^а слоемъ соломы, и сталъ подниматься по вогорю, направляясь въ одинъ изъ проулковъ, къ задамъ селенія. Мысль его перешла отъ матери къ другой женщинѣ. Почти всегда выходило такъ и прежде, когда о матери думалось ему иначе. Эта другая женщина была его кормилица, жившая тутъ же въ Шелонихѣ. Княгиня Вѣра Юрьевна не могла сама выкормить своего первенца. Она выбрала однолѣтку — въ одинъ мѣсяцъ съ ней повѣнчанную, тихую и красивую, — Устинью, выданную за Акима Фарафонтьева, коновала и гуляку, отъ котораго молодухѣ съ первыхъ же дней приходилось куда какъ жутко. Между княгиней и кормилицей Гриши было нѣчто схожее во внѣшнемъ обликѣ: такое же блѣдное, тонкое лицо, видный ростъ, деликатность сложенія, такіе же большіе, какъ-бы удивленные глаза; даже въ движеніяхъ и голосѣ сказывалось что-то близкое. Шелонинъ, подростая, не

прерывалъ связей съ кормилицей. Для него Устинья была точно дополненіемъ его родной матери. Онъ, изъ года въ годъ, зналъ весь ея семейный побытъ, часто помогалъ ей, и съ каждымъ прїѣздомъ въ деревню исполнялся все бѣльшаго и бѣльшаго уваженія къ этой простой бабѣ, вотъ уже сколько лѣтъ носившей грубую паняву послѣ парчевыхъ душегрѣекъ и кокошниковъ барскаго кормленія. Устинья рѣзко отличалась отъ обыкновенныхъ крестьянокъ, побывавшихъ въ кормилицахъ барскихъ дѣтей. Никогда она ничего не выпрашивала, и ни на что не жаловалась господамъ: ни княгинѣ, ни своему молочному сыну. Точно будто жизнь ея проходила въ довольствѣ и радостяхъ. Мужъ ея, съ лѣтами, дѣлался все безпутнѣе, и не будь ея, ихъ домъ давно бы пришелъ въ полное разрушеніе. Дѣти все умирали «къ счастью», а то бы Устинья совсѣмъ съ ними извелась. Только послѣдній ея сынъ — Епифанъ — уцѣлѣлъ. Она жила съ нимъ душа въ душу, хотя и тужила подѣ часъ о томъ, что «болѣно ужъ онъ простъ, ровно младенецъ».

Шелонинъ, сравнивая часто судьбу обѣихъ близкихъ ему женщинъ, находилъ, что мать и кормилица были одинаково скорбляемы своимъ супружествомъ и одинаково выносили это съ незапятнаннымъ достоинствомъ. Красивая, да и теперь еще очень моложавая Устинья, при такомъ мужѣ, какъ ея Акимъ Фарафонтьевъ, могла бы утѣшиться на сторонѣ, тутъ же въ Шелонихѣ, или совсѣмъ уйти отъ него и зарабатывать себѣ копѣйку на всей своей волѣ: немало бы нашлось охотниковъ раздѣлять съ ней тоску-кручину и полюбоваться ей... Но вотъ прошло двадцать-шесть лѣтъ съ рожденія ея первыхъ дѣтей — родного «Витеньки» и молочнаго «Гришеньки», а Устинья осталась все такой же честной, выносливой и вѣрной своему немудрому идеалу.

Такъ думалъ онъ и на этотъ разъ; но не могъ уже ставить Устинью рядомъ съ матерью... Почти съ ужасомъ почувствовалъ онъ, что идетъ къ крестьянкѣ-кормилицѣ отдохнуть отъ мучительныхъ впечатлѣній столовой и спальни.

Устинья точно догадалась, что молодой баринъ захочетъ поздороваться съ ней на другой же день по прїѣздѣ. За нѣсколько шаговъ до ея избы, они встрѣтились: Устинья приближалась къ колодцу, но, увидавши, кто идетъ къ ней на встрѣчу, всплеснула руками и опустила ведра на землю.

Они поцѣлывались. Устинья не была слезлива, и на этотъ разъ не прослезилась. Какъ всегда, она крѣпко обняла своего

молочнаго сына и долго смотрѣла ему въ глаза съ кроткой, нѣсколько стыдливой улыбкой.

— Гришенька,—вырвалось у нея,—да какой же ты худой сталъ... съ чего это?

— А ты вотъ все молодѣешь, — шутиливо отвѣтилъ онъ и оглядѣлъ ее.

И въ самомъ дѣлѣ, въ цвѣтной кичкѣ, прикрывавшей со-всѣмъ волосы, въ чистой рубашкѣ и полосатой юбкѣ, Устинья никакъ не смотрѣла пожилой женщиной. Ея блѣдное, усталое, но не морщинистое лицо очень мало загорѣло, брови шли красивой дугой, зубы всѣ сохранились, станъ еще не утратилъ нѣкоторой стройности.

— Иди, иди, вѣдь ты за водой, кормилица.

— Не къ спѣху, Гришенька, не къ спѣху... Къ намъ нѣшто завернешь?

Она, точно, о чемъ-то спохватилась, подняла коромысло съ пустыми ведрами на правое плечо и въ нерѣшительности выговорила:

— Душно больно у насъ, чай, знаешь... На крылечкѣ не посидишь-ли... ужъ чѣмъ тебя угостить-то право... молочка-рай?

Шелонинъ замѣтилъ ея тревожность и спросилъ потише:

— Или мужъ загулялъ?

— Мой Акимъ Терентьичъ никакъ ужъ вторые сутки не ворочалси... Все по добрымъ людямъ мыкается.

Она улыбнулась. Шелонинъ не знавалъ у ней такой улыбки. И прежде она не любила плакаться на мужа; но когда говорила о немъ, то принимала тихій, строгій тонъ; а тутъ въ словахъ ея сквозило пренебреженіе вмѣстѣ съ какимъ-то небывалымъ равнодушіемъ къ гульбѣ и безобразію мужа.

— Стало-быть, Акимъ попржнему живетъ? — серьезно освѣдомился Шелонинъ.

— Чего!.. на той недѣлѣ собрали Богу душу отдавать, лошадь убила дюже.

— Онъ все коновалить?

— Коновальство извѣстное... кто што поднесетъ... въ шинкѣ.

Тонъ Устиньи Шелонину не нравился, хотя и не къ чему было придираться: Устинья была, во всемъ прочемъ, прежняя его кормилица: кроткая, ласковая, съ разсудкомъ и умѣньемъ говорить.

Они подошли къ избѣ Фарафонтьевыхъ. Низкое крылечко съ лавочкой подъ навѣсомъ защищало отъ душливаго іюльскаго солнца. На улицѣ не видѣлось ни единой души.

— Головку-то не зашиби, — предупредила Устинья, когда Шелонинъ занесъ ногу на первую ступеньку крылечка.

Она составила ведра и заглянула въ отворенную, низкую дверь сѣней. Изба вся потрескалась и ея еловые тонкія бревна смазаны были кое-какъ глиной. На дворѣ, сквозь дыравыя ворота, видна была плохая телѣжка и соха съ бороной, приставленные оглоблями къ плетню. Двѣ-три курицы кудхтали во-брутъ крылечка. Не то, что совсѣмъ нищета; а большая крестьянская скудость металась въ глаза отъ всего двора. Только чистая рубаха Устиньи и красивая еичка смотрѣли иначе.

XIX.

— Дай-ка мнѣ, кормилица, кваску, — сказалъ Шелонинъ, сядь на доску, вдѣланную, въ видѣ скамьи, поперекъ крылечка.

— Гришенька, не станешь вѣдь ты кушать нашего квасу... степного... Такой-то задался кислый...

— Ничего...

Устинья еще разъ заглянула въ сѣни и крикнула въ избу:

— Епиша, а Епиша!.. Выдь-ка!.. баринъ у насъ въ гостяхъ.

Обернувшись лицомъ съ своему молочному сыну, Устинья прибавила:

— Ты его не обезсудь. Онъ не рѣчистъ у меня и разумомъ не больно прытокъ; а все въ домѣ дѣлаетъ и ко мнѣ припадаетъ ровно дѣвка красная... Женить пора, да кто къ моему Акиму Терентичу въ семью пойдетъ?.. Оглашенная, рай, какая...

На порогѣ показался малый лѣтъ восемнадцати, бѣлокурый, съ такимъ же, какъ у матери, блѣднымъ лицомъ и тусклыми, почти неподвижными глазами. Бѣлая рубаха болталась у него вокругъ пояса. Изъ-подъ раскрытаго ея ворота выглядывалъ шнурокъ и верхній конецъ мѣднаго креста. Пестрядинные порты заправлены были въ онучи и лапти. Плоскіе его волосы падали ему безпорядочно на лицо.

Онъ поклонился, перешагнувъ черезъ порогъ и всталъ въ выжидательной позѣ, туло глядя на косякъ крылечка.

— Что-жъ ручку не попросишь, — надумала его мать.

Епифанъ сдѣлалъ шагъ впередъ. Шелонинъ остановилъ его движеніемъ руки.

— Что это ты, кормилица, какія же тутъ ручки... Вѣдь онъ мнѣ молочный братъ...

— Спросилъ бы онъ объ здоровьи у брата-то молочного.

— Оставь его,—шепнулъ Шелонинъ. Такая тревожность въ Устиньѣ тоже немало изумляла его.

— Кваску-то тебѣ,—спохватилась она.— Ой, кисель!.. Епиша, —обратилась она къ сыну,— за водой бы сходить... Гдѣ Ваня?

— Дрыкнетъ въ амшеникѣ, — угрюмо и глухо отвѣтилъ Епифанъ.

— Батракъ у насъ,—пояснила Устинья Шелонину и странно какъ-то повела губами,—тоже малолѣтокъ еще, не больше годовъ нечѣмъ Епишѣ... сирота, ужъ какое у насъ житье!.. Дѣло молодое... вотъ поѣлъ онъ, и на боковую...

— Идти нѣшто? — перебилъ ее сынъ, берась за коромысло.

— Побуди Ваню, коли тебѣ самому не въ охоту, — отозвалась Устинья.

— Не пойду я...

Съ потемнѣвшимъ лицомъ онъ схватилъ коромысло, взвалилъ его на плечо и двинулся неровной, тяжелой поступью къ колодцу.

— Ему обидно стало, — тихо замѣтилъ Шелонинъ Устиньѣ, указывая на удаляющагося сына.

— Горделивъ больно,—нѣсколько смущенно отвѣтила она,—такое сердце неотходчивое, а душа добрая... Однихъ лѣтъ они съ Иваномъ, сказывала я тебѣ, Гришенька, ну вотъ и ненависть сейчасъ. Да я только до Покрова поддержку,—торопливо добавила она,—а тамъ на какіе же достатки намъ батрака нанимать... Съ Епишей-то намъ въ рабочую пору ни въ жизнь не справиться; а муженекъ-то мой только одна помѣха... Кваску-то хочется тебѣ? ась?..

— Пить очень хочется, кормилица.

— А я-то все гутѣрю... Только ужъ ты не обезсудь за квасъ-то.

Фигура Устиньи скрылась въ темномъ отверстіи сѣней. Шелонинъ проводилъ ее глазами и спросилъ себя: «что же такое новое есть въ кормилицѣ?» Что именно—онъ не могъ еще разобъять; но что-то было, и точно уже знакомое ему.

Вправо отъ крылечка, изъ-за плетня, слышались голоса. Онъ прислушался.

— Ваня, а Ваня,—донесся до него голосъ Устиньи.

Отвѣта не было.

— Ваня!—повторила Устинья откуда-то поглубже.

— Чаво?—раздался отвѣтъ сонно и сердито.

— Встань-ка... Я одна, Епиша осерчалъ—за водой ушелъ.

— Эка важность!

Раздалась громкая зѣвота съ потягиваніемъ.

— Встань, милый,—еще тише и нѣжнѣе, просила Устинья.— Баринъ у меня сидитъ на крылечкѣ, ждетъ, кваску испить хочетъ.

— А ты дай-ка мнѣ хлебнуть...

— Чтой-ты... рай, приходится?

— Ладно, нацѣди еще...

Шелонинъ разслушалъ и то, какъ пили квасъ изъ ковша и какъ Устинья, уходя изъ мшеника, сказала съ подавленнымъ смѣхомъ:

— Привередникъ же ты... ровно прынецъ растянулся.

«Что же это такое?» спросилъ онъ, и хотя отвѣтъ былъ очень близокъ, но онъ не позволилъ себѣ никакого соображенія, оскорбительнаго для его кормилицы.

— Замѣшкалась я, Гришенька, прости меня Христа ради, темно на погребницѣ... заговорила Устинья, бережно поднося ему мутнаго облесоватаго квасу въ жестяномъ ковшѣ.

«А зачѣмъ же ты лжешь?» хотѣлъ онъ ее спросить, но удержался.

— Кисель?

— Ничего.

— Ну, и на здоровье. Позволь, ужъ и я остаточки допью.

Перекрестившись, она выпила, поставила ковшъ на перила; обтерлась, видимо успокоилась и присѣла рядомъ съ Шелонинымъ. Начала она спрашивать, какъ и въ прежніе годы, про то: на долго ли пріѣхалъ, кончилъ ли «ученье», нѣтъ ли зазнобы, гдѣ будетъ жить домкомъ. О себѣ почти-что ничего не сказала. Шелонинъ слушалъ и чувствовалъ, что разстройство, съ какимъ онъ шелъ къ кормилицѣ, не только не стихло, но усилилось. Голосъ этой женщины не проникалъ ему въ душу, между ними легла черта... Ему хотѣлось спросить ее: почему же это она хитритъ и притворяется, почему такъ обѣгаетъ рассказовъ про свою домашнюю жизнь... Но спрашивать ее про этого Ваню-батрака, послѣ слышаннаго имъ разговора, значило—допрашивать; отъ такой роли онъ отворачивался... И ничего онъ не сдумалъ сказать Устинѣ теплаго, какъ бывало... Онъ сдумалъ только дать ей ассигнацію, которую она приняла—не такъ, какъ прежде, а съ неприятной для него слащавой улыбкой.

XX.

Поднимаясь изъ оврага, онъ выбралъ тропинку, чуть протопанную сквозь цѣлый лѣсъ крапивы и лопуха. Она вела къ задѣмъ другого порядка, на углу котораго стояла лучшая изба во всемъ селѣ — дубовая, съ трубой и опратно подстриженной крышей. Дворъ, также домовито крытый, вдавался глубоко въ полосы коноплянниковъ.

На заваленкахъ играло двое ребятъ. Шелонинъ поздоровался съ ними. Они пугливо оглядѣли его и заслонили глаза отъ солнца.

— Веденей дома? — спросилъ онъ.

— Дома, — отвѣтилъ мальчикъ постарше, и тотчасъ же отвернулся.

— Въ избѣ?

— Нѣтъ, на гумнѣ.

— Проводи-ка меня.

Мальчуганъ всталъ, обдернулъ поясъ, и пятки его босыхъ ногъ замелькали быстро-быстро по черной землѣ, а потомъ по травѣ огорода.

Шелонину не было особенной надобности заходить къ хозяину дубовой избы; но онъ точно боялся возвращенія домой, одинокой ходьбы по полямъ, или сидѣнья у себя въ комнатѣ. Отца ребятшекъ, игравшихъ на заваленкѣ, сельскаго старосту — Веденей Гусева — князь Дмитрій Алексѣевичъ Рыкаловъ-Шелонинъ давно прозвалъ «министромъ». До манифеста 19-го февраля Гусевъ, безсмѣнно, ходилъ у него въ бурмистрахъ, слылъ, разумѣется, за плута, но ни разу не проворовался и въ жизнь свою барской рукой или по барскому приказу бить не былъ. Правиль онъ вотчиной самодержавно, свою семью держалъ тоже въ рукахъ, женатъ былъ на трехъ женахъ, и ни одного взрослого сына выдѣляться не пускалъ. Вышла воля, прекратилась барщина, Веденей Гусева выбрали въ сельскіе старосты. Никто хорошенько не зналъ, и баринъ всего менѣе: сильно воровалъ Веденей или нѣтъ, промышленяетъ онъ чѣмъ на сторонѣ, или держится одного хлѣбопашества, испиваетъ втихомолку, или совсѣмъ трезвый мужикъ, добрый онъ семьянинъ, или охотникъ до чужихъ бабъ... Толковали — и такъ и этакъ, и до воли и послѣ нея.

Съ дѣтства привыкъ Шелонинъ къ этой крупной фигурѣ деревенскаго «министра». На его глазахъ Веденей въ пятнадцать лѣтъ ни на волосъ не измѣнился. Все та же была у него важно-дѣловая и сдержанная мина на красивомъ, точно библейскомъ

ищѣ; все тотъ же носилъ онъ чернобурый выцвѣтшій запунъ на распахну съ рукавами, обшитыми по обшлагамъ кожей; все тѣ же громадные точно пудовые сапоги, отдававшіе дегтемъ шаговъ на двадцать. Когда Веденей входилъ въ кабинетъ, прекрестившись и отвѣсивъ поклонъ, онъ поднималъ голову и, прислонившись къ притолкѣ, неспѣшно докладывалъ, т.-е. собственно не докладывалъ, а указывалъ барину, что нужно дѣлать, въ формѣ спокойныхъ, чисто-министерскихъ сообщений. Князь, зачастую, Богъ знаетъ что толкуетъ, кричитъ, что «этихъ каналій надо бы самихъ запретъ въ сохи за такую разбойничью пропащу», а Веденей доказываетъ ему, что онъ «напрасно извоить гнѣваться», что если пропащія и найдутся, такъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. И послѣ четвертичасового ученья уму-разуму, князь, подъ предлогомъ запаха Веденеевыхъ сапогъ, спѣшилъ всегда отпустить его. Тотъ поспѣшно поклонится, не сгибая спины, и выдвинетъ свои пудовые сапоги изъ барскаго кабинета, оставивъ послѣ себя на добрыхъ полчаса запахъ дегтю.

Веденей любилъ молодого князя, насколько можно было это разглядѣть со стороны. Въ званіи вольнаго сельскаго старосты онъ частенько «доходилъ» до стараго барина, когда міръ посылалъ о чемъ-нибудь просить или обработать какое-нибудь дѣльце съ господской экономіей. Если только молодой баринъ случался въ усадьбѣ, Веденей сначала шелъ къ нему. Они вмѣстѣ обсуждали дѣло, потомъ Шелонинъ отправлялся говорить съ матерью, а князю Дмитрію Алексѣевичу—обыкновенно порывавшемуся изъ деревни хоть съ какимъ-нибудь денежнымъ подкрѣпленіемъ—оставалось заявлять не безъ ироніи, что:

— Теперь онъ — послѣдняя спица, имѣніе барынино, стало: какъ княгиня и князь Григорій Дмитріевичъ прикажутъ, такъ и будетъ на здоровье міру православному.

Въ послѣдніе два-три пріѣзда Шелонинъ, по собственной охотѣ, входилъ черезъ Веденей въ дѣла сельской общины. «Министръ» радѣлъ о мірѣ и ни отъ какой даровой копѣйки для него не отказывался, но въ то же время не разъ говорилъ молодому князю:

— Вы, батюшка, ваше сіятельство, дюже не извольте убиваться... Покуда нашего брата что не прикрючить, не больно податливы... Копѣйка-то ребромъ въ кабакѣ ставится, а во всемъ прочемъ пождать надо, пока разуму наберутся.

Говорилъ онъ такъ въ особенности по поводу школы. Въ послѣдній свой пріѣздъ Шелонинъ предложилъ сельскому обществу какое-нибудь помѣщеніе, даровыя книжки, топливо и половину жало-

ванья учителю. Мать его дала бы и все содержаніе, но ему хотѣлось, чтобы крестьяне хоть чѣмъ-нибудь поддерживали его мысль. Міръ отказался. Это его немало огорчило, а Веденей приговаривалъ:

— Коли бы угодно было посредственнику, такъ мы живой рукой подобьемъ общество на приговоръ...

— Я желаю по доброй волѣ!—горячо возражалъ Шелонинъ.

— Это, батюшка, ваше сіятельство, послѣ дождичка въ четвергъ выходить, ужъ вы не обезсудьте. Вѣдь я таперча не бурмистръ, а староста... Разумъ у нихъ свой, потерпите маленечко.

Такъ на томъ дѣло и стало. Самъ Веденей ребятъ своихъ училъ у дьячка, и первый горько жаловался молодому барину на міръ.

... Всего карася, разбойники, въ пруду-то большомъ, пропили. Пахомѣ-кабатчику по ведру за неводъ съ казнаго, значить, порядка. Такъ недѣлю цѣлую и журили, ей-и-Богу! Таперча ни единого гольца въ пруду... званія нѣтъ!..

— Было бы и учителю на жалованье?—спросилъ Шелонинъ.

— Ищо-бы... и съ лишками; да то видно водка, а не другое што.

Съ этого разговора, лѣтомъ прошлаго года, они не видались.

XXI.

Мальчуганъ вывелъ Шелонина къ овинамъ, на томъ, блестящій своей утоптанной гладкой поверхностью.

— Вонъ тятка,—указалъ онъ рукой, но дальше не пошелъ, а бросился бѣжать назадъ.

Около овина возились два мужика въ бѣлыхъ рубахахъ (въ томъ краѣ цвѣтныхъ не носятъ). Одинъ изъ нихъ, покоренастѣе, былъ Веденей Гусевъ; другой—второй сынъ его, черноволосый, рослый мужикъ, лѣтъ ужъ подъ тридцать.

— Здравствуй, Веденей!—обликнулъ Шелонинъ, подходя къ овину.

Староста обернулся. Фигура его такъ и вырѣзалась на фонѣ закоптѣлаго овина, облитая солнцемъ. Шляпа полуоткрывала его высокій лобъ, на которомъ рѣзко отбѣлялась черта личнаго гара. Носъ его, съ сильной горбиной («pez Henri IV»—какъ выразался князь Дмитрій Алексѣевичъ) и выдающейся переносицей и густыя брови съ нависшей поверхъ кожей придавали лицу Веденея особую силу и выразительность.

Приложивъ ладонь ко лбу, онъ воззрился — кто его окликнулъ, и, узнавъ молодого князя, тотчасъ же снялъ шляпу привычнымъ движеніемъ истаго бурмистра. Бѣлая часть лба переходила въ лысину. Волосы на головѣ и на жидкой клиномъ бородѣ были почти-что безъ сѣдины.

— Надѣнь, надѣнь, — крикнулъ ему Шелонинъ, — я ты пожалуйста, — добавилъ онъ въ сторону Веденева сына.

— Съ пріѣздомъ, ваше сіятельство, — заговорилъ неторопливо Ведней хриповатымъ басомъ, — пожалуйста, вотъ сюда на завалинку, а то дюже ужъ печётъ.

Шелонинъ сѣлъ въ тѣнь, съ правой стороны овина; сынъ стросты отошелъ, а самъ Ведней сталъ въ пяти шагахъ отъ барина, съ топоромъ въ рукахъ и съ растянутымъ воротомъ рубахи, но все-таки въ бурмистерской позѣ.

— Седни изволили пожаловать къ намъ, аль вечеръ, — освѣдомился онъ, — мамынька-то ваша этта сказывали: поджидаю, молю, Гришеньку на побывку... Поживете, значить, съ нами?.. Мы этому рады и за посѣщеніе много довольны.

И онъ наклонилъ слегка голову, ласково оглядывая барина.

— Да вѣдь у насъ съ тобой всегда дѣла, — веселѣе заговорилъ Шелонинъ. — Вотъ я въ первый же день и подумалъ: надо явиться къ Веденю, авось онъ чѣмъ-нибудь хорошенькимъ порадуешь.

— Гдѣ намъ, батюшка. Вы это, ваше сіятельство, насчетъ чего изволите?.. А вѣдь и то я до васъ доходить буду съ пошлой.

— Какой это новизной? — заинтересованно повторилъ Шелонинъ.

— На счетъ міра нашего поштеннаго... Вы объ нашемъ обещаніи дюже сухотитесь... Коли угодно, отпрапорую.

— Пожалуйста, пожалуйста, да садись сюда, на завалинку.

— Нѣтъ, ужъ я постою... Такъ повольготнѣе мнѣ будетъ.

Шелонинъ не сталъ настаивать.

— Насчетъ школы-то наши дуrolомы не захотѣли уважать васъ... а вы для видимости одной просили прибавочку ученою положить...

— Ну-да, — поддакивалъ Шелонинъ.

— Анъ таперь другое галдятъ.

— Чтѣ ты?..

— Ей-же-ей... все вишь новая рекрутчина... Какъ вышелъ самый манихвествъ... да какъ разчухали наши старики, ка-къ льгота будетъ грамотнику... вотъ тутъ они всѣ и затесали

затылки-то... Я имъ первымъ дѣломъ и говорю: видите, такіе-сякіе, давно бы вы были при школѣ, и школа-то, почестъ, совсѣмъ даровая; а вы его сіятельство въ малости уважить не захотѣли... Онъ вамъ въ бороды-то наплюетъ, коли придете просить. Мои ребятки съ льготами будутъ, а ихъ за науку засадила; а ваши тани лямку... по причинѣ неграмотности.

— Ну, и что-жь? — вскричалъ Шелонинъ, и приподнялся. Лицо его одушевилось. Видно было, что разсказъ Веденей разсѣивалъ нѣсколько его личную скорбь.

— Взвыли даже, и ну ко мнѣ доѣзжать: иди, да иди къ баринѣ, штобъ намъ къ Покрову школа была...— Учителю платить согласны... А я имъ: не больно-то я за васъ хожу—къ баринѣ я пойду; она-то, по милости своей, вамъ въ угоду сдѣлаетъ, а вы опять заартачитесь, да на попятный дворъ. Нѣтъ, говорю, я подожду, вотъ молодой князь пріѣдетъ, Григорій Митричъ, онъ васъ усовѣщевалъ; ему вы напакостили—съ нимъ я, извольте, покалякаю, какъ его милости будетъ угодно рѣшить... Вотъ, сударь, съ какой я къ вамъ новизной...

Веденей снялъ опять шляпу, точно обмахнулся ею, и надѣлъ только послѣ жеста Шелонина. Топоръ онъ всади въ бревно и, оправивъ рубаху, придвинулся къ барину.

— Спасибо, Веденей,—отозвался Шелонинъ, лицо котораго успѣло уже получить опять скорбное выраженіе.—Дѣло это не надо такъ оставлять. Я попрошу... княгиню (онъ не сразу говорилъ «княгиню»), чтобы къ осени все было готово... Только надо вѣдь приговоръ, кажется?

— Это ужъ пустяковое дѣло... Докладываю вамъ: сами лѣзутъ, раскусимши... Сразу-то я имъ объявлять не стану... поводить надо; а то, ей-же-ей, забоятся, и ничего на учителя не дадутъ.

— Ну, какъ знаешь,—замѣтилъ тихо, улыбнувшись, Шелонинъ:—ты вѣдь министръ.

Веденей слышалъ это слово въ примѣненіи къ себѣ, и снисходительно повелъ бровями.

— Чѣмъ угостить прикажете, ваше сіятельство? — спросилъ онъ, видя, что баринъ собирается идти.

— Ничѣмъ, и то угостилъ добрымъ извѣстіемъ.

— Да вѣдь это по вашему сердоболію, а другому бы велика сухота: будутъ нашимъ ребятамъ льготы въ солдатчинѣ, а нѣтъ... Испить не прикажете ли, батюшка, мы бы живой рукой... печетъ—мѣры нѣтъ... бражки домашней, коли не побредаете?...

— Спасибо, я сейчасъ пилъ квась...

— На порядке, гдѣ? — освѣдомился Веденей: — поди, у кор-
милки у своей?

— У ней.

Шелонинъ остановился, они были уже на пути ко двору, и спросилъ:

— Акимъ все пьетъ?

— Да ужъ не знаемъ, сударь, что и произвести съ нимъ, съ
присланикомъ. Въ волостной не одинъ разъ полосовали его...
и солдаты... старъ, а по нынѣшнему и подавно ушелъ.

— Да и сынъ-то Устинья не очень ей большое подспорье? —
выговорилъ, больше въ видѣ вопроса, Шелонинъ.

— Епишка-то? Нѣтъ, онъ ничего... Потѣма маненько. Вотъ
бракъ-то у нихъ... этотъ заноза... Недолго и до грѣха...

— Что ты? — съ безпокойствомъ окликнулъ Шелонинъ.

Губы Веденея сложились въ язвительную улыбку.

— Вы знаете, батюшка, — медленно вымолвилъ онъ: — какая
ни будь баба смиренница, а обозлится, ну и того...

Онъ сдѣлалъ жестъ правой рукой, и тотчасъ принялъ обыч-
ный бурмистерскій видъ.

— Вотъ что! — вслухъ подумалъ Шелонинъ. — «Стало это
правда», добавилъ онъ про себя и замолчалъ.

Веденей проводилъ его до самаго оврага; но не добился отъ
барина ни одного слова, кромѣ просьбы вернуться къ своему
дому.

«И Устинья!» повторялъ Шелонинъ, возвращаясь домой. «Ве-
деней на вѣтеръ не скажетъ».

XXII.

Послѣ обѣда, въ цвѣтникѣ, на террасѣ, бѣли клубнику со
сливками и кислое молоко. Все семейство было въ сборѣ. Сто-
лякъ, гдѣ стояла послѣобѣденная ѣда, занималъ одинъ Поль
Качковъ. Онъ разсылся, завѣсивъ грудь салфеткой и, сильно же-
стуктурируя, дѣйствовалъ ложкой. Княгиня сидѣла нѣсколько въ
сторонѣ на табуретѣ и къ ѣдѣ не прикасалась. Люлю присѣла
на лѣстницѣ, и принявъ полулежащую позу, покачивала ногой.
Шелонинъ ходилъ по террасѣ, въ разговорѣ участія не прини-
малъ и только отъ времени до времени выдалъ чуть замѣтные
замечанія то на мать, то на Качкова.

— Ха, ха, ха! — разразился Поль, откидываясь на спинку

стула, — вы, княжна, развѣ не имѣете понятія о рара-Ендовищевѣ?..

— Нѣтъ, никакого, — откликнулась Люлю.

— Я вамъ скажу: типусъ!.. Этакого вы ни въ одномъ государствѣ не найдете... Рара-Ендовищевъ — титулованный, да-съ, и фуражку носить съ краснымъ околышемъ, чтобы дворянство свое соблюсти... Вообразите себѣ, затылокъ чернобураго цвѣта, волосики торчатъ изъ-подъ парика, галстухъ на пряжкѣ, при царѣ Горохѣ такіе носили, и безъ бѣлья — черная атласная манишка... Но рара-Ендовищевъ ничего въ сравненіи съ маман-Ендовищевой. Ужъ онъ типусъ; а она архитипусъ... Во-о, какой корпуленціи, голосъ, тонъ, манеры... ума помраченіе, ей-Богу... И вотъ у такихъ-то милыхъ родителей явилось артистическое чадо... Приводятъ его къ Эверарди... Ахъ, я простоквашу-то совсѣмъ и забылъ...

Поль взялся за горшокъ и съ жадностью мальчика сталъ накладывать на тарелку кислаго молока и сметаны.

— A-t-elle du talent, cette demoiselle? — лѣниво спросила Люлю.

— Рара кричитъ: труба у моей дочки, капиталы въ этой трубѣ... Ха, ха, ха!.. Все это меня огорчаетъ, право, огорчаетъ за искусство... Помилуйте: никто не хочетъ работать... Ну, будь у меня do-dièze — развѣ этого довольно, такъ ли, княгиня, я говорю?

Княгиня съ одобрительной улыбкой наклонила голову.

— Кто себѣ врагъ; но сначала поработай... только съ умомъ, съ умомъ!.. У меня, напримѣръ, программа простая: посидѣлъ въ Петербургѣ, позубрилъ что надо, тамъ Италія — и пой, не жалѣй себя, процентъ хорошій агенту далъ, и въ Лондонъ. Парижъ нынче упалъ, въ Лондонѣ — сезонъ, другой-третій, а тогда и являйся, да не въ Маринскій, а въ Большой театръ. Лѣтъ десять попѣлъ подъ именемъ Качкини; остальное можно и русской оперѣ пожертвовать.

— Que vous êtes sage, — замѣтила Люлю, и замахала на себя соломённымъ вѣеромъ.

— Да ужъ какой бы я тамъ ни былъ, а я съ своей дорожкой не сверну — мое почтеніе!.. Давайте мнѣ, какъ Николина, съ тысячь франковъ въ сезонъ, такъ я не только по-русски, по-чужонски буду пѣть. Коли я артистъ, мнѣ и обстановка нужна. Не одни деньги; но приѣмъ... А гдѣ у насъ Ковентъ-Гарденъ? Въ залу-то войдешь: сарай какой-то, темно, пусто, скучно, ложахъ ни одной дамы décoltée нѣтъ, а въ креслахъ все какъ

то комиссариатскіе чиновники... И ноешь имъ за четыре тысячи рублей въ годъ:

«Не томи роди-мы-ый!..»

Затянувши мелодію, Поль сgrimасничалъ и вызвалъ смѣхъ дамъ. Шелонинъ остановился у колонны.

— Ахъ, Поль, — обратилась къ нему княгиня, — вы нынче въ ударѣ, спойте намъ эти куплеты... съ вашей музыкой... какъ бытъ?..

— Изъ Кузьмы Пруtkова-съ? — спросилъ Поль, утираясь салфеткой. — Извольте.

— Люлю, — продолжала княгиня, — ты не полѣнишься?

— Мнѣ не надо, — перебилъ Качковъ: — я самъ буду аккомпанировать.

— Нѣтъ, нѣтъ, — настаивала княгиня: — будетъ лучше стоя; вотъ мы съ Grégoire отсюда бы все и слышали и видѣли.

Люлю поднялась. Поль, взявши еще нѣсколько ягодъ въ ротъ, бросилъ на столъ салфетку и пошелъ вслѣдъ за Люлю въ дверь гостиной; въ открытыя окна виденъ былъ весь рояль, помѣщавшійся въ залѣ. Шелонинъ, еслибъ хотѣлъ, могъ не только слышать слова и мелодію, но видѣть и жестикуляцію исполнителя.

Онъ продолжалъ стоять у колонны и смотрѣлъ въ сторону.

— Grégoire! — окликнула его мать. — Что ты все тамъ стоишь... иди сюда, послушай: какъ мила музыка Поля, и слова такіа смѣшныя, глупыя, но очень смѣшныя.

Не сразу подошелъ Шелонинъ къ матери. Онъ даже не слышалъ ея зова. Подъ болтовню Качкова, тревожная и страдающая мысль перенесла его совсѣмъ въ другое мѣсто... Онъ — въ Гейдельбергъ, на первыхъ порахъ своего ученья. Вечеръ, мягкій, южно-нѣмецкій вечеръ ласкаетъ его среди зелени парка. Долго любитъ онъ видо́мъ террасы замка, до самаго заката солнца, и потомъ спускается по крутой аллеѣ, вдоль стѣны... До него долетаютъ звуки хора. Поютъ гдѣ-то не то выше, не то ниже. Слова ясно выдѣляются изъ мелодіи. Онъ схватываетъ сначала такой куплетъ:

Es ist bestimmt in Gottes Rath,
Dass man vom Liebsten, was man hat,
Muss scheiden.

Хоръ повторилъ припѣвъ. Ему стало жутко. И никогда потомъ не могъ онъ забыть этой пѣсни, ни начала ея, ни сре-

дины, ни конца. Конецъ принесъ съ собою неожиданную отраду;
а безъ него ужъ слишкомъ много грусти навѣяла бы пѣсня:

Nun musst du mich auch recht versteh'n,

—воскликнулъ энергичнѣе хоръ и повторилъ:

Ja, recht versteh'n,

Wenn Menschen auseinander geh'n,

So sagen sie: auf Wiederseh'n.

И, точно далекое умирающее эхо, послышалось еще два раза:

Auf Wiederseh'n

Auf Wiederseh'n.

— Grégoire!—окликнула громче княгиня:—да поди же сюда,
ты оттуда ничего не видишь. Paul se surpasse!..

Въ окно залы спектакль былъ весь какъ на ладони. Поль,
въ театральной позѣ, съ вѣромъ въ руки, гримасничая и пока-
чиваясь, входилъ все въ большій и большій азартъ. Онъ пѣлъ:

Дайте руку вѣрную,
Два вершка булату,
Ревность непомятую,
Чашку шеколату!

А тихій припѣвъ хваталъ Шелонина за сердце:

Muss scheiden

Muss scheiden...

— Не правда ли, мило?—нетерпѣливо спросила княгиня.

— Не знаю,—выговорилъ разсѣянно сынъ ея.

— Ты не хочешь оцѣнить!..

Княгиня пересѣла ближе къ окну и, отбивая ногой тактъ,
посылала Полю знаки одобренія.

Шелонинъ очнулся на громкой ритурнели. Въ уши его вор-
вался куплетъ:

«Жаль мнѣ новаго мундира
Maledetto Бельведеръ!»
И въ водахъ Гвадалквивира
Сталъ купаться офицеръ.

XXIII.

Онъ не замѣтилъ, когда прекратилась совсѣмъ музыка и пѣ-
нiе, говорили еще на террасѣ или нѣтъ — овладѣлъ онъ собою
только на скамьѣ подъ рябиной. Рядомъ съ нимъ сидѣла мать и
оглядывала его съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Чтѣ это ты какой, Grégoire?.. On dirait un somnambule..

Если ты хотѣлъ остаться со мною одинъ, теперь никто не будетъ мѣшать... Вотъ видишь, Поль—какой умный мальчикъ: онъ нарочно утасилъ Люлю въ садъ, чтобъ не мѣшать нашему разговору.

— Мѣшать?—повторилъ вслухъ Шелонинъ, и про себя добавилъ: «чему мѣшать»...

Мѣшать было нечему; онъ, въ эту минуту, не чувствовалъ никакой потребности въ бесѣдѣ съ матерью, онъ даже не зналъ съ чего ему начать.

— Я хотѣла поговорить съ тобой,—продолжала княгиня, еще утромъ, тамъ, въ спальнѣ, да ты убѣждалъ, не дождался меня... Сначала о тебѣ.

— Обо мнѣ?—испуганно переспросилъ Шелонинъ.

— Да, мой другъ!.. Ты вѣдь привыкъ дѣлиться со мною твоими планами... Теперь, кажется, все можешь устроиться такъ, какъ мы мечтали съ тобой... Поживемъ здѣсь, а въ осени въ Петербургъ; ты будешь держать на доктора... если захочешь, а то и съ дипломомъ магистра получишь каеэдру... будешь покажутъ и безъ жалованья... что-жъ за бѣда... Вотъ мы всѣ и поселимся вмѣстѣ...

— Всѣ?

Шелонинъ опять также странно переспросилъ мать.

— Разумѣется... я, ты, мальчики мои будутъ тутъ же въ Петербургѣ, Полю... всего лучше помѣститься... съ нами.

На этотъ разъ, княгиня замѣтила какое-то судорожное движеніе въ лицѣ сына. Онъ тотчасъ-же всталъ и отошелъ немного въ сторону.

— Квартиру я думаю оставить ту же... Отецъ твой долго не пожалеетъ въ Петербургѣ... ты возьмешь его маленькій салонъ и кабинетъ, для Поля тоже найдется помѣщеніе. Люлю...

Тутъ княгиня остановилась и заговорила тише:

— Ты, конечно, знаешь отъ Гильзена... Его письмо ко мнѣ *ne laisse aucune ombre de doute*, что онъ пріѣдетъ сюда за рукой Лидіи...

— Знаю, знаю,—поспѣшно вымолвилъ Шелонинъ.

— Что ты, Grégoire, имѣешь противъ этой партіи?..

— Я? Я—ничего.

И онъ даже сдѣлалъ жестъ правой рукой.

— Ты мнѣ говорилъ и не разъ писалъ, что онъ совсѣмъ вышелъ не такой... *comme tu as révélé*.. Но все-таки онъ порядочный человѣкъ, неправда-ли?..

— Очень порядочный.

— Нѣтъ, безъ ироніи, Grégoire?

— Безъ всякой ироніи.

— Лидіи онъ очень нравится, она находитъ qu'il a l'étoffe d'un excellent mari... отсоединить нѣтъ причины. Она ему тоже нравится... Я такъ думаю по крайней мѣрѣ... Люлю совсѣмъ не такая блестящая невѣста... Sa fortune... Сядь же, Grégoire...

Онъ присѣлъ и началъ слушать совершенно такъ, какъ утромъ сестру, съ опущенной головой.

— Я увѣрена мой другъ, что ты одобришь мой планъ... Твой пріятель n'épouse pas la dote... Я этому вѣрю; но все же нельзя Лидіи не имѣть своей собственности... Имѣніе мое—родовое, я постараюсь всѣми силами сохранить его, но много ли останется послѣ моей смерти... да и какая же часть пойдетъ Лидіи... Я и думала-было продать мое симбирское имѣніе... но это не удобно... Гораздо лучше, мнѣ кажется, отдать при жизни моей въ аренду... мужу Лидіи... Шелонику.

— Шелонику?

— Тебѣ жаль?

— Нѣтъ, нѣтъ, я только такъ.

Онъ опять поднялся и пересѣлъ на конецъ скамьи.

— Мы, конечно, будемъ пользоваться домомъ и всей усадьбой. Это право мы себѣ выговоримъ... Только запашка пойдетъ въ аренду... Этакъ скорѣй удержишь имѣніе; а тамъ, послѣ моей смерти, ты раздѣлишься съ братьями и сестрой, какъ тебѣ будетъ угодно... Вотъ мой планъ, Grégoire. Одобряешь?

— Да меня-то зачѣмъ же спрашивать?

— Какъ зачѣмъ, дитя мое? Кого же мнѣ и спрашивать. Ты—наслѣдникъ и старшій братъ... Я знаю, ты деликатенъ и даже очень, но я не хотѣла и не могла распорядиться, не получивши твоего согласія... Прошу тебя написать отцу и растолковать ему, что иначе сдѣлать нельзя. Онъ тебя одного немножко слушается... Князь не останется очень доволенъ... партіей Люлю... Мосей Гильзентъ n'est pas assez aristocrate pour lui... было-бы всего лучше, еслибъ ты-же ему написалъ и объ этомъ...

— Это все, папан?

Вопросъ былъ сдѣланъ такимъ тономъ, что княгиня съ поднятіемъ бровей выговорила:

— Es-tu pressé?

— Нѣтъ, я не хочу тебя очень долго удерживать... Я все сдѣлаю, что тебѣ угодно.

Онъ весь вдругъ сгорбился и тотчасъ замолчалъ. Таеъ протянулась довольно томительная минута. Замѣтная неловкость на-

чала овладѣвать книжкой... Она всгала и съ недоумѣніемъ выговорила:

— *Décidément mon enfant tu te sens mal...* Поди отдохни... Въдѣ я тебя просила пользоваться свободой... Ты утомился жельзной дорогой... Пожалуйста, поди и лягь... Разговоръ тебя волнуеть... поди.

Съ жестомъ, показывающимъ, какъ сыну, необходимо успокоиться, княгиня начала подниматься по ступенькамъ террасы. Смыъ глядѣль ей вслѣдъ, сидя, сгорбившись, все на томъ же краю скамьи. Онъ точно лишился способности управлять своими движеніями, говорить встати и связно; мысль его вертѣлась вокругъ чего-то одного, и тема ему давило такъ же почти сильно, какъ и утромъ, тамъ, на грудѣ бревень...

Только черезъ нѣсколько минутъ сообразилъ онъ, что мать его совѣтовалась съ нимъ по двумъ очень важнымъ для нея вопросамъ. Говорила она складно, спокойно и задушевно. Не она, а онъ держалъ себя странно, задавалъ нелѣпные вопросы, способенъ былъ вызвать въ ней весьма понятное раздраженіе. А она такъ кротко обошлась съ нимъ, объяснила все нервами и утомленіемъ дороги.

— Нервы и утомленіе!—вырвалось у него, послѣ всего, что онъ сейчасъ припомнилъ и сообразилъ.

«Значитъ, она ничего не понимаетъ, ничего не видитъ, значитъ, она чужая мнѣ, или уже такъ...»

Мысль оборвалась. Голова нестерпимо начала болѣть. Надо было «успокоиться» — и если можно, не сходить больше внизъ до другого дня... А завтра начнется то же...

XXIV.

Но просидѣть у себя въ комнатѣ Шелонинъ могъ только до ночи. Приходили звать его «кушать чай». Онъ отговорился головной болью и не сошелъ внизъ. Ни мать, ни Люлю не беспокоили его. Его головная боль ихъ не тревожила. Въ темнотѣ, у окна, его потянуло на воздухъ. Онъ прислушивался когда все затихнетъ, и въ началѣ двѣнадцатаго спустился по крутой и скрипучей лѣстницѣ.

Стояла такая же мягкая ночь, какъ и наканунѣ. Звѣзды свѣтились ярче. Воздухъ еще не успѣлъ засвѣжѣть, растительные запахи наполняли его сильнѣе вчерашняго. Сторожевыя собаки, Омиль и Фатѣвна, бѣгали на цѣпи, и, слышавъ чьи-то шаги,

стали перекидываться раздѣльнымъ глухимъ лаемъ. Баринъ, опять приласкалъ ихъ; но прикормки не далъ. Онѣ узнали его и безъ прикормки, и долго прыгали вокругъ него, тихо взвизгивая. Отъ конюшенъ онъ пошелъ къ саду, въ пяти шагахъ отъ калитки остановился и повернулъ голову назадъ. Не слышался ли ему, какъ и вчера объ эту пору, звукъ растворяющагося окна? Всѣ окна были закрыты; на одно изъ нихъ онъ продолжалъ пристально глядѣть. Его защемило неизвѣданное имъ чувство страстнаго любопытства. Большого усилія воли стоило ему подавить желаніе — подойти къ окну и заглянуть въ него... Чего онъ искалъ, что думалъ увидать — онъ самъ не отдавалъ себѣ отчета.

Походивъ по совершенно темнымъ аллеямъ, Шелонинъ вышелъ опять на дворъ и направился къ цвѣтнику. Тамъ было менѣе душно, чѣмъ въ аллеяхъ сада. Нѣсколько разъ прошелся онъ по дорожкамъ, мимо большой куртины и грота, поглядывая на фасадъ дома. Нигдѣ не видно было свѣта, ни наверху, ни внизу. Что-то влекло его къ скамьѣ, подъ окна спальни. Окно было закрыто ставнемъ. Но окна въ гостиной и въ залѣ ставнями не запирались.

Минуть съ десять сидѣлъ онъ спокойно, точно вдыхая въ себя глубокую тишину ночи. Съ полей пронесся вѣтерокъ и запахло цвѣткомъ гречихи... За оврагомъ, у пруда, крикнула птица, откуда-то неподалеку долетѣли фырканье и глухой топотъ припрыгивающихъ стреноженныхъ лошадей, выгнанныхъ въ ночное... Но вблизи, въ самомъ цвѣтникѣ все спало... ни одна былинка не шевелилась, ни одинъ кузнечикъ не нарушалъ безмолвія...

Чу!.. Шелонинъ встрепнулся, а потомъ весь замеръ. Налѣво, изъ-за зелени террасы, куда выходили окна гостиной, слышались тихіе голоса.

Онъ всталъ и сдѣлалъ два шага. Его ужаснула мысль, что онъ можетъ подслушать чужой, тайный разговоръ. Но нельзя ему было выдти изъ цвѣтника, не пройдя около рѣшетки балкона... Его увидать сквозь рѣдко насаженные кусты, да и онъ самъ можетъ увидать... Кого?.. Вотъ этотъ вопросъ точно толкнулъ его назадъ къ скамьѣ.

Задерживая дыханіе и мучась своимъ невольнымъ шпионствомъ, сидѣлъ онъ неподвижно; а ночной воздухъ все явственнѣе и явственнѣе доносилъ до него и звуки голоса, и отдѣльныя слова, а потомъ и цѣлыя фразы.

Одинъ голосъ былъ женскій, другой молодой, юношескій.

— Прошу тебя, — отчетливо донеслось до Шелонина.

«Тебя» повторилъ онъ, и вся кровь ударила ему въ лицо.

— Интересничаетъ...—отвѣтили на это.

— Было-бы большимъ несчастіемъ, Поль, еслибъ Grégoire сталъ догадываться...

Конечъ фразы не дошелъ до Шелонина.

Онъ весь пылалъ. Съ каждымъ словомъ положеніе его становилось невыносимѣе.

Вышла маленькая пауза. Потомъ раздался самодовольный смѣхъ и вслѣдъ за тѣмъ слова:

— Все это вздоръ!

Тонъ этихъ словъ, послѣ которыхъ опять раздалось хихиканье, откликнулся такой злобой въ сердцѣ Шелонина, что руки его судорожно сжались и голова гнѣвно откинулась назадъ.

— Ахъ, Поль!.. вздохнулъ женскій голосъ, и перешелъ въ шопотъ, продолжавшійся нѣсколько минутъ.

— Не суть важно!.. уже совершенно громко прервалъ шопотъ юношескій голосъ.

Окно захлопнули. Наступила опять тишина. Холодный потъ покрывалъ лобъ и щеки Шелонина, когда онъ пришелъ въ себя. А на дорожку пала полоска свѣта изъ вырѣза, сдѣланнаго въ ставнѣ. Спальню, стало-быть, освѣтили. Глаза Шелонина устремились на эту точку... Въ головѣ мелькали какія-то несвязныя и злыя мысли, ухо все еще доносило обрывки фразъ съ террасы, въ груди жгло, хотѣлось кинуться къ этому окну, вынуть засовъ, откинуть ставень, разбить стекла...

Уже рука схватилась за болтъ. «Что я, обезумѣлъ что-ли!» вырвалось у него, и съ ужасомъ, охватившимъ его такъ же мгновенно, какъ мгновененъ былъ порывъ бѣшенства, кинулся онъ въ цвѣтника.

На дворѣ овчарки опять залаяли и забряцали цѣпами.

Шелонинъ заходилъ по двору въ разныхъ направленіяхъ, набираясь воздуха, борясь съ нервнымъ припадкомъ, уже схватившимъ его за горло. Но онъ не хотѣлъ уступать, онъ продолжалъ двигаться, усиленно дыша и стараясь дойти до полнаго утомленія: такъ всегда онъ боролся съ своей нервною и съ припадками душевной боли.

Входить въ домъ теперь, въ такомъ состояніи—ужасало его. Онъ не смѣлъ отвѣчать за себя, онъ не могъ знать: куда помечетъ его съ той минуты, когда нога переступить порогъ крыльца... Быть можетъ, онъ безумно ворвется къ матери... и тогда...

Холодъ опять обдалъ его съ головы до пятокъ. Онъ чувство-

валъ себя, какъ человѣкъ, чудомъ вырвавшійся изъ когтей ужасной и внезапной смерти. Подумаешь о ней — и сердце замираетъ вновь, и все тѣло знобитъ ужасомъ страшнаго конца... А въ то же время онъ продолжалъ борьбу съ своей физической немощью, не допуская ее до полного торжества надъ истерзанными нервами.

Только къ разсвѣту, совершенно разбитый ходьбой, дотащился онъ до задняго крыльца, и, войдя въ свою комнату, не раздѣваясь, какъ снопъ, улегъ на постель.

Гдѣ-то пропѣлъ первый пѣтухъ... Во снѣ вдохнула и прорычала Оатѣнна... Сѣрая мгла укутала всю усадьбу.

XXV.

Проползла недѣля. Въ нижнемъ этажѣ господскаго дома все шло такъ, какъ обитатели его установили распорядиться своимъ временемъ: собирались къ завтраку, потомъ Поль, съ помощью Люлю, вокализировалъ, а княгиня присутствовала при этихъ упражненіяхъ; потомъ отдыхали по своимъ комнатамъ, сходились опять къ обѣду и проводили вечера въ саду или на террасѣ въ перемежку съ вокальными забавами въ залѣ. Никто изъ трехъ лицъ: ни княгиня, ни дочь ея, ни Качковъ, не обратили вниманія на то, что Шелопинъ, пролежавъ у себя наверху еще одни сутки, измѣнилъ, сойдя внизъ, свой тонъ съ матерью и съ «дѣтьми», какъ называла Люлю и Поля княгиня Вѣра Юрьевна. Онъ держалъ себя въ прежней своей манерѣ: тихо, довольно молчаливо; но не выдавался ни нервными движеніями, ни отрывистыми вопросами, ни странными отвѣтами. Онъ не бѣгалъ отъ общей бесѣды, за обѣдомъ рассказывалъ про заграничную свою жизнь, когда мать или Люлю относились къ нему, и разспрашивалъ ихъ о Петербургѣ. Съ Качковымъ онъ былъ безукоризненно вѣжливъ; отвѣчалъ спокойно и, въ общемъ разговорѣ, не обходилъ обращеній къ нему.

Но еслибъ кто-нибудь изъ этихъ трехъ лицъ захотѣлъ пристальнѣе приглядѣться къ нему, не трудно было бы замѣтить, что глаза его находятся въ постоянномъ напряженіи и перебѣгаютъ отъ Качкова къ матери. На Качкова онъ взглядывалъ рѣже; но какъ бы ни держалъ Шелопинъ голову и съ кѣмъ бы ни говорилъ, онъ ни минуты не переставалъ схватывать каждое движеніе, слово, взглядъ, интонацію матери.

Когда первый взрывъ нравственной бури улегся, онъ про-

никся жгучимъ желаніемъ, которое потребовало удвоенной борьбы съ собою: ему нужно было убѣдить себя ежеминутнымъ наблюденіемъ въ томъ, что мать его иначе не можетъ себя вести, «если она болѣе уже не то, чѣмъ была прежде»...

Сдерживая себя въ каждомъ звукѣ и жестѣ, начиналъ онъ свои наблюденія съ той минуты, когда, сойдя внизъ, подходилъ къ матери и цѣловалъ у ней руку. Внутреннее чувство его не обманывало: оно ему говорило, какъ и въ первый день: «мать моя — не та, что прежде». Не его болѣзненная впечатлительность преувеличила эту перемену: перемену эту только и могъ понять и перестрадать онъ, и никто больше. И тутъ же, надѣвая на себя маску успокоившагося добродушнаго сына, онъ отмѣчалъ ежеминутно всѣ *признаки*, по которымъ невыносимое подозрѣніе дѣлалось все ярче и ярче, и становилось фактомъ.

«Да, — говорилъ онъ, — сидя у себя въ комнаткѣ и подводя итоги всему имъ видѣнному въ теченіи дня, «она иначе не могла и не можетъ вести себя... Разъ она согласилась на ложъ, на сдѣлку съ совѣстью, на разрывъ со всѣмъ своимъ прошлымъ; какого же тона держаться ей, какъ же иначе лавировать между мною, *имъ* и дочерью?... Что же мудренаго, что она помирилась съ Люлю: гдѣ бы она нашла прежніе свои протесты? Мое присутствіе — постоянный и усиленный поводъ къ комедіи, гдѣ она, все-таки, на каждомъ шагѣ измѣняетъ себя... Вспомнить она, что я — тутъ, явится точно занятый на прокатъ тонъ; забудетъ она про меня, или не сдумѣетъ удержаться, она предаетъ себя исполнѣ...»

Съ каждымъ днемъ углублялся Шелонинъ въ этотъ тягостный, растлѣвающий анализъ. Для него становилось до осязательности очевиднымъ, какъ одинъ *фактъ* измѣняетъ всю нравственную жизнь самаго чистаго существа, безвозвратно и всецѣло. И доводы его товарищей противъ женщинъ представлялись ему отъ перваго до послѣдняго, съ комментаріями и подробностями. Но гамъ въ этихъ житейскихъ случаяхъ дѣйствовали тщеславіе, страстность натуры, молодость, ревность, скука, пустота...

А тутъ?..

Сколько разъ повторялъ онъ прежде, что матери своей простить всякое «паденіе»!.. Да! всякое паденіе; но онъ представлялъ себѣ это паденіе чѣмъ-то крупнымъ, роковымъ, трагическимъ, а не безконечной перспективой такого мелкаго притворства, такого извращенія всякаго вкуса и достоинства, такого попиранія своихъ идеаловъ. Онъ не клеймилъ, онъ опускался все ниже и ниже, наблюдая за нею, до самаго дна, гдѣ уже ничего не

останется, кромѣ плача о великомъ горѣ... И такъ онъ былъ поглощенъ этой ежеминутной работой, что на Поля онъ уже не могъ сосредоточить негодующаго чувства. Злоба, вспыхнувшая ярко въ ту ночь, когда до него донеслись обрывки разговора изъ гостиной — какъ бы замерла на-время. Шелонинъ не слѣдилъ за Полемъ: ему точно все равно было, какъ тотъ ведетъ себя, что позволяетъ себѣ въ присутствіи матери и въ обращеніяхъ къ ней, что говорить и надъ чѣмъ хихикаетъ. Точно будто Шелонинъ произнесъ надъ нимъ приговоръ и оставилъ его до поры до времени на свободѣ, или сразу сдержалъ свою злобу тѣмъ охлаждающимъ соображеніемъ, что каждое прикосновеніе къ этому ничтожному мальчику еще болѣе загрянитъ его душевную рану. Для него имѣло значеніе только то, какъ фраза, взглядъ, жестъ, пѣніе или болтовня Качкова отражались на его матери; а самъ Качковъ былъ для него давно ясенъ. Но два или три раза въ теченіи недѣли онъ долженъ былъ подавить въ себѣ нестерпимый взрывъ гнѣва послѣ выходовъ Поля, въ которыхъ одна только княгиня не видѣла заявленія какихъ-то особыхъ «правъ» на авторитетъ въ домѣ. Даже Люлю, игравшая очень ловко свою дипломатическую роль, была видимо скандализирована и значительно поглядѣла на брата, какъ-бы говоря:

«Ты, кажется, все еще витаешь гдѣ-то, полюбуйся. Гдѣ же твоя щекотливость, оборви этого мальчишку и дай понять матери, что нельзя такъ распускать его».

Но онъ не замѣтилъ этихъ взглядовъ. Онъ былъ весь отданъ борьбѣ съ самимъ собой.—Все пока казалось мирно...

XXVI.

Въ углу двухъ липовыхъ аллей большого сада, гдѣ приоткрылся дерновый диванъ, сервированъ былъ обѣдъ. Часовъ около пяти, когда кончали десертъ, мальчикъ Вася подошелъ къ Шелонину и сказалъ ему что-то на ухо. Въ эту минуту Поль Качковъ рассказывалъ длинную исторію изъ петербургскаго опернаго міра. Княгиня слушала его одна; Люлю глотала малину и разсѣянно поглядывала по сторонамъ.

— Ты позволишь? — спросилъ Шелонинъ, обращаясь къ матери, — и всталъ.

Онъ пошелъ прямо по аллеѣ, потомъ завернулъ вправо, гдѣ посрединѣ второй аллеи приходилась калитка. Глаза его искали

кого-то. Отъ калитки отдѣлилась широкая фигура въ буромъ зипунѣ. Это былъ—Веденей Гусевъ.

Какъ только Шелонинъ приблизился къ нему шаговъ на пять, Веденей снялъ шляпу.

— Надѣнь, пожалуйста,—крикнулъ ему Шелонинъ и ускорилъ шагъ.

Веденей покрылъ свою красивую лысину и слегка запахнулъ зипунъ.

— Не обезпokoилъ ли, ваше сіятельство,—спросилъ онъ, отбрасывая обычный степенный поклонъ,—никакъ еще не откушали: я мальцу-то наказывалъ: когда, молъ, господа изъ-за стола со-всѣмъ встанутъ...

— Я кончилъ обѣдать, кончилъ,—успокоилъ его Шелонинъ,—какое у тебя дѣло... поди сюда.

Онъ отошелъ вправо, къ двумъ деревьямъ, съ вдѣланной между ними скамейкой. Тяжело передвигая сапогами, подошелъ за нимъ и староста.

— Наши православные,—началъ осторожно Веденей,—тоскуютъ все на счетъ училища... Вы, батюшка, ваше сіятельство, намели освѣдомляться изволили и съ мамынькой насчетъ эвтаго дѣла жалали...

Онъ не dokonчилъ и сдѣлалъ чуть замѣтный жестъ двумя пальцами правой руки. Ястребинные его глаза говорили:

«Что-жъ тутъ мнѣ размазывать, сами знаете».

Шелонинъ вдругъ покраснѣлъ. Цѣлая недѣля прошла съ того дня, когда онъ пообѣщалъ Веденею переговорить съ матерью и все уладить—и только теперь вспомнилъ онъ о школѣ, о той самой школѣ, которая такъ занимала его когда-то? А какое было дѣло «православнымъ» и этому вотъ умному мужику до его душевныхъ терзаній?!

— Виновать,—пробормоталъ онъ, точно уличенный на мѣстѣ,—много виновать передъ тобой, Веденей, и передъ всѣмъ міромъ также...

— Да вѣдь это, батюшка, не къ спѣху... до зимы времени еще сколько... а только для ради бы успокоенія... Пока, значитъ, вы тутъ въ усадьбѣ находитесь.

— Извини, извини, пожалуйста,—говорилъ все также сконфузленно Шелонинъ, и даже взялъ Веденея за рукавъ лѣвой руки,—сегодня же я постараюсь все уладить и самъ зайду къ тебѣ...

— Вамъ для чего же беспокоиться, ваше сіятельство.

— Нѣтъ, я самъ приду... а старикамъ скажи, что мнѣ очень пріятно будетъ устроить это дѣло...

— Много вами довольны,—протянулъ Веденей, еще разъ запахнувшись, снявъ шляпу и сдѣлавъ ею кругъ около головы, послѣ чего сталъ двигаться къ калиткѣ.

Вернувшись къ столу, Шелонинъ воспользовался паузой, и обратился къ матери.

— Ко мнѣ приходилъ Веденей,—начать онъ спокойнымъ тономъ и нѣсколько громче, чѣмъ обыкновенно говорилъ.

Въ прежнее время онъ выбралъ бы другую минуту, но теперь интимныхъ бесѣдъ онъ уже не могъ имѣть съ матерью, вдобавокъ о такомъ дѣлѣ, какъ школа, на которое княгиня давно согласилась.

— Что ему пужно?—лѣниво отозвалась она.

— Ты не знаешь, крестьяне очень жалѣютъ теперь, что не давали въ прошломъ году на школу, какъ мы имъ предлагали. Теперь они сами просятъ о томъ же.

— Вотъ какъ!—уже живѣе воскликнула княгиня: — что-жъ, я очень рада.

— Это что такое за исторія?—вмѣшался Поль, облачиваясь о-столъ обоими локтями.

— Grégoire предлагалъ нашимъ бывшимъ мужикамъ школу, и книги, и половину содержанія учителя... Они не соглашались давать бездѣлицу отъ себя, а теперь, почему-то, очень рады.

Все это княгиня съ особой какой-то мягкостью, почти робостью, точно «доложила» Качкову. Сынъ не спускалъ съ нея глазъ во время всего ея доклада.

— Скажите пожалуйста!—вскричалъ Качковъ.—Даромъ имъ школу устраивать! А зачѣмъ же это, осмѣлюсь спросить? Ха, ха, ха!.. Такая филантропія, княгиня, нынче не въ модѣ!.. Это прежде пейзанами занимались; а нынче они народъ вольный сами, что хочешь, заводи!.. Я такъ разсуждаю...

Шелонинъ повелъ только глазами и опять обратился къ матери:

— Ты, конечно, позволишь мнѣ сказать ихъ міру, что они могутъ на тебя разсчитывать, и къ осени школа будетъ устроена. Вопросъ звучалъ очень твердо и опредѣлительно.

Княгиня помолчала и потомъ съ замѣтнымъ замѣшательствомъ выговорила:

— Конечно, мой другъ; только я не знаю, вотъ какъ и счетъ строенія...

Люлю поглядѣла значительно на брата, точно желая напомя-

ить ему, что Шелониха дается въ управленіе и пользованіе ея будущему мужу.

— Да полноте, княгиня!—разразился опять Качковъ,—какъ вамъ не стыдно такъ сентиментальничать... цѣлый домъ имъ даромъ отдавать!.. Еслибъ сюда настоящаго хозяина, никакихъ бы этихъ затѣй не было... Просвѣщенія захотѣли... Ха, ха, ха!.. Это ютъ только князю занимательно... послѣ заграничной вояжировки...

Онъ приподнялся и сдѣлалъ пренахальный жестъ лѣвой рукой, наморщивъ въ то же время и лѣвую щеку.

Въ одно мгновеніе все лицо Шелонина поблѣднѣло до мертвенности. Онъ тоже привсталъ, и дрожащей ладонью правой руки облокотился о-столъ.

— Господинъ Качковъ,—глухо кривнулъ онъ, тяжело дыша,—если вы еще разъ осмѣлитесь въ моемъ присутствіи говорить такимъ тономъ съ моей матерью и о вещахъ...

— *De grâces, Grégoire!*—прошептала Люлю, и схватила брата за лѣвую, свободную руку.

Княгиня такъ испугалась, что ротъ ея остался полуоткрытымъ, и вся фигура точно въ столбнякъ.

Шелонинъ не обратилъ бы вниманія на вышпательство сестры; но самъ Качковъ вдругъ закричалъ:

— Гости ѣдутъ, гости!.. Колокольчикъ!.. Княжна, угадайте кто?...

Дѣйствительно, колокольчикъ звывалъ у самой изгороди сада.—Всѣ обернулись въ его сторону.

XXVII.

Качковъ побѣжалъ къ забору, за нимъ и Люлю; княгиня тоже поднялась съ мѣста и ретировалась за деревья, избѣгая даже взглядовъ сына.

Шелонинъ смотрѣлъ имъ вслѣдъ, не придя вполнѣ въ себя: въ глазахъ его еще было мутно. Онъ слышалъ голоса, потомъ, цѣль забора, куда и его глаза обратились, прокатилъ ямской грантасъ съ звономъ колокольчика и бубенчиковъ, и, взбивши цѣлый столбъ пыли, влетѣлъ на всѣхъ рыскахъ въ узкія ворота. Потомъ всѣ вернулись къ столу и заговорили, перебивая другъ друга.

Люлю взяла брата за руку и, слегка дернувъ ее, торопливо сказала:

— C'est ton ami qui arrive...

Качковъ побѣжалъ по аллеѣ. До уха Шелонина долетѣлъ вопросъ матери, обращенный къ Люлю:

— Ici ou sur la terrasse?

На что Люлю, въ волненіи, отвѣтила:

— Il nous dira bonjour et il ira changer de toilette.

Черезъ минуту, не больше, изъ-за угла аллеи, къ которому и вьязина, и Люлю успѣли уже приблизиться, показалась, рядомъ съ Качковымъ, другая фигура молодого человѣка. Шелонинъ узналъ товарища своего, ванъ-деръ-Гильзена; но не двинулся впередъ, а прислонился къ столу. Онъ рѣшительно не могъ сейчасъ идти къ нему навстрѣчу съ пріятной улыбкой и протянутой пріятельски рукой... Да тотъ его и не замѣчалъ. Только черезъ нѣсколько секундъ, когда Шелонинъ вполнѣ справился съ собою, пошелъ онъ неторопливо, внимательно разглядывая приближающагося къ нему гостя. Оба они не видались около двухъ лѣтъ. Въ наружности Ореста Ѳедоровича ванъ-деръ-Гильзена произошла окончательная додѣлка. Природа надѣлила его широкимъ сложеніемъ и выпуклой грудью, при среднемъ ростѣ; его лицо было изъ самыхъ «неблагодарныхъ», съ мелкими и угловатыми чертами, скуласто, съ широкимъ ртомъ, бурой кожей, веснушками и рыжеватымъ отбѣнкомъ волосъ. Прежде, когда Орестъ Ѳедоровичъ «разрушалъ основы» въ Гейдельбергѣ, онъ носилъ длинные волосы и бородку: à la Jésus. Теперь на лбу его кокетливо торчали два кока съ пробормомъ, не совсѣмъ посрединѣ головы, но и не совсѣмъ на боку; а борода à la Jésus перешла, пышно разросшись, въ бороду-бабенбарды, расчесанную на двѣ половины такъ, какъ умѣютъ это дѣлать только въ Петербургѣ. Прежде Орестъ Ѳедоровичъ любилъ эксцентрическіе костюмы въ англійскомъ, изрѣдка во французскомъ вкусѣ. Теперь туалетъ его тоже прошелъ черезъ петербургскій очистительный кубъ и, продолжая быть изящнымъ, проявлялъ несомнѣнную молодую солидность, какая дается только Шармеромъ съ легкой прибавкой Сорра. Его ширококостную фигуру облекалъ запыленный, на этотъ разъ, но преисполненный «стиля» костюмъ изъ темносѣраго трико, — въ крупную вѣтку, съ поарковой шляпой свѣтлоричневаго цвѣта. Идя посреди дамъ, Орестъ Ѳедоровичъ выступалъ грудью и долженъ былъ повертывать голову то вправо, то влѣво, производя это безъ особой торопливости, съ легкостью и достоинствомъ. Качковъ подпрыгивалъ съ боку. До Шелонина, прежде всего, долетѣла его фраза:

— А мы, баронъ, думали, что вы пришлете депешу?..

Отвѣта гостя Шелонинъ не разслыхалъ. Еслибы онъ былъ въ другомъ настроеніи, его бы, конечно, разсмѣшило то, что Качковъ звалъ Гильзена *барономъ* совершенно серьезно.

— *Bonjour, cher ami, bonjour,*—громко раздался голосъ Гильзена. Шелонинъ тотчасъ же былъ привлеченъ имъ слегка за талию, и на щекѣ его отпечатался звонкій и отчетливый поцѣлуй.

Отвѣчая на дальнѣйшее рукопожатіе товарища, Шелонинъ еще разъ вблизи оглядѣлъ его. Гильзень улыбался ему своимъ широкимъ ртомъ, съ большими лоснящимися зубами, и какъ-то чуть слышно побрякивалъ.

— Здравствуй, здравствуй,—откликнулся торопливо Шелонинъ, не зная, идти ли ему дальше, или остановиться тутъ.

— Перекусить желаете, баронъ?—крикнулъ вдругъ Качковъ, и махнулъ головой.

Гильзень не безъ чопорности, но съ благосклонной улыбкой отвѣтилъ:

— Желаю, но не сейчасъ,—и, обращаясь къ дамамъ, онъ прибавилъ:—*Souffrez, mesdames, que je me sauve: je suis sale, comme un peigne...*

— *Poudreux, mais pas sale,*—поправила, колебля станомъ, Люлю.

Княгиня улыбнулась ея фразѣ и взглянувъ, все еще съ безпокойствомъ, на сына, проговорила осторожно:

— *Votre chambre est depuis longtemps préparée... à côté de celle de Grégoire.*

Люлю пододвинулась къ брату и, дотронувшись до его локтя, съ увѣренностью и громко выговорила:

— Гриша проводить мосье Ореста... Онъ незнакомъ съ нашимъ домомъ.

Взглядъ, брошенный на брата, добавилъ: «Ужъ это-то, по крайней мѣрѣ, сдѣлай на первыхъ порахъ».

— Идемъ,—сказалъ Шелонинъ, точно боясь, что его кто-нибудь перебьетъ.

Идти навѣрхъ съ Гильзеномъ въ эту минуту было ему не легко; но все же легче, чѣмъ оставаться въ саду.

— Бѣгу распорядиться на счетъ вашей ѣды,—объявилъ Качковъ и подмигнулъ гостю.

Гильзень опять благосклонно-чопорно улыбнулся ему и раскланялся съ дамами, причемъ онъ, по-французски, низко опустил шляпу, но волѣнъ не сгибалъ и грудь держалъ въ отвѣсномъ положеніи.

— Allons, mon vieux, — пріятельски вынулъ онъ Шелонину, и взялъ его подъ руку.

Дамы, въ молчаніи, долго смотрѣли имъ вслѣдъ.

XXVIII.

Въ комнатѣ для гостей, рядомъ съ спальenkой Шелонина, происходилъ процессъ переодѣванія Ореста Ѳедоровича ванъ-дербъ-Гильзена. Онъ разобрался и приступилъ къ этому процессу одинъ, попросивъ только мальчика Васю подать ему умыться и отправивъ его тотчасъ послѣ того, какъ получилъ обратно изъ чистки предназначенный для вечерняго употребленія костюмъ. Орестъ Ѳедоровичъ привезъ камердинера, но оставилъ его на станціи желѣзной дороги получать два сундука (съ однимъ онъ самъ пріѣхалъ), которые были отправлены прямо изъ Петербурга по большой скорости, но еще не пришли. Товарищъ Шелонина, позволяя себѣ во всемъ самый безупречный комфортъ, соединялъ его всегда съ разумной экономіей. Такъ поступилъ онъ въ этомъ случаѣ и съ багажемъ. Послѣ умыванія Гильзень сталъ выбирать рубашку въ верхнемъ отдѣленіи сундука, стоя вбокъ къ Шелонину, присѣвшему на окно. Гость уже бросилъ ему нѣсколько фразъ, на которыя тотъ не нашелъ еще никакого отвѣта. Манера говорить, какую выработалъ себѣ претендентъ на руку княжны Лидіи Дмитриевны, очень была похожа на ея дикцію: тоже киданіе словъ и рѣзкая развязность, съ прибавкой носовыхъ звуковъ, изрѣдка пускаемыхъ, когда темпъ рѣчи дѣлался медленнѣе.

— Cher ami, — окликнулъ Шелонина гость, поглядѣвъ на него черезъ плечо и вынимая рубашку суроваго цвѣта съ полосками. — Vous me semblez bien chose, foi de gentilhomme!

Привычка, усвоенная имъ въ «заведеніи» говорить по-французски «вы» товарищамъ, была одно время оставлена Орестомъ Ѳедоровичемъ подъ давленіемъ «духа времени», но онъ ее возстановилъ въ послѣдніе два-три года.

Шелонинъ слегка поморщился и лѣниво выговорилъ:

— Нельзя ли, Гильзень, не возобновлять игры въ русскихъ маркизовъ... Ты знаешь, что я въ нее не играю.

— Какъ тебѣ угодно, — отвѣтилъ Гильзень, выпятивъ слегка губы и осматривая, всѣ ли у рубашки пуговицы на лицо. Ты стоишь по прежнему за демократическій катехизисъ... Спорить я съ тобой не буду... Я хотѣлъ только сказать тебѣ, какъ това-

рищъ и... наконецъ, пріятель твой, что ты меня поражаешь...
je tombe des nues! Vrai!

— Чѣмъ же?—перебилъ живѣе Шелонинъ.

— Видомъ твоимъ... Ton extérieur, ton galbe... Ты точно приговоренъ къ смерти или въ воду опущенъ!..

Пуговицы оказались всѣ на лицо, и Орестъ Федоровичъ принялся вдѣвать въ манжеты массивныя запонки слоновой кости съ монограммами и коронами.

— Si je m'attendais à cela!.. Я ѣхалъ сюда и думалъ: вотъ теперь Grégoire можетъ начать блистательно свою карьеру... Онъ докторъ, онъ магистръ; поселится въ Петербургъ... avec la famille qui l'adore... Ну, если ему такъ угодно, займешь катедру, чтобы заявить себя, и года черезъ два, никакъ не больше, онъ на настоящей дорогѣ...

— Какой же это?—съ усмѣшкой освѣдомился Шелонинъ.

— Comme si tu ne le savais pas, fagreur! Разумѣется, какой: ты молодой ученый, ты другъ просвѣщенія—все это прекрасно; но ты—князь Рыкаловъ-Шелонинъ... дорога тебѣ прямая: помощникъ попечителя, а потомъ попечитель... и такъ далѣе... Не сидѣть же тебѣ въ приватдоцентахъ или даже въ ординарныхъ, и показывать à messieurs les étudiants: какъ нужно обращаться съ микроскопомъ и разглядывать въ него клѣточки... И такъ каждый годъ... Un métier d'huitre marinée—s'il en fut!..

Послѣ этого возгласа Орестъ Федоровичъ сразу облекся въ суровую съ полосками рубашку, и началъ быстро и ловко застегивать пуговицы и запонки.

По губамъ Шелонина продолжала бродить все та же улыбка: товарищъ въ своемъ «теперешнемъ» видѣ начиналъ какъ будто интересоваться его.

— Мнѣ кажется,—замѣтилъ онъ, поднимая голову, только въ этомъ métier d'huitre, какъ ты выражаешься, и можно у насъ быть на своемъ мѣстѣ и что-нибудь путное дѣлать.

— Полно, Grégoire, полно,—тономъ старшаго брата возразить Гильзентъ, принимаясь за повязываніе галстука,—все это, извини меня, гейдельбергскія наивности... Тогда можно было кричать на разные тоны: мы станемъ работать для идеи, мы воспитаемъ нѣсколько поколѣній, мы, мы!.. А что мы?.. Ничего въ російской имперіи, любезный другъ, не дѣлается путнаго иначе какъ посредствомъ...

Расправленіе бантика задержало конецъ фразы.

— Чего?—не безъ любопытства спросилъ Шелонинъ.

— Ад-ми-ни-стра-ціи,—отчеканилъ по складамъ Гильзентъ, и

выпрямилъ пластронъ своей рубашки. *Oui, ma vieille*, администраціи!.. Вотъ это дѣло. Съ тобой говорить не кварталный надзиратель, а человѣкъ... *de ton bord*. Поживя въ Петербургѣ, я пришелъ къ тому выводу, что каждый, у кого есть хоть крошка знаній или одна десятая идейки, обязанъ, *roug bien mériter de la patrie* — *entends-tu cela!* попасть туда, гдѣ онъ, какъ простой докладчикъ или юрисконсультъ, дѣлаетъ то, что...

— Ты, стало, на службѣ?—перебилъ его Шелонинъ.

— На службѣ, другъ, на службѣ... хотя этого многіе изъ нашихъ даже и не знаютъ. И я не числюсь только, я вношу мою лепту... Ты вникни, пожалуйста: пожелали бы мы съ тобой облагодѣтельствовать вотъ деревню вашу, а не весь русскій народъ, одними нашими интеллигентными средствами. Ну, чего бы мы добились? Нуля, полнѣйшаго фіаско!.. Безъ общихъ мѣръ ни въ какой странѣ, *dans aucun pays policé*, ты ничего прочнаго не реализируешь. Не заставишь же ты меня переживатьъ тебѣ, въ видѣ *ultima ratio*, фактъ 19-го февраля?.. Ну-съ! А вообрази себя *dans la peau d'un simple докладчикъ* въ какомъ-нибудь центральномъ вѣдомствѣ... Ты обсудилъ общую мѣру, ты изучилъ все, что надо, чтобы привести ее въ исполненіе, и пиши себѣ твой проектъ какъ тебѣ угодно! Въ девяти случаяхъ на десять, *avec un certain savoir faire*—ты—реформаторъ, хоть и анонимный! *Oui, cher ami, un réformateur!*..

XXIX.

Рѣчь Гильзена была опять прервана надѣваніемъ жилета, жакетки, часовъ и *pince-nez*, что потребовало съ разными *«derniers coups de main»* минутъ пяти. Сидя на окнѣ, Шелонинъ полузакрывъ глаза и ожидалъ дальнѣйшихъ внушеній товарища.

Совсѣмъ одѣтый, Гильзенъ оставался въ комнатѣ еще съ четверть часа, старательно и въ нѣсколько приемовъ устроивая свою прическу, расчесывая бакенбарды и очищая лицо отъ разныхъ маленькихъ случайностей, въ видѣ прыщиковъ, къ которымъ оно—увы!—было весьма склонно. Всѣ эти операціи немѣшали ему выдать фразы безостановочно и даже одушевляться съ замѣтнымъ *scenscendo*.

— Я знаю,—началъ онъ съ легкимъ смѣхомъ послѣ возгласа о реформаторѣ,—какъ ты разсуждалъ года два тому назадъ... Ты готовилъ себя въ мыслители... раз вгаі? Ученая дорога была только пьедесталомъ или, лучше сказать, школой... Сна-

чала анализъ, потомъ синтезъ,... вѣдь такъ?.. Лѣтъ десять-двадцать собирать факты и воспитывать молодое поколѣніе, а потомъ *bâcler un système*... Словомъ, повторить *en grand ou en petit* биографіи Конта, Бокля, Милля... *C'est beau, mais c'est d'une naïveté écrasante!*..

Гораздо строже взглянулъ на него Шелонинъ и выговорилъ съ удареніемъ:

— Конта и Милля можно бы и не припутывать.

— Пожалуйста, не обижайся, Grégoire!.. Никто болѣе меня не уважаетъ твоихъ идей. Повторяю: съ тобой говорить не квартильный надзиратель... *Tu es un pur*; но и мы тоже не пеналаны какіе-нибудь. Я — позитивистъ, и доказываю это каждой строчкой, выходящей изъ-подъ моего пера...

— А ты много пишешь?

— Вотъ и по этой части, *tu diras peut-être que j'ai tourné sazaque*; а въ сущности я только обратилъ слова въ дѣло... Есть у насъ пресса, какова-бы она ни была, а потому надо выбрать органъ поприличнѣе... и работать... *pro domo sua*, т.-е., поддерживать то, что ты желаешь провести въ законодательство или администрацію... Я не сдѣлаюсь *écrivassier*, но я уже занимаю солидное мѣсто въ приличной газетѣ... пишу, что хочу и когда хочу, и могу всегда *être au courant* всѣхъ крупныхъ предпріятій...

— Концессій, что-ли?—сорвалось съ языка Шелонина.

Гильзень не обидѣлся. Напротивъ, онъ, раздѣляя свою бороду на двѣ половины большой жесткой щеткой, не безъ довольства выпятилъ одну щеку и продолжалъ:

— И концессій. Это гораздо легче дѣлается, чѣмъ ты думаешь... Всѣ знаютъ... *dans un certain monde*, что я имѣю серьезное экономическое образованіе... писать я умѣю, состою на службѣ... Хорошо составленный проектъ эксплуатаціи или устава *ça se vend cher*... *Mais ça n'est pas ma spécialité*... Я не откажусь дать совѣтъ, какъ я не откажусь принять участіе и въ какой-нибудь комиссіи по народному кредиту... артеляхъ... *Que sais-je!*..

— Расскажи-ка, что-нибудь!—пригласилъ Шелонинъ.

— Въ другой разъ, Grégoire, въ другой разъ... Все это — игрушки; повторяю, безъ общихъ мѣръ ничего создать нельзя... даже если горѣть любовью... въ мужику!.. *Là-dessus, je vais te décocher sagittément*: эта любовь мнѣ надоѣла до отвращенія, сердись на меня, какъ тебѣ угодно... Что это за манія болтовни

про народъ! N'avoir d'autre visée que l'Eldorado communal dans chaque trou tchouvache!..

Орестъ Оедоровичъ даже обернулся на коблукъ и взялъ съ туалетнаго столика пилочку для ногтей.

— Будто онъ у всѣхъ, этотъ идеаль?—проговорилъ Шелонинъ, сдержавъ внутреннее движеніе, вызванное тирадой товарища.

— J'en ai jusqu'ici! (и Гильзень показаль на горло). Народъ, народъ, мужичекъ, фабричный!.. Но гдѣ же во всемъ этомъ наука, знаніе, законъ, la sociologie enfin!.. Или мы съ тобой позитивисты—или нѣтъ. Если да, то развѣ для насъ обязательна вся эта... enfin tout ce verbiage mystique... Да, любезный другъ, это мистицизмъ—и ничего больше... Для меня впереди всего: законъ природы, законъ исторіи, законъ экономического развитія... Qu'est ce une loi?..

Задавши этотъ вопросъ, Гильзень остановился посреди комнаты съ пилкой въ правой рукѣ и съ растопыренными ногами.

— Ты знаешь формулу наизусть... не трудись повторять,—откликнулся Шелонинъ, и всталъ съ окна.

— Eh bien!.. si c'est ainsi — je n'en démords pas... Я не знаю: куда ты теперь зашелъ въ твоихъ идеяхъ; но если ты со мной не согласенъ—я выхожу—un rug; а никакъ не ты; ты—еретикъ... ха, ха, ха!

Одушевленіе Гильзена мгновенно улеглось. Онъ положилъ пилку на мѣсто, очистилъ ногти мягкой щеточкой и застегнулъ жакетку на одну пуговицу.

— La suite à demain!—весело вскричалъ онъ.—Или, нѣтъ! Это хорошо вотъ такъ, пока одѣваешься; а вамъ съ тобой—нечего полемизировать. Il faut vivre, ma vieille, et faire vivre les autres!

— Amen,—закончилъ Шелонинъ.

— Я готовъ! Пора и къ дамамъ.

Тутъ Гильзень близко подошелъ къ Шелонину, взялъ его подъ руку, и, потихоньку двигаясь къ двери, заговорилъ совсѣмъ другимъ тономъ:

— Surtout pas de polémique devant ces dames... Я надѣюсь, Grégoire, что я найду въ тебѣ добраго товарища... Ты знаешь мою натуру... въ сентиментальности я вдаваться не хочу. Я не говорю, что умру, если твоя сестра откажетъ мнѣ въ рукѣ; mais j'ai des intentions sérieuses... Если дѣло это сладится, я желалъ бы, конечно, и твоего одобренія... Ты за отсутствіемъ отца chef de famille... par interim... И съ матерью ты былъ

всегда такъ хорошѣ... Вотъ пока, что я хотѣлъ тебѣ сказать, а потомъ... знаешь, какъ Мénélas поетъ: 'n'anticipons pas!..'

И, разсмѣявшись, онъ повелъ Шелонина внизъ.

XXX.

Вечеръ наполнился возбужденной «causerie» въ гостиной. Вѣрный своему слову и слишкомъ ушедшій въ себя, товарищъ Ореста Ѳеодоровича ванъ-деръ-Гильзена принималъ умѣренное участіе въ разговорахъ и только потому не отправился раньше другихъ наверхъ, что не желалъ вызывать, ни въ матери, ни въ сестрѣ, никакого намека, никакой мины.

Была одна минута, когда Люлю и Гильзень подошли оба къ открытой двери на балконъ и стали въ ея рамѣ, на фонѣ темной зелени террасы. Сумерки начинали сгущаться. Шелонинъ сидѣлъ въ темномъ углу гостиной у печки, и глаза его обратились къ этой парѣ, подъ вліяніемъ внезапной мысли, вызвавшей чуть замѣтную усмѣшку на его слегка запекшихся губахъ.

«Какъ же не естественный подборъ», подумалъ онъ,—и началъ внимательнѣе разглядывать фигуры сестры и претендента... «Самъ Дарвинъ пришелъ-бы въ восторгъ!..»

И въ самомъ дѣлѣ, «подборъ» бросался въ глаза. Оба были одного роста, широки въ плечахъ, съ выпуклой грудью, съ разительнымъ сходствомъ осанки. Лица, при всемъ несходствѣ чертъ, принадлежали несомнѣнно къ одному типу. Мудрено-ли, что они похожи были и по духовному складу своему. Наверху, во время одѣванья Гильзена, Шелонинъ, минутами, слышалъ фразы, слова и мнѣнія Люлю. Одно міровоззрѣніе соединяло ихъ. Хотя Люлю и не вбирала въ себя когда-то «системы», но она жила тѣмъ же «позитивизмомъ», какъ и Орестъ Ѳеодоровичъ. И для нея все было рѣшено, и лежало, какъ на ладони. И онъ считалъ себя отгадчикомъ всѣхъ вопросовъ, а свою житейскую дорогу «осуществленіемъ практической социологіи». Стоило ему только встать посреди комнаты и громко задать себѣ вопросъ:

— Qu'est-ce une loi?

И тѣмъ-же акцентомъ бойкаго начетчика онъ отвѣтилъ бы:

— Un fait qui se renouvelle de la même façon dans les mêmes circonstances.

И всѣ умственные и нравственные колебанія разомъ отлетали отъ него. Онъ—Орестъ Ѳеодоровичъ ванъ-деръ-Гильзень—находился на вершинѣ пирамиды, въ числѣ избранниковъ міровой

интеллигенціи—а все остальное, тамъ, внизу, расы, племена, эпохи, общественные слои и пласты, смуты и катастрофы, вѣстовая, злодѣйская эксплуатація и кровавые взрывы народныхъ массъ, голодъ и моръ, ужасы пролетариата, ненависть и ярость нищеты, рабства и отчаянія—все это представлялось ему въ видѣ правильного чертежа съ клѣточками различныхъ цвѣтовъ: синенькими, красненькими, зелененькими... Каждая клѣточка является въ свое время и занимаетъ свое мѣсто, а за ней другая, третья.. Мудрецъ, т.-е. все онъ же, Орестъ Ѳедоровичъ ванъ-дербъ-Гильзень, отмѣчаетъ ихъ съ джентльменскимъ спокойствіемъ, а когда кто-нибудь попытается нарушить его позитивный миръ, онъ сейчасъ же ошеломить его возгласомъ:

— Sommes nous positivistes, oui ou non?!..

Шелонину показалось, что рука Люлю— въ рукѣ Гильзена, и до слуха его долетѣли слова ея:

— Parlez à ma mère...

Больше онъ уже не глядѣлъ на нихъ. Память о прежнемъ пріятелѣ и его превращеніе въ *теперешняго* Гильзена проскользнули по немъ, вызвавъ минутное побочное раздумье. Точно туманные картинки проплывали передъ его глазами, а позади ихъ хоронилось другое, захватывающее всю душу... Оно держало его въ своихъ когтяхъ, пока внутри что-то бродило и кинѣло, искало выхода и не находило его...

Вонъ тамъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, сидитъ его мать и рядомъ съ нею, полулежа на диванѣ...

Шелонинъ быстро закрылъ глаза и поднялся. Воздухъ гостиной душилъ его. Но ему нельзя было пройти ни въ садъ, ни въ залу, не помѣшавъ какой-нибудь интимной бесѣдѣ... Безпомощно опустился онъ на кресло и все въ томъ же забытіи, которое чуть не каждый день начало овладѣвать имъ, просидѣлъ до вечерняго чая, замѣнявшаго въ Шелонихѣ ужинъ.

Замѣтилъ онъ мелькомъ, что Люлю была и возбуждена, и нѣсколько шумлива, разливала чай съ небываломъ добродушіемъ и раза два обмѣнялась взглядомъ съ княгиней. Гильзень сидѣлъ между ними и тонъ его «постороннихъ» разговоровъ указывалъ прямо на то, что онъ все, что ему нужно, покончилъ; а теперь опять въ своей обычной тарелкѣ и собирается съ аппетитомъ пить чай, ѣсть яйца въ смятку, холодный ростбифъ и «dessert assorti», какъ онъ называлъ все сладкое, стоявшее на столѣ. Качковъ черезъ столъ подмигивалъ Люлю своимъ монокулемъ: ему тоже было уже извѣстно, что «дѣло покончено». Онъ участво-

вать въ семейномъ событіи и съ громомъ и трескомъ угощаль гостя, похваливая ему каждое кушанье.

Съ какой стремительностью бросился-бы Шелонинъ на воздухъ, въ мглу большого сада... но подъ руку его опять поддерживалъ товарищъ и, введя его на верхнюю площадку антресоля, со свѣчкой въ рукахъ, сказалъ ему съ легкой передышкой:

— Merci, Grégoire!

— За что?—изумленно спросилъ онъ.

— За твой объективизмъ, любезный другъ... Только ты ужъ, кажется, перепустилъ теорію невмѣшательства. Но твоимъ лицомъ я не доволенъ—tu as un mal quelconque... Поздравь меня.

— Поздравляю.

— Ты понимаешь съ чѣмъ... Je suis allé droit au but... et m'y voilà... Теперь за тобой очередь... Надобна во всемъ послѣдовательность: собственность мы съ тобой, надѣюсь, признали, общественную іерархію также—теперь пришло время закрѣпить и третій принципъ—семью... Oui ou non?..

— Amen,—проговорилъ Шелонинъ тѣмъ же голосомъ, какъ и послѣ обѣда.

— Oui, mon vieux; а тамъ и хозяйничать надо, не гнушаться при случаѣ и рентой: n'en déplaie à messieurs les mystiques!... Да ты совсѣмъ спишь?.. Bonne nuit—вотъ твоя комната...

Гильзенъ сдѣлалъ ему прощальное привѣтствіе рукой, и самъ затворилъ за нимъ дверь.

XXXI.

Въ двухъ верстахъ отъ Шелоники, по обѣимъ отлогостямъ небольшой балки лежитъ веселая дубовая рощица, «Козье урочище», по мѣстному крестьянскому прозвищу. На одной изъ ея проталинокъ, часу въ восьмомъ вечера, только-что поспалъ іюльскій зной, расположился цѣлый таборъ...

То былъ «пикникъ», затѣянный въ честь Ореста Федоровича ~~и~~ деръ-Гильзена Полема Качковымъ: пикникъ съ неизбежной начинкой, жаренымъ въ сметанѣ картофелемъ и самоваромъ. Подъ тѣнью трехъ ядреныхъ и раскидистыхъ дубковъ поваръ и мальчишки ставили приборы на коверъ. Поодаль, въ котловинѣ, крестьянскій парень, босой и безъ шапки, раздувалъ самоваръ; а ~~и~~ ближе у костра Качковъ, весь красный, суетяся и гримасничая, ухаживалъ за двумя сковородами.

Общество сидѣло вокругъ ковра. Рядомъ съ княгиней помѣ-

щалось новое лицо—сосѣдъ по имѣнію, Иванъ Николаевичъ Черницынъ—мировой посредникъ, пріѣхавшій къ обѣду, но оставшійся на цѣлый день. Его тучное тѣло съ краснымъ лицомъ, точно подернутымъ масломъ, весьма безцеремонно прикрывали парусинный балахонъ и такіе же шаровары... Видно было, что и эти одежды тяготили его непомѣрно. Онъ то-и-дѣло отдувался, обтирая лицо и затылокъ. Большущіе усы съ легкой сѣдиной падали внизъ на толстыя щеки и только увеличивали страданія посредника. Княгиня смотрѣла на него ласково, Люлю съ нѣкоторой гадливостью, Гильзентъ, присѣвшій къ нему поближе, занимался имъ, какъ курьёзомъ, сохраняя на губахъ благосклонную усмѣшку и безпрестанно задавая ему вопросы. Шелонинъ, полулежа у дерева, слушалъ ихъ разговоръ. Посредникъ картавилъ на особый непередаваемый ладъ, какъ только умѣютъ картавить на Руси.

— Ваша правда,—вскричалъ онъ, обтирая потную шею,—ваша правда, мусѣ Гильзентъ, мы посредники теперича слововъ продаемъ.

— Пріятно такое сознаніе,—одобрилъ Гильзентъ, и тотчасъ же прибавилъ:— ну, все же, какія-нибудь дѣла да остались, по выкупной операціи, напримѣръ...

— Ни, Боже мой!.. Хопъ бы гдѣ-нибудь на смѣхъ пошли на выкупъ... Я еще прежде хлопоталъ; а теперича рукой махнулъ!..

— И почиваете на лаврахъ...

— Какъ видите,—съ жирнымъ смѣхомъ возразилъ посредникъ—не стѣсняясь присутствіемъ дамъ—въ собственномъ бульонѣ варюсь... Этакая анаемская жарница!.. А ѣздить я нигуда не ѣзжу... по участку... Зачѣмъ?

— А школы?—спросилъ издали Шелонинъ.

— Ахъ, ваше сіятельство!.. Вы изволите говорить: школы!.. По доброй волѣ ни одна ка—а—наля... не хочетъ; а приговоры писать—только людей морочить... Зимой меня начальникъ губерніи вызывалъ... До свѣдѣнія моего, говорить, дошло, что вы второй годъ ни въ одной волости не были. Правда, говорить это, али враки?.. Совершенная правда, отвѣчаю, ваше превосходительство. Потому нигуда и не ѣзжу, что нечего намъ дѣлать... Такъ зачѣмъ же, говорить, вы служите? А зачѣмъ, отвѣчаю, что другой то же бы дѣлалъ, такъ ужъ лучше я за него жалованьишко подберу... Ей-ей! такъ и отпраповалъ!.. И повѣрьте, говорю, ваше превосходительство, нечего намъ по волостямъ шляться, пускай, молъ, мужички сами приговоры пишутъ насчетъ школъ или чего... И что-жъ бы вы, ваше сіятельство, думали?.. спро-

съ громогласно посредникъ, повернувши свои сѣро-желтые глаза навывасть, сначала въ сторону дамъ, а потомъ и къ Шелонину.

— Что-же?—полюбопытствовалъ за всѣхъ Гильзень.

— Станиславчика мнѣ же повѣсилъ... и за то спасибо!..

Хохотъ толстяка разнесся по всей полянкѣ и заставилъ даже обернуться Качкова, погруженного въ свою стряпню.

— Mesdames!..—крикнулъ онъ,—яичница—ума помраченье!.. Господа! идите же помогать намъ... Васъ я, Иванъ Николаевичъ, не прошу, вы и сами на сковородѣ жаритесь... ха, ха, ха!..

— Ловко, ловко!—вторилъ посредникъ остротѣ Качкова, обмахиваясь платкомъ и разстегивая балахонъ свой до послѣдней пуговицы.

Гильзень всталъ и богатырски выпрямился; Шелонинъ не двигался.

— Чтѣ прежде?—крикнулъ Качковъ дамамъ.

— Картофель!—отвѣтила ему Люлю и привскочила, желая чутиться поскорѣе около Гильзена.

Тотъ взялъ ее подъ руку съ увѣренностью жениха.

— *Voilà la cuisine de monsieur Paul*,—сказалъ онъ, низко наклоня къ ней голову, и окликнулъ Шелонина:—*Grégoire!* мы тебя оставимъ безъ ужина.

— И меня, пожалуй? вскричалъ посредникъ,—такъ и быть, примемъ тушей!

Уперевъ правый кулакъ въ стволъ дерева, началъ онъ согнѣть и подниматься, Качковъ со сковородой въ рукѣ смотрѣлъ на его усилія и помиралъ со смѣху.

— Вы, князь, благую часть избрали!.. Или со мной пожалуете?..

Слова посредника, обращенныя къ Шелонину, не долетѣли до него. Онъ повернулся спиной къ ковру и на что-то пристально смотрѣлъ... Вбокъ видна была только темная впадина его глаза на блѣдной щекѣ.

— Сюда!—вдругъ тихо вскрикнулъ онъ, поднялся совсѣмъ на ноги и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Кто, кто такой?—пугливо спросилъ посредникъ.

— Гонецъ!

— Какой гонецъ?... Анъ и въ самомъ дѣлѣ... Ужъ не па-
мѣла-ли вашъ пожаловалъ?..

Мужикъ, въ бѣлой рубахѣ и лаптяхъ, скакалъ верхомъ вдоль по ложбинѣ, извивавшейся въ оврагѣ. Рубаха надувалась у него

за спиной, локти тряслись, а правой рукой онъ усердно стегалъ свою пѣгую лошадеву.

XXXII.

Черезъ минуту всадникъ въ рубахѣ поднялся уже къ проталинкѣ, и въ десяти шагахъ отъ барской телѣги и самовара соскочилъ, ерзнувъ животомъ, на земь, оправилъ кушакъ и стремительно снялъ шляпу. Его рябое лицо съ черными кудрявыми волосами и круглой бородой смотрѣло испуганно и простовато.

Первый подбѣжалъ къ нему Шелонинъ. Посредникъ шелъ сзади, тяжело шагая и подергивая шаровары. Княгиня тоже привстала. Гильзенъ съ Люлю остановились на полпути къ востру, откуда Качковъ, зачуя какую-то «исторію», уже порывался и кричалъ повару:

— Левонъ, а Левонъ! иди смотрѣть за сковородами... Я весь изжарился...

Въ нѣсколько прыжковъ догнавъ онъ посредника, обнявъ его за спину и пригласилъ рукой: — Пожалуйста, по начальству-сь!..

Рябой крестьянинъ не успѣвъ еще рта раскрыть, какъ Шелонинъ, съ волненіемъ въ голосъ, кинулъ ему два вопроса:

— Что случилось?.. Кто ты?..

— Десятской, ваше сіятельство... Веденей Ильичъ послали... скачи-чать Филать въ рощу, тамъ и Иванъ Миколаичъ, посредственный...

— Да что же случилось-то?..—съ возрастающей нервною жереспросилъ Шелонинъ.

Вопросъ разслыхалъ посредникъ и крикнулъ:

— Что же ты, братецъ, мямлишь?.. Какая оказія?..

Глуповатый и небожій десятникъ совсѣмъ запутался.

— Нездорово, Иванъ Миколаичъ, ваше благородіе, у Фарафонтъевыхъ въ избѣ...

— У Фарафонтъевыхъ?—вскрикнулъ Шелонинъ, и вздрогнулъ такъ, что посредникъ, бывшій уже около него, взялъ его за руку.

— Что вы, князь; перепились, должно быть, кана-альи... а намъ-то что?

— Акимъ вернулся? — продолжалъ Шелонинъ, не обративъ вниманія на успокоеніе посредника.

— Нивакъ нѣтъ, ваше сіятельство... Самово-та и посейчасъ нѣту... Хозяйка одна была....

— Мямлишь ты, дуралей, мямлишь зачѣмъ, — запыхтѣлъ

Иванъ Николаевичъ, — говори толкомъ: драка, смертоубійство, али что?

— Епипсеа знать, — нетвердо выговорилъ десятникъ, — батрака ихняго, Фарафонтьевскаго, уложилъ...

— Убилъ? — глухо прервалъ Шелонинъ.

— Самъ я не видокъ, батюшка; а Веденей Ильичъ такъ мнѣ

сказали. Всѣ переглянулись. Шелонинъ снялъ шляпу и оттянулъ книзу пальцы. Посредникъ застылъ «въ своемъ собственномъ бульонѣ». Качковъ побѣждалъ къ дамамъ и закричалъ:

— Мертвое тѣло! Подождите меня! Я мигомъ слетаю верхомъ!

Какъ только княгиня услышала слова Качкова, она мгновенно, съ измѣнившимся лицомъ, протянула обѣ руки и почти умоляющимъ голосомъ крикнула:

— Paul, n'y allez pas, au nom du ciel n'y allez pas!

Этотъ крикъ заставилъ обернуться Шелонина.

— Оставайтесь здѣсь! — рѣзко и злобно остановилъ онъ Качкова, порывавшагося уже овладѣть пѣгимъ меренкомъ десятника. Лошадь не была выпражена изъ телѣги.

— Ъдмте, — сказалъ Шелонинъ посреднику.

— На какомъ-же инструментѣ, князь? парабана вашего еще нѣтъ.

— Въ телѣгѣ... вы должны быть тамъ. Это ваши крестьяне... Ъдмте, — повторилъ онъ строго.

— Grégoire! — раздался голосъ княгини. — Но онъ не удержалъ Шелонина.

Съ какой-то начальнической настойчивостью заставилъ онъ посредника помѣститься въ кухонной телѣгѣ, самъ взявъ возжи, и, не разбирая кочекъ, сталъ спускаться въ ложбину.

Качковъ и группа изъ двухъ дамъ съ Гильзенонъ тотчасъ же скрылись за деревьями. Десятникъ подпрыгивалъ и работалъ лопатами позади.

Телѣга катила вскачь и духомъ донеслась до деревенскаго моста съ убогимъ мостомъ.

— Пьесвятая выдичица! — жалобно вскрикнулъ посредникъ, когда они ўхнули въ оврагъ и чуть-чуть не слетѣли съ моста.

Шелонинъ ни разу не обернулся лицомъ къ своему спутнику и не проронилъ ни слова. Онъ сосредоточенно смотрѣлъ впередъ и дѣло понукалъ лошадь.

«Убилъ», безпрестанно повторялъ онъ про себя, убилъ... такъ важно было случиться».

Все его существо было охвачено горячей страстью, ему

только понятнаго желанія все скорѣе видѣть на мѣстѣ. Хорошо не сдержавъ лошадь, соскочилъ онъ съ телѣги на углу двора Фарафонтьевыхъ, гдѣ собралось уже порядочно народу, больше бабъ и ребятишекъ.

Встрѣтилъ его Веденей Гусевъ въ плотно-запахнутомъ зипунѣ и медали, съ невозмутимымъ, но напряженнымъ лицомъ: это сказывалось въ краснотѣ жилокъ на щекахъ и вокругъ носа.

— Убить работниковъ?—на ходу спросилъ Шелонинъ.

— Такъ точно, — промолвилъ Гусевъ, и шагнулъ пудовыми сапогами къ телѣгѣ, чтобы принять на руки своего начальника.

Не дожидаясь посредника, Шелонинъ прошелъ скорыми шагами сѣвось разступившуюся кучу народа и попалъ на дворъ.

— Эта, указала ему бабенка посмѣлке на мшенникъ, — въ правомъ углу двора.

Тамъ стояло два караульщика. Они сняли, молча, шапки, и одинъ изъ нихъ отворилъ плетневую дверку мшенника.

Низко нагнувшись, Шелонинъ перешагнулъ порогъ и сразу очутился передъ тѣломъ убитаго, прикрытымъ на половину розежей...

Впечатлѣнiе было такъ сильно, что онъ схватился за край койки, гдѣ лежалъ трупъ. Точно облако пронеслось у него предъ глазами.

XXXIII.

Темная лужа скопилась внизу, подъ койкой. Убитый лежалъ на правомъ боку, спиной ко входу, съ закинутой за голову лѣвой рукой... Одна рана шла по всему черепу, поперекъ...

Запахъ разлагающейся крови и видъ этой одной зияющей трещины, сдѣланной топоромъ и говорившей о внезапной смерти погнажи Шелонина на воздухъ. Но онъ успѣлъ разглядѣть профиль убитаго батрака... Лицо было обмыто. Вздернутый насмѣшливый носъ и покосившіяся губы, казалось, издѣвались надъ убійцею и дерзко вызывали смерть.

— Гдѣ Устинья? — робко освѣдомился Шелонинъ у одного изъ караульныхъ.

— Въ избѣ, батюшка, али въ сѣняхъ... и Епишка тамоты.

На крылечкѣ, гдѣ еще такъ недавно угощала его квасомъ кормилица, засѣдалъ посредникъ, продолжая обтираться платкомъ и допрашивалъ Веденея, стоявшаго на улицѣ, у перилъ, безъ шапки, въ позѣ подчиненнаго. Иванъ Николаевичъ въ мшен

никъ самъ не пошелъ: онъ какъ огня боялся покойниковъ, особенно уголовныхъ.

— Какова трагедія!..—крикнулъ онъ Шелонину,—извольте-ка прислушать, ваше сіятельство... Любовные, выходить, амурь.

Тотчасъ же понялъ Шелонинъ, что Веденей объяснялъ уже посреднику мотивъ преступленія.

— Объ этомъ что же распространяться,—сухо перебилъ онъ,—сѣдствіе покажетъ... Устинья въ сѣняхъ?—обратился онъ къ Веденю и сдѣлалъ ему чуть замѣтный знакъ, который Веденей тотчасъ-же понялъ и пошелъ за нимъ въ избу.

Въ сѣняхъ Устиньи не было. Отведя старосту въ уголъ, Шелонинъ быстро и съ удареніемъ сказалъ ему:

— Ты знаешь, Веденей, Устинью обижать и впутывать, безъ нужды, не годится. Пускай само дѣло за себя говоритъ.

— Да я, ваше сіятельство, ничево доподлинно не докладывалъ Ивану Миколанчу... Только они насчетъ слуховъ спрашивали...

— Мало-ли что толкуютъ,—возразилъ Шелонинъ.— Она въ избѣ?

— Въ избѣ-съ... Не знай, какъ Иванъ Миколанчъ приказалъ до сѣдственнаго стеречь ее, али совсѣмъ связать?

— Затѣмъ? Она не уйдетъ.

— Да вѣдь не ровень часть, батюшка. Дюже убивается... Какъ бы рукъ на себя не наложила...

— Наблюдать надо, вотъ и все... Иди къ посреднику... И снѣ въ избѣ?

— Тамъ, да вы не извольте пужаться... Онъ связанный, да караульные при немъ приставлены...

Веденей вернулся на крылечко; а Шелонинъ отворилъ тяжелую дверь избы.

Въ грязное оконце свѣтъ проникалъ настолько, что можно было сразу разглядѣть въ красномъ углу фигуру Епифана. Онъ сидѣлъ понуря голову. Руки у него были закручены назадъ. Въ положеніи всего тѣла не проявлялось никакого напряженія. Ноги онъ вытянулъ и положилъ одну лапоть на другую. Волосы падали ему на лобъ. На двухъ скамьяхъ, по обѣ стороны, сидѣли караульщики и поглядывали на него безъ всякаго страха или волненія: точно на какое казенное добро, по назначенію ихъ присмотру.

— Гдѣ Устинья?—спросилъ у нихъ Шелонинъ.

Они вразъ привстали и указали на печку.

— Тамотка, — тихо промолвилъ караульщикъ постарше, малорослый мужикъ съ бѣлымъ на глазу.

За печкой, на кучѣ какой-то ветоши сидѣла Устинья, подавшись всѣмъ туловищемъ впередъ, съ руками, сложенными на груди, и точно въ тактъ покачивала головой.

Когда Шелонинъ обликнулъ ее, она его не узнала сразу, потомъ схватила за руку и прижалась къ ней лицомъ.

Долго не могла она ничего вымолвить. Шелонинъ чувствовалъ только, какъ колыхалось все ея тѣло отъ судорожныхъ, беззвучныхъ рыданій. Это прикосновеніе рыдающаго живого тѣла навсвоя провизало его новымъ чувствомъ скорби, ужаса, жалости...

Но это было одно мгновеніе. Устинья оторвала лицо отъ его руки, и онъ увидаль блѣдный, застывшій, точно деревянный обликъ, посреди котораго два глаза смотрѣли на него въ упоръ... въ нихъ не было уже ни слезъ, ни раскаянія, ни молебъ.

— Убилъ, — прошептала она, шевеля губами, ... — взмахнулъ топоромъ — и покончилъ...

И съ выраженіемъ не ужаса, а скорѣе горечи — она повторила:

— И покончилъ..

— Тамъ, на дворъ? — тихо спросилъ Шелонинъ.

— Въ амшеникѣ... да, спаль Вани, а онъ съ топоромъ — шашъ — и покончилъ.

И опять она качала головой, а руки ея спустились безпомощно по бедрамъ.

О чемъ ему было разспрашивать кормилицу. Онъ все понималъ, и это пониманіе леденило ему уста.

— Тебѣ страшно будетъ ночью, — попробовалъ онъ выговорить, — не хочешь-ли на барскій дворъ?...

— Чаво? — глухо окликнула Устинья.

— На барскій дворъ, — повторилъ Шелонинъ, — не хочешь-ли переночевать?..

— Оставьте меня, отцы вы родные, оставьте, — вдругъ завыла Устинья, и повалилась на грудь ветоши.

— Не замай ее, баринъ, — замѣтилъ караульщикъ съ бѣлымъ, — нѣнго отъ бабы толкомъ добьешься чего...

Но ему ничего и не нужно было добиваться. Онъ молча отошелъ отъ Устиньи и прислушивался къ тяжелому безмолвному полу-темной избѣ, гдѣ слышались только вздохи Устиньи и медленное, крѣпкое дыханіе ея сына.

— Акимку-то отыскали, штоль? — лѣниво спросилъ второй караульщикъ.

— Гдѣ ево найдешь, собачьяго сына... Прослышитъ, небось, притащится. Ему што... не велика сухота: рай, онъ какъ и всѣ люди.

Мужикъ съ бѣльмомъ умолялъ, завидѣвъ вошедшее начальство.

XXXIV.

Первымъ вступилъ въ избу Веденей; а за нимъ уже, высиравая вправо и влево и шевеля усами, двинулся и посредникъ.

— Ну что, ваше сіятельство,—обратился онъ къ Шелонину,—уcontentовались? Гдѣ молодець-то?..

— Вотъ онъ самый,—указалъ Веденей.—Встань!—крикнулъ онъ Епифану.

Тотъ вскалъ и немного приподнялъ голову; въ его стеклянныхъ глазахъ Шелонинъ увидалъ то же выраженіе, какъ и въ нѣтъ разъ, когда мать посылала его будить батрака.

— Что ты это, братецъ, накуралесилъ?—сталъ его спрашивать посредникъ.

Епифанъ молчалъ.

Онъ маленько придурковать,—объяснилъ Веденей.

— Однако въ трезвомъ разумѣ?..

— Извѣстное дѣло,—подтвердилъ староста.

— Топоромъ,—полюбопытствовалъ посредникъ.

— Вотъ эвтимъ самымъ.

Веденей взялъ съ лавки топоръ съ свѣжезапекшейся кровью и поднесъ его господамъ.

Иванъ Николаевичъ хотѣлъ-было дотронуться, да побоялся; Шелонинъ оглядѣлъ и лезвее, и топорнице.

— Твое дѣло?—крикнулъ посредникъ Епифану.

Тутъ только тотъ очнулся и тяжело выговорилъ:

— Чѣ же инъ, коли не мое?..

— А тебя за это по головкѣ поглядать?

Епифанъ опять замолѣлъ.

— Ну, чтожъ, братцы,—заговорилъ, пріосанившись, посредникъ,—вамъ обиды не будетъ... Только стерегите покрѣпче... его, да и бабу-то.

— Я бы васъ просилъ, Иванъ Николаичъ,—вмѣшался тутъ

Шелонинъ:—не приказывать сажать Устинью... Мы всё за нее порука.

— Смертоубійство, князь, безъ строгости нельзя,—возразилъ посредникъ, подперевъ себя въ бока и выпуская громкую струю воздуха.

— Вы не извольте сумлѣваться, ваше сіятельство,—успокоительно вставилъ староста,—пушай ее въ избѣ здѣсь будетъ... Я караульных поставлю... Устинья ихняя кормилка,—доложилъ онъ въ сторону начальства.

— Ну, ты свое дѣло знаешь,—успокоилъ Иванъ Николаевичъ...—А я теперь,—обратился онъ къ Шелонину,—разомъ двухъ зайцевъ убью... Мнѣ надо на Грибаново въ городъ. Въ Грибановѣ—слѣдователь, а завтра, чѣмъ свѣтъ, доктора оповѣщу... Я велѣлъ въ восемь закладывать... Княгиня и княжна извинять меня...

Толстякъ заторопился вонъ. Шелонинъ выпустилъ его съ Веденеемъ и еще разъ оглядѣлъ всю избу... Епифанъ все стоялъ какъ вкопанный, съ туго стянутыми назадъ руками.

— Сядь,—сказалъ ему Шелонинъ.

— Постоить,—отвѣтилъ за Епифана караульщикъ съ бѣльмомъ.

Шелонинъ прислушался къ звукамъ, шедшимъ изъ-за печки.

— Окаянная!—прошептала Устинья и потомъ смолкла, точно замерла.

Прощаться съ ней молочный сынъ ея не посмѣлъ. Почти на цыпочкахъ вышелъ онъ изъ избы. Начинало уже темнѣть. Народъ расходился. Выйдя на порядокъ, Шелонинъ услыхалъ звонъ колокольчика—въ оврагъ спускался посредничій тарантасъ.

Походка его замедлилась. Онъ высвободился изъ-подъ перваго натиска катастрофы, гдѣ все было полно для него тайнаго, почти рокового смысла.

«Вотъ исходъ», думалъ онъ уже безъ лихорадочнаго трепета, а съ ясностью внутренняго взгляда, съ неумолимостью логики. «Исходъ, и прямой!.. Епишка, потѣма, какъ его зоветъ староста Веденей, придурковатый парень, не выдержалъ, взялъ топоръ—и покончилъ».

Два раза повторилъ онъ про себя послѣднія слова, вырвавшіяся только-что у его кормилицы, и слова эти онъ точно осязалъ: такъ образно представляли они собою исходъ драмы.

Послѣ этого вывода, онъ почувствовалъ себя гораздо бодрѣе, развязнѣе, и неторопливо сталъ приближаться къ барскому двору, какъ человѣкъ, нашедшій на дорогѣ свою потерю, послѣ томительныхъ поисковъ.

Войдя на дворъ, онъ повернулъ къ конюшнѣ, навѣстилъ своихъ пріятелей—овчарокъ, приласкалъ ихъ, зашелъ въ застольную, спросилъ тамъ краюшку хлѣба, вернулся опять подъ навѣсъ сарая и сталъ поочередно кормить Оомича и Оатѣвну.

Въ этомъ занятіи былъ онъ потревоженъ окликомъ мальчика Васи, прибѣжавшаго изъ дома.

— Пожалуйте-съ,—запыхавшись, докладывалъ Вася:—княгиня приказали сказать, что онѣ очень беспокоятся... Всѣ господа на бѣжонѣ-съ...

— Скажи, что сейчасъ буду,—медленно отвѣчалъ Шелонинъ, и продолжалъ кормить собакъ.

— Такъ и сказать-съ,—переспросилъ быстроглазый и старательный мальчикъ.

— Такъ и скажи.

Вася побѣжалъ къ переднему крыльцу и фалдочки его сѣраго фрачка замелькали въ полусвѣтѣ сумерекъ, уже начинавшихъ переходить въ лунную ночь.

На переднее крыльцо Шелонинъ не пошелъ, а взялъ налѣво черезъ калитку цвѣтника, но ни на югу не ускоряя шага, даже и съ той минуты, когда слышалъ оживленный разговоръ на террасѣ, гдѣ два мужскихъ голоса перекрещивались съ громкими возгласами Люлю и чуть слышнымъ голосомъ княгини. Имя «Grégoire» долетѣло до него нѣсколько разъ прежде, чѣмъ онъ поднялся по четыремъ ступенькамъ лѣваго схода.

XXXV.

Всѣ, вернувшись второпяхъ изъ дубовой рощи, были очень возбуждены. Яичница, картофель и чай такъ и остались безъ употребленія. Наскоро былъ поданъ чай на террасѣ, но никто, кромѣ Качкова, за него еще не принимался. Только въѣхавъ въ деревню, господа узнали доподлинно: что случилось. Когда княгиня услышала отъ попавшейся на встрѣчу бабы, что у Фарафонтьевыхъ батрака Ваньку Безпалаго убили топоромъ сынъ Елишка—она такъ была поражена, что ее чуть-живую вынули изъ шарабана. Она не захогѣла, однако, лечь, приняла капель, и вышла всѣхъ пить чай на террасѣ и даже шутила надъ тѣмъ, что ея Grégoire такъ стремительно увлекъ толстаго посредка и заставилъ его протрастись на телѣгѣ. Но тайный посланецъ былъ уже отправленъ къ избѣ Фарафонтьевыхъ звать по имени князя домой. Посланецъ этотъ пошелъ по другой дорогѣ,

и не засталъ Шелонина въ Устиньиной избѣ. Потомъ былъ отправленъ Вася, когда молодого барина увидали за господской околицей.

Княгиня то-и-дѣло подзывала Качкова къ себѣ и повторяла ему:

— Avant tout, Paul, n'y allez pas!

Онъ не могъ сдѣлать шагу, чтобы она его тотчасъ не окликнула, что не укрылось, конечно, отъ джентльменской наблюдательности Гильзена. Нареченный beau-fils княгини старался поддерживать шутливый уровень разговора на тѣму: какъ нынче часты драмы въ народномъ быту, и какъ «ces bons villageois» скоро пускаютъ въ ходъ холодное оружіе за неимѣніемъ револьверовъ.

— C'est inouï, princesse, — говорилъ онъ, покачиваясь на стулѣ: — comme ces natures flasques sont sanguinaires!..

Въ эту минуту Шелонинъ уже подходилъ къ террасѣ.

— А Grégoire все нѣтъ! — вырвалось у княгини, съ пугливой тревогой взглянувшей на дочь.

— Il travaille au procès-verbal! — отвѣтила Люлю, и очень довольная своей «répartie», обернулась всторону жениха.

— Loulou, — съ легкимъ упрекомъ возразила княгиня, — tu oublies qu'Устинья est sa nourrice... Ravière femme!..

Всѣ примолкли на двѣ секунды.

— Ахъ, полноте, княгиня, — вскричалъ Качковъ (онъ одинъ пилъ аккуратно чай), — вы тормозитесь, точно князь малолѣтній: Grégoire, Гриша... Вѣдь онъ въ профессора готовится.

Гильзень и Люлю почему-то разсмѣялись.

Когда они смолкли, у колонны, на фонѣ темнаго куста жимолости, стоялъ Шелонинъ съ такимъ споконнымъ лицомъ, точно онъ поднялся изъ цвѣтника, куда ходилъ сорвать георгину.

Княгиня не ожидала его появленія съ этой стороны, и замѣтно вздрогнула.

— Это ты, Grégoire? — окликнула она.

— Я, маман.

Онъ приблизился къ чайному столу. Княгиня сидѣла по-ту сторону его и немного отодвинула свой стулъ.

— Ты прямо оттуда?

— Оттуда.

— Ну, что-жъ?

Къ этому вопросу княгини присоединились Гильзень и Люлю.

— Убить работниковъ, — выговорилъ медленно и отчетливо Шелонинъ, глядя прямо на мать.

— Но мотивъ?—спросилъ Гильзень.

— Очень простой: работникъ не полюбился сыну Устиньи; тотъ взялъ топоръ и покончилъ съ нимъ.

Княгиня сама не могла оторвать глазъ своихъ отъ глазъ сына, и каждое слово его послѣдней фразы, при всей простотѣ и обыкновенности, увеличивало ея волненіе. Когда Шелонинъ остановился, она хотѣла приподняться, но вдругъ безпомощно опустилась на стулъ.

Произошла суматоха. Люлю и Качковъ винулись къ ней. Шелонинъ хотѣлъ поддержать ее справа, но сестра его отгъснила и рѣзко пепнула:

— Laissez nous tranquilles!..

Княгиня раскрыла глаза, съ испугомъ устремила ихъ на сына, и опять потеряла сознание.

Черезъ нѣсколько секундъ она пришла въ себя. Двѣ горничныя повели ее въ спальню въ сопровожденіи дочери и Качкова.

Шелонинъ стоялъ все на томъ же мѣстѣ, гдѣ Люлю оттолкнула его отъ матери. Точно будто онъ предвидѣлъ, что подобная сцена должна была случиться.

Гильзень взялъ его за руку и свелъ въ цвѣтникъ.

— Послушай, Grégoire,—началъ Гильзень съ легкой ироніей въ голосъ,—ты ведешь себя совершенно polizeiwiedrig, какъ нѣмцы говорятъ... Et ce qui pis est, tu es souverainement ridicule!..

— А что я сдѣлалъ?—искренно спросилъ Шелонинъ.

— Что это за манера!.. tu intimides ta mère... точно ты въ какомъ-то Ambigu-Comique... Лю-без-ный другъ!.. Это не gentleman-like... Какое намъ дѣло до...

— До чего?—вдругъ вскричалъ Шелонинъ. Глаза его заблистали, щеки мгновенно покрылись краской и руки сдѣлали такой выразительный жестъ, что Гильзень попятился.

— Tout beau, mon prince, tout beau!—горломъ засмѣялся онъ,—je ne suis ni pour la boxe, ni pour le pugilat.

Но Шелонинъ наступалъ на него, и съ дрожащей нижней губой, задыхаясь, глухо кричалъ:

— Ни одного слова больше!.. Ни одного, Гильзень, ни одного звука!.. Слышишь!

— Mais tu es cocasse! Parole!

Орестъ Федоровичъ старательно отступалъ по дорожкѣ, махая рукой и съ безпокойствомъ поглядывая на Шелонина, круто повернувшись къ выходу. Когда тотъ скрылся за кустомъ, онъ по-

правиль лацканъ визитки и, переведя духъ, развелъ даже обѣими руками.

XXXVI.

Припадожь княгини ничего серьезнаго не вызвалъ; но она не вышла на другое утро къ завтраку. Посылать нарочнаго за докторомъ она не позволила; Шелонина не пустили къ ней, сказавши, что княгиня почиваетъ, когда онъ хорошо знаетъ, что тамъ и Люлю, и Качковъ. Онъ не сталъ настаивать. Его влекло на порядокъ, къ избѣ Фарафонтьевыхъ. Къ полдню ждали слѣдователя и лекаря. Въ одиннадцать часовъ Шелонинъ уже шелъ на порядокъ, и, повстрѣчавшись на дворѣ съ Гильзеномъ, молча поклонился ему. Тотъ тоже ограничился молчаливымъ поклономъ. Со вчерашняго вечера онъ началъ не на шутку побаиваться своего бывшаго пріятеля.

Первымъ прибылъ въ телѣжкѣ слѣдователь, очень юный и сухопарый блондинчикъ, въ фуражкѣ съ форменнымъ зеленымъ околышемъ и въ сѣромъ люстриновомъ сакъ-пальто. Онъ, заикаясь отъ застѣнчивости, отрекомендовался Шелонину «кандидатомъ правъ Пестиковымъ». Въ рукахъ у него свернута была въ трубочку какая-то жидкая книжка, куда онъ безпрестанно заглядывалъ, какъ только приступилъ къ дѣлу. Не трудно было распознать въ немъ еле-вылупившагося птенчика. За то пріѣхавшій послѣ него уѣздный врачъ оказался матерымъ и ни передъ кѣмъ не стѣсняющимся. Обсѣдованіе и вскрытіе трупа лекарь Говорыжкинъ произвелъ самъ, духомъ, безъ помощи фельдшера, и съ такимъ азартомъ дѣйствовалъ онъ своими красными, по локоть засученными руками, что понятые чуть не крестились отъ страха. Оглушительно кричалъ онъ имъ:—видѣли, православные? взмахивалъ ножомъ, и, не дожидаясь отвѣта, принимался рѣзать дальше. Въ большой рѣзвѣ и надобности не было; но лекарь любилъ, должно быть, показать свою удалъ, особливо передъ хорошей публикой. Съ Шелонинымъ онъ очень развязно познакомился, и ему первому дѣлалъ демонстраціи цвѣстистымъ слогомъ, послѣ чего уже обращался и къ «православнымъ». Слѣдователь все время стоялъ въ своей форменной фуражкѣ и сакъ-пальто, съ книжкой въ рукѣ, и вычитывалъ оттуда параграфы, отмѣчая нѣкоторые карандашикомъ. Все это происходило на дворѣ,— между мшеникомъ и избой, въ душномъ воздухѣ, съ рѣзкими полосами солнца, прорывавшагося сквозь дыравую крышу и падавшего во всѣхъ направленіяхъ и на кровавый трупъ, и на

группу понятыхъ, и на угрюмое, широкое лицо лекаря и на пестрые юбки бабъ, заглядывающихъ боязливо въ калитку.

Съ неистощимымъ интересомъ слѣдилъ Шелонинъ за каждымъ эпизодомъ медицинскаго осмотра и вскрытія.

Когда, наконецъ, лекарь Говорыжкинъ врякнулъ и потребовалъ воды умыть руки, Шелонинъ спросилъ его:

— Всего одинъ ударъ былъ?

— Положительно!—точно выпалилъ лекарь, и прибавилъ еще жергичѣе:—безусловно смертельный.

— Безусловно?—переспросилъ Шелонинъ.

— Безусловно!—съ какой-то игрецкой интонаціей повторилъ лекарь и началъ умываться.

Слѣдователь все время безмолвствовалъ, и только маленькая его головка робко двигалась въ тугихъ воротничкахъ отъ понятыхъ къ лекарю, отъ лекаря къ мертвому тѣлу. Его точно выполняла одна забота: не издать ни одного звука, не сдѣлать ни одного жеста, не занесеннаго въ ту енижечку, которую онъ держалъ въ лѣвой рукѣ.

Когда очередь дошла и до него, Шелонинъ подумалъ: «этотъ Устинью не припутаетъ». И въ самомъ дѣлѣ, кандидатъ правъ Пестивовъ не пошелъ глубже отвѣтовъ Епифана, вертѣвшихся на одной фразѣ:

— Нелюбъ былъ.

Скажи Шелонинъ слово,—и птенчикъ не сталъ-бы пожалуй допрашивать и Устинью. Она со вчерашняго вечера такъ измѣнилась, что Шелонинъ не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ. Десятиникъ ввелъ въ избу чуть не сгорбленную старуху съ землистымъ лицомъ и впятинами на щекахъ.

Затаивъ дыханіе, ждалъ Шелонинъ отвѣтовъ Устиньи. Онъ къ ней не ходилъ до слѣдствія; да и тутъ внутренній голосъ говорилъ ему, что его присутствіе тяготитъ ее.

«Нужды нѣтъ, подумалъ онъ, при мнѣ она ничего не скажетъ».

Онъ страшился ея признанія, точно собственнаго позора. Занявшись она о своихъ отношеніяхъ къ Ванькѣ Беспалому, онъ-бы прервалъ ее и крикнулъ, что она не въ своемъ умѣ. И когда во первымъ отвѣтамъ Устиньи онъ увидѣлъ, что она себя не защищаетъ, защищая, какъ умѣетъ сына, онъ промолвилъ про себя:

«Ну да, ну да, она не можетъ иначе вести себя». И тотчасъ-же послѣ того, ежесекундно загоралось въ немъ желаніе сбить вопросами и доказать, что она лжетъ, что Епифанъ убилъ Ваньку не по «неразумію», не «по насердкамъ, какъ дитя ма-

ное», а потому, что онъ не стерпѣлъ въ домѣ нахальнаго друга своей матери...

Господинъ Пестиковъ старательно записывалъ отвѣты Устиньи, и когда всѣ «пунктики» были имъ исчерпаны, стыдливо и внятно спросилъ:

— Больше вы никакого показанія дать не имѣете?

И сдѣлалъ знакъ рукой десятнику, чтобы увелъ Устиньку.

Шелонинъ началъ бояться сосѣдскихъ показаній; но никто ничего не сболтнулъ: тутъ нельзя было не видѣть «министерской» руки Веденея Гусева. Устинья осталась на поругахъ.

Никѣмъ незамѣченный вернулся Шелонинъ въ свою комнату. Было шесть часовъ. Молодые люди уже отобѣдали и сидѣли на террасѣ.

XXXVII.

Шелонинъ не чувствовалъ голода, хотя съ утра ничего не ѣлъ. Проходя съ часъ спустя мимо пустой столовой, онъ подумалъ — «вѣдь, кажется, я не обѣдалъ», но это не заставило его распорядиться, чтобы ему подали чего-нибудь.

Корридоръ велъ мимо столовой къ площадѣ, отдѣлявшей спальню отъ уборной. Шелонинъ завернулъ въ дѣвичью: узнать, какъ чувствуетъ себя княгиня. Онъ нашелъ тамъ обѣихъ горничныхъ, Машу и Таню, очень накрахмаленныхъ дѣвицъ, игравшихъ постоянно въ «барышень».

На вопросъ его: «гдѣ княгиня и какъ она себя чувствуетъ», Маша, какъ ходившая за княжной, ничего не сказала, а Таня жеманно отвѣтила:

— Княгиня у себя-съ... Головка болить... книжку читаютъ.

Этимъ отвѣтомъ онъ, какъ будто, удовольствовался и пошелъ дальше по корридору. Къ матери онъ не хотѣлъ заходить; но дорога къ заднему крыльцу вела черезъ площадку. На ней было темновато; только изъ полуотворенной угловой двери, открывавшейся въ прихожую задняго крыльца, ложился свѣтъ яркой желтокрасной полосой.

— Куда вы?—окликнулъ Шелонина голосъ, заставившій его остановиться.

Въ дверяхъ спальни, держась за ручку лѣвой рукой и идя къ Шелонину, стоялъ Качковъ. Румяныя его щеки такъ и лоснились, монокль торчалъ въ глазу задорнѣе обыкновеннаго, правая нога рѣзко выставилась впередъ, и воротъ его цвѣтно

рубашки, вырѣзанный въ уровень съ прикрѣпленіемъ ключицъ, цинически-франтовато обнажалъ округлости его полной шеи.

— А вы куда?—спросилъ, въ свою очередь, Шелонинъ, чувствуя, какъ у него застучало въ вискахъ.

— Я отъ княгини-съ,—нестерпимо-рѣзкой нотой отвѣтилъ Качковъ, прислоняясь спиной къ двери и какъ-бы желая показать, что онъ въ нее никого не пустить:—она лежитъ, и беспокоить ее не слѣдуетъ-съ!..

Кровь не бросилась въ лицо Шелонина, а напротивъ, отхлынула куда-то. И въ головѣ, и въ груди онъ ощутилъ холодъ и пустоту. Точно всѣ нервы вытянулись и застыли въ одномъ порывѣ ѣдкой, сосредоточенной, неумолимой ненависти. Но голова задержала всякое движеніе и не дала схватить за горло эту ненавистную розовую куклу.

«Ты теперь не покончишь съ нимъ», пронеслось въ ней.

Глаза его посмотрѣли внизъ: въ рукахъ у него ничего не было, рукопашная схватка ни къ чему-бы не привела, кромѣ жалкаго скандала... Все это также быстро и отчетливо прошло по мозгу. Но видно и Качковъ увидалъ въ глазахъ Шелонина что-нибудь недоброе: онъ какъ-то весь съѣжился и съ остаткомъ вальсовой усмѣшки на красныхъ губахъ держался за ручку съ лудскриваемой напряженностью.

Ни одного звука не вырвалось у Шелонина. Онъ повернулъ направо, къ прихожей задняго крыльца, такимъ движеніемъ, точно внутри кто правилъ имъ, какъ автоматомъ. Шагъ его не замедлился и не ускорился, голову держалъ онъ прямо, дыханіе стало ровнѣе.

Онъ пошелъ въ поле походкой человѣка, дѣлающаго свою обычную вечернюю прогулку.

Дорога вела черной пыльной полосой между десятинами гречи и проса; а нѣсколько поодаль, на легкихъ неровностяхъ черноземной степи, золотилась уже совсѣмъ готовая къ жнитву рожь. Было гораздо прохладнѣе, чѣмъ наканунѣ. Кое-гдѣ по небу надвигались лиловые обложки, вытягиваясь вдоль румянаго заката.

Все прямо шелъ Шелонинъ, не мѣняя походки, и съ неизмѣненнымъ дотошъ безстрастіемъ разбиралъ то... что онъ могъ сдѣлать съ Качковымъ:

«Вызвать его, подсказывалъ онъ самъ себѣ, взять господина Гильзена въ секунданты?..»

Усмѣшка подернула его губы, а потомъ онъ громко расхо-
дился.

— Развѣ это мыслимо?! вслухъ воскликнулъ онъ, и замедлилъ ходъ.

«А чѣмъ-же?» спросилъ онъ себя черезъ пять минутъ, на поворотѣ въ пшеничное поле, отливавшее сизыми волнами колосьевъ.

«Револьвера у меня нѣтъ...»

Лобъ его нахмурился, явилось явственное выраженіе досады, но морщинки стали сходить понемногу. Черезъ новыхъ пять минутъ онъ уже съ яснымъ, но точно во что упирающимся взглядомъ, выговорилъ про себя:

«Вотъ топоръ такъ не трудно достать... Епифанъ взялъ и покончилъ».

Когда эти слова беззвучно шевелились на его губахъ, онъ увидалъ себя опять на площадкѣ въ ту минуту, какъ его окликнулъ Качковъ. Всецѣлая повелительная мысль наполняла его тогда:

«Уничтожь его!»

Повинуясь ей, онъ какъ автоматъ пошелъ своей дорогой: въ ту минуту уничтожить нельзя было. Цѣлая сутки передъ тѣмъ грызло его сознаніе, что вотъ Епифанъ напелъ-же исходъ своей обидѣ; а онъ — изнываетъ только въ безсильныхъ терзаніяхъ... Сутки эти сдѣлали свое... Онъ совсѣмъ-было подошелъ къ *выводу*, онъ собирался въ поле додумывать свою думу, какъ вдругъ *тотъ* предсталъ передъ нимъ, чтобы дать ему послѣднее, роковое ощущеніе.

Все это Шелонинъ еще разъ заново переживалъ. Голова работала у него теперь надъ средствами; а сама мысль давно перестала ужасать его. Еслибъ кто-нибудь, проникнувъ въ нему въ душу, вскричалъ:

— Но во имя чего-же? Кто сдѣлалъ васъ судьей и палачомъ? Чтѣ смаете вы этой кровью? —

Шелонинъ не понялъ-бы, пожалуй, такихъ вопросовъ.

Онъ повиновался тому-же повелительному голосу, какой бросаетъ человѣка въ рѣку, или на мостовую съ высоты пятого этажа: выводъ сдѣланъ, ни на какой вопросъ отвѣта уже нѣтъ.

Еще медленнѣе возвращался Шелонинъ къ усадьбѣ. Почти стемнѣло. Опять запахло коноплей... У ограды онъ приостановился, снялъ шляпу, поглядѣлъ на часы и подумалъ:

«Пора спать... а завтра къ ней».

Къ кому? — Къ ней, къ Устиньѣ... Онъ далъ ей цѣлая сутки — не трогалъ ее; но дальше онъ не могъ вытерпѣть. Она должна говорить съ нимъ. Не можетъ она не чувствовать жажды въ

горячей исповѣди. Нужды нѣтъ, что онъ — ея молочный сынъ. Она вѣдь крестьянка, ей не знакомы нравственные тонкости... А кто же, какъ не онъ, выслушаетъ ее? И бояться ей нечего: она въ немъ имѣетъ сообщника.

«Чѣмъ свѣтъ», проговорилъ Шелонинъ, поглядѣвъ еще разъ на часы, и прошелъ прямо къ себѣ навѣрхъ.

Въ залѣ все уже было полно руладъ Качкова.

XXXVIII.

Встать раньше мужиковъ трудно. Когда Шелонинъ вышелъ за ограду господскаго дома, думая, что на селѣ все еще спитъ, ему попалось нѣсколько телѣгъ съ мужиками и двѣ-три пѣшихъ бабы.

Всѣ они ему поклонились. Онъ какъ-бы съ неохотой отвѣчалъ на ихъ поклонны. Точно ему хотѣлось пробраться къ избѣ Фарафонтьевыхъ никѣмъ незамѣченнымъ.

На первомъ порядкѣ, по которому пришлось ему пройти, сѣлъ, наискосокъ противъ церкви, кабакъ, еще сохранившій ту живность, когда закончѣныя вывѣски украшались орломъ, и надъ словами «питейный домъ» стояло неизмѣнное прибавленіе: «съ продажею пива и меда».

Кабакъ былъ уже открытъ. Шелонинъ, не доходя шаговъ двадцати, увидалъ, какъ съ крылечка сошла, должно быть, жена кабачника — толстая баба, одѣтая мѣщанкой, а за ней слѣдомъ еще выскочилъ, чѣмъ вышелъ, приземистый мужикъ въ запыленной на ухо шляпенкѣ, въ потертой синей поддевѣ, какую носятъ обыкновенно ямщики и мелкіе барышники, и въ стоптанныхъ сапогахъ. Онъ разводилъ руками и что-то такое просительно говорилъ бабѣ, а та только махала отрицательно головой и, спустившись по ступенькамъ крылечка, отправилась въ избу.

— Аспиды! — хрипло и смѣшливо крикнулъ приземистый мужикъ, и весь обернулся въ сторону Шелонина. Солнце такъ и било его пеструю фигуру.

Нельзя было Шелонину не узнать коновала Авима Терентьева, мужа Устиньи. Онъ слишкомъ хорошо помнилъ его низменнѣе туловище на кривыхъ ногахъ, и красное, изрытѣ морщинами, вѣчно хихикающее лицо, какія попадаются только итальянскими паяцами, и мелкіе густые вудерьяи съ прощелками, придававшіе ему особую, тоже совсѣмъ не крестьянскую,

моложавость. Новаго въ Акимѣ было одно: незажившій еще вполнѣ кровавый шрамъ съ подтекомъ—на лѣвой щекѣ: подорокъ чьего-то лошадиного копыта. Это багрово-бурое пятно еще больше придавало его лицу форму и рѣзкость грубо-размазанной маски.

Миновать Акима Шелонину нельзя было, да онъ и не думалъ уклоняться отъ этой встрѣчи.

Акимъ, пославъ кабатчицѣ еще нѣсколько привѣтствій, тотчасъ же призналъ молодого князя, весь какъ-то присѣлъ, всплеснулъ руками и ринулся къ нему съ явственнымъ намѣреніемъ приложиться къ плечу или къ ручкѣ.

Шелонинъ остановилъ его рукой и поздоровался съ нимъ наклоненіемъ головы.

— Княженькѣ!.. Отъ Акимки Фарафонтьева низменный поклонъ!—выговорилъ полусмѣясь, полуплаксиво, Акимъ, взявъ свою пляпенку обѣими руками и опустивъ ее ниже пояса, гдѣ у него болтались кое-какіе коновальныя снаряды.

— Ты куда?—спросилъ его Шелонинъ, останавливаясь въ двухъ шагахъ отъ крылечка.

— Некуда мнѣ таперича идти, княженька... Нѣшто твое сіятельство не знаетъ, чево у меня женушка-то натворила?.. Вотъ я и пришелъ къ этимъ аспидамъ опохмѣлиться.

— Съ горя?—подсказалъ Шелонинъ.

— Съ горя... Нѣтъ не съ горя, князь ваше сіятельство! Это мужикъ-дуракъ брешетъ—съ горя, а Акимѣ што!.. Опохмѣлиться слѣдуетъ; а горевать тутъ нечѣ.

— Какъ же нечего Акимъ,—возразилъ Шелонинъ,—у тебя сынъ въ Сибирь уйдетъ, а тебѣ все равно.

— Ктой-то брешетъ—все едино?.. Я, вишь, въ самый разъ отъявился... Планида!.. Сколько дѣнь пропадалъ, а тутъ — какъ листъ предъ травой... Епишку мнѣ жалъ, хоша онъ все изъ-за мамыньки своей любезной злобу ко мнѣ имѣлъ, а вотъ она ему и наклала теперь...

— Чтѣ ты болтаешь,—рѣзко перебилъ Шелонинъ,—Устинья ни въ чемъ невиновна.

— Княженька-баринъ, младъ ты еще: ты дай мнѣ холопу супротивъ тебя говорить... Тихоня-баба—сама сатана... Незамай. кормилка она твоя... а все скажу: въ потихоняхъ—чортъ сидитъ да... Батрака взяла, съ нимъ сгулялась... али нѣтъ?.. Видитъ: онъ до дѣвокъ охочъ, она Епишку и подослала съ топоромъ. Вотъ табѣ и вся прокурація!.. А ты думалъ какъ?..

Акимъ, все еще со шляпой въ обѣихъ рукахъ, откинулся назадъ и, прищуривая глаза, кривя ротъ и щеку, тряхнулъ кудрями.

— Полно, Акимъ,—строже выговорилъ Шелонинъ.

— Да я вѣшто варваръ? — крикнулъ Акимъ и хрипло застѣлся. — Буянъ Акимка — точно; а не варваръ... И не злодѣй я родному дѣтищу... Судебный допросъ держалъ, сказывали мнѣ, да у него, слышь, молочишко еще не обсохло, гдѣ слѣдственно... а я ему таперь вверну словечко.

— Что-жь ты будешь показывать?

Шелонинъ отошелъ отъ кабака, уводя за собой Акима къ церковной оградѣ.

— Показывать што буду? — переспросилъ Акимъ, подбоясь, — а такъ и скажу: ее, молъ, тщи, куда слѣдоваетъ, а Епишку ослобони, што онъ, што овца неразумная — все едино.

Выговоривъ это, Акимъ заглянулъ въ лицо князя и захихикалъ носомъ, откинувъ опять голову назадъ.

— Аль жалко дюже кормилку-то, княженька, ваше сіятельство?.. Акимка тутъ передъ тобой выплясываетъ, а въ горлѣ-то у него такъ и жже, такъ и жже...

«Подкупать я его стану, что-ли?» подумалъ въ смущеніи Шелонинъ, и, тронувшись съ мѣста, строго вымолвилъ:

— Показывай по совѣсти, это твое дѣло.

— Да ты, княженька, куды собралси въ такую рань? Ась?.. Въ моей вѣдьмѣ кievской. Какъ пить дать, туды!.. Вишь, въ какую честь вошла... а муженьку и чарочки не припасено... Хошь бы двѣ семиточки...

«Подкупить» надо было. Деньги Шелонинъ захватилъ: онъ вѣдь шелъ къ Устинѣ на послѣднее свиданіе. Акимъ могъ увязаться за нимъ и разрушить все то, чего онъ такъ страстно дожидался вплоть до разсвѣта.

Молча и даже отвернувшись въ сторону, сунулъ онъ бумажку въ руку Акима и быстро удалился.

Коновалъ разжалъ кулакъ, поглядѣлъ въ него, заломилъ пашку на ухо и затынулъ во все горло:

— Во здравіе боярина Григорія, за упокой душа раба Ивана... Маршъ!.. — Послѣ чего, въ припрыжку, побѣжалъ къ кабаку.

XXXIX.

Вчера у Шелонина была одна страстная забота: выгородить, во что бы то ни стало, Устинью; сегодня пьяный коноваль, выманивая у него «двѣ семитки» — опохмѣлиться, отрезвилъ его самого, показавъ, какъ несчастный Епишева былъ принесенъ въ жертву личному чувству барина, совсѣмъ непричастнаго къ дѣлу.

«Вѣдь его оправдаютъ, быть можетъ», подумалъ Шелонинъ, замедляя свою походку, «если обнаружится настоящая правда?..»

Ни разу этотъ вопросъ не представился ему вчера.

«А что-жъ ей будетъ, самой Устиньѣ», продолжалъ онъ, «еслибы и оказалось по дѣлу, что она... была въ связи съ работникомъ... Ничего! Она не отвѣтчица, въ преступленіи она не участвовала...»

Ему становилось еще жутче отъ новыхъ наплывовъ раздумья, сквозь которые прорывалось неудовлетворенное желаніе, поднявшее его чуть свѣтъ — быть скорѣе наединѣ съ кормилицей.

Изъ-за угла показалась изба Фарафонтьевыхъ. Шелонинъ оглянулся: порядокъ былъ совсѣмъ пустъ. Приблизившись къ крылечку, онъ не рѣшился сразу подняться на него и постучать въ дверь. Онъ отворилъ калитку и вошелъ во дворъ. Направо мшеникъ стоялъ отворенный. Шелонинъ заглянулъ туда. Лужа крови все еще обозначалась на прибитомъ земляномъ полу. Кровавыми пятнами покрыта была и вся койка. Безъ мертваго тѣла эта полутемная конура еще ярче говорила о смерти. Только прохладно было въ ней и кровью уже такъ не пахло.

Не успѣлъ Шелонинъ заглянуть поглубже во дворъ, какъ съ задняго крыльца показалась Устинья.

Она вышла подоить коровѣнку... Онъ тихо, но явственно окликнулъ ее.

Пугливо оглянулась она. Горшокъ чуть не выпалъ у ней изъ рукъ. Она тихо вскрикнула и, вмѣсто того, чтобы идти къ нему, присѣла на площадку крылечка. На Устиньѣ былъ ситцевый повойникъ и чистая понява. Лицо ея не смотрѣло уже такимъ землистымъ и старушечьимъ, какъ вчера.

Ускоренными шагами подошелъ къ ней Шелонинъ, нагнулся, взялъ ее за плечи и поцѣловалъ въ лобъ.

Она тихо заплакала, безъ словъ, и стала также тихо утирать глаза рукавами.

— Одна ночевала? — спросилъ ее Шелонинъ.

— Одна, Гришенька... Епишу увели, и во мнѣ караульных

приставили, да они до свѣту продремали... Нѣшто я уйду, куда мнѣ идти?

— Въ избу можно?

На вопросъ Шелонина, выговоренный имъ съ пониженіемъ голоса, Устинья вскинула на него своими задушевыми, еще непотухшими глазами, и такъ же тихо, какъ и онъ, отвѣтила:

— Какъ тебѣ угодно.

Онъ помогъ ей привстать. Въ избѣ они сѣли на первую, отъ дѣри, скамью. Устинья тяжело дышала, и точно какія струйки тѣхъ замѣтныхъ нервныхъ движеній бороздили ея впавшія щеки.

Шелонинъ опять началъ узнавать свою прежнюю кормилицу: Устинья не плакала по-бабьи. Ея горе проявлялось съ той мягкой выдержкой, какую онъ всегда видѣлъ или узнавалъ въ ней.

— Гришенька, — чуть слышно вымолвила она, — мое сердце ровно чувало, што ты придешь ко мнѣ. Вчерась, — продолжала она погромче, — передъ слѣдственнымъ-то мнѣ больно ужъ жутко стало... на тебя гляючи... Я большой грѣхъ на душу взяла... совѣтъ было Епишу загубила...

— Какъ же такъ, кормилица? — прервалъ Шелонинъ, тайно поднимаясь, куда шла рѣчь Устиньи.

— А какъ же? Мнѣ, окаянной, нѣшто слѣдъ такъ себя выговаривать? Сраму на себя не желала взять, а сына роднова отворила.

Устинья откинула въ бокъ голову и пристально поглядѣла на Шелонина. Въ глазахъ его сквозила не меньшая тревога, чѣмъ на ея измученномъ и глубоко-женственномъ лицѣ. Потомъ она припала къ его плечу и мгновенно опустила на полъ... Голова ея скатилась на его колѣни.

Задержанныя, жалобныя рыданія раздались точно откуда издали.

«Это была правда», промолвилъ мысленно Шелонинъ, и тотчасъ ощутилъ такой наплывъ сочувственной нѣжности, такую синовию и человѣчную жалость къ этой убитой, рыдающей крестьянской бабѣ, что вся его личная злоба, все то ядовитое любопытство, которое привело его сюда, точно канули куда-то безвозвратно.

Устинья не долго рыдала. Шелонинъ молчалъ. Онъ кротко рыдался той минуты, когда кормилица, сидя уже рядомъ съ нимъ, выговорила медленно, какъ каются только на исповѣди:

— Я загубила Епишу, я и должна отвѣтъ держать... Нѣтъ не такъ, Гришенька? — спросила она, приподнявъ на него глаза, съ какимъ-то страннымъ и неожиданнымъ испугомъ.

Онъ только опустилъ голову: выговорить «да» у него не стало силъ.

Уже не какъ слѣдователь, проникающій въ преступную душу для своей цѣли, а какъ сынъ и другъ, пережившій вдвоемъ и горе и «срамоту» страдальцы, онъ прошепталъ, точно стыдяся самаго звука своихъ скорбныхъ словъ:

— Какъ ты могла попустить себя...

Но слова эти походили на жалобу, а не на допросъ. Руки Шелонина протянулись къ Устиньѣ, какъ-бы прося за нихъ прощенія.

И, вмѣсто слезъ и показанныхъ криковъ, Шелонинъ услыхалъ исповѣдь, въ которой его сердце чужло такую же исповѣдь другой женщины, связанной съ нимъ еще болѣе кровными узами...

— Слѣдственному я скажу, — говорила точно про себя Устинья, — въ чемъ мой грѣхъ былъ, — пуцай и мнѣ съ Епишей одна дорога!.. А съ тобой, Гришенька, я ровно на духу... легко мнѣ таково... ей-и-Бату... Вся-то моя срамота такъ и видится мнѣ... съ эстого самаго мѣста. Та же я Устинья, и не та... Жила двадцать-пять годовъ по-Божьи, а тутъ взяла да и наплевала на все житіе свое честное... Статошное ли дѣло, Гришенька?.. А такъ оно вышло... И какъ вышло-то?.. Ты мнѣ, Гришенька, повѣришь, я знаю, потому мнѣ и легко съ тобой... Вотъ эти-то двадцать-пять годовъ, когда я по честному-то жила, и стали меня душами душить...

XL.

Устинья перевела духъ, отерла рукавомъ остатки слезъ и дотронулась рукой до плеча своего молочнаго сына.

Шелонинъ нарочно закрылъ глаза, чтобъ не глядѣть ей въ лицо и не пропустить ни одного ея слова.

— Да, Гришенька, честное мое житіе меня душить стало... Было это великимъ постомъ... Муженекъ-отъ мой ввалился въ избу пьяный-распьянный, съ кулаками на меня лѣзеть... Епиша вступился... чуть до убойства у нихъ не дошло... насилу мы Авима спровадили... И рай оно въ первой такъ было; а вдругъ меня съ того случаю ровно всю перевернуло... Какъ, молъ, ты жила дура, двадцать-пять годовъ съ такимъ сахаромъ?.. Вѣдь ты и младость свою, и дѣвичью красу, и все загубила... И такъ-то меня можжить, такъ-то можжить, ненависть разбираетъ... и на Епишу-то я не гляжу... Онъ ко мнѣ ластится, а я его проче

голю... Этакъ до самой святой промаялась... руки на себя наложить хотѣла, вотъ-те хрестъ!.. Акимъ-то Ваньку и привелъ... я, молъ, въ полѣ не работникъ; вотъ я батрака нашелъ... Я ничего, не то штобъ помыселъ у меня въ тѣ поры грѣшный былъ; а обрадовалась я, што вотъ хошь живой человекъ въ избѣ будетъ, не старый хрычъ, а въ пьяница... я, молъ, его приголублю маленько, а то у насъ какое житье, сами съ хлѣба на квасъ перебиваемся... Такъ и почала его жалѣть, жалѣла, жалѣла все, да и не взвидѣлась, какъ Ванька ужъ мной командовать почалъ...

Послѣднія слова Устинья выговорила съ какимъ-то удивленіемъ: точно теперь только она поняла, какъ это было чудно.

— Командовать почалъ,—повторила она болѣе тихимъ голосомъ,—и я передъ нимъ ровно раба какая... Гришенька, пойми ты это: въ себя-то придти не могу: только въ головѣ держу: какъ бы ему чѣмъ ни есть угодить, дороже онъ мнѣ сталъ родного дѣтища... Епиша это въ тотъ же часъ учуялъ... сердцемъ учуялъ, а не разумомъ... Не то, штобы онъ мнѣ опостылѣлъ, Епиша-то, а нѣтъ у меня къ нему прежней ласки... какъ ни нудила себя—нѣтъ!.. Грѣхъ-отъ промежду нами легъ, срамъ-отъ мой... ну, и вѣдутъ слова отъ души... И онъ все понурый ходилъ... Давно ужъ я подмѣчать стала... Помнишь, въ тѣ поры, какъ ты пришелъ, кваскомъ-то я тебя поила. Епиша Ванькина духу не терпѣлъ ужъ... А деньковъ десять штоль прошло—и страхался бѣда...

— Ты не думала, что этимъ кончится?—спросилъ Шелонинъ.

— Охъ, Гришенька... боялась я и денно и ночью, кабы чево не вышло промежъ ребятъ, ну, а все не смертоубивство... Знать Епишѣ горько было, знать горько!.. Да и какъ стерпѣть!—воскликнула Устинья и подняла вверхъ правую руку сильнымъ и выразительнымъ жестомъ.

— Трудно,—чуть слышно выговорилъ Шелонинъ.

— Обида нестерпимая, Гришенька... Коли мать свою такъ любишь, какъ онъ меня любилъ... Тотъ же парень шустрый, правный, на языкъ и на руку скорый... А можно-ль и его было казнить, Ивана-то? Я, окаянная, всему этому дѣлу заводчица!.. Иванъ-ли, другой-ли кто въ его порѣ,—все едино, сталъ бы также глумиться, видимши, какую онъ надо мной власть взялъ...

Немного помолчавъ, Устинья добавила:

— Вѣдь это мы съ тобой такъ разумѣемъ; а войди-ка ты въ душу мого безталаннаго Епиши... Нѣшто ему можно было стерпѣть?.. Младенецъ, какъ есть младенецъ, и такая ненависть къ нему объявилась...

Низко опустила голову Устинья. Никакими вопросами не

хотѣлъ тревожить ее Шелонинъ... Какое-то опять новое чувство признательности наполняло его въ эту минуту... Но онъ не могъ высказать кормилицѣ, что она дала ему своей исповѣдью, отъ чего отвратила его руку, какъ озарила его пониманіе...

Безъ словъ обналъ онъ ее, и она отдалась съ лаской и стремительностью нервной и чувтой души, этому всепрощающему объятію...

— Прости мнѣ, Гришенька, Христа-ради, — прошептала Устинья, съ трудомъ отрывая голову отъ его плеча.

Когда Устинья встала, другое, спокойное и строгое настроеніе озарило ее черты.

— Къ Епишѣ пойду, — выговорила она твердо и громко, — повинюсь на судѣ во всемъ, а тамъ, какъ Господь, здѣсь я не жилища.

И съ невольной дрожью оглянула она нзбу.

Шелонинъ, молча, преклонился передъ голосомъ ея совѣсти.

Было все еще рано, когда онъ, придя къ себѣ, сталъ у окна и оглядывалъ дворъ своей родной Шелонихи, празднично блиставшій на солнцѣ, точно онъ мысленно прощался съ нимъ.

И дѣйствительно, онъ думалъ свою прощальную думу. Не одной Шелонихѣ говорилъ онъ «прости», но всему расцвѣту своей жизни...

Озаренный и обезоруженный, вернулся онъ отъ Устиньи, съ того свиданія, въ которомъ онъ точно жаждалъ пайти новые мотивы злобы и ненависти... Но примиреніе легло камнемъ въ душу. Еще два-три такихъ примиренія — и жизнь предстанетъ съ холоднымъ саваномъ въ рукахъ, указывая впереди на безстрастный, суровый долгъ... на обязательное существованіе среди могилъ, гдѣ зарыты, одни за другими, всѣ упованія молодого сердца...

Къ переднему крыльцу подвелъ кучеръ верховую лошадь. Минутъ черезъ пять выскочилъ Поль и молодцовато сѣлъ въ сѣдло. Шелонину видна была эта фигура во всѣхъ ея выпуклостяхъ и задорныхъ краскахъ. Но ни одинъ нервъ не дрогнулъ въ лицѣ его. Мимо его окна прогарцовалъ какой-то юноша съ моноклемъ, въ большихъ сапогахъ, съ хлыстикомъ и въ шляпѣ съ синимъ вуалетомъ.... Юношу этого звали Качковымъ... И все остальное представилось Шелонину... Онъ отошелъ отъ окна и выговорилъ про себя:

«Какъ они всѣ счастливы будутъ, когда я скроюсь; но куда?»

Дверь осторожно отворилась. Мальчикъ Вася, на поднось, подалъ ему письмо съ большой гербовой печатью, прибавивъ:

— Сейчасъ изъ города привезли-сь.

Шелонинъ узналъ руку отца своего. Они давно не переписывались. Письмо князя Дмитрія Алексѣевича изображено было на большомъ листѣ почтовой бумаги. Шелонинъ читалъ его потихоньку, и когда дошелъ до подписи, громко вздохнулъ и улыбнулся.

XLI.

Княгиня Вѣра Юрьевна сидѣла у окна въ спальнѣ, выпивъ свою утреннюю чашку кофе. Въ батистовомъ пеньюарѣ, цвѣта небеленной пеньки, она, вся прозрачная и тонкая, съ похудѣвшимъ и слегка возбужденнымъ лицомъ, казалась еще моложавѣе. Въ открытое окно тихою, незримою волной вливался утреннй воздухъ, еще не накалившійся отъ полуденнаго жара, внося запахъ листвы, заслонявшей окно отъ солнечныхъ лучей.

Кто-то постучался изъ корридора. Княгиня чуть-чуть вздрогнула и тихо крикнула:

— Entrez.

Когда глаза ея, съ приподнятыми бровями, повернулись въ дери, они прямо упали на фигуру сына, остановившагося шагахъ въ пяти отъ ея кресла. Она хотѣла-было подняться, потомъ опустилась опять, глаза на секунду закрылись, и лѣвая рука выпнулась впередъ страннымъ, неувереннымъ движеніемъ.

Одного взгляда было достаточно Шелонину, чтобы схватить если не испугъ, то смятеніе матери.

— Здравствуй, шатап,—довольно весело и даже съ улыбкой изговорилъ онъ, подходя къ креслу.

— Гриша!—быстро и нервно отеликнулась княгиня, и поцѣловала его въ голову...—Садись вотъ тутъ, противъ меня.

Онъ сѣлъ на табуретъ, стоявшій у того же окна.

— Какъ ты себя чувствуешь?—спросилъ онъ.

Съ самаго припадка на террасѣ они не видались.

— Хорошо, увѣряю тебя,—отвѣтила княгиня, смѣясь и точно извиняясь за свое нездоровье.

Она протянула ему обѣ руки. Онъ крѣпко сжалъ ихъ... Тутъ только взглянулъ онъ прямо въ лицо матери.

И показалось ему, что лицо это дышало прежней чистотой и безпредѣльнымъ сочувствіемъ; показалось ему, что на губахъ трепетали слова горячаго изліянія, послѣ котораго все станетъ свѣтло и радостно...

Но все это длилось одинъ мигъ. Онъ прошелъ; уста ея не

открывались, руки не дрогнули, на глазах не блеснули слезы... Изліяніе было невозможно...

Шелонинъ понялъ, что мать не знаетъ: съ чего *безопаснѣе* начать съ нимъ разговоръ. Онъ высвободилъ одну руку, досталъ изъ бокового кармана письмо и, подавая княгинѣ, выговорилъ серьезно и просто:

— Прочти вотъ это мѣсто, маман.

Княгиня прочла слѣдующія, отчеркнутыя для нея карандашемъ строки:

«Ты все еще не при дѣлѣ. Grégoire, и я тебѣ предлагаю отличиться по твоей части, comme savant, entends-tu... Здѣсь снаряжаютъ опять ученую экспедицію во вновь завоеванный край. Ничего мнѣ не будетъ стоить помѣстить тебя туда, если только ты не прочь отъ такой *escapade*. Лучше же хоть такимъ манеромъ отрекомендовать себя, чѣмъ безъ толку книжки читать. Коли ты согласенъ, пришли мнѣ депешу и выѣзжай, благо теперь лучшее время для вояжа. Отецъ твой никогда не переставалъ думать о твоей пользѣ, но мало за это видитъ чувства...»

Тутъ княгиня остановилась и, вскинувъ глазами на сына, спросила:

— Какъ же ты думаешь, Гриша?

— Я думаю принять предложеніе и—ѣхать.

Легкая, но замѣтная краска оживила лицо княгини. Она едва удержала въ себѣ вздохъ успокоенія и сложила руки на груди.

«Какъ она рада!» подумалъ Шелонинъ, и тотчасъ же, самымъ обыкновеннымъ тономъ, прибавилъ:

— Я полагаю, что отецъ не выдумалъ эту экспедицію... О ней писали въ газетахъ.

Въ другое время княгиня только пожала бы плечами и улыбнулась той улыбкой, какую она усвоила себѣ, говоря о князѣ Дмитріѣ Алексѣевичѣ, но въ эту минуту ея обрадованная мина осталась та же.

— Конечно, дитя мое,—проговорила она, слегка повернувъ голову къ окну,—тебѣ, какъ ученому... И потомъ, ты поторопиль бы отца прислать свое согласіе на свадьбу Лидіи...

Помолчавъ, княгиня тихо воскликнула:

— Такая даль!..

Глаза ея отуманились и съ пугливой грустью остановились на сынѣ. Онъ поймалъ этотъ взглядъ, пожалъ руку матери, все еще лежавшей въ его лѣвой рукѣ, и съ неудержимымъ волненіемъ вымолвилъ:

— Мама, скажи одно слово... Скажи, что ты хочешь этого, и я вернусь съ тобой въ Петербургъ!..

Слово «хочешь», было такъ произнесено, и такъ поглядѣвъ онъ на мать, что она съ новымъ и тягостнымъ замѣшательствомъ тихо-тихо вымолвила:

— Зачѣмъ же приносить жертвы, Grégoire... для меня.

Наступившая затѣмъ пауза была настолько томительна, что Шелонинъ, возвышая голосъ и впадая въ первоначальный тонъ, спросилъ:

— Могу я тебя просить о двухъ вещахъ...

— Говори, говори, Гриша,—уже съ нескрываемой радостью вскричала княгиня.

— Устинья...

— Что она?

Краска сильнѣе зарумянила щеки княгини.

— Она хочетъ идти за сыномъ... На это необходимо согласіе мужа... Надо заплатить ему... и ее не оставить, маман.

— Слушаю, Grégoire, я это исполню.

— И еще... давнишнее твое обѣщаніе...

— Какое?

— На счетъ школы.

— Да, да, какъ тебѣ угодно.

Оправившись немного, княгиня выпрямилась въ креслѣ и веселѣе сказала:

— Ты еще, кажется, не поздравилъ... нашихъ fiancés... Будь съ ними поласковѣе... Да вотъ и они,—вскричала она, выглянувъ въ окно...—Ты позволишь ихъ позвать сюда?..

— Пожалуйста!—откликнулся Шелонинъ, и отошелъ къ кушеткѣ.

Позванные княгиней, Люлю и Гильзенъ явились подъ руку изъ гостиной.

Шелонинъ первый подошелъ къ нимъ и пожалъ имъ руки.

— Маман мнѣ напомнила,—началъ онъ, обращаясь къ нимъ обоимъ,—что я совсѣмъ забылъ васъ поздравить...

— Съ чѣмъ?—бойко спросила Люлю.

— Ceci est peu flatteur pour moi!..—засмѣялся въ горло Гильзенъ, и все еще не совсѣмъ увѣренно поглядывая на товарища, прибавилъ: — distraction de philosophe cher, ça ne compte pas...

— Ахъ, какъ ѣсть хочется!..—кинула Люлю, и даже топнула ногой.—Маман, кого мы ждемъ?..

— Поль еще не вернулся...—какъ-то мимоходомъ замѣтила княгиня.

— А тебѣ хочется ѣсть, Гриша?—продолжала Люлю.

— Ужасно!—отвѣтилъ онъ, и тутъ только сообразилъ, что онъ вчера ничего не ѣлъ.

— Eh bien! Soyons fidèles à l'adage de nos pères,—провозгласилъ Гильзенъ:—семеро одного не ждутъ!! A table, mesdames et messieurs!..

Шелонинъ пошелъ за проголодавшейся парой и подавъ руку матери.

XLII.

На третій день подъ вечеръ, на своей любимой скамьѣ Шелонинъ сидѣлъ недвижно, глядя на розоватыя проблески солнца въ листвѣ сирени и бузины. Небольше двухъ недѣль прошло съ того утра, какъ онъ въ первый разъ, въ этотъ прїѣздъ, зашелъ въ цвѣтникъ и ждалъ на своей скамейкѣ, когда откроется за вѣтное окно спальни.

Какихъ-нибудь двѣ недѣли—и все такъ стремительно, такъ безвозвратно измѣнилось!.. Но полно, такъ ли? Гдѣ же эта перемѣна? Въ немъ одномъ, а все остальное идетъ по прежнему... Онъ одинъ мѣшалъ общей жизни, ея фигура смущала довольство и радости обитателей Шелоники...

А какъ имъ легко и весело теперь, когда всѣ знаютъ, что онъ ѣдетъ, и далеко ѣдетъ, такъ что и тамъ, въ Петербургѣ, не нарушить теченія того, что другъ-Гильзенъ называетъ «le petit bonhomme de train».

И точно въ отвѣтъ на эту думу отчужденія и одиночества, слышались изъ гостиной раскаты говора и громкаго смѣха.

«Завтра еще веселѣе будетъ, безъ меня», подумалъ онъ, и новая чуть-замѣтная черта горечи легла у него около рта.

— Ты здѣсь, Grégoire!—кликнулъ его голосъ Гильзена, спускающагося съ террасы.—Вѣчно забьешься... Можно прїѣхать и закурить?

Орестъ Федоровичъ былъ краснѣе обыкновеннаго. За обѣдомъ Качковъ все подливалъ ему домашней водянки.

— Садись, садись,—пригласилъ Шелонинъ, и отодвинулся на скамьѣ.

— Frère Grégoire-l'hermite!.. Такъ-бы тебя слѣдовало прозывать... Право, любезный другъ, у тебя въ головѣ какой-то

электрический снарядъ. Пафъ! и выкинешь штуку... *Décidément on ne sait sur quel pied danser avec toi...*

— Что такъ?..

— Да вотъ хоть-бы твоя поѣздка... Кстати, когда же мы тебя провожаемъ?

— Пожалуйста, безъ проводовъ... Я уѣду втихомолку.

— Ну да, ну да!.. не раскуривается... *le satané cigare!*..

Гильзенъ сталъ усиленно пыхтѣть; но направивъ, какъ слѣдуетъ, свою сигару, помѣстился передъ Шелонинымъ стоя, широко растопырилъ ноги и подбоченился.

— Стало-быть, въ Ташкентъ?!.. Ха, ха, ха!..—разразился онъ.

— Въ Ташкентъ,—повторилъ съ усмѣшкой Шелонинъ.

— О, *c'est cocasse!*.. Господа Ташкентцы—съ одной стороны, и мой досточтимый товарищъ и другъ, князь Григорій Дмитріевичъ Шелонинъ-Рыкаловъ, философіи докторъ и естествознанія магистръ—съ другой. *Quel contraste épatant!*.. А впрочемъ, что же... все это пропилен, такъ сказать. *Je dirai même que c'est un chemin plus court... à la vraie position sociale...* Честное слово!.. Можно сразу заставить о себѣ говорить... *Une excursion dans l'Asie centrale...* Куда-нибудь поглубже... *C'est chic!*.. Voilà le fameux Vambery enfoncé d'un coup!..

Домашняя водянка не помѣшала однакожъ Оресту Оедоровичу остановить свою импровизацію.

Онъ прислѣлъ къ Шелонину въ болѣе спокойной позѣ и конфиденціально выговорилъ:

— *Je compte sur toi, Grégoire...* вѣдь ты теперь отправляешься въ качествѣ нашего ходатая... Князь, конечно, согласится; но я не желалъ-бы никакихъ, понимаешь, *ajournements...*

— Да ихъ и не будетъ,—подтвердилъ Шелонинъ.

— *A la bonheur!*.. А ты, любезный другъ, всѣ твои замѣтки или прямо на мое имя... *C'est nous qui batterons la grosse caisse!*.. И тогда...

— *Oreste, venez donc!*—прервалъ его голосъ Люлю съ террасы.

— Hein?—отозвался Гильзенъ пріятельскимъ звукомъ.

— *Paul va nous chanter quelque chose de joli...*

— Voilà, voilà!..—крикнулъ Гильзенъ съ шаловливостью гадены и убѣжалъ, бросивъ однако свою сигару:—при дамахъ онъ не курилъ.

Какъ радостно вздохнулъ его товарищъ, оставшись опять наединѣ: онъ надѣялся, что никто уже до ночи не потревожитъ его тутъ. Ни о чемъ онъ теперь усиленно не думалъ, ни съ

чѣмъ не прощался, ничего точно не жалѣлъ: онъ просто вдыхалъ въ себя вечерній воздухъ съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ сидитъ крестьянинъ на завалинкѣ послѣ страднаго, трудового дня... Завтра пойдетъ то же, но сегодня точно застыла каждая жилка и жаждетъ покоя...

Но, чу!.. Какіе это звуки? Шелонинъ сталъ жадно прислушиваться и припоминать... Да, это она, Мендельсоновская «Volkslied», которая такъ запала ему въ душу, когда-то, въ Гейдельбергѣ; а потомъ, на-дняхъ, на этой самой террасѣ, откликнулась на шутовскіе куплеты Поля...

И кто поетъ ее? Все онъ, все тотъ же Поль Качковъ... Грудныя теноровыя ноты несутся чисто, но слишкомъ рѣзко по влажному воздуху сумерекъ... Слова тѣ же, мелодія та же; но ея смыслъ и складъ отсутствуютъ: плача нѣтъ, нѣтъ и радостной надежды, нѣтъ честной бодрости духа... Почти нестерпимо рѣжутъ ему уши возрастающіе въ силѣ переливы голоса и повтореніе припѣвовъ... Но онъ пригвожденъ къ скамьѣ, онъ долженъ выслушать пѣснь до конца, она вѣдь для него поется...

Шумно, дерзкой нотой молодой самоувѣренности, прозвучали надъ нимъ и вокругъ него слова:

„Wenn Menschen auseinander geh'n,
„So sagen sie: auf Wiederseh'n“!

И хоръ изъ нѣсколькихъ голосовъ повторилъ:

„Auf Wiederseh'n“!

— Нѣтъ!—прошепталъ вдругъ весь потрясенный Шелонинъ, нѣтъ, не до свиданія!.. Не надо, не надо! И закрылъ лицо руками.

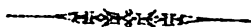
Хлынули тихія и долгія слезы...

Полутру, въ семь часовъ десять минутъ, одинокій пассажиръ бралъ на *** станціи прямой билетъ до Саратова. Поездъ пришелъ, напустилъ пару, жалобно свистнулъ, принялъ пассажира и лѣнливо потащился дальше...

Въ усадьбѣ села Шелоники все еще спало...

П. Боборыкинъ.

съ
н.
ещ
ніемъ

ВОЛЬНЫЙ ГОРОДЪ КРАКОВЪ

1815—1846 *).

Тридцать лѣтъ изъ исторіи вольнаго города Кракова, собственно эпизодъ изъ польской исторіи, представляютъ однако тѣсную связь съ исторіею взаимныхъ отношеній того времени между членами такъ-называемаго «священнаго союза», въ составъ котораго входили Австрія, Пруссія и Россія, а душою былъ австрійскій министръ князь Меттернихъ. Существованіе Кракова послѣ вѣнскаго мира, въ видѣ независимой и нейтральной территоріи, состоявшей однако-жъ подъ покровительствомъ или, лучше сказать, опекой принадлежавшихъ къ союзу державъ, было неизбежнымъ послѣдствіемъ недоразумѣній, возникшихъ на вѣнскомъ

*) Источники и пословія:

Прежде всего назовемъ: 1) *Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne 1762—1862*, par le comte *D'Angerberg*. Paris, 1862. Это сборникъ не только архивныхъ документовъ, но и актовъ, выбранныхъ изъ разныхъ печатныхъ сборниковъ и сочиненій о новѣйшей польской исторіи. Къ исторіи вольнаго города Кракова изъ актовъ, помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ, относятся 92.—2) (Мецишевскаго) *Mémoire historique et politique sur l'état actuel de la ville libre de Krakovie*. Paris, 1840. Здѣсь есть нѣсколько документовъ, не вошедшихъ въ сборникъ Ангерберга.—3) *Teszarczyk A.*, *Rzecz pospolita Krakowska wolna, niepodległa i ściśle neutralna pod opieką trzech dworów zostająca a za rękojmą kongressu wiedeńskiego*. Krakow, 1863. Вышелъ только первый выпускъ, заключающій въ себѣ польское изложеніе актовъ, положившихъ основаніе политической жизни Кракова. Полной же исторіи вольнаго города Кракова до сихъ поръ нѣтъ даже въ польской литературѣ.

Что касается отдѣльныхъ главъ, то, кромѣ вышеназванныхъ сочиненій, автору служили при составленіи первыхъ трехъ главъ о временахъ наполеоновскихъ войнъ и вѣнскаго конгресса: 1) *Oginski M.* Cl. prince, *Mémoires sur la Pologne et les polonais, depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815*. Paris, 1826—27. 4 voll.—2) *Alexandre I-er*

конгрессѣ по поводу устройства польскихъ дѣлъ; но когда эти недоразумѣнія изгладились, когда дальнѣйшая исторія Галиціи, Познани и царства польскаго возстановили полное согласіе между союзными державами по этому вопросу, тогда и отдѣльное существованіе Кракова оказалось ненужнымъ. Оставалось только рѣшить вопросъ о томъ, къ которой изъ трехъ державъ Краковъ долженъ быть присоединенъ. Рѣшеніе этого вопроса вытекало уже изъ самаго характера священнаго союза. Нося названіе, напоминавшее собою религіозныя цѣли, союзъ этотъ имѣлъ совершенно инныя задачи: онъ направленъ былъ не только къ охраненію того внѣшняго вида, который далъ Европѣ вѣнскій конгрессъ, но и къ подчиненію всѣхъ національныхъ стремленій тѣмъ политическимъ отношеніямъ, которыя специально взялись оберегать помянутыя державы. Въ вопросахъ, имѣвшихъ общеевропейское значеніе, каковы: освобожденіе Греціи, Бельгіи, Сербіи, и другіе, священный союзъ долженъ былъ отчасти согласоваться съ политикой остальныхъ великихъ державъ, отчасти уступать европейскому общественному мнѣнію; а что всего важнѣе, въ этихъ вопросахъ интересы трехъ союзныхъ державъ были не одинаковы. Въ совершенно иномъ положеніи находился священный союзъ относительно польскаго вопроса: можно сказать, что этотъ вопросъ сталъ мало-по-малу крѣпчайшею связью для союзныхъ державъ, равно заинтересованныхъ въ сохраненіи за собою областей, принадлежавшихъ нѣкогда къ Рѣчи Посполитой. Обладаніе Краковомъ, территорія коего составляла важный стратеги-

et le prince Czartoryski. Correspondance particulière et conversations (1801—1823), publiées par le prince *Lud. Czartoryski*. Paris, 1865.—3) England, Russland und Polen. Diplomatische Correspondenz aus der Zeit des Wiener Congresses. Brussel. 1847.—4) *Chodzko L.*, Histoire des légions polonaises en Italie. 2 voll. Paris, 1829.—5) *Montgaillard*, I. O. M. Roques de, Seconde guerre de Pologne, on considérations sur la paix publique du continent et sur l'indépendance maritime de l'Europe. Paris, 1812.—6) *Pradt*, arch. de, Histoire de l'ambassade dans le grand-duché de Varsovie, en 1812. Paris, 1815.—7) *Gley*, abbé G., Voyage en Allemagne et en Pologne. pendant les années 1806 et 1812, avec les notes relatives à l'ambassade de M. de Pradt à Varsovie. Paris, 1816; 2 voll.—8) *Skarbek J. hr.*, Dzieje księstwa Warszawskiego. Poznan, 1860; 2 книги.—9) *Schmitt H.*, Dzieje porozbiorowie polski (1795—1832). W Lwowie, 1868. Читатели могутъ сравнить также статью автора „Варшавское герцогство“, напечатанную въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1866 годъ № 1, 2, и 3.

Глава четвертая, представляющая описаніе краковскихъ древностей и указывающая на историческое значеніе самого Кракова въ судьбахъ Польши, имѣетъ подстрочныя указанія на источники. Для остальныхъ главъ авторъ пользовался свѣдѣніями, почерпнутыми изъ слѣдующихъ книгъ: 1) *Swerts-Spork*, Mowa przy uroczystem oddaniu konstitucyi wolnego miasta Krakowa, miana d. 11 wrzesnia 1818. W Krakowie, 1818, in 12.—2) *Reibnitz de*, Mowa przy uroczystem oddaniu etc. ibidem.

ческій и торговый пунктъ, должно было дать той изъ нихъ, въ владѣніямъ которой присоединили бы его, преобладаніе надъ краемъ, служащимъ водораздѣломъ между бассейнами Вислы и Одера. Висла въ главномъ своемъ теченіи уже принадлежала Россіи и Пруссіи. Желая обезпечить спокойствіе въ областяхъ, лежащихъ по ней, Россія и Пруссія, видя въ Краковѣ убѣжище польской эмиграціи, рѣшили передать его Австріи, а чрезъ то дали ей сильный опорный пунктъ въ верховьяхъ Вислы, чего такъ не хотѣлось императору Александру I-му. Само собой разумѣется, что Франція и Англія должны были заботиться о сохраненіи этого маленькаго вольнаго города, охранять его нейтралитетъ и независимость; но онѣ обратили вниманіе на его опасное положеніе лишь тогда, когда вліяніе Австріи надъ краковской территоріей уже стало неотразимо, и присоединеніе Кракова къ Галиціи почти совершенно подготовлено. Одновременность революціоннаго движенія въ Галиціи и въ Краковѣ въ 1846 году окончательно рѣшила вопросъ въ пользу Австріи. Все вниманіе Англіи и Франціи въ судьбу, постигшую Краковъ, ограничилось парламентскими запросами и преніями, и дипломатической перепиской. Краковъ, какъ вольный городъ, пересталъ существовать, исчезъ изъ системы европейскихъ государствъ въ то самое время, какъ національные вопросы зрѣли, подготавливая паденіе Меттерниха, создавшаго священный союзъ, и вызывая событія 1848 года, положившія конецъ преданіямъ этого союза. Такимъ образомъ, исторія вольнаго города Кракова есть вмѣстѣ и эпизодъ изъ исторіи священнаго союза.

—3) Rzut oka polityczny na obecny stan wolnego miasta Krakowa i jego okręgu. Kraków, 18. 8.—4) Uwagi nad rzutem oka etc. Lipsk, 1828.—5) *Meciszewski* Hilar., Szesć lat politycznego bytu rzeczy pospolitej Krakowskiej. Berlin, 1846.—6) *Meciszewski* H., Wizyta braci Malinowjkich z Warszawy odbita w Krakowie d. 17 grudnia 1830 r. Kraków, 1861.—7) *Slotwinski* Jel., Ustawodawstwo Rzeczy pospolitej Krakowskiej; od chwili jej politycznego bytu t. j. od roku 1815 aż do roku 1836. Kraków, 1836.—8) *Ianuszewicz* Theoph., Quelques mots sur l'occupation de Cracovie en 1836. Strasb., 1838.—9) Affaires de Cracovie. Discussions parlementaires à la chambre des pairs le 10 juillet, à la chambre des communes d'Angleterre le 13 juillet 1840. Paris, 1840.—10) Krakau und ein Blick über seine Grenzen. Leipzig, 1844.—11) Der Freistaat Krakau bis zum J. 1845 und die Salmen zu Weliczka in Galizien. Krakau, 1846.—12) Das Polen-Attentat im J. 1846. Grimma, 1846.—13) Discussions sur les affaires de Pologne à la chambre des députés le 14 mars et à la chambre des paires les 19 et 20 mars 1846. Paris, 1846.—14) *Chodzko* L., Les Massacres de Galicie et Cracovie confisquée par l'Autriche en 1846. Paris, 1861.—15) Discussion du projet de loi relatif aux réfugiés étrangers. Evénements de Cracovie et de Galicie. Séance du 2 juillet 1846. Paris, 46.—16) *Bülau* I., Einverleibung von Krakau und die Unterzeichner der Schlussacte des Wiener Congresses. Leipzig, 1847.—17) Ausschlüsse über die jüngsten Ereignisse in Polen, Mainz, 1846.—18) Die

Краковъ, нераздѣльно связанный съ судьбою польской народности, своимъ отдѣльнымъ политическимъ существованіемъ въ нынѣшнемъ столѣтіи обязанъ былъ отчасти своей древности и своему историческому значенію. Не даромъ говорили о немъ еще въ средніе вѣка: *Sola Cracovia est Polonia*, и пословица эта сбылась на немъ въ XIX вѣкѣ, между 1831 и 1846 годами. Но и въ эту эпоху Краковъ, какъ истинный представитель Польши, явился со всѣми качествами, свойственными польскому племени. Его внутренняя исторія исполнена такихъ же колебаній и несогласій между партіями, какія можно видѣть и въ исторіи Рѣчи Посполитой. Въ его сенатѣ, сеймѣ, судебныхъ учрежденіяхъ, въ его старинной Ягеллоновской академіи идетъ борьба политическихъ партій, переплетается съ дѣйствіями заграничныхъ эмиграціонныхъ комитетовъ, вызываетъ безпрестанное вниманіе иностранныхъ комиссаровъ во внутреннія дѣла вольнаго города, и стихаетъ только предъ неоднократнымъ занятіемъ его территоріи чужестранными войсками. Около этой главной нити событій, вѣшнихъ и внутреннихъ, располагаются и всѣ частныя интересы, всѣ личныя стремленія, наполнявшія общественную жизнь Кракова изо дня въ день. Вотъ въ краткомъ очеркѣ существенныя черты того историческаго интереса, какой связанъ съ изложеніемъ краковскихъ событій.

polnische Frage mit Bezug auf die letzten Ereignisse von einem Krakauer. Brüssel, 1846.—19) Lettre d'un gentilhomme polonais sur les massacres de Galicie, adressée au prince de Metternich. Bruxelles, 1846.—20) Récapitulation exacte des événements de Galicie en 1846. Paris, 1847.—21) Cracovie ou les derniers débus de la nationalité polonaise. Paris, 1847.—22) La vérité sur les événements de Galicie. Paris, 1847.—23) Polnische Bewegungen enthaltend die neuesten Ereignisse im Grossherzogthum Posen mit Hinblick auf die Russomanie. Thorn, 1846.—24) *Jäger A. J.*, Die Annexion von Krakau. Jr. a. M. 1846.—25) De l'attentat diplomatique de Cracovie et de ses conséquences en Europe. Paris, 1847.—26) Genese—Cracovie, la Suisse—la Pologne. Lettre adressée à m-er. Baumgartner. Paris, Genève, 1843.—27) England, Russland und Polen. Brüssel, 1847.—28) *Galicja i Kraków pod panowaniem austriackiem*. Paris, 1853.

Уже изъ одного этого перечисленія литературныхъ пособій для исторіи Кракова читатели могутъ видѣть, что большинство ихъ обращало вниманіе только на главный вопросъ: политическое значеніе Кракова и отношенія его къ покровительствовавшимъ дворамъ. Вотъ почему, для пополненія свѣдѣній о внутренней исторіи Кракова, авторъ долженъ былъ обращаться къ періодическимъ изданіямъ и сборникамъ того времени, какіе ему удалось собрать во время путешествій по славянскимъ землямъ (*Dzienniki, Kalendaryki, Kroniki, Opisy, Przewodniki, Pamiętniki, Roczniki, Tygodniki*, издававшіеся болѣею частию эмигрантами). Наконецъ, онъ имѣлъ подъ руками обширную *Encyklopediä Powszechnä*, изданную Оргельбрандомъ въ Варшавѣ, и *Wurzbach's Const. v.*, *Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich*. Wien; 1857—72; 24 voll.

I.

Положеніе польскаго народа среди славянскаго міра. — Состояніе Европы во время послѣднихъ раздѣловъ Польши. — Партія союза съ Франціей съ цѣлю возстановленія Польши — Комитеты въ Парижѣ и Венеціи. — Пронски въ Швеціи и Турціи. — Домбровский и польскіе легіоны. — Планы польской эмиграціи противъ Австріи, и неудача ихъ. — Мысль о созваніи польскаго сейма въ Миланѣ, и бѣдственный исходъ ея. — Первые раздоры внутри эмиграціонной партіи. — Дальнѣйшая судьба легіонеровъ. — Попытки привлечь Австрію къ союзу съ Франціей по польскому вопросу. — Безуспѣшность этого замысла. — Уничтоженіе легіонеровъ. — Взаимный договоръ Франціи и Россіи о надзорѣ за польскими эмигрантами.

Исторія славянскихъ народовъ представляетъ неоднократно примѣры внутренняго упадка и внѣшней зависимости отъ иныхъ народностей. Но причины, свойства и послѣдствія этихъ, повидимому, однородныхъ между собою явленій, отличаются необыкновеннымъ разнообразіемъ, что зависѣло не только отъ различія въ историческомъ и народномъ характерѣ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, но и отъ особыхъ условій времени, въ которое ихъ постигали бѣдственные перевороты, и отъ разнообразія политическихъ цѣлей и стремленій, во имя которыхъ болѣе сильныя народности подчиняли ихъ своему вліянію и власти. Славянскія племена, занявшія въ началѣ среднихъ вѣковъ земли, лежащія по южному берегу Балтійскаго моря и по рѣкѣ Лабѣ (Эльбѣ), были не только вслѣдствіе раздробленности ихъ племенныхъ союзовъ, розни между ихъ сословіями, но и по причинѣ болѣе развитой, болѣе сильной политической организаціи ихъ германскихъ сосѣдей. Самое христіанство явилось у нихъ проводникомъ чуждаго вліянія, средствомъ къ подчиненію ихъ нѣмецкой культуры. Внутренняя слабость соединилась здѣсь съ внѣшнимъ паденіемъ, и полабскіе славяне исчезли навсегда со страницъ исторіи. Чехи, политическая жизнь которыхъ рано вступила въ связь съ жизнью нѣмецкой имперіи, утратили свою политическую независимость подъ вліяніемъ религіозной борьбы, закончившейся превращеніемъ священно-римской имперіи въ имперію нѣмецкую, которая уже не могла смотрѣть на чешское королевство иначе, какъ на составную часть свою. Но потеря политической свободы не отняла у чеховъ возможности сохранить свою народность и заявить въ эпоху общеевропейскихъ потрясеній позднѣйшаго времени свою возрождающуюся силу. Не говоримъ о словакахъ и венграмъ, почти незнавшихъ самостоятельнаго политическаго бытія и рано утратившихъ своихъ природныхъ владѣтелей, тѣмъ

не менѣе и ихъ народныя отличія сохранились до нашего времени. Хорваты соединили свое королевство съ венгерскимъ, по прекращеніи собственной династіи, и, удержавъ нѣкоторыя особенности въ управленіи своими землями, остались почти при прежнихъ народныхъ началахъ жизни. Славяне, которымъ суждено было испытать турецкое владычество, пали не въ силу внутреннихъ причинъ, коренившихся въ ихъ бытѣ,—ибо въ противномъ случаѣ подобное же объясненіе надо было распространять и на остальную Европу, подвергавшуюся власти турокъ;—они подчинились турецкому завоеванію въ силу того могущества, которымъ обладала мусульманская религія при ея появленіи на европейской почвѣ, и за отсутствіемъ союзниковъ, которыхъ католическая Европа не могла выслать имъ по своей вѣроисповѣданной розни съ Востокомъ. Близкій къ нимъ по племенному происхожденію и вѣрѣ, славянскій востокъ еще только начиналъ тогда свое освобожденіе отъ татарскаго ига: битва на Коссовомъ полѣ, разрушившая сербское царство, совершалась въ одно и то же десятилѣтіе съ битвою на полѣ Куликовомъ. Но славянскій югъ и востокъ были счастливѣе западныхъ окраинъ славянскаго міра. Они боролись за свою народную и политическую независимость съ азіатскими ордами, одолѣвшими ихъ на время своею дикою силою и многочисленностію, но не имѣвшими ничего въ своемъ распоряженіи для духовнаго преобладанія надъ ними; и славяне на востокъ и югъ не только сохранили вполнѣ свою народность, но восточные создали обширное русское государство, а южные, при ослабленіи турецкой имперіи, отчасти собственными усиліями, отчасти при содѣйствіи русскихъ, устремились къ восстановленію своей политической самостоятельности. Славяне же, занимавшіе западныя окраины общаго ихъ семья міра, войдя въ составъ чуждыхъ имъ политическихъ организмовъ, обречены были на постоянную и упорную борьбу за свой родной языкъ, за свой народный бытъ, подвергавшійся нерѣдко кореннымъ измѣненіямъ отъ приносимыхъ извнѣ вліаній и чужого управленія.

Что же дѣлалъ въ это время народъ, занимавшій средину между славянскими поселеніями,—народъ польскій? Сначала онъ участвовалъ въ борьбѣ западныхъ своихъ собратьевъ съ наплывомъ германскаго элемента, и неоднократно пользовался благопріятными случаями стать во главѣ западно-славянскаго союза, чтобы обновить напоръ нѣмцевъ; но потомъ, подчинившись вліанію Рима въ вопросахъ религіозныхъ еще полнѣе, чѣмъ сосѣдніе чехи, какъ-бы утомившись борьбою съ нѣмецкимъ нашествіемъ, откры-

вступъ въ свои земли нѣмецкимъ колонистамъ и нѣмецкому праву, онъ обратилъ свою дѣятельность на югъ и востокъ: сперва онъ участвовалъ въ борьбѣ съ турками славянъ южныхъ и имперіи нѣмецкой, но потомъ несъ католическую пропаганду къ восточнымъ славянамъ, соединяя политически съ своими землями эти области, ослабленныя и разрозненныя татарскимъ нашествіемъ. Это обстоятельство создало для польскаго народа такое положеніе въ славянскомъ мірѣ, котораго почти не знали остальные племена славянской семьи: открывъ съ одной стороны доступъ нѣмецкому племени въ свои земли, съ другой—онъ вынужденъ былъ на борьбу съ собою русскій народъ, принадлежавшій къ тому же славянскому міру. Не удивительно, что въ эпоху внутренняго разслабленія Польши совершился неестественный, съ общеславянской точки зрѣнія, но неизбежный, по преданіямъ мѣстной исторіи и по условіямъ времени, союзъ Россіи съ нѣмецкими владѣтелями противъ Рѣчи Посполитой. Возникла мысль о раздѣлѣ Польши между союзниками. Но, участвуя въ раздѣлахъ Европы, Россія только возвращала подъ свою державу земли, прежде заселенныя восточными славянами и нѣкогда принадлежавшія Рюриковичамъ, и отчасти наслѣдовавшимъ имъ Гедиминичамъ; Пруссія же пожинала тамъ, гдѣ не сбывалась, гдѣ принадлежкія племена никогда не бывали туземными, и продолжала жить въ томъ образѣ завѣщанный нѣмецкою исторіею *Drang nach Osten*. Что касается Австріи, то она, какъ восточная марка древнѣмецкой имперіи, разросшаяся потомъ въ обширное государство, исполняла присоединеніемъ къ себѣ польскихъ земель ту же роль, въ какой соперничала съ нею Пруссія; отчасти, какъ организмъ, сложившійся изъ разноплеменныхъ и разноязычныхъ элементовъ, подчинялась своей внѣшней судьбѣ, то увеличивавшей число ея составныхъ частей, то уменьшавшей. Къ тому же Австрія была, по своему населенію, полуславянскимъ государствомъ, и присоединеніе къ ней нѣсколькихъ мало-польскихъ воеводствъ не могло быть столько же опасно для ихъ славянской народности, какъ присоединеніе великопольскихъ и мажарскихъ областей къ Пруссіи. Такимъ образомъ, политическое единеніе польскаго народа совершилось не вслѣдствіе только внутренней слабости Рѣчи Посполитой, но, съ одной стороны—по закону историческаго возмездія за его прежнюю политику на востокъ славянскаго міра; съ другой — въ силу давняго стремленія польскаго племени подчинить себѣ сосѣднихъ съ нимъ славянъ и переработать ихъ въ однородную съ собой массу. Понятно, что и въ частяхъ раздѣленной Польши подвергалась большей

опасности и могла скорѣе погибнуть для славянской исторіи. Изъ нихъ одна возвращалась къ объединенію съ русскими землями, съ коими ее связывали издавна и общія географическія условія, и общіе историческіе интересы, не говоря уже о народныхъ свойствахъ большей части ея населенія¹⁾; другая, вступая въ союзъ съ государствомъ, разнохарактернымъ по своему составу, могла сохранить свою провинціальную особность. Не то выпало на долю земель, отошедшихъ къ Пруссіи. Раздѣлы Рѣчи Посполитой, совершившіеся въ концѣ прошлаго столѣтія, провели такія границы между Россіею, Пруссіею и Австріей, что области, въ коихъ преобладало чисто-польское населеніе, отошли къ двумъ послѣднимъ: въ рукахъ Пруссіи очутились Варшава и Гнѣзно съ землями мазовецкими и великопольскими, въ рукахъ Австріи: Краковъ съ значительной частью Малой Польши и даже Львовъ съ русскими воеводствами.

Послѣдніе раздѣлы Польши совершились въ то время, когда западная Европа занята была французскою революціею, грозившею измѣнить всѣ старинныя основы политическихъ и общественныхъ отношеній освобождавшейся отъ послѣднихъ феодальныхъ преданій Европы; съ своей стороны, они наносили рѣшительный ударъ устарѣвшей системѣ политическаго равновѣсія, возникшей еще во время итальянскихъ войнъ. Европа не могла принять никакого участія въ судьбѣ Польши: ни положительно отвергнуть ея раздѣленіе, ни молчаливо согласиться съ нимъ; а потому польскій вопросъ приняли на свое попеченіе съ одной стороны сами поляки, покинувшіе родину и удалившіеся въ другія земли, преимущественно во Францію, гдѣ устанавливалась диктатура Наполеона. Для первыхъ польскій вопросъ былъ цѣлью, для второго только средствомъ къ достиженію собственныхъ видовъ. Переворотъ, произведенный французскимъ движеніемъ въ западно-европейской жизни, возбуждалъ въ польскихъ эмигрантахъ надежду, что движеніе это достигнетъ востока Европы, и также измѣнитъ его устройство и незадолго предъ тѣмъ установившіеся въ немъ политическія отношенія. Эта надежда послужила основаніемъ для плана, который представлялъ польскому военному совѣту, послѣ битвы подъ Мацѣвицами, генералъ Домбровскій, совѣтовавшій двинуться со всею польскою арміею, въ 40,000 человекъ при 200 орудіяхъ, въ предѣлахъ Франціи и ударить въ тылъ войскамъ коалиціи, дѣйствовавшимъ противъ нея, чтобы до

¹⁾ При Екатеринѣ II къ Россіи присоединены были бѣлорусскія, литовскія малорусскія воеводства.

казать тѣмъ, какъ важно для французскихъ интересовъ существованіе Польши. Онъ возобновлялъ свой планъ и послѣ капитуляціи Варшавы, по выходѣ изъ нея двадцатитысячнаго польскаго отряда. Хотя планъ Домбровскаго и показался невозможнымъ для его товарищей, но мысль о связи съ Франціей, общихъ съ нею дѣйствійхъ увлекла многочисленныя толпы эмигрантовъ въ Парижъ, Венецію, Копенгагенъ, Стокгольмъ и другія мѣста, гдѣ подлѣ французскихъ посольствъ образовались цѣлыя колоніи польскихъ выходцевъ, пользовавшихся у нихъ безграничнымъ покровительствомъ. Декларация дворовъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Польши, въ которой было заявлено, что самый раздѣлъ совершенъ съ цѣлю уничтожить гнѣздившіеся въ ней отпрыски французскихъ якобинцевъ, побудила Францію принять польскихъ эмигрантовъ съ распростертыми объятіями и признавать въ нихъ своихъ союзниковъ. Бывшій агентъ Рѣчи Посполитой при французскомъ революціонномъ правительствѣ, Барсъ, образовалъ въ Парижѣ, при содѣйствіи новоприбывшихъ выходцевъ, комитетъ для освобожденія отечества. Этотъ комитетъ безпрестанно представлялъ французскому правительству меморіалы, причѣмъ доказывалъ необходимость восстановленія Польши, которая будетъ вѣрнѣйшимъ союзникомъ Франціи изъ-за собственныхъ интересовъ, угрожаемыхъ одними и тѣми же врагами. Комитетъ даже подавалъ надежды французамъ на возстаніе цѣлой Польши. Парижское правительство охотно выслушивало представленія польскаго комитета, требовало у него указаній, отзывовъ и совѣтовъ во время своей борьбы съ коалиціей, въ которой участвовали Австрія и Пруссія; разсылало чрезъ него инструкціи польскимъ комитетамъ, образовавшимся въ другихъ мѣстностяхъ, и давало соотвѣтственныя предписанія французскимъ посольствамъ. Но прусскій король, видя успѣхи французскихъ войскъ, спѣшилъ выдти изъ коалиціи и заключить миръ съ Франціей. Польскій комитетъ представилъ французскому правительству о необходимости вклучить въ договоръ условіе, по которому прусскій король обязывался бы не только возвратить польскія области, но и склонить къ тому же своихъ прежнихъ союзниковъ. Французскіе дипломаты откровенно объяснили, что обстоятельства не достаточно благоприятны для такихъ требованій, что всѣ ихъ заботы обращены лишь на то, чтобъ отвлечь прусскаго короля отъ коалиціи: и дѣйствительно, въ договорѣ съ Пруссіей даже не было упомянуто имени Польши. Въ Парижѣ и Венеціи дѣйствовали польскіе комитеты, состоявшіе преимущественно изъ людей богатыхъ и вельможныхъ; въ Молдавіи образовался комитетъ изъ лю-

дей менѣе зажиточныхъ, оставившихъ родину не только по измѣнившимся политическимъ обстоятельствамъ, но и по недостатку въ средствахъ къ жизни. Онъ открылъ свою агентуру въ Константинополѣ, подъ покровительствомъ французскаго посланника. Всѣ эти комитеты сносились какъ между собою, такъ и съ польскими землями, что затрудняло правительства, владѣвшія польскими провинціями, и заставляло ихъ обращать все свое вниманіе на борьбу съ эмиграціонной агитаціей, а не на преобразование системы управленія въ занятыхъ провинціяхъ. Тѣмъ не менѣе, сношенія польскихъ комитетовъ укрывались отъ правительства, ибо велись чрезъ французскія посольства. Эти сношенія возбуждали несбыточныя надежды въ польскихъ магнатахъ и шляхтичахъ, оставшихся въ своихъ имѣніяхъ; они вѣрили въ возможность воскресить Рѣчь Посполитую, ибо знали, что французская республика, только-что вышедшая изъ внутренней борьбы и безпорядковъ и уже поразившая враговъ, оказываетъ имъ всякое содѣйствіе. Правда, были и сомнѣвавшіеся въ томъ, и равнодушно относившіеся къ паденію своего народа; но ихъ возбуждали люди, находившіеся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Франціей, хотя общанія послѣдней и были крайне сомнительнаго свойства. Французское правительство пользовалось услугами поляковъ только съ цѣлію дипломатической диверсіи противъ Россіи и Австріи, стараясь доказать Швеціи и Турціи, что первая можетъ отмстить русскимъ, а вторая нѣмецкому императору за недавнее пораженіе, если поднимутъ возстаніе въ польскихъ земляхъ. Французское правительство потребовало даже, чтобы польскій парижскій комитетъ выслалъ своихъ дипломатическихъ агентовъ въ Стокгольмъ и въ Константинополь. Если бы шведскій и турецкій кабинеты приняли ихъ, это значило бы, что они протестуютъ противъ раздѣла Польши. Поляки выслали въ Константинополь бывшаго подскарбіа литовскаго, Михаила Огинскаго; но Порты колебалась и не рѣшалась войти съ нимъ въ непосредственныя сношенія. Въ Стокгольмѣ польское дѣло шло еще хуже. Несмотря на то, въ самыхъ польскихъ земляхъ образовались тайныя конфедераціи, выславшія въ Константинополь своими делегатами генерала Рымкевича и полковника Яблоновскаго. Они обѣщали выставить въ Молдавіи и Валахіи польскій вспомогательный отрядъ на случай, если бы Франція и Турція объявили войну хоть одной Австріи, или Австріи и Россіи. Новый французскій посланникъ въ Константинополь, Оберъ-дю-Байе, и французскій консулъ въ Бухарештѣ, Кара-Сентъ-Сиръ, долго носились съ этимъ планомъ, и послѣдній даже собирался

стать во главѣ польскаго отряда, который долженъ былъ вторгнуться въ Австрію; но все ихъ вліяніе на Порту достигло лишь того, что польскіе выходцы, проживавшіе въ румынскихъ земляхъ, не подвергались преслѣдованію.

Время уходило безъ всякихъ послѣдствій для польскаго дѣла. Чужая помощь ни откуда не являлась. Наиболѣе дѣятельные и горячіе изъ эмигрантовъ рѣшились организовать новыя силы собственными средствами польской эмиграціи. Находчивый Домбровский подалъ мысль объ устройствѣ польскихъ легіоновъ. Эта мысль окрѣпла, когда узнали отвѣтъ Бонапарте, данный въ 1796 году польской эмиграціи, просившей его употребить все свое вліяніе на французское правительство, чтобы поднять его на защиту польскаго дѣла. Наполеонъ объявилъ, что всѣ обѣщанія правительства не приведутъ ни къ чему, что народъ, тѣснимый сосѣдями, тогда только можетъ рассчитывать на существованіе, когда собственными силами добудетъ себѣ независимость, всегда опирающуюся на остріе оружія. Но и образованіе легіоновъ встрѣтило на первыхъ порахъ большія затрудненія. Домбровский рѣшился вступить во французскую службу, въ чемъ и успѣлъ, благодаря стараніямъ генерала Клебера, хотя и здѣсь увидалъ, что французская конституція запрещаетъ устройство иноплеменныхъ легіоновъ. Оказалось однакожъ, что новая цизальпинская республика въ Италіи можетъ принять легіоны на свою службу; по наружности они принадлежали бы къ итальянскому войску, но въ сущности вмѣстѣ съ нимъ составляли бы корпусъ, присоединенный къ французской арміи и находившійся подъ начальствомъ французскихъ полководцевъ. Домбровский обратился за содѣйствіемъ къ Наполеону, который и разрѣшилъ цизальпинской республикѣ заключить договоръ объ устройствѣ польскихъ легіоновъ. Эти легіоны должны были имѣть польскихъ офицеровъ, одѣжаніе послѣднихъ временъ Польши, знамена, значки и цвѣта польскіе, команду польскую, и только организацію по французскому образцу. Всѣ легіонаріи считались гражданами цизальпинской республики, давали присягу защищать Италію, но сохраняли право общаго возвращенія на родину, въ случаѣ если тамъ окажется надобность въ нихъ. Послѣ воззванія Домбровскаго и Миланской директоріи къ полякамъ, рассыпавшимся по всей Европѣ, послѣ дозволенія плѣннымъ австрійскимъ полякамъ вступить подъ начальство Домбровскаго, въ 1797 году образованы были два легіона. Съ тѣхъ поръ парижскій эмиграціонный комитетъ только и думалъ, какъ бы возбудить Францію къ войнѣ съ которымъ-либо изъ дворовъ, участвовавшихъ въ раз-

дѣлъ Польши. Но выходцы, проживавшіе въ Молдавіи, не дожидаясь этой минуты, произвели набѣгъ на Буковину, подъ начальствомъ нѣкоего Дениски, не имѣвшій, впрочемъ, ни малѣйшаго успѣха.

Между тѣмъ восшествіе на престолъ императора Павла, освободившаго всѣхъ польскихъ узниковъ, возбудило новыя надежды въ польскихъ патріотахъ. Огинскій проѣхалъ изъ Константинополя чрезъ Молдавію, Валахію и Галицію, и въ Бреславлѣ узналъ отъ бывшаго великаго маршала короннаго Рачинскаго, что въ Берлинѣ, въ видахъ снисканія французской дружбы, сочинили проектъ образованія изъ прусско-польскихъ провинцій особаго королевства польскаго, подъ наслѣдственнымъ управленіемъ одного изъ принцевъ гогенцоллернскаго дома. Но болѣе вѣроятнымъ представлялось другое объясненіе, по которому основаніемъ таковаго королевства Пруссія разсчитывала не только привлечь къ себѣ поляковъ, недовольныхъ раздробленіемъ своего отечества, но и включить со временемъ остальные польскія земли въ это королевство, которое стояло бы въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Пруссіи:—планъ, которымъ бредилъ и шведскій король Карлъ XI, мечтавшій обратить Балтійское море въ Средиземное для всего протестантскаго міра и окружить его вассальными владѣніями Швеціи. Разсчеты пруссаковъ, стоявшихъ за вышеупомянутый планъ, были ограниченнѣе и себялюбивѣе, но находили поддержку въ нѣкоторыхъ польскихъ магнатахъ, напр. въ князьяхъ Радзивиллахъ, бывшихъ въ свойствѣ съ гогенцоллернскимъ домомъ. Итакъ, Россія и Пруссія возбуждали надежды въ полякахъ; одна только Австрія, отразившая набѣгъ Дениски, казалась нерасположенною въ нихъ. Огинскій прибылъ въ Парижъ, раздраженный противъ Австріи и убѣжденный, что возстановленіе Польши надо начать съ Галиціи. Послѣ переговоровъ съ другими руководителями эмиграціи, онъ вошелъ въ сношенія съ тогдашнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Франціи, Делакруа. На первой конференціи французскій министръ выразилъ живое сочувствіе къ польскому дѣлу, выслушалъ показанія о расположеніи турецкаго правительства и настроеніи умовъ въ польскихъ земляхъ; затѣмъ далъ замѣтить, что Франція воспользуется удобною минутою для возстановленія Польши. На второй конференціи Делакруа уже требовалъ, чтобы поляки подняли возстаніе въ Галиціи, въ тылу Австріи, воевавшей съ французскою республикой, и вызвали такое же вооруженное движеніе въ Венгріи, Трансильваніи и Далмаціи. Огинскій требовалъ съ своей стороны ручательства, что Франція при заключеніи мира ни подъ какимъ предлогомъ не выдастъ

въ жертву Австріи польскаго дѣла. Делакруа холодно отвѣтилъ, что Франція вовсе не нуждается въ полякахъ, которые могутъ поступать какъ имъ угодно, если не имѣютъ довѣрія къ нему послѣ столь подробнаго изложенія всего плана. Между тѣмъ, событія шли съ необычайной быстротой. Австрія, напрягавшая всѣ свои усилія, потерпѣла нѣсколько жестокихъ поражений отъ французовъ и принуждена была заключить перемиріе въ Леобенѣ, причемъ обѣ договаривающіяся стороны взаимно ручались за сохраненіе внутренняго спокойствія въ ихъ государствахъ. Но поляки, образовавшіе уже третій легіонъ, были недовольны тѣмъ. Домбровскій поспѣшилъ въ Грацъ, гдѣ была главная квартира Наполеона, и послѣдній, осыпавъ похвалами дѣйствія польскихъ легіоновъ, совѣтовалъ имѣть терпѣніе и выжидать минуты, болѣе удобной для польскаго дѣла. Не зная о происходившемъ въ Леобенѣ, Огинскій продолжалъ переговоры съ Делакруа. Французскій министръ убѣжденъ былъ, что время, удобное для польскаго возстанія, пришло; что положеніе дѣлъ въ Венгріи, Трансильваніи и Далмаціи вполне благопріятствуетъ тому; что Франція будетъ содѣйствовать освобожденію австрійскихъ народовъ, хотя и не можетъ открыто призвать ихъ къ оружію. Онъ совѣтовалъ Огинскому отправиться къ Бонапарте для личныхъ переговоровъ, но просилъ представить письменно условія, на которыхъ поляки соглашаются дѣйствовать, чтобы поднести эти условія на обсужденіе директоріи. Огинскій въ своей нотѣ снова выразилъ подозрѣніе, что французское правительство манитъ поляковъ одними обещаніями, желая только воспользоваться помощью ихъ легіоновъ. Делакруа былъ оскорбленъ заявленіями Огинскаго и заявилъ, что даетъ ему три дня для представленія болѣе опредѣленныхъ условій. Польская эмиграція составила такой планъ: выслать трехъ уполномоченныхъ въ главную квартиру итальянской арміи и войти въ соглашеніе съ мадьярами относительно возстанія въ ихъ землѣ; по открытіи возстанія выслать польскіе легіоны на помощь Венгріи и всячески избѣгать народнаго движенія въ Галиціи, дабы не привлечь туда русскія войска; и только въ случаѣ успѣха венгерскаго возстанія поднять собственное дѣло. Подобный же планъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, задуманъ былъ въ 1848 году во время венгерской революціи, но предупрежденъ вмѣшательствомъ Россіи въ австрійскія дѣла. Въ эпоху, о которой у насъ идетъ рѣчь, ему также не суждено было сбыться. Правда, директорія приняла его безъ измѣненій и отправила его уже въ главную квартиру, а польскіе уполномоченные: Огинскій, Миѣвскій и Прозоръ готови-

лись выѣхать туда же, какъ неожиданно для Парижа получено было извѣстіе о леобенскомъ перемиріи. Наполеонъ былъ правъ, спѣша его заключеніемъ, ибо, вмѣсто возстаній, враждебныхъ Австріи, Венеція вызвала въ тылу французской арміи народное движеніе, поджигаемое монахами и поддерживаемое деньгами; а когда Жуберъ оставилъ Тироль, чтобы соединиться съ главною арміею, Лаудонъ поднялъ все населеніе того края, поддерживая въ то же время связи и съ возставшими итальянцами; наконецъ, на пути къ Вѣнѣ правое крыло французскаго войска наткнулось на спѣшившее къ столицѣ съ помощью венгерское ополченіе. Заключивъ перемиріе съ Австріею, Наполеонъ устремился противъ коварной Венеціи и смирилъ ее; сами польскіе легіоны должны были участвовать въ этомъ дѣлѣ. Домбровскій однако не унывалъ, и занимался въ это время составленіемъ четвертаго легіона.

Тогда же въ средѣ польской эмиграціи возникъ еще болѣе смѣлый планъ, чѣмъ всѣ прежніе, прямо стремившійся доказать, что во мнѣніи поляковъ и ихъ союзниковъ существованіе Польши не было прервано. Они вспомнили, что послѣдній сеймъ польскій, только отсроченный, а не распущенный, могъ, по законамъ Рѣчи-Посполитой, всегда собраться въ качествѣ истиннаго представителя своего народа, и рѣшили созвать его въ земляхъ цизальпинской республики подъ прикрытіемъ польскихъ легіоновъ. Правда, они забывали, что сеймовыя рѣшенія нуждались въ признаніи трехъ инстанцій: избы пословъ, сената и короля, а между тѣмъ послѣдній жилъ въ Петербургѣ, получая русскую пенсію, что дѣлало сеймъ недействительнымъ. Но крайность заставила признать, что для законнаго народнаго представительства достаточно будетъ, если соберется часть сенаторовъ и часть пословъ. Огинскій, сперва противившійся такому плану, потомъ сталъ искать дозволенія привести его въ исполненіе чрезъ Делакруа. Тотъ обозвалъ весь планъ плодомъ бесполезныхъ мечтаній. Польскіе выходцы обратились тогда къ директоріи чрезъ бывшаго генеральнаго консула въ Варшавѣ Бонно, который, будучи схваченъ въ 1793 году по приказу Сиверса, содержался нѣкоторое время въ Петербургѣ и возвратился не задолго предъ тѣмъ въ Парижъ. Бонно съ жаромъ схватился за возможность оказать новую услугу польскому дѣлу и, переговоривъ съ членами директоріи, объявилъ польскимъ эмигрантамъ, что французское правительство считаетъ мысль о созваніи сейма удачною и полезною, хотя все будетъ зависѣть отъ стеченія обстоятельствъ, которыя трудно предвидѣть. Парижскій комитетъ рѣшился приготовить умы

въ польскихъ земляхъ къ предполагаемому сейму соответственнымъ воззваніемъ. Огинскій былъ противъ такого открытаго образа дѣйствій и соглашался лишь на разсылку окружнаго посланія, въ которомъ были бы указаны причины созванія сейма въ Миланѣ, но которое не было бы адресовано прямо на имя вызываемыхъ, а выслано имъ чрезъ тайныхъ агентовъ. Однакожъ одержало верхъ мнѣніе, что для приданія пущей важности задуманному дѣлу надо открыто адресовать приглашенія къ такимъ знаменитостямъ четырехлѣтняго сейма, каковы Адамъ Чарторыйскій, Игнатій Потоцкій, Станиславъ Малаховскій и другіе. Домбровскийъ былъ такъ увѣренъ, что сеймъ соберется, что нанялъ для него дворецъ Цербеллони въ Миланѣ. Но судьбѣ угодно было, чтобы Нарбутъ и Кохановскій, которыхъ комитетъ выслалъ въ польскія земли съ приглашеніями, были арестованы на австрійской границѣ и всѣ бумаги отобраны у нихъ, послѣ чего начались аресты въ Галиціи въ обширныхъ размѣрахъ; между прочимъ схваченъ былъ и Малаховскій, которому удалось освободиться изъ неволи не ранѣе года, да и то уплативъ нѣсколько десятковъ тысячъ злотыхъ на покрытіе судебныхъ издержекъ. Послѣдствія столь необдуманнаго предпріятія поразили польскій комитетъ въ Парижѣ до такой степени, что онъ разошелся. Бромѣ того, многіе изъ эмигрантовъ стали сомнѣваться въ возможности служенія отечеству тѣми средствами, какія употреблялись до тѣхъ поръ, но не встрѣчали надлежащей поддержки отъ французскаго правительства. Убѣдившись, что было бы неблагоприятно жертвовать собою безъ всякой цѣли, либо добровольно обрезать себя на изгнаніе, многіе изъ эмигрантовъ стали подумывать объ исходатайствованіи себѣ дозволенія возвратиться на родину. Частію неудачи и несогласія, а еще болѣе сомнѣнія и упадокъ духа были причиною такого поворота въ настроеніи умовъ польскихъ выходцевъ. Почти всѣ члены парижскаго комитета покинули столицу Франціи и многіе изъ нихъ, получивъ дозволеніе возвратиться на родину, принесли присягу своимъ новымъ государямъ, общая вести себя согласно съ законами, коимъ подчинены были всѣ три части раздѣленной Польши. Одинъ только Выбицкій уѣхалъ въ Италію, чтобы помогать Домбровскому въ сношеніяхъ съ родиной; одни только легіоны остались вчужѣ представителями польской независимости. Хотя обывателямъ польскихъ земель и было запрещено удаляться изъ отечества для поступленія въ легіоны; но самая строгость запретительныхъ мѣръ побуждала не только людей, служившихъ нѣкогда въ рядахъ польской арміи, но и подроставшее поколѣніе уда-

латься въ Италію и поступать подъ начальство Домбровскаго. Они все еще вѣрили, что легіоны, соединивъ въ себѣ всю боевую силу тогдашняго польскаго народа, въ состояніи будутъ возвратиться, при помощи Франціи, въ освобожденное отечество.

Въ числѣ условій, подписанныхъ въ Леобенѣ, было обязательство созвать въ Бернѣ конгрессъ для успокоенія Европы и устройства всѣхъ ея дѣлъ. Приверженцы Франціи предполагали, что на этомъ конгрессѣ она будетъ имѣть преобладающій голосъ. Польская эмиграція надѣялась, что Франція принудитъ включить въ число дипломатовъ самостоятельныхъ государствъ, которые будутъ участвовать въ конгрессѣ, и представителей раздѣленной Польши. Но такъ какъ трудно было выставить агента отъ имени всего народа, то Домбровский, въ своемъ адресѣ на имя Бонапарте, указывалъ на польскіе легіоны, въ коихъ насчитывалось до 6,000 человекъ вполне вооруженныхъ, говоря, что немногіе изъ нѣмецкихъ князей, имѣющихъ выслать своихъ уполномоченныхъ на конгрессъ, могутъ опереться на такую силу. Наполеонъ въ своемъ отвѣтѣ опять хвалилъ польскіе легіоны, увѣрялъ, что сочувствуетъ восстановленію Польши; однакожъ заявилъ, что предвидитъ большія затрудненія, которыя могутъ помѣшать желаніямъ Домбровскаго. Но и самый конгрессъ не состоялся; Австрія отказалась отъ него. Война готова была снова разразиться, но враждующія стороны удовольствовались заключеніемъ мира въ Кампо-форміо, въ коемъ удержаны были условія Леобенскаго перемирія и обѣщанъ конгрессъ въ Рашдтамѣ, но о Польшѣ все не упоминалось. Въ виду новаго конгресса легіонаріи опять обнаружили свой политическій характеръ. Офицеры ихъ подали адресъ Домбровскому, напоминая ему, что въ своихъ воззваніяхъ онъ приглашалъ ихъ на службу отечеству и что они покинули свою родину лишь для того, чтобы, участвуя въ общихъ войнахъ, биться вмѣстѣ съ тѣмъ и за свободу Польши, и требовали, чтобы на конгрессѣ было упомянуто объ ея правахъ. Съ этою цѣлью Домбровский снова обращался къ Наполеону, и опять получалъ прежній отвѣтъ. Вмѣсто освобожденія родины, легіонаріямъ пришлось биться за свободу Италіи.

Три года уже прошло отъ послѣдняго раздѣла Польши, а надежды эмиграціи не сбылись. Не всѣ могли сохранять привязанность къ своему дѣлу среди столь продолжительныхъ испытаний; надо было поддерживать въ нихъ духъ народности, который могъ въ легіонаріяхъ переродиться мало по-малу въ простую любовь къ военному искусству. Съ этою цѣлію Домбровский въ одномъ изъ своихъ дневныхъ приказовъ постановилъ, чтобы еже-

дневно при перекличкѣ легіонаріевъ читаны были предъ ними по-польски извлеченія изъ газетъ и отрывки изъ какого-либо польскаго сочиненія, вслѣдствіе чего возникла такъ-называемая декада, или польское періодическое изданіе для легіоновъ въ колуистъ. Кромѣ того, онъ пригласилъ всѣхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ въ часы, свободные отъ военныхъ упражненій, заниматься увеличеніемъ своихъ знаній и просвѣщеніемъ людей неграмотныхъ. Само собой разумѣется, что при такихъ занятіяхъ большая часть времени посвящалась знакомству съ польской исторіей. Остановливаясь на судьбахъ Рѣчи-Посполитой, легіонаріи приходили къ вопросу о причинахъ ея паденія и, приписывая его только завоевательнымъ замысламъ трехъ сосѣднихъ дворовъ, старались опредѣлять ихъ отношенія къ польскому народу. Конечно, объясненія эти были односторонни и пристрастны. Составилось убѣжденіе, что австрійскій дворъ, принимавшій участіе только въ первомъ и третьемъ раздѣлахъ, приступилъ къ нимъ лишь съ тою цѣлю, чтобы не дать усилиться двумъ сосѣднимъ дворамъ, уже порѣшившимъ между собою вопросъ о раздѣлѣ; что Австріи не было надобности ни округлять своихъ владѣній, подобно Пруссіи, ни разбивать, подобно Россіи, преграду, заслонявшую ее отъ непосредственныхъ сношеній съ Западомъ. Было и такое мнѣніе, что непосредственное сосѣдство Австріи съ Россіей, произведенное раздѣлами Польши, сильно ослабляло важность ея пріобрѣтеній и угрожало ея будущему большими опасностями вслѣдствіе единоплеменности русской имперіи съ большинствомъ австрійскихъ народностей; изъ этого выводилось заключеніе, что австрійское правительство, по основательномъ обсужденіи своихъ истинныхъ выгодъ, скорѣе другихъ можетъ склониться къ восстановленію Польши, что было бы дѣломъ невозможнымъ для Франціи безъ поддержки одной изъ участвовавшихъ въ раздѣлѣ державъ. На основаніи такой мысли рѣшено было освѣдониться, не согласится ли австрійское правительство дѣйствовать заодно съ французскимъ въ польскомъ вопросѣ. Тѣ изъ эмигрантовъ, которые занимали важныя мѣста въ бывшей Рѣчи Посполитой, сносились между собою, съ генераломъ Домбровскимъ и прежнимъ консуломъ французскимъ Бонно, чтобы обдумать, какими путями удобнѣе развѣдать: не будетъ ли готовъ австрійскій дворъ войти въ соглашеніе съ Франціей, хотя бы для соединенія нѣкоторыхъ частей Польши въ одно конституціонное королевство подъ управленіемъ эрцгерцога Карла, котораго можно было бы женить на дочери саксонскаго курфюрста и тѣмъ выволнить постановленіе четырехлѣтняго сейма. Наконецъ, признано

полезнымъ воспользоваться посредничествомъ генерала Бернадотта, бывшаго тогда французскимъ посломъ въ Вѣнѣ, который, еще находясь въ Парижѣ, выражалъ горячія симпатіи къ Польшѣ и твердилъ о необходимости ея восстановленія для обезпеченія европейскаго мира. Составленъ былъ обширный мемуаръ, подписанный Домбровскимъ отъ имени легионовъ и польскаго народа, въ коемъ старались доказать возможность и легкость выполнения цѣлаго плана, если только австрійское правительство дѣйствительно приступитъ къ нему. Въ мемуарѣ говорилось, что Пруссія и Россія, хотя и враждебно расположенныя къ восстановленію Польши, не рѣшились бы помѣшать ему, если Австрія и Франція будутъ на сторонѣ этого дѣла; ибо Пруссія, угрожаемая Франціей, не осмѣлится вступить въ одновременную борьбу съ Австріей и Польшей, зная, что всѣ польскіе полки ея перейдутъ тогда на сторону Австріи; Россія же можетъ быть въ такомъ случаѣ угрожаема со стороны Швеціи и Турціи. Обращено было вниманіе и на то обстоятельство, что обѣ сѣверныя державы, видя только частное восстановленіе Польши, напирѣвъ въ размѣрахъ третьяго раздѣла, не рѣшатся воевать изъ-за него, удерживая за собою съ тѣмъ большею вѣроятностію всѣ прежнія пріобрѣтенія. Само собою разумѣется, что польскіе эмигранты довольствовались такою малою Польшей въ надеждѣ, что она, вступивъ снова въ рядъ европейскихъ державъ, возвратитъ со временемъ и остальные провинціи Рѣчи-Посполитой. Въ томъ же самомъ смыслѣ написалъ къ Бернадотту и Бонно. Это былъ первый опытъ внушить австрійскому правительству мысль о восстановленіи Польши подъ его покровительствомъ. Послѣ 1848 года, когда славянскія народности Австріи заявили о своемъ пробужденіи, и русскія войска побывали въ Венгріи, планъ этотъ былъ не разъ возбуждаемъ не только польскими, но и нѣмецкими публицистами. Но въ эпоху, о которой у насъ идетъ рѣчь, австрійскому правительству не было никакой надобности прибѣгать къ такой крайней мѣрѣ, и проектъ Домбровскаго съ братіей остался безъ послѣдствій. Кромѣ того, Австріи и некогда было думать тогда о Польшѣ. Въ Европѣ готовилась новая борьба противъ Наполеона, возбужденная стараніями Англіи. Польскіе легионы двинуты были въ Римъ и заняли Капитолій подъ главную квартиру свою. Здѣсь имъ предписано было изучать научныя и художественныя собранія. Римскій консулатъ увѣдомилъ Домбровскаго, что въ Лореттѣ хранится присланное нѣкогда Собѣскимъ и унятое имъ подъ Вѣною у турокъ знамя, которое консулатъ постановилъ передать воинственнымъ польскимъ легионамъ, какъ

дорогое для нихъ напоминаніе о народѣ. Найдены были и карабинъ, который находился при Собѣсскомъ подѣ Вѣной во время освобожденія ея отъ турецкой осады. Обогащаясь памятниками народной старины, легіонаріи польскіе нуждались въ болѣе существенномъ: у нихъ нерѣдко не хватало средствъ къ жизни, такъ что Домбровскийъ долженъ былъ разрѣшить нѣкоторымъ наниматься для полевыхъ работъ; но, непривычные къ мѣстнымъ условіямъ и климату, они погибали преждевременной смертію. Наконецъ, усиленными стараніями Домбровскаго удалось выхлопотать содержаніе легіонамъ, задержанное миланскою дирекціей. Легіоны участвовали въ походѣ на Неаполитанское королевство и, несмотря на свои потери въ битвахъ, продолжали расти, пополняясь постоянными бѣглецами изъ австрійской арміи. Принимая участіе въ итальянской войнѣ, легіоны польскіе дѣйствовали и на Рейнѣ.

Послѣ паденія парижской директоріи и назначенія Наполеона, возвратившагося изъ египетскаго похода, первымъ консуломъ, Домбровскийъ представилъ ему о нуждахъ польскихъ легіонарей, и Наполеонъ принималъ легіоны уже прямо во французскую службу, раздѣливъ ихъ на пѣхотные и конные, и назначивъ главными мѣстами для ихъ штабовъ Марсель и рейнскую армію. Но въ наступившей затѣмъ войнѣ, столь прославленной битвою при Маренго, польскіе легіоны понесли большія потери. Такъ не менѣе, упоенный побѣдами Наполеона, Домбровскийъ, вмѣстѣ съ генераломъ Зайончекомъ и Выбицкимъ, представилъ ему новый планъ смѣлаго движенія польскихъ легіоновъ съ береговъ Рейна чрезъ Чехію и Моравію въ Галицію. Онъ обѣщалъ при этомъ увеличить число легіонарей до 30,000, снабдивъ ихъ достаточною артиллеріей. Опираясь на движеніе французской рейнской арміи, шедшей чрезъ Баварію въ предѣлы Австріи, польскіе полки могли встрѣтить въ Чехіи только ополченіе, на-скоро высланное изъ чешскихъ и галицкихъ земель, которое, вмѣсто битвы, привѣтствовало бы вторгнувшихся поляковъ добровольными бѣглецами въ ихъ ряды. Еслибы австрійцы повернули свое правое крыло въ Чехію, то ослабленная армія ихъ не выдержала бы ударовъ арміи французской. Во главѣ польскаго корпуса Домбровскийъ предлагалъ поставить славнаго Костюшку, вызваннаго для этой цѣли изъ Америки, куда онъ удалился послѣ паденія Польши. Не сомнѣваясь въ успѣхѣ военнаго предпріятія, Домбровскийъ предоставлялъ политическую сторону всего дѣла на усмотрѣніе французскаго правительства. Онъ предполагалъ, чтобы Пруссія и Россія стали мѣшать вторже-

нію легіоновъ въ Галицію: когда, думаетъ онъ, полученныя Австріей отъ Рѣчи-Посполитой области будутъ заняты легіонами и мѣстнымъ возставшимъ населеніемъ, Франція можетъ взять ихъ подъ свое покровительство и склонить Россію и Пруссію къ уступкѣ въ пользу возстановляемой Польши нѣкоторыхъ провинцій, доставшихся обѣимъ во время раздѣловъ, съ вознагражденіемъ за то Пруссіи внутри Германіи, а Россіи на счетъ Турціи. Таковъ былъ новый планъ польскихъ эмигрантовъ, старавшихся такъ или иначе возстановить польское королевство. Но возникшая между Австріей и Франціей война привела не къ освобожденію Галиціи и соединенныхъ съ нею воеводствъ, а къ распущенію польскихъ легіоновъ. Часть ихъ перевезена была въ Америку на островъ Доминика. Ихъ посадили въ Ливорно на суда силою, окруживъ французскими войсками и грозя артиллеріей; немногіе вернулись впослѣдствіи изъ этой морской экспедиціи; самъ вождь ихъ, Яблоновскій, палъ тамъ жертвою желтой лихорадки. Остальная часть легіоновъ отдана была въ качествѣ гвардіи новому королю Этруріи, чѣмъ уничтожено ихъ народное значеніе. Многіе изъ польскихъ офицеровъ, остававшіеся еще въ Италіи, подали въ отставку, давая тѣмъ знать, что они готовились служить своему народу, а не чужимъ. Напрасны также были старанія эмигрантовъ склонить французское правительство къ включенію въ мирный договоръ съ Австріей условія объ освобожденіи содержавшихся въ австрійскихъ крѣпостяхъ вождей польской арміи, дѣйствовавшей во время послѣдняго раздѣла. Равнымъ образомъ и мирный договоръ съ Россіей, въ томъ же 1801 году, подрывалъ всѣ надежды польской эмиграціи: въ немъ значилось условіе, по которому Франція и Россія взаимно обѣщались не допускать, чтобы подданные одной изъ нихъ, пребывавшіе во владѣніяхъ другой, вступали въ прямыя или косвенныя сношенія съ внутренними врагами первой или угрожали своимъ поведеніемъ опасностію для одной изъ договаривающихся сторонъ; это условіе было направлено противъ французскихъ эмигрантовъ съ одной стороны и польскихъ съ другой.

Такъ кончились усилія поляковъ, принадлежавшихъ къ послѣдней арміи Рѣчи-Посполитой и не прекращавшихъ съ 1794 года борьбы за нее, направленные къ тому, чтобы возстановить Польшу въ прежнемъ ея видѣ, связавъ ея дѣло съ судьбою французской республики. На время они должны были отказаться отъ своихъ воинственныхъ плановъ и ожидать своего спасенія отъ какой-либо счастливой для нихъ перемѣны въ дипломатиче-

скихъ отношеніяхъ Франціи къ державамъ, подѣлившимъ между собою польскія земли.

II.

Дѣятельность организаціонной партіи въ раздѣленныхъ между тремя державами польскихъ областяхъ.—Заботы о сельскомъ хозяйствѣ и народномъ просвѣщеніи.—Польскіе организаторы въ Россіи при Александрѣ I.—Планы ихъ о возстановленіи Польши.—Дѣятельность князя Чарторыйскаго.—Образованіе маршавскаго герцогства и значеніе оного.—Дѣя партіи между польскими патриотами: французская и русская.—Польскій вопросъ, какъ почва для соперничества между Франціей и Россіей.—Переписка Чарторыйскаго и Огинскаго съ Александромъ I.—Мысли Александра I о польскомъ вопросѣ.

Въ то самое время, какъ дипломатическія неудачи сперва разрушили всѣ надежды польскаго эмиграціоннаго комитета, заставшаго въ Парижѣ, а потомъ сдѣлали напрасными всѣ жертвы, принесенныя польскими легіонами знаменамъ французской республики, мысль о народномъ возрожденіи занимала также многихъ поляковъ, оставшихся на родинѣ и потерявшихъ съ надеженіемъ Рѣчи-Посполитой свое служебное положеніе и общественное значеніе. Но они шли иными путями къ своей цѣли, чѣмъ ихъ соотечественники, дѣйствовавшіе за-границей. Между тѣми и другими были даже своего рода несогласія и недоразумѣнія. Первые думали постепеннымъ преобразованіемъ польскаго общества и сословныхъ отношеній, установившихся въ немъ издавна, смягченіемъ экономическихъ условій народнаго быта подготовить польскій народъ къ возрожденію изъ того внутренняго паденія, въ которое онъ достигъ предъ концомъ Рѣчи-Посполитой, и потомъ уже подумать о политической самостоятельности; вторые, живя однимъ только желаніемъ скорѣйшаго возстановленія Рѣчи-Посполитой, хватались съ необыкновенною легкостію за самыя отдаленныя признаки мелькавшей предъ ними надежды на чужую помощь, и отворачивались отъ несогласныхъ съ ними, какъ отъ помѣшанныхъ, на народному дѣлу; первые остерегали всѣхъ, кто стремился за-границу, выставляя предъ ними дѣятельность эмиграціонныхъ комитетовъ бесполезною; вторые хвалились тѣмъ, что обратили вниманіе Европы на польское дѣло, разрѣшеніе котораго возможно только путемъ международнаго права. Когда въ общественномъ мнѣніи раздѣленныхъ между тремя государствами поляковъ получали преобладаніе люди перваго направленія, обыкновенно предпринимались нѣкоторыя изъ такъ-называемыхъ органическихъ преобразованій; а когда торжествовали люди втораго направленія, все устремлялось на поприще политическихъ агит-

тацій. Двойственность такого общественнаго настроенія удержалась и въ послѣдующія десятилѣтія. Но организаціонная дѣятельность въ эпоху, о которой мы говоримъ, не могла привести къ важнымъ послѣдствіямъ по двумъ причинамъ. На первую наталкивался каждый организаторъ, лишь только касался вопросовъ, нуждавшихся для своего рѣшенія въ общихъ народныхъ успѣхахъ. Оказывалось, что единственнымъ общественнымъ элементомъ, соединявшимъ въ себѣ цѣлый народный бытъ и всѣ преданія прошлаго, было сословіе землевладѣльческое, или, какъ говаривали въ старину, рыцарское, да небольшая горсть городской интеллигенціи, которая, бывъ допущена лишь въ послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой до участія въ дѣлахъ публичныхъ, успѣла проникнуться общенародными обязанностями. Но она не представляла собою таеъ-называемаго третьяго сословія, столь сильнаго въ своей совокупности на всемъ Западѣ: то была лишь незначительная часть зажиточнѣйшихъ и образованнѣйшихъ горожанъ, мыслившихъ одинаково съ сословіемъ землевладѣльческимъ. Остальные обыватели городовъ и мѣстечекъ оставались равнодушными къ совершившимся въ ихъ странѣ переменамъ. Еще хладнокровнѣе относилось къ раздѣламъ Польши сельское населеніе, которое, состоя въ тяжеломъ подданствѣ у землевладѣльцевъ и терпя различныя угнетенія отъ управителей, не имѣло не малѣйшаго понятія о дѣлахъ политическихъ, сословныхъ и народныхъ. Доведенное многолѣтнимъ хлопотствомъ до полнѣйшаго равнодушія къ жизненнымъ интересамъ, сельское населеніе выказало даже преданность правительствамъ, раздѣлившимъ Польшу, особенно австрійскому и прусскому, которыя, опредѣливъ юридическія отношенія сельчанъ къ владѣльцамъ, приняли ихъ подъ свою опеку и, въ случаѣ дѣйствительныхъ или вымышленныхъ обидъ, оказывали ему болѣе или менѣе безпристрастную поддержку. Понявъ такія внутреннія отношенія, къ которымъ Польша пришла путемъ долгихъ уклоненій отъ истиннаго народнаго быта, нетрудно было уразумѣть все физическое безсиліе народа, замкнутаго въ одномъ сословіи, которое мечтало однимъ разомъ начать борьбу съ тремя сильными государствами. Польскіе организаторы рѣшились помочь горю, съ одной стороны распространеніемъ просвѣщенія между всѣми классами обывателей, съ другой — общественнымъ уравниеніемъ всѣхъ сословій безъ различія. Но здѣсь они встрѣчались съ другою причиною, подрывавшею успѣхъ всѣхъ ихъ преобразованій. Управление было уже не въ ихъ рукахъ: уже не польскій сенатъ и сеймы руководили общественнымъ строемъ въ ихъ земляхъ, а чужіе законы и чужіе органы.

Въ этомъ отношеніи гораздо болѣе препятствій выставляли польскіе организаторамъ тѣ же самыя правительства, прусское и австрійское, которыя приняли подъ свою опеку сельское населеніе. Здѣсь усилія организаціонной партіи встрѣтили таковой же сильной отпоръ, какой нашла партія эмиграціонная въ своихъ политическихъ стремленіяхъ со стороны французскихъ дипломатовъ. При каждой неудачѣ организаторовъ, эмигранты, въ свою очередь, обвиняли ихъ въ бесполезной тратѣ времени и силъ, которыя могли быть употреблены, по ихъ мнѣнію, съ большею пользою на дѣятельность, указанную заграничными комитетами. Но у организаціонной партіи все-таки были нѣкоторые вопросы, гдѣ она могла дѣйствовать съ болѣею свободою, чѣмъ въ вопросѣ о сословныхъ преобразованіяхъ; это были: развитіе экономическое и развитіе умственное. Предприняты были нѣкоторыя мѣры къ улучшенію сельскаго хозяйства и распространенію промышленности. Но при несчастной расточительности, бывшей у поляковъ первороднымъ грѣхомъ, не много пользы принесли эти усилія, особенно въ провинціяхъ, доставшихся Пруссіи. Правительство ея, стремившееся съ систематическою послѣдовательностію къ отчужденію доставшихся на его долю земель, облегчивъ польскіе кредитомъ, помогло отягощенію долгами польскихъ имѣній, которыя мало-по-малу стали переходить въ руки нѣмцевъ, болѣе опытныхъ въ хозяйствѣ и болѣе бережливыхъ. Кто бралъ ссуды и употреблялъ ихъ на улучшеніе хозяйства, тотъ не оставался въ накладе; но такихъ людей между поляками было не много. Объ увеличеніи же польской поземельной собственности мало было и думать, ибо цѣнность земли въ прусскихъ владѣніяхъ поднялась и приобрѣтеніе ея стало доступно только нѣмцамъ, колонистамъ, поселившимся еще при польскихъ короляхъ или вновь прибывшимъ, и поддерживаемымъ теперь самимъ правительствомъ. Нѣсколько лучше, хотя и не безъ своего рода препятствій, шло дѣло народнаго просвѣщенія. Правда, школьное образованіе было отчасти въ рукахъ правительствъ, но, съ другой стороны, нѣмъ занималось и духовенство, столь же проникнутое нѣмецкимъ духомъ, какъ и шляхетское сословіе. Но за то въ распоряженіи у организаціонной партіи оставалась литература. Признано было полезнымъ для народнаго дѣла позаняться объ ея успѣхахъ. Въ 1801 году, съ дозволенія прусскаго правительства, было основано въ Варшавѣ Общество любителей наукъ. Оно содѣйствовало, и нравственно и матеріально, развитію польской литературы, которая мало-по-малу возстановила духовную связь между разрозненными польскими землями.

Въ литературѣ силы разъединенныя трудились надъ общимъ дѣломъ, и прежде всего надъ разработкою и очищеніемъ родного языка. Людямъ съ пылкимъ воображеніемъ казалось, что организаціонныя усилія, обращенныя на матеріальное и духовное развитіе народа, восполняли собою труды партіи эмиграціонной, готовившей для будущей Польши силу военную, физическую.

Съ восшествіемъ императора Александра I на русскій престолъ практическое значеніе организаціонной партіи усилилось. Дружба государя съ молодымъ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ внушала полякамъ большія надежды. Многимъ изъ польскихъ эмигрантовъ дозволено было прибыть въ Россію; многимъ изъ нихъ возвращены имѣнія, и польское образованіе нигдѣ не пользовалось въ то время такою свободою, какъ въ западныхъ губерніяхъ русской имперіи. Одинъ изъ главныхъ дѣятелей эмиграціонной партіи, Михаилъ Огинскій, также перешелъ въ рядъ организаторовъ, испросивъ сперва, по совѣту Талейрана, дозволеніе прусскаго правительства поселиться въ Варшавѣ, а потомъ завязавъ сношенія съ Петербургомъ. Около русскаго двора стояли польскіе магнаты въ то самое время, когда Наполеонъ, распустивши польскіе легіоны, провозглашенъ былъ императоромъ Франціи. По вліянію Чарторыйскаго, русскій дворъ хлопоталъ у австрійскаго правительства о освобожденіи Колонтыя и позволилъ ему поселиться на Волыни. Вліянію Чарторыйскаго приписывается появленіе указовъ 1802 и 1803 годовъ, въ коихъ изложены новыя основанія для народнаго просвѣщенія въ Россіи, заимствованныя большею частію изъ постановленій бывшей эдукаціонной комиссіи Рѣчи-Посполитой. Вслѣдъ затѣмъ вышелъ указъ, опредѣлявшій устройство виленской академіи и школъ всего учебнаго округа, который былъ подчиненъ ей и обнималъ восемь губерній западнаго края; на основаніи сего указа, польскій языкъ признанъ былъ языкомъ преподаванія, какъ въ самой академіи, такъ и во всѣхъ школахъ округа. Такое покровительство польской народности должно было произвести тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе на умы, что въ то же самое время въ Пруссіи и Австріи система германизации оставалась во всей силѣ своей, а особенно подвергались преслѣдованію австрійскаго правительства польскіе курсы въ древней италлоновской академіи Кракова, что принудило лучшихъ польскихъ профессоровъ, и въ томъ числѣ знаменитаго Яна Снядецкаго, покинуть свои катедры. Наконецъ, въ 1803 году князь Чарторыйскій облеченъ былъ въ званіе министра иностранныхъ дѣлъ русской имперіи, назначенъ почетнымъ виленскаго учебнаго округа, а Ѳаддей Чацкій же

литаторомъ школы въ трехъ югозападныхъ губерніяхъ: Волынской, Подольской и Кіевской, гдѣ процвѣтала польская временная коллегія. Послѣ всего сказаннаго не трудно догадаться, что надежды многихъ поляковъ обратились къ Россіи и ея государю.

При такихъ обстоятельствахъ Чарторыйскій и его партія приступили къ составленію плановъ возстановленія Польши. Объ этомъ дѣлѣ говорилось прямо и откровенно, въ присутствіи государя и приближенныхъ къ нему русскихъ; разногласіе могло быть только о самомъ способѣ, какимъ предстояло выполнить мысль, раздѣляемый всѣми, кто могъ имѣть значеніе для него. По мнѣнію Чарторыйскаго, инициатива и выполнение всего дѣла должны были принадлежать государю, а при такомъ условіи ему представлялись два способа. Первымъ и наиболѣе желаннымъ для него было соединеніе всѣхъ польскихъ земель въ особое, ни отъ кого независимое королевство, съ конституціей 3-го мая 1791 года, подъ наследственнымъ управленіемъ великаго князя Михаила Павловича и его прямыхъ потомковъ. Такъ какъ государь не охотно склонялся къ этой мысли, главнымъ образомъ потому, что исполненіе ея могло вызвать сильное неудовольствіе въ самой имперіи, то Чарторыйскій представилъ другой планъ, по которому всѣ давнія польскія земли, въ качествѣ отдѣльнаго королевства съ конституціей 3-го мая, съ особенной администраціей и своимъ народнымъ войскомъ, поставлены были бы навсегда въ связь съ Россіей въ лицѣ государей, изъ коихъ каждый, будучи конституціоннымъ королемъ Польши, управлялъ бы ею исключительно чрезъ поляковъ. Императоръ Александръ хотя и склонился въ пользу такого плана, обѣщавшаго ему огромное приращеніе силъ, но опасался многихъ затрудненій при его выполненіи, а особенно противодѣйствія Пруссіи и Австріи, которыя не захотѣли бы добровольно отказаться отъ своихъ частей, и союза ихъ съ другими европейскими государствами, которыя съ недоумѣніемъ бы отнеслись къ усиленію русскаго вліянія на Западѣ. Чарторыйскій не отвергалъ, что затрудненія будутъ большія, но думалъ, что при совершавшихся безпрестанно перемѣнахъ въ политическомъ положеніи Европы, могли наступить благоприятныя для его плана обстоятельства, которыми можно было воспользоваться.

Такая минута была близка. Смыслъ, съ которой Наполеонъ возсѣлъ на императорскую корону, его хозяйничанье въ Европѣ и неограниченное господство въ Италіи и сосѣднихъ съ нею странахъ, очевидно, обеспокоили остальныхъ государей не менѣе, чѣмъ пред-

шествовавшая его диктатурѣ революція. Имѣя уже неоднократно доказательства военныхъ талантовъ Наполеона, монархи не безъ опасеній видѣли всѣ силы Франціи соединенными въ его рукахъ и вовсе не желали, чтобы власть его утвердилась; они мало-по-малу составили обширную коалицію, душою которой была Англія, дававшая деньги на вооруженія. Въ переговорахъ о томъ принимала участіе и Россія; шли они чрезъ руки поляка, управлявшаго императорскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Держа въ своихъ рукахъ нить дипломатическихъ сношеній, убѣжденный въ неограниченномъ довѣрїи къ себѣ государя, Чарторыйскій хотѣлъ воспользоваться возникавшимъ союзомъ для польскаго дѣла, что представлялось ему тѣмъ возможно, что прусскій дворъ уклонялся отъ участія въ коалиціи и тѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе союзниковъ. Руководя переговорами, онъ, съ одной стороны, включилъ въ нихъ условіе, что коалиція не будетъ предлагать насильственно Франціи и завоеваннымъ ею землямъ соціально-политическаго устройства, котораго не пожелало бы ихъ населеніе, а съ другой—выговорилъ, что, по счастливомъ окончаніи войны, соберется конгрессъ для утвержденія европейскаго равновѣсія и обезпеченія общаго покоя на такихъ основаніяхъ, которыя будутъ ручаться за независимость всѣхъ государствъ и народовъ и положить предѣлы всякаго рода завоевательнымъ стремленіямъ, либо преобладанію однихъ надъ другими. Хотя подобныя условія и не говорили прямо о Польшѣ, но Чарторыйскій понималъ ихъ именно въ этомъ смыслѣ. Онъ представлялъ императору Александру, что пора для разрѣшенія польскаго вопроса наступаетъ; что русскій императоръ можетъ стать на такую недосыгаемую высоту въ отношеніяхъ къ Европѣ, какою не пользовался ни одинъ изъ его предшественниковъ; что государь, объявивъ себя польскимъ королемъ, можетъ взять прусско-польскія провинціи и присоединить ихъ къ своему королевству, давъ ему конституцію 3-го мая. Императоръ, казалось, соглашался съ общимъ планомъ Чарторыйскаго, но послѣ совѣщаній съ другими министрами замѣтилъ опасность, которая могла возникнуть въ случаѣ, еслибы Пруссія перешла на сторону Франціи, и, не входя въ разсмотрѣніе всѣхъ подробностей плана Чарторыйскаго, отказался удовлетворить другое его желаніе, чтобы нѣкоторые изъ русскихъ посланниковъ были смѣнены, а военнымъ министромъ назначенъ Сухтеленъ. Не лучше принято было предложеніе Чарторыйскаго, чтобы, не входя въ дальнѣйшіе переговоры съ прусскимъ королемъ, дававшимъ до послѣдней минуты уклончивые отвѣты, занять войскомъ всю восточную часть его

и обеспечить чрезъ то операціонную линію въ предпринимаемой войнѣ, а съ другой стороны, заинтересовавъ поляковъ вниманіемъ къ ихъ народному дѣлу, создать изъ нихъ силу, которая не только бы стѣсняла дѣйствія пруссаковъ, но могла оказывать и выгодное вліяніе на весь ходъ военныхъ дѣйствій. Царь думалъ иначе: его главнымъ желаніемъ было привлечь польскаго короля къ коалиціи. Увидавшись съ нимъ въ Мемелѣ, Александръ I отправился въ Берлинъ, гдѣ Чарторыйскій долженъ былъ вести переговоры съ прусскими дипломатами вопреки собственнымъ убѣжденіямъ. Пруссія однакожь присоединилась къ коалиціи слишкомъ поздно для того, чтобы принять участіе въ войнѣ, которая самаго начала. Битва подъ Аустерлицемъ поразила Австрію; Наполеонъ образовалъ изъ западно-нѣмецкихъ владѣній рейнскій конфедеративъ. Тогда только Пруссія вмѣшалась въ войну, но потерпѣла своею очередь пораженіе. Чарторыйскій, обманувшійся въ своихъ надеждахъ, вышелъ въ отставку. Польская эмиграція опять обратилась къ Наполеону, который приглашалъ Костюшку принять участіе въ войнѣ. Хотя послѣдній и отвѣчалъ отказомъ, но Костюшкѣ и Выбицкій обратились съ воззваніемъ къ полякамъ, въ которомъ указывалось на близость возстановленія Польши при помощи Наполеона. Когда корпусъ Даву вступилъ въ Познань, во всей Великой Польшѣ и Мазовіи произошло народное возмущеніе. Князь Юсіфъ Понятовскій сталъ во главѣ народного ополченія, которое и приняло участіе въ общей борьбѣ. Почти всѣ польскія провинціи, за исключеніемъ земли Вармской и собственной Пруссіи, составлявшей наслѣдіе тевтонскаго ордена, отпали отъ Пруссіи; изъ нихъ образовано было варшавское герцогство въ управленіемъ саксонскаго короля Фридриха-Августа. Но Данцигскій округъ отошелъ къ Россіи, а городъ Данцигъ объявленъ вольнымъ. Такая перемѣна въ положеніи польскихъ земель названа была потомъ польскими историками четвертымъ разломомъ.

Варшавское герцогство, имѣвшее свое правительство, свой сеймъ и свой сеймъ, завело народное войско и сдѣлалось опорнымъ пунктомъ для всѣхъ дальнѣйшихъ стремленій, направленныхъ къ возстановленію Польши въ прежнихъ ея границахъ. Мы не будемъ говорить здѣсь о внутреннихъ дѣлахъ герцогства, ограничимся только указаніемъ на его политическую роль.

Въ 1809 году, послѣ новой войны Австріи съ Франціей, поляки были на сторонѣ Наполеона и даже сама Россія находилась въ союзѣ съ нимъ, варшавское герцогство получило при этомъ вслѣдствіе присоединенія къ нему западной Галиціи,

восточная же, за исключеніемъ Тарнопольскаго округа, который отошелъ къ Россіи, осталась при Австріи. Это названо было пятымъ раздѣломъ Польши. Такая нерѣшительность Наполеона въ дѣлѣ восстановленія польскаго королевства объяснена была тогда же графомъ Монталиве, который, излагая въ своей рѣчи предъ законодательнымъ собраніемъ положеніе дѣлъ французской имперіи, сказалъ между прочимъ: «варшавское герцогство увеличено частью Галиціи. Императоръ могъ бы присоединить къ нему всю Галицію, но не желалъ предпринимать ничего такого, что бы могло вызвать неудовольствіе въ его союзникѣ, императорѣ русскомъ. Почти вся Галиція перваго раздѣла осталась при Австріи. Императоръ никогда не имѣлъ намѣренія восстанавливать Польшу. Что сдѣлано имъ для Галиціи третьяго раздѣла, то совершенно не столько изъ видовъ политики, сколько по требованію чести; ибо императоръ не могъ выдать на мѣсть оскорбленному монарху людей, которые оказали такую преданность французскому дѣлу». Слова Монталиве не были напечатаны въ газетахъ варшавскаго герцогства, хотя многіе изъ польскихъ патріотовъ и увѣряли, что слова эти не заключаютъ истинной мысли Наполеона. Тѣмъ не менѣе извѣстно, что Наполеонъ собственноручно писалъ Александру I, завѣряя его, что не имѣетъ намѣренія восстанавливать Польшу, и что русскій вандеръ Румянцовъ получилъ отъ Шампаньи ноту подобнаго же содержанія. Но и при петербургскомъ дворѣ все еще оставалась значительная польская партія, полагавшая, что поляки получили уже все отъ Наполеона, что онъ только могъ дать; будущіе же успѣхи польскаго дѣла эта партія считала зависѣвшими отъ воли русскаго государя. Она предвидѣла, что добрыя отношенія между Наполеономъ и Александромъ не могутъ сохраниться надолго, и что Польша будетъ главнымъ предметомъ распри. Дѣйствительно, тотчасъ же послѣ окончанія австрійской войны, польскій вопросъ сдѣлался орудіемъ, которое французская политика постоянно обращала противъ Россіи. Приверженцы русскаго императора между поляками были взволнованы, когда вышелъ указъ противъ поляковъ, служившихъ въ варшавскомъ герцогствѣ, которые лишены были за то своихъ имѣній, находившихся въ предѣлахъ русской имперіи безъ различія,—вступили ли они въ службу послѣ обнародованія указа, или еще прежде. Наполеонъ же былъ доволенъ тѣмъ, ибо рассчитывалъ, что такое распоряженіе уменьшаетъ число приверженцевъ Александра. Чарторыйскій по этому поводу горько жаловался предъ русскимъ государемъ, толкавшимъ, по его мнѣнію, поляковъ въ объятія Франціи. Въ отвѣтъ своему государю,

упрекая поляковъ въ легкомысліи, объяснялъ принятую имъ мѣру ихъ непріязненнымъ поведеніемъ и ссылался въ этомъ на донесеніе своего посла при французскомъ императорѣ. Чарторыйскій казался непонимающимъ, въ чемъ можно упрекать поляковъ, хотѣвшихъ нераздѣльно принадлежать императору Александру, но получившихъ отказъ въ томъ. Упомянувъ о письмѣ Наполеона къ югѣ Шампани, Чарторыйскій говоритъ, что отнынѣ его будутъ считать главнымъ врагомъ Польши, ибо онъ былъ исключительною причиною, что Наполеонъ покинулъ ея дѣло. Государь отвѣчалъ за себя, что не измѣнилъ своихъ личныхъ сочувствій къ польскому народу, но долженъ также удовлетворять и тѣмъ обязанностямъ, которыя налагаетъ на него титулъ русскаго императора; а на воспоминаніе Чарторыйскаго о томъ, что прежде возстановленіе Польши и соединеніе обѣихъ коронъ на своей головѣ императоръ считалъ увеличеніемъ русскаго могущества, Александръ I отвѣчалъ, что такъ какъ этотъ планъ оказался невыполнимымъ, то надо было избрать иной путь. Чарторыйскій, напротивъ, думалъ, что еще не были испытаны всѣ средства къ исполненію прежняго плана; что временное спокойствіе и частное удовлетвореніе польскихъ желаній не охладятъ дальнѣйшихъ стремленій польскихъ вождей, и что гласныя заявленія нѣкоторыхъ людей, принадлежащихъ къ консервативной партіи, о возможности вести далѣе польское дѣло, дають только случай Наполеону снова взять въ свои руки судьбы Польши и устроить ихъ въ смыслѣ вполнѣ враждебномъ Россіи. Императоръ Александръ отвѣчалъ, что Наполеонъ никогда не допуститъ соединенія всѣхъ польскихъ земель подъ державой русскаго императора, ибо не захочетъ отказаться отъ своего вліянія на поляковъ и возможности пользоваться ихъ услугами по своему желанію. Что касается образованія для провинцій, перешедшихъ къ Россіи отъ Рѣчи-Посполитой, совершенно отдѣльнаго отъ имперіи управленія, то, по мнѣнію государя, такое распоряженіе вызвало бы неудовольствіе въ остальныхъ частяхъ имперіи. Чарторыйскій сомнѣвался, чтобы такая частная мѣра могла вызвать большій споръ, тѣмъ соединеніе съ русскою имперіей всѣхъ польскихъ земель, и, считая тогдашнія обстоятельства вполнѣ благоприятными для сего дѣла, даже предостерегалъ, что можетъ наступить время, когда собственныя выгоды имперіи принудятъ обратиться къ этому плану, но будетъ уже поздно. Чарторыйскій надѣялся сказать императору Александру убѣжденіе, что переговоры съ имперіей о невозстановленіи Польши будутъ обязательны не для одного французскаго императора, но и для русскаго, что

лишило бы его права дѣйствовать по своему усмотрѣнію въ болѣе благоприятную эпоху. Онъ говорилъ при личномъ свиданіи съ Александромъ I, что образованіе варшавскаго герцогства только возбудило большія надежды и патріотическій пылъ въ полякахъ, который нельзя потушить одними депешами и общаніями, и что самъ онъ, и по своему положенію, и по личнымъ убѣжденіямъ, не можетъ отказаться отъ прежнихъ плановъ, но долженъ посвятить себя на служеніе имъ. Императоръ отдалъ должную справедливость откровенному объясненію Чарторыйскаго о его личномъ дѣлѣ, но касательно прежняго проекта о возстановленіи польскаго королевства съ конституціей 3-го мая и соединеніи его съ русской имперіей замѣтилъ, что для исполненія его остается одно: ждать, чтобы Австрія рѣшилась на глупость и вступила въ новую борьбу съ Франціей, ибо тогда можно будетъ войти въ соглашеніе съ Наполеономъ и придумать вознагражденіе для саксонскаго короля, какъ варшавскаго герцога; а чтобы не возбуждать подозрительности въ Наполеонѣ, самъ онъ готовъ будетъ на крайнюю мѣру, то-есть на отдѣльное управленіе земель Рѣчи-Посполитой, отошедшихъ къ Россіи и принятіе титула великаго князя литовскаго. Чарторыйскій спрашивалъ Александра, не было ли при его частыхъ свиданіяхъ съ Наполеономъ разговоровъ объ этомъ предметѣ, и когда узналъ, что въ Эрфуртѣ не было времени для того, а въ Тильзитѣ Наполеонъ отзывался съ нѣкоторою легкостью о полякахъ и Польшѣ, то выразилъ сожалѣніе, что императоръ не развѣдалъ истинныхъ мыслей Наполеона объ этомъ вопросѣ. Наконецъ, и Александръ I, и его бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, согласились въ томъ, что слова Монталиве и заявленія русскому двору самого Наполеона несогласны съ тѣми общаніями, которыя властитель Франціи давалъ самимъ полякамъ. Изъ всего разговора Чарторыйскій вынесъ такое убѣжденіе, что указъ противъ находившихся на службѣ варшавскаго герцогства изданъ былъ единственно съ цѣлью отклонить подозрѣніе Наполеона, что русскій императоръ можетъ соперничать съ нимъ въ привлеченіи къ себѣ довѣрія и расположенія поляковъ; а позднѣе узналъ, что французскій посланникъ, быть можетъ вслѣдствіе новыхъ инструкцій, имѣлъ объясненіе съ русскимъ правительствомъ объ этомъ указѣ, какъ направленномъ противъ герцогства, находившагося подъ непосредственнымъ покровительствомъ Наполеона. Кромѣ того, онъ подозрѣвалъ, что канцлеръ Румянцовъ и Морковъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей во второмъ раздѣлѣ Польши, были теперь въ пользу соединенія съ имперіей всѣхъ польскихъ земель, какъ

особаго королевства. Въ 1810 году, Чарторыйскій подалъ Александру I новый мемуаръ о польскихъ дѣлахъ; но весь онъ былъ построенъ на томъ самомъ колеблющемся положеніи политическихъ отношеній въ Европѣ, которое императоръ считалъ главнымъ препятствіемъ для всѣхъ своихъ плановъ относительно Польни. Интриги французской дипломатіи, избравшей польскій вопросъ почвою для борьбы съ Россіей, вскорѣ достигли того, что въ случаѣ войны съ Россіей Наполеонъ могъ также безпрепятственно располагать всѣми польскими силами, какъ и силами остальной континентальной Европы. Онъ самъ, тотчасъ же по заключеніи Тильзитскаго мира, въ эпоху, повидимому, наилучшихъ отношеній своихъ къ русскому государю, открыто выражалъ неудовольствіе каждому поляку, который отзывался при немъ съ похвалою объ Александрѣ I, что испыталъ на себѣ между прочимъ Огинскій въ Венеціи. Въ 1810 году, этотъ самый Огинскій, отправляясь изъ Парижа въ Петербургъ, заѣхалъ въ Вильну на сѣздъ землевладѣльцевъ, которые составляли въ то время просьбу къ русскому императору о своихъ нуждахъ, и явился представить ее лично. Онъ былъ милостиво принятъ Александромъ I, который выразилъ свое удовольствіе по поводу доброты поляковъ къ его великодушію. Послѣдніе выводили отсюда, что между Наполеономъ и Александромъ идетъ соперничество за ихъ привязанность; но первенство въ этомъ соперничествѣ все-таки принадлежало Наполеону. Еще въ 1808 году, во время Байонскихъ переговоровъ, онъ упрекалъ уполномоченныхъ, что они не умѣютъ ждать, хотятъ только быстро идти впередъ и съ этою цѣлью возлагаютъ свои надежды на Россію. Александръ I съ своей стороны жаловался Огинскому, какъ прежде Чарторыйскому, на непоследовательность польскихъ подданныхъ, на нетвердость ихъ въ своихъ привязанностяхъ и, доказывая ему, что Наполеонъ привлекаетъ поляковъ различными обѣщаніями только для своихъ личныхъ цѣлей, увѣрялъ, что наступитъ время, когда они убѣдятся изъ дѣлъ, что русскій государь въ состояніи удовлетворить ихъ желанія и помимо собственныхъ интересовъ. Просьба виленскихъ владѣльцевъ была удовлетворена, что произвело энтузіазмъ между ними; а самъ Огинскій получил званіе сенатора. Когда онъ вернулся въ Парижъ, то Наполеонъ, которому онъ представился, съ удивленіемъ спрашивалъ его: какъ, будучи полякомъ, можетъ быть русскимъ сенаторомъ? и съ горькою оказывалъ ему холодность на всѣхъ придворныхъ собраніяхъ. Дюрюкъ еще прямѣе замѣтилъ Огинскому, что не понималъ, какъ онъ могъ принять званіе сенатора отъ русскаго им-

ператора, а не послѣдовать примѣру другихъ поляковъ, не сомнѣвающихся, что императоръ Франціи любитъ ихъ народъ и заботится объ его участи. Огинскій отвѣчалъ, что готовъ принести всякія жертвы, если дѣло дойдетъ до возстановленія Польши, и что не пересталъ быть полякомъ, хотя и пользуется милостями царя для себя и земляковъ своихъ. Дюрокъ закончилъ разговоръ увѣреніемъ, что Польша не можетъ быть независимою и что никогда такою не была, ибо хлопство сельчанъ и несогласіе въ господствовавшемъ шляхетскомъ сословіи отнимали у нея возможность къ тому. Но тотъ же Дюрокъ и другія лица, окружавшія Наполеона, говорили инымъ языкомъ съ поляками, не состоявшими въ русской службѣ. Огинскій невольно сдѣлался партизаномъ Александра I, и не разъ высказывалъ въ польскихъ кружкахъ свое недовѣріе къ Наполеону. Ему возражали, что Наполеонъ, конечно, преслѣдуетъ собственныя цѣли, но надо пользоваться тѣми случаями, когда эти цѣли совпадаютъ съ польскими интересами. Эмиграціонная партія была тогда опять въ болѣе силь, чѣмъ партія организаціонная. Она всюду проповѣдывала, что Наполеонъ уже ослабилъ двѣ державы, участвовавшія въ раздѣлѣ Польши, и та же участь ожидаетъ третью; что, конечно, онъ стремится къ преобладанію въ Европѣ, но для этой самой цѣли онъ всегда будетъ сближаться съ поляками и, конечно, поможетъ имъ возстановить свою независимость, если только встрѣтитъ въ нихъ матеріальную силу.

Въ это время въ юго-западной Россіи возникло дѣло по жалобѣ русскихъ властей на дѣятельность Чацкого и на образованіе въ кременецкой коллегіи какаго-то политическаго общества. Чацкій былъ арестованъ и привезенъ въ Петербургъ безъ вѣдома Чарторыйскаго, остававшагося еще попечителемъ учебнаго округа, отъ котораго зависѣла коллегія. Чарторыйскій послалъ императору Александру письмо, въ которомъ говорилъ, что, потерявъ довѣріе правительства, не можетъ быть полезенъ на занимаемомъ имъ мѣстѣ. Государь отвѣчалъ, что выходомъ изъ службы Чарторыйскій хочетъ разорвать свои пятнадцатилѣтнія отношенія къ нему, и, успокоивая на счетъ кременецкой школы и Чацкого, склонялъ его остаться на своемъ мѣстѣ, ибо пришло время, которое, можетъ быть, потомъ уже не повторится, — подающее надежды на полное возстановленіе Польши. Объявъ сообщитъ со временемъ болѣе подробныя свѣдѣнія о томъ, онъ спрашивалъ Чарторыйскаго: какія данныя имѣетъ онъ о настроеніи умовъ въ варшавскомъ герцогствѣ? Склонно ли его населеніе принять всякаго рода помощь для своего возрожденія? Согласно ли оно, не

играв на то, изъ какаго государства выйдетъ эта помощь, соединиться съ нимъ для общей цѣли? Есть ли въ герцогствѣ партіи, и какія именно, и могутъ ли онѣ соединиться между собой подъ знаменемъ общаго возрожденія? которая изъ партій сильнѣе, и какіе люди пользуются наибольшимъ вліяніемъ въ ней? Не подмено ли самое войско на партіи, и кто въ немъ имѣетъ наибольшее значеніе? Государь требовалъ сохраненія въ тайнѣ этихъ вопросовъ, а также скорѣйшаго и обстоятельнѣйшаго отвѣта, отъ котораго можетъ зависѣть судьба польскаго вопроса; онъ требовалъ далѣе, чтобы Чарторыйскій вошелъ въ соглашеніе съ людьми мѣстными, съ которыми у него есть знакомство и которые любятъ родину истинно, не подчиняясь никакимъ постороннимъ взглядамъ, но съ условіемъ, чтобы въ такое соглашеніе князь вступалъ съ каждымъ отдѣльно, ибо совокупныя дѣйствія могутъ быть не безопасны. Александръ совѣтовалъ Чарторыйскому распустить слухъ, что ему дано позволеніе отъ правительства выйти за границу на неопредѣленное время, что путешествіе свое онъ начнетъ весной, а для приготовленія къ нему выйдетъ въ Варшаву, гдѣ можетъ лучше удостовѣриться, какимъ способомъ слѣдуетъ привлечь на свою сторону людей вліятельныхъ. Въ заключеніе письма императоръ указывалъ, какія силы можно было бы выставить противъ Наполеона, если бы поляки соединились съ Россіей, между которой и Франціей должна вскорѣ вспыхнуть смертельная война. Чарторыйскій поблагодарилъ за память и довѣріе, оказанное ему. Признавая и съ своей стороны важность приближавшейся минуты, онъ увѣрялъ, что въ герцогствѣ существуетъ согласіе въ желаніяхъ и цѣляхъ, что всѣ стремятся къ восстановленію нераздѣльной Польши, и единственное разногласіе заключается въ большемъ или меньшемъ довѣріи къ способностямъ и патриотизму вліятельныхъ лицъ, что однакожъ не даетъ основаній думать, что въ герцогствѣ есть разномыслиціи партій. По его мнѣнію, необходимо было бы всѣхъ убѣдить, что спасеніе отечества требуетъ совершенной перемѣны въ образѣ дѣйствій и отреченія отъ единственной опоры, какую герцогство имѣло до тѣхъ поръ. Онъ полагалъ однакожъ, что ручательство въ возрожденіе польскаго народа было бы принято съ благодарностью и горячностью, откуда бы ни вышло, лишь бы только самое ручательство и способъ его выполненія возбуждали довѣріе въ себя и были бы болѣе рѣшительными, чѣмъ французскіе. Переходя къ затрудненіямъ, какія надо будетъ преодолѣть, чтобы получить правительство, войско и жителей въ необходимости перемѣны, что составляетъ главный узелъ всего вопроса, онъ усма-

тривалъ наибольшую трудность во всеобщемъ убѣжденіи, что намѣренія Наполеона вполне искренни, и только очевидная невозможность помѣшала ему совершить большее для Польши; что его собственные, противныя тому заявленія имѣли цѣлю только прикрыть истинные замыслы, и что при первомъ столкновеніи его съ Россіей вся Польша получитъ независимость. Чарторыйскій прибавлялъ, что важную роль въ такомъ всеобщемъ убѣжденіи играютъ чувство благодарности къ Наполеону за частное восстановление отечества и военное братство съ французами, между тѣмъ какъ русскіе считаются врагами поляковъ, въ чемъ каждый изъ нихъ убѣдился событіями 1809 года; а потому трудно предположить, чтобы народъ оставилъ Наполеона даже и въ томъ случаѣ, еслибъ это грозило ему опасностью. Далѣе, онъ припоминалъ, что не только польская гвардія, но и 20,000 польскаго войска, находящагося въ Испаніи, подверглись бы мести Наполеона въ случаѣ измѣны остальныхъ поляковъ, не говоря уже о многочисленной молодежи польской, получающей образованіе въ Парижѣ. Обращая вниманія на прежніе успѣхи Наполеона, которыхъ онъ умѣлъ достигать въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ, Чарторыйскій высказывалъ опасеніе, что императоръ французовъ и теперь можетъ взять верхъ. Въ виду всего этого онъ полагалъ, что пришлось бы разрушать сильно укоренившіяся вѣрованія тому, кто захотѣлъ бы склонить войско и населеніе варшавскаго герцогства къ отступленію отъ монарха, который самъ и одинъ только подаль руку помощи и воскресилъ часть Польши; но для этого нужно, чтобы положеніе дѣлъ и несомнѣнное благо отечества говорили такъ рѣшительно и ясно, что въ состояніи были бы оправдать такую неблагодарность и вѣроломство. По его мнѣнію, надлежало бы доказать народу дѣйствительное и не малое умноженіе выгодъ для его страны отъ соединенія всѣхъ прежнихъ польскихъ земель въ отдѣльное королевство, съ конституціей 3-го мая 1791 года, имѣющее вполне независимое правительство, народное войско и обезпеченные водные пути сообщенія для торговли, безъ которыхъ обѣдѣннѣйшій край не въ состояніи возвыситься. Но прежде всего Чарторыйскій желалъ достойнаго обхожденія съ поляками какъ съ народомъ, отъ котораго требуютъ значительныхъ услугъ и которому поручаютъ съ довѣріемъ оборону первыхъ пограничныхъ линій государства, и прибавлялъ, что полумѣрами нельзя ничего достигнуть; ибо безсильныхъ побужденій не возможно какъ бы чудомъ превратить недовѣріе и неохоту въ энтузіазмъ и привязанность. Твердилъ притомъ, что надо вну-

ить жителямъ герцогства увѣренность въ возможность побѣды, тѣмъ болѣе, что до тѣхъ поръ всѣ подобныя предпріятія оканчивались поражениями. Не отвергая, что переходъ поляковъ на сторону Россіи, выступающей въ защиту европейской независимости, склонить и нѣмцевъ къ отдѣленію отъ французскаго императора, Чарторыйскій намекалъ, что Александръ I-й въ своихъ расчетахъ слишкомъ уменьшилъ французскія силы, и что трудно будетъ скрыть всѣ планы и приготовленія отъ французскаго посланника, который имѣетъ способность заглядывать всюду и разузнавать, что дѣлается за кулисами; не довѣрялъ также и численности русскихъ войскъ, показанному въ письмѣ государя, ссылаясь на собственный опытъ, доказавшій ему неоднократно, что вмѣсто 100.000 значившихся на бумагѣ, оказывалось въ действительности не болѣе 60.000. Указывая на князя Іосифа Понятовскаго, какъ на вождя, пользовавшагося влияніемъ въ войскахъ, Чарторыйскій доносилъ о своемъ намѣреніи выѣхать чрезъ нѣсколько дней въ Варшаву, чтобы тамъ разузнать все лучше; обещалъ соблюдать при этомъ осторожность, къ которой обязывалъ его безопасность личная и семейная; просилъ не забыть о Галиціи въ случаѣ, если дѣло дойдетъ до возстановленія Польши. Въ заключеніе онъ говорилъ, что еслибы планъ государя о союзѣ поляковъ съ русскими не удался и политика принудила императора поступить съ польскими землями, какъ съ непріятельскими, то онъ долженъ будетъ удалиться изъ русской службы. Александръ I-й отвѣчалъ безъ замедленія, обѣщая приступить къ разрѣшенію вопроса о возстановленіи цѣлой Польши въ прежнемъ ея видѣ, за исключеніемъ Бѣлоруссіи, и просилъ прислать конституцію 3-го мая, которая была ему неизвѣстна; съ своей стороны онъ выставялъ единственное условіе, чтобы все польское королевство навсегда было соединено съ русскою имперіей, въ чемъ должна быть дана запись, за руками всѣхъ извѣстныхъ поляковъ; говорилъ, что Австрію можно будетъ вознаграждать за Галицію Румынскими княжествами, но вознагражденіе саксонскому королю, по его мнѣнію, могло быть дано лишь тогда, если Фридрихъ-Августъ станетъ на сторонѣ Россіи; намекалъ, что примѣру поляковъ послѣдуетъ Пруссія, и образованная чрезъ то союзъ можетъ безъ выстрѣла занять своими войсками берега Одера. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію русскаго государя, поляки, отдаваясь ему, могли съ болѣею основательностью надѣяться на возстановленіе своего королевства, чѣмъ въ открытую вражду съ нимъ, и, кромѣ того, въ случаѣ нападенія на нихъ, могли бы отнять свои земли отъ непріятельскаго нашествія и сое-

диненнаго съ нимъ разоренія. Но такъ какъ извѣстія, сообщенныя Чарторыйскимъ изъ Варшавы, не показывали, чтобы населеніе Варшавскаго герцогства склонно было принять предложенія русскаго царя, то переписка на время прекратилась.

Едва ли самыя завзятые поляки могли упрекнуть Чарторыйскаго въ скромности требованій, какія онъ могъ, по своимъ давнимъ отношеніямъ, представить императору Александру, и ожидать отъ послѣдняго болшихъ уступокъ, чѣмъ тѣ, на которыя онъ уже соглашался. Тѣмъ не менѣе, вліяніе Наполеона одержало верхъ, и Чарторыйскій очутился среди людей, рѣшившихся связать участь своего отечества съ судьбою Наполеона.

Чарторыйскій не былъ, впрочемъ, одинокъ въ своихъ надеждахъ на императора Александра. Въ числу людей того же направленія принадлежалъ и Михаилъ Огинскій. Возвратившись изъ Парижа въ Петербургъ, онъ былъ принятъ императоромъ Александромъ и представилъ ему положеніе дѣлъ въ Европѣ въ такихъ чертахъ: Наполеонъ дѣлаетъ неимовѣрные успѣхи въ распространеніи своего господства надъ Европой, увеличиваетъ свои силы и, вступивъ въ родство съ австрійскимъ домомъ, рассчитывая на содѣйствіе поляковъ, готовится вторгнуться въ Россію, дабы, поразивъ ее, уничтожить послѣднюю преграду къ образованію всемірной монархіи; а потому странно, что Россія вопреки своимъ интересамъ ведетъ губительную войну съ Турціей и закрыла свои порты для англійскихъ кораблей. Александръ отвѣчалъ твердо, что Наполеонъ не сломитъ Россію, которая готова во всякаго рода испытанію, и въ свою очередь спросилъ Огинскаго: отчего онъ не говоритъ о Польшѣ, которая можетъ сдѣлаться полемъ военныхъ дѣйствій, между тѣмъ какъ Россія и одна сѣмѣтъ оборониться? Въ отвѣтъ на то Огинскій сталъ раскрывать предъ государемъ планъ, отчасти напоминавшій планы Чарторыйскаго; императоръ просилъ представить его письменно. Съ такой же цѣлю, какъ и Огинскій, прибыли въ Петербургъ и другіе поляки, въ числѣ коихъ наиболѣе замѣчательными были: Ксаверій Любецкій и Казимиръ Любомирскій. Посовѣтовавшись съ ними, Огинскій составилъ мемуаръ, въ которомъ обширно излагалъ, что Наполеонъ никогда не думалъ о дѣйствительномъ восстановленіи независимой Польши, хотя и называлъ ее стѣною противъ Россіи; что обыкновенно, приготовляясь къ войнѣ, никогда не опредѣлялъ заранѣе ея цѣлей, но, руководясь только своимъ безграничнымъ тщеславіемъ, стремился лишь къ господству надъ цѣлымъ міромъ. Но такъ какъ Наполеонъ возбуждаетъ поляковъ различными обѣщаніями, чтобы воспользоваться ими

связи, то русскому императору необходимо, принявъ титулъ польскаго короля, поразить замыслы противника; въ случаѣ несогласія государя на столь обширное предпріятіе, необходимо, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, принялъ титулъ великаго князя Литовскаго, собравъ воедино всѣ земли Рѣчи-Посполитой, доставивъ на долю Россіи. Огинскому было отвѣчено, что въ случаѣ войны необходимо образованіе королевства изъ всѣхъ польскихъ земель, которое было бы связано съ Россіей на подобіе союза Чехіи или Венгріи съ Австріей, а въ случаѣ сохраненія мира достаточно выполнить планъ о литовскомъ княжествѣ. Потомъ Огинскій узналъ, что Армфельду и Ризенкампу поручено было составить уложеніе для Литвы, а Витте и Любомирскому планъ военной организаціи для западнаго края. Составились и другіе проекты: объ областномъ управленіи, даже объ улучшеніи быта сельчанъ въ провинціяхъ, считавшихся тогда польскими. Огинскій и его сотрудники работали усердно, и императоръ Александръ выразилъ даже ему свое удовольствіе, назвавъ его проекты благонамѣренными и не представляющими препятствій къ подачѣ ихъ въ государственный совѣтъ для обсужденія. Но это были уже послѣдніе проекты, въ которыхъ могли договариваться, какъ люди, которыхъ вызывали къ тому. Приближалось время всеобщей войны, когда ихъ интересы должны были нивойти на второй планъ и подчиниться всѣмъ ея послѣдствіямъ, къ которымъ могла привести эта война.

III.

Первая польская война французской имперіи. — Архіепископъ де-Прадъ и Варшавская конфедерація. — Участіе поляковъ въ походѣ Наполеона на Россію. — Положеніе варшавскаго герцогства послѣ бѣгства Наполеона. — Временное правительство. — Польскій вопросъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. — Споръ за Данію. — Воззваніе цесаревича Константина Павловича къ полякамъ. — Тайный союзъ между Франціей, Австріей и Англіей. — Уступки со стороны Александра I-го. — Возвращеніе Наполеона и рѣшеніе Вѣнскимъ конгрессомъ спорнаго вопроса о Польшѣ. — Образованіе польскаго королевства. — Участіе Галиціи и Познани. — Объявленіе Кракова вольнымъ городомъ.

«Солдаты! вторая польская война началась», — такими словами открывалось воззваніе Наполеона, обращенное къ французскимъ войскамъ предъ ея переходомъ въ предѣлы русской имперіи. Война кончилась подъ Фридландомъ и въ Тильзитѣ: въ Тильзитѣ Россія клялась въ вѣчномъ союзѣ съ Франціей и войнѣ съ Англіей. Она измѣняетъ нынѣ своимъ клятвамъ... Россія

увлечена рокомъ!.. Ея судьбы должны совершиться... Вторая польская война будетъ столь же славною для французскаго оружія, какъ и первая; миръ, который мы заключимъ, положить предѣлы тому вліянію, какое Россія оказывала въ теченіи полулѣтія на дѣла Европы». Итакъ, двѣ цѣли руководили Наполеономъ при его нашествіи на Россію: возстановленіе Польши и ослабленіе политическаго значенія Россіи въ системѣ европейскихъ государствъ. «Кровь доблестныхъ славянъ течетъ въ нашихъ жилахъ», говорилъ въ отвѣтъ императоръ Александръ въ своемъ воззваніи, изданномъ въ Вильнѣ три дня спустя. «Воины! Вы будете защищать вѣру, отечество и независимость! Я буду съ вами! Богъ противъ угнетателя!» Не безъ нѣвотораго умысла упомянуто было въ этомъ воззваніи о славянскомъ происхожденіи русскаго народа, которому Наполеонъ объявилъ войну подъ предлогомъ возстановленія Польши. На этотъ разъ императоръ французовъ увлекалъ съ собою не однихъ поляковъ, но и всѣхъ своихъ союзниковъ, въ томъ числѣ Пруссію и Австрію. Первая обязывалась выставить вспомогательный корпусъ въ 20,000 человекъ, вторая въ 30,000. Обезпечивая за Австріей обладаніе восточной Галиціей, Наполеонъ однакожъ выговаривалъ условіе, что, въ случаѣ возстановленія польскаго королевства, австрійское правительство получитъ за свои польскія провинціи равное вознагражденіе въ южно-славянскихъ земляхъ, составлявшихъ имперское королевство, зависѣвшее тогда отъ Франціи.

Поляки не сомнѣвались болѣе, что война начата за ихъ дѣло. Французскому резиденту въ Варшавѣ, Биньону, предписано было отправиться въ Дрезденъ для переговоровъ съ саксонскимъ королемъ Фридрихомъ-Августомъ о вознагражденіи его нѣмецкими областями за варшавское герцогство. Въ Саксоніи были рады этому предложенію. Между поляками же Биньонъ долженъ былъ возбудить вонственнѣйшій пылъ рѣшительными обѣщаніями возстановить Польшу. По толкованіямъ, заключавшимся въ инструкціи, Европа состояла въ то время: изъ земель французской имперіи, изъ имперіи русскою и нѣмецкихъ государствъ между ними. Для уравниванія политическаго положенія въ средней Европѣ на берегахъ Рейна созданъ былъ особый союзъ; съ тою же цѣлію на берегахъ Вислы и Нѣмана должна быть возстановлена Польша. Англіи предоставлялось лишь такое вліяніе на дѣла континента, какое согласны были признать за ней другія великія державы. Допуская, впрочемъ, что по естественному положенію своему, Польша и Пруссія могутъ сдѣлаться рано или поздно союзниками Россіи, инструкція замѣчала, что возстановленная

Польша останется навсегда благодарною Франціи, а между послѣдней и Россіей, при новомъ устройствѣ Европы, исчезнуть поводъ къ взаимному соперничеству. Въ инструкціи говорилось, что уже въ 1806 году Наполеонъ думалъ объ образованіи польскаго королевства и возложеніи его короны на прусскаго короля; но ненависть къ Франціи пораженныхъ пруссаковъ, зависть къ послѣднимъ со стороны Австріи и опасенія вооружившейся въ то время Россіи принудили ограничиться устройствомъ только варшавскаго герцогства. За всѣмъ тѣмъ, Биньону предписывалось внушить полякамъ, что они должны болѣе полагаться на свои собственныя силы, нежели на помощь императора французскаго, считая ее только опорой для ихъ народныхъ средствъ; что обыватели герцогства, стремясь къ восстановленію цѣлой Польши, должны обдумать форму объявленія своихъ желаній остальнымъ полякамъ; что правительство герцогства, по наступленіи удобной минуты, обязано образовать общую конфедерацію для всѣхъ польскихъ земель, не принуждая однакожъ къ тому тѣхъ, кто бы въ жизни, подвластныхъ Россіи и Австріи, не захотѣлъ присоединиться къ общему союзу, ибо Польша должна почерпнуть свои силы лишь изъ народнаго духа и несомнѣннаго патріотизма жителей, а съ другой стороны, изъ однообразнаго устройства, какое будетъ дано ей.

Вскорѣ послѣ того, думая польстить католическому настроенію польскихъ патріотовъ, Наполеонъ назначилъ новаго резидента въ Варшаву, архіепископа мехельнскаго Прадта. Но послѣдній былъ легитимистъ, враждебно расположенный къ перелому, внесеннымъ въ европейскую жизнь французскою революціею, а стало-быть и къ имперіи, взиралъ недовѣрчиво на дѣйствія поляковъ и безпрестанно вмѣшивался въ распоряженія варшавскаго правительства, больше вреда ему, чѣмъ помогая. Назначивъ Прадту на содержаніе полтора ста тысячъ франковъ, Наполеонъ поручилъ ему окружить себя пышностію, не щадить денегъ для блестящихъ пріемовъ, которые такъ нравились полякамъ; особенно же дѣйствовать чрезъ женщинъ, возбуждать противъ сосѣднихъ дворовъ и щадить на время одну Австрію. Прадтъ исполнилъ это предписаніе своего императора. Народное движеніе въ герцогствѣ началось съ того, что Чарторыйскій (отецъ), бывший генералъ подольскихъ земель, былъ выбранъ депутатомъ въ варшавскаго округа на общій сеймъ, и произнесъ первую рѣчь со времени послѣдняго раздѣла. Его пріивѣтствовали, какъ маршала будущаго сейма. Вслѣдъ затѣмъ вышелъ Фридрихъ-Августъ, поручавшій управленіе дѣлами гер-

цогства, въ виду столь чрезвычайныхъ обстоятельствъ, совѣту министровъ, которые и обнародовали декретъ о созваніи сейма въ Варшавѣ. Весь дальнѣйшій образъ дѣйствій указанъ былъ самимъ Наполеономъ. Еще инструкціей, данной Биньону, требовалось образованіе конфедераціи, а при представленіи сенаторовъ, Выбицкаго и Соболевскаго, въ Познани Наполеонъ говорилъ, что дастъ варшавскому правительству полную свободу высказать въ рѣчи, которою будетъ открытъ сеймъ, все, что оно найдетъ нужнымъ. Сеймъ собрался 14 (26) іюня, и при открытіи его архіепископъ Вороничъ напомнилъ депутатамъ, что сеймъ долженъ заняться дѣлами не одного герцогства, но всего польскаго народа. Старый Чарторыйскій, открывъ засѣданіе, объявилъ, что обыватели Литвы прислали ему просьбу, чтобы сеймъ, имѣя въ виду важность минуты, благопріятныя обстоятельства и ясную волю народа, занялся великимъ дѣломъ возстановленія отечества. Матушевичъ поддержалъ эту просьбу, а Выбицкій предложилъ назначить особую комиссію для ея разсмотрѣнія, на что всѣ согласились. Просьба эта была подписана проживавшими въ Варшавѣ обывателями Литвы и составлена по внушенію варшавскаго правительства, дѣйствовавшаго въ согласіи съ Прадомъ, который по своимъ инструкціямъ долженъ былъ все устроить такъ, чтобы вмѣшательство французскаго правительства въ польскія дѣла прикрыто было народною волей. Между тѣмъ, на другой день стало извѣстно воззваніе Наполеона къ арміи, и сейму уже не трудно было выполнить свое дѣло. Докладчикомъ комиссіи былъ Матушевичъ, который въ своей рѣчи, указавъ на давнія отношенія Польши къ Франціи и на общее положеніе дѣлъ въ Европѣ, выводилъ заключеніе, что подобно тому, какъ прежде все соединялось на погибель Польши, такъ теперь все благопріятствуетъ возстановленію ея; а когда онъ произнесъ извѣстные слова: «возстанетъ Польша; что говорю? есть уже Польша!» рѣчь его прервана была громкими криками депутатовъ и публики, наполнявшей всѣ галереи, и крики эти повторены были стоявшими на улицѣ. Послѣ того Матушевичъ предложилъ отъ имени правительства, образоватъ генеральную конфедерацію польскаго королевства. Въ актѣ конфедераціи между прочимъ было сказано, что польское королевство возстановлено и польскій народъ соединенъ въ одно цѣлое. Выбраны были члены конфедерационнаго правительства, которые должны были озаботиться увеличеніемъ польской арміи, находившейся въ рядахъ французскихъ войскъ и считавшей уже до 80.000 человекъ. Конфедерація приняла прежній гербъ Рѣчи-Посполитой, велѣла вписать

по старинному обычаю свой актъ въ коронную метрику и открыть тамъ запись ея дальнѣйшихъ дѣйствій. Издавъ воззванія къ войскамъ и всѣмъ обывателямъ, конфедерація отправила депутаціи къ Наполеону и саксонскому королю, и универсалы, призывавшіе окружные сеймики и общинныя управленія къ обнародованію конфедераціоннаго акта. Универсалы эти посланы были и въ русскія губерніи, гдѣ сеймики должны были открываться по мѣрѣ возможныхъ успѣховъ; но при этомъ опредѣлено было, что мѣстные сеймики должны приступать къ конфедераціи, не дѣлая въ ней никакихъ ограниченій или прибавокъ. При первыхъ же заявленіяхъ отсюда въ пользу федераціи, бывшій министръ императора Александра, Чарторыйскій просилъ у него полного увольненія, чтобы стать на сторонѣ народа, которымъ управляетъ его отецъ, какъ маршалъ конфедераціи. Но конфедеративное правительство и въ самомъ герцогствѣ не пользовалось такимъ значеніемъ, какого добивалось. Оно по старымъ обычаямъ требовало подчиненія собою всѣхъ дѣлъ и властей, и даже самого совѣта министровъ, получившаго свое полномочіе отъ саксонскаго короля; но министры, предоставляя конфедеративному правительству лишь нравственное вліяніе на дѣла, желали сохранить все дѣйствующее значеніе за собой. Споръ этотъ разрѣшилъ Прудъ, ставшій на сторонѣ министерскаго совѣта. Депутація, высланная конфедеративнымъ правительствомъ къ Наполеону, нашла его уже въ Вильнѣ и просила его покровительства польскому королевству. «Скажите, государь, польское королевство существуетъ!» говорилъ Выбицкій, «и конфедераціонный актъ будетъ въ глазахъ міра равняться дѣйствительности.» Наполеонъ въ своемъ отвѣтѣ предлагалъ полякамъ пользоваться обстоятельствами, опираясь на его войну съ Россіей, но не касаться австрійской Галиціи. Черезъ нѣсколько дней спустя призналъ конфедерацію и саксонскій король. Затѣмъ послѣдовало заявленіе польскаго войска и великаго княжества Литовскаго въ пользу конфедераціи.

Однакожь, дѣйствительныя силы поляковъ, несмотря на всѣ ихъ приготовленія, не отвѣчали тѣмъ обширнымъ планамъ, которые заявлены были конфедеративнымъ правительствомъ. Исполнивъ всѣ формальности, предписанныя старымъ обычаемъ при началѣ своихъ дѣйствій, конфедерація не пошла далѣе ихъ. Все, что было подготовлено для борьбы, сдѣлано было не ею, а партизанскою и правительствомъ варшавскаго герцогства. Главнѣйшій вождь польской арміи, князь Юсіфъ Понятовскій, получивъ незначительную помощь отъ конфедераціи. Правительство оставалось олицетвореніемъ польскаго единства лишь потому,

что находилось подъ покровительствомъ Наполеона, и участь его зависѣла вполне отъ успѣховъ французской арміи. Но, въ случаѣ пораженія Наполеона и дѣло польской конфедераціи обращалось въ ничто: ибо собственныхъ силъ Варшавскаго герцогства и присоединившихся къ нему временно областей было недостаточно для возстановленія Польши.

Когда отступление наполеоновской арміи изъ Москвы стало несомнѣннымъ и принесло гибельныя для нея послѣдствія, поляки, сохранившіе свои отношенія къ императору Александру, снова обратились къ нему съ своими представленіями. Огинскій, оставшійся въ Петербургѣ, писалъ къ государю отъ 7-го октября, въ надеждѣ склонить его къ провозглашенію себя польскимъ королемъ, причемъ представилъ и проектъ самой прокламаціи къ полякамъ. Въ ней указано было между прочимъ на общее, славянское происхожденіе поляковъ и русскихъ. Императоръ отвѣчалъ ему при личномъ свиданіи, что объявить себя польскимъ королемъ, когда война еще не кончилась, онъ не можетъ, ибо это было бы фанфаронствомъ; но когда война кончится и Наполеонъ уже не въ состояніи будетъ причинять зло полякамъ, онъ возстановитъ Польшу, ибо это равно согласно, какъ съ его собственными убѣжденіями, такъ и съ интересами его имперіи. Въ декабрѣ Огинскій, а затѣмъ уже и Чарторыйскій, ходатайствовали объ амнистіи полякамъ западныхъ губерній, участвовавшимъ въ наполеоновскомъ походѣ на Россію; и амнистія эта была дана. Въ своемъ отвѣтѣ Чарторыйскому императоръ говорилъ прямо: «мечь есть чувство мнѣ неизвѣстное, и платить за зло добромъ есть сладчайшее для меня удовольствіе; самыя строгія приказанія отданы всѣмъ моимъ генераламъ дѣйствовать согласно таковой моей волѣ и обходиться съ поляками дружески и братски... Но относительно польскаго вопроса я долженъ дѣйствовать осторожно, предвидя затрудненія, которыя онъ можетъ встрѣтить съ одной стороны въ Россіи, съ другой—въ Австріи и Пруссіи. Правительство герцогства и конфедераціи могутъ спокойно оставаться въ Варшавѣ. Этотъ городъ не будетъ занятъ моими войсками, какъ только всѣ чужеземныя войска выйдутъ изъ него, а число польскихъ войскъ въ немъ останется возможно меньшее». Но рѣшимость польскаго войска защищаться въ крѣпостяхъ и потомъ слѣдовать за Наполеономъ до границъ Франціи заставила русскихъ занять Варшаву и образовать свое временное правительство въ герцогствѣ; затѣмъ, императоръ Александръ, прибывъ въ Калишъ, оставилъ безъ вниманія новыя предложенія Чарторыйскаго о возстановленіи Польши, и началъ

немедленно переговоры съ Пруссіей и Австріей о союзѣ противъ Наполеона. Первая отозвалась Пруссія, стараясь выговорить при этомъ возстановленіе ея владычества въ областяхъ перваго и втораго раздѣла Польши; за нею уже послѣдовала Австрія, тщетно требовавшая отъ Наполеона, во время переговоровъ въ Дрезденѣ, чтобы онъ отказался отъ покровительства варшавскому герцогству и отъ «польской химеры» вообще. Война въ Германіи окончательно разрушила надежды поляковъ, упорно державшихся Наполеона и не хотѣвшихъ перейти на сторону Александра. Битва подъ Лейпцигомъ окончилась для нихъ смертью Понятовскаго, утонувшаго въ волнахъ Эльстера, и плѣномъ 5 генераловъ, 241 офицера и 3250 рядовыхъ, возвращенныхъ на родину. Баварцы и даже саксонцы, послѣдніе чуть не вопреки волѣ своего короля, перешли въ ряды союзниковъ, а остатки польскихъ легіоновъ все еще находились въ рядахъ французовъ. Когда русскія войска были уже за Рейномъ, отозвался изъ Бервиля Костюшко, не принимавшій участія въ польскихъ войнахъ временъ Наполеона; онъ обратился къ императору Александру съ письмомъ, прося у него общей амнистіи для всѣхъ поляковъ безъ исключеній, освобожденія польскихъ крестьянъ, находившихся въ чужихъ земляхъ, если они вздумаютъ возвратиться на родину, принятія польско-королевскаго титула и освобожденія остальныхъ сельчанъ въ польскихъ земляхъ въ теченіи десяти лѣтъ, обѣщая при этомъ посвятить послѣдніе дни свои на служеніе императору Александру, какъ своему государю. Костюшко писалъ и лорду Грею, прося его ходатайствовать за поляковъ предъ русскимъ императоромъ. И русскій государь, и англійскій министръ высказывали въ своихъ отвѣтахъ сочувствіе къ бѣдствовавшей Польшѣ. По отреченіи Наполеона отъ императорскаго сана, польскимъ войскамъ, находившимся во французской службѣ, предоставлено было право свободного возвращенія на родину, съ сохраненіемъ оружія и полученныхъ ими знаменъ отличія. Въ варшавскомъ герцогствѣ для принята спокойный оборотъ. Главною заботою временнаго правительства было охраненіе внутренняго порядка и привлеченіе обывателей на сторону польской политики, руководимой тогда императоромъ Александромъ. Съ этою цѣлію въ герцогствѣ строжайше запрещены были угнетенія и преслѣдованія кого бы то ни было, и въ русскихъ войскахъ, занимавшихъ герцогство, были суровыя наказанія за всякіе безпорядки, чинимые войсками. Князь Адамъ Чарторыйскій, вернувшись изъ Калиша, постоянно въ Варшавѣ, и состоя въ дружескихъ отношеніяхъ съ Данскимъ и Новосильцевымъ, изъ воиновъ первый былъ

президентомъ, а второй вице-президентомъ временного правительства, настаивалъ съ одной стороны на выполненіи обѣщаній, данныхъ государемъ при занятіи герцогства, съ другой—на примиреніи поляковъ съ русскими. Со стороны русскаго правительства употреблены были всѣ средства, чтобы не дать полякамъ, бившимся за Наполеона, повода къ сѣтованіямъ и упрекамъ. Такъ, когда всѣ польскія войска возвратились на родину, императоръ Александръ, поручивъ главное начальство надъ ними брату своему Константину, согласился на желанія, представленныя ему отъ имени двѣнадцати генераловъ и шестисотъ офицеровъ польскихъ, касательно переустройства польской арміи. Для сего назначенъ былъ особый комитетъ, членами коего были генералъ Домбровский, Зайончекъ, Віельгорскій и Гедройцъ. По рѣшенію этого комитета и съ согласія Александра нѣсколько высшихъ офицеровъ отправилось въ Австрію, Пруссію и Англію, чтобы вывести оттуда плѣнныхъ поляковъ. Изъ отряда, сдавагося подъ Лейпцигомъ, изъ войскъ, возвратившихся домой по отреченіи Наполеона, изъ плѣнныхъ, отобранныхъ въ вышепомянутыхъ государствахъ, и изъ гарнизоновъ, защищавшихъ Данцигъ, Замостье и Модлинъ, образовалась небольшая польская армія въ 20,000 человекъ. Разрѣшено было привезти въ Варшаву тѣло Іосифа Понятовскаго, погребеннаго въ Лейпцигѣ; при въѣздѣ въ Варшаву оно встрѣчено было не только польскими, но и русскими войсками. Кромѣ того, еще при началѣ занятія герцогства русскими войсками изданъ былъ указъ объ уменьшеніи податей, слѣдовавшихъ съ его жителей. Все это подѣйствовало успокоительно на большинство поляковъ, ожидавшихъ теперь спасенія отъ императора Александра.

Вѣнскій конгрессъ, долженствовавшій замирить возмущенную продолжительными войнами Европу, занялся восстановленіемъ нарушенныхъ правъ государей, участвовавшихъ въ борьбѣ противъ Наполеона, и прежнихъ границъ государствъ, или вовсе уничтоженныхъ, или сильно уменьшенныхъ павшимъ завоевателемъ, а также наказаніемъ тѣхъ, кто поддерживалъ Наполеона до послѣднихъ дней его власти. Основаніемъ къ передѣлкѣ владѣній между европейскими государями служили не историческія преданія или этнографическія условія, но только статистическія, числовыя данныя. Наиболѣе затрудненій представлялъ польскій вопросъ, который рѣшился поднять на конгрессѣ Александръ I, и вопросъ о владѣніяхъ саксонскаго короля Фридриха-Августа, бывшаго варшавскаго герцога и вѣрнаго союзника Наполеона. Польскій вопросъ долженъ былъ подвергнуться разсмотрѣнію кон-

гресса уже потому, что Пруссія и Австрія, приступая къ послѣдней коалиціи противъ Наполеона, требовали восстановления своихъ прежнихъ границъ, а Австрія, кромѣ того, и раздѣленія варшавскаго герцогства. Правда, императоръ Александръ по низверженіи Наполеона успѣлъ договориться съ прусскимъ королемъ о вознагражденіи его саксонскими землями, вмѣсто польскихъ, но это было лишь частное соглашеніе между ними. Отправившись въ Вѣну, русскій государь взялъ съ собою Адама Чарторыйскаго, какъ представителя польской народности. Александръ заявилъ свой проектъ восстановления польскаго королевства изъ земель варшавскаго герцогства, но подъ его управленіемъ и въ соединеніи съ Россією, хотя и съ самостоятельной конституціей. Но его планъ встрѣтилъ сильный отпоръ со стороны Англіи, Австріи и Франціи, причемъ каждая изъ нихъ дѣйствовала по различнымъ побужденіямъ. Надѣясь одолѣть каждаго изъ своихъ противниковъ поодиночкѣ, Александръ началъ съ французскаго уполномоченнаго Тайлера. Зная, что Людовику XVIII было бы пріятно, еслибы конгрессъ отнялъ у Мюратъ неаполитанскій престолъ, Александръ думалъ привлечь въ свои планы хитраго Талейрана именно съ этой стороны; но не достигъ цѣли, ибо соглашеніе разбилось о дѣло саксонскаго короля, интересы котораго Людовикъ не желалъ выдать прусскому королю. Столь же неудачны были переговоры и съ англійскимъ уполномоченнымъ лордомъ Кастельриджемъ, который, указывая на предварительные договоры при вступленіи Пруссіи и Австріи въ общую коалицію, считалъ невозможнымъ согласить ихъ съ новымъ планомъ. Александръ отвѣчалъ, что не одна Австрія имѣетъ право на вознагражденіе, что другіе союзники оказали болѣе услугъ Европѣ въ борьбѣ за ея освобожденіе, и что онъ самъ прежде всѣхъ имѣетъ право на вознагражденіе; кромѣ того, онъ ссылался на слово, которымъ обязался предъ полками восстановить ихъ отечество хотя бы въ предѣлахъ варшавскаго герцогства. Кастельриджъ давалъ замѣтить, что онъ не противится восстановленію Польши, но подъ условіемъ полной самостоятельности и независимости ея, а не въ соединеніи съ Россією, что усилило бы вліяніе послѣдней на дѣла Европы. Такъ-какъ прусскій король охотнѣе принялъ бы въ вознагражденіе Саксонію, чѣмъ польскія земли, гдѣ онъ не могъ рассчитывать на привязанность къ себѣ жителей,—саксонцы же, какъ католики и протестанты, могли быть болѣе вѣрными подданными, то лордъ Кастельриджъ вошелъ въ переговоры съ Пруссіей, предлагавшей образовать для Фридриха-Августа небольшое вла-

дѣніе на берегахъ Рейна съ 700,000 католическихъ подданныхъ, но требовалъ съ своей стороны, чтобы Пруссія не поддерживала русскаго императора въ его польскихъ планахъ. Австрійское правительство, не желавшее ни усиленія Пруссіи на счетъ Саксоніи, ни возстановленія Польши, соединенной съ Россіей, послѣдовало примѣру англійскаго уполномоченнаго, объявивъ прусскому королю, что въ крайнемъ случаѣ готова пожертвовать ему Саксоніей, если въ польскомъ вопросѣ онъ будетъ дѣйствовать за-одно съ Австріей и Англіей. Меттернихъ зналъ очень хорошо, что Фридрихъ-Вильгельмъ не въ состояніи будетъ примирить столь противорѣчащихъ другъ другу условій. Наконецъ, и Тайлеранъ сообщилъ Александру чрезъ Чарторыйскаго, что Франція не будетъ противоѣдствовать его планамъ, если онъ поможетъ ей сохранить Саксонію за Фридрихомъ-Августомъ,—условіе столь же невозможное для выполненія, какъ и предложенное Меттернихомъ Пруссіи, ибо оба они взаимно уничтожали другъ друга. Всѣ эти интриги союзныхъ дипломатовъ страшно раздражали Александра, который усматривалъ въ нихъ очевидное желаніе оставить его въ одиночествѣ и потомъ принудить къ уступкамъ. Все это побудило его къ рѣшительному шагу: онъ вывелъ свои войска изъ Саксоніи, пригласивъ Фридриха-Вильгельма занять ее прусскою арміею и прислать своихъ комиссаровъ, которые ввели бы въ нее прусское управленіе. Репнинъ, оставляя Саксонію, обнародовалъ воззваніе къ ея жителямъ, въ которомъ объявлялъ, что по соглашенію съ Англіей и Австріей они переходятъ подъ управленіе прусскаго короля. Когда русская армія вступила въ варшавское герцогство, императоръ повелѣлъ великому князю Константину обратиться къ полякамъ съ воззваніемъ, пригласивъ ихъ къ защитѣ своихъ земель, если бы кто-либо изъ враговъ Россіи вздумалъ напасть на нихъ. Въ этомъ воззваніи было сказано между прочимъ: «его величество императоръ, вашъ могущественный покровитель, призываетъ васъ. Соединитесь подъ его знаменами; пусть ваша рука вооружится на защиту вашего отечества и на охраненіе вашего политическаго существованія... Теперь, когда ваши усилія будутъ посвящены на служеніе вашему отечеству, вы будете непобѣдимы». Кромѣ того, императоръ Александръ снова взялъ слово съ Фридриха-Вильгельма, начинавшаго уже колебаться вслѣдствіе предложеній Меттерниха и Кастельриджа, что онъ будетъ вѣренъ своему союзу съ нимъ. Воззванія Репнина и великаго князя Константина вызвали цѣлую бурю дипломатическихъ заявленій со стороны среднихъ и малыхъ нѣмецкихъ владѣній.

Австрійскій и англійскій уполномоченные протестовали противъ заявленія Репнина, говоря, что онъ счелъ дѣломъ оконченнымъ условія предварительныя, которыя еще не имѣютъ силы договора. Пруссаки возражали съ своей стороны, ссылаясь на ноту австрійскаго правительства и согласіе англійскаго уполномоченнаго. Воззваніе къ польскимъ войскамъ встревожило большинство дипломатовъ, засѣдавшихъ на конгрессѣ. Хотя Пруссія продолжала стоять упорно на своемъ; но самъ императоръ Александръ, видя, что дѣло склоняется къ союзу между Австріей, Англіей, Франціей и средне-нѣмецкими государствами, рѣшился оказать нѣкоторыя уступки и самъ заявилъ, что готовъ возвратитъ Австріи и Пруссіи нѣкоторыя части варшавскаго герцогства. Такимъ образомъ, эгоистическіе разсчеты Австріи и сопротивленіе французскаго и англійскаго уполномоченныхъ, заявившихъ лишь платоническія желанія видѣть Польшу возстановленною во всей ея цѣлости и независимою, но на дѣлѣ предпочитавшихъ ея раздробленіе образованію небольшого польскаго королевства въ соединеніи съ Россіей, были причиною того, что царь императора Александра, который даже польскимъ историкомъ Генрихомъ Шмидтомъ, весьма нерасположеннымъ къ Александру, названъ наиболѣе выгоднымъ для поляковъ, остался неисполненнымъ.

Несмотря однако-жъ на уступчивость императора Александра, соглашеніе между членами конгресса по вопросамъ польскому и саксонскому не было еще достигнуто. Составлена была особая коммиссія изъ представителей пяти великихъ державъ, и въ первомъ изъ ея засѣданій графъ Нессельроде представилъ слѣдующій проектъ шестого раздѣла Польши: Австріи русскій императоръ уступаетъ округъ Подгорье, за исключеніемъ предмѣстья того же имени съ его околицей, отходящаго къ городу Кракову; кромѣ того, половину соляныхъ копей Велички, бывшую за варшавскимъ герцогствомъ, и округъ тарнопольскій; Пруссіи уступались тѣ земли, которыя впослѣдствіи съ одной стороны округлили восточно-прусскую провинцію, а съ другой—образовали великое княжество познанское; города Краковъ и Торнъ предложено было объявить вольными и нейтральными, подъ покровительствомъ трехъ сосѣднихъ державъ, а изъ остальныхъ земель варшавскаго герцогства, соединяющихся съ Россіей, образовать особое государство, причемъ императоръ Александръ сохранялъ за собой право дать ему національную конституцію и такія границы, какія сочтетъ удобными; теченія Вислы и ея устья при Данцигѣ остаются свободными для торговыхъ сношеній всѣхъ трехъ государствъ и

вольныхъ городовъ Кракова и Торна; русскій императоръ, желая, чтобы всѣ поляки участвовали въ благодѣяніяхъ, связанныхъ съ народною администраціей, предстательствуетъ предъ своими союзниками въ пользу ихъ польскихъ подданныхъ, съ цѣлью удержать ихъ провинціальныя учрежденія, какъ охраняющія народность, и дать имъ участіе въ управленіи ихъ краемъ; наконецъ, три договаривающіяся державы обезпечиваютъ взаимно свои польскія владѣнія. Въ слѣдующемъ засѣданіи прусскій уполномоченный Гарденбергъ требовалъ, кромѣ того, присоединенія всей Саксоніи къ Пруссіи и заявилъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ ни на волосъ не отступитъ отъ своихъ требованій, а въ случаѣ необходимости будетъ поддерживать ихъ оружіемъ. Раздраженный тѣмъ Кастельридеъ отвѣчалъ, что Англія никогда не дозволитъ, чтобы кто-нибудь предписывалъ ей законы, и въ гнѣвъ удалился изъ засѣданія. Талейранъ безъ труда склонилъ его къ заключенію союза между Англіей, Франціей и Австріей на случай, еслибы Пруссія и Россія вздумали навязывать свою волю Европѣ; къ этому союзу присоединились потомъ Баварія, Ганноверъ, Голландія и Сардинія. Пруссакіи должны были понизить свои требованія, особенно когда узнали, что и Александръ I-й, обманутый въ надеждѣ на удержаніе за собой всѣхъ земель варшавскаго герцогства, не стоитъ болѣе за передачу всей Саксоніи прусскому королю. Послѣдній получилъ третью часть Саксоніи и нѣсколько мелкихъ владѣній внутри Германіи, такъ что прусское королевство насчитывало уже до 10,000,000 жителей. Но всѣ эти условія не успѣли еще получить окончательнаго утвержденія, когда получено было извѣстіе въ Вѣнѣ о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы. Неожиданное появленіе общаго врага снова восстановило союзъ европейскихъ государей, поссорившихся при дѣлѣ земель, остававшихся безъ владѣтелей.

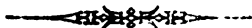
Послѣ рѣшительнаго пораженія Наполеона при Ватерлоо прусскими и англійскими войсками, и ссылки его на островъ св. Елены, вѣнскій конгрессъ покончилъ начатое имъ дѣло раздѣленія земель варшавскаго герцогства. Шумныя фразы противниковъ плана, заявленнаго въ началѣ конгресса императоромъ Александромъ, имѣвшимъ намѣреніе устроить конституціонную Польшу подъ своимъ владычествомъ, были празднымъ словомъ, не опиравшимся на дѣло, ибо когда Александръ согласился на раздѣлъ варшавскаго герцогства, то никто изъ сторонниковъ независимой Польши и не подумалъ на конгрессѣ объ обезпеченіи польской народности въ краяхъ, отходившихъ къ тремъ великимъ державамъ. Условія такого обезпеченія предложены были

русскимъ государемъ; Австрія и Пруссія должны были согласиться на нихъ: но, по требованію лорда Кастельриджа, и это обязательство было только условно, обезпечивалось лишь державами, получившими въ раздѣлъ земли герцогства. Въ апрѣлѣ 1815 года заключены были договоры между Россіей, Австріей и Пруссіей о раздѣлѣ этихъ земель и о вольномъ городѣ Краковѣ, ибо Торнъ, по окончательному рѣшенію вѣнскаго конгресса, навсегда отошелъ къ Пруссіи. Въ маѣ объявлено было объ образованіи польскаго королевства или царства, соединеннаго съ Россіей въ лицѣ общаго государя, объ образованіи великаго княжества познанскаго, присоединеннаго къ прусскому королевству, о воссоединеніи западной и восточной половинъ Галиціи подъ австрійскимъ владычествомъ и о политическомъ устройствѣ краковской республики, состоящей подъ покровительствомъ трехъ сосѣднихъ державъ. Александръ I-й сдержалъ свое слово относительно польскаго королевства: оно пользовалось своимъ независимымъ управленіемъ до революціи 1830 года. Но въ великомъ княжествѣ познанскомъ, польская народность подверглась систематической германизаціи съ первыхъ же временъ присоединенія его къ Пруссіи, а въ 1848 году оно было окончательно включено въ составъ германскаго союза. Обѣ половины Галиціи, населенныя поляками и русскими, управлялись съ начала провинціальными чинами, устроенными по образцу остальныхъ австрійскихъ областей, а съ 1848 года подвергались безпрестаннымъ административнымъ перемѣнамъ, то соединяясь, то раздѣляясь, то пользуясь нѣкоторою автономіей, то подчиняясь централизаціи или съ нѣмецкимъ, или съ польскимъ оттѣнкомъ. Одинъ вольный городъ Краковъ, о которомъ мы теперь поведемъ рѣчь, пережилъ въ своей независимости, хотя и ограниченной условіями, наложенными на него тремя сосѣдними державами, внутреннюю независимость остальныхъ частей прежней Польши.

Изъ всего сказаннаго не трудно вывести слѣдующее заключеніе. Въ эпоху наполеоновскихъ войнъ въ средѣ польскаго народа, раздѣленнаго между тремя державами, существовали двѣ партіи: эмиграціонная и организаціонная; первая стремилась къ восстановленію Польши въ старыхъ ея границахъ и опирала свои надежды на Наполеона, вторая—стремилась къ возрожденію польской народности посредствомъ улучшенія сословныхъ отношеній, посредствомъ экономическаго и духовнаго развитія, и въ минуты благопріятныя стремилась къ частному восстановленію Польши

при содѣйствіи Александра I-го. Наполеонъ поощрялъ планы эмиграціонной партіи сперва потому, что получалъ отъ нея матеріальное содѣйствіе въ своихъ войнахъ, далѣе потому, что намѣревался посредствомъ возстановленія Польши ограничить вліяніе Россіи на среднюю Европу. Александръ I-й поддерживалъ польскій вопросъ отчасти вслѣдствіе личныхъ отношеній своихъ къ нѣкоторымъ изъ польскихъ организаторовъ, отчасти изъ соперничества съ Наполеономъ, и видѣлъ въ возстановленіи Польши, соединенной съ русской имперіей подъ его властью, средство сохранить свое вліяніе на европейскія дѣла. Пруссія и Австрія, твердо слѣдуя старинной нѣмецкой политикѣ присоединеній на востокѣ, упорно держались за раздѣлъ польскихъ земель и противились даже частному возстановленію Польши. Реставрированная Франція и коммерческая Англія были равнодушны къ интересамъ польской народности и лишь заботились о томъ, чтобы судьбы ея не были переданы подъ покровительство одной Россіи, настаивая на раздѣленіи польскихъ земель между всѣми сосѣдними державами. Дальнѣйшая судьба польской народности вполне подтвердила, что она болѣе обезпечена подъ русскимъ владычествомъ, чѣмъ подъ нѣмецкимъ. Въ этомъ отношеніи уже одна общность происхожденія отъ славянскаго корня способствовала сохраненію болѣе выгодныхъ условій для польской народности, чѣмъ въ Пруссіи и Австріи: этнографическія границы между польскою и русскою народностію въ предѣлахъ имперіи и соединеннаго съ нею польскаго королевства остались и до сихъ тѣ же, какими они были въ началѣ ихъ исторіи.

Нилъ Поповъ.

* * *

Ты почтѣ, злая кручинушка,
Не въ конецъ извела меня, бѣдную,
Разорвала лишь душу надвое?
Не сойтися утру съ вечеромъ,
Не ужиться двумъ добрымъ молодцамъ;
Изъ-за меня они ссорятся,
А и оба меня корятъ, бранятъ.
Ужъ какъ станетъ меня братъ корить:
— Ты почто пошла за боярина?
Напросилась въ родню неровню?
Отщепенница, переметчица,
Отъ своей родни отступница!
— Государь ты мой, братецъ мой,
Я въ родню къ нимъ не напрашивалась,
И ты самъ меня уговаривалъ,
Снаряжалъ меня, выдавалъ меня!
Ужъ какъ станетъ меня мужъ корить:
— Изъ какого ты роду-племени?
Еще много-ли за тобой приданого?
Еще чѣмъ меня опоила ты,
Приговорница, прѣворотница,
Меня съ нашими разлучница!
— Государь ты мой, господинъ ты мой,
Я тебя не приворачивала,
И ты взялъ меня вольной-волею,
А приданого за мной не много есть,
И всего-то сердце покорное,
Голова тебѣ, сударь, поклонная!
Перекинулся хмѣль черезъ рѣченьку,
Съ одного дуба на другой на дубъ,
И качается межъ обоими,
Надъ быстрой водой зеленѣючи,
Злой кручинушки не знаячи,
Оба дерева обнимаючи.

~~~~~

* * *

Прозрачныхъ облаковъ спокойное движеніе,
Какъ дымкой, солнечный перенимая свѣтъ,
То блѣднымъ золотомъ, то мягкой синей тѣнью
Окрашиваетъ даль. Намъ тихій свой привѣтъ
Шлетъ осень мирная. Ни рѣзкихъ очертаній,
Ни яркихъ красокъ нѣтъ. Землей пережита
Пора роскошныхъ силъ и мощныхъ трепетаній;
Стремленья улеглись; иная красота
Смѣнила прежнюю: ликующаго лѣта
Лучами сильными ужъ болѣе не согрѣта,
Природа вся полна послѣдней теплоты;
Еще вдоль влажныхъ межъ красуются цвѣты,
А на пустыхъ поляхъ засохшія былинны
Опутываетъ сѣтъ летучей паутины;
Кружась медленно въ безвѣтріи лѣсномъ,
На землю желтый листъ спадаетъ за листомъ;
Невольно я слѣжу за ними взоромъ думнымъ,
И слышится мнѣ въ ихъ паденіи безшумномъ:
— Всему настала покой, прими-жь его и ты,
Пѣвецъ, державшій стягъ во имя красоты;
Провѣрь, усердно-ли ея святое сѣмя
Ты въ борозды бросалъ, покинутыя всѣми,
По совѣсти-ль тобою задача свершена,
И жатва дней твоихъ обильна, иль скудна?

Гр. Ал. Толстоѣ.

АНТРОПОЛОГІЯ

И

ДАРВИНИЗМЪ

I.

Развитіе дарвинизма. — Необходимость индуктивной повѣрки его. — Значеніе антропологіи, науки о человѣкѣ, для дарвинизма.

Богѣе пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ *Дарвинъ* и *Уоллесъ* напечатали результаты своихъ изслѣдованій и размышленій о происхожденіи видовъ, положивъ тѣмъ основаніе новой теоріи въ біологическихъ наукахъ. Идеямъ двухъ великихъ англійскихъ натуралистовъ не суждено было, какъ это нерѣдко случается въ исторіи научнаго развитія, залежаться подъ спудомъ; они, давно томившіеся отъ недостатка руководящихъ идей, съ радостью накинудись на новую теорію и поспѣшили освѣтить ее свѣтомъ самые темные закоулки своихъ спеціальныхъ архивовъ. Такимъ образомъ, въ сравнительно короткое время, дарвинизмъ (такъ многіе называли новую теорію) проникъ во всѣ области біологическихъ наукъ и даже за предѣлы ихъ, въ сравнительное языкознаніе, политическія науки и проч. Съ особенною силою новое ученіе распространилось въ Германіи, гдѣ оно сна-чала проповѣдывалось въ формѣ такъ-наз. «университетскихъ лекцій» и публичныхъ рѣчей, а потомъ перешло и въ обыкновенныя студенческія аудиторіи. Когда, нѣсколько лѣтъ тому, геттингенскій университетъ пожелалъ замѣнить ка-

оедру зоологiи противникомъ дарвинизма, то оказалось, что между всѣми извѣстными зоологами, безъ каедръ, не было ни одного, отвѣчающаго подобному требованію, вслѣдствіе чего университетъ волей-неволей долженъ былъ сдѣлать уступку и пригласить «умѣреннаго» дарвиниста. Литература дарвинизма разрослась до такихъ размѣровъ, что понадобились особые списки ея, а въ послѣднее время стали появляться о ней особые годовые отчеты. Въ списокъ Шпенгеля, 1872 года, упоминается уже триста-четыре автора, писавшихъ о новой теоріи, и тѣмъ не менѣе списокъ этотъ еще далеко не полонъ.

Такое быстрое распространеніе ученія, которое ни въ какомъ случаѣ не могло имѣть претензіи считаться научно-доказанной теоріей, объясняется съ одной стороны необыкновенно высокой степенью научнаго развитія Дарвина, съ другой же стороны —своей простотой, ясностью и всеобъемлющею полнотою. — Мысль, что всѣ организмы связаны между собою кровнымъ родствомъ, т.-е., что всѣ они происходятъ отъ общихъ прародителей, ни для кого не была новостью: она послужила основой теоріи Ламарка, которая въ свое время раздѣлялась многими первоклассными учеными, и въ болѣе или менѣе томъ же видѣ сохранилась до временъ Уоллеса и Дарвина. Но одной основной мысли было недостаточно. Дарвинъ совершенно справедливо замѣтилъ въ введеніи къ своей книгѣ: «Если натуралистъ станетъ размышлять о происхожденіи видовъ, то легко понять, что, взвѣсивая взаимное родство организмовъ, ихъ эмбриональныя отношенія, географическое распространеніе, ихъ геологическую послѣдовательность и другіе подобные факты, онъ придетъ къ заключенію, что виды не созданы самостоятельно, а происходятъ подобно разновидностямъ одного вида. Тѣмъ не менѣе, подобнымъ выводомъ, если бы онъ даже былъ совершенно основателенъ, нельзя удовлетвориться до тѣхъ поръ, пока не будетъ представлено доказательство, какимъ образомъ все обитающее землю безконечное число видовъ могло измѣниться до такой степени, чтобы получилось настоящее совершенство устройства и примѣненія къ жизненнымъ условіямъ, справедливо возбуждающимъ наше удивленіе». Въ отвѣтъ на это требованіе и заключается вся сущность дарвинизма, т.-е. ученія о происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора наиболѣе выгодно приспособленныхъ организмовъ. Эту теорію никоимъ образомъ не слѣдуетъ смѣшивать съ ученіемъ о преемственности видовъ вообще (Descendenzlehre): первая относится къ послѣднему, какъ видовое понятіе къ родовому.

До тѣхъ поръ, пока новое ученіе касалось всей суммы ор-

анизмовъ вообще, главные основанія его не переставали носить на себѣ характеръ чисто дедуктивнаго построения. Такимъ образомъ, и у Дарвина, и у Уоллеса естественный подборъ является простымъ выводомъ изъ принциповъ борьбы за существованіе. Такъ какъ, говорить теорія, вся масса нарождающихся организмовъ не можетъ безпрепятственно прожить на землѣ, то между ними возникаетъ конкуренція, въ которой несомнѣнно одоляютъ только тѣ существа, которыя случайно снабжены какими-нибудь индивидуальными преимуществами. Эти послѣднія, именно въ силу своего значенія въ борьбѣ, выступаютъ на первый планъ и, накопясь, изъ индивидуальныхъ особенностей переходятъ наконецъ въ видовыя. Въ пользу каждаго положенія этой теоріи было приведено много подкрѣпляющихъ вторичныхъ выводовъ, а въ пользу нѣкоторыхъ пунктовъ представлены и фактическія доказательства, но въ общемъ и теперь, также какъ и въ самомъ началѣ существованія дарвинизма, теорія естественнаго подбора остается безъ индуктивной повѣрки. Послѣдняя между тѣмъ не только необходима, но и практически возможна. Никому не придетъ въ голову требовать, чтобы въ короткое время былъ произведенъ процессъ измѣненія *видовъ* путемъ естественнаго подбора, но не менѣе у насъ остается возможность наблюдать и процессъ измѣненія организмовъ, и процессъ конкуренціи между ними. Специалисты умѣютъ отличать признаки несравненно болѣе мелкіе, чѣмъ видовые. Самъ Дарвинъ упоминаетъ о мастертвѣ, опредѣляющихъ ничтожнѣйшія индивидуальныя отличія въ окраскѣ бараньихъ шерстинокъ, и тѣмъ рѣшающихъ существеннѣйшій вопросъ искусственнаго подбора. Почему бы то же самое не было доступно натуралисту при отыскиваніи индивидуальныхъ особенностей и наблюденіи ихъ фиксированія въ борьбѣ за существованіе? Случаи послѣдней на каждомъ шагу встрѣчаются въ природѣ. Стоитъ только обратить вниманіе на быстро размножающіеся организмы на ограниченномъ пространствѣ, напр., на водоросли, растенія въ замкнутыхъ бассейнахъ или же на организмы, быстро заселяющіе небольшіе острова. Кому не случалось наблюдать, какъ скоро зарастаетъ поверхность стоячихъ водъ такимъ густымъ покровомъ ряски, что черезъ него не видно ни одной капли воды? Тутъ, очевидно, мы имѣемъ одинъ изъ крайне рѣзкихъ случаевъ перенаселенія, и слѣдовательно очень энергичную борьбу за существованіе ¹⁾.

¹⁾ Можно а priori предвидѣть, что результатъ подобной повѣрки не будетъ благоприятенъ теоріи естественнаго подбора. Извѣстно, что океаніческіе острова отличаются чрезвычайной бѣдностью видовъ, а между тѣмъ конкуренція между особями

Итакъ, несомнѣнно, что индуктивная повѣрка основныхъ положеній теоріи необходима, особенно въ виду сложности біологическихъ явленій. Но, не дожидаясь ея въ томъ видѣ, какъ я только-что предложилъ, теперь же можно достигнуть нѣкоторыхъ результатовъ, перенеся теорію Дарвина на почву науки о человѣкѣ.

Антропология имѣетъ дѣло или съ однимъ только видомъ, или же, пожалуй, съ нѣсколькими очень близкими другъ къ другу видами. Въ настоящую минуту для насъ совершенно безразлично, считать ли такъ-наз. человѣческія расы за разновидности одного и того же вида, или же за отдѣльные виды, да и вообще этотъ вопросъ не имѣетъ большого значенія въ наукѣ. Съ насъ достаточно того факта, что человѣческія «расы», съ виду очень отличныя, въ сущности близки между собою и могутъ давать потомство, обуславливая тѣмъ большое количество переходныхъ ступеней. Кромѣ этого удобства для индуктивной повѣрки дарвинизма, антропология представляетъ намъ еще другое, несравненно болѣе важное. Такъ какъ новая теорія основывается на явленіяхъ естественнаго подбора, регулирующаго борьбу, вытекающую изъ усиленнаго размноженія, то естественно, что, для приложенія ея къ данному конкретному случаю, натуралисту чрезвычайно важно имѣть въ своихъ рукахъ возможно болѣе фактическій матеріалъ о всѣхъ факторахъ, участвующихъ въ измѣненіи видовъ. Такому требованію можетъ удовлетворить только наука о человѣкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ Дарвину съ величайшимъ трудомъ удалось добыть только самыя общія и поверхностныя свѣдѣнія относительно рождаемости обоихъ половъ у домашнихъ животныхъ, относительно человѣка подобные факты собраны въ столь значительномъ количествѣ, что статистика оказалась въ состояніи приготовить эмпирическій законъ объ относительной рождаемости мальчиковъ и дѣвочекъ. Въмѣсто *habitat rara, frequens, copiose, copiosissime* и пр. терминовъ, которыми зоологъ означаетъ степень нахожденія данныхъ животныхъ въ извѣстной мѣстности, антропологъ приводитъ статистическія цифры густоты населенія и притомъ съ такими подробностями, о которыхъ зоологъ не смѣетъ и мечтать. То же самое приложимо и въ дѣлѣ изслѣдованія движенія населенія, конкуренціи за существованіе и пр. Не даромъ въ основу теоріи положено ученіе Мальтуса, выведенное

на нихъ всего сильнѣе, вслѣдствіе ограниченности пространства. То же приложимо и къ плавающимъ на поверхности водянымъ растеніямъ, которыя, несмотря на столь частое перенаселеніе, не отличаются однако же богатствомъ видовыхъ представителей.

при посредствѣ статистическихъ цифръ. Историческая этнографія даетъ намъ, съ другой стороны, громадное пособие при изслѣдованіи данного вопроса. Она указываетъ пути, по которымъ совершается передвиженіе народовъ и замѣщенія однихъ другими, т.-е. даетъ такой матеріалъ, какой мы имѣемъ (но съ меньшей полнотой) только еще относительно животныхъ и растений, сопровождающихъ человѣка, т.-е. большею частью одомашненныхъ. Дарвинъ ссылается на вытѣсненіе черной крысы бурою, черного таракана рыжимъ, какъ на примѣры ожесточенной конкуренціи между родственными видами; но во сколько разъ больше фактовъ мы имѣемъ о подобныхъ явленіяхъ въ средѣ человѣческаго рода!

Въ предыдущихъ строкахъ я старался указать на то значеніе, которое имѣетъ изученіе человѣка для общей теоріи происхожденія видовъ. Я не касался обратной стороны вопроса отчасти потому, что о ней уже очень много было говорено и писано, отчасти же потому, что подъ приложеніемъ новой теоріи къ человѣку большинство всегда разумѣло только мысль о происхожденіи человѣка отъ животныхъ, не касаясь самаго процесса происхожденія, т.-е. борьбы, подбора и закрѣпляемыхъ имъ признаковъ. Раньше Дарвина и Уоллеса послѣдователи ихъ, главнымъ образомъ Гексли и Фохтъ, представили въ популярной формѣ попытку приложенія дарвинизма къ вопросу о происхожденіи человѣка. Но вся цѣль ихъ заключалась лишь въ томъ, чтобы показать, что человѣкъ, подобно прочимъ организмамъ, имѣетъ кровнымъ родствомъ съ другими, проще устроенными существами. Съ этою цѣлью они собрали сумму фактовъ, сближающихъ человѣка съ высшими обезьянами въ зоологическомъ и анатомическомъ отношеніяхъ, т.-е. съ небольшими дополненіями повторили работу, которая была сдѣлана гораздо раньше ихъ, и много до появленія дарвинизма. Вопросъ о сходствѣ человѣка съ обезьянами съ давнихъ уже поръ выступилъ на научную арену и обсуждался цѣлымъ рядомъ очень извѣстныхъ натуралистовъ, какъ, напр., Тидеманномъ, Вроликомъ, Грасіоле и многими другими. Подводя итоги многимъ специальнымъ изслѣдованіямъ, Лессонъ за тридцать лѣтъ до появленія перваго сочиненія Дарвина, утверждалъ, что «по общему устройству, обезьяны гораздо болѣе приближаются къ человѣку, чѣмъ къ остальнымъ животнымъ, и только въ отношеніи ума и сужденія они значительно уступаютъ первому. Обезьяны представляютъ полнѣйшее сходство съ человѣческимъ родомъ въ устройствѣ внутренностей и значеніи частей». Далѣе, онъ принималъ вмѣстѣ съ Тидеманномъ, что «мозгъ оранга отличается отъ мозга другихъ обезьянъ,

но приближается къ человѣческому многими замѣчательными частностями» и проч. Французскіе академики, и во главѣ ихъ Изидоръ С.-Илеръ, также раздѣляли мнѣніе о детальномъ сходствѣ физической организаціи человѣка и высшихъ обезьянъ, и потому должны были основывать свое представленіе о систематическомъ положеніи человѣка (они ставили его въ особое царство) на отличіяхъ психической природы. Такимъ образомъ, за послѣдователями Дарвина остается только популяризованіе съ нѣкоторыми дополненіями изслѣдованій до-дарвиновскаго періода науки, предложеніе возвратиться къ Линнеевской классификаціи (соединеніе человѣка съ обезьянами въ отдѣлъ «приматы») и замѣна прежняго представленія о родствѣ понятіемъ кровнаго родства. вмѣсто прежняго «общаго плана», было подставлено только «общее происхожденіе», безъ дальнѣйшаго помысленія о томъ, какимъ образомъ оно могло совершиться. Несравненно дальше пошли въ этомъ отношеніи сами основатели новой теоріи, не замедлившіе представить о происхожденіи человѣка свои соображенія, рассмотрѣнію которыхъ мы посвящаемъ слѣдующую главу.

II.

Теорія Уоллеса о примѣненіи естественнаго подбора къ человѣческому роду.—Обзоръ антропологическихъ воззрѣній Дарвина.—Половой подборъ.—Затрудненія, на которыя наталкивается теорія полового подбора.—Факторы этотъ не объясняютъ происхожденія главнѣйшихъ расовыхъ отличій.

Статьи Уоллеса, по вопросу о происхожденіи человѣка, произвели необыкновенный скандалъ въ кругу дарвинистовъ. Этотъ замѣчательно остроумный и смѣлый ученый не остановился на сдѣланномъ избитымъ воззрѣніи послѣдователей новаго ученія по отношенію къ человѣку. Въ своей первой статьѣ (напечатанной въ 1864 году), въ которой онъ не является такимъ отщепенцемъ, какъ во второй, онъ указываетъ на то, что естественный подборъ дѣйствуетъ въ сферѣ человѣческаго рода совершенно иначе, чѣмъ на весь остальной организованный міръ. Въ то, чтобы дѣйствовать на форменныя особенности съ цѣлью измѣнить ихъ къ обстановкѣ, естественный подборъ влечетъ на естественныя силы человѣка, побуждая его придумывать различныя средства для установленія гармоніи съ окружающей средой. Такимъ образомъ, хищныя животныя, уничтожившія въ данной мѣстности легко получаемую добычу, въ силу естественнаго подбора, неизбежно должны приобрести болѣе развитые когти и зубы.

а также большую силу и ловкость,—иначе они не будутъ въ состояніи добывать себѣ болѣе крупную и сильную пищу, и потому должны вымереть. Къ человѣку же подобное предположеніе совершенно непримѣнимо: ему нѣтъ надобности приобрѣтать медленными путемъ новыя физическія отличія, такъ какъ онъ, вмѣсто зубовъ и когтей, пускаетъ въ дѣло лукъ и стрѣлы, также точно такъ, вмѣсто шерсти и другихъ органическихъ приспособленій къ перенесенію холода, онъ шьетъ одежду и разводитъ огонь. Такимъ образомъ, развитіе ума человѣческаго дѣлаетъ излишнимъ цѣлую массу форменныхъ измѣненій его тѣла и сохраняетъ его приблизительно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ появился на свѣтъ. Этимъ объясняется, по мнѣнію Уоллеса, замѣчательное постоянство человѣческаго типа, выражающееся между прочимъ въ томъ фактѣ, что во времена Фараоновъ человѣческія расы нѣмѣли не отличались отъ нынѣшнихъ.

Въ основѣ всѣхъ приведенныхъ соображеній у Уоллеса скрыта мысль, что измѣненіе, т.-е. прогрессивное развитіе умственныхъ способностей человѣка можетъ совершаться несравненно скорѣе и легче, чѣмъ соотвѣтствующія (по цѣли) измѣненія форменныхъ особенностей, иначе осталось бы вполне невыясненнымъ, почему человекъ избираетъ совершенно иной путь, чѣмъ всѣ остальные животныя. Мысль эта выходитъ наружу во второмъ очеркѣ, названномъ столько шума въ ученомъ мірѣ и озаглавленномъ: «Границы естественнаго подбора въ приложеніи къ человѣку». Въ этой статьѣ Уоллесъ съ особеннымъ удареніемъ настаиваетъ на томъ, что дикари обладаютъ несравненно большимъ количествомъ мозга, чѣмъ сколько имъ нужно для всего ихъ несложнаго житейскаго обихода. Отличаясь отъ цивилизованнаго человека страшно низкой степенью умственнаго развитія, дикари тѣмъ не менѣе имѣютъ не менѣе пяти-шестихъ всего количества мозга наиболѣе цивилизованныхъ расъ. Этотъ выводъ примѣнимъ въ общихъ чертахъ не только къ нынѣ живущимъ низшимъ расамъ, но также и къ доисторическому человѣку времени мамонта и пещернаго медвѣдя, изъ чего ясно слѣдуетъ, что въ головѣ этихъ дикарей заложена масса мозга, большая часть котораго, ненужная въ ихъ жизни, запасена на будущія времена для удовлетворенія потребностей, имѣющихъ значеніе только для наиболѣе цивилизованнаго человека. Съ помощью естественнаго подбора невозможно было достигнуть подобнаго результата, такъ какъ тутъ идетъ рѣчь не о чемъ-либо, непосредственно приложимомъ въ борьбѣ за существованіе, но, наоборотъ, объ измѣненіи мозга, служащемъ для первобытнаго человѣка родъ совершенно не-

нужной роскоши. Подкрѣпляя свои воззрѣнія еще нѣкоторыми подобными примѣрами (потерю волосъ на тѣлѣ, несмотря на явный ущербъ этого измѣненія и др.), Уоллесъ прямо переходитъ къ выводу, что человѣкъ произошелъ не вслѣдствіе дѣйствія естественнаго подбора, но подъ вліяніемъ совершенно особенной силы. Переходя такимъ образомъ отъ одного смѣлаго заключенія къ другому, еще болѣе смѣлому, онъ наконецъ доходитъ до идей Шопенгауера и провозглашаетъ, что всякая сила сводится на волю, и что въ сущности «весь міръ не только зависитъ отъ воли высшаго разума, но и самъ представляетъ именно эту волю».

Дарвинисты, огорченные неосновательностью конечныхъ выводовъ Уоллеса, не обратили достаточнаго вниманія на его основныя положенія о приложеніи и границахъ естественнаго подбора въ человѣческомъ родѣ, и главнымъ образомъ на его аргументы въ пользу неприменимости теоріи подбора къ объясненію нѣкоторыхъ особенностей человѣка. Такъ, Дарвинъ, упоминая о значеніи умственныхъ способностей первобытнаго человѣка, мимоходомъ замѣчаетъ, что ему непонятно, какимъ образомъ Уоллесъ могъ утверждать, что для потребностей дикаря достаточно немного большаго количества мозга, чѣмъ у обезьяны. Въмѣсто разбора теоріи Уоллеса, о сравнительномъ отличіи въ умственномъ отношеніи дикарей отъ цивилизованныхъ расъ и обезьянъ, Дарвинъ прямо отсылаетъ къ критической статьѣ Клапареда ¹⁾, въ которой и мы обратимся теперь же. Въ ней ученый авторъ сводитъ весь вопросъ на почву дедуктивной логики, исходя изъ того положенія, что человѣкъ и остальные организмы должны подчиняться однимъ и тѣмъ же общимъ законамъ образованія видовъ. Поэтому, говоритъ онъ, если мы признаемъ, что въ происхожденіи человѣка участвовалъ высшій разумъ, то то же самое мы должны признать и для всѣхъ животныхъ и растений; если же для объясненія происхожденія послѣднихъ достаточно одного естественнаго подбора, то нѣтъ ни малѣйшаго права дѣлать исключеніе для одного человѣка. Вращаясь въ сферѣ подобныхъ соображеній, Клапаредъ не достаточно серьезно относится къ основамъ воззрѣнія Уоллеса, и даже не считаетъ нужнымъ разобратить въ отдѣльности его доводы. Такъ, напр., упоминая объ его теоріи, по которой первобытный человѣкъ былъ одаренъ особенностями, лишними для его обихода, но нужными для цивилизованнаго человѣка, Клапаредъ прибавляетъ: «я удерживаюсь отъ

¹⁾ Въ Archives des sciences physiques et naturelles. 1870, стр. 160.

опроверженія этого мнѣнія, такъ какъ цѣль моя въ настоящую минуту заключается вовсе не въ апологіи дарвинизма». Не скрывается ли въ этомъ краткомъ замѣчаніи просто невозможность побороть остроумное воззрѣніе Уоллеса? Вѣдь всякому ясно, что въ приведенномъ мнѣніи именно лежитъ корень еретическихъ взглядовъ знаменитаго натуралиста-путешественника, опровергнутое которое необходимо помимо апологического отношенія къ дарвинизму. Предположеніе о слабости Клапареда подтверждается слѣдующимъ за выписанной цитатой аргументомъ, который считаю лужнымъ привести здѣсь цѣликомъ. «Въ свою очередь я спрошу, почему г. Уоллесъ не прилагаетъ того же способа разсужденія ко множеству другихъ случаевъ? Такъ, напр., большинство птицъ представляютъ, какъ извѣстно, очень сложную, снабженную большимъ количествомъ мускуловъ, гортань. Эта особенность, очевидно, находится въ тѣсной связи съ фактомъ, что всѣ пѣвчія птицы принадлежатъ къ этой группѣ. Между тѣмъ, многіе изъ птицъ, снабженные сложнымъ голосовымъ аппаратомъ, вовсе не отличаются хорошимъ пѣніемъ. Это кажущееся противорѣчіе объясняется предположеніемъ, что подобныя птицы принадлежатъ видамъ, которые нѣкогда были пѣвчими, но потомъ, вслѣдствіе той или другой причины, *потеряли привычку пѣть*». Если мы, слѣдуя этому объясненію, попробуемъ приложить его къ человѣку, то должны будемъ сказать, что излишне большой мозгъ и излишне сложная гортань первобытнаго человѣка и дикарей, неумѣющихъ ни пѣть, ни разсуждать, ни считать болѣе пяти, составляютъ у нихъ прямое наслѣдство отъ прародителей, умѣвшихъ дѣлать то и другое, и потому приобрѣвшихъ большой мозгъ и сложную гортань медленнымъ путемъ естественнаго подбора. Предположеніе это до того нелѣпо, что его не рѣшился высказать Клапаредъ, хотя оно непосредственно вытекаетъ изъ его же собственныхъ объясненій.

При настоящемъ положеніи нашихъ свѣдѣній невозможно представить научный разборъ аргументовъ Уоллеса. Связь умственного развитія съ образованіемъ мозга невыяснена еще въ самыхъ основныхъ чертахъ, также точно какъ и въ отношеніи устройства и развитія голосового аппарата многое еще неясно. Но доводы Уоллеса могутъ быть подведены къ общему принципу, разсуждать о которомъ несравненно легче, чѣмъ объ отдѣльных частностяхъ. Предположеніе, что у дикарей больше мозга, чѣмъ столько имъ нужно, и болѣе сложный голосовой аппаратъ, чѣмъ какъ-то необходимъ для ихъ рѣчи и криковъ, сводится къ болѣе общему положенію, именно къ признанію способности

организма дѣлать приобрѣтенія въ излишнемъ количествѣ. Въ этомъ принципѣ нѣтъ не только ничего нелѣпаго, но даже ничего такого, что противорѣчило бы самымъ реальнымъ и обыденнымъ представленіямъ. Тотъ фактъ, который мы ежедневно замѣчаемъ въ нашей окружающей обстановкѣ по отношенію къ экономической жизни человѣка, повторяется и въ экономіи остальной природы. Мы видимъ дѣлыя поколѣнія людей, накапливающихъ матеріальныя блага въ количествѣ, значительно превышающемъ ихъ нужды, между тѣмъ какъ первой побудительной причиной такого накопленія было именно удовлетвореніе необходимыхъ потребностей. И вотъ, переходятъ огромныя капиталы изъ поколѣнія въ поколѣніе, накапливаясь все въ большемъ и наибольшѣе излишнемъ количествѣ. Наконецъ, обладателемъ ихъ становится человѣкъ, выдающійся или особеннымъ талантомъ, или благотворительностью, и тратитъ часть накопленнаго его предшественниками богатства на путешествія, открытія, устройство больницъ и пр., т.е. утилизируетъ его въ формѣ, поощряемой естественнымъ подборомъ. Приведемъ еще другой примѣръ изъ области фактовъ, болѣе близкихъ натуралисту. Волоса на головѣ и лицѣ человѣка служатъ украшеніемъ и отчасти необходимою, и въ силу этого они были приобрѣтены путемъ того частнаго видоизмѣненія естественнаго подбора, которое Дарвинъ называлъ половымъ подборомъ. Но волосы вырастаютъ у мужчины не въ томъ количествѣ, какое нужно для цѣлей этого подбора, а въ излишнемъ. Такимъ образомъ, парикмахерское искусство есть одно изъ самыхъ древнихъ. Человѣкъ брился еще въ тѣ времена, когда онъ не умѣлъ добывать металлы и долженъ былъ употреблять для этой цѣли наточенныя края раковинъ и каменныхъ орудій. Мужчина съ нормально длинными волосами показался бы всѣмъ крайнимъ оригиналомъ или полупомѣшаннымъ; даже щеголяющіе длинными волосами музыканты и художники періодически подстригаютъ волосы. Такимъ образомъ, съ незапамятныхъ временъ у человѣка образуется излишекъ волосъ и ногтей, пропадающій безъ всякой пользы, но могущій въ скоромъ времени сдѣлаться вещь крайне полезной.

Намъ нѣтъ надобности подыскивать другіе примѣры на ту же тему. Роскошь существуетъ въ природѣ рядомъ съ нищетою, и вымираніе организмовъ отъ недостатка уживается съ накопленіемъ огромныхъ излишковъ. Такимъ образомъ, природа производитъ черезчуръ излишнее количество самцовъ у многихъ животныхъ. Пчелы и пауки, благодаря развитому у первыхъ и хищному инстинкту послѣднихъ, умѣраютъ эту роскошь, унич-

токая самцовъ въ тотъ моментъ, когда они перестали быть необходимыми, но у многихъ другихъ животныхъ самцы продолжаютъ жить, въ виду отсутствія социальныхъ и хищныхъ инстинктовъ женскаго пола. Сельскій хозяинъ поступаетъ точно такъ же, какъ пчелы и пауки; онъ оставляетъ только необходимое количество самцовъ въ своемъ хозяйствѣ, тогда какъ природа объ этомъ не позаботилась, и изъ однополовыхъ дикихъ животныхъ (уты, канарейка, цесарка и др.) онъ дѣлаетъ одомашненныхъ производителей¹⁾.

Матъ могутъ возразить, что всѣмъ этимъ фактамъ придано нецѣльное толкованіе, такъ какъ принципы естественнаго подбора не вяжутся съ произведеніемъ бесполезныхъ или отчасти даже вредныхъ излишковъ. Не вступая здѣсь въ подробное изясненіе, которое будетъ дано мною въ другомъ мѣстѣ, я долженъ однако же замѣтить, что, напротивъ, вся теорія Дарвина исходитъ изъ признанія существованія въ природѣ излишествъ. Естественный подборъ есть факторъ, опредѣляющій исходъ борьбы за существованіе, т.-е. *борьбы, возникающей вследствие чрезвычайнаго размноженія*. Еслибы организмы размножались не въ «геометрической прогрессіи», а въ менѣе излившемъ отношеніи, то не было бы борьбы, а слѣдовательно и подбора. Такимъ образомъ, Мальтусъ совѣтовалъ *умѣренность и воздержаніе*, какъ средства противъ воли усиленной борьбы за существованіе. А между тѣмъ усиленное размноженіе, являющееся въ большинствѣ случаевъ источникомъ борьбы, иногда служить могучимъ орудіемъ борьбы. Такимъ образомъ, многія паразитическія существа обезпечиваютъ существованіе вида, только благодаря своей громадной плодovitости.

Кромѣ стремленія къ усиленному размноженію, организмы вообще имѣютъ стремленіе къ излишкамъ. Такимъ образомъ, животныя наклонны къ обжорству, собранію большихъ запасовъ пищи и пр. и пр. Всѣ эти стремленія легко могутъ служить источниками борьбы и входить въ различнаго рода столкновенія съ естественнымъ подборомъ.

Изъ сказаннаго достаточно ясно вытекаетъ, что въ основаніи соображеній Уоллеса о запасахъ въ организмѣ первобытнаго человѣка лежитъ вѣрная мысль о возможности подобныхъ запасовъ. Ошибка у него заключается въ чрезвычайъ узкомъ пониманіи естественныхъ факторовъ измѣнчивости организмовъ. «Естественный подборъ», говоритъ Уоллесъ, «не могъ произ-

¹⁾ См. объ этомъ послѣднее у Дарвина. Происхожденіе человѣка, I, 308.

ор-сти органа, совершенно ненужнаго человѣку или такого, *польза*
котораго не соответствовала бы степени развитія самаго
органа». Другими словами, подборъ измѣняетъ организмъ только
 въ той степени, въ какой это необходимо для преодоленія въ
 борьбѣ за существованіе, не допуская ни малѣйшей роскоши.
 Подобное объясненіе не вяжется съ основными принципами
 естественнаго подбора, установленными Дарвиномъ и принятыми
 Уоллесомъ безъ возраженій. Естественный подборъ охраняетъ и
 собираетъ полезныя измѣненія и устраняетъ вредныя, но именно
 въ силу этого своего свойства онъ не касается безразличныхъ
 признаковъ, которые поэтому могутъ фиксироваться. На это
 послѣднее обстоятельство напиралъ особенно ботаники и глав-
 нымъ образомъ Нэгели, такъ какъ они утверждаютъ, что мно-
 жество морфологическихъ свойствъ растений является въ жизни
 ихъ подобными нейтральными, безразличными (съ точки зрѣнія
 борьбы и подбора), но тѣмъ не менѣе крайне важными для
 систематика признаками.

Итакъ, теперь совершенно ясно, въ чемъ заключалось недора-
 зумѣніе. Взваливъ на плечи естественнаго подбора устраненіе ней-
 тральныхъ признаковъ и затѣмъ, найдя подобные признаки въ отли-
 чительныхъ свойствахъ человѣка, Уоллесъ послѣдовательно пришелъ
 къ заключенію, что они произведены особенной силой, противорѣча-
 щей подбору и болѣе могучей, чѣмъ онъ. Въ данномъ случаѣ
 дѣйствительно замѣшались нейтральныя измѣненія, такъ какъ уси-
 ленное развитіе мозга и гортани, не приносящее пользы дика-
 ря, въ то же время не составляютъ вреднаго признака, а отно-
 сятся безразлично въ борьбѣ за существованіе. Это то же самое,
 что обильный запасъ жира, превышающій потребность въ немъ,
 но не доходящій до вредной стадіи отученія и жирового пере-
 рожденія, или усиленное размноженіе, но не въ геометрической
 прогрессіи, и не влекущее непосредственно за собою борьбу за
 существованіе.

Представивъ критическій очеркъ воззрѣній Уоллеса на чело-
 вѣка, мы теперь переходимъ къ антропологической теоріи Дар-
 вина, развитой съ несравненно большей подробностью и послѣ-
 довательною, хотя, можетъ быть, и съ меньшимъ остроуміемъ и
 талантливостью, чѣмъ у Уоллеса.

Въ четвертой главѣ своего сочиненія о происхожденіи чело-
 вѣка, Дарвинъ разсматриваетъ вопросъ о томъ, какимъ способомъ
 могло совершиться развитіе человѣка изъ какой-либо низшей
 формы. Сравнивая человѣка съ извѣстными нынѣ четверорукими,

онъ старается показать, что усиленное развитіе мозга и умственныхъ способностей, связанное съ приспособленіемъ переднихъ конечностей въ бросающую въ дѣль и другимъ специальнымъ отправленіемъ, а также и съ приобрѣтеніемъ вертикальнаго положенія и хожденіемъ на двухъ ногахъ, легко объяснимо путемъ естественнаго подбора. Почти всякое раздѣленіе труда между органами усиливаетъ совершенство послѣднихъ, и потому выгодно въ борьбѣ за существованіе. Специализированіе рукъ, столь зависящее отъ степени умственнаго развитія, обусловливаетъ не только перемѣну нормальнаго положенія тѣла и приспособленіе ногъ исключительно въ хожденію, но вліяетъ также и на развитіе головы. Принимая на себя роль органовъ нападенія и защиты, руки дѣлаютъ ненужнымъ то чудовищное развитіе челюстей, которое столь характеристично для обезьянъ и другихъ млекопитающихъ. Въ силу той же причины уменьшается величина клыковъ и зубы густо располагаются другъ возлѣ друга.

Но хотя главные физическіе признаки человѣка и могутъ быть безъ труда объяснены вліяніемъ естественнаго подбора, тѣмъ не менѣе анализъ на нихъ остановиться не можетъ. Во-первыхъ, при разсмотрѣніи происхожденія физической организаціи человѣка, его постоянно приходится сравнивать съ четверорукими, т.е. *дѣлать сравненіе между семействами*; одинъ же изъ основныхъ принциповъ дарвинизма заключается именно въ томъ, что подборъ работаетъ съ наибольшею силою въ несравненно меньшихъ систематическихъ сферахъ, и потому онъ всего энергичнѣе подбираетъ индивидуумы одного вида или же сосѣдніе виды одного рода. Поэтому-то, для истиннаго и полнаго подведенія происхожденія человѣка подъ законы естественнаго подбора нужно бы было дѣлать сравненіе въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, для чего однако же наука не имѣетъ никакой возможности, въ виду отсутствія промежуточныхъ формъ между человѣкомъ и высшими четверорукими. Вторая причина, почему столь глубокомысленный и добросовѣстный ученый, какъ Дарвинъ, не могъ остановиться на вышеприведенномъ объясненіи физическихъ признаковъ человѣка, заключается въ томъ, что оно обнимаетъ собою только наиболѣе крупныя черты организаціи. Такъ, напр., отсутствіе шерсти составляетъ признакъ, который не можетъ быть приписанъ вліянію естественнаго подбора, и для произведенія котораго Дарвинъ заставляетъ дѣйствовать половой подборъ.

Въ заключеніи къ четвертой главѣ Дарвинъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ свой взглядъ на способъ происхожденія человѣка изъ низшей формы: «подобно тому, какъ всѣ животныя

наклонны размножаться выше своихъ средствъ къ существованію, то же должно было быть и съ прародителями человѣка; а это неизбежно привело его къ борьбѣ за существованіе и къ естественному подбору. Этому послѣднему процессу много помогали унаслѣдованныя вліянія усиленнаго отправления частей, и оба процесса непрестанно дѣйствовали другъ на друга. Мы увидимъ, кромѣ того, далѣе, что нѣкоторые, повидимому, неважные признаки приобрѣтены человѣкомъ при помощи полового подбора. Затѣмъ *остается необъяснимый комплексъ измѣненій и, можетъ быть, большой, происхождение котораго должно быть приписано однообразному дѣйствію тѣхъ неизвѣстныхъ дѣятелей, которые случайно производятъ рѣзкія и миновенныя уклоненія въ строеніи у нашихъ домашнихъ животныхъ*» (Происх. челов., I, стр. 172).

Натолкнувшись, подобно Уоллесу, на границы естественнаго подбора, Дарвинъ однако же не перескочилъ за предѣлы физическаго міросозерцанія, но углубился въ изслѣдованіе мелкихъ особенностей и сдѣлалъ съ своей стороны все возможное, чтобы подвести человѣка подъ расширенную рамку своей теоріи происхожденія видовъ. Отъ общаго разсмотрѣнія физическихъ признаковъ, отличающихъ человѣка отъ высшихъ четверорукихъ, онъ неизбежно долженъ былъ перейти къ изученію вопроса о человѣческихъ расахъ, ихъ значеніи и происхожденіи. Въ то время, какъ Уоллесъ только чуть-чуть коснулся этого вопроса, крайне естественнаго для теоріи дарвинизма и самаго главнаго для антропологии, Дарвинъ посвятилъ ему больше половины своего сочиненія «О происхожденіи человѣка». Въ седьмой главѣ онъ съ замѣчательной объективностью разбираетъ вопросъ о вліяніи различныхъ факторовъ на расовые признаки, и въ концѣ приходитъ къ убѣжденію, «что характеристическія особенности человѣческихъ расъ не могутъ быть объяснены удовлетворительнымъ образомъ ни прямымъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, ни продолжительнымъ упражненіемъ органовъ, ни началомъ соотношенія». Къ столь же отрицательному результату онъ приходитъ и по отношенію къ естественному подбору, такъ какъ послѣдній вырабатываетъ только признаки, приносящіе непосредственную пользу организму, а «ни одно изъ внѣшнихъ различій между человѣческими расами не приноситъ имъ прямой или особой пользы» (I, 284).

«Такимъ образомъ», говоритъ Дарвинъ нѣсколько ниже, «всѣ наши попытки найти объясненіе для различій между человѣческими расами остались тщетны. Но у насъ остается еще одинъ важный дѣятель, именно *половой подборъ*, который, повидимому,

имѣлъ такое же значительное вліяніе на человѣка, какъ и на многихъ другихъ животныхъ. Я этимъ вовсе не хочу сказать, что половымъ подборомъ можно объяснить всѣ различія между расами. *Останется во всякомъ случаѣ еще порядочная доля необъясненныхъ фактовъ*, о которыхъ мы, при нашемъ незнаніи, можемъ только сказать, что такъ какъ люди рождаются постоянно, напр., съ головами нѣсколько болѣе круглыми или узкими, или съ носами болѣе или менѣе длинными, то эти мелкія различія могутъ сдѣлаться постоянными и однообразными, если неизвѣстные дѣтели, вызвавшіе ихъ, будутъ имѣть болѣе постоянное вліяніе при помощи продолжительнаго скрещиванія. *Такія видоизмѣненія, изъ недостаткомъ лучшаго имени, мы назвали самопроизвольными*.

Для выясненія, насколько и какъ именно могъ дѣйствовать половой подборъ въ человѣческомъ родѣ, Дарвинъ устанавливаетъ сначала основные принципы этого дѣтеля, затѣмъ даетъ общій обзоръ вліянія его на такъ-называемые вторичные половые признаки животныхъ, и наконецъ переходитъ къ приложенію полученныхъ результатовъ для объясненія расовыхъ признаковъ. Теорія эта имѣетъ столь существенное значеніе для антропологіи, что я считаю неизбѣжнымъ остановиться на ней нѣсколько долѣе, тѣмъ болѣе, что она еще нигдѣ не подвергалась подробному обсужденію.

Выходя изъ основнаго положенія, что человѣкъ произошелъ отъ какого-либо обезьяноподобнаго прародителя, Дарвинъ полагаетъ, что брачные нравы первобытнаго человѣка должны были походить на то, что мы въ настоящее время видимъ у четверорукихъ. Извѣстно, что нѣкоторые обезьяны живутъ попарно въ теченіе цѣлаго года, другія соединяются въ пары только на извѣстную часть года, тогда какъ третьи, въ числу которыхъ принадлежатъ горилла, ведутъ полигамическій образъ жизни. Во всѣхъ случаяхъ мы встрѣчаемъ какую-либо форму брака и не видимъ того общаго смѣшенія половъ, которое многіе авторы приписываютъ человѣку на раннихъ стадіяхъ его общественнаго развитія и которое Дарвинъ считаетъ сравнительно позднѣйшимъ приобретеніемъ. Первобытные люди, по его мнѣнію, руководились въ своихъ дѣйствіяхъ болѣе инстинктомъ, нежели умомъ, и оттого не заключали черезчуръ раннихъ браковъ, не убивали дѣтей и вообще образомъ жизни болѣе напоминали высшихъ животныхъ, нежели теперешнихъ дикарей. Оттого и половой подборъ долженъ былъ дѣйствовать съ несравненно большею силою въ первобытныя времена, нежели въ послѣдующія. При этомъ наружные от-

личительные признаки должны были играть первенствующую роль, тогда какъ отличія состоянія и общественнаго положенія, столь важныя при вступленіи въ бракъ у цивилизованныхъ народовъ, должны были отступать на задній планъ. Изъ наиболѣе выдающихся особенностей, сила мужчинъ и красота женщинъ должны были наиболѣе подлежать дѣйствію подбора въ первобытныя времена; но между тѣмъ, какъ относительно силы идеалъ всѣхъ людей приблизительно одинаковъ, въ дѣлѣ красоты понятія до чрезвычайной степени различны. Въ настоящее время извѣстно, что каждая раса и каждый народъ считаетъ наилучшими собственныя наружныя черты. Такимъ образомъ, широкое лицо, узкіе глаза, выдающіяся скулы и плоскій носъ составляютъ идеалъ красоты монгола, подобно тому, какъ ровная степь составляетъ для него идеалъ красивой мѣстности и пр.

«Предположимъ», говоритъ Дарвинъ, «что члены племени, въ которомъ существуетъ извѣстная форма брака, поселились на незанятомъ еще материкѣ. Они вскорѣ раздѣлятся на особыя кучки, отдѣленные другъ отъ друга различными естественными преградами и еще болѣе безпрестанными войнами, которыя столь обыкновенны между дикарями. Отдѣльныя группы будутъ, такимъ образомъ, подвержены вліянію нѣскольکو различныхъ жизненныхъ условій и обычаевъ, и рано или поздно сдѣлаются до нѣкоторой степени отличны другъ отъ друга. Какъ только послѣднее совершится, каждое племя составитъ себѣ нѣскольکو различное понятіе о красотѣ; затѣмъ, безсознательный подборъ начнетъ свое дѣйствіе вслѣдствіе того, что наиболѣе могущественные и сильные дикари будутъ предпочитать однихъ женщинъ другимъ. Такимъ образомъ, различія между племенами, сначала очень слабыя, будутъ постепенно и неминуемо усиливаться все болѣе и болѣе» (т. II, стр. 412). Дѣйствіе полового подбора должно значительно усиливаться еще тѣмъ обстоятельствомъ, что у человѣка не только мужчина выбираетъ женщину, но и наоборотъ, т.-е. существуетъ не односторонній, а обоюдный подборъ. Въ силу этого происходитъ сочетаніе наиболѣе сильныхъ и привлекательныхъ мужчинъ съ наиболѣе красивыми женщинами, и оттого-то поколѣнія, рождающіяся отъ подобныхъ браковъ, имѣютъ шансы пережить своихъ болѣе слабыхъ соплеменниковъ.

Въ виду взаимности подбора, а также того обстоятельства, что признаки, пріобрѣтенныя однимъ поломъ, передаются по наслѣдству другому, возникаетъ затрудненіе при опредѣленіи, кѣмъ именно пріобрѣтена данная особенность. Дарвинъ считаетъ однако же вѣроятнымъ, что отсутствіе волосъ на тѣлѣ появилось впер-

ные у женщины, въ качествѣ украшенія, а затѣмъ перешло на оба пола (т. II, 419); но въ то время, какъ женщина одновременно съ шерстью лишилась и бороды, мужчина сохранилъ послѣднюю и даже получилъ въ ней важный половой признакъ, развитый половымъ подборомъ. Кромѣ того, Дарвинъ полагаетъ, что красота и хорошій голосъ составляютъ также первоначальное приобретеніе женскаго пола.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, какъ это сдѣлалъ П. Брокъ въ своей рецензіи на теорію полового подбора, что Дарвинъ распространяетъ этотъ факторъ на человѣка, съ одной стороны, потому, что половой подборъ несомнѣнно имѣлъ вліяніе на произведеніе многихъ характерныхъ признаковъ у различныхъ животныхъ; съ другой же стороны потому, что расовые признаки человѣка не могутъ быть объяснены никакимъ инымъ путемъ. «Если мы признаемъ», разсуждаетъ онъ, «что половой подборъ лишилъ ягодницы обезьянъ шерсти и окрасилъ щеки самца мандрила, то отчего не допустить, что тотъ же дѣятель обнажилъ и человеческое тѣло отъ шерсти и окрасилъ его въ тотъ или другой цвѣтъ». Заключение въ двадцатой главѣ всего лучше показываетъ, какъ Дарвинъ смотритъ на приложеніе теоріи полового подбора къ человѣку. «Высказанному здѣсь мнѣнію о роли, которую половой подборъ игралъ въ исторіи человѣка, не достаетъ научной точности. Тотъ, кто не признаетъ этого вліянія на низшихъ животныхъ, вѣроятно оставитъ безъ вниманія все, но я сказалъ въ послѣдней главѣ о человѣкѣ. Мы не можемъ сказать съ увѣренностью, что именно тотъ, а не другой признакъ былъ видоизмѣненъ такимъ образомъ. Было однако показано, что человѣческія расы отличаются другъ отъ друга и отъ своихъ ближайшихъ родичей между низшими животными такими признаками, которые не приносятъ имъ никакой пользы въ обыкновенной жизни, и которые, весьма вѣроятно, были видоизмѣнены половымъ подборомъ. Мы видѣли, что у низшихъ дикарей члены каждаго племени восхищаются своими характеристическими признаками — формой лица и головы, шириной скулъ, выдающимися или приплюснутыми носами, цвѣтомъ кожи, длиной волосъ на головѣ, отсутствіемъ волосъ на лицѣ и тѣлѣ, или присутствіемъ большой бороды и т. д. Отсюда едва-ли возможно, чтобы эти и другіе подобные признаки не были медленно и постепенно усилены вѣдѣніемъ того, что наиболѣе сильные и способные мужчины каждаго племени, которые имѣли возможность вырастить наиболѣе число потомковъ, выбирали себѣ въ жены въ теченіе многихъ поколѣній наиболѣе типичныхъ и, слѣдовательно, наиболѣе при-

влекательныхъ для нихъ женщинъ. Я, съ своей стороны, прихожу къ заключенію, что изъ всѣхъ причинъ, которыя повели къ внѣшнимъ различіямъ между расами людей, а также до известной степени между человѣкомъ и низшими животными, половой подборъ былъ наиболѣе дѣятеленъ» (т. II, 428).

Дарвинъ до такой степени ясно высказалъ намъ, какъ онъ смотритъ и какъ должно смотрѣть на приложеніе теоріи полового подбора къ человѣку, что меня приводитъ въ величайшее изумленіе и негодованіе отношеніе критиковъ въ родѣ Бастіана ¹⁾, которые не находят ничего лучшаго, какъ отпускать пошлыя остроты по поводу усиленныхъ попытокъ великаго человѣка пролить свѣтъ въ ту область, гдѣ до сихъ поръ безгранично царствуетъ тьма кромѣшная. Бастіанъ, авторъ многотомныхъ и очень ученыхъ, но мало понятныхъ и мало научныхъ сочиненій, основываетъ всю свою аргументацію на томъ, что Дарвинъ часто покидаетъ фактическую почву и заносится въ область возможностей. Строгий критикъ не понимаетъ значенія гипотезъ, которыя не прямо вытекаютъ изъ фактовъ, но вяжутся съ ними и объясняютъ ихъ, и не считаетъ даже нужнымъ разбирать основы теоріи полового подбора. Въмѣсто того, онъ подставляетъ въ подобіи видѣ старую и давно уже опровергнутую теорію происхожденія расъ вслѣдствіе непосредственнаго вліянія окружающихъ условій. Теорія эта, по которой расовые признаки произошли вслѣдствіе вліянія климата, пищи и другихъ внѣшнихъ агентовъ, подверглась уже въ прошломъ столѣтіи научной критикѣ Палласа, пришедшаго по отношенію къ ней къ отрицательному результату. Впослѣдствіи за нее хватились снова очень многіе, и она была принята подъ покровительство такъ-называемыми моногенистами. Нѣсколько разъ она подвергалась подробному разбору и каждый разъ была разбиваема на-голову (напр. Годрономъ въ его знаменитомъ сочиненіи «О видѣ и расахъ»). Даже таковой моногенистъ, какъ Вайцъ, представившій обстоятельный и добросовѣстный разборъ теоріи, пришелъ къ убѣжденію ²⁾, что хотя цвѣтъ кожи и обуславливается климатическими отношеніями и образомъ жизни, но зависитъ также и отъ происхожденія, что въ равной степени приложимо къ цвѣту и свойствамъ волосъ. Съ давнихъ поръ всѣмъ извѣстно, что весь материкъ Америки населенъ одною расою, несмотря на всевозможныя климатическія отличія, тогда какъ тропическая Африка и тропическая же Аме

¹⁾ Zeitschrift für Ethnologie, 1871. Стр. 133—143 и 349—359.

²⁾ Anthropologie der Naturvölker. I, стр. 56.

рика населены двумя совершенно различными расами. Известно также, что наиболѣ сѣверные негры — іолофы въ то же время одни изъ наиболѣ чернокожихъ, граничатъ къ сѣверу съ блѣднокожими хамитическими народами, а къ югу — съ болѣ свѣтлокожими неграми. Несмотря на все это и на то, что въ наукѣ собрано и подведено множество аналогическихъ фактовъ (еще недавно Швейнфрутъ описалъ центрально-африканскія племена Нямъ-Нямъ и Акá, кожа которыхъ много свѣтлѣе, чѣмъ у настоящихъ негровъ), Бастіанъ рѣшается повторять ¹⁾, что цвѣтъ кожи находится въ прямой зависимости отъ климата, приводя въ свою пользу, что «португальцы на Гамбii превратились въ негровъ» (!) («Die Portugiesen am Gambia sind (nach Demaret) zu Negern geworden»). Свойство волосъ, столь характерное для многихъ расъ, онъ сводитъ на вліянія воздушнаго электричества и т. п. Очевидно, что «факты», передаваемые различными путешественниками, принимаются Бастіаномъ безъ всякой критики и ставятся не въ примѣръ выше въ научномъ отношеніи, чѣмъ самыя остроумныя гипотезы. Мнѣ самому случалось видѣть (во время переѣздовъ съ Мадеры въ Лисабонъ) живущихъ на западномъ берегу Африки и на островахъ Зеленаго мыса взрослыхъ португальцевъ и ихъ дѣтей, но ни одинъ изъ нихъ не представлялъ даже малѣйшаго подобія негритянскаго типа; я не говорю, конечно, о мулатахъ, которыхъ и мнѣ случалось видѣть не мало, но которые всѣ произошли отъ весьма частаго смѣшенія португальцевъ съ неграми.

Оставляя въ сторонѣ критиковъ въ родѣ Бастіана, я считаю нужнымъ перейти къ разсмотрѣнію теоріи полового подбора въ приложеніи ея къ человѣку, исходя изъ основныхъ принциповъ самого Дарвина.

I. Для того, чтобы половой подборъ дифференцировалъ расы, нужно, чтобы существовали у различныхъ группъ людей различныя представленія о красотѣ, и чтобы подбору не мѣшали препятствія въ видѣ общихъ половыхъ смѣшеній (Communal Mating), дѣтоубійства и преждевременныхъ браковъ. Этимъ условіямъ соотвѣтствуютъ нѣкоторые изъ нынѣ живущихъ дикарей или полу-первобытныхъ народовъ. Несмотря однакоже на то, что у нихъ существуетъ опредѣленная форма брачныхъ отношеній и отсутствуютъ раннія помолвка и дѣтоубійство, у нихъ тѣмъ не менѣе происходитъ до такой степени значительное смѣшеніе, что

¹⁾ Die Grundlage der Ethnologie in den geographischen Provinzen, в Zeitschrift für Ethnologie 1873. Тетр. VI, стр. 322.

первоначальные типы смѣняются новыми. Подкрѣпимъ это примѣрами. Несмотря на то, что негритянская и кавказская расы представляютъ намъ до крайности различные типы, между ними однакоже происходили и происходятъ многочисленныя смѣшенія. Всѣмъ извѣстно, какое большое количество мулатовъ находится въ обѣихъ Америкахъ и по берегамъ Африки, гдѣ европейское населеніе соприкасается съ негритянской расой. Но въ несравненно большей степени смѣшивается послѣдняя съ менѣе цивилизованными народами кавказской расы. Странствуя по восточной Африкѣ, «добросовѣстный путешественникъ», говоритъ Мунцингеръ, «не въ состояніи опредѣлить гдѣ начинаются настоящіе негры, и вѣра въ строгое отличіе расъ все болѣе и болѣе исчезаетъ». Эти переходы между двумя расами считаются продуктами смѣшенія между ними ¹⁾, что можно видѣть и въ настоящее время. По абиссинскому сказанію, народъ галла происходитъ отъ абиссинки и чернаго раба; неопредѣленность физическаго типа этого народа ясно указываетъ на такое смѣшанное происхожденіе. Сосѣдній съ нимъ народъ, сомали, болѣе новаго происхожденія, съ еще большей вѣроятностью считается помѣсью между галла и арабами. По ихъ собственнымъ преданіямъ, ихъ родоначальникъ Исаакъ переселился изъ южной Аравіи (Гадрамаута) и взялъ себѣ жену изъ племени галла. «Преданіе это можетъ быть объяснено только такимъ образомъ, что въ не очень давнее время магометанскіе арабы переселились въ страну, занимаемую сомали, нашли въ ней галла и произвели теперешнихъ сомали» (*Вайцъ*) ²⁾. Между тѣмъ извѣстно, что у нихъ существуетъ опредѣленная форма брака, и что у нихъ дѣвушки выходятъ замужъ начиная съ тринадцатилѣтняго возраста ³⁾ и далѣе, что у нихъ жены покупаются, но не помолвливаются въ дѣтствѣ, и наконецъ, что у нихъ не распространено дѣтоубійство. На всемъ востокѣ Африки замѣтно большее или меньшее вліяніе арабовъ на измѣненіе туземнаго типа. На западѣ Африки также происходили расовыя смѣшенія: народы, извѣстные подъ именемъ тородось, джалонки, ссисилбе, джавамбе и соромава представляютъ помѣси между неграми и фулагами, явившимися въ негритянскія страны въ качествѣ завоевателей и распространителей ислама ⁴⁾. Слѣдуетъ замѣтить, что, несмотря на частыя смѣше-

¹⁾ *Pechsel. Völkerkunde*, стр. 521.

²⁾ *Anthropologie der Naturvölker*. II, стр. 511 и слѣд.

³⁾ *Mitteilungen der Vereins für Erkunde zu Leipzig*. 1873. Стр. 25.

⁴⁾ *Müller. Allgemeine Ethnographie*, стр. 428.

ніа, сосѣдніе или живущіе вмѣстѣ народы смотрять другъ на друга съ великимъ презрѣніемъ, что всѣмъ извѣстно по отношенію къ европейцамъ и неграмъ въ Америкѣ и что приложимо въ равной мѣрѣ и къ фулагамъ и галла, презирающимъ негровъ. Отсюда можно заключить, что мотивы, побуждающіе людей къ смѣшенію расъ, несравненно сильнѣе и взаимной ненависти, и эстетическихъ идеаловъ. Поэтому неудивительно, что народы смѣшаннаго происхожденія чрезвычайно многочисленны. Къ числу послѣднихъ относятся: меланезійцы и многіе полинезійцы, произошедшіе отъ смѣси малайцевъ и папуасовъ, мадьяры—помѣсь финскихъ съ славянскими и германскими племенами, русскіе, нѣмѣцкіе турки, въ составъ которыхъ вошло много греческой, армянской, славянской и черкесской крови и пр. и пр. Нужно замѣтить, что тутъ идетъ рѣчь о смѣшеніи расъ и народовъ съ установившимися типическими фізіономіями, тогда какъ половой подборъ долженъ раздѣлять расы съ еле-еле зачинающимися расовыми признаками.

Изъ сказаннаго получается тотъ общій выводъ, что *дифференцирующее вліяніе полового подбора, насколько мы можемъ судить по нынѣшнимъ образцамъ, не въ состояніи пересилить тѣхъ инстинктовъ, которые ведутъ къ смѣшенію расъ* ¹⁾.

II. По схемѣ, предлагаемой Дарвиномъ для уясненія дѣйствія полового подбора въ человѣческомъ родѣ, на долю женской половины выпало развитіе наиболѣе изящныхъ особенностей, тогда какъ мужчины измѣнялись преимущественно въ направленіи силы, мужества, энергіи и т. п. Въ общемъ обзорѣ двадцатой главы онъ говоритъ: «мы можемъ заключить, что болѣйшій ростъ, сила, смѣлость, воинственность и даже энергія мужчины, сравнительно съ тѣми же качествами у женщины, были приобрѣтены въ первобытныя времена и усилены впоследствии преимущественно вслѣдствіе борьбы соперниковъ-мужчинъ изъ-за обладанія женщинами». (II, 426) «Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что женщины подверглись *другого рода видоизмѣненіямъ* для той же цѣли и съ помощью тѣхъ же средствъ. Такимъ образомъ, женщины приобрѣли болѣе нѣжный голосъ и стали красивѣе мужчинъ» (427). Такъ какъ, по мнѣнію Дарвина, расовые признаки суть не что иное, какъ фиксированное воплощеніе различныхъ идеаловъ красоты, и такъ какъ приобрѣтеніе послѣдней выпало по преимуществу на долю женщинъ, то отсюда ясно, что именно женщины

¹⁾ На человѣка слѣдуетъ распространить мнѣніе, высказанное Дарвиномъ въ книгѣ 316 стр. перваго тома, по отношенію къ животнымъ.

обнаружили впервые ясныя расовые признаки и потомъ уже передали ихъ дѣтямъ обоюго пола. Дарвинъ не высказываетъ нигдѣ этого положенія въ столь категорической формѣ, но оно ясно вытекаетъ и изъ предыдущихъ цитатъ, и съ еще большею силою изъ слѣдующихъ мѣстъ той же двадцатой главы. «Другіе признаки, свойственные самцамъ низшихъ животныхъ, напр. яркіе цвѣта и различныя украшенія, были приобрѣтены вслѣдствіе того, что самки оказывали предпочтеніе наиболѣе привлекательнымъ самцамъ. Существуютъ однако *исключительные случаи, въ которыхъ самцы не были выбираемы, а выбирали сами*. Мы узнаемъ такіе случаи по *большей красотѣ самокъ сравнительно съ самцами*, причемъ ихъ украшающіе признаки передавались исключительно или преимущественно женскими потомками» (II, 413). «Не подлежитъ сомнѣнію, что женщины передаютъ большинство своихъ отличительныхъ признаковъ, не исключая и красоты, потомкамъ обоихъ половъ; такъ что *постоянное предпочтеніе мужчинами каждой расы наиболѣе привлекательныхъ женщинъ, согласно съ ихъ понятіемъ о красотѣ, должно вести къ измѣненію въ томъ же направленіи обоихъ половъ, принадлежащихъ къ расѣ*» (II, 414). Исключеніе составляетъ борода, какъ расовый признакъ, приобрѣтенный мужчиною путемъ возврата и полового подбора (Тамъ же).

Необходимость такого вывода была, очевидно, вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ у члвчвѣкъ выборъ производится мужчиною, т.-е. обратно тому, что Дарвинъ считаетъ общимъ правиломъ для остальныхъ животныхъ. «Мужчина»,—говоритъ онъ (II, 413)—«физически и умственно сильнѣе женщины, и въ дикомъ состояніи онъ держитъ ее въ болѣе унижительномъ рабствѣ, чѣмъ самцы какаго-либо другого животнаго. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ *забралъ въ свои руки право выбора*. Женщины вездѣ сознаютъ цѣну своей красоты, и, если имѣютъ возможность, находятъ большее наслажденіе украшать себя различнымъ образомъ, чѣмъ мужчины. Онѣ *заимствуютъ перья у самокъ птицъ, которыхъ природа украсила такимъ образомъ, чтобы плънять самокъ*».

Мнѣніе о первенствующемъ значеніи женскаго пола, въ дѣлѣ произведенія расовыхъ отличій, находится въ противорѣчіи съ тѣмъ, что мужчина, подобно самцамъ другихъ животныхъ, представляетъ несравненно болѣшую измѣнчивость, чѣмъ женщина. Положеніе это, обобщенное самимъ Дарвиномъ (I, 314, 315), составляетъ одинъ изъ немногихъ положительныхъ результатовъ антропологіи и указываетъ на то, что въ дѣлѣ образованія расо-

выхъ или какихъ-либо другихъ второстепенныхъ отличій, мужчина долженъ былъ играть весьма видную роль. Еслибы это было не такъ, то человѣкъ и по отношенію къ измѣнчивости признаковъ долженъ бы былъ представлять исключеніе изъ общаго ряда животныхъ, подобно тому, какъ онъ составляетъ исключеніе въ дѣлѣ выбора (со стороны мужского, а не женскаго пола). Извѣстно, что женскій полъ вообще представляетъ болѣе устойчивости, или, какъ опредѣляетъ Рютимейеръ: «представители женскаго пола на различныхъ стадіяхъ индивидуальнаго развитія, также какъ и въ геологической исторіи рода, менѣе уклоняются отъ первоначальнаго типа, нежели мужскій». Если мы сопоставимъ это правило, справедливость котораго цѣликомъ признается и Дарвиномъ, съ мнѣніемъ послѣдняго о характерѣ расовыхъ признаковъ человѣка ¹⁾, то увидимъ, что теорія полового подбора въ приложеніи къ вопросу о происхожденіи расъ наталкивается на противорѣчіе, которое она не въ состояніи устранить.

III. Не найдя возможнымъ объяснить происхожденіе расовыхъ признаковъ съ помощью факторовъ, дѣйствующихъ въ настоящее время, Дарвинъ перенесъ весь процессъ въ болѣе раннюю эпоху, когда человѣкъ едва только достигъ своего человѣческаго образа. Онъ указалъ на цѣлый рядъ моментовъ, которые въ жизни нынѣшнихъ людей парализуютъ дѣйствіе полового подбора, какъ, напр., обрученіе въ дѣтствѣ, дѣтоубійство и пр. У цивилизованныхъ народовъ въ томъ же направленіи дѣйствуютъ браки, совершаемые изъ расчета или иныхъ мотивовъ, кромѣ внѣшней красоты, и пр. «Въ первобытныя времена», говоритъ Дарвинъ (II, 410), «всѣ условія для полового подбора должны были быть гораздо благопріятнѣе, чѣмъ въ позднѣйшій періодъ, когда человѣкъ подвинулся въ умственномъ развитіи, но пошелъ назадъ въ инстинктивной дѣятельности. Отсюда, какое бы вліяніе ни имѣлъ половой подборъ при образованіи различій между племенами людей и между человѣкомъ и высшими четверорукими, *это вліяніе должно было быть гораздо сильнѣе въ очень отдаленный періодъ, чѣмъ въ настоящее время*». Тутъ снова возникаетъ существенное противорѣчіе. Если половой подборъ вообще парализуется при переходѣ человѣка изъ первобытнаго въ то состояніе, на которомъ находятся нынѣ живущіе люди, то результаты его должны

¹⁾ «Человѣкъ походить на тѣ формы, которыя зоологи называютъ протееобразными или полиморфными, и которыя остались крайне измѣнчивыми, повидимому, вследствие того, что ихъ видоизмѣненія были безразличны и слѣдовательно избѣгли вліянія естественнаго подбора». (I, 284).

обнаруживаться не только по отношенію къ произведенію расовыхъ признаковъ, но и по отношенію ко вторичнымъ половымъ отличіямъ. Между тѣмъ, въ наукѣ, на основаніи многихъ и болѣею частью совершенно вѣрныхъ данныхъ, установилось убѣжденіе, что «у народовъ, стоящихъ на высокой степени развитія, вторичные половые признаки выступаютъ рѣзче» ¹⁾, чѣмъ у менѣе цивилизованныхъ. Въ меньшей мѣрѣ тотъ же результатъ обнаруживается и при сравненіи низшихъ культурныхъ слоевъ съ высшими у одного и того же народа. Такъ, напр., Ретціусъ нашелъ, что женскіе черепа высшихъ классовъ въ Швеціи обнаруживаютъ несравненно рѣзче половыя особенности, нежели черепа простыхъ крестьянокъ. Основываясь на томъ, что понятіе о красотѣ развивается только съ развитіемъ разума, П. Брока ²⁾ пришелъ къ убѣжденію, что «половой подборъ всего менѣе можетъ дѣйствовать въ жизни дикарей, но что онъ получаетъ значеніе, увеличивающееся по мѣрѣ прогрессиврованія общества».

Изъ сказаннаго ясно слѣдуетъ, что если половой подборъ не только не парализуется, но, напротивъ, усиливаетъ свое вліяніе по мѣрѣ развитія цивилизаціи, то онъ бы долженъ былъ дѣйствовать не только на обособленіе вторичныхъ половыхъ особенностей, но въ равной степени и на образованіе расовыхъ признаковъ, чего однакоже въ дѣйствительности не замѣчается.

IV. Итакъ, если мы даже признаемъ вѣрными принципы полового подбора, то тѣмъ не менѣе мы должны будемъ отказаться отъ приложенія этого дѣятеля къ объясненію расовыхъ признаковъ, въ виду всѣхъ указанныхъ противорѣчій. Но, еслибы даже со временемъ и удалось устранить послѣднія, то тѣмъ не менѣе теоріи полового подбора пришлось бы наткнуться на другое важное препятствіе, а именно на то, что многіе расовые признаки сидятъ слишкомъ глубоко въ организмѣ, и потому не могутъ подчиниться половому подбору, хотя бы послѣднему благоприятствовали всѣ окружающія обстоятельства.

Въ виду того, что большинство наиболѣе извѣстныхъ расовыхъ признаковъ запечатлѣвается на наружномъ видѣ чловѣка, легко придти къ предположенію, что въ дѣлѣ приобрѣтенія ихъ игралъ первостепенную роль произвольный выборъ. Въ пользу такого предположенія говоритъ длинный рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ объ усиленномъ вниманіи, обращаемомъ дикими наро-

¹⁾ *Peschel*, *Völkerkunde*, стр. 72.

²⁾ См. между прочимъ П. Брока. *Sur les crânes de la caverne de l'Homme mort*, въ *Revue d'Anthropologie*, 1873, стр. 35 и слѣд.

дамы на, повидимому, самыя незначительныя наружныя особенности. Кто изъ насъ заботится о формѣ головы и обращаетъ вниманіе на то, что она иногда болѣе вытягивается въ длину, въ другихъ же случаяхъ раздается въ ширину? У дикарей же слагается свой идеаль головнаго овала, и они считаютъ необходимымъ искусственно придавать своимъ дѣтямъ соответствующую форму головы. Швейнфуртъ ¹⁾ описываетъ слѣдующій случай изъ своего путешествія по центральной Африкѣ. Однажды возникло недоразумѣніе, относительно принадлежности одного мальчика къ племени динга или сосѣднему племени бонго. Для разрѣшенія вопроса одинъ изъ переводчиковъ Швейнфурта осмотрѣлъ голову ребенка и опредѣлилъ, что онъ несомнѣнно рожденъ отъ родителей бонго, такъ какъ у него голова развита въ ширину. «Наши женщины», пояснилъ переводчикъ, «соблюдаютъ обычай сдавливать голову новорожденныхъ дѣтей сверху внизъ, тогда какъ женщины динга сжимаютъ ее съ боковъ». Всѣмъ извѣстно, до какой степени первобытныя народы заботятся о причeskѣ, татуированіи и другихъ приспособленіяхъ, съ цѣлью пріобрѣтенія навѣроятно болѣе красоты. По словамъ Бекера, туземцы сѣверной Африки употребляютъ до десяти лѣтъ для окончательнаго сформированія своей куафюры; полное же татуированіе мауриса не только стоить большихъ трудовъ и времени, но даже настолько опасно, что нерѣдко влечетъ за собою смерть. Цвѣтъ кожи, черты лица, свойство волосъ—все это такіе расовые признаки, которые легко выдаются въ глаза, и потому подлежатъ тѣмъ болѣе выбору и культурѣ со стороны людей. Вотъ почему такъ легко было Дарвину придти къ убѣжденію, что они развиты путемъ полового подбора. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ съ весьма давнихъ поръ измѣнялъ породы домашнихъ животныхъ и растений, съ цѣлью удовлетворенія столь рано развивающагося вкуса къ изящному, то отчего не допустить, что онъ подвергалъ и себя тому же процессу ради той же самой цѣли? Но, какъ я упомянулъ выше, расовые признаки коренятся глубже въ природѣ человѣческаго организма. Къ ихъ числу относятся не только формы частей человѣческаго тѣла, но и пропорціональное отношеніе между ними. Такимъ образомъ, длина конечностей и головы по отношенію къ туловищу представляютъ, смотря по расамъ, нерѣдко весьма важныя отличія, замѣтныя даже и на болѣе мелкихъ органахъ. Такъ, напр., локтевая часть руки у негровъ отличается гораздо болѣе длинной по отноше-

¹⁾ Im Herzen von Afrika. Leipzig; 1874. T. I, стр. 239.

нію къ предплечію, чѣмъ у европейскихъ народовъ,—фактъ, на который многіе особенно напирали съ цѣлью указать на приближеніе негритянскаго типа къ обезьянъ. Для того, чтобы констатировать существованіе подобнаго отношенія, антропологи должны были произвести цѣлый рядъ точныхъ измѣреній, что указываетъ уже на то, что оно, несмотря на свое теоретическое значеніе, тѣмъ не менѣе далеко не бросается въ глаза подобно цвѣту кожи или характернымъ чертамъ лица. Если трудно предполагать, чтобы относительные размѣры частей тѣла могли составлять предметъ полового или какого-либо другого искусственнаго подбора, то еще труднѣе допустить это по отношенію къ болѣе скрытымъ расовымъ признакамъ. Извѣстно, что черепа отличаются не только различной длиной, шириной и высотой, т.-е. такими особенностями, которыя легко доступны поверхностному наблюденію, но и различными свойствами черепного основанія, подлежащими изслѣдованію только на препарированномъ черепѣ. Такъ, въ недавнее время Эккеръ ¹⁾ обратилъ вниманіе на большее удлиненіе основанія черепа у негровъ сравнительно съ европейцами, и на связанное съ этимъ относительное положеніе затылочной дыры и другихъ частей; въ то же время онъ указалъ на то, что этотъ признакъ обнаруживаетъ у негра большее приближеніе къ животному типу, слѣдовательно, составляетъ моментъ, который долженъ быть признанъ первостепеннымъ въ дѣлѣ приданія черепу извѣстной расовой особенности.

Другой фактъ, на который я намѣренъ сослаться, заключается въ особенностяхъ устройства таза. Съ давнихъ поръ, многіе анатомы старались доказать, что эта часть скелета отличается у различныхъ расъ, и особенно настаивали на томъ, что форма негритянскаго таза представляетъ, подобно черепу, приближеніе къ животному типу. Въ настоящее время болѣе осторожные наблюдатели нашли нужнымъ отрѣшиться отъ столь поспѣшныхъ выводовъ, но тѣмъ не менѣе они признали, что тазъ устроенъ не одинаково у всѣхъ людей, и по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ расъ представляетъ замѣтныя особенности. Такъ напр. одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей этого вопроса, Ф. Франкъ, относящійся критически къ распространеннымъ воззрѣніямъ на расовыя отличія таза, самъ указываетъ на подобныя особенности по отношенію къ наиболѣе изслѣдованному тазу малайской и негритянской расы ²⁾.

¹⁾ Ueber die verschiedene Krümmung des Schädelrohres и пр. въ Archiv für Anthropologie, 1870.. Т. IV, стр. 287.

²⁾ О внутреннихъ отличіяхъ негра отъ европейца, см. мемуаръ Прунере Бесѣды о неграхъ въ Mémoires de la Société d'Anthropologie, II.

Бурмейстеръ, знаменитый нѣмецкій натуралистъ, съ давнихъ поръ живущій въ Аргентинской республикѣ, и имѣвшій случай очень близко познакомиться съ негритянской расой, утверждаетъ, что не только черепъ и тазъ негра, но и всѣ остальные части его скелета, до самыхъ мелкихъ косточекъ, обнаруживаютъ большія или меньшія расовыя особенности.

Другой рядъ фактовъ, указывающихъ на независимость расовыхъ признаковъ отъ подбора, можетъ быть выраженъ въ общемъ положеніи, что расовыя отличія мѣняются, смотря по возрастамъ, причемъ наиболѣе рѣзкое обнаруженіе первыхъ не совпадаетъ съ періодомъ полной возмужалости. Естественно, что если половой подборъ содѣйствовалъ развитію и фиксированію расовыхъ признаковъ, то послѣдніе должны всего сильнѣе проявляться на той ступени развитія, когда человѣкъ достигъ возраста, годнаго къ вступленію въ бракъ. Извѣстно, и на это особенно ударяетъ Дарвинъ, что признаки, характеризующіе самцовъ различныхъ животныхъ, напр., красивое опереніе самцовъ многихъ птицъ, появляются около періода наступленія половой зрѣлости. Только подобное совпаденіе и дѣлаетъ мыслимымъ участіе полового подбора, и потому съ дарвиновской точки зрѣнія слѣдуетъ ожидать, что расовыя признаки у человѣка должны достигать своего наибольшаго развитія около того же періода, какъ и вторичныя половыя отличія. Факты однако же не оправдываютъ этого ожиданія. Мужественныя формы и голосъ появляются у насъ приблизительно около періода наступленія половой зрѣлости, а усы и борода, въ большинствѣ случаевъ, вырастаютъ нѣсколькими годами позже; расовыя же признаки обнаруживаются несравненно раньше: такъ, черный цвѣтъ кожи негровъ развивается по прошествіи одного года въ Суданѣ и—трехъ лѣтъ въ Египтѣ; курчавые волосы появляются у нихъ еще раньше, и пр. и пр. Еслибы кто-либо захотѣлъ объяснять подобное несовпаденіе въ развитіи признаковъ, зависящихъ отъ одной причины (полового подбора) тѣмъ обстоятельствомъ, что (по теоріи Дарвина) перечисленные вторичныя половыя признаки составляютъ результатъ непосредственной борьбы между мужчинами, тогда какъ расовыя отличія приобрѣтены женщиной путемъ подбора и потомъ переданы обоимъ поламъ, то такому лицу можно представить еще нѣсколько другихъ фактовъ. Такъ, напр., нѣкоторые признаки, характеризующіе монгольскую расу, всего рѣзче обнаруживаются въ дѣтскомъ возрастѣ и, нѣсколько сглаживаясь въ возмужаломъ періодѣ, почти совершенно исчезаютъ въ старости. Признаки эти относятся, къ тому же, къ особенностямъ лица, т.-е. къ однимъ изъ наиболѣе

бросающихся въ глаза моментовъ. Я разумѣю во-первыхъ, характерное устройство глазъ ¹⁾ и отчасти приплюснутую форму носа. Въ меньшей степени подъ эту же категорію признаковъ подходят усы и борода не только монголовъ, но и негровъ: совершенно отсутствуя въ юношескомъ возрастѣ, т.-е. въ томъ періодѣ, когда у чисто-монгольскихъ и негритянскихъ народовъ заключается наибольшее количество браковъ, усы и борода вырастаютъ у нихъ значительно позже, въ такое время, когда половой подборъ уже теряетъ свою почву.

Сводя теперь все сказанное, легко придти къ заключенію, что теорія полового подбора, въ томъ видѣ, какъ она была установлена Дарвиномъ, не можетъ служить путеводной руководительницей при разрѣшеніи главныхъ вопросовъ антропологии. Она наталкиваетъ насъ на цѣлый рядъ болѣе или менѣе запутанныхъ противорѣчій и не даетъ ключа къ объясненію наиболѣе глубокихъ расовыхъ отличій. Этимъ я ничуть не хочу сказать, чтобы половой подборъ не игралъ ни малѣйшей роли въ антропологическомъ развитіи человѣка, но я полагаю, что вліяніе его довольно ограничено, тогда какъ сфера «необъясненныхъ фактовъ», на которые указываетъ Дарвинъ въ концѣ седьмой главы, напротивъ, весьма значительна.

III.

Борьба за существованіе и подборъ въ человѣческомъ родѣ.—Способъ дѣйствія естественнаго подбора.—Отношеніе его къ морфологическимъ измѣненіямъ.—Роль естественнаго подбора въ смыслѣ образователя видовъ должна быть ограничена.

Въ предыдущей главѣ я, по возможности, рассмотрѣлъ попытки Дарвина къ разъясненію главнѣйшихъ антропологическихъ вопросовъ съ точки зрѣнія новой теоріи, и рѣшительный шагъ Уоллеса къ выходу изъ представлявшихся ему затрудненій. Изъ сказаннаго ясно вытекаетъ, что, несмотря на то, что за дѣло принялись двое изъ величайшихъ натуралистовъ нашего столѣтія, они достигли сравнительно очень небольшихъ результатовъ. Ни естественный подборъ, въ обширномъ смыслѣ слова, ни частная форма его въ видѣ полового подбора, не разрѣшили главнаго

¹⁾ См. Zeitschrift für Ethnologie 1874 г. Terp. III.

вопроса о происхожденіи расъ, и только въ самыхъ общихъ чертахъ освѣтили проблему о происхожденіи человѣка. Отсюда естественно вытекаетъ запросъ, въ чемъ именно лежитъ причина подобной неудачи.

Вспомнимъ основные принципы дарвинизма, изъ которыхъ логически вытекаетъ превращеніе видовъ. 1) Всѣ организмы производятъ потомство въ большемъ количествѣ, чѣмъ сколько можетъ просуществовать; 2) отсюда возникаетъ борьба между столь сильно размножившимися живыми существами, въ которой побеждаютъ наиболѣе сильные, т.-е. наиболѣе приспособленные къ вѣшной обстановкѣ. 3) Такимъ образомъ совершается подборъ мелкихъ индивидуальныхъ отличій, приносящихъ какую-либо пользу въ борьбѣ, и вымираніе организмовъ, лишенныхъ этихъ выгодныхъ отличій. 4) Вслѣдствіе этого послѣдніе выступаютъ, такъ сказать, на первый планъ и, фиксируясь посредствомъ наслѣдственности, образуютъ новый видъ или разновидность. Посмотримъ теперь, насколько приложимы эти принципы въ жизни человѣческаго рода. Усиленное размноженіе организмовъ, какъ принципъ, влекущій за собою борьбу, заимствованъ Дарвиномъ у Мальтуса, высказавшаго свою теорію именно по отношенію къ человѣку. Дарвинъ самъ нѣсколько разъ указываетъ на то, что его теорія борьбы «есть ученіе Мальтуса, приложенное ко всему животному и растительному царству», и даже употребляетъ нерѣдко рельефное, но невѣрное выраженіе о размноженіи въ «геометрической прогрессіи». «Борьба за существованіе» въ человѣческомъ родѣ совершается на всевозможные лады, какъ между индивидуумами одного и того же племени или расы, такъ и между представителями различныхъ расъ. Намъ нѣтъ надобности распространяться здѣсь объ этомъ предметѣ, но для преслѣдуемой нами цѣли необходимо взглянуть нѣсколько ближе на борьбу между расами и на главнѣйшіе результаты ея. Въ общей части своего учебника, Ф. Мюллеръ ¹⁾ говоритъ слѣдующее 1): «по всѣмъ даннымъ можно думать, что три, численно могущественнѣйшія, расы: монгольская или верхнеазиатская, средиземная и раса африканскихъ негровъ имѣютъ наиболѣе шансовъ выдти побѣдителями изъ особенно сильно вспыхнувшей въ настоящее время борьбы за существованіе». Хотя никому не придетъ въ голову искать здѣсь связи между успѣхомъ въ борьбѣ и тѣми расовыми особенностями, которыя всѣмъ извѣстны и которыя служатъ отличительными признаками расъ, какъ, напр., черный

цвѣтъ кожи негровъ и ихъ курчавые волосы, плоское лицо и прямые волосы монголовъ и т. п., тѣмъ не менѣе я долженъ показать, что и въ самыхъ общихъ чертахъ естественный подборъ не связанъ съ какими-либо изъ другихъ морфологическихъ особенностей расъ. Въ каждой расѣ есть народы, вымирающіе и переживающіе. Въ средѣ монгольской расы вымираютъ нѣкоторые чисто монгольскіе народы: самоѣды, остяки и другія мелкія племена, служащія наиболѣе характерными представителями расы; китаецъ же, японцы, якуты и др. не только не вымираютъ сами, но обуславливаютъ вымирание другихъ народовъ. Уже изъ одного этого сопоставленія очевидно, что расовый моментъ въ дѣлѣ вымирания имѣетъ неизмѣримо меньшее значеніе, чѣмъ этнический, напр., различная степень «цивилизаціи». И между американскими туземцами есть народы весьма прочные, такъ, напр., индіанскія племена центральной и части южной Америки не только не вымираютъ отъ вліянія европейцевъ, но вытѣсняють послѣднихъ, обнаруживая значительную энергію и умственные способности. Извѣстна также живучесть и прочность нѣкоторыхъ народовъ малайской расы (напр., яванцевъ), которые чрезвычайно размножились съ того времени, какъ они пришли въ прикосновеніе съ европейцами, и пр. Съ другой стороны, многіе народы кавказской расы уже исчезли съ лица земли, другіе же находятся въ процессѣ вымирания. Еще въ сравнительно очень недавнее время исчезли гуанчи, хамитическій народъ, который многіе считаютъ отчасти сроднымъ съ басками. Эти послѣдніе, бывши нѣкогда весьма распространенными въ Европѣ, сохранились только въ Пиренеяхъ; но и тамъ они врядъ ли долго продержатся, въ виду безконечнаго карлистскаго возстанія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ дѣлѣ вымирания и переживания народовъ первую роль играютъ чисто этническія особенности, т.-е. характеръ народа, различные обычаи (дѣтоубійство, людоедство, кровная месть и пр.), степень цивилизаціи и т. п., въ которыхъ присоединяются и фізіологическія причины, какъ, напр., большая или меньшая плодовитость. Въ предѣлахъ одной и той же расы уживаются однакоже самыя рѣзкія этническія противоположности. Такимъ образомъ, мы видимъ монголовъ рядомъ съ китаецами, черкесовъ рядомъ съ евреями, арабовъ съ берберами и пр. и пр. Ясно поэтому, что естественный подборъ, распредѣляющій человѣчество на побѣдителей и побѣжденныхъ въ борьбѣ за существованіе, руководствуется при этомъ не выдающимися въ глаза форменными особенностями расы, а болѣе глубоко лежащими этническими и отчасти фізіологическими свойствами.

Итакъ, въ человѣческомъ родѣ совершается и усиленное размноженіе, и борьба за существованіе, и подборъ, влекущій за собою переживаніе болѣе приспособленныхъ, и вымираніе менѣе приспособленныхъ. Что касается богатства индивидуальных особенностей, то въ этомъ отношеніи человѣкъ не только не отстаетъ отъ прочихъ животныхъ, но, напротивъ, идетъ впереди ихъ. Слѣдовательно, существуютъ всѣ данныя для того, чтобы происходило измѣненіе всегда путемъ естественнаго подбора по дарвиновской схемѣ, а между тѣмъ мы ничего подобнаго не замѣчаемъ¹⁾. Съ другой стороны, мы видимъ цѣлый рядъ разновидностей, или расъ, на которыя распался видъ *Homo sapiens*, но происхожденія ихъ разгадать не можемъ ни съ помощью естественнаго, ни съ помощью полового подбора.

Для того, чтобы понять смыслъ этого несоотвѣтствія, намъ необходимо обратиться къ другимъ организмамъ. Развивая свою теорію борьбы за существованіе, Дарвинъ доказываетъ, что эта борьба всего сильнѣе между наиболѣе близкими по организаціи существами, т.-е. между индивидуумами и разновидностями одного вида и между сосѣдними видами одного рода. Въ пользу этого положенія онъ приводитъ слѣдующіе примѣры. Въ части Сѣверо-Американскихъ Штатовъ одинъ видъ ласточки вытѣснилъ другой; въ нѣкоторыхъ частяхъ Шотландіи одинъ видъ дрозда (*Turdus viscivorus*), размножившись очень сильно, обусловилъ уменьшеніе численности другого вида (*T. musicus*); рыжая крыса повсемѣстно вытѣснила черную; въ Россіи одинъ видъ таракана изгналъ своего болѣе крупнаго родича; введенная въ Австралію европейская пчела быстро истребляетъ туземный маленькій видъ пчелы, неимѣющей жала; и наконецъ еще фактъ, вытѣсненія одного вида горчицы другимъ. «Мы можемъ смутно познать», прибавляетъ Дарвинъ, «почему конкуренція всего сильнѣе между наиболѣе сродными формами, занимающими почти одинаковое мѣсто въ хозяйствѣ природы; но вѣроятно мы ни въ одномъ случаѣ не въ состояніи будемъ точнѣе указать на то, какимъ именно образомъ одинъ видъ побѣдилъ другой въ жестокой борьбѣ за существованіе». Въ данномъ случаѣ для насъ чрезвычайно важно знать, находится ли выгодное положеніе въ борьбѣ однихъ въ перечисленныхъ видахъ въ тѣсной связи съ ихъ видовыми признаками, или нѣтъ. Если, какъ говоритъ теорія, видовыя от-

¹⁾ И Уоллесъ, и Дарвинъ сами признали, что естественный подборъ дѣйствуетъ на умственные и нравственные качества человѣка, но ни одинъ изъ нихъ не былъ въ состояніи доказать того же относительно физическихъ признаковъ расъ.

личія сдѣлались таковыми именно вслѣдствіе пользы, приносимой ими въ борьбѣ за существованіе, то естественно заключить отсюда, что въ тѣхъ случаяхъ, когда на нашихъ глазахъ одинъ видъ побѣждаетъ и вытѣсняетъ другой, сосѣдній, такая побѣда совершается благодаря присутствію особенно полезныхъ видовыхъ признаковъ. Чѣмъ же отличаются перечисленные Дарвиномъ виды побѣдители отъ ихъ побѣжденныхъ родичей? Европейская пчела отличается отъ австраійской (принадлежащей собственно къ другому роду — *Melipona*) присутствіемъ жала и большей величиной, т.-е. такими признаками, значеніе которыхъ въ борьбѣ за существованіе не можетъ подлежать сомнѣнію. Иное мы видимъ въ другихъ случаяхъ. Такъ, дроздъ-дѣряба, побѣдитель, отличается, вообще говоря, столь ничтожными признаками отъ пѣвчаго дрозда, побѣжденного, что ихъ съ перваго взгляда трудно отличить. Оба они окрашены почти одинаково, но у перваго нижнія кроющія перья черновато-сѣрыя, у втораго они ржавчиннаго цвѣта: у перваго двѣ поперечныя полосы на крыльяхъ нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ у втораго и т. п. Извѣстно, что окраска животныхъ вообще, а птицъ въ особенности, даетъ признаки, нерѣдко крайне-важные въ борьбѣ за существованіе: зеленый цвѣтъ очень полезенъ животнымъ, живущимъ на зеленыхъ частяхъ растений, сѣрый же выгоденъ такимъ, которые находятся на сухихъ частяхъ деревьевъ или на опавшихъ листьяхъ. Какъ ни легко согласиться съ этимъ мнѣніемъ, тѣмъ не менѣе невозможно допустить, чтобы мельчайшія измѣненія въ краскѣ, въ родѣ тѣхъ, которые отличаются два названные вида дроздовъ, могли играть какую-либо роль въ борьбѣ. То же нужно сказать относительно таракановъ. Большая длина крыльевъ, болѣе свѣтлая окраска и присутствіе двухъ темныхъ полосокъ на предгруднѣ и т. п.: мелкіе отличительные признаки также точно не могутъ объяснить намъ, почему прусаки вытѣсняютъ чернаго таракана, какъ не объясняютъ прямые волосы, мѣдисто-буроватый цвѣтъ кожи, приплюснутый носъ и пр. признаки малайца его перевѣса въ борьбѣ за существованіе надъ курчаво-волосымъ, чернокожимъ и орлино-носимъ папуасомъ. Во всей зоологіи не существуетъ болѣе рѣзкаго примѣра вытѣсненія одного вида другимъ, какъ у крысъ. Нынѣшняя рыжая крыса, или такъ-наз., пасюкъ, переселилась въ Европу только въ первой трети прошлаго столѣтія; въ Америку она попала только въ 1775 году; несмотря на это, она успѣла распространиться почти по всему земному шару, всюду вытѣсняя своего болѣе слабого предшественника—черную крысу, которая сама появилась въ Европѣ не ранѣе среднихъ вѣковъ. Вотъ

отличительные признаки обоих видовъ: «*Пасюкъ*. *Mus decumanus*. Тѣло вытянутое. Ухо, будучи приложено къ головѣ, не достаетъ до глаза. Буровато-сѣрая, снизу бѣлая, длина $8\frac{3}{4}$ ", хвостъ 7". *Крыса*. *Mus rattus*. Ухо, приложенное къ головѣ, покрываетъ глазъ, хвостъ длиннѣе тѣла. Сверху буровато-черная, съ зеленоватымъ металлическимъ отливомъ, снизу немного болѣе сѣвато-чернаго цвѣта. Длина 6", хвостъ $7\frac{1}{4}$ ". Изъ всѣхъ этихъ признаковъ въ борьбѣ имѣетъ значеніе только одинъ, наименѣе важный въ зоологическомъ отношеніи, именно величина. Меньшая длина ушей у пасюка очевидно не составляетъ для него неудобства, такъ какъ она не помѣшала ему всюду отгнѣснить черпую крысу. Такіе же признаки, какъ нѣсколько меньшая длина хвоста, состоящаго изъ 210 колець (а не 250—260, какъ у черной крысы), или же шероховатость нѣбныхъ складокъ, очевидно, не могла придать пасюку никакого перевѣса надъ его соперникомъ, тогда какъ болѣе большая способность переносить избытокъ воды, болѣе наглость и живучесть должны были играть въ этомъ отношеніи огромную роль.

Приведенные примѣры отчасти указываютъ намъ на сущность всего дѣла, т.-е. на тотъ выводъ, что въ борьбѣ за существованіе имѣютъ наибольшее значеніе не мелкіе морфологическіе признаки, отличающіе виды, но физиологическія качества, въ родѣ болѣе высокой плодовитости, силы, выносливости и т. п. Нерѣдко морфологическія отличія совпадаютъ съ физиологическими, но это совпаденіе не составляетъ внутренней необходимости, въ слѣдствіе чего съ зоологической точки очень близкіе между собою виды могутъ представлять весьма различную степень силы въ борьбѣ за существованіе. Какъ ни мало извѣстна производительность различныхъ животныхъ по отношенію къ размноженію, тѣмъ не менѣе мы уже теперь можемъ сказать, что очень близко стоящіе въ системѣ виды могутъ производить весьма различное количество матеріала на образованіе новаго поколѣнія. Такъ, напр., стрепъ-перепелятникъ владетъ, въ видѣ яицъ, количество матеріала, составляющее 13 процентовъ его собственнаго вѣса, а родичъ его — обыкновенный сарычъ (*Buteo vulgaris*) — отдаетъ 23,5% для образованія новаго поколѣнія. Изъ двухъ, близко стоящихъ въ системѣ рыбъ, одна *Cyprinus jesus* — производитъ 26%, а *C. ballerus* — 36%¹⁾.

Съ указанной точки зрѣнія объясняются также нѣкоторыя порны

¹⁾ См. Лейкартъ. Глава Zeugung изъ R. Wagner. Handwörterbuch der *Physiologie*, T. IV, стр. 717 и 788.

изъ фактовъ, на которые натолкнулся самъ Дарвинъ. Такъ, стараясь установить понятіе о степени совершенства формъ, онъ между прочимъ есылается на то, что животныя и растенія Великобританіи, будучи перевезены въ Новую Зеландію, вытѣснили большее количество туземныхъ видовъ, тогда какъ еще никто не замѣчалъ обратнаго отношенія, т.-е., чтобы новозеландскіе организмы распространились въ Европѣ насчетъ мѣстныхъ европейскихъ видовъ. «Съ этой точки зрѣнія», замѣчаетъ Дарвинъ, «можно сказать, что продукты Великобританіи стоятъ значительно выше на лѣстницѣ живыхъ существъ, чѣмъ туземные организмы Новой Зеландіи. *Этого результата однакоже не могъ бы предсказать самый опытный натуралистъ, несмотря на самое тщательное изслѣдованіе видовъ обѣихъ странъ*». Другими словами, сила и совершенство въ борьбѣ за существованіе между видами отнюдь не совпадаютъ съ тѣми морфологическими признаками, при помощи которыхъ натуралистъ различаетъ и классифицируетъ самыя виды. Правило это, которое мы вывели изъ разсмотрѣнія отличій между человѣческими расами и близкими между собою животными, служащими нагляднымъ примѣромъ борьбы за существованіе и подбора, имѣетъ большое приложеніе въ классификаціи организмовъ. Какъ ни трудно, когда идетъ рѣчь о какомъ-нибудь животномъ или растеніи, высказаться о пользѣ или безполезности даннаго видового отличія, тѣмъ не менѣе, стоя на почвѣ, установленной при помощи антропологическихъ данныхъ, мы можемъ съ вѣроятностью дѣлать нѣкоторыя заключенія. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Классъ губокъ заключаетъ въ себѣ большое количество очень просто организованныхъ формъ, живущихъ почти исключительно на днѣ моря. Появившись еще въ палеозойскую эпоху, животныя эти принадлежатъ къ числу весьма распространенныхъ въ современныхъ моряхъ и представляютъ, слѣдовательно, одинъ изъ весьма живучихъ классовъ. Въ послѣднее время онъ подвергся подробному изслѣдованію, причемъ оказалось, что не только виды, но и роды должны распознаваться не иначе, какъ съ помощью микроскопическаго изученія мельчайшихъ иглочекъ, составляющихъ скелетъ большинства губокъ. Такъ, напр., родъ *Suberites* характеризуется присутствіемъ однихъ булавовидныхъ иглочекъ, а у рода *Esperia* къ нимъ присоединяются еще особыя крючковидныя иглы. У *Reniera* иглы веретенообразныя. Еще болѣе мелочные признаки служатъ для отличія родовъ. Такъ, напр., у *Ascetta primordialis* трехконечныя иглы своего бока заостряются, а у *As. coriacea* онѣ слегка притуплены. Сама *Ascandra pinus* палочкообразныя иглы въ 4—6 разъ

длиннѣе, чѣмъ колѣно трехконечныхъ иглъ, и основной лучъ послѣднихъ длиннѣе боковыхъ, а у *Ascardia variabilis* палочкообразныя иглы только въ 2—3 разъ длиннѣе колѣна трехконечныхъ иглъ, основной лучъ которыхъ короче боковыхъ и т. п. Какое же могутъ имѣть значеніе подобныя микроскопическія отличія для жизни и борьбы за существованіе болѣе или менѣе крупныхъ организмовъ, наружная форма которыхъ до того измѣнчива, что на основаніи ея не можетъ быть построена никакая классификація? Очевидно, что здѣсь мы также точно, какъ и въ расовыхъ признакахъ человѣка или же въ видовыхъ отличіяхъ бураго и рыжаго таракана, имѣемъ дѣло съ нейтральными, т. е. безразличными въ борьбѣ за существованіе, но тѣмъ не менѣе крайне важными въ морфологическомъ отношеніи признаками, независимыми отъ естественнаго подбора, но лежащими въ основаніе видовой классификаціи губокъ. Возьмемъ еще другой примѣръ изъ области низшихъ животныхъ. Въ семействѣ инфузорій, называемомъ *Рагатаесіа*, находится нѣсколько родовъ. Изъ нихъ родъ *Рагатаесіумъ* отличается сильно углубленнымъ предротовымъ краемъ, скошеннымъ эллиптическимъ ртомъ и короткими волосами въ глоткѣ; сосѣдній же родъ *Colpoda* отличается ртомъ, лежащимъ въ углубленіи, на нижнемъ краѣ котораго сидитъ пучокъ длинныхъ рѣсничекъ. Весьма вѣроятно, что эти удлинненныя рѣснички лучше привлекаютъ пищу ко рту, нежели короткія рѣснички у *Рагатаесіумъ*; но до чего ничтожно въ точки зрѣнія борьбы за существованіе) это отличіе сравнительно съ отсутствующей у *Рагатаесіумъ* способностью *Colpoda* раковинковаться при высыханіи и наступленіи другихъ неблагоприятныхъ условій! Эта способность даетъ въ результатѣ то, что *Colpoda* можетъ водиться въ настояхъ и принадлежать къ числу необыкновеннѣйшихъ инфузорій, тогда какъ *Рагатаесіумъ*, лишенная способности переносить засуху, живетъ только въ пересыхающихъ лужахъ. Я указываю здѣсь на низшіе организмы съ тою цѣлью, чтобы еще крѣпче установить положеніе о немотивированности между видовыми (и отчасти родовыми) морфологическими признаками и физиологической способностью одолаживать борьбу за существованіе. Еслибы я хотѣлъ развивать его подробнѣе, то мнѣ бы пришлось перебирать всѣ простѣйшіе организмы, указывать на ничтожное во взаимной конкуренціи значеніе ихъ видовыхъ признаковъ (детальныя отличія раковинокъ, иглъ и другихъ скелетныхъ образований) и на присутствіе у нихъ столь сильныхъ въ этой борьбѣ орудій, какъ громадная плодовитость и изумительная живучесть и выносли-

вость. Благодаря послѣднимъ качествамъ, этимъ низшимъ существамъ удалось распространиться по всѣмъ поясамъ и климатамъ земного шара, и сохраниться отъ древнѣйшихъ періодовъ существованія организмовъ на землѣ вплоть до настоящаго времени.

Нэгели, одинъ самыхъ замѣчательныхъ послѣдователей ученія о преемственности водовъ и критиковъ дарвинизма, уже давно замѣтилъ ¹⁾, «что *полезныя приспособленія*, приводимыя Дарвиномъ относительно животныхъ и которыхъ огромное количество можно привести по отношенію къ растеніямъ, *составляютъ качества исключительно физиологическаго свойства*, и свидѣлствуютъ о развитіи или преобразованіи органа для какого-либо особеннаго отправления. Мнѣ неизвѣстно въ растительномъ царствѣ ни одного морфологическаго измѣненія, объяснимаго съ помощью теоріи полезности (т.-е. естественнаго подбора); и я даже не могу понять, какимъ образомъ такія измѣненія могли бы происходить, такъ какъ общіе морфологическіе процессы до тонка индифферентны по отношенію къ физиологическому отпращиванію». Здѣсь Нэгели имѣлъ въ виду опредѣленное распредѣленіе кѣлокъ и органовъ, свойственное многимъ растеніямъ, какъ, напримѣръ, спиральное расположеніе листьевъ, которое не имѣетъ никакого значенія въ борьбѣ за существованіе и потому не подлежитъ дѣйствію естественнаго подбора. Въ этомъ же смыслѣ поняли и замѣчаніе Вейсмана и Дарвинъ. Первый изъ названныхъ ученыхъ старается доказать ²⁾, что измѣненія, претерпѣваемые организмомъ въ силу естественнаго подбора, должны совершаться въ извѣстныхъ предѣлахъ, полагаемыхъ самою природою организма, т.-е. химическимъ и физическимъ сложеніемъ его тѣла. На этомъ основаніи онъ говоритъ, «что виды составляютъ продуктъ естественнаго подбора и качества измѣняемости прародителей». Дарвинъ соглашается въ существенныхъ чертахъ съ этой интерпретаціей, и во всякомъ случаѣ признаетъ, что подъ вліяніемъ нѣсколькихъ причинъ могли сложиться общіе признаки сдѣлавшіеся крайне прочными, несмотря на свою бесполезность (съ точки зрѣнія борьбы) или ничтожность приносимой имъ пользы. Такимъ образомъ, онъ полагаетъ, что волоса, перья и щетки имѣютъ совершенно одинаковое значеніе въ организмѣ, и что, поэтому, естественный подборъ можетъ безразлично брать любой изъ нихъ; между тѣмъ мы знаемъ, что они составляютъ весьма важный систематическій признакъ: имѣй утокъ не во

¹⁾ Entstehung und Begriff des naturhistorischen. Art. 1865, стр. 26.

²⁾ Weismann. Ueber die Berechtigung der Darwin'schen Theorie. 1868, стр. 27.

юса, а перья, онъ бы навѣрно былъ отнесенъ не къ млекопитающимъ, а къ классу птицъ. Въ подобныхъ случаяхъ, по мнѣнію Дарвина, все дѣло сводится именно къ «качествамъ измѣняемости» прародителей, въ наслѣдство отъ которыхъ были получены прочныя признаки всякаго рода и, между прочими, безразличныя или мало-полезныя. Мы не станемъ здѣсь подробнѣе разбирать этой теоріи, такъ какъ для насъ она важна только въ томъ отношеніи, чтобы показать, что не только мелкіе видовые или родовые признаки, но и крупныя отличительныя свойства дѣльных большихъ группъ могутъ фиксироваться помимо естественнаго подбора.

Итакъ, мало по-малу всѣ ученые, между прочимъ и самъ Дарвинъ, пришли къ тому убѣжденію, что естественный подборъ не составляетъ исключительнаго дѣателя, измѣняющаго виды и объясняющаго ихъ происхожденіе. Вопросъ заключается теперь въ томъ, какую сферу можно отнести ему въ этомъ отношеніи, и насколько сильны другіе факторы въ смыслѣ производителей видовъ. Весь предыдущій очеркъ можетъ отчасти служить отвѣтомъ на этотъ вопросъ, такъ какъ въ немъ было показано, что по отношенію къ человѣку и низшимъ организмамъ (взяты были оба полюса животнаго міра) естественный подборъ, не будучи въ силахъ произвести мелкихъ морфологическихъ особенностей, отступаетъ на задній планъ въ дѣлѣ произведенія видовыхъ признаковъ.

Ил. Мечниковъ.

ПРИЗНАНІЯ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОТЦОВЪ

Théophile Gautier: 1) Portraits contemporains. Paris, 2-ième édition, Charpentier et Cie, 1874; 2) Histoire du romantisme etc. deuxième édition, 1874.
Champfleury. Souvenirs et portraits de jeunesse. Paris, E. Dentu. 1872.

„Le gout, le style, la langue, la critique et les mœurs, tout est dépravé. Ce n'est ni l'empire, ni Louis-Philippe qui nous ont faits ce que nous sommes: c'est le romantisme épicurien, idealiste, immoral“.

P. J. Proudhon.

I.

Французскія книжки—обманчивы. Ни въ какой книжной торговлѣ не найдете такого легкаго отношенія къ публикѣ, какъ въ парижской. Составить книжку—«faire un livre»—значить въ большинствѣ случаевъ, собрать, безъ всякой обработки, свои статьи за нѣсколько лѣтъ и перепечатать ихъ. Изъ трехъ книгъ, избранныхъ нами для настоящаго этюда, одна, напр., «Исторія романтизма», есть не что иное, какъ посмертный сборникъ фельетонныхъ очерковъ и замѣтокъ, писанныхъ Теофиломъ Готье «au courant de la plume». Правда, онъ пожелалъ, незадолго до смерти, набросать картину французскаго романтизма въ видѣ личныхъ воспоминаній, поставилъ заглавіе и расположилъ въ порядкѣ нѣсколько главовъ;—но все это также похоже на «Историю», какъ самые фельетоны, изъ которыхъ она составлена, похожи

на серьёзные научныя изслѣдованія. И другая посмертная книжка «Современные портреты» — тотъ же продуктъ парижской промышленности. Она состоитъ изъ еще менѣе обработаннаго сбора фельетонныхъ статей. Третья книжка принадлежитъ тому же роду изданій, хотя и не заключаетъ въ себѣ столько; она гораздо отдѣланнѣе и богаче колоритомъ и деталями. Но авторъ ея, извѣстный романистъ Шанфлёръ, живъ и долженъ былъ все-таки построже отнестись къ тому, что онъ нашелъ интереснаго, изъ своихъ писательскихъ воспоминаній, для сообщенія публикѣ.

Такие книжно-литературныя нравы, конечно, не особенно пригодны для серьёзныхъ читателей; но въ общей массѣ умственныхъ товаровъ книжки въ родѣ выбранныхъ нами — не пропадаютъ зря. Въ частности, онѣ могутъ быть болѣе или менѣе пусты, поверхностны; въ совокупности же пополняютъ живой матеріалъ для характеристики различныхъ эпохъ литературнаго и общественнаго движенія. Возьмете вы въ руки хоть одну изъ посмертныхъ книжекъ Готье, пробѣжите ее, и вамъ, разумѣется, будетъ досадно, что вы вмѣсто сочныхъ, полныхъ, фактическихъ эпизодовъ должны будете удовольствоваться «пустячками». Но просмотрите еще разъ этотъ длинный рядъ именъ, вспомните, что каждое изъ нихъ представляетъ собою, какую роль играло, когда появилось, блистало и сошло съ арены, выберите все, что есть въ этомъ сборникѣ фельетоновъ, искреннихъ словъ, острыхъ замѣчаній, настроеній минуты, анекдотическихъ деталей — и цѣлая эпоха пройдетъ еще разъ передъ вами, эпоха шумная, горячая, необычайно богатая талантами и *смыслами* всякаго рода... И гдѣ не любятъ терять зря даже фельетонныя наброски, въ той литературѣ и прессѣ непременно найдется и другая сторона книжно-литературныхъ нравовъ: старательное собраніе фактовъ, объективная работа біографовъ, критиковъ и портретистовъ. Поэтому-то о величайшихъ крупныхъ французскихъ дѣятелей и возможно говорить не голословно, не въ угоду того или иного направленія; а именно такъ, какъ въ научныхъ монографіяхъ опредѣляется совокупность свойствъ извѣстной особи... Матеріалъ уже весь припасенъ во всѣхъ смыслахъ, благодаря любознательности, живости ума, энергій собирателей. Во французской же критикѣ началась и новая, болѣе объективная обработка репутаціи, въ разныхъ сферахъ мысли и искусства, обработка, въ которой жизнь и личныя свойства человѣка приведены въ тѣснѣйшую связь съ его творчествомъ или дѣломъ. Французъ Тэнъ всего ярче намѣтилъ этотъ плодотворный методъ критическаго изслѣдованія, совсѣмъ

почти не примѣняемый у насъ относительно современныхъ дѣателей литературы и искусства... И въ чемъ же, какъ не въ этомъ, такъ сказать, «біографическомъ» методѣ, искать спасенія отъ бездоказательныхъ, апріорическихъ приговоровъ, которыми полна наша литература рецензій, приговоровъ, ни мало не вытекающихъ изъ всей работы *a posteriori*, показывающей и автора, и произведеніе въ ихъ жизненномъ развитіи роковой необходимости?..

Въ легкихъ-ли сборникахъ замѣтокъ, или въ солидныхъ и кропотливыхъ сборникахъ матеріаловъ, мы находимъ, у французовъ вездѣ одну преобладающую чергу: хвалебный тонъ, идущій отъ простыхъ симпатичныхъ нотъ до восторженныхъ и приторныхъ похвалъ. Объ умершихъ дѣателяхъ иначе и не говорятъ, какъ хвалебно. Исключеніе составляютъ памфлеты такихъ личностей, какъ, напр., извѣстный пасквильантъ Миркуръ, или не менѣе извѣстный Велло, редакторъ газеты *Univers* и авторъ дѣйствительно-зловонныхъ «Запаховъ Парижа». Русскимъ литераторамъ тонъ французскихъ отзывовъ о собратахъ по искусству, наукѣ, или социальной дѣятельности, кажется фальшивымъ и приторнымъ, въ особенности потому, что у насъ нѣтъ и тѣни той солидарности, которая соединяетъ у французовъ такъ-называемую «*république des lettres*». Несмотря на разнообразіе отгѣнковъ и направленій, во французской прессѣ чувствуется всегда присутствіе чего-то объединяющаго, желаніе воздать собрату должное, если не какъ человѣку своего кружка и лагеря, то какъ *французу*, принадлежавшему къ той же корпораціи умственного труда. Надъ повиновѣніемъ, въ его уродливостяхъ, трудно не смѣяться; но врядъ-ли лучше этого повиновѣнія — холодное и безыдейное зубоскальство, недорожающее никакимъ *національнымъ* достояніемъ. Для француза слова «*une des gloires de la France*» — не пустой звукъ. Возьмите любого клерикала и реакціонера, и допросите его, напр., хоть о Викторѣ Гюго... Чтѣ бы онъ объ немъ ни высказалъ, а кончить тѣмъ, что признаетъ его крупнымъ *національнымъ* достояніемъ и сниметъ шапку. Въ обширныхъ и мелкихъ сферахъ, рядомъ съ *камарадеріей* кружковъ, живетъ болѣе общее товарищество и панибратство, поддерживающееся годами. Въ мірѣ литературы, театра, журнализма, мастерскихъ — всѣ знаютъ другъ друга. Соперничество отдѣльныхъ личностей нисколько не мѣшаетъ общей круговой порука, общему корпоративному духу. Въ настоящее время въ Парижѣ врядъ ли и есть такіе тѣсные кружки, какіе процвѣтали въ эпоху «юной Франціи»; но весь Парижъ бульвара и Латинскаго квартала составлялъ все-таки одно цѣлое, интересы — солидарны, честь и доброе имя зря не позво-

рятся, недостатки и неудачи, въ общемъ, не подвергаются такому «заушенію», какъ у насъ, напримѣръ. Дозванное дѣло, что французская, хоть-бы театральная, критика гораздо снисходительнѣе и къ репутаціямъ, и къ начинающимъ. Реклама — въ болыпомъ ходу: но далеко не она дѣлаетъ то, что въ 35 фельетонахъ на 40 вы не найдете и тѣни той раздражительности, прищипчивости, злорадства и глумленія, къ которымъ такъ привычна русская публика. Отчего же это происходитъ? Конечно, не оттого, что парижскіе рецензенты — съ меньшимъ вкусомъ и знаніемъ дѣла; а просто оттого, что тамъ *неприлично* накидываться на все въ такомъ тонѣ; оттого, что всякое начинающее дарованіе сейчасъ же дѣлается національнымъ достояніемъ, а установившіяся репутаціи никто не хочетъ за одну неудачу втапгивать въ грязь. Каждый фельетонистъ и каждый критикъ привязанъ къ тому міру, которымъ они занимаются, къ *ихъ* театру, къ *ихъ* академіи, къ *ихъ* романамъ, хотя они и не пишутъ комедій, не пишутъ въ «бессмертные» и никогда не печатали беллетристическихъ произведеній... Въ людяхъ, стоящихъ совершенно внѣ политическихъ волненій, такой *благодарный* тонъ отзывовъ всего ярче и чаще. Къ нимъ принадлежать оба автора нашихъ книжекъ: и Готье, и Шанфлѣри, весь свой вѣкъ прожили въ интересахъ художественно-литературныхъ! Для нихъ не было другого идеала, другого наслажденія, другой заботы, какъ *искусство* въ его различныхъ проявленіяхъ. И тотъ, и другой добились репутаціи; но сдѣлалось это само собой, силою постоянной работы и проблесковъ таланта, а не путемъ ожесточенной борьбы съ противниками. Хотя Готье слишкомъ рано впрягъ себя въ ярмо газетнаго сотрудника-фельетониста, но это ремесло ни мало его не ожесточило. Онъ продолжалъ отдаваться все тѣмъ же интересамъ, которые волновали его юность; но по поспѣшности газетной работы не могъ, конечно, заниматься отдѣльными явленіями литературы, театра и пластики въ болѣе солидной, фактической, обработанной формѣ. Десяти лѣтъ писалъ онъ театральные фельетоны, разбиралъ книжки, описывалъ картины. На протяженіи такого періода своей «фельетонной» работы многіе десятки людей, изъ различныхъ сферъ искусства, сталкивались съ нимъ, или подавали ему поводъ къ очеркамъ, замѣткамъ и воспоминаніямъ. Большинство этихъ людей онъ пережилъ, такъ что ему приходилось говорить объ нихъ въ фельетонѣ, по поводу ихъ смерти; а въ такихъ отзывахъ его благодушная манера дѣлалась еще благодушнѣе. Къ чему ему было заострять свое перо для кисло-сладкихъ или *французскихъ* отзывовъ, когда онъ могъ выбирать только симпатич-

ныя ему имена изъ пестраго ряда сходящихъ со сцены дѣятелей? Вотъ, этимъ-то его посмертнымъ двѣ книжки и приобрѣтають интересъ. Пересчитайте сколько тутъ именъ... наберется чуть не цѣлая сотня: поэты, романисты, живописцы, скульпторы, музыканты, пѣвцы, актеры, актрисы, балерины... И каждая изъ этихъ личностей была отмѣчена печатью таланта, каждая чѣмъ-нибудь да выдалась, что-нибудь совершила, или общала совершить... Такой перечень именъ стойгъ за себя и не нуждается въ рекламѣ: творческихъ силъ приходится на долю Франціи, въ періодъ отъ 30-хъ до 70-хъ годовъ, болѣе, чѣмъ на какую-либо страну Европы. Авторъ фельетонныхъ замѣтокъ самъ принадлежитъ къ этому пестрому ряду талантовъ, и его симпатичный голосъ, при всей приторности и легкости манеры тѣмъ болѣе дѣлаетъ ему честь, что нигдѣ не слышится въ немъ—конкуррентъ на извѣстность, человекъ, чрезмѣрно сознающій свое достоинство и ревниво охраняющій свою репутацію. Точно также и Шанфлѣри, въ той части своей книжки, гдѣ онъ говоритъ о сверстникахъ, выбираетъ больше то, что ему симпатично, и нѣтъ ему надобности оставлять добродушно-юмористическій тонъ разсказовъ и характеристикъ. Онъ занимается тѣмъ же міромъ, какъ и Готье. Если у Готье главная нота его жизни и стремлений—романтизмъ юной Франціи и расцвѣтъ искусства 30-хъ годовъ, то Шанфлѣри разсказываетъ намъ (гораздо живѣе и забавнѣе) про народженіе романтизма *второй формации*, такъ-называемой «богеми» 40-хъ и 50-хъ годовъ, вмѣстѣ съ появленіемъ новаго *реализма* въ изобразительномъ искусствѣ, въ лицѣ живописца Курбэ. У Готье главныя двѣ фигуры (которыми мы и займемся)—Викторъ Гюго съ его «сépasse», и Бальзакъ; у Шанфлѣри—совершенно въ pendantъ къ нимъ—Мюржé съ богемой и Курбэ со своей ватагой поклонниковъ и учениковъ. Поэтому-то мы и сочли уместнымъ дополнить картину, присоединивъ къ посмертнымъ книжкамъ Готье—«Воспомянія и портреты изъ юности» Шанфлѣри...

II.

Оба автора—извѣстныя имена. Одинъ—уже лежитъ въ могилѣ, почему мы и позволимъ себѣ спросить читателя сначала о немъ: дѣйствительно ли Готье *извѣстенъ* русской публикѣ? Намъ кажется, скорѣе *нѣтъ*, чѣмъ *да*. Какъ имя, какъ звукъ—конечно, извѣстенъ; но какъ талантъ—врядъ ли; по крайней мѣрѣ, массѣ, не имѣющей привычки читать по-французски. Репутація

Готье составила не газетными фельетонами, а двумя томками стихотвореній, двумя-тремя романами и описательной манерой въ его путешествіи по Испаніи. Врядъ ли масса русскихъ читателей знаетъ его, какъ художника, изъ немногихъ его произведеній, гдѣ поэтъ и художественный беллетристъ стоятъ не ниже своей французской извѣстности. Въ послѣднее время Готье у насъ не переводили, ни въ стихахъ, ни въ прозѣ, критически его не разбирали и не сравнивали съ его сверстниками, такъ что его фамілія, какъ таланта, у насъ совсѣмъ еще не выяснена. Мы говоримъ это не затѣмъ, чтобы представить здѣсь полную характеристику Готье—поэта, романиста и стилиста—это не входитъ вовсе въ программу нашего этюда—мы хотѣли только указать на ахиллесову пяту русской читающей публики, да и вообще всей нашей литературы: обширность и разнообразіе предметовъ издѣнія вмѣстѣ съ огромными пробѣлами, стоящими любой не-извѣстности. Именъ у насъ знаютъ очень много; но фактически — двѣ-третьи ихъ одни лишь звуки. Французы убѣждены (да и мы не меньше ихъ), что литература Франціи извѣстна намъ лучше своей собственной; а на самомъ-то дѣлѣ не только масса читателей совсѣмъ незнакома съ цѣлымъ десяткомъ классическихъ французскихъ писателей XVII и XVIII вѣка; но и среди новѣйшихъ-то, уже давно извѣстныхъ всему свѣту, она только проглядываетъ самые крупные таланты. Достаточно указать на романиста и эссеиста Бэля-Стендаля, только на-дняхъ открытаго у насъ; въ то время, какъ «Мушкеры» и «Мусашны» переводились и читались тотчасъ по появленіи въ Парижѣ, «Красное и Черное», романъ Стендаля, только въ текущемъ году прочитанъ былъ по-русски нашей публикой въ извлеченіи. И это не одинъ примѣръ...

Придетъ чередъ, и Готье, въ лучшихъ проявленіяхъ своего таланта, предстанетъ передъ русскими читателями. А пока, посмотримъ, что онъ самъ рассказываетъ про свою карьеру въ краткой автобіографіи, которою открывается книжка: «Portraits Contemporains». Готье, исполняя просьбу издателя «Галереи знаменитостей», сдѣлалъ этотъ очеркъ въ очень скромномъ тонѣ; да и вообще его можно обвинить скорѣе въ излишнемъ умаленіи своего литературнаго «я», чѣмъ въ самохвальствѣ. Родился онъ не въ 1808 году, какъ значилось у разныхъ отиѣтчиковъ, а въ 1811 году, въ городѣ Тарбѣ, такъ что онъ умеръ 61 года (въ 1872 г.). Трехлѣтнимъ ребенкомъ переехалъ онъ съ родителями въ Парижъ. На родину свою онъ вернулся всего разъ, уже взрослымъ, да и то на двадцать-четыре часа; но картини

родной природы навсегда залегли въ его памяти. Съ пяти лѣтъ онъ уже читалъ, и съ тѣхъ поръ ни одного дня не проводилъ безъ чтенія. Всего сильнѣе подѣйствовалъ на него «Робинзонъ Крузо». Онъ только и дѣла дѣлалъ, что строилъ кораблики, и мать его уже заранѣе прощалась съ нимъ, убѣжденная, что онъ пойдетъ въ моряки. По-латыни сталъ его учить отецъ — хорошій гуманистъ, — а лѣтъ восьми его отдали въ коллежъ *Louis le Grand*, гдѣ онъ совсѣмъ захирѣлъ. Его нѣжное, нервное сложеніе и тихій нравъ не выдержали ни гвалта школьной жизни, ни грубой пищи. Надо было его взять оттуда, и гимназическій свой курсъ Готье кончилъ въ другомъ парижскомъ коллежѣ, *Charlemagne*, въ качествѣ вольноприходящаго: этимъ титуломъ онъ очень гордился. Репетиторомъ служилъ ему отецъ, и ему Готье считаетъ себя обязаннымъ всѣмъ, что онъ вынесъ изъ школьныхъ годовъ. Въ классахъ онъ выдавался больше сочиненіями, въ которыхъ поражалъ разными «дикостями», т.-е. манерой писать, явившейся подъ вліяніемъ чтенія старыхъ писателей, въ особенности Виллона и Раблѣ. Первые его стихи назывались *Fleure Scamandre*, во вкусъ греческой антологіи. Друзей у него было очень мало въ коллежѣ, всего двое; изъ нихъ одинъ — Жераръ де-Нерваль — принадлежалъ потомъ къ одному съ нимъ кружкѣ рьяныхъ романтиковъ. Въ классовъ онъ предавался страсти къ плаванью, не мечталъ вовсе о писательствѣ, а задумалъ быть художникомъ и началъ работать въ мастерской живописца Рюльта. Въ это время (это было около 30-го года), Готье жилъ съ родителями въ № 8 на *Place Royale*; а нансокъ отъ нихъ была квартира Виктора Гюго, уже окруженнаго ореоломъ славы въ мірѣ тогдашней молодежи. Познакомили его съ Гюго пріятели Жераръ и Петрусъ (такъ тогда произносили имена) Борель, причемъ онъ перековфузился не меньше Гейне, когда тотъ, представъ передъ олимпійца Гёте, съумѣлъ ему сказать: «сливы по дорогѣ изъ Іены въ Веймаръ очень хороши для утоленія жажды». Гюго поставилъ тогда свою драму «Эрнани», и ему нужна была особая клика изъ восторженныхъ почитателей. Ему и представили Готье, какъ надежнаго юношу, способнаго вѣрой и правдой постоять за романтизмъ. Съ гордостью получилъ онъ красный билетъ съ испанскимъ девизомъ: *hierro* (железо). Со дня перваго представленія «Эрнани», имѣвшаго успѣхъ, несмотря на злостную оппозицію классиковъ, на Готье стали смотрѣть, какъ на одного изъ самыхъ пламенныхъ неопитовъ. Про него разсказывали, что онъ даже кулаками защищалъ, во время спектаклей, свои романтическіе идеалы. Но кулачныя

упражнения Готье отрицаетъ: тогда онъ былъ слишкомъ слабъ и хіждъ тѣломъ. Послѣ «Эрнани» онъ продолжалъ всѣ «кампаніи» романтизма. Викторъ Гюго былъ для него и остальной молодежи того же направленія настоящимъ божествомъ: они даже глазамъ своимъ не вѣрили, когда онъ шелъ съ ними по улицѣ, какъ и всѣ смертные. «Никогда», пишетъ онъ, «ни какой богъ не былъ такъ обожаемъ, какъ Викторъ Гюго». Тѣмъ временемъ Готье пописывалъ стихи, и отецъ далъ ему денегъ на изданіе томика «*Poésies*», явившагося у книгопродавца Марі, какъ разъ 28-го іюня 1830 г. Разумѣется, въ этотъ день, да и въ слѣдующіе не много разошлось экземпляровъ. Расположеніе къ нему Гюго сдѣлало то, что онъ охладѣлъ къ живописи и совсѣмъ отдался литературной карьерѣ. Онъ добавилъ нѣсколько новыхъ пьесъ къ первому сборнику, оставшемуся нераспроданнымъ. Одна изъ этихъ новыхъ пьесъ называлась «*La légende d'Albertus*», и съ тѣхъ поръ (это было около 1833 г.), Готье стали звать въ его кружкѣ *Альбертусомъ*. У Виктора Гюго, въ романтической «*Grande boutique*» (какъ ее прозвалъ Альфредъ де-Мюссе), Готье познакомился съ моднымъ издателемъ Эженомъ Рендюэль. Тотъ заказалъ ему написать: «что-нибудь», единственно потому, что находилъ его личность забавною — «*drôle*». Готье написалъ ему двѣ вещи: «*Les Jeunes—France*», гдѣ изображены смѣшныя педанты романтизма, и романъ «*Mademoiselle de-Maupin*», на которомъ и основалась репутація Готье, какъ романиста. Предисловіе къ этому роману возмутило критиковъ и журналистовъ: имъ такъ досталось отъ молодого романтика. Тогда, по сознанию самого Готье, «лапочка» Гюго смотрѣла на всѣхъ рецензентовъ, какъ на чудовищъ и пошляковъ (въ подлинникѣ: «*des cuistres, des monstres, des euniques (?) et des champignons*»). Къ этому времени Готье съѣхалъ отъ родителей и поселился въ *Impasse Doyenné*, въ старомъ домѣ, гдѣ уже жили пріатели его: Жераръ де-Нерваль, Рожье и Арсѣнъ Гуссѣ. Посреди Парижа это была своего рода Оиваида. Вотъ, въ это-то укромное жилище пришелъ къ Готье Жюль Сандо отъ имени Бальзака, съ предложеніемъ сотрудничества въ журналъ «*Chroniques de Paris*», гдѣ Готье и помѣстилъ, кромѣ множества критическихъ статей, двѣ беллетристическія вещи: «*La Morte amoureuse*» и «*La chaine d'or ou l'Amant partagé!*». Въ другомъ изданіи, «*La France littéraire*», онъ помѣщалъ біографическіе эскизы поэтовъ, которыхъ во время оно отдѣлывалъ Буало. Впослѣдствіи онъ собралъ эти эскизы подъ общимъ заглавіемъ «*les Grotesques*». Съ 1836 г. онъ сталъ работать въ *Presse*, только-что основанной тогда. Одинъ

възъ его первыхъ этюдовъ, напечатанныхъ тамъ, была оцѣнка работъ, исполненныхъ живописцемъ Эж. Лакруа въ палатѣ депутатовъ. Черезъ два года Готье издалъ новый сборникъ стихотвореній съ общимъ заглавіемъ: «La Comédie de la Mort». Въ это же почти время печаталось въ фельетонахъ «Figaro» и другое его произведение, «Fortunio».

Тутъ Готье ставитъ черту, отдѣляющую его счастливую, независимую и непосредственную жизнь отъ томительнаго и безплоднаго многописанія журнальнаго сотрудника, продолжавшагося до конца его дней. Ему поручили театральнѣйшій фельетонъ въ *Presse*. Онъ велъ его болѣе двадцати лѣтъ. Журнализмъ, точно желая отмстить ему за предисловіе къ «Mademoiselle de Maupin» (это его собственное замѣчаніе), завалилъ его работой и навѣки закрѣпостилъ себѣ. Онъ писалъ вездѣ, гдѣ только пишутъ: въ *Presse*, *Figaro*, *Caricature*, *Musée des familles*, *Revue de Paris*, *Revue des Deux Mondes*... Такая работа мало отражалась на его внѣшности: вмѣсто того, чтобы худѣть, онъ все полнѣлъ, и превратился въ замѣчательнаго здоровяка, благодаря постояннымъ гимнастическимъ упражненіямъ, фехтованію, боксу, верховой ѣздѣ... Онъ пристрастился даже къ зрѣлищамъ кулачныхъ боевъ. Въ Парижѣ долго говорили объ его ударѣ кулакомъ по головѣ деревяннаго турка, при открытіи увеселительнаго заведенія Chateau-Rouge. Ударъ этотъ показалъ *пятьсотъ тридцать два фунта*. Въ маѣ 1840 г. Готье поѣхалъ въ Испанію. Это было его первое путешествіе. Оно доставило ему новую извѣстность художественнаго описателя красотъ природы и нравовъ. Съ тѣхъ поръ онъ только и мечталъ, что о поѣздкахъ, затѣмъ только и работалъ въ Парижѣ, чтобы, сколотивши деньжонокъ, пуститься куда-нибудь въ даль. Въ самые жаркіе мѣсяцы года онъ объѣздилъ въ 1845 г. всю французскую Африку, участвуя въ экспедиціи подъ начальствомъ генерала Бюжб. Кромѣ мелкихъ поѣздокъ въ Англію, Голландію, Германію, Швейцарію, Готье ѣздилъ въ 1850 по Италіи, и былъ въ Константинополѣ въ 1852 г. Всѣ эти путешествія извѣстны его читателямъ. Последняя его поѣздка была въ Россію, гдѣ онъ былъ даже два раза, зимой въ Петербургѣ, гдѣ изучалъ Эрмитажъ, и лѣтомъ въ Москвѣ и Нижнемъ-Новгородѣ, во время ярмарки. Нижній былъ для него самымъ дальнимъ пунктомъ его экскурсій отъ Парижа. Онъ говоритъ, что еслибы ему да состояніе — онъ только бы и дѣла дѣлалъ, что бродилъ безъ усталы. За собой онъ признаетъ способность сейчасъ же примѣняться къ мѣстной жизни туземцевъ. «Я русскій въ Россіи, турокъ въ Турціи, испанецъ въ Испаніи, куда я возвра-

щался нѣсколько разъ изъ-за страсти въ бою быковъ, за что *Revue de Deux Mondes* прозвала меня: «un être gras, jovial et sanguinaire». Кто видалъ фотографіи Готье, снятыя въ Петербургѣ, въ шубѣ и мѣховъ и шапкѣ, — конечно, согласится, что трудно имѣть и русскому такую архи-московскую внѣшность, какую приобрѣлъ Готье, только одѣвшись въ обыкновенное зимнее платье. Онъ смотрѣлъ матерымъ купчиной, какихъ вы увидите только въ глубинахъ Замоскворѣчья, съ прибавкою благодушной выразительности, которую онъ сохранилъ, несмотря на нѣкоторую обрюзглость. Какъ специальный критикъ искусства, онъ лѣтъ двадцать писалъ такъ-называемые *Салоны*, т.-е. отчеты о выставкахъ. Увидавши Паренонъ въ оригиналъ, онъ излечился отъ своихъ романтическихъ крайностей, навѣянныхъ церковью *Nôtre Dame de Paris*. Онъ пересталъ, какъ самъ выражается: «страдать юмическою болѣзнію». Театральный фельетонъ свой перенесъ Готье изъ *Presse* въ официальный *Moniteur* вмѣстѣ съ художественной критикой. Сочинилъ онъ, кромѣ того, нѣсколько балетовъ, до сихъ поръ и у насъ не сходящихъ еще съ репертуара. Лучшие два: *Gizelle* и *Péri*, были составлены для Карлотты Гризи; въ нихъ она и приобрѣла въ Парижѣ свою европейскую извѣстность. Писалъ онъ немного и для театра. Поэтическая струна его, гложущая подъ хламомъ подневной работы, сказала еще разъ въ 1852 году, въ сборникѣ «*Emaux et Camées*». Не считая себя романистомъ по профессіи, Готье указываетъ однакожъ на то, что имъ написано двѣнадцать романовъ, а именно (вмѣстѣ съ цитированными выше): *Les Roués innocents*, *Militona*, *la Belle Jonny*, *Jean et Jeanette*, *Avatar*, *Jettatura*, *le Roman de la momie*, *Spirite*, *le Capitaine Fracasse*. Последняя вещь вмѣстѣ съ *Mademoiselle de Maupin* всего болѣе извѣстны и во Франціи, и внѣ ея. Статей и статейекъ своихъ на разнообразнѣйшіе сюжеты — онъ и перечестъ не можетъ, и кончаетъ свою краткую автобіографію, подписанную 7-мъ марта 1867 года (т.-е. за пять лѣтъ до смерти), словами: «всего написалъ я около трехъ сотъ волюмовъ, почему весь свѣтъ зоветъ меня лѣвтяемъ и все спрашиваетъ: чѣмъ же я собственно занимаюсь? Вотъ все, по правдѣ, что я знаю про себя».

III.

Въ этому авторскому отчету остается прибавить, что съ 1867 года, по день смерти, Готье уже не написал ничего замѣчательнаго. Составленное имъ, по правительственному порученію, обзорѣніе успѣховъ французской поэзіи во вторую имперію (оно помѣщено въ концѣ книжки «Исторія романтизма») и по задачѣ было фальшиво, и по выполненію вышло фразистое, общѣ и сладковато. Иначе и не могло быть. Помирившись, какъ многіе, съ 2-мъ декабріа и наполеоновскимъ режимомъ, Готье дотягивалъ свою лямку театральнаго фельетониста въ *Moniteur*'ѣ, а послѣ войны 1870 года сошелъ въ могилу, какъ сойдутъ въ нее десятки даровитыхъ людей, размѣнивающихъ на мѣдные су свой талантъ въ этомъ Парижѣ, гдѣ надо постоянно болтать, разъсѣлавши себѣ изъ легкой литературы поденный заработокъ...

Но не объ *этакомъ* Готье поведемъ мы рѣчь. Посмотримъ на него въ лучшіе годы юношескихъ порываній и идеаловъ, среди горячаго сочувственнаго кружка, гдѣ онъ игралъ не послѣднюю роль. Въ первыхъ главкахъ его книжки «Исторія романтизма» мы и найдемъ такого именно Готье. И тутъ представляется вопросъ: полно, сказано ли у насъ настоящее правдивое слово о романтизмѣ, такъ-называемой, «юной Франціи»? Не грѣшимъ ли мы, до сихъ поръ, *старомодностью*, рутинностью взгляда на все это движеніе? Пора бы, кажется намъ, сознаться, что всѣ ходячія фразы о французской литературѣ, и въ особенности о литературѣ «псевдоклассицизма», чисто-нѣмецкаго издѣлія, и съ 30-хъ годовъ остаются у насъ никѣмъ не провѣренными. Точно также и движеніе «юной Франціи» считается до сихъ поръ пустымъ и театральнымъ, тогда какъ оно было гораздо жизненнѣе и оригинальнѣе. Нѣмецкихъ книжекъ французы во всѣ эпохи читали очень мало; но это не помѣшало имъ вести борьбу со всѣмъ, что отжило и застыло въ мертвыхъ формахъ, не дожидаясь того, какъ прикажутъ думать и дѣйствовать нѣмцы. Теперь дознанное дѣло, что Дидро *раньше* и оригинальнѣе Лессинга началъ писать въ духѣ реальнаго и свободнаго творчества, а у насъ все еще вѣрятъ въ то, что безъ Лессинга никто бы не сокрушилъ авторитета французскихъ эстетиковъ XVIII-го вѣка. И если романтизмъ «юной Франціи» расцвѣлъ подъ вліяніемъ большаго знакомства съ Шекспиромъ, Байрономъ и Вальтеръ-Скоттомъ, то это знакомство было самобытное и (какъ мы это видимъ и по замѣткамъ Готье) гораздо болѣе дѣятельное, чѣмъ даже и въ нашихъ лите-

ратурныхъ кружкахъ. Тутъ опять мы наталкиваемся на обыкновенную прибаутку: «поразительно равнодушіе французовъ къ Шекспиру!» Прибаутка эта — положительная выдумка. Люди тридцатыхъ годовъ захлебывались Шекспиромъ во всѣхъ романтическихъ кружкахъ Парижа, и Готье рассказываетъ, между прочимъ, о такихъ фанатикахъ шекспироманіи, которые дѣлались нарочно англичанами съ головы до пятокъ, живя годами въ Лондонѣ, только чтобы имъ воспринять въ себя всѣ тончайшія красоты и изгибы шекспировскаго языка и вдохновенія. Про такихъ шекспиромановъ у насъ что-то не слышно, не только изъ времёнъ московскаго романтизма 30-хъ годовъ, но и за 50-ые годы, когда у насъ стали переводить Шекспира, впервые, какъ слѣдуетъ. И въ этомъ отношеніи французы далеко опередили насъ. Нечего бросать имъ тотъ упрекъ, что какой-нибудь Дюсисъ коммерціалъ Шекспира. Юная Франція гораздо раньше насъ сама распознала это; но не слѣдуетъ и намъ забывать, что каковы бы ни были эти передѣлки Дюсиса — посредствомъ ихъ русская публика впервые познакомилась хоть какъ-нибудь съ Шекспиромъ. «Король Леаръ» шелъ у насъ, какъ извѣстно, гораздо раньше «Гамлета», явившагося въ порядочной передѣлкѣ Н. Полевого. Удивительно даже, какъ это, при болѣе серьёзномъ, будто бы, отношеніи нашемъ къ Шекспиру, и въ 30-хъ, и въ 40-хъ годахъ появлялось такъ мало переводовъ и передѣлокъ Шекспира, которые бы питали нашъ театральнй репертуаръ. Когда романтикъ юной Франціи — Теофиль Готье только-что начиналъ свое литературное поприще, у французовъ былъ уже хорошій (прозаическій) переводъ всего Шекспира, сдѣланный Летурнёромъ. Поэтъ той же эпохи, Альфредъ де-Виньи перевелъ стихами «Отелло» и написалъ къ нему смѣлое предисловіе, составляющее эпоху въ дѣлѣ драматическаго движенія Франціи. Съ тѣхъ поръ появилось нѣсколько полныхъ переводовъ Шекспира, кончая трудомъ одного изъ сыновей Гюго; словомъ, всѣ факты — въ пользу французовъ. Но тутъ прибаутка переворачивается на изнанку. Французовъ упрекаютъ уже за то, что въ Парижѣ совсѣмъ не давали и не даютъ Шекспира. Такому городу, какъ Парижъ, дѣйствительно можно бы было имѣть особый театръ для международныхъ представленій, на которомъ Шекспиръ занялъ бы подобающее мѣсто. Но, помимо такого *pium desiderium*, врядъ ли можно удивляться тому, какъ повелъ себя театральнй Парижъ съ 30-хъ годовъ. Романтики овладѣли всѣми крупными сценами, начиная даже съ классической «Comédie Française». Они преимущественно были шекспировскаго культа; всѣ замыслы ихъ драмъ,

ихъ колорить и пошибы были прямые продукты вліянія британскаго театра, но имъ всёмъ хотѣлось самимъ творить, бороться подъ своимъ именемъ, *самимъ* пожинать лавры. Да и публика желала видѣть на сценѣ свое новое творчество, оригинальные образы французской фантазіи, слышать самобытный французскій стихъ, жить жизнью героевъ, взятыхъ изъ своей исторіи, а если чужихъ, то во французскомъ освѣщеніи, во французской обстановкѣ. Иначе и не можетъ быть при движеніи какого-нибудь національнаго искусства. Поэтому, каковы бы ни были недостатки театра «юной Франціи», да и вообще всей французской сценической литературы, это все-таки *театръ*, окрашенный въ несомнѣнную оригинальность съ своими типами, сюжетами, тономъ, стилемъ, колоритомъ. Онъ такъ же своеобразенъ, какъ и театры: англійскій, испанскій, старо-итальянскій, наконецъ какъ новѣйшій русскій; нѣмцы же, несмотря на ихъ «опыты» въ шекспировскомъ и во всевозможныхъ «вкусахъ», такого театра не имѣютъ. Публика Парижа бѣгала смотрѣть драмы Гюго и Дюма не потому, что она не могла совсѣмъ понять Шекспира, а потому, что въ этихъ драмахъ сказывался во *французскихъ* формахъ протестъ страсти, смѣлости, жизненной силы противъ всякаго рода застоя. Старикъ Дюма, въ ту зиму, когда театръ *Gymnase* давалъ комедію его сына: «*Les idées de madame Aubray*», въ письмѣ къ издателю одного литературнаго журнала, весьма остроумно и вѣрно охарактеризовалъ Гюго и себя, какъ корифеи театра 30-хъ годовъ: Гюго явился блестящимъ *театральнымъ* поэтомъ; Дюма — увлекательнымъ *драматическимъ* писателемъ. И вышняя яркость дѣйствія, и развитіе страсти — два главныхъ эстетическихъ принципа романтиковъ, унаслѣдованные *по-своему* отъ Шекспира. Прочталась эта бурная эпоха; свои пьесы ставились безустанно; некогда было думать о Шекспирѣ въ «чистомъ видѣ», а были отдѣльныя попытки (больше въ формѣ передѣлокъ), которыя однакожь очень цѣнились и критикой, и массой публики. Шекспира никогда не поздно давать, но потерять, какъ нѣмцы, нѣсколько десятковъ лѣтъ на *оплан-ный* картонный репертуаръ подражательныхъ трагедій и хроникъ, значить, какъ французы говорятъ: «*travailler en pure perte*». И мы видимъ, что теперь, въ самой Германіи, начинается сильная реакція противъ безплодной шекспироманіи.

Романтики юной Франціи весьма горячо и искренне восприняли свой художественный идеалъ, общій тогда романтикамъ всѣхъ европейскихъ странъ; но ихъ театръ, виѣсть съ другими сферами литературнаго творчества, гораздо ярче и живѣе отра-

жестъ на себѣ вѣяніе идеала, чѣмъ мы видимъ это въ другихъ литературахъ. Театръ въ особенности. Сравните его движеніе въ Парижѣ, начиная съ *Эрнани* Гюго и драмъ Дюма, хоть бы съ тѣмъ, чѣмъ въ то самое время питалась наша сцена. А вѣдь у насъ были уже тогда свои романтики, строгіе и пылкіе неопиты новаго жизненнаго искусства. Но ихъ толки и проповѣди не принимали дальше ихъ кружковъ. Они горячились въ своихъ лекціяхъ и статьяхъ; а на сценѣ шли издѣлія Коцебу (да это еще были лучшіе продукты), переводы и передѣлки старомодныхъ французскихъ пьесъ, въ которыхъ присоединились впоследствии драмы Кукольника... Театръ же юной Франціи, при всѣхъ своихъ недостаткахъ и даже просто уродливостяхъ, живо несетъ собою цѣлую эпоху, и до сихъ поръ драма на Западѣ (во включеніи и нѣмцевъ) не сумѣла еще высвободиться изъ рамокъ парижской романтической драмы съ ея развѣтвленіемъ въ мелодраму и современную тенденціозную комедію, какія дѣлаются появляются на нашихъ глазахъ: и въ Германіи, и въ Россіи, и въ Италіи...

Ниже, въ концѣ нашего этюда, мы намѣтимъ то, что люди, какъ Готье и ихъ учителя внесли фальшиваго, вздорнаго, пугающаго и въ искусство, и въ жизнь; мы покажемъ, на примѣрѣ этихъ литературныхъ «отцовъ», Готье и Шанфлэри, какъ литературно-художественный дилеттантизмъ Парижа приводитъ людей къ дарованію и чуткости къ измѣльчанію и философско-социальному индифферентизму... Все это такъ; но въ свое время романтики юной Франціи были нелицемѣрно проникнуты любовью къ искусству. То, чѣмъ для молодежи кружковъ Станкевича и Писанскаго, въ Москвѣ 30-хъ годовъ, было философское міровоззрѣніе, тѣмъ для обожателей Гюго и неопитовъ романтическаго искусства были форма, колоритъ, краска; а главное, смѣлость, новизна, попираніе всего, что считалось «образцовымъ» для эстетиковъ. И Москва, и Парижъ увлекались въ искусствѣ одними и тѣми же талантами: Шекспиромъ, Гёте, Вальтер-Скоттомъ, но для университетской Москвы прекрасныя творческія формы были только доказательствомъ истинности той системы, въ которую она, въ данную минуту, вѣрила; а парижская юная Франція не шла дальше того, что Готье называлъ «готическою поэзіею» на подкладкѣ неистовыхъ порываній ко всякой нонконформистской, эксцентрической, свойству. Особенно свѣтлой стороной движенія является органическая, тѣснѣйшая связь изящной литературы съ пластическими искусствами, чего у насъ, въ ту пору, совсѣмъ не было. О сценическомъ искусствѣ нечего уже

и говорить. Упомянуть о юной Франціи, значить сейчас же обращаться и къ именамъ Фредерика Леметра, Маріи Дорваль, Боккажа и столькихъ другихъ... Но живопись никогда такъ не питалась литературными идеалами, какъ въ эту эпоху. Въ талантъ и личности Эжена Лакруа литературные романтики нашли вполне *своего* человѣка. Похвалы, какія мы находимъ у Готье въ статьѣ о Лакруа, не грубая лестъ заднимъ числомъ. Съ первыхъ картинъ Лакруа, Готье и его друзья уже ломали за него копья, тогда, когда классики академіи художествъ и патентованные критики объявляли, что Лакруа—бездарный маляръ, мажущій «пьянымъ помеломъ» свои картины. Вотъ это-то чутье, вотъ эта-та молодая искренность, доказавшая всѣмъ, что она стояла за талантъ и новыя идеи—и симпатичны такъ въ корифеяхъ юной Франціи. Они-то и мирять со старичками 70-хъ годовъ; они-то и составляютъ лучшій вкладъ въ ихъ воспоминанія...

IV.

Мы уже видѣли чрезъ кого и въ какой моментъ познакомился Теофиль Готье съ Викторомъ Гюго. Энтузіазмъ, вызванный въ то время, въ молодежи произведеніями Гюго, объясняется той безсодержательностью и дряблостью, какія переполняли художественную литературу конца двадцатыхъ годовъ. Шатобрианъ явился ранѣе, какъ пророкъ романтизма; но его имя уже не волновало молодыхъ натуры, жаждавшія новыхъ проявленій поэтической смѣлости. Ламартинъ тоже не сдѣлался ихъ идоломъ. Ихъ озарило и двинуло впередъ предисловіе Виктора Гюго къ его драмѣ — *Кромвель*. Вотъ о чемъ они мечтали, вотъ изъ-за чего они готовы были ополчиться на смертельную войну съ *филистами*. Это прозвище изъ студенческаго нѣмецкаго быта было ими усвоено: Готье безпрестанно употребляетъ слово: *philistin*. И когда пріятель Готье, Жераръ-де-Нерваль (уже переводчикъ Гётевскаго «Фауста» семнадцати лѣтъ отъ роду), пришелъ къ нему съ билетами на первое представленіе «Эрнани», Готье почувствовалъ небесную радость. Но только послѣ *тринадцати* представленій «Эрнани», гдѣ Готье съ товарищами отстаивали съ ожесточеніемъ драму Гюго, рѣшился онъ, и то съ превеликимъ страхомъ, представиться обожаемому поэту. Нѣсколько разъ поднимался онъ по лѣстницѣ къ квартирѣ Гюго, и столько же разъ обращался въ постыдное бѣгство. Увидавъ автора «Эрнани» съ глазу на глазъ, Готье чуть не упалъ въ обморокъ. Но полу-

Готье обошелся съ нимъ очень ласково и охотно допустилъ въ свой «сépasse». Готье замѣчаетъ въ главкѣ своихъ воспоминаній, озаглавленной «первая встрѣча», какъ рѣдко поэту или артисту выпадаетъ завидная доля: быть предметомъ страстнаго энтузіазма, каковымъ былъ Гюго въ лучшіе годы своей молодости... То, чего другіе добиваются чуть не на краю гроба, а то и по другую сторону земного поприща, то досталось ему съ самыхъ первыхъ шаговъ. Готье такъ описываетъ внѣшность поэта въ эту пору.

«Прежде всего поражалъ въ Викторѣ Гюго его дѣйствительно монументальный лобъ: онъ возвышался, въ видѣ фронтона изъ чистаго мрамора, надъ его лицомъ, полнымъ серьезной ясности. Конечно, лобъ этотъ не достигалъ размѣровъ, какіе ему давали послѣдствіи (на портретахъ), чтобы еще ярче отгнѣнить въ поэтѣ рельефъ генія, Давидъ д'Анже и другіе артисты, но онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ нечеловѣческой красоты и обширности; на немъ выдвигались самыя глубокія мысли; золотые и лавровые вѣнки могли помѣщаться на немъ, какъ на лбу боговъ и цезарей. — Лобъ отпѣченъ былъ печатью силы. Его окаймляли свѣтло-каштановые волосы, и падали довольно низко. Ни бороды, ни усовъ, ни бакенбардъ, ни росялки (у насъ ее называютъ *эспаньёлка*) — чисто выбритое лицо съ особенной блѣдностью, озаренное двумя светло-кариими глазами, похожими на зрачки орла, ротъ съ властными губами и оттянутыми книзу углами, твердый и правый ротъ, открывавшій, улыбаясь, зубы блистательной бѣлизны. Вспомъ: — черныи скюртукъ, сѣрые панталоны, маленькій отложной воротничекъ рубашки — самая точная и безукоризненная мадра одѣваться. Никто бы не заподозрилъ въ этомъ совершеннѣйшимъ джентльменѣ главу косматыхъ и бородатыхъ бандъ, производившихъ ужасъ на буржуа съ скоблѣнными подбородками. Такимъ предсталъ передъ нами Викторъ Гюго въ нашу первую встрѣчу, и весь его тогдашній образъ остался неизгладимымъ въ моей памяти. Мы хранимъ, какъ драгоценность, этотъ молодой прекрасный портретъ, улыбающійся, окруженный лучами генія фосфорическимъ огнемъ славы».

Не только въ юности, но и въ преклонной старости Гюго сохранилъ внѣшность, необычайно выдающуюся своими «рельефами генія», какъ выразился Готье. Кто видалъ его въ эти позднѣйшіе пять-шесть лѣтъ, — конечно, согласится, что такого свѣтлаго и благообразнаго облика не скоро найти въ человѣкѣ подлѣ пятидесяти лѣтъ (теперь ему уже и всѣ семьдесятъ), прожившемъ свой вѣкъ въ усиленномъ умственномъ трудѣ, среди всякаго

рода нравственныхъ испытаній. Но каждый и по портретамъ позднѣйшаго времени (уже фотографическимъ, а не подрисованнымъ) знаетъ этотъ монументальный лобъ и вообще весь абрисъ головы; только Гюго второй имперіи, съ красивой бородой и короткими волосами, совсѣмъ наоборотъ того, что было въ эпоху «Эрнани». Выходить знаменательная антиномія: въ 30-хъ годахъ косматые и бородатые его обожатели представляли собою бурный, революціонный элементъ, если не въ политикѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ искусствѣ; онъ же — ихъ глава — отличался безукоризненной вѣжностью джентльмена; прошло двадцать лѣтъ — онъ отпустилъ бороду, сдѣлался эмигрантомъ и убѣжденнымъ демократомъ-республиканцемъ; а большинство обожателей, въ томъ числѣ и Готье, хотя и не обрили своихъ бородъ, но преспокойно помирились съ переворотомъ 2-го декабря, дожили или доживаютъ свой вѣкъ въ полномъ гражданскомъ равнодушіи къ свободѣ и политическому достоинству своей націи. Врядъ-ли былъ у Гюго, въ эпоху «Эрнани», и позднѣе, такой пламенный неопытъ, какъ Готье; а въ то время, какъ одинъ поэтъ на своемъ островѣ писалъ «Les Chatiments», другой строчилъ притворное обозрѣніе французской поэзіи по порученію правительства 2-й имперіи *во славу ея!*

Покойная жена Гюго, оставившая записки, служащія автобіографіей поэту (давно извѣстныя нашей публикѣ) рассказываетъ пространно о знаменитомъ первомъ представленіи «Эрнани». Оно вошло и въ воспоминанія Готье. Такъ какъ онъ былъ однимъ изъ главныхъ героевъ романтической «банды», то его показаніе двойнѣ занимательно и пополняетъ рассказъ госпожи Гюго. Припомнивши, что это было 25-го февраля 1830 года, Готье восклицаетъ: «вечеръ этотъ рѣшилъ нашу участь». Побѣда обожимаго поэта сдѣлалась побѣдой всѣхъ, искавшихъ исхода своимъ порываніямъ въ область идеала. Гюго не хотѣлъ клякеровъ, и молодежь сама предложила ему услуги. Подробности всѣхъ этихъ приготовленій — извѣстны, и Готье не повторяетъ ихъ; но онъ указываетъ на преувеличенія тогдашней полемики, на злословіе журнальцевъ, выставившихъ добровольную кляку Виктора Гюго сбродомъ оборванцевъ и ерыгъ гнуснаго вида и даже запаха... Въ сущности, это были все молодые люди хорошихъ семействъ, образованные и воспитанные, страстно любящіе искусство; изъ нихъ иные были писатели, другіе — музыканты, живописцы, скульпторы, архитекторы, журнальные рецензенты... Но ихъ преступленіе состояло, прежде всего, въ томъ, что они всѣ почти носили длинные волосы! Готье защищаетъ ихъ съ большимъ жа-

ромъ по прошествіи столькихъ лѣтъ»: эти разбойники мысли, по выраженію Филотея о'Недди (одного изъ романтической банды), не похожи были, конечно, на образцовыхъ нотариусовъ, но въ костюмъ, въ которомъ царствовали фантазія личнаго вкуса и настоящее пониманіе красокъ, дѣлался, за то, гораздо живописнѣе. Попросту говоря, всѣ они одѣвались героями тѣхъ драмъ и поэмъ, которыми бредили, приспособляя ихъ въ современному костюму. Все, что только бросалось въ глаза и отбѣняло плъ и фигуру: атласъ, мѣхъ, шнуры, шляпы à la Рубенсъ и Рембрандтъ,—было у нихъ въ ходу. Представьте себѣ цѣлые ряды этихъ художественныхъ зрителей въ чопорной, фракной, вылизанной «Comédie Française», и вы легко поймете ужасъ и скандалъ филистеровъ. Самъ Готье, больше другихъ, помогъ чудовищнымъ рассказамъ о костюмахъ банды. Тогдашніе «отмѣтчики» передали потомству, что юный Теофиль явится на первое представленіе «Эрнани» *въ пунцовомъ жилетѣ!*. И онъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, не отрицаетъ этого факта. Онъ посвящаетъ ему даже цѣлую главку: «легенда краснаго жилета». Готье такъ и вошелъ гулять по Европѣ съ примѣтами: «молодой человѣкъ, длинноволосый и въ красномъ жилетѣ». Волоса онъ тогда носилъ короткіе; но жилетъ дѣйствительно заказалъ себѣ, да еще не простой, а на подобіе театральнаго колета, съ мысомъ книзу и съ шнуровкой позади. Тогда все это было въ порядкѣ вещей. Для Готье и его друзей весь міръ раздѣлялся, по колориту, на яркіе и сѣреные цвѣта. Въ нихъ жилъ культъ свѣта, движенія, рыаной мысли, неистовой энергіи. Они бредили «эпохой возрожденія», и все, что носило на себѣ тусклый колоритъ, все, что было голо и сухо—презиралось ими отъ глубины души... А въ чемъ же можно нагляднѣе выразить свою страсть къ яркому и цвѣтному, какъ не въ собственномъ костюмѣ? Другіе прибѣгали только къ бархатнымъ и мѣховымъ отворотамъ, къ шляпамъ à la Rubens; а Готье задумалъ красный колетъ и отправился заказывать его къ своему портному, который пришелъ въ изумленіе. Матерію пламенный романтикъ самъ предпринимательно выбралъ и купилъ: это былъ серизовый атласъ (velvet de la Chine). Выбирая его, Готье, и въ то время, желалъ думать, что онъ стоитъ внѣ всякаго политическаго направленія. Онъ не хотѣлъ краснаго цвѣта «93» года; великая революція со своими героями и великанами не вдохновляла его такъ, какъ некоторыхъ изъ его пріятелей; его тянуло въ средневѣковъ въ замокъ Гёца фонъ-Берлихингенъ, «какъ и подобало пажу Гюго». —Портной, не взирая на свои протесты, все-таки

соорудилъ знаменитый жилетъ. Прочія части костюма были не менѣе ярки: достаточно упомянуть о томъ, что пальто было на зеленой атласной подкладкѣ. Остальная братія, хотъ и безъ сериловыхъ жилетовъ, возмущала филистеровъ, не менѣе фигуры Готье, своимъ романтическимъ видомъ. Борьба началась, какъ извѣстно, съ самыхъ первыхъ стиховъ драмы, и каждый смѣлый оборотъ, каждое переставленіе словъ, противное классическимъ традиціямъ, надо было отстанывать съ боку. И тридцать разъ сразу поднималась та же перестрѣлка, о которой трудно и составить себѣ понятіе, присутствуя на представленіяхъ возобновленнаго «Эрнани». Только люди, какъ Готье, переживали въ тотъ вечеръ, когда дали за-ново «Эрнани» (21 іюня 1867), всѣ перипетіи борьбы филистеровъ съ ужасной «бандой».

Воспоминаніями объ эпохѣ «Эрнани», да о продажѣ мебели Виктора Гюго въ 1852 г. ограничиваются замѣтки Готье. Мы ничего не находимъ ни въ той, ни въ другой книжкѣ о дальнѣйшихъ отношеніяхъ его къ главѣ школы. Зато гораздо болѣе подробностей о тѣсномъ кружкѣ пріятелей, прозванномъ «le petit cénacle», въ противоположность къ «grand cénacle», собиравшемуся у Гюго. Хозяиномъ этого petit cénacle былъ нѣкто Петрюсъ Борель, уже названный нами. Въ этой дружеской кликѣ выдѣлялся больше другихъ Жераръ де-Нерваль, юный переводчикъ Гётева «Фауста», мечтательная, задумчивая, болѣзненно-нервная натура, съ фантазіей, воспитанной на образахъ и идеалахъ нѣмецкой поэзіи. Жераръ де-Нерваль кончилъ жизнь самоубійствомъ въ 1855 году, искренно оплаканный друзьями. Онъ всю свою жизнь провелъ среди картинъ и призраковъ своей тревожной фантазіи, и рѣдко выходилъ изъ этой области даже въ статьяхъ, описаніяхъ и пьесахъ своихъ... У насъ онъ совсѣмъ почти неизвѣстенъ; да и во Франціи его произведенія не долго устоятъ противъ натиска времени; но какъ типъ изящнаго романтика «юной Франціи» — онъ одинъ изъ самыхъ удачныхъ. И человѣкъ въ немъ былъ вѣренъ таланту и фантастическому складу натуры. Въ немъ доживалъ свой вѣкъ тотъ «поэтъ, о которомъ теперь знаютъ только по наслышкѣ: вѣчно тревожный, вѣчно мечтательный, безъ опредѣленнаго мѣста и положенія въ обществѣ, страстно любящій все чудесное, необычайное и картинное, кочующій, неуловимый, не знающій цѣны деньгамъ, безпечный до дѣтскости, добрый и щедрый до послѣдней копейки. Послѣ Германіи и ея поэтовъ, Жераръ де-Нерваль любилъ больше всего Востокъ, куда онъ ѣздилъ точно за тѣмъ только, чтобы еще больше вдаться въ своеобразный мистицизмъ.

Голова его переставала работать на сколько-нибудь реальной почвѣ... Нервность додѣлала остальное, и неисправимый романтикъ дошелъ до самоубійства еще въ такой возрастъ, когда другіе работаютъ безъ устали и находятъ себѣ дѣло въ жизни... Не желая этого, Готье, въ лицѣ своего несчастнаго друга, выдалъ печальный аттестатъ безпочвенности крайняго романтизма, считающаго въ своихъ спискахъ не одну эту жертву.

Всего чаще сходились въ *petit cénacle*: Готье, Жераръ де-Нерваль, Жанъ дю-Сеньёръ (или *Jehan* по романтическому произношенію), Огюсть Макэ, впоследствии неутомимый сотрудникъ Дюмá по романамъ и театру (въ романтизмѣ: *Augustus Mac-Kat*), уже поименованный нами Филотей О'Недди (тоже переименованное имя), Наполеонъ Томъ, Жозефъ Бушарди, Целестенъ Нантейль, еще нѣсколько человекъ, и наконецъ самъ Петрюсъ Борель. Въ то время только одинъ Жераръ стоялъ уже, какъ слѣдуетъ, на литературной аренѣ; а всѣ остальные только порывались и пробовали себя, начиная съ Готье. Одинъ писалъ, другой гравировалъ, третій гравировалъ; но всѣ кончили, болѣе или мѣнѣе, поэзіей и литературой. Изъ нихъ двое приобрѣли впоследствии извѣстность на бульварѣ: Бушарди, сдѣлавшійся Шекспиромъ бульвара, и Макэ, до сихъ поръ еще существующій, написавшій многое-множество романовъ и драмъ, которые являлись подъ фирмою Дюмá. Въ этомъ чисто художественномъ кружкѣ, Петрюсъ Борель игралъ (по разсказу Готье) точно такую же роль симпатичнаго центра, какая выпала на долю Станкевича въ московскомъ философско-литературномъ кружкѣ. Онъ былъ старше ихъ на три, на четыре года; наружность его привлекала всѣхъ; въ ней была та живописность и оригинальность, которою они бредили; онъ носилъ бороду, какой ни у одного изъ нихъ тогда не было. Готье восклицаетъ съ добродушнымъ юморомъ: «борода! теперь это кажется очень просто; а въ то время во всей Франціи было всего двѣ бороды: борода Эжена Деверіа, и борода Петрюса Бореля! Чтобы носить ихъ, требовалось геройское мужество, хладнокровіе и презрѣніе къ толпѣ!» Но не одна борода привлекала въ Борель. Онъ былъ для нихъ олицетвореніемъ красоты Байрона, и постоянно жалѣлъ, что не ему привелось играть на сценѣ роль «Эрнани». Писалъ онъ тогда свои «Рапсодіи» медленно въ водѣ покровомъ тайны, «и вся банда» вѣрила въ то, что онъ, а не кто-либо другой, будетъ главнымъ носителемъ идей кружка, главнымъ поэтомъ ихъ генераціи.

Другая фигура, въ такомъ же вкусѣ, но еще болѣе восточная, была фигура Бушарди, впоследствии бульварнаго Шекспира.

Онъ смахивалъ на индѣйскаго князя, занесеннаго въ Парижъ превратностями судьбы. Его фантазія прилѣпилась къ сложной головоломной постройкѣ пьесъ. Свои сюжеты и узлы безчисленныхъ интрипъ одной и той же драмы обдумывалъ онъ точно приводы какой-нибудь машины; самъ нарочно задавалъ себѣ труднѣйшія задачи, строилъ лабиринты непролазныхъ положеній и работалъ въ потѣ лица, чтобы найти какую-нибудь лазейку и распутать чрезъ нее интригу. Обдумывая пьесу, онъ предварительно составлялъ планъ замка во вкусѣ Анны Редклифъ, съ башнями, бойницами, подземельями, провалами, тайными проходами, таинственными кабинетами, винтовыми лѣстницами, застѣнками, могильными склепами! Пріатели смѣялись надъ нимъ, говоря, что онъ дѣлаетъ для своихъ пьесъ деревянные модели, на что онъ обыкновенно отвѣчалъ, что это была бы самая лучшая метода. И когда онъ поставилъ свою знаменитую бульварную драму: „Le Sonneur de Saint-Paul“, Готье никакъ не могъ рассказать ея содержанія въ фельетонѣ газеты *Presse*, хотя и наполнилъ девять столбцовъ и пошелъ къ самому автору, чтобы тотъ помогъ ему выпутаться какъ-нибудь изъ тенетъ интриги, что доставило Бушардѣ немалое удовольствіе. Этотъ архи-театральный послѣдователь автора «Эрнани» до такой степени былъ проникнутъ спеничностью своихъ пьесъ, что ему было почти въ тягость употреблять въ нихъ живую рѣчь, почему онъ совсѣмъ и не занимался стилемъ, и до послѣднихъ дней своей карьеры заставлялъ дѣйствующихъ лицъ выражаться самымъ чудовищнымъ метафорическимъ языкомъ.

Были въ «petit cépacle» и болѣе реальные художники, напр., Jehan du Seigneur, занимавшійся скульптурой. Онъ представлялъ собою типъ суроваго служителя искусства, а его искусство приказывало быть вѣрнымъ природѣ и не позволять себѣ романтическихъ уклоненій отъ правды. Этотъ юноша дышалъ здоровьемъ, что его безмѣрно огорчало; и ему хотѣлось обзавестись лицомъ байроновскаго стиля: мрачнымъ, мертвенно-блѣднымъ нѣсколько даже изъ-зелена, насколько это было возможно. За то онъ носилъ средневѣковый бархатный колетъ съ полнымъ отсутствіемъ бѣлы, что считалось тогда высшимъ романтическимъ шикомъ; а воротнички буржуа подвергались безконечнымъ насмѣшкамъ. Виктору Гюго по тому только прощался его отложной воротничекъ, что богу все прощается; да и то, оставаясь въ совершенно тѣсномъ кружкѣ, вздыхали и сѣтовали о такой уступкѣ олимпійца буржуазной пошлости!.. Но этотъ фанатизмъ костюма, формъ и красокъ не исключалъ фанатизма болѣе глубокаго и литературнаго

въ корифеяхъ поэзіи, облюбленной въ кружкѣ. Мы уже говорили о фанатизмѣ Шекспира. Самый рыаный былъ нѣкто Жюль Вабръ. Про него Готье, въ концѣ очерка, говорить, что на его могильномъ камнѣ слѣдовало бы написать:

„Онъ любилъ Шекспира“—

точно такъ, какъ на памятникѣ Томаса Гуда написали:

„Онъ сложилъ пѣснь о рубашкѣ“.

Этотъ Жюль Вабръ — дѣйствительно феноменальный любитель Шекспира, какихъ не только у насъ, да и у нѣмцевъ нѣтъ было найти въ ту эпоху. Но ярый шекспиротъ, почти ругившійся по-французски, проникая въ шекспировскую глубь, нѣтъ-такъ не перевелъ ни одной трагедіи, вѣроятно, потому, что его требованія къ самому себѣ, какъ переводчику, были чрезвычайны. Остановился онъ на конференціяхъ о шекспировскихъ драмахъ, да и это не удалось. Онъ родился подъ несчастной звѣздой, и по чудному характеру своей личности и образа жизни былъ прозванъ пріятелями: «le Compagnon Miraculeux». Такъ жить можно было только въ то время, и то въ одномъ лишь Парижѣ, на всю Францію.

Имя Филотея О'Недди никому теперь неизвѣстно; но въ *petit cépacle* и онъ считался отмѣченнымъ божественной искрой. Въ сборникѣ его стиховъ: „*Feu et flamme*“ друзья видѣли настоящее вдохновеніе романтическаго пошиба. Ни въ комъ «взвинченность» тона и колорита не достигала такихъ градусовъ, какъ въ немъ. Къ нему Готье примѣняетъ, по преимуществу, слово „*paroxiste*“, пущенное въ первый разъ въ печать извѣстнымъ парижскимъ «бульварщикомъ» Несторомъ Рокпланомъ, теперь уже поступившемъ въ число покойниковъ. Изъ художниковъ, Целестинъ Нантейль не добился громкой извѣстности; за то получилъ мѣсто директора рисовальной школы въ Дижонѣ.

Кромѣ фантастическихъ квартиръ Петрюса Бореля и другихъ, нѣкомъ сходокъ маленькаго синклита былъ кабачокъ на выгздѣ въ Елисейскихъ Поляхъ, извѣстный тогда (все это относится къ 30-мъ годамъ) подъ прозвищемъ: *Petit Moulin Rouge*. Тогда еще не существовали кокетки и прочія гетеры новѣйшаго *Moulin Rouge*. Готье съ друзьями искали и находили еще любви; каждый слагалъ рѣмы для своей Лауры или Беатриксъ. Кабачокъ романтиковъ отличался первобытной простотой. Позади его находился маленькій садикъ, гдѣ подъ трельяжами распивали пиво и даже (что уже считалось большою роскошью и барствомъ) лимонадъ-газесъ. Привлекалъ всѣхъ поваръ этой гар-

готки, итальянецъ, по имени *Граціано*. Ему Готье посвящаетъ цѣлую главу. Въ его вѣѣшности было столько колоритнаго и оригинальнаго, что вся обстановка кабачка превращалась для нихъ въ нѣчто особенное, средневѣковое, готическое, сродни ихъ задушевнымъ образамъ и идеаламъ. Всѣ, кто изъ нихъ рисовалъ, то-и-дѣло просили Граціано становиться въ позу: это избавляло ихъ отъ поѣздки въ Италію, гдѣ они не нашли бы лучшей модели. Искусству Граціано обязаны они были и вкуснѣйшей итальянской ѣдой, которую они запивали легкимъ винцомъ изъ окрестностей Парижа... *но изъ чего?* Ни больше, ни меньше, какъ изъ *староа челоуѣческаа черепа*. Его добылъ Жераръ де-Нерваль, какъ сынъ отставнаго полковаго лекаря... Черепъ окрашивалъ эти оргіи (воображенія, а не грѣшнаго тѣла) въ совершеннѣйшій колоритъ „à la Lucrezia Borgia“. И имъ все казалось, когда они уписывали макарони съ пармезаномъ, что вотъ-вотъ появится рука и начертитъ на стѣнѣ кабачка розовыя библейскія слова...

Такъ поживала въ лучшій свой расцвѣтъ «юная Франція».

Д—ЕВЪ.

ГРИБОЋДОВСКАЯ МОСКВА

ВЪ

ПИСЬМАХЪ М. А. ВОЛКОВОЙ КЪ В. И. ЛАНСКОЙ

1812 — 1818 гг.

1815-ЫЙ ГОДЪ.

ЯНВАРЬ—ДЕКАБРЬ *).

Въ прошедшемъ году мы успѣли издать только первые три года переписки М. А. Волковой съ В. И. Ланской, въ 1812, 13 и 14-мъ годахъ. Въ нашей исторіи это была эпоха великой катастрофы, быстро превратившейся въ величайшее торжество; въ жизни же автора писемъ эти же самые годы послужили печальною развязкою собственнаго романа, очевидно подѣйствовавшаго на его характеръ, измѣнившаго прежній нравъ, хотя существенныя черты того и другого остались тѣ же. Доказательство справедливости нашего заключенія читатель самъ найдетъ въ письмахъ 1815 года, ближайшаго ко времени окончательнаго разстройства брака съ Полиньякомъ, когда личныя воспоминанія еще, очевидно, тяготѣли надъ авторомъ.

Но, тѣмъ не менѣе, мы не отказываемся и теперь отъ высказаннаго уже нами взгляда на значеніе переписки М. А. Волковой, какъ рѣдкаго документа той эпохи московскаго общества, которую мы называли «Грибоѣдовскою», именно потому, что эта же самая

*) См. выше: 1874, авг. 572; сент. 116; окт. 542; дек. 637 стр.

эпоха и въ тѣ же самые годы служила матеріаломъ для художественнаго воспроизведенія ея въ комедіи «Горе отъ ума». Говорятъ, мы вовсе не думали дѣлать какое-либо литературное сопоставленіе этой комедіи съ настоящею перепискою: мы видѣли въ перепискѣ фотографическое изображеніе именно той самой общественной среды въ Москвѣ, въ которой вращался и авторъ комедіи, и авторъ переписки. Безъ этихъ писемъ трудно было бы, напримѣръ, повѣрить, съ какимъ легкомысліемъ общество того времени, чуть не среди еще дымящихся развалинъ Москвы, предалось прежней самой суетной и праздною свѣтской жизни, такъ что, по словамъ печатаемой нынѣ переписки 15-го года, въ Москвѣ явилась новая повальная болѣзнь, кончавшаяся нерѣдко смертью—отъ уженовъ и баловъ. «Въ три часа, а въ три дня не сварится», восклицаетъ одинъ изъ Грибоѣдовскихъ героевъ, безъ всякаго преувеличенія: письма М. А. Волковой иллюстрируютъ отлично это восклицаніе.

Намъ могутъ еще сказать, что авторъ не всегда писалъ изъ Москвы;—но Москва, такъ-сказать, всюду слѣдовала за авторомъ; авторъ вращается постоянно въ кругу тѣхъ же московскихъ друзей, и мы, называя Москву «Грибоѣдовскою», имѣли въ виду вовсе не топографію, а людей извѣстной мѣстности, и взятыхъ въ извѣстную эпоху, которые, конечно, не утрачивали своего характера, переѣзжая на лѣто въ какую-нибудь тамбовскую деревню.

Въ общественномъ движеніи той любопитной эпохи Грибоѣдовъ не нашелъ для себя ни одного типа съ положительнымъ характеромъ, ни одного идеала; читая письма Волковой, понимаешь, что иначе и быть не могло. Самое разореніе Москвы прервало тамъ не какую-нибудь кипѣвшую прежде общественную дѣятельность, но однѣ великосвѣтскія забавы съ ихъ безпечною праздною, а подѣ-часъ и безобразіемъ; непріятель удался, и въ Москву собрались тѣ же дѣйствующія лица; письма Волковой переполнены извѣстіями о послѣдней отстройкѣ хоромъ и украшеній въ нихъ гостинныхъ и танцевальныхъ залъ. Въ началѣ 1815 г. въ Москву пріѣзжаетъ, напримѣръ, изъ провинціи кн. Яковъ Лобановъ, еще не видавшій города послѣ его разоренія, и прямо попадаетъ на балъ къ генералъ-губернатору: онъ не могъ опомниться на балу отъ удивленія и готовъ былъ не вѣрить, что французы когда-нибудь разорали Москву. А черезъ нѣсколько дней, увеселявшіеся устроили *partie de plaisir* въ саняхъ, чтобъ прокатиться «по погорѣлымъ улицамъ», послѣ сытнаго завтрака, и притомъ въ числѣ 100 человекъ, по дорогѣ «закусить» у одного хлѣбосола, и затѣмъ на всю ночь—въ собраньи! Грибоѣдовъ, какъ видно, помѣстилъ не всѣ черты и тины москов-

скаго реставрированнаго общества въ свою безсмертную комедію. И читайте опять въ тѣхъ же письмахъ Волковой, что стало съ этимъ танцующимъ обществомъ, когда въ 1815-мъ году пронесся по Москвѣ первый слухъ о бѣгствѣ Наполеона съ о. Эльбы и о появленіи его во Франціи! Думали только объ одномъ, какъ бы на этотъ разъ покомфортабельнѣе «эмигрировать», и заблаговременно предались отчаянію. — *Ред.*

Москва, 4-го января 1815 г. — Я приуныла, милый другъ, потому что вчера не получила отъ тебя извѣстій. Каждое воскресенье мнѣ приносятъ твое письмецо, и мнѣ праздникъ не въ праздникъ, когда я не получаю твоего посланія. Поздравляю тебя съ новымъ годомъ и искренно желаю тебѣ всякаго благополучія. Я до того утомлена выѣздами, что у меня голова совсѣмъ разболталась, такъ что я не могу связать двухъ мыслей. На прошлой недѣлѣ отказалась отъ двухъ баловъ, чтобъ побережъ свои силы для вечеринокъ, гдѣ мнѣ необходимо нужно было присутствовать. Въ субботу я танцевала до пяти часовъ утра у Оболенскихъ, а вчера до трехъ часовъ у Голицына. Къ счастью моему, костюмированный балъ Рябининой отложенъ до четверга, такъ что мнѣ можно будетъ отдохнуть два дня. Зато предстоитъ мнѣ потомъ вертѣться нѣсколько дней сряду. Въ субботу вечеръ у Оболенскихъ, а въ воскресенье насъ звали къ гр. Толстому на завтракъ, послѣ котораго будутъ танцы и въ тотъ же вечеръ придется плясать у Ѳ. Голицына.

Я объявила мамѣ, что силъ моихъ не хватитъ, чтобъ всюду понасть. Быть можетъ, удастся мнѣ избавиться отъ завтрака. Не знаю, по вкусу-ли мнѣ были бы всѣ эти выѣзды нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ настоящее же время положительно они мнѣ въ тягость. Пріятно потанцевать разъ въ двѣ недѣли: но такъ часто вертѣться — невыносимо. Здоровье мое страдаетъ.

Теперь здѣсь находится нѣкто Муромцевъ, ты вѣрно помнишь его. Онъ былъ въ Москвѣ въ одно время съ Полиньякомъ. Гераклій постоянно бывалъ у насъ, а Муромцевъ занятъ былъ Sophie. Онъ намъ близкій родственникъ и другъ со всей нашей семьей. — Вчера за ужиномъ онъ вспомнилъ о прошломъ и приставалъ ко мнѣ съ разспросами: имѣла ли я съ той поры извѣстія о графѣ; я не люблю говорить о быломъ и скорчила такую гримасу кузену, что онъ пересталъ толковать объ этомъ предметѣ. Зато знаешь-ли, какія интересныя извѣстія получила я о красивомъ итальянцѣ, котораго околдовала въ Саратовѣ съ помощью нѣсколькихъ арій. Князь Щербатовъ встрѣтилъ въ

Германіи Рагани, онъ пробирался въ Миланъ, la sua cara patria. Случайно онъ познакомился съ княземъ, и зашла у нихъ рѣчь о русскихъ городахъ и преимущественно о тѣхъ, гдѣ Рагани дольше пробылъ. Говорили о Саратовѣ, и Щербатову рассказано было, какъ я тамъ проводила время. Князь передалъ мнѣ всѣ подробности, которыя узналъ отъ итальянца, и прибавилъ отъ себя нѣсколько шутокъ, которыя я тотчасъ же опровергла. Безъ сомнѣнія, Рагани самый красивый изъ всѣхъ мужчинъ, которыхъ случалось мнѣ встрѣчать; быть можетъ, я показала ему пригожѣе, чѣмъ я есть: одно могу сказать — у него память лучше моей. Въ то время какъ онъ говорилъ обо мнѣ съ Щербатовымъ, я думала вовсе не о немъ. Слѣдовательно, еслибъ и были у него серьёзные намѣренія, то это ни къ чему-бы не повело. Онъ меня позабавилъ въ продолженіи шести недѣль, проведенныхъ мной въ Саратовѣ — вотъ и все.

14-го января. — Баламъ здѣсь нѣсть числа, нѣтъ физической возможности вездѣ бывать. Вчера Тормазовъ далъ намъ роскошный балъ въ генераль-губернаторскомъ домѣ. Этотъ праздникъ былъ удачнѣе тѣхъ, которые давались во время пребыванія здѣсь государя. Добрый старикъ на славу отпраздновалъ день рожденія императора. Кто могъ бы подумать, смотря на пышный вчерашній праздникъ, что два года тому назадъ Москву въ конецъ разорили! Насъ, которые постоянно живемъ въ городѣ, поразило великолѣпіе вчерашняго пира. Князь Яковъ Лобановъ, вчера только пріѣхавшій изъ провинціи, былъ просто изумленъ; онъ ожидалъ увидѣть Москву въ развалинахъ. Меня весь вечеръ потѣшала его удивленная фигура.

Нынче вечеръ у вдовы Авраама. Сперва будетъ дѣтскій костюмированный балъ, а когда дѣти уйдутъ спать, большіе начнутъ танцовать. Гостей соберется немного, я предвижу, что тоска будетъ смертельная. Я вчера нарочно мало танцевала, чтобъ нынче хватило силъ плясать.

На прошлой недѣлѣ былъ вечеръ у Оболенскихъ, черезъ три дня опять у нихъ будутъ танцовать. У Голицына мы принимаемъ каждое воскресенье; повѣришь ли, просто силъ недостаетъ! Всѣ эти вечера такъ оживлены, что приходится вертѣться до изнеможенія.

25-го января. — Очень и очень благодарна тебѣ за письмо, дружокъ. Ты знаешь, почему я не писала. По-моему, нѣтъ ничего въ мірѣ хуже разставанія съ дорогими людьми. Теперь по

крайней мѣрѣ мнѣ не предстоитъ болѣе ни съ кѣмъ прощаться. Меня радуетъ, что ты стала разсудительнѣе. Твердость характера большое благо въ жизни, прежде тебѣ не доставало этого качества. Не совѣстно ли тебѣ просить у меня позволенія адресовать на мое имя письма къ твоему мужу. Развѣ ты не знаешь, что я всегда къ твоимъ услугамъ.

Съ нетерпѣніемъ буду ожидать приѣзда твоего мужа. Дай Богъ, чтобъ дѣла позволили ему проѣхать черезъ Москву. Мы бы потолковали о тебѣ и о вашей маленькой семьѣ, съ которой мнѣ никакъ не приходится познакомиться. Быть можетъ, увидимся мы весной.

Что сказать тебѣ о нашемъ житьѣ-бытьѣ. Танцуешь вальсъ на мазурку, а потомъ полѣдня лежишь въ кровати отъ усталости. Въ нынѣшнемъ году отчаянно пляшутъ. Не успѣла я отдохнуть послѣ двухъ утомительныхъ баловъ, а нынче опять должна ѣхать на вечеръ. Въ пятницу до 5-ти часовъ плясали у Оболенскихъ, вчера у Ѳ. Голицына, а нынче отправляемся къ г-жѣ Борсаковой. Я рѣшила, что завтра и послѣзавтра буду сидѣть дома и отдыхать. Я замѣтно худѣю, что мнѣ вовсе не нравится у меня и такъ остались кости да кожа.

Воины повергаютъ теперь свои лавры къ стопамъ юныхъ красавицъ, которыя, быть можетъ, молились, чтобы они вышли кѣлы и невредимы изъ боя. Съ осени здѣсь устраивается много сраженій. Въ Москвѣ множество военныхъ, ихъ всюду встрѣчаешь. Теперь имъ позволено носить фракъ, къ которому вовсе нейдутъ царскіе усыки.

Когда же, наконецъ, явятся кн. Шаховскія? пройдетъ зима со всѣми увеселеніями, а мы ихъ все не дождемся. Мнѣ ихъ очень жаль. Онѣ стали вести невеселый образъ жизни со времени послѣднихъ неудачъ, которыя значительно разстроили ихъ дѣла. Надо быть очень разумнымъ, чтобы не роптать на скуку въ ихъ годы. Изъ парижскихъ княженъ Шаховскихъ одна выходитъ замужъ сегодня, а другая въ чахоткѣ, какъ говорятъ. Болѣзнь усилилась потому, что она простудилась на костюмированномъ балѣ. Дорого ей обошелся праздникъ. Прощай, мой милый другъ. Сейчас пришла Мари и Владиміръ, они мнѣ принесли завтракъ, что бы ты думала?—каштаны. Кстати о каштанахъ. Представь, что на дняхъ кузина твоя кн. Волконская, дочка «страшныхъ францевъ», съѣла каштаны съ скорлупой, не зная, что ихъ надо очистить. Человѣкъ десять постороннихъ видѣли, какъ она ихъ жевала, и чуть не умерли со смѣху. Нѣжно цѣлую тебя.

1-го февраля.—Съ каждымъ днемъ у насъ прибываетъ знакомыхъ, что очень стѣснительно, когда не имѣешь большого помѣщенія. Нынѣ вечеромъ, напримѣръ, у насъ будетъ пропасть гостей, не знаю, гдѣ мы помѣстимъ такое общество; придется хозяйевамъ уйти изъ дому, чтобы гостямъ достало мѣста. Тебѣ сказали совершенную правду: въ Москвѣ нынѣшнюю зиму веселятся болѣе, чѣмъ когда-либо. Балы просто убійственны, потому что кавалеровъ бываетъ вдвое болѣе, нежели дамъ, такъ-что намъ бѣднымъ не даютъ духу перевести. Никогда въ Москвѣ не было избытка кавалеровъ, такъ что всѣ считаютъ такое изобиліе за рѣдкость. На послѣднемъ балѣ у Ѳ. Голицына было 18 дамъ и болѣе сорока танцоровъ. Такъ какъ этотъ толстый князь Ѳедоръ изъ всего умѣетъ извлечь пользу, видя, что многіе не танцуютъ, онъ выдумалъ кадрили, въ которыхъ у каждой дамы было по два кавалера, насъ это очень забавляло; но бѣда была въ томъ, что мы все путались, не зная, въ какую сторону повернуться и кому прежде кланяться. Теперь уже прискутили намъ удовольствія въ четырехъ стѣнахъ, мы вздумали ѣздить по погорѣлымъ улицамъ. Завтра мы прокатимся въ саняхъ, насъ соберется большое общество. Передъ катаньемъ будетъ завтракъ у г-жи Корсаковой. Приглашено до ста человѣкъ гостей. Послѣ начнется катанье по городу и предмѣстьямъ, затѣмъ будемъ закусывать у Ѳ. Голицына, а вечеръ проведемъ въ собраніи, гдѣ князь Ѳедоръ общается намъ нѣчто необыкновенное. Я хотѣла избавиться отъ этой прогулки, но Ѳедоръ и жена его такъ ко мнѣ пристали, что пришлось согласиться. Я сяду въ четырехмѣстныхъ саняхъ съ его женой и двумя кавалерами. Не попытствовала узнать, кто эти кавалеры.

Эта вѣчная суета вліяетъ на нравственное состояніе. Чувствую, что теперь я хуже, чѣмъ была три мѣсяца тому назадъ; совѣсть моя упрекаетъ меня въ этомъ.

8-го февраля.—Что это ты не пишешь мнѣ, дружокъ? Николинъа говоритъ, что былъ у тебя и что ты совершенно здорова. Я увѣрена, что ты забываешь обо мнѣ ради мужа. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ и ты начала писать ему въ тѣ же дни, что и мнѣ; я стала получать отъ тебя прекоротенькія письма, наконецъ, ты и совсѣмъ замолчала. Словомъ, я имѣю кучу причинъ желать, чтобы мужъ твой поскорѣ вернулся въ Петербургъ. Мои новости все однѣ и тѣ же. Пляшемъ, бѣгаемъ, поемъ, сидимъ на мѣстѣ и не видимъ, какъ летитъ время. Въ среду, по крайней мѣрѣ, отдыхаемъ отъ баловъ; что до меня касается,

танцевать не буду до пятницы. Софи Оболенская нездорова, тому въ прошлую пятницу у нихъ вечера не было. Во вторникъ и среду я до того утомилась, что не въ силахъ была ѣхать Толстому въ четвергъ. Въ нынѣшнемъ году многіе поплатились за танцы. Бѣдная кн. Шаховская опасно больна. У васъ растетъ маленькая гр. Бобринская вслѣдствіе простуды, схваченной ею на балѣ. Невѣстку такъ поразили этотъ горестный май, что она въ письмѣ только о немъ и толкуетъ. Она вѣритъ, чтобы мнѣ не пришлось лечь въ гробъ по окончаніи чего-нибудь экосеза. Слава Богу, пока нѣтъ причины опасенія моей смерти; признаюсь, кончина незавидная—умереть отъ того, что много плясала. Авось, Богъ дастъ, избѣгну я такой участи. Теперь я чувствую себя очень не дурно, я даже здорова, тѣмъ была въ ту пору, когда вела вполне правильный образъ жизни.

Вчера я ѣздила къ кн. Шаховскимъ. Ты себя представишь, какое у нихъ гадкое помѣщеніе. Не понимаю, какъ удалось нанять имъ такую квартиру. Мнѣ жалко было видѣть въ такой обстановкѣ. Какъ вспомнишь, какой у нихъ былъ старый домикъ напротивъ нашего, невольно вздохнешь при этомъ, что не стало и нашего дома, который былъ въ тысячу разъ лучше теперешней квартиры.

15-го февраля.—Отъ Шаховской я узнала, почему ты мнѣ писала въ понедѣльникъ. Нисколько за это не претендую, но жаль. Когда у тебя есть какая-нибудь сердечная забота, намѣ, приходится плохо; ты, посреди тревогъ, всѣхъ забываешь. Не буду дѣлать тебѣ замѣчаній по этому поводу. Мы далеко другъ отъ друга, что увѣщанія мои теряютъ всю силу, пока долетятъ до тебя. Вообще, трудно проповѣдывать сполна и хладнокровіе. Кто изъ насъ можетъ похвастаться, что остался невозмутимымъ, когда поставленъ бываетъ въ трудное положеніе. Я не разъ замѣчала, что проповѣдникъ самъ обыкновенно теряетъ голову при малѣйшей непріятности. Впрочемъ, кажется, я могу оставить при себѣ всѣ эти размышленія; я полагаю, разсуждаешь не хуже меня.

Во всѣхъ письмахъ, отправляемыхъ съ нынѣшней почтой, много говорится о несчастіи, постигшемъ Апраксина. Сегодня сгорѣлъ его домъ; самъ онъ едва спасся, потому что попался въ комнату, смежную съ его спальней. Причина несчастія неизвѣстна; полагаютъ, что онъ произошелъ отъ недостатка печами. Въ настоящую минуту еще не совсѣмъ поту-

шенъ огонь, такъ что неизвѣстно, цѣлы ли всѣ жильцы, которыхъ въ домѣ было очень много. Этотъ годъ отличается пожарами. Въ тамбовской губерніи былъ такой страшный пожаръ, что волосы дыбомъ поднимаются, когда слушаешь рассказы объ этомъ ужасномъ происшествіи. Братъ вашего Пашкова жилъ въ своемъ великолѣпномъ помѣстьѣ, куда онъ отсюда перевезъ все вещи передъ вступленіемъ непріятеля въ Москву. Представь себѣ, что однажды ночью сгорѣлъ его домъ, настоящій дворецъ, со всѣмъ имуществомъ. И что всего ужаснѣе—двѣ дочери Пашкова, гувернантка и три горничныя сдѣлались жертвами огня. На утро даже костей ихъ не могли отыскать. Мнѣ теперь все представляется огонь и пламя.

Мѣсяцъ тому назадъ сгорѣлъ прекрасный домъ у моей пріятельницы, саратовской губернаторши. Безпрестанно слышишь катастрофахъ; однако, всѣ развѣзжаются и веселятся.

1-го марта.—Утихъ страшный вихрь свѣтскихъ удовольствій, а нынче проснулась съ этой пріятной мыслію. Переменна, которая произойдетъ въ нашемъ образѣ жизни, полезна будетъ для здоровья и благотно повліяетъ на наше нравственное настроеніе. Я всѣмъ говорю, какъ я рада, что пришелъ постъ, и вторю это сегодня во всѣхъ письмахъ.

Спасибо тебѣ за дружеское сочувствіе ко мнѣ; въ благодарность передамъ тебѣ общими словами, что именно тревожило меня въ послѣдній разъ, какъ я тебѣ писала. Дѣло касалось лично. Представь, что въ первый разъ въ жизни пришлось мнѣ противорѣчить мамѣ, что для меня было ужасно тяжело. Она кое-что одобряла, съ чѣмъ согласиться я не могла. Ковечка мамѣ желаетъ мнѣ добра, и я ссжалѣю, что не могу раздѣлять всѣхъ ея взглядовъ. Это новое для меня испытаніе; я не въ силахъ отказаться отъ своей воли и предоставить ей вести меня по своему. Разсказать тебѣ все подробно въ письмѣ я не могу. Впрочемъ, теперь я отчасти успокоилась. Начну говѣть, исповѣдуюсь, чтобъ вполне очистить свою совѣсть. Затѣмъ пусть будетъ, что Богу угодно. Молю Его простить мнѣ всѣ согрѣшенія, охранить отъ зла въ будущемъ и располагать моею жизнью какъ ему угодно. Вотъ все, что могу сказать тебѣ въ настоящую минуту. Не тревожься обо мнѣ. Помолись за меня. Нынѣшняя зима была для меня тяжелой во многихъ отношеніяхъ. Къ счастію, она прошла, а съ ней, надѣюсь, кончились и мои тревоженія. Если ты хочешь сказать мнѣ что-либо по этому поводу, напиши на отдѣльномъ листѣ. Мамѣ, быть можетъ, вздумаетъ

протестъ письмо: я не желаю напоминать ей о бывшемъ между нами разногласіи. Она добра до безконечности, не желаетъ меня сторчать, потому-то я и не могу себѣ простить своего неумѣнья скрывать свои чувства подѣ-часъ, чтобъ сдѣлать ей пріятное. Въ самомъ дѣлѣ, меня считаютъ лучше чѣмъ я есть; оттого я всегда краснѣю, когда вижу, что кто-либо цѣнить меня выше, чѣмъ я стою. Никто такъ часто не приводитъ меня въ смущеніе, какъ Мари Сумарокова. Она меня просто боготворитъ, что мнѣ бросается въ глаза, и питаетъ ко мнѣ безграничное доверіе, такъ что я часто прошу ее выбрать себѣ другого руководителя вмѣсто меня, у которой зачастую недостаетъ разума, чтобъ управлять собой. Дорогая моя подруга уѣхала во вторникъ въ Парижъ. Ей не хотѣлось уѣзжать, а мнѣ тяжело было съ ней прощаться. Впрочемъ, теперь постъ, нечего думать объ удовольствіяхъ. Мнѣ въ утѣшеніе остались Оболенскіе. Но теперь у нихъ бытъ не такъ пріятно, какъ было прежде: когда ни придеши, кн. Александръ торчитъ тутъ, какъ бѣльмо на глазу. Если позову Sophie къ себѣ, съ ней вмѣстѣ является и невѣстка. Я не встрѣчала особы такъ неспособной; если мы не примемъ за правило считать ее нулемъ, то еще больше будетъ намъ надоѣдать. Представь, что третьяго дня она поссорилась съ Вяземскимъ, потому что онъ сказалъ, что одна изъ его родственницъ очень красива и танцуетъ мажорку лучше всѣхъ. Кн. покраснѣла, и между тѣмъ, какъ никто не думалъ сравнивать ее съ этой дѣвицей, она гнѣвно заявила, что слишкомъ горда для того, чтобъ сравнивать себя съ такой молодой особой. Вяземскій отвѣтилъ ей довольно рѣзко, и сказала, что ссора разыграется. Пришлось бы исписать тетради, еслибъ я вздумала передавать тебѣ чепуху, которую она мелетъ. Зачастую ее обличаютъ во лжи, но это ей не мѣшаетъ черезъ полчаса снова врать. Несмотря на это, она считаетъ себя за совершенство и сама себѣ читаетъ панегирики, намъ даже за нее приходится неловко. Хорошій вы намъ сдѣлали подарокъ, нечего сказать!

Меня порадовало извѣстіе о замужествѣ Давыдовой. Она не подозрѣваетъ, какъ отозвался о ней женихъ нынѣшней ея сестры, будучи проездомъ въ Москвѣ: «я былъ въ нее очень влюбленъ, она за меня не пошла; а теперь я зато ей очень благодаренъ потому, что я разглядѣлъ, что она не что иное, какъ разбѣленная и разрумяненная кукла». Вотъ каковы мужчины

14-го марта. — Въ шкатулкѣ моей прибавилось еще письмо. Когда-то придется мнѣ отдать супругу твоему всѣ твои

послания. Какъ жаль мнѣ, дружокъ, что тебѣ суждено такъ долго ждать его возвращенія.

Твое послѣднее письмо разсмѣшило меня до слезъ. Какъ, по твоему, Полина, кузина твоя, и я, тебѣ на зло не выходимъ замужъ? Что за уморительная фантазія! Что-жъ дѣлать, если не удастся намъ исполнить твоего желанія. Нѣкоторымъ людямъ на роду написано встрѣчать неудачи извѣстнаго рода; избѣгнуть этой участи невозможно. Не вѣдаю, почему товаркамъ моимъ не удалось пристроиться; что же до меня касается, тебѣ извѣстно, почему я не замужемъ. Всегда являлись препятствія къ моему замужеству, такъ что я часто думаю, вѣрно не суждено мнѣ выйти замужъ и не слѣдуетъ помышлять о супружескомъ счастіи. Провидѣніе, повидимому, старается удалить меня отъ этого важнаго шага, и многое въ жизни способствовало къ тому, чтобъ отбить у меня охоту отъ замужства.

Недостатка въ партіяхъ у меня не было. Но именно тогда-то дѣло не слаживалось, когда я желала, чтобъ удалось сватовство, и какъ нарочно я отталкивала тѣхъ людей, съ которыми я могла быть счастлива. Что же съ этимъ дѣлать? Быть можетъ, одинъ неосторожный шагъ, который я сдѣлала въ ту пору, какъ начала выѣзжать, испортилъ всю мою карьеру. Испытанія градомъ посыпались на меня, и, какъ нарочно, я отворачивалась отъ пути, на которомъ не встрѣтила бы столько горестей. Это сущая правда. Лица, незнающія, какія обстоятельства встрѣчались въ моей жизни, предполагаютъ, что у меня каменное сердце, неспособное никого полюбить. Оно билось не часто, это правда; за то кое-кого любило такъ сильно, что въ немъ не осталось чувства для другихъ. Тебѣ извѣстно, какъ отплатили ему за привязанность.

Я не спору, можно выйти замужъ безъ любви, и когда со стороны смотришь, находишь, что такъ поступать очень разумно; но когда самой приходится рѣшиться на такой шагъ—не хватаетъ духу. Мнѣ такъ ясно представляются недостатки претендента потому, что вѣтъ во мнѣ страсти, которая ослѣпляетъ, и начинаю я пересчитывать невыгодныя стороны замужства и нахожу, что лучше остаться въ теперешнемъ своемъ положеніи. Никого такъ не огорчаетъ рѣшеніе мое, какъ Мари Сумарокову. Она постоянно упрекаетъ меня за то, что я до сихъ поръ не вышла замужъ. Она пересчитываетъ по пальцамъ лицъ, которыхъ повидимому ухаживали за мной, и приговариваетъ: «вотъ того упустила, того оттолкнула, и за чѣмъ, за чѣмъ?» Досадно мнѣ, что люди, которые меня любятъ, непременно хотятъ, чтобъ

и вышла замужъ. Я очень желала бы сдѣлать удовольствіе ма-
мѣ, сестрѣ, тебѣ, Мари; но, сама посуди, какъ мнѣ быть?
Вѣдь это не такъ легко устроить, какъ, напр., спить чепецъ или
косынку связать; не ладится дѣло да и только, вѣрно такая
судьба моя. Катенька не хочетъ понять, что я нисколько не
виновата въ томъ, что отвѣтъ мамѣ не попалъ въ руки Полинь-
ку. Она утверждаетъ, будто Гераклій потому отдалился, что годъ
не получалъ серьезнаго отвѣта, а послѣдняя записка мамѣ, ко-
торая до него дошла, была самого пустого содержанія. Сестра
основываетъ заключеніе свое на томъ, что Полиньякъ часто по-
сылалъ ее въ ту пору, когда ожидалъ отвѣта отъ мамѣ. Потомъ,
идя черезъ три-четыре, потерявъ надежду на полученіе
письма, онъ вдругъ пересталъ бывать у Катеньки. Отвѣтъ мамѣ
и мое письмо къ сестрѣ, въ которомъ говорила я о Геракліѣ,
остались въ рукахъ у Левашева. Виновата ли я, что дрянной
Левашевъ не передалъ пакета по назначенію.

Катенька, въ арміи имѣвъ случай ближе познакомиться съ
Полиньякомъ, опѣнила его и оправдываетъ, говоря, что всякій
такъ же поступилъ бы на его мѣстѣ, цѣлый годъ даромъ прождавъ
отвѣта. Во всемъ она винитъ меня, даже и въ томъ, что до при-
ѣзда въ Россію ничего не знала объ отношеніяхъ нашихъ къ
Полиньяку, и увѣряетъ, что иначе бы обращалась съ нимъ,
еслибъ знала объ его намѣреніяхъ, о которыхъ стала догадываться
лишь тогда, когда онъ пересталъ ходить къ нимъ въ домъ. Меж-
ду тѣмъ я писала ей объ этомъ предметѣ разъ десять. Судьба
много преслѣдовала мои письма.

Ты мнѣ не говоришь, показывала ли ты г-жѣ Виллеро ко-
пію письма, которую я тебѣ послала? Если она ее прочла, то
каково ей мнѣніе? Пустившись толковать объ этомъ предметѣ, я,
по обыкновенію, увлеклась и не сообщила тебѣ о томъ, что
третьяго дня Шаховскія пріѣзжали къ намъ проститься, а вчера
уѣхали. Поселилась ли въ Петербургѣ кузина твоя Грибовдова?
Я нѣсколько разъ дѣлала тебѣ этотъ вопросъ, и ты до сихъ поръ
мнѣ не отвѣтила. Кланяйся ей отъ меня.

22-го марта.—Мнѣ неизвѣстно, дружокъ, что именно раз-
сказывала тебѣ обо мнѣ Полина Шаховская. Если уже на то
вошло, что нужно мнѣ подробно передать тебѣ то, на что я
лишь намекала, такъ и быть, все скажу тебѣ, хотя бы ты и не
спрашивала моего поступка.

Г-нъ Са—нъ, съ которымъ ко мнѣ приставала Полина, пока
былъ здѣсь, действительно очень богатый молодой человѣкъ; я

даже нахожу его слишкомъ богатымъ: у него 150 тысячъ годового дохода. По-моему, эпитетъ «очаровательный», которымъ наградила его Полина, вовсе къ нему нейдетъ. Наружность у него очень непріятная, рѣдко можно встрѣтить такое некрасивое лицо. Онъ довольно уменъ, пользуется хорошей репутаціей; вообще, я полагаю, что онъ достоинъ уваженія, быть можетъ найдутся особы, которыя полюбятъ его, если только имъ онъ не внушитъ антипатіи, которую я почувствовала къ нему сразу, сама не знаю отчего. Страсти онъ ни въ комъ не возбудить; но къ нему могутъ привязаться и полюбить его—такое чувство прочнѣе и обѣщаетъ счастье въ семейной жизни. Но не можетъ оно развиваться, коль скоро чувствуешь къ человѣку непреодолимое отвращеніе. Не могу понять, отчего онъ мнѣ такъ противенъ. Конечно, съ Полиной я не говорила такъ откровенно, какъ съ тобой: я съ ней не настолько близка; но она, замѣтивъ, какъ посматривалъ на меня этотъ Адонисъ, уѣхала съ полной увѣренностью, что получить отъ меня извѣстіе о моемъ замужствѣ. Она мнѣ даже совѣтовала выйти за него. Я отшучивалась, не говоря ни да, ни нѣтъ. Дѣло въ томъ, что я за него не пойду; еслибъ и вздумала выйти, то въ настоящую минуту свадьбы быть не можетъ потому, что онъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, закусилъ удила и умчался въ свое симбирское помѣстье, откуда вернется лишь въ сентябрѣ. Онъ прямо не высказывалъ своихъ намѣреній, а мое обращеніе съ нимъ не давало ему повода излить свои чувства. Я только знаю, что онъ ревновалъ меня къ нѣкоторымъ молодымъ людямъ, между прочимъ къ младшему Голицыну, который изъ шалости ухаживалъ за мной всю эту зиму. Объ этомъ дошелъ слухъ до Голицына, который утверждаетъ, что ревнуютъ лишь тѣхъ, къ кому равнодушны. Полина на балахъ замѣтила, что Са—нъ не спускалъ съ меня глазъ; это повело къ разнымъ толкамъ въ городѣ, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ. До того, что говорили посторонніе, мнѣ дѣла не было; но меня тревожили разсужденія мамѣ. На всѣ ея доводы у меня одинъ былъ отвѣтъ: онъ мнѣ противенъ,—повторяла я.

Полагаю, что Са—нъ удалится, видя, что я отдаю предпочтеніе Голицыну. Съ послѣднимъ я съ дѣтства знакома, очень понятно, что я къ нему расположена. По этому поводу у меня было много домашнихъ непріятностей. Матушка забыть не можетъ зла, которое сдѣлалъ мнѣ одинъ изъ братьевъ Голицыныхъ, и не допускаетъ, чтобы кто-либо изъ нихъ годился мнѣ въ женихи. Замѣтивъ, что Голицынъ пустилъ корни въ нашемъ домѣ, и что Са—нъ ревнуетъ меня къ нему, мамѣ разсердилась на Влади-

мира, и между нами было нѣсколько непріятныхъ объясненій именно въ ту пору, когда я писала тебѣ, что мнѣ грустно. На первой недѣлѣ поста все утихло. Владиміръ былъ въ отсутствіи. Наконецъ онъ вернулся, но не на долго, завтра уѣзжаетъ къ матери и возвратится только въ святой.

Почему не хочешь ты сказать мнѣ, по какой причинѣ считаешь «его» недостойнымъ даже уваженія? Я привыкла слѣпо любить тебѣ, однако признаюсь, что меня огорчаетъ такое невыгодное мнѣніе о человѣкѣ, который въ жизни моей игралъ важную роль. Сколько разъ спрашивала я тебя, куда ты дѣвала мое письмо, ты не хочешь мнѣ отвѣчать. Вѣдь тебѣ извѣстно, что ничего не можетъ быть хуже сомнѣнія.

Поздравляю тебя съ возвращеніемъ мужа. Хорошую шутку игралъ онъ со мной; сказалъ, чтобы я не писала по почтѣ, а въ нимъ послала тебѣ письмо, а самъ вдругъ уѣхалъ, не предупредивъ меня. Мнѣ очень пріятно было съ нимъ повидаться. Особенно обрадовала меня надежда встрѣтиться съ тобой весною. Мужъ твой обѣщалъ доставить мнѣ это удовольствіе, но лучше не буду говорить объ этомъ заранѣе, а то, пожалуй, не сбудутся мои ожиданія. Очень благодарна тебѣ за шкатулку, такой подарокъ прочіе тряпокъ. Я лишилась цѣлой коллекціи красивыхъ рабочихъ ящичковъ, которыя сгорѣли вмѣстѣ съ домомъ. Теперь, благодаря тебѣ, Мари и Дашѣ, у меня опять появляются красивые шкатулочки. Обнимаю тебя.

29-го марта.—Мужъ твой просто оклеветалъ меня передъ тобой, дружокъ; сдѣлаю оправданія. Я рѣшительно не помню, чтобы кн. Щербатовъ читалъ мнѣ стихи съ цѣлью меня умиловать; вѣрно они не произвели на меня никакого впечатлѣнія. Вотъ цѣлыхъ два часа ломаю себѣ голову, стараюсь припомнить же, что происходило за маленькимъ столомъ, за которымъ мы ужинали въ тотъ вечеръ, какъ мужъ твой былъ у насъ. За столомъ сидѣло насъ шестеро: мужъ твой, кн. Щербатовъ, кн. Оболенскій, Гусятниковъ, братъ и я. Во весь вечеръ я только за ужиномъ и говорила съ Щербатовымъ, все остальное время мы играли въ бостонъ, и опять-таки скажу тебѣ, я не помню, чтобы онъ говорилъ что-либо особенное. Что касается цвѣта его лица, то онъ всегда пурпуровый; мудрено примѣтить на немъ какую-нибудь перемену, происходящую отъ волненія. Слѣдовательно, я оправдываю замѣчанія твоего мужа, и къ тому же прошу его повторить мнѣ стихи, которые его поразили, а я ихъ даже не считала.

Не брани меня изъ-за Са—на. Дѣло кончено, онъ уѣхалъ. Если вернется и не измѣнится его расположеніе ко мнѣ, обещаю тебѣ заставить себя къ нему привыкнуть. Буду читать себѣ наставленія, которыя ты бы давала мнѣ. Словомъ, исполню ваше общее желаніе. Пока, сдѣлай милость, не болтай. По письму твоему вижу, что ты говорила объ этомъ съ Вильгорскимъ; пожалуйста, не собирай никакихъ свѣдѣній. У С. множество родни въ Петербургѣ, если она узнаетъ о томъ, что я тебѣ говорила, то передастъ слыханное здѣшнимъ С., и всѣ они въ правѣ будутъ утверждать, что Са—нъ никогда не выказывалъ своихъ намѣреній и станутъ говорить, что все это я видѣла во снѣ. Недавно былъ случай такого рода съ одной особой. Тебѣ извѣстно, что у мужчинъ самолюбія еще больше, чѣмъ у женщинъ, и что они никогда не забудутъ, если ихъ разъ задѣли, съ намѣреніемъ или безъ намѣренія—это имъ все равно. Будь же осторожна, дружокъ. Я привыкла рассчитывать на твое благоразуміе, потому, не опасаясь, говорю съ тобой о томъ, чего никому не слѣдовало бы рассказывать.

Ты, кажется, не на шутку разсердилась на меня за то, что я посмѣялась надъ твоимъ двоюроднымъ братомъ. Нечего сказать, удружилъ мнѣ твой супругъ; онъ могъ окончательно поссорить насъ. Дѣлать нечего, если уже онъ выдалъ меня, я по неволѣ признаюсь въ своей винѣ. Точно, я говорила, что у кн. Одоевскаго пренепріятная наружность, и прибавила, что у тебя страсть заступаться за всю родню; ты считаешь долгомъ отстаивать своихъ самыхъ дальнихъ родственниковъ, хоть бы была седьмая вода на киселѣ. Я и на словахъ, и въ письмахъ подшучивала надъ тобой не разъ, а ты всегда отпѣкивалась; между тѣмъ, при всякомъ удобномъ случаѣ выказывала свою маленькую слабость.

Какъ это ты не говоришь мнѣ ни слова о вторженіи Наполеона во Францію? Сейчасъ видно, что два года тому назадъ онъ не посѣщалъ Петербурга; еслибъ пришлось вамъ по нашему вблизи поглядѣть на него, вы бы теперь не сидѣли такъ спокойно. Предупреждаю тебя, что ежели онъ все будетъ идти впередъ, я начну укладываться, чтобъ онъ не засталъ меня врасплохъ, какъ прошлый разъ. Ни одной нитки не оставлю въ Москвѣ! Вяземскій съ прошлой зимы все толкуетъ, что если придется эмигрировать во второй разъ, то онъ отправится въ ту сторону, куда я поѣду, и даже имѣетъ намѣреніе заказать экипажъ, въ которомъ поѣдетъ вслѣдъ за мной, или увезетъ меня собой, и объявилъ мамѣ, что оставитъ ей, вмѣсто меня, свою жену. Мы отъ души смѣялись надъ его

мыдумкой, но признаюсь тебѣ, что посѣщеніе Наполеона далеко не забавно: я не буду покойна до тѣхъ поръ, пока его не приберутъ къ рукамъ. Вы, жители Петербурга, всегда не прочь услужить намъ—москвичамъ. Въ настоящее время вы прислали намъ какую-то женщину, которая взбаламутила весь народъ. Она явилась съ желѣзной цѣпью и крестомъ на шеѣ, съ взъерошенными волосами и дикимъ взглядомъ. Едва пріѣхавъ сюда, она начала пророчествовать, предсказывать чуму, пожары, словомъ, разореніе всего города. Она пророчествовала на улицѣ, ее окружила толпа; увидѣвъ у нея крестъ на шеѣ, народъ сталъ кричать, что она святая, несмотря на то, что она палкой била ихъ, кто къ ней близко подходилъ. Полиція схватила ее и помѣстила ко всѣмъ властямъ, которыя велѣли посадить ее въ домъ умашенныхъ. Однако, народъ взволнованъ ея предсказаніями и хочетъ ее видѣть; не легко успокоить толпу. Это опять подарокъ къ Петербургу.

5-го апрѣля. — Напрасно ты, дружокъ, съ разными предосторожностями начинаешь вести рѣчь о нѣкоторомъ лицѣ, полагая, что я не вполнѣ къ нему охладѣла. Повѣрь, что потеря уваженія заглушаетъ любовь. Тебѣ давно бы слѣдовало сказать мнѣ, что г-жа Вилеро недовольна поступкомъ своего кузена; если она на него разсердилась, несмотря на привязанность свою къ нему, значитъ, онъ того стоитъ. Будь увѣрена, что я не могу сожалѣть о человѣкѣ, который сумѣлъ оттолкнуть отъ себя лицъ самыхъ близкихъ. Пожалуй, я бы выиграла въ глазахъ твоей кузины, еслибъ жалѣла о Г. Почему-то мнѣ всегда казалось, что она меня обвиняетъ, сама не зная въ чемъ. Совѣсть моя совершенно чиста; дай Богъ, чтобъ въ предсмертный часъ она была у меня такъ спокойна. Я рѣшительно ни въ чемъ не виновата передъ Г. де-Полиньякъ. Ты знаешь, что я человѣкъ вѣрующій, и передъ Богомъ лгать не буду. Въ отношеніи къ А... Г... мнѣ тоже не за что себя упрекнуть. Странно, что эти два человѣка, передъ которыми я ни въ чемъ неповинна, причинили мнѣ столько тревогъ и горя въ жизни. Молю Бога, чтобъ Онъ простилъ ихъ, какъ прощаю я. Мнѣ кажется, что для меня было бы самымъ большимъ счастіемъ въ жизни — оказать какую-нибудь услугу этимъ двумъ лицамъ; повѣрь, что въ моему желанію вовсе не примѣшивается самолюбіе. Я очень желала бы повидаться съ тобой и о многомъ потолковать.

Всѣхъ удивила выходка Наполеона. Сперва къ ней относились слегка, теперь стали подумывать, что это вовсе не забавно

продѣла. Сами мы на это напросились. Жалкая участь Бурбоновъ! Имъ вѣчно приходится быть жертвами чужого недосмотра; еслибъ дали имъ свободно дѣйствовать, давно бы избавился свѣтъ отъ чудовища. Всегда, не задумываясь, рубили головы преступникамъ, а по-моему, чѣмъ же этотъ негодяй лучше ихъ. Пощадили его драгоцѣнную жизнь, зато теперь погибнуть миллионы невинныхъ. Чтѣ на это сказать? Господь всѣмъ управляетъ и все дѣлаетъ на благо намъ, грѣшнымъ. Съ благодарностію и покорностію должны мы встрѣчать всякое событіе. Никогда такъ не высказывался промыслъ Божій, какъ въ настоящее время. Какъ легко было избѣгнуть всего, чтѣ происходитъ! Это видѣли ясно всѣ, кто не могъ ничего сдѣлать, а тѣ, которые могли предупредить зло, не употребили своей власти. Вѣдь это ясно. Я повторю вмѣстѣ съ Ниволинкой: вѣрно намъ слѣдуетъ искупить много грѣховъ, что мы не сумѣли воспользоваться испытаніемъ, посланнымъ намъ Провидѣніемъ два года тому назадъ. Иногда мнѣ вѣжется, что мы нисколько не исправились, а стали еще хуже. Когда прошло время ужаса, всѣ зажили по прежнему. Сердца наши очерствѣли, и чтобъ обратить насъ на истинный путь, милосердый Господь посылаетъ намъ новыя испытанія.

Скажи мнѣ, пожалуйста, отчего замолчали о замужествѣ Бэтси Полиньякъ? М-ле Апраксина увѣряетъ меня, что не бываетъ этой свадьбы, хотя молодыхъ людей продолжаютъ считать просватанными. Въ нашъ вѣкъ, право, бѣда не велика остаться въ дѣвушкахъ; чѣмъ меньше имѣешь привязанностей, тѣмъ лучше. Бываютъ дни, когда я сожалею, что не могу быть равнодушной ко всѣмъ на свѣтѣ. Я не дошла до христіанской добродѣтели любить, не привязываясь, потому, чтобъ быть спокойной, мнѣ слѣдуетъ ко всѣмъ быть равнодушной. Впрочемъ, намъ не суждено обрѣсти покой въ этомъ мірѣ. Будемъ страдать молча и постараемся заслужить блаженство загробной жизни.

14-го апрѣля. — Я два дня хворала, и потому не могла тотчасъ отвѣтить на твое письмо. Однако, мужъ твой порядочно упрямъ. Онъ рѣшительно не желаетъ отказаться отъ своего ошибочнаго заключенія. Пусть его воображаетъ, что всѣ вытираютъ глаза, глядя на меня. Къ тому же, ты весьма справедливо замѣтила, что почему же Щербатову не прочесть мнѣ стиховъ, какъ читывалъ онъ ихъ тридцати другимъ дамамъ, которыя ему нравились.

Кстати о поклонникахъ. На прошлой недѣлѣ я видѣла человека, котораго вздохи имѣли важное значеніе въ моей жизни.

Ты конечно отгадываешь, что я говорю объ Александрѣ Голицынѣ. Онъ былъ здѣсь — проѣздомъ изъ Варшавы въ деревню къ матери, гдѣ и находится въ настоящее время. Въ концѣ святой, онъ опять пріѣдетъ сюда, не знаю на долго ли. Онъ страшно растолстѣлъ и подурнѣлъ. Вотъ все, что я скажу тебѣ о немъ.

Сдѣлай милость не спорь, дознано, что пророчица явилась къ намъ изъ Петербурга. Министръ вѣроисповѣданій, кн. Голицынъ далъ ей паспортъ на проѣздъ въ Иерусалимъ. Теперь эта женщина сидитъ въ сумасшедшемъ домѣ и пьетъ съ утра до вечера. Въ городѣ про нее забыли, благодаря политическимъ событіямъ, всѣхъ встревожившимъ. Въ странный вѣкъ пришлось намъ жить, дружокъ! Люди рѣшительно отказались отъ всякой предусмотрительности, чего никогда не бывало. Нельзя отвѣчать на завтрашній день; это насъ заставитъ заботиться о настоящемъ, и будетъ не безъ пользы.

Вотъ уже дня три какъ я пересчитываю вступленіе къ благочестивой жизни св. Франциска Салійскаго. Одно мѣсто въ этой книгѣ растрогало меня до слезъ, и я вспомнила сужденіе г. Виллеро объ этомъ сочиненіи. Точно, надо быть чудовищемъ, чтобъ, читая его, не почувствовать желанія исправиться. Но какъ развлекаетъ насъ свѣтская жизнь и мѣшаетъ заняться серьезнымъ дѣломъ; какъ говорить Софи Обленская мы другъ друга портимъ, — еслибъ не вергѣлись мы въ свѣтъ, намъ многое дурное и въ голову бы не пришло. Подчасъ я чувствую такое отвращеніе ко всѣмъ и ко всему, что мнѣ хочется убѣжать за тридевять земель. Мы занимаемся такими пустяками и такъ мало заботимся о достиженіи цѣли, для которой мы созданы, что ужасъ охватываетъ, когда подумаешь о томъ, что насъ ожидаетъ по смерти. На землѣ большею частью нами руководить злой духъ, на что мы не обращаемъ вниманія. Да, милый другъ, я очень недовольна всѣмъ, на что ни взгляну, а больше всего собою. Только-что приму я благое намѣреніе, смотришь, какой-нибудь вздоръ мнѣ помѣшаетъ и я поступаю совершенно противоположно тому, какъ намѣревалась дѣйствовать. Мы очень слабы духомъ, да къ тому же ведемъ такой образъ жизни, который мѣшаетъ намъ укрѣпляться въ добродѣтели. Въ деревнѣ мы бываемъ разумнѣе, потому что больше сами съ собой бесѣдуемъ; оттого-то я и рвусь въ Высокое; вообще много есть у меня причинъ спѣшить въ деревню.

19-го апрѣля. — Христосъ воскресъ, милый другъ. Отвѣчаю твоими поцѣлуями на ваши поздравленія. Какъ видишь,

я еще не начала держаться правила—ко всѣмъ быть равнодушной, которое тебѣ такъ не понравилось. Повѣрь, что въ этой системѣ есть своя хорошая сторона. Любовь къ ближнему, о которой ты мнѣ упоминаешь, быть можетъ, и есть шагъ къ достиженію невозмутимости, къ которой я стремлюсь. Кто любить ближняго, любить всѣхъ одинаково и никого въ особенноти. Изъ этого слѣдуетъ, что тебя я столько-же должна любить, какъ и m-lle Хомутову, сочувствовать твоимъ горестямъ равно также, какъ и ея печали. Однако вѣдь тебѣ извѣстно, что тебя я люблю иначе чѣмъ ее. Чувство, которое простиралось бы на всѣхъ людей, было бы гораздо слабѣе, слѣдовательно мы меньше принимали бы къ сердцу и горе и радость ближняго, и потому были бы спокойнѣе душой. Отъ исключительныхъ привязанностей намъ приходится много страдать, зато радость, ими доставляемая, велика; но такъ какъ вообще на землѣ болѣе горя, чѣмъ счастья, то въ итогѣ оказывается, что большую часть жизни намъ приходится страдать. Этого бы не случилось, еслибъ мы всѣхъ одинаково любили. Еще большаго блага достигли бы мы, еслибъ любили Бога больше всего въ мірѣ. Земныя привязанности отвлекаютъ насъ отъ любви къ Создателю. Ты видишь, что я вовсе не противъ любви къ ближнему, и даже желала бы, чтобъ главной привязанностью нашей была любовь ко Всевышнему. Много можно бы было сказать объ этомъ важномъ вопросѣ, но въ письмѣ неудобно разсуждать. Согласись только съ тѣмъ, что еслибъ мы Господа любили больше всего на свѣтѣ, то избѣгли бы многихъ горестей, которыя влекутъ за собой привязанности земныя, слѣдовательно мы были бы счастливѣе.

Здѣсь тоже разнесся слухъ, что маршалъ Ней убитъ Наполеона, но никто не повѣрилъ этому извѣстію и ни на кого оно не произвело впечатлѣнія. Настоящій великій праздникъ долженъ бы былъ всѣхъ обрадовать; но въ нынѣшнемъ году всѣ такіе грустные, съ трудомъ удерживаешься отъ отчаянія, до того привыкли мы на все смотрѣть мрачно. Не встрѣчаешь ни одного веселаго лица. Два года терзалъ насъ страхъ, теперь, только успѣли мы отъ него избавиться — снова приходится опасаться за будущее. Всѣ, у кого есть мужъ, братья или сыновья, дрожатъ за ихъ жизнь. Ты справедливо замѣчаешь, что вторая трагедія можетъ быть ужаснѣе первой.

Особенныхъ новостей у меня нѣтъ. Дни идутъ однообразно. Вижу все съ одними и тѣми же лицами. Съ тѣхъ поръ какъ вернулась Апраксина, я очень часто выдаюсь съ ея дочерью; она очень милая особа, и съ ней я не скучаю. Другіе наши

намерекъ и насъ сближаетъ, такъ что съ ней я довольно коротка; но не думаю, чтобъ мы когда-нибудь тѣсно сошлись. Я вообще не легко дружусь, и если съ перваго раза не почувствовала къ человѣку расположенія, то никогда съ нимъ не сближусь. Чѣмъ больше живу, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что рѣдко можно встрѣтить людей, съ которыми найдешь много общаго. Въ гостинной можно встрѣчаться съ людьми каждый день, но все-таки это не поведетъ къ дружбѣ; вообще, я не намѣрена сближаться, развѣ если встрѣчу какую-нибудь личность изъ ряду мнѣ. Къ тому же, меня преслѣдуетъ судьба, удаляя отъ людей близкихъ моему сердцу: ты въ Петербургѣ, сестра въ харьковской губерніи, Мари въ саратовской. Послѣдняя отъ меня близкихъ, однако насъ раздѣляетъ 650 верстъ. Она мнѣ часто пишетъ, также какъ Катенька и ты. Какъ можно сравнить удовольствіе получать письма съ изустной бесѣдой! Какъ пріятно, когда вздумается сейчасъ же пойти и повидаться съ близкими людьми! Я задыхаюсь отъ жару, хотя окна и дверь у меня открыты настежь, какъ будто въ іюлѣ мѣсяцѣ. Нынче 20° жару. Всѣ гуляютъ, а я буду сидѣть дома до завтрашняго вечера. Завтра мы отправляемся въ собраніе, потомъ въ теченіи этой недѣли мнѣ предстоитъ нѣсколько ужиновъ. Обнимаю тебя.

26-ю апрѣля. — Вчера я не получила отъ тебя вѣсточки, дружокъ, и горюю объ этомъ по обыкновенію. Всю прошлую недѣлю я ужинала въ гостяхъ. Во вторникъ была въ собраніи, куда меня повезли насильно; я было-порѣшила не танцовать во весь вечеръ, но мамѣ это не понравилось, и мнѣ пришлось плясать поневолѣ. Во время второй кадрили меня такъ стало колоть, что я съ трудомъ докончила контрдансъ. У меня давно пропала охота къ танцамъ, да и вообще къ увеселеніямъ.

Не запомню, чтобъ когда-либо я была такъ мрачна, какъ нынѣшней весной. Все мнѣ до крайности надоѣло. Ничто меня не занимаетъ, не радуетъ. Не знаю, какъ избавиться отъ такового непріятнаго настроенія. Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъѣзда въ деревню, въ надеждѣ что пріѣздъ братьевъ и сестеръ меня оживитъ. Не мало порадуетъ меня и твое появленіе, если ты сдержишь обѣщаніе и пріѣдешь къ намъ. Я довольна, что кончилось праздники; теперь я избавилась отъ катанья: ненавижу все связанное на одномъ мѣстѣ, да изволь еще направо и налѣво маневрировать съ знакомыми, до которыхъ мнѣ никакого нѣтъ. Однако третьяго-дня должна я была ѣхать подѣ качели Оболенскими, которые меня упрасивали съ ними покататься.

Вчера они было снова начали приставать ко мнѣ, но я наотрѣвъ отказалась ѣхать. Къ тому же, я получила непріятное извѣстіе о старой вн. Голицыной; хотя я далеко не такъ люблю ее, какъ любила покойнаго князя, однако, будучи привязана ко всей ихъ семьѣ, я вполне раздѣляю ихъ горе. Я жалѣю о книгнѣ, которая находится въ отчаянномъ положеніи, объ ея дѣтяхъ и о Мари, которой больная диктуетъ свое духовное завѣщаніе. Тяжелая обязанность писать чью-либо духовную; каково же бѣдной Мари писать завѣщаніе княгини, замѣнявшей ей родную мать! Письмо Мари очень грустное; прочитавъ его, я стала еще мрачнѣе. Теперь начнутся сборы въ дорогу; Оболенскіе уѣзжаютъ завтра; Апраксина въ воскресенье.

12-го мая. — Въ прошлый понедѣльникъ я не писала тебѣ потому, что лишь вечеромъ вернулась изъ имѣнія Небольсинной, гдѣ мы провели четыре дня. Дома меня ожидало письмо твое отъ 4-го мая. Сердечно радуюсь, что ты не измѣнила намѣренія посѣтить наши края, но побраню тебя за то, что ты просишь позволенія пріѣхать въ Высокое. Это рѣшительно замашка германской принцессы; конечно, какъ же тебѣ не бояться быть дурно встрѣченной въ нашемъ домѣ! И точно, стѣбитъ тебя холодно принять за то, что ты извиняешься на каждомъ шагѣ; я не могу переварить этой дурной привычки. Повидимому, ты не исправима. Дѣлать нечего, я отнесла письмо твое къ мамѣ, мы обѣ подивились твоей церемонности, и мамѣ поручила мнѣ передать тебѣ, что ты, супругъ твой, дѣти, няньки, горничныя, лакеи — словомъ, весь твой штатъ можетъ явиться во владѣнія семейства Волковыхъ. Васъ помѣстятъ, какъ можно удобнѣе, и будутъ за вами ухаживать. Кажется, выражаюсь я точно; съ тобою иначе и нельзя говорить: если я забуду упомянуть о какомъ-нибудь поваренѣ, ты способна отложить поѣздку. Теперь условимся о томъ, въ какое время придется намъ ждать васъ. По-моему, вамъ бы слѣдовало завернуть къ намъ по дорогѣ въ Москву; мы въ тридцати верстахъ отъ Клина, слѣдовательно, крюкъ — всего 20 верстъ. Если ты рѣшишься послѣдовать моему совѣту, увидь меня, котораго числа будете вы въ Клину: я пошлю туда человека, который укажетъ вамъ дорогу въ Высокое. Если ты моего плана не одобряешь, спроси у нашего толстаго управляющаго, какъ къ намъ пробраться. Онъ живетъ въ нашей московской квартирѣ, и укажетъ вамъ какимъ способомъ попасть въ Высокое. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю я тебя!

Прощай, моя дорогая. Мнѣ предстоитъ написать цѣлую кучу

писемъ. Погода роскошная. Здѣсь, въ монастырѣ, у меня передъ окномъ яблонь вся въ цвѣту. Каковы политическія новости? Будущее крайне неопредѣленно, ничего ровно нельзя ни предвидѣть, ни предполагать. Одному Богу извѣстно, каковъ будетъ исходъ изъ теперешняго неяснаго положенія. Привѣтствую твоего супруга.

20-го мая. — Въ понедѣльникъ окончила я всѣ свои разрывы, дружбы. Изъ письма твоего 11-го числа заключаю, что могу надѣяться на свиданіе съ тобой. Хотя ты и согласна заехать къ намъ по дорогѣ въ Москву, но, въ сожалѣнію, планъ этотъ неисполнимъ. Матушкѣ придется уѣхать изъ деревни въ положивъ іюня: пожалуй, насъ не будетъ въ Высокомъ именно въ ту пору, когда ты пріѣдешь; вѣдь это было бы крайне досадно! Потому, лучше поѣзжай прямо въ Москву; въ квартирѣ нашей ты узнаешь, когда насъ можно будетъ навѣрное застать въ Высокомъ. Въ нынѣшнемъ году вообще всѣ наши проекты оказываются неудачными. Мы намѣревались уѣхать отсюда во вторникъ, послали въ деревню за лошадьми: посланный нашъ пропалъ; вотъ уже цѣлыхъ 6 дней о немъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Нынѣе утромъ отправили другого человѣка въ имѣніе; боюсь, не приключилось ли чего недобраго съ нашимъ милымъ Высокимъ. Сержъ долженъ пріѣхать туда къ 1-му іюня, не поздне. Теперь мы не успѣемъ увѣдомить его, чтобъ онъ отложилъ поѣздки. Вообще, у насъ царствуетъ суматоха.

Тебѣ рѣшительно не нравятся проповѣди Шаховской. Очень жаль, а я только ждала твоего разрѣшенія, чтобъ наложить на себя обѣтъ безбрачія. Шутки въ сторону, а надо признаться, что мало приходится встрѣчать счастливыхъ супружествъ, такъ что дѣвушкамъ разсудительной слѣдуетъ опасаться замужства. Положеніе старой дѣвы не изъ числа пріятныхъ; но зато онѣ избавлены отъ многихъ заботъ, въ особенности если отказались отъ свѣта и свѣтской суеты. Мы поговоримъ объ этомъ недѣли черезъ двѣ, увидимъ, кто кого переспорить.

29-го мая. — Пользуюсь отъѣздомъ Василія Голицына, моего друга, чтобъ увѣдомить тебя о томъ, что сама я черезъ два дня отправляюсь въ деревню. Сержъ говоритъ намъ въ послѣднемъ письмѣ, что 31-го онъ будетъ въ Высокомъ. Потому мы рѣшили ѣхать туда не медля. Посланный нашъ явился, лошади приведены, остается сѣсть въ экипажъ. Погода чудесная, спѣшу дышать деревенскимъ воздухомъ. Я получила твое письмо отъ

18-го числа; какъ досадно, что дѣла твои не оканчиваются. Боюсь, чтобъ онѣ не помѣшали твоему путешествію.

Никакихъ интересныхъ новостей у насъ не имѣется. Всѣ развѣзжаются; многія особы горюють объ отъѣздѣ гвардейцевъ. Вообще, всѣ приуныли и самой мнѣ не весело, такъ себѣ, безъ всякой причины, что рѣдко со мной случается.

Долго бесѣдовала съ вн. Александриной, и мы порѣшили, что надо имѣть какин-нибудь значительныя причины для того, чтобъ желать выйти замужъ. У нея на глазахъ—сестра, вышедшая замужъ въ январѣ, и которой пришлось теперь разстаться съ мужемъ на неопредѣленное время; по всей вѣроятности, намъ войны не миновать. Бѣдная Давыдова въ отчаяніи, больно на нее смотрѣть. Она въ бреду, и съ трудомъ могутъ съ ней справиться. Никогда нельзя было рассчитывать на будущее, а въ нашъ вѣкъ еще меньше чѣмъ когда-либо; потому-то и не слѣдуетъ добровольно навязывать себѣ заботы, и безъ того есть у каждаго неизбѣжныя тревоги. Здѣсь много молодыхъ парочекъ—свадьбы начались съ января. Приходится сожалѣть объ этихъ четахъ; какъ и всегда, женщинамъ приходится страдать больше мужчинамъ. Мужья заняты своей службой, путешествіе ихъ развлекаетъ, а несчастнымъ женщинамъ приходится оставаться дома и плавать въ одиночествѣ. Часто мужья о насъ забываютъ. По-моему, безразсудно что-либо предпринимать въ настоящее время; надо жить со дня на день. Постараюсь убѣдить тебя въ справедливости моего сужденія. Не слѣдуетъ выходить замужъ, твердить княжна Шаховская; я готова вторить ей, но боюсь твоего гнѣва. Я и Александринѣ говорила, какъ я тебя побаиваюсь. Она смѣется и удивляется, что ты имѣешь такое вліяніе на меня, даже живя вдалекѣ. Скажу тебѣ по секрету, что мы намѣрены устроить женскій монастырь, который вполнѣ отвѣчалъ бы цѣли этихъ учреждений, потомъ мы будемъ разборчиво принимать монахинь. Выберемъ строгую игуменью, которая слѣдила бы за нами и помогала намъ нравственно усовершенствоваться. Надѣюсь, что ты одобришь эту прекрасную мысль. Теперь мы не можемъ привести ее въ исполненіе потому, что расстаемся на все лѣто. Осенью мы опять сойдемся, а лѣтомъ я постараюсь убѣдить тебя въ томъ, что ты напрасно склоняешь меня къ супружеству; на-вѣрное мужъ, котораго ты мнѣ выберешь, не будетъ стоить нашей игуменьи. Если правда на твоей сторонѣ, постарайся мнѣ это доказать, тогда я вполнѣ подчинюсь твоей волѣ, и выйду за перваго встрѣчнаго, хоть за г-на Арапова. Прощай, дружокъ; когда же скажешь ты мнѣ, что пора намъ прекратить переписку?

Высокое, 10-го июня.—Все, что произошло в семье нашей, мой друг, для меня досаднее чем для всех других. Должно быть для испытанія моего терпѣнія случилось все это в минуту, когда я ожидала счастья обнять тебя. Когда пріѣхалъ братъ; матушка отложила в сторону поѣздку на богомолье, и мы намѣревались отправить в Клинь человека, который бы указалъ тебѣ дорогу в Высокое. Нынче я надѣялась увидаться съ тобой, такъ какъ в послѣднемъ письмѣ ты обѣщала явиться къ намъ 10-го. Вдругъ посреди моихъ мечтаній, которыя, казалось, были вполне осуществимы, приносятъ письмо изъ Москвы отъ брата. Онъ пишетъ, что дядю ужасно огорчило извѣстіе о смерти сына, и онъ вдругъ вздумалъ ѣхать къ намъ, чтобъ искать утѣшенія в семьѣ; прибавляетъ Николинъ, дядя желаетъ быть только посреди насъ и пріѣдетъ в Высокое 10 или 11-го. Черезъ два дня послѣ этого письма получаю я твою записку: ты говоришь мнѣ по порученію дяди, переданномъ тебѣ Виельгорскимъ. Еслибъ ты знала, до чего меня разстроили всѣ эти неожиданныя препятствія къ свиданію нашему! Къ счастью, я привыкла къ неудачамъ; в первую минуту мнѣ бываетъ очень горько, когда рушатся мои надежды, а затѣмъ я стараюсь примириться съ обстоятельствами. Когда я подумала о дядиномъ горѣ, у меня духу не стало жаловаться на свои несбывшіяся ожиданія. Бѣдный остался одинъ на свѣтѣ, кромѣ матушки и насъ, у него никого нѣтъ близкихъ. Теперь я разсчитываю, нельзя ли тебѣ ѣхать къ намъ по дорогѣ къ Шаховскимъ. Мнѣ кажется, это можно устроить; если ты отправишься къ нимъ в концѣ іюня или в началѣ іюля, то в эту пору дядя будетъ в Москвѣ, а мы останемся одни в Высокомъ. Шаховскіе ѣздятъ къ себѣ в деревню тоже по Воскресенской дорогѣ; ихъ помѣстье в 100 верстахъ отъ Воскресенска, а наше в 28. В 16 верстахъ отъ насъ находится дорога в Волоколамскъ, по которой ѣздитъ в Холмъ. Тебѣ придется сдѣлать небольшой крюкъ. Этимъ путемъ легче къ намъ пробраться, нежели черезъ Клинь. В 40 верстахъ отъ Москвы есть деревня, тоже подъ названіемъ Высокое, гдѣ мѣняють лошадей, отправляясь отсюда в любую сторону. Если ты наймешь тутъ лошадей, всякій мальчишка укажетъ тебѣ дорогу къ намъ имѣніе. Изъ этой деревни повезутъ тебя в Подольское—другую станцію по Волоколамской дорогѣ, которая находится отъ города в 25 верстахъ, а отъ насъ в 16. Видишь, неужели до насъ добраться; неужели ты не можешь для меня сделать лишній разъ изъ Варина. Положимъ, что не весело жить съ маленькими дѣтьми; потому я и не претендую на

тебя. Но вѣдь ты будешь у Шаховскихъ, неужели отложишь и до сентября свиданіе со мной? Богъ знаетъ, что можетъ случиться до той поры, да и почему же не пріѣхать тебѣ къ намъ во второй разъ? Напиши мнѣ поскорѣе, годится ли тебѣ предложенный мною маршрутъ? Сколько времени пробудешь ты в Москвѣ? Быть можетъ, дядя захочетъ, чтобъ мы ѣхали въ городъ вмѣстѣ съ нимъ, я во-время увѣдомлю тебя; если состоится наш поѣздка, тогда надѣюсь, что ты проѣдешь 20 верстъ ради свиданія со мной. Наконецъ, сама я проберусь въ Варину хоть и денѣкъ.

Мы заранѣе распредѣлили, какъ будемъ проводить время в деревнѣ. Ожидали къ себѣ гостей. Имѣли намѣреніе раза два съѣздить къ Апраксинамъ, и что же? теперь намъ приходится не двигаться съ мѣста до тѣхъ поръ, пока дядя не разрѣшитъ намъ куда-либо поѣхать. Отъ общества мы тоже должны отказаться. Словомъ, мы лишимся многихъ удовольствій, и три лѣтніе мѣсяца проведемъ гораздо скучнѣе, нежели предполагали. Но первой заботой должно быть исполненіе долга—угождать дядѣ и позабыть о развлеченіяхъ, которыя мы имѣли въ виду. Николинъ не приводитъ сюда дядю, но вѣроятно ему нельзя будетъ долго остаться съ нами, о чемъ я заранѣе горюю. Вотъ все, что я имѣла сообщить тебѣ, милый другъ. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать твоего отвѣта: желаю знать, одобряешь-ли ты мой планъ касательно поѣздки. Скажи мнѣ пожалуйста, куда должна я адресовать мои письма? Какъ досадно, что ты пріѣхала въ Москву именно въ ту пору, когда меня нѣтъ въ городѣ. Обнимаю тебя.

15-го іюня.—Имѣя возможность послать записочку въ Москву спѣшу тебя увѣдомить, милый другъ, что съ 26 числа нынѣшняго мѣсяца намъ можно будетъ свободно располагать нашими временемъ. Слѣдовательно, возвращаясь отъ Шаховскихъ, можешь завернуть къ намъ. Умоляю тебя не пропустить удачнаго случая повидаться со мной. Почти каждое лѣто приходилось намъ бывать въ Москвѣ, но въ этомъ году какъ на зло мы точно прикованы къ деревнѣ. Быть можетъ, придется намъ навѣстить дядю въ іюль, и то въ городъ мы не заѣдемъ, а отправимъ прямо въ имѣніе Бяратинскаго, около Петровскаго, гдѣ тетусь наняла дачу для себя и для дяди.

Прощай, дружокъ, меня торопятъ. Кланяйся мужу и передай ему мою просьбу отпустить тебя къ намъ. Какъ ни говори, вѣдь всегда мужья рѣшаютъ куда ѣхать и что дѣлать. Надѣюсь, что онъ исполнитъ мою просьбу; тогда я буду имѣть случай

разспросить у него, что именно сочинилъ онъ на мой счетъ и рассказалъ тебѣ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ.

21-го августа.—Что это значить, милый другъ, я болѣе мѣсяца не получала отъ тебя писемъ. Давно бы спросила, почему ты молчишь, еслибъ глаза не мѣшали мнѣ писать. Я о тебѣ ужасно тревожусь. Теряюсь въ догадкахъ и боюсь предположить, что не пишешь ты потому, что сама ты больна или кто-нибудь изъ семьи. Никогда не случалось мнѣ оставаться такъ долго безъ извѣстій о тебѣ, даже когда мы живемъ вдальекъ другъ отъ друга, а теперь мы находимся въ одной губерніи, и я не знаю, что съ тобой дѣлается. Чего добраго, пожалуй тебѣ придется вернуться въ Петербургъ, не повидавшись со мной. Постараюсь притупить себя къ этой мысли, тогда быть можетъ дѣла примутъ благопріятный оборотъ, потому что всегда случается то, чего я не ожидаю.

11-го октября.—Отъ сестры и невѣстки моей я узнала, дружокъ, что ты благополучно доѣхала до Петербурга. Жду письма твоего съ большимъ нетерпѣніемъ. Сама я здорова; давно не чувствовала я себя такъ хорошо, какъ послѣдніе три или четыре мѣсяца. Со времени нашей эмиграціи здоровье мое совершенно-было разстроилось, я безпрестанно хворала. Зато теперь поправляюсь и полнѣю; не бѣда, если талія у меня будетъ не очень тонка и стройна, лишь бы мнѣ избавиться отъ совѣтовъ Кульмана.

Погода стоитъ чудесная. Ты смѣло могла бы отложить поездку недѣли на двѣ и дожидаться пріѣзда Шаховскихъ. Мы каждый день гуляемъ въ однѣхъ платьяхъ, и то намъ бываетъ жарко. Небо такое ясное, можно вообразить, что мы находимся въ Италіи.

Нашъ кружокъ все увеличивается. Я очень пріятно провожу время; недостаетъ только Вяземскаго. Онъ нынче долженъ пріѣхать. Давно не была я такъ счастлива, довольна и спокойна, какъ въ этомъ году. Еслибъ могла я навсегда остаться въ такомъ настроеніи! Больше ничего бы я не желала.

18-го октября.—Отъ души посмѣялась я, дружокъ, надъ вашими дорожными привлеченіями. Впередъ ты будешь мнѣ вѣрить. Совершенно лишнее съ твоей стороны упрашивать меня такъ писать подробнѣе. Я и то, кажется, передаю тебѣ все до мелочей; подчасъ я думаю, что тебѣ навѣрное надоѣдаетъ мое раз-

глагольствованіе. О г-нѣ Са—нѣ, который живетъ отъ насъ направо (замѣть, не со стороны сердца), сказать нечего. Кажется, онъ обо мнѣ болѣе не думаетъ, а я о немъ тѣмъ менѣе,—такъ мы и останемся въ почтительномъ разстояніи другъ отъ друга. Недавно онъ оказалъ мнѣ маленькую услугу. Я была въ затрудненіи, не зная какимъ образомъ переслать письмо Мари Сумароковой: онъ взялся его доставить, и черезъ сутки посланіе попало въ руки моей пріятельницѣ. Онъ мастеръ на услуги такого рода, потому я не желаю съ нимъ ссориться. Очень можетъ быть, что тебѣ снова напишутъ отсюда, что я выхожу за него замужъ. Въ городѣ объ этомъ толкуютъ болѣе, чѣмъ когда-либо; но вѣрь мнѣ, это сущія выдумки. Куда я ни явлюсь, вездѣ стараются выведать у меня небывалую тайну; а когда мнѣ случается быть въ обществѣ съ нимъ вмѣстѣ, всѣ такъ и смотрятъ на насъ. Въ прошлую пятницу мы встрѣтились у Шаховскихъ на именинахъ моей учительницы выпиванія. У нихъ былъ званый ужинъ; я вернулась домой разсерженная; представъ себѣ, на меня смотрѣли съ такимъ любопытствомъ, какъ будто я сію минуту должна выйти замужъ, тутъ же въ гостиной, и они боятся прозвѣвать эту церемонію. Поэтому я холодно, даже рѣзко, обращалась съ г-мъ Са—мъ, лаконически отвѣчала на его вопросы. За этимъ ужиномъ видѣла я одного господина поинтереснѣе нашихъ увальней; попробую его очаровать; зовутъ его Signor Ratte, вѣрно ты слышала эту фамилію въ Петербургѣ. Онъ хорошъ съ Віельгорскимъ. У него чудесный голосъ, поетъ неподражаемо, мнѣ кажется, что онъ успѣлъ меня плѣнить. Дѣло въ томъ, что я боюсь его до смерти: какая-то добрая душа рассказала ему, что я занимаюсь пѣніемъ. Онъ пожелалъ слышать, какъ я пою. Обратился къ хозяйкамъ съ просьбою упробить меня спѣть, и меня, какъ жертву, потащили къ роялю. Для меня одинъ итальянецъ страшнѣе цѣлой сотни слушателей какой-нибудь другой націи. У меня совсѣмъ закружилась голова. Я пѣла прегадко, не зная, что пою, ни въ какомъ тонѣ, сбиваясь на каждомъ шагу — словомъ дала невыгодное понятіе о своемъ талантѣ, но видъ у меня былъ такой несчастный и растерянный, что итальянецъ сжалился надо мной и старался ободрить меня компліментами. Говорятъ, такого рода встрѣчи служатъ предвѣстниками страсти.

Ожидай же, что я влюблюсь и буду изливать свои чувства въ жалобныхъ романсахъ. Прежде всего желаю знать, одобряешь ли ты мой выборъ? Буду соображаться съ твоей волей, а пока держу синьора въ почтительномъ отдаленіи. Его представили

мамѣ, которая всѣмъ его рекомендуетъ. Онъ довольно сноситъ, но далеко не стоить саратовскаго итальянца.

25-го октября.—Ты находишь дерзкимъ мое предположеніе, будто женитьба Щукина тебя порадуетъ. Сдѣлай милость, извини меня, дружокъ. Но вѣдь ты стоишь за супружество и желаешь, чтобъ всѣ женились; почему же не одобряешь ты поступка г-на Щукина, который вполне цѣнитъ семейную жизнь и пребываетъ въ безбрачїи не болѣе шести мѣсяцевъ. Напрасно ты на него нападаешь, я беру его подъ свою защиту.

Въ отвѣтъ на похвалы, которыми мужъ твой осypаеъ г-на Са—на, заявляю, что въ настоящую минуту я вовсе не расположена въ его пользу. Меня радуетъ, что въ настоящее время онъ повидимому вовсе мной не занятъ; я всячески стараюсь поддерживать въ немъ столь благое настроеніе и обращаюсь съ нимъ очень небрежно. Вѣроятно, онъ догадывается о моемъ нерасположеніи къ его особѣ. Эта личность мнѣ крайне несимпатична, вѣроятно не даромъ чувствую я къ нему такую антипатію. Я по инстинкту всегда вѣрно характеризую личности, съ которыми сталкиваюсь въ жизни. Смѣйся надо мной, если тебѣ угодно, а я все-таки буду стоять на своемъ. Пожалуйста, прекрати разговоръ объ этомъ лицѣ.

Жду твоего разрѣшенія, чтобъ начать свой романъ съ итальянцемъ. Теперь покуда—онъ распѣваетъ, я слушаю его пѣніе, мы вмѣстѣ поемъ дуэты, и я становлюсь менѣе робка въ его присутствіи. Какъ видишь, дѣло подвигается; когда получу отъ тебя разрѣшеніе, то затѣю исторію, которая не уступитъ въ оригинальности самымъ сумасброднымъ романамъ г-жи Сталь.

1-го ноября.—Мнѣ говорили объ исторіяхъ, про которыя ты мнѣ рассказываешь въ послѣднемъ письмѣ. Одна изъ нихъ грустная, а другая возмутительная. Г-жа Бибикова узнала о своемъ несчастіи отъ сына своего Іліи. Онъ, какъ мнѣ говорили, не зачинщикъ и не жертва этой трагедіи. Это все-таки можетъ служить утѣшеніемъ для матери; послѣ смерти Павла она привязалась къ Ільѣ. Пятый сынъ ея, Александръ, плачевно окончилъ свою карьеру; ему было не болѣе 18-ти лѣтъ. Судьба его должна пугать матушекъ, которыхъ сыновья начинаютъ появляться въ свѣтъ и готовятся вступить въ эту ненавистную военную службу. Военные по преимуществу одобряютъ дуэль; они и понятія не имѣютъ о настоящей чести. Сколько семействъ повергъ въ отчаяніе этотъ жалкій предрассудокъ! Не могу тебѣ выразить, до чего

мнѣ противна страсть къ дуэлямъ; это просто родъ безумства. Я не зла и тѣмъ болѣе не жестока, но признаюсь, желала бы, чтобъ устроили висѣлицу для дуэлистовъ и не щадили бы ни одного изъ этихъ господъ. Еслибъ одного или двухъ изъ нихъ повѣсили, повѣрь, что прекратилась бы эта несчастная манія. Конечно, начать слѣдовало бы съ людей зрѣлыхъ, которые подаютъ пагубный примѣръ юношамъ въ родѣ несчастнаго Бибикова и пріятеля его, который, по-моему, еще болѣе достоинъ сожалѣнія, потому что его всю жизнь будутъ преслѣдовать угрызенія совѣсти. Вотъ къ чему приводитъ неумѣстная отвага, которую, повидимому, цѣнить въ свѣтѣ! Что касается г-жи Толстой, ея приключеніе просто возмутительно.

Къ счастью нашему, въ Москвѣ рѣдки такіа необычайныя происшествія. У насъ живутъ мирно.

Послѣ-завтра насъ ожидаетъ нѣчто необыкновенное, но вовсе не похожее на ваши печальныя исторіи. Князь Юрій Долгорукій дожилъ до 75 лѣтъ и никогда не принималъ къ себѣ гостей, хотя два раза былъ московскимъ генераль-губернаторомъ; теперь вдругъ ему вздумалось дать *bal рагэ*, онъ разослалъ приглашенныя карточки всей нашей знати, предварительно сдѣлавъ всѣмъ визиты. Вчера мы получили приглашеніе, и мнѣ приходится хлопотать о нарядѣ. Здѣсь не водится приглашать письменно, какъ тебѣ извѣстно; лишь на придворные балы являются по билетамъ, а частныя лица рѣдко посылаютъ письменныя приглашенія. Вообще у насъ ихъ не долюбиваютъ, потому что приходится дѣлать лишнія издержки на туалетъ, а мы до пышности не охотники.

Только что похвасталась я здоровьемъ, да и прохворала цѣлую недѣлю послѣ обѣда у Вяземскихъ. У нихъ красивый домъ, но въ немъ жарко, какъ въ банѣ. Обѣдъ былъ очень веселый и пріятный, но, возвращаясь домой, я простудилась, такъ какъ погода была холодная. Князь Петръ тоже хвораетъ и не выходитъ изъ дому, вотъ почему я не успѣла еще передать ему твой привѣтъ. Нынче, быть можетъ, онъ явится послѣ обѣда, и я непременно скажу ему, что еслибъ ты жила здѣсь, то навѣрное примкнула бы ко мнѣ, къ кн. Шаховской и другимъ особамъ, которыя его отбиваютъ другъ у друга. Это рѣдкій молодой человекъ; чѣмъ больше его узнаешь, тѣмъ болѣе къ нему привязываешься.

ли Сдѣлай милость, не позволяй мнѣ влюбиться въ Ратти. Раздѣржаніе твое поставило бы меня въ затруднительное положеніе, у что я окончательно въ немъ разочаровалась, узнавъ, что

тъ выдаетъ за свое сочиненіе романсы, которые ему принадлежать столько же, какъ и мнѣ. Такое присвоеніе чужой собственности непростительно, и потому я отъ него отказываюсь; будь то голосъ въ тысячу разъ нѣжнѣе, глаза еще выразительнѣе и лицо гораздо смуглѣе, я все-таки бы отреклась отъ него. Хотя я привыкла часто видѣть эту любезную личность, но потеряла къ ней всякое уваженіе, теперь даже и страха не чувствую. Зато и день ото-дня болѣе пристращаюсь къ вышиванью синелью. Общаю вышить тебѣ шкатулку къ именинамъ.

8-го ноября. — Какъ нельзя болѣе кстати пришло твое запрещеніе, дружокъ. Я окончательно отказалась отъ синьора Ратти послѣ бала кн. Долгорукаго, на которомъ онъ прыгалъ какъ стрекоза. Вяземскій говорить, что онъ какъ будто бросаетъ впередъ ноги, а потомъ самъ ихъ догоняетъ. Я было-умерла со смѣху, услышавъ эту остроту. Слѣдовательно, тебѣ бояться нечего, я не увлекаюсь этимъ «авантюристомъ», какъ ты его называешь; пожалуй, что онъ и на самомъ дѣлѣ не болѣе какъ искатель приключеній. Но не воображай, чтобъ я вмѣсто иностранца избрала кого-либо изъ соотечественниковъ. До сихъ поръ я ни одного не удостоивала своимъ выборомъ.

Какъ ни ищу, а все не попадается человѣкъ, стоящій хотя одного подавленнаго вздоха. Оставь меня при моемъ спокойномъ равнодушіи. Чѣмъ больше живу я на свѣтѣ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что самое лучшее—ни къ чему не пристращаться.

Въ тотъ самый день, какъ получила я письмо, въ которомъ ты называешь бѣдную г-жу Бартеневу сумасшедшей, мы встрѣтились съ ней на балѣ у Долгорукаго. Она шла ко мнѣ на встрѣчу съ распростертыми объятіями и тотчасъ же начала спрашивать о тебѣ. Я сказала, что получила отъ тебя письмо часа два тому назадъ, и, вспомнивъ, какъ ты о ней отзывался, я едва не посоветовала ей не выказывать къ тебѣ расположения. На лицѣ моемъ она могла бы прочесть мои мысли, но, какъ говорятъ, она не отличается догадливостью, подчасъ даже не понимаетъ, когда ей объясняютъ что-либо весьма ясно и толково. Не замѣтивъ выраженія моего лица, она навѣрное осталась въ полной увѣренности, что ты ее нѣжно любишь. Она мнѣ объявляетъ о своемъ намѣреніи поселиться въ Петербургѣ, съ чѣмъ тебя поздравляю.

Что касается до бала кн. Долгорукаго, онъ былъ великолѣпенъ. Старичокъ въ восторгѣ, что празднествъ его удался, и намѣренъ дать еще балъ 4-го декабря. Видишь ли, какъ люди мѣ-

няются; старому князю до 75-ти лѣтъ въ голову не приходило самому повеселиться или другихъ позабавить, вдругъ вздумалось ему развернуться въ такіе годы, когда обыкновенно людямъ уже все надоѣдаетъ. Конечно, это странность, но бываютъ случаи еще болѣе оригинальные.

15-го ноября.—Исторія князя Сергѣя Голицына надѣлала здѣсь много шума. О ней толковали цѣлыхъ три дня. Гадкая исторія, нечего сказать. Признайся, что въ теченіе двухъ лѣтъ петербургская хроника изобилуетъ скандалами. Еслибъ у насъ случились такія происшествія, непременно сказали бы по обыкновенію: «такія вещи только въ Москвѣ и могутъ происходить». А теперь мы повторяемъ при всякой новой выходкѣ: «это только въ Петербургѣ и бываетъ».

Кажется, могъ бы князь Сергѣй пораньше исполнить мои порученія. Если не удержитъ его братъ Ѳеодоръ, я увѣрена, что онъ начнетъ рыскать по большимъ дорогамъ. Это давнишняя его мечта, по поводу ея мы не разъ спорили. Теперь въ особенности, вслѣдствіе постигшей его неудачи, онъ способенъ привести въ исполненіе свою завѣтную мечту, если не найдется человекъ, который бы могъ убѣдить его, что непрослительно въ 33 года таскаться съ мѣста на мѣсто отъ праздности.

У насъ ничего нѣтъ новаго. Въ сравненіи съ вами мы ведемъ очень однообразную жизнь. Свадьбы у насъ происходятъ безъ шума, женятся только на тѣхъ, кого вправѣ любить; семейныя несогласія если и случаются, такъ сору не выносятъ изъ дому, а о такихъ ссорахъ, въ которыхъ дѣти бьютъ матерей, и помину нѣтъ. Словомъ, мы глупы, отстали, что слѣдуетъ намъ извинить, потому что мы насчитываемъ нѣсколько столѣтій своего бытія.

Обнимаю тебя и прошу не забывать меня, дурочку, докучливую, ничего несмыслящую въ свѣтскихъ приличіяхъ. Чего же и ожидать отъ московской жительницы!

27-го декабря.—Ты удивишься моей молчаливости, дружокъ. Пожалуйста, не бери примѣра съ сестры: она такъ деспотична, что я не смѣю пропустить ни одной почты и принуждена писать ей въ постели во время головной боли, иначе она осыпаетъ меня упреками, приписывая молчаніе небрежности или вышивкѣ синелью, то-есть княжнѣ Шаховской.

Мы постоянно разтѣзжаемъ. Завтра большой обѣдъ у Вяземскихъ. Вѣра выздоровѣла. Въ среду князь Андрей Гагаринъ

дать объѣдъ; его жена тоже недавно оправилась послѣ родовъ. Намъ предстоитъ безчисленное множество баловъ послѣ новаго года. Вдова Авраама ожила. Ея выздоровленіе дѣлаетъ честь искусству Скудери.

Помнишь ли ты кн. Мещерскаго, который привязался къ тебѣ у насъ прошлой осенью? Онъ совершенно съ ума сошелъ. Всего удивительнѣе, что помѣшался онъ на религіи, между тѣмъ какъ, будучи въ здоровомъ умѣ, онъ былъ атеистомъ въ душѣ. Теперь онъ все говоритъ объ Иисусѣ Христѣ, всюду его видитъ, иногда себя считаетъ Спасителемъ. Станный случай. Такъ какъ нѣтъ надежды на излеченіе, здѣшніе медики отправляютъ его къ петербургскимъ, а потомъ совѣтуютъ отвезти его въ Лондонъ. Я рада, что онъ уѣдетъ изъ Москвы; ужасно боюсь сумасшедшихъ. Этотъ еще не хочетъ сидѣть дома, того и смотри явится къ намъ (прежде онъ бывалъ у насъ каждый день) и до смерти насъ перепугаетъ.

Какъ бы князь Гагаринъ не спятилъ съ ума. Ты себѣ представить не можешь, что съ нимъ случилось. Онъ съ ума сходитъ отъ женщинъ; понравиться ему просто бѣда. Онъ рожденъ быть султаномъ и держать взаперти сотни четыре красавицъ, на которыхъ никто бы не смѣлъ взглянуть. Онъ всѣхъ насъ ревнуетъ, какъ будто мы составляемъ его сераль. Такъ какъ мы не признаемъ его власти и не считаемъ его потомкомъ Магомета, онъ изъ себя выходитъ, лишь только мы заговоримъ съ другими мужчинами. На свою жену онъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія; кажется, изъ всего прекраснаго пола только она одна ему не нравится. Какъ сестра ни старается его вразумить, усилія ея пропадаютъ даромъ. Онъ знать ничего не хочетъ.

Какова наша зима? Совсѣмъ нѣтъ морозу, а снѣгу бездна; какъ бы насъ не занесло. Прощай, мой другъ.

М. Свистунова.

ИЗЪ ГЕЙНЕ

I.

Больной лежалъ въ постели,
Въ окно смотрѣла мать.
— Процессія ужъ близко —
Сынокъ, тебѣ бы встать!

«Я радъ бы встать, родная,
Но силы нѣтъ дохнуть;
По Гретхенъ я тоскую
И тяжело ноетъ грудь».

— Пойдемъ-ка помолиться
Мы Дѣвѣ Пресвятой;
Одна Она скорбящихъ
И радость, и покой.

Вотъ двинулись хоругви
И, пѣньемъ оглашенъ,
Покрылся берегъ Рейна
Толпой со всѣхъ сторонъ.

Ведетъ старушка сына
(Онъ самъ не могъ идти),
Поютъ они за хоромъ:
«Благословенна Ты!»

II.

Иконѣ чудотворной
Почётъ вездѣ большой:
Увѣчные, больные
Идутъ за ней волной,

Кто ногу восковую,
Кто руку Ей несутъ;
Чудесныхъ исцѣленій
Никто не перечесть.

Сердечко восковое
Мать сыну подала:
—Снеси его Пречистой,
Чтобъ скорбь твоя прошла.

Онъ взялъ, и со слезами
Передъ иконою палъ,
И исповѣдь простую
Съ молитвой прошепталъ:

«Заступница Благая,
Владычица небесъ,
Покровъ и упованье
Печальныхъ, Ты, сердце!»

«Жилъ съ матерью родною
Я въ городѣ большомъ,
Гдѣ много пышныхъ храмовъ
Съ Господнимъ алтаремъ.

«Была неподалеку
Невѣста у меня...
Но смерть насъ разлучила—
Съ тѣхъ поръ томлюся я!

«Прими Ты даръ мой скудный
И сжапись надо мной!
Марія Богоматерь,
Утѣшь и упокой!

«Тебѣ я общаюсь
Отъ сердца полноты
Пѣть день и ночь усердно:
Благословенна Ты!»

III.

Въ ту ночь къ одру больного,
Предъ утренней зарей,
Явилась Матерь Божья
Неслышною стопой;

Съ заботливой любовью
Взглянула на него,
И тихо осѣнила
Рукою грудь его.

Послышавъ вдругъ спросонья
Какъ будто вой или стонъ,
Старушка влечетъ сына—
Не отвѣчаетъ онъ!

А. Б.

ПРОСТУПОКЪ АББАТА МУРЭ

РОМАНЪ.

Соч. Эмиля Золя.

Новый романъ Золя составитъ пятую часть въ томъ рядѣ романовъ, которые авторъ соединилъ подъ однимъ общимъ заглавіемъ: *Les Rougon-Macquart, histoire naturelle et sociale d'une famille, sous le second empire*. Оригиналь этой пятой части явится въ Парижѣ, въ половинѣ февраля; мы воспользовались для перевода дозволеннымъ намъ впередъ отъ автора текстомъ. Заглавіе новаго романа само указываетъ, на чемъ долженъ быть сосредоточенъ его интересъ. Мы видимъ на сценѣ современной исторіи громадную армію страмонтаговъ и клерикаловъ, то въ ихъ колоссальной борьбѣ съ цѣтскою властью въ Германіи, то въ рядѣ интригъ, которыми они оутомываютъ Францію, заливаютъ кровью Испанію, подкапываются въ нѣдрахъ, гдѣ могутъ; но мы мало знаемъ, какъ вырабатывается эта интрига; какъ она приготовляетъ себѣ адептовъ, будущихъ вождей и послушныя имъ орудія; какъ она пользуется при этомъ въ особенности безбрачіемъ свѣтскаго духовенства, и какъ это безбрачіе влияетъ на моральный бытъ отдѣльнаго человѣка: разъясненію именно этой послѣдней тѣмы и посвященъ специально новый романъ Золя. Связь его съ предыдущими романами, содержаніе которыхъ извѣстно читателямъ по краткому ихъ анализу, приведенному въ нашемъ жур-

налѣ (1872: іюль и августъ; 1873: іюль; 1874, октябрь: «Вторая имперія въ романѣ Э. Золя»), состоитъ только въ томъ, что нѣкоторые изъ дѣйствующихъ лицъ первыхъ четырехъ томовъ появляются вновь на сценѣ; самъ герой новаго романа происходитъ по матери изъ фамиліи Ругоновъ; аббатъ Мурэ — тотъ самый Сержъ, поразившій своею черною рясой мать, несчастную Марту, въ минуту ея предсмертной агоніи, — внукъ старухи Фелиситэ Ругонъ, царившей одно время въ Плассанѣ, и братъ Дезира, полуидiotки; въ преддущемъ романѣ «Завоеваніе Плассана» мы видѣли ихъ дѣтьми; теперь поколѣніе дѣтей выступило уже на сцену общественной дѣятельности. Дѣйствіе новаго романа начинается среди забытой міромъ деревеньки, при церкви которой Сержъ получилъ мѣсто кюрэ. Все его общество состоитъ изъ сестры и служанки Тёзы, которая въ то же время составляетъ и весь его церковный причтъ.

Не менѣе любопытна въ романѣ и та его сторона, которая знакомитъ насъ въ живыхъ образахъ съ обстановкою жизни низшаго сельскаго духовенства во Франціи, находящагося въ непосредственномъ соприкосновеніи съ народными массами; религіозный бытъ этихъ массъ представляетъ собою состояніе, близкое къ язычеству: изувѣріе смѣняется только полнымъ безвѣріемъ. Соотвѣтственно тому, и нравственный бытъ не имѣетъ ничего общаго съ идилліей: деморализація и отсутствіе всякихъ нравовъ — вотъ преобладающая черта.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Тёза, войдя, приставила къ алтарю половую щетку и метелку. Она запоздала, потому что ее задержала стирка. Шагая через всю церковь, чтобы прозвонить *Angelus*, она второпяхъ прижимала сильнѣе обыкновеннаго и опрокидывала скамьи. Испрепанная веревка, съ большимъ узломъ на концѣ, засаленная отъ прикосновенія рукъ, спускалась съ потолка возлѣ исповѣдальни. Тёза повисла на ней всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ и начала раскачиваться, путаясь въ юбкахъ; чепецъ ея съѣхалъ въ сторону, а широкое лицо наливалось кровью.

Поправивъ чепецъ рукой и вся запыхавшись, Тёза поспѣшила помести передъ алтаремъ. Пыль ежедневно и упорно забивалась между плохо-сколоченными досками амвона. Щетка какъ будто съ раздраженной ворвотней шарила по угламъ. Послѣ этого Тёза приподняла покрывало съ престола и даже разсердилась, увидѣвъ, что въ верхней напрестольной пеленѣ, уже заштопанной въ двадцати мѣстахъ, появился новый изъязъ на самой срединѣ; въ отверстіе просвѣчивала нижняя пелена, свернутая вдвое такая старенькая, такая рѣденькая, что сквозь нее виднѣлся священный камень, вдѣланный въ престолъ изъ раскрашеннаго дерева. Она обмела пыль съ этихъ, пожелтѣвшихъ отъ времени, ступеней, затѣмъ провела метелкой по ступени, ведущей къ алтарю. Послѣ того встала на стулъ, сняла съ креста и съ двухъ подсвѣчниковъ чехлы изъ желтой бумажной матеріи. Мѣдъ была покрыта тусклыми пятнами.

— Да, да!—пробормотала Тёза вполголоса,—давно пора ихъ почистить! Я ихъ отполирую трепеломъ.

Потомъ, ковыляя, она пробѣжала въ ризницу за требникомъ, положила его на аналой, возлѣ евангелія, не раскрывая его. Потомъ зажгла двѣ восковыхъ свѣчи, и захвативъ щетку, оглядѣлась кругомъ себя, чтобы убѣдиться, что все въ порядкѣ. Въ церкви царствовала полнѣйшая тишина; только веревка, возлѣ исповѣдальни, все еще медленно и упруго раскачивалась.

Аббатъ Мурэ только-что сошелъ въ ризницу, маленькую, холмовую комнатку, отдѣленную отъ столовой корридоромъ.

— Доброго утра, г-нъ кюрэ! — сказала Тёза, прибирая къ себѣ щетку.—Ага! вы полѣнились сегодня утромъ! Знаете ли, это уже четверть седьмого.

И не давая времени молодому, улыбавшемуся патеру, раскрыть рта:

— Я должна пожурить васъ, — продолжала она: — пелена опять прорвана. Ну, на что это похоже. У насъ есть всего одна для смѣны, и вотъ уже три дня, какъ я порчу себѣ глаза, штопая ее... Если вы не угомонитесь, то оставите бѣднаго Іисуса совсѣмъ нагимъ.

Аббатъ Мурэ продолжалъ улыбаться. Онъ сказалъ весело:

— Іисусу не нужно много бѣлья, моя добрая Тѣза. Ему всегда тепло, Онъ всегда доволенъ тѣми, кто Его очень любитъ.

Затѣмъ, направляясь къ небольшому фонтану, онъ спросилъ:

— Что, сестра встала? Я ее еще не видѣлъ.

— М-lle Дезирэ давно уже сошла внизъ, — отвѣчала служанка, стоя на колѣняхъ передъ старымъ кухоннымъ буфетомъ, въ которомъ хранились церковныя ризы. — Она уже возится съ своими курами и кроликами... Она ждала вчера цыплятъ, а они не вылупились. Вы можете вообразить въ какомъ она волненіи!

И послѣ другимъ голосомъ, прибавила:

— Золотую ризу, неправда-ли?

Патеръ, который вымылъ руки и набожно шепталъ молитву, сдѣлалъ головой утвердительный знакъ. Въ этомъ приходѣ было всего три ризы: лиловая, черная и золотая. Эта послѣдняя служила на тѣ дни, когда предписывались собственно бѣлый, красный, или зеленый цвѣта, а потому ею очень дорожили. Тѣза благоговѣнно сняла ее съ полки, выложенной синей бумагой, куда она складывала ее послѣ каждой службы. Она положила ее на буфетъ, осторожно снимая тонкое полотно, прикрывавшее вышивки. На ризѣ изображенъ былъ золотой агнецъ, спящій на золотомъ крестѣ, окруженный широкимъ золотымъ сіяніемъ. Ткань, истертая на складкахъ, осыпалась, образуя бахромки; выпуклыя украшенія стирались и тускнѣли. Весь домъ глухо тревожился объ этой ризѣ, страдалъ и ужасался, видя, какъ она мало-по-малу изнашивается. Патеру приходилось надѣвать ее почти каждый день. А чѣмъ замѣнить ее? откуда взять три ризы, которыя она замѣняла, когда истреплются послѣднія золотыя нити!

Тѣза разложила поверхъ ризы: эпитрахиль, орарь, шнурокъ, служившій поясомъ, стихарь и нарамникъ. Она не переставала однако болтать, располагая орарь крестомъ на эпитрахили, и выкладывая шнурокъ такъ, чтобы имъ изобразить святое имя Маріи.

— Онъ очень плохъ, этотъ шнурокъ! — бормотала она. — Вамъ надо рѣшиться купить новый, г-нъ кюрэ... Штука не

трудная, я бы сама свила вамъ шнурокъ, еслибы у меня была будель.

Аббатъ Мурэ не отвѣчалъ. Онъ приготовлялъ чашу на маленькомъ столикѣ—большую старую серебряную, вызолоченную чашу, на бронзовой подставкѣ, которую вынулъ изъ бѣлаго, деревяннаго шкапа, гдѣ хранились священные сосуды и покровы, мѣро, требники, подсвѣчники, кресты. Онъ накрылъ чашу чистымъ платомъ, поставилъ сверхъ него серебряный, вызолоченный дискъ, на которомъ лежало причастіе, и покрылъ его небольшими лаными воздушками. Въ то время, какъ онъ прикрывалъ чашу, зашпиывая складки въ платъ изъ золотой матеріи, подъ стать къ ризѣ, Тѣза вскричала:

— Постойте, вѣдь въ футлярѣ нѣтъ антиминса!.. Я забрала вчера вечеромъ всѣ платы, воздушки и антиминсы, чтобы ихъ выстирать, само собой разумѣется, особо отъ остального бѣлья.. Я вамъ не говорила, г-нъ кюрэ: вѣдь я начала стирку бѣлья. Оно въ этотъ разъ очень грязно! Грязнѣе, чѣмъ въ прошлый разъ.

И между тѣмъ, какъ патеръ клалъ антиминсъ въ футляръ и ставилъ на воздушки футляръ, украшенный золотымъ крестомъ, на золотомъ фонѣ, она живо продолжала:

— Кстати, чуть было не забыла! вѣдь негодяй Венсанъ не пришелъ; хотите, я помогу вамъ служить мессу, г-нъ кюрэ?

Молодой патеръ строго взглянулъ на нее.

— Да, вѣдь, тутъ нѣтъ грѣха,—продолжала она съ доброй улыбкой.

— Я разъ служила мессу, во времена г-на Каффена. Я, знаю, лучше служу ее, чѣмъ шалуны, которые хохочутъ, точно чичики, если только муха пролетитъ по церкви... Повѣрьте, мнѣ я и ношу чепецъ, и насчитываю шестой десятокъ, да и выгляжу какъ башня, а все же больше почитаю Бога, чѣмъ эти негодяи-ребятишки; еще намереніи я застала ихъ играющими въ шарду, позади престола.

Патеръ продолжалъ глядѣть на нее, отрицательно качая головой.

— Эта деревушка настоящая трущоба! — ворчала она. — Въ ней не насчитаешь и ста-пятидесяти душъ... Бываютъ дни, какъ, напримеръ, сегодня, когда вы не встрѣтите живой души въ Артб. Младенцевъ, и тѣхъ уносятъ въ виноградники! И что дѣлаютъ въ виноградникахъ, желала бы я знать! Виноградники эти растутъ изъ-подъ каменьева, сухіе какъ репейники! И что-то тутъ впору однимъ волкамъ!.. Если только ангелъ сойдетъ съ небеси служить вашу обѣдню, г-нъ кюрэ, то вамъ

не къ кому обратиться, кромѣ меня, честное слово! или развѣ въ одному изъ кроликовъ m-lle Дезирэ, не въ обиду вашей чести будь сказано!

Но въ эту самую минуту Венсанъ, младшій изъ братьевъ Бришэ, тихонько толкнулъ дверь ризницы. Его рыжіе и вьющиеся волосы, маленькіе, сверкающіе, сѣренькіе глазки рассердили Тёзу.

— Ахъ, разбойникъ!—вскричала она,—бьюсь объ закладъ, что онъ только-что выкинулъ какую-нибудь штуку!.. Ступай сюда, негодный: г-нъ кюрэ, какъ видно, боится, что я оскверню Господа Бога!

Увидя ребенка, аббатъ Мурэ взялъ нарамникъ. Онъ поцѣловалъ вышитый посрединѣ крестъ и подержалъ нарамникъ съ минуту на своей головѣ; затѣмъ, опустивъ его на воротникъ рясы, онъ скрестилъ и завязалъ шнуры, правый поверхъ лѣваго. Затѣмъ надѣлъ стихарь, символъ непорочности, продѣвъ сначала правую руку. Венсанъ, присѣвшій на корточки, вертѣлся вокругъ него, поправляя стихарь, заботясь, чтобы онъ висѣлъ ровно со всѣхъ сторонъ, на два пальца отъ земли. Послѣ того онъ поднесъ шнурокъ патеру, который туго стянулъ его на бедрахъ, въ память тѣхъ узъ, какія были наложены на Спасителя во время его страстей.

Тёза стояла оскорбленная, завидующая, стараясь изъ всей силы молчать; но языкъ такъ чесался у нея, что она вскорѣ заговорила:

— Братъ Арканжіа приходилъ... У него сегодня въ школѣ не будетъ ни души. Онъ какъ буря помчался, чтобы надрать уши ребятишкамъ въ виноградникахъ... Вамъ слѣдуетъ повидаться съ нимъ. Ему нужно вамъ, кажется, что-то передать.

Аббатъ Мурэ сдѣлалъ ей знакъ рукой, чтобы она молчала. Онъ больше не разжималъ губъ. Прочтя обычныя молитвы, онъ взялъ орарь, который поцѣловалъ, прежде чѣмъ надѣтъ на лѣвую руку, повыше локтя; это былъ символъ, означающій совершеніе добрыхъ дѣлъ; послѣ того онъ скрестилъ на груди, также поцѣловавъ предварительно, эпитрахиль, символъ его достоинства и власти. Тёзѣ пришлось помогать Венсану увѣршить рясу; она подвязала ее съ помощью тонкихъ шнурочковъ, чтобы ряса не слетѣла назадъ.

— Пресвятая Дѣва, я забыла сосуды!—прошептала она, бросаясь въ шапу.—Сюда, скорѣе, пострѣленоуъ!

Венсанъ наполнялъ сосуды, стѣлянки изъ грубаго стекла, между тѣмъ какъ она торопилась вынуть изъ ящика чистый по-

кровь. Аббатъ Мурэ, держа чашу въ лѣвой рукѣ, а пальцами правой придерживая футляръ, сдѣлалъ низкій поклонъ, не снимая своей скуфьи, передъ распятіемъ изъ чернаго дерева, висѣвшимъ надъ буфетомъ. Ребенокъ тоже сдѣлалъ поклонъ; затѣмъ прошелъ впередъ, держа сосуды, прикрытыя покровомъ, и вышелъ изъ ризницы, въ сопровожденіи патера, который шелъ съ опущенными глазами, въ глубокомъ благоговѣніи.

II.

Въ это майское утро, пустая церковь представлялась совсѣмъ бѣлой. Веревка, возлѣ исповѣдальни, по прежнему висѣла неподвижно. Лампада изъ цвѣтнаго стекла горѣла краснымъ пятномъ, у стѣны, направо отъ дарохранительницы. Венсанъ, поставивъ сосуды на жертвенникъ, отошелъ налѣво и сталъ на колѣни на ступенькѣ, между тѣмъ какъ патеръ, преклонивъ колѣно передъ св. дарами, всходилъ по амвону къ престолу, разостлалъ антиминсъ, и посреди поставилъ чашу. Потомъ, раскрывъ требникъ, сошелъ съ амвона. Онъ снова преклонилъ колѣно, громко перекрестился и, сложивъ руки на груди, приступилъ къ совершенію великой божественной службы, съ лицомъ, поблѣднѣвшимъ подъ наплывомъ чувствъ вѣры и любви.

— *Introibo ad altare Dei.*

— *Ad Deum qui laetificat juventutem meam,* — пролепеталъ Венсанъ, проглотившій отвѣты на антифоны и псаломъ, и слѣдившій, сидя на корточкахъ, за Тѣзой, которая бродила по церкви.

Старая служанка тревожно поглядывала на одну изъ восковыхъ свѣчей. Тревога ея все усиливалась въ то время, какъ патеръ, низко наклонясь и снова сложивъ руки, произносилъ *Confiteor*. Она остановилась, ударила себя въ грудь, наклонивъ голову, но не переставая наблюдать за свѣчей. Торжественный голосъ патера и лепетъ ребенка смѣнялись неоднократно.

— *Dominus vobiscum!*

— *Et cum spiritu tuo!*

И патеръ, сначала разставивъ руки, потомъ соединивъ ихъ, произнесъ съ умиленіемъ и благоговѣніемъ:

— *Oremus...*

Тутъ Тѣза не вытерпѣла. Она зашла за престолъ, достала свѣчу и обрѣзала ее ножницами. Свѣча текла; два большихъ кусковъ воску уже успѣли наплыть. Когда она вернулась на свое мѣсто, разставивъ скамейки и убѣдившись, что кропильницы полны

водой,—патеръ подошелъ къ престолу и, положивъ руки на пелену, молился шепотомъ. Онъ поцѣловалъ престолъ.

Позади него, маленькая церковь оставалась озаренною блѣднымъ утреннимъ свѣтомъ. Солнце еще не высоко поднялось надъ горизонтомъ. *Kyrie, eleison!* пробѣжалъ точно трепетъ, въ этой блѣдной церкви, напоминавшей хлѣвъ, съ оштукатуренными стѣнами, съ плоскимъ потолкомъ, на которомъ виднѣлись выбѣленные балки. Съ каждой стороны три высокихъ окна съ бѣлыми стеклами, по большей части разбитыми, пропускали блѣсоватый свѣтъ. Солнечный лучъ свободно проникалъ черезъ нихъ, выставляя на показъ нищету дома Божія въ этой забытой деревушкѣ. Въ глубинѣ, надъ большой дверью, которую никогда не отворяли и порогъ которой заросъ травой, возвышалась досчатая эстрада, куда всходили по крутой лѣсенкѣ; она шла отъ одной стѣны къ другой, и по праздникамъ трещала подъ деревянными башмаками. Возлѣ лѣсенки помѣщалась исповѣдальня, съ разохшимися филенками, выкрашенная въ лимонный цвѣтъ. Напротивъ, возлѣ маленькой двери, стояла купель, старинная кропильница, поставленная на гипсовую подставку. Затѣмъ, справа и слѣва возвышались два небольшихъ престола, окруженные деревянною баллюстрадою. Лѣвый былъ освященъ во имя Св. Дѣвы, и на немъ стояла статуя Богородицы изъ золоченаго гипса, съ золотой короной на каштановыхъ волосахъ. Мадонна держала на лѣвой рукѣ Иисуса, нагого и улыбающагося, въ маленькой Его ручкѣ звѣздный шаръ, изображавшій вселенную; Мадонна неслась среди облаковъ, и подъ ея ногами виднѣлись головки херувимовъ. Надъ правымъ престоломъ, на которомъ служились панихиды, возвышалось Распятіе изъ раскрашеннаго картона, въ *pendant* къ Мадоннѣ. Христосъ, величиною съ десятилѣтняго ребенка, былъ аляповато изображенъ въ страшной агоніи, съ закинутой назадъ головою, выдавшимися ребрами, впавшимъ животомъ, со сведенными членами, забрызганными кровью. Въ церкви находилась еще каеэдра—четыреугольный ящикъ, куда взбирались по лѣсенкѣ въ пять ступенекъ; она была поставлена на противъ стѣнныхъ часовъ съ гириями, въ орѣховомъ ящикѣ; отъ глухихъ ударовъ маятника содрогалась вся церковь, точно гдѣ-то подъ каменными плитами у нея билось громадное сердце. Вдоль всей средней части церкви по стѣнамъ выдѣлялись желтыми, синими и красными пятнами на оштукатуренной стѣнѣ четырнадцать картинъ, изображавшихъ остановки, *stations*, Христа во время пествія на Голгоѣу, — четырнадцать грубо раскрашенныхъ образовъ, отдѣланныхъ въ черныя рамки.

— *Deo gratias*, — пробормоталъ Венсанъ, по прочтеніи апостола.

Готовилась тайна любви, закланіе святой жертвы. Причетникъ взялъ требникъ, снесъ его налѣво и положилъ подлѣ евангелія, стараясь не притрогиваться къ страницамъ книги. Каждый разъ, проходя мимо дарохранительницы, онъ преклонялъ колѣно на ходу. Затѣмъ, вернувшись направо, сталъ со скрещенными руками, прислушиваясь къ чтенію евангелія. Патеръ, обѣнивъ крестомъ требникъ, самъ перекрестился; особо перекрестилъ лобъ, въ знакъ того, что никогда не будетъ стыдиться священнаго слова; ротъ, чтобы показать, что онъ всегда готовъ исповѣдывать свою вѣру; сердце, — что оно всецѣло принадлежитъ Богу.

— *Dominus vobiscum*, — сказалъ онъ, поворачиваясь и устремляя неопредѣленный взглядъ въ бѣлесоватое, пустое пространство.

— *Et cum spiritu tuo*, — отвѣчалъ Венсанъ, снова вставшій на колѣни. Послѣ проскомидіи, патеръ открылъ чашу. Онъ поддерживалъ ее съ минуту; на одномъ уровнѣ съ грудью на дискосѣ лежало причастіе, которое онъ вознесъ къ Богу за себя, за присутствующихъ и за всѣхъ вѣрныхъ, живущихъ и умершихъ. Затѣмъ, спустивъ причастіе на край антиминса, не дотрогиваясь до него пальцами, онъ взялъ чашу и старательно вытеръ ее платомъ. Венсанъ снялъ съ жертвенника сосуды, и поднесъ ихъ ему одинъ за другимъ, сначала сосудъ съ виномъ, затѣмъ сосудъ съ водой. Тогда патеръ поднялъ, за весь міръ, чашу, до половины наполненную, потомъ поставилъ ее на средину антиминса, и прикрылъ воздухами. Затѣмъ, помолившись еще, полилъ тонкой струей воды кончики большого и указательнаго пальцевъ каждой руки, чтобы очиститься отъ малѣйшихъ пятенъ грѣха. Когда онъ вытеръ пальцы, Тѣза, дожидавшаяся его, вылила воду изъ сосудовъ въ ведро изъ цинка, стоявшее подлѣ престола.

— *Orate, fratres*, — произнесъ патеръ громкимъ голосомъ, обращаясь къ пустымъ скамьямъ, вытянувъ руки и снова сжавъ ихъ, съ призывомъ къ вѣрующимъ.

И повернувшись къ престолу, онъ продолжалъ службу, понижая голосъ. Венсанъ пробормоталъ опять длинную латинскую фразу, и тутъ же запутался. Въ эту минуту золотые лучи ворвались въ окна. Солнце, какъ бы отвѣчая на призывъ патера, явилось къ обѣднѣ. Оно озарило широкими золотистыми полосами лѣвую стѣну, исповѣдальню, престолъ Богоматери, большіе стѣнные часы. Въ исповѣдальнѣ что-то треснуло; статуя Ма-

донны, въ сіяніи, въ ослѣпительномъ вѣнцѣ и мантии, какъ будто нѣжно улыбулась своими раскрашенными губами; пригрѣтые часы заходили быстрѣе. Казалось, что солнце населяетъ скамьи пылинками, кружившимися въ его золотыхъ лучахъ. Маленькая церковь, этотъ општукатуренный хлѣвъ, какъ будто наполнилась теплою толпой. Со двора доносилось счастливое пробужденіе полей; травы радостно вздыхали, листья выпрямлялись на солнышкѣ, птицы приглаживали свои перышки, расправляя крылья. И въ довершеніе, сельская жизнь вмѣстѣ съ солнцемъ вошла въ церковь: у одного изъ оконъ росла здоровая рябина, просовывая свои вѣтви черезъ разбитыя стекла, какъ-бы желая заглянуть въ церковь; въ скважины большихъ дверей виднѣлись травы, росшія на порогѣ и угрожавшія пробраться и во внутрь церкви. Среди этого наплыва жизни, одинъ Христосъ, остававшійся въ тѣни, говорилъ о смерти, о страданіяхъ своей плоти, безобразно вымазанной охрой, и красной краской. Воробей усѣлся у разбитаго окна; онъ заглянулъ въ церковь и улетѣлъ; но почти тотчасъ же появился снова, неслышно влетѣлъ въ церковь и опустился на скамью передъ алтаремъ Богородицы. За нимъ послѣдовалъ второй воробей. Вскорѣ со всѣхъ вѣтвей рябины спустились воробьи и спокойно стали прогуливаться въ припрыжку по плитамъ.

— *Sanctus, Sanctus, Sanctus, Dominus, Deus, Sabaoth*, — произнесъ патеръ вполголоса, слегка наклонивъ плечи.

Венсанъ трижды прозвонилъ въ колокольчикъ. Но воробьи, испуганные этимъ внезапнымъ звономъ, улетѣли съ такимъ шумомъ, что Тѣза, только-что ушедшая въ ризницу, вернулась, ворча:

— Негодяи! Они все перепачкаютъ... Бьюсь объ закладъ, что m-lle Дезирѣ опять набросала крошекъ хлѣба.

Торжественная минута приближалась. Тѣло и кровь Бога должны были сойти на престолъ. Патеръ цѣловалъ пелену, сжималъ руки, безпрестанно вкрестилъ причастіе и чашу. Онъ читалъ теперь молитвы со смиреніемъ и благодарностью въ голосъ. Его движенія, жесты, измѣненія голоса говорили о томъ, какимъ онъ чувствуетъ себя ничтожнымъ, какое волненіе испытываетъ оттого, что избранъ для совершенія такого великаго дѣла. Венсанъ опустился на колѣни, позади него; онъ взялъ рясу въ лѣвую руку, слегка поддерживая ее и приготовляя колокольчикъ. А патеръ, опираясь локтями на край престола, и держа дары между большимъ и указательнымъ пальцемъ каждой руки, произнесъ надъ ними освященные слова: *Hoc est enim corpus meum*. Затѣмъ, преклонивъ колѣни, медленно поднялъ ихъ такъ высоко, какъ только могъ,

не спуская съ нихъ глазъ, между тѣмъ какъ причетникъ трижды прозвонилъ, растянувшись на полу. Затѣмъ освятилъ вино: *Hic est enim calix*, опершись локтями на престолъ, кланаясь, приподнимая чашу, не спуская съ нея глазъ, и правою рукою сжимая сосудъ, а лѣвою поддерживая ножку. Причетникъ прозвонилъ три раза въ послѣдній разъ. Опять повторилось великое таинство искупленія; вновь пролилась божественная кровь.

— Пойдите, пойдите, — ворчала Тѣза, стараясь испугать воробьевъ и грозя имъ кулакомъ.

Но воробьи больше не боялись. Они нахально вернулись во время самого звона, и перепархивали со скамьи на скамью. Повторившійся звонъ колокольчика радовалъ ихъ. Они отвѣчали на него слабыми криками, которые прерывали латинскія слова, много ребяческій смѣхъ. Солнце грѣло имъ перышки, кроткая бѣдность церкви ихъ восхищала. Они были тутъ, какъ у себя дома, точно въ овинѣ, въ которомъ бы открыли слуховое окно, и гдѣ бы они чирикали, дрались и спорили изъ-за зеренъ, разсыпанныхъ по землѣ. Одинъ изъ нихъ усѣлся на золотомъ покрывалѣ улыбавшейся Мадонны; другой подлетѣлъ къ Тѣзѣ и принялся обнюхивать ея юбки; эта дерзость вывела ее окончательно изъ себя. Передъ престоломъ, одинъ патеръ, сокрушенный, уставивъ глаза на дары и соединивъ большой и указательный палецъ, не слышалъ этого вторженія въ церковь теплаго майскаго утра, этого наплыва солнца, зелени, птицъ, доходившаго до самой Голгофы, гдѣ билась въ предсмертныхъ судорогахъ осужденная природа.

— *Per omnia saecula saeculorum*, — возгласилъ онъ.

— *Amen*, — отвѣчалъ Венсанъ.

Прочитавъ *Pater* и поднявъ причастіе надъ чашей, аббатъ преломилъ его. Затѣмъ отдѣлилъ отъ одной изъ половинокъ частицу и опустилъ ее въ драгоценную кровь, чтобы обозначить тѣсный союзъ, который онъ собирался заключить съ Богомъ черезъ причащеніе. Онъ прочиталъ вслухъ *Agnus Dei*, прочиталъ про себя положенныя молитвы, покааялся въ грѣхахъ и, опершись локтями на престолъ, съ дискомъ подъ подбородкомъ, причастился отъ обѣихъ половинокъ причастія. Потомъ, сложивъ руки на одномъ уровнѣ съ лицомъ, въ благоговѣйномъ размышленіи онъ собралъ на антиминсѣ, съ помощью диска, священные частички, отдѣленныя отъ причастія и положилъ ихъ въ чашу. Одна крошка пристала къ его большому пальцу и онъ снялъ ее указательнымъ. Перекрестивъ себя чашею, онъ снова поднесъ къ подбородку дискосъ и выпилъ всю до послѣдней капли драгоценную кровь въ три приема, не отнимая губъ отъ края чаши.

Венсанъ всталъ, чтобы идти и взять сосуды съ жертвенника. Но дверь въ корридоръ, который велъ въ квартиру патера, раскрылась настежь и пропустила красивую дѣвушку, лѣтъ двадцати-двухъ, съ ребяческимъ выраженіемъ въ лицѣ; она несла что-то въ передникѣ.

— Ихъ всѣхъ тринадцать!—закричала она:—всѣ яйца были хороши.

И раскрывъ передникъ, она показала выводку цыплятъ, шевелившихся, покрытыхъ пушкомъ и съ черными глазенками:

— Поглядите-ка! какіе они прелестные, эти милашки!.. Ахъ, посмотрите на этого маленькаго, бѣленькаго, который лезетъ на спину другимъ! А вотъ этотъ пестренькій, онъ уже хлопаетъ крылышками!.. Яйца были чудныя. Ни одного болтуна!

Тѣза, помогавшая служить обѣдню, не взирая на запрещеніе патера, передала сосуды Венсану для омовеній и, повернувшись, громко сказала:

— Замолчите, m-lle Дезирэ! вы видите, что мы еще не кончили.

Сильный запахъ скотнаго двора доносился въ открытую дверь. Дезирэ постояла съ минуту, радуясь цыплаткамъ, которыхъ несла въ передникѣ, глядя на Венсана, наливавшаго вино очищенія, глядя, какъ братъ ея выпилъ это вино, чтобы во рту его ничего не осталось отъ причастія. Она все еще стояла, когда онъ вернулся, держа чашу обѣими руками, чтобы принять на большой и указательный пальцы вино и воду очищенія, которыя онъ также выпилъ. Но курица, отыскивавшая своихъ дѣтенышей, приближалась квокча и угрожая войти въ церковь. Тогда Дезирэ ушла, осыпая нѣжными ласками цыплятъ, въ ту минуту, какъ патерь, проведя платомъ по губамъ, вытиралъ имъ края, а затѣмъ внутренность чаши.

Наступилъ конецъ и произнесено было благодареніе Богу. Причетникъ въ послѣдній разъ сходилъ за требникомъ и отнесъ его направо. Патерь снова накрылъ чашу платомъ, дискомъ и воздухами; затѣмъ снова защипнулъ дѣйскладки въ воздухахъ и положилъ футляръ, въ который сложилъ антиминсъ.

Все его существо выражало горячую благодарность. Онъ испрашивалъ у неба отпущенія своимъ грѣхамъ, милости, святой жизни, блаженства вѣчной жизни. Онъ былъ весь поглощенъ этимъ чудомъ любви, этимъ непрерывнымъ закланіемъ, которое ежедневно питало его кровью и тѣломъ его Спасителя.

Прочитавъ молитвы, онъ повернулся, возглашая:

— *Ite missa est.*

— *Deo gratias*,—отвѣчалъ Венсанъ.

Затѣмъ, повернувшись, чтобы поцѣловать престолъ, патеръ отошелъ, держа лѣвую руку ниже груди и вытянувъ правую; благословляя церковь, залитую лучами солнца и наполненную шумомъ воробьевъ, онъ возгласилъ:

— *Benedicat vos omnipotens Deus, Pater et Filius, et Spiritus Sanctus.*

— *Amen*,—отвѣчалъ причетникъ, крестясь.

Солнце поднялось еще выше, а воробьи стали совѣщать смѣливыми. Въ то время, какъ патеръ читалъ евангеліе отъ св. Іоанна, солнце залило пурпуромъ престолъ, и передъ его свѣтомъ потускнѣлъ свѣтъ двухъ восковыхъ свѣчей, короткіе фитили которыхъ казались теперь двумя темными пятнами. Торжествующее свѣтло озаряло крестъ, подсвѣчники, рясу, воздухи, покрывавшіе чашу, и все это поблѣднѣло подъ его лучами. Когда же патеръ, взявъ чашу и преклонивъ колѣно, отошелъ отъ престола, чтобы перейти въ ризницу, съ покрытой головой, предшествуемый причетникомъ, который уносилъ сосуды и антиминсъ,—свѣтло осталось единственнымъ властелиномъ церкви. Оно, въ свою очередь, перенеслось на пелену, заливъ пламенемъ дверцу дарохранительницы и праздную плодородіе мая. Отъ плитъ вѣяло теплотой. По оштукатуреннымъ стѣнамъ, статуѣ Богоматери и самому Распятию пробѣжалъ трепетъ жизни, точно смерть была побѣждена вѣчной юностью земли.

III.

Тѣза поспѣшила потушить свѣчи. Но потомъ она замѣшкалась, прогоняя воробьевъ, и поэтому, когда принесла требникъ въ ризницу, она уже не нашла тамъ аббата Муръ; онъ убралъ самъ священную утварь, предварительно вымывъ руки. Онъ уже былъ въ столовой и, стоя, завтракалъ чашкою молока.

— Вамъ бы слѣдовало запретить вашей сестрѣ бросать вѣдь въ церковь,—сказала Тѣза, входя.—Она избобрѣла эту заурядную прошлую зимой. Она говорила, что воробьямъ холодно, и что Господь Богъ можетъ ихъ накормить... Вы увидите, что она будетъ тѣмъ, что заставитъ насъ спать съ своими курами и свиньями.

— Намъ было бы такъ теплѣе, — весело отвѣчала молодой.—Вы все ворчите, Тѣза. Дозвольте нашей бѣдной Дезирѣ

любить своихъ животныхъ. У ней, у бѣдняжки, нѣтъ никакихъ другихъ удовольствій.

Служанка остановилась посреди комнаты.

— О, вы,—продолжала она:—вы готовы допустить, чтобы сороки свили свои гнѣзда въ церкви. Вы ничего не видите; у васъ все хорошо. Ваша сестра очень счастлива, что вы взяли ее къ себѣ, по выходѣ изъ семинаріи. Вѣдь у ней ни отца, ни матери. Желала бы я знать, кто бы ей позволилъ день-деньской возиться на скотномъ дворѣ, какъ она это дѣлаетъ теперь?

Затѣмъ, перемѣнивъ тонъ и смягчившись, она продолжала:

— Да и жалко было бы обижать ее. Она совсѣмъ простушка. Ей нельзя дать и десяти лѣтъ по уму, даромъ, что она самая полная дѣвушка во всемъ околотѣ. Вы знаете, что я ее укладываю спать по вечерамъ и должна рассказывать ей сказки, на ночь, какъ ребенку.

Аббатъ Мурэ продолжать стоять, допивая чашку молока, съ покраснѣвшими пальцами отъ холода, царствовавшего въ столовой, большой комнатѣ, съ каменнымъ поломъ, выкрашенной сѣрой краской и безъ всякой другой мебели, кромѣ стола и стульевъ. Тѣза свернула салфетку, которую было-разостлала на уголѣ стола, для завтрака.

— Вы совсѣмъ не пачкаете бѣлья, — пробормотала она. — Подумаешь, что вамъ некогда сѣсть, что вы вѣчно собираетесь уходить... Ахъ! если бы вы знавали м-г Каффена, бѣднаго покойнаго кюрэ, котораго вы замѣстили. Вотъ ужъ былъ нѣженка! У него бы пища не переварилась, если бы онъ ѣлъ стоя... Онъ былъ нормандецъ, изъ Кантлѣ, также какъ и я. О! я его не благодарю за то, что онъ завезъ меня въ эту волчью яму. Творецъ небесный! ужъ и поскучали же мы здѣсь, въ первое время! У бѣднаго кюрэ были непріятности на нашей сторонѣ... Эге! м-г Мурэ, да вы не подсластили своего молока! Вотъ оба куска сахару.

— Да! я, кажется, забыть, — отвѣчалъ онъ.

Тѣза поглядѣла ему прямо въ лицо, пожимая плечами. Она сложила въ салфетку ломтикъ ситнаго хлѣба, тоже оставшійся на столѣ. Потомъ, видя, что кюрэ собирается уходить, подбѣжала къ нему, и стала на колѣни, крича:

— Пустойте, шнурки отъ вашихъ башмаковъ не завязаны... Не знаю, какъ это ваши ноги выносятъ эту мужицкую обувь. Вы такой деликатный и такой избалованный на видъ!.. Ну, ужъ должно быть епископъ хорошо васъ знаетъ, что далъ вамъ самый бѣдный приходъ во всемъ департаментѣ.

— Но,—сказалъ патерьъ, снова улыбаясь:—я самъ выбралъ Артё... Вы очень сердиты сегодня утромъ, Тёза. Развѣ мы не счастливы здѣсь? У насъ все есть, что намъ нужно, мы живемъ такъ мирно, какъ въ раю.

Тогда она сдержала свое раздраженіе, и засмѣявшись въ свою очередь, отвѣчала:

— Вы святой человѣкъ, г-нъ кюрэ... Поглядите, сколько у меня стирки. Это будетъ лучше, чѣмъ спорить.

Онъ долженъ былъ послѣдовать за ней, такъ какъ она грозила, что не выпуститъ его изъ дому, если онъ не похвалитъ ея стирку. Выходя изъ столовой, онъ наткнулся на кусокъ штукатурки въ корридорѣ.

— Это что такое?—спросилъ онъ.

— Ничего,—отвѣчала Тёза съ весьма свирѣпымъ видомъ.— Это домъ рушится. Но вамъ хорошо; у васъ все есть, что нужно... Ахъ! Богъ мой! да щелей не оберешься. Взгляните-ка на этотъ потолокъ. Вѣдь онъ весь растрескался! Если насъ не задавятъ въ одно прекрасное утро, то мы должны свѣчку поставить нашему ангелу хранителю. Но что за бѣда, если вы довольны... Вотъ тоже и церковь. Уже два года тому назадъ слѣдовало бы вставить разбитыя стекла. Зимой, Господь Богъ въ ней мерзнетъ. Къ тому же, это помѣшало бы влетать негоднымъ воробьямъ. Право, я заклею ихъ бумагою, воть увидите.

— Ну, что-жъ, это хорошая мысль,—пробормоталъ патерьъ:—можно заклеить бумагою... Что касается стѣнъ, то онѣ прочтѣе, чѣмъ это кажется. Въ моей комнатѣ полъ подался немного только возлѣ окна. Домъ насъ всѣхъ переживетъ.

Дойдя до маленькаго сарая возлѣ кухни, онъ сталъ хвалить стирку, чтобы сдѣлать удовольствіе Тёзѣ. Она потребовала, чтобы онъ понюхалъ воду и попробовалъ пальцемъ. Тогда восхищенная старуха преисполнилась материнской заботливости. Она перестала ворчать, и побѣжала за щеткой, говоря:

— Надѣюсь, что вы не выйдете изъ дому въ запачканной расѣ! Еслибы вы ее повѣсили на перегородку, она была бы вышита... Она еще совсѣмъ хотъ куда, эта раса! Только подбери-те ее, когда идете по полямъ. Репейники все истреплютъ.

И она поворачивала его, какъ ребенка, заставляя вздрагивать съ ногъ до головы подъ сильными ударами щетки.

— Ну, ну, будетъ,—сказалъ онъ, вырываясь.—Присмотрите, кюрэ, пожалуйста. Я ей скажу, что ужоу.

Въ эту минуту послышался звонкій голосъ:

— Сержъ! Сержъ!

Дезире прибѣжала, вся раскраснѣвши отъ радости, съ непокрытой головой. Черные волосы ея были крѣпко закручены на затылкѣ, руки покрыты навозомъ до локтей. Она чистила своихъ куръ. Когда она увидѣла, что братъ готовится выйти и держитъ подъ мышкой трепниекъ, то расхохоталась громче прежняго и принялась цѣловать его, закинувъ назадъ руки, чтобы не дотронуться до него.

— Нѣтъ, нѣтъ, — бормотала она, — я тебя запачкаю. Охъ, какъ мнѣ весело! Ты поглядишь на животныхъ, когда вернешься.

И она убѣжала. Аббатъ Мурэ сказалъ, что вернется въ одиннадцать часовъ, къ завтраку. Онъ уже уходилъ, когда Тѣза, провожавшая его до порога, прокричала ему послѣднія наставленія:

— Не забудьте повидаться съ братомъ Арканжіа... Заидите также въ Брише; жена его вчера приходила сюда, все по поводу этой свадьбы... Г-нъ кюрэ, послушайте-ка! Я встрѣтила Розалію. Она ничего такъ не желаетъ, какъ выйти замужъ за долговязаго Фортюна. Поговорите съ дядюшкой Бамбуссомъ, быть можетъ онъ васъ теперь послушаетъ... И не возвращайтесь въ два часа, какъ намерены. Въ одиннадцать придете? да? въ одиннадцать, скажите?

Но патерь больше не оборачивался. Старуха вошла въ домъ, бормоча сквозь зубы:

— Какъ бы да не такъ; онъ меня и не слушаетъ!.. Малому нѣтъ и двадцати-шести лѣтъ, а онъ все дѣлаетъ по-своему. Спору нѣтъ, онъ по святости затенетъ за поясъ любого шестидесяти-лѣтняго старика. Но онъ совсѣмъ еще не жилъ; онъ ничего не знаетъ; ему не трудно быть добродѣтельнымъ какъ херувимъ, этому милашкѣ.

IV.

Аббатъ Мурэ, оставивъ Тѣзу далеко за собой, остановился, довольный, что наконецъ онъ одинъ. Церковь была построена на небольшомъ пригоркѣ, который отлого спускался къ самому селу. Церковь вытянулась, точно покинутая овчарня, съ большими окнами и красной черепичной кровлей. Патерь обернулся и бросилъ взглядъ на приходскій домъ, сѣрую лачугу, приставленную къ самому боку средней части храма; затѣмъ, словно боясь быть снова оглушеннымъ нескончаемой болтовней, которая съ самаго утра раздавалась у него въ ушахъ, поднялся направо и почувствовалъ себя въ безопасности только передъ

главными дверями, гдѣ его не могли видѣть изъ приходскаго дома. Надъ фасадомъ церкви, совсѣмъ обнаженнымъ, потрескавшимся отъ дождя и солнца, возвышалась узкая кирпичная колокольня, среди которой виднѣлся черный профиль маленькаго колокола. Шесть разбитыхъ ступенекъ, полуушедшихъ въ землю съ одного бока, вели къ высокой круглой двери, покрытой трещинами, изъѣденной пылью, ржавчиной, паутиной и имѣвшей такой жалкій видъ на своихъ сломанныхъ петляхъ, что, казалось, вѣтеръ долженъ ворваться въ нее съ первымъ же порывомъ. Аббатъ Мурэ, любившій эту развалину, взомель на крыльцо и прислонился къ двери. Оттуда онъ могъ обозрѣть всю окрестность. Заслонивъ глаза рукой, онъ посмотрѣлъ вдаль.

— Бамбусъ долженъ быть у себя въ Оливеттѣ, — пробормоталъ онъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ могучая растительность, которую вскорѣ сожгло палющее июньское солнце, пробивала эту каменистую почву. Болосальные лавенды, кусты можжевельника, группы жесткихъ травъ тянулись на крыльцо и убирали букетами темной зелени самыя черепицы. Первый всходъ растительной жизни грозилъ унести церковь въ крѣпкой сѣти узловатыхъ растений, которыя проникали въ мельчайшія трещины и вырывали камни сильными пальцами своихъ корней. Въ этотъ ранній часъ, когда жизнь была въ полномъ разгарѣ, чувствовалось вѣяніе тепла и упорное, молчаніе, трепетомъ пробѣгавшее по утесамъ. Но аббатъ не замѣчалъ усилія, съ какимъ жизнь заявляла себя; онъ не сознавалъ потуги этихъ тяжкихъ родовъ; ему показалось, что ступенька колеблется; онъ прислонился къ другой половинкѣ дверей, продолжая глядѣть вдаль.

Окрестность видна была на двѣ мили въ окружности и видъ замыкался на горизонтѣ стѣною желтыхъ холмовъ, на которыхъ сосновые лѣса образовали черныя пятна. Небольшіе клочки воздѣланной земли выдѣлялись кровавыми пятнами, красными полями, на которыхъ вытягивались ряды жидкихъ миндальныхъ деревьевъ, сѣрыя верхушки оливковыхъ деревьевъ, темныя полосы виноградниковъ. Казалось, громадный пожаръ прошелъ тутъ, поспавъ возвышенность пепломъ лѣсовъ, сжегши луга и оставивъ въ углубленіяхъ свой пламенный блескъ и жаръ. Кое-гдѣ блѣдо-зеленые четырехугольники съ хлѣбами смягчали рѣзкость общаго впечатлѣнія. Горизонтъ оставался угрюмымъ, лишеннымъ малѣйшей струйки воды, истомленный жаждою и при малѣйшемъ вѣтерѣ заносимый столбами пыли. А совсѣмъ на краю горизонта, черезъ просвѣтъ въ стѣнѣ холмовъ виднѣлся вдали

ключокъ влажной зелени: тутъ открывался видъ на сосѣднюю долину, которую оплодотворяла Віорна, рѣчка, вытекавшая изъ ущельевъ Сейли.

Аббатъ Мурэ, не находя того, чего искалъ вдали, перевелъ ослабленные взоры на селеніе, домишки котораго были разбросаны въ безпорядкѣ у подножія церкви. Жалкіе домишки, сложенные изъ дикаго камня и сколоченные изъ оштукатуренныхъ досокъ, были разбросаны вдоль узкой дороги, безъ всякаго намека на улицу. Ихъ было около тридцати; одни, выросшіе въ навозъ, почернѣвшіе отъ нищеты, другіе, болѣе просторные и веселые, съ розовой черепичной кровлей. Въ крохотныхъ садикахъ, отвоєванныхъ у утесовъ, красовались гряды съ овощами, пересѣченными живой изгородью. Въ этотъ часъ селеніе Арто было пусто; ни одной женщины не видать было въ окнахъ, ни одинъ ребенокъ не валялся въ пыли; однѣ только толпы курицъ расхаживали взадъ и впередъ, роясь въ соломѣ, подбираясь на порогахъ домовъ, двери которыхъ, растворенныя настежь, охотно пропускали солнце. Большая, черная собака, сидя на заднихъ лапахъ у входа въ селеніе, какъ будто сторожила его.

— Воріо! Воріо!—позвалъ патеръ.

Но собака не пошевелилась. Лѣнь мало-по-малу охватывала аббата Мурэ. Восходящее солнце обдавало его такимъ тепломъ, что онъ прислонился къ двери церкви, захваченный счастливымъ покоемъ. Онъ думалъ объ этомъ селеніи Арто, выросшемъ тутъ, среди камней, подобно узловатымъ растеніямъ, окружавшимъ его. Всѣ жители были въ родствѣ другъ съ другомъ, всѣ носили одну и ту же фамилію, такъ что съ колыбели имъ давали прозвища, чтобы отличить другъ отъ друга. Ихъ предокъ, нѣкто Арто, пришелъ и поселился среди этой пустоши, какъ парія; затѣмъ, семья его разрослась съ угрюмой живучестью травъ, извлекающихъ жизнь изъ утесовъ. Семья эта въ концѣ-концовъ превратилась въ цѣлое племя, цѣлую общину, родство которой терялось въ прошломъ, восходя за нѣсколько столѣтій. Такъ выросъ среди тоскливой каймы холмовъ особый народъ, особая раса, возникшая изъ земли, человѣческое племя въ полтора-два дупа, которое какъ будто начинало исторію.

На патерѣ же лежала мертвая тѣнь семинаріи. Онъ желалъ жить въ сѣни своей кельи, въ безмолвіи корридоровъ, въ уединеніи стараго плассанскаго монастыря, гдѣ не чувствовалось вѣянія жизни. Цѣлые годы не видалъ онъ солнца. Онъ и до сихъ поръ отворачивался отъ него, закрывалъ глаза, помышляя объ одной душѣ и презирая проклятую природу. Долгое время, въ

асы благоговѣйнаго размышленія, стоя на колѣняхъ, онъ мечталъ объ отшельнической пустынѣ, о какой-нибудь пещерѣ въ горахъ, гдѣ ничто бы изъ живого, ни животное, ни растеніе, ни вода не отвлекали бы его отъ созерцанія Бога. Въ немъ горѣли порывъ чистой любви и отвращеніе ко всякимъ физическимъ ощущеніямъ. Тамъ, замеревъ и повернувшись спиною къ тѣту, онъ дожидался бы минуты, когда прекратится его жизнь и онъ сольется съ свѣтлымъ міромъ духовъ. Небо представлялось ему совсѣмъ бѣлымъ, лучезарной бѣлизны, точно засыпанное лиліями, точно озаренное непорочностью и цѣломудріемъ. Но его духовники бранили его, когда онъ сообщалъ ему о своемъ стремленіи къ уединенію, о своей потребности въ божественной чистотѣ. Онъ напоминалъ ему о борьбѣ за церковь, объ обязанности священническаго сана. Позднѣе, послѣ своего посвященія, молодой патеръ прибылъ въ Арто, по собственному желанію, съ надеждой осуществить свою мечту объ убіеніи всего земного. Среди этой нищеты, на этой бесплодной почвѣ ему можно будетъ затенуть уши и не слышать земного шума; онъ будетъ жить, забывшись сномъ праведныхъ. И дѣйствительно, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ пребывалъ въ безмятежности. Изрѣдка разсѣ смущалъ его шумъ, долетавшій до него изъ селенія; изрѣдка болѣе жаркій лучъ солнца обжигалъ ему затылокъ, когда онъ ходилъ по горнымъ тропинкамъ, весь перенесясь въ небо и не видя зарождающейся жизни, кипѣвшей крутомъ него.

Воріо рѣшился вскарабкаться къ аббату Мурэ. Онъ усылся у его ногъ на заднихъ лапахъ. Но патеръ оставался въ забытіи, укутанный теплотою утра. Наканунѣ онъ началъ молитвы въ честь Мадонны и приписывалъ великую радость, ощущаемую имъ, ходатайству св. Дѣвы за него передъ своимъ божественнымъ Сыномъ. И какими презрѣнными казались ему земныя блага! Какъ онъ былъ благодаренъ за свою нищету! Поступивъ въ монахи и въ тотъ же самый день лишившись отца съ матерью, вслѣдствіе дамы, ужасы которой ему были еще неизвѣстны, онъ предоставилъ все наслѣдство своему старшему брату. Его привязывала къ міру только сестра. Онъ взялъ ее на свое попеченіе, проникнувшись какой-то духовной нѣжностью къ ея слабоумію. Бѣдная дурочка была такъ невинна, что казалась ему такою же чистю, какъ и тѣ нищія духомъ, которымъ евангеліе общаетъ дарствіе небесное. Совсѣмъ тѣмъ, съ нѣкоторыхъ поръ она начинала беспокоить его; она слишкомъ полнѣла, слишкомъ здоровѣла; отъ нея разлило жизнь. Но это беспокойство было еще совсѣмъ смутное. Онъ проводилъ цѣлые дни, погруженный въ

тотъ внутренній міръ, который создалъ себѣ, отрекшись отъ всего, чтобы исполнѣ отдаться Богу. Онъ закрывалъ доступъ къ своимъ чувствамъ; старался освободиться отъ потребностей тѣла; превращался въ одну думу, восторгавшуюся созерцаніемъ. Въ природѣ онъ видѣлъ только соблазнъ и грязь; онъ ставилъ себѣ за честь насиловать, презирать ее, и освобождаться отъ своей земной грязи. Праведный долженъ быть безумцемъ, по мнѣнію свѣта. Поэтому, онъ смотрѣлъ на себя какъ на чужого, какъ на ссыльнаго въ землѣ, помышлялъ только о небесныхъ благахъ, не понимая, какимъ образомъ можно предпочитать нѣсколько часовъ переходящей радости вѣчному блаженству. Разумъ вводилъ его въ заблужденіе; желанія обманывали его. И если онъ преуспѣвалъ въ добродѣтели, то главнымъ образомъ благодаря своему смиренію и послушанію. Онъ желалъ быть послѣднимъ отъ людей, приниженымъ передъ всѣми, чтобы небесная роса падала на его сердце, какъ на бесплодный песокъ; онъ считалъ себя покрытымъ позоромъ и грѣхомъ, недостойнымъ спасенія, и всю надежду возлагалъ на милость Божію. Быть смиреннымъ—значить вѣрить, значить любить. Онъ не зависѣлъ больше отъ самого себя, онъ былъ слѣпъ, глухъ, мертвъ къ потребностямъ плоти. Онъ былъ рабомъ Бога. Тогда, изъ того униженія, въ которое онъ погружался, молитва возносила его надъ счастливыми и сильными вѣсіаніе безконечнаго блаженства.

Такимъ образомъ, въ селеніи Арто аббатъ Мурэ нашелъ восторги монастыря, о которыхъ онъ такъ страстно мечталъ въ былое время, когда читалъ «Подражаніе Христу». Въ немъ еще не происходило никакой борьбы. Онъ былъ совершенъ, безупреченъ съ той самой минуты, какъ опустился на колѣни, безъ борьбы, безъ содраганія, словно ошеломленный благодатью, безъ условно позабывъ о существованіи плоти. Восторженное состояніе, знакомое нѣкоторымъ молодымъ патерамъ; блаженный часъ, когда все внутри замираетъ, когда всѣ желанія сводятся къ безпредѣльной потребности чистоты. Онъ не искалъ утѣшенія ни въ чемъ живомъ. Когда вѣришь, что какая-нибудь вещь есть все, то не знаешь колебаній, а онъ вѣрилъ, что Богъ—все, что его смиреніе, его послушаніе, его цѣломудріе суть все. Онъ слышалъ, какъ говорили о соблазнѣ, какъ объ ужасной пыткѣ, которой подвергаются самые праведные. Онъ же улыбался. Богъ никогда еще не покидалъ его. Онъ жилъ, защищенный своей вѣрой, какъ броней, которая предохраняла его отъ всякихъ дурныхъ мыслей. Онъ припоминалъ, что, будучи восьми лѣтъ, ему случалось плакать отъ любви гдѣ-нибудь въ уголкѣ. Онъ не зналъ, кого онъ

любить; онъ плакалъ потому, что любилъ кого-то, кто былъ далеко, далеко. Онъ на всю жизнь остался умиленнымъ. Позднѣе, онъ пожелалъ сдѣлаться патеромъ, чтобы удовлетворить этой потребности сверхчеловѣческой любви, которая составляла его единственное мученіе. Онъ не видѣлъ, въ какой сферѣ можно любить болѣе. Онъ удовлетворялъ тутъ все свое существо, свои фантасмы инстинкты, свои юношескія мечты, свои первыя желанія человѣка возмужалаго. Если соблазнъ долженъ былъ придти, онъ ждалъ его съ безмятежностью неопытнаго семинариста. Въ немъ убили мужчину, онъ это чувствовалъ, и былъ счастливъ, созная въ себѣ обособленнаго человѣка, искалѣченное существо, отмѣченное тонзурой, точно божья овечка.

V.

Между тѣмъ солнце нагрѣвало большія церковныя двери. Золотистыя мушки жужжали вокругъ большого цвѣтка, росшаго между двумя ступенями паперти. Аббатъ Мурэ, у котораго слева кружилась голова, рѣшилъ уйти, какъ вдругъ Воріо бросился съ громкимъ лаемъ къ рѣшетѣ небольшого кладбища, расположеннаго по лѣвую руку отъ церкви. Въ то же самое время рыскій голосъ закричалъ:

— Ага! негодай, ты прогуливаешь школьныя занятія и слѣдишь по кладбищу!... Не отнѣживайся! Я добрую четверть часа сижу за тобой.

Патеръ пошелъ на голосъ. Онъ увидѣлъ Венсана, котораго монахъ изъ ордена христіанскихъ школъ крѣпко держалъ за ухо. Ребенокъ такимъ образомъ какъ будто висѣлъ надъ пропастью, прилежавшей къ кладбищу и въ глубинѣ которой текла рѣка Мисль, потокъ, бѣлыя воды котораго за два льѣ отсюда впадалъ въ Віорну.

— Братъ Арканжіа! — тихонько сказалъ аббатъ, чтобы склонить свирѣпаго человѣка къ снисходительности.

Но монахъ не выпускалъ уха.

— Ахъ! это вы, г-нъ кюрэ, — прорычалъ онъ. — Вообразите, этотъ мерзавецъ вѣчно торчитъ на кладбищѣ. Не знаю, какими шалостями онъ здѣсь изволитъ заниматься... Мнѣ бы слѣдовало выпустить его, чтобы онъ разбилъ себѣ голову, тамъ, внизу. Это было бы отлично.

Ребенокъ ни слова не говорилъ, уцѣпившись за кустарники и лунно закрывъ глаза.

— Берегитесь, братъ Арканжіа, — началъ патерь: — онъ не можетъ поскользнуться.

И самъ помогъ Венсану выкарабкаться наверхъ.

— Скажи, дружокъ, что ты здѣсь дѣлалъ? Не слѣдуетъ играть на кладбищахъ.

Шалунъ раскрылъ глаза, пугливо отойдя отъ монаха и преклонивъ передъ нимъ покровительство аббата Мурэ.

— Я вамъ скажу, — прошепталъ онъ, поднимая вверхъ с хитрое личико. — Здѣсь есть гнѣздо малиновки, въ терновникѣ подъ этой скалой. Вотъ уже слишкомъ десять дней, какъ я сажу его... И вотъ, такъ какъ птенчики уже вылупились, ты пришелъ сюда утромъ, отслуживъ вашу обѣдню...

— Гнѣздо малиновки! — проговорилъ братъ Арканжіа. — И стой, стой!

Онъ отошелъ, поднявъ съ могилы комъ земли и, вернувшись, бросилъ имъ въ гнѣздо. Но онъ не попалъ туда. Второй комъ брошенный съ большою ловкостью, перекувырнулся хрупкую лямбелку и вышвырнулъ птенчиковъ въ потокъ.

— Вотъ теперь, — продолжалъ онъ, хлопая въ ладоши, что земля отстала отъ его руки, — ты не будешь больше бродить здѣсь какъ язычникъ... Мертвецы ночью придутъ тянуть тебя за носъ, если ты будешь тревожить ихъ кости...

Венсанъ, смѣявшійся тому, какъ гнѣздо перекувырнулось, оглядѣлся вокругъ, пожимая плечами съ видомъ *esprit fort*.

— О! я не боюсь, — сказалъ онъ: — мертвецы не трогаютъ мѣста.

Дѣйствительно, кладбище совсѣмъ не было страшно. Это было обнаженное мѣсто, на которомъ узкія аллеи терялись подъ наплывомъ травъ. Углубленія, мѣстами, бороздили почву. Тамъ одна плита, совсѣмъ новая, плита, лежавшая надъ прахомъ аббата Каффена, выдѣлялась своимъ бѣлымъ профилемъ на общемъ фонѣ. Кромѣ нея, кругомъ ничего не было видно, за исключениемъ обломанныхъ крестовъ, засохшихъ буксовъ, старыхъ вдавленныхъ въ землю, плитъ, поросшихъ мохомъ. Въ годъ хоронили и одного покойника. Смерть, повидимому, не обитала на этой невоздѣланной почвѣ, куда Теза каждый вечеръ приходила набирать травы для кроликовъ Дезирэ. Гигантскій кипарисъ, посаженный у двери, одинъ бросалъ свою тѣнь на это пустынное поле. Этотъ кипарисъ, который былъ видѣнъ за три лиги въ окрестности, былъ извѣстенъ во всемъ околоткѣ подъ названіемъ «пустынника».

— Тутъ пропасть ящерицъ,—прибавилъ Венсанъ, глядѣвшій на щелистую стѣну церкви.—Забавно было бы...

Но онъ отскочилъ, увидя, что монахъ собирается ткнуть его ногой. Монахъ обратилъ вниманіе кюрэ на плохое состояніе рѣшетки. Она была вся изъѣдена ржавчиной, одна петля со-
сочила, замокъ былъ сломанъ.

— Надобно бы исправить это,—сказалъ онъ.

Аббатъ Мурэ улыбнулся, ничего не отвѣчая. Затѣмъ, обра-
щаясь къ Венсану, который возился съ Воріо:

— Скажи же, мальчикъ,—спросилъ онъ,—ты знаешь, гдѣ ра-
ботаетъ сегодня утромъ дядя Бамбуссъ?

Ребенокъ поглядѣлъ на горизонтъ.

— Онъ долженъ быть на своемъ полѣ въ Оливеттѣ,—отвѣ-
чалъ онъ, указывая рукою влѣво...—Впрочемъ, Воріо васъ про-
водитъ, г-нъ кюрэ. Онъ навѣрное знаетъ, гдѣ его хозяинъ.

Тутъ онъ захопалъ въ ладоши, крича:

— Эге! Воріо! эге!

Большая черная собака колебалась съ минуту, махала хво-
стомъ и силилась прочитывать въ глазахъ мальчишки, что отъ нея
требовали. Затѣмъ, съ радостнымъ лаемъ пустилась по направле-
нію къ селенію; аббатъ Мурэ и братъ Арканжіа послѣдовали
за ней, разговаривая другъ съ другомъ. Когда они прошли съ
сотню шаговъ, Венсанъ исподтишка отошелъ отъ нихъ, вернулъ-
ся къ церкви, слѣдя за ними и готовясь броситься за кустъ,
если они повернутъ голову. Съ гибкостью ужъ онъ снова про-
скользнулъ на кладбище, этотъ рай, гдѣ были гнѣзда, ящерицы
и цвѣты.

Братъ Арканжіа говорилъ патеру своимъ раздраженнымъ
голосомъ, между тѣмъ какъ Воріо бѣжалъ впереди по пыль-
ной дорогѣ:

— Полноте, г-нъ кюрэ, вѣдь это чортово сѣмя, всѣ эти гады!
Имъ слѣдовало бы перебить ребра, чтобы сдѣлать ихъ пріятны-
ми Богу. Они вырастаютъ въ невѣріи, какъ и ихъ отцы. Вотъ
уже пятнадцать лѣтъ, какъ я тутъ, и мнѣ еще не удалось вос-
питать ни одного христіанина. Какъ только они уйдутъ изъ
моихъ рукъ, все кончено! Они всей душой отдаются своей землѣ,
своимъ виноградникамъ, своимъ оливковымъ деревьямъ. Ни одинъ
и не заглянетъ въ церковь. Это просто животныя, которыя бо-
рются съ своими каменистыми полями!.. На нихъ нужна палка,
г-нъ кюрэ, да! палка!

Тутъ, переведя духъ, онъ прибавилъ, съ свирѣпымъ жестомъ,
— Видите ли, эти Арто все равно, что репейникъ, кото

здѣсь подкапывается подъ скалы. Достаточно было одного корня, чтобы заразить всю мѣстность. Все это цѣпляется за жизнь, плыветъ, живетъ, несмотря ни на что. Необходимъ небесный огонь, какъ въ Гоморрѣ, чтобы искоренить ихъ всѣхъ.

— Никогда не слѣдуетъ отчаиваться въ грѣшникахъ,—замѣтилъ аббатъ Мурэ, шествовавшій тихими шагами и сохраняя въ душѣ внутренній миръ.

— Нѣтъ, эти люди принадлежать дьяволу, еще рѣзче проговорилъ монахъ.—Я былъ крестьяниномъ, какъ и они. До восемнадцати лѣтъ я пахалъ землю. А затѣмъ, позднѣе, въ институтѣ, я пололъ гряды, исполнялъ самую черную работу. Я не за грубость труда упрекаю ихъ. Напротивъ, Господь предпочитаетъ тѣхъ, которые живутъ въ низкой долѣ!.. Но Арто ведутъ себя, какъ звѣри! Они точно ихъ собаки, которыя никогда не ходятъ къ обѣднѣ; они смѣются надъ заповѣдями Господними и надъ церковью.

Воріо остановился, поднявъ хвостъ и снова побѣждалъ впередъ, убѣдившись, что оба человѣка слѣдуютъ за нимъ.

— Дѣйствительно, злоупотребленія бываютъ ужасныя,—замѣтилъ аббатъ Мурэ.—Мой предшественникъ, аббатъ Каффенъ...

— Дрянной человѣкъ,—перебилъ монахъ.—Онъ прибылъ къ намъ изъ Нормандіи, вслѣдствіе какой-то скверной исторіи. Здѣсь онъ заботился только о томъ, какъ бы пожить въ свое удовольствіе; онъ предоставилъ дѣла ихъ теченію.

— Нѣтъ, аббатъ Каффенъ несомнѣнно дѣлалъ все, что могъ; но надо сознаться, что его усилія не привели ни къ чему. Мои тоже по большей части остаются безплодными.

Братъ Арканжіа пожалъ плечами. Онъ шелъ нѣсколько секундъ молча, раскачивая своимъ большимъ худымъ тѣломъ, неладно скроеннымъ, но крѣпко спитымъ. Солнце пекло его затылокъ съ загорѣвшей кожей, оставляя въ тѣни его грубое, мужицкое лицо.

— Послушайте, г-нъ бюрэ,—снова началъ онъ,—я слишкомъ ничтожный человѣкъ, чтобы брать на себя смѣлость дѣлать вамъ замѣчанія; но только я вѣдь вдвое старше васъ, и знаю мѣстность, что даетъ мнѣ право сказать вамъ, что вы ничего не достигнете мягкостью... Слышите ли, съ ними надо держаться одного катехизиса. Богъ не милуетъ нечестивыхъ. Онъ ихъ сожигаетъ. Помните это.

И такъ какъ аббатъ Мурэ, наклонивъ голову, не развѣвалъ а, онъ продолжалъ:

— Религія уходитъ изъ селъ, потому что ее сдѣлали слиш-

комъ мягкосердечной. Ее уважали, пока она держала себя безпощадной госпожей... Я не знаю, чему васъ учать въ семинаріяхъ. Молодые патеры плачутъ, какъ дѣти, съ своими прихожанами. Богъ точно перемѣнился... Я готовъ побожиться, г-нъ кюрэ, что вы даже не знаете наизусть катехизиса?

Патерь, котораго оскорбила эта грубая манера забирать его въ руки, поднялъ голову и отвѣтилъ нѣсколько сухо:

— Хорошо, усердіе ваше похвально... Но развѣ вамъ нечего мнѣ сообщить? Вѣдь вы приходили сегодня утромъ въ приходскій домъ, не правда ли?

Братъ Арканжіа грубо отвѣчалъ:

— Мнѣ надо было сообщить вамъ то, что я вамъ уже сказалъ... Арто живутъ, какъ ихъ свиньи. Я вчера узналъ, что Розалія, старшая дочь дяди Бамбусса, беременна. Всѣ ждутъ этого, чтобы выдти замужъ. Въ теченіи пятнадцати лѣтъ я не знавалъ ни одной, которая бы не гуляла, прежде чѣмъ идти подъ вѣнецъ... И онѣ со смѣхомъ утверждаютъ, что таковъ дѣйствительный обычай!

— Да,—прошепталъ аббатъ Мурэ,—это большой скандалъ... Я именно разыскиваю дядю Бамбусса, чтобы переговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. Теперь было бы желательно поспѣшить со свадьбой... Отецъ ребенка, какъ кажется, Фортюнэ, старшій сынъ Брише. Къ несчастію, Брише бѣдны.

— Эта Розалія!—продолжалъ монахъ,—вѣдь ей только что минуло восемнадцать лѣтъ! Эти дѣвчонки развращаются еще на школьной скамьѣ. Еще нѣтъ четырехъ лѣтъ, какъ она училась у меня. Она и тогда была порочна... Теперь у меня въ школѣ ея сестра, Катерина, дѣвчонка одиннадцати лѣтъ, обѣщающая быть еще безстыднѣе, чѣмъ ея старшая сестра. Ее застаешь во всѣхъ углахъ съ этимъ маленькимъ негодяемъ Венсаномъ.... Да, нечего сказать, сколько ни дери имъ уши, а женщина непремѣнно проглянетъ въ нихъ. Онѣ носятъ погибель въ своихъ юбкахъ. Все это твари, которыхъ стоило бы потопить въ помойной ямѣ съ ихъ грязью, которая отравляетъ! То-то было бы отлично, еслибы всѣхъ дѣвокъ душили при рожденіи.

Отвращеніе, ненависть къ женщинамъ заставили его выругаться, какъ ругается извозчикъ. Аббатъ Мурэ, слушавшій его съ спокойнымъ лицомъ, подъ конецъ улыбнулся надъ его раздражительностью. Онъ сталъ кликать Воріо, который забѣжалъ въ сосѣднее поле.

— Да вотъ! смотрите!—завричалъ братъ Арканжіа, показывая на группу дѣтей, игравшихъ въ глубинѣ оврага,—вотъ мои новѣсы, которые не приходятъ въ школу подъ тѣмъ предлогомъ,

что помогаютъ роднымъ въ виноградникахъ!.. Будьте увѣрены, что эта негодяйка Катерина между ними. Она скатывается съ горы. Вы увидите, какъ ея юбки поднимутся ей на голову. Вотъ, что я вамъ говорилъ!.. До свиданія, г-нъ еюрэ... Погодите, погодите, негодяй!

И онъ пустился бѣгомъ, его грязныя брыжи съѣхали на бокъ, засаженная ряса цѣплялась за репейники. Аббатъ Муръ видѣлъ, какъ онъ бросился въ толпу ребятъ, мгновенно разбѣжавшихся въ разныя стороны, точно стая испуганныхъ воробьевъ. Но ему удалось поймать за ухо Катерину и одного мальчишку. Онъ потащилъ ихъ въ село, крѣпко держа своими толстыми пальцами, въ волосахъ, и нещадно ругаясь.

Патеръ пошелъ дальше; братъ Арканжіа наводилъ на него порою странное смущеніе: онъ ему представлялся въ своей грубости, въ своей вульгарности, настоящимъ божіимъ человекомъ, чуждымъ всему земному, предавшимся вполне волѣ божіей, смиреннымъ, грубымъ, неистово ругающимъ грѣхъ. И онъ приходилъ въ отчаяніе, что не умѣетъ окончательно отдѣлаться отъ плоти, что онъ не безобразенъ, не грязенъ, не покрытъ язвами. Если случалось порою, что монахъ возмутить его слишкомъ дерзкими словами, слишкомъ грубымъ пристаиваньемъ, то послѣ того онъ казнилъ себя за свою щекотливость, за свою гордую натуру, какъ за настоящія преступленія. Развѣ онъ не долженъ быть нечувствительнымъ ко всѣмъ слабостямъ міра? На этотъ разъ онъ снова грустно улыбнулся, размышляя, что чуть-было не разсердился за гнѣвный урокъ, данный ему монахомъ. Вѣдь это гордость, думалось ему; а гордость ведетъ къ погибели, побуждая пренебрегать нищими духомъ. Но, помимо своей воли, онъ почувствовалъ облегченіе, когда остался одинъ и могъ начать читать требникъ, идя тихими шагами и избавясь отъ этого крикливаго голоса, смущавшаго его мечту о чистой нѣжности.

VI.

Дорога загибалась между обломками утесовъ, среди которыхъ крестьяне отвоевали тамъ-и-сямъ клочки мѣловой почвы, величиной въ четыре-пять метровъ, засаженные оливами. Подъ ногами аббата пыль въ глубокихъ колеяхъ трещала точно снѣгъ. Порою, когда ему пахнеть въ лицо болѣе горячая струя воздуха, онъ поднималъ глаза, отыскивая, откуда эта ласка; но взоръ его оставался неопредѣленнымъ, глаза глядѣли впередъ, но ничего не

видѣли: ни пылавшаго горизонта, ни извилистыхъ линій этой раскаленной почвы, высохшей, изнемогавшей подъ палящими лучами солнца, точно страстная, но бесплодная женщина. Онъ надвигалъ шляпу на лобъ, чтобы защититься отъ жаркаго дуновения, и снова погружался въ чтеніе, между тѣмъ какъ его раса, позади него, поднимала небольшое облако пыли, катившееся нѣзко надъ дорогой.

— Здравствуйте, г-нъ кюрэ, — сказалъ ему одинъ крестьянинъ, прохидившій мимо.

Стукъ заступовъ на участкахъ земли вывелъ его снова изъ благоговѣйной задумчивости. Онъ повернулъ голову и увидѣлъ среди виноградниковъ большихъ, коренастыхъ стариковъ, которые ему кланялись. Онъ видѣлъ потныя лица, появлявшіяся изъ-за кустарниковъ, тяжело вдыхавшіяся груди, медленно выпрямлявшія спины, жаркія усилія плодородія, среди котораго онъ шелъ спокойной поступью неопытнаго челоука. Великій трудъ любви, которымъ дышало утро, не вліялъ на его организмъ.

— Эге, Воріо! не годится бросаться на людей! — весело вскричалъ громкій голосъ, заставляя молчать собаку, которая оглушительно лаяла.

Аббатъ Мурэ поднялъ голову.

— Это вы, Фортюнэ? — проговорилъ онъ, подходя къ полю, на которомъ работалъ молодой крестьянинъ. — Мнѣ какъ разъ нужно съ вами поговорить.

Фортюнэ былъ однихъ лѣтъ съ патеромъ. То былъ высокій малый, сиблаго вида и уже съ огрубѣвшей кожей. Онъ расчищалъ участки пустоши, покрытый камнями.

— О чемъ же, г-нъ кюрэ? — спросилъ онъ.

— О томъ, что произошло между Розаліей и вами, — отвѣчалъ патерь.

Фортюнэ засмѣялся. Ему, должно быть, показалось забавнымъ, что патера занимаютъ такія вещи.

— Гмъ! — пробормоталъ онъ, — она сама этого желала. Я ее не принуждалъ... Тѣмъ хуже, если дядя Бамбуссъ не отдаетъ ее за меня! Вы видѣли, что сейчасъ его собака хотѣла меня укусить. Онъ наускиваетъ ее на меня.

Аббатъ Мурэ собирался идти дальше, когда старикъ Арто, по прозванью Брише, котораго онъ сначала не замѣтилъ, вышелъ изъ-за куста, за которымъ обѣдалъ съ женою. Онъ былъ маленькаго роста, съ лицомъ, высохшимъ отъ старости, и смиренной миной.

— Вамъ навѣрное наговорили пустяковъ, г-нъ кюрэ, — заговорилъ онъ.

— Мальчикъ совсѣмъ готовъ жениться на Розаліи... Эти молодые люди гуляли вмѣстѣ. Въ этомъ никто не виноватъ. Много другихъ, которые такъ же дѣлали, какъ и они, но жили потомъ не хуже отъ этого... Дѣло не отъ насъ зависить. Надо переговорить съ Бамбуссомъ. Это онъ презираетъ насъ, потому что богатъ.

— Да, мы слишкомъ бѣдны, — захныкала тетка Брише, высокая, плаксивая женщина, которая встала въ свою очередь. — У насъ только и есть, что этотъ клочекъ поля, куда дьяволъ, должно быть, сыплетъ каменья. Оно не дастъ намъ хлѣба... Безъ васъ, г-нъ кюрэ, совсѣмъ житья бы не было.

Тетка Брише была единственная богомолка во всемъ селѣ. Причастившись, она бродила вокругъ приходскаго дома, зная, что Теза всегда откладывала для нея пару хлѣбовъ! Пороку она уносила даже кролика или курицу, которыхъ ей дарила Дезирэ.

— Конца нѣтъ скандаламъ, — возразилъ патеръ. — Надобно, чтобы эта свадьба состоялась какъ можно скорѣе.

— Да хоть сейчасъ, если тѣ захотятъ, — отвѣчала старуха, трепеща за подарки, которые она получила. — Неправда ли, Брише? Мы не такіе худые христіане, чтобы стали сердить г-на кюрэ.

Фортюнэ ослабилъ.

— Я совсѣмъ готовъ, — объявилъ онъ, — да и Розалія также... Я вчера видѣлся съ нею за мельницею. Мы не ссорились другъ съ другомъ, напротивъ. Мы вмѣстѣ хохотали...

Аббатъ Мурэ перебилъ его:

— Хорошо. Я поговорю съ Бамбуссомъ. Онъ, кажется, въ Оливеттѣ.

Патеръ уже уходилъ, когда тетка Брише спросила у него: куда дѣвался ея младшій сынъ Венсанъ, ушедшій съ утра, чтобы служить обѣдню. Этотъ шалунъ нуждается въ совѣтахъ г-на кюрэ. И она шла слѣдомъ за патеромъ сажени три, жалуюсь на свою нищету, на то, что картошекъ не хватаетъ, на морозъ, побившій оливки, на жары, грозившіе сжечь убогую жатву. Она оставила его, увѣряя, что сынъ ея Фортюнэ утромъ и вечеромъ читаетъ молитвы.

Воріо теперь опередилъ аббата Мурэ. Внезапно, на поворотѣ дороги, онъ бросился вдоль поля. Аббату пришлось идти по узенькой тропинкѣ, ведущей на холмъ. Онъ находился въ Оливеттѣ, самой плодородной части всей окрестности, гдѣ мэръ об-

щины, Арто, по прозванью Бамбуссъ, владѣль нѣсколькими полями хлѣба, оливого и виноградиноговъ. Между тѣмъ, собака кинулась въ юбки высокой, смуглой дѣвушки, улыбнувшейся во весь ротъ при видѣ патера.

— Чтѣ, отецъ вашъ тутъ, Розалія? — спросилъ этотъ послѣдній.

— Тутъ, возлѣ, — отвѣчала она, показывая рукой и не переставая улыбаться.

Затѣмъ, оставивъ тотъ уголокъ поля, гдѣ она полола, пошла впереди его. Ея беременность была еще мало замѣтна. Она шла, покачиваясь съ боку на бокъ, съ непокрытой головой, выставивъ на показъ порыжѣвшій затылокъ и волосы — такіе же толстые, какъ конскій волосъ. Руки ея, позеленѣвшія, пахли травами, которыя она вырывала.

— Батюшка, — закричала она, — васъ спрашиваетъ г-нъ мурэ.

И тутъ же осталась съ нахальнымъ видомъ, смѣясь своимъ лживымъ и безстыжнымъ смѣхомъ. Бамбуссъ, жирный, весь въ поту, съ круглымъ лицомъ, оставилъ работу и весело пошелъ навстрѣчу аббату.

— Готовъ побожиться, что вы пришли говорить о поправкахъ въ церкви, — сказалъ онъ, отряхивая руки, полныя земли. — Ну, какъ вамъ угодно, г-нъ мурэ, а это невозможно. У общины нѣтъ ни гроша... Если Господь Богъ доставитъ извести и черепицу, то мы поставимъ каменщииковъ.

И онъ громко захохоталъ надъ своей шуткой невѣрующаго крестьянина. Онъ похлопалъ себя по бокамъ, закашлялся, чуть не задохся.

— Я пришелъ говорить не о церкви, — отвѣчалъ аббатъ Мурэ. — Я хотѣлъ поговорить съ вами на счетъ вашей дочери, Розаліи...

— Розаліи? Чтѣ она вамъ сдѣлала? — спросилъ Бамбуссъ, подмигивая.

Крестьянка дерзко глядѣла на молодого патера, оглядывая его съ ногъ до головы, переноса взоры отъ его бѣлыхъ рукъ на его нѣжную шею и стараясь заставить его покраснѣть. Но онъ, просто и съ спокойнымъ лицомъ, точно говорилъ о вещи, которой не понималъ, продолжалъ:

— Вы знаете, чтѣ я хочу сказать, дядя Бамбуссъ. Она беременна. Ее надо замужъ выдать.

— Ахъ, вотъ вы зачѣмъ, — пробормоталъ старый съ своимъ хитрымъ видомъ. — Спасибо за трудъ, г-нъ мурэ. Васъ подослали

Брише, не такъ ли? Тетка Брише ходитъ къ обѣднѣ, и вы хотите помочь ей пристроить сына. Это понятно... Но я на это не согласенъ. Дѣло для меня не подходящее. Вотъ и все.

Патеръ, удивленный, объяснилъ ему, что надо положить конецъ скандалу, что онъ долженъ простить Фортюна, такъ какъ тотъ желалъ загладить свою вину, что, наконецъ, честь его дочери требуетъ немедленной свадьбы.

— Та-та-та,—возразилъ Бамбуссъ, качая головой, — сколько словъ! Я не отдамъ дочери, слышите. Все это до меня не касается... Фортюна нищій. У него за душой нѣтъ двухъ грошей. Вотъ было бы удобно, еслибы для того, чтобы жениться на дѣвушкѣ, стоило бы только погулять съ нею. Г-мъ! молодежь только бы и знала что женилась... Слава тебѣ Господи! Я за Розалію не безпокоюсь. Извѣстно, что съ ней приключилось. Она отъ этого не станетъ ни хромой, ни горбатой, и выйдетъ замужъ, за кого пожелаетъ изъ своихъ земляковъ.

— Но ея ребенокъ?—перебилъ патеръ.

— Ребенокъ? Вѣдь его... онъ еще не родился. Да можетъ и никогда не родится... Если она родитъ ребенка, тогда увидимъ.

Розалія, видя, какъ отецъ принимаетъ совѣтъ патера, наняла нужнымъ запахать оба кулака въ глаза и захныкать. Она даже упала на землю, выставивъ свои синіе чулки, которыя шли выше колѣнъ.

— Замолчишь ли ты, собака?—закричалъ отецъ, разъяренный.

Онъ отвратительно выругалъ ее, самыми непристойными словами, а она хохотала, прикрываясь кулаками.

— Если я тебя застаю съ твоимъ дружкой, то свяжу васъ вмѣстѣ и такъ поведу въ народъ... Ты не хочешь молчать? Пойстой же, негодяйка!

Онъ поднялъ комъ земли и съ силой бросилъ въ нее за четыре шага разстоянія. Комъ упалъ на ея косу, соскользнулъ на шею, покрывъ ее пылью. Оглушенная, она вскочила и убѣжала, закрывая голову руками изъ предосторожности. Но Бамбуссъ успѣлъ послать ей вслѣдъ еще два кома земли: одинъ лишь слегка задѣлъ ея плечо; другой ударился ей въ спину съ такой силой, что она упала на колѣни.

— Бамбуссъ! — вскричалъ патеръ, вырывая у него пригоршни камней, которые тотъ набралъ.

— Пустите! г-нъ кюре, — проговорилъ крестьянинъ. — То была мягкая земля. Мнѣ бы слѣдовало бросить въ нее эти камни... Вотъ и видно, что вы не знаете дѣвокъ. Онѣ вѣдь ветренныя. Я могу спустить вотъ эту въ нашъ колодезь, могу

перевести у ней ребра палкой, а она все-таки не отстанетъ отъ своихъ мерзостей! Но я ее стерегу, и если она мнѣ попадется!.. Ну, да онъ всѣ на одинъ покрой!

Онъ утѣшился. Выпилъ глотокъ вина изъ большой плоской фляжки, въ плетенкѣ, которая грѣлась на горячей землѣ. И снова захохоталъ:

— Еслибы у меня была рюмка, г-нъ вюрэ, я съ удовольствіемъ поподчивалъ бы васъ.

— Итакъ,—снова спросилъ патеръ,—эта свадьба..?

— Нѣтъ, этому не бывать; надо мной стануть смѣяться... Розалія силачка. Она стоить мужчины, вотъ что. Я вынужденъ буду нанять батрака, когда она уйдетъ... Объ этомъ мы поговоримъ по окончаніи сбора винограда. Даромъ вѣдь ничего не даютъ, не такъ ли?

Патеръ еще съ полчаса урезонивалъ Бамбусса, говорилъ ему о Богѣ и приводилъ всякіе доводы, подходящіе къ дѣлу. Старикъ снова принялся за работу; онъ пожималъ плечами, шутилъ, упрямился хуже прежняго. Наконецъ закричалъ:

— Ну вотъ, еслибы вы попросили у меня мѣшокъ съ хлѣбомъ, вы бы мнѣ заплатили за него... Какъ же вы хотите, чтобы я отдалъ дочь задаромъ!

Аббатъ Мурэ, обезкураженный, ушелъ. Спускаясь по тропинкѣ, онъ увидѣлъ Розалію, катавшуюся по землѣ подъ оливковымъ деревомъ съ Воріо, который лизалъ ей лицо, а она хохотала. Она говорила собагѣ, между тѣмъ какъ кубки ея лежали въ разныя стороны, а руки хлопали по землѣ:

— Ты меня щекотишь, дуракъ! Полно же!

Затѣмъ, когда она увидѣла патера, то притворилась будто краснѣетъ, поправила платье и снова запихала кулаки въ глаза. Онъ сталъ ее утѣшать, обѣщая опять похлопотать за нее у отца. И прибавилъ, что пока она должна послушаться отца и прекратить всякія сношенія съ Фортюнэ, чтобы не увеличивать своего грѣха.

— О, теперь больше не страшно,—пробормотала она, улыбаясь съ своимъ нахальнымъ видомъ:—вѣдь бѣды уже не поправшишь.

Онъ не понялъ ее, принялся описывать ей адъ, гдѣ жгутъ развратныхъ женщинъ. Потомъ оставилъ ее, исполнивъ свой долгъ, причемъ въ нему снова вернулось ясное настроеніе, позволявшее ему проходить безъ смущенія мимо плотской гряды.

VII.

Утро становилось жаркимъ. Въ этомъ обширномъ скалистомъ циркѣ солнце съ первыхъ же красныхъ дней производило настоящее пѣкло. Аббатъ Мурэ по высотѣ солнца понялъ, что у него осталось какъ разъ достаточно времени, чтобы вернуться домой, если онъ хочетъ попасть туда въ одиннадцать часовъ и не слушать воркотни Тёзы. Прочитавъ требникъ, окончивъ свое порученіе къ Бамбуssу, онъ торопливыми шагами возвращался въ приходскій домъ, поглядывая на церковь, сѣрѣвшую вдали вѣстѣ съ высокой черной полосой, которую большой кипарисъ, пустынный, клалъ на голубой фонъ горизонта. Патеръ думалъ, убавканный жаромъ, о томъ, какъ бы ему всего великолѣпнѣе убраться вечеромъ приѣхалъ св. Дѣвы, по случаю наступленія мѣсяца, посвященнаго молитвамъ ей. Дорога раскидывалась подъ его ногами мягкимъ ковромъ бѣлоснѣжной чистоты.

У Зеленаго креста, въ тотъ моментъ, какъ аббатъ собирался перейти дорогу, которая ведетъ изъ Плассана въ Палюдъ, кабріолетъ, спускавшійся съ горы, принудилъ его отойти за груду камней. Онъ переходилъ перекрестокъ, когда чей-то голосъ окликнулъ его:

— Эй, Сержъ! эй.

Кабріолетъ остановился, и изъ него высунулся человекъ.

Тогда молодой патеръ узналъ одного изъ своихъ дядей, доктора Паскаля Ругона; населеніе Плассана, гдѣ онъ лечилъ всѣхъ бѣдняковъ даромъ, называло его по просту «monsieur Pascal». Хотя ему едва исполнилось пятьдесятъ лѣтъ, онъ былъ сѣдъ, какъ лунь, носилъ большую бороду, длинные волосы; его прекрасное, правильное лицо свѣтилось тонкимъ умомъ и безграничной добротой.

— Вотъ выбралъ время подметать на дорогѣ пыль?—весело сказалъ онъ, высовываясь еще больше, чтобы пожать обѣ руки аббата.—Ты, значить, не боишься солнечнаго удара.

— Не больше васъ, дядюшка,—отвѣчалъ патеръ, смѣясь.

— О! меня защищаетъ верхъ моего экипажа. Къ тому же, больные не дожидаются. Люди умираютъ во всякую погоду, мой милый.

И онъ разсказалъ ему, что ѣдетъ къ старику Жанбернату, управляющему имѣніемъ Параду; съ нимъ ночью случился ударъ. Сосѣдъ крестьянинъ, ѣхавшій на базаръ въ Плассанъ, приходилъ за нимъ.

— Онъ, должно быть, уже умеръ въ настоящую минуту,—про-
должалъ онъ.—Однако, надо поглядѣть... Эти старые черты осо-
бенно живучи.

Онъ замахнулся бичомъ, когда аббатъ Мурэ остановилъ его.

— Постойте... Который у васъ часъ, дядюшка?

— Безъ четверти одиннадцать.

Аббатъ колебался. Въ ухахъ его раздавался сердитый го-
лосъ Тезы, кричавшей ему, что завтракъ простынетъ. Но онъ
призвалъ на помощь свое мужество и тотчасъ же сказалъ.

— Я поѣду съ вами, дядюшка... Этотъ несчастный, быть мо-
жетъ, захочетъ примириться съ Богомъ передъ смертью.

Докторъ Паскаль не могъ удержаться отъ хохота.

— Онъ! Жанбернатъ!—произнесъ онъ,—ну, врядъ ли ты обра-
тишь его на путь истинный!.. Все равно, ѣдемъ. Онъ способенъ
изморозить при видѣ тебя.

Патеръ усѣлся въ кабриолетъ. Докторъ, повидимому, раскаяв-
шійся въ своей шуткѣ, обходился съ нимъ очень ласково, под-
стрекая лошадь прищелкиваньемъ языка. Онъ съ любопытствомъ
поглядывалъ на своего племянника исподлобья, тѣмъ проница-
тельнымъ взглядомъ, который является у ученыхъ, дѣлающихъ
наблюдения. Добродушно и вскользь спрашивалъ онъ его объ
его образѣ жизни, привычкахъ, о мирномъ счастьи, которымъ
онъ наслаждался въ селеніи Арто. И при всякомъ удовлетвори-
тельномъ отвѣтѣ бормоталъ, какъ бы про себя, успокоеннымъ
тономъ:

— Ну, тѣмъ лучше, тѣмъ лучше!

Онъ особенно напиралъ на состояніе здоровья молодого па-
тера. Этотъ послѣдній, удивленный, увѣрялъ его, что онъ чув-
ствуетъ себя прекрасно, что у него не бываетъ ни головокру-
женій, ни тошноты, ни головной боли.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше,—твердилъ дядя Паскаль.

— Весною, знаешь ли, кровь бродитъ. Но ты крѣпкого сло-
женія... Кстати, я видѣлъ твоего брата Октава, въ Марсели, въ
прошломъ мѣсяцѣ. Онъ уѣзжаетъ въ Парижъ, гдѣ ему откры-
вается прекрасное поприще въ высшемъ торговомъ мірѣ. Ахъ!
разбойникъ, какую онъ ведетъ жизнь!

— Какую жизнь?—наивно спросилъ патеръ.

Докторъ, чтобы уклониться отъ отвѣта, пощелкалъ языкомъ.
Затѣмъ началъ:

— Ну-съ, всѣ здоровы, тетка Фелиситэ, твой дядя Ру-
жъ, и другіе... Это не мѣшаетъ намъ нуждаться въ твоихъ мо-

литвахъ. Ты праведникъ семьи, мой милый; я рассчитываю, ты спасешь всю свору.

Онъ смѣялся, но такъ дружественно, что самъ Сержъ началъ шутить.

— Нужно правду сказать, въ числѣ ихъ есть и такіе, которыхъ не легко провести въ рай,—продолжалъ докторъ Паскаль. Ты бы наслушался славныхъ вещей, еслибы они пришли къ тебѣ исповѣдываться поочередно... Миѣ же не нужна ихъ исповѣдь, я ихъ знаю издавна, и списокъ ихъ дѣяній хранится у меня вмѣстѣ съ моими гербаріями и медицинскими замѣтками. Со временемъ миѣ можно будетъ нарисовать славную картину... Печаль живемъ, увидимъ!

Онъ увлекался, охваченный юношескимъ энтузіазмомъ науки. Но, взглянувъ на расу своего племянника, вдругъ умолкъ.

— Ты пошелъ въ патеры,—пробормоталъ онъ:—ты хорошо дѣлаешь; патеры бываютъ очень счастливы. Ты вѣдь весь отдаешь религіи, неправда ли? такъ что мѣтишь въ праведники... Ты не былъ бы счастливъ въ другомъ званіи. Твои родственники, бывши молодыми такъ же, какъ и ты, сколько ни дѣлали гадостей, а все еще недовольны... Все логично въ природѣ, мой другъ. Патеръ дополняетъ нашу семью. Наша кровь должна быть приведена къ этому... Тѣмъ лучше для тебя; ты счастливѣе другихъ.

Но тутъ онъ странно улынулся:

— Нѣтъ, всѣхъ счастливѣе твоя сестра Дезира,—поправился онъ.

Онъ засвисталъ, и хлопнулъ бичомъ, перемѣняя разговоръ. Кабриолетъ поднимался на довольно крутую гору и катился между безплодными ущельями. Затѣмъ взѣхалъ на высокую равнину, по узенькой дорогѣ, огибавшей высокую и безконечную стѣну.

— Мы пріѣхали, неправда-ли? — спросилъ патеръ.

— Вотъ Парадѹ,—отвѣчалъ докторъ, указывая на стѣну. Ты еще не бывалъ здѣсь? Мы всего въ какихъ-нибудь двухъ лѣтахъ отъ Артѹ... Этотъ Парадѹ, должно быть, былъ великолѣпнымъ имѣніемъ. Стѣна парка, съ этой стороны, тянется на добрыхъ два километра. Но въ послѣднія сто лѣтъ никто не занимается имъ.

— Въ немъ есть прекрасныя деревья,—замѣтилъ аббатъ, поднявъ голову, дивясь массѣ зелени, перекидывавшейся черезъ стѣну.

— Да! этотъ уголокъ очень плодороденъ. Паркъ сталъ бы стоящимъ лѣсомъ среди голыхъ скалъ, его окружающихъ... Ба

му же, отсюда вытекает Масель. Мнѣ говорили о трехъ или четырехъ истокахъ.

И отрывистыми фразами, прерываемыми посторонними замѣчаніями, онъ сообщилъ исторію Парадѹ, въ видѣ легенды, ходившей въ той мѣстности. Въ эпоху Лудовика XV одинъ вельможа построилъ въ немъ великолѣпный дворецъ, съ громадными садами, фонтанами, статуями—настоящій маленькій Версаль, равнявшійся среди скалъ, подъ горячимъ солнцемъ юга. Но онъ жилъ тутъ всего одно лѣто, въ обществѣ женщины чудной красоты; она, должно быть, тутъ и умерла, потому что никто не видалъ, чтобы она оттуда ушла или уѣхала. На слѣдующій годъ дворецъ сгорѣлъ, ворота парка были заволочены, слухи окна въ стѣнѣ забиты землей, такъ что съ той отдаленной эпохи ничей взглядъ не проникалъ въ это обширное застроенное мѣсто, занимавшее цѣлую равнину Гарригъ.

— Тамъ, должно быть, крапивы не обберешься,—сказалъ, смѣясь, аббатъ Мурэ...—Вдоль этой стѣны пахнетъ сыростью, вы не видите, дядюшка?

Потомъ, помолчавъ:

— А кому принадлежитъ Парадѹ въ настоящее время?—спросилъ онъ.

— Право, не знаю,—отвѣчалъ докторъ.—Владѣлецъ пріѣзжалъ сюда лѣтъ двадцать тому назадъ, но такъ испугался этого сада ужей... что больше не показывался. Настоящій хозяинъ сада—управляющій этого помѣстья, старый оригиналъ Жанбернатъ, который ухитрился поселиться въ одномъ павильонѣ, гдѣ стѣны не развалились... Вотъ, видишь тамъ эту сѣрую лачугу съ маленькими окнами, обвитыми плющемъ.

Кабріолетъ проѣхалъ мимо великолѣпной рѣшетки, совсѣмъ заслоненной отъ ржавчины и заложеной изнутри досками. Рвы сада заросли терновникомъ. Въ ста метрахъ оттуда павильонъ, обитаемый Жанбернатомъ, врѣзывался въ паркъ, куда выходилъ садъ изъ его фасадовъ. Но управляющій, повидимому, загородилъ садъ жилище съ этой стороны; онъ разбилъ небольшой садикъ, выходящій на дорогу, и жилъ тамъ на солнцѣ, повернувшись спиной къ Парадѹ, повидимому не подозревая о роскошной растительности, раскинувшейся позади него.

Молодой патеръ соскочилъ на землю, любопытно оглядываясь, спрашивая доктора, который спѣшилъ привязать лошадь къ столбу, вдѣланному въ стѣнѣ.

— И этотъ старикъ живетъ одинъ въ этой уединенной трущобѣ?—спросилъ онъ.

— Да, совершенно одинъ,—отвѣчалъ дядюшка Паскаль.

Но тутъ же поправился:

— Съ нимъ живетъ племянница, свалившаяся ему съ неба. Странная дѣвушка, настоящая дикарка... Войдемъ скорѣе.

Въ домѣ все какъ будто вымерло.

VIII.

Домъ спалъ, грѣясь на солнцѣ, съ закрытыми ставнями, убаюканный жужжаніемъ большихъ мухъ, ползавшихъ по плиту до самыхъ черепицъ. Счастливый миръ царствовалъ въ этой развалинѣ, залитой солнцемъ. Докторъ толкнулъ калитку, которая вела въ маленький садикъ, окруженный очень высокой живою изгородью. Тамъ, въ тѣни, бросаемой стѣною, Жанбернатъ спокойно курилъ трубку, выправившись во весь свой высокій ростъ и молча глядѣлъ, какъ растутъ его овощи.

— Какъ? вы на ногахъ, шутъ вы этакій!—закричалъ озадаченный докторъ.

— А вы, небось, пріѣхали меня хоронить!—сердито заговорилъ старикъ.—Мнѣ никого не нужно. Я пустилъ себя кровь.

Онъ внезапно умолъ, увидя патера, и у него вырвался такой свирѣпый жестъ, что дядюшка Паскаль поспѣшилъ выѣшаться.

— Это мой племянникъ,—сказалъ онъ:—новый патеръ и Арто, славный малый... Чортъ возьми! мы пріѣхали по такому жарѣ не за тѣмъ, чтобы съѣсть васъ, папа Жанбернатъ?

Старикъ мало-по-малу успокоился.

— Я не хочу, чтобы ко мнѣ заглядывала скуфья,—пробормоталъ онъ.—Человѣкъ можетъ околѣть отъ одного взгляда на нее. Слышите ли, докторъ, не надо ни лекарствъ, ни патеровъ, когда я стану умирать, а не то мы поссоримся... Ну, этотъ пускай войдетъ, такъ и быть, потому что вашъ племянникъ.

Аббатъ Мурэ, смущенный, не находилъ словъ. Онъ стоялъ посреди аллеи, разглядывая эту странную фигуру, этого пустычника, съ лицомъ, изборожденнымъ морщинами и кирпичнаго цвѣта, съ сухими и жилистыми руками, который съ какимъ-то ироническимъ пренебреженіемъ относился къ своимъ восьмидесяти годамъ. Докторъ хотѣлъ-было пощупать у него пульсъ, но онъ снова разсердился.

— Оставьте меня въ покоѣ! Говорю вамъ, что пустилъ я стоѣвъ кровь своимъ ножомъ! Теперь я здоровъ... Какой дуракъ вы меня потревожилъ васъ? Докторъ! патеръ! Почему не факель-

2. Ну, словомъ, какъ хотите, а люди глупы. Это намъ не
платить выпить рюмочку.

Онъ поставилъ бутылку и три стакана на ветхій столъ, вы-
нутый имъ изъ угла. Наливъ стаканы до верху, онъ захо-
ть чокнуться. Гнѣвъ его растаялъ и перешелъ въ насмѣшливую
нѣжность.

— Не бойтесь: не отравитесь, г-нъ юрѣ,—сказалъ онъ.—
Пить стаканъ хорошаго вина не грѣшно... Вотъ, въ первый
на моемъ вѣку мнѣ приходится пить съ сутаной, не въ
вашей чести будь сказано. Бѣдный аббатъ Каффентъ,
предшественникъ, отказывался разсуждать со мной... Онъ

■ онъ разсмѣялся во весь ротъ, продолжая:

Вообразите, онъ разъ взялся доказывать мнѣ, что Богъ существуетъ... Послѣ этого, я, какъ бывало его встрѣчу, такъ и не смѣю дразнить. А онъ тагу отъ меня, затенувъ уши.

— Какъ? Богъ не существуетъ?—вскричалъ вдругъ аббатъ, нарушивъ наконецъ свое упорное молчаніе.

— О! какъ вамъ угодно, — возразилъ насмѣшливо Жан-Поль. — Мы возобновимъ споръ, если это вамъ нравится... Только предупреждаю васъ, что меня трудно сбить. Тамъ, наверху, въ одной изъ комнатъ хранится нѣсколько тысячъ томовъ, спасенныхъ отъ пожара въ Парадѣ; всѣ философы восемнадцатаго вѣка, всѣ груды старыхъ книгъ, трактующихъ о религіи. Я многому изъ нихъ научился. Въ теченіи двадцати лѣтъ читалъ я ихъ... Да! Предупреждаю васъ, господинъ кюрэ, вы найдете во мнѣ большого собесѣдника.

Опять встал и обвел рукой весь горизонт, землю и небо, торжественно:

— Нить ничего, ничего, ничего!.. Когда солнце потухнет, ему наступит конец.

Докторъ Паскаль слегка толкнулъ локтемъ аббата Мурэ. Онъ мигивалъ, любопытно наблюдая за старикомъ и одобрительно качивая головой, чтобы подзадорить его еще сильнѣе.

— Итакъ, папа Жанбернатъ, вы матеріалистъ?—спросилъ онъ.

— Я простой человекъ, — отвѣчалъ старикъ, разжигая свою трубку. — Когда графъ де-Корбьеръ, которому я доводился молодымъ братомъ, умеръ отъ паденія съ лошади, дѣти его вѣрили мнѣ, что я буду за нимъ слѣдить. Я и принялъ на себя обязанность стеречь этотъ паркъ Спящей-Красавицы, чтобы не случилось со мною. Мнѣ было шестьдесятъ лѣтъ, я думалъ, что мнѣ недолго остается жить. Но смерть позабыла меня. И мнѣ пришлось устроить себѣ берлогу... Видите ли, когда жи-

вещь совсѣмъ одинъ, то начинаешь совсѣмъ: особенно смотри на вещи. Деревья перестаютъ быть деревьями; земля представляется живымъ человѣкомъ; камни рассказываютъ сказки. Гипотезы, однимъ словомъ. Я знаю такія тайны, отъ которыхъ бы въ обморокъ попадали. Притомъ, что дѣлать въ этой черной пустынѣ? Я сталъ читать книги: это меня занимало болѣе чѣмъ охота... Графъ, ругавшійся какъ язычникъ, всегда мнѣ говорилъ: «Жанбернатъ, другъ мой, я надѣюсь найти тебя въ томъ, чтобы ты могъ и тамъ служить мнѣ такъ же, какъ и здѣсь.»

Онъ снова обвелъ рукой по горизонту, повторяя:

— Слышите ли, ничего! нѣтъ ничего!.. Все это одинъ фарс. Докторъ Паскаль засмѣялся.

— Прекрасный фарсъ, во всякомъ случаѣ,—сказалъ онъ. Папъ Жанбернатъ, вы притворщикъ. Я подозреваю, что вы введены, не взирая на ваши разочарованныя мины. Вы сейчасъ говорили очень нѣжно про деревья и камни.

— Нѣтъ, увѣряю васъ,—пробормоталъ старикъ:—это у меня прошло. Въ былое время, правда, когда я только-что познался съ вами и мы вмѣстѣ ходили гербаризировать, я былъ настолько глупъ, что любилъ эту лгуню—природу. Къ счастью, книги убили это чувство... Я бы желалъ, чтобы мой садъ былъ еще меньше; я и двухъ разъ въ годъ не выхожу на большую дорогу. Вы видите эту скамейку. Я на ней провожу цѣлыя дни, глядя, какъ растетъ мой салатъ.

— А ваши обходы по парку?—перебилъ докторъ.

— По парку?—повторилъ Жанбернатъ съ видомъ глубокаго изумленія:—да уже слишкомъ двѣнадцать лѣтъ, какъ и ногъ моихъ тамъ не было? Что вы хотите, чтобы я дѣлалъ на этомъ кладбищѣ? Оно слишкомъ велико... Это просто глупо! всѣ эти деревья, которымъ нѣтъ конца, покрытыя мхомъ, эти сломанныя статуи, рывины, въ которыхъ рискуешь сломать себѣ шею на каждомъ шагу... Въ послѣдній разъ, какъ я ходилъ туда, под деревьями было такъ темно, отъ дивныхъ цвѣтовъ шелъ такое одуряющій запахъ, въ аллеяхъ проносилось такое странное вѣяніе, что мнѣ стало просто страшно. Вотъ я и загородился здѣсь, чтобы паркъ не пробрался ко мнѣ... Лучъ солнца, двѣ гряды латука передъ глазами, высокая изгородь, заграждающая отъ меня горизонтъ,—этого слишкомъ достаточно, чтобы быть счастливымъ. Ничего, вотъ чего бы я хотѣлъ! рѣшительно ничего! Что нибудь такое тѣсное, чтобы внѣшняя жизнь не приходила мнѣ безпокоить. Два аршина земли, если хотите, чтобы околѣть, лежать на спинѣ.

Онъ ударилъ кулакомъ по столу, рѣзко повышая голосъ и крича аббату Мурэ:

— Выпейте еще стаканчикъ, г-нъ кюрэ. Будьте спокойны, куръ не сидитъ на днѣ бутылки.

Патеру было неловко. Онъ сознавалъ себя безсильнымъ обратиться къ Богу этого страннаго человѣка, который казался ему совсѣмъ полоумнымъ. Теперь ему припоминались розсказы Тѣзы о философѣ, какъ называли Жанберната крестьяне селенія Арто. Обрывки скандальныхъ исторій вертѣлись у него въ головѣ. Онъ сталъ, дѣлая знакъ доктору и желая поскорѣе оставить этотъ домъ, гдѣ, ему казалось, онъ дышалъ погибелью. Но, не взирая на безотчетный страхъ, странное любопытство удерживало его. Онъ остался, прошелъ на край маленькаго сада, заглядывая въ садъ дома. Въ открытую настежь дверь онъ увидѣлъ только черныя стѣны лѣстницы. Аббатъ вернулся назадъ, лица какого-нибудь отверстія, какого-нибудь просвѣта на тотъ океанъ листьевъ, сообщество которыхъ онъ чувствовалъ по громкому ропоту, какъ будто обдававшему домъ шумомъ волнъ.

— А какъ поживаетъ малюгка?—спросилъ докторъ, берясь за пипу.

— Не дурно, отвѣчалъ Жанбернатъ.—Ее никогда не бываетъ дома. Она пропадаетъ по цѣлымъ днямъ... Быть можетъ, однако, она на чердакѣ.

Онъ поднялъ голову и позвалъ:

— Альбина! Альбина!

Затѣмъ, пожавъ плечами:

— Да! да! это бѣдовая дѣвчонка... До свиданія, г. кюрэ. Я всегда къ вашимъ услугамъ.

Но аббатъ Мурэ не успѣлъ отвѣтить на это привѣтствіе философа.

Внутри сѣней отворилась дверь; яркій просвѣтъ мелькнулъ на черномъ фонѣ стѣны. Передъ глазами промелькнулъ какъ-бы вѣственный лѣсъ, гигантскія деревья, залитыя солнцемъ. Видѣлось одно мгновеніе, но патеръ явственно схватилъ вдали различныя подробности: большой желтый цвѣтокъ среди луга, струя воды, падавшую съ высокаго камня, колоссальное дерево, въ которомъ копошились птицы: все это затерянное, окутанное сѣтью зелени, такой роскошью растительности, что весь домъ казался цвѣтущимъ. Дверь стукнула, все исчезло.

— Ахъ! дрянъ!—вскричалъ Жанбернатъ,—она была опять въ саду.

Альбина смѣялась на порогѣ сѣней. На ней была надѣта

оранжевая юбка, съ большой красной косынкой, повязанной сзади у талии, что придавало ей сходство съ разрядившейся цыганкой. Она продолжала смѣяться, закинувъ назадъ голову; грудь ея вздымалась отъ радости, она радовалась своимъ цвѣтамъ, вложеннымъ въ ея бѣлосуровые волосы, обмотаннымъ вокругъ ея шеи, вокругъ талии, вокругъ худенькихъ рукъ, обнаженныхъ и смуглыхъ. Она была точно большой букетъ, издававшій сильный запахъ.

— Нечего сказать, хороша! — ворчалъ старикъ. — Отъ тебя пахнетъ травой до одури... Ну, кто повѣритъ, что ей шестнадцать лѣтъ, этой стрекозѣ!

Альбина дерзко и громко захохотала. Докторъ Паскаль, большой ея другъ, позволилъ ей себя поцѣловать.

— Значить, ты не боишься въ Парадѣ? — спросилъ онъ у нея.

— Бояться? но чего же? — спросила она съ удивленнымъ взглядомъ. Стѣны слишкомъ высоки, нѣтъ не можетъ войти... Тамъ бѣгаю я одна. Это мой садъ, онъ принадлежитъ мнѣ одной. Ахъ! онъ очень великъ. Я еще не исходила его въ концѣ.

— А звѣри? — перебилъ докторъ.

— Звѣри? Они не злы, и меня хорошо знаютъ.

— Но вѣдь подъ деревьями темно?

— Еще бы! Тамъ тѣнь; безъ этого солнце съѣло бы мнѣ лицо... Въ тѣни отлично, подъ листьями!

Она вертѣлась, наполняя маленькій садикъ своими юбками, распространяя тотъ острый запахъ зелени, который съ собой носила. Она улыбнулась аббату Мурѣ, безъ всякаго замѣшательства, не смущаясь удивленнымъ взглядомъ, которымъ онъ за нею слѣдилъ. Патеръ отошелъ подальше. Это бѣлосуровое дитя, съ продолговатымъ, исполненнымъ жизни лицомъ, казалось ему таинственной и опасной нимфой лѣса, мелькнувшего передъ его глазами въ сіяніи солнечныхъ лучей.

— Слушайте, у меня есть гнѣздо черныхъ дроздовъ. Хотите я вамъ его подарю, — спросила Альбина у доктора.

— Нѣтъ, спасибо, — отвѣчалъ тотъ, смѣясь. — Подари его острѣе г. кюрѣ, которая очень любитъ животныхъ... До свиданія Жанбернатъ.

Но Альбина пристала къ патеру.

— Вы кюрѣ селенія Арто, не правда ли? У васъ есть сестра? Я приду къ ней въ гости... Но только вы не будете говорить со мной о Богѣ? Дядюшка этого не желаетъ.

— Ты намъ надоѣла, ступай, — сказалъ Жанбернатъ, пожавъ плечами.

Одинъ прыжокъ, и она исчезла, точно коза, оставивъ позади себя цѣлый дождь цвѣтовъ. Послышался стукъ двери, затѣмъ смѣхъ позади дома, громкій смѣхъ, уносившійся вдаль, точно подъ галопъ бѣшеной лошади, которую выпустили на лугъ.

— Вы увидите, что она, въ концѣ-концовъ, станетъ ночевать въ Парадѣ, — пробормоталъ старикъ съ своимъ равнодушнымъ видомъ.

Затѣмъ, провожая своихъ посѣтителей:

— Докторъ, — сказалъ онъ, если вы найдете меня мертвымъ въ одно прекрасное утро, то сдѣлайте одолженіе, бросьте меня въ навозную яму, вонъ тамъ, позади моего салата... Доброго вечера, господа.

Онъ заперъ деревянную калитку, замыкавшую изгородь. Домъ снова принялъ свой невозмутимо-спокойный видъ, пригрѣтый солнцемъ, убаюканный жужжаніемъ большихъ мухъ, которыя продолжали ползти вдоль плюща до самыхъ черепицъ кровли.

IX.

Между тѣмъ, кабріолетъ снова покатился по выбоитой дорогѣ, вдоль безконечной стѣны Парадѣ. Аббатъ Муръ, безмолвный, поднималъ глаза, глядѣлъ на большія вѣтви, перекидывавшіяся черезъ стѣну, точно руки спрятавшихся великановъ. Изъ парка доносился разный шумъ, шелестъ крыльевъ, трепетаніе листьевъ, легкіе прыжки, ломавшіе вѣтви, сильные вздохи, клонившіе долу молодые кусты, цѣлое дыханіе жизни, которое проносилось по верхушкамъ деревьевъ. По временамъ, когда раздавался крикъ птицы, походившій на человѣческій смѣхъ, пaterъ поворачивалъ голову съ нѣкоторымъ беспокойствомъ.

— Забавная дѣвчонка! — говорилъ дядюшка Паскаль, слегка ослабляя возжи. — Ей было девять лѣтъ, когда она попала въ этому язычнику. Она дочь его брата, который разорился, не знаю ужъ на какомъ предпріятіи. Дѣвочка была въ пансіонѣ гдѣ-то, когда отецъ покончилъ съ собой. Она была даже настоящей дѣвицей, ученой, читала, вышивала, болтала, брэнчала на фортепіано. А ужъ кокетка какая была! Я видѣлъ, когда она пріѣхала, въ узорчатыхъ чулкахъ, вышитыхъ юбкахъ, воротничкахъ, манжеткахъ, оборочкахъ... Да! нечего сказать! надолго хватило этихъ оборочекъ!

Онъ смѣялся. Кабріолетъ чуть не опрокинулся, задѣвъ за большой камень.

— Вотъ увидите, если я не оставлю колесъ отъ моего ка-

бриолета на этой проклятой дорогѣ!—бормоталъ онъ.—Держись крѣпче, мой милый.

Стѣна все еще тянулась. Патеръ прислушивался.

— Ты понимаешь,—началъ снова докторъ,—что Параду, съ его солнцемъ, его камнями, его репейниками, способенъ съѣдать по туалету въ день. Онъ проглотилъ въ два-три приема всѣ наряды дѣвочки. Она возвращалась оттуда чуть не голая... Теперь она одѣвается какъ дикарка. Сегодня она еще была возможна. Но въ другой разъ на ней надѣты только башмаки, да рубашка. Ты слышалъ, Параду принадлежитъ ей. На другой же день по своему приѣздѣ, она завладѣла имъ. Она живетъ тамъ, выскакивая въ окна, если Жанбернатъ запираетъ дверь, убѣгая не смотря ни на что, шатаясь неизвѣстно гдѣ, по трупобамъ, ей одной извѣстнымъ... Она, должно быть, на головѣ ходитъ въ этой пустынѣ.

— Послушайте-ка, дядюшка,—перебилъ аббатъ Мурэ.—Можно подумать, что тутъ за стѣной скачетъ какое-то животное.

Дядюшка Паскаль прислушался.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—это стукъ колесъ о камни... Да! да! дѣвочка больше не бренчитъ на фортепьяно. Я думаю даже, что она разучилась читать. Представь себѣ воспитанную дѣвицу, вернувшуюся въ состоянію вольной бродяжки, выпущенную на каникулы на необитаемый островъ. У ней сохранилась только ея тонкая, кокетливая улыбка, когда она захочетъ ею щегольнуть... Да! да! если когда-нибудь тебѣ надо будетъ воспитывать дѣвушку, я тебѣ не совѣтую поручать ее Жанбернату. У него совсѣмъ особая метода: предоставлять все дѣло одной природѣ. Когда я вздумалъ-было поговорить съ нимъ на счетъ Альбины, то онъ мнѣ отвѣчалъ, что не слѣдуетъ мѣшать деревьямъ расти на свободѣ. Онъ стоитъ, говорилъ онъ, за нормальное развитіе темпераментовъ!.. Нужды нѣтъ, они оба очень интересны! Я всегда навѣщаю ихъ, когда бываю здѣсь въ окрестностяхъ.

Кабріолетъ выѣхалъ наконецъ изъ выбитой дороги. На этомъ мѣстѣ стѣна Параду образовала уголъ, и затѣмъ уходила далеко вдаль, по гребнямъ холмовъ. Въ тотъ моментъ, какъ аббатъ Мурэ обернулся, чтобы бросить послѣдній взглядъ на эту сѣрую массу, непроницаемая строгость которой подъ конецъ начала раздражать его, послышался трескъ вѣтвей, сильно закачавшихся, межъ тѣмъ какъ группа молодыхъ березъ точно раскланивалась съ проѣзжими съ высоты стѣны.

— Я зналъ, что какое-то животное бѣжитъ за стѣной,—сказалъ патерь.

Но никто не показывался и только видно было, какъ березы яростно качались въ воздухѣ, какъ вдругъ раздался звонкій голосъ, прерываемый хохотомъ и кричавшій:

— До свиданія, докторъ! до свиданія, господинъ кюрэ!.. Я цѣлюю дерево, дерево посылаетъ вамъ мои поцѣлуи.

— Э! да это Альбина,—проговорилъ докторъ Паскаль.—Она бѣжала за нашимъ кабриолетомъ. Ей ничего не стоить скакать по кустамъ, этой маленькой волшебницѣ!

И въ свою очередь закричалъ:

— До свиданія, милашка!.. Ты однако порядочно выросла, если можешь привѣтствовать насъ такимъ образомъ.

Смѣхъ усилился, березы наклонились еще ниже; листья посыпались съ нихъ и разлетѣлись далеко, инны даже попали на верхъ кабриолета.

— Я ростомъ съ эти деревья; всѣ листья, которые падаютъ—все это поцѣлуи—возразилъ голосъ, измѣнившійся отъ разстоянія и такой музыкальный, что молодой патерь весь похолодѣлъ.

Дорога становилась лучше. При спускѣ, въ глубинѣ выжженной солнцемъ долины, показалось селеніе Арто. Когда кабриолетъ доѣхалъ до перекрестка, аббатъ Мурэ не захотѣлъ, чтобы дядя отвезъ его въ приходскій домъ. Онъ соскочилъ на землю, говоря:

— Нѣтъ, благодарю; я лучше пройду съ пѣшкомъ, это мнѣ будетъ полезно.

— Какъ тебѣ угодно,—сказалъ наконецъ докторъ.

И пожавъ ему руку, прибавилъ:

— Гмъ! еслибы всѣ твои прихожане были похожи на этого звѣря Жанберната, то тебѣ не часто приходилось бы беспокоиться. Какъ бы то ни было, ты самъ пожелалъ навѣстить его... Ну, будь здоровъ. При малѣйшемъ нездоровьи, днемъ или ночью, присылай за мной. Ты знаешь, что я лечу даромъ всю семью... Прощай, мой другъ.

Х.

Когда аббатъ Мурэ очутился одинъ среди пыльной дороги, онъ почувствовалъ себя облегченнымъ. Эти каменистыя поля снова возвращали его къ старой мечтѣ о суровой жизни, жизни, сосредоточенной на своемъ внутреннемъ мірѣ и протекающей среди пустыни. Когда онъ ѣхалъ мимо парка, деревья сбивали его голову опасной свѣжестью, а теперь горячее солнце пекло ее. То-

щія миндальныя деревья, жалкіе хлѣба, убогіе виноградники, росшіе по обѣимъ сторонамъ дороги, успокоивали его, выводили изъ тревоги, въ которую привела его слишкомъ роскошная природа Параду. И среди ослѣпительнаго свѣта, пролившагося съ неба на эту обнаженную землю, богохульства Жанберната не бросили ни малѣйшей тѣни. Аббатъ Мурэ очень обрадовался, когда, поднявъ голову, увидѣлъ на горизонтѣ неподвижную полосу, образуемую Пустынникомъ вмѣстѣ съ розовыми пятнами церковныхъ черепицъ.

Но, по мѣрѣ того, какъ онъ подходилъ къ дому, аббатомъ овладѣвало иного рода безпокойство. Тѣза встрѣтитъ его, конечно, далеко не любезно съ холоднымъ завтракомъ, послѣ двухчасового слишкомъ ожиданія. Онъ представлялъ себѣ ея сердитое лицо, потоки словъ, которымъ она его обдастъ, раздраженный стулъ посуды, который ему придется слушать цѣлое утро. Когда онъ миновалъ селеніе, тревога его до того усилилась, что онъ остановился, охваченный страхомъ, и спрашивалъ себя, не благо-разумнѣе ли будетъ обойти кругомъ и вернуться черезъ церковь. Но пока онъ совѣщался съ самимъ собой, сама Тѣза появилась на порогѣ дома; чепецъ съѣхалъ у нея на бокъ, кулаки подпирали бока. Онъ согнулъ спину и долженъ былъ всходить на холмъ подъ этимъ взоромъ, метавшимъ молніи, и который онъ чувствовалъ на себѣ.

— Кажется, что я опоздалъ, моя добрая Тѣза, — пробормоталъ онъ на послѣднемъ поворотѣ тропинки.

Тѣза подождала, чтобы онъ подошелъ совсѣмъ близко. Тогда она уставилась на него съ бѣшенымъ лицомъ; затѣмъ, не говоря ни слова, повернулась спиной, прошла впередъ въ столовую, топая своими толстыми подошвами, и дотога разсерженная, что даже почти не хромала.

— У меня было такъ много дѣла! — началъ патеръ, котораго эта нѣмая встрѣча приводила въ ужасъ. — Я бѣгаю съ самага утра...

Но она перебила его рѣчь новымъ взглядомъ, такимъ пристальнымъ, такимъ сердитымъ, что у него колѣни подкосились. Онъ сѣлъ и принялся ѣсть. Она прислуживала ему съ чопорностью автомата, рискуя разбить тарелки, съ такою силою ставила ихъ на столъ. Молчаніе становилось такимъ страшнымъ, что онъ не могъ проглотить третьяго куска, подавившись отъ волненія.

— А сестра уже завтракала? — спросилъ онъ. — И хорошо

дѣлала; никогда не надо меня ждать въ завтраку, если меня задержатъ дѣла.

Отвѣта не воспослѣдовало. Теза, стоя, дожидалась, чтобы онъ опорожнилъ свою тарелку, и она могла бы снять ее. Тогда, чувствуя, что не въ силахъ ѣсть подѣ этимъ злобнымъ взглядомъ, который хотѣлъ его испепелить, онъ оттолкнулъ тарелку. Этотъ гнѣвный жестъ былъ какъ бы ударомъ хлыста, который вывелъ Тёзу изъ ея упрямаго ожесточенія. Она такъ и воспрянула.

— А! такъ-то!—закричала она.—Вы еще и сердитесь. Когда такъ, то я уйду! Выдайте мнѣ деньги на мой проѣздъ на родину. Мнѣ надоѣли ваше Арто, и ваша церковь, и все!

Она вытащила изъ-подъ передника свои дрожащія руки.

— Вы вѣдь должны были видѣть, что я не желала говорить... Развѣ такъ можно жить? Такъ дѣлаютъ только канатные лисуны, г. еюрэ! Небось, теперь одиннадцать часовъ, по вашему? Вамъ не стыдно сидѣть за столомъ въ два часа пополудни? Это непристойно для христіанина; нѣтъ! Это непристойно!

Тутъ она стала передъ нимъ.

— Да, наконецъ, скажите же: откуда вы? съ чѣмъ вы видѣлись? Какое дѣло могло задержать васъ?.. Еслибы вы были ребенокъ, вы бы заслуживали, чтобы васъ высѣли. Развѣ пристало патеру бѣгать по большимъ дорогамъ, въ зной, точно нищему, у котораго нѣтъ крова... Ахъ! нечего сказать, хороши вы вернулись! башмаки всѣ запылены, ряса совсѣмъ побѣлѣла отъ пыли! Кто вамъ станетъ чистить вашу рясу? Кто вамъ купить новую?.. Да говорите же, скажите, что вы дѣлали. Честное слово! кабы я не знала васъ, то могла бы подумать Богъ знаетъ что. И знаете, что я вамъ скажу? ну, вотъ, я не побожусь, что вы и въ самомъ дѣлѣ не дѣлали Богъ знаетъ чего. Отъ чловека, который завтракаетъ въ такіе часы, всего можно ожидать.

Аббатъ Мурэ, облегченный, предоставилъ бурѣ улечься мало-помалу. Онъ находилъ что-то успокоительное въ разгнѣванныхъ словахъ своей служанки.

— Послушайте, моя добрая Теза, — сказали онъ: — прежде всего надѣньте вашъ передникъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—кричала она:—кончено, я уйду.

Но онъ всталъ съ мѣста и, смѣясь, завязалъ ей передникъ у талии. Она же отбивалась, бормоча:

— Говорю вамъ, нѣтъ!.. Вы хитрецъ; я понимаю ваши хитрости, я вижу, что вы хотите задобрить меня сладкими словами... Скажите сначала, куда вы ходили? А тамъ увидимъ.

Онъ весело сѣлъ за столъ, какъ человѣкъ выигравшій сраженіе.

— Прежде всего, — возразилъ онъ: — вы позволите мнѣ поѣсть... Я умираю съ голода.

— Еще бы, — пробормотала она, разжалобясь. — Ну на что это похоже?... Хотите, я прибавлю еще два яйца? Сварить ихъ не долго. Ну, если съ васъ довольно... Но только все остыло! А я-то такъ старалась надъ бодиджаномъ! Хорошо онъ теперь, нечего сказать! Точно старая подошва!.. Къ счастью, вы не такой лакомка, какъ бѣдный г. Каффенъ... О! конечно, у васъ есть хорошія качества, а этого не отрицаю.

Она прислуживала ему съ материнской нѣжностью, продолжая болтать. Затѣмъ, когда онъ поѣлъ, побѣжала на кухню посмотреть, горячъ ли кофе. Она совсѣмъ развеселилась, прихрамывала отчаянно, радуясь примиренію. Обыкновенно, аббатъ Мурэ отказывался отъ кофе, который разстраивалъ ему нервы; но на этотъ разъ, желая ознаменовать миръ, онъ согласился выпить чашку, которую она ему принесла. Онъ задумался-было надъ ней, но она сѣла передъ нимъ и тихонько повторила, какъ женщина, терзаемая любопытствомъ:

— Куда вы ходили, г. кюрэ?

— Ну, — отвѣчалъ онъ, улыбаясь: — я видѣлъ Брише, говорилъ съ Бамбуссомъ...

Тутъ онъ долженъ былъ рассказать ей, что говорили Брише, какъ рѣшилъ Бамбуссъ, и какое лицо у нихъ было при этомъ, и въ какомъ мѣстѣ они работали. Когда она узнала отвѣтъ отца Розалин:

— Еще бы! — закричала она: — умри ребенокъ, беременность будетъ не въ счетъ.

Тутъ она сложила руки съ завистливымъ восхищеніемъ.

— Ужъ какъ же вы, должно быть, разглагольствовали, г. кюрэ! Полъ-дня убить на то, чтобы добиться такого славнаго результата!.. И вы тихонько, должно быть, шли домой? должно быть чертовски жарко на открытомъ мѣстѣ.

Аббатъ, вставшій съ мѣста, не отвѣчалъ. Онъ хотѣлъ-было заговорить о Параду, разспросить подробно объ его обитателяхъ, но боязнь, что къ нему будутъ слишкомъ приставать съ разспросами, какой-то смутный стыдъ, въ которомъ онъ не признавался самому себѣ, заставили его умолчать о своемъ визитѣ къ Жан-бернату. Онъ положилъ конецъ разспросамъ, спросивъ:

— А гдѣ же сестра? ее что-то не слышать.

— Подите сюда, сударь,—проговорила Тёза, вѣснѣявшись и приложивъ палецъ къ губамъ.

Они вошли въ сосѣдную комнату, деревенскую гостиную, обитую обоями съ большими полинявшими сѣрыми цвѣтами, и мебелированную четырьмя плетеными креслами и диваномъ. На диванѣ спала Дезирэ, растянувшись во весь ростъ и подложивъ подъ голову оба кулака. Юбки ея сбились на сторону, открывъ колѣна; а закинутыя руки, обнаженные до локтя, обрисовывали мощныя линіи груди. Она нѣсколько согнула, полураскрывъ красныя губы и выставивъ зубы.

— Гмъ! вотъ-то крѣпко спать!—прошептала Тёза.—Она даже не слышала, какъ вы сейчасъ кричали мнѣ о вашихъ глупостяхъ. Ничего сказать, она, должно быть, знатно устала. Представьте, она чистила своихъ животныхъ до двѣнадцати часовъ... Позавтракала, она свалилась тутъ какъ убитая. Съ тѣхъ поръ ни разу не пошевельнулась.

Патеръ смотрѣлъ на нее съ минутой съ братской нѣжностью.

— Пусть себѣ спитъ, сколько хочетъ,—промолвилъ онъ.

— Разумѣется... Какое несчастіе, что она дурочка! Погляди, какія толстыя руки! Когда я одѣваю ее, то всегда думаю о томъ, какая бы изъ нея вышла красивая женщина. Ужъ можно себѣ представить, какими бы она здоровыми племянниками поразила г. кюрэ... Вы не находите, что она похожа на ту большую каменную даму, которая стоитъ на хлѣбномъ рынкѣ въ Массанѣ.

Она говорила про Цереру, попиравшую ногами снопы пшеницы—произведеніе одного ученика Пюже, украшавшее фронтонъ дома. Аббатъ Мурэ, не отвѣчая, тихонько вытолкалъ ее изъ гостиной, прося шумѣть какъ можно меньше. И до самаго вечера приходскій домъ оставался погруженнымъ въ глубокое безмолвіе. Тёза оканчивала свою стирку въ сараѣ. Патеръ, въ глубинѣ маленькаго садика, съ трепетомъ на колѣняхъ, весь углубился въ благочестивое созерцаніе, между тѣмъ какъ розовыя лепестки сыпались съ персиковыхъ деревьевъ.

XI.

Около шести часовъ домъ внезапно проснулся. Хлопанье дверей, отпирившихся и запиравшихся, потрясло весь домъ, и затѣмъ появилась Дезирэ, съ распущенными волосами, съ руками, обнаженными по самый локоть, крича:

— Сержъ! Сержъ!

Тутъ, увидѣвъ брата въ саду, она подбѣжала къ нему, присѣла на минутку на землѣ у его ногъ, умоляя его:

— Приди же посмотрѣть на животныхъ... Ты вѣдь еще не видѣлъ ихъ, скажи! Если бы ты зналъ, какъ они теперь прекрасны!

Онъ долго не соглашался. Скотный дворъ его пугалъ немного. Но, увидя слезы на глазахъ Дезирэ, уступилъ. Тогда она бросилась ему на шею, мгновенно повеселѣвъ, точно молодой щенокъ, смѣясь громче прежняго и даже не вытеревъ слезъ.

— Ахъ, какой ты душка! — лепетала она, таща его за собой. — Ты увидишь куръ, ероликовъ, голубей и моихъ утокъ, — у нихъ есть чистая водица, — и мою возу, у которой комната такъ же чиста, какъ и моя собственная... Знаешь, у меня три гуся и двѣ индюшки. Иди скорѣй. Я тебѣ все покажу.

Дезирэ было теперь двадцать-два года. Воспитываясь въ деревнѣ, у своей кормилицы, крестьянки деревни Сентъ-Этропъ, она выросла среди навоза. Голова ея не была обременена никакими серьезными мыслями, и ей пошли впрокъ жирная почва и чистый деревенскій воздухъ. Она развивалась исключительно физически, и превратилась въ красиваго животнаго, свѣжая, бѣлая, словомъ: кровь съ молокомъ. Она была точно породистая ослица, одаренная способностью смѣяться. Хотя она рылась въ навозѣ съ утра до ночи, но сохранила изящество рукъ и ногъ, и стройныя линіи своего дѣвственнаго тѣла. Она была совсѣмъ особымъ существомъ, ни барышней, ни крестьянкой, дѣвушкой, воспитанной природой, съ роскошными плечами и узкимъ лбомъ молодой богини.

Конечно, ея умственная ограниченность сблизила ее съ животными. Ей было ловко только въ ихъ обществѣ; она понимала ихъ лучше, чѣмъ людей, и ухаживала за ними съ материнской нѣжностью. За недостаткомъ логическаго мышленія, у нея имѣлся инстинктъ, ставившій ее на равную съ ними ногу. При первомъ ихъ крикѣ, она знала, что ихъ тревожить. Она изобрѣтала лавомства, на которыя тѣ жадно набрасывались. Однимъ жестомъ

прекращала ихъ ссоры, узнавала по первому взгляду, добры они или злы; рассказывала такія длинныя исторіи, передавала такія подробности объ образѣ дѣйствій всякаго цыпленка, что приводила въ неописанное изумленіе людей, для которыхъ одинъ цыпленокъ нисколько не отличается отъ другого. Ея скотный дворъ былъ настоящимъ государствомъ, гдѣ она царила самодержавной властительницей;—государство съ весьма сложной организаціей, нарушаемой революціями, населеннымъ самыми различными существами, исторія котораго была извѣстна ей одной. Это инстинктивное знаніе заходило такъ далеко, что она чуяла носомъ яйца-болтуны и заранѣе объявляла, сколько родится дѣтенышей у самки-кролика.

Въ шестнадцать лѣтъ, когда наступила возмужалость, Дезирэ не испытывала ни головокруженія, ни тошноты, отъ которой страдаютъ другія дѣвушки. Она превратилась въ хорошо сложенную женщину, стала чувствовать себя здоровѣе, полнѣла не по днямъ, а по часамъ, такъ что платья ея трещали по шву. Съ тѣхъ поръ у нея сохранились круглый станъ, свобода въ движеніяхъ, мощныя формы античной статуи. Она развилась и осталась здоровымъ животнымъ. Можно было подумать, что ее выкормилъ черноземъ скотнаго двора, что она извлекаетъ изъ него живительныя соки своими толстыми ногами, бѣлыми и крѣпкими, какъ молодые деревья. Но, не взирая на ея роскошное физическое развитіе, никакое чувственное желаніе не просыпалось въ ней. Она сознавала себя удовлетворенной жизнью, кипившей вокругъ нея. Она сохраняла свое спокойствіе красиваго животнаго, свой ясный взглядъ, лишенный мысли; она была счастлива тѣмъ, что ея маленький мірокъ, котораго она чувствовала себя матерью, плодится и размножается вокругъ нея. Съ тѣхъ поръ, какъ Дезирэ находилась въ Арто, она проводила дни въ совершенномъ благополучіи. Наконецъ-то осуществилась мечта ея жизни, единственное желаніе, которое мучило ее при всей безмятежности нрава дурочки. У нея былъ скотный дворъ, уголокъ, который былъ предоставленъ въ ея полное распоряженіе, гдѣ она могла растить своихъ животныхъ на свободѣ. Съ тѣхъ поръ она схоронилась въ немъ; сама строила домики для кроликовъ, рыла прудки для утокъ, вбивала гвозди, носила солому, не позволяя, чтобы кто-нибудь помогалъ ей. Тѣмъ оставалось только мыть ее самоё. Скотный дворъ былъ расположенъ позади кладбища; зачастую даже, Дезирэ приходилось рыскать среди могилъ какую-нибудь любознательную курицу, перескочившую черезъ заборъ. Въ глубинѣ стоялъ сарай, гдѣ находилось помѣщеніе для кроликовъ и курятникъ; направо жила коза

въ довольно большой конюшнѣ. Впрочемъ, всѣ эти животныя вели жизнь сообща: кролики бѣгали съ курами, коза купала ноги среди утокъ; гуси, индѣйки, голуби жили дружно въ обществѣ трехъ кошекъ. Когда Дезира показывалась у деревянной загородки, преграждавшей всему этому міру доступъ въ церковь, ее встрѣчалъ оглушительный гвалтъ.

— Гмъ! слышишь, какъ они шумятъ, — сказала она брату еще у дверей столовой.

Но когда она выпустила его и затворила рѣшетку, всѣ животныя такъ и набросились на нее. Утки и гуси, щелкая клювами, дергали ее за юбки; жадныя куры подсаживали въ ея руки и клевали ихъ; кролики забились между ногъ и, прыгая, доставали почти до самыхъ ея колѣнъ; между тѣмъ какъ три кошки вскарабкались на плечи, а коза бляла въ конюшнѣ, потому что не могла выбѣжать къ ней.

— Оставьте же! — кричала она, громко смѣясь, потому что ее щекотали всѣ эти перья, лапки, клювы, теребившіе ее.

Но она ничего не дѣлала, чтобы отдѣлаться отъ нихъ. Но ея словамъ, она дала бы себя заживо съѣсть, — такъ ей были любы ласки всѣхъ этихъ живыхъ существъ, которыя ее согрѣвали. Одна изъ кошекъ ни за что не хотѣла спуститься съ ея спины.

— Это Муму, — проговорила она. — У него лапки совсѣмъ бархатныя.

При этомъ прибавила, съ гордостью указывая на скотный дворъ:

— Ты видишь, какъ здѣсь чисто!

И въ самомъ дѣлѣ, скотный дворъ былъ выметенъ, вымытъ, вычищенъ. Но отъ грязной воды, отъ навоза, перевернутаго вилами, несся такой ѣдкій запахъ, что у аббата Мурѣ сперлось дыханіе. Навозъ лежалъ громадной кучей у стѣны, и отъ него шелъ паръ.

— Гмъ! какова куча! — произнесла Дезира, расхаживая съ братомъ среди ѣдкаго запаха. — Я сама свалила весь навозъ сюда; никто мнѣ не помогалъ... Знаешь, это вовсе не грязно. Это смягчитъ кожу. Посмотри на мои руки.

Она протянула руки, обмакнувъ ихъ предварительно въ ведро съ водой, — царскія руки, роскошной формы, выросшія точно дѣблы и жирныя розы въ этомъ навозѣ.

— Да, да, — пробормоталъ патеръ, — ты славно поработала. Теперь тутъ очень хорошо.

И онъ направился къ рѣшеткѣ; но она остановила его:

— Подожди же! Осмотри все. Ты и не подозреваешь...

Она потащила его въ сарай, къ кроликамъ.

— Въ каждомъ отдѣленіи есть дѣтеныши, — сказала она, полая съ восторгомъ въ ладоши.

Тутъ она пространно описала ему жизнь и нравы кроликовъ. Она заставила его стать на колѣни, приложить носъ къ клѣткѣ, въ то время, какъ сообщала ему мельчайшія подробности. Самыя, съ большими подвижными ушами, косо поглядывали на него, пытая, и съѣжались отъ страха. Потомъ они увидѣли въ этой клѣткѣ дыру, выложенную волосомъ, на днѣ которой лежала живая куча, и она дышала точно одно тѣло. Возлѣ этой дыры другіе дѣтеныши подползали къ краю дыры, выставивъ незначительно большія головы. Далѣе видѣлись дѣтеныши уже поспѣвѣе, походившіе на молодыхъ крысъ, суетившіеся, прыгавъ, поднимая вверхъ задъ, на которомъ хвостъ торчалъ бѣлой шишкой. Эти были игривы, какъ дѣти, скакали вокругъ клѣтки, бѣлые, съ свѣтло-рубиновыми глазами, черные, съ глазами, сверкавшими какъ агаты. Внезапный испугъ заставлялъ ихъ поспѣшно убѣгать, выказывая при каждомъ прыжкѣ свои тоненькія лапки. Послѣ этого они забивались въ кучу такъ плотно, что были видны одни головы.

— Это ты ихъ пугаешь, — говорила Дезирэ. — Меня-то они хорошо знаютъ.

Она подманивала ихъ, вынимая изъ кармана какую-нибудь крошечную корочку. Маленькіе кролики, успокоившись, одинъ за другимъ, подходили бокомъ и выставивъ носъ къ самой рѣшеткѣ. Она удерживала ихъ тамъ на минуту, чтобы показать имъ розовый пушокъ, покрывавшій ихъ брюшки. Затѣмъ отдавала корочку самому храброму. Тогда вся толпа подбѣгала, суетилась, толкалась, но не дралась; иногда трое дѣтенышей принимались грызть одну и ту же корку; другіе спасались бѣгствомъ, присаживались къ стѣнѣ, чтобы ѣсть спокойно; самки же, въ глухихъ клѣткахъ, продолжали недовѣрчиво пытаться, и отказывались отъ корочекъ.

— Ахъ, обжоры! — кричала Дезирэ, — они готовы ѣсть такимъ разомъ до-завтра!... Ночью я слышу какъ они грызутъ забытые листья.

Патеръ всталъ, но она не уставала улыбаться милымъ манеромъ.

— Видишь ли, вотъ, того толстенъбаго, того, что весь бѣлый, съ черными ушами... Ну, вотъ! онъ обожаетъ маю. И отлично можетъ отличить его среди другихъ травъ... На-дняхъ у него

сдѣлались колики. Тогда я взяла его и поддержала въ теплѣ своемъ карманѣ. Съ этихъ поръ онъ совсѣмъ поправился.

Она протягивала пальцы въ свѣжины клѣтки и гладила ихъ по спинѣ.

— Точно атласъ,—говорила она.—Они одѣты, какъ принцы. И при этомъ кокетливы! Вотъ видишь этого, который все ститится. Онъ стираетъ всѣ свои лапки... Еслибы ты зналъ, какъ они смѣшны! Я ничего не говорю, но очень хорошо вижу ихъ хитрости. Такъ, напримѣръ, вотъ этотъ сѣренькій, который насъ смотритъ, ненавидѣлъ одну маленькую самку, которую имъ пришлось помѣстить отдѣльно. Между ними происходили страшныя исторіи. Рассказывать ихъ было бы слишкомъ долго. Наконецъ, въ послѣдній разъ, какъ онъ ее прибилъ, и когда я пришла въ ужасъ, то что же я увидѣла? Этотъ негодникъ забился въ уголъ и притворился умирающимъ. Онъ хотѣлъ заставить меня думать, что она избидѣла его...

Она остановилась, обращаясь къ кролику:

— Нечего хлопать глазами, ты мошенникъ!

И повернувшись къ брату:

— Онъ понимаетъ все, что я говорю, — пробормотала она подмигивая.

Аббатъ Мурэ не могъ долѣе выдержать. Отъ кроликовъ несло ѣдкимъ запахомъ: у него закружилась голова. Дезирэ, точно опьянѣвшая, становилась все веселѣе и вся раскраснѣлась.

— Куда тебѣ спѣшить!—закричала она:—ты какъ будто собираешься бѣжать... А мои маленькіе цыплятки! Они родились сегодня ночью.

Она взяла пригоршню рису и бросила передъ собой. Курицы кудахтавъ, важно подошла въ сопровожденіи всей толпы цыплятокъ, которые щебетали и суетились, точно одурѣвшія птички. Затѣмъ, когда они попали на самый рисъ, мать сильно ударяла клювомъ, откидывая зерна и разбивая ихъ, между тѣмъ цыплятки клевали передъ ней, съ суетливымъ видомъ. были очень милы въ своемъ ребячествѣ, полу-голенькія, съ лой головой, съ глазами, блестящими точно стальныя точенныя пушкѣ, торчавшимъ такъ забавно, что они казались на двухкопѣечныя игрушки. Дезирэ смѣялась отъ удовольствія глядя на нихъ.

— Какіе амурчики!—бормотала она.

Она взяла двухъ, по одному въ каждую руку, и покрывала ихъ поцѣлуями. Патеръ вынужденъ былъ оглядѣть ихъ съ головы до головы, пока она спокойно говорила:

— Не легко отличить пѣтуховъ. Я-то никогда не ошибаюсь. ...Это вотъ курица, и это вотъ тоже курица.

Она поставила ихъ на полъ. Но другія куры подбѣжали клевать рисъ. Большой красный пѣтухъ, съ огненными перьями, слѣдовалъ за ними, съ осторожнымъ величіемъ приподнимая свои широкія лапы.

— Александръ становится великолѣпнѣе, — сказалъ аббатъ, чтобы доставить удовольствіе сестрѣ.

Пѣтухъ назывался Александромъ. Онъ смотрѣлъ на молодую пѣтушку своимъ огненнымъ окомъ, повернувъ голову и распухнувъ хвостъ. Потомъ подошелъ и сталъ возлѣ самаго ея платья.

— Онъ меня очень любитъ, — проговорила она. — Одна я могу его трогать... Онъ хорошій пѣтухъ. У него четырнадцать яицъ, и я никогда не нахожу болтуновъ въ ихъ яйцахъ... Не правда-ли, Александръ?

Она нагнулась. Пѣтухъ не обратился въ бѣгство отъ ея руки. Казалось, кровь хлынула въ его гребешокъ; хлопая крыльями, вытянувъ шею, онъ громко и протяжно запѣлъ, и его голосъ прозвучалъ, точно мѣдная труба. Четыре раза пропѣлъ онъ, всѣ пѣтухи въ Арто отделились на его пѣніе. Дезирэ очень изумилась встревоженной фізіономіи брата.

— Гмъ! онъ оглушилъ тебя, — произнесла она: — у него знатное горло... Но, увѣряю тебя, онъ не золъ. Вотъ куры, такъ тѣ же... Помнишь ли большую пеструшку, ту, которая несла желтые яйца? Третьяго дня она распарапала себѣ лапу. Когда остальные увидѣли кровь, то словно обезумѣли. Всѣ бѣгали за ней, клевали ее, пили ея кровь, такъ что въ вечеру сожрали ея лапу... Я нашла ее забившуюся за камень и безмолвно позволявшую пожирать себя.

Обжорство куръ смѣшило ее. Она рассказывала про другія жестокости совершенно спокойно; про то, какъ у молодыхъ цыплятъ расклеивали задъ; про курицу, у которой остальные покусали внутренности и она нашла отъ нея только шею и крылья; про то, какъ маленькіе, только-что родившіеся котята были съѣдены нѣсколько часовъ въ конюшнѣ.

— Еслибы винуть имъ цѣлаго человѣка, то онѣ бы справились... И при этомъ онѣ такія выносливыя! Онѣ отлично справляются съ сломанной лапой. Хотя бы онѣ были покрыты ранами, у нихъ на тѣлѣ были язвы, въ которыхъ можно было бы проложить кулакъ, онѣ не перестаютъ ѣсть. Вотъ за это-то я и люблю ихъ, мясо ихъ поджигаетъ въ два дня, тѣло ихъ всегда теплое, точно у нихъ подъ перьями цѣлый запасъ солнца... Когда я хочу уго-

стить ихъ, то бросаю имъ сырой говядины. А червей-то! Посмотри, какъ онѣ ихъ любятъ.

Она подбѣжала къ кучѣ навоза, нашла червяка, которого взяла въ руки безъ отвращенія. Куры бросались на ея руки. Но она держала червяка очень высоко, забавляясь ихъ жадностью. Наконецъ, она раскрыла пальцы. Куры, толкаясь, бросились на червяка; наконецъ, одна изъ нихъ убѣжала съ червякомъ въ клювъ, а другія бросились за ней въ погоню. Она выпустила червяка, снова подхватила его, опять выпустила, пока наконецъ одна изъ куръ, широко раскрывъ клювъ, не проглотила червяка. Тогда всѣ другія остановились, вытянувъ шею, съ сверкающими глазами, дожидаясь другого червяка. Дезирэ, счастливая, звала ихъ по именамъ, называла ласкательными прозвищами, а аббат Мурэ отступилъ на нѣсколько шаговъ, передъ этой прожорливой стаей.

— Нѣтъ, я не рѣшаюсь,—сказалъ онъ сестрѣ, желавшей, чтобы онъ взвѣсилъ бурицу, которую она откармливала.—Мнѣ не пріятно трогать живыхъ животныхъ.

Онъ силился улыбнуться. Но Дезирэ назвала его трусомъ.

— Ну, вотъ! а мои утки, гуси, мои индѣйки! Что бы ты сталъ дѣлать, еслибы тебѣ пришлось за ними ходить?.. Вотъ къ грязенъ—это утки. Слышишь, какъ онѣ плещутся въ водѣ? А когда онѣ ныряютъ, то видны только ихъ хвосты, торчащіе точно кегли... Съ гусями и индюшками не легче ладить. Эхъ! вотъ весело-то, когда они выступаютъ рядомъ одни, всѣ бѣлые, другіе всѣ черныя, съ своими длинными шеями. Точно кавалеры и дамы... Вотъ еще существа, которымъ я не совѣтую тебѣ подставлять пальца. Они проглотятъ его сразу... У меня же они дѣлуютъ пальцы, вотъ погляди!

Слова ея были прерваны радостнымъ блеяніемъ козы, которая наконецъ оттолкнула плохо запиравшуюся дверь конюшни. Въ два прыжка, животное очутилось возлѣ нея, опустилось на переднія ноги, лаская ее рогами. Патеръ нашелъ, что она похожа на чорта съ своей остренькой бородкой и косыми глазами. Но Дезирэ взяла ее за шею, поцѣловала въ голову, играя съ ней и толкая о томъ, что станетъ ее сосать.

— Я часто дѣлаю это,—говорила она.—Когда мнѣ хочется пить, я ложусь въ конюшню и сосу козу.

— Посмотри, какъ у нея много молока,—прибавила она поднимая громадное вымя животного.

Аббат опустилъ глаза, точно ему показали нѣчто непристойное. Ему припомнилось, что онъ видѣлъ въ Сентъ-Сантюрин-

еюмъ монастырѣ, въ Плассанѣ, каменную козу, украшавшую стѣну, и подлѣ нея монаха. Козы, отъ которыхъ пахло козломъ, съ ихъ прихотливостью и упрямствомъ, съ всякимъ выметъ, представлялись ему какими-то исчадіями ада, отъ которыхъ несло порокомъ. Сестра его добилаcь разрѣшенія держать козу лишь послѣ долгихъ и усиленныхъ просьбъ. А самъ онъ, когда приходилъ на скотный дворъ, избѣгалъ соприкосновенія съ длинной шелковистой шерстью животнаго, и защищалъ свою рясу отъ ея роговъ.

— Ну, такъ и быть! я отпущу тебя на свободу,—сказала Дезирэ, замѣтивъ усилившееся безпокойство брата. — Но прежде нужно мнѣ тебѣ кое-что показать... Общай, что ты не станешь меня бранить?—Я тебѣ объ этомъ не говорила, потому что ты не хотѣлъ... Еслибы ты зналъ, какъ я довольна!

Она съ умоляющимъ видомъ сложила руки, положивъ голову на плечо брата.

— Какая-нибудь новая глупость,—пробормоталъ онъ, будучи не въ силахъ удержаться отъ улыбки.

— Ты позволяешь, скажи?—продолжала она съ блестящими отъ радости глазами.—Ты не разсердишься?.. Онъ такой хорошенькій!

И она бѣгомъ бросилась къ низкой дверцѣ подъ сараемъ, которую отворила. Маленькій поросенокъ выскочилъ однимъ прыжкомъ на дворъ.

— О! мой херувимчикъ!—проговорила она съ глубокимъ восторгомъ, глядя на него.

Маленькій поросенокъ былъ дѣйствительно милъ; весь розовый, съ мордочкой, обмытой водой, съ кружкомъ грязи вокругъ глазъ отъ постоянного копанья въ поземѣ. Онъ бѣгалъ, опровергая куръ, хватая то, что имъ бросали, быстро кружась по двору. Уши хлопали его по глазамъ, мордочка волочилась по землѣ; онъ походилъ на своихъ тонкихъ лапкахъ на игрушку на колесахъ. А назади хвостикъ его былъ похожъ на обрывокъ веревки, за которую его вѣшали.

— Я не хочу, чтобы это животное здѣсь оставалось!—зачиналъ патеръ, очень раздосадованный.

— Сержъ, мой добрый Сержъ,—снова умоляла Дезирэ, не будь злымъ...—Погляди, какой онъ невинный, бѣдняжка. Я его буду чистить, буду держать въ большой опрятности. Тѣза выпросила его для меня. Теперь уже нельзя отослать его... Погляди, онъ на тебя смотритъ, онъ тебя чувствуетъ. Небойся, онъ тебя не съѣстъ.

Но вдругъ она умоляла и покатила со смѣху. Маленькій поросенокъ, обезумѣвшій отъ страха, бросился въ ноги возѣ, которую опрокинулъ. Потомъ принялся бѣжать, визжа, кувираясь и взбудораживая весь скотный дворъ. Дезирэ, чтобы успокоить его, вынуждена была подставить ему глиняную чашку съ водою. Тогда онъ сунулъ морду въ чашку до самыхъ ушей, плескался въ ней, хрюкалъ, между тѣмъ какъ дрожь пробѣгала по его розовой кожѣ. Хвостикъ его совсѣмъ развился и обвисъ.

Аббату Мурэ стало снова противно, когда до него долетѣли всплески этой грязной воды. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ тутъ находился, духаніе у него спиралось, руки, грудь, лицо горѣли. Мало по-малу голова у него закружилась. Онъ едва успѣлъ отворить деревянную загородку. Ноги его прилипали къ почвѣ, пропитанной навозомъ, и ему показалось, что земля какъ будто держитъ его. И вдругъ ему припомнился Парадъ съ его большими деревьями, черными тѣнями, сильнымъ благоуханіемъ, и онъ никакъ не могъ прогнать это воспоминаніе.

— Вотъ, теперь ты весь вспыхнулъ,—сказала Дезирэ, нагоняя его за рѣшеткой.—Ты не радъ, что все это видѣлъ?... Слышишь, какъ кричатъ животныя?

Животныя, видя, что она уходитъ, толкались у рѣшетки, выпускаая жалобные крики. Маленькій поросенокъ въ особенности визжалъ, точно пила, когда ее натачиваютъ. Но она кланялась имъ, смѣясь, что они всѣ столпились въ кучу, точно влюбленные въ нее. Затѣмъ, прижавшись къ брату, проводила его до сада:

— Мнѣ бы хотѣлось корову,—прошептала она ему на ухо, вся вспыхнувъ.

Онъ поглядѣлъ на нее, сдѣлавъ жестъ отказа.

— Нѣтъ, нѣтъ, не теперь,—живо возразила она.—Позднѣе, я переговорю съ тобою... Въ конюшнѣ есть мѣсто. Красивую бѣлую корову съ рыжими пятнами. Ты увидишь, какое у насъ будетъ славное молоко. Коза кажется, въ концѣ-концовъ, такою маленькою... А когда у коровы будетъ теленокъ!..

Она запрыгала, захлопала въ ладоши, а патеру опять представился скотный дворъ, запахъ котораго она перенесла въ свои юбки. Поэтому онъ оставилъ ее въ глубинѣ сада, гдѣ она усѣлась на землѣ, на солнцѣ, передъ ульемъ; пчелы жужжали точно золотые шарики на ея шеѣ, вдоль ея голыхъ рукъ, въ ея волосахъ, но не жалили ее.

XII.

Братъ Арканжіа обѣдалъ въ приходскомъ домѣ по четвергамъ. Онъ приходилъ обыкновенно спозаранку, чтобы переговорить о дѣлахъ прихода. Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ онъ знакомилъ аббата со всѣмъ, что дѣлалось въ долині.

Въ этотъ четвергъ, въ ожиданіи того, когда Тѣза позоветъ ихъ, они медленно прохаживались передъ церковью. Патеръ разсказалъ о своемъ свиданіи съ Бамбуссомъ, и съ большимъ удивленіемъ услышалъ, что монахъ нашелъ отвѣтъ крестьянина весьма естественнымъ.

— Онъ правъ, этотъ человѣкъ, — говорилъ монахъ-игнорантъ. — Кому охота терять свое добро... Розалія не многого стоитъ, но всегда тяжело отдавать дочь за нищаго.

— Однако, — возразилъ аббатъ Мурэ, только бракъ можетъ положить конецъ скандалу.

Монахъ пожалъ своими широкими плечами. Онъ иронически разсѣялся.

— Неужели же вы воображаете, что исправите весь околотокъ этимъ бракомъ!.. Не пройдетъ и двухъ лѣтъ, и Катерина забеременѣетъ; потомъ за ней другія; всѣ пройдутъ черезъ это. Какъ скоро ихъ выдаютъ замужъ, то имъ наплевать на всѣхъ... Эти Арто вырастаютъ въ незаконномъ сожителствѣ, какъ въ своемъ естественномъ навозѣ. Есть только одно средство, какъ я вамъ уже говорилъ, чтобы спасти край отъ заразы, — это свернуть шею всѣмъ самбамъ.... Не мужей имъ надобно, господинъ кюрэ, а палокъ, палокъ!

Успокоившись, — онъ прибавилъ:

— Предоставимъ каждому располагать своимъ добромъ, какъ онъ хочетъ.

И заговорилъ о томъ, какъ распредѣлить уроки катехизиса. Но аббатъ Мурэ отвѣчалъ разсѣяннo. Онъ глядѣлъ на селеніе, растизлавшееся у него подъ ногами въ лучахъ солнечнаго заката. Брестяне возвращались домой; мужчины молчали и шли медленными шагами, точно усталые быки, возвращающіеся въ конюшню. Передъ лачугами стояли женщины и перекивались другъ съ другомъ, перебрасывались словами съ сосѣдками, между тѣмъ какъ толпы дѣтей топали по улицѣ своими толстыми башмаками, толкались, кувыркались, барахтались. Человѣческимъ духомъ несло отъ этихъ ветхихъ хижинъ. И патеру начало казаться, что онъ все еще находится на скотномъ дворѣ Дезирэ, и передъ

нимъ копошатся животныя, безпрестанно размножающіяся. Носъ его поражался тутъ такимъ же запахомъ производительности, уши внимали разговорамъ все о тѣхъ же безпрестанныхъ родахъ, толки о которыхъ смущали его. Только и слыша съ самаго утра, что о беременности Розалин, онъ кончилъ тѣмъ, наконецъ, что началъ думать обо всемъ этомъ, о житейской грязи, о требованіяхъ плоти, о роковомъ воспроизведеніи рода, сѣявшемъ людей, точно хлѣбныя зерна.

Фамилія Арто была стадомъ, расположившемся между четырьмя холмами, замыкавшими горизонтъ, плодившимся, расплывшимся все шире и шире.

— Глядите, закричалъ братъ Арканжіа, указывая на высокую дѣвушку, которую цѣловалъ за кустомъ ея возлюбленный,— вотъ еще негодяйка!

Онъ долго махалъ своими длинными черными руками, поза не обратилъ чегу въ бѣгство. Вдали, надъ красной почвой, надъ ободранными утесами, закатывалось солнце, бросая послѣднее прощальное зарево. Мало по-малу сгущалась ночь. Жаркій запахъ лавенды сталъ свѣжѣе, приносимый поднявшимся легкимъ вѣтеркомъ. Пороку проносился словно глубокій вздохъ, точно эта ненасытная земля, вся сожженная страстью, наконецъ успокоилась подъ сѣрымъ дождемъ сумерекъ. Аббатъ Мурэ, со шляпой въ рукахъ, радовался прохладѣ, чувствуя, какъ спокойствіе мрака нисходило на него.

— Господинъ кюрэ! — братъ Арканжіа! — позвала Тѣза. — Идите скорѣе! супъ поданъ.

Супъ былъ съ капустою, и рѣзкій запахъ его наполнял столовую приходскаго дома. Монахъ сѣлъ и медленно опорожнилъ огромную тарелку, которую Тѣза подала ему. Онъ много ѣлъ, причемъ въ горлѣ его слышалось журчанье, дававшее знать, что пища переходила въ желудокъ. Онъ молчалъ, не спуская глазъ съ ложки.

— Мой супъ, должно быть, не хорошъ, г-нъ кюрэ? — спросила старая служанка. — Вы только болтаете ложкой въ тарелкѣ.

— Я совсѣмъ не голоденъ, моя милая Тѣза, — отвѣчалъ патеръ, улыбаясь.

— Еще бы!.. Это неудивительно послѣ вашихъ походовъ!.. Вамъ бы хотѣлось ѣсть, еслибы вы завтракали не въ третѣмъ часу.

Братъ Арканжіа, переливъ на ложку нѣсколько капель бульону, оставшагося на его тарелкѣ, степенно проговорилъ:

— Надо соблюдать аккуратность въ трапезахъ, г-нъ кюрэ.

Между тѣмъ Демирэ, которая также съѣла свой супъ, серьезно, не раскрывая рта, встала, чтобы послѣдовать за Тёзой въ кухню. Монахъ, оставшійся наединѣ съ аббатомъ Мурэ, нарѣзалъ себѣ большіе куски хлѣба, и проглатывалъ ихъ въ ожиданіи слѣдующаго блюда.

— Итакъ, вы много ходили? — спросилъ онъ.

Патеръ не успѣлъ отвѣтить. Въ корридорѣ, со стороны двора, послышались шаги, восклицанія, громкій смѣхъ. Кто-то о чемъ-то будто спорилъ. Голосъ, подобный флейтѣ, смутившій аббата, протиснулся, громко говорилъ, заглушаемый взрывами смѣха.

— Чтѣ это такое? — спросилъ онъ, вставая со стула.

Демирэ влетѣла какъ бомба. Она что-то прятала подъ своей юбкой и живо повторяла:

— Вотъ смѣшная! Ни за что не хотѣла войти. Я ее держала за юбку, но она очень сильна и вырвалась изъ моихъ рукъ.

— О комъ она говоритъ? — спросила Тёза, прибѣжавшая изъ кухни, принеся блюдо съ картофелемъ, на которомъ лежалъ кусокъ сала.

Молодая дѣвушка съѣла. Съ величайшей осторожностью вытаскивала она изъ-подъ юбки гнѣздо черныхъ дроздовъ, въ которомъ спали три птенчика. Она положила его на тарелку. Какъ только птенчики увидѣли свѣтъ, такъ вытянули свои тоненькія шейки, раскрывая красные клювы и прося ѣсть. Демирэ захлопала въ ладоши, обрадованная, совсѣмъ растроганная видомъ этихъ животныхъ, которые были ей незнакомы.

— Ахъ! это дѣвушка изъ Парадѣ, — вскричалъ аббатъ, вдругъ вспомнивъ о ней.

Тёза подошла къ окну.

— Это правда, — проговорила она. — Какъ это я не узнала ея стреквогого голоса... Ахъ! цыганка! Глядите, вонъ она шпіонитъ за нами.

Аббатъ Мурэ поспѣшно подошелъ. Ему, въ самомъ дѣлѣ, показалось, что онъ видитъ позади можжевельниковаго куста оранжевую юбку Альбины. Но братъ Арканжіа тоже подскочилъ къ окну, и высовывая изъ-за спины патера кулакъ и потрясая своей громадной головой, загремѣлъ:

— Чортъ бы тебя побралъ, разбойничья дочь! Я тебя пропашу за волосы вокругъ церкви, если накрою, какъ ты здѣсь кодуешь.

Смѣхъ, свѣжій, какъ дыханіе ночи, долетѣлъ съ тропинки. Затѣмъ послышались легкіе шаги, шуршаніе юбки по травѣ. Аббатъ Мурэ, стоя передъ окномъ, слѣдилъ за свѣтлымъ пят-

номъ, мелькавшимъ среди соснового лѣса, точно отблескъ луны. Вѣтерокъ, долетавшій до него со двора, былъ пропитанъ тѣмъ сильнымъ запахомъ зелени, запахомъ дикихъ цвѣтовъ, который несся отъ голыхъ рувъ Альбины, отъ ея талин, нестанутой корсетомъ, отъ ея распущенныхъ волосъ.

— Проклятая! дочь погибели!—глухо рычалъ братъ Арканжіа, снова садясь за столъ.

Онъ жадно съѣлъ свое сало, проглатывая цѣльныя картофелины, вмѣсто хлѣба. Тѣза никакъ не могла убѣдить Дезира докончить обѣдъ. Большое дитя въ восторгѣ глядѣло на гнѣздо черныхъ дроздовъ, разспрашивая, что они ѣдятъ, несутъ ли они яйца, какъ распознавать пѣтуховъ у этихъ птицъ.

Но старую служанку вдругъ осянило подозрѣніе. Она оперлась на свою здоровую ногу, и глядя прямо въ глаза молодому патеру:

— Вы, значить, знакомы съ обитателями Парадѹ? —спросила она.

Тогда онъ рассказалъ все, какъ было, и описалъ свой визитъ къ старику Жанбернату. Тѣза обмѣнивалась скандализированными взглядами съ братомъ Арканжіа. Она сначала ничего не сказала, но вертѣлась вокругъ стола, сильно прихрамывая, стуча пятками такъ, что могла бы продавить полъ.

— Вы могли бы сказать мнѣ, что это за люди, въ эти три мѣсяца, которые я живу здѣсь,—кончилъ наконецъ патерь.—Я бы зналъ, къ кому я шелъ.

Тѣза вдругъ остановилась, точно ноги у ней подломились.

— Не лгите, г. кюрэ,—проговорила она, занкаясь,—не лгите; это усилить вашъ грѣхъ... Какъ смѣете вы утверждать, что я вамъ не говорила про философа, про этого язычника, который служить скандаломъ для всего околотка. Дѣло въ томъ, что вы меня никогда не слушаете, когда я съ вами разговариваю. Что въ одно ухо впустили, то изъ другого и выпустили... Ахъ! еслибы вы меня слушали, отъ многихъ бы сожалѣній избавились!

— Я вамъ также говорилъ объ этомъ нечестивцѣ,—утверждалъ монахъ.

Аббатъ Мурэ слегка пожалъ плечами.

— Можетъ быть, но я объ этомъ совсѣмъ позабылъ,—возразилъ онъ.—Только пріѣхавъ въ Парадѹ, мнѣ припомнилось, что я что-то какъ-будто слышалъ... Къ тому же, я бы все-таки поѣхалъ къ этому несчастному, котораго считалъ при смерти.

Братъ Арканжіа, съ набитымъ ртомъ, ударилъ ножомъ по столу, крича:

— Жанбернать собака. Ему слѣдуетъ околѣвать, какъ собакѣ. И видя, что патеръ протестуетъ жестомъ головы, перебилъ у рѣчь, крича:

— Нѣтъ, нѣтъ, для него нѣтъ Бога, нѣтъ раскаянія, нѣтъ пощенія!.. Лучше было бы бросить причастіе, чѣмъ дать его ему мерзавцу.

И снова принялся за картошки, опершись локтями на столъ, уткнувъ подбородокъ въ тарелку и жуя изъ всей мочи. Она, закусивъ губы и побѣлѣвъ отъ злости, удовольствовалась лишь замѣчаніемъ:

— Оставьте! Г-нъ кюрэ хочетъ поступать, какъ ему вздумается; г. кюрэ завелись теперь секреты отъ насъ.

Наступило грозное молчаніе. Въ теченіи секунды слышно было только, какъ работаютъ челюсти монаха, вмѣстѣ съ страннымъ журчаніемъ въ его горлѣ. Дезирэ, охвативъ своими голыми руками гнѣздо черныхъ дроздовъ, оставшееся у нея на тарелкѣ, наклонивъ лицо, улыбалась птенчикамъ, долго разговаривала съ ними, потихонько, съ особымъ щебетаньемъ, свойственнымъ ей, и которое они, повидимому, понимали.

— Когда нѣчего скрывать, то рассказываешь о томъ, что знаешь!—закричала вдругъ Тѣза.

И молчаніе возобновилось. Старую служанку пуще всего раздражало то, что патеръ какъ будто хотѣлъ скрыть отъ нея свой визитъ въ Парадѹ. Она считала себя женщиной, недостойно обманутой. Лкбопытство ее грызло. Она гуляла вокругъ стола, не глядя на аббата, ни къ кому не обращаясь, облегчая свою душу наединѣ съ собой.

— Вотъ почему обѣдаютъ такъ поздно!.. Рыщутъ, не говоря ни одного слова, Богъ знаетъ гдѣ, до двухъ часовъ пополудни. Хотѣли въ такіе скверные дома, что послѣ не смѣютъ даже разсказать объ этомъ. Тогда начинаютъ лгать, всѣхъ обманываютъ...

— Но,—тихо перебилъ аббатъ Мурэ, насильно ѣвший, чтобы не разсердить сильнѣе Тѣзу,—никто у меня и не спрашивалъ, ѣдалъ ли я въ Парадѹ, мнѣ некому было отвѣчать.

Тѣза продолжала, какъ будто ничего не слыша:

— Портятъ свою рясу въ пыли и возвращаются точно воръ. И если какая-нибудь добрая душа, принимающая въ васъ участіе, спрашиваетъ васъ для вашей же пользы, ее обрываютъ какъ ничтожную тварь, незаслуживающую довѣрія. Скрываются, хитрятъ, предпочитаютъ скорѣе лопнуть, чѣмъ проронить слово, не подумавъ даже о томъ, чтобы повеселить домашнихъ разсказомъ о томъ, что видѣли.

Она повернулась къ патеру и поглядѣла ему прямо въ лицо.
— Да, я все это говорю на вашъ счетъ... Вы скрытный, вы злой человѣкъ!

И она принялась плакать. Аббату пришлось ее утѣшать.

— М-г Каффенъ мнѣ все рассказывалъ,—кричала она.

Но мало-по-малу успокоилась. Братъ Арканжіа доканчивалъ огромный кусокъ сыру, нисколько, повидимому, не смущаясь происходившей сценой. По его мнѣнію, аббата Мурэ слѣдовало держать въ рукахъ. Тѣза хорошо дѣлала, что придерживала его. Онъ опорожнилъ послѣдній стаканъ простого вина и опрокинулся на стулъ, совершая пищевареніе.

— Ну,—спросила старая служанка,—что вы видѣли въ Парадѣ? Расскажите намъ, по крайней мѣрѣ.

Аббатъ Мурэ, улыбаясь, рассказалъ въ нѣсколькихъ словахъ диковинный приѣмъ, оказанный ему Жанбернатомъ. Тѣза, оспавшая его вопросами, испускала вопли негодованія. Братъ Арканжіа сжималъ кулаки и потрясалъ ими въ воздухѣ.

— Небо да поразить его! — проговорилъ онъ: — пусть оно сожжетъ его и его колдунью!

Тогда аббатъ, въ свою очередь, постарался разузнать еще, что можно, про обитателей Парады. Онъ съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ, какъ монахъ повѣствовалъ о чудовищныхъ фактахъ.

— Да! эта чертовка однажды явилась въ школу. Давно тому назадъ. Ей могло быть около десяти лѣтъ. Я оставилъ ее; я думалъ, что дядя посылаетъ ее приготовиться къ первому причащенію. Въ какихъ-нибудь два мѣсяца она взбунтовала весь классъ. Она, мошеница, заставила всѣхъ обожать себя! Она знала всякія игры, выдумывала оборки изъ листьевъ и доскутковъ. И при этомъ была такая же смышленная, какъ и всѣ эти исчадія ада! Она тверже всѣхъ знала катехизисъ. Но вотъ, въ одно прекрасное утро старикъ ввалился въ классъ во время урока. Онъ грозилъ все переломать, кричалъ, что попы отняли у него ребенка. Пришлось позвать полевого сторожа, чтобы вытолкать его за дверь. Дѣвочка убѣжала. Я видѣлъ въ окно, какъ она смѣялась на сосѣднемъ молѣ надъ яростью своего дяди... Она приходила по своей охотѣ въ школу въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, а онъ и не подозрѣвалъ объ этомъ.

— Она никогда не причащалась,—проговорила Тѣза, вполголоса, съ легкой дрожью!

— Нѣтъ, никогда! — подтвердилъ братъ Арканжіа. — Ей должно быть теперь шестнадцать лѣтъ. Она растетъ, какъ звѣрь.

Я видѣлъ, какъ она бѣгала на четверенькахъ въ роцѣ, возлѣ Палюдъ.

— На четверенькахъ,—прошептала служанка, повернувшись съ тревогой къ окошку.

Аббатъ Мурэ вздумалъ-было усомниться, но монахъ вышелъ изъ себя.

— Да, на четверенькахъ! И она прыгала, точно дикая кошечка... И къ тому же всѣмъ извѣстно, что она приходитъ мяукать по ночамъ вокругъ Арто. Она мяучить, точно бѣшеная кошечка. Ну, ужъ если когда-нибудь ей попадетъ въ когти мужичина, то она живьемъ проглотитъ его.

И вся его ненависть вообще къ женщинѣ выразилась при этомъ. Онъ ударами кулака потрясалъ столъ, выкрикивая обычные ругательства.

— У нихъ чортъ сидитъ въ тѣлѣ. Отъ нихъ разитъ дьяволомъ...

Патеръ одобрительно качалъ головой. Грубость брата Арканжіа, болтливая тираннія Тёзы были все равно, что удары ремня, которыми онъ зачастую бичевалъ свои плечи. Онъ испытывалъ вожделѣнную радость, переносясь въ эту сферу, исполненную простонародной грубости. Небесный миръ, казалось ему, долженъ быть результатомъ этого презрѣнія къ свѣту, этого опомѣшательства всего его существа. То было нѣкотораго рода оскорбленіе, которое онъ съ наслажденіемъ наносилъ своему тѣлу, грязь, въ которой онъ купалъ свою нѣжную натуру.

— Все въ мірѣ грязь,—пробормоталъ онъ, складывая свою салфетку.

Тёза убирала со стола. Она хотѣла принять тарелку, на которую Дезирэ положила гнѣздо черныхъ дроздовъ.

— Вы, кажется, собираетесь здѣсь ночевать, барышня,—сказала она.—Бросьте же этихъ скверныхъ птицъ.

Но Дезирэ защищала тарелку. Она прикрыла гнѣздо своими голыми руками, не смѣясь больше, и сердясь на то, что ей вѣшаютъ.

— Я надѣюсь, что этихъ птицъ здѣсь не оставятъ,—закричалъ братъ Арканжіа.—Это принесетъ несчастіе... Надо свернуть имъ шею.

И онъ протянулъ свои большія руки. Молодая дѣвушка встала, отступила, вся трепещущая, прижимая гнѣздо къ своей груди. Она пристально глядѣла на монаха, съ одутыми губами, съ видомъ волчицы, готовой кусаться.

— Не трогайте птенчиковъ,—пробормотала она.—Вы безобразны!

Она подчеркнула это слово съ такимъ страннымъ презрѣніемъ, что аббатъ Мурэ вздрогнулъ, точно безобразіе монаха поразило его впервые. Этотъ послѣдній удовольствовался глухимъ рычаніемъ. Онъ питалъ глухую ненависть къ Дезирѣ: роскошное, физическое ея развитіе оскорбляло его. Когда она вышла, пятась задомъ и не спуская съ него глазъ, онъ пожалъ плечами, пробормотавъ сквозь зубы непристойность, которой никто не слышалъ.

— Пусть лучше она ложится спать,—проговорила Тѣза.— Она намъ будетъ мѣшать сейчасъ въ церкви.

— Пришли?—спросилъ аббатъ Мурэ.

— Дѣвушки давно уже тамъ съ охапками зелени... Я зажгу лампаду. Можно будетъ начать, когда вы приважете.

Нѣсколько секундъ спустя, послышалось, какъ она ругалась въ ризницѣ, потому что спички отсырѣли. Братъ Арканжіа остался наединѣ съ патеромъ, и спросилъ недовольнымъ тономъ:

— Это по случаю мѣсяца Маріи?

— Да,—отвѣчалъ аббатъ Мурэ.— Въ эти послѣдніе дни мѣстныхъ дѣвушки, у которыхъ были полевые работы, не могли придти днемъ и, согласно обычаю, украсить придѣлъ св. Дѣвы. Церемонія отложена до сегодняшняго вечера.

— Хорошъ обычай!—бормоталъ монахъ.—Когда я вижу, какъ онѣ складываютъ на землю свои вѣтки, мнѣ хочется толкнуть ихъ туда же, чтобы онѣ, по крайней мѣрѣ, покаялись въ своихъ мерзостяхъ, прежде чѣмъ дотрогиваться до престола... Стыдъ допускать, чтобы женщины прохаживались съ своими юбками такъ близко отъ святыхъ мощей.

Аббатъ извинился жестомъ. Онъ былъ недавно въ Арто и долженъ былъ подчиняться мѣстнымъ обычаямъ.

— Готово, г. кюрэ,—закричала Тѣза.

Но братъ Арканжіа еще задержалъ его.

— Я ухожу,—началъ онъ.—Религія не дѣвица, чтобы ее наряжать въ цвѣты и кружева.

Онъ медленно пошелъ къ двери. Но тамъ остановился, поднявъ свой палецъ, покрытый волосами, прибавивъ:

— Остерегайтесь такого поклоненія Мадоннѣ!

XIII.

Въ церкви аббатъ Мурэ нашель съ десятокъ взрослыхъ дѣвушекъ, державшихъ вѣтки оливкаго, лавроваго деревьевъ и розмарина. Такъ какъ садовые цвѣты вовсе не росли на утесахъ Арго, то явился обычай украшать престолъ св. Дѣвы зеленък, которая цвѣла во весь мѣсяцъ май. Тѣза прибавляла гвоздику; она держала ее въ водѣ, въ старыхъ графинахъ.

— Предоставьте мнѣ все дѣло, г. кюрэ! — просила она. — У васъ нѣтъ привычки... Вотъ, станьте тутъ, передъ алтаремъ. Вы мнѣ скажете: нравится ли вамъ убранство.

Онъ согласился, и Тѣза стала распоряжаться всей церемоніей. Она взлѣзла на скамейку; ворчала на дѣвушекъ, которыя по очереди подходили съ своей зеленью.

— Не спѣши же! Дай время привязать вѣтки. Нельзя же, чтобы всѣ эти пучки свалились на голову г-ну кюрэ... Ну, Бабе! твоя очередь. Ну, чего ты вылутила на меня свои буркалы! Хорошъ твой розмаринъ, нечего сказать! Онъ желтъ, какъ репейникъ... Твоя очередь, Рыжая! Ахъ! вотъ по крайней мѣрѣ хорошій лавръ! Ты его взяла на полѣ Зеленаго-Креста.

Большія дѣвушки складывали свои вѣтки на престолъ, который цѣловали. Съ минуту онѣ оставались возлѣ пелены, передавая вѣтки Тѣзѣ; забывая о притворно-набожной минѣ, съ какою онѣ входили на ступеньки, онѣ принимались, наконецъ, смѣяться, толкались колѣнками, присѣдали передъ престоломъ, опирались на жертвенникъ. А надъ ними, большая статуя Мадонны, изъ золоченаго гипса, наклоняла свое раскрашенное лицо, улыбалась розовыми губами нагому младенцу, котораго держала на лѣвой рукѣ.

— Такъ, такъ, Лиза! — кричала Тѣза: — сядь еще на престолъ! Опусти же свои юбки! Развѣ можно показывать свои ноги такимъ образомъ!.. Ну, попробуйте только возиться! Я васъ отхлещу вѣткой по лицу... Неужели вы не можете спокойно передавать мнѣ это!

И, повернувшись въ патеру, прибавила:

— Нравится ли вамъ, г. кюрэ? Довольны ли вы убранствомъ?

Она устраивала позади статуи бесѣдку изъ зелени, и концы вѣтвей, образовавшихъ бесѣдку, ниспадали въ родѣ пальмовыхъ вѣтвей.

Патеръ одобрялъ, дѣлалъ замѣчанія.

— Мнѣ кажется,—пробормоталъ онъ: — что вверху необходимо былъ бы букетъ болѣе нѣжной зелени.

— Безъ сомнѣнія, — заворчала Тѣза. — Онѣ принесли мнѣ только лавръ и розмаринъ... У кого изъ васъ есть оливковая вѣтвь? Ни у кого, такъ и есть! Этими язычницамъ жаль потерять четыре оливы!

Но Катерина взшла на ступени съ громадной оливковой вѣткой, которая ее совсѣмъ прикрывала.

— Ага! У тебя есть, разбойница, — возразила старая служанка.

— Еще бы,—проговорилъ одинъ голосъ: — она ее украла. Я видѣла, какъ Венсанъ ломалъ вѣтку, а она сторожила.

Катерина, раздраженная, божилась, что это неправда. Она повернулась, не выпуская вѣтви, которую несла, и высвобождая изъ-подъ нея свою черноволосую голову. Она лгала съ удивительнымъ апломбомъ; выдумала длинную исторію, чтобы доказать, что оливковая вѣтвь принадлежитъ именно ей.

— Къ тому же,—заключила она:—всѣ деревья принадлежатъ св. Дѣвѣ.

Аббатъ Мурэ хотѣлъ вмѣшаться. Но Тѣза спросила: смѣются ли надъ ней, что заставляютъ ее такъ долго держать руки поднятыми. И она крѣпко привязала оливковую вѣтвь, между тѣмъ какъ Катерина, влѣзши на скамейку, за ее спиной, пересаживала неуклюжую манеру, съ какой она поворачивала свою массивную талію, упиравъ на свою здоровую ногу, что вызвало улыбку у самого патера.

— Вотъ!—сказала Тѣза, спускаясь со ступенекъ и подходя къ нему, чтобы полюбоваться своимъ дѣломъ. — Верхняя часть готова... Теперь мы поставимъ букеты между подсвѣчниками; но, можетъ быть, вы предпочитаете гирлянду, которая бы висѣла вдоль ступенекъ.

Патеръ высказался за большіе букеты.

— Ну, идите,—проговорила она, снова влѣзая на скамейку. — Вѣдь не ночевать же здѣсь... Что же ты не приглядываешься къ престолу, Міетта! Развѣ ты воображаешь, что ты въ твоихъ хлѣбъ?.. Г. бюрэ, посмотрите, что онѣ тамъ дѣлаютъ. Я слышу, что онѣ хохочутъ, какъ полоумныя.

Подняли одну изъ лампъ и освѣтили темный уголокъ церкви. Подъ трибуной, три взрослые дѣвушки играли и толкались. Одна изъ нихъ упала головой въ кропильницу, что такъ разсмѣшило остальныхъ, что онѣ повалились на полъ, чтобы смѣяться вволю. Онѣ подошли, поглядывая исподтишка на патера, довольныя тѣмъ,

что ихъ бранили, и опустили руки, которыми хлопали по бедрамъ.

Но всего пуще разсердилась Тёза, увидѣвъ вдругъ, что Розалія подходитъ къ престолу вмѣстѣ съ другими, неся связку зелени.

— Убирайся! — закричала она. — Нахальства тебѣ не занимай стать, моя милая!.. Ну же, скорѣй, убирайся со своей связкой.

— Но почему же? — смѣло спросила Розалія. — Меня не могутъ обвинить въ томъ, что я ее украла.

Взрослыя дѣвушки подошли ближе, прикидываясь дурочками и обвиняясь блестящими взглядами.

— Убирайся, — повторяла Тёза: — тебѣ здѣсь не мѣсто, слышишь?

Тутъ она потеряла терпѣніе, запасъ котораго у нея былъ еще невеликъ, и у ней сорвалось очень грубое слово, которое возбудило смѣхъ удовольствія среди крестьянокъ.

— Еще что?! — возразила Розалія. — Развѣ вы знаете, что делаютъ другія? Смотрѣли вы за ними, что-ли?

И она нашла нужнымъ разрыдаться. Она бросила свои вѣтки; Мурэ отвелъ ее на нѣсколько шаговъ, очень строго приваивая ей. Онъ пытался заставить молчать Тёзу, и ему начиналось дѣлаться неловко среди этихъ безстыжихъ дѣвченокъ, наполнявшихъ церковь своими связками зелени. Онѣ толкались у самого подножія престола, окружая его точно живымъ лѣсомъ, и нося съ собою ѣдкій запахъ пахучихъ лѣсовъ, точно присущій имъ, сильнымъ труженицамъ.

— Скорѣй, скорѣй, — проговорилъ онъ, слегка ударяя въ ладоши.

— Вотъ еще! Мнѣ самой пріятнѣе было бы лежать въ полахъ, — пробормотала Тёза. — Неужто вы думаете, очень ловко связывать всѣ эти вѣтки.

Тѣмъ временемъ она, привязавъ между подсвѣчниками высокія свѣчки изъ зелени, сложила скамейку, которую Катерина отнесла за главный престолъ. Ей оставалось только привязать букеты зелени обѣимъ сторонамъ престола. Послѣднихъ связокъ зелени хватало на это украшеніе; остались даже вѣтки, которыми дѣвушки махали полъ до самой деревянной перегородки.

Престолъ св. Дѣвы превратился въ рошу съ маленькой зеленымъ лужайкой впереди.

Тогда только Тёза согласилась очистить мѣсто для аббата

Муръ. Онъ взошелъ по ступенькамъ къ престолу и снова удержалъ слегка въ ладоши.

— Послушайте, — произнесъ онъ: — мы будемъ завтра продолжать молитвы св. Дѣвѣ. Всѣ, которымъ нельзя будетъ прийти въ церковь, должны будутъ по крайней мѣрѣ прочесть молитвы у себя дома.

Онъ сталъ на колѣни, а крестьянки, шумя юбками, опустились на полъ, присѣвъ на корточки. Онѣ сопровождали его молитву неяснымъ бормотаніемъ, среди котораго прорывался смѣхъ. Одна изъ нихъ, чувствуя, что ее щиплютъ сзади, закричала и постаралась заглушить свой крикъ кашлемъ. Это такъ разсѣяло остальныхъ, что онѣ съ минуту катались по полу, ели могли проговорить: аминь! и никакъ не могли подняться.

Тѣза прогнала всѣхъ безстыдницъ; патеръ же, перекрестившись, стоялъ передъ престоломъ, углубленный въ молитву и какъ будто не слышалъ того, что происходило за его спиной.

— Ну, пошли вонъ теперь, — бормотала Тѣза. — Всѣ вы сущіе дрянны, и не умѣете даже чтить Бога... Это срамъ! Это невиданное дѣло, чтобы дѣвчонки катались въ церкви по полу, точно лошади на лугу... Что ты тамъ дѣлаешь, рыжая? Постой, я раздѣлаюсь съ тобой, если увижу, что ты кого-нибудь ущипнешь? Да, да, высовывай языки, негодяйки! Я все расскажу г. кюрэ. Вонъ, негодяйки вонъ!

И она тихо оттапливала ихъ къ дверямъ, суетясь вокругъ нихъ, прихрамывая отчаянно. Ей удалось вытолкать ихъ всѣхъ до единой, какъ вдругъ она увидѣла Катерину, преспокойно и бравшуюся въ исповѣдальню вмѣстѣ съ Бенсаномъ, гдѣ они что-то были съ довольнымъ видомъ. Она и ихъ прогнала. Но, высунувъ голову изъ-за двери, прежде чѣмъ запереть ее, увидѣла опять Ризалію, повисшую на плечахъ верзилы Фортюна, который ее ждался. Оба исчезли въ темнотѣ, по направленію къ кладбищу.

— И такая негодяйка смѣетъ являться къ престолу Богородицы! — ворчала она, задвигая засовъ. — Другія не лучше ея знаю. Всѣ онѣ дрянныя дѣвчонки, и приходили сюда вѣтромъ съ своими связками только ради забавы, да затѣмъ, чтобы цѣловаться съ молодцами при выходѣ! Завтра ни одна и не думаетъ придти. Г-ну кюрэ придется одному читать свои Ассъ. Мы увидимъ только негодяекъ, назначившихъ свиданія.

Она толкала скамейки, ставила ихъ на мѣсто, оглядѣла, вѣяется ли чего подозрительнаго, прежде чѣмъ идти спать. Она подняла въ исповѣдальнѣ пригоршню аблочной кожуръ, которую бросила за главный престолъ. Она нашла также ключокъ лентъ

сорванной съ какого-нибудь чепца, вмѣстѣ съ прядью черныхъ волосъ, и спрятала то и другое, собираясь навести впоследствии справки. За исключеніемъ этого, церковь показалась ей въ порядкѣ. Въ лампадѣ было достаточно масла на ночь; плиты могли оставаться невымытыми до субботы.

— Скоро десять часовъ, г. кюрэ,—сказала она, подходя къ ящику, все еще стоявшему на колѣняхъ.—Вамъ пора бы спать.

Онъ не отвѣчалъ и только тихо наклонилъ голову.

— Хорошо! знаю, что это значить,—продолжала Тѣза.—Пройдетъ еще часъ, а онъ все еще будетъ лежать тутъ на каменномъ полу и наживать болики... Я уйду, потому что вамъ надо. Нужды нѣтъ безразсудно завтракать, когда добрые люди спятъ, и ложиться спать въ тотъ часъ, какъ встаютъ куры. Вамъ надо! даю, г. кюрэ, неправда ли? Покойной ночи. Право, вы совсѣмъ неблагоразумны!

Тутъ она рѣшилась наконецъ уйти; но вернулась потушить одну изъ двухъ лампадъ, пробормотавъ, что, когда молишься по утрамъ, то масла «идетъ страхъ». Наконецъ ушла, вытеревъ рукою пелену главнаго престола, который ей показался совсѣмъ чуждымъ. Аббатъ Мурэ, поднявъ глаза и сложивъ руки на груди, остался одинъ.

XIV.

Освѣщенная одной лампадой, горѣвшей предъ статуей Мадонны, ели зелени, церковь была полна на обоихъ концахъ большими, спешущими тѣнями. Каеэдра бросала тѣнь до самыхъ балокъ потолка. Исповѣдальня казалась черной массой, вырѣзывавшейся изъ трибуны страннымъ профилемъ пробитой будки. Весь свѣтъ, мягченый и какъ-бы зеленоватый отъ зелени, покоился на большій, вызолоченной статуѣ Мадонны, которая точно спускалась съ неба своимъ видомъ, несомая облакомъ, на которомъ играли голубыя херувимы. Можно было подумать, глядя на круглую луну, сіявшую среди вѣтвей, что блѣдная луна встаетъ на вершкѣ лѣса, озаряя сверхъестественное явленіе, небесную чашу, въ золотой коронѣ, въ золотомъ одѣяніи, несущую своего святого и божественнаго младенца въ чашу деревъ. Мягкіе лучи свѣта, подобные тому блѣловатому свѣту, который въ свѣтѣ ночи проникаетъ сквозь кусты, ложились между листьевъ, на высокіхъ султановъ, въ широкой овальной бесѣдкѣ. Не слышны звуки, какой-то трескъ долеталъ съ двухъ темныхъ концовъ церкви; большіе стѣнные часы, висѣвшіе на лѣво отъ хора,

медленно били съ неповоротливостью заржавѣвшаго механизма. И чудное видѣніе: Мадонна съ узкимъ бандо каптановыхъ волосъ, словно успокоенная ночной тишиной, царствовавшей въ церкви, ниже опускалась, едва пригибая травинки, подъ легкимъ полетомъ своего облака.

Аббатъ Мурэ глядѣлъ на нее. Онъ любилъ церковь въ эту часть. Онъ забывалъ про статую изможденнаго Христа, про Распятаго, выкрашеннаго окрой и китайской тушью, который умиралъ позади него въ придѣлѣ мертвыхъ. Его не развлекалъ большерѣзкій свѣтъ дня, веселіе утра, входившее вмѣстѣ съ солнцемъ, жизнь улицы, воробьи и вѣтки, вторгавшіеся въ церковь черезъ разбитыя стекла. Въ этотъ ночной часъ, природа была мертва, ночь одѣвала крепомъ выбѣленные стѣны, прохлада ночи облекала его плечи спасительной власяницей; онъ могъ углубиться въ безусловную любовь, и ни игра солнечныхъ лучей, ни ласка вѣтерка, ни благоуханіе растений, ни ударъ крыла насѣкомаго не мѣшали его радости любить. Утренняя обѣдня никогда не давала ему тѣхъ сверхъестественныхъ радостей, какія онъ испытывалъ за вечерней молитвой.

Шевеля губами, аббатъ Мурэ глядѣлъ на Мадонну. Ей казалось, что она приближается къ нему изъ глубины своей зеленой ниши все въ большей и большей славі. Ее озаряло уже не сіяніе луны, лившееся на верхушки деревь. Она казалась ему одѣтой въ солнце; она приближалась великолѣпная, волоссакая и такая могущественная, что минутами ему хотѣлось пасть ницъ, чтобы укрыться отъ блеска этой двери, открытой въ небо. Тогда среди этого обожанія, отъ котораго замирали слова на его губахъ, онъ вспомнилъ послѣднее слово брата Арканжіа, показавшееся ему богохульствомъ. Часто монахъ упрекалъ его за особенное благоговѣніе передъ Мадонной, которое, по его мнѣнію, было въ ущербъ поклоненію Богу. Онъ находилъ, что оно изнѣживало душу, придавало религіи какой-то женственный характеръ, вызывало набожную сентиментальность, недостойную сильныхъ людей...

Особое поклоненіе Мадоннѣ зародилось въ аббатѣ Мурэ еще съ дѣтства. Будучи маленькимъ ребенкомъ и очень застѣчивымъ, вѣчно забивавшимся по угламъ, онъ съ удовольствіемъ думалъ о томъ, что ему покровительствуетъ Мадонна, чья два голубыхъ глаза, очень вроткихъ, съ улыбкой всюду следуютъ за нимъ. Часто ночью, почувствовавъ легкое дуновеніе своихъ волосахъ, онъ рассказывалъ, что Мадонна приходитъ къ нему и цѣловать. Онъ выросъ съ этой женской лаской. Уже

семи лѣтъ онъ удовлетворялъ своей потребности къ нѣжности, употребляя всѣ гроши, которые ему дарили, на покупку мадоннъ, которыя ревниво пряталъ, чтобы наслаждаться ими наединѣ. И никогда его не соблазняли Иисусъ, несущій агнца, Распятие, Богъ-Отецъ, наклоняющійся, съ края облака; онъ постоянно возвращался къ нѣжнымъ изображеніямъ Мадонны, къ ея маленькому, улыбающемуся рту, къ ея тонкимъ, вытянутымъ ручкамъ. Мало-по-малу онъ собралъ ихъ цѣлую коллекцію: Марія между лиліей и пряхой, Марія, несущая дитя, точно старшая сестра, Марія, увѣнчанная розами, Марія, увѣнчанная звѣздами. Для него эта была цѣлая семья красивыхъ молодыхъ дѣвъ, похожихъ одна на другую, съ тѣмъ же добрымъ видомъ, съ тѣмъ же милымъ лицомъ, и такихъ же молодыхъ людей своими длинными вуалями, что, не взирая на ихъ имя Мадоннъ, онъ не боялся ихъ, какъ взрослыхъ. Ему казалось, что онъ однихъ лѣтъ съ нимъ, что онѣ маленькія дѣвочки, которыхъ ему хотѣлось бы встрѣтить, маленькія дѣвочки съ неба, съ которыми должны играть въ теченіи всей вѣчности гдѣ-нибудь въ уголкѣ рая мальчики, умершіе семи лѣтъ отъ роду. Но онъ былъ уже серьезенъ. Выросши, онъ хранилъ тайну своей религіозной любви съ юношескимъ цѣломудріемъ. Мадонна выросла вмѣстѣ съ нимъ, обгоняя его постоянно на два или на три года. Ей было двадцать лѣтъ, когда ему было восемнадцать. Ночью она стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, скрестивъ руки, улыбаясь цѣломудренной улыбкой съ очаровательной кротостью. Онъ произносилъ ея имя не иначе, какъ про себя, и у него билось сердце всякій разъ, какъ дорогое имя срывалось съ его устъ во время молитвы. Онъ больше не мечталъ о дѣтскихъ играхъ въ небесномъ саду, но о непрестанномъ созерцаніи этой бѣлой фигуры, такой чистой, что онъ не хотѣлъ бы прикоснуться къ ней своимъ дыханіемъ. Онъ даже отъ матери скрывалъ, что такъ любитъ ее.

Потомъ, нѣсколько лѣтъ спустя, когда онъ былъ въ семинаріи, къ этой нѣжности къ Мадоннѣ, такой чистой, такой естественной, стало примѣшиваться глухое безпокойство. Повлоненіе Мадонны было ли бы необходимо для спасенія? Не оскорблялъ ли онъ Бога, отдавая Мадоннѣ часть своей любви, большую часть, свои мысли, свое сердце, всего себя? Мучительныя мысли, внутренняя борьба, разжигавшая его страсть, привязывавшая его къ ней еще сильнее! Онъ началъ вдаваться въ различныя тонкости. Онъ сталъ находить невѣроятное наслажденіе въ обсужденіи законности своихъ чувствъ. Книги благочестія, гдѣ прославлялась Мадонна, по-

служили ему оправданіемъ, доставили ему аргументы, которые онъ повторялъ съ благоговѣніемъ, какъ молитву. Въ нихъ онъ научился быть рабомъ Христа въ Мадоннѣ. Онъ поклонялся Христу въ Мадоннѣ. И онъ приводилъ различныя доказательства, дѣлалъ выводы: Мадоннѣ, которой Христосъ повиновался на землѣ, должны повиноваться всѣ люди; Мадонна сохраняла свое могущество матери на небѣ, гдѣ она одна была великой раздавательницей милостей Бога, единственной заступницей; Мадонна, простая женщина передъ Богомъ, но возвышенная Имъ до себя, служила, такимъ образомъ, человѣческимъ звеномъ между небомъ и землею, посредницей всякихъ милостей, всякаго милосердія, и заключеніемъ такихъ разсужденій было всегда то, что ее слѣдовало любить паче всего въ самомъ Богѣ. Затѣмъ просыпалась богословская любознательность, и тогда явилась передъ нимъ Мадонна побѣдоносная, торжествующая надъ всѣми ересями, непримиримый врагъ сатаны, новая Ева, долженствовавшая, согласно пророчеству, раздавить главу змія, высокая дверь спасенія, черезъ которую Спаситель уже вошелъ однажды и черезъ которую снова войдетъ въ послѣдній день, — пророчество неопредѣленное, провозвѣстникъ болѣе широкой роли для Мадонны, убаюкивавшее Сержа мечтой о безконечномъ проявленіи любви. Это появленіе женщины въ ревнивомъ и жестокомъ небѣ ветхаго завета, эта чистая фигура, поставленная у подножія Троицы, была для него истинной благодатью религіи, его утѣшеніемъ и приближеніемъ. И когда онъ доказалъ себѣ, шагъ за шагомъ, пространно, что она была путемъ, ведущимъ ко Христу, путемъ легкимъ, короткимъ, праведнымъ, вѣрнымъ, онъ снова отдался ей весь, безъ угрызений совѣсти. Онъ старался быть ея истиннымъ поклонникомъ, убивая свое я, исчезая въ послушаніи.

Чудное, блаженное для Сержа время! Книги молитвъ въ Мадоннѣ жгли ему руки. Они говорили ему языкомъ любви, который дымился какъ ладонъ. Мадонна не была больше юной дѣвой, въ блонъ вуалѣ, съ скрещенными руками, стоявшей въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его изголовья. Она являлась въ такомъ видѣ, въ какомъ видѣлъ ее Іоаннъ, одѣтая въ солнце, увѣнчанная двѣнадцатію звѣздами, имѣя подъ ногами луну; она обдавала его своимъ благоуханіемъ, воспламеняла его желаніемъ заслужить царствіе небесное, приводила его въ восторгъ пламенемъ свѣтилъ, горѣвшихъ на ея лбу. Онъ бросался передъ нею на колѣни, называлъ себя ея рабомъ, и ничто не было для него такъ сладко, какъ это слово рабъ, которое онъ повторялъ трепещущими губами, повергаясь въ прахъ передъ нею, желая стать ея вещью,

ея бездѣлкой, пылью, до которой она дотрогивалась краемъ своего голубого платья...

Каждое утро, при пробужденіи, въ семинаріи онъ клалъ сто поклоновъ Мадоннѣ, съ лицомъ обращеннымъ къ клочку неба, которое онъ видѣлъ въ свое окошко, вечеромъ онъ прощался съ нею, кладя столько же поклоновъ и глядя на звѣзды. Зачастую, въ ясныя ночи, когда Венера сіяла, вся бѣлокурая и задумчивая въ тепломъ воздухѣ, онъ забывался, онъ лепеталъ, точно пѣлъ *Ave maris stella*, растроганный гимнъ, открывавшій передъ нимъ видъ голубые берега, тихое море, едва всколышенное ласковымъ трепетомъ, озаренное улыбающейся звѣздой, такой же большой, какъ само солнце. Онъ читалъ еще *Salve Regina*, *Regina coeli* и *O, gloriosa Domina*, всѣ молитвы, всѣ псалмы. Онъ читалъ молитвы Богородицы, книги благочестія, написанныя въ честь ея, маленькій псалтырь св. Бонавентуры, пропитанный такой набожной вѣжностью, что слезы мѣшали ему перевертывать страницы. Онъ постился, убивалъ свою плоть, чтобы принести ей ее въ жертву. Съ десяти лѣтъ онъ носилъ ея эмблемы, святой нарамникъ, двойной образокъ Мадонны, зашитый въ сукнѣ, теплоту которой онъ ощущалъ на спинѣ и груди, на своей голой кожѣ, съ трепетомъ радости. Позднѣе онъ надѣлъ вериги, чтобы доказать рабство своей любви. Но самымъ великимъ для него дѣломъ оставалось ангельское привѣтствіе, *Ave Maria*, чудесная молитва его сердца, — и онъ видѣлъ, какъ она подходила къ нему, исполненная благодати, благословенная между всѣми женами; онъ бросалъ свое сердце къ ея ногамъ, чтобы она прошла по немъ. Эту молитву онъ твердилъ несчетное число разъ, на разные лады, изощряясь, чтобы сдѣлать ее болѣе дѣйствительной. Онъ читалъ двѣнадцать разъ сряду *Ave*, въ воспоминаніе двѣнадцати звѣздъ, опоясывающихъ имя Мадонны; онъ читалъ ихъ четырнадцать разъ сряду въ воспоминаніе ея четырнадцати радостей; онъ читалъ ихъ семьдесятъ разъ, въ честь годовъ, прожитыхъ ею на землѣ, и по цѣлымъ часамъ перебиралъ въ рукахъ четки.

Когда наединѣ, въ своей кельѣ, онъ становился на коѣнни на полу, вокругъ него выросталъ цѣлый садъ Мадонны со всѣмъ его цѣломудреннымъ цвѣтомъ. Четки переливались въ его рукахъ цѣлой гирляндой *Ave*, въ перемежку съ *Pater*, точно гирлянда бѣлыхъ розъ, перемежанныхъ съ лиліями Благовѣщенія, кровавыми цвѣтами Голгофы, звѣздами коронованія. Онъ медленно подвигался вдоль благоухающихъ аллей, останавливаясь на каждомъ изъ пятнадцати десятковъ *Ave*, отдыхая на образахъ, которые они вызывали. Онъ переходилъ

отъ радости къ горю, отъ горя къ торжеству, по мѣрѣ того какъ таинства группировались на три серіи: веселую, горестную, славную. Легенда несравненная, исторія Мадонны—вся жизнь человѣческая, съ ея улыбками, ея слезами, ея торжествомъ, которую онъ переживалъ въ одну минуту отъ начала до конца. И сначала онъ переживалъ радостную серію, пять улыбающихся таинствъ, озаренныхъ свѣтомъ зари; то были: благовѣщеніе архангела, лучъ плодородія, соскользнувшій съ неба, принесъ съ собою радость безгрѣшнаго союза; посѣщеніе Елизаветы въ ясное утро надежды, въ тотъ часъ, когда Марія впервые ощутила движеніе младенца, отъ котораго блѣднѣютъ матери; божественное рожденіе на соломѣ въ Вифлеемѣ, съ длинной вереницей пастуховъ, явившихся поклониться божественному новорожденному; принесеніе новорожденнаго во храмъ, на рукахъ матери, улыбающейся, еще усталой, но уже счастливой тѣмъ, что предоставляетъ свое дитя правосудію Бога, обѣщаніямъ Симеона, желаніямъ міра. Наконецъ, Иисусъ, выросшій, обнаруживающій себя передъ раввинами, среди которыхъ встревоженная мать находитъ его, гордая и утѣшенная. Затѣмъ, послѣ этого свѣтлаго утра, Сержу казалось, что небо быстро заволакивалось тучами. Онъ шелъ по терніямъ, обдиравъ руки о зерна четоковъ, сгибался подъ ужасомъ пяти таинствъ горестныхъ: Марія, терзаемой въ сынѣ, въ Оливковомъ саду, вмѣстѣ съ нимъ получающей удары бича, чувствующей на своемъ лбу раны, производимыя терновымъ вѣнцомъ, несущей жестокое бремя его креста, умирающей у его ногъ на Голгоѣ. Эта необходимость страданія, эти муки обожаемой Царицы, за которую онъ отдалъ бы свою кровь, какъ Иисусъ, возбуждали въ немъ ропотъ ужаса, котораго не могли подавить десять лѣтъ все однихъ и тѣхъ же молитвъ и упражненій. Но зерна все переливались, внезапный просвѣтъ дѣлался во мракѣ распятія, яркая слава послѣднихъ пяти таинствъ вспыхивала съ веселіемъ вольнаго свѣтила. Марія, преображенная, пѣла аллилуйя воскресенію, торжеству надъ смертью, вѣчной жизни; она присутствовала съ вытянутыми руками, опрокинувшись отъ восторга при торжествѣ сына, возносившагося на небо среди золотыхъ облаковъ, окаймленныхъ пурпуромъ; она собирала вокругъ себя апостоловъ, испытывая, какъ и въ день благовѣстія, пылъ духа, сошедшаго въ пламенныхъ языкахъ. Она, въ свою очередь, уносила въ полетѣ ангеловъ на небо. И тамъ, при такомъ ослѣпительномъ свѣтѣ, что онъ затемнялъ солнце, Господь увѣнчивалъ ее звѣздами съ неба...

Много разъ проводилъ такимъ образомъ молодой человекъ

ночи, снова начиная вереницу *Ave*, отдавая минуту разлуки съ своей владычицей. День занимался, а онъ все еще шепталъ молитву. Это луна, говорилъ онъ, обманывая самого себя, заставляеть блѣднѣть звѣзды. Начальству приходилось его брать за эти бессонныя ночи, послѣ которыхъ онъ чувствовалъ себя совсѣмъ разслабленнымъ и былъ такъ блѣденъ, точно ему пускали кровь. Долгое время держалъ онъ у себя въ кельи на стѣнѣ раскрашенную картинку, изображавшую святое сердце Мадонны. Мадонна, свѣтло улыбаясь, показывала въ своей груди красное отверстіе, въ которомъ горѣло ея сердце, пронзенное мечомъ, увѣнчаннымъ бѣлыми розами. Этотъ мечъ приводилъ его въ отчаяніе; онъ возбуждалъ въ немъ невыносимый ужасъ передъ страданіемъ женщины, одна мысль о которомъ заставляла его роптать. Онъ оставилъ одно сердце, увѣнчанное и пылавшее. Тогда *Magnificat*, точно облако ениміама, вырывалось изъ его устъ. Онъ пѣлъ радостную пѣснь Мадоннѣ. Онъ славословилъ Господа, который низвергалъ сильныхъ на землѣ съ ихъ троновъ и посылалъ ему Мадонну, ему, бѣдному, нищему ребенку, умиравшему отъ любви на ледяномъ полу своей кельи.

И когда онъ все отдалъ Мадоннѣ, свое тѣло, свою душу, свои земныя блага, свои духовныя блага, когда онъ оставался передъ нею нищимъ, истощивъ всѣ молитвы, акаѳистъ Богородицѣ вырывался изъ его горячихъ устъ съ непрерывнымъ, упорнымъ, настойчивымъ воззваніемъ о небесной помощи. Онъ называлъ ее святою, Матерью пречистою, пренепорочною, благобною, честнѣйшею. Послѣ того онъ шесть разъ называлъ ее дѣвственницею, причемъ слово Дѣва, съ которымъ онъ соединялъ понятіе о власти, добротѣ, вѣрности, какъ-бы освѣжало его уста. Онъ желалъ бы распуститься въ ароматъ, разлиться въ свѣтъ, растаять въ музыкальномъ вздохѣ. Послѣ того, онъ называлъ ее зеркаломъ правосудія, храмомъ мудрости, источникомъ его радости, и видѣлъ себя въ этомъ зеркалѣ блѣднымъ отъ восторга, становился на колѣни на теплыя плиты этого храма, пилъ большими глотками изъ этого источника. Затѣмъ, она становилась пречестнымъ сосудомъ, избраннымъ Господомъ, куда онъ желалъ бы перелить свое существо и навѣки уснуть. Она была мистическою Розой, большимъ цвѣткомъ, распустившимся въ раю, такимъ чистымъ, такимъ пахучимъ, что онъ вдыхалъ ее изъ глубины своего ничтожества. Она измѣнялась въ Золотой Домъ, въ Башню Давида, въ башню изъ слоновой кости, неоцѣненного богатства, чистоты, которой завидовали лебеди... Она стояла на

горизонтѣ, она была Дверью неба, которое онъ видѣлъ изъ за-ея плечъ, когда дуновение вѣтра раздвигало складки ея покрывала. Она всходила изъ-за горы, въ часъ, когда блѣднѣетъ ночь, Утренней звѣздой, помощницей заблудившихся путниковъ, зарей любви. Затѣмъ, добравшись до этой высоты, выбившись изъ силъ, но еще не утоливъ своего голода, онъ могъ только славословить ее титуломъ царицы, который онъ произносилъ девять разъ, какъ девять взмаховъ кадила. Акаеистъ его радостно заключался послѣднимъ торжествомъ: Царица дѣвъ, Царица всѣхъ святыхъ, Царица, зачатая безъ грѣха! Она же сіяла все выше. А онъ на послѣдней ступенькѣ, ступенькѣ, до которой достигаютъ одни лишь вѣрные слуги Мадонны, оставался тамъ въ теченіи одной секунды, безъ чувствъ, окруженный нѣжнымъ воздухомъ, опьянившимъ его, еще слишкомъ далеко, чтобы поцѣловать край ея голубой одежды, и уже чувствуя, что скатывается внизъ, съ неотступнымъ желаніемъ снова взойти на эту высоту, испытать эту сверхъ-естественную радость.

Сколько разъ акаеисты Богородицѣ, прочитанные сообща, въ церкви, оставляли молодого человѣка въ такомъ состояніи, съ избитыми колѣнами, съ больной головой, словно послѣ страшнаго паденія! Со времени выхода своего изъ семинаріи, аббатъ Мурэ научился еще сильнѣе любить Мадонну. Онъ окружалъ ее тѣмъ поклоненіемъ, въ которомъ брату Арканжіа чудилась ересь. По его мнѣнію, она должна была спасти церковь какимъ-нибудь грандіознымъ чудомъ, скорое совершеніе котораго возбудитъ восторгъ земли. Она была единственнымъ чудомъ нашей нечестивой эпохи, голубой женщиной, показывавшейся маленькимъ пастушкѣмъ, ночнымъ, бѣлымъ призракомъ, усмотрѣннымъ между двумя облаками, и кончикъ покрывала котораго задѣвалъ соломенные крестьянскія крыши. Когда братъ Арканжіа грубо спрашивалъ у него, видѣлъ ли онъ ее когда-нибудь, онъ только улыбался, стиснувъ губы, какъ-бы затѣмъ, чтобы не выдать свой секретъ. Дѣло въ томъ, что онъ видѣлъ ее каждую ночь. Она являлась ему уже не какъ сестра, не какъ набожная молодая дѣва; на ней было платье невѣсты, бѣлые цвѣты въ волосахъ; изъ опущенныхъ рѣсницъ блистали взоры, озаренные надеждой! И онъ хорошо чувствовалъ, что она шла къ нему, общалась не мѣшкая долѣе, что она говорила ему: «вотъ и я, прими меня». Ежедневно трижды, когда звонили къ *Angelus*, на разсвѣтъ, среди бѣлаго дня и при нѣжномъ сгущеніи сумерекъ, онъ снималъ шляпу, прочитывалъ *Ave* и глядѣлъ вокругъ себя:

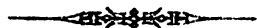
не возвѣщаетъ ли ему наконецъ колоколь о прибытіи Мадонны. Ему было двадцать-пять лѣтъ. Онъ все ее ждалъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ ожиданія молодого патера окрашивались радостной надеждой. Онъ даже не обращалъ больше вниманія на воркотню Тёзы. Если онъ оставался такъ поздно въ церкви на молитвѣ, то потому, что лѣлѣялъ мысль: вдругъ большая золотая статуя Мадонны сойдетъ къ нему.

Въ этотъ вечеръ аббатъ Мурэ оставался долѣе часу на колѣняхъ въ пустой церкви. Со сложенными руками, не спуская глазъ съ Мадонны, встающей точно свѣтило среди зелени, онъ искалъ въ молитвѣ успокоенія того страннаго чувства смущенія, которое онъ испытывалъ въ теченіи дня. Но, какъ виноградники каменистыхъ холмовъ, какъ деревья Парадѹ, какъ людское стадо Арто, Мадонна приносила съ собой расцвѣтаніе, порождала жизнь. И молитва замирала на его губахъ, онъ былъ разсѣянъ... Послѣ долгихъ усилій ему удалось, наконецъ, побѣдить себя и увлечься молитвой.

Когда стѣнные часы, прежде чѣмъ пробить часъ, заскрипѣли подавленнымъ голосомъ, аббатъ Мурэ вздрогнулъ. Онъ не чувствовалъ, какъ плечи его охватывала прохлада церкви. Теперь онъ трясся какъ въ лихорадкѣ. Когда онъ крестился, воспоминаніе, какъ молнія, сверкнуло въ его умѣ; зубы его стучали, и это напоминало ему ночи, проведенныя на полу кельи передъ св. сердцемъ Мадонны, когда все тѣло его тряслось отъ лихорадки. Онъ съ трудомъ поднялся съ колѣнъ, недовольный собой. Обыкновенно онъ выходилъ изъ алтаря съ успокоеннымъ тѣломъ, ощущая мягкое дуновеніе Мадонны на своемъ лбу. Въ эту ночь, когда онъ взялъ лампу, чтобы идти въ свою комнату, ему показалось, что его виски трепать: молитва оказалась недѣйствительной, онъ нашелъ въ себѣ, послѣ краткаго успокоенія, тотъ же жаръ, который съ утра перешелъ изъ его сердца въ его мозгъ. Затѣмъ, подойдя къ двери ризницы и готовясь выйти, онъ обернулся, поднявъ лампу машинально, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на большую статую Мадонны. Она была окутана мракомъ, спустившимся съ балокъ, и вся ушла въ зелень, сквозь которую просвѣчивалъ только ея золотой вѣнецъ.

А. 9.

НАУКА И ЛИТЕРАТУРА

ВЪ

СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ

Письма изъ Англіи.

I.

«Меня тошнить», сказалъ въ одномъ изъ сочиненій своихъ, (въ которомъ именно — не помню) авторъ *Reisebilder*, «при мысли, что Вильямъ Шекспиръ — англичанинъ и составляетъ неотъемлемое достояніе одной изъ скучнѣйшихъ націй, какихъ, когда-либо, Господь Богъ создавалъ во гнѣвъ своемъ. Что за отталкивающій народъ, что за невыносимая страна! Страна, которую самъ океанъ не рѣшается съ давнихъ поръ поглотить только изъ опасенія навѣстить себѣ рвоту!... Народъ, олицетвореніе опьянѣвшаго и вѣчно-зѣвающего чудовища, распространяющій около себя удушливую атмосферу смертельной хандры и безъ сомнѣнія предназначенный окончить дни свои самоповѣшеніемъ на какомъ-нибудь гигантскомъ канатѣ». Такъ выражалась еще недавно Германія устами остроумнѣйшаго критика — Гейне, этого глубокаго мыслителя, умѣвшаго язвительно и безпощадно бичевать своимъ смѣхомъ. Франція гораздо снисходительнѣе. Книга Тэна, которую можно назвать памятникомъ, воздвигнутымъ во славу англійской литературы, пронизана сплошь однимъ восторгомъ; ея авторъ восхищается всѣмъ, начиная отъ умоизступленій Массингера, съ его

текатомбами животрепещущаго человѣческаго мяса, до грубостей Буніена и даже до аскетизма *Prayer-Book*. Все это однако же не помѣшало ему обрисовывать характеристическій типъ англичанина слѣдующими чертами: «костлявый и громадный верзило, съ бѣлокурыми волосами, упитанный говядиной и пивомъ; стремящійся исключительно къ полезному, недоступный къ оцѣнѣ пріятнаго и влачащій самое однообразное существованіе на лѣнѣ самой грязной и унылой природы».

Но, собственно, для каждаго народа гораздо важнѣе жить согласно своему же вкусу, чѣмъ соображаться со взглядами своего сосѣда. Не мѣшаетъ помнить это критикамъ, равно какъ и справедливую пословицу, гласящую, что «тотъ, кто весь свой вѣкъ ѣлъ рѣпу, не станетъ вздыхать по апельсинамъ». Англійская нація сохранила преимущественно передъ всѣми остальными, какъ въ нравахъ, такъ и въ литературѣ, свою оригинальную фізіономію, что и затрудняетъ иностраннымъ критикамъ вполне справедливо и безпристрастно отнестись къ ней. Даже самъ Тэнъ не избѣжалъ общей участи; я снова возвращаюсь къ нему на томъ основаніи, что его трудъ оказывается наиболѣе удачной попыткой въ этой области и превосходитъ всѣ прочія сочиненія, трактующія о томъ же предметѣ; книга эта заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны всѣхъ занимающихся серьезнымъ изученіемъ исторіи англійской литературы, а грѣшитъ она только развѣ избыткомъ безпристрастія, если позволено будетъ такъ выразиться. Вдаваясь въ анализъ недостатковъ и качествъ саксонской расы, авторъ потерялъ изъ виду остальныя стороны вопроса, т.-е. среду (климатическія и историческія условія) и время, хотя онъ и упоминаетъ о нихъ въ предисловіи.

Я знаю, что вопросъ этотъ очень сложный и трудный; величайшіе умы, до сихъ поръ, не могли еще придти въ немъ къ полному соглашенію. Бокль считаетъ умственный элементъ единственнымъ прогрессивнымъ свойствомъ чловѣка, и приписываетъ ему господство надъ всѣми остальными; въ то же время Гербертъ Спенсеръ утверждаетъ противоположное и говоритъ, что идеи не способны ни управлять судьбами вселенной, ни колебать хода событій, подчиненныхъ всецѣло импульсу чувствъ. Очевидно, слѣдуетъ искать истины между этими двумя крайними мнѣніями, или еще вѣрнѣе, въ первомъ изъ нихъ, съ нѣкоторыми оговорками. Нельзя отрицать того, что нравственные и соціальныя элементы обладаютъ большимъ вліяніемъ, но сами они находятся въ непосредственной зависимости отъ предшествовавшихъ фактовъ, принадлежащихъ къ сферѣ умственной дѣятельности. «Не ощущенія

или страсти привели людей къ открытію движенія земли или отыскали доказательства ея древности», говоритъ Стюартъ Милль, — «не они побороли схоластику, изобрѣли книгопечатаніе и компасъ. Тѣмъ не менѣе реформація, революція, англійская и французская, равно какъ еще болѣе важныя перемѣны социальнаго и нравственнаго порядка, которыя сулятъ намъ будущее, являются прямыми послѣдствіями поименованныхъ и другихъ имъ подобныхъ открытій». Ошибка Тэна заключается именно въ томъ, что онъ не понялъ этой истины. Приписавъ племенному элементу безграничное и преувеличенное вліяніе, онъ всю литературу цѣлой націи производитъ изъ одного источника: изъ нравственнаго міросозерцанія. Вотъ причина уродливыхъ его мнѣній, въ родѣ того, напримѣръ, что философія Гоббса была вѣнцомъ и выраженіемъ распушенности и псевдо-атеизма кавалеровъ и прочихъ приверженцевъ дома Стюартовъ! Заблужденіе это тѣмъ печальнѣе, что оно раздѣляется человѣкомъ такого независимаго и смѣлаго ума, отвергнутаго, въ качествѣ еретика, французскою академіею, не удостоившей наградою его сочиненіе, вполне заслужившее эту честь, но погрѣшающее, конечно, противъ взглядовъ правовѣрнаго рутинѣрства. Съ другой стороны, это заблужденіе очень поучительно: оно служитъ нагляднымъ примѣромъ, до какихъ странныхъ выводовъ можетъ дойти самый здоровый умъ подъ давленіемъ предвзятой мысли, обобщенной безъ необходимой осмотрительности.

Я далеко отъ мысли отрицать вліяніе племенного духа или нравственнаго элемента. Литература, какъ и прочія явленія, представляетъ продуктъ весьма сложный, но не слѣдуетъ извращать значенія роли каждаго изъ дѣйствующихъ въ ней факторовъ. Возьмемъ для примѣра Шекспира, которымъ гордятся въ правѣ не только его родина, но и все человѣчество. Въ немъ мы можемъ различить три источника: во-1-хъ, *человѣка*, со всѣми его духовными свойствами, составляющаго первоначальную и неизбѣжную основу; во-2-хъ, *племенной* отпечатокъ, тевтонскій корень, ясно очертанные въ лицѣ саксонца, видоизмѣнившагося подъ вліяніемъ раздольной и веселой англійской жизни, почерпнувшей съ своей стороны струю веселости изъ общенія съ норманнами и французами; въ-3-хъ, *умственное движеніе* того времени, т.-е. *реставраціи*, самой блестящей и грандіозной эпохи человѣческаго творчества со временъ Перикла и Аристотеля. Принимая все это въ соображеніе, Шекспиръ становится для насъ явленіемъ объяснимымъ. Но съ наступленіемъ реформаціи вы уже не изумлены, встрѣчаясь съ мѣдникомъ Буніеномъ и его туманнымъ апока-

липсисомъ.—Нельзя и за этимъ послѣднимъ движеніемъ не признавать благотѣльныхъ послѣдствій, но его плодотворные результаты можно въ нѣкоторой степени считать побочными и приписать ихъ просто условіямъ борьбы. Въ сущности, реформація есть своего рода христіанская реставрація семитическаго и еврейскаго міросозерцанія. Я не спору съ тѣмъ, что англо-саксонская раса была болѣе, чѣмъ всѣ остальные народы Европы, склонна къ этой реформѣ, но я не могу не видѣть въ ней также послѣдствій общаго умственнаго настроенія эпохи, усиленнаго еще декретами, изданными Генрихомъ VIII и Елисаветою. Я вовсе не подвергаю сомнѣнію искренность наивнаго Бувійена, но невластность игнорировать послѣдовательный рядъ Тиллотсоновъ, Аддисоновъ съ братіей, наводнившихъ своихъ соотечественниковъ цѣлыми потоками скуки и лицемѣрія, которыхъ даже мощные удары байроновской сатиры не могли вполне стереть съ лица окаменѣлой почвы, въ которую они пустили крѣпкіе и глубокіе корни. Но остережемся отъ преувеличеній. То, что могло служить яркой характерной чертой англійскаго общества лѣтъ тридцать, сорокъ тому назадъ, начало сильно ступенываться, по крайней мѣрѣ въ частностяхъ. Причина этого лежитъ въ томъ, что рядомъ съ религіознымъ духомъ англичане одарены еще въ гораздо сильнѣйшей степени способностью къ анализу и къ обобщенію, т.-е. къ основнымъ качествамъ ума, на которыхъ зиждется наука; въ этихъ свойствахъ они ничѣмъ не уступаютъ своимъ единовѣрцамъ береговъ Эльбы и Рейна, за исключеніемъ однакоже того отпѣнка заоблачной метафизичности, который порождаетъ Кантовъ и Гегелей. Нечего и говорить, что никогда англичанинъ не дошелъ бы до извѣстнаго варианта: *«домъ для дамы»*. Но за то сущность нравственныхъ обязанностей, естественныя условія ихъ происхожденія, ихъ объективная и субъективная реальность, равно какъ и постоянное стремленіе выяснить конечную цѣль ихъ, а именно, достиженіе счастья человѣческихъ обществъ и единицъ—вотъ что было предметомъ изслѣдованій и разработки, надъ которымъ англійскій гений трудился безустанно съ удивительнымъ постоянствомъ, со временъ Гоббса до Юма и Бентама.

Мы считаемъ доказательствомъ крайней неосторожности желаніе приписать Стюарту Миллю роль преемника и послѣдователя Огюста Конта и позитивной школы. Авторъ *«Очерка объ утилитаризмѣ»* ведетъ свою родословную по прямой линіи отъ Бентама, преемника Гельвеція и Дидерота, преемниковъ Гоббса. Вотъ настоящая его генеалогія. Что же касается Локка, на котораго такъ охотно ссылаются всѣ, то онъ былъ просто-на-про-

сто трусливымъ послѣдователемъ Гоббса съ «*нигилистическимъ*» лоскомъ, который опять позаимствовался, хотя не имѣетъ храбрости признаться въ этомъ, всѣмъ тѣмъ хорошимъ, что въ немъ имѣется, отъ могучаго автора «*Левіаана*».

Названные моралисты злоупотребили отчасти умозаключеніями и до нѣкоторой степени удалились черезчуръ смѣло отъ экспериментальнаго пути,—это неоспоримо; а что они, часто не имѣя вѣрной точки опоры, колебались въ своихъ выводахъ, тоже не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію. Но чтобы школа опытнаго метода и индукція пришли въ упадокъ въ рукахъ наслѣдниковъ Бэкона и Ньютона, это было бы фактомъ по истинѣ изумительнымъ. А между тѣмъ весь этотъ важный отдѣлъ исторіи развитія англійскаго мышленія совершенно оставленъ Тэномъ безъ вниманія.

Эта школа задалась не болѣе какъ «изученіемъ природы въ смыслѣ отмѣтки фактовъ», изъ суммы которыхъ она полагала, что состоитъ вселенная и, слѣдовательно, занялась исключительно статистикой естествовѣдѣнія. Она однако же возвысилась до отвлеченія и обобщеній, и изъ собранныхъ фактовъ вывела заключеніе о существованіи законовъ и этимъ самымъ основала науку. Новая теорія, которой, какъ кажется, суждено получить господствующее преобладаніе въ ученомъ мірѣ, теорія *измѣняемости* видовъ, обязана своей опредѣленной выработкой англичанину, Дарвину, имя котораго приобрѣло заслуженную извѣстность въ обоихъ полушаріяхъ. Другой изъ наиболѣе важныхъ основныхъ законовъ,—законъ равновѣсія и видоизмѣненія силъ, признанный современной наукой, выяснился также въ значительной степени, благодаря знаменитымъ трудамъ англійскаго ученаго Тиндалла, занимавшагося изслѣдованіями явленій теплоты. Затѣмъ, капитальныя розысканія Ляйелля и профессора Гексли въ областяхъ геологіи и антропологіи доставили первому воздвигающемуся храму науки одни изъ наиболѣе цѣнныхъ и необходимыхъ матеріаловъ. Въ настоящую минуту всѣ великіе англійскіе мыслители сопли уже въ могилу. Но вторая группа представителей знанія, имена которыхъ мы только-что назвали, находятся еще всѣ въ живыхъ, а нѣкоторые изъ нихъ даже въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и развитія таланта, и въ ихъ рукахъ, главнымъ образомъ, сосредоточивается теперь вся научная и философская слава ихъ отечества. Впрочемъ, эти двѣ отрасли мышленія (философія и естествовѣдѣніе) стремятся все болѣе и болѣе къ сліянію въ одно цѣлое, и философія возвращается къ своему древнему и естественному значенію, выразившемуся въ самомъ названіи ея—*sophia* (разумѣніе).

Главная и вполне самостоятельная заслуга Герберта Спенсера, первокласснаго англійскаго философа настоящей минуты, состоитъ въ попытѣ построить полную философскую систему на исключительныхъ данныхъ современной науки. Наука, это—владычица вселенной, доказавшая исторически свое могущество. Недавнія событія, обрушившіяся столькими бѣдствіями на латинскія національности, завершившіяся торжествомъ и преобладаніемъ Германіи, могутъ быть приведены здѣсь, какъ очевидные тому примѣры. Знаніе можно сравнить съ суровой и величавой женщиной, которая не расточаетъ небрежно своихъ ласкъ, и милости которой нужно умѣть завоевывать путемъ неусыннаго вниманія. Это плодovitая и щедрая мать, *alma parens*, но у ногъ ея необходимо поддерживать жертвенный огонь всѣмъ тѣмъ юнымъ расамъ, которыя мечтаютъ въ свою очередь захватить въ свои руки главенство надъ европейскими народами, т.-е., говоря иначе, стать во главѣ цивилизаціи. Наполеонъ I сказалъ по меньшей мѣрѣ глупость, когда утверждалъ, что Европѣ грозитъ опасность возвратиться къ варварству и подпасть подъ иго *des cosaques*. Въ такой формѣ его угроза никогда не сбудется. Но на основаніи научной теоріи «измѣняемости» можно ожидать, что вслѣдъ за преобладаніемъ въ Европѣ греко-латинскихъ и германскихъ расъ, наступитъ для другихъ очередь господствовать надъ цивилизованнымъ міромъ.

Въ области историческихъ наукъ, стремящихся все болѣе и болѣе къ научному синтезису, Англія, въ данный моментъ, утратила самыхъ крупныхъ современныхъ своихъ дѣятелей: Галлама, Грота, Маколея и Бокля. Два послѣдніе могли бы еще долгое время продолжать служить наукѣ, еслибы смерть пощадила ихъ. Въ особенности Бокль умеръ слишкомъ рано, не успѣвъ окончить величайшее историческое произведеніе девятнадцатаго столѣтія, свою «Исторію цивилизаціи Англіи». Изыщная словесность повесела тоже незамѣнимую потерю въ лицѣ двухъ величайшихъ романистовъ нашего времени: Диккенса и Теккерея. Изъ всей фаланги англійскихъ знаменитостей уцѣлѣлъ по сію пору одинъ Карлэйль, отличающійся отъ прочихъ писателей-соотечественниковъ германскимъ складомъ ума (я хочу сказать, что онъ наиболѣе склоненъ къ метафизическимъ и другимъ недостаткамъ германизма), что однако же не мѣшаетъ ему стоять въ рядахъ самыхъ гениальныхъ людей. По ширинѣ и глубинѣ затронутыхъ имъ вопросовъ, его творенія всегда останутся плодотворнымъ и заманчивымъ предметомъ изученія. Скажемъ въ заключеніе, что воистинно-защиты Теннисонъ и Свинбёрнъ стяжали Альбіону право,

—выражаясь принятымъ въ поэзіи языкомъ — занять почетное мѣсто и на Парнассѣ, въ обществѣ Аполлона и пресловутыхъ девяти сестеръ.

Считаю лишнимъ объяснять, что въ моемъ краткомъ перечнѣ я назвалъ лишь величайшихъ свѣтилъ, слава которыхъ безспорно будетъ увѣковѣчена потомствомъ. Но за ними еще стоитъ цѣлая толпа другихъ яркихъ талантовъ; дѣйствительно, я не смѣю назвать другую страну, гдѣ бы литературныя произведенія читались съ такой жадностью, какъ здѣсь. Воля ваша, а это фактъ вѣнаменательный, и бѣглый взглядъ въ область періодической прессы, мнѣ кажется, будетъ вовсе не лишентъ пользы и интереса.

Кромѣ ежедневныхъ, политическихъ газетъ, самыхъ распространенныхъ, какъ-то: «*Times*», «*Daily-Telegraph*», «*Daily News*», «*Standard*» и «*Pall-Mall Gazette*», существуетъ еще цѣлая масса другихъ періодическихъ органовъ печати, которые подраздѣляются на три большія группы, отличающіяся одна отъ другой внѣшними условіями ихъ изданія, т.-е. сроками выхода въ свѣтъ, и извѣстныя подъ именемъ *quarterly* (каждые четыре мѣсяца), *monthly* (ежемесячныя) и *weekly* (еженедѣльныя). Между первыми самое почетное мѣсто занимаютъ: «*Edinburgh Review*» — органъ партіи виговъ, основанный въ 1802 г. Сиднейемъ Смитомъ, Генрихомъ Бругамомъ и друзьями ихъ, въ которомъ первоначально печаталось большинство критическихъ очерковъ Маккоlea, и «*Quarterly Review*», журналъ торіевъ, основанный въ 1809 году. Эти два журнала, выходящіе по третямъ, читаются въ Англіи всѣми мыслящими людьми. Затѣмъ слѣдуетъ «*Westminster Review*», гораздо менѣе распространенный въ наше время, чѣмъ предыдущіе, и основанный нѣсколько позднѣе радикалами и послѣдователями Бентама. Потомъ идетъ «*British quarterly review*» (бывшій «*North British*»). Изъ ученыхъ специальныхъ журналовъ одинъ изъ главныхъ «*Quarterly journal of science*», а органомъ католиковъ служить «*Dublin Review*»; прочіе я обхожу молчаніемъ.

Ежемесячныя по большей части извѣстны подъ именемъ «*Magazines*» и посвящены изданію романовъ, повѣстей и проч. Таковы: «*Blackwood's Magazine*», «*Belgravia*», «*Tensley's*», «*Cornhill*», и т. п. Другіе, какъ «*Temple Bar*» и «*Macmillan's*», допускаютъ на страницы свои критическія статьи и сообщенія серьезнаго характера. «*Fraiser's Magazine*», издаваемый историкомъ Фраудомъ, по характеру своему наиболѣе подходитъ къ вашему журналу; въ ту же группу входятъ два новыя

журнала (основанные 1866—67 году), превосходящіе въ значительной степени по своему содержанію всѣ вышеисчисленные: «*Fortnightly*» и «*Contemporary Review*». Первый изъ нихъ состоитъ подъ редакціею извѣстнаго критика, друга Джона Стюарта Милля, Джона Морлея, и служитъ органомъ радикальной партіи, какъ въ философскомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи; въ немъ помѣщаются статьи свои позитивисты: Фредерикъ Гарриссонъ, Г. Беесли, Конгревъ, и радикалы, каковы гг.: Жозефъ Шамберленъ, Фаусеттъ, Поттеръ и другіе. «*Contemporary*» имѣетъ нѣкогда опредѣленную окраску и гостепріимно отерываетъ свои столбцы людямъ различныхъ мнѣній. Въ немъ, рядомъ съ прозою многочисленныхъ пасторовъ и епископовъ, печатаются статьи г. Гладстона, Герберта Спенсера, Гексли и другихъ. Въ обоихъ журналахъ статьи являются за подписью авторовъ, что, по моему мнѣнію, составляетъ весьма удачное нововведеніе, которое все нѣкогда и болѣе приобрѣтаетъ права гражданства. Большинство серьезныхъ произведеній, которыя нынѣ появляются отдѣльными изданіями, выступили впервые въ свѣтъ на страницахъ одного изъ двухъ этихъ журналовъ.

Изъ отдѣла «еженедельныхъ» я ограничусь указаніемъ на консервативную «*Saturday Review*» и либеральнаго «*Spectator*», въ которыхъ слѣдуетъ присоединить еще спеціальныя органы литературной критики «*Athenaeum*», изданіе чрезвычайно интересное и добросовѣстное, и «*Academy*» (научно-критическій журналъ), въ чемъ и считаю возможнымъ покончить, хотя въ перечнѣ многаго пропущено, не скажу лучшіе, но весьма распространенные. Я укажу только на самые выдающіеся изъ нихъ, и смѣло могу утверждать, что среднее число замѣчательныхъ статей, появляющихся еженѣщно, превышаетъ все, что обыкновенно думаютъ о этомъ предмету. Когда вспоминаешь, что во Франціи, напримеръ, существуетъ всего на все одно серьезное обозрѣніе: «*Revue des deux Mondes*», выходящее, правда, два раза въ мѣсяцъ, то только поражаешься той страшной разницѣ, которая въ наше время проявляется между литературною дѣятельностью этихъ двухъ странъ; скажу тоже и въ качественномъ отношеніи. Потребленіе представляетъ ту же картину. Безъ сомнѣнія, народъ, читающій много книгъ, и книгъ такого превосходнаго содержанія, не можетъ быть названъ иначе, какъ великимъ народомъ. Я не говорю о романахъ: за немногими исключеніями, это настоящая литература нашего отечества, которая можетъ быть сравнена только съ трагедіями и лягушками, насланными въ видѣ кары на древній Римъ. Сравненіе это вѣрно даже со стороны арифметической:

другой оцѣнки положительно нельзя придумать для этого общества. Вѣроятно представится случай, въ послѣдующихъ статьяхъ моихъ, высказать подробно мое мнѣніе и въ этомъ отношеніи. Но возвратимся къ новѣйшей книжной литературѣ и рассмотримъ ее по группамъ.

II.

Д. Стюартъ Милль: Three Essays on Religion (Nature, Utility of Religion and Theism); London, Longman's and Co. 1874. 8°, 237 pages. — *Гербертъ Спенсеръ*: The Study of Sociology; London, Henry S. King and Co, 1873. 8°. 423 p.; и *Essays scientific, political and speculative*, 1874. — *Ришардъ Конгрессъ*: Essays, political, social and religions, London, Longman's and Co. 1874. 8° 383. — *Мэтью Арнольдъ*: Literature and Dogma, London, Smith and Co. 1873. 8° XXXVI; 338 p. — *У. С. Ливингстонъ*: Principles of science, London. 1874. 2 vol. 8°.

Нельзя не считать особеннымъ счастьемъ случай, выпадающій мнѣ на долю, начать предполагаемую мною серію статей разборомъ произведенія великаго человѣка и ученаго. Это настоящая благодать, въ особенности для критика, потому что относительно самого автора позволено сомнѣваться, чтобы эти три новые очерка способны были прибавить что-либо къ ореолу славы, окружающему имя Д. Стюарта Милля. Впрочемъ, это общая судьба посмертныхъ сочиненій, съ весьма немногими исключеніями. Первые два очерка написаны, однаковоже, въ 1830—38 годахъ, какъ сообщаетъ это въ краткомъ своемъ предисловіи миссъ Эленъ Тейлоръ, падчерица автора. Третій очеркъ принадлежитъ болѣе близкому къ намъ времени: онъ помѣченъ 1870 годомъ, и не былъ еще вполне отдѣланъ и выправленъ С. Миллемъ.

Существуетъ ли слово, которымъ бы такъ злоупотребляли во все времена естати и неестати, какъ словомъ «природа»? Политическіе и философскіе трактаты, равно какъ и будничная болтовня—все треплутъ его во всевозможныхъ и самыхъ противорѣчивыхъ его значеніяхъ. Все оттѣнки мысли и различныя значенія его могутъ, по мнѣнію Д. Ст. Милля, быть сведены въ двѣ главныхъ опредѣленія: въ одномъ смыслѣ слово «природа» служитъ выраженіемъ суммы свойствъ міра объективнаго и субъективнаго, макрокосмоса и микрокосмоса со всеми явленіями, совершающимися въ ихъ сферѣ. Въ другомъ употребленіи оно обозначаетъ все совершающееся внѣ человѣка и лежащее за пределами его воли и разсудка. Въ какомъ изъ этихъ двухъ значеній употребляется слово, когда «природу» предлагаютъ людямъ за образецъ, которому слѣдуетъ подражать въ образѣ дѣйствій и...

говорятъ объ «естественныхъ законахъ», какъ о нравственномъ кодексѣ? Поставивши вопросъ такимъ образомъ, автору становится не трудно доказать, что предложеніе слѣдовать примѣру природы вполне ошибочно, такъ какъ человѣку нѣтъ выбора и онъ не властенъ изъять себя изъ-подъ ига физическихъ и нравственныхъ законовъ, управляющихъ внѣшнимъ міромъ и его собственной личностью. Въ другомъ смыслѣ, предложеніе это безнравственно и нераціонально, на томъ основаніи, что непредвидѣнный, но естественный ходъ событій представляетъ такую путаницу столкновеній и такой рядъ страшныхъ и разрушительныхъ катастрофъ, что предлагать ихъ за примѣръ, значить просто расчищать путь всеобщей разнузданности. Выводомъ изъ этого является для насъ прямая обязанность бороться всѣми силами противъ естественнаго и непосредственнаго порядка вещей, и стараться смять его неумолимую жестокость (ст. 64).

Такой выводъ, очевидно, изъ рукъ вонъ слабъ въ философскомъ отношеніи, и его менѣе всего можно было ожидать отъ такого свѣтлаго ума. Но, съ другой стороны, онъ проистекаетъ отъ недостатка, присущаго всей школѣ логиковъ, въ которой принадлежитъ Стюартъ Милль. До сей поры послѣдній ни разу еще не занимался предметомъ, въ которомъ этотъ пробѣлъ становился бы ощутительнымъ. Заблужденіе, вкравшееся въ его разсужденія, вполне разоблачается сравненіемъ, въ которому онъ прибѣгаетъ, когда онъ для примѣра приводитъ дѣйствіе человѣка, проглатывающаго пищу, и другого, глотающаго ядъ (ст. 16). Нѣтъ сомнѣнія, что оба дѣйствія и послѣдствія ихъ совершаются по всѣмъ правиламъ законовъ природы; но вполне ошибочно предлагать подчиняться имъ. Что же касается до приглашенія бороться противъ этихъ законовъ или стремиться улучшить ихъ, то это уже просто противонаучно. Въ настоящемъ смыслѣ слова, «естественно» можетъ быть одно, это—глотать пищу съ цѣлью питаться; глотать же ядъ будетъ всегда поступкомъ по преимуществу «противоестественнымъ». Затѣмъ, когда такой поступокъ произошелъ, а ядъ, введенный въ тѣло, производитъ свое естественное дѣйствіе органы, медикъ, призванный на помощь къ больному, прилетѣть къ дѣятельности другого естественнаго закона для устранения перваго. Конечно, гораздо лучше пахать землю, строить дома и одѣваться въ платья, чѣмъ питаться желудями, ходить босикомъ и жить подъ открытымъ небомъ: авторъ безъ труда полагаетъ, что Руссо и теоретики его зачала по этому вопросу. Но брать этотъ примѣръ какъ противопоставленіе естественному. Знакомство съ теоріею «измѣняемости»

объяснило бы Стюарту Миллю, что для человѣка равно естественно ѣсть какъ хлѣбъ, такъ и желуди, и что вся разница тутъ въ степени развитія. Можно было бы даже утверждать, что человѣкъ цивилизованный, говорящій по-англійски или по-русски, и наслаждающійся бокаломъ шампанскаго, гораздо цѣльнѣе и ближе къ «природѣ» въ извѣстномъ смыслѣ, чѣмъ дикарь, выпускающій безсвязныя взвизгиванія, пожирая себѣ подобнаго. Аристотель удивительно ясно понималъ эту истину, когда опредѣлялъ человѣка слѣдующими чертами: «животное, предназначенное къ существованію въ обществѣ, естественно склонное къ общежитію». Мы вовсе не хотимъ сказать этимъ, что все существующее въ настоящемъ видѣ было бы прекрасно, и можно только рукоплескать автору за его оппозицію ложной идеѣ о естественной и прирожденной добротѣ. Но только путемъ сопоставленія и столкновений естественныхъ явленій возможно устраненіе дурныхъ вещей и усовершенствованіе слабыхъ сторонъ, исчезающихъ или видоизмѣняющихся въ силу закона «естественнаго подбора».

Въ двухъ слѣдующихъ очеркахъ «*О пользѣ религій*» и «*О деизмѣ*» Стюартъ Милль приходитъ къ еще болѣе неожиданнымъ выводамъ. Вслѣдъ за доказательствами, приводимыми имъ въ безполезности религій во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ до сихъ поръ старались указывать ея необходимость, разбивши въ прахъ понятіе о верховномъ и всемогущемъ существѣ, онъ переходитъ къ признанію возможности существованія высшаго разума, управляющаго вселенной и одареннаго безграничною властью. Отрицая радикально возможность доказать безсмертіе души, онъ допускаетъ однакоже надежду на вѣроятіе будущей жизни, которая однакоже такъ же мало подлежитъ доказательству, какъ и первое. Подобная надежда является, между тѣмъ, весьма сильнымъ подспорьемъ той религій, «реальной религій хотя чисто человѣческаго происхожденія, которая является то подъ именемъ религій человѣчества, то подъ титуломъ религій долга». — Вотъ тотъ свѣтъ, которымъ освѣщаются въ нашихъ глазахъ, въ этомъ произведеніи «съ того берега», великая тѣнь автора «*Логикъ*» и «*Политической экономіи*». Но эта новая черта не имѣетъ въ себѣ ничего поразительнаго для cadaго, кто изучалъ внимательно С. Милля въ его сочиненіяхъ, и преимущественно для тѣхъ, кому знакома, во всѣхъ отношеніяхъ интересная, его «Автобіографія». По темпераменту онъ могъ бы легко сдѣлаться мистикомъ; но уроки отца, суроваго и положительнаго Джемса Милля, направили его твердою рукою на путь науки. Повидѣе, въ пору горькой утраты любимой подруги, память которой онъ окружилъ

такимъ неуязвимымъ вѣнкомъ славы, естественныя наклонности его необыкновенно-изящной души, такъ долго подавляемыя, вылились наружу и оказали сильное вліяніе на его образъ мыслей и на его манеру писать. Что жизнь, въ современной ей рамѣ, показалась ему не слишкомъ щедрой, какъ на раздачу личнаго счастья, такъ и на удовлетвореніе личнаго достоинства, это—увы!—можетъ, вѣжется, подтвердить опытъ большинства людей. Это вопль разбитаго сердца, уязвленнаго въ его самыхъ дорогихъ привязанностяхъ. И если духовенству (чёрчмэнъ) свойственно продолжать проклинать его, то философы, смѣемъ надѣяться, не слишкомъ строго осудятъ его за попытку «свести сверхъестественное изъ туманныхъ пространствъ вѣры, въ область простой надежды». Нечего и говорить, что для шаткихъ и слабыхъ умовъ это положеніе рискованное: это раскрытая настѣжь дверь для многихъ заблужденій.—Я полагаю, впрочемъ, что самъ авторъ не выпустилъ бы въ свѣтъ своего труда въ его настоящемъ видѣ и уничтожилъ бы все, что въ немъ есть субъективнаго и идущаго въ разрѣзъ съ общимъ колоритомъ книги. Но что бы тамъ ни было, нельзя не сказать однако, что здоровыхъ и интересныхъ вещей бездна найдется и здѣсь; книгу эту слѣдуетъ прочесть всекому, кому дороги интересы философіи и человѣческой мысли.

Гербертъ Спенсеръ принадлежитъ многими сторонами своими къ школѣ Д. Стюарта Милля: они оба, по общепринятому на континентѣ понятію, считаются позитивистами. Извѣстному французскому мыслителю Огюсту Конту, основателю «*позитивной философіи*» выпалъ на долю счастливый жребій: общественное мнѣніе записало въ ряды его послѣдователей массу замѣчательныхъ людей, которые, въ сущности, далеко не раздѣляютъ всѣхъ его воззрѣній. Доктрина позитивной философіи, во многихъ отношеніяхъ, есть возрожденіе философіи XVIII столѣтія и сенсуализма, и съ этой точки зрѣнія она не представляетъ ничего оригинальнаго. Собственная заслуга ея заключается въ опредѣленіи границъ человѣческаго ума въ познаніи первичныхъ причинъ. Мы можемъ знать только «относительное», и всегда за предѣлами знанія будетъ оставаться нѣкое *quid ignotum*, недостижимое объясненію. Настоящая мудрость состоитъ въ умѣннѣ останавливаться передъ этимъ завѣтнымъ порогомъ, на вѣки недоступнымъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Огюстъ Контъ запрещалъ астрономамъ заниматься разложеніемъ туманныхъ звѣздъ; палеонтологамъ выискивать причины возникновенія земного шара, мѣшая, такимъ образомъ, еслибы его послушались, осуществленію тѣхъ открытій, благодаря которымъ создавалась новая геологія. Дѣйстви-

тельно, сомнительно, чтобы человекъ достигъ когда-нибудь до полнаго знанія вселенной, но каждое усиліе ежедневно насъ подвигаетъ къ этой цѣли, и тотъ плохо знаетъ природу человѣческаго ума, кто думаетъ остановить его препятствіемъ въ родѣ заповѣданной границы. Задача вовсе не въ томъ, чтобы убѣдить искателя знанія, что кромѣ «относительнаго» онъ не можетъ узнать ничего, но въ доказательствѣ ему, что въ мірѣ ничего не существуетъ, исключая явленій и законовъ, сумма которыхъ, развѣ исполнѣ разъясненная, составитъ полное знаніе, безъ дальнѣйшаго *desideratum*'а.

Гербертъ Спенсеръ—позитивистъ чистой крови, наслѣдовавшій въ этомъ отношеніи воззрѣнію Юма и скептиковъ. Въ его глазахъ всѣ «объективные порядки», вытекающіе изъ «субъективныхъ измѣненій», не только неизвѣстны теперь, но и никогда не могутъ быть изучены. Отбросивъ этотъ пунктъ, важность котораго нельзя отрицать, слѣдуетъ признать тѣмъ не менѣе, что задача, избранная имъ, громадна; онъ предпринялъ построение синтезиса всѣхъ наукъ, т.-е. повторилъ попытку, сдѣланную до него Огюстомъ Контомъ. (См. *Cours de Philosophie positive*). Изданы уже «Первыя основанія», составляющія нѣчто въ родѣ общаго введенія, затѣмъ «Основы Біологіи» и наконецъ «Основы Психологіи». Укажемъ здѣсь встать на одну характеристическую черту философіи Огюста Конта, именно на то, что онъ создалъ науку объ обществѣ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, окрестивъ ее равно новоизобрѣтеннымъ именемъ «*sociologie*». Что явленія общественной жизни подчинены, какъ и все прочее, опредѣленнымъ законамъ,—было предугадано давно великими умами; въ сущности, «Политика» Аристотеля не что иное, какъ настоящій трактатъ о *sociologie*. Но, произнеся громогласно новое свое слово, Огюстъ Контъ оказалъ дѣйствительную и важную услугу тѣмъ, что онъ указалъ и опредѣлилъ цѣль, условія и элементы настоящей *sociologischer* науки. Послѣ біологіи и психологіи, Гербертъ Спенсеръ приступилъ къ разработкѣ *sociologie*, и новая книга его, только-что вышедшая въ свѣтъ: «*Study of Sociology*» составляетъ не болѣе, какъ введеніе къ изслѣдываемому имъ предмету. Книга эта, появившаяся въ ряду изданій «*Serie scientifique internationale*» («Международной Библиотеки») представляетъ собою счастливое соединеніе всѣхъ ярыхъ качествъ автора: громадные научныя знанія, логичность и необыкновенную ясность изложенія. Правда, что и обычные недостатки его проглядываютъ здѣсь тоже: я говорю о нѣкоторой туманности его концепцій, объ его манерѣ повторяться и нагромождать примѣры до излишества, вслѣдствіе

которой, въ концѣ-концовъ, часто запутываешься въ деталяхъ и невольно теряешь изъ виду главную сущность. Авторъ особенно удачно опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, кто не признаетъ за соціологіей права на званіе науки. Онъ налегаетъ очень сильно на «коньки» (bias), т.-е. субъективныя, теологическія, политическія и т. п. пристрастія, которыя мѣшаютъ большинству людей правильно видѣть настоящее значеніе предмета; большинство смотритъ на факты сквозь призму своего личнаго міровоззрѣнія или сквозь массу предразсудковъ и фальшивыхъ идей, которыми обстоятельства засорили его мозгъ.—Словомъ, невзирая даже на недовѣріе, съ которымъ весьма многіе относятся къ судьбамъ соціологической науки, книга Спенсера читается, и мы совѣтуемъ читать ее. Критика обязана сказать безпристрастно, что это одно изъ самыхъ капитальныхъ явленій литературы въ данный моментъ.

Вслѣдъ за этимъ мы перейдемъ къ разбору труда одного настоящаго позитивиста, — явнаго и дѣйствительнаго ученика Огюста Конта. Всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно, что этотъ талантливый мыслитель, къ концу своей жизни, поддался искушенію дополнить свою философскую систему основаніемъ новой религіи—«религіи человѣчества». Извѣстны его отношенія, впрочемъ, самаго чистаго характера, къ одной симпатичной женской личности, горькая доля которой, окружая ее ореоломъ страданій, глубоко тронула сердце суроваго философа, а любовь привела его къ совершенно новому направленію. Сантиментальность и нравственность заняли съ этого момента мѣсто, которое до этого періода принадлежало всецѣло научному методу. Огюстъ Контъ, всегда увлекавшійся ролью, которую католичество играло въ средніе вѣка, черпалъ, конечно, изъ этого источника свои вдохновенія, когда въ свою религію безъ божества онъ втискивалъ свою троицу, состоящую изъ человѣчества, земли (великаго фетиша) и пространства (великой среды). Культъ человѣчества, почести, воздаваемыя памяти умершихъ великихъ людей, предшествовавшихъ намъ и послужившихъ на пользу общую, вещи сами по себѣ весьма похвальные и нравственныя; на эту-то религію Стюартъ Милль и дѣлаетъ многочисленныя намеки въ своемъ сочиненіи. Къ несчастью, возведеніе различныхъ мелочей, по меньшей мѣрѣ ненужныхъ, на степень догматовъ и полнѣйшая переимѣна прежняго метода, оттолкнули отъ учителя большинство его послѣдователей, и онъ оставленъ былъ почти одинъ въ эту жалкую эпоху его умственной дѣятельности. Зато позитивная церковь можетъ гордиться если не многочисленностью, то горячимъ усердіемъ своей паствы. Глава религіи, наслѣдовавшій отъ Конта званіе духов-

наго руководителя «Запада», — г-нъ Лаффиъ; онъ жительствоуетъ въ Парижѣ, столицѣ «Западной республики». Какъ видите, Россія пока не включена въ число правовѣрныхъ. Въ Лондонѣ группа приверженцевъ позитивной религіи состоитъ не болѣе какъ чело-вѣкъ изъ пятнадцати. Но эти пятнадцать именъ почти всѣ пользуются извѣстностью и уваженіемъ, какъ въ обществѣ, такъ и въ прессѣ. Во главѣ ихъ находится Ричардъ Конгревъ, замѣчательно умный писатель, и чело-вѣкъ вполне преданный своимъ убѣжденіямъ. Онъ съ истинно-апостольскимъ рвеніемъ и съ полнымъ достоинствомъ исполняетъ обязанность руководителя маленькой паствы, вѣренной его попеченію.

Компактный томъ, изданный имъ недавно подъ заглавіемъ «Essays» (политическіе и религіозные очерки), представляетъ не-оцѣненное приобрѣтеніе для желающихъ познакомиться основательно съ характеромъ и воззрѣніями этой философской школы. Исключая нѣкоторыхъ специальныхъ статей по общимъ вопросамъ, книга преимущественно состоитъ изъ проповѣдей — какъ самъ авторъ называетъ рѣчи, читанныя имъ на собраніяхъ позитивистовъ, происходящихъ по болѣе части по поводу празднованія новаго года. Въ этихъ рѣчахъ высказываются мнѣнія автора и группы его единовѣрцевъ, относительно всѣхъ крупныхъ вопросовъ внѣшней и внутренней политики. Читатели вѣроятно нѣсколько удивятся, узнавъ, что позитивисты обращаются къ англійскому правительству съ приглашеніемъ отказаться отъ Гибралтара, Ирландіи и Остъ-Индскихъ владѣній, не взирая ни на какія матеріальныя неудобства, могущія отъ этого воспослѣдовать. Причина такого совѣта лежитъ въ принципѣ подчиненія политики законамъ справедливости, или говоря еще проще, потому что этого требуетъ формула новаго вѣроисповѣданія: *принципъ любви*. Евангельское милосердіе превзойдено, но я полагаю, что Россія не особенно вознегодовала бы за осуществленіе совѣта позитивной церкви — преимущественно въ пунктѣ, касающемся отказа отъ индійскихъ владѣній. Но шутки въ сторону, просто досадно видѣть талантливаго чело-вѣка, завлеченнаго искренними вѣрованіями въ ложную теорію и такъ непростительно погрѣшающаго противъ принциповъ истинной политики и истинной справедливости, — которые однакоже оцѣнены имъ самымъ съ такимъ блескомъ въ его превосходномъ изданіи аристотелевской «Политики», явившейся въ повторенномъ изданіи на этихъ дняхъ. Послѣ всѣхъ сдѣланныхъ оговорокъ, я спѣшу прибавить, что книга, столь интересная съ точки зрѣнія объясненія доктрины, кромѣ того, пере-

полнена фактами и замѣтками, дышащими талантомъ и знаніемъ.

Обращаясь къ м-ру *Мэтью Арнольду*, мы не выходимъ изъ области науки и философіи, хотя и вступаемъ на болѣе специальную почву. Достойный критикъ и писатель, заслужившій свой успѣхъ, Мэтью Арнольдъ, бывшій профессоръ поэзіи при Оксфордскомъ университетѣ, произвелъ страшную сенсацію своей книгой «*Litterature and Dogma*». Онъ вызвалъ бурю, даже скажу болѣе, произвелъ настоящій скандалъ, шумъ котораго до сихъ поръ не можетъ улетѣть. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе его книги:—религія,—по выраженію М. Арнольда,—въ сущности не что иное, какъ нравственный кодексъ, облагороженный чувствомъ и прекрасно выраженный словомъ: справедливость (*righteousness*). То, что въ обыденной жизни называется «правилами» и «поведеніями»,—на философскомъ языкѣ «нравственностью», то обозначается терминомъ «справедливость» въ духовной рѣчи. Въ настоящее время теологи принимаютъ въ *догматическомъ* смыслѣ всѣ обороты рѣчи, употребленные ап. Павломъ въ чисто литературномъ значеніи: какъ-то, напримѣръ: *благодать*, *справданіе* и проч. Это громаднѣйшая ошибка, по мнѣнію Арнольда. Когда библія говоритъ намъ неустанно о *справедливости* (*righteousness*), то слѣдуетъ понимать, что она толкуетъ объ истинѣ и о честности, составляющихъ главную цѣль религіи. Поведеніе и нравственность составляютъ сущность трехъ-четвертей человѣческаго существованія: религія беретъ на себя удовлетворить имъ. Четвертая четверть—принадлежитъ области умственной дѣятельности изящныхъ искусствъ. Характеристическая черта библіи и еврейскаго народа, равно какъ и главная заслуга ихъ, это то, что они отвѣчали на эту насущную потребность: опредѣляли нравственность, справедливость и регламентировали поведеніе. Богъ, по понятіямъ евреевъ, это—«вѣчный принципъ», существующій внѣ насъ и «толкающій насъ на путь истины». Вотъ точное и вполне религіозное толкованіе ихъ убѣжденій. Евреи и библія заслуживаютъ глубокаго уваженія во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ никто не сдѣлалъ болѣе этого народа и болѣе этой книги для установленія хорошаго поведенія и нравственности.

Такова суть остроумной, но весьма ненаучной теоріи, подъ которой является современный англійскій скептицизмъ. Въ книгѣ Мэтью Арнольда много повтореній и немало переливаній изъ пустого въ порожнее, что очень вредитъ существеннымъ сторонамъ сочиненія, которому тѣмъ не менѣе слѣдуетъ отвести почетное мѣсто между продуктами современнаго мышленія. Какъ я

уже говорилъ выше, критическіе разборы до сихъ поръ не умоли, они полны брани, жалобъ, восторговъ, словомъ—страсти вспыхнули и еще не улеглись. Впрочемъ, все это гораздо слабѣе проявляется, чѣмъ ураганъ, поднятый во Франціи появленіемъ «Жизни Христа» Ренана. Здѣсь же можно ожидать развѣ того, что какой-нибудь теологъ изъ «широкой церкви» (Broad Church) усвоитъ заключенія М. Арнольда и обратитъ ихъ, во славу библіи, на пользу собственнаго кармана.

Затѣмъ, по порядку мы обязаны теперь перейти къ «*Principles of Science*, м-ра *Левонса*, о которомъ я упоминаю съ исключительной цѣлью предупредить читателей журнала не увлекаться пышными обѣщаніями заголовка. Съ другой стороны, на это сочиненіе можно указать какъ на рельефный примѣръ умопомраченія, до котораго можетъ довести злоупотребленіе логикою, — отраслью знанія, которой здѣсь склонны придавать преувеличенное значеніе. Эти, такъ-называемые, «*основы науки*», по проверкѣ оказываются простыми образцами построенія силлогизмовъ, для выработки которыхъ изобрѣтена даже машина и сообщенъ способъ ея употребленія. Не думайте, чтобы я фантазировалъ: модель машины приложена къ книжкѣ, на рисункѣ изображенъ буфетный шкафъ, съ фортопьянною клавиатурою, придѣланною къ нижней его части. Взявши, на примѣръ, пластинки, помѣченныя буквами *A* и *B*, изображающими любя извѣстны вамъ посылки, вы опускаете ихъ въ кассу, приложенную *ad hoc*; затѣмъ преспокойно перебираете пальцами по клавишамъ и получаете выводъ *C*, выскакивающий въ опредѣленный моментъ. Такимъ манеромъ *разыгрывается* рѣшеніе умственной задачи съ тою же легкостью, какъ какой-нибудь мотивъ изъ «*La fille de m-me Angot*» или «Гугенотовъ» — смотря по вкусу виртуоза. Я не отчаиваюсь — со временемъ машина эта будетъ усовершенствована; къ ней даже теперь слѣдовало бы придѣлать валъ, и тогда только знай, верти шарманку, и дѣло будетъ въ шляпѣ. Далѣе, въ этомъ сочиненіи показано, какъ слѣдуетъ поступать въ томъ случаѣ, если желаешь получить опредѣленіе состава поваренной соли, или встрѣтится въ жизни необходимость осѣдо-миться на счетъ хлористаго натрія и его свойствъ: давать кристаллы кубической формы и не давать двойного лучепреломленія. Совѣтъ простъ; логичнѣе всего написать на билетикѣ $A=B$. С. D. Конечно, съ условіемъ, чтобы подъ *A* разумѣлась поваренная соль, *B* означалъ бы хлористый натръ и пр. М-ръ *Левонс*, придя къ убѣжденію, что аристотелевскіе приемы устарѣли, предлагаетъ цивилизованному міру свой методъ, рассчитанный въ

особенности для ученыхъ, которые плохи по части разсужденія и нуждаются въ отрицательныхъ теоріяхъ въ родѣ «измѣняемости» и прочихъ лжеученіяхъ. Если я позволилъ себѣ остановиться на этомъ сочиненіи, то я сдѣлалъ это, во-первыхъ, потому, что оно служитъ выраженіемъ очень распространенной тенденціи, а во-вторыхъ, на томъ основаніи, что авторъ—членъ Королевскаго Общества и профессоръ логики и политической экономіи въ знаменитомъ «Owen's College», въ Манчестерѣ!

По недостатку мѣста, я рѣшаюсь отложить до другого раза рѣчь о книгѣ чрезвычайнаго интереса, касающейся религіозной эзегетики: «*Supernatural Religion*». Ограничиваюсь сообщеніемъ заглавія книги; она представляетъ два тома in-8°, изданіе Longman'a. Выводы автора отрицательнаго направленія. Но всѣ единогласно признаютъ, что этотъ трудъ — капитальное приобретеніе. Онъ особенно замѣчателенъ по богатству собранныхъ въ немъ цитатъ и выписокъ. Авторъ ея пожелалъ сохранить неизвѣстность. Мы надѣемся вскорѣ возвратиться къ нему.

III.

Гюиттъ Кей: Language, its origin and development; London, George Bell, 1874, 8°. — Исаакъ Тэйлоръ: Etruscan researches. London. Macmillan, 1874, 8°. 388 p.

Англичане большіе любители филологіи; они, по національному выраженію, „very fond“ (очень любятъ) эту науку. И если она не составляетъ ихъ личнаго достоянія, то нашла совершенно подготовленную для себя почву, когда была пересажена къ намъ съ континента. Филологическое увлеченіе простирается съ этой стороны даже до того, что они натурализировали, безъ сомнѣнія, въ переносномъ смыслѣ, нѣмецкаго филолога Макса Мюллера, также какъ французы усыновили Жюля Опперта. Помимо этого, ихъ собственные оригинальные труды совершенно второстепеннаго достоинства (исключая развѣ Кольбрука и Уильсона по санскритскимъ нарѣчіямъ); тѣмъ не менѣе нельзя не поощрить похвалой благороднаго рвенія, съ которымъ они оспариваютъ у своихъ могущественныхъ прирейнскихъ противниковъ обладаніе этою областью науки.

Сочиненіе м-ра Гюитта Кей, профессора „University College“ заслуживаетъ занесенія его въ число почтенныхъ изданій по этому предмету. Авторъ гораздо подробнѣе занимается развѣтѣмъ языковъ, тѣмъ происхожденіемъ ихъ. Но тѣ немногія

страницы, которыя посвящены послѣднему капитальному пункту, весьма дѣльны и въ высшей степени интересны. «Едва ли можно сомнѣваться въ томъ,—говорить Дарвинъ, (см. «О происхожденіи человѣка», стр. 20, русскаго изданія, «Знаніе», 1871. *Descent of man*, т. I, стр. 56),—что человѣческій языкъ обязанъ своимъ происхожденіемъ подражанію и измѣненію различныхъ звуковъ окружающей природы, криковъ, издаваемыхъ животными и инстинктивныхъ голосовыхъ звуковъ, свойственныхъ самому человѣку». Максъ Мюллеръ прочелъ нѣсколько лекцій съ цѣлью опровергнуть это мнѣніе. Въ его глазахъ четыреста или пятьсотъ корней, составляющихъ основные элементы слова, ведутъ начало отъ голосовыхъ прототиповъ, заложенныхъ въ самую глубину человѣческой природы могучею волею Провидѣнія. Это все тотъ же споръ, то же противопоставленіе *интуитивнаго* (сверхъестественнаго вмѣшательства)—*экспериментальному*. Профессоръ Гьюитъ, на склонѣ долгой научной карьеры своей, посвященной разработкѣ высшихъ филологическихъ вопросовъ, становится окончательно на сторону Дарвина и за экспериментальный методъ. По его мнѣнію, человѣческій языкъ первоначально состоялъ исключительно изъ «подражанія звукамъ природы» (стр. 22). Его книга не должна оставаться неизвѣстною тѣмъ, кто слѣдитъ за разрѣшеніемъ задачъ филологіи.

Исаакъ Тэйлоръ и его новое сочиненіе пользуются гораздо бѣльшимъ вниманіемъ публики. „*Etruscan researches*“, появившіяся съ годъ тому назадъ, надѣлали много шума, не прекратившагося до сихъ поръ; съ злосчастной минуты выхода въ свѣтъ этой книги, ни одинъ нумеръ „*Атенеума*“ не обходится безъ полемическихъ статей, успѣвшихъ порядочно-таки набить всѣмъ оскомину этрусскимъ вопросомъ и *тосканельскими игральными костями*. Кости Тосканеллы—вотъ конекъ автора и фокусъ, на которомъ держится вся его система. Дѣло заключается въ слѣдующемъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Тосканеллѣ были отысканы двѣ игральныя кости, этрусскаго происхожденія, съ надписями по шести плоскостямъ, состоящими изъ словъ: *Максу-у-цаль-тлутъ-ки-са*, что Исаакъ Тэйлоръ немедленно призналъ, безъ дальнѣйшихъ колебаній, за цифры: 1, 2, 3, 4, 5 и 6. Между тѣмъ, теперь д-ръ Корсинъ (*On the speech of the Etruscans*) утверждаетъ, что настоящее значеніе этой надписи: *Magnus donarium hoc cisorio fecit*. А лордъ Крауфордъ, въ свою очередь, толкуетъ ее еще иначе, и увѣряетъ, что она должна читаться такъ: «*да упадетъ кость Юпитера на число двѣнадцать*». Въ виду этихъ трехъ вариантовъ, да позволено будетъ критикѣ обви-

ружить нѣкоторую дозу скептицизма и помедлить съ своимъ приговоромъ. Докторъ Корсинъ относитъ этрусскій языкъ къ италійскимъ нарѣчіямъ. Другой сотрудникъ «Атенеума», лордъ Крауфордъ (см. 11 апрѣля 1874 г.), настаиваетъ на томъ, что по всѣмъ даннымъ, разработаннымъ, языкъ этотъ — арійскаго корня, и составляетъ его вѣтвь на ряду съ «тервингскимъ нарѣчіемъ ви-зиготовъ», тюрингенцевъ, населяющихъ центральную Германію, и «тюрескихъ племенъ, обитающихъ въ Скандинавіи». На что Исаакъ Тейлоръ побѣдоносно и восторженно возражаетъ, признавъ себя въ нѣкоторомъ родѣ новымъ Архимедомъ, что этрусскій языкъ просто-на-просто вѣтвь «угрскаго» (алтаическаго); отъ туранскаго корня. «Развѣ это будетъ слишкомъ смѣло», — вопрошаетъ онъ, «усматривать въ греческомъ выраженіи „*Tyrrhenus*“ тождество съ персидскимъ словомъ «*Тюранъ*»?» (стр. 26).

Конечно, слишкомъ смѣло, и не черезчуръ ли даже смѣло? — спросимъ мы въ свою очередь. Что касается меня, то я вовсе не намѣренъ брать на себя разрѣшеніе этого вопроса и даже допускаю возможность, что будущее вполне оправдаетъ мнѣніе г-на Тейлора. Но, въ настоящую минуту, нельзя же отрицать, что задача все же остается нерѣшенной и что аргументы, приводимые имъ въ подтвержденіе своего заявленія, не подвигаютъ дѣла ни на шагъ впередъ. Я не сталъ бы такъ подробно распространяться объ этой книгѣ, еслибы она не надышала такого переполоха и англійская пресса не высказала бы по отношенію къ ней поистинѣ возмутительной снисходительности. Критическій отдѣлъ въ ежедневныхъ и еженедѣльных изданияхъ у насъ плохъ до невѣроятія. Это видно уже изъ того, что г-нъ Тейлоръ вообще и обвиняли за шаткость и блѣдность его специальныхъ лингвистическихъ аргументовъ, но зато осыпали комплиментами по поводу той ловкости, съ которой онъ сдѣлалъ, съ помощью индукціи, начертать цѣлую картину нравовъ, религіи и характеристическихъ чертъ этрусской народности.

Для примѣра мы приведемъ здѣсь нѣсколько образчиковъ такихъ остроумныхъ наведеній. «Быть можетъ, — говоритъ онъ, — не безосновательно было бы предположить, что причиною огромнаго превосходства римлянъ надъ прочими арійскими расами былъ туранскій элементъ, ассимилированный этимъ народомъ» (стр. 64). И затѣмъ, далѣе: «быть можетъ, справедливо было бы предположить, что современные изящныя искусства въ Европѣ обязаны многимъ этрускамъ, передавшимъ потомкамъ путемъ наслѣдства свои инстинкты къ художественному употребленію формъ и

красокъ» (стр. 66). «Взгляните на великихъ живописцевъ Италіи, почти всѣ они родились на территоріи древней Этруріи. Правда, есть исключенія, Тиціанъ, напримѣръ; но это исключеніе только кажущееся, потому что это имя одно изъ наиболѣе часто повторяющихся въ надписяхъ на этрусскихъ надгробныхъ памятникахъ!!» Что же остается говорить послѣ этого; приходится сложить оружіе и оплакивать неумѣстный патріотизмъ, заставляющій людей рукоплескать подобнымъ шутовскимъ выходкамъ. Я говорю такъ, вовсе не желая уронить личность автора, убѣжденія котораго слишкомъ наивны для того, чтобы возможно было допустить тѣхъ сомнѣній относительно ихъ искренности. Но наука требуетъ отъ своихъ дѣятелей болѣе серьезнаго обращенія съ ней, и представители ея обязаны имѣть за душой нѣчто болѣе положительное, чѣмъ искренность и усердіе.

Что же касается до лингвистическаго вопроса и туранскихъ народностей, то это все еще погружено во мракъ. Нѣтъ сомнѣнія, что время и новыя изслѣдованія внесутъ значительныя измѣненія къ лучшему въ разрѣшеніи этой задачи, къ которой слишкомъ поверхностно отнесся Максъ Мюллеръ. По моему мнѣнію, совершенно ошибочно то, что оставляются въ полномъ пренебреженіи первобытныя племена, появившіяся повсемѣстно въ Европѣ въ эпоху каменнаго періода. Если эти народы были именно то туранское племя, о которомъ упоминаетъ Тэйлоръ, то несомнѣнно они существовали въ Италіи такъ же, какъ и въ другихъ странахъ, и въ этомъ смыслѣ вѣрно, что они доставили первый слой населенія на этрусской территоріи, равно какъ они же населили впервые территорію Испаніи и другія. Но въ какой моментъ выдѣлилась изъ этого первичнаго населенія цивилизація Этруріи? Къ какой эпохѣ принадлежитъ фактъ смѣшенія ея сарійскими завоевателями? Вотъ, на эту-то сторону вопроса необходимо пролить свѣтъ, и, конечно, изслѣдователи откроютъ и въ этомъ данномъ случаѣ, какъ это уже совершилось относительно ассиріянь—смѣшеніе расъ, что до нѣкоторой степени сольется во-едино, къ общему благополучію, всѣ разнорѣчивыя утвержденія гг. Корсина, Крауфорда и Тэйлора.

III.

Профессоръ Карнсъ: Some leading principles of political Economy, newly expounded: London, Macmillan, 1874, 8°.—*Г. Маудслей*: Responsibility in mental diseases; London, Henry King. 1874, 8°, 312 p.

Если существуетъ на свѣтѣ заносчивая секта, вѣчно готовая къ разглагольствованію, печатающая нескончаемый рядъ книгъ и брошюръ, изъ которыхъ самая ничтожная имѣетъ претензію принадлежать міру всеврачающую панацею—секта столь же нищая, какъ богатая старымъ и вѣчно пережевывающимся хламомъ—то это именно синклетъ экономистовъ настоящихъ, прошлыхъ, и чуть-чуть не обмолвился, сказавши — будущихъ. Неспособные примириться съ скромной ролью людей полезныхъ, — шикомъ ничтожной, по ихъ разумѣнію—но тѣмъ не менѣе предначертанной имъ самой сутью ихъ занятій, они стремятся управлять міромъ, подчиненнымъ исключительно, какъ увѣряютъ они, законамъ спроса и предложенія, или закону капитала—труда—свободы торговли, а равно, по ихъ же мнѣнію, покровительственной системѣ. Мы не находимъ возможности установить между ними какихъ-нибудь различій: самые радикальные, называющіеся самыми ретроградными, одинаково ослѣплены относительно значенія своей науки, которая въ ихъ глазахъ обнимаетъ все политическое, нравственное и социологію.

Считаемъ лишнимъ объяснять, что наша оцѣнка не можетъ сводиться къ замѣчательнымъ людямъ, которые, какъ Адамъ Смитъ и Стюартъ Милль, были не только экономистами, но и философами. Мы не имѣемъ въ виду отрицать также дѣйствительную пользу политической экономіи, науки приобрѣтенія и произведенія богатствъ, основанія которой были заложены еще самимъ Аристотелемъ. Всѣ наши требованія отъ ея приверженцевъ заключаются въ томъ, чтобы они не забывали ни своего мѣста, ни своей роли, и не стремились къ узурпаціи, непригодныхъ для экономистовъ ролей, философовъ и моралистовъ.—Выяснивъ положеніе вещей съ надлежащей точки зрѣнія, мы готовы преклониться передъ докторомъ Карнсомъ и его новой книгой, признаваемой всѣми самымъ капитальнымъ явленіемъ по этому предмету, со времени трактата о политической экономіи его учителя—Д. Стюарта Милля. Анализъ такого произведенія, въ нѣсколькихъ строкахъ, очевидно невозможенъ, и я ограничусь указаниемъ на два или три главныхъ и оригинальныхъ пункта. На первомъ планѣ стоитъ окончательное разгромленіе, посредствомъ

неумолимой логики, старой системы стоимости (cost) производства и численнаго Миллемъ, на основаніи процентовъ съ капитала и заработной платы. Руководствуясь этою ложною теоріею, выводитъ заключение, что высокая цѣна на трудъ, существующая въ Англіи, уничтожаетъ выгоды, происходящія отъ близости каменноугольныхъ копей, желѣзныхъ рудниковъ и проч.

«Какимъ образомъ», восклицаетъ Кэрнсъ въ одномъ мѣстѣ своей книги, комментированномъ поочередно всѣми органами прессы, «какимъ образомъ можетъ трудъ уничтожать эти выгоды? Утверждать это было бы тоже самое, что сказать, что высокій гонорарій, платимый адвокату во время его разъѣздовъ и дѣлу, парализуетъ результаты его трудовъ. Какъ въ послѣднемъ случаѣ, упомянутый гонорарій является послѣдствіемъ его искусства, такъ и высокая заработная плата за трудъ нашихъ рабочихъ составляетъ послѣдствіе промышленныхъ выгодъ, при условіи которыхъ они работаютъ. Разберемъ теперь причину этого страннаго недоразумѣнія, — безъ сомнѣнія причина слѣдующая: задача промышленности разсматривается исключительно съ точки зрѣнія капитала... и такъ какъ единственные расходы, принимаемые въ расчетъ, только ея расходы, то натурально, что единственное вознагражденіе, о которомъ говорятъ — опять-таки вознагражденіе капиталиста. Вотъ причина, почему высокая заработная плата выставляется вредною для промышленной выгоды, какъ будто бы не существуетъ другой прибыли, кромѣ той, которая попадаетъ въ карманъ капиталиста; что же касается до приличнаго вознагражденія труда рабочаго, то его считаютъ чуть не за народное бѣдствіе, на томъ основаніи, что черезъ него уменьшается доля капиталиста изъ прибыли, производимой ихъ общими усиліями». Это совершенно новый взглядъ на вещи, непохожій на обычные рутинныя мнѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень тонкія и мѣткія замѣчанія. Авторъ требуетъ, чтобы въ оцѣнку затратъ производства входили не только трудъ, капиталъ и рискъ капиталиста, но и исчисленіе тѣхъ же затратъ со стороны работника. «Все это выводится изъ точнаго и неопровержимаго анализа, а не изъ личныхъ болѣе или менѣ демократическихъ взглядовъ. Итакъ, съ другой стороны, Кэрнсъ, не задумываясь, отрицаетъ то значеніе, которое обыкновенно придается Trades-Unions (торговымъ союзамъ). Онъ находитъ, что эти союзы не въ состояніи произвести тѣхъ перемѣнъ и улучшеній, которыя отъ нихъ обыкновенно ожидаютъ. Единственное вліяніе, которое онъ признаетъ за ними, это — ускореніе и осуществленіе *«того, что уже носитъ въ себѣ»*. Конечно, это умозаключеніе чисто научное и нисколько

е стѣсняющее дѣйствій рабочихъ союзовъ, за которыми нельзя признать большого значенія. Мнѣ кажется, что все сказанное есть достаточно ясное понятіе объ этой книгѣ, которая богатствомъ новыхъ идей превосходитъ всѣ новѣйшіе трактаты по тому предмету.

Законодѣніе можетъ идти объ руку съ политической экономіей. Наиболѣе интересная сторона этой науки заключается въ рѣшѣ, относящемся до вѣняемости *сумасшедшихъ*. Книга Маудсли, конечно, не представляетъ полнаго свода этого предмета, но она стоитъ на чисто научной почвѣ и даетъ ясное понятіе о значеніи этого вопроса въ англійскомъ законодательствѣ, положеніе, которое, грустно, сознаться въ этомъ, находится еще въ нерациональномъ состояніи. Юристы Англіи не далеко ушли въ этомъ отношеніи отъ Бодена—французскаго юрисконсульта временъ Люги, автора *демономаніи колдуній*. Иоганнъ Байеръ, бѣднѣ немецкій докторъ и филантропъ большой руки, осмѣлился утверждать, что колдуньи просто несчастныя больныя женщины, гораздо болѣе достойныя состраданія, чѣмъ заслуживающія смерти крестъ.—Боденъ съ негодованіемъ отвергъ это, говоря, что стороны доктора это нахальство признавать сумасшедшими преступницъ. Въ современномъ англійскомъ законодательствѣ мы имѣемъ на тотъ же нерациональный взглядъ, который представляетъ обыкновеннымъ присяжнымъ право рѣшать вопросъ вѣняемости подсудимыхъ, заподозрѣваемыхъ въ сумасшествіи. Юристы находятъ, что тутъ голосъ науки неумѣстенъ, а нужны простое обсужденіе факта и оцѣнка его.

Д-ръ Маудслей совершенно справедливо считаетъ это непорочнымъ проблемомъ въ законодательствѣ Англіи, и выводитъ параллель между послѣднимъ и законами французскаго и нѣмецкаго уголовного кодекса. Онъ утверждаетъ, что, въ сущности, по этому вопросу одна наука можетъ быть признана судьей. Но какъ съ абсолютной, метафизической точки зрѣнія вообще полной отвѣтственности существовать не можетъ, то произнесеніе приговора надъ обвиняемымъ затрудняется чрезвычайно. А между оправданіе виновнаго, напримѣръ, на томъ основаніи, что преступокъ его былъ совершенъ въ пьяномъ видѣ, было бы по крайней мѣрѣ вредно и дурно; слѣдуетъ, напротивъ, внушить пьяницѣ страхъ къ наказанію, которое въ данномъ случаѣ будетъ стимуломъ для направленія его воли въ хорошую сторону. Весь вопросъ тутъ въ опредѣленіи здоровья или болѣзни подсудимаго, а не то же, кромѣ доктора-спеціалиста, можетъ быть компетентнымъ

судьей въ этомъ дѣлѣ? Будемъ надѣяться, что chief-justices (высшіе судьи) и остальные, наконецъ, поймутъ это.

V.

3. *Д. Мотлей*: The Life and Death of John of Barneveld, advocate of Holland; London, John Murray, 1874, 2 vols. 8° 389—475 p.—*Ж. А. Фраудъ*: The English in Ireland in the Eighteenth century; London, Longman 1873—74, 3 vols. 8-о.—*Уильямъ Беррисъ*: The scottish war of independence; Glasgow, Maclehose, 2 vols 8-о.—*Г. Робинсонъ*: The betrayal of Metz; London, Bradbury, 1874, 8-о. 378 p.—*Кампанъ Бракенбери*: The Ashanti war; London, 1874, 2 vols. 8-о.

За немѣніемъ Гротовъ, Боклей и Маколеевъ, Англія въ настоящее время можетъ однакоже похвастаться второстепенными историками, нелипенными достоинства, какъ-то, напримѣръ, Фраудомъ. Если не по національности, то по языку, заслуженный государственный человѣкъ, уроженецъ Америки—Фраудъ, можетъ считаться англійскимъ писателемъ, тѣмъ болѣе, что значительная часть его сочиненій написана въ Европѣ и напечатана въ Лондонѣ.

Мотлей, авторъ извѣстной «*Исторіи Нидерландской республики*» и «*Dutch Republic*» выступаетъ снова передъ публикой новой книгой, которая совершенно смѣло можетъ выдержать сравненіе съ предшествовавшими ей и вышеназванными сочиненіями. На самомъ дѣлѣ это не только полная и подробная біографія Барневельда: авторъ продолжаетъ жизнеописаніе этого государственнаго человѣка съ того момента, на которомъ оно было прервано въ предыдущемъ его сочиненіи, т.-е. съ 1609 г., эпохи заключенія 12-ти-лѣтняго перемирія съ Испаніей. Слѣдовательно *Мотлей* въ настоящее время развѣртываетъ передъ нами послѣднія страницы этой полезной и счастливой жизни, окончившейся такъ печально. Задача его состоитъ, кромѣ того, въ изображеніи всего мирнаго періода исторіи, начавшагося окончаніемъ войны съ Испанією и длившагося до тридцатилѣтней войны. Хотя эта книга составляетъ совершенно отдѣльное цѣлое, но она, — какъ и самъ авторъ говоритъ въ своемъ предисловіи, — «естественно продолженіе другихъ, уже напечатанныхъ сочиненій, и вступленіе въ новую и окончательную часть трудовъ, которую онъ собирается давно преподнести публикѣ, а именно: «*Исторія тридцатилѣтней войны*». Это заявленіе вызвало въ средѣ англійской критики вопросъ, способенъ ли *Мотлей* исполнить удовлетворительное такое капитальное предпріятіе?

Вопросъ этотъ очень важенъ. Два компактные тома, которые

мы имѣемъ въ рукахъ, излагая исторію Голландіи съ 1609 по 1619, содержать только одну страницу о Дордтрехтскомъ синодѣ. Но авторъ позаботился оговорить это обстоятельство въ предисловіи: онъ не намѣренъ касаться подробностей религіозныхъ споровъ, и тѣ, которые стали бы отыскивать въ его книгѣ исторію Дордтрехтскаго синода, не будутъ удовлетворены. «Задача моя», говоритъ онъ, «была написать политическій очеркъ». Къ несчастью, слѣдуетъ замѣтить на это, что цѣль не достигнута. Во всякомъ случаѣ, Мотлея уже никакъ нельзя упрекнуть въ преувеличеніи значенія исторіи или политики; наоборотъ, онъ положительнѣе уже чѣрезчуръ узко понимаетъ ихъ. Что лично онъ мало интересуется ссорами Арминіуса и Гомара, это конечно насъ не касается; но, все же странно, занимаясь серьезно исторіею этого періода, не желать выяснитъ обстоятельно сущность упомянутыхъ распръ. Если мы допустимъ, что онъ предполагаетъ знакомство читателя съ этими вопросами, то и тогда онъ обязанъ былъ резюмировать ихъ. Но объ этомъ нѣтъ и помину; когда онъ пытается сказать нѣсколько словъ мимоходомъ объ этихъ обстоятельствахъ, то вполнѣ разоблачается его абсолютное незнаніе предмета. Однакоже, писано было не мало о томъ, будто-бы Дордтрехтскій синодъ былъ причиною смерти Барневельда. «Синодъ и процессъ были единодушны», говоритъ Мотлей, «хотя между ними не было слишкомъ тѣсной связи» (Т. II, стр. 309), что самъ авторъ опровергаетъ силою фактовъ далѣе, во всѣхъ мѣстахъ своего разсказа, гдѣ онъ изображаетъ положеніе своего героя относительно современныхъ ему сектъ. Двѣ причины помлекли за собою смерть Барневельда: его убѣжденія вообще, включая сюда и религіозныя воззрѣнія, полныя вѣротерпимости и либерализма, и его политика, децентрализаціонная по преимуществу. Существуетъ одно, весьма распространенное заблужденіе относительно историческихъ и политическихъ условий: воображеніе, что люди, гонимые и мучимые за свои вѣрованія или идеи, должны воспѣвать, когда наконецъ побѣда остается на ихъ сторонѣ, награждать своихъ противниковъ тою терпимостью, ради приобрѣтенія которой они такъ много страдали и боролись. Оглянитесь на христіанство, протестантизмъ въ первое его время въ Англіи, на французскую революцію и т. д. Всегда угнетаемые становились, хотя на одно мгновеніе, въ свою очередь угнетателями. И это весьма естественно и логично, а въ особенности ясно доказывается событіями въ Нидерландахъ. Но развѣ могло быть иначе? Народъ въ теченіи полустолѣтія борется за свою свободу и религію, да еще съ какою энергіей! борется противъ одной изъ могуще-

ственнѣйшихъ въ то время націй Европы: милліоны сыновъ его легли на полѣ брани, другіе милліоны погибли на вострахъ герцога Альбы. Плаха, на которой сложилъ голову Эгмонтъ, еще не остыла, и вы требуете, чтобы тотъ же народъ терпимо отнесся къ религіи, давившей его, къ католикамъ, его истерзавшимъ? Напрасно; выходитъ, что даже появленіе великодушныхъ доктринъ, въ родѣ ученія Арминіуса, стремившагося смягчить суровыя вѣрованія Кальвина, возстановляютъ народъ противъ себя, какъ это было съ арминіанцами, навлекшими на себя ненависть, почти столь же ожесточенную какъ та, какую внушали католики. Если бы Барневельдъ не погибъ смертью Сиднея, то ему предстояло умереть такъ же, какъ умеръ Де-Виттъ. Безъ сомнѣнія, онъ былъ бы вправѣ искать спасенія въ жестокихъ догматахъ Кальвина, но при тогдашнемъ положеніи вещей и настроеніи умовъ онъ былъ неминуемо обреченъ смерти. Онъ былъ наказанъ еще и за то, что не понималъ требованій настоящей минуты: съ точки зрѣнія чистой политики, юная республика нуждалась въ крѣпкой и централизованной организаціи, съ постоянно вырастающимъ раздѣленіемъ власти между отдѣльными штатами. Впрочемъ, эта истина не вполне ускользнула отъ Мотлея; недавнія бѣдствія его собственной родины способствовали его прозорливости въ этомъ случаѣ. Англійскій кабинетъ не могъ понять этого присвоенія верховной власти областными единицами республики; Барневельдъ удивленъ и огорченъ этимъ. Его исторіографъ дѣлаетъ по этому поводу, предвидѣнное нами заранее, сближеніе между общественнымъ мнѣніемъ Англіи той эпохи и тѣмъ, которое обнаружилось во время послѣдней междоусобной войны въ Америкѣ. На этотъ разъ, англійская публика приняла совершенно обратную позицію, признавши за каждымъ штатомъ всѣ верховныя права, безъ изъятія, даже права сепаратизма. Мотлей возстаетъ противъ такого взгляда, и доказываетъ весьма справедливо—хотя нѣсколько преувеличенно—что верховенство, если этотъ терминъ можетъ быть умѣстенъ въ этомъ случаѣ, принадлежитъ въ Соединенныхъ Штатахъ не каждой отдѣльной области, а исключительно правительству, состоящему изъ исполнительной власти и законодательной палаты. Для полной вѣрности истинѣ, слѣдовало-бы ему однакоже упомянуть о правахъ и особенныхъ преимуществахъ, присвоенныхъ нѣкоторымъ частямъ Союза, и признать, что теорія верховенства, которую онъ излагаетъ, обязана значительными усовершенствованіями своими, въ отечествѣ его, самому факту междоусобной войны и ея послѣдствіямъ. Соединенные Штаты вре-

ментъ Барневельда были несомнѣнно гораздо анархичнѣе: области обладали верховными правами съ весьма небольшими ограничениями, и въ этомъ отношеніи адвокатъ Голландіи могъ бы справедливо сослаться на факты, не погрѣшая противъ конституціи, которая въ дѣйствительности никогда не существовала. Но его ошибка и заключалась именно въ томъ, что онъ былъ слѣпъ и не разглядѣлъ, что общественное мнѣніе, равно какъ и государственная польза, тяготѣли въ централизаціи и единству власти и правленія. А между тѣмъ, въ политикѣ уже таковъ законъ, что ошибки вмѣняются въ преступленіе, и законъ этотъ справедливъ, въ виду тѣхъ бѣдъ, которыя они причиняютъ. Барневельдъ расплатился жизнью по приговору этого самаго органическаго закона.

Послѣ всѣхъ высказанныхъ замѣчаній, должно однакоже отдать справедливую дань труду Мотлея: если онъ не соответствуетъ тому, что мы называемъ исторіей въ научномъ и современномъ значеніи слова, зато онъ имѣетъ всѣ качества превосходной монографіи. Слогъ совершенно ясенъ и изященъ, книга читается какъ хорошій романъ. Эпизодъ смерти Барневельда записанъ мастерски. Побѣгъ де-Гроціуса, занимающій цѣлую главу, рассказанъ также съ неподражаемымъ искусствомъ, совершенно другого стиля, чѣмъ первая картина. Въ концѣ-концовъ, тамъ есть множество матеріаловъ и свѣдѣній не маловажныхъ, и въ этомъ смыслѣ это цѣнный вкладъ въ исторію Голландіи.

М-ръ *Фраудъ* держится совершенно другой системы, чѣмъ его собратья по ремеслу, американецъ Мотлей. Онъ, по своимъ воззрѣніямъ, принадлежитъ къ школѣ французскаго историка Баранта. Онъ не раздѣляетъ убѣжденія, чтобы исторія имѣла что-либо общее съ наукой, и оцѣнку событій посредствомъ философскаго метода онъ считаетъ дикой фантазіей. Онъ опирается на метафизическій взглядъ относительно свободы воли: «людскіе поступки вполне добровольны и слѣдовательно непосредственны; не ошибочно ли надѣяться отыскать причину ихъ возникновенія и вывести законъ, позволяющій прослѣдить нить логическаго сцѣпленія событій», спрашиваетъ онъ, однимъ ударомъ уничтожая Спинозу, а за нимъ побивая и всѣхъ прочихъ современныхъ мыслителей. Къ счастью, м-ръ *Фраудъ* слишкомъ талантливъ для того, чтобы долго щеголять въ этихъ мишурныхъ обноскокахъ. Въ то самое время, когда Мотлей обѣщалъ дать намъ политическое сочиненіе, а дарить насъ просто рассказомъ фактовъ—*Фраудъ* объявляетъ, что исторія не болѣе, какъ сборникъ эпизодовъ и повѣстей, а затѣмъ

преподноситъ настоящій и серьёзный историческій этюдъ, въ которомъ гораздо болѣе истинно философскаго и научнаго, чѣмъ въ его большомъ сочиненіи о царствованіи Елизаветы (*History of England, from the fact of Wolsey etc.* 12 vol. 8°). Впрочемъ, вашъ журналъ уже отозвался о новой книгѣ: «Англичане въ Ирландіи XVIII столѣтія»¹⁾; очень недавно вышелъ третій и послѣдній томъ этого сочиненія. Возстаніе 1798 года, отчаянная борьба ирландцевъ, кровавое подавленіе ихъ англичанами, изложены со всевозможными подробностями. Авторъ въ послѣднемъ томѣ нѣсколько смятываетъ свое пристрастное отношеніе къ обитателямъ зеленаго Эрина и въ этомъ случаѣ становится нѣсколько невѣренъ самому себѣ и не вполне логиченъ. Это прямое послѣдствіе отсутствія опредѣленныхъ убѣжденій, что и заставляетъ его самого увлекаться впечатлѣніями минуты. Его взглядъ на кельтическую расу, высказанный въ первомъ томѣ, мнѣ кажется неопровержимо-вѣрнымъ, и я вижу мало причинъ нападать въ 3-мъ томѣ на политику, которой въ 1-мъ было заявлено сочувствіе. Съ другой стороны—замѣтимъ мы вскользь—его справедливая теорія расъ, и въ особенности справедливая оцѣнка ирландской народности, сильно противорѣчатъ его воззрѣніямъ на свободу воли, а книга его можетъ служить лучшимъ аргументомъ противъ его системы. Тому, кто желаетъ изучить животрепещущій вопросъ Ирландіи—весьма сходный съ польскимъ вопросомъ,—должно прочесть и проштудировать это сочиненіе, о которомъ я здѣсь не считаю нужнымъ говорить подробно, такъ какъ уже у васъ сообщено мнѣніе объ ней.

Мы обязаны занести въ нашу лѣтопись другое сочиненіе, соотвѣтствующее только что разобранной нами книгѣ: *Исторію Шотландіи*, Уильяма Бёрнса, прекрасный этюдъ о войнахъ, веденныхъ за независимость этою націею; читается она съ величайшимъ интересомъ, хотя слѣдуетъ заранѣе вооружиться противъ тенденціозныхъ пристрастій и преувеличеній автора. Онъ самъ шотландецъ, и обнаруживаетъ нѣкоторую склонность видѣть въ своихъ соотечественникахъ идеалъ всѣхъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ качествъ. Теорія племенного вліянія не имѣетъ болѣе горячаго сторонника, чѣмъ онъ, или вѣрнѣе, теорія эта въ его рукахъ выводится изъ всѣхъ естественныхъ ея границъ и переходитъ въ абсурдъ. «Въ жизни народовъ», утверждаетъ онъ, «существуетъ такая сильная, послѣдовательная преем-

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“, за февраль 1874 г. Корреспонденція изъ Лондона.

ственность, которую не въ силахъ расторгнуть никакое вторженіе новыхъ этнологическихъ элементовъ, даже въ томъ случаѣ, если вліяніе ихъ будетъ длиться нѣсколько вѣковъ сразу». Итакъ, шотландцы—кельты, пиктской вѣтви, ни болѣе, ни менѣе. Я не имѣю ни времени, ни желанія оспаривать это утвержденіе, и перехожу къ указанію другой слабой стороны, противъ которой вся англійская пресса уже возвысила голосъ. По мнѣнію м-ра Бёрнса, исторія была часто искажена, вслѣдствіе того, что она составлялась согласно хроникамъ того времени. А по его убѣжденію, ничто не способно вводить людей въ такіа заблужденія, какъ лѣтописи. Наименѣе правдивы бываютъ всегда рассказы очевидцевъ, замѣшанныхъ лично или косвенно, черезъ друзей своихъ, въ политическія или общественныя столкновенія. Совсѣмъ иное дѣло шотландскія хроники, составленныя черезъ одно или два поколѣнія спустя послѣ событій! Вотъ это такъ достовѣрные матеріалы!

Нѣтъ сомнѣнія, что хроникёры не всегда бываютъ добросовѣстны и безпристрастны, и недостаточно еще быть очевидцемъ событія для того, чтобы умѣть дать о немъ точный отчетъ. Но причины несправедливости или пристрастія продолжаютъ точно также дѣйствовать сильно на послѣдующія поколѣнія, какъ и на современниковъ. И въ томъ, и другомъ случаѣ задача критики и анализа разобрать и оцѣнить правдивость свидѣтеля, его компетентность, его долю личной прикосновенности къ событіямъ—все это должно быть взвѣшено и приведено въ порядокъ; въ этомъ-то и состоитъ обязанность историка, и главное качество его заключается въ умѣнii дѣлать правильный выборъ. Если же смотрѣть на дѣло вообще, не вдаваясь въ качественную разсортировку матеріаловъ, то и тогда записки очевидцевъ всегда будутъ наилучшимъ источникомъ передъ всѣми остальными, и это признано всѣми, исключая Уильяма Бёрнса. Англичане вообще считаютъ шотландцевъ хищниками и хвастунами, и къ сожалѣнію, новая книга не можетъ нисколько служить аргументомъ противъ этого мнѣнія, въ особенности же противъ послѣдняго обвиненія. Но, рядомъ съ этимъ нельзя порицать той искренности и горячности убѣжденія, которыми проникнута эта книга.

Отъ шотландскихъ войнъ за независимость переходъ къ франко-прусской войнѣ нѣсколько внезапнъ, но что же дѣлать?—намъ приходится совершить этотъ *salto mortale*, чтобы заняться произведеніемъ пѣра, м-ра Робинсона. Собственно новинкою эту книгу назвать нельзя, такъ какъ это только возобновленное изданіе

«Осады Метца», разошедшееся съ такимъ успѣхомъ три года тому назадъ, перепечатанное нынѣ съ добавленіемъ нѣсколькихъ примѣчаній и замѣтокъ, подъ новымъ и болѣе громкимъ заглавіемъ «*The Betrayal of Metz*». Заголовокъ, приемы автора и въ особенности заключительная часть этого томика подняли настоящую и чуть ли не всеобщую бурю въ англійской журналистикѣ. «*Academy*», этотъ серьезный и уважаемый органъ высшей критики позволилъ себѣ, къ сожалѣнію, самую неосмотрительную выходку по этому случаю, что особенно жалко въ виду его собственнаго достоинства. Аргументъ, которымъ *ad hominem* онъ стремится поразить автора, состоитъ въ обвиненіи его въ самонадѣянности допустившей его, гражданскаго дѣятеля, судить о военной позиціи какъ будто онъ болѣе компетентенъ въ вопросѣ, чѣмъ маршалъ Франціи. Прежде всего на это Робинсонъ можетъ возразить, что другіе маршалы, люди заслужившіе на военномъ поприщѣ не менѣе извѣстности, чѣмъ самъ Базенъ, пришли къ тѣмъ же выводамъ, которыхъ держится онъ, Робинсонъ, о чемъ свидѣлствуетъ процессъ и выдержки изъ обвинительнаго акта, приложенные къ концу книги. Кромѣ того, этотъ приемъ отрицанія компетентности составляетъ отрицаніе самой критики, и тѣмъ болѣе смѣшонъ, что исходитъ изъ устъ критика. Впрочемъ, онъ былъ уже не разъ опровергнутъ и осужденъ.

Какъ разъ мы имѣемъ подъ рукой мнѣнія Бёрнса, который не допускаетъ авторитетности хроникёровъ-современниковъ. Мы уже сказали, что мы думаемъ объ этомъ первомъ аргументѣ, въ нашихъ глазахъ, положеніе автора, который провелъ все время осады въ стѣнахъ Метца, представляетъ достаточныя гарантіи, которыхъ мы не отвергаемъ. Когда онъ, напримѣръ, показываетъ намъ Базена въ моментъ битвы при Борни, не знающаго ничего касательно движеній непріятеля, колеблющагося между рѣшеніемъ остановить наступательное дѣйствіе пруссаковъ и одновременно предпринимающаго вылазку, съ цѣлью пробиться впередъ, не трудно понять, почему это двойственное рѣшеніе потерпѣло двойное пораженіе. Отказъ Базена вступить въ сношеніе съ новымъ правительствомъ, — каковы бы ни были ошибки и промахи послѣдняго, дошедшаго подъ конецъ даже до преступленій — отказъ его, говорю я, не простителенъ въ виду того бѣдственнаго положенія, въ которомъ находилась Франція. Также очевидность непредусмотрительности, благодаря которой были безъ толку истрачены всѣ припасы, бросается въ глаза каждому. Лица, которымъ пришлось вынести на себѣ испытанія осаднаго положенія Парижа,

знаютъ, что даже въ столицѣ, гдѣ все было несравненно лучше организовано, отпускъ съѣстныхъ припасовъ по порціямъ былъ установленъ только въ концѣ октября, послѣ того, что было растравжирено въ шести-недѣльный срокъ въ три или четыре раза больше бычачьяго и лошадинаго мяса, чѣмъ осталось его на продовольствіе трехъ остальныхъ мѣсяцевъ. Не спору, что м-ръ Робинсонъ нѣсколько преувеличиваетъ легкость прорубиться сквозь прусскія войска, но во всякомъ случаѣ можно было придумать исходъ получше сдачи Метца — дѣвственнаго Метца — сидя два мѣсяца сряду съ 150-тысячной арміей въ осажденномъ городѣ. Неожидательно можно сказать еще, что нѣкоторые изъ судей Базеля сами заслуживали вполнѣ сѣсть съ нимъ рядомъ на скамьѣ подсудимаго. Солдаты тоже были не лучше вождей своихъ, но это не причина скрывать мнѣнія, что Метцъ заслуживалъ иной судьбы и иного защитника; въ суммѣ же я нахожу полезнымъ, чтобы рядомъ съ панегириками являлись книги въ духѣ «Предательство Метца». Это все матеріалы для исторіи.

Мнѣ придется только мелькомъ указать на книгу капитана Бравенбери. Предметъ ея — война съ ашантиями, извѣстенъ моимъ читателямъ; я полагаю, они знаютъ, что англичанамъ неудалось даже завладѣть 3333 женами короля Коффи Калвали, и что они должны были удовольствоваться взятіемъ въ призъ его дождевого зонтика, прославившагося отнынѣ въ лѣтописяхъ смѣшного, и память о которомъ будетъ увѣковѣчена на ряду съ безсмертнымъ и стяжавшимъ другіе неувадаемые лавры — зонтикомъ Робинзона Крузе. Но, помимо смѣшного, эта книга имѣетъ настоящія достоинства: она весьма добросовѣстна и правдива. Укажу любителямъ еще на «*The Ashanti war*», обязанную своимъ происхожденіемъ корреспонденту «*Daily News*»; на «*March to Coomassie*» г. Генти и проч. По крайней мѣрѣ, если экспедиціи не удалось добыть сокровищъ, то она обогатила литературу, и на томъ скажемъ ей спасибо.

VI.

У. Генуортъ Диксонъ: History of two Queens; London, Hurst and Blacket, 1874, 4 vol. 8°. — Дж. Позакъ: Mary, queen of Scott and her accusers; London, Blackwood, 1874, 8°. — А. С. Сундбергъ: Ботузиль, a tragedy; London, Chatto and Windus, 8°, 532 p.

Пальму жестокости относительно царственныхъ лицъ принято почему-то считать принадлежащей исключительно Франціи. Между тѣмъ, пусть только взглянутся попристальнѣе въ то, что творилось въ Англіи. Тутъ уже рѣчь не объ одной несчастной Маріи-Антуанеттѣ, погибшей среди ужаснѣйшаго изъ когда-либо бывшихъ столкновеній политическихъ страстей и народной ярости. Въ англійской исторіи найдутся страницы, на которыхъ обезглавленіе королей занесено историкомъ черезъ каждые два-три мѣсяца.

И какія еще головы скатывались въ корзину палача? Блюкуръ, граціозныя, полныя обаяній юности и красоты, головы: Анны Болейнъ, Жанны Грей, Катерины Гоуардъ. Саксонская теорія Тэна блещетъ здѣсь всѣми своими красками. Дѣйствительно, только не зная исторіи, можно упрекать Шекспира или Марло въ преувеличеніи.

И вся эта безконечная бойня развертываетъ свои тяжелыя картины передъ нашими глазами, вдохновляя своими ужасами современныхъ художниковъ. Я сказалъ — тяжелая картина, надо бы сказать болѣе: это — картина раздирательная. Что можетъ быть болѣе грустнымъ, и слѣдовательно болѣе деморализовать человѣка, какъ не зрѣлище убійствъ, совершенныхъ надъ этими женскими, юными существами, олицетворяющими собою всѣ блага природы, жизни, красоты и невинности. Вѣдь это то же, что избіеніе младенцевъ. Я спѣшу извиниться за вырвавшееся слово. Но тѣ, которые ратуютъ за права женщинъ, забыли этотъ аргументъ, которымъ я совѣтую имъ воспользоваться, измѣнивъ прежнюю тактику свою; въ нѣкоторомъ отношеніи женщины смѣло могутъ утверждать, что ихъ третировали достаточно, какъ ровней мужчинъ, обезглавливая ихъ усердно въ достолюбезныя времена Генриха и Елизаветы.

Генуортъ Диксонъ, знаменитый авторъ «Свободной Россіи», «Уильяма Пенна» и прочихъ популярныхъ сочиненій, переносятъ насъ снова къ этимъ трагическимъ эпизодамъ своей «Исторіи двухъ королевъ». Рѣчь идетъ о двухъ первыхъ женахъ «Синей Бороды», извѣстной всѣмъ подъ именемъ Генриха VIII.

Одна изъ нихъ, Катерина Аррагонская, менѣе интересна во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ вторая, Анна Болѣйнъ, которая по преимуществу вызываетъ и вызывала общія симпатіи.

Диксонъ усвоилъ себѣ совершенно новый жанръ, нѣчто среднее между исторіей и романомъ. Онъ претендуетъ на серьезность и полноту, и вмѣстѣ съ тѣмъ на занимательность. По части изслѣдованій есть нѣкоторое количество ссылокъ на рукописи и оригинальные мемуары, свидѣтельствующія о добросовѣстности и о работѣ автора. Кромѣ того, каждый параграфъ помѣченъ цифрой, на образецъ «Анналь» Тацита, въ изданіи классиковъ, но, съ другой стороны, главы носятъ эффектные названія, въ родѣ: «Конспирація», «Побѣда», «Агонія» и т. д. Я вовсе не желаю отрицать относительную пользу подобнаго жанра, который созданъ для тѣхъ, кому Вальтеръ-Скоттъ кажется слишкомъ поверхностнымъ, а Маколей скучнымъ. Авторъ книги пользуется, впрочемъ, заслуженнымъ успѣхомъ, но, по моему мнѣнію, онъ могъ бы добиваться чего-нибудь большаго, и становится обидно видѣть эту растрату необыкновенныхъ способностей на услажденіе праздныхъ досуговъ праздной толпы. Тѣмъ болѣе досадно, что касательно своихъ историческихъ цѣлей онъ совершенно промахивается.

Такимъ образомъ, желая возстановить вполнѣ невинность Анны Болѣйнъ, онъ не потрудился даже опровергнуть взводимыя на нее обвиненія, ни отразить приводимыя противъ нея свидѣтельства. Онъ предоставляетъ это судьбѣ, на-авось. Читатель, ищущій пріятнаго времяпрепровожденія, вынесетъ, пожалуй, убѣжденіе въ ея правотѣ, но болѣе требовательный изслѣдователь получитъ совершенно обратное впечатлѣніе. Напримѣръ, рассказывая о страсти короля къ Жаннѣ Сеймуръ, онъ рисуетъ слѣдующую сцену: «войдя неожиданно къ комнатѣ, Анна застала короля наединѣ съ молодой дѣвушкой. Жанна сидѣла у него на колѣняхъ, принимая ласки и ласкаясь къ нему. Анна была поражена въ самое сердце: «я люблю его», воскликнула несчастная королева, «мое сердце обливается кровью, когда я вижу такія вещи!» Генрихъ подбѣжалъ къ ней въ испугѣ, боясь за ребенка, которымъ она была беременна, и старался успокоить жену.—Молчи, мое сердце, еще не все утрачено тобой.—Но успокоенія уже не было на этой землѣ для бѣднаго разбитаго сердца» (Т. IV, р. 257).

Вотъ недурная семейная картина, съ чрезвычайно реалистическимъ колоритомъ, но мы требуемъ еще большаго, вѣрнаго. Этотъ эпизодъ цѣненъ только въ томъ случаѣ, если онъ проис-

ходилъ въ дѣйствительности; между тѣмъ, напрасно вы станете рыться въ примѣчаніяхъ, нигдѣ нѣтъ указанія ни на рукопись, ни на мемуары, откуда онъ бы былъ позаимствованъ. Нѣтъ тоже точнаго обозначенія времени рожденія Анны Болѣйнъ. Фраудъ неспособенъ къ доставленію такихъ свѣдѣній. Диксонъ относитъ это событіе къ 1501 г., не подтверждая это никакими доказательствами (Т. III, р. 134).

Но, гдѣ всего болѣе ощутительно отсутствіе серьезности, это въ главномъ мѣстѣ книги: въ описаніи суда и процесса. Относительно такихъ, можно сказать, легендарныхъ матеріаловъ, а въ особенности легендъ, проникшихъ уже повсюду, крайне интересно мнѣніе соотечественниковъ. Въ этомъ данномъ случаѣ она согласуется съ общераспространеннымъ и обыкновеннымъ понятіемъ. Обратитесь съ вопросомъ по этому предмету къ любому англичанину, раскройте первый попавшійся подъ руку учебникъ, вы встрѣтите вездѣ одно и то же провозглашеніе невинности Анны Болѣйнъ. Перелистуйте самого Шекспира и остановите ваше вниманіе на его Генрихѣ VIII, тамъ вы увидите, какъ къ старой, повинной и умирающей Екаторинѣ въ Римбольтонѣ, онъ встѣсняется помѣстить фрейлину, предназначенную ей въ преемницы. «Прелестнѣйшая рука, которую я когда-нибудь пожималъ», говоритъ Генрихъ VIII, хватая руку Анны Болѣйнъ. «О, красота до сего дня, я не зналъ тебя!» (Актъ I, сцена IV). Въ глазахъ англичанъ, эта молодая, обезглавленная женщина — мученица и олицетвореніе реформы, одной изъ косвенныхъ причинъ которой она была. Наконецъ, она мать Елизаветы, а возможно ли допустить даже мысль о томъ, чтобы мать королевы-дѣвственницы — «the Virgin Queen» — мать ея, понимаете, дарила своими милостями пятерыхъ джентльменовъ, считая тутъ же и родного отца своего? Въ этомъ отношеніи аргументъ, приводимый противъ нея, что память ея не была официально восстановлена, не заслуживаетъ вниманія. Раскапывать эту исторію не нашлось надобности; достаточно уже было того, что ее тронули.

Но что же слѣдуетъ думать на самомъ дѣлѣ объ этомъ обвиненіи? Оставляя неприкосновенной славу королевы-дѣвственницы, Юмъ, Галламъ, равно какъ и большинство историковъ провозглашаютъ невинность, *not guilty*, Анны Болѣйнъ. Фраудъ же, во слѣдамъ Линьяра, высказывается противъ такого утвержденія. Онъ не допускаетъ, чтобы двадцать перовъ, наследниковъ благороднѣйшей крови королевства, рѣшились добровольно быть соучастниками короля въ убійствѣ, которое, такимъ образомъ, было бы самымъ ужаснѣйшимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ преступленій.

Но именно въ этомъ-то и сомнѣваются противники Фрауда, и приводятъ не одинъ примѣръ такого вѣрноподданническаго усердія. Не находчивѣе оказывается историкъ, когда онъ приводитъ, какъ доказательства, обличающія безнравственность Анны, разговоры ея болѣе или менѣе легкаго содержанія съ окружавшими ее царедворцами, говоря, что молодые люди не имѣютъ обыкновенія водить любовныя рѣчи съ замужними, а гѣмъ болѣе съ высокопоставленными дамами, если они къ этому не поощрены. М-ръ Фраудъ говоритъ это, имѣя въ виду лишь современное общество своихъ соотечественниковъ. Почтенный авторъ забываетъ, что у людей временъ Генриха VIII и окружавшихъ его, текла въ жилахъ болѣе горячая кровь, чѣмъ у ихъ потомковъ, или, по крайней мѣрѣ, что ихъ еще не укротила и не закрахмалила чопорная щепетильность, которой такъ отличаются англичане въ наши дни. Къ сожалѣнію, обвиненія страшно опредѣленны, въ этомъ нельзя не сознаться: въ такой-то день дѣло произошло въ Уэстминстерѣ съ Норрисомъ; въ такой день, въ Гэмптонъ-Кортѣ съ Уильямомъ Бреретиномъ и проч. Отсутствіе свидѣтелей и защитниковъ не составляетъ вѣскаго аргумента; въ этомъ случаѣ дѣло шло обыкновеннымъ порядкомъ, существовавшимъ для обвиненныхъ въ государственной измѣнѣ. Показанія свидѣтелей принимались заранѣе главнымъ судомъ присяжныхъ (grand jury) и тайнымъ судомъ, а затѣмъ читались подсудимому, который могъ оправдываться. Нечего и говорить, что это далеко не идеальное судопроизводство. Но слѣдуетъ допустить, что процессъ королевы не былъ веденъ необычайнымъ порядкомъ, какъ постоянно утверждаютъ. Четверо изъ обвиненныхъ молодыхъ людей показали: *не виновна*. Музыкантъ Маркъ Сметонъ одинъ признался въ преступленіи. Диксонъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы доказать, что это былъ негодай, сознавшійся въ небываломъ преступленіи изъ желанія вынырнуть изъ дѣла живымъ, польстясь на обѣщанія помилованія. Нечего сказать, странный способъ спасенія!

На это вѣдь возможно возразить тѣмъ предположеніемъ, что Сметонъ, будучи нѣчто среднимъ между лакеемъ и джентльменомъ, не имѣлъ той деликатности и благороднаго великодушія своихъ сотоварищей по обвиненію, и рассказалъ вещи попросту, безъ затѣй? Въ результатѣ, однакоже, Фраудъ не доказалъ вполнѣ виновности, а Диксонъ не лучше его защитилъ ея память отъ нареканій; словомъ, вопросъ остался послѣ его книги въ прежнемъ, нерѣшенномъ видѣ. Я не беру, конечно, здѣсь рѣшать его. Но, не вдаваясь въ клевету и не доводя дѣла до кровосмѣшенія, я думаю, не лишено вѣроятія, что красавица Анна не очень

тщательно оберегала свой брачный контрактъ отъ легкихъ измѣновъ. Но не забудемъ, что духъ бодръ, а плоть немощна, а она, насколько мы можемъ судить о ней, не была построена изъ матеріала, изъ котораго создаются аскеты. Во всякомъ случаѣ вина ея одна изъ самыхъ простительныхъ, и королю не слѣдовало забывать главу о прелюбодѣйной женѣ. Не намъ рвать съ нея вѣнецъ: у нея тоже былъ тяжелый крестъ, и она снесла его мужественно, съ такимъ достоинствомъ и спокойствіемъ, какъ очень многіе.

Относительно Маріи Стюартъ невозможно сказать того же. Тѣ же страсти, тѣ же любовныя увлеченія, но, кромѣ того, у нея — преступленія. Что замужняя женщина любить посторонняго, обманываетъ мужа — это старая исторія, повторяющаяся во всѣ времена, во всѣхъ расахъ и во всѣхъ странахъ земного шара; сторонники семитическаго племени могутъ въ этомъ отношеніи смѣло побрататься съ друзьями арійскихъ народовъ. Но чтобы они истребляли людей для наудобнѣйшаго удовлетворенія своихъ пристрастій — это уже заходить за границы обыкновеннаго. А что таковъ былъ обычай «*Mary, queen of Scots*» — увы! — не подлежитъ сомнѣнію. Адвокатъ, м-ръ Госакъ, беретъ эту кліентку нынѣ подъ свое покровительство: книга его прочтется съ сочувствіемъ всѣми его единомышленниками, но не убѣдитъ ни единого изъ членовъ оппозиціи. Всѣ съ удовольствіемъ найдутъ въ ней знаменитыя письма Маріи къ Ботуэллю. Но я осмѣлюсь усомниться, чтобы кто-нибудь, изучивъ внимательно эти письма, раздѣлилъ убѣжденіе, высказываемое Госакомъ, что они поддѣланныя. Мнѣ приходится на память острога, сказанная однимъ англичаниномъ, которому сообщали о выходѣ въ свѣтъ новаго сочиненія, написаннаго съ цѣлю оправдать память Маріи Стюартъ: «докажетъ ли оно, что Марія не выходила замужъ за Ботуэлля?» — спросилъ онъ собесѣдника. Дѣйствительно, трудно найти опроверженіе этому аргументу. Госакъ лѣзетъ изъ кожи, чтобы доказать, что участіе королевы было насилувано. Но у него не хватаетъ оправдательныхъ аргументовъ. Однакоже, онъ указываетъ на одно обстоятельство, съ которымъ стоить познакомиться. «Марія,» говоритъ онъ, «вышла за Ботуэлля противъ воли, и во всякомъ случаѣ она не принимала никакого участія въ убійствѣ перваго мужа своего, красавца Дарнлея. Французъ дю-Крокъ и другіе, видѣвшіе ее немедленно послѣ катастрофы, свидѣтельствуютъ объ ея разстройствѣ и огорченіи. Сличите это съ портретомъ королевы Гертруды въ Гамлетѣ. Она отравила мужа и вышла замужъ за своего сообщника, она безпечна и весела настолько, что юный принцъ

датскій не можетъ удержаться отъ знаменитой своей выходки: «Легкомысліе—имя тебѣ женщина!»—Марія плачетъ и убивается, Гертруда смѣется и плаваетъ въ блаженствѣ. Такой великій художникъ, какъ Шекспиръ, не могъ ошибиться въ краскахъ при начертаніи признаковъ человѣческихъ страстей; Марія плачетъ потому, что она невинна,—виновная, она бы смѣялась, какъ Гертруда. Вотъ такъ чисто-адвокатская манипуляція аргумента! Я привелъ его цѣликомъ, такъ онъ мнѣ показался любопытенъ. М-ръ Госакъ выражается, точно онъ ораторствуетъ въ судѣ ея королевскаго величества. Но грустно такъ плохо знать публику, съ которой имѣешь дѣло. Несмотря на это, его два тома пришлось по вкусу нѣкоторымъ читателямъ; но ихъ можно рекомендовать развѣ только изъ-за документовъ, которые вошли въ изданіе.

Мы не покидаемъ Маріи Стюартъ, переходя къ Суинбёрну. Эта королева, какъ, я полагаю, извѣстно всѣмъ, не пользуется особеннымъ расположеніемъ въ Англіи; за ней безъ спора признаютъ здѣсь только одно качество—красоту, то, что она была «*very pretty*». Ея защита была до такой степени слита съ вопросами католицизма, и католики такъ усердно превращали ее въ святую, что окончательно погубили ее въ общественномъ мнѣніи. Суинбёрнъ выводитъ историческую, а не легендарную ея личность; его Марія выступаетъ на сцену вся окутанная мракомъ и украшенная звѣздами:

Eclair d'amour qui blesse et de haine qui tue;
Fleur éclore au sommet du siècle éblouissant
Rose à tige épineuse et que rougit le sang.

Эти прекрасные стихи не переводъ, это заключительныя строфы французскаго соннета, который напечатанъ на первомъ листѣ вмѣсто посвященія Виктору Гюго. Авторъ, какъ я сказалъ въ началѣ этой статьи, обѣщаетъ занять мѣсто между первоклассными современными поэтами страны. Его произведенія «*Atalanta in Calydon*», «*Songs before sunrise*» обнаруживаютъ громадный талантъ, болѣе близкій къ Байрону, чѣмъ къ Теннисону, и, говоря еще точнѣе, принадлежащій къ семьѣ поэтовъ-романтиковъ французской школы. По общему отзыву, новая трагедія «*Ботуэль*» не изъ особенно удачныхъ его вещей. Можно заподозрить, что автору вздумалось состязаться съ «*Кромвеллемъ*» В. Гюго, по длинотѣ пьесы: 532 страницы трагическихъ стиховъ—это ужъ чересчуръ усиленная доза вдохновенія! Замѣьте, что предыдущее его произведеніе, подъ заглавіемъ «*Chastelan*», намъ дало уже одинъ эпизодъ изъ жизни шотландской героини; очевидно—умиселъ поэта создать трилогію.

Оставивъ въ сторонѣ растянutosть и непропорціональность этой трагедіи, въ ней встрѣчаются цѣлыя поэзіи неоспоримого достоинства. Поэтъ ведетъ насъ изъ комнаты, гдѣ былъ убитъ Рицціо, въ покой, гдѣ спалъ Дарнлей передъ тѣмъ, какъ взрывъ покончилъ его существованіе; онъ заставляетъ насъ присутствовать на свадебномъ пиру королевы и Ботуэлла, и сопровождаетъ Марію Стюартъ до момента Лонгсайдской катастрофы, которую завершаетъ ея пребываніе на шотландской территоріи. Мало историческихъ характеровъ представляетъ такой благодарный и обильный матеріалъ поэтамъ и драматургамъ. Суинбёрнъ, на мой взглядъ, по крайней мѣрѣ, рисуетъ Марію такую, какою она была въ дѣйствительности: настоящею дочерью Тюдоровъ и Г'вовъ, а подобная помѣсь объясняетъ достаточно явленіе. «Душа ея», говоритъ Ноксъ, «подобна пламени всепожирающему, хотя измѣнчива и неуловима, какъ струйка воды; хитрость и страстность такъ тѣсно сплелись въ ней, что служатъ другъ для друга взаимной опорой; живой умъ ея согрѣвается и разгорается отъ прикосновенія страсти, а ея нѣжное и влюбчивое сердце обуздывается умомъ, такъ что послѣдній безконечно горитъ» ¹⁾.

Одна изъ наилучшихъ сценъ та, которая предшествуетъ смерти Дарнлея. Рицціо былъ умерщвленъ почти-что въ объятіяхъ королевы; она клянется отмстить; эта черта принадлежитъ настолько же исторіи, какъ и драмѣ. Этотъ Дарнлей, который держалъ ее за руки въ то время, когда убивали ея любимца, теперь тутъ, въ ея рукахъ; онъ лежитъ больной въ уединенномъ домикѣ, гдѣ она притворно окружаетъ его заботливымъ попеченіемъ. Между тѣмъ, условіе съ Ботуэллемъ заключено: въ эту же ночь домъ и король будутъ взорваны на воздухъ. Марія въ послѣдній разъ видится съ мужемъ, она борется между желаніемъ насладиться своимъ мщеніемъ и боязнью проговориться и насторожить его вниманіе; она поетъ ему поочередно то веселые напѣвы, то страшные мотивы, и говоритъ съ нимъ загадками.—Одна пѣснь

¹⁾

Her soul

Is a flame of fire, in satiable
And subtile as thin water; with her craft
Is passion mingled so inseparably
That each gets strength from other, her swift wit
By passion being enkindled and made hot:
And by her wit her Keen and popionate heart
So tempered that it burn itself not out
Consuming to no end. (Act I, scene 2).

въ особенности нагоняетъ на Дарнлея страхъ, это прелестнѣйшая баллада, начинающаяся слѣдующими словами:

Lord Love went maying
Where Time was playing—

это чудо изящества и граціи, и почти непереводаемо. Пѣсню эту пѣлъ Рипцѣо въ тотъ самый вечеръ, когда его убили. Но Марія успокаиваетъ Дарнлея, и онъ засыпаетъ подъ звуки французской баллады, которую она напѣваетъ по его просьбѣ:

Sur la grève
Rien ne rêve
Aux naufrages de la nuit;
A la trombe
Gouffre et tombe
Au flot qui frappe et fuit.

Я надѣюсь, что м-ръ Суинбёрнъ проститъ мнѣ, что я дѣлаю эту выписку изъ его французскихъ стиховъ, въ виду того, что, сколько я знаю, русская публика болѣе знакома съ ритмомъ французскихъ стихотвореній, чѣмъ съ поэзіей на нашемъ языкѣ. Все, что я могу прибавить отъ себя къ сказанному, это—то, что каковъ бы ни былъ языкъ, но изъ-подъ словъ сквозитъ душа и сердце истиннаго поэта. Окончивъ балладу, Марія удаляется; на другой день, въ сосѣднемъ саду находятъ, изуродованное взрывомъ тѣло, бѣднаго Дарнлея. — Но я не могу удержаться отъ искушенія попросить позволенія привести въ прозѣ небольшой отрывокъ, которыми заканчивается пьеса, и составляющими чуть ли не наилучшій образчикъ современной поэзіи. — Марія послѣ пораженія при Лонгсайдѣ, готовясь вступить на негостеприимную англійскую землю, отрясаетъ прахъ Шотландіи съ ногъ своихъ и изливается въ проклятiяхъ: «отъ моря до моря», восклицаетъ она, «превращу я землю эту въ одинъ костеръ неугасаемый, — ураганъ битвъ будетъ носиться надъ ней и расточать ей удары могучихъ крылій своихъ, до того дня, когда сыны ея изнемогутъ, призывая недосыгаемый отдыхъ, — дождемъ крови возставшихъ залью я костры... ни единой души не пощажу я изъ этихъ кощунствующихъ и заблудшихъ—кто осмѣливается идти войной противъ владыкъ своихъ: — Богъ воззритъ на царствованіе мое и осѣнитъ мой престолъ невидимымъ присутствіемъ своимъ, — враги же его будутъ распростерты у ногъ его и мохъ. — Государства и государи воспрянутъ подъ согрѣвающими лучами моего сердца и оживутъ отъ вѣянiя души моей, — они разожгутъ пламя душъ своихъ, чтобы испепелить этотъ народъ,

который желалъ бы поглотить ихъ самихъ,—сорвать съ пред-
ловъ Господнихъ св. тайны, равно какъ и вѣнцы съ главъ
царствующихъ, и превратить храмы Его въ такія же развалины,
какъ и троны вѣнценосцевъ... Но я буду бодрствовать—и буду
глядѣть на слезы, изливаемые изъ тѣхъ глазъ, которые видѣли
меня плачущей—пыль и пепель, мракъ и смерть—будутъ расти
изъ подъ ударовъ топора о плаху, отсѣвая головы, которыя ви-
дѣли мое униженіе».

Конечно, этотъ отрывокъ даетъ нѣкоторое понятіе о замѣ-
чательномъ поэтическомъ талантѣ Суинбёрна; это настоящая поэ-
зія, и тѣмъ болѣе хватающая за душу, что невольно дѣлаешь
мысленно сближеніе между страшной судьбой, ожидавшей коро-
леву, и ея угрозами. Спѣшимъ сказать, что «*Ботузль*» изоби-
луетъ такими блестящими мѣстами, но въ немъ не соблюдены тѣ
размѣры и пропорціи, которыя необходимы для созданія на-
стоящаго chef d'oeuvre, художественнаго произведенія. Впрочемъ,
авторъ показалъ, что онъ способенъ, рано или поздно, подари-
ть насъ таковымъ, и вся критика привѣтствуетъ въ немъ на-
дежду настоящаго поколѣнія. Я оканчиваю мой обзоръ, не упо-
мянувъ ни объ одномъ романѣ. Въ нихъ не было недостатка, но
въ массѣ посредственностей, являющихся безъ перерыва, вотъ
уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ я не встрѣчаю ничего такого, на
что бы стоило обратить вниманіе читателей.

А. РѢ—РЪ.

Лондонъ, 3-го декабря, 1874 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е января, 1875.

Вопросъ 1874-го года 1875-му году, и послѣдующимъ.—Что важнѣе: чѣмъ намъ быть? или: какъ намъ быть?—Огульная характеристика современнаго общества и его печати.—«Дѣвья мнѣнія» и ихъ европейскіе корни.—Начало всесословности на Западѣ.—Самоуправленіе въ московской и до-московской Руси.—Правильность исторической почвы новѣйшихъ преобразованій.—«Культурный» слой въ древней и новой Россіи.—Опыты его самоуправленія.—Вопросы будущаго развитія.

Въ нашей, довольно бѣдной, а еще болѣе блѣдной публицистикѣ, отошедшій въ вѣчность 1874-ый годъ прошелъ однако не совсѣмъ безслѣдно: устами г-на Фадѣева, онъ задалъ задачу своему ближайшему преемнику, а можетъ быть, и его многочисленному потомству—рѣшить вопросъ: чѣмъ намъ быть? Примѣрный способъ рѣшенія задачи взялъ на себя самъ г. Фадѣевъ, и составилъ съ этою цѣлью брошюру: „Русское общество въ настоящемъ и будущемъ“, или: „Чѣмъ намъ быть?“ Вопросъ, въ сущности, очень простой; но нѣтъ ничего жоварнѣе простыхъ вопросовъ: они всегда заставляютъ думать, что у вопрошающаго имѣется въ запасѣ какое-нибудь, болѣе или менѣе остроумное, но во всякомъ случаѣ неожиданное рѣшеніе. Представьте себѣ, что васъ останавливаютъ вопросомъ: „а знаете вы, сколько будетъ дважды два?“ — будьте увѣрены, что вы очутитесь особенно далеко отъ намѣреній вопрошающаго, если вздумаете сохранить вѣрность таблицѣ умноженія, и отвѣтите наивно: четыре! Васъ непременно поправятъ, а въ доказательство того, что „дважды два пять“, напишутъ цѣлую брошюру. Еще не читая г. Фадѣева, мы остановились въ раздумьи: отчего это намъ вдругъ задаютъ такой простой вопросъ, какъ вопросъ — чѣмъ намъ быть? — Да чѣмъ же намъ быть—думали мы—если не тѣмъ, чѣмъ дѣлаются и уже сдѣлались всѣ образованныя общества христіанской цивилизаціи?! Но живѣтъ съ тѣмъ мы невольно подумали: однако, рѣчь, должно быть,

идеть вовсе не о такомъ простомъ рѣшеніи вопроса, и не сталъ бы г. Фадѣевъ давать себѣ неблагодарный трудъ—написать цѣлую брошюру, чтобъ завершить дѣло подобной аксіомой; вѣдь это значило бы—взламывать незапертую дверь! Мы впередъ были увѣрены, что нашъ отвѣтъ забракуютъ, и въ заключеніи окажется, что намъ суждено быть тѣмъ, чѣмъ никто еще не бывалъ. Вотъ почему мы рѣшаемся поступить осторожнѣе, и на короткій вопросъ г. Фадѣева отвѣтимъ ему сначала также коротко: не знаемъ-молъ, чѣмъ намъ быть! въ своей землѣ никто пророкомъ не бывалъ!

Впрочемъ, прежде нежели мы выслушаемъ отвѣтъ самого г. Фадѣева,—позволимъ себѣ поставить другой вопросъ: отчего почтенный авторъ задался такимъ именно вопросомъ, тогда какъ существуетъ вопросъ болѣе важный, и безъ рѣшенія котораго напрасно было бы трудиться надъ пріисканіемъ формулы для рѣшенія вопроса—чѣмъ намъ быть? Самая обыкновенная логика подсказываетъ намъ очень простую мысль: прежде нежели напрасно ломать себѣ голову надъ вопросомъ—чѣмъ намъ быть?—необходимо знать, какими мы лично располагаемъ средствами, чтобъ быть хоть чѣмъ-нибудь; какова обстановка, отъ которой зависить рѣшеніе того вопроса, въ ту или другую сторону? Не было ли бы раціональнѣе и со стороны г. Фадѣева сначала задаться вопросомъ: *какъ* намъ быть чѣмъ-нибудь?—а затѣмъ, если то окажется нужнымъ, послѣдовательно перейти къ второстепенному вопросу: *чѣмъ* намъ быть?

Если бы г. Фадѣевъ писалъ лѣтъ двадцать тому назадъ,—вотъ тогда бы мы поняли, почему онъ нарушилъ правильный ходъ идей и деликатно уклонился отъ вопроса: *какъ* намъ быть?—но въ настоящее время мы можемъ съ гордостью отвѣчать на такой вопросъ. Въ эпоху крѣпостного права, отсутствія публичнаго суда, земскихъ учреждений и т. д., было бы по меньшей мѣрѣ напрасно задаваться такимъ вопросомъ, или иначе пришлось бы дать неутѣшительный отвѣтъ. Но за послѣднія 10—15 лѣтъ мы получили отъ верховной власти не мало полномѣстныхъ средствъ къ тому, чтобы сдѣлаться если не всѣмъ, то уже очень многимъ, сравнительно съ остальными христіанскими народами; начиная съ 1871 года, мы почти ежегодно переживали, съ большимъ торжествомъ и съ великою благодарностью верховной власти, ту или другую важную государственную реформу, которую было бы справедливѣе называть актомъ, такъ какъ дѣло шло каждый разъ не о реформированіи прошедшаго, но объ отреченіи отъ него: прежде было крѣпостное право, теперь *нѣтъ* его; прежде былъ судъ *тайный*, теперь *явный* и т. д. Итакъ, въ 1871 г. мы отпраздновали первое десятилѣтіе уничтоженія крѣпостного права; уже въ настоящую минуту въ Россіи можно считать до 3 милліоновъ,

никогда не знавшихъ крѣпостного права и не испытывшихъ его лично на себѣ. Не далѣе, какъ въ прошедшемъ году мы привѣтствовали первое десятилѣтіе, въ началѣ года—земскихъ учрежденій, въ концѣ—введенія новыхъ судовъ. Наступающій годъ напомнимъ намъ десятилѣтіе не менѣе важной реформы, по тому высокому нравственному значенію, которое въ ней предполагалось: 6-го апрѣля 1875 г. исполнится 10 лѣтъ новому закону о печати, отмѣнившему прежніе цензурные порядки, дѣйствовавшіе, какъ то доказалъ продолжительный опытъ, вредно на качество общественной совѣсти. Въ какой степени и до какой степени мы воспользовались всѣми такими дарами—вотъ настоящіе вопросы, которые должны бы были заинтересовать такого публициста, какъ г. Фадѣевъ. Повидимому, намъ было все дано, или, по крайней мѣрѣ, очень много для благополучнаго рѣшенія вопроса: какъ намъ быть?—и если г. Фадѣевъ тѣмъ не менѣе остался бы недоволенъ нами, то и тутъ логика должна была навести его на безпристрастное рѣшеніе вопроса: почему мы такъ мало воспользовались врученными намъ „талантами“; зарыли ли мы сами ихъ въ землю, какъ безпечный евангельскій „рабъ“, а если и зарыли, то гдѣ ли въ нашу пользу какихъ-нибудь смягчающихъ обстоятельствъ, и т. д., и т. д.

Но, какъ бы то ни было, почтенный авторъ хочетъ идти другою дорогою; онъ задаетъ намъ коварный вопросъ: чѣмъ намъ быть?—мы не менѣе коварно отвѣчаемъ ему: не знаемъ! и затѣмъ, волея-неволей, послѣдуемъ за нимъ и за его брошюрою, которую, какъ мы уже замѣтили, онъ написалъ, конечно, не для того, чтобъ дать простой отвѣтъ—ясный, какъ день, и вѣрный, какъ дважды два—четыре! Изъ-за этого не стоило бы трудиться! Но послушаемъ самого автора.

Обрисовывая современный „разбродъ“ русской жизни, разрозненность мыслящихъ людей, которымъ приходится мыслить „въ одиночку“, отсутствіе у насъ „сборныхъ мнѣній“, авторъ обращается къ русской печати, и ея примѣромъ дополняетъ свою картину. Онъ находитъ, что печать, которая въ началѣ шестидесятихъ годовъ оказывала несомнѣнное вліяніе на общество, утратила это вліяніе по своей винѣ, не руководитъ теперь ничѣмъ, живетъ разрозненно отъ общества, не ниѣя за собой никого, не выражая никакихъ „сборныхъ мнѣній“; что газеты и журналы рѣшаютъ все на свѣтѣ съ точки зрѣнія „какихъ-то общечеловѣчныхъ принциповъ, замѣняющихъ недостатки положительнаго дѣла“; однимъ словомъ, печать выражаетъ собою только самоѣ себя, понятія своихъ сотрудниковъ, которыя ни для кого не любопытны. Эта рознь печати съ обществомъ представляется авторомъ, какъ симптомъ общаго разброда; при такомъ разбродѣ,

русская печать воспиталась на иностранных понятіяхъ, затвердила иностранныя названія и примѣняетъ ихъ къ русской жизни, хотя они къ ней непримѣнимы. Только за славянофилами авторъ признаетъ заслугу въ русской печати; славянофильскій анализъ особенностей русскаго склада представляется ему единственной серьезной работой русской мысли надъ самой собою; что касается печати либеральной—къ которой единственно и относятся упреки автора—то онъ признаетъ ея дѣятельность бесплодною и фальшивою, такъ какъ она вращается въ одной теоріи, которая, во-первыхъ, не имѣетъ ничего общаго съ русской дѣйствительностью, а во-вторыхъ, въ значительной степени несостоятельна и сама по себѣ тамъ, откуда она заимствована, т.-е. на Западѣ. Напрасно было бы предъявлять возраженія изъ условій положенія нашей печати; напрасно не потому, что это слишкомъ легко бы сдѣлать, что возраженія эти очевидны всякому,—но потому, что у автора „умысль другой тутъ быть“. Дѣло тутъ не въ либеральной печати; она привлекается только въ качествѣ свидѣтельницы; настоящими же подсудимыми являются вообще „наши либералы“, „наши лѣвыя мнѣнія“; оказывается, что все „наше образованное общество воспитывалось на иностранной жизни, т.-е. на иностранныхъ литературахъ, и огуломъ почерпало изъ нихъ не столько мысли, какъ названія“ и готовые заключенія, и потому, „не задумываясь, примѣняло эти названія и заключенія къ своему домашнему быту, къ явленіямъ русской жизни, имѣющимъ совсѣмъ иное содержаніе“. Оказывается, что изъ общества „вмѣстѣ съ людьми, эта подстановка чуждыхъ названій и выводовъ подъ русскую дѣйствительность перешла и въ officialные круги—и отразилась на безконечномъ рядѣ правительственныхъ мѣръ прошлаго времени, а въ послѣдній разъ она отозвалась, и отозвалась сильно, на громадныхъ преобразованіяхъ шестидесятыхъ годовъ“. Стало-быть, рѣчь идетъ въ сущности не о печати, но о всемъ образованномъ обществѣ и о такихъ „лѣвыхъ мнѣніяхъ“, которыя не вращались только въ теоріи, но повліяли своими теоріями весьма серьезно на русскую дѣйствительность. Замѣтимъ мимоходомъ, что, значить, русская либеральная печать не до такой степени отрѣшена отъ дѣйствительности, какъ то только-что утверждалось авторомъ; что мнѣнія, ею выражаемыя—не только мнѣнія ея сотрудниковъ. Процессъ ведется противъ образованнаго русскаго общества вообще, въ которое европейскія понятія проникли въ ту именно пору, когда „вся Европа увлекалась царствомъ разума и правами человѣка“. Но Европа съ тѣхъ поръ „выстрадала послѣдствія своихъ увлеченій“, культурные слои ея научились жестокимъ опытомъ отличать слова отъ дѣла; мы же „заимствовали одни цвѣтки безъ ягодокъ“. Вотъ

разница между нашимъ культурнымъ слоемъ и европейскимъ; у насъ продолжаютъ царствовать пышныя слова. Отсюда, по мнѣнію автора, является ложь въ отношеніи нашихъ либераловъ и большинства нашей печати къ текущимъ явленіямъ русской жизни; во имя принциповъ, которымъ поклоняются, какъ фетишамъ, — защищаются, во чтобы ни стало, ошибки присяжныхъ, уродливость всесловной волюнтарности, народное пьянство. Либеральная печать является „крѣпостною модныхъ словъ“, признаетъ только отвлеченныя права человѣка, а не потребности живого лица, сохраняетъ миеологию метафизическихъ существъ. Въ обществѣ же громадное большинство уже чувствуетъ эту фальшь, не вѣритъ болѣе призракамъ, и слова либеральной печати на него не дѣйствуютъ; но, по своей безсвязности, большинство это не рѣшается явно возстать противъ навязываемыхъ ему призраковъ; въ головахъ самого этого большинства безсодержательный либерализмъ, нынѣ испаряющійся, вытѣснилъ большую часть отеческихъ завѣтовъ, и въ нихъ остались только „пустота и равнодушіе ко всему“. Пробнымъ камнемъ, на которомъ образованное большинство распознало ложь либеральной печати, послужило польское возстаніе.

Собственно въ этомъ обличеніи русской печати г. Фадѣевымъ нѣтъ ничего новаго; все это болѣе или менѣе согласно было высказываемо разными реакціонными органами въ русской же печати. Но авторъ идетъ далѣе: онъ обличаетъ безсодержательность русской заграничной печати, также живущей чужими иностранными словами, а затѣмъ переходитъ къ критикѣ „европейской революціи“. Все это казалось бы отступленіемъ, ненужнымъ для развитія положительныхъ идей автора. Но онъ сознаетъ необходимость расчистить для нихъ почву; ожидая, что противъ предложеній его будутъ возражать преимущественно съ точки зрѣнія общихъ либеральныхъ принциповъ, онъ, повидимому, потому именно и считаетъ необходимымъ доказать несостоятельность вообще „лѣвыхъ мнѣній“; доказать, во-первыхъ, что наши „лѣвыя мнѣнія“—только отраженіе непримѣнимыхъ къ Россіи иностранныхъ понятій, а во-вторыхъ, что эти иностранныя понятія и тамъ, гдѣ они возникли, не привели къ добру, насколько они поколебали сословный строй и постепенное, правильное развитіе. Эта часть въ книгѣ—самая слабая. Но она требуетъ разсмотрѣнія, такъ какъ въ ней заключаются основныя положенія. Прежде всего надо сказать, что г. Фадѣевъ не различаетъ революціи политической отъ революціи социальной, что въ обоихъ онъ сдѣлываетъ идеи, которыхъ онъ стремились быть исполнителями, съ внезапнымъ и насильственнымъ способомъ исполненія, присущимъ революціонному акту. Только при такомъ смѣ-

шеніи понятій и крайней поверхностности взгляда, авторъ могъ высказать удивительныя мысли въ родѣ слѣдующей: „не социалисты поддерживаютъ революціонное движеніе; они сочинили свою теорію для готовой, объявившейся уже революціи“,—когда социалисты отрицаютъ первую, политическую революцію; и удивляться „смѣнѣ лозунговъ“ революціоннаго движенія, „безформенности“ революціи, „не имѣющей надежды выработать себѣ никакихъ опредѣленныхъ цѣлей, на осуществленіи которыхъ могла бы успокоиться“, какъ будто революція есть что-либо самозарождающееся и самотворческое, а не насильственное средство, переворотъ, совершающійся подъ вліяніемъ весьма разнородныхъ идей, въ разные періоды исторіи. Г. Фадѣевъ дѣлитъ далѣе государства на потрясенныя революціею—каковы всѣ государства европейскаго материка, кромѣ Россіи, и на неприступныя для революціи, каковы Англія и Соединенные Штаты, и видитъ прочность только въ послѣднихъ. „Государство“, говоритъ онъ, „какъ женщина, теряетъ свою неприкосновенность только одинъ разъ и навсегда“. Дѣленіе это нужно автору для того, чтобы подготовить проведеніе мысли о спасительной „связности культурныхъ слоевъ“. Когда произошелъ раздоръ между дворянствомъ и буржуазіею во Франціи—тогда уличная революція и проникла въ государственное зданіе; во Франціи революція свила себѣ гнѣздо, и всѣ взрывы на нашемъ материкѣ были подражаніями французскимъ; кратковременный раздоръ между сословіями впустилъ революцію и въ Германію. Но французскія бури не коснулись странъ, гдѣ не оказалось разрыва въ образованныхъ слояхъ. Во всемъ этомъ, революція представляется какъ нѣкій необыкновенной породы левъ, который бѣгаетъ по улицамъ и не ищетъ „кого поглотити“, подобно льву библейскому, но поглядываетъ, не раскрыта ли ему гдѣ дверь раздоромъ культурныхъ сословій. Между тѣмъ, авторъ не можетъ не знать, что никакого такого льва нѣтъ, что революція не самородная сила, которая всегда начнетъ дѣйствовать какъ паръ, когда ему отворенъ клапанъ, но пароксизмъ въ жизни всего народа, такой пароксизмъ, которому подвергаются всѣ его слои. Это есть такое ускоренное движеніе новыхъ понятій, которое, встрѣтивъ на своемъ пути недовольство народа своимъ положеніемъ, въ какой-нибудь случайный моментъ обособаго раздраженія вспыхиваетъ и стремится осуществить внезапно и насильственно то, что при отсутствіи этихъ послѣднихъ условій совершилось бы постепенно, годами и вѣками. Въ различныхъ эпохи революціи провозглашали и осуществляли различныя идеи: общіихъ „революціонныхъ идей“ нѣтъ, и быть не можетъ. Необходимо отличать идеи вызывающія и одушевляющія революцію, то-есть насильственный переворотъ, отъ самаго характера этого дѣйствія. Когда

г. Фадѣевъ говоритъ, что революція создаетъ непрочность, онъ утверждаетъ нѣчто очевидное; но это относится къ революціи въ смыслѣ насильственнаго измѣненія учреждений, и относится въ равной степени къ революціи Брута и Коллатина, и къ возведенію императоровъ преторіанцами и легіонами, къ первому низложенію Стюартовъ и къ перевороту Монка, и ко второй англійской революціи, и къ революціи сѣверо-американской, и къ низложенію королевства жирондистами, и къ перевороту якобинцевъ, и къ 18-му бримера, и къ революціямъ 1830 и 1848 годовъ, и къ перевороту 2-го декабря. Насильственное ниспроверженіе учреждений всегда производитъ то условіе непрочности, которое разумѣетъ авторъ, говоря, что „государство теряетъ свою неприкосновенность“. Для созданія такой непрочности вовсе не необходимы тѣ идеи безсословности, которыя, по мнѣнію г. Фадѣева, представляютъ сущность революціи. Перевороты бывали во всѣхъ странахъ, и нѣтъ ни одного государства, которое сохранило бы свою „неприкосновенность“. Нельзя сказать, чтобы и наша исторія въ XVIII вѣкѣ представляла прочность, а между тѣмъ о всесословности тогда не было и помину. Что касается Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, то авторъ какъ будто игнорируетъ, что казнь короля и провозглашеніе республики въ Англіи случились на 140 лѣтъ ранѣе, чѣмъ во Франціи; что сѣверо-американское общество въ значительной степени создавалось изъ революціонныхъ элементовъ, то-есть изъ диссидентовъ, бѣжавшихъ изъ Англіи отъ преслѣдованій, и изъ земледѣльцевъ, изгнанныхъ тѣмъ дѣйствіемъ поземельныхъ законовъ, которое сказалось при увеличеніи населенія; что американское общество возникло къ самостоятельной жизни путемъ возстанія, настоящей революціи, которая уничтожила не только зависимость отъ метрополіи, но королевскую власть и сословность въ Америкѣ; что американская революція имѣла большое вліяніе на первую революцію во Франціи. О какой же неприкосновенности государственной жизни Англіи и Америки можетъ быть рѣчь? Въ наши дни отмѣна невольничества произошла при помощи междоусобной войны, и была отчасти актомъ революціоннымъ. Мнѣніе автора, что Америка осталась „тою же Англіею, съ тою же строгою и связною сословностью въ правахъ, только безъ старыхъ названій“, совершенно произвольное. Токкевиль докажетъ ему, что Америка—болѣе демократическая страна, чѣмъ сама Франція, въ которой авторъ видитъ корень зла, не говоря уже объ Англіи. Америка вовсе не „осталась тою же Англіею“ уже потому, что сама Англія, переживъ двѣ избирательныя реформы, не „осталась тою же Англіею“, какою она была при концѣ XVIII столѣтія. Еслибы г. Фадѣевъ былъ буржуазный беллетристъ, въ смыслѣ Фрейтага, или социалистъ въ

смыслъ Лассала, еслибы сословность онъ разумѣлъ какъ дѣленіе общества на капиталистовъ и рабочихъ, то онъ бы еще могъ сказать, что сословность существуетъ въ Америкѣ. Но онъ разумѣетъ сословность въ смыслѣ исторической, наследственной; въ этомъ вся сущность его воззрѣнія. А такой сословности въ англо-саксонской Америкѣ вовсе нѣтъ ни въ учрежденіяхъ, ни въ правахъ. Она гораздо болѣе въ правахъ Франціи, Испаніи и испанскихъ колоній въ Америкѣ, то-есть странъ, наиболѣе потрясенныхъ переворотами, чѣмъ въ правахъ сѣверо-американскаго общества. Напрасно г. Фадѣевъ говорить, что рабочій не можетъ попасть въ правительство Соединенныхъ Штатовъ; республика эта уже имѣла президентами людей, занимавшихся въ своей жизни и ручнымъ трудомъ. Быстрая измѣняемость общественнаго положенія людей есть именно характеристическая черта жизни въ Соединенныхъ Штатахъ, а всесословность нигдѣ не доведена до такой степени, какъ въ той странѣ, гдѣ не только „пролетаріи“, но негры имѣютъ политическія права, наравнѣ съ потомками Джефферсоновъ.

Революція, повторяемъ, есть только явленіе, а не принципъ, не самородная и постоянная сила. Авторъ смѣшиваетъ это явленіе съ тѣми идеями, которыми оно одушевилось во Франціи, на рубежѣ нынѣшняго столѣтія. Безсословность или равенство было только одною изъ этихъ идей. Но непрочность создана была во Франціи не этою идеей и не принципами 1789 года вообще, но именно фактомъ насильственнаго переворота, за которымъ послѣдовалъ рядъ переворотовъ, то въ смыслѣ реакціи, то въ смыслѣ осуществленія провозглашенныхъ однажды новыхъ принциповъ. Непрочность могла явиться безъ этихъ идей, просто вслѣдствіе обращенія къ насилию; такою была непрочность въ цезарскомъ Римѣ. Могли ли принципы 1789 года осуществиться безъ потрясеній—это другой вопросъ, который завелъ бы насъ слишкомъ далеко. Въ Англіи, въ теченіи двухсотъ лѣтъ, мы видимъ постепенный, весьма медленный, но вѣрный переходъ власти отъ короны и наследственной аристократіи къ буржуазіи, сперва крупной, потомъ и мелкой, а наконецъ въ нѣкоторой долѣ и къ рабочимъ сословіямъ. Рядомъ съ тѣмъ утрачивается мало-по-малу и значеніе наследственной сословности; Англія уже почти наканунѣ преобразованія поземельныхъ законовъ; въ Англіи, по всей вѣроятности, произошли бы потрясенія въ теченіи этого періода, еслибы не было спасительнаго канала эмиграціи. Что такое эта эмиграція, которую оставляютъ обыкновенно безъ вниманія хвалители сословной жизни Англіи? Это есть бѣгство цѣлаго народа, многочисленнаго народа изъ тѣхъ странъ Европы, гдѣ сословная формація отказывалась этому народу въ землѣ. Соединенные Штаты заселились главнымъ

образомъ именно этими бѣглецами отъ „прочныхъ основъ землевладѣнія“ Великобританіи и Ирландіи. И въ новѣйшія времена явленіе это продолжалось; всего, въ теченіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, въ Соединенные Штаты переселилось изъ Европы болѣе 7 1/2 милліоновъ душъ. Отчего они бѣжали: отъ французской ли „безсословности и безсвязности?“ Нѣтъ, во Франціи накопленіе произвело взрывъ, а не утечку; французскіе крестьяне завоевали себѣ землю, и остались дома. Эмигранты бѣжали и бѣгутъ въ Соединенные Штаты въ слѣдующей прогрессіи числа эмигрантовъ къ числу населенія: болѣе всего изъ Ирландіи, затѣмъ изъ Великобританіи, изъ Мекленбурга, изъ прочихъ частей Германіи. Иными словами, эмиграція является протестомъ противъ полной земельной экспроприаціи и вражды новаго земельного класса къ земледѣльческому сословію (въ Ирландіи), противъ натуральныхъ повинностей и аристократическихъ аграрныхъ законовъ (въ другихъ странахъ). Это тотъ же фактический протестъ бѣгствомъ, который въ западной и восточной Руси создалъ нѣкогда казачество и заселилъ Новороссію—бѣгство отъ притѣсненій земледѣльческаго класса и крѣпостного права. Итакъ, совершенно невѣрно, что, какъ утверждаетъ авторъ, „безсословность въ законѣ и на дѣлѣ“ виѣсть, порожденная революціей на европейской почвѣ, принесла съ собою всюду одно разрушеніе и подчинила въ значительной степени самые сложные вопросы XIX столѣтія сужденію людей каменнаго вѣка“. Безъ введенія всесословности во Франціи, безъ открытія французскимъ крестьянамъ доступа къ землѣ революціей, которая виѣсть прекратила и эмиграцію земледѣльцевъ, уже начинавшуюся и давшую Канадѣ французскую національность, и изъ Франціи уехали бы доселѣ милліоны людей, гонимые безземельемъ и тѣми условіями культурной прочности, которыя назывались *la corvée, la taille et la gabelle*; удержанный же властью, эксплуатируемый и угнетаемый, сельскій пролетаріатъ произвелъ бы анархію дома, возобновилъ бы крестьянскія войны. Авторъ утверждаетъ, что революція будто-бы вторглась во Францію въ ворота, „раскрытыя раздоромъ культурныхъ классовъ“; что „культурное ядро“ было разбито во Франціи революціей, что одна буржуазія впослѣдствіи ничего не могла создать, потому что была потоплена наплывомъ новыхъ людей и даже, огражденная впослѣдствіи цензозомъ, представила только „списокъ“, а не политическое сословіе, потому что уже не было „органической сердцевины“. Весь этотъ взглядъ служить только для вывода, что виѣ сословности нѣтъ спасенія, что безъ нея Франція уже клонится къ упадку, что отъ недостатка сословной связности даже умственные силы этой страны начинаютъ ослабѣвать. „Если кому-нибудь въ Европѣ“, говоритъ авторъ, „нравится эта будущность—обращеніе жи-

вого общественнаго организма въ безразличный студень, периодически потрясаемый народными взрывами—пусть подражаетъ добровольно“. А въ другомъ мѣстѣ замѣчается, что „наше современное общественное состояніе (конечно, не государственное) подходитъ довольно близко къ французскому“. Теперь ясно, куда направлено доказательство, и вотъ почему дѣлается авторомъ процессъ нашимъ „гѣвымъ мнѣніемъ“, вотъ почему указывается на „европейскіе корни нынѣшняго фразернаго либерализма (русскаго)“ въ видѣ „полезныхъ уроковъ“. По той же причинѣ и мы останавливаемся на примѣрѣ французской революціи, который положенъ авторомъ въ отрицательное основаніе для общихъ его выводовъ.

Первая французская революція можетъ быть разсматриваема въ двойномъ значеніи: по отношенію къ исторіи общей цивилизаціи,—этого мы касаться не будемъ,—и по отношенію непосредственныхъ послѣдствій для Франціи. Революція не уничтожила во Франціи ни политическаго господства „культурныхъ классовъ“, ни „связности“ ихъ, просто потому, что ни того, ни другого уже не было. Королевская власть при послѣднихъ Лудовикахъ, до революціи, успѣла уже подавить все: феодальная аристократія обратилась въ дворянство, то есть въ придворное и служилое сословіе. Природные герцоги имѣли политическое значеніе настолько, насколько они пользовались *grandes* или *petites entrées*, а герцогини—насколько онѣ пользовались табулетами. Тогдашняя палата пэровъ была извѣстная комната съ круглымъ окномъ, отъ котораго и получила свое названіе—*l'Oeil de boeuf*. Мѣстное управленіе вели не „культурные классы“, а королевскіе интенданты; система централизаціи, господство бюрократіи создано было до-революціоннымъ временемъ; революція и имперія только продолжали это дѣло, одна для удобства перестройки, другая—по недовѣрію къ обществу. Дворянству во Франціи, до революціи, оставлена была одна роль: при дворѣ и въ государственномъ управленіи—служба, въ мѣстномъ управленіи—эксплуатированіе народа; никакой самостоятельности оно уже не имѣло. „Что же такое было третье сословіе? „спросимъ словами Сіейеса, и отвѣтимъ его же словами: *ничто*; „а что оно должно бы быть?—*все*“. Буржуазія была дѣйствительно ничто; въ ничто были обращены „государственныя сословія“, которыя не собирались полтора вѣка; почти въ ничто—въ регистратурную форму—парламенты, которые то не созывались, то разгонялись. Проникнутая безнравственностью, потерявшая вѣру въ какіе бы то ни было идеалы, какую „личность“ могла имѣть тогдашняя французская аристократія; какую связность съ нравственно-чистой и трудящейся буржуазіею? Дворянство само первое увлеклось новыми философскими ученіями именно потому, что они разрушали преж-

іе ідеалы, що вполнѣ соотвѣтствовало легеомысленному нигилизму тогдашней аристократіи. Но когда, въ собраніи нотаблей, зашла рѣчь о распредѣленіи податей—дворянство рѣшительно отказалось подвергнуться имъ, хотя нотабли, а потомъ и „государственныя сословія“ были созданы для спасенія государства отъ финансоваго истощенія. Когда сословія раздѣлились, то революція не проникла въ открытыя ворота, но была прямо совершена однимъ изъ „культурныхъ слоевъ“, именно тѣмъ, который не имѣлъ значенія даже и при дворѣ, а между тѣмъ платилъ налоги и, конечно, наиболѣе былъ заинтересованъ въ избѣжаніи бездны государственнаго банкротства. Мы не можемъ продолжать этого урока исторіи, но намъ необходимо разъяснить вопросъ о бесспорности въ его корнѣ. Буржуазія не создала ничего прочнаго потому именно, что сословный принципъ самъ по себѣ безсиленъ создать что-либо; явились революціи противъ буржуазіи, и только тогда и возникнетъ во Франціи что-нибудь прочное, когда всесословность, установленная законами, установится окончательно въ правахъ. Что представляетъ нынѣшняя Франція?—вражду большинства „культурныхъ классовъ“ къ народной массѣ, которая именно потому на ихъ парламентскую монархію и республику и готова отвѣтить бонапартизмомъ или коммуною. Но революція все-таки создала во Франціи важный элементъ устойчивости—землевладѣльческое крестьянство. Этимъ элементомъ она замѣнила то дворянство, которое, переставъ въ дѣйствительности быть политическимъ классомъ, держалось только королевскою властью, а при ослабленіи ея должно было бѣжать изъ страны, не только не имѣя въ ней нравственнаго вліянія, но возбуждая къ себѣ только ненависть. Мы не имѣемъ цѣлю оправдывать революцію; насилие всегда бѣдственное средство, которое влечетъ за собою послѣдствія, долго ищающія установиться тому, что имъ сдѣлано. Такъ, Англія, вступивъ на революціонный путь въ половинѣ XVII-го столѣтія, въ продолженіи цѣлаго вѣка (1649 — 1746 г.) испытывала потрясенія и междоусобныя войны, пока при Кюллоденѣ не была окончательно рѣшена судьба Стюартовъ. Въ теченіи этого періода, Англія пережила республику, реставрацію, государственный переворотъ Якова II-го, новую революцію, троекратную междоусобную войну легитимистовъ и приверженцевъ новой либеральной династіи. Нашъ авторъ, который видитъ въ исторіи сословной Англіи только образецъ прочности государственной жизни, ставить и партіи тори и виговъ въ образецъ, какъ партіи практическихъ интересовъ, противопоставляя ихъ партіямъ французскимъ. Но авторъ забываетъ, что тогда, когда онѣ возникли, двѣ англійскія партіи были настолько же теоретичны, какъ партіи легитимистовъ и орлеанистовъ во Франціи въ настоящее

время; торы считали власть короля безусловною по сущности, а виги — условною, основанною на договорѣ; сверхъ того, онѣ были партіи династическія до тѣхъ поръ, пока торы оставались „любимцами“. Авторъ, вѣроятно не желая знать этого періода въ исторіи Англіи, и говоритъ: „надобно помнить, что въ Англіи, кромѣ одной magna charta, не было ни одного ключка писанныхъ условій между властью и обществомъ“. Но что же такое актъ Habeas Corpus и Bill of rights, какъ не основы парламентской монархіи, какъ она теперь существуетъ; оба имѣли происхожденіе революціонное: неприкосновенность личности явилась послѣ первой революціи, а преобладаніе общинъ — послѣ второй. Франціи остается еще 15 лѣтъ сроку, чтобы ея періодъ потрясеній сравнялся съ тѣмъ, который былъ вызванъ революціею въ Англіи. Потрясенія эти, сами по себѣ — зло, объ этомъ нѣтъ спору. Англійское дворянство, которое до революціи было преобладающимъ въ дѣйствительности политическимъ классомъ, осталось такимъ и послѣ нея, и дальнѣйшее развитіе Англіи на пути къ демократизаціи, къ всесловности, пошло рядомъ постепеннаго распространенія избирательной привилегіи. Во Франціи, гдѣ короли оставили дворянству только одну роль — службу, и одно значеніе — утѣшеніе народа, дворянство было сметено революціею, лишилось всякихъ корней въ странѣ, и возстановиться болѣе не можетъ. Но консервативный элементъ, который всегда представляется землемъ, возникъ новый, съ болѣе широкимъ и устойчивымъ основаніемъ — крестьянская землевладѣльческая масса стала истинно консервативною силою во Франціи. Роль крестьянской безземельной массы въ будущности Англіи еще не ясна; извѣстно только, что начинаютъ возникать общества сельскихъ рабочихъ, которыя братаются съ той таинственной и страшною силою, отъ которой будетъ зависѣть въ значительной мѣрѣ будущность Англіи — съ союзами фабричныхъ. Но роль крестьянской землевладѣльческой массы во Франціи совершенно ясна и неизмѣнна; это — оплотъ консерватизма, единственный реальный элементъ устойчивости во Франціи. Будущность ея принадлежитъ тому правленію, которое своими дѣйствіями приобрѣтетъ себѣ довѣріе крестьянъ. Если легитимистская и орлеанистская партіи, которыя называютъ себя консервативными, не умѣютъ оцѣнить этого факта и подчиниться ему, то именно потому, что духъ сословности, отмѣненной въ законахъ, живетъ еще во французскихъ нравахъ и вдохновляетъ двѣ названныя партіи; когда вотируется въ національномъ собраніи принятіе къ разсмотрѣнію какого-либо проекта, направленнаго къ ограниченію всеобщаго избирательства, сосчитайте аристократическіе титулы подавшихъ утвердительный голосъ; вы найдете ихъ больше, чѣмъ во всѣхъ нашихъ земскихъ собраніяхъ, вѣстѣ

взятыхъ. Дѣло въ томъ, что двѣ названныя партіи только толкуютъ о консерватизмѣ, на дѣлѣ же стремятся произвести контръ-революцію; легитимисты желали бы отмѣнить революцію 1792 года, съ принципами 1789 года, а орлеанисты—революцію 1848 года, съ всеобщимъ избирательствомъ, смѣнившимъ цензъ, а съ нимъ и предводительство буржуазіи. Одна бонапартистская партія понимаетъ контръ-революцію только въ смыслѣ возстановленія династіи; одна она признаетъ совершившуюся перестройку въ обществѣ, признаетъ законность силы крестьянства и ищетъ въ немъ опоры, а потому изъ всѣхъ консервативныхъ партій она одна и опирается на реальную силу; прочія же могутъ рассчитывать только на интриги, которыми ничего прочнаго создать нельзя. Что же касается партій либеральныхъ, которыя нынѣ группируются подъ знаменемъ республики, то пока онѣ будутъ кривить душой, тайно сожалѣя о всеобщемъ избирательствѣ, открыто признавая его, опираться на однихъ фабричныхъ рабочихъ, не довѣрять крестьянамъ и не заслуживать ихъ довѣрія, до тѣхъ поръ имъ и не удастся создать ничего прочнаго. Но когда, наконецъ, роялистскія партіи потеряютъ надежду, какъ потеряли ее англійскіе якобиты послѣ Кюлодена, когда партіи, взывающія къ продолженію революціоннаго пути, лишатся кредита въ утомленной странѣ и искренно признаютъ совершившіеся факты, тогда и французскія партіи обратятся въ практическіхъ консерваторовъ и либераловъ, въ тори и виговъ, каковы тори и виги теперь. Все равно, на какомъ полѣ состоится такое безмолвное соглашеніе: на полѣ имперіи, или на полѣ республики; это будетъ зависѣть отъ того, которая изъ двухъ реальныхъ партій сумѣетъ внушить къ себѣ довѣріе въ *массѣ* народа. Мы разсуждаемъ здѣсь не о судьбахъ Франціи, и потому должны оставить многое недоказаннымъ; достаточно оговорить, что если Франція не будетъ раздѣлена, какъ Польша, вслѣдствіе новыхъ внѣшнихъ войнъ—то всесословная Франція можетъ имѣть плодотворную будущность, и только всесословная Франція и можетъ имѣть ее, какъ ее, безспорно, имѣетъ всесословная Америка, какъ ее ищетъ въ медленномъ, но вѣрномъ приближеніи къ всесословности Англія.

Итакъ, теорія г. Фадѣева, желающая доказать исторію Запада, что спасеніе заключается въ возвратѣ къ сословности тамъ, гдѣ она вычеркнута изъ законовъ, или въ обращеніи къ ней тамъ, гдѣ она не существуетъ, находитъ именно въ исторіи Запада полнѣйшее себѣ опроверженіе. „Теперь“, скажемъ и мы словами интересующей насъ брошюры, „мы можемъ воротиться къ нашему домашнему дѣлу“.

Въ нашемъ „домашнемъ дѣлѣ“ безспорно только одно изъ положеній г. Фадѣева: нашъ разбродъ или безсвязность въ понятіяхъ

ныиѣшняго русскаго образованнаго общества. Явленіе это есть отчасти плодъ нашей исторіи послѣднихъ вѣковъ, отчасти — результатъ непутнаго такъ-сказать кризиса или, какъ принято его называть, переживаемаго нами переходнаго времени“. Но и у насъ спасеніе, вопреки мнѣнію автора, можетъ заключаться не въ созданіи какой-либо искусственной комбинаціи, въ родѣ послѣдняго французскаго проекта объ ограниченіи всеобщаго избирательнаго права учрежденіемъ второй палаты изъ генераловъ, адмираловъ, архіепископовъ, землевладѣльцевъ, фабрикантовъ и ученыхъ, представителей „землевладѣнія, капитала и таланта“, — а точно также какъ на Западѣ — въ призваніи коренныхъ, совершившихся фактовъ, въ продолженіи постройки, и не въ подставкѣ новыхъ фундаментовъ, изъ купленныхъ на сторонѣ, отъ сломаки чужихъ зданій, ветхихъ кирпичей.

Мы пока еще только государство, а не общество, разсуждаютъ авторы; Россія держится только благодаря твердости ея государственныхъ началъ, держится только государственною склейкой. Общественное и безсвязность ея общества, лишеннаго „органической сердцевины“, таковы, что оно представляется въ видѣ „тысячелѣтняго студня“; никакихъ сборныхъ мнѣній у насъ нѣтъ, всѣ образованные люди идутъ въ разбродъ, и общества, въ смыслѣ фактора, способнаго къ дѣйствию, не существуетъ, такъ какъ безъ сборной и если невозможна дѣятельность общества. „Еще двадцать лѣтъ тому назадъ, до крымской войны, всѣ мы понимали тогдашнюю Россію самихъ себя, знали, что думаемъ и въ нѣкоторой степени даже того желаемъ. Теперь мы этого не знаемъ“. Въ доказательство приводится неуспѣшный ходъ мѣстнаго самоуправленія, т.-е. земскаго, крестьянскаго, а также и мирового суда. Что реформы, вызвавшія новыя учрежденія, не произвели доселѣ полной плодотворной жизни, это относится авторомъ не къ чему-либо иному, но именно къ недостатку, какимъ страдаетъ общество, къ отсутствію „связности“, „сборныхъ мнѣній“. Намъ приходится и теперь уповать только на „сокровенную, внутреннюю мощь русскаго народа“, т.-е. на общенародное мѣсто. Для объясненія такого положенія, авторъ обращается къ русской исторіи. Верховная власть московскихъ временъ была воистину диктатурой, необходимою для спасенія русской самостоятельности; она создала Россію и передала ее петербургскому періоду могущественною и сосредоточенною. Петербургскій періодъ имѣлъ воспитательное значеніе. Его задачей было создать въ Россіи культурный, европейскій слой. Условій развитой общественной жизни не могли создать ни до-петровская эпоха, потому что она представляла борьбу за существованіе, ни послѣ-петровская эпоха, потому что, будучи воспитательною, она имѣла особую задачу. То

перь мы вступаемъ въ новую эпоху исторіи, и вступаемъ въ нее съ единственнымъ наслѣдствомъ отъ воспитательнаго періода—съ нашимъ культурнымъ слоемъ, т.-е. дворянствомъ, какъ его создалъ Петръ—связномъ и доступномъ снизу, не отчужденномъ отъ народа, но представляющимъ верхній народный пластъ, постоянно пополняющійся подроставшими изъ „подпочвы“ силами. Въ петровскаго дворянства у насъ нѣтъ ничего, кромѣ стихійной силы простонародья. Никакого средняго сословія у насъ нѣтъ, и въ XIX столѣтіи не появится такое сословіе, о которомъ не слыхала тысячелѣтная Русь. Первоначальная мысль Петра, создававшая наше дворянство въ смыслѣ связнаго сословія русскихъ образованныхъ людей, дожила теперь до своего практическаго примѣненія; наша будущность зависитъ отъ умѣнья пользоваться этою, единственною сознательною силою, отъ степени зрѣлости и связности нашего культурнаго слоя — дворянства, и мѣры участія его въ общественныхъ дѣлахъ.

Нынѣшнее безсиліе общества объясняется обезличеніемъ самого дворянства и утратою имъ связности. Обезличеніе зависѣло отъ самаго дѣйствія воспитательнаго періода, который создалъ у насъ культурный слой. Дворянство воспитывалось для службы, воспитывалось раздробленное на единицы, члены его не соприкасались другъ съ другомъ, какъ члены общества. Старое дворянство утонуло въ массѣ новаго культурнаго слоя, а новые дворяне проникались иностранными понятіями, не имѣя возможности свѣрять ихъ съ своею дѣйствительностью. Вышло, что дворянство могло выставить много лично развитыхъ людей для службы, но не могло создать русскихъ земскихъ дѣятелей, которые нужны для собственнаго дѣла; наше общественное состояніе и есть именно обезличеніе. Культурное общество образовалось блѣдное. Но ничего, кромѣ него, мы не имѣемъ; наше общественное дѣло все-таки можетъ быть поведено только однимъ дворянствомъ, присоединяя къ нему силу большихъ капиталовъ и большихъ талантовъ, откуда бы они ни взились. „Не создавать же новаго культурнаго класса, въ обходъ стараго, еслибы даже такая операція была возможна, сложивъ руки на полтора столѣтъ“! Просимъ читателя замѣтить, что доселѣ рѣчь шла собственно объ обезличеніи. Но въ этомъ мѣстѣ аргументація, вдругъ выступаетъ, мѣсто обезличенія,—безсвязность. Примѣръ Запада, по мнѣнію автора, доказываетъ, что „прочность государственнаго и общественнаго устоя зависитъ вполне отъ крѣпкой связи культурнаго слоя“... „Какой же устой представляетъ, въ своемъ нынѣшнемъ положеніи, русскій социальный слой, воспитанный въ безсвязности, лишенный всякихъ преданій общественной дѣятельности?“ На Западѣ „сгубилъ дѣло

одинъ промежутокъ между двумя сословіями (мы уже говорили объ этомъ примѣрѣ), у насъ же такіе промежутокъ лежатъ между двумя двумя людьми“. „Гдѣ только намъ приходится жить, дѣйствовать или говорить сообща, тамъ мы, покуда, безсильны и безпомощны. Ни сверху, ни снизу нельзя считать такое общественное положеніе безопаснымъ и успокоиться на немъ. Мы очутились въ этомъ положеніи внезапно. До 19-го февраля 1861 г.. русскій сознательный слой жилъ только государственномъ, а не общественномъ жизнью“, но глядѣлъ на будущее довольно довѣрчиво, полагаясь на давнюю, механическую сословную связность. „Если бы эта, хотя бы только наружная, связность и уцѣлѣла при новыхъ условіяхъ жизни послѣ освобожденія народа“—выяснимъ мысль автора—если бы дворянству поручено было руководство въ мѣстномъ самоуправленіи, то „совокупная дѣятельность сростила бы его нравственно довольно скоро“, русскій культурный слой „проникся бы единствомъ“, началъ бы устанавливать общественное мнѣніе, и дѣло не дошло бы до нынѣшняго разлада.

Случилось иначе, говорить г. Фадѣевъ: „осмѣливаемся высказать мнѣніе, что великодушныя преобразованія, обновившія Россію вслѣдъ за освобожденіемъ крѣпостныхъ, были въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ *слишкомъ теоретичны*, а потому не вполне совпадали съ естественнымъ теченіемъ русской исторіи“. Въ эти преобразованія, „по неизбежному несовершенству человѣческихъ дѣлъ, вкралась *ошибка*“ именно потому, что правительство желало „дѣйствовать согласно съ общественнымъ мнѣніемъ“. Оказывается, что въ пятидесятыхъ годахъ „сборный голосъ всѣхъ оттѣнковъ, отъ славянофиловъ до нигилистовъ, насколько онъ выражался и въ печати, и на улицѣ, желалъ всесословности—именно такой формы всесословности, которая на дѣлѣ равнялась бы полной безсословности“.... „Опытъ совершился. Выработанный исторією русскій культурный слой былъ во многихъ отношеніяхъ пожертвованъ отвлеченнымъ идеямъ всесословности“. „Но никакая связность немыслима безъ твердой сердцевины, и никакая сердцевина немыслима у насъ покуда безъ наслѣдственности“. Выводъ изъ этого очерка очевиденъ: для будущности Россіи необходимо привилегированный потомственный общественный строй, съ отведеніемъ ему „подобающаго мѣста“ въ государственномъ устройствѣ, такъ, „чтобы онъ служилъ ядромъ русской политической и общественной жизни, не захватывая его въ свою исключительную собственность, и чтобы доступъ въ него снизу былъ облегченъ“. „У насъ нѣтъ розни между дворянствомъ и народомъ потому, что наше дворянство явилось изъ того же народа, а не изъ завоевателей, покорившихъ народъ и установившихъ свое преобладаніе феодальнымъ

правомъ; поэтому у насъ нечего бояться монополіи дворянства, стѣснительной для народа. Людямъ изъ низшихъ классовъ гораздо выгоднѣе вступить въ привилегированный классъ, чѣмъ бороться противъ привилегіи“. Подъ вліяніемъ такихъ убѣжденій, авторъ предполагаетъ слѣдующія условія для нашего будущаго развитія, а соотноситъ съ ними и передѣлку нашего самоуправления: оно поручается дворянству, земство же остается только для хозяйственныхъ дѣлъ; для дворянства восстанавливается обязательность государственной службы, доступъ въ дворянство этой службой облегчается противъ нынѣшнихъ условій, въ особенности для крупнаго землевладѣнія и видныхъ общественныхъ заслугъ, но затѣмъ также и для родовъ (не лицъ) богатаго купечества. „Только сгруппировавшись вокругъ связаннаго дворянскаго ядра, самоуправленіе въ Россіи станетъ положительнымъ дѣломъ“. Самоуправленіе это авторъ предполагаетъ поручить не всему уѣздному дворянству, но дворянству цензовому, опредѣляя цензъ въ 1,000 рублей дохода; цензъ для дворянъ представляется еще значительнымъ чиномъ и высокой ученой степенью. Это и будетъ „передачей самоуправления въ руки культурнаго сословія“. Авторъ убѣжденъ, что дворянскому самоуправленію правительство можетъ оказать болѣе довѣрія, чѣмъ оно могло имѣть къ всесословному земству, въ то время, когда его предположено было учредить, и что, поэтому, дворянскимъ органамъ можетъ быть передано совершенно все уѣздное управленіе. Въ такой серьезной постановкѣ земскаго дѣла авторъ видитъ „всю будущность Россіи“.

Мы не желаемъ давать книгѣ г. Фадѣева много значенія, чѣмъ какое придано ей самимъ авторомъ. Если бы намъ сказали, что предположенія, подобныя тѣмъ, которыя имъ предлагаются, внесены какой-либо вліятельною стороною въ административныя сферы, въ видѣ проекта полной переработки преобразованій настоящаго царствованія, то намъ предлежала бы иная задача, чѣмъ та, которою мы занялись; къ постановленному на полѣ практическомъ, готовому проекту мы и отнеслись бы исключительно практически, занялись бы единственно указаніемъ цѣлей, съ какими онъ могъ бы быть составленъ. Намъ стоило бы тогда, наприм., напомнить о доказанной уже дворянствомъ, пока оно одно участвовало въ мѣстномъ управленіи, полной неспособности, полномъ безсиліи не только внести въ него живительную общественную силу, но даже оказать сколько-нибудь замѣтное содѣйствіе коронной администраціи, чтобы обнаружить, что проектъ долженъ имѣть въ дѣйствительности иныя цѣли. Примѣромъ, совершенно несомнѣннымъ для всѣхъ, кто призванъ заниматься въ Россіи законодательными работами, мы доказали бы, что если предполагаетъ

мый проектъ предлагаетъ возвратиться попрежнему къ мысли о дворянскомъ самоуправленіи, то онъ не можетъ не имѣть иныхъ цѣлей, кромѣ тѣхъ, которыхъ недостижимость уже была въ теченіи 80 лѣтъ доказана. А съ какими цѣлями могло бы быть практически предлагаемо такое дворянское самоуправленіе, объ этомъ догадаться не трудно; насчетъ ихъ не могло бы быть даже никакихъ сомнѣній. Тамъ, гдѣ политическое право замыкалось въ одномъ сословіи, это право всегда и неизбѣжно составляло олигархію. Этимъ бы мы и ограничились. Но составители подобнаго проекта едва ли обратились бы къ публикѣ, едва ли начали бы съ оглашенія его и употребили бы старанія, чтобы убѣждать общество ссылками на исторію. Во всякомъ случаѣ, мы не имѣемъ права смотрѣть на книгу г. Фадѣева, какъ на отраженіе чего-либо подобнаго, и не желаемъ подозрѣвать у него заднихъ мыслей. Мы принимаемъ, что его книга есть только сводъ личныхъ его размышленій и убѣжденій, которыя онъ желаетъ внести въ сознаніе общества. Видя въ немъ не болѣе, какъ увлекающагося, талантливаго, но слишкомъ наклоннаго къ импровизаціи публициста, мы должны допустить, въ объясненіе его нѣсколько необычайныхъ выводовъ и нѣсколько странныхъ предложеній, не заднія мысли, а только односторонность, нѣкоторую поверхностность и легкость въ обращеніи съ данными исторіи и настоящей дѣйствительности; однимъ словомъ, такія свойства, которыя, не лишая его импровизацію литературныхъ достоинствъ, оставляютъ ее однакоже импровизаціею.

Съ „домашнимъ дѣломъ“ г. Фадѣевъ, оказывается, поступилъ также безцеремонно, какъ, мы видѣли, онъ поступилъ съ западною Европою. Приводя въ свидѣтельство исторію, можно, конечно, ограничиваться ссылкой только на ближайшее время, время, создавшее тѣ общественныя формы, которыя мы видѣли или видимъ; но тогда исторія разъяснитъ намъ только то значеніе, какое придавалось этимъ формамъ при учрежденіи ихъ. Если же мы обращаемся къ исторіи за разъясненіемъ хода народнаго сознанія и всего образованія народнаго склада, въ такомъ случаѣ мы не имѣемъ права произвольно выбирать во времени ту или другую точку отправленія. Не съ Москвы началась формація русскаго народа. До Руси московской была Русь древняя, вѣчевая. Отъ Владиміра до Ивана III прошло четыре съ половиною вѣка, то-есть ровно вдвое болѣе, чѣмъ сколько продолжалось господство московскаго періода. Писателю, который предвидитъ для Россіи особыя отъ Европы формы развитія въ будущемъ, выгодно начинать русскую исторію съ московскаго періода, въ которомъ Россія была наиболѣе отчуждена отъ Европы, наименѣе похожа на Европу. Избравъ произвольно эту точку отправленія, выгодно противопоставлять такъ-называемому петербургскому періоду нѣ-

которые слѣды общественныхъ силъ, проявившіеся въ московскомъ періодѣ, какъ-то, на губное управленіе и даже соборы. Такимъ образомъ, петербургскій періодъ съ его централизаціею и бюрократичностью, является какъ-бы реакціонернымъ въ сравненіи съ московскимъ. Но неопровержимая истина заключается въ томъ, что если разсуждать о самоуправленіи, то первоначальною реакціею въ общей исторіи Россіи является не петербургскій, а московскій періодъ. Бюрократическая, коллегіальная или департаментская послѣ-петровская Россія служить въ этомъ смыслѣ только продолженіемъ Россіи приказной, московской. Если въ этой послѣдней проявляются нѣкоторые слѣды общественнаго управленія — причемъ замѣчательно, что проявляются они именно въ правленіе такого царя, какъ Грозный — то это было не что иное, какъ слабые, искаженные остатки до-московскаго времени, блѣдныя отблески Руси вѣчевой. Древняя же Русь съ правленіемъ княжескимъ и управленіемъ намѣстниковъ, но рядомъ съ ними вѣча и посадниковъ, причемъ на сѣверѣ и западѣ вѣче раздѣляло съ княземъ даже власть государственную — не представляетъ никакого коренного различія съ обще-германскимъ устройствомъ до-феодалнаго періода. Русь начала съ того, что была Европою. Извѣстный публицистъ Фрименъ замѣчаетъ, что устройство англо-саксонскаго общества было основано на тѣхъ самыхъ элементахъ, которые сохранились въ своей чистотѣ въ организаціи швейцарскаго кантона и что позднѣйшее развитіе англійской конституціи было только постепеннымъ возвращеніемъ къ первобытнымъ принципамъ, оставшимся въ народномъ сознаніи. Англія пережила и короткій періодъ полновласти первыхъ норманскихъ королей съ ихъ дружинниками, и долговременный періодъ феодальнаго права; послѣдній наложилъ свою печать на англійское землевладѣніе и на всѣ формы быта общественнаго. Но позднѣйшія политическія основы, сущность нынѣшняго политическаго устройства, вытекли не изъ феодальнаго періода; онѣ изъ него логически вовсе не слѣдуютъ, но, напротивъ, представляютъ возвращеніе къ самымъ давнимъ, чисто-народнымъ преданіямъ. Опираясь на реальные факты нашей исторіи, нѣтъ возможности разсуждать иначе и о судьбахъ русскаго народа. Татарское владычество и обрусеніе финскаго востока великимъ колонизаціоннымъ движеніемъ, съ одной стороны ослабили значеніе славянской общины въ восточной Руси, провели различіе между устройствомъ городовъ и селеній, нарушили связность сельскихъ общинъ въ волости, обратили сельскую общину въ учрежденіе по преимуществу хозяйственное, а съ другой — создали единодержавную власть московскихъ великихъ князей. Но въ юго-западной Руси, община сохранила прежнее значеніе, судъ продолжалъ принадлежать громадѣ, а въ Руси сѣверной,

новгородской, вѣче получило значеніе государственнаго, законодательнаго и административнаго учрежденія, князю же оставлена была только власть военная и судебная. Съ конца XV столѣтія Русь, собираемая Москвою, начинаетъ утрачивать народное самоуправленіе, но тѣмъ не менѣе принципы его остаются въ сознаніи народа. Все, что было и осталось въ русскомъ народѣ живого въ понятіяхъ о веденіи дѣлъ, было и остается всегда плодомъ старинныхъ преданій, одновременно съ которыми сложились и русское имя, и русскій языкъ. Русскій народъ пережилъ и періодъ восточной власти московскихъ царей, періодъ указа, смѣнившагося европейскимъ закономъ, и періодъ крѣпостного права, которое по отношенію къ закрѣпощенной массѣ ничѣмъ не отличалось отъ феодальнаго права, и все-таки въ немъ крѣпко держались старинныя преданія. Московскій періодъ уничтожилъ политическое вѣче на сѣверѣ, сказавъ устами Ивана III: „хотимъ государства въ Великомъ Новгородѣ такого же какое у насъ въ Москвѣ; вѣчевому колоколу въ Новгородѣ не быть, а государство все намъ держать“. Между тѣмъ, на дѣлѣ нельзя было „все государство держать“ безъ совѣтниковъ и исполнителей, думать надо было въ думѣ и приказывать приказами. И вотъ, уже по смерти его же преемника, является олигархія, но олигархія чисто восточная, основанная на придворномъ вліяніи. Подъ правленіемъ бояръ вырастаетъ первый царь—Иванъ IV; онъ казнитъ все чуждое его полновластію, истребляетъ самое населеніе Новгорода, но казнитъ и бывшихъ правителей; изъ недоумѣнія къ дружинникамъ-совѣтникамъ, въ умѣ его мелькаетъ мысль обратиться вновь къ началу самоуправленія хоть на той степени, гдѣ оно не можетъ быть опасно для его полновластію. И вотъ, онъ взываетъ къ живущимъ въ народѣ преданіямъ общиннаго выборнаго управленія, учреждаетъ губы на прежнемъ волостномъ дѣленіи; губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ отъ городовъ и селеній поручаетъ управленіе судебными и финансовыми дѣлами. Ими онъ думаетъ нѣсколько замѣнить своихъ намѣстниковъ, но намѣстниковъ нельзя было ни замѣнить, ни даже ограничить безъ отвѣтственности ихъ предъ обществомъ, ограничить безъ вѣча; выборные люди становятся служебными лицами,—такъ понимаютъ они свое значеніе и такъ его понимаетъ народъ; избираетъ ихъ онъ, но избираетъ ихъ для службы правительству въ мѣстныхъ дѣлахъ. Совершавшееся уже закабаленіе сельской массы содѣйствовало къ тому, чтобы обратить эти учрежденія въ мертвую букву. Мѣстное управленіе въ дальнейшей исторіи московскаго періода и представляетъ служилыхъ государевыхъ, военныхъ людей, подъ начальствомъ воеводы, все-сильнаго на мѣстѣ, но безсильнаго передъ разряднымъ приказомъ, и слугъ выборныхъ: губныхъ старостъ и цѣловальниковъ, съ зем-

скими дьяками; эти выборные слуги въ XVII вѣкѣ совершенно подчиняются воеводамъ и постепенно утрачиваютъ то значеніе, какое имъ хотѣлъ дать Грозный. Но преданія о выборномъ общинномъ управленіи остаются въ сознаніи народа, и когда верховная власть совершала на нашихъ глазахъ свое великое дѣло уничтоженія нашего феодальнаго права — крѣпостнаго права (мы называемъ его феодальнымъ только по отношенію къ крестьянамъ), когда она рѣшилась снять съ русскаго народа эту гнойную кору, выросшую надъ его язвами, — что нашла она въ народѣ, какіе зачатки для жизни самостоятельной, какіе приемы купной дѣятельности? — Она нашла — вѣче. Слабое, конечно, несчастное вѣче, подъ именемъ міра въ селѣ, артели — внѣ села, въ отхожемъ промыслѣ. Слабы, ничтожны были эти формы въ смыслѣ орудій; но какова же была ихъ внутренняя сила, какъ элементарныхъ ячеекъ русскаго организма, если они устояли подъ согласнымъ трехсотлѣтнимъ гнетомъ? А устояли онѣ потому, что устоялъ самъ русскій народъ; осталось тѣло — уцѣлѣла въ немъ и душа его. Что оставалось дѣлать законодателю, какъ не взять въ основу преобразованія Россіи эти единственные, существовавшія искони, историческія формы, и создать изъ нихъ всеобщее земство? „Ошибокъ“, какъ думаетъ г. Фадѣевъ, законодателемъ вовсе сдѣлано не было; тутъ ошибается только одинъ г. Фадѣевъ. О какихъ „теоретическихъ увлеченіяхъ“, о какомъ подражаніи „французскимъ и американскимъ образцамъ“ можетъ быть тутъ рѣчь, когда воскрешалась исконная, природно-русская мысль выборнаго общиннаго управленія, безсословности, не знавшей даже различія между городской и сельской общиной, но сливавшейся въ одно земство, совершенно въ сторонѣ отъ котораго стояли дружинники? Правда, рядомъ съ крестьянской общинойросло частное землевладѣніе, изъ-подъ власти котораго и требовалось освободить крестьянство. Землевладѣніе, какъ реальный элементъ, должно было войти въ земство; потому-то земство и сдѣлано всеобщимъ, иначе оно было бы крестьянскимъ и городскимъ только. Но по какому соображенію историческому, практическому или теоретическому могъ бы законодатель подчинить земство дворянскому землевладѣнію? Исторія показывала ему, что единственной органической силой народа была крестьянская община, міръ, крестьянское вѣче; показывала ему, что попытки призвать общинное выборное управленіе въ помощь верховной власти не удались, потому что ихъ загубили воеводы, приказы, дружинныя начала, крѣпостное право, но что, тѣмъ не менѣе, формы этого управленія крѣпко удержались въ народѣ, составляя самую сущность его общественнаго духа. Съ другой стороны, исторія такъ-называемаго петер-

бургскаго періода свидѣтельствовала передъ законодательствомъ, что дворянское землевладѣніе, основанное на кормленіи, на жалованьи вотчинами за службу, на службѣ, не могло произвести въ себѣ и тѣни того крѣпкаго общественнаго организма, который оставался въ сельской массѣ. Въ ней дружность міра, вѣра въ него, безпрекословное ему повиновеніе остались, несмотря на то, что государство, вмѣстѣ съ дворянскимъ землевладѣніемъ, давили этотъ міръ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ. Въ немъ, въ дворянскомъ землевладѣніи, образовалось только то обезличеніе и тотъ разбродъ, на которые жалуется г. Фадѣевъ, проявилось полное нежеланіе и неумѣнье пользоваться своими правами, несмотря на то, что правительство заботилось о надѣленіи его правами по общественному и даже мѣстному государственному правленію, и даже—странно сказать—неоднократно *приказывало* дворянскому землевладѣнію пользоваться этими правами, отъ которыхъ оно уклонялось. Никогда, со времени установленія въ Европѣ феодальнаго права, нигдѣ правительство не надѣляло само дворянское землевладѣніе столь многообразными привилегіями по мѣстному и общественному управленію, и никогда, нигдѣ, изъ употребленія дворянскимъ землевладѣніемъ предоставленныхъ ему правъ не выходило, какъ у насъ въ Россіи, такого колоссальнаго фіаско. Вотъ что говорила законодателью исторія, и вотъ почему мы утверждаемъ, что законодатель поступилъ у насъ, какъ нельзя болѣе мудро.

Практическія соображенія при освобожденіи крестьянъ отъ власти помѣщиковъ прежде всего требовали, конечно, чтобы крестьяне дѣйствительно вышли изъ подъ власти помѣщиковъ; стало-быть, единственная комбинація, которой соображенія эти не могли допускать, представлялась именно подчиненіемъ крестьянства и всего мѣстнаго самоуправления дворянскому землевладѣнію. Наконецъ, теоретическія соображенія могли говорить законодателю, что государство, давая помѣщикамъ за ликвидацію ихъ прежнихъ отношеній къ крестьянамъ *денги*, не имѣетъ никакого повода давать имъ еще какого иного вознагражденія. Выкупая крестьянскую землю изъ крѣпостной тяготы за деньги, государство не имѣло никакого рациональнаго основанія подчинять долѣе мѣстное управленіе дворянскому землевладѣнію; напротивъ того, весьма странно было бы подчинять мѣстное управленіе именно тому сословію, которое платитъ наименѣе податей; теоретическое устройство требовало бы, напротивъ, чтобы самый цензъ въ земствѣ былъ опредѣленъ не по пространству владѣемой земли, но по количеству платимыхъ налоговъ; такимъ образомъ, чтобы число гласныхъ, избираемыхъ отъ каждаго избирательнаго сѣзда, опредѣлялось согласно участію сословій въ государ-

ственныхъ налогахъ. Цензъ и распредѣленіе гласныхъ между сословіями, какъ то и другое установлено было у насъ, явились отступленіемъ отъ теоріи, уступкою въ пользу реальнаго факта, который состоялъ въ томъ, что до того времени участвовало въ мѣстномъ управленіи одно дворянское землевладѣніе, по числу принадлежавшихъ ему *душъ*.

Мы могли бы окончить на этомъ наши историческія напоминанія. Но, указавъ на историческія формы народнаго самоуправленія въ Россіи, мы должны остановиться еще на томъ, въ какомъ отношеніи стоялъ къ этимъ формамъ, въ разныя времена русской исторіи — нашъ „культурный“ слой. Исторія его съ самаго начала и до ближайшихъ временъ, представляетъ одну общую черту: служба создавала „породу“, а порода давала право на мѣсто въ службѣ. Различіе съ западною Европою было огромное, но существенная его черта не та, которую выставляетъ г. Фадѣевъ, не та, что на Западѣ дворянство представляло завоевателей, а народъ завоеванныхъ, и потому будто бы между тѣми и другими стояло понятіе о „бѣлой и черной кости“, между тѣмъ какъ въ Россіи дворянство—только верхній слой народа. Это опредѣленіе и само по себѣ не вполнѣ вѣрно, такъ какъ фактъ завоеванія въ большинствѣ государствъ Запада (хотя не во всѣхъ) произошелъ еще до сформированія нынѣшнихъ національных индивидуальностей, такъ что завоеватели вполнѣ срослись съ завоеванными въ образовавшихся потомъ народностяхъ, и дворянство отдѣлено было отъ народа не иноплеменностью, но феодальнымъ правомъ. Между тѣмъ, въ нашъ „культурный“ слой вошло едва ли не болѣе иноплеменныхъ элементовъ, чѣмъ во всякій другой, а крѣпостное право отдѣлило его отъ народа точно такъ же, какъ феодальное право. И на Западѣ, и въ Россіи, рабовладѣльцевъ и рабовъ отдѣляло вовсе не завоеваніе, а самый фактъ рабовладѣнія. Но не въ томъ, повторяемъ, представляется существенное различіе исторіи нашего дворянства отъ исторіи дворянства западнаго. Дѣло въ томъ, что фактъ завоеванія на Западѣ съ конфискаціею всей земли въ собственность герцога или короля, обратилъ тамъ дружинниковъ въ вассальныхъ землевладѣльцевъ. Тамъ все дворянство основалось на землѣ, которая вся была раздѣлена на ленномъ правѣ въ пользованіе дружинникамъ, и духовенству, и отчасти самими земледѣльцамъ. Такимъ образомъ, дружинники, опираясь на землю, стали въ ленныя отношенія къ королевской власти. У насъ, напротивъ, земля конфискована не была, и не была роздана въ пользованіе на феодальномъ правѣ. Дружинники остались у насъ дружинниками, ходили съ князьями собирать дань съ населенія,

получали отъ нихъ жалованье и доходныя мѣста, переходили съ княземъ изъ одного княжества въ другое, переходили даже отъ одного князя къ другому; все значеніе ихъ было при особѣ князя, а не въ землѣ. Правда, они посылались намѣстниками, а изъ намѣстниковъ въ западной Европѣ вышли потомственные графы. Но размноженіе князей сдѣлало то, что во всякомъ значительномъ городѣ, почти во всякой волости, былъ князь. Откуда же было еще возникнуть такимъ потомственнымъ намѣстникамъ, которые потомъ обратились въ вассаловъ, сильнѣйшихъ самого короля, въ саксонскихъ, баварскихъ, нормандійскихъ, бретонскихъ, бургундскихъ герцоговъ? На одномъ уровнѣ съ феодальнымъ землевладѣльческимъ дворянствомъ на Западѣ, у насъ представилось сословіе удѣльныхъ князей, которые всѣ считались одного рода, всѣ были Рюриковичи. Дружинники же оставались служебнымъ сословіемъ. Отношеніе ихъ къ земству опредѣляется словомъ „кормленіе“. Въ московскомъ періодѣ, по мѣрѣ возрастанія силы московскихъ князей, возрастало значеніе ихъ дружинниковъ, то-есть, ихъ чиновныхъ людей. Эти чиновные люди не представляли дворянскаго сословія въ западно-европейскомъ смыслѣ, хотя имъ жаловались земли. Они оставались служилымъ сословіемъ; все ихъ значеніе въ государствѣ основывалось на близости ихъ къ особѣ князя, на его милости, на службѣ ему. Самаго понятія о дворянствѣ въ смыслѣ рыцарства не было и слѣдовъ; тамъ, гдѣ это понятіе явилось, кореннымъ его условіемъ была идея о равенствѣ рыцарской чести; въ служебномъ же сословіи ничего подобнаго возникнуть не могло. Здѣсь было наоборотъ—полное отсутствіе общаго сословнаго духа, потому что не могло быть общаго сословнаго интереса; на службѣ бываетъ только личный интересъ. Оттого у насъ даже и понятіе о родовитости, созданной службою, или происхожденіемъ отъ Рюриковичей, перешло въ понятіе о родовой чиновной знатности, въ мѣстничество, т.-е. въ начало *неравенства* дворянской чести,—начало, прямо-противоположное западно-европейскому, какъ оно тамъ выразилось въ слово *pair*—равный.

Между тѣмъ, это чиновное дворянство, не имѣвшее не только „сборной мысли“, но и сборнаго имени, такъ какъ слова „дворянство“ не существовало, пріобрѣтало все болѣе значенія, вмѣстѣ съ ростомъ московскаго княжества среди Россіи. Но оно росло вмѣстѣ съ той властью, которая подавляла въ Россіи древнее начало, постепенно отмѣняя свободу сельскаго населенія. Являясь орудіями для установленія приказной и крѣпостной Россіи, вмѣсто древней, вѣчевой, орудіями въ подавленіи русскаго земства, чиновное боярство, со всѣми его низшими отпрысками, само оставалось безъ всякой сословной организаціи. Самая родовитость или „порода“ открывала ему

только право на службу, доступъ къ милости; внѣ службы, внѣ милости родовитѣйшее боярство и сами потомки Рюрика „худѣли“ въ дальнѣйшихъ своихъ поколѣніяхъ, и исчезали въ массѣ.

Петровский періодъ измѣнилъ это положеніе собственно въ томъ смыслѣ, что далъ дворянству наследственность дворянскаго званія. Но служебное значеніе дворянства или „шляхетства“, какъ оно было названо, до изобрѣтенія, уже въ позднѣйшее время слова дворянство, отъ чина „дворянинъ“,—сохранено было въ назначеніи, какое было дано дворянству Петромъ: установивъ наследственность шляхетскаго званія, соединивъ чиновныхъ людей въ сословіе сборнымъ именемъ, Петръ зато установилъ для него обязательную службу. Не будемъ говорить о проектахъ Петра, относительно устройства самоуправленія, для котораго онъ хотѣлъ воспользоваться созданнымъ имъ обществомъ, т.-е. чиновнымъ дворянствомъ. Взглядъ г. Фадѣева на значеніе дворянства, по мысли Петра, какъ „культурнаго слоя“, посредствомъ котораго онъ хотѣлъ привить своему государству европейскія формы, вѣренъ. Дворянство было заставлено учиться: безъ ученія ему жениться не позволяли, безъ ученія нельзя было служить, безъ службы нельзя было остаться дворяниномъ. Оно и училось, и стало культурнымъ слоемъ среди прочихъ, неучившихся сословій. Оно мало-по-малу усвоивало себѣ внѣшнія европейскія формы общежитія. Петру приходилось еще учить его: „неразுவся съ сапогами или башмаками не ложиться на постели“; и долго еще послѣ Петра даже такія элементарныя „культурныя“ понятія не были вполне усвоены дворянствомъ, какъ о томъ свидѣлствуютъ многочисленные приказы, наставленія и распоряженія. Но дворяне все-таки учились, ѣздили въ Европу, видѣли примѣръ при дворѣ и у высшихъ чиновныхъ людей. Естественно, что они и стали „культурнымъ слоемъ“ ранѣе прочихъ сословій.

Правильнѣе сказать, впрочемъ, „окультурились“. Несмотря на толчокъ Петра, шляхетство наше даже въ концѣ прошлаго столѣтія едва ли можно признать „культурнымъ“ слоемъ, такъ какъ культура большинства этого слоя заключалась главнымъ образомъ въ мундиръ и крайне запутанныхъ понятіяхъ о „рангѣ“ и „благородствѣ“. Еще при Екатеринѣ II въ нѣкоторыхъ губерніяхъ значительная часть дворянства оказывалась безграмотною; женщины же (за исключеніемъ знатнаго круга) были безграмотны въ огромномъ большинствѣ, вслѣдствіе чего въ дворянствѣ не могло существовать ничего похожаго на домашнее воспитаніе, безъ котораго нѣтъ культуры. Дворяне начинали заимствовать понятія у Европы, но, не находя примѣненія имъ въ русской дѣйствительности, они съ самаго начала проникались фальшью. Въ отношеніи „обезличенія“ г. Фадѣевъ совершенно правъ, и обезличеніе про-

изошло именно въ дворянствѣ. Та „дворянская закваска“, которая рекомендуется авторомъ для дальнѣйшаго развитія русскаго общества, была сама причиною обезличенія, потому что въ основѣ ея лежала „фальшь“. „Заквашиваясь“ на дворянскихъ понятіяхъ, образованное сословіе въ Россіи заквашивалось ложью, нереальными и спутанными представленіями, которыя мѣшали ему приобрѣсть твердый типъ, возникающій только на основѣ дѣйствительности, жизненной правды. Развитію индивидуализма въ Россіи вообще мѣшали историческія условія, начиная съ московскаго періода; они обуславливали общее приниженіе личности, то-есть обезличеніе въ смыслѣ слабости главной черты личности: твердаго сознанія своихъ правъ. Этимъ условіямъ были подвержены всѣ сословія, и въ особенности крестьянство, конечно. Но зато прочія сословія, кромѣ дворянства, не подверглись растлѣвающей фальши; въ крестьянствѣ, купечествѣ, духовенствѣ создались типы, типы приниженные, съ слабымъ развитіемъ чувства личнаго достоинства, — иначе и быть не могло, — но все-таки твердые и опредѣленные, какъ основанные на жизненной правдѣ, не созданные претензіями то на то, то на другое, чего не было въ дѣйствительныхъ условіяхъ жизни. „Закваска“ же дворянская была фальшью и создала полное обезличеніе въ смыслѣ отсутствія опредѣленнаго типа. Усвоивая себѣ изъ Европы понятіе „благородства“, русскій дворянинъ находилъ подтвержденіе этому понятію въ вѣрностномъ правѣ; но онъ находилъ отрицаніе его въ отсутствіи всякаго обезпеченія своей личности, въ сознаніи, что онъ подлежалъ даже тѣлесному наказанію, наравнѣ съ собственнымъ вѣрностнымъ, что безъ „ранга“ благородство его было ничто, что самый породистый дворянинъ долженъ былъ, по закону, уступать мѣсто всякому офицерскому чину. Отъ этого понятіе о благородствѣ смѣшалось съ понятіемъ о чинѣ, понятіе о знатности съ понятіемъ о чиновности. Всѣ идеалы, какіе онъ могъ заимствовать у Европы, были непримѣнны къ его положенію, но онъ старался ихъ примѣнять и привыкалъ умственно жить ложью. Отмѣна обязательности службы и тѣлесныхъ наказаній для дворянства, при Петрѣ III, не измѣнила того факта, что огромное большинство дворянства уже образовалось чинами, службою и запечатлѣлось служебнымъ характеромъ. Сверхъ того, въ законахъ остались всѣ постановленія, ставившія рангъ выше породы, опредѣлившія по рангамъ все общественное значеніе, право ѣздить съ такимъ или инымъ числомъ лошадей, имѣть такую или иную ливрею, являться или не являться ко двору; слѣды подобныхъ постановленій остались понинѣ, какъ осталось и самое значеніе дворянства, въ смыслѣ преимущественно служилаго сословія, и обезличеніе его. Екатерина II, правда, культивировала идею о благо-

родствѣ по происхожденію; она же, жалованною грамотой и учрежденіемъ о губерніяхъ, дала дворянству значительныя права въ общественномъ и мѣстномъ самоуправленіи. Съ тѣхъ поръ нѣсколько поднялось въ дворянствѣ сознаніе сословно-личныхъ правъ, и въ этомъ отношеніи дворянство опередило прочія сословія. Но обезличеніе, завистливое отъ жизни заимствуемыми идеалами, непримѣнимыми къ русской жизни, продолжалось въ особенности среди богатаго и сановнаго дворянства. Живя въ столицахъ и посѣщая Европу, оно проникалось „дворянской закваской“ болѣе, чѣмъ дворянство низшее, и въ той же мѣрѣ болѣе проникалось фальшью. Оно стало обособлять себя отъ низшаго дворянства, хотя не менѣе его пополнялось плебейскими элементами, стремилось замѣниться въ „аристократію“, и свой идеалъ аристократіи заимствовало тамъ, гдѣ могло отыскивать его дворянство, котораго сила была не въ землѣ, но въ близости ко двору — во французской аристократіи временъ послѣднихъ Бурбоновъ. А такъ какъ французская аристократія того времени была проникнута понятіями, которыми противорѣчило его служебное положеніе, была сама проникнута духомъ, несоотвѣтствовавшимъ жизненной правдѣ, то отсюда у насъ въ высшемъ дворянствѣ и привилась двойная фальшь, фальшь на фальши. Сами учителя, кромѣ утонченности манеръ, вкуса и образованности сравнительно съ учениками, не могли передать имъ никакого жизненнаго начала; даже общіе принципы нравственности были крайне поколеблены въ самихъ учителяхъ. Понятно, чтó могли заимствовать отъ нихъ и примѣнить у себя ученики. Они заимствовали поклоненіе блестящимъ формамъ, утонченіе вкуса и привычекъ, культъ отвлеченныхъ аристократическихъ началъ, утратившихъ реальное государственное значеніе въ самой Франціи еще до революціи, наклонность къ отрицанію существующихъ условій жизни, стремленіе къ восстановленію чего-то, отмѣннаго жизнью, а въ сущности никогда не существовавшаго у насъ; однимъ словомъ — начала мертвенныя и направленіе чисто-искусственное, такъ сказать „умственное театральничанье“.

Масса французскихъ эмигрантовъ, наплывавшая въ Россію со временъ императора Павла, и постоянно увеличивавшаяся, была такъ велика, что даже прямое вліяніе ея не могло не коснуться и средняго, провинціальнаго дворянства; еще болѣе дѣйствовалъ, конечно, примѣръ высшаго слоя. Но это вліяніе до такой степени усиливало, углубляло фальшь „дворянской закваски“ у насъ, что лучшіе, наиболѣе образованные люди не могли не почувствовать къ ней отвращенія. Этому настроенію должно было содѣйствовать новое умственное движеніе во Франціи по мѣрѣ того, какъ оно проникало къ намъ, а затѣмъ и появленіе въ Россіи множества плѣнныхъ французовъ по-

ваго вѣка, не аристократическаго типа; наконецъ, пребываніе цѣлой русской арміи за-границей. Г. Фадѣевъ именно этимъ новымъ „отвлеченнымъ“, „общечеловѣческимъ“ идеямъ и приписываетъ обезличеніе нашего „культурнаго слоя, воспитавшагося на иностранныхъ, непримѣнимыхъ къ русской дѣйствительности, понятіяхъ“. Начать съ того, что новыя эти идеи именно потому, что были общечеловѣческими, не были иностранными, хотя и являлись изъ-за границы. Вотъ почему, въ общемъ смыслѣ, онѣ были примѣнимы, и дѣйствительно примѣнялись лучшими людьми къ русской дѣйствительности. Сама Екатерина, въ первую пору своей дѣятельности, несомнѣнно вдохновлялась идеями энциклопедистовъ; подъ вліяніемъ тѣхъ идей собирала извѣстную комиссію, писала „наказъ“, въ которомъ высказывала мысль о равенствѣ людей передъ закономъ, и даже склонялась, хотя и весьма нерѣшительно, противъ крѣпостнаго права. Но гдѣ же источникъ того свѣтлаго явленія, которое представляется лучшими русскими людьми, начиная съ конца XVIII столѣтія, возбуждавшими вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, какъ не въ новыхъ общечеловѣческихъ, а потому и примѣнимыхъ ко всякой дѣйствительности, идеяхъ, которыя проникали къ намъ изъ новой, нарождавшейся Франціи? И развѣ къ намъ однимъ онѣ примѣнились; развѣ не онѣ вызвали преобразованія Штейна; развѣ всѣ европейскія общества не подчинились въ разной мѣрѣ ихъ вліянію?

Новыя идеи, которыя и были источниками „лѣвыхъ мнѣній“, усвоивались въ Россіи образованнѣйшими и лучшими людьми. Въ нихъ эти идеи произвели со временемъ отрѣшеніе отъ „дворянской заправки“. Справедливо, что такъ какъ русская дѣйствительность весьма не скоро поддавалась этимъ идеямъ, то образованнѣйшіе лучшіе люди въ Россіи привыкли жить теорією, идеалами; но во всякомъ случаѣ эти идеалы были живые, не фальшивые; они создавали любовь и жалость къ массѣ народа, они научали человѣка быть — хотя и въ сознаніи только — „человѣкомъ“. Это уже не было кривлянье вчерашняго „сдаточнаго“ или прапорщичьяго сына, принужденныхъ искать идеала въ благородствѣ происхожденія, когда безъ „ранга“ они были бы „подлыми людьми“, когда и съ рангомъ-то они буквально не были уволены отъ палки. Спрашивается, какіе тутъ могли быть рыцарскіе идеалы, и не создавала ли эта „заквка“ самой зловредной въ воспитательномъ отношеніи фальши? Эти идеалы были похожи на костюмъ африканскаго гранда — шляпу съ плюмажемъ, но безъ панталонъ. Новое направленіе все-таки указывало чело-вѣку чело-вѣческія стремленія; какъ бы теоретичны они ни были — когда дѣйствительность отставала отъ нихъ — они все-таки были осуществимы въ самомъ чело-вѣкѣ, а во-вторыхъ, имѣли и то прав-

тическое значеніе, что подготавливали будущность. Совсѣмъ не таково было передразниванье въ богатомъ русскомъ дворянствѣ девизовъ въ родѣ: *roi ne veut, prince ne daigne, Rohan suis!*—потому что эти слова представляли правду въ самой Франціи только тогда, когда предки Рогановъ царствовали въ Бретани, а потомъ владѣли другими герцогствами и графствами, но не тогда, когда Роганы добились *grandes entrées*, и даже не тогда, когда мадамъ де-Помпадуръ назначала Роганъ-Субиза къ командованію королевскими войсками, хотя это и былъ весьма чиновный постъ. У насъ же ничего подобнаго положенію, выраженному въ означенномъ девизѣ, никогда и не существовало, а стало-быть можно было только поддразнивать, фальшивить себя на „рогановскія“ понятія, но быть Роганомъ не было никакой возможности. Аракчеевскій режимъ, напримѣръ, совсѣмъ не согласовался съ такимъ напускнымъ „роганствомъ“.

Напомнимъ объ истинномъ значеніи „новыхъ идей“ въ средѣ русскаго „культурнаго слоя“, мы должны оговориться, что онѣ были усвоены сперва только отдѣльными людьми, въ числѣ которыхъ были и члены средняго дворянства, и не-дворяне, и знатнѣйшіе дворяне. Новыя идеи распространялись независимо отъ „дворянской закваски“, и въ образованныхъ людяхъ низшихъ слоевъ дворянства прямо уничтожали эту „закваску“. Но велико ли во всѣ времена было число дѣйствительно образованныхъ людей въ Россіи? Число ихъ во всякомъ случаѣ составляло незначительное меньшинство среди болѣе чѣмъ полумилліоннаго дворянства. Огромное же большинство его, опредѣлявшее дѣйствія всего сословія, дѣйствительно воспитывалось на „дворянской закваскѣ“, на служебныхъ понятіяхъ и смѣшанной спѣсѣ чиномъ и происхожденіемъ. Цѣлью честолюбія всего дворянства, за ничтожными исключеніями, былъ генеральскій чинъ, болѣе достижимыми цѣлями: эполеты, мундиръ того или иного покроя, съ лампасами или безъ лампасовъ. Это было не замкнутое сословіе, управляющее государствомъ, опираясь на землю, но многочисленный служащій классъ, постоянно растворяемый притокомъ снизу, живущій на счетъ чужого труда и на счетъ бюджета или исключительно на счетъ бюджета.

Намъ говорятъ: „одно дворянство можетъ дать обществу органическое ядро“, и только тогда, когда самоуправленіе сдѣлается дворянскимъ, оно станетъ „дѣйствительнымъ дѣломъ“. Но въ этомъ увѣруетъ насъ г. Фадѣевъ, а въ противномъ убѣждаетъ насъ исторія. Какъ воспользовалось дворянство тѣми правами по самоуправленію, которыя были ему даны? Екатерина II отдала въ руки дворянства и судъ, и мѣстное управленіе, именно въ уѣздѣ. Дворянство избирало членовъ уѣздныхъ судовъ и верхнихъ земскихъ судовъ; впо-

слѣдствіи, при императорѣ Николаѣ—и предсѣдателей уголовныхъ палатъ; имѣло въ полномъ своемъ распоряженіи власть полицейскую въ уѣздѣ, избирая членовъ нижняго земскаго суда: исправника и засѣдателей, кромѣ крестьянскихъ; когда были учреждены станове приставы, то дворянство получило право указывать губернскому правленію мѣстныхъ дворянъ для занятія этихъ должностей; впрочемъ, это было уже въ то время (въ 1837 г.), когда исправниковъ велѣно назначать отъ правительства. Далѣе, дворянству была предоставлена должность почетныхъ попечителей гимназій, соединенная съ дворянскими выборными должностями; избраніе членовъ комиссіи народнаго продовольствія, депутатовъ въ округа путей сообщенія, членовъ отъ себя въ совѣтъ кредитныхъ установленій, депутатовъ въ квартирныя комиссіи и посредниковъ по межеванію. Такого было участіе дворянства въ судѣ и мѣстномъ управленіи въ тѣхъ губерніяхъ, которыя прежде назывались „дворянскими“, какъ нынѣ называются земскими. Но, сверхъ того, дворянству дано было сословное представительство и управленіе, съ весьма важными правами, съ изъятіемъ отъ подчиненности мѣстнымъ короннымъ властямъ; въ числѣ правъ дворянскихъ собраній было и право „контроля“ надъ членами дворянства, котораго желаетъ г. Фадѣевъ, такъ какъ собраніе дворянства могло просто исключать изъ своей среды порочныхъ людей, и важное преимущество обращаться съ ходатайствомъ прямо къ верховной власти, „адресуя конверты въ собственныя руки его императорскаго величества“ или присылая депутатовъ. Что же изъ всего этого произошло? Произошелъ единственный реальный результатъ: что крѣпостное право, котораго дальнѣйшее утвержденіе и распространеніе совпадало съ „воспитательнымъ“ періодомъ, съ періодомъ, создававшимъ „культурный слой“, что крѣпостное право получило новую силу отъ предоставленія въ руки дворянъ суда и полиціи въ уѣздѣ. Никакого другого реального результата произойти не могло, по характеру дворянства, и не произошло. Сословіе, сформированное службою, не внесло въ мѣстное управленіе никакихъ своихъ традицій, никакой собственной энергіи, а напротивъ, въ предоставленной себѣ власти усмотрѣло ту же службу, на данныя ему права взглянуло, какъ на возложенныя на него обязанности, отчасти какъ на повинность, отъ исполненія которой большинство уклонялось; должности предводителей принимались какъ почетныя служебныя мѣста, должности по выборамъ въ судахъ—для получения окладовъ и доходовъ. Но на право вліять на ходъ дѣлъ выборами дворянство смотрѣло преимущественно какъ на обязанность, на повинность. Идея государственной службы, по прежнему, преобладала въ дворянствѣ; въ самыхъ выборахъ могли участвовать только дво-

ране съ чинами. А такъ какъ русское землевладѣніе и въ-то время было весьма не прочно, то коренной мѣстный элементъ представлялся главнымъ образомъ дворянствомъ богатымъ и знатымъ, которое въ имѣніяхъ совсѣмъ не жило, но служило при дворѣ или въ войскѣ. „Абсентеизмъ“, который нынѣшніе ревнители дворянской идеи желаютъ объяснить тѣмъ, что дворянству, будто бы, „не стало мѣста“ въ уѣздахъ, послѣ реформъ, процвѣтало и въ старину. Имѣнія рѣдко оставались нѣсколько поколѣній въ одномъ родѣ, и дворянское самоуправленіе находилось въ рукахъ случайнаго, временнаго состава владѣльцевъ имѣній, а вовсе „не наследственнаго сословія, органически-сросшагося съ землею, съ мѣстностью“. Тѣ же ревнители жалуются, что реформы, задавшися „теоретической идеею всесословности“, помѣшали нашему дворянству устроить Англію въ мѣстномъ самоуправленіи. Но, начиная еще съ царствованія же Екатерины II и вплоть до императора Николая, въ „Полномъ собраніи законовъ“ тянется рядъ указовъ, которыми верховная власть запрещаетъ дворянству уклоняться отъ „пользованія его правами“, и между прочимъ сама называетъ эти права „обязанностью“, налагаетъ штрафы за отлучки отъ выборовъ, предписываетъ замѣщать выборныя должности чиновниками, если дворянство никого на нихъ не избрало. Еще не далѣе, какъ при императорѣ Николаѣ, закономъ 1831 года, постановлены были за неявку на выборы штрафы до 250 рублей и даже исключеніе изъ дворянскаго собранія; за неявку избраннаго къ должности, въ которую онъ былъ избранъ дворянствомъ, штрафъ въ 100 р. Какъ это было похоже на Англію! Но насколько веденіе дворянствомъ самоуправления и выразилось положительною дѣятельностію, каковы были ея свойства, ея характеръ, именно дѣятельности, а не заявленій, которыя всегда были весьма похвальны—объ этомъ свидѣлствуетъ свѣжее преданіе прежнихъ уѣздныхъ судовъ и какъ прошлое, такъ и настоящее дворянскихъ опекъ, учреждений, которыхъ дѣятельность, въ нравственномъ отношеніи, нисколько не отличалась отъ дѣятельности правленій, палатскихъ канцелярій и всякихъ привязныхъ мѣстъ, населенныхъ „красивымъ сѣменемъ“ и „кутейниками“, къ которымъ ревнители дворянской идеи относятся съ такимъ высокомѣрнымъ осужденіемъ. Изъ „культурной“ же среды были Гоголемъ типы для „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“.

Возвращаясь къ книгѣ, давшей поводъ для предшествующаго очерка, мы повторимъ, что изъ всѣхъ положеній автора безспорно только одно—разбродъ, преобладающій въ настоящій моментъ въ нашей обществѣ, причемъ надо замѣтить, что это есть не столько разбродъ определенныхъ имѣній, сколько разбродъ людей по раз-

нымъ личнымъ цѣлямъ, общественная апатія. Въ разсужденіи своемъ г. Фадѣевъ довольно произвольно употребляетъ такіа понятія, какъ: обезличеніе, безсвязность и разбродъ. Онъ разсуждаетъ такъ: культурный классъ обезличенъ создавшимъ его воспитательнымъ періодомъ, а потому ему тѣмъ болѣе необходима связность, и на этомъ основаніи учреждаетъ дворянское „ядро“ и вручаетъ ему все самоуправленіе. Но дѣло въ томъ, что связность есть только орудіе, рычагъ, которымъ обезличеніе, нравственная слабость безсильны воспользоваться для чего-либо, кромѣ — матеріальныхъ интересовъ обезличеннаго класса. У автора русское общество то является безличнымъ, потому что оно безсвязно, — безсвязность поддерживаетъ въ немъ безличность; то связнымъ (до реформъ), но все-таки безличнымъ. Съ одной стороны, онъ требуетъ для дворянства правъ потому именно, что оно — дворянство, историческое сословіе, къ которому власть можетъ имѣть болѣе довѣрія; а съ другой стороны, главное достоинство русскаго дворянства является у него въ томъ, что оно — не столько дворянство, сколько вообще верхній, культурный слой народа, и права ему требуются уже именно на этомъ основаніи, и организація ему предполагается такая, чтобы онъ постоянно разбавлялся примѣсами, „живыми притоками изъ подпочвы“. Все это — противорѣчія, которыя не очень замѣтны въ блестящей импровизаціи, но непреодолимы при трезвомъ, практическомъ обсужденіи вопроса: „какъ намъ быть?“ который возникаетъ, какъ только мы переходимъ отъ умозрѣній по поводу вопроса: „чѣмъ намъ быть?“ — къ практикѣ. Всѣ коренныя ошибки, всѣ внутреннія противорѣчія той теоріи, которою объясняются авторомъ его предложенія, тотчасъ сказались бы на практикѣ. Дворянство есть самое образованное сословіе въ Россіи, — противъ этого мы не споримъ. Однако, несправедливо уже и то, будто дворянство обнимаетъ собою весь „культурный слой“. Но даже если допустить и это, то все-таки нельзя идти еще далѣе, и вмѣсто дворянства ставить одно дворянское землевладѣніе. Это уже выходитъ чѣмъ-то въ родѣ фокуса: сперва „культурный слой“ замѣняется дворянствомъ, а потомъ дворянство замѣняется крупнымъ землевладѣніемъ. Развѣ можно сказать, что крупное землевладѣніе обнимаетъ собою весь культурный слой въ Россіи? А между тѣмъ всему культурному слою, не говоря уже о народной массѣ, пришлось бы состоять внѣ городовъ подъ властью крупнаго землевладѣнія; нецензовой землевладѣлецъ, заѣзжій дворянинъ, мѣстный купецъ, литераторъ, чиновникъ, живя въ уѣздѣ или являясь въ немъ, подлежалъ бы въ обыденныхъ житейскихъ дѣлахъ полною властію крупныхъ землевладѣльцевъ, пожизненныхъ бесплатныхъ мировыхъ судей, такъ какъ званіе это соединялось бы съ званіемъ волостного попечителя, кото-

раго никто не принялъ бы бесплатно въ чужой волости. Такое положеніе создало бы разнь не только вновь между крестьянами и помещиками, но и въ самомъ „культурномъ классѣ“; зависть, недо-
вольство безправныхъ „властными“. На дѣлѣ проектъ, подобный предположеніямъ г. Фадѣева, никогда не можетъ возникнуть изъ общественнаго мнѣнія; онъ могъ бы возникнуть только среди какого-нибудь кружка, и тогда онъ возникъ бы съ задними дѣлами, и былъ бы примѣненъ именно въ смыслѣ этихъ дѣлей. А еслибы это могло случиться, тогда дворянское самоуправленіе осталось бы дѣйствительно только въ смыслѣ полного подчиненія крупному землевладѣнію земледѣльческой массы, но въ смыслѣ дѣйствительнаго самоуправления оно обратилось бы въ мифъ. Еслибы нашелся кружокъ достаточно вліятельный, чтобы подчинить эту массу землевладѣнію, то этотъ кружокъ оказался бы достаточно вліятельнымъ и для того, чтобы подчинить себѣ администрацію, а чрезъ администрацію онъ держалъ бы въ своихъ рукахъ и все „дворянское землевладѣніе“. Въ результатѣ явилась бы худшая изъ всѣхъ системъ управления: управленіе ближнихъ бояръ, всегда отзывавшееся въ нашей исторіи „мутными временами“.

Напрасно думать, что нашъ „воспитательный періодъ“ кончился. Авторъ говоритъ о „крыльяхъ“, о реальныхъ партіяхъ, которыхъ у насъ, развитыхъ на единицы, нѣтъ. Но когда явится сознаніе въ болѣе значительной, чѣмъ нынѣ, массѣ людей, когда культурный слой даже переростетъ предѣлы служащаго, зависимаго класса, тогда возникнутъ и реальныя партіи въ обще-европейскомъ смыслѣ. До того времени, пока выступить сознательная сила изъ самого народа, въ помощь драгоценнымъ усиліямъ и лучшимъ намѣреніямъ верховной власти, до тѣхъ поръ ей и впредь придется дѣйствовать одной — идти одной впередъ по пути преобразованій: улучшить мѣстную администрацію, нѣсколько расширить кругъ дѣйствій земства, даровать свободу религиозному убѣжденію, облегчить печать — эту со-
бѣсть общественную. Все это верховная власть постепенно уже дѣлала и можетъ еще сдѣлать потому именно, что никакихъ революціонныхъ партій въ Россіи нѣтъ и правительство крайне-устойчиво. Чѣмъ больше будетъ ею сдѣлано на пути, открытомъ въ 1861 году, тѣмъ лучше; тѣмъ спокойнѣе и мирнѣе начнетъ потомъ содѣйствовать развитію Россіи сознательная сила общества.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е января, 1876.

Министерскій кризисъ въ Берлинѣ.—Столкновение Арнима съ Бисмаркомъ.—Дипломатическія разоблаченія.—Судъ надъ Арнимомъ.—Положеніе дѣлъ въ Франціи.

Германскій канцлеръ князь Бисмаркъ, какъ то не подлежащій сомнѣнію—великій врагъ ужасной силы клерикализма, съ которымъ Германія, подъ предводительствомъ князя, ведетъ борьбу за цивилизацію (Kulturkampf). Нечего и говорить, что онъ—врагъ клерикаловъ только потому, что видитъ въ нихъ опаснѣйшихъ враговъ единства, могущества и славы Германіи, пожалуй даже ея свободы, такъ какъ князь Бисмаркъ, какъ извѣстно,—либераль. Но враги иногда бываютъ полезныя друзья. До сихъ поръ не примѣтно, чтобы друзья канцлера, т.-е. національные либералы, а отчасти и прогрессисты оказали ему какую-либо существенную услугу. Все, что онъ сдѣлалъ великаго, сдѣлано имъ безъ ихъ помощи, а первоначально прямо вопреки имъ. Съ тѣхъ поръ, либералы, ставшіе друзьями канцлера послѣ того, какъ онъ распорядился въ Германіи и Европѣ по-своему, durch Blut und Eisen, а не посредствомъ Majoritätsbeschlüsse, ставшіе за горю, послѣ того, какъ гора не хотѣла подойти къ нимъ, приготовляли кн. Бисмарку немало затрудненій. Не дальша, какъ въ прошлую сессію, они, при обсужденіи военнаго вопроса, едва не вызвали вновь „бѣдственнаго конфликта“; еще въ прошломъ мѣсяцѣ они подали князю поводъ просить императора объ увольненіи его отъ должности, такъ какъ онъ „не пользуется поддержкою надежнаго большинства на сеймѣ“. Положимъ, никто—и менѣе всѣхъ самъ уважаемый монархъ, конечно,—не принялъ этой просьбы серьезно. Величіе имперіи создано не „рѣшеніями большинства“, но княземъ Бисмаркомъ; можно ли допустить, чтобы „рѣшенія большинства“, безсильныя для созданія величія государства, были всесильны въ от-

ишеніи къ князю Бисмарку, который создалъ это величіе? Но тѣмъ же менѣе, указанный случай представлялъ собою новую непріятность, сплотившуюся къ нему отъ друзей—либералами. Хорошо ему, что у него есть враги. Еслибы ужасная сила клерикализма въ Германіи существовала, то можно полагать, что князь Бисмаркъ долженъ былъ бы выдумать ее, такъ она оказывается для него удобною,—такъ услуги она оказываетъ ему, противъ своей воли, разумѣется. Не имѣетъ князь установленія монархіи во Франціи, опасаясь, что при монархіи Франція нашла бы союзы—и вотъ ужасная сила клерикализма въ Германіи даетъ ему отличный поводъ отклонять императора Вильгельма отъ его сочувствій къ дѣлу монархіи во Франціи. Имѣетъ князь Бисмаркъ какіе-либо виды на Испанію—та же самая сила, опасная въ Германіи, даетъ ему полное право противодѣйствовать дѣлу карлизма въ Испаніи, потому что карлизмъ и редакторъ радикальной газеты „Germania“ г. Маюнке, а отчасти и самъ Кульманъ, все это вѣдь въ сущности—одно и то же. Для усиленныхъ по германизации прусскаго востока не надо лучшаго объясненія, какъ фактъ, что тамъ преобладаетъ клерикализмъ съ особенною силой. Она же оказываетъ еще болѣе важную услугу въ оправданіи исключительныхъ мѣръ въ Эльзасѣ-Лотарингіи. Мы не хотимъ принадлежать къ Германіи, говоритъ Тейтшъ съ товарищами; но бороться они это изъ клерикализма, а потому отвѣта имъ недалеко: вы и присоединены къ Германіи не въ вашемъ интересѣ, а въ интересѣ Германіи. Какъ нарочно, изъ среды клерикаловъ выходитъ убійца, подобно тому, какъ вышелъ нѣкогда убійца изъ среды радикаловъ, и совершаетъ покушеніе на жизнь князя Бисмарка. Только этого не доставало, и Кульманъ снабдилъ канцлера долгое время аргументами самаго неопровержимаго свойства, по поводу тому, какъ такими же аргументами снабдилъ его, въ свое время, Гиндъ—противъ либераловъ, когда врагами Бисмарка были они.

Недавно членъ центра, Йергъ (въ засѣданіи 4-го декабря), произнесъ рѣчь, въ которой пытался обнаружить мнимый разладъ между Россією и Германією, воспользовавшись для того испанскимъ вопросомъ. Князь Бисмаркъ отвѣчалъ ему одною изъ остроумнѣйшихъ своихъ рѣчей, одною изъ тѣхъ рѣчей, въ которыхъ безцеремонные удары извѣстны въ своей юности „ренномиста“ и „нетонкіе намеки“ откровеннаго изъ дипломатовъ смѣшивались съ токомъ того свѣжаго и веселаго юмора, который составляетъ лучшее качество Бисмарка-юноши. Рѣчь эта не могла не понравиться намъ уже дружественными отзывами о Россіи, которые въ ней находились. Но и безъ нихъ, мы причислили бы эту рѣчь къ самымъ удачнымъ, самымъ характеристическимъ рѣчамъ великаго канцлера. Крайняя безцеремонность

заключенія ея была бы, можетъ быть, странна со стороны министерства иностранной страны; но вѣдь говорилъ князь Бисмаркъ, и говорилъ окомъ? — о клерикалахъ, конечно. Безъ этихъ истинныхъ благодѣтелей государства немислимо нынѣ какое его заявленіе, тѣмъ менѣе такое, которое касается щекотливаго вопроса.

„Предшествующему оратору извѣстно“, сказали, между прочимъ канцлеръ, „что вмѣстѣ съ нами, почти всѣ европейскія и больша часть заморскихъ государствъ признали испанское правительство“. Императорское русское правительство не признало въ своемъ императорѣ сдѣлать это. Обстоятельства по отношенію къ Россіи представляются въ совершенно иномъ видѣ. Россія лежитъ далѣе отъ Испаніи, чѣмъ Германія, на много миль, и настолько же испанскія дѣла касаются ея менѣе. Никакой русскій офицеръ не былъ убитъ въ Испаніи, и національное чувство не было возбуждено; сверхъ того, требуя уваженія къ нашимъ воззрѣніямъ, мы должны уважать и мнѣнія другихъ правительствъ, находящихся въ такомъ благоприятномъ положеніи, что могутъ слѣдовать одному теоретическому своему взгляду на дѣло, такъ какъ практическая сторона его ихъ не касается. Но болѣе, чѣмъ чье-либо мнѣніе, мы уважаемъ мнѣніе связанной съ нами дружбою, въ теченіи столѣтія и нынѣ тѣснѣе (*intimsten*), чѣмъ кто-либо, державы русской. Если ораторъ истратилъ сюда своими маленькими стрѣлами въ надеждѣ произвести малый кій разладъ (*Verstimmung*), то это возбуждаетъ въ насъ только смѣхъ (*Смѣхъ*). Наши отношенія тамъ стоятъ, благодареніе Богу, крѣпко и недосыгаемо — высоко для подобныхъ, мелкихъ усилій. Далѣе, г. предшествующій ораторъ упомянулъ о киссингенскомъ покушеніи и выставилъ Кульмана полусумасшедшимъ. Могу васъ уверить, что человѣкъ этотъ — я самъ говорилъ съ нимъ — былъ въ здравомъ умѣ. Мнѣ понятно, что ораторъ отклоняетъ всякое, хотя бы только мысленное соучастіе другихъ съ такимъ человѣкомъ. Я убѣжденъ, что и до покушенія, въ глубинѣ души самого оратора никогда даже не возникало самаго легкаго пожеланія въ такомъ родѣ, что — если бы, молъ, съ этимъ канцлеромъ могло приключиться какое-нибудь несчастье, — я убѣжденъ, что ничего подобнаго у него не было въ умѣ. Но отрекайтесь отъ этого убійцы, сколько хотите, онъ все-таки крѣпко держится за ваши фалды!... Кульманъ сказалъ мнѣ: вы оскорбили мою партію; а когда я спросилъ его — какая его партія, онъ отвѣчалъ — партія центра въ имперскомъ сеймѣ (бурное одобреніе большинства, восклицанія *rufi!* въ центрѣ). Да, господа, отталкивайте отъ себя человѣка, но онъ крѣпко держится за ваши фалды!“ Надо замѣтить, что президентъ Форкенбекъ нашелъ въ этомъ непарламентскимъ только восклицаніе *rufi!* — раздавшееся

въ центра, о чемъ и объявилъ партіи, о „фалдахъ“ которой была бѣда. Далѣе, президентъ, послѣ рѣчи Виндгорста, даже прямо выказалъ, что ничто въ словахъ канцлера не оскорбляло достоинство обранія.

Перейдемъ къ тому „кризису“, который произвелъ переполохъ на несколько дней въ національно-либеральной печати. Редакторъ клерикальной газеты „Germania“, депутатъ Маюнке, былъ приговоренъ судомъ къ заключенію въ тюрьму за газетную статью. Тѣмъ не менѣе въ тюрьму не сажали; открылась сессія, Маюнке принялъ участіе въ работахъ сейма, былъ даже избранъ въ одну комиссію, какъ другъ, 11-го декабря, его внезапно арестуютъ и сажаютъ въ тюрьму, только не спросивъ разрѣшенія рейхстага, но не предупредивъ о томъ, даже не увѣдомивъ и послѣ арестованія. Это показалось ужъ резуръ безцеремонно, и сеймъ огромнымъ большинствомъ (въ числѣ его былъ самъ Ласкеръ) принялъ слѣдующее предложеніе прореспубликанскаго барона Говербека: „для поддержанія достоинства сейма необходимо, путемъ деклараціи или измѣненія въ конституціи, устранить возможность, чтобы депутатъ могъ быть подвергаемъ аресту, во время сессіи, безъ согласія сейма“. Вслѣдствіе этого предложенія, князь Бисмаркъ подалъ въ отставку, которая, разумеется, принята не была, и получилъ затѣмъ, разумѣется, новое, съ энтузіазмомъ выраженное удостовѣреніе полного довѣрія къ нему со стороны сейма, тѣмъ, что сеймъ, большинствомъ 199 голосовъ противъ 71-го, предоставилъ кредитъ министерству иностранныхъ дѣлъ на „секретныя расходы“. Поводъ къ такому выраженію довѣрія подали опять „благодѣтели“ клерикалы. Глава ихъ, Виндгорстъ, возсталъ противъ этого кредита и воспользовался случаемъ, чтобы поговорить о такъ называемомъ „пресмыкающемся фондѣ“, то-есть объ ежегодной суммѣ въ около 800 тысячъ талеровъ изъ секвестрованныхъ доходовъ, бывшихъ короля ганноверскаго и курфирста гессенскаго, суммѣ, употребляемой, по слухамъ, на субсидію нѣмецкой и заграничной печати. Тогда, національ-либераль Беннигсенъ и поставилъ вопросъ о кредитѣ, какъ вопросъ о выраженіи довѣрія, и имѣлъ блестящій успѣхъ. Виндгорстъ, по согласному замѣчанію той печати, которой хорошо извѣстно различіе между Dispositionsfonds и Reptilienfonds, возразилъ тѣмъ болѣе не встати, что послѣдній фондъ есть прусскій, а не нѣмецкій, и что нѣтъ ни о кредитѣ имперскомъ, въ имперскомъ же сеймѣ. По вѣроятности, различіе это соблюдается печатью заинтересованныхъ въ дѣлѣ и на самой практикѣ: за деньги, полученные изъ прусскаго фонда оно, конечно, не печатаетъ ни одной статьи для подкрѣпленія германской политики канцлера, а только статьи исключи-

тельно о дѣлахъ прусскихъ.—Въ засѣданіи 19-го декабря, германскій сеймъ отсрочилъ свою сессію до 7-го января 1875 года.

Процессъ графа Арнима представилъ предпріятіе неудачное, точки зрѣнія правительственной. Этимъ процессомъ князь Бисмаркъ достигъ только личной цѣли, то-есть уничтожилъ карьеру своего бывшаго друга, а въ послѣдніе годы—недруга; наказалъ его за стремленіе поколебать кредитъ канцлера у императора, лишилъ Арнима всякой надежды сдѣлаться когда-либо, хотя бы по смерти Бисмарка, руководителемъ германской политики. Сверхъ этого можно сказать только, что лично канцлеръ вышелъ съ честью изъ этого „скандала“. Обнародованная переписка показала еще разъ, что крестныя слова Бисмарка тождественны съ его гласными рѣчами, что въ конфиденціальныхъ инструкціяхъ онъ говоритъ то же самое и тѣмъ же языкомъ, какъ и въ официальныхъ депешахъ и въ парламентскихъ рѣчахъ. Самая смѣлость въ приданіи гласности некоторымъ депешамъ, въ которыхъ безцеремонно обсуждались съ „деликатные“ предметы, противорѣча всѣмъ обычаямъ и предписаніямъ старинной дипломатической мудрости, произвела въ общество, и въ Германіи, такъ и въ другихъ странахъ, благопріятное для Бисмарка впечатлѣніе и отчасти загладила впечатлѣніе противоположнаго свойства, вызванное преслѣдованіемъ, которое во всякомъ случаѣ не было свободно отъ чувства личной мести.

Но выйти съ честью изъ скандала еще не значитъ, что скандалъ затѣвать. Исходъ дѣла показалъ, что съ правительственной точки зрѣнія все дѣло было ошибкой. Вся выгода оказалась только для личной вражды Бисмарка противъ Арнима, которому и удалось уничтожить въ служебномъ смыслѣ и значеніи умалить предъ общественнымъ мнѣніемъ. Началь-ли бы князь Бисмаркъ это дѣло, еслибы зналъ, что достигнетъ только этого результата? рѣшить нельзя; очень можетъ быть, что началъ бы, такъ какъ страстная его натура не позволяетъ ему обуздывать себя разсчетомъ. Что касается интересовъ правительства, то оно только проиграло въ этомъ дѣлѣ. Судебное преслѣдованіе, очевидно, было начато по побужденію Арнима къ возвращенію документовъ. Съ этой цѣлью ему сперва угрожали уголовнымъ дѣломъ, и въ одной изъ депешъ государственнаго секретаря Бюлова находились ссылки на статью уголовного кодекса. Когда угрозы не подѣйствовали, стали приводить въ исполненіе: послѣдовало предварительное задержаніе Арнима, вовсе ненужное, развѣ только для понужденія его къ выдачѣ документовъ, и косвенно осужденное судомъ, такъ какъ судъ подвелъ его подъ такую статью кодекса, по которой основано было обвиненіе—Арнимъ не могъ бы поддаться

предварительному заключенію, а сверхъ того, зачелъ ему это заключеніе въ срокъ присужденнаго ему наказанія; стало-быть, вознаграждать его за ошибочное заключеніе до приговора. Когда Арнимъ долженъ былъ не выдавать документовъ, и цѣль предварительнаго заключенія и обысковъ достигнута не была, тогда уже нельзя было перагнать дѣло, надо было предоставить ему законный ходъ. Если-бы, судъ призналъ фактъ похищенія Арнимомъ документовъ преднамеренностью, то былъ бы, по крайней мѣрѣ, оправданъ строгій образъ дѣйствій слѣдственнаго судьи и прокурорской власти въ отношеніи къ обвиненному. Но такъ какъ судъ призналъ только небрежности въ храненіи документовъ, то самый результатъ дела былъ неблагоприятенъ для правительства. Оказалось, что въ германской имперіи, человѣкъ, которому ввѣрены были дѣла первостепенной важности, какъ заключеніе мирнаго трактата Франціею и переговоры съ Римомъ, до столкновенія былъ дважды арестованъ, обыскиваемъ, подвергается мелочнымъ оскорбленіямъ изъ-за то, что не умѣлъ держать въ порядкѣ бумагъ, что человѣку съ перенесенными заслугами государству ввѣнено было въ уголовное прѣдѣленіе, чуть ли не въ государственную измѣну то, что и для мелкаго чиновника имѣло бы послѣдствіемъ, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, простое дисциплинарное взысканіе или увольненіе отъ службы. Это далеко не все. Обнародованіе безцеремонныхъ сужденій германской дипломатіи о народахъ, международныхъ отношеніяхъ и т. д., хотя и доставили кн. Бисмарку въ обществѣ то выгодное мнѣніе, которое достается въ удѣлъ смѣлости и откровенности, но для правительства другихъ странъ должно было произвесть впечатлѣніе, весьма невыгодное для интересовъ имперіи. Въ обнародованныхъ депешахъ уже выражается такое недовѣріе къ прочности и даже самыхъ союзовъ Германіи, что не трудно было предположить двойной экстрактъ такихъ воззрѣній въ тѣхъ документахъ, которые прежде читались при закрытыхъ дверяхъ, а еще болѣе въ тѣхъ, которые и вовсе прочтены не были. Правда, обнародованныя депеши относились къ прошлому времени, хотя весьма близкому, и съ тѣхъ поръ произошли въ Европѣ весьма значительныя перемѣны. Но вѣдь перемѣны эти не ограничились одними фактами сближенія между различными государствами; бывали и случаи разногласія. Однимъ словомъ, хотя бы князь Бисмаркъ и былъ доволенъ результатомъ процесса въ томъ смыслѣ, что карьера Арнима уничтожена, но есть достаточно основаніе предположить, что императоръ Вильгельмъ не былъ доволеннымъ, и предпочелъ бы, чтобы все это дѣло начато было; доказать небрежность чиновника такимъ средствомъ, которое подвергало нѣкоторой опасности интересы германской политики—

это нѣсколько похоже на дѣйствіе желѣзнымъ молотомъ въ стѣнѣномъ ящикѣ.

Судъ надъ графомъ Арнимомъ въ берлинскомъ городскомъ судѣ происходилъ 9—15 декабря. По характеру замѣшанныхъ въ него лицъ и важности документовъ, которыхъ онъ касался, процессъ этотъ представляетъ историческое значеніе, и потому мы представимъ очеркъ этого любопытнаго дѣла. Арнимъ родился въ 1824 году, былъ сѣверно-германскимъ посланникомъ въ Римѣ во время ватиканскаго собора, въ 1871 году имперскимъ комиссаромъ при заключеніи мирнаго трактата съ Франціею во Франкфуртѣ, въ 1873 г. германскимъ посломъ въ Парижѣ, и въ 1874 г. назначенъ былъ въ должность посла въ Константинополѣ. По отъѣздѣ его изъ Парижа и еще до прибытія его преемника, князя Гогенлоэ, когда завѣдывалъ дѣломъ гр. Везделенъ, обнаружилось, что въ архивѣ посольства недоставало большого числа важныхъ документовъ. Государственный секретарь Ловъ потребовалъ отъ Арнима свѣдѣнія объ этихъ документахъ, когда гр. Арнимомъ нѣкоторые изъ нихъ были возвращены, а другіе оставлены у себя съ объявленіемъ намѣренія не выдавать ихъ. Какъ они, по его убѣжденію, составляли частную его собственность, представляя или частныя, личныя сообщенія ему, или официальные распоряженія, лично до него относившіяся, то дѣло и было доставлено правительствомъ въ руки уголовной судебной власти. Арнимъ былъ арестованъ въ своемъ имѣніи, Нассенгейдѣ, привезенъ въ Берлинъ, подвергнутъ предварительному заключенію въ городскую тюрьму, а потомъ, вслѣдствіе его болѣзни—въ тюремной больницѣ Charité; содержался такимъ образомъ въ теченіи мѣсяца, затѣмъ по окончаніи слѣдствія, былъ временно освобожденъ, внесеніемъ залога въ 150 т. талеровъ и подпискою не отлучаться изъ Германіи.

На судѣ, показанія вызванныхъ экспертовъ—директора канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ Роланда и другихъ чиновниковъ министерства, въ томъ числѣ и чиновниковъ парижскаго посольства, вовсе не доказали, что безусловно всѣ сообщенія, получившія посломъ официальнымъ путемъ, должны быть записываемы въ журналы и подлежать сдачѣ въ архивъ. Хотя всѣ документы, изъятые въ обвинительномъ актѣ, и были нумерованные, но изъ показаній слѣдовало, что за номерами иногда отправляются и такіе сообщенія, которыя не имѣютъ строго-официальнаго характера, нѣкоторые официальные сообщенія, касающіяся собственно личнаго положенія лица, къ которому они адресованы, могутъ быть разсматриваемы имъ, какъ личная собственность, напр. извѣщенія о назначеніяхъ, наградахъ и т. п. Но показанія чиновниковъ посольства, да и общий ходъ дѣла—во время производства котораго обвиняемый возмѣ-

тъ нѣсколько документовъ, найденныхъ имъ въ письменномъ столѣ и другихъ бумагахъ—выяснили, что гр. Арнимъ вообще не соблюдалъ порядка въ бумагахъ, держалъ ихъ вмѣстѣ съ личными своими бумагами, нерѣдко закладывая ихъ такъ, что послѣ самъ не могъ найти, что объяснялось отчасти его близорукостью. Что Арнимъ при юмъ полученіи нѣкоторыхъ сообщеній Бисмарка считалъ ихъ подлежащими сдачѣ въ архивъ, но имѣющими остаться въ его рукахъ, удостовѣрялось разными помѣтками, большей частью ироническаго свойства, которыя онъ дѣлалъ на поляхъ этихъ бумагъ.

Обратимся теперь къ содержанію тѣхъ депешъ, которыя были открыты при открытыхъ дверяхъ. Въ нихъ обнаруживается весьма пестрымъ образомъ разладъ между гр. Арнимомъ и кн. Бисмаркомъ во взглядѣ на французскія дѣла, на вопросъ о восстановленіи монархіи во Франціи, настойчивость посла на своемъ образѣ дѣйствій, вопреки инструкціямъ изъ Варцины и Берлина, стремленіе принимать эти инструкціи не какъ приказанія, рѣшавшія дѣло,—какъ тутъ же ихъ Бисмаркъ,—но какъ аргументацію въ отвѣтъ на аргументацію посла, который въ дальнѣйшихъ заявленіяхъ продолжалъ высказывать прежніе взгляды. Въ отзывахъ канцлера высказывается крайняя ироническая и порицаніе послу за самое содержаніе его донесеній фактъ, который былъ бы совершенно не понятенъ, еслибы не было известно, что донесенія Арнима должны были представляться императору. Вообще, весь раздоръ Бисмарка съ Арнимомъ могъ произойти только потому, что императоръ читалъ депеши Арнима и не отказывался отъ личнаго участія въ направленіи иностранной политики. Еслибы кн. Бисмаркъ былъ полный хозяинъ въ ней, то Арнимъ не рѣшился бы настаивать на своихъ мнѣніяхъ, не сообщалъ бы слухъ, неприятныхъ Бисмарку, или оставилъ бы свой постъ. Еслибы Бисмаркъ одинъ читалъ его донесенія, то онъ не могъ бы требовать отъ Арнима, чтобы содержаніе ихъ было иное; онъ все равно вѣствовалъ бы по своему усмотрѣнію. Но въ томъ-то и дѣло, что содержаніе донесеній Арнима могло дѣйствовать на императора и вѣствовать въ его мнѣніи, до нѣкоторой степени, согласіе съ идеями Бисмарка, даже довѣріе къ нему. Такъ, напримѣръ, когда Арнимъ однимъ изъ донесеній передавалъ слухъ, будто германская политика вступала въ соглашенія съ Гамбеттой, то Бисмаркъ могъ вѣствовать въ этомъ ничто въ родѣ доноса на себя, и потому, въ ироническомъ отвѣтѣ своемъ на это донесеніе, совѣтовалъ послу тщательно вѣствовать то, что имъ сообщается; въ приведеніи сказанаго слуха указывалъ неумѣстный и оскорбительный намекъ, что какъ вамъ извѣстно, что германскою политикою управляетъ императорское величество". Можно утвердительно сказать, что

независимо отъ дѣйствій Арнима, отъ такого или иного личнаго отношенія къ партіямъ во Франціи, вина его въ глазахъ Бисмарка заключалась въ томъ, что онъ сообщалъ не то, что слѣдовало сообщать, не такъ, какъ слѣдовало сообщать, для укрѣпленія императора въ согласіи съ воззрѣніями Бисмарка; напротивъ, онъ писалъ совсѣмъ иномъ смысломъ, такъ чтобы склонить императора на сторону своихъ убѣжденій. А какъ убѣжденія Арнима заключались въ беготню, въ гонимостіи монархическимъ видамъ во Франціи и въ опасеніяхъ „заразительности республиканскихъ учрежденій“, если бы онъ укрѣпился во Франціи, то нельзя не видѣть, что Арнимъ имѣлъ основаніе надѣяться, что его взгляды будутъ угодны императору, чѣмъ политика ближайшихъ реальныхъ интересовъ Германіи, рекомендуемая Бисмаркомъ. Отсюда, въ отвѣтахъ Бисмарка нѣсколько разъ повторяется напominаніе, что за направленіе политики ответственность несетъ онъ одинъ, а потому онъ вправѣ требовать, что инструкціямъ его придавалось болѣе практическаго значенія, а тамъ осуждается вообще манера Арнима вступать съ нимъ какъ-бы въ полемику. „Если бы мнѣ приходилось вести подобныя аргументаціи со всѣми посланниками Германіи въ чужихъ краяхъ“, писалъ онъ, „это одно отняло бы у меня все время“. Но дѣло было не столько въ недостаткѣ времени, конечно, сколько въ раздраженіи, что Арнимъ писалъ не въ томъ духѣ, какъ было желательно Бисмарку, и что тотъ требовалъ отъ него весьма ясными намеками.

Опубликованныя депеши не доказываютъ, чтобы Арнимъ принималъ прямое участіе въ ниспроверженіи Тьера въ маѣ 1873 г., и въ дѣйствіи монархистскимъ интригамъ во Франціи. Но въ депешѣ 8-го ноября 1872 г. Бисмаркъ выражалъ Арниму порицаніе за разговоръ, который Арнимъ имѣлъ съ графомъ Сентъ-Валлье (тотъ пересказалъ его генералу Мантейфелю, а Мантейфель довелъ о немъ до свѣдѣнія Бисмарка) и въ которомъ нельзя не видѣть внушенія со стороны Арнима въ пользу восстановленія монархіи во Франціи. Въ этомъ разговорѣ Арнимъ высказалъ мысль, что положеніе Тьера непостоянно, что послѣ него будетъ Гамбетта, а послѣ Гамбетты опять коммуна, наконецъ — военная диктатура, если Франція установитъ у себя своевременно монархію, причемъ германскій посолъ называлъ имена графа парижскаго и сына Наполеона III. Изъ нѣсколькихъ депешъ Арнима и отвѣтныхъ письмахъ Бисмарка проявляется взглядъ Арнима, что республиканскія учрежденія во Франціи, пока они непостоянны, мѣшаютъ установленію прочныхъ отношеній между нею и Германіею, а если бы учрежденія эти упрочились, то могли бы оказывать заразительное вліяніе на Германію, жалуются, что нѣмецкая печать, получающая внушенія отъ фран-

тельства, старается унижать монархическія партіи во Франціи и противодѣйствовать имъ. Изъ монархическихъ партій во Франціи Арнимъ предпочиталъ бонапартистовъ, и въ одной изъ его депешъ находится убійственное для бонапартистовъ показаніе, что это „и есть единственная партія, которая открыто добивалась нашего содѣйствія“. Бисмаркъ думаетъ совсѣмъ иначе: ближайшіе практическіе интересы онъ ставитъ выше принциповъ, а употребленіе, какое сдѣлала Франція изъ республики 20-го декабря 1872 г., вовсе не казалось ему способнымъ составить „заразительный примѣръ“. Важнѣйшая изъ всѣхъ, прочтенныхъ на судѣ, депешъ, это—депеша Бисмарка 20-го декабря 1872 г.; и мы представимъ ее въ сокращеніи, такъ какъ она весьма характеристична.

Послѣ обычныхъ объясненій о необходимости полного подчиненія посла канцлеру, какъ „бригаднаго генерала дивизионному“, во время войны, и сожалѣній, что Арнимъ недостаточно обдумываетъ свои сообщенія, а потому выставляетъ ошибочныя положенія, которыя опасны, такъ какъ могутъ послужить императору основой для рѣшеній, Бисмаркъ переходилъ къ вопросу объ уплатѣ послѣдней части контрибуціи и о степени прочности тогдашняго правленія во Франціи. Онъ считалъ вѣроятнымъ, что уплата состоится, если Тьеръ останется во главѣ правленія, или если оно останется въ рукахъ увѣренныхъ людей, но выражалъ несогласіе съ увѣреніемъ Арнима, что всякое французское правленіе, какое бы оно ни было, окончитъ уплату. По этимъ соображеніямъ, онъ высказывалъ, что не слѣдовало ослаблять правительства Тьера и способствовать низложенію его. „Условія измѣнились бы невыгоднымъ для насъ образомъ“, продолжалъ онъ, „еслибы до полной уплаты вознагражденія и очищенія французской территоріи нашими войсками одному изъ претендентовъ удалось захватить власть. Мы получили бы тогда дружественные совѣты благоприятствовать молодому росту монархіи, и сдѣлать для монархіи такія облегченія въ вопросѣ объ уплатѣ и очищеніи, какихъ мы бы не сдѣлали для республики. Правда, мы могли бы отказать въ этомъ; но опасаясь, что другіе кабинеты, и именно наиболѣе намъ сочувствующіе, стали бы рекомендовать намъ, болѣе или менѣе настойчиво, оказать снисхожденіе къ монархическому элементу во Франціи. Хотя въ Лондонѣ, Петербургѣ и Вѣнѣ слишкомъ умны, чтобы считать монархическую Францію менѣе опасною для насъ, чѣмъ господство въ этой странѣ республиканскихъ партій, но были бы слишкомъ заинтересованы притвориться, будто вѣрятъ этому, для того, чтобы получить нѣныя выгоды, чтобы дать намъ почувствовать, вѣдь этимъ предлогомъ, недовольство тѣмъ положеніемъ, какое мы нынѣ занимаемъ, и перенесеніемъ французскихъ миллардовъ въ Гер-

манію, перенесеніемъ, которое неудобно для всѣхъ, кромѣ насъ самихъ. Изъ этого вскорѣ произошла бы весьма стѣснительная для насъ группировка европейскихъ государствъ, и эта группировка началась бы съ дружественнаго давленія на насъ, для побужденія насъ отказаться отъ части прибрѣтенныхъ нами выгодъ. Возможно, что и безъ того въ будущемъ произойдутъ сходныя явленія; но, конечно, не наше дѣло содѣйствовать могуществу Франціи упроченіемъ ея внутренняго положенія и установленіемъ въ ней правильной монархіи; не наше дѣло сдѣлать Францію способною вступить въ союзъ съ такими державами, которыя доселѣ состоятъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ нами. Непріязнь Франціи обязываетъ насъ желать, чтобы она оставалась слабою, и мы дѣйствуемъ уже весьма безкорыстно, когда не противимся рѣшительно и даже силою установленію во Франціи монархическихъ учреждений до полного исполненія франкфуртскаго трактата. Еслибы наша иностранная политика сознательно содѣйствовала укрѣпленію, внутреннимъ согласіемъ, врага, отъ котораго мы должны ожидать войны въ будущемъ, и доставленіемъ ему, возстановленіемъ монархіи, способности прибрѣсть союзъ, то мы не могли бы достаточно прикрывать тайною наши дѣйствія въ такомъ смыслѣ, ибо они вызвали бы во всей Германіи справедливое и глубокое неудовольствіе и, можетъ быть, подвергли бы даже опасности уголовнаго преслѣдованія того отвѣтственнаго министра, который слѣдовалъ бы политикѣ, до такой степени противной интересамъ своего отечества". Отъ этихъ соображеній Бисмаркъ переходилъ къ словамъ, сказаннымъ Арнимомъ лично императору, что „удержаніе республиканскихъ учреждений во Франціи опасно монархическимъ учрежденіямъ въ Германіи".— „Полагаю,—замѣчалъ канцлеръ, „что ваше превосходительство не испытывали бы такого опасенія, если бы внѣшнія дѣла не заняли исключительно всего вашего вниманія въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ, и еслибы болѣе продолжительное пребываніе въ Германіи, особенно въ центрѣ администраціи, доставило вамъ случай прибрѣсть точное понятіе о положеніи дѣлъ".

Свѣдѣнія, сообщенныя Арнимомъ о связяхъ французской демократіи въ южной Германіи, Бисмаркъ объявлялъ излишними, повтореніемъ давно извѣстныхъ правительству фактовъ, старою исторіею, такъ какъ всѣ правленія Франціи, даже подавляя демократію у себя дома, старались возбуждать ее за предѣлами Франціи, въ особенности же въ Германіи, подобно тому, какъ нѣкогда дома преслѣдовали протестантовъ, но поддерживали протестантовъ въ Германіи. „Я убѣжденъ", продолжалъ канцлеръ, „что никакой французъ не подумалъ бы помогать намъ возстановить въ Германіи благодѣянія монархіи, еслибы Богъ наказалъ насъ бѣдствіями республиканской

анархій. Высказывать подобное благорасположеніе къ непріязненному союзу — чистонѣмецкое свойство. Но правительство е. в. имѣетъ тѣмъ менѣе причинъ поддаваться этой естественной наклонности, что всѣмъ извѣстны колоссальныя обращенія, совершившіяся со времени *experimentum in corpore vili*, произведеннаго коммуною на глазахъ Европы. Красные перешли въ умѣренныхъ либераловъ, либералы обратились въ консерваторовъ, Франція служить намъ спасительнымъ примѣромъ. Еслибы Франція сыграла передъ Европой еще новый актъ прерванной драмы коммуны, — чего не хочу желать въ интересъ челоуколюбія, — то это только выставило бы въ еще большемъ свѣтѣ выгодныя монархическихъ учрежденій и только укрѣпило бы въ Германіи преданность ея монархіи. Намъ нужно, чтобы Франція оставила насъ въ покоѣ, и если она сама не хочетъ оставаться въ мирѣ съ нами, то мы должны мѣшать ей въ приобрѣтеніи союзовъ. До тѣхъ поръ, пока она союзовъ имѣть не будетъ, намъ нечего бояться Франціи, и до тѣхъ поръ, пока великія монархіи Европы останутся въ согласіи, имъ не страшна никакая республика. Между тѣмъ, французской республикѣ нелегко будетъ найти союзника противъ насъ въ монархическомъ правительствѣ. Убѣжденіе это ставитъ меня въ невозможность совѣтовать е. в. пробуждать во Франціи монархическое право, котораго торжество, сверхъ того, представило бы успѣхъ ультрамонтанскаго элемента, враждебнаго нашей политикѣ.

„Къ живѣйшему моему сожалѣнію, расходясь въ мнѣніяхъ съ вашимъ превосходительствомъ по столь капитальному вопросу, я обязанъ поставить васъ о томъ въ извѣстность. Я убѣжденъ, что разногласіе это уменьшилось бы, еслибы ваше превосходительство изволили принять къ исполненію мою просьбу и старались подвергать продолжительному и добросовѣстному обсужденію и протѣргъ выраженія вашихъ мыслей о положеніи дѣлъ во Франціи и въ Германіи, прежде влюченія тѣхъ выраженій въ офиціальное донесеніе, которое долгъ повелѣваетъ мнѣ представлять его величеству и которое можетъ служить объяснительнымъ документомъ по нашей политикѣ передъ парламентомъ, а въ случаѣ нужды и передъ иностранными кабинетами. Такимъ путемъ, вамъ удалось бы также оставаться въ согласіи съ самимъ собою въ существенномъ смыслѣ вашихъ донесеній, и внести въ нихъ то единство взгляда, которое дало бы и мнѣ впечатлѣнія опредѣленные и взаимно-согласныя, которыя мнѣ необходимы для докладовъ его величеству. Позволю себѣ еще одно замѣчаніе формальнаго свойства. Въ донесеніи № 16 вы изволили сообщить, что „говорять“ (*man glaubt*), что германское правительство находится въ прямыхъ сношеніяхъ съ Гамбеттою. Еслибы ваше превосходительство изволили

помнить, что правительство состоитъ подъ непосредственнымъ руководствомъ особы монарха, вы усмотрѣли бы, что въ приведенномъ отзывѣ содержится оскорбленіе (Kränkung), лично тягостное для его величества. Если же, тѣмъ не менѣе, вамъ казалось, что въ интересѣ службы вамъ слѣдовало включить это сообщеніе въ официальное донесеніе, то, по моему убѣжденію, вамъ слѣдовало уже точнѣе обозначить источникъ, изъ котораго почерпнуть вами такой отзывъ, а не ограничиться употребленіемъ неопредѣленного мѣстоименія „man“; вамъ слѣдовало бы также убѣдительно выставить необходимость подобныхъ инсинуаций, чѣмъ то вами сдѣлано. Вашему превосходительству, конечно, и справедливо, показалось бы неумѣстнымъ, еслибы я позволилъ себѣ, въ моихъ официальныхъ депешахъ, сдѣлаться глашатаемъ простыхъ слуховъ о германскомъ посольствѣ въ Парижѣ, какіе могли бы точно также находиться въ обращеніи, слуховъ, подобныхъ тому, будто императорское германское правительство состоитъ въ сношеніяхъ съ Гамбеттою. Ясно, что, только имѣя возможность сослаться на источникъ, заслуживающій довѣрія и могущій быть названнымъ, и, сверхъ того, только при очевидномъ интересѣ службы, я могъ бы почестъ себя вправѣ включить указанія подобнаго рода въ официальную депешу“.

Приведа главныя мѣста этой депеши, характеризующей и взглядъ Бисмарка на положеніе дѣлъ во Франціи, и разногласіе его съ Арнимомъ, и тѣ личныя отношенія, въ какихъ онъ находился къ нему, мы не имѣемъ затѣмъ нужды ссылаться на прочія депеши, изъ числа опубликованныхъ. Но прежде чѣмъ обратиться къ изложенію самого процесса, замѣтимъ, что какъ ни ясно то неудовольствіе, какое долженъ былъ испытывать Бисмаркъ вслѣдствіе образа дѣйствій Арнима, который не подчинялся его приказаніямъ, жаловался императору на дѣлаемые ему выговоры (донесеніе съ такою жалобою было также прочтено на судѣ), входилъ въ сношенія съ иностранными газетами, бельгійскою „Echo du Parlement“ и вѣнскою „Presse“; но нельзя не признать, что и положеніе Арнима было нестерпимо. Подвергаемый французскимъ обществомъ почти полному ostracismu, онъ изъ своего отечества не только не получалъ нравственнаго ободренія, но видѣлъ однѣ непріятности, притомъ самаго несноснаго рода: о немъ передавалъ „слухи“ генераль Мантейфель, который, какъ оказывается изъ помѣтки Арнима на одной бисмарковой депешѣ, не ограничился однимъ указаннымъ выше донесеніемъ; за нимъ слѣдилъ служащій у него въ посольствѣ г. фонъ-Гольштейнъ, которому поручено было доставлять „частныя свѣдѣнія“ о томъ, что дѣлалъ и говорилъ Арнимъ, что защита во время процесса нѣсколько не деликатно выставила шпионствомъ. Наконецъ, канцлеръ не только

не принималъ его мнѣній, но въ своихъ отвѣтахъ обращался къ нему въ такомъ тонѣ, который мыслимъ развѣ въ обращеніи учителя гимназій къ ученику высшихъ классовъ, которому принято говорить „вы“, но котораго позволено „обрывать“ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Удивительнѣе всего то, что Арнимъ такъ долго переносилъ все это. Должно быть, въ самомъ дѣлѣ, самолюбіе и самолюбіе его такъ велики, что онъ думалъ когда-нибудь занять мѣсто Бисмарка; только ожиданіе подобной награды могло бы еще до нѣкоторой степени объяснить тотъ фактъ, что Арнимъ сносилъ все это, хотя сносить ему было не легко, какъ можно было видѣть изъ нервныхъ содраганій, являвшихся на его лицѣ въ залѣ суда, когда прочитывались тѣ внушенія, въ которыхъ Бисмаркъ съ такой „мужской“ или „плацпарадной“ вѣжливостью обрывалъ посла германской имперіи.

Уже во время суда, графъ Арнимъ возвратилъ нѣсколько денегъ, о мѣстѣ нахожденія которыхъ прежде отзывался незнаніемъ, чрезъ своего адвоката Мункеля; онъ нашелъ ихъ въ своемъ письменномъ столѣ. Относительно дипломатическихъ разоблаченій, появившихся въ газетѣ „Presse“ и относительно опубликованія въ „Allgemeine Zeitung“ письма Арнима къ Деллингеру, Арнимъ отказался на судѣ дать объясненія, какимъ образомъ все это появилось въ печати. Но защитники его потомъ выяснили, что первый поводъ къ разоблаченіямъ былъ поданъ съ другой стороны, такъ какъ дѣло началось съ опубликованія въ министерской „Norddeutsche Zeitung“ сообщеній, оскорбительныхъ для чести подсудимаго. Въ засѣданіи суда, 14-го декабря, прокуроръ Тессендорфъ произнесъ свою обвинительную рѣчь; согласно съ обвинительнымъ актомъ, онъ обвинялъ подсудимаго въ утайкѣ и удержаніи официальныхъ бумагъ и документовъ. Матеріалъ обвиненія въ смыслѣ юридическомъ былъ довольно слабъ; главное состояло въ вопросѣ, должны ли всѣ сообщенія, полученные Арнимомъ изъ министерства, считаться документами, составляющими собственность государства; обязанъ ли онъ былъ заносить ихъ всѣ въ журналъ и сдать въ архивъ посольства, или впослѣдствіи въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Но послѣ показаній экспертовъ и свидѣтелей, этотъ матеріалъ для обвиненія оказался весьма недостаточнымъ. Прокурору оставалось главнымъ образомъ налегать на политическую сторону дѣла, на опасность для государства непослушанія посланниковъ канцлеру и вступленія ихъ въ связи съ печатью для разоблаченій. Прокуроръ не удержался отъ того, чтобы упомянуть о киссингенскомъ выстрѣлѣ; ему онъ приписывалъ то, что Арнимъ не зашелъ въ своихъ „разоблаченіяхъ“ далѣе, не воспользовавшись широко утаенными имъ документами; но оставалось все-таки

непонятнымъ, почему для разоблаченія необходимо было удерживать оригинальные документы, почему для этой цѣли не могли служить copia съ документовъ. Говоря о поводахъ къ смягченію наказанія, онъ отрицалъ ихъ всѣ, кромѣ одного — что утайка не была сдѣлана съ цѣлью корыстной, параграфы 350 и 348 уголовного кодекса, подъ которые подводилось дѣйствіе Арнима прокуроромъ, полагають слѣдующія мѣры наказанія: первый — отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 5-ти лѣтъ тюремнаго заключенія, второй — отъ одного дня до 5-ти лѣтъ, причемъ допускается лишеніе гражданскихъ правъ. Прокуроръ требовалъ, чтобы Арнимъ за злонамѣренную, но безъ корыстной цѣли утайку документовъ, былъ приговоренъ къ средней мѣрѣ наказанія, а именно къ заключенію въ тюрьмѣ на 2½ года, безъ лишенія гражданскихъ правъ.

Изъ рѣчей защитниковъ Арнима особенно сильна, въ смыслѣ юридическомъ, была рѣчь мюнхенскаго профессора Гольцендорфа. Онъ выставилъ смѣшеніе понятій въ обвиненіяхъ весьма различнаго свойства, обращенныхъ на подсудимаго, указалъ на неопредѣленность дипломатической практики въ отношеніи къ храненію бумагъ, на неточность прусскаго регламента 1711 года, на который ссылались, но который былъ преданъ полному забвенію, такъ что его только откопали для процесса, непримѣнимость прусскаго регламента къ германскому дѣлопроизводству. Гольцендорфъ доказывалъ, что „дипломатическая тайна“ не есть обыкновенная „канцелярская тайна“, потому что посланникамъ предоставляется гораздо болѣе свободы дѣйствія, чѣмъ чиновникамъ; относительно права собственности въ дипломатическихъ бумагахъ, онъ указалъ, что оно нигдѣ не опредѣлено ясно, а въ государствѣ съ федеральнымъ устройствомъ даже не можетъ быть установлено съ ясностью, такъ какъ нельзя бы рѣшить, чью собственность должна составлять переписка между Пруссіею и Баваріею. Онъ далъ опредѣленіе юридическихъ документовъ, представляющихъ удостовѣреніе владѣнія опредѣленными предметами, и могущихъ служить основою для исковъ по праву владѣнія, пользованія или найма, и не нашелъ въ этомъ опредѣленіи ничего общаго съ свойствомъ такъ-называемыхъ документовъ „дипломатическихъ“, въ которыхъ только идетъ рѣчь о дѣлахъ, а нерѣдко и о философскихъ вопросахъ, наконецъ, разговоры о совершенно постороннихъ предметахъ, такъ что они совсѣмъ не „документы“ въ смыслѣ юридическомъ. Онъ упомянулъ еще, что самое значеніе слова „документъ“ далеко не всегда ясно; что въ англійскихъ законахъ заключаются тридцать четыре различныя понятія этого слова, а между тѣмъ дипломатическая переписка представляется парламенту не въ качествѣ документовъ, но подъ именемъ Papers and Correspondences.

При такой неопредѣленности значенія дипломатическихъ бумагъ, Арнимъ могъ считать себя обязаннымъ видѣть въ тѣхъ, которыя касались ближе его личности—личную свою собственность, и о злонамѣренности по отношенію къ лицу, заявившему себя такими заслугами, какъ Арнимъ, не могло быть серьезно рѣчи. Защита Гольцендорфа вызвала аплодисменты среди публики, и вообще публика, присутствовавшая на судѣ, видимо была на сторонѣ обвиненнаго, а не на сторонѣ преслѣдованія. Другой защитникъ, Докторъ, настаивалъ на томъ, что для Арнима не могло быть цѣли въ похищеніи документовъ: лишить ихъ министерство онъ не могъ, такъ какъ оно имѣло копіи; а для „разоблаченій“, еслибы Арнимъ имѣлъ ихъ въ виду, вовсе не нужно было владѣть оригиналами. Стало быть, онъ нѣкоторые документы не сдалъ только потому, что не могъ ихъ найти самъ, а тѣ, которые удержалъ—удержалъ въ добросовѣстномъ убѣжденіи, что они принадлежали ему. Третій защитникъ подсудимаго, Мункель, болѣе говорил о политической сторонѣ дѣла; онъ указалъ на роль, которую игралъ Гольштейнъ, говорилъ, что на Арнима гнѣвались за то, что онъ писалъ какъ видѣлъ и понималъ вещи, а не такъ, какъ отъ него требовали, чтобы онъ писалъ; отношенія Бюлова къ Арниму Мункель называлъ рѣзкими, и называлъ Бюлова „датчанинъ“. Самъ Арнимъ, въ засѣданіи 15-го декабря, сказалъ нѣсколько словъ въ томъ смыслѣ, что связка документовъ, которые онъ помѣчалъ „къ дѣлу о столкновеніи“, представляла для него могилу дружбы, начавшейся съ дѣтства; объявилъ, что никогда не нарушалъ своего долга, что еслибы еще существовала очистительная присяга, онъ принесъ бы ее, а еслибы по закону имѣлъ права требовать административнаго изслѣдованія своихъ дѣйствій, то потребовалъ бы его. Приговоръ суда былъ прочтенъ въ засѣданіи 19-го декабря. Своимъ изложеніемъ мотивовъ, рѣшеніе суда отклонило всѣ обвиненія противъ Арнима относительно документовъ, имъ возвращенныхъ (т.-е. обвиненіе по статьѣ 348), а затѣмъ и обвиненіе въ противозаконномъ намѣреніи относительно удержанія документовъ, оставшихся у Арнима (обвиненіе по ст. 350), и подвелъ дѣло подъ ст. 133, а именно призывалъ подсудимаго невиновнымъ въ похищеніи документовъ и въ нарушеніи обязанностей службы, но виновнымъ въ небрежности, угрожавшей опасностью общественному порядку, и потому приговорилъ его къ заключенію въ тюрьмѣ на 3 мѣсяца, съ зачетомъ въ этотъ срокъ и мѣсяца предварительнаго заключенія.

Во Франціи положеніе дѣлъ, обрисовавшееся со времени возобновленія сессіи, продолжаетъ быть безвыходнымъ. Изъ всѣхъ партій наиболѣе готовности къ уступкамъ выказываютъ радикалы, предво-

димые Гамбеттою, какъ-то слѣдовало изъ недавно помѣщенного въ „Times“ пространнаго разговора корреспондента этой газеты съ бывшимъ „диктаторомъ“. Гамбетта объявляетъ, что онъ и его друзья не впадутъ въ ошибку прежнихъ радикаловъ, которые хотѣли такой республики, которая хороша по ихъ мнѣнію, или никакой, и тѣмъ способствовали неуспѣху попытки 1848 года. Гамбетта готовъ принять всякую республику, готовъ вотировать всякіе учредительные законы, если только во главѣ ихъ будетъ поставлено, что это учредительные законы французской республики; готовъ подать голосъ за сохраненіе маршалу Макъ-Магономъ власти въ теченіи остальныхъ 6-ти лѣтъ септенната и даже—за право его на вторичное избраніе президентомъ республики, если только эта республика будетъ теперь окончательно установлена. Безспорно, такая уступчивость показываетъ въ Гамбеттѣ болѣе политической способности, чѣмъ сколько было обнаруживаемо прежними и нынѣшними вождями радикаловъ „непримиримыхъ“, Ледру-Ролленомъ и Луи-Бланомъ. Можетъ быть даже, что заявленія Гамбетты не останутся безъ дѣйствія на самого маршала, который усиленно хлопочетъ объ „упроченіи своей власти учрежденіями“ и встрѣчаетъ на этомъ пути полное равнодушіе на правой сторонѣ и даже среди праваго центра. Возобновились слухи о переговорахъ президента съ Казиміромъ Перье и лѣвымъ центромъ. Но надо замѣтить и то, что партія Гамбетты численно слабѣе всѣхъ прочихъ партій въ національномъ собраніи; въ ея положеніи уступки весьма естественны, и неуступчивости отъ нея можно ожидать не теперь, когда она значитъ мало, но тогда, когда, вслѣдствіе новыхъ выборовъ, она можетъ стать силою. Что касается легитимистовъ, то они рѣшительно не расположены къ учредительнымъ законамъ, а орлеанисты (правый центръ) равнодушны къ этимъ законамъ и собираются вмѣстѣ съ легитимистами идти по пути „борьбы“, установленіемъ такихъ законовъ, которые, ничего не учреждая и не упрочивая, „оставляя будущность открытою“ (en réservant l'avenir—принятая фраза) подготовляли бы разныя орудія для реакціи.

Къ числу такихъ орудій должно, по мысли правой стороны, принадлежать и изданіе закона о свободѣ высшаго обученія. Свободою этой больше всѣхъ воспользуется католическая церковь, такъ какъ внѣ государственной власти только одна церковь имѣетъ такую организованную силу, довѣріе въ народѣ и матеріальныя средства, которыя необходимы для учрежденія факультетовъ. Но изъ того, что духовенство болѣе кого-либо можетъ воспользоваться свободою обученія, разумѣется, не слѣдуетъ, что ему слѣдуетъ запрещать устраивать факультеты, что свобода сама по себѣ есть нѣчто вредное. Въ рукахъ общества все-таки останется главная сила въ дѣлѣ обученія—

университетъ, т.-е. совокупность свѣтскихъ факультетовъ; сверхъ того, ничто не мѣшаетъ свѣтскому обществу открывать частные факультеты свѣтскаго характера. Вотъ выводы, которые можно было извлечь изъ любопытныхъ преній, происходившихъ по этому вопросу, въ которыхъ принимали участіе Дюпанлу—епископъ орлеанскій, Лабурѣ—докладчикъ (въ пользу свободы обученія), и нѣкоторые либералы, бывшіе противъ свободы. Судьба этого закона еще нерѣшена, и предвидятся предложенія, которыя, въ случаѣ принятія ихъ, могутъ измѣнить его значеніе, а потому нѣтъ надобности распространяться о немъ теперь.

Что касается другихъ дѣлъ, то обсужденіе учредительныхъ законовъ, по общему, безмолвному согласію, было отложено до января, а также и обсужденіе закона о кадрахъ арміи. Экономическое положеніе страны было благопріятно, вслѣдствіе отличнаго урожая, но тѣмъ не менѣе дефицитъ нарастаетъ, а такъ какъ предвидятся еще особые расходы по преобразованію арміи, то уже распространился слухъ о необходимости новаго займа въ 1,200 милл. фр. Рядомъ съ приведеннымъ выше заявленіемъ Гамбетты надо поставить рѣчь, произнесенную бонапартистскимъ вождемъ Руэ по поводу преній о проискахъ бонапартистскихъ комитетовъ, обнаружившихся при избраніи г. Бургуэна въ департаментъ Ньевры. Въ этой рѣчи, бывший вице-императоръ заявилъ надежды своей партіи съ такой смѣлостью, какой она еще не выказывала съ того времени, какъ собраніе въ Бордо объявило Бонапартовъ лишенными престола. Самое совпаденіе рѣчи Руэ съ заявленіемъ Гамбетты характеристично: всѣ партіи молчатъ въ неувѣренности и нерѣшимости; возвышаютъ голосъ только—откровенная республика и нескрывающая долѣе своихъ надеждъ имперія.

ИЗВѢСТІЯ.

І. Отчетъ о дѣятельности Комитета Общества вспомошествованіи студентамъ с.-петербургскаго университета за первый годъ (ноябрь 1873—ноябрь 1874).

Уставъ Общества вспомошествованія студентамъ с.-петербургскаго университета утвержденъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ 4-го ноября 1873 г.; первое общее собраніе членовъ-учредителей, посвященное избранію предсѣдателя и членовъ Комитета, состоялось 14-го ноября. Въ составъ Комитета вошли слѣдующія лица: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, А. С. Вороновъ, предсѣдатель Общества и Комитета, П. Г. Рѣдкинъ, ректоръ с.-петербургскаго университета, непремѣнный членъ Комитета (на основаніи притѣхъ § 13 уст.), и члены по выбору — изъ преподавателей университета (на основаніи того же § устава): А. Н. Бекетовъ, А. Д. Градовскій, О. Θ. Миллеръ и Н. С. Таганцевъ; изъ числа прочихъ членовъ Общества: В. И. Базилевскій, И. И. Боргманъ, М. А. Веневитиновъ, В. И. Семевскій, Н. Д. Сергѣевскій и С. Е. Шевитъ.

Комитетъ выбралъ изъ своей среды, на основ. § 16 устава, въ товарищи предсѣдателя О. Θ. Миллера, въ казначей В. И. Базилевскаго, и въ секретари: И. И. Боргмана и М. А. Веневитинова, а во время отсутствія секретарей, ихъ обязанности, по порученію Комитета, исправлялъ Н. Д. Сергѣевскій.

Въ теченіи года Комитетъ собирался 25 разъ—первое время каждую недѣлю, а затѣмъ, за исключеніемъ лѣтняго времени, съ 31-го мая по 2-е сентября, каждыя двѣ недѣли.

Всѣхъ членовъ Общества, считая и учредителей, состоитъ въ настоящее время 394. Изъ общаго числа членовъ, нѣкоторые еще не уплатили взносовъ за первый годъ. Комитетъ считаетъ долгомъ обратиться къ послѣднимъ съ убѣдительною просьбою ускоритъ взносовъ слѣдующихъ съ нихъ денегъ, указывая при этомъ, что въ

силу примѣчанія 1-го къ § 7 устава, члены, не платившіе своего взноса въ теченіи 2-хъ лѣтъ, считаются выбывшими изъ Общества.

Взносы принимаются у всѣхъ членовъ Комитета, а также въ книжномъ магазинѣ Базунова (Невскій, д. Ольхина). Туда же обращаются съ заявленіями о желаніи поступить въ число членовъ Общества.

Согласно § 2 устава, задачи Общества и его Комитета заключаются въ слѣдующемъ:

- 1) выдавать нуждающимся студентамъ пособія единовременныя и постоянныя;
- 2) принимать, съ разрѣшенія подлежащаго начальства, мѣры къ удешевленію жизни студентовъ;
- 3) заботиться, какъ о пользованіи заболѣвшихъ студентовъ на дому, такъ и о помѣщеніи ихъ въ больницы и клиники;
- 4) прискивать нуждающимся студентамъ занятія, могущія доставить имъ средства къ жизни.

Сообразно этимъ четыремъ задачамъ, выполненіе которыхъ лежало на обязанности Комитета, мы и настоящій отчетъ распредѣляемъ на четыре части.

I. Выдача ссудъ.

При выдачѣ ссудъ Комитетъ руководствовался слѣдующими главными основаніями: студенты, желающіе получить ссуду, были приглашаемы чрезъ объявленіе, выставленное въ университетѣ, подавать о томъ письменныя заявленія, преимущественно тому преподавателю своего факультета, который состоялъ членомъ Комитета. По поданнымъ прошеніямъ собирались тотчасъ же необходимыя справки о степени состоятельности просителя изъ правленія университета и также отъ товарищей просителя, и прошенія затѣмъ докладывались Комитету въ ближайшемъ засѣданіи.

Всего по 14-е ноября 1874 г. было выдано ссудъ 14,047 рублей 373 студентамъ. Всѣхъ прошеній поступило 433; но 60 изъ нихъ пришлось отклонить, большею частью вслѣдствіе недостатка средствъ.

Слѣдующая таблица показываетъ распредѣленіе выданныхъ ссудъ по каждому факультету и курсу отдѣльно ¹⁾.

1)	Юридическій факультетъ				Физ.-математ. факульт.			
	I.	II.	III.	IV.	I.	II.	III.	IV.
Сумма:	1899 р. 50 к.	1078 р. 50 к.	1592 р. 50 к.	1422 р. 50 к.	2210 р. 1682 р.	610 р. 625 р.		
Количество лицъ, получившихъ ссуды. . .	46	31	46	40	66	40	17	16

Наибольшій размѣръ ссуды, выдаваемой въ одинъ руки, доходилъ въ теченіи года до 122 руб., при этомъ на старшихъ курсахъ болѣе крупныя ссуды выдавались нерѣдко подъ залогъ стипендій, а также на короткій срокъ, по соглашенію съ заемщиками. Изъ такихъ краткосрочныхъ ссудъ возвращено студентами въ теченіи года 2,287 р. 9 коп.

Наиболѣе крупная сумма выданныхъ ссудъ приходится, какъ и слѣдовало ожидать, на долю юридическаго факультета, самый многочисленный, а именно 5,993 руб., распределенныхъ между 163 студентами. Наименѣе студентовъ, нуждающихся въ помощи, оказалось на факультетѣ восточныхъ языковъ, на которомъ выдано 1.124 рублей 28 лицамъ.

Особый видъ пособій составлялъ взносъ платы за ученіе недостающихъ студентовъ; общая сумма такого взноса составляла въ теченіи года 2,947 руб. 50 к., которые распределены были между 98 студентами, именно:

а) по физико-математическому факультету 45 студентамъ	1,497 р. 50 к.
б) по юридическому факультету 39 студентамъ	1,100 " —
в) по филологическому факультету 7 студентамъ	175 " —
г) по восточному факультету 7 студентамъ	175 " —
Итого 98 студентамъ	2,947 р. 50 к.

Плата вносила въ правленіе университета частію въ полномъ размѣрѣ 50 руб. за оба полугодія, и болѣею частію въ размѣрѣ 25 руб. и даже 12 р. 50 к. за одно полугодіе.

II. Мѣры къ удешевленію жизни студентовъ.

Съ самаго начала своей дѣятельности Комитетъ обратилъ особое вниманіе на необходимость устройства кухмистерской, въ которой студенты могли бы получать дешевый и хорошій обѣдъ. Но открытіе такой кухмистерской, непосредственно отъ Общества вспоможенія студентамъ, замедлилось, какъ по разнымъ обстоятельствамъ, отъ Комитета не зависящимъ, такъ и вслѣдствіе необходи-

	Филологическ. факульт.				Вост. фак.			
	I.	II.	III.	IV.	I.	II.	III.	IV.
Сумма:	517 р.	465 р.	255 р.	560 р.	645 р.	250 р.	190 р.	25 р.
Количество лицъ, получившихъ ссуды	13	11	9	10	15	6	6	1
Итого . . .	14,047 р. на 373 чел.							

мости на первое время ограничивать расходъ ссудами, въ которыхъ просящіе безотлагательно нуждались.

Между тѣмъ, въ концѣ прошлаго академическаго года, Комитетъ получилъ отъ Общества дешевыхъ столовыхъ, состоящаго подъ покровительствомъ ея императорскаго высочества великой княгини Екатерины Михайловны, предложеніе содѣйствовать устройству дешевой столовой, преимущественно для студентовъ университета, по близости самаго зданія университета. Начавшіеся вслѣдствіе этого переговоры привели къ слѣдующему результату: Общество дешевыхъ столовыхъ взяло на себя распоряженіе по устройству кухмистерской, на содержаніе которой Комитетъ Общества вспомошествованія студентамъ обязался, въ видѣ опыта, отпускать въ теченіи двухъ лѣтъ ежегодно по 500 руб. изъ суммъ Общества. Двое членовъ Комитета приглашаются въ составъ Комитета Общества дешевыхъ столовыхъ; кромѣ того, всѣмъ членамъ Комитета принадлежитъ право наблюденія за исправнымъ содержаніемъ кухмистерской.

На основаніи состоявшагося такимъ образомъ соглашенія, дешевая столовая, которою могутъ пользоваться и студенты, открыта 10-го ноября настоящаго года, на Васильевскомъ Островѣ, у Тучаго моста, въ домѣ Петрова.

III. Медицинская помощь.

Въ выполненіи этой задачи Общества, Комитетъ встрѣтилъ живое содѣйствіе со стороны многихъ врачей и медицинскихъ учрежденій въ С.-Петербургѣ.

Содержатели аптекъ: гг. Боргманъ, Гауеръ, Пель, Шамбахеръ, Шульцъ, Трофимовъ и Юрданъ, выразили готовность отпускать бесплатно и по уменьшенной цѣнѣ медикаменты недостаточнымъ студентамъ; пневматическая лечебница доктора Симонова передала въ распоряженіе Комитета 300 розовыхъ билетовъ на бесплатное леченіе стуженнымъ воздухомъ, которые всѣ почти розданы; лечебница докторовъ Билибина, Веймарна и Лесгафта предоставила 30-ти недостаточнымъ студентамъ право на ежедневное бесплатное пользованіе гидротатіей, электричествомъ и гимнастикой; наконецъ, доктора, Эриксенъ, Бари, Доббертъ, Карѣвъ, Уверскій и Вильцеръ выразили желаніе подавать бесплатно медицинскіе совѣты недостаточнымъ студентамъ. Студентовъ, желавшихъ пользоваться вышеозначенною медицинскою помощью, Комитетъ снабжалъ особыми свидѣтельствами, выдаваемыми членомъ Комитета И. И. Боргманомъ. Такихъ свидѣтельствъ выдано г. Боргманомъ въ теченіи года болѣе 80-ти. Сверхъ

того, С.-Петербургское Гимнастическое Общество допустило, по засвидѣтельствуванію предсѣдателя Общества вспомошествованія студентамъ, къ безплатному обученію гимнастикѣ 6 студентовъ.

IV. *Доставленіе занятій студентамъ.*

Желая по возможности устранить случайность, господствующую въ настоящее время въ распредѣленіи занятій и уроковъ между студентами, Комитетъ старался служить посредникомъ между послѣдними и лицами, предлагающими работу или уроки. Но въ этомъ отношеніи Комитетъ, къ сожалѣнію, достигъ весьма незначительныхъ результатовъ.

Несмотря на неоднократныя заявленія Комитета во всѣхъ газетахъ о томъ, что лица, имѣющія надобность въ студентахъ-преподавателяхъ, могутъ обращаться за рекомендаціей таковыхъ къ предсѣдателю Общества, а также и ко всѣмъ членамъ Комитета, такихъ заявленій поступило въ теченіи года весьма немного, такъ что занятія удалось доставить, не болѣе какъ 40 студентамъ.

Такое равнодушіе нашего образованнаго Общества тѣмъ прискорбнѣе, что указанія Комитета, болѣе или менѣе знающаго студентовъ и относительно степени ихъ подготовки къ преподаванію, казалось бы, должны представлять болѣе ручательства за вѣрный выборъ преподавателя, чѣмъ газетныя объявленія о лицахъ, желающихъ принять на себя преподавательскія обязанности.

Говоря о результатахъ своей годичной дѣятельности, Комитетъ считаетъ долгомъ заявить, что если онъ былъ въ состояніи хотя сколько-нибудь выполнить возложенную на него задачу, то онъ обязанъ этимъ въ значительной мѣрѣ содѣйствію и пожертвованіямъ нѣкоторыхъ лицъ и учреждений. Наиболѣе значительныя денежныя пожертвованія поступили: 1,000 р. отъ неизвѣстнаго, при самомъ открытіи Общества; 1,000 р. отъ министерства народнаго просвѣщенія; 500 руб. билетами отъ Н. О. Кульжинскаго, 250 руб. отъ литературнаго фонда, по сборной книгѣ О. Θ. Миллера собрано 1,600 р. (выручка отъ публичныхъ лекцій, читанныхъ имъ). Всего лекторомъ получено было отъ Петербургскаго Собранія Художниковъ 1,947 р. (половина чистаго сбора—по уговору); изъ этой суммы удержано имъ 150 р. въ уплату за стенографированіе 10-ти его лекцій. а 197 руб. для распредѣленія по его собственному усмотрѣнію между нѣкоторыми учащимися, не вполне подходившими подъ уставъ Общества; такимъ образомъ, въ кассу Общества пожертвовано имъ всего 1,600 руб. изъ полученнаго имъ гонорара; по книгѣ М. А. Веневі-

гинова и С. Е. Шевича собрано 1,000 руб.; на обѣдѣ бывшихъ студентовъ с.-петербургскаго университета, 8-го февраля, внесено пожертвованій до 1,000 руб.; отъ распорядителей студентскаго вечера 3-го февраля получено 1,000 р.; собрано г. П-вымъ въ Енисейскѣ—500 руб. Всего дохода (какъ видно изъ прилагаемаго при семъ отчета казначея), поступило свыше 15,600 руб.

Кромѣ пожертвованій деньгами, Комитетъ встрѣтилъ самое живое сочувствіе дѣлу Общества со стороны редактора „Вѣстника Европы“, М. М. Стасюлевича; въ его журналѣ помѣщались безвозмездно протоколы засѣданій Комитета (а въ началѣ также и въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“), и въ его типографіи печатаются также безвозмездно всѣ бумаги Общества.

Въ заключеніе своего отчета Комитетъ считаетъ своей обязанностью обратить вниманіе членовъ Общества и на тѣ явленія въ первоначальной жизни нашего Общества, которыхъ нельзя назвать утѣшительными.

Кромѣ указаннаго выше недостатка въ доставленіи занятій студентамъ, къ этимъ явленіямъ относится прежде всего медленное возрастаніе числа членовъ Общества. Быть можетъ, оно объясняется новостью дѣла и желаніемъ узнать сначала, какъ поставить себя новое Общество. Съ этой цѣлью Комитетъ озабочится о доставленіи возможно большей гласности настоящему отчету, и разошлетъ вмѣстѣ съ нимъ приглашенія къ участію въ Обществѣ ко многимъ бывшимъ студентамъ с.-петербургскаго университета и другимъ лицамъ, могущимъ быть полезными Обществу.

Еще одинъ недостатокъ, обнаружившійся въ дѣятельности Комитета, заключался въ томъ, что при отсутствіи какой-либо связи между студентами, собираніе справокъ объ имущественномъ положеніи лицъ, обращавшихся въ (общественный) Комитетъ за ссудою, было крайне затруднительно. Ошибки, недосмотры были неизбѣжны. Въ устраненію этого весьма важнаго недостатка, неизбѣжнаго, какъ намъ кажется, въ дѣятельности всякаго Общества, подобнаго Обществу вспомошествованія студентамъ, могло бы послужить повсемѣстное распространеніе въ провинціальныхъ городахъ обществъ для помощи молодымъ людямъ, готовящимся къ поступленію въ университетъ. Отъ одного изъ возникшихъ уже провинціальныхъ обществъ такого рода нашимъ Обществомъ получено 25 р. въ уплату за слушаніе лекцій студентомъ, бывшимъ воспитанникомъ гимназіи въ томъ городѣ, гдѣ означенное общество возникло. Возникновеніе подобныхъ Обществъ, уже существующихъ въ нѣкоторыхъ городахъ, напр. въ Саратовѣ и Калугѣ, и установленіе связи между ними и Обще-

ствами, находящимися при университетахъ, придадо бы дѣлу помощи студентамъ болѣе твердое и широкое основаніе.

Вступая во второй годъ существованія Общества, Комитетъ надѣется, что сочувствіе его дѣлу будетъ расти среди нашего общества; что всякій бывшій студентъ, знавшій когда-то всю подавляющую обстановку студентской жизни, и дошедшій путемъ образованія до лучшаго положенія, а также и всякій образованный человѣкъ, пораженный невѣжествомъ окружающей его темной массы, сочтетъ своею обязанностью людямъ, стремящимся къ знанію, протянуть руку помощи въ ихъ постоянной, томительной борьбѣ съ нуждою и всѣми невзгодами.

II. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ

Общее собраніе 17-го ноября 1874 г.

По открытіи собранія секретарь прочелъ слѣдующій отчетъ:

„Мн. гг. 8-го числа текущаго мѣсяца исполнилось пятнадцать лѣтъ со дня основанія нашего Общества. Подробный отчетъ о дѣйствіяхъ Общества въ этотъ промежутокъ времени уже составленъ и будетъ напечатанъ въ приготавлиемомъ къ изданію Сборникѣ литературнаго фонда, въ который войдутъ, кромѣ того, и произведенія нѣкоторыхъ извѣстныхъ нашихъ писателей. Поэтому, въ настоящее время комитетъ позволяетъ себѣ представить вамъ лишь итоги дѣятельности Общества во все время его существованія. Итоги эти выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ: пенсій было назначено 38; ссудъ 42; продолжительныхъ пособій 10; единовременныхъ пособій 986 и пособій на воспитаніе 76; не считая тѣхъ, которыя производились молодымъ учащимся и студентамъ с.-петербургскаго и харьковскаго университетовъ. Кромѣ того, денежныхъ пособій разнаго рода было оказано въ 117 случаяхъ. Такимъ образомъ, число всѣхъ пособій простирается до 1,269, а если къ этому числу присоединить и пособія, выданныя учащимся и студентамъ, цифру коихъ нельзя съ точностью опредѣлить, за недостаткомъ въ дѣлахъ Общества перваго времени полныхъ свѣдѣній, то число случаевъ проявленія дѣятельности Общества будетъ представлять еще болѣе почтенную цифру. На всѣ денежные пособія Общество израсходовало болѣе 164,000 руб. Въ тѣ же пятнадцать лѣтъ болѣе 639 ходатайствъ было отклонено. Привести вѣрную цифру отказовъ также оказывается невозможнымъ.

потому что въ самомъ началѣ существованія Общества не всѣ отклоненія просьбъ были заносимы въ журналы комитета.

Переходя затѣмъ къ отчету въ дѣйствіяхъ своихъ за время, истекшее послѣ общаго собранія 21-го апрѣля, комитетъ имѣетъ честь доложить, что въ эти семь мѣсяцевъ имъ оказаны слѣдующія пособія: ссуды были выданы 8 лицамъ, а именно: одному лицу въ 800 руб., одному въ 300 р., одному въ 200 р., одному въ 150 руб., двумъ въ 125 р. и двумъ въ 100 р. Единовременныя пособія были назначены въ 46 случаяхъ, въ томъ числѣ: одному лицу въ 300 руб., двумъ въ 250 р., одному въ 200 р., семи въ 150 р., одиннадцати въ 100 р., одному въ 80 р., четыремъ въ 75 р., шестнадцати въ 50 р., одному въ 40 р., двумъ въ 25 р. и одному, согласно назначенію самого просителя, въ 15 р. Кромѣ того, на похороны писателя было отпущено, по представленному счету, 39 р. 50 к. На воспитаніе дѣтей покойнаго писателя опредѣлено отпускать ежегодно по 120 руб. На тотъ же предметъ семействамъ двухъ писателей также покойныхъ, назначены ежегодныя пособія: одному по 60 р. въ теченіи пяти лѣтъ и другому по 300 р. въ теченіи трехъ лѣтъ. Наконецъ, единовременно выдано 50 р. на воспитаніе сына писателя. За обученіе дочери писателя въ прогимназіи было уплачено 60 р., съ переходомъ этой дѣвicy въ гимназію внесено за нее 130 р. Отпускавшаяся, по прежнимъ назначеніямъ, сумма въ уплату за слушаніе лекцій дочерью умершаго писателя увеличена на 10 р., вслѣдствіе увеличенія платы за слушаніе лекцій въ томъ заведеніи, гдѣ эта дѣвица воспитывается. Затѣмъ, такъ какъ воспитывающійся на счетъ Общества сынъ писателя не могъ, по болѣзни, поступить въ нынѣшнемъ году въ гимназію, то комитетъ продолжилъ еще на годъ выдачу по 15 р. въ мѣсяцъ за обученіе этого мальчика въ частномъ пансіонѣ. Учрежденныя Обществомъ для студентовъ и вольнослушателей 1-го курса с.-петербургскаго университета стипендіи розданы за первое полугодіе. Стипендія Е. П. Ковалевскаго въ 150 р. предоставлена студенту харьковскаго университета Раздольскому, а стипендія въ 300 р., согласно ходатайству совѣта того же университета, оставлена еще на $\frac{1}{2}$ года за прежнимъ стипендіатомъ Чернявскимъ, кончившимъ уже курсъ наукъ. Неденежныхъ пособій оказано 15. Самымъ крупнымъ изъ нихъ представляется содѣйствіе въ назначеніи матери покойнаго профессора пенсіи изъ суммъ комитета при живыхъ заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Пенсія эта, благодаря благосклонному вниманію Ѳ. П. Корнилова къ ходатайству комитета Общества, уже назначена, въ размѣръ 300 р. въ годъ. Нѣсколько три просьбы отклонены. Выдача продолжительнаго пособия, назначеннаго одному молодому писателю, въ видахъ предо-

ставленія ему средствъ къ окончанію образованія, была прекращена, такъ какъ этотъ молодой человѣкъ не сдалъ установленнаго экзамена. Разрѣшеніе двухъ просьбъ отложено впредь до представленія просителями доказательствъ права ихъ на помощь Общества".

Изъ доложенныхъ затѣмъ казначеимъ свѣдѣній о состояніи суммъ Общества видно, что къ 21-го апрѣля въ кассѣ было 63,376 р. 96 к. Поступило вновь 5,543 р. 41 к., а именно: взносы 75 членовъ 1,475 р., единовременно отъ 8 лицъ 1,328 р. 90 к.; отъ Государыни Императрицы 300 р.; за проданныя книги 9 р. 35 к.; процентовъ съ капитала 1,365 р. 16 к.; возвратъ одного пособія 40 р. и возвратъ двухъ ссудъ 425 р. Израсходовано 10,823 р. 90 к., въ томъ числѣ на пенсіи 3,053 р.; единовременно 46 лицамъ 3,835 р.; на воспитаніе 1,886 р.; въ счетъ трехмѣсячнаго пособія одному лицу 30 р.; на погребеніе одного лица 39 р. 50 к.; на ссуды 1,900 р.; за доставку напоминаній членамъ и сборъ съ нихъ взносовъ 59 р.; за книжки чеконъ и за храненіе % бумагъ 21 р. 40 к. Къ 1-му ноября въ кассѣ 58,096 р. 47 к.

Послѣ того были произведены выборы лицъ, предложенныхъ членами Общества и выбраны нижеслѣдующія 24 лица:

Карлъ Юліевичъ Давыдовъ, Самуилъ Соломоновичъ Поляковъ, Алексѣй Ивановичъ Кульжинскій, Владиміръ Викторовичъ Лесевичъ, Владиміръ Ивановичъ Родиславскій, Александръ Петровичъ Беклемишевъ, Александръ Александровичъ Смиренскій, Артуръ Богдановичъ Бушенъ, Александръ Владиміровичъ Михайловъ, Николай Петровичъ Поляковъ, Сергѣй Павловичъ Ловцовъ, Алексѣй Николаевичъ Веселовскій, Лука Александровичъ Кисловскій, Иванъ Асигиритовичъ Корсаковъ, Александръ Аполлоновичъ Григорьевъ, Александръ Александровичъ Боровковъ, Михаилъ Давыдовичъ Гольдбергъ, Рудольфъ Игнатьевичъ Менжинскій, Вивентій Георгіевичъ Вильямсонъ, Александръ Васильевичъ Яковлевъ, Николай Густавовичъ Принцъ, Августина Густавовна Михайлова, Анна Николаевна Полванова, Эрнестина Александровна Принцъ.

Чрезвычайное собраніе Общества 17-го ноября 1874 г.

Собраніе было созвано для разрѣшенія вопросовъ: 1) о порядкѣ веденія списка членовъ и исчисленія ихъ взносовъ, и 2) объ образованіи неприкосновеннаго капитала. По обсужденіи этихъ вопросовъ, собраніе постановило слѣдующія правила по веденію списка членовъ и исчисленію взносовъ: 1) Въ печатаемый ежегодно списокъ членовъ вносятся только тѣ лица, которые были избраны въ теченіи отчетнаго года. 2) Включеніе лицъ въ списокъ, равно какъ и исключеніе

изъ него и означеніе именъ нѣкоторыхъ лицъ звѣздочкою, допускается и иначе, какъ по постановленію комитета. 3) Завѣдующій веденіемъ списка сообщаетъ его, передъ напечатаніемъ, секретарю и казначею, для провѣрки съ имѣющимися у нихъ свѣдѣніями. 4) Лица, исключенныя изъ списка по неплатежу причитавшихся съ нихъ взносовъ, посятся вновь въ списокъ по уплатѣ числившейся на нихъ недоимки и новому выбору не подлежатъ. 5) Лица, отказавшіяся отъ членства Общества, допускаются комитетомъ къ новому избранію въ общемъ порядкѣ не иначе, какъ по наведеніи въ дѣлахъ справки о причинахъ ихъ отказа, и предложенія объ ихъ избраніи подлежатъ открытой баллотировкѣ членовъ комитета. 6) Лица, исключенныя изъ списка по неплатежу слѣдовавшихъ съ нихъ взносовъ и пожелавшія вновь вступить въ члены Общества безъ уплаты недоимки за прежнее время, подлежатъ избранію на общемъ основаніи. 7) Взносы членовъ, выбранныхъ въ первой половинѣ года, засчитываются со 2-го февраля того года, въ который плательщикъ былъ выбранъ; взносы же членовъ, выбранныхъ во второй половинѣ года, засчитываются со 2-го февраля слѣдующаго за выборомъ такихъ членовъ года.

Что касается второго вопроса, то собраніе опредѣлило: 1) Обращать неприкосновенный капиталъ Общества. 2) Неприкосновенный капиталъ расходовать не иначе, какъ по постановленіямъ общихъ собраній членовъ Общества. 3) Неприкосновенный капиталъ образовать: во-первыхъ, изъ суммъ, пожертвованныхъ семействомъ Б. И. Утина и И. Т. Лисенковымъ и завѣщанной Веселовскимъ, всего 2,300 р.; во-вторыхъ, изъ суммъ, жертвуемыхъ въ пользу Общества подъ условіемъ расходованія только процентовъ съ нихъ; и въ-третьихъ, изъ имѣющихъ поступать единовременныхъ, взаимны ежегодныхъ, взносов членовъ Общества. 4) Не отчисляя въ капиталъ—какъ предлагали нѣкоторые члены комитета—10% изъ ежегодныхъ доходовъ Общества, предоставить комитету, по соглашенію съ ревизіонною комиссіею, опредѣлять ежегодно, какая часть изъ свободныхъ остатковъ отъ предыдущаго года можетъ быть отчислена въ неприкосновенный капиталъ. 5) Признавъ, что часть принадлежащихъ нынѣ Обществу суммъ должна быть перечислена въ неприкосновенный капиталъ, поручить комитету опредѣлить эту часть по соглашенію съ ревизіонною комиссіею за 1874 годъ; предложенія же о перечисленіи 50,000 р., 25,000 р. и 10% всѣхъ суммъ Общества отклонить.

Засѣданіе Комитета 2-го декабря 1874 г.

1) Выслано 350 р. писателю, находящемуся въ крайне бѣдственномъ положеніи.

2) Утвержденъ расходъ въ 40 р. на уплату за слушаніе лекцій молодымъ писателямъ.

3) Изъявлена благодарность Общества Θ . П. Баймакову, выразившему желаніе принимать въ своей конторѣ (Невскій проспектъ д. Глазунова) взносы членовъ и пожертвованія въ пользу Общества.

4) Выдано 300 р. больному писателю на поѣздку, съ семействомъ въ южный край.

5) Отложены ходатайства 4-хъ лицъ.

6) Выдано 50 р. престарѣлому писателю и 40 р. на похороны другого писателя.

7) Изъявлена благодарность Общества Н. И. Ягнгу, Н. Н. Буличу и И. И. Кауфману за содѣйствіе ихъ Комитету.

8) Взамѣнъ, выбывающихъ 2 го февраля 1875 г. изъ состава Комитета, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, В. Θ . Корша, А. Н. Пыпина и Г. К. Рѣпинскаго, выбраны слѣдующіе кандидаты: Θ . П. Баймаковъ, П. А. Гайдебуровъ, Э. К. Ватсонъ, В. М. Жемчужниковъ, А. Краевскій, Е. И. Утинъ, Н. С. Таганцевъ и М. Е. Салтыковъ.

Отчетъ казначея за ноябрь:

Къ 1-му ноября въ кассѣ было 57,696 р. 12 к. Поступили: взносы 5-ти лицъ 70 р., проценты съ капитала 551 р. 10 к.; возвратъ части пособія 25 р. Израсходовано: на пенсіи 240 р., на единовременныя пособія 125 р., на воспитаніе 160 р., на одежду питомца Общества 40 р., за доставку напоминаній членамъ Общества 59 р.; за храненіе процентныхъ бумагъ 1 р. 75 к.; въ ссуду 60 р.—Къ 1-му декабря въ кассѣ 58,031 р. 47 к.

ОПЕЧАТКИ.

Въ декабрьской книгѣ прошедшаго года просить исправить:

Стран.	стр.	Напечатано:	виѣсто:
858	8 ст.	фосфоръ	факторъ

М. Стасюлевичъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1875-мъ году.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, ежемѣсячный журналъ исторіи, мѣтики, литературы, въ 1875-мъ году издается въ томъ объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, каждый около 1,000 стр. большого формата.

ПОДПИСКА НА ГОДЪ:

С.-Петербургъ: 15 р. 50 коп. безъ доставки—16 руб. съ доставкою на домъ.

Губерніи: . . 17 руб., съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію.

За-границею: Германія и Австрія—19 р.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества—20 р.; Франція и Данія—21 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и Греція—22 р.; Швейцарія и Италія—23 р.; Азія—24 р.; Америка—25 р.

Примѣчаніе. При перемѣнѣ адреса изъ Петербурга въ губерніи доплачивается 50 к.; изъ губерніи въ С.-Петербургъ—50 к.; изъ Петербурга или изъ губерніи въ Москву—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государственнымъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

С.-Петербургъ: Главная Контора „Вѣстника Европы“, на Невскомъ пр., 30, при книжномъ магаз. А. Ѳ. Баунова.

Москвѣ: Книжный магазинъ А. Черкесова и К^о, Преображенская ул., д. Великанова.

Въ Москвѣ: Книжный магазинъ И. Г. Соловьева, на Страсномъ бульварѣ, домъ Алексеева.

Харьковѣ: Книжный магазинъ А. Черкесова и К^о, Московская улица, 6.

Примѣчаніе. Иногородные, высылая деньги по почтѣ, обращаются исключительно къ редакціи „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго свѣдѣнія: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена газетъ и журналовъ.—О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно съ указаніемъ прежняго мѣстожительства.—Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и по объявленію отъ Почтового Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Подписчики получаютъ отъ Главной Конторы билетъ, вырванный изъ редакціи: только при предъявленіи такого билета, или при сообщеніи ея номера, редакція отвечаетъ безусловно за свою Контору.

„ГОДЪ“

ВЪСТНИКА ЕВРОПЫ

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Томъ второй: 1873—1874 гт.

Редакція «Вѣстника Европы», подъ названіемъ «ГОДА», предлагаетъ начатое ею особое изданіе, въ формѣ историко-политическаго обзрѣнія, какъ издаются подобныя же обзрѣнія въ западныхъ литературахъ, пользуясь отчасти при этомъ, какъ матеріаломъ, съдѣланными обзрѣніями журнала, исправленными въ отдѣльномъ изданіи и значительно дополненными. Отдѣлъ Россіи вмѣщаетъ въ себѣ главнѣйшіе вопросы нашей внутренней политики и внѣшнихъ отношеній; остальная Европа, съ другими частями свѣта, составляетъ общую историческую картину за годъ. Обзрѣніе доводится всегда до 1-го октября истекающаго года.

ЦѢНА:

Два рубля, съ пересылкою.

Главный складъ въ Типографіи М. Стасюлевича, въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2-я лин., 7.—Тамъ же продается первый томъ за 1872—73 гт., по той же цѣнѣ. Книгопродавцы пользуются уступкою 20%.

АЛЬБОМЪ

ГРУППЫ И ПОРТРЕТЫ.

II *).

Защитникъ кончилъ свою рѣчь; прокуроръ не возражалъ ему; оставалось говорить подсудимому.

Было около шести часовъ туманнаго декабрьскаго дня. Засѣданіе, почти безъ перерывовъ, длилось съ утра. Залу еще не успѣли освѣтить; только вдали мерцали свѣчи на столахъ присутствующихъ и секретарей; прокуроръ скрывался за своимъ пюпитромъ; у рѣшетки подсудимыхъ свѣтился маленькій огонекъ на столикѣ стенографа. Въ голубоватой полутьмѣ минутами мелькали красныя полосы сукна, бѣлые листы бумагъ, искры шитья мундировъ. Посреди полукруга залы, огромный, заваленный, затѣсняя мѣсто и увеличивая темноту, чернѣлъ столъ съ *вещественными доказательствами*. Вся остальная зала, полная народа, тонула въ сумеркахъ.

Подсудимый сидѣлъ далеко за рѣшеткой, прислонясь къ стѣнѣ. На приглашеніе говорить, онъ не отозвался. Предсѣдатель возвысилъ голосъ.

— Подсудимый Копыловъ, вы можете еще сказать нѣсколько словъ въ свою защиту. Желаете-ли вы воспользоваться милостью закона, оставляющаго послѣднее слово за обвиненнымъ?

За рѣшеткой всталъ худощавый молодой человѣкъ. Его освѣтили высокія свѣчи съ прокурорскаго стола. Замѣчательно строй-

*) См. выше: деп. 445 стр.

Томъ I.—Февраль, 1875.

ная фигура, маленькая, кудрявая голова, красивое, чуть-чуть поблѣднѣвшее лицо. Его глаза сначала прищурились отъ свѣта, потомъ вспыхнули гнѣвнымъ, горячечнымъ огнемъ.

Тишина кругомъ была страшная.

— Мнѣ сказать нечего,—выговорилъ онъ безъ всякаго выраженія, и опять скрылся за рѣшеткой.

Въ залѣ прогудѣлъ точно вѣтеръ сдержанныхъ восклицаній.

На скамѣ свидѣтелей поднялась женщина, закутанная въ черное; мелькнули маленькія блѣдыя руки, вскинутыя къ небу, цвѣтущее, расплаканное лицо. Она рыдала. Около нея засуетился защитникъ подсудимаго съ стаканомъ воды.

— Попадите!—вскричала она.

Ея голосъ слился въ общемъ шумѣ; она сама исчезла въ общемъ движеніи. Двѣ особы, сидѣвшія подлѣ нея, увлекли ее изъ залы.

Постановка «вопросовъ» прошла въ нѣсколько минутъ. Пресѣдатель, замѣтно взволнованный, обратился къ присяжнымъ.

— Въ вашихъ рукахъ участь человѣка, и вина его передъ вами. Мы не знаемъ, что довело его до ужаснаго дѣла; мы видимъ, что оно поразило его самого. Будьте справедливы, но послѣ всего что вы здѣсь слышали, вникните въ его несчастную совѣсть, обсудите его жизнь... До этого дня она была безупречна...

Онъ договорилъ съ трудомъ и, почти спѣша, передалъ старшинѣ листъ вопросовъ.

Присяжные вышли; явственно послышалось, какъ затворились за ними двери, какъ щелкнулъ замокъ. Кругомъ стало какъ-то еще темнѣе, тревожнѣе отъ мельканья встающихъ и проходящихъ людей. Присутствующіе, секретари, все куда-то суетилось. Скамья подсудимыхъ опустѣла; свергнули штывы выходящихъ часовыхъ. Въ освѣщенной половинѣ залы становилось просторно и тихо. Столъ въ полукругѣ, со всѣмъ что на немъ лежало, казался отъ пустоты еще огромнѣе и чернѣе...

Зрители шумно вставали съ скамеекъ, тѣснились, говорили громко; всякій чувствовалъ необходимость перемѣнить мѣсто, сказать слово, перевести дыханіе.

— Пропалъ!..—сказалъ одинъ молодой человѣкъ, вставая и махнувъ рукою въ сторону, гдѣ за минуту сидѣлъ подсудимый.

— Вы полагаете—обвинять?—спросилъ другой, пожимая зритель.

— Конечно.

— Ахъ, невозможно!—вступилась одна дама. — Слышите,

Agathe? m-г Часницкій говоритъ... Нѣтъ, m-г Часницкій, я спрашивала моего мужа... Столько смягчающихъ обстоятельствъ...

— Убийца, сознался—и дѣло кончено,—пояснилъ пожилой господинъ, между тѣмъ какъ Часницкій отошелъ, не возражая.

— Невозможно! смягчающія обстоятельства... И защита... Неправда-ли, Agathe?.. Во-первыхъ—не преднамѣренно...

— О, нѣтъ, нѣтъ,—возразила еще дама:—къ несчастью, преднамѣренно! При всемъ моемъ сочувствіи... Вы видѣли? я плакала... Но—преднамѣренно! Онъ шелъ; онъ зналъ, зачѣмъ идетъ...

— Чѣмъ же это доказано? Онъ ничего не сказалъ...

— Но это ясно! Это было мщеніе, понимаете, мщеніе...

— Чтѣ-бы ни было, онъ не виноватъ...

— Ахъ, онъ правъ!

— Mesdames, какое пристрастіе!—отозвался кто-то изъ мужчинъ.

— Виновата эта ужасная женщина...

— Elle est à croquer, la petite Копыловъ; еще похорошѣла.

— Et avec cela, furieuse comme une diablesse...

— Но вѣдь я есть за чтѣ быть furieuse...

— Этой женщиной имени нѣтъ!

— Слышали вы, какъ она закричала: *пощадите!*

— И—въ обморокъ...

— Ловкая особа!

— Чѣмъ это объяснить?

— Боже, какое лицемеріе!

— А какъ его поймутъ присяжные?...

— Ахъ, Agathe, какъ я жалѣю, что вы не слышали показаній свидѣтелей, не видѣли ея во всей красотѣ...

— Неужели вы не любопытствовали?—спросилъ пожилой господинъ.

— Я только что пріѣхала.

— Изъ деревни, во мнѣ,—досказала первая дама.—Вѣдь я сегодня именинница. Вы этого не забыли, Петръ Григорьевичъ!

— Могу-ли забыть! Я былъ у васъ, меня не приняли...

— Но я здѣсь, на этой скамейкѣ, съ девяти утра! Только вырвалась на минуту, пообѣдать... Я объявила заранѣе, что похвалений не желаю, а кто меня любитъ, тотъ пожалуйтъ ко мнѣ вечеромъ... Но боюсь: съ этимъ дѣломъ, вечеръ начнется поздно; всѣ устанутъ...

— О, нѣтъ; теперь это скоро кончится.

— Вы думаете?

— Развѣ промѣшкаютъ присяжные, а тамъ—пѣсколько минутъ.

— Ахъ, еслибъ они поскорѣе... Я васъ жду... Всѣ эти ужасы такъ меня разстроили... Agathe, вы незнакомы! М-г Поморьевъ, м-ше Денманъ.

Слѣдовали поклонны. Представлявшая дама воспользовалась этой минутой, отошла, обращалась къ другимъ и приглашала.

— Варвара Сергѣевна такъ озабочена...—началь Поморьевъ.— Но, позвольте васъ предупредить: не оставляйте вашего мѣста; его сейчасъ займутъ.

Процессъ интересовалъ весь городъ. Любопытные толпились въ корридорахъ, во дворѣ, и, пользуясь перерывомъ засѣданія, кто могъ протѣсниться, тотъ шелъ въ залу. Судебные пристава не знали что дѣлать.

— Какъ жарко,—замѣтила м-ше Денманъ.

— Позвольте...

Онъ оглядывался кругомъ. Публика, сидя и стоя, разговаривала и смѣялась; передавались фрукты, коробки конфетъ.

— Позвольте...—еще разъ выговорилъ Поморьевъ, скрылся, и чрезъ минуту принесъ своей дамѣ кисть винограда.

М-ше Денманъ была особа уже не первой молодости, но недурна и нарядна. Въ N. у нея не было знакомыхъ; представленіе Поморьева избавляло ее отъ неудовольствія сидѣть молча. Предметомъ разговора былъ, конечно, процессъ.

— Неужели вы никогда не изволили бывать въ судѣ?—спрашивалъ Поморьевъ.

— Никогда. Сегодня въ первый разъ. Варвара Сергѣевна меня уговорила.

— И какъ удачно случилось. Конечно, останетесь до конца, до приговора! Полагаютъ, что присяжные не смягчатъ... Какъ понравилась вамъ рѣчь защитника! Очень сильный талантъ...

— Признаюсь, я едва понимаю въ чемъ дѣло. Я пошла сюда прямо съ желѣзной дороги, и только что успѣла услышать на лету...

— Такъ вы не изволили слышать свидѣтельскихъ показаній! Это было самое интересное. Позвольте-же вамъ объяснить подробно... Это сократить ожиданіе...

Ожиданіе, впрочемъ, не казалось долго для публики. Она была занята между собою. Наряды, встрѣчи, оживленные разговоры дѣлали эту залу похожею на залу клуба или партеръ театра; недоставало только музыки. Мгновенно вспыхнувшая люстра на срединѣ свода—довершила сходство. Ея свѣтъ упалъ

прямо на столъ *доказательствъ*: изорванное платье, обломки стула, широкій ножъ, куча бѣлья, подушки, — все въ отвратительныхъ, почернѣлыхъ пятнахъ...

Исторія была странная. Копыловъ занималъ выгодное мѣсто, былъ агентомъ какой-то компаніи, имѣлъ небольшое, но очень приличное состояніе и, два года назадъ, женился на дѣвушкѣ, въ которую былъ безъ памяти влюбленъ, — такъ влюбленъ, что не умѣлъ скрывать этого, выносилъ намеки свѣтскихъ женщинъ, шутки пріятелей и добивался руки своей Клавдіи съ настойчивостью... не нашего времени. Зато, когда добился, онъ не скрывалъ и своего блаженства. Это было такъ искренно, что вызвало доброе чувство даже въ чопорномъ обществѣ: за Копылова искренно порадовались тѣ, кто зналъ его ближе. Откровенность, способность увлекаться, пылкость, всё принимающая въ сердце, недостатокъ разчета среди поголовнаго помѣшательства на разчетѣ, могли подчасъ казаться наивными, могли вызывать осужденіе холодно-благоразумныхъ людей и презрѣніе рьяныхъ дѣльцовъ, но, въ большинствѣ, Копылова любили. Игривый, образованный, онъ вездѣ вносилъ съ собой оживленіе; въ немъ было что-то прямое, любящее, горячее... Копыловъ былъ рѣдкость...

Когда онъ женился, весь свѣтъ зналъ, что онъ счастливъ. Онъ самъ смѣялся своему праздничному лицу и обезоруживалъ насмѣшку. Въ провинціи все всегда знаетъ: всѣ знали, что въ домашней жизни у Копылова не было изнанки, что въ маленькомъ домѣ, утонувшемъ въ цвѣтахъ, цѣлый день пѣли, говорили ласковыя слова, шалили по-дѣтски...

— И когда успѣваетъ работать Копыловъ?—говорили знакомые.

А между тѣмъ, онъ работалъ вдвое. Онъ началъ свою брачную жизнь передачей женѣ всего, что имѣлъ, до послѣдней мелочи, самымъ формальнымъ и неопровержимымъ образомъ, какъ настоящій, всепредвидящій юристъ. Онъ не дорожилъ деньгами и былъ увѣренъ, что Клавдія точно также ими не дорожитъ, но хотѣлъ, чтобы она, чувствуя себя нравственно свободной, — вѣсти, между прочимъ, знала, что и въ житейскомъ отношеніи она точно также свободна. Затѣмъ, онъ поставилъ себѣ цѣлью жизни, чтобъ это дорогое существо не знало лишенія ни въ одной прихоти: Клавдія поѣхала кататься, Клавдія на балѣ, Клавдія спитъ, — онъ за работой. Усталости нѣтъ, — была бы она довольна.

Она много выѣзжала и принимала. Она была прекрасная хозяйка и умѣла устроить свою обстановку такъ комфортно и нарядно, какъ не удавалось многимъ женщинамъ богаче ея. У нея бывало пріятно; кружокъ оживлялся изящной веселостью хозяина; въ удовольствіи, которое испытывалось въ этомъ домѣ, было что-то оригинальное, простое, сердечное, чего никто не могъ опредѣлить...

Это замѣтили, когда этого ужъ не стало.

Странно: смѣлая, веселая, блестящая, свободная, м-ше Копылова не казалась довольной. Какъ смотрѣла она наединѣ на своего влюбленного супруга—этого, конечно, не видать никто,—но посторонніе съ перваго раза примѣтили на ея губахъ небольшую саркастическую улыбку, и это выраженіе такъ и замерло. Сначала, только молча сжимались алые губки; далѣе, прелестные темносиніе глаза усвоили такой же саркастическій взглядъ, которымъ м-ше Копылова дѣлилась съ тѣми, кому было угодно взглянуть на ея мужа... Прошло нѣсколько мѣсяцевъ; Копыловъ сталъ умолкать, встрѣчая этотъ взглядъ. Прошелъ годъ; Копыловъ совсѣмъ молчалъ, рѣдко являясь въ обществѣ вмѣстѣ съ женою.

Ихъ обстановка не перемѣнилась, даже сдѣлалась роскошнѣе; м-ше Копылова говорила, что ея родители выиграли какую-то крупную сумму внутреннего займа. Дѣтей не было, заботъ не прибавилось. Она цѣголяла еще больше, держалась еще увѣреннѣе. Перемѣнился самъ Копыловъ, но этого сначала нельзя было сказать рѣшительно. Онъ былъ по-прежнему чутокъ на всякій общественный вопросъ, по-прежнему принималъ участіе во всякой чужой заботѣ, но въ немъ что-то померкло. Замѣтили, что онъ пересталъ смѣяться. На остроуміе другихъ онъ отзывался какой-то блѣдной улыбкой. Онъ сталъ избѣгать общества, но замѣтили также, что онъ охладѣлъ и къ работѣ. Въ двадцать-семь лѣтъ, этотъ «вѣчный юноша» — какъ онъ когда-то прозвалъ самъ себя,—смотрѣлъ не старикомъ, не дѣльцомъ, не апатичнымъ провинціаломъ, а Богъ знаетъ чѣмъ,—мертвымъ...

— Что это съ вами?—рѣшилась спросить его одна милая свѣтская женщина, всегда сердечно его любившая.

Онъ не умѣлъ лгать, не потрудился притвориться, и отвѣчалъ только: «скучно», но отвѣчалъ такъ, что спросить, почему скучно, показалось ей невозможно. Копыловъ будто смутился самъ, отвернулся отъ ея взгляда и ушелъ.

Никто въ N. не могъ припомнить, когда и кѣмъ было въ первый разъ сказано, что м-ше Копылова не любитъ своего

мужа. Кто-то выразилъ предположеніе, что она вышла за него изъ расчета. Стали соображать. До замужества Клавдіи, въ ея семействѣ былъ знакомъ одинъ молодой человѣкъ; передъ ея свадьбой, онъ уѣхалъ изъ N., и воротился опять. Обстоятельно не могли припомнить—не съ его ли возвращенія начались перемѣны у Копыловыхъ? Этого молодого человѣка тамъ видали, но «ничего особеннаго!» Даже когда онъ пересталъ тамъ являться, на это не обратили вниманія. Все это вспомнили позднѣе, когда прошла молва, что жена не любитъ мужа. Тогда, вдругъ, внезапно, вылетѣлъ слухъ, будто Копыловъ выгналъ изъ дома этого молодого человѣка. Обожагель былъ незначительный, этому только посмѣялись, но еще неизвѣстнѣе откуда пошли слухи, что этотъ обожагель не послѣдній, что м-ше Копылова—холодная кокетка, умѣющая ловко вести свои дѣла. Нѣкоторые добрыя души считали, что Копылову и на годъ недосталось его желаннаго счастья, пожалѣли, но, конечно, не рѣшились выразить ему своего состраданія. Изъ всего, что говорилось объ его семейной жизни, до него не доходило и намека; громко сплетничать не смѣли. Въ кругу молодыхъ людей, если и знали что-нибудь достовѣрнѣе—Копылова уважали и щадили. Большинство, какъ всегда и во всемъ, было равнодушно.

Такъ прошла зима, очень шумная, съ выборами, съ земскими собраніями, съ балами. М-ше Копылова являлась вездѣ, и у нея бывалъ весь городъ.

Весною, въ номерахъ лучшей N—ской гостинницы жилъ прѣзжій, Зуренскій, человѣкъ молодой и богатый. Въ N. у него было какое-то денежное дѣло; оно ужъ кончилось, но онъ не уѣзжалъ, говоря, что городъ ему понравился. Въ одинъ вечеръ, Копыловъ выломалъ дверь комнаты, гдѣ Зуренскій заперся съ какой-то женщиной, и зарѣзалъ его ножомъ, который схватилъ тутъ же на столѣ, неубранномъ послѣ обѣда. Женщина была—м-ше Копылова. Она бросилась защищать; сбѣжалась прислуга...

Копылова тутъ же арестовали; улика была на лицо, но онъ и не отрицался. Полиціймейстеръ, слѣдователь, люди знакомые, даже пріятель,—въ ужасѣ потерялись. Формальный допросъ былъ похожъ на торопливое разспрашиванье.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали?..—выговорилъ слѣдователь.

— Такъ было надо... Такъ вздумалось,—отвѣчалъ Копыловъ, будто спохватившись.—Такъ вздумалось,—повторилъ онъ, и упалъ безъ памяти.

Его отвели въ тюрьму; онъ занемогъ. Докторъ, тоже знакомый, всячески искалъ нервной горячки, чего-нибудь подобнаго.

— Оставьте этотъ напрасный трудъ,—сказалъ ему Копыловъ официально, при новомъ допросѣ.—Я поступилъ сознательно, а вы, честный человѣкъ, не лгите. Я знаю, что меня ждетъ, и на все готовъ.

Онъ не объяснилъ больше ничего, и отказался отвѣчать. Измученный слѣдователь, десятокъ разъ забывая свою служебную роль, напрасно умолялъ его хоть намекнуть на причину, на поводъ...

— Въ нихъ можетъ найтись оправданіе,—говорилъ онъ.

— Вы сами знаете, что его нѣтъ.

— Я вызову свидѣтелей, сказалъ, наконецъ, слѣдователь.

— Ваша воля,—отвѣчалъ Копыловъ:—но, все равно, я формально заявляю вамъ, что давать показаній не буду. Но,—и съ вами были когда-то дружны...

— Я на это и рассчитывалъ.

— И я на это рассчитываю. Я васъ попрошу, такъ какъ мое дѣло конченное, избавить меня отъ лишней возни. Вызывайте кого хотите, но не спрашивайте меня. Я не хочу никого видѣть и, что бы ни говорилось, не хочу знать. Оставьте меня въ покоѣ,—моя единственная и послѣдняя просьба. Упущенія по службѣ въ этомъ не сдѣлаете, потому что, все равно, я васъ предупредилъ: я не скажу ничего.

Слѣдователь вызвалъ свидѣтелей, прежде всѣхъ жену обвиненнаго. Онъ надѣялся на нее, зная, какъ любилъ ее Копыловъ, и приступилъ къ допросу бережно, осторожно, какъ человѣкъ преданный. М-ше Копылова была разстроена, потрясена, но еще болѣе ожесточена и озлоблена. При первомъ вопросѣ объ ея присутствіи въ гостинницѣ, она вспыхнула и вскричала, что это оскорбленіе. Конечно, мужъ потребовалъ, чтобы ее допрашивали? Мало того, что въ ея глазахъ онъ убилъ человѣка, онъ еще ее унижаетъ, хочетъ очернить! Или онъ испугался того, что надѣлалъ? Не ждетъ-ли, что она будетъ молчать! Ошибается! Для нея все ясно, и скрывать нѣтъ надобности: она пришла въ гостиницу навѣстить Зуренскаго; онъ былъ боленъ; пріѣзжій, одинокій,—съ ея стороны это было простое вниманіе къ знакомому. Мужъ вообразилъ Богъ-знаетъ что, и убилъ Зуренскаго изъ ревности къ ней. Отъ такого ужаснаго характера, какъ характеръ ея мужа, иначе и быть не могло...

Прислуга гостинницы показала, что Зуренскій былъ совершенно здоровъ и въ этотъ день, и во всѣ предыдущіе. По-утру онъ выѣзжалъ и самъ заказывалъ обѣдъ, который былъ подаютъ ему и м-ше Копыловой въ его комнату. М-ше Копыловой знали

въ гостинницѣ. Она приходила къ Зуренскому не разъ и, еще прежде, къ другимъ,—обѣдала, проводила вечера...

М-ше Копылова вышла изъ себя и вскричала, что это клевета. Мужъ, съ перваго дня брака, мучилъ ее ревностью; сцены бывали ежедневныя, она страдала два года. Она говорила много и смѣло, ссылаясь на свою горничную, на двухъ-трехъ пріятельницъ и требовала, чтобы вызвали ихъ подтвердить ея показанія.

Домашніе Копыловыхъ ничего не знали. Они замѣчали, что баринъ давно тосковалъ, но ссоръ съ женою, даже спора, даже непріятнаго слова они отъ него никогда не слыхали, съ самой свадьбы до послѣдняго дня. Горничная перепугалась, спуталась, божилась, проговаривалась; ее какъ будто подучили, но неловко.

Пріятельницы были не изъ N-скаго «свѣта». Одна — вдова мелкаго чиновника; другія — двѣ сестры, старыя дѣвы, которымъ щеголиха м-ше Копылова дарила свои поношенныя платья. Онѣ приходили къ ней рано по утрамъ, когда еще не могли застать ихъ гости, и ворожили ей на картахъ по вечерамъ, когда не ждали гостей. Эта пріязнь велась давно, еще съ родительскаго дома м-ше Копыловой, но въ первое время брака мужъ не терпѣлъ этихъ особъ. Онѣ стали появляться, когда, по ихъ словамъ, онъ началъ тиранить жену. Ей надо же было съ кѣмъ-нибудь отвести душу; такая деликатная дама въ свѣтѣ не стала бы жаловаться...

Все это было мелочно, глупо, грязно. Слѣдователь, не узнавъ ничего, поспѣшилъ заключить слѣдствіе, чтобы положить конецъ толкамъ, неидущимъ къ дѣлу. Но этимъ женщинамъ стоило дать случай заговорить,—онѣ обрадовались ему, схватились за него, говорили, гдѣ могли и кому могли, пересказывали свои показанія, путались сами, выдавали сами себя, плодили сплетню. Крича, что Копыловъ тиранъ, а жена его — страдалница, онѣ рассказывали ея капризы, ея своеправіе, ея эгоизмъ,—совершенно убѣжденные, что говорятъ въ ея пользу. Онѣ приводили примѣры подозрительности мужа, смѣялись надъ нимъ, не замѣчая, что обнаруживаютъ за этимъ цѣлый рядъ приключеній, безтолково, нелѣпо, то клеветали, то хвастались... Изъ мелкаго «свѣта» толки долетѣли и до «высшаго». Обществу не стоило большого труда сообразиться, припомнить время, подобрать обстоятельства — и для него тоже все выходило ясно, все подтверждалось, догадки и предположенія. Прежде скромничали изъ совѣстливости, молчали изъ опасенія; теперь заговорили громко и называли прямо то, на что прежде только намекали. Тутъ случилось даже нѣчто не

совсѣмъ обыкновенное: въ большинствѣ осуждающихъ не было того злорадства, того упоенія скандаломъ, которое является въ обществѣ при подобныхъ исторiяхъ; было участіе въ челоуѣку, погубившему себя за ничто...

М-ше Копылова поняла, что, желая скрыть свои тайны, она выкинула ихъ на улицу. Уже сама не зная зачѣмъ, она обратилась къ своему отцу и матери. Старикъ сказалъ, чтобъ она ихъ не беспокоила; постороннимъ они говорили, что ничего не знаютъ о семейной жизни дочери, что живутъ уединенно, единственно въ молитвѣ, и не желаютъ смущаться ничѣмъ житейскимъ. Тогда она совсѣмъ обезумѣла. Знакомые ее оставили. Она ловила незнакомыхъ, бранила отца и мать, увѣряла, что они повѣнчали ее съ Копыловымъ насильно, что замужемъ она объ одномъ молила Бога—поддержать ее до конца, что молитва ея услышана, что въ страданіи она осталась вѣрна своему долгу. Она выказывала необыкновенное благочестіе... Въ городѣ, не стѣняясь, считали ея любовниковъ.

Копыловъ заявилъ, что не будетъ искать себѣ защитника. Къ нему въ тюрьму, вмѣстѣ съ слѣдователемъ, явился присяжный повѣренный Лауновъ, изъ блестящихъ и солидныхъ Н-скихъ молодыхъ людей, знакомый Копылова, и предложилъ свои услуги.

— Если это доставитъ вамъ удовольствіе,—сказалъ Копыловъ, пожавъ плечами.

Лауновъ просилъ судъ о своемъ назначеніи. Провинціальный адвокатъ рассчитывалъ этимъ процессомъ добиться болѣе обширной извѣстности: дѣло было, конечно, погибшее,—все же рѣчь могла выдти великоблѣнна. Но съ перваго раза, когда онъ пожелалъ переговорить съ своимъ кліентомъ, Копыловъ отказался его видѣть. Это продолжалось всѣ полгода, которые Копыловъ провелъ въ тюрьмѣ, и, конечно, расхолодило участіе, которое принималъ въ немъ защитникъ. Лауновъ рѣшился отдаться вдохновенію; онъ былъ талантливъ, но на всякій случай перечиталъ нѣсколько томовъ Дюма-fils. Невозможно, чтобъ и на судѣ Копыловъ не сказалъ за себя ни слова, не выдалъ какъ-нибудь, что такое происходило у нихъ въ цѣлыя полтора года. Въ виду ваторги — всякій заговорить. Нынче не вѣкъ безмолвныхъ героевъ...

Черезъ полгода, судъ, медлившій, сколько было возможно, наконецъ, назначилъ засѣданіе по этому дѣлу.

Оно собрало весь городъ. Толпа была возбуждена. Въ большинствѣ было любопытство, неопредѣленное желаніе сильнаго ощущенія, хроническая наклонность къ сплетнѣ, тщеславіе кружка, задѣтое за живое въ лицѣ подсудимаго, занимавшаго въ этомъ

кружѣ не послѣднее мѣсто, равнодушная праздность, незнающая куда дѣвать лишнее время. Но была и дружба, было и искреннее участіе; было честное чувство тоски, которое, временами, поднимается въ обществѣ въ виду совершающихся безобразій, гнетущее чувство, залогъ лучшаго будущаго, хотя рѣдкое и смутное; было недовольство, обвиняющее все, всѣхъ и себя, снисходительное только къ преступнику, какъ къ жертвѣ общей нескладницы... Глухой городъ сплетень, нарядовъ, кутежей, картежной игры, денежныхъ сдѣлокъ, служебныхъ пикировокъ, нѣсколько часовъ жилъ напряженной нравственной жизнью, мыслью, страхомъ, раскаяніемъ, жилъ мучительно, по-человѣчески.

Выборъ присяжныхъ совершался какъ-то особенно торжественно. Нѣкоторыя женщины крестились, вслухъ моля Бога вразумить этихъ людей. Въ число присяжныхъ не попалъ никто изъ общества и знакомыхъ Копылова. Это были купцы, чиновники, двое отставныхъ военныхъ, двое крестьянъ. Короткій обвинительный актъ былъ прочтенъ.

Судъ предложилъ свой вопросъ. Всѣ ждали...

Копыловъ призналъ себя виновнымъ.

Всѣ были поражены, зрители, присутствующіе. Все было кончено.

Лауновъ вскочилъ. Онъ былъ въ отчаяніи; ему ничего не оставалось дѣлать; его рѣчь погибла, еще произнесенная. Это не могло такъ остаться! Ему было жаль и Копылова, и къ тому же, заранѣе, давно онъ обѣщалъ своимъ знакомымъ, что доставить имъ спектакль...

— Я нахожу необходимымъ судебное слѣдствіе и прошу его назначить!— вскричалъ онъ.

— Къ чему это?— возразилъ ему Копыловъ.

Лауновъ настаивалъ, не слушая. Прокуроръ, встревоженный, смущенный, потребовалъ того же; онъ хватался за послѣднее средство—найти какой-нибудь предлогъ къ смягченію приговора. Весь составъ суда, расположенный къ обвиненному, знающій или подозрѣвающій изнанку дѣла, безъ совѣщанія, единогласно принялъ требованіе защитника. Свидѣтелей вызвали.

Съ ихъ появленіемъ, въ залѣ что-то измѣнилось. Эти новыя лица внесли съ собою пошлость. Серьезное настроеніе зрителей пошатнулось; стало не то, чтобы легче дышать, но какъ-то выносимѣе. Явилось что-то обычное, знакомое, житейское, такое, надъ чѣмъ можно смѣяться, что можно осуждать, что можно презирать, что должно великолѣпно игнорировать, чувствуя свои собственные грѣшки... М-ме Копылова была въ черномъ; кто-то

сострилъ, что она въ траурѣ; кто-то спросилъ, какъ же она надѣнетъ разомъ два траура... Одна молоденькая дама пошутлиа кавалеру, охранявшему ее отъ тѣсноты:

— А еслибы она любила не Зуренскаго, а вась?

Копыловъ полгода не видалъ жены. Сотни глазъ обратились на него, когда она вошла. Онъ, конечно, ждалъ этихъ взглядовъ и приготовился; у него не подмѣтили ни движенія, ни перемѣны въ лицѣ. Многіе любопытные отвернулись.

М-ше Копылова зарыдала и долго не приходила въ себя.

Лауновъ, чрезъ рѣшетку, жарко и настойчиво объяснялъ своему кліенту, что онъ не долженъ отказываться отъ слѣдствія, что онъ не имѣетъ права лишать защитника такой важной точки опоры, такого могучаго средства...

— Только оттяжка,—сказалъ довольно громко Копыловъ.— Ну, какъ хотите.

Онъ сѣлъ на свое мѣсто.

— Вотъ увидите, увидите, что будетъ съ присяжными!—сказалъ Лауновъ, озабоченный, довольный, проходя мимо замирающихъ зрительницъ.

Слѣдствіе началось. Постановка «спектакля» вышла роскошная; тутъ было все: слезы, обмороки, скандалъ, кровавыя улики, наглость трактирныхъ лавеевъ, лганье приживалокъ, семейная жизнь, разоблаченная во всѣхъ подробностяхъ.

Но Лауновъ ошибался въ расчетѣ на присяжныхъ. Они не читали Дюма-fils, не разбирали оттѣнковъ сердечныхъ отношеній, и къ тому же слишкомъ устали: половина ихъ только-что высидѣла на этихъ же мѣстахъ пять дней другого сложнаго дѣла. Они не предлагали вопросовъ. Купцы вздыхали отъ жары, чиновниковъ занималъ скандальчикъ, они улыбались; одинъ изъ военныхъ надѣлъ рinсе-pez, чтобъ лучше разглядѣть м-ше Копылову. Крестьяне слушали угрюмо, презрительно равнодушные въ трескотнѣ женскихъ разсказовъ, къ женскимъ слезамъ и, потупивъ головы, смотрѣли на столъ *доказательствъ*.

Въ слезахъ, эффектная, хорошенькая м-ше Копылова смѣло повторила то, что сказала слѣдователю: Зуренскій погибъ за нее, жертвой недоразумѣнія, жертвой бѣшеной ревности ея мужа. Мужъ всегда былъ ревнивецъ, она—всегда несчастна. Какъ Зуренскій, могли погибнуть многіе; ей стоило лишній разъ подать кому-нибудь руку, стоило выдти изъ дому, не предупредивъ куда и зачѣмъ... О, этого не зналъ никто, а что знали, то объясняли иначе! Ей извѣстны эти клеветы; она ихъ не опровергала, уважая себя, сберегая тѣнь счастья, которымъ ее только поманили...

Она просила позволить ей сказать все, все, ради ея достоинства, ради всего, что она вынесла... Она чувствовала всю важность этой минуты, рѣшительной, роковой. Она торопилась оправдаться предъ обществомъ, которое ее отвергло, а теперь судить, осуждаетъ строже чѣмъ того, кто погубилъ всю ея жизнь, подавляя всякій порывъ ея молодости, отравляя всякую ея радость...

— Я знаю, говорить, я ему обязана... слишкомъ дорого я за это заплатила! Онъ унижалъ меня своей любовью... А теперь, когда онъ бросилъ меня на позоръ, когда на немъ кровь, щадить его... Злодѣй! но еслибъ онъ любилъ меня, онъ бы подумалъ, что, убивая Зуренскаго, онъ убиваетъ послѣднее—мое доброе имя!

Она была внѣ себя, она ненавидѣла, она мстила... Пріятельницы, особы по-мельче, рассказывали исторіи. Копыловъ молчалъ.

— Вы не припомните этихъ обстоятельствъ?—спросили его.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.

— Потрудитесь припомнить.

— Не вижу надобности.

— Но если страсть, ослѣпленіе, и прежде доводили васъ до несправедливыхъ, рѣзкихъ поступковъ, можетъ быть то же случилось и теперь? Можетъ быть, вы были не въ силахъ овладѣть собою?

— Можетъ быть, вы совершенно не понимали что дѣлали?—вступился прокуроръ.

Копыловъ помолчалъ.

— Я ничего не понимаю теперь, — сказалъ онъ устало. — Рассказываются вещи, называются лица, о которыхъ я понятія не имѣю. Къ чему все это? Почему бы ни было, въ концѣ-концовъ одно: я убійца. Я убійца,—повторилъ онъ, будто любуясь этимъ словомъ.—Я сознался, ну, и довольно.

— Слѣдовательно, почему же не сознаться и въ томъ, что вы подозрѣвали и ревновали?

— То-есть, сказать, что я всегда былъ дурной человѣкъ?

Онъ задыхался. Онъ взглянулъ на жену; взглядъ былъ мгновенный, по его замѣтили.

— Я никогда не оскорблялъ моей жены,—докончилъ онъ.—Она это знаетъ.

— Что же побудило васъ на преступленіе?

— Убилъ, потому что убилъ,—отвѣчалъ онъ, нервно засмѣившись.

Онъ былъ блѣденъ какъ смерть и, досадуя на себя, совѣстиа своего волненія, отдалился отъ рѣшетки.

— Я прошу судъ принять во вниманіе болѣзненное состояніе, душевное разстройство, — заговорилъ Лауновъ.

— Вы знаете, что я въ полномъ разумѣ, — прервалъ его злостью Копыловъ: — это подтверждено свидѣтельствомъ моего врача.

Больше онъ не сказалъ ни слова. Во время рѣчи прокурора, онъ закрывалъ глаза и, казалось, дремалъ. Когда Лауновъ, ужъ не обращаясь совѣщаться съ своимъ кліентомъ, всталъ, чтобы говорить въ свою очередь, Копыловъ вдругъ поднялся и, перегнувшись чрезъ рѣшетку, тронулъ его за плечо.

— Пожалуйста, покороче!

Отъ долгаго молчанія или отъ раздраженія, онъ не совладѣлъ съ своимъ голосомъ: эти два слова раздались громко въ напряженной тишинѣ залы. Все всколыхнулось мгновеннымъ, общимъ движеніемъ, послышался говоръ...

Лауновъ потерялся. Онъ только-что собрался съ мыслями, только-что приготовилъ блестящее вступленіе: оно пропало. Присяжные развлечены, публика развлечена; нужно время, чтобы овладѣть ихъ вниманіемъ. Но, послѣ этой выходки, самое вступленіе ужъ не годится; надо что-нибудь другое... что? Безумный тутъ, за спиною и, конечно, готовъ прервать снова, не стѣсняясь ни временемъ, ни мѣстомъ... Пропало все, — не только вступленіе, не только краснорѣчіе, но самый смыслъ дѣла. Заколдованная, проклятая минута тупого охлажденія. Такія минуты бывають, и человѣкъ противъ нихъ безсиленъ... Лауновъ это почувствовалъ, понялъ вполнѣ, когда заговорилъ. — Надо же было, наконецъ, начать! — Понялъ, взбѣсился, и сбился еще хуже. Онъ возненавидѣлъ своего кліента, понялъ и это, старался возбудить себя, «проникнуться» — и слышалъ самъ, что говорить что-то холодное, нескладное, пошлое. Онъ оглядывался, отыскивая помощи. У рѣшетки присяжныхъ, за стульями судебныхъ приставовъ, тѣснилась группа молодыхъ людей. Онъ встрѣтилъ ихъ взгляды. Тамъ слушали внимательно, жадно. Тамъ ждали. Лауновъ зналъ, чего они ждутъ. Онъ вспомнилъ: вчера толковали въ клубѣ, вчера спорили, вчера онъ доказывалъ... Чортъ знаетъ что, все забытъ! И срѣзаться на глазахъ у этихъ господъ... Онъ терзался. Вызывающіе, тревожные, сантиментальные взгляды женщинъ волочили какъ булава, не давали опомниться. Все общество въ первыхъ рядахъ. Вотъ и она... длинныя серьги сверкають въ сумеркахъ каплями бѣлаго огня... Не шевельнется, не дышать.

Заранѣе восторгалась, пророчила славу такого-то и такого-то... И это было ему пріятно, и онъ сказалъ ей, что она глупа, а теперь... Какъ зла! Конечно, шепчетъ: «Platitude!» — свое любимое словечко, негодуешь. Какъ же иначе: мы все читаемъ, все знаемъ, мы, современная женщина... А, чортъ возьми, теперь и это пропало! Все пропало, репутація пропала. Послѣ такой защиты, ужъ нечего надѣяться, что когда-нибудь, ну, въ какомъ-нибудь политическомъ процессѣ... Все это летало въ его головѣ, а онъ говорилъ, говорилъ, дожидаясь, что, можетъ быть, хоть къ концу, «это» какъ-нибудь придетъ... Ничто не пришло. Онъ говорилъ о несбывшихся надеждахъ, о заблужденіяхъ страстей, о понятіяхъ чести, объ испорченности нравовъ, отъ которой, — мы недавно видѣли примѣръ! — падаютъ государства; коснулся литературы, коснулся среднихъ вѣковъ, и вдругъ, взбѣшенный, закончилъ воззваніемъ къ милости всепрощающаго Творца...

Онъ былъ бы радъ провалиться...

Онъ не воротился на свое мѣсто, не заботился о вопросахъ, не слушалъ, что предсѣдатель говорилъ къ присяжнымъ, и едва они ушли, едва увели подсудимаго, — выбѣжалъ изъ залы...

— Ну, что вы скажете за человѣка, который самъ направляется на каторгу? — закричалъ онъ въ корридорѣ, встрѣчая знакомыхъ.

Они еще не успѣли сказать ни слова.

— Видѣли? Слышали? Это хоть кого... Вотъ, и извольте, вотъ, и составляйте себѣ имя... Не далъ мнѣ ни одной точки опоры! Въ ротъ кладутъ сумасшедшему оправданіе...

— Какое это оправданіе вы ему въ ротъ клали? — спросилъ, подходя, Часницкій.

— Какъ какое? Бьются всѣ, весь судъ...

— И вы бились?

— Помилуйте! Первый я потребовалъ слѣдствія...

— Услужили, нечего сказать! Къ чему вы эту комедію разыграли? Кого вы тѣшили?

— Часницкій, позвольте, вы не понимаете...

— Не понимаю, я глухъ, не понимаю, зачѣмъ вы притащили сюда всякую сволочь, зачѣмъ вы дали случай этой женщинѣ публично его позорить? Мало ему, легко ему, что вы еще это ему прибавили?

— Но что же, но вѣдь ужъ какъ день ясно, что такое

его жена! Вѣдь ужъ давно,—я на всѣхъ сошлюсь,—всѣ знаютъ... одинъ онъ не зналъ...

— Совершенно справедливо! — вступились другіе зрители.

— Вотъ, она передъ нимъ на лицо, со всѣмъ своимъ штатомъ... ему стоило сказать слово...

— Какое, я васъ спрашиваю?

— Право, это странно, — ну, скажи онъ, что провѣдалъ, ну, какъ-нибудь выслѣдилъ свою благовѣрную...

— А затѣмъ сдѣлалъ еще подлость, совершилъ кулачную расправу? Вы этого добивались? Чтобы онъ публично казлся? Онъ, кажется, вамъ сказалъ, что не желаетъ, чтобы его считали дрянью!

— И изъ того лѣзетъ?...

— Изъ того. А вы *этого* не понимаете?

— Часницкій, вы, ей-Богу, упрямецъ! — вскричалъ, засмѣвшись, Лауновъ. — Я ужъ вамъ доказывалъ... Не кулачная расправа, а право оскорбленнаго, право мужа! Онъ имѣлъ право. Да что! Онъ убилъ *мимо*: — надо было убить ее...

— Еще что?

— Да, да, ее! Такъ и скажи: засталъ... Но взгляните, — и жовъ составъ присяжныхъ? *Это* бы они поняли, на нихъ *это* подѣйствовало; имъ только это и доступно; они такъ весь день съ своимъ...

— Такъ вы пускаетесь на уловки...

— Господинъ Часницкій!...

— А, неудалось, не сказали по-вашему... Какъ вы ему *и* ротъ-то вляли!... Вы ужъ и не умѣете вразумить, не умѣете обратиться къ людямъ по-человѣчески? Вѣдь присяжные — люди!

— О, безъ всякаго сомнѣнія!...

— Ужъ если вы устроили ваше безобразное слѣдствіе, — продолжалъ, не слушая, Часницкій, — ужъ если вы не подумали, каково оно достанется этому несчастному, такъ, по крайней мѣрѣ, пользовались бы тѣмъ, что надѣлали, добивались бы до конца, спасали бы человѣка... Прокуроръ только *разсказывалъ* фактъ, а не обвинялъ; вамъ былъ полный просторъ...

— Да-съ, а онъ надъ головой кричитъ: покороче!

— Общество все знаетъ, а присяжные — нѣтъ, и она *ее* его обвиняла! Что-жъ вы не сказали, что она *лжетъ*? Вы *можете* доказать! Вы знаете — мы все знаемъ, что-жъ вы ни слова — *онъ* онъ ее любилъ, какъ онъ былъ низко обманутъ? Вы его *знали*. Это защита!... Вы, никакъ, «Паризиву» имъ читали! Поймите, что у него духу недостаетъ ее осудить, что онъ ее *щадитъ*

прощаетъ, потому что все еще любить, что нѣтъ каторги хуже его нравственнаго состоянія, — что для него въ жизни все кончено... Просто, скажите, прямо, безъ вычуръ, безъ фразъ; простое слово — всесильно...

— А это не фраза?... Господа, это не фраза? Полноте, батюшка, — еслибъ вы сами защищали...

— Никогда не брался, и никогда не возьмусь!

— И прекрасно сдѣлаете! Тогда бы вы узнали, каково... Великодушничаетъ! Извольте объяснять это мужикамъ!... Ну, и царство ему небесное!

Онъ спѣшилъ взять свою рѣчь у стенографа и отмѣнить свое прежнее распоряженіе, чтобъ она не попала въ печать.

— Ораторъ въ-попыхахъ, — пошутилъ кто-то ему вслѣдъ.

Стенографъ — была молоденькая дѣвушка, маленькая, смуглая, съ длинными черными косами, дочь какого-то служащаго. Когда ушли присяжные и публика поднялась съ мѣстъ, она тоже вышла изъ своей кѣтки, облокотилась на рѣшетку и смотрѣла передъ собою. Ея темненькое платье было смято и бѣдно. Проходящія дамы ее оглядывали. Молодой человекъ изъ «большого свѣта», зѣвнувъ и вытягиваясь, заглянулъ ей въ лицо. Она перенесла на него свои большіе, впалые глаза. Онъ отступилъ, выговорилъ: «pardon», и поспѣшилъ за своей компаніей.

— *Sont-elles plaisantes, ces dames...* — сказалъ онъ, желая въ чемъ-то поправиться.

Екъ ней обратился Лауновъ. Она собрала со столика всѣ свои листы и подала ему.

— Вотъ, возьмите.

— Этого ничего не нужно; довольно будетъ извлеченія. Я самъ составляю отчетъ, самъ и отошлю.

Онъ повернулся, чтобъ отойти, и воротился.

— Ахъ, да. Сколько же вамъ за работу?

— Вы условливались: работа сдѣлана, оказалась не нужна...

— Слѣдовательно, и за нее ничего не нужно? Справедливо. Но вы все-таки не въ убытѣ: послушали, посмотрѣли, провели время. Я вѣдь тоже работалъ даромъ-съ!

Онъ кивнулъ головой и отошелъ. Дѣвушка взяла свою кобурку съ карандашами и стала пробираться къ выходу.

Корридоры были полны гуляющихъ. Мужчины курили; дамы, собирая шлейфы, замѣчали, что публика очень разнообразна. Старыя дѣвы-свидѣтельницы сидѣли на окнѣ, заваленномъ шубами, и безъ умолку рассказывали. Около нихъ собрался кружокъ. Онѣ были веселы. Прежде общество ихъ не замѣчало, а

теперь, вотъ, онѣ его занимаютъ; онѣ показали, что онѣ значать; онѣ, какъ видите, умѣютъ держаться; онѣ, тоже, образованы... Меньшая вся свѣтилась въ стеклярусахъ и обмахивалась вѣеромъ.

— Ея жизнь, конечно, была страдальческая, потому, по характеру, она не могла себя воздержать. Что-жъ дѣлать: понравился одинъ, понравился другой! Къ тому же, Алексѣй Ивановичъ ей передалъ весь капиталъ, а она любитъ, чтобъ все роскошно. Сначала онъ ничего, а однажды, она къ нему пришла, онъ ей и сказалъ... При мнѣ тогда сказалъ: — Я, говорить, Клавдія, не могу столько приобретать. — Что-жъ ей дѣлать, посудите? Вѣдь хочется-съ! Вѣдь красавица!

— Ахъ, ангельски хороша, кто ее видалъ... — вступилась другая сестра.

— И неужели... — вырвалось у одной слушательницы.

— А вы какъ думали-съ? Покойникъ-то, получилъ здѣсь, что въ нее положилъ!

— И мужъ зналъ?

— Гдѣ ему знать! Дуракъ дуракомъ. Записку ей принесли, такъ, прямо... Да я сама сколько разъ приносила! При немъ ей отдашь, онъ и вниманія не обратитъ. Довѣріе ей оказывалъ. Что другое, можетъ быть, и предчувствовалъ, да молчалъ, а до денегъ, точно, не добрался... Она, впрочемъ, острожно пользовалась; знаете: все же онъ, еслибъ вздумалъ, какъ бы нибудь расходъ съ приходомъ счелъ... Да и то бѣда не велика: отвѣтила бы, что изъ капитала беретъ, и все тутъ; считалъ онъ, сколько угодно... Крикнетъ, бывало, на него...

— И онъ терпѣлъ?

— Это правда, что ужъ давалъ Богъ ему терпѣнія, — отвѣчала, засмѣявшись, рассказчица. — Разъ только я видѣла, глаза его свернули... вотъ, какъ, — примѣтили вы? — когда она его злодѣемъ назвала?

— Ахъ, какъ я испугалась! — вскричала меньшая: — та и ждала, что онъ сію минуту, сію минуту...

— Но какъ же онъ, наконецъ, узналъ?...

Сестры переглянулись между собою.

— Да ужъ сказать, — рѣшила старшая, лукаво улыбаясь: — теперь ужъ дѣло кончено; сейчасъ его, голубчика... Вотъ, что-съ?

Она понизила голосъ.

— Вдругъ узналъ; какъ снѣгъ ему на голову. Счетъ и лавки принесли, задолжала она ужъ очень, а ея дома не было. Да ошиблись: чѣмъ бы нести въ гостинницу, приказчикъ при...

Алексѣю Ивановичу въ руки... Матреша, горничная, рассказывала.—Что это такое?—говорить. Приказчикъ спохватился. Ахъ, говорить, я не туда! А онъ: — все равно, говорить, оставьте... Ну, и полетѣлъ...

— Кто ужъ теперь по этому счету заплатить...—подсказала меньшая.

— Да ей что же? Вѣдь на покойника счетъ.

— Боже, что за ужасъ!...

— Вотъ, это, что мебель у нихъ новая, репсовая и драпри...

— Потомъ, у нея шубка тибѣтъ...

— Не угодно ли присѣсть? — спросила старшая, спускаясь съ своего покойнаго мѣстечка.

Дама, которой это было предложено, простоявшая болѣе получаса, величаво отвернулась и отошла.

Надъ толпой стоялъ говоръ.

— Онъ, въ послѣднее время, совсѣмъ запустилъ дѣла, — рассказывалъ, прохаживаясь, озабоченный господинъ другому. — Я принялъ — и не сообразишься! Ну, съ собой покончилъ, его добрая воля, — но о другихъ-то подумай. Другимъ жить надо... Гдѣ вмѣсто семнадцати процентовъ получается шесть — разница замѣтная...

... — Ахъ, какъ я устала. Скоро ли конецъ?

— Но кто-жъ вамъ нѣтъ? Я велю кликнуть ваши сани.

— Вотъ мило. Я хочу дожидаться всего.

— Что же васъ интересуешь?

— Ахъ, все.

— Злополучный Alexis Копыловъ? Но что же, вѣдь только каторга, вѣдь не «condamné à mort!»

... — Ахъ, какой несносный. Что это—говорить глупости?

— Развѣ смерть — глупость?

— Глупость.

— Это вы хорошо сказали.

— Я все хорошо говорю.

— Ну, что-жъ вы еще скажете хорошаго?

— Вы не стѣбите.

— Кто-жъ стѣбитъ?

— А, много будете знать...

— Танцовать поѣдете отсюда къ именинницѣ?

— А вы?

— Я — нѣтъ.

— А я — непременно.

— Ступайте лучше домой...

.... — Madame, pardon, разрѣшите наше недоразумѣніе. Вы только-что изъ Петербурга; скажите — bouilloné больше не носить? Въ прошломъ году носили?

— Mais, madame, je suis très embarrassée de vous dire... Это для кого?

— Но вотъ она—невѣста. Надо подумать...

.... — Какъ ее, знаешь, тутъ подняли, такъ и унесли, не очнулась. Потому — троихъ ребятъ оставилъ. Такъ-то нашему брату бываетъ.

— А вотъ, глядишь, и господамъ тоже.

— Извѣстно. Одно дѣло, одинъ и отвѣтъ.

— Слышите?

— Да... Одно дѣло, одинъ и отвѣтъ... А кто изъ насъ можетъ за себя поручиться, что когда-нибудь не очутится, вотъ такъ, за рѣшеточкой?..

— Полноте, какъ вамъ приходится въ голову!

— А что же? Страсти у всѣхъ, положеніе скверное...

— Нѣтъ, что же, помилуйте, изъ чего такой погромъ? Будто новость какая, будто никогда и не бывало! Новое нынче только—выставка на общее посмѣяніе!

— Совершенно справедливо!

— Да, когда я служилъ, барыня одна... Супругъ ея, извините, *того*,—понимаете? по-просту, по-русски; ну-съ... Это нынче яды, кинжалы,—а то, по-просту...

— Ахъ, вы, право, морите со смѣха!

— Какъ же-съ, пріѣзжаетъ ко мнѣ, разбери я ихъ. Сударыня, я говорю, и стихъ такой есть, что между мужемъ и женой всегда посредникъ... Ну, не къ ночи поминать!..

— Ахъ, какъ забавно!

— И прекрасно себѣ, благимъ манеромъ обошлось, и до сихъ поръ поживаютъ, и общество—ничего!.. А какъ вапшъ ералапикъ идетъ у тѣхъ, какъ ихъ?..

— О, нѣтъ, я прекратила. Это такія претензіи; наконецъ и обидно; я говорю: я имѣю свою партію...

— А въ самомъ дѣлѣ, лучше бы скорѣе!

— Онъ, вѣроятно, и самъ то же думаетъ.

— Чтó онъ дѣлаетъ?

— Конечно, не рветъ на себѣ волосъ. Все выносится просто.

— Мнѣ совѣстно, что я здѣсь.

— Отчего?

— Собрались, любуемся... Совѣстно встрѣтиться съ нимъ глазами.

— Вамъ нечего совѣститься: онъ встрѣчаетъ добрые, честные глаза; онъ, конечно, радъ васъ видѣть... Но вы совсѣмъ измучились; вы больны?

— Я давно бы ушла: мужу надо было остаться.

— Я сейчасъ его видѣлъ; у нихъ тамъ толки, подрады... Но, позвольте; кажется, ужъ идти въ залу. Я васъ провожу...

— Ну, наконецъ!

— Что, идти?

— Началось?

— Не знаю!

— Скорѣе, скорѣе...

Въ дверяхъ залы сдѣлалась давка.

— Сейчасъ, сейчасъ... Вотъ, теперь самое любопытное,—объяснялъ Поморьевъ, занимая m-me Денманъ.—Видите, какъ благоразумно вы изволили поступить, что не выходили... Боже мой, посмотрите, у этой дамы мантилья въ ключьяхъ!

— Я обязана вамъ, вашему совѣту, что избавилась...

— Съ большимъ удовольствіемъ сознаю, что заслужилъ вашу признательность... Сейчасъ ступить. Ужъ тамъ зашевелились...

Онъ указывалъ на дверь присяжныхъ.

— Прошу васъ,—мѣсто дамъ!—поспѣшно обратился къ нему Лауновъ.

Вслѣдъ за нимъ, подъ руку съ другимъ молодымъ человекомъ, приближалась дама. Толпа сторонилась отъ ея кружевъ и бархата. Она шла, никого не замѣчая, не опуская черныхъ лучистыхъ рѣсницъ, и отвѣчала на привѣтствія движеніями головы, до того неувловимыми, что отъ нихъ только слегка колебался золотой пухъ ея локоновъ.

— Chère princesse, вы опоздали!

— Сейчасъ кончится!

— Что васъ задержало? Надѣюсь, вы здоровы?

— Виновать, тысячу разъ виновать; но я васъ предупреждать... Я не могъ вырваться... C'est donc mon devoir...—повторять Лауновъ.

— Voulez-vous passer ici, princesse?

— Вотъ мѣсто; здѣсь вы увидите лучше...

— Могу ли я надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ удовольствіи, зайдете отсюда ко мнѣ провести вечеръ? C'est ma fête aujourd'hui. Хотъ на минуту, на одну минуту...

— Кто это?—спросила m-me Денманъ у Поморьева.

Онъ лишился своего мѣста и вертѣлся между проходящими.

— Это... Однако, позвольте, что же... Это... Извините!.. Это изъ Петербурга къ намъ пожаловала...

Онъ успѣлъ устоять одну минуту и шепталъ.

— Супругъ ея... Они въ размолвѣ. Она, впрочемъ, не одна. Обратите ваше вниманіе: съ ассистентомъ. Вотъ, вотъ. Всегда при ней, безотлучно. Не правда ли, какъ хороша собою! Дамы на-
ходятъ...

— Судь идти!

Зала была полна, ярко освѣщенная. Золото, огни, красные отливы, пестрые наряды женщинъ, оживленное волненіе торопливой толпы,—все сіяло, все смотрѣло праздникомъ. Въ полъ загремѣли ружейные приклады, глухо стукнула ступенька за рѣшеткой. Минуты тонули страшно долго. Копыловъ взмошелъ и оглянулся кругомъ. На его губахъ дрогнула улыбка; онъ, вѣроятно, подумалъ, что для него устроенъ этотъ праздникъ...

Прячась за спинками скамеекъ, сверкали бинокли.

Предсѣдатель открылъ засѣданіе, пригласилъ публику къ порядку. Всѣ встали. Старшина присяжныхъ выступилъ впередъ съ своимъ листомъ...

— «Алексѣй Копыловъ... двадцати семи лѣтъ... убійство...»

— «Да. Виноватъ».

— «Если виноватъ, то, принимая во вниманіе его нравственное состояніе,—не заслуживаетъ ли снисхожденія?»

— «Нѣтъ, не заслуживаетъ».

Въ толпѣ вскрикнули. Волненіе было неизобразимо. Предсѣдатель, блѣдный, не взялся за колокольчикъ; прокуроръ вскочилъ съ мѣста, другіе присутствующіе какъ-то прятались въ своихъ креслахъ. Выходили ли они, на долго ли, и когда воротились, этого опредѣленно никто не замѣтилъ. Предсѣдатель явился опять, стоя, и изъ-за канделябры раздалось:

— «По статьѣ... Лишеніе правъ... Двадцать лѣтъ каторжной работы...»

Копыловъ закусилъ губы и смотрѣлъ неподвижно своими горячечными глазами. Когда все было прочитано, онъ поклонился присяжнымъ.

Черезъ минуту, его не было за рѣшеткой.

Всѣ вставали въ суматохѣ.

Часниціи протѣснился къ прокурору и просилъ о чемъ-то.

— Къ нему? Сейчасъ нельзя... Ну, все равно, поѣдемте вмѣстѣ...

- Эти противные присяжные!.. Ахъ, тамап, что же это?
Какъ же возможно?
- Ахъ, мы цѣлый часъ не выберемся!
- М-г Лауновъ, м-г Лауновъ!
- Pardon, я спѣшу...
- М-г Лауновъ, какъ я вамъ сочувствую...
- Ахъ, ради Бога, идемте скорѣе...
- А гдѣ же она, супруга?
- Давно дома... Достало такта не сидѣть до конца...
- Agathe, вы не пеняете на меня, что я васъ сюда вытащила? Вотъ жизнь, вотъ ея драма...
- Охъ, отъ этихъ драмъ куда-нибудь дѣваться...
- Куда вы теперь?..

В. КРЕСТОВСКИЙ.
Псевдонимъ.

ВОЛЬНЫЙ ГОРОДЪ КРАКОВЪ

1815—1846.

IV *).

Древняя исторія Кракова, какъ столицы и мѣста коронованія польскихъ государей.—Коронный скарбъ и его богатства.—Судьба польскихъ регалій послѣ третьяго раздѣла Польши.—Историческіе памятники Кракова и его ближайшихъ окрестностей.—Историческія воспоминанія, связанныя съ Краковскимъ округомъ.—*Sola Cracovia est Polonia*.

«Краковъ не разомъ построенъ», говоритъ старинная польская пословица, и судьбы его вполне подтверждаютъ это изреченіе. Дѣйствительно, географы, имѣющіе привычку связывать средневѣковую Европу съ міромъ классическимъ, полагаютъ, что городъ *Sagrolunat*, упоминаемый Клавдіемъ Птолемеемъ изъ Александріи, во II вѣкѣ по Р. Х., занимаетъ ту же самую мѣстность, гдѣ впослѣдствіи польская исторія знаетъ Краковъ. Построеніе славянскаго городка въ этой мѣстности, по легендарнымъ сказаніямъ, занесеннымъ въ хронику Мартына Кромера, относится къ 700 году, и приписывается владыкѣ Великой и Бѣлой прикарпатской Хорватіи Кракусу, супругу прекрасной Любуши. Городъ, построенный на лѣвомъ берегу Вислы, получилъ названіе отъ своего основателя, а на противоположномъ берегу одного изъ рукавовъ Вислы, на холмѣ Вавелѣ, устроенъ былъ замокъ, обнесенный тыномъ и бойницами. Вивентій же Кадлубекъ, краковскій епископъ, связываетъ въ своей хроникѣ осно-

*) См. выше: янв. 107 стр.

ваніе Кракова съ мѣстныхъ преданіями о чудовищѣ, погложавшемъ людей и звѣрей, что потомъ считали олицетвореніемъ первоначальной борьбы людей съ чародѣйственными силами дѣвственной природы. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнная исторія не знаетъ почти ничего о Краковѣ до 1125 года, когда страшный пожаръ истребилъ городъ въ конецъ. Это было при Болеславѣ III, и хроника Длугоша описываетъ погибшій въ пламени городъ хотя построеннымъ изъ дерева, но населеннымъ и обогатившимся торговлею. Въ 1241 году, нашествіе татаръ снова повергаетъ Краковъ въ развалины. Болеславъ Стыдливый восстанавливаетъ его, давъ улицамъ и постройкамъ нѣкоторый порядокъ, и, по словамъ хроника Бѣльскаго, приглашаетъ первыхъ нѣмецкихъ колонистовъ, даровавъ городу магдебургское право и поставивъ во главѣ его управленія особаго фогта. Мазовецкій князь Конрадъ, чешскій король Вячеславъ и Владиславъ Локетекъ также украшали городъ. Казимиръ Великій, о которомъ говорилось, что «онъ нашелъ Польшу построенною изъ дерева, а оставилъ каменною», не только живалъ часто въ Краковѣ, но увеличилъ его населеніе, даровавъ немаловажныя льготы евреямъ, по просьбѣ любовницы своей Эстерки, что привлекло сыновъ Израиля въ этотъ древнѣйшій изъ польскихъ городовъ. Казимиръ же восстановилъ Краковъ изъ пепла послѣ пожара, постигшаго его въ 1306 году. Съ тѣхъ поръ Краковъ, заселенный тремя народностями, росъ и богатѣлъ изъ года въ годъ. Въ 1430 году онъ уже принадлежалъ къ Ганзейскому союзу, имѣя до 80,000 жителей, и о немъ говорилось: «sola Cracovia est Polonia»! (одинъ Краковъ—цѣлая Польша).

Еще съ того времени, какъ Владиславъ Локетекъ, измѣнившій политическое устройство Рѣчи-Посполитой, короновался въ Краковѣ вмѣстѣ съ женой своей Ядвигой, древній великопольскій городъ Гнізно пересталъ быть столицей всего королевства; тронъ перенесенъ былъ на Вавельскій холмъ, и судьба малопольскаго Кракова поставлена была въ тѣсную связь съ исторіей остальной Польши. Какъ прежде польскіе короли принимали корону въ Гнізно при гробницѣ св. Войтиха, такъ въ Краковѣ они получали благословеніе при своемъ вѣнчаніи у гроба св. Станислава. Всѣ, начиная отъ Владислава Локетека, выполняли этотъ обрядъ въ Краковѣ, за исключеніемъ Станислава Лещинскаго и Станислава-Августа Понятовскаго, короновавшихся въ Варшавѣ, лежавшей въ прежнемъ Мазовскомъ княжествѣ. Когда Сигизмундъ III перенесъ столицу въ Варшаву, сеймъ 1637 года постановилъ, чтобы коронаціи совершались только въ Краковѣ.

Съ этимъ исключительнымъ правомъ второй польской столицы соединялось обладаніе коронными сокровищами, государственными клейнотами. Этотъ «скарбець», перенесенный изъ Гнѣзно въ Краковъ, хранился въ немъ до разгрома Польши, что давало Кракову значеніе города, освященнаго историческими преданіями, владѣющаго политическимъ первенствомъ между остальными польскими городами. Утрата короннаго скарба могла уменьшить его значеніе, и краковяне дорожили правомъ сохранять въ замкѣ своего города старинные знаки королевской власти. Но въ концѣ прошлаго столѣтія судьба не поблагопріятствовала имъ ¹⁾.

Первое извѣстіе о великихъ коронныхъ подскарбіяхъ встрѣчается подъ 1368 годомъ. Изъ него узнаемъ, что не сами они могли открывать скарбець, но необходимо было для того присутствіе семи сенаторовъ, изъ коихъ каждый имѣлъ особый ключъ отъ коронныхъ сокровищъ. Для того, чтобы вынуть что-нибудь изъ скарбца, нужно было дозволеніе не только сената, но и всѣхъ сеймовыхъ чиновъ. Въ скарбцѣ хранились не одни знаки королевской власти, но также документы величайшей важности и разные второстепенные клейноды; даже литовская корона была перенесена въ Краковъ, а въ виленскомъ скарбѣ хранились только сокровища, не имѣвшія государственнаго значенія, и архивъ. Такъ какъ коронные знаки составляли принадлежность религиозной церемоніи, то и считались какъ-бы церковнымъ достояніемъ; почему въ краковскимъ подскарбіямъ присоединенъ былъ еще духовный, называвшійся короннымъ кустосомъ; первыя извѣстія о немъ встрѣчаются при короляхъ изъ династіи Вазовъ. Подробнѣйшіе наказы предписывали опредѣленный порядокъ осмотра и сдачи скарбца, а предосторожности при его открытіи соблюдаемы были со всею строгостію. Несмотря на то, исторія показываетъ, что не всегда знаки польской короны находились въ склепахъ Вавельской твердыни. Такъ, Рикса, жена Мечислава II, увозила въ нѣмецкія земли коронные знаки, которые оставались тамъ подъ охраною императора Фердинанда II, пока не сѣлъ на тронъ Казимиръ, обновившій государственную жизнь Польши. Затѣмъ, послѣ короля Лудовика снова брали, но уже въ Венгрію, корону и скипетръ, которые возвратилъ потомъ императоръ Сигизмундъ. Нерѣдко польскіе клейноды отдаваемы были подъ закладъ, напр., въ 1699 г. Бранденбургъ

¹⁾ Очерки исторіи города Кракова представлены въ сочиненіяхъ: *Grabowski* *Ambr.*, Kraków i jego okolice. Wyd. 4; w Krak. 1844; str. 6—46.—*Macyski* *Jan*, Pamiątka z Krakowa; w Krak., 1845; cz. I, str. 1—169.

своему курфирсту за 300,000 талеровъ, и нѣсколько разъ предъ тѣмъ. Иногда, во время военныхъ смутъ, должны были укрывать коронный скарбъ въ другихъ мѣстностяхъ; такъ, во время коронаціи Августа III короны хранили въ Ченстоховѣ.

Подобныя обстоятельства были причиной, что не всѣ польскіе короли могли вѣнчаться короною Болеслава Храбраго: такъ, Владиславъ IV долженъ былъ заказать новую корону, ибо старая еще не была возвращена изъ Венгріи; Августъ III приобрѣлъ для себя въ Бреславлѣ серебряную вызолоченую корону, ибо нельзя было получить старую изъ Ченстохова вслѣдствіе различныхъ формальностей. Строгія предписанія относительно храненія короннаго скарба почти всегда были препятствіемъ къ употребленію Болеславской короны при королевскихъ погребеніяхъ; ее замѣняли или поддѣльными, или другими, полагая ихъ при катафалкѣ. Такъ въ Кнышинѣ, по смерти Сигизмунда-Августа; подлѣ гроба лежала корона Яна Заполія, венгерскаго короля, лишеннаго трона императоромъ Фердинандомъ, послѣ чего его знаки перешли къ Сигизмунду-Августу по свойству, и составили частную собственность послѣдняго. Въ гробницы королевъ были ихъ частныя короны, болѣею частію серебряныя вызолоченныя, или такъ-называемыя похоронныя короны (*funeralis*). Хотя обычай возложенія богатыхъ убранныхъ на королей при опусканіи въ гробъ былъ общимъ въ XVII вѣкѣ; но ревизія, выполненная Чацкимъ въ 1799 году въ склепахъ, хранящихъ останки Ягеллоновъ, дала нѣны свѣдѣнія: оказалось, что хотя Ягеллоны и погребены богато, какъ прилично было владѣтелямъ еще сильнаго тогда государства, но со временемъ алчность, прикрываясь любовью къ древностямъ, умѣла различить и въ могильномъ мракѣ блескъ драгоценныхъ камней отъ поддѣльныхъ и замѣнить золото подражаніемъ.

До паденія Рѣчи-Посполитой всѣ коронныя богатства Польши, Литвы и Югозападной Руси, государственныя сокровища Пястовъ и Ягеллоновъ, хранились въ трехъ нижнихъ склепахъ древняго замка на Вавелѣ, и иностранцы не могли достаточно надивиться ихъ обилію и великолѣпію: папскій нунцій Руджіери изумлялся количеству алмазовъ и золота, находившихся въ скарбѣ; французскій историкъ Шуаненъ, въ своихъ мемуарахъ о Генрихѣ Валуа, говорить, что онъ не знаетъ въ цѣлой Европѣ мѣны болѣе богатой, чѣмъ Ягеллонская, и что послѣ одного Сигизмунда-Августа осталось гораздо болѣе kleynodovъ, чѣмъ ихъ было въ сокровищницахъ всѣхъ извѣстныхъ ему въ то время владѣтелей. Изъ всѣхъ этихъ богатствъ послѣ паденія Рѣчи-По-

сполитой уцѣлѣли лишь немногія мелочи, хранящіяся или въ ризницѣ краковскаго кафедральнаго собора, или въ рукахъ нѣкоторыхъ изъ древнѣйшихъ фамилій, подобно листьямъ капителя и мраморнымъ обломкамъ, уцѣлѣвшимъ на память о великолѣпной погибшей древности.

Когда, куда и какъ разнесены были главные богатства короннаго скарба, хранившагося въ Краковѣ?—вотъ вопросы, надъ которыми много трудились польскіе археологи, но не добились ихъ рѣшенія, указавъ лишь нѣсколько неважныхъ подробностей. Существенный же вопросъ о томъ, какая изъ державъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Польши, владѣетъ теперь коронными знаками Рѣчи-Посполитой, рѣшенъ только на основаніи преданій, но безъ подробнаго описанія вещей, уцѣлѣвшихъ доселѣ, и самаго мѣста ихъ храненія. Извѣстно только изъ люстраціи коронныхъ клейнодовъ, бывшей 8-го мая 1792 года, стало-быть, за три года до пропажи скарба, и заключающей въ себѣ описаніе нѣсколькихъ тысячъ предметовъ, что государственныхъ коронъ предъ послѣднимъ раздѣломъ Польши было семь: Болеслава Храбраго, называвшаяся *originalis* или *privilegiata*, другая изъ чистаго золота, коронаціонная, далѣе венгерская, шведская, московская отъ Владислава IV, шестая *homagialis*, седьмая *funeralis*; что при каждой коронѣ имѣлись свои скипетры и державы, что богатѣйшія одѣянія, мечи, хоругви, знамена и церковныя реликвіи въ драгоценныхъ оправкахъ восполняли коронные знаки. Куда же дѣлся весь этотъ скарбъ? Обращаться за отвѣтомъ къ русской дворцовой сокровищницѣ было бы напрасно, ибо императоръ Николай I, въ 1829 году коронуясь въ Варшавѣ, не имѣлъ древней польской короны: ее замѣняла царская корона, привезенная изъ Петербурга и выставленная для народнаго осмотра. Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ писателей безъ всякаго основанія предполагали, что польскія короны находятся въ Вѣнѣ, и эти предположенія не оправдывались на дѣлѣ. Напротивъ того, не разъ попадались извѣстія о нѣкоторыхъ драгоценностяхъ, хранящихся въ тѣхъ или другихъ археологическихъ собраніяхъ Пруссіи, и очевидно принадлежавшихъ прежде краковскому скарбцу. Первый переходъ изъ него нѣкоторыхъ клейнодовъ въ нѣмецкія руки совершился еще въ 1733 году, при саксонской династіи. Затѣмъ, въ бѣдственные годы двухъ послѣднихъ раздѣловъ Польши нѣкоторые изъ коронныхъ драгоценностей могли быть проданы для приобрѣтенія оружія. Но существенная часть скарба перешла въ руки пруссаковъ, которые занимали Краковъ въ 1795 году. Такъ, польскій археологъ А. Грабовскій, современникъ той эпохи,

сообщалъ Иосифу Лѣпковскому, описавшему Краковъ въ польской «Всеобщей энциклопедіи», слѣдующее: «что касается польскихъ коронъ, то я имѣю о нихъ лишь такое извѣстіе: прибывъ въ Краковъ въ 1797 году, я засталъ всеобщую молву, что пруссаки, взявъ городъ, заняли замокъ и, устроивъ тамъ складъ военныхъ припасовъ, не давали никому доступа туда. Но всѣ ли еще короны были въ скарбѣ? Никто о томъ не зналъ. Ключи отъ него имѣлъ послѣдній коронный вустосъ, всендѣ Себастьянъ Сѣраковский; но прусское военное начальство и не требовало ихъ. Пруссакки сами отворили ихъ скарбецъ и захватили все; убѣрили даже, что они подобрали всѣ обрывки и обломки. Въ такомъ расхищенномъ видѣ зданіе перешло въ 1796 году къ австрійскому правительству». Но Себастьянъ Сѣраковский, каноникъ краковскаго кафедральнаго собора, ректоръ Ягеллонскаго университета, умершій въ 1824 году, въ качествѣ сенатора вольнаго города Кракова, не оставилъ по себѣ никакихъ записокъ о судьбѣ короннаго скарба, кромѣ вышепомянутой люстраціи его. Другой современникъ послѣднихъ раздѣловъ Польши, Ксаверій Кратцеръ, бывший канторомъ кафедральнаго собора и жившій въ самомъ замкѣ, рассказываетъ слѣдующее въ своихъ запискахъ: «пруссакки занимали Краковъ и окрестности его, пока не совершился послѣдній раздѣлъ Польши. Нѣкто Зубржицкій, заслуженный капитанъ польской артиллеріи, былъ тогда магазинщикомъ въ замкѣ, и жилъ съ своимъ семействомъ при пруссаккахъ. Предвидя бѣдствія, которыя могли грозить и ему, онъ употребилъ постыдное средство для обезпеченія своей будущности. Явившись къ Людвигу Антонію фонъ-Гойму, тайному совѣтнику и полномочному комиссару прусскаго короля въ Краковъ, онъ вызвался, съ тѣмъ, чтобы ему дана была приличная должность, указать мѣсто, гдѣ укрыть коронный скарбъ. Желаніе его было исполнено; онъ назначенъ былъ комиссаромъ въ Ченстохово, съ ежегоднымъ жалованьемъ въ 180 талеровъ и съ даровымъ помѣщеніемъ. Зубржицкій исполнилъ свое обѣщаніе, но предостерегъ, что для отпиранія замковъ нуженъ опытный слесарь и что, во избѣжаніе толковъ въ городѣ, лучше привести такого мастера изъ другой мѣстности. Послали въ Бреславль за старостой слесарскаго цеха, между тѣмъ пришло извѣстіе, что австрійскія войска должны занять Сандомирское, Люблинское и Краковское воеводства. Надо было спѣшить. Вскорѣ прибылъ и слесарь изъ Бреславля; самъ Гоймъ, секретарь его Лангъ, генераль-майоръ Леопольдъ фонъ-Рютеръ и другіе офицеры отправились для открытія указанныхъ дверей. Всѣ усилія слесаря, желавшаго услужить началь-

ству, оказались безуспѣшными. Генераль совѣтовалъ употребить въ дѣло пушку, говоря, что достаточно одного ядра, чтобы отворить замкнутыя двери. Смотритель замка, Ковальскій, охладил горячаго генерала, замѣтивъ, что выстрѣлъ можетъ произвести обвалъ и еще болѣе загородить склепъ. Тогда призванъ былъ староста краковскихъ слесарей, Францискъ Вейсъ; онъ, осмотрѣвъ двери, объявилъ, что иного способа нѣтъ, какъ только выбить исподній косякъ и пропустить чрезъ него человека, который бы отворилъ засунутыя изнутри задвижки. Совѣтъ былъ практиченъ, всѣ согласились на то, и каменный порогъ былъ вынутъ; въ отверстіе проползъ мастеръ, снялъ внутреннія крестобразныя задвижки и отворилъ двери. Всѣхъ присутствовавшихъ удалили; только Гоймъ, Лангъ, Рютсъ и Ковальскій вошли въ склепъ, изъ коего взять былъ замкнутый и запечатанный ларецъ и отвезенъ въ каретѣ Гойма въ его жилище. Зубржицкій, ожидавшій Гойма на валу, объявилъ ему, что въ королевскихъ комнатахъ также можно найти кое-что. Тогда у Ковальскаго отобрали ключи отъ дворцовыхъ покоевъ и приказали ему не выходить изъ дома, пока не явятся снова. На другой день рано опять прибыли Гоймъ, Лангъ, Рютсъ и комендантъ замка майоръ Маскъ. Лангъ описывалъ вещи, найденныя во дворцѣ; ихъ раздѣлили осматривавшіе между собой, смотря по чинамъ, потому что позволено было брать и капитанамъ, лейтенантамъ, фельдфебелямъ, капраламъ и даже рядовымъ. Забраны были ларцы и шкапулы, люстры, обои, занавѣсы, столы и стулья, вынуты даже оконныя рамы, оторваны замки, сняты двери, покрытыя рѣзною работою, и такимъ образомъ королевскій дворецъ сталъ и безъ войны опустѣлою развалиною, какъ-бы послѣ пожара. Ковальскій, заперевъ главныя входныя двери, обитыя желѣзомъ, занемогъ съ горя и вскорѣ умеръ. Замковый сторожъ Урбанъ отдалъ пруссакамъ и самый ключъ. Все это совершилось въ концѣ 1795 года; ибо 5-е января 1796 г. австрійское войско вступило въ Краковъ на смѣну пруссакамъ. Послѣдніе отдали австрійскому генералу Фулону все, чего не могли захватить, заявивъ, что сдаютъ замокъ въ томъ видѣ, какъ нашли, не коснувшись его. Съ полнымъ довѣріемъ и вѣжливою любезностію принялъ это заявленіе австрійскій генераль. Такимъ образомъ, показанія Кратцера и Грабовскаго сходятся между собой. Болѣе подробныхъ свѣдѣній и болѣе значительнаго числа свидѣтелей разграбленія пруссаками краковского замка нельзя представить уже и потому, что жители Кракова и его окрестностей, застигнутые врасплохъ послѣднимъ раздѣломъ ихъ края, заботились

только о себѣ и разбѣжались по окрестнымъ селеніямъ. Отсутствие положительныхъ извѣстій о разграбленіи краковскаго замка несравненно менѣе удивительно, чѣмъ быстрое паденіе самого Кракова, которое совершилось въ ту эпоху: городъ, имѣвшій нѣкогда 2138 каменныхъ зданій и до 80,000 жителей, во время прусскаго и австрійскаго нашествія сохранилъ только 5000 обывателей, укрывавшихся въ убогихъ жилищахъ ¹⁾.

Итакъ, Краковъ утратилъ знаки старинной политической жизни своего отечества. Взамѣнъ того у него остались другіе многочисленные историческіе памятники, и между ними первое мѣсто занимаютъ гробницы королей и членовъ королевскихъ семействъ. Курганы, покрывающіе могилы миѣическихъ Ванды и Кракуса, находятся въ его окрестностяхъ. Владиславъ Ляпконовій, Болеславъ Кривоустый и Казиміръ Справедливый были погребены въ краковскомъ кафедральномъ соборѣ; но пожаръ 1306 года уничтожилъ ихъ памятники. Подобно тому, какъ до Владислава Локетека польскія земли не соединялись еще въ одно королевство, традиціоннымъ средоточіемъ для коего послужила могила Кракуса, точно также и гробницы польскихъ владѣтелей всей предшествующей эпохи разсѣялись по разнымъ краямъ: то въ Гнѣзно, Познани, Плоцкѣ, Краковѣ и Калишѣ, то даже въ чужихъ земляхъ. Лишь съ Владислава сталъ наполняться Краковскій соборъ, стоящій на томъ же Вавельскомъ холмѣ, какъ и замокъ, надгробными памятниками королей и обнялъ въ своихъ skleпахъ четыре вѣка. Не даромъ историки церковной архитектуры и могильныхъ памятниковъ древней Польши видятъ въ краковскихъ гробницахъ символы и эмблемы, выражающіе собою измѣнчивыя судьбы самой Польши. Какъ-бы по волѣ прихотливаго рока, въ зданіи кафедральнаго собора отъ самой древнѣйшей его постройки осталась лишь крипта, скрывающая въ себѣ гробницы и составляющая древнѣйшій архитектурный старопольскій памятникъ въ романскомъ стилѣ. Остальныя части кафедральнаго собора ведутъ свое начало съ половины XIV вѣка (1320 — 1359) и временъ позднѣйшихъ. Пристройка каплицъ въ разные вѣка была причиной, что все зданіе носитъ на себѣ характеръ различныхъ стилей: снаружи соборъ отличается въ большинствѣ частей своихъ готическимъ стилемъ, каплицы выстроены преимущественно въ стиляхъ *renaissance* и *gossoso*, но есть также постройки иныхъ временъ и иныхъ вкусовъ. Башни

¹⁾ Исторія короннаго скарба Польши изложена въ статьѣ Іосифа Лѣпковского „Краковъ“ въ *Encyklopedyi powszechniej*, т. XV, str. 854—859.

собора, портики, стѣны, алтари нерѣдко несутъ на себѣ слѣды средневѣковой древности, напримѣръ XV вѣка. Самая живопись также разнообразна: подлѣ памятниковъ западно-европейскихъ школъ есть изображенія, принадлежащія русской кисти кievской школы, стиль которой въ древнихъ польскихъ документахъ назывался *гтаесо* или *mosaico moce*, съ церковно-славянскими написаниями. Одинъ нѣмецкій писатель такъ выражался о краковскомъ соборѣ: «въ Германіи мало храмовъ, которые могли бы поспорить съ этою святынею обиліемъ чернаго, бѣлаго и розоваго мрамора, пышною позолотою, такимъ огромнымъ количествомъ художественныхъ памятниковъ и столькими образцами различныхъ стилей. Несмотря на значительную величину свою, соборъ переполненъ художественными произведеніями: это Вестминстеръ польской народности». Мы не можемъ вдаваться здѣсь въ описаніе всѣхъ археологическихъ и художественныхъ подробностей, дающихъ важное значеніе краковскому собору въ исторіи искусства вообще, и привлекавшихъ вниманіе столькихъ изслѣдователей ¹⁾. Замѣтимъ только, что краковскій соборъ, укрывъ въ себѣ памятники политической и церковной исторіи Польши, безпрестанно напоминаетъ краковянамъ о прошедшей славѣ ихъ города; точно также какъ Ягеллонскій университетъ напоминаетъ имъ исторію польскаго просвѣщенія, — сперва средневѣкового, схоластическаго, подчинившагося потомъ вліянію іезуитовъ, пережившаго затѣмъ вліяніе французское, и наконецъ уже черпавшаго свою жизнь изъ народныхъ элементовъ. Въ то же время церковь пресвятой Дѣвы Маріи своими гробницами и художественными памятниками краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о семивѣковой исторіи обывательства и мѣщанства второй польской столицы. Самая постройка этого костѣла носитъ на себѣ слѣды всѣхъ архитектурныхъ стилей, которые только господствовали въ Польшѣ отъ начала XIII до второй половины XVIII вѣка. Такимъ образомъ, соборъ на Вавелѣ, *Alma mater* и Маріадскій костѣлъ въ Краковѣ суть одни изъ древнѣйшихъ и лучшихъ памятниковъ на польской землѣ. Не говоримъ о другихъ костѣлахъ Кракова, общее число которыхъ доходитъ до 32, не считая вышеописанныхъ ²⁾.

¹⁾ Ограничимся ссылкой на сочиненія: 1) *Groby Królów polskich w Krakowie w Kosciele katedralnym na Zamku. Poprzedza kronika X. Kryst. Zelnera, tęs oraz inne pomniki historyczne z dawnych rękopismów wydał Ambr. Grabowski; w Krak. 1835.*—2) *Grabowskiego Ambr., Starożytnicze wiadomości o Krakowie; w Kr. 1852.*—3) *Biskupa Łętowskiego, Katedra na Wawelu; w Krak., 1859.* Спав. *Encyklop. powszechna*, т. XV. стр. 862—873; 917—919.

²⁾ *Maczyński, Jos., Pamiętka z Krakowa; w Krak., 1845; cz. 2, str. 166—402.*

Столь же важнымъ въ историческомъ отношеніи памятникъ являются въ Краковѣ такъ-называемыя сукенницы и стѣны съ ихъ вежами. Въ сукенницахъ, въ старину, стиль восточно-византійскій соединялся съ древне-нѣмецкимъ: тутъ постройки изъ временъ династіи Пястовъ сливались съ постройками, заимствовавшими свой внѣшній видъ изъ жизни торговой Ганзы и крестноносцевъ. Тутъ быстро возраставшая торговля Кракова находила для себя обширный рынокъ, наполненный амбарами, чуланами, наметами, гдѣ складывались товары, привозимые изъ стариннаго Нюрнберга, изящной Венеціи и пышнаго Востока. Послѣ пожара 1555 года сукенницы были перестроены за-ново въ готическомъ стилѣ, съ нѣкоторыми позднѣйшими отбѣнками его. Въ XVI вѣкѣ, вдоль стѣнъ сукенницъ построены были небольшія помѣщенія, гдѣ отправляли свои обязанности члены торговой управы, надзирательство за городскими вѣсами, и, кромѣ того, лавки для выставки товаровъ, сложенныхъ въ главномъ зданіи сукенницъ. Цѣлыми рядами, то каменныхъ, то деревянныхъ пристроечекъ, которыхъ насчитывалось не менѣе 400, окружены были сукенницы. Благодаря такому виду сукенницъ, самый городъ имѣлъ характеръ обширнаго рынка, предназначеннаго только для торговой дѣятельности. Но въ то же время многочисленныя вежи, возвышавшіяся надъ городскими стѣнами, хотя и носили названіе различныхъ цеховъ, имѣли однакожъ видъ построекъ, предназначенныхъ для защиты города, и какъ-бы напоминали собою, что средневѣковая торговля могла хвалиться успѣхомъ лишь тогда, когда купецъ не брезгалъ вооруженіемъ. Какъ-бы въ подтвержденіе этого, въ одномъ изъ боковыхъ входовъ въ сукенницы сохранился висящій ножъ, которымъ, по предписаніямъ Магдебургскаго права, чинились различныя наказанія гультаямъ, покушавшимся на чужую собственность. Сами стѣны съ вежами и воротами свидѣтельствовали о томъ, что Краковъ былъ торговымъ мѣстомъ, опиравшимся на Магдебургское право. Эти вежи съ окружающими ихъ валами и бойницами, которые принимали на себя защиту ихъ, и лишь иногда воздвигались обывательствомъ всего города или котораго-либо изъ его предмѣстій ¹⁾. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что краковская торговля привлекала въ предмѣстіе Казимирово и еврей-

¹⁾ Вышеупомянутыя описанія Кракова, составленныя Грабовскимъ и Мончинскимъ; а также *Sobieszczańskiego J. M., Wiadomości historyczne o sztukach pięknych w Polsce; t. 1, str. 91 etc.*

ское населеніе, которое устроило тамъ свои синагоги и сумрачныя кладбища.

Округъ краковскій въ томъ объемѣ, какъ онъ опредѣленъ былъ вѣнскимъ конгрессомъ, заключалъ въ себѣ 21 кв. миль. Упираясь въ Вислу, до которой спускались уже незначительныя въ этой мѣстности склоны Татранскихъ горъ, краковскій округъ составлялъ исходную точку того края, который служить какъ бы переходомъ отъ западно-европейской системы горъ и рѣкъ къ восточно-европейской равнинѣ, и въ этомъ отношеніи можетъ быть считаемъ ея нераздѣльною частію. Этотъ небольшой уголокъ издревле польской земли всегда былъ тѣсно связанъ съ Краковомъ и имѣлъ съ нимъ общую исторію. Всѣ деревни и угодья, лежавшія въ краковскомъ округѣ, составляли болѣею частію собственность различныхъ учреждений Кракова и его обывателей. Еще Лудовикъ Венгерскій позволилъ краковскимъ жителямъ, привилегіей 1378 года, заселять земли на двѣ мили отъ Кракова и утверждать на этомъ пространствѣ Магдебургское право. Наиболѣе усердными заселителями края были мѣстный епископъ, каедральный капитулъ и монастыри. Были также въ окрестностяхъ Кракова замки и постройки, принадлежавшіе королямъ. Въ Лобцовѣ, среди богатыхъ растительностію мѣстъ, подлѣ могилъ пресловутой еврейки Эстерки, любовницы Казимира Великаго, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія существовали развалины дворца. Сосѣдняя съ нимъ деревня Криводржа, бывшая королевскою, уступлена была Кракову въ 1306 году Владиславомъ Локетескомъ. Одно изъ важныхъ по рыбному богатству угодьевъ было селеніе Прудникъ, упоминаемое еще въ 1105 году, какъ монастырская собственность. Его отдѣльныя части носили различныя названія: Прудникъ бѣлый, червонный, духакскій и доминиканскій. Краковскій епископъ Иво Одровонжъ основалъ тутъ, въ первой половинѣ XIII столѣтія, больницу подъ управленіемъ монаховъ, называвшихся Духаками. Больница эта, перенесенная потомъ въ самый городъ и называвшаяся Бискупницами, существовала еще, когда Краковъ сдѣлался вольнымъ городомъ. Селеніе Раковицы напоминало объ австрійскомъ эрцгерцогѣ Максимилианѣ, который стоялъ тутъ лагеремъ въ 1587 г. Община «Звѣринецъ» съ стариннымъ костѣломъ, не разъ, впрочемъ, возобновлявшимся, славилась народной исторической процессіей, извѣстною подъ именемъ «Звѣринецкаго коника», и разбитымъ колоколомъ, въ который ударили каждый вечеръ въ память объ утопшихъ. На ея земляхъ воздвигнуть былъ во времена Краковской республики бурганъ Костюшки. Не вдалекѣ отъ нея находились

тѣ скалы, въ которыхъ, по народному преданію, укрылись отъ татарскаго нашествія бѣжавшія монахи, и стали невидимы вмѣстѣ съ часовней, въ которой молились. Бѣяны связаны были со множествомъ религіозныхъ и историческихъ преданій: между прочимъ, съ ихъ горы въ 1655 году смотрѣлъ на горѣвшій Краковъ Янъ-Казимиръ, собиравшійся бѣжать отъ шведовъ въ Силезію; Янъ Собѣскій, отправляясь спасать Вѣну отъ турокъ, молился въ Бѣянскомъ костѣлѣ. Липовець, давнее владѣніе краковскихъ епископовъ, имѣлъ свой замокъ, основанный въ XV вѣкѣ Збигнѣвомъ Олѣсницеимъ, и служившій мѣстомъ заключенія для духовныхъ лицъ, провинившихся въ чемъ-либо.

Мѣстечко Яворжно долго славилось изображеніемъ канонизаціи Казимира въ Римѣ, писанномъ масляными красками на полотнѣ и хранившемся въ тамошнемъ костѣлѣ: на этой картинѣ изображено было до ста поляковъ, и все это были портреты присутствовавшихъ при канонизаціи. Мѣстечко Хржановъ, долгое время не подвергавшееся пожарамъ, отличалось въ эпоху основанія Краковской республики древностью своихъ построекъ, восходившихъ до эпохи возрожденія. Креповицы, отличавшіяся живописными окрестностями, извѣстны были, кромѣ того, своими лечебными водами и копиями мрамора и порфира. Не вдалекѣ отъ нихъ стояли развалины Тенчинскаго замка, напоминавшаго своимъ названіемъ многихъ знаменитыхъ людей древней Польши, поѣтовъ, епископовъ, воеводъ. Александровицы напоминали собою, что въ XVI вѣкѣ и въ окрестностяхъ Кракова процвѣталъ кальвинизмъ. Между селеніями Модльницей и Модльничкой еще до 1832 года сохранялась вѣковая липа, до которой, по народному преданію, краковскіе жители провожали св. Войтеха, когда онъ отправлялся для проповѣди на Поморье. Подъ селеніемъ Забѣжовымъ находилась скала Кмиты, съ коею связано было преданіе о смерти Станислава Кмиты, бросившагося съ нея въ 1515 году вслѣдствіе несчастной любви къ дочери Яна Бонара. Тутъ же была и другая скала, Кривосудъ, преданія о которой послужили матеріаломъ для нѣсколькихъ балладъ въ польской литературѣ. Деревня Могила имѣла свое названіе отъ могилы Ванды, и отличалась богатствомъ находимыхъ въ ея окрестностяхъ древнихъ вещей, преимущественно изъ XIII и XIV вѣковъ. Почти на границѣ краковского округа съ царствомъ польскимъ и Бохненскою общиною существовали развалины Костельницкаго дворца, построеннаго при Казимирѣ Великомъ для его незаконной дочери татарами, взятыми въ плѣнъ въ числѣ 250 человекъ. Лучановцы извѣстны были какъ мѣстопробываніе

Евангеликовъ и нѣсколькихъ сѣбздовъ, на которыхъ состоялась унія мѣстныхъ лютеранскихъ исповѣданій. Доясдовъ, Ратиборовицы, Станиславовицы, Чулицы, напоминали собою о пребывавшемъ въ этихъ мѣстностяхъ св. Станиславъ. Въ лѣсу Радобадѣ и его околлицѣ часто находимы были древности языческихъ временъ. Но археологическое богатство краковскаго округа слишкомъ извѣстно, чтобы останавливаться на немъ во всѣхъ подробностяхъ ¹⁾. Одна литература о древностяхъ, историческихъ воспоминаніяхъ и народныхъ преданіяхъ Кракова и его окрестностей могла бы дать матеріалъ для нѣсколькихъ томовъ. Въ этомъ отношеніи Краковъ съ его округомъ можетъ смѣло поспорить съ наиболее извѣстными изъ историческихъ мѣстностей въ любой славянской землѣ. Можно сказать, что по воспоминаніямъ Кракова не трудно было бы представить себѣ не только въ ясномъ, но и въ довольно подробномъ, очеркъ всю исторію Польши и ея связей съ сосѣдними землями ²⁾. Послѣ всего сказаннаго станетъ понятно, что не одніи только выгоды географическаго и стратегическаго положенія давали Кракову важное значеніе въ глазахъ императора Александра I и князя Меттерниха, когда они касались на вѣнскомъ конгрессѣ будущаго устройства краковской территоріи. Съ другой стороны, исторія Кракова такъ близка была каждому польскому патріоту и каждой изъ прежнихъ областей польскихъ, что образованіе изъ него вольнаго города не могло остаться безъ вліянія на сосѣднія земли, и въ свою очередь вольный городъ Краковъ такъ или иначе долженъ былъ послужить польскому дѣлу.

Таковъ былъ Краковъ, пережившій политическую независимость остальной Польши, и начавшій со временъ вѣнскаго конгресса свое отдѣльное существованіе, какъ-бы въ подтвержденіе вышеприведенной пословицы: «Sola Cracovia est Polonia» ³⁾.

¹⁾ *Maczyński-ge Jos., Pamiątka z Krakowa; cz. 3, str. 183—281. Grabowskiego Ambr., Kraków i jego okolice; wyd. 4, str. 293—390.*

²⁾ Особенно любопытны въ этомъ отношеніи сочиненія *Іос. Лонковского, Starożytności i pomniki Krakowa. Krak., 1847* (нѣсколько выпусковъ съ рисунками); *Przegląd zabytkow przeszłości z okolic Krakowa; Wargz., 1863, str. 1—76.*

³⁾ Въ сочиненіяхъ писателей XVI и XVII вѣковъ Кракову давались различные названія: *Urbium Sarmatiae ocellus; pietatis metropolis; honestissimarum disciplinarum emporium; sacrarum Reliquiarum grande Mausoleum; Coronatrix Regum; decus Regni et gentis polonae; gloria gentis polonae; totius Regni decus et ornamentum; caput aliarum in Regno Poloniae urbium etc.*

V.

Прокламація Александра I къ полякамъ, отъ 13-го мая 1815 года. — Дополнительный договоръ между Австріей, Пруссіей и Россіей, 21-го апрѣля того же года. — Основанія для краковской конституціи, принятыя тремя покровительствующими дворами. — Территорія вольнаго города и ея границъ. — Управление. — Вопросы: таможенный, о смѣшанныхъ подданныхъ, почтовый. — Национальнымъ имуществомъ вольнаго города. — Академія. — Церковныя дѣла. — Политическія права гражданъ. — Собраніе народныхъ представителей. — Законодательная и судебная власти. — Сенатъ и президентъ его. — Нейтральность краковской области. — Прокламація временнаго правительства.

Вольный городъ Краковъ, какъ мы уже видѣли, обязанъ былъ своимъ отдѣльнымъ политическимъ существованіемъ тѣмъ несогласіямъ, которыя возникли на вѣнскомъ конгрессѣ по вопросу о земляхъ Варшавскаго герцогства, созданнаго Наполеономъ. Когда планъ императора Александра I, образовать изъ всего герцогства особое польское королевство, соединенное съ Россіей въ лицѣ общаго государя, не удался вслѣдствіе сопротивленія Австріи, Франціи и Англіи, императоръ согласился отдѣлить отъ него нѣкоторыя части, именно западную Галицію въ пользу Австріи, великое княжество Познанское въ пользу Пруссіи, и изъ краковской территоріи предложилъ образовать вольный городъ.

Александръ I-й намекнулъ на эту борьбу съ враждебной ему дипломатіей въ прокламаціи къ полякамъ отъ 13 (25) мая 1815 года, извѣщавшей ихъ объ устройствѣ польскаго королевства подъ его властью. «Это новое государство», говорилъ онъ, «есть польское королевство, столь желанное для васъ, столь давно провозглашенное націей и добытое цѣною крови и многихъ пожертвованій. Чтобы устранить затрудненія, которыя возникли по поводу города Кракова, мы приняли мысль объявить этотъ городъ нейтральнымъ и свободнымъ. Этотъ край, поставленный подъ покровительство трехъ державъ-освободительницъ и дружественно расположенныхъ, будетъ пользоваться счастьемъ и спокойствіемъ, посвящая себя единственно наукамъ, искусствамъ, торговлѣ и промышленности. Онъ будетъ какъ-бы памятникомъ великодушной политики, установившей такую свободу именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ покоится прахъ вашихъ лучшихъ королей и гдѣ соединены самыя благородныя воспоминанія польскаго отечества. Наконецъ, чтобы увѣнчать дѣло, которое такъ отдалено было бѣдствіями времени, по единодушному согласію признано, что даже въ частяхъ Польши, подчиненныхъ австрійскому и прусскому владычеству, жители будутъ отнынѣ управляться ихъ собственными

властями, избираемыми краемъ: Поляки! не возможно было устроить иначе ваши судьбы и все, что клонится къ вашему народному благу; необходимо было сохранить вамъ отечество, которое не могло бы быть ни предметомъ зависти или безпокойства для вашихъ сосѣдей, ни поводомъ къ европейской войнѣ. Таковы были желанія друзей человѣчества, и такова должна быть цѣль просвѣщенной политики. Итакъ, предметъ спора дипломатическаго, городъ Краковъ объявленъ былъ вольнымъ и предназначеннымъ для успѣховъ жизни духовной, умственной, культурной, но огражденнымъ отъ всѣхъ политическихъ интересовъ и связанныхъ съ ними волненій. Въ то время, какъ политическія судьбы трехъ частей польской земли, составлявшихъ королевство польское, великое княжество Познанское и австрійскую Галицію, должны были направиться различными путями, вслѣдствіе ихъ подчиненія тремъ государямъ на условіяхъ не одинаковыхъ, городъ Краковъ, оставаясь вѣрнымъ назначенію, указанному ему императоромъ Александромъ и вѣнскимъ конгрессомъ, могъ сдѣлаться центромъ для большаго развитія внутреннихъ силъ польской народности, для чего его исторіей накоплено было немало средствъ.

Въ дополнительномъ договорѣ между Австріей, Пруссіей и Россіей, заключенномъ 21-го апрѣля (3-го мая) 1815 года, указаны были подробно важнѣйшія условія для внѣшней и внутренней жизни Кракова, и въ то же время предложена конституція для него. Оба акта подписаны были князьями Меттернихомъ и Гарденбергомъ и графомъ Разумовскимъ, уполномоченными трехъ покровительствующихъ державъ, и объявлены нераздѣльными частями общихъ договоровъ, признанныхъ вѣнскимъ конгрессомъ.

Въ девятнадцати статьяхъ, принятыхъ тремя державами, сосѣдними съ Краковомъ, объявленнымъ навсегда городомъ свободнымъ, независимымъ и строго-нейтральнымъ, границы его области опредѣлены были такимъ образомъ: на лѣвомъ берегу Вислы пограничная линія, начинаясь у селенія Волицы, подлѣ устья рѣчки Ниды, впадающей близъ сего селенія въ Вислу, поднималась по этому ручью чрезъ Цло, Костельники до Чулицъ, такъ что эти села входили въ районъ вольнаго города; обнявъ границы этихъ селеній, она продолжалась чрезъ Декановицы, Гарлицы, Томашевъ, Корнѣвицы, которыя равнымъ образомъ оставались въ области Кракова, до точки, гдѣ начиналась граница, отдѣлявшая округъ Крешовицкій отъ Олькушскаго; отсюда она слѣдовала этою раздѣльной линіей между обоими округами, и доходила до границъ прусской Силезіи. Съ южной стороны оставлены были прежнія границы, отдѣлявшія Варшавское герцогство отъ австрій-

скихъ владѣній, то-есть теченіе Вислы. Императоръ австрійскій, съ своей стороны, желая содѣйствовать облегченію торговыхъ сношеній и поддержанію добраго сосѣдства между Галиціей и вольнымъ городомъ Краковомъ, даровалъ навсегда прибрежному и пограничному городу Подгорью такія же привилегіи свободнаго рынка, какимъ пользовался городъ Броды. Этотъ рынокъ, открытый для свободной торговли, обнималъ районъ въ 500 туазовъ во всѣ стороны отъ заставы Подгорьевскаго предмѣстья, и австрійскія таможни построены были внѣ самаго района, внутри коего императоръ обязался не помѣщать никакихъ военныхъ учрежденій, которыя могли бы нарушать нейтралитетъ Кракова и свободную торговлю Подгорья. Равнымъ образомъ Кракову разрѣшено было содержать мосты у Подгорья, чрезъ которые поддерживались бы сношенія съ правымъ берегомъ Вислы, и имѣть тамъ свои суда или перевозные паромы въ такія времена года, когда мосты не могутъ быть наводимы. Береговой подъѣздъ къ мостамъ или перевозамъ отдавался также въ распоряженіе Кракова. Но если бы въ пользованіи такими правами со стороны Кракова замѣчены были какія-либо нарушенія или небрежность, или дурныя намѣренія, три сосѣднихъ двора сохраняли за собой право ввести такого рода управленіе перевозами на счетъ города, которое бы прекратило всякаго рода злоупотребленія въ этомъ дѣлѣ. Для болѣе точнаго опредѣленія границъ Краковской области рѣшено было назначить смѣшанную комиссію изъ равнаго числа комиссаровъ и инженеровъ, чтобы провести пограничную черту, поставить столбы и составить карту съ описаніемъ мѣстности, дабы потомъ ни въ какомъ случаѣ не могло быть ни затрудненій, ни сомнѣній по поводу границъ. Столбы, которые должны были обозначать границы Кракова, рѣшено было перенумеровать и отмѣтить знаками пограничныхъ государствъ и вольнаго города. Такъ какъ австрійская граница, сопредѣльная съ краковскою, образовывалась теченіемъ Вислы, то соотвѣтственные столбы признано было нужнымъ поставить на правомъ берегу рѣки; районъ же, обнимающій подгорьевскую территорію, объявленную свободною для торговли, предположено было обозначить особенными столбами съ знаками Австріи и надписью: «Wolny okrag dla handlu».

Что касается политическаго положенія Кракова и его территорій, то покровительствующіе дворы обязывались оказывать уваженіе къ ихъ нейтральности и взаимно поддерживать ее во всякое время; такъ что никакая вооруженная сила никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не могла быть введена въ эту область.

Взамѣнъ того, было рѣшительно выражено, что ни въ самомъ городѣ, ни въ его территоріи не могло быть даваемо убѣжище или оказываемо покровительство бѣглецамъ, дезертирамъ и вообще людямъ, укрывающимся отъ преслѣдованія законовъ, къ какой бы изъ договаривающихся державъ они ни принадлежали, и въ случаѣ требованія выдать ихъ, которое могло бы послѣдовать отъ надлежащихъ властей, такія лица должны были быть задерживаемы безъ проводочки и препровождаемы подъ пристойнымъ прикрытіемъ до стражи, которой поручено будетъ принять ихъ на границѣ. Подписавъ конституцію Кракова, три сосѣднія державы оставили за собою право назначить каждая по одному комиссару отъ себя, которые должны дѣйствовать совмѣстно съ временнымъ мѣстнымъ комитетомъ, составленнымъ изъ лицъ, взятыхъ преимущественно изъ среды людей должностныхъ, или пользующихся установившеюся репутаціей. Для сей цѣли каждая изъ трехъ державъ намѣревалась выбрать своего кандидата въ одномъ изъ трехъ сословій, или шляхетскомъ, или духовномъ, или городскомъ. Предсѣдательство въ этомъ комитетѣ должно было принадлежать въ теченіи недѣли поочередно одному изъ комиссаровъ трехъ державъ; жребій долженъ былъ указать первую очередь, и каждый президентъ могъ пользоваться всѣми правами и преимуществами, связанными съ этимъ званіемъ. Комитетъ этотъ обязанъ былъ заняться развитіемъ конституціонныхъ основаній по всѣмъ вопросамъ и дать имъ соотвѣтственное толкованіе. Равнымъ образомъ онъ же обязанъ былъ произвести первое назначеніе должностныхъ лицъ изъ числа тѣхъ, которые не были назначены въ сенатъ высокими договаривающимися державами, сохранившими на сей разъ за собою право избранія нѣсколькихъ извѣстныхъ лицъ. Комитетъ долженъ былъ также ввести новое правительство вольнаго города Кракова и его округа въ предназначенный для него кругъ дѣйствій, ознакомившись предварительно съ состояніемъ дѣйствовавшей до тѣхъ поръ администраціи, и уполномочивался произвести въ ней всѣ перемѣны, какія можетъ потребовать общественная польза.

Въ договорѣ, подписанномъ тремя державами, сказано было, что конституція Кракова не предоставляетъ ему права учредить свои таможи, но признаетъ за нимъ право сбора у

за перевозки. Чтобы установить однообразныя правил сборовъ, которые должны быть соотвѣтственны съ изде содержаніе мостовъ и паромовъ, признано было неос составить неизмѣнный и общій тарифъ, поручивъ это дѣ помянутой комиссіи; тарифъ этотъ долженъ былъ касаться

перевозимыхъ тяжестей, животныхъ, употребляемыхъ для перевозки, и скота, но не людей, исключая того времени, когда переходъ надо совершать на судахъ. Конторы для взиманія этихъ пошлинъ имѣли быть устроены на лѣвомъ берегу Вислы. Та же коммиссія должна была представить основанія для опредѣленія денежнаго курса. Всѣ права, обязанности и преимущества, признанныя тремя сосѣдними державами въ ихъ прежнихъ договорахъ за смѣшанными подданными (т.-е. владѣвшими имуществомъ въ земляхъ всѣхъ трехъ раздѣловъ, или какихъ-либо двухъ изъ нихъ), условія касательно амнистїи и свободы торговли и рѣчного плаванія, признаны были относящимися и къ вольному городу Кракову съ его территорїей. Кромѣ того, чтобы облегчить снабженіе краковской территорїи жизненными припасами, покровительствующія державы согласились допустить свободный ввозъ и вывозъ въ Краковъ топлива и всѣхъ предметовъ первой необходимости во всеневномъ употребленіи. Краковъ сохранялъ за собою и своей территорїей почтовые привилегїи; но каждой изъ трехъ державъ предоставлена была свобода имѣть на свой счетъ или собственную почтовую контору въ вольномъ городѣ, для пересылки получаемыхъ изъ ея земель и посылавшихся туда писемъ, или держать при краковской почтовой конторѣ своего особаго секретаря для таковой цѣли. Что касается платы за пересылку писемъ, назначаемыхъ какъ для внутренней доставки, такъ и заграничной, то опредѣлить ее поручено было той же временной коммиссіи, о которой говорено выше. Она же должна была опредѣлить въ земляхъ церковныхъ и фискальныхъ права собственности и повинности крестьянъ способомъ наиболѣе выгоднымъ для улучшенія ихъ быта.

Далѣе, въ излагаемомъ нами договорѣ помянуто было, что всѣ національныя имущества Варшавскаго герцогства, какія бы ни нашлись въ области Кракова, должны быть считаемы на будущее время его государственными имуществами, образуя одинъ изъ его финансовыхъ фондовъ, а доходы съ нихъ должны быть опредѣляемы на содержаніе академіи и другихъ литературныхъ учрежденій, особенно же на увеличеніе средствъ для народнаго просвѣщенія. Сборы же у заставъ и на мостахъ были предназначены, по самому ихъ свойству, для поддержки мостовъ и общественныхъ дорогъ какъ въ самомъ вольномъ городѣ, такъ и въ его округѣ. Администрація будетъ отвѣтственна за эту часть общественнаго управленія, столь необходимую въ торговыхъ сношеніяхъ. Употребленіе доходовъ Кракова должно быть таково, что остатки отъ издержекъ на управленіе должны быть употреб-

ляемы на предметы, входящіе въ кругъ народнаго образованія; почему Краковъ не можетъ быть обязываемъ къ участію въ уплатѣ долговъ Варшавскаго герцогства, и, взявъ того, не можетъ пользоваться возвратными суммами, какія могли бы поступить въ пользу того же герцогства. Жителямъ краковской области предоставлялось ликвидировать ихъ частныя претензіи при содѣйствіи комиссіи, которой поручено будетъ произвести такіе расчеты.

Касательно краковской академіи выговорено было условіе, что она сохраняетъ свои привилегіи и право собственности надъ зданіями и библіотекой, отъ нея зависящими, равно какъ надъ принадлежащими ей землями и капиталами, внесенными въ ипотеку. Жителямъ пограничныхъ съ Краковомъ польскихъ провинцій разрѣшено было вступать въ эту академію для высшаго образованія, если только она приметъ развитіе, согласное съ ожиданіями каждой изъ трехъ покровительствующихъ державъ.

Касательно церковныхъ дѣлъ Кракова договоръ постановляетъ, что епископская кафедра съ ея капитуломъ, равно какъ приходское и монашеское духовенство сохраняютъ свое положеніе; фонды, дотации, недвижимыя имущества, постоянные доходы и временныя полученія, составляющія ихъ собственность, сохраняются за ними. Однакожъ сенатъ можетъ предлагать на утвержденіе сейма иной способъ употребленія церковныхъ доходовъ, отличный отъ того, который можетъ установиться, если будетъ доказано, что дѣйствительное употребленіе доходовъ не согласно съ намѣреніями лицъ, основавшихъ фонды, особенно въ случаяхъ, касающихся народнаго просвѣщенія и бѣдственнаго положенія низшихъ классовъ духовенства. Но всякая перемѣна въ этомъ смыслѣ должна пройти чрезъ тѣ же самыя формальности, какъ и принятіе каждаго государственнаго закона. Такъ какъ церковная юрисдикція краковской діоцезіи не простиралась на австрійскую и прусскую территоріи, то право назначенія краковского епископа предоставлено было непосредственно императору всероссійскому, который могъ произвести первое назначеніе по собственному выбору; а потомъ капитулъ и сенатъ будутъ представлять каждый двухъ кандидатовъ, изъ коихъ его величество и выберетъ новаго епископа.

Одинъ экземпляръ какъ изложеннаго нами договора, такъ и приложенной къ нему конституціи, смѣшанная временная комиссія должна была положить торжественно въ краковскіе архивы. Изъ всего содержанія этого договора видно, что онъ былъ направленъ къ опредѣленію границъ краковской области, полити-

ческихъ правъ и обязанностей самого вольнаго города, правъ и обязанностей покровительствующихъ ему державъ; затѣмъ касался краковскихъ имуществъ, употребленія доходовъ, церковнаго устройства, и указывалъ на способъ введенія новой конституціи и администраціи, назначивъ исполнительницей этого дѣла временную смѣшанную комиссію изъ комиссаровъ трехъ покровительствующихъ державъ и выбранныхъ тѣми же державами гражданъ Кракова. Устроивъ правительство Краковской республики, комиссія должна была потомъ разработать и примѣнить къ дѣлу тѣ основанія, которыя заключались въ конституціи, приложенной къ договору. Конституція эта, тоже данная тремя сосѣдними державами, состояла изъ двадцати-двухъ статей, разсуждавшихъ о церкви, сенатѣ, палатѣ представителей или сеймѣ, апелляціонномъ судѣ и охраненіи внутренняго спокойствія въ краковской территоріи.

Католическая религія признавалась конституціею государственной религіей Краковской республики; но и остальные христіанскія исповѣданія пользовались свободой и такими же общественными правами, какъ католицизмъ. Предъ закономъ всѣ граждане, безъ различія исповѣданія, объявлены были равноправными и пользующимися одинаковымъ покровительствомъ. Главнымъ правительственнымъ мѣстомъ вольнаго города названъ былъ сенатъ, состоявшій изъ двѣнадцати членовъ и одного президента: девять сенаторовъ, въ томъ числѣ и президентъ, избирались собраніемъ представителей; четыре остальные капитуломъ и академіей, отъ каждаго по два; шесть сенаторовъ должны были быть пожизненными. Президентъ сената оставался при своихъ обязанностяхъ въ теченіи трехъ лѣтъ, но онъ могъ быть и вновь избираемъ: изъ этого условія вытекало само собой, что президентъ могъ быть избираемъ только изъ пожизненныхъ членовъ сената. Изъ остальныхъ сенаторовъ половина должна была каждый годъ выходить изъ сената, чтобы предоставить мѣсто новоизбраннымъ; возрастъ долженъ былъ указать тѣхъ трехъ сенаторовъ, которымъ слѣдовало оставить свои мѣста въ концѣ перваго истекающаго года, то-есть наиболѣе молодые должны были выдти первыми. Что касается четырехъ сенаторовъ отъ капитула и академіи, то двое изъ нихъ были пожизненными, двое другихъ были замѣняемы ежегодно.

Правомъ политическихъ выборовъ могли пользоваться въ Краковѣ члены приходскаго духовенства и университета, затѣмъ владельцы земель, домовъ и всякой другой собственности, если они платили 50 польскихъ злотыхъ податей, владельцы фабрикъ или мануфактуръ, крупные торговцы и члены биржи, артисты, извѣст-

ные своими художественными произведеніями, и профессора школъ, всѣ съ того времени, когда имъ минетъ 30 лѣтъ. Они же могли быть и избираемы, если удовлетворяли всѣмъ другимъ требованіямъ закона. Изъ этой-то среды преимущественно сенатъ могъ набирать членовъ краковской администраціи, которыхъ онъ могъ удалять изъ службы по своему усмотрѣнію. Онъ же раздавалъ всѣ церковныя бенефиціи, принадлежавшія государству, за исключеніемъ четырехъ мѣстъ въ капитулѣ, которыя сохранены были для докторовъ, коихъ назначала академія, а сенатъ только утверждалъ. Въ политическомъ и административномъ отношеніи краковская территорія была раздѣлена на городскія и сельскія общины: каждая изъ первыхъ должна была имѣть, если позволили мѣстныя обстоятельства, не менѣе двухъ тысячъ жителей, каждая изъ вторыхъ не менѣе трехъ тысячъ съ половиной. Каждая община могла имѣть своего мэра, свободно избираемаго и обязаннаго исполнять правительственныя предписанія; сельскія общины могли имѣть еще нѣсколько помощниковъ мэра, если того требовали обстоятельства.

Кругъ дѣятельности и составъ собранія народныхъ представителей опредѣлены были такимъ образомъ. Каждый годъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, созывалось это собраніе, засѣданія котораго не могли продолжаться болѣе четырехъ недѣль. Собраніе принадлежало всѣмъ преимуществамъ законодательной власти; оно разсматривало ежегодные отчеты всей администраціи и устанавливало каждый годъ бюджетъ. Оно избирало членовъ сената, на основаніи особаго органическаго закона, изданнаго для сей цѣли; оно же избирало судей. Оно имѣло право обвинять предъ высшимъ судилищемъ тѣхъ изъ занимавшихъ общественныя должности, каковы бы онѣ ни были, которые будутъ заподозрѣны во взяточничествѣ, подкупахъ и другихъ злоупотребленіяхъ по службѣ; но для принятія обвинительнаго акта необходимо, чтобы въ пользу его высказались двѣ-третьи голосовъ, присутствовавшихъ въ собраніи. Самое собраніе представителей должно было состоять: изъ депутатовъ отъ общинъ, по одному отъ каждой, изъ трехъ членовъ отъ сената, трехъ прелатовъ отъ капитула, трехъ докторовъ отъ университета и шести чиновниковъ изъ такъ-называемыхъ совѣтниковъ поочередно, съ голосомъ совѣщательнымъ. Президентомъ собранія могъ быть избранъ только одинъ изъ делегатовъ сената. Никакой законопроектъ, стремящійся ввести какую-либо перемѣну въ существующихъ уставахъ, не могъ быть предложенъ собранію представителей, если предварительно не былъ сообщенъ

сенату, и если послѣдній не допустилъ его большинствомъ голосовъ къ прочтенію предъ собраніемъ. Кромѣ того, конституція поручала собранію представителей заняться изданіемъ гражданскаго и уголовнаго кодексовъ и опредѣленіемъ формы судопроизводства. Для сей цѣли оно должно было безотлагательно назначить комитетъ для приготовительныхъ работъ, причемъ рекомендовалось оказывать надлежащее вниманіе справедливымъ требованіямъ мѣстныхъ условій и привычекъ населенія. Два сенатора должны были участвовать въ работахъ этого комитета. Еслибъ какой-либо законопроектъ не собралъ въ свою пользу $\frac{7}{8}$ присутствовавшихъ въ собраніи представителей, а сенатъ призналъ бы большинствомъ девяти голосовъ, что общественное благо требуетъ допустить его къ новому обсужденію въ законодательномъ собраніи, проектъ надо было представить на таковое обсужденіе въ будущемъ году. Если новый законъ будетъ касаться финансовъ, то прежній законъ остается въ дѣйствіи до введенія новаго. Наконецъ, собраніе представителей должно было назначать одного совѣтника для каждого округа, имѣющаго не менѣе 6,000 душъ, и служба такого чиновника могла продолжаться три года. Кромѣ совѣщательной обязанности предъ правительствомъ и на сеймѣ, такіе чиновники должны были имѣть надзоръ за горнымъ дѣломъ и вести процессы по дѣламъ государственныхъ или общественныхъ фондовъ и имуществъ. По своей послѣдней обязанности, совѣтники поставлены были въ постоянныя, непосредственныя сношенія съ младшимъ сенаторомъ, которому специально ввѣрялись заботы о горномъ дѣлѣ и государственныхъ имуществвахъ.

Главными органами судебнаго вѣдомства въ Краковѣ конституція признавала судъ первой инстанціи и судъ апелляціонный. Трое судей въ первомъ и четверо во второмъ, считая тутъ же и председателей ихъ, предполагались пожизненными; другіе судьи, приданные на помощь названнымъ инстанціямъ въ достаточномъ числѣ, смотря по мѣстнымъ потребностямъ, зависѣли отъ свободнаго избранія общины и отправляли свои обязанности въ промежутки времени, опредѣленные органическими законами. Помянутые два суда должны были разбирать всѣ процессы, безъ различія ихъ свойствъ и качествъ судившихся. Если приговоры обѣихъ инстанцій были согласны въ своемъ окончательномъ рѣшеніи, то дальнѣйшей апелляціи быть не могло. Если же ихъ приговоры были не согласны по существу, или если академія, по предварительномъ разсмотрѣніи всѣхъ актовъ процесса, находила, что

произошло нарушение предписаній закона или существенныхъ формальностей процедуры какъ въ дѣлахъ гражданскихъ, такъ и въ подлежащихъ уголовному или исправительному наказанію, то дѣло еще разъ поступало въ апелляціонный судъ; но въ этомъ случаѣ обыкновенный составъ суда увеличивался всѣми совѣщательными судьями города и четырьмя лицами, избранными изъ гражданъ тяжущимися сторонами по ихъ собственной волѣ. Для постановленія рѣшенія считалось необходимымъ присутствіе трехъ судей въ первой инстанціи, пяти во второй и семи въ послѣдней. Специальный высшій судъ, разсматривавшій обвиненіе должностныхъ лицъ собраніемъ народныхъ представителей, долженъ былъ состоять: изъ пяти представителей, избранныхъ по жребію; трехъ членовъ, назначенныхъ отъ сената; предсѣдателя двухъ поименованныхъ выше судовъ; четырехъ совѣтниковъ, въ вѣдомству которыхъ разсматриваемое дѣло имѣло близкія отношенія; трехъ гражданъ, избранныхъ самимъ обвинявшимся чиновникомъ. Присутствіе девяти членовъ этого судилища считалось достаточнымъ для объявленія приговора. Судопроизводство было публичное какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ процессахъ. Кромѣ того, предположено было ввести въ процессы, и прежде всего въ строго уголовные, участіе присяжныхъ, опредѣляя ихъ составъ сообразно съ мѣстными условіями, образованіемъ и характеромъ жителей. Члены судебного вѣдомства считались независимыми.

Не опредѣляя въ точности условій для избранія членовъ въ сенатъ, суды и собраніе представителей на первые шесть лѣтъ самостоятельнаго существованія Кракова, конституція предписывала, по истеченіи сего срока, слѣдующія условія: для избранія сенаторовъ собраніемъ представителей надо было имѣть не менѣе 35 лѣтъ, окончить полный курсъ въ одной изъ академій, существовавшихъ на пространствѣ прежняго польскаго королевства, исполнять обязанности мэра въ теченіи двухъ лѣтъ, обязанности судьи въ продолженіи такого же времени и народнаго представителя въ теченіи двухъ сессій; имѣть недвижимую собственность, обложенную 150 польскими золотыми поземельной подати и приобрѣтенную за годъ до избранія. Условіями для избранія въ суды, по истеченіи шестилѣтняго срока послѣ обнародованія конституціи, признаны были слѣдующія: 30-лѣтній возрастъ, окончаніе полного курса въ одной изъ вышепомянутыхъ академій и приобрѣтеніи степени доктора; годичныя занятія при одномъ изъ судебныхъ слѣдователей и такія же занятія при одномъ изъ адвокатовъ; въ

не недвижимую собственностью, стоимостью въ 8,000 польскихъ злотыхъ, приобретенною за годъ до избранія. Кроме того, чтобы быть членомъ суда второй инстанціи или председателемъ городского-либо изъ судовъ, необходимо было удовлетворить еще двумъ условіямъ: надо было прослужить два года судьей первой инстанціи, или совѣщательнымъ чиновникомъ, и быть хоть однажды народнымъ представителемъ. Чтобы быть избраннымъ въ представители общины, необходимо было: имѣть 26 лѣтъ, окончить полный курсъ въ краковской академіи и владѣть недвижимою собственностью, стоившею 80 польскихъ злотыхъ и приобретенною за годъ до избранія.

Въ трехъ послѣднихъ статьяхъ конституціи сказано было, что всѣ акты правительственные, законодательные и судебные должны быть ведены и издаваемы на польскомъ языкѣ; что доходы и расходы академіи должны составлять часть общаго бюджета вольнаго города Кракова и его округа; что обязанности охраненія внутренней безопасности и полицейскія должны быть исполняемы однимъ изъ отрядовъ городской милиціи, призываемымъ въ службу поочереды и управляемымъ армейскимъ офицеромъ, который служилъ съ отличіемъ и получилъ увольненіе съ одобрительнымъ аттестатомъ; кроме того, признавалось нужнымъ имѣть достаточное число вооруженныхъ жандармовъ для обезпеченія безопасности на дорогахъ и въ селеніяхъ. Таковы были существенныя основанія, предложенныя тремя покровительствующими державами для внутренней жизни Кракова. Его независимость и нейтральность, опредѣленіе границъ, право свободной торговли въ территоріи Подгорьевской, обязательство покровительствующихъ державъ уважать нейтралитетъ Кракова, который съ своей стороны долженъ выдавать укрывающихся въ его области бѣглецовъ и преступниковъ, дальнѣйшая разработка конституціи смѣшанною комиссіей, права академіи, епископской кафедръ и капитула, — всѣ эти условія, значившіяся въ дополнительномъ договорѣ, заключенномъ между Австріей, Пруссіей и Россіей, внесены были и въ заключительный актъ вѣнскаго конгресса, чрезъ что получили общее значеніе для европейской дипломатіи.

Въ сентябрѣ прибыли въ Краковъ комиссары трехъ покровительствующихъ державъ, имѣвшіе титулъ резидентовъ: графъ Іосифъ Сюртсъ-Споркъ отъ Австріи, баронъ Вильгельмъ Рейбницъ отъ Пруссіи, и Игнатій Міончинскій отъ Россіи. 30-го сентября (12 октября) 1815 года они издали прокламацію въ жители Кракова и его области, въ которой извѣщали ихъ, что

отырывають свою дѣятельность, имѣющую цѣлю устроить временное правительство для Краковской области и смѣшанную комиссію для разработки конституціи. Въ прокламаціи было между прочимъ сказано: «либеральная конституція отвѣчаетъ вашему народному характеру; этотъ великолѣпный памятникъ великодушій и заботливости трехъ государей обезпечиваетъ навсегда счастье каждаго изъ васъ... Вы будете пользоваться отнынѣ полнымъ преуспѣяніемъ, посвящая себя наукамъ, искусствамъ и торговлѣ... Мы счастливы выпавшею на нашу долю честію, позволяющею намъ направлять ваши шаги къ великой цѣли, указанной тремя монархами. Съ своей стороны, мы положительно обѣщаемъ исполнять въ точности и ревностно ихъ великодушныя намѣренія; надѣемся, что и граждане сего свободнаго края съумѣютъ достойно оцѣнить дарованныя имъ блага и будутъ содѣйствовать нашимъ работамъ съ безграничнымъ довѣріемъ». 6-го октября обнародована была конституція. Затѣмъ составленъ сенатъ, объявившій 8-го (20-го) ноября, что онъ приступаетъ къ своимъ обязанностямъ. «Единственною цѣлюю всѣхъ усилій сената», сказано было въ его прокламаціи къ гражданамъ, «будетъ ваше преуспѣяніе. Но какъ, съ одной стороны, счастье всякаго общества покоится на справедливости и умѣренности правительства, такъ, съ другой—последнее имѣетъ право взывать къ полному повиновенію управляемыхъ. Сенатъ, обѣщая вамъ выполнить свои правительственныя обязанности, имѣетъ право надѣяться, что вы исполните ваши... Свободенъ тотъ, кто, подъ покровомъ общаго публичнаго права, отправляетъ свои частныя обязанности. Независимъ тотъ, кто, подъ покровомъ конституціи и ея духа, дѣйствуетъ въ политикѣ мудро и благоразумно. На такихъ только основаніяхъ покоятся свобода и преуспѣяніе народа». Прокламація была подписана президентомъ сената, Станиславомъ Водзицкимъ, и главнымъ секретаремъ, Іакинфомъ Мерошевскимъ.

VI.

Участіе Адама Чарторыйскаго въ указаніи основъ для краковской конституціи. — Стратегическое значеніе Кракова и его географическая связь съ Галиціей. — Необходимость для Австріи имѣть вліяніе на вольный городъ и держать его въ подчиненіи. — Какъ понимался тогда титулъ: «вольный городъ». — Организационная коммиссія изъ резидентовъ трехъ покровительствующихъ державъ. — Составленные ею статуты для разныхъ отраслей администраціи. — Отступленія этихъ уставовъ отъ первоначальныхъ основъ конституціи. — Вопросы о взаимномъ отношеніи властей законодательной, судебной и исполнительной; о свободной торговлѣ и объ устройствѣ академій. — Разъясненія нѣкоторыхъ вопросовъ тремя покровительствующими дворами. — Ограниченія торговыхъ правъ Кракова Австріей. — Вопросъ объ имуществѣ Ягеллонской академій. — Вліяніе Пруссіи въ этомъ дѣлѣ. — Затруднительное положеніе сената по отношенію къ правамъ.

Конституція Кракова, или, лучше сказать, конституціонныя основанія, предложенныя тремя державами для государственнаго уложенія этого вольнаго города, составленіемъ котораго должна была заняться смѣшанная коммиссія изъ трехъ комиссаровъ и стороннихъ лицъ, приглашенныхъ тѣми же державами, вышла изъ-подъ пера князя Адама Чарторыйскаго. Она, какъ мы видѣли, создавала краковское правительство на довольно либеральныхъ и даже демократическихъ началахъ. Управление всѣми дѣлами вольнаго города и его округа передано было въ руки трехъ властей: законодательной, исполнительной и судебной. Первая, то-есть палата представителей или сеймъ, имѣла всѣ права высшаго контроля надъ исполненіемъ законовъ, разсмотрѣнія отчетовъ по всѣмъ отраслямъ управленія, назначенія сенаторовъ и чиновниковъ, возможности обвинять ихъ и предавать суду, наконецъ, исключительное право устанавливать бюджетъ. Сенатъ, или исполнительная власть, завѣдывалъ всею администраціей, полиціей, вооруженною силой, и одинъ имѣлъ право предлагать законопроекты. Судебная власть составлена была изъ несмѣняемыхъ чиновниковъ, рѣшавшихъ гражданскія и уголовныя дѣла окончательно и подвергавшихся обвиненію только чрезъ палату народныхъ представителей и удаленію изъ службы по рѣшенію спеціального суда. Публичность судебныхъ и сеймовыхъ преній, введеніе института присяжныхъ при обсужденіи уголовныхъ дѣлъ, особенныя права и преимущества академій, обезпечивавшія вмѣстѣ съ тѣмъ и свободу печати, были ясно выражены въ этой конституціи и восполняли систему ручательства, дарованныхъ тремя покровительствующими державами населенію новаго государства.

Такое политическое устройство, столь исключительное въ небольшой землицѣ, окруженной тремя сильными монархіями, можетъ быть объяснено отчасти духомъ времени, отчасти личными устремленіями Чарторыйскаго и нѣкоторою склонностью къ нимъ Александра I. Борьба монархической Европы противъ началъ завоеванныхъ французской революціей и давшихъ сильную поддержку Наполеоновскимъ завоеваніямъ, продолжавшаяся четверть вѣка, мало по-малу должна была сблизить побѣдителей, торжествовавшихъ надъ революціей и выдвинутымъ ею диктаторомъ, съ тѣми идеями, противъ которыхъ они сражались. Распорядители новыхъ судебъ Европы, союзные вожди, обнаружили на вѣнскомъ конгрессѣ невольную терпимость къ болѣе или менѣе либеральнымъ учрежденіямъ повсюду, гдѣ послѣднія не нарушали видимо ихъ прямыхъ интересовъ; такъ признана была конституціонная хартия возстановленной французской монархіи, признано было республиканское устройство Швейцаріи. Но, помимо этихъ общихъ уступокъ со стороны союзниковъ, сражавшихся съ Наполеономъ, влияние императора Александра и его бывшаго министра на исключительное устройство польскихъ дѣлъ было несомнѣнно. Только благодаря настояніямъ и волѣ Александра I, было обѣщано національное управленіе австро-польскимъ и прусско-польскимъ землямъ, и затѣмъ дана конституція польскому королевству, хотя ни первое, ни послѣдняя, подобно новому устройству германскаго союза, не были обезпечены ручательствомъ всѣхъ участвовавшихъ въ конгрессѣ державъ, между тѣмъ какъ конституціонное устройство Кракова было принято подъ ихъ общее покровительство. Устроивъ такимъ образомъ судьбу Кракова, конгрессъ довѣрилъ введеніе этого новаго политическаго организма въ общую европейскую жизнь Австріи, Пруссіи и Россіи, которыя были названы «высокими покровительствующими дворами». Но значеніе такого титула могло быть толкуемо различно: конгрессъ могъ разумѣть подъ покровительствомъ ручательство за, независимое и нейтральное существованіе Кракова; но временныя обстоятельства и общія требованія могли превратить покровительство въ опеку. Такимъ образомъ, дальнѣйшая судьба Кракова могла зависѣть не отъ однихъ только конституціонныхъ основъ, данныхъ его жизни, не отъ однихъ только мѣстныхъ интересовъ и случайностей, но и отъ воли покровительствующихъ ему дворовъ и даже отъ отдѣльныхъ требованій каждаго изъ нихъ. Постояннаго и твердаго соглашенія между всѣми этими элементами политическаго существованія Краковской республики ожидать было трудно; но разногласіе могло быть не только между краковскими властями

и покровительствующими дворами, но и между самими послѣдними.

Общественное мнѣніе Европы въ ту эпоху, о которой идетъ у насъ рѣчь, считало образованіе изъ Краковской области особаго политическаго организма дѣломъ личнаго каприза императора Александра, направленнаго притомъ противъ Австріи. Дѣйствительно, по раздѣленіи земель Варшавскаго герцогства между Австріей, Пруссіей и польскимъ королевствомъ, соединенномъ съ русской имперіей, австрійская часть была не только менѣе доставшейся ей въ 1795 году по третьему раздѣлу, но и находилась въ условіяхъ крайне неблагоприятныхъ въ стратегическомъ отношеніи. Россія господствовала надъ обоими берегами Вислы, тогда какъ Австрія лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ соприкасалась съ правымъ берегомъ этой рѣки и имѣла открытыя границы противъ Россіи отъ Радомысля до Черновицъ, на протяженіи почти тысячи верстъ. Это различіе въ свойствахъ границъ позволяло Россіи, въ случаѣ войны, перенести свое оружіе чрезъ польское королевство въ нѣсколько переходовъ внутрь австрійской Силезіи, между тѣмъ какъ Австріи надо было предпринимать цѣлую кампанію, чтобы занять берега Вислы или Буга, представлявшіе довольно выгодныя условія для защиты. Вотъ почему Австрія такъ упорно сопротивлялась включенію Кракова въ составъ польскаго королевства, и когда Александръ I согласился преобразовать его въ вольный и нейтральный городъ, отказывалась присоединить Подгорье къ краковской территоріи, чего требовалъ Александръ. Наконецъ, послѣ бѣгства Наполеона съ острова Эльбы она рѣшилась признать Подгорье въ качествѣ района, открытаго для свободной торговли и не занятаго ея войсками; но зато выговорила другое условіе, по которому польскорусскія войска не могли располагаться въ мѣстностяхъ, отстоявшихъ отъ Кракова ближе 14 миль. Такимъ образомъ, отдѣльное существованіе вольнаго города Кракова съ одной стороны ослабляло австрійскую Галицію, лишая ее сильнаго опорнаго пункта на лѣвомъ берегу Вислы, съ другой—Краковъ, занимая перекрестные пути между провинціями трехъ сосѣднихъ державъ, могъ угрожать торговлѣ самой Австріи, лишенной другихъ сношеній съ Балтійскимъ моремъ, которое оставалось открытымъ и для Пруссіи и для Россіи. Вотъ почему Австрія должна была воспользоваться своимъ правомъ покровительницы, чтобы, водворивъ свое вліяніе въ Краковѣ, осилить тѣ выгоды, которыя его свободная и нейтральная территорія могла доставлять русско-польскимъ провинціямъ. Она могла держать Краковъ въ постоянномъ

страхъ за свободу торговли; стѣснять краковскую академію въ доходахъ съ тѣхъ имуществъ, которыя принадлежали послѣдней; но находились въ Галиціи; съ другой стороны, она могла требовать отъ Россіи, чтобъ ея войска не только не вступали въ Краковъ для временнаго занятія, но и не приближались къ его обложу на извѣстное разстояніе. Какъ увидимъ въ послѣдствіи, у Австріи было много средствъ и держать въ подчиненіи себя самой Краковъ, и подрывать вліяніе Россіи на его внутреннія дѣла. Словомъ, отношенія Австріи къ вольному городу Кракову были таковы, что она должна была пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы обратить его изъ города вольнаго въ австрійскій. Самое значеніе титула, даннаго Кракову: «вольный городъ», могло быть толкуемо двояко. Въ германскомъ союзѣ было нѣсколько вольныхъ городовъ, называвшихся въ старину имперскими вольными городами, сохранившихъ и послѣ вѣнскаго конгресса свою независимую территорию и свои верховныя права надъ нею, и бывшихъ столь же равноправными и не нуждавшимися ни въ чьемъ покровительствѣ членами германскаго союза, какъ остальные нѣмецкіе государи и владѣтельные князья. Вольный же городъ Краковъ находился подъ покровительствомъ трехъ государей, даровавшихъ ему конституцію и принявшихъ на себя первоначальныя заботы объ его внутреннемъ устройствѣ. Подобныхъ вольныхъ городовъ было не мало въ имперіи Габсбурговъ, особенно въ венгерскихъ земляхъ: эти города пользовались полною автономіей во внутреннихъ дѣлахъ своихъ, не зависѣли отъ комитатскихъ властей, высылали своихъ депутатовъ на государственныя сеймы и находились подъ непосредственнымъ покровительствомъ своего короля и императора. Краковъ, по своему политическому положенію, занималъ среднее мѣсто между такими австрійскими городами и вольными городами германскаго союза. Такимъ образомъ, Краковъ съ первой же минуты своего отдѣльнаго существованія сталъ, и въ силу вѣнскихъ договоровъ, и въ силу исключительнаго положенія своего между тремя державами, въ нѣкоторую зависимость отъ каждой изъ нихъ. Приметь его жизнь и жизнь польскихъ земель, присоединенныхъ къ покровительствующимъ Кракову державамъ, спокойное теченіе, зато собственные интересы этихъ державъ могутъ придти по причинамъ, вовсе не касающимся Кракова, въ столкновеніе между собой, которое не замедлитъ отравиться и на немъ; приметь польскій вопросъ направление, опасное для сосѣдей Кракова, и увлечь его въ общее національное дѣло, судьбы Кракова отданы будутъ на волю покровительствующихъ державъ, причемъ наиболѣе выгоды постарается изъ-

злечь та изъ нихъ, интересы которой тѣснѣе связаны съ вопросомъ объ обладаніи этимъ городомъ. Вотъ то положеніе, въ которомъ очутился Краковъ въ силу своихъ привилегій, данныхъ ему вѣнскимъ конгрессомъ.

Первымъ дѣломъ трехъ покровительствующихъ державъ, какъ мы уже видѣли, было назначеніе, согласно восьмому условію ихъ взаимнаго договора, смѣшанной комиссіи для введенія въ краковскомъ округѣ новыхъ формъ жизни, устройства на этотъ только разъ его администраціи и принятія всѣхъ мѣръ, какихъ могло потребовать общее благо самого Кракова и его покровителей. Въ комиссію зачислено было и нѣсколько мѣстныхъ жителей, извѣстныхъ тремъ державамъ; изъ нихъ чаще всего встрѣчаются подписавшимися подъ сообщеніями, которыя посылались краковскому сенату, Ланцуцкій, Барчъ и Доровскій, секретарь комиссіи. Главною обязанностью этой организаціонной комиссіи было составленіе устава для Кракова на основаніи тѣхъ началъ, которыя внесены были въ предварительную его конституцію. Комиссія занималась этимъ дѣломъ въ теченіи трехъ лѣтъ и написала уложеніе, состоявшее изъ многочисленныхъ статей. Въ немъ подробно были разработаны тѣ вопросы, на которые въ конституціи только указывалось. Важнѣйшими изъ нихъ были: вопросъ о взаимномъ отношеніи властей законодательной, исполнительной и судебной, вопросъ о свободной торговлѣ, объ устройствѣ академіи или университета. Намъ нѣтъ надобности излагать здѣсь вполнѣ уставъ Краковской республики, во многомъ сходный уже съ приведенными нами статьями договора 3-го мая и конституціи. Въ немъ есть много статей, или содѣйствовавшихъ улучшенію социальныхъ и общественныхъ отношеній,—таковы статьи, касавшіяся селянъ и евреевъ, или содѣйствовавшихъ частному благосостоянію отдельныхъ лицъ—таковы статьи о судопроизводствѣ, о мировыхъ судьяхъ, объ ограниченіи права предварительнаго ареста при началѣ слѣдствій. Объ этихъ частяхъ устава мы скажемъ на своемъ мѣстѣ; теперь же займемся нѣкоторыми отступленіями устава отъ началъ, внесенныхъ въ договоръ 3-го мая 1815 года и конституцію, послужившими поводомъ къ неудовольствіямъ для сеймовыхъ партій.

Уставомъ были нѣсколько ограничены права законодательной власти; такъ, § 124 запрещено палатѣ народныхъ представителей измѣнять законопроекты, представленные сенатомъ: она могла только или принять ихъ, или отвергнуть; §§ 127, 128 и 130 не позволяли палатѣ давать силу постановленій предложенныхъ, заявленныхъ ея членами, безъ сенатской инициативы, что

могло повести къ невозможности провѣрять дѣйствія самого сената безъ его предварительнаго согласія. Касательно провѣрки палатою ежегодныхъ отчетовъ администраціи, изъ коей вытекало право заявлять мнѣнія о правильности и неправильности расходованія, и въ крайнемъ случаѣ требовать пополненія фондовъ, неправильно израсходованныхъ администраціей, § 134 устава постановлялъ, что годичные отчеты администраціи представляются палатѣ съ цѣлью убѣдиться, что за отчисленіемъ расходовъ, сдѣланныхъ и признанныхъ сенатомъ, остальные суммы всѣ находятся на лицѣ; а § 135 давалъ такое объясненіе сему правилу: «годичные отчеты, послѣ разсмотрѣнія ихъ палатою, должны быть возвращаемы сенату, вмѣстѣ съ замѣчаніями палаты»; но о послѣдствіяхъ, къ какимъ могли привести эти замѣчанія, не сказано было ни слова. Относительно бюджета, § 117-мъ внесено было желовое толкованіе, давшее въ послѣдствіи пищу для споровъ между сенатомъ и сеймомъ: всѣ государственные доходы отнесены были къ предметамъ законовъ финансовыхъ; такое обозначеніе изымало ихъ изъ непосредственнаго, самостоятельнаго обсужденія палаты представителей, ибо законы подготавливались только сенатомъ. Что касается второй части бюджета, именно расходовъ, то коммиссія вначалѣ не отвергала права палаты провѣрять ихъ; но въ 1816 и 1817 годахъ вопросъ о расходахъ вызвалъ новые споры между сенатомъ и сеймомъ. Сенатъ обратился къ покровительствующимъ державамъ чрезъ организационную коммиссію съ вопросомъ: считать ли бюджетъ, опредѣленный въ первый годъ самою коммиссіей, постояннымъ государственнымъ закономъ, который палата представителей никогда не можетъ измѣнить и на будущее время? Коммиссія пришла въ недоумѣніе. Но вопросъ разрѣшенъ былъ императоромъ Александромъ, къ мнѣнію котораго присоединились Австрія и Пруссія. Въ протоколахъ коммиссіи значится, что въ засѣданіи 9-го (21) мая 1817 года уполномоченный русскаго государя, Мюнчинскій, внесъ заявленіе, въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что конституція предоставляетъ собранію представителей право опредѣлять государственные доходы согласно съ нуждами республики и средствами плательщиковъ податей; что такое право осталось бы привракомъ, если бы было ограничено постояннымъ назначеніемъ возможныхъ доходовъ и запрещеніемъ уменьшать ихъ въ такіе годы, когда удобно будетъ понизить сумму расходовъ; что 10-я статья конституціи признаетъ за собраніемъ представителей всѣ права законодательной власти, и, стало-быть, разрѣшаетъ ей устанавливать равновѣсіе между доходами, расходами и нуждами государства. Коммиссія

сообщила таковую волю покровительствующих государей сенату; но и сенатъ, и комиссія постоянно вызываемы были жалобами различныхъ лицъ, заинтересованныхъ вопросомъ о доходахъ и расходахъ Кракова, въ объясненію различныхъ предположеній и толкованій, какія допускались людьми разныхъ партій относительно бюджета. Увидавъ, что финансовый вопросъ послужить со временемъ главнымъ предметомъ для споровъ между сенатомъ и сеймомъ и для пререканій между разными партіями, комиссія, въ іюлѣ 1818 года, сообщила сенату два доцолнительныхъ распоряженія, которыми отмѣнялись не только права, признанныя конституціей и самимъ уставомъ за собраніемъ народныхъ представителей, но и только-что приведенное повелѣніе русскаго государя, съ коимъ согласились австрійскій императоръ и прусскій король. Первое сообщеніе предписывало дополнить § 130 устава слѣдующими словами: «собраніе представителей и его финансовый комитетъ не могутъ обсуждать иныхъ статей расхода, кромѣ тѣхъ, которыя представлены сенатомъ, ни дозвлять себѣ введенія какой-либо совершенно новой статьи. Каждое противоположное сему постановленіе должно быть разсматриваемо сенатомъ какъ недѣйствительное и какъ - бы не существовавшее». Вторымъ сообщеніемъ разъяснялось, что первый бюджетъ, составленный организаціонною комиссіей, долженъ быть разсматриваемъ, какъ постоянный законъ, который не можетъ быть измѣненъ иначе, какъ конституціоннымъ порядкомъ, то-есть по предложенію сената и съ согласія собранія представителей, иначе говоря, безъ инициативы сената сеймъ не могъ коснуться этого вопроса. Такимъ образомъ, право народныхъ представителей устанавливать бюджетъ было сперва въ половину уменьшено обременіемъ бюджета въ форму финансоваго закона, потомъ еще ослаблено дополнительными объясненіями комиссіи. Право обвиненія должностныхъ лицъ, признанное конституціей за собраніемъ представителей, было искажено внесеніемъ въ уставъ двухъ разнородныхъ по своему смыслу статей: § 139 признавалъ это право безусловно, требуя только для отдачи подъ судъ обвиняемаго чиновника двухъ-третей голосовъ всего собранія; но въ § 157 прибавлено было, что если такого большинства не состоится, то чиновникъ, обвиненіе коего было предложено кѣмъ-либо изъ членовъ собранія, можетъ преслѣдовать обвинителя по суду, какъ клеветника. Такимъ образомъ, несомнѣнное право народныхъ представителей низведено было на степень простого довода; и такъ какъ большинство двухъ-третей, необходимыхъ для отдачи обвиняемаго подъ судъ, трудно было соединить въ такой

маленькой землицѣ, какъ краковская, гдѣ большая часть гражданъ связана была между собою узами родства или матеріальныхъ выгодъ, то § 157 стѣснилъ нѣкоторымъ образомъ членовъ палаты въ пользованіи своимъ правомъ, которое, обѣщая лишь сомнительный успѣхъ для общественныхъ дѣлъ, влекло за собою очевидную опасность для нихъ самихъ. Были и другія статьи устава, уменьшавшія значеніе сеймовой дѣятельности. Сеймъ никогда не могъ вознудиться вопроса объ измѣненіи государственнаго устава; самое изложеніе преній въ его засѣданіяхъ, до своего появленія въ печати, подвергалось цензурѣ сената, одинъ изъ членовъ котораго и безъ того уже былъ предсѣдателемъ сейма.

Подобныя уклоненія устава отъ конституціи, нѣкоторыя ограниченія, предложенныя еще конституціей, но усиленныя комиссіей, и наконецъ позднѣйшія прибавки къ статьямъ устава, находившіяся въ противорѣчій съ ними, были причиной того, что тотчасъ же, по удаленіи изъ Кракова комиссаровъ покровительствующихъ державъ, начались споры и борьба между сенатомъ и собраніемъ представителей. Но духъ партій, потрясенный продолжительными испытаніями въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій, уступалъ нѣкоторое время общему желанію покоя. Зато неудовольствіе могло развиваться отъ другихъ причинъ. Такими причинами были вопросъ о свободной торговлѣ и вопросъ о нравахъ Ягеллонской академіи.

Краковскій округъ обладалъ плодородною почвой, богатыми залежами каменнаго угля, цинка и красиваго мрамора, а также многими другими сырыми произведеніями; которыя при опытной разработкѣ могли дать обильный источникъ для народнаго обогащенія. Самъ Краковъ, расположенный на судоходной рѣкѣ, въ одной изъ выгоднѣйшихъ мѣстностей средней Европы, могъ сдѣлаться важнымъ складочнымъ мѣстомъ для внутренней и внѣшней торговли. Восьмая статья вѣнскаго договора 3-го мая, запродавшая вольному городу устроить таможи, предназначала его сдѣлаться обширнымъ *porto-franco*, раскинутымъ на 19-ти квадратныхъ миляхъ и, по своему географическому положенію, состоявшимъ въ ближайшей связи съ рынками сѣверной и восточной Европы; такъ что онъ, поддерживаемый своими политическими привилегіями, могъ со временемъ войти въ соперничество съ Лейпцигомъ и Франкфуртомъ. Его торговая и мануфактурная дѣятельность, помимо собственныхъ средствъ, должна была поддерживаться производительными силами польскихъ земель, отомкнутыхъ къ Австріи, Пруссіи и Россіи, но сохранившихъ свободный транзитъ между собою и съ Краковомъ, для чего требовалось

лось только точное указаніе назначенія перевозившихся товаровъ. При такихъ условіяхъ едва ли могла поспорить въ то время съ Краковомъ какая-либо другая мѣстность въ Европѣ. Но организаціонная коммиссія оставила почему-то общія выраженія договора 3-го мая о свободной торговлѣ безъ дальнѣйшей разработки. Краковское правительство не было даже увѣдомлено, будетъ ли утреждена какая-либо коммиссія для составленія правилъ, которыми бы со всею точностію опредѣлялись торговыя права вольнаго города. Такимъ образомъ этотъ, самый существенный для жизни Кракова, вопросъ былъ предоставленъ на волю случайностей и частныхъ толкованій пограничныхъ властей. Есть поводъ думать, что виновницей столь неопредѣленнаго положенія торговыхъ правъ Кракова была Австрія. Она и то уже считала крайней ошибкой съ своей стороны, что допустила устроить изъ Подгорья небольшое *porto-franco*, специально предназначенное для Кракова. А потому, даже свободный ввозъ всѣхъ необходимѣйшихъ жизненныхъ припасовъ чрезъ Подгорье въ краковскій округъ, дозволеніе котораго было для нея обязательно, она всячески затрудняла. Между тѣмъ, Краковъ особенно нуждался въ топливѣ, соли и скотѣ, получая ихъ до тѣхъ поръ преимущественно изъ Галиціи. Поэтому, собраніе представителей, созванное въ февралѣ 1817 года, обращалось съ просьбой къ покровительствующимъ державамъ, но представленія его не были выслушаны. Члены организаціонной коммиссіи передали только просьбу краковского правительства австрійскому комиссару, какъ-бы считая это дѣло домашнимъ между Краковомъ и Австріей. Скортсъ-Споркъ сообщилъ, вмѣсто отвѣта краковскому сенату и сейму, отношеніе галицкаго фискальнаго управленія, гдѣ между прочимъ было сказано: «австрійское правительство намѣрено согласоваться съ 10-ю статьею указываемаго ему договора, дозволивъ краковской республикѣ покупать въ Величѣ количество соли, необходимое для употребленія ея въ округѣ; но никоимъ образомъ не можетъ разсматривать скотъ, овощи, овесъ и т. п., какъ предметы первой необходимости». Все это происходило еще во время пребыванія въ Краковѣ организаціонной коммиссіи.

Относительно университета важно было, съ одной стороны, опредѣлить его отношенія къ остальнымъ учрежденіямъ и властямъ Кракова, и затѣмъ его права и привилегіи, особенно существенныя, тѣмъ болѣе, что значительная часть этихъ имуществъ находилась въ земляхъ, отошедшихъ къ тремъ сосѣднимъ державамъ. Краковскій университетъ съ самаго основанія своего не обладалъ извѣстными правами, которыя съ теченіемъ времени

еще болѣе расширялись. Его привилегіи были троякаго рода: привилегіи самой академіи, которыхъ насчитывалось во время вѣнскаго конгресса до 15; привилегіи ректора, числомъ 9; привилегіи студентовъ, коихъ было 6. Ни одна изъ этихъ привилегій не вошла въ новый статутъ университета, составленный организаціонною комиссіею, исключая той, которая признавала за нимъ титулъ Ягеллонскаго. Имущества краковскаго университета, нѣкогда громадныя, были такъ значительны даже въ эпоху вѣнскихъ договоровъ, что могли поспорить съ имуществами любого изъ важнѣйшихъ между европейскими университетами. По раздѣлу польскихъ земель, признанному конгрессомъ, имущества эти находились въ различныхъ земляхъ самого Кракова, польскаго королевства, Пруссіи, Австріи и русской имперіи. Они составляли значительный капиталъ, который на одной краковской территоріи, состоя какъ изъ поземельныхъ доходовъ, такъ и изъ вѣчныхъ процентовъ, простирался до 575,580 польскихъ злотыхъ и 993 червонцевъ; въ польскомъ королевствѣ до 1.022,987 злотыхъ, 4,193 червонцевъ и 5,169 серебряныхъ марокъ; въ русской имперіи до 400,000 злотыхъ и 3,000 червонцевъ; въ австрійской имперіи до 1.946,787 злотыхъ; 13,150 червонцевъ и 2,201 серебряной марки; въ Пруссіи, наконецъ, до 59,994 злотыхъ и 300 марокъ, что въ общей суммѣ давало 4.769,600 злотыхъ, считая червонцы и марки по тогдашнему курсу. Кроме того, его десятинный сборъ составлялъ ежегодный доходъ въ 19,466 злотыхъ; произведенія, доставляемыя съ его фермъ, приносили доходъ въ 72,084 злотыхъ; 88 бенефицій, раздача которыхъ зависѣла отъ университета, доставляли ему около 60,000 злотыхъ, не считая уже поземельной собственности въ девяти деревняхъ, которая оцѣнивалась въ 409,000 злотыхъ; наконецъ, доходъ съ университетскихъ зданій, не занятыхъ его собственными учрежденіями и музеями, давалъ ежегодно 2,157 злотыхъ. Считая эти ежегодные доходы въ качествѣ пятипроцентныхъ, и присоединивъ ихъ къ вышеупомянутымъ непривокновеннымъ капиталамъ, мы увидимъ, что всѣ имущества краковскаго университета составляли капиталъ въ 8.234,762 злотыхъ, что равнялось 1.235,214 руб. Управление столь громадными имуществами въ такой небольшой территоріи, какова была краковская, могло имѣть важное значеніе не для одного только университета, но и для всей республики. По крайней мѣрѣ между жителями Кракова было не мало такихъ, которые считали достоиніе университета государственнымъ, ибо, по конституціи, его бюджетъ составлялъ

часть общаго бюджета для всего округа. Организационная коммиссія должна была обратить на это свое вниманіе.

Мы видѣли, что въ вопросѣ объ устройствѣ сената и собранія представителей и объ опредѣленіи ихъ взаимныхъ отношеній мнѣніе русскаго двора было руководящимъ, а въ вопросѣ о свободной торговлѣ преобладали интересы Австріи и требованія ея властей. Такъ точно устройство университета поручено было организационною коммиссіею прусскому комиссару барону фонъ-Рейбницу. Послѣдній состоялъ въ тѣсной дружбѣ съ ректоромъ университета и, отчасти подъ вліяніемъ его совѣтовъ, отчасти по другимъ менѣе одобрительнымъ причинамъ, употребилъ всѣ зависѣвшія отъ него средства, чтобы редактировать университетскіе статуты согласно съ личными интересами и взглядами профессорской корпораціи того времени. Но надо замѣтить, что составъ краковскихъ профессоровъ былъ тогда не совсѣмъ удачный. Еще въ 1809 году, когда Краковъ возвращенъ былъ Австріей Варшавскому герцогству, вслѣдствіе политическихъ соображеній, тронставшихъ изъ ложнаго патріотизма, большая часть прежнихъ профессоровъ, бывшихъ австрійскими подданными, была удалена, и необходимость открыть курсы возможно скорѣе заставила дирекцію народнаго просвѣщенія замѣнить удаленныхъ людьми недостаточно подготовленными и не вполне способными. Организационной коммиссіи слѣдовало бы сперва очистить профессорскую корпорацію отъ людей недостойныхъ, замѣнить ихъ болѣе свѣдущими, и потомъ уже поручить новому составу профессоровъ указать на тѣ измѣненія, которыя должны быть внесены во внутреннее управленіе университета. Но этого не было сдѣлано, и университетская іерархія постаралась обезпечить себя и на будущее время, благодаря связямъ своего ректора съ прусскимъ комиссаромъ. Статуты, составленные послѣднимъ, совершенно освобождали всю университетскую жизнь не только изъ-подъ власти, но даже изъ-подъ вліянія краковскаго правительства. Ректоръ университета сдѣлался какъ-бы проконсуломъ краковскихъ школъ, судьей всѣхъ нарушеній закона, какія могли быть совершены или членами университета, или молодежью, принадлежавшею коллегіямъ, какъ въ стѣнахъ университетскихъ зданий, такъ и внѣ ихъ, судьей послѣдней инстанціи и безапелляционнымъ. Планъ преподаванія былъ совершенно отданъ на волю профессоровъ, каждаго по его части. Бюджетъ университета, обеспечивавшій его членамъ значительныя пенсіи, былъ установленъ тогда же, какъ и статуты, съ условіемъ ничего не измѣнять въ немъ безъ согласія трехъ покровительствующихъ дер-

жавъ. Однимъ словомъ, статуты поставили университетскую іерархію въ положеніе независимаго правительства, сдѣлали ее какъ бы государствомъ въ государствѣ, что въ послѣдствіи послужило поводомъ къ сильнымъ раздорамъ между университетомъ, сенатомъ и сеймомъ, повело къ вмѣшательству со стороны покровительствующихъ державъ и было причиною перваго ограниченія политическихъ правъ Кракова. Конечно, можетъ быть предложенъ вопросъ: какимъ образомъ подобная организація могла быть принята въ край, которымъ управляло уже устроенное правительство? Почему оно не употребило своего вліянія и авторитета, чтобы измѣнить установившійся порядокъ вещей, касавшихся самыхъ важныхъ интересовъ страны? И нравственное, и юридическое значеніе краковскаго университета были и безъ того уже вполне обезпечены конституціей, дававшей ему такія обширныя права участіемъ въ выборахъ, привилегіями его докторовъ и вліяніемъ на народное просвѣщеніе въ цѣломъ округѣ. Къ чему же было усиливать его права? Дѣло въ томъ, что самъ сенатъ, при тогдашнемъ составѣ своемъ, заботился болѣе объ опредѣленіи своихъ собственныхъ отношеній къ собранію народныхъ представителей, чѣмъ о другихъ предметахъ. Большинство сенаторовъ были люди добрые, много уже испытавшіе на своемъ вѣку, немножко формалисты и къ тому же безъ всякой предприимчивости. Сохранивъ вполне привычки и взгляды старинной шляхты, они не могли помириться съ мыслию даже о малѣйшей юридической зависимости сената отъ народныхъ представителей, и успѣли, при содѣйствіи Мюмчинскаго, смягчить демократическій отѣнокъ, данный конституціей отношеніямъ сейма къ сенату. Но университетская іерархія была въ ихъ глазахъ своего рода шляхетскимъ учрежденіемъ; къ тому же, трудно было установить соглашеніе между старинными привилегіями Ягеллонской коллегіи, на сторонѣ которыхъ было чувство польскаго патріотизма, и ея конституціонными отношеніями къ вольному городу, которые могъ понимать только какой-нибудь Чарторыйскій. Повидимому, сенатъ считалъ вопросъ объ университетской организаціи не только второстепеннымъ, но даже постороннимъ для себя. Вотъ почему онъ въ этомъ дѣлѣ совершенно положился на организціонную комиссію, а та довѣрилась фонъ-Рейбницу, руководителю университетской іерархіей. Вотъ почему существовавшая до тѣхъ поръ организація университета была окончательно закрѣплена новымъ статутомъ, не вызвавъ со стороны краковскаго правительства никакихъ замѣчаній.

Оградивъ внутреннюю университетскую жизнь и внѣшнее по-

женіе Ягеллонской академіи среди другихъ высшихъ учрежденій Кракова исключительными и неизмѣнными привилегіями, давъ университетской іерархіи несравненно большую независимость, чѣмъ даже членамъ судебнаго вѣдомства, организаціонная коммиссія не включила однакожь въ уставъ академіи старинныхъ привилегій ея, ничѣмъ не обезпечила признаннаго за нею договоромъ 3-го мая 1815 года права воспитывать въ своихъ вѣдрахъ польскую молодежь всѣхъ земель, входившихъ нѣкогда въ составъ Рѣчи-Посполитой, и оставила безъ разрѣшенія вопросъ объ имуществѣхъ, весьма спорный по самому свойству своему. Коммиссія, повидимому, и не могла защищать право польской молодежи невозбранно обучаться въ краковской академіи, ибо этому противилась Австрія. Коммиссаръ послѣдней сообщилъ краковскому сенату, что австрійскія власти опредѣлили подвергать пени въ 100 дукатовъ родителей тѣхъ молодыхъ людей, которые посылаютъ своихъ дѣтей въ Краковъ для обученія. Сенатъ протестовалъ противъ такого распоряженія, ссылаясь на договоръ, заключенный между покровительствующими державами, но не получилъ отвѣта. Примѣру Австріи послѣдовали вскорѣ и остальные двѣ державы.

Что касается имуществъ Ягеллонскаго университета, то признаніе его правъ надъ капиталами и землями, находившимися во владѣніяхъ трехъ покровительствующихъ державъ, встрѣтило первыя затрудненія со стороны той же Австріи. Она толковала 15-ю статью договора 3-го мая 1815 года такимъ образомъ, что признавала за академіей права лишь на такія имущества, которыми она владѣла несомнѣнно въ эпоху вѣнскаго конгресса; но такъ какъ всѣ ея земли и капиталы, находившіеся въ Галиціи, были уже отчуждены, ибо договоръ 1809 года, между Австріей и Франціей, по которому Краковъ присоединенъ былъ къ Варшавскому герцогству, не обезпечилъ за нимъ этихъ имуществъ; то они, по мнѣнію вѣнскаго правительства, и не могли быть возвращены краковскому университету. Не мѣшаетъ однакожь замѣтить, что хотя указанные австрійскимъ правительствомъ имущества и находились съ 1809 года въ непосредственномъ его управленіи, но не были еще отчуждены никакимъ спеціальнымъ актомъ, и часть доставляемыхъ ими доходовъ нерѣдко присылалась краковскому университету. По мнѣнію русскаго правительства, 15-я статья договора, на которую ссылался краковский университетъ, обезпечивала за нимъ владѣніе лишь тѣми капиталами и имуществами, которыя находились на краковской территоріи. Прусское правительство, руководимое фонъ-Рейбницемъ, сначала

признало права краковскаго университета на его имущества, находившіяся въ прусскихъ областяхъ, и обѣщало возвратить ихъ, но потомъ объявило, что, послѣ надлежащаго изслѣдованія дѣла, убѣдилось, что краковскій университетъ не имѣетъ права требовать отъ магистрата города Данцига 3,333 червонцевъ: ибо 1) вѣнскій договоръ сохраняетъ за университетомъ только поземельную собственность и капиталы, находящіеся въ ипотекахъ, между тѣмъ какъ требуемая сумма составляетъ добровольный даръ города Данцига и никогда не была обезпечена ипотекой; 2) эта сумма признана § 13 конвенціи 26-го января 1797 года, заключенной между Россіей и Пруссіей, какъ одна изъ доходныхъ статей прусскаго государственнаго казначейства, противъ чего краковскій университетъ не протестовалъ ни разу въ теченіи двадцати лѣтъ. Изъ сообщенія прусскаго правительства видно однакожь, что оно не отвергало правъ Ягеллонской академіи на другого рода имущества, принадлежавшія ей нѣкогда въ прусско-польскихъ областяхъ. Такимъ образомъ, общій вопросъ объ имуществахъ краковскаго университета, за различнымъ толкованіемъ его покровительствующими дворами, не былъ разрѣшенъ организационною комиссіей и повелъ впослѣдствіи къ новымъ спорамъ.

Таковы были постановленія комиссіи, возбуждавшія неудовольствія или въ большинствѣ краковскаго населенія, или въ которой-либо изъ его партій, и послужившія впослѣдствіи предметомъ для неоднократныхъ жалобъ со стороны поляковъ. Тѣмъ не менѣе въ уставахъ, какъ выработанныхъ самою комиссіею, такъ и написанныхъ по ея порученію и утвержденныхъ ею, было немало преобразованій, улучшавшихъ бытъ краковскихъ гражданъ; мы это увидимъ изъ отчетовъ, представленныхъ комиссарамъ при торжественномъ врученіи конституціи краковскому правительству.

VII.

Торжество врученія новыхъ уставовъ краковскому сенату резидентами трехъ покровительствующихъ державъ, 11-го октября 1838 года. — Заявленіе русскаго резидента Игнатія Міонянскаго. — Рѣчь австрійскаго резидента графа Сюзртсъ-Спорка. — Рѣчь прусскаго резидента барона фонъ-Рейбинца. — Народное торжество въ іюнѣ того же года. — Перенесеніе тѣла Костюшки въ Краковъ. — Могильный курганъ ему въ окрестностяхъ города, и исторія этого памятника.

Одиннадцатое октября 1818 года было днемъ важнымъ въ исторіи вольнаго города Кракова. Въ этотъ день происходило торжественное врученіе всѣхъ уставовъ, выработанныхъ организационною комиссіею, краковскому правительству. Съ этимъ

днемъ прекращалось временное положеніе, въ которомъ пребывали всѣ дѣла Кракова въ теченіи трехъ лѣтъ. Съ соблюденіемъ всевозможныхъ формъ и обязанностей, при полномъ собраніи краковскихъ чиновъ, представлявшихъ власти законодательную, исполнительную и судебную, въ присутствіи высшихъ чиновъ, духовенства и при громадномъ стеченіи публики и даже иностранныхъ гостей, комиссары трехъ покровительствующихъ державъ передавали органическіе статуты республики президенту сената и вѣсь ея чинамъ. На этомъ торжествѣ австрійскій комиссаръ, графъ Сюртсъ-Споркъ, и прусскій комиссаръ, баронъ фонъ-Рейбницъ, произнесли въ своемъ родѣ замѣчательныя рѣчи, тогда же напечатанныя въ ихъ польскомъ текстѣ. Въ этихъ рѣчахъ указано было на всѣ реформы, какія произведены были трудами организационной комиссіи въ политическомъ, общественномъ и сословномъ бытѣ краковского населенія, и высказаны надежды, что эти реформы поведутъ Краковъ къ успѣхамъ на пути матеріальнаго и духовнаго развитія. Русскій комиссаръ, Игнатій Міончинскій, ограничился указаніемъ на то, что Краковъ своимъ политическимъ существованіемъ обязанъ преимущественно великодушнѣйшей политикѣ императора Александра, который и на будущее время сохранить къ нему благосклонныя чувства. Изъ всѣхъ этихъ ораторовъ главная роль принадлежала, безъ сомнѣнія, австрійскому комиссару, не потому только, что онъ говорилъ первый, но и по богатому содержанію его рѣчи, относившемуся прямо къ краковскимъ реформамъ. Рѣчь прусскаго комиссара, являвшаяся нѣкоторымъ пафосомъ, разсуждала преимущественно о недавней борьбѣ за свободу европейскихъ народовъ, о всеобщемъ чувствѣ патріотизма и о требованіяхъ, какія связаны въ будущемъ съ именемъ краковского гражданина.

Графъ Сюртсъ-Споркъ началъ съ класса людей, которые занимали въ Рѣчи-Посполитой самое низшее общественное положеніе, съ хлопцовъ или сельчанъ, бывшихъ подданными шляхты. «Земледѣлецъ — говорилъ онъ, — главная часть здѣшняго населенія, сбросилъ съ себя заржавѣвшія оковы подданства, пересталъ чувствовать неволю прежнихъ вѣковъ и не вкушаетъ болѣе хлѣба, пролитеннаго слезами рабства. Отнынѣ онъ становится полноправнымъ обывателемъ края, владѣльцемъ обрабатываемой имъ земли, человекомъ независимымъ и равнымъ своему прежнему владѣльцу. Свободно ему по окончаніи контракта заключить съ собственникомъ земли новый договоръ, на иныхъ условіяхъ; свободно ему разстаться съ нимъ и поселиться въ другомъ мѣстѣ, и даже переселиться въ иную страну. Семья его можетъ слѣдо-

вать за нимъ, ибо не привязана въ землѣ, будучи изъята изъ предназначенія ничтожной былинки, которая на одномъ и томъ же мѣстѣ и расцвѣтаетъ, и вянетъ. Но, если бы и при такихъ отношеніяхъ между собственникомъ земли и земледѣльцемъ обнаружались уклоненія, какія видимъ въ принаровленномъ къ тяжелымъ оборотамъ колесѣ, которое, будучи попорчено, продолжаетъ однаковъ на нѣсколько минутъ свой ходъ, силою прежняго движенія; то самое краткое разслѣдованіе объяснить земледѣльцу его привилегіи, а законъ, уравнивающій всѣхъ обывателей въ лицѣ своемъ безъ различія ихъ происхожденія, или имущественныхъ правъ, не только даетъ ему защиту, но и оказываетъ справедливость противъ всякихъ нападеній. Съ цѣлію облегченія для освобожденныхъ сельчанъ пріобрѣсти опытность и свѣдѣнія, организаціонная коммиссія устроила сельскія школы, умножая ихъ повсюду. Теперь удалены отъ шинковъ и корчемъ евреи за ихъ хитрость, при помощи которой они старались распространять пьянство, разорять въ корень трудолюбіе, увѣковѣчивать свои барыши и зависимость сельчанъ отъ нихъ непростыми путями. Равнымъ образомъ, организаціонная коммиссія уничтожила навсегда хлѣбную десятину, почти насильно собирающуюся въ пользу духовенства къ не малому ущербу для крестьянъ, ибо видѣла въ ней препятствіе, охлаждающее сельское хозяйственное трудолюбіе, и зерно распри между пастыремъ и его стадомъ, которыхъ должны соединять между собою вѣчные узы взаимнаго уваженія и согласія. Нивы, выдѣленные изъ родовыхъ имуществъ въ собственность сельчанъ, стали для нихъ въ настоящемъ смыслѣ слова, отечествомъ, цѣнность боего возвышена для нихъ еще тѣмъ конституціоннымъ благодѣяніемъ, что каждый земледѣлецъ, платящій податей на 50 злотыхъ полскихъ, считается правоспособнымъ къ отправленію всѣхъ гражданскихъ и политическихъ должностей. Черезъ нѣсколько лѣтъ созрѣютъ, подъ заботливою опекою времени, недавно основанныя училища, и утѣшительная заря всеобщаго просвѣщенія скоро наступитъ. Тогда-то не одинъ сынъ хлѣбопашца, одаренный способностями, или поддержанный счастьемъ, можетъ занять первыя ряды въ общественной службѣ и, родившись въ продуваемой сквозозѣ вѣтрами землянкѣ, выступить, однаковъ, подобно яркимъ звѣздамъ, чтобы въ стѣнахъ сената, въ законодательномъ собраніи на креслахъ судьи, блистать среди другихъ достоинствами челоувѣка, силою ума и гражданскою доблестью». Переходя затѣмъ къ положенію евреевъ въ Краковской республикѣ, австрійскій комиссаръ говорилъ: «народъ Моисеева исповѣданія, освобожденный

денный, согласно предписанію высшихъ дворовъ, отъ налоговъ, падавшихъ на его религіозные обряды, допущенъ теперь до одинаковаго съ христіанами участія въ несеніи общественныхъ тягостей. Какъ въ главномъ городѣ, такъ и въ иныхъ мѣстечкахъ округа, для него открыто поле всякаго рода торговли и промысловъ; а вѣчное или временное владѣніе огородами или цѣлыми усадьбами, которое ему разрѣшено, предлагаетъ для него приличныя средства къ обогащенію, только бы отсталъ отъ своихъ привычекъ къ лихоимству и барышничеству. Съ цѣлію слитія всѣхъ обывателей въ одинъ народъ, организаціонная коммиссія въ убѣжденіи, что ни духъ невѣжества, ни религіозная зависть, ни жажда преслѣдованій, не могутъ останавливать шаговъ просвѣщеннаго правительства, постановила еще, чтобы отрасль Израиля получила свободный доступъ къ приобрѣтенію домовъ въ самыхъ людныхъ улицахъ столицы, а потомъ къ пользованію правами политическими и занятію земскихъ должностей, если только выполнить требованія закона и перестанетъ отличаться какъ восточнымъ покроемъ, такъ и разительнымъ цвѣтомъ своей одежды. Для сего сенату предоставлена особая власть, по истеченіи 12 лѣтъ, уполномочивать евреевъ къ приобрѣтенію недвижимыхъ имуществъ». Возвращаясь въ христіанамъ, графъ Сюртсъ-лоренъ останавливалъ вниманіе своихъ слушателей на торговомъ основіи, находившемся въ близкихъ сношеніяхъ съ евреями по роду своихъ занятій. «Кромѣ благодѣянія», говорилъ онъ, «проходящаго изъ учрежденія главныхъ таможенныхъ складовъ, бегчающихъ купцамъ полученіе товаровъ, ихъ пересылку и плату пошлинъ; кромѣ разрѣшеннаго его величествомъ императоромъ всероссійскимъ ввоза всѣхъ произведеній республики въ его государство; кромѣ заботъ объ удобныхъ дорогахъ, котыхъ, въ исполненіе особо объявленнаго постановленія организаціонной коммиссіи, стали мостить камнемъ по различнымъ трактамъ, послѣдуютъ еще, на основаніи общихъ договоровъ, обезпечивающихъ за краковскою республикой равную долю участія въ оныхъ, всѣ тѣ выгоды, какія имѣютъ быть подтверждены великими державами относительно торговли и рѣчнаго плаванія для иныхъ провинцій прежней Польши. Вопросъ о томъ, можетъ ли быть дѣлено право торговли каждому изъ зажиточныхъ жителей сего края, вслѣдствіе щежотливости своей, предоставленъ на благосмотрѣніе народныхъ представителей, которые, будучи болѣе знакомы съ адмѣпнею мѣстностью, могутъ лучше удовлетворить потребностямъ ея населенія. Чистая любовь къ отечеству, оживившая уже три раза со времени его возстановленія собраніе

представителей, даетъ полную надежду, что либеральныя наклонности побѣдятъ всякія препятствія, поставляемыя либо самолюбіемъ, либо предразсудками, и рано или поздно докажутъ, что система, не сообразная съ духомъ настоящаго времени, будетъ изгнана навсегда изъ земли, посвященной свободѣ». Такимъ образомъ ораторъ намекалъ, что будущее развитіе Кракова будетъ обезпечено, если его жители общими силами направятъ свою дѣятельность на торговыя предпріятія и предпочтутъ ихъ политическимъ цѣлямъ. Тѣмъ не менѣе изъ его же словъ видно, что и сама организаціонная коммиссія не въ силахъ была преодолѣть, установившееся издавна въ польской шляхтѣ, предубѣжденіе противъ занятій торговлею и привлечь къ нимъ все населеніе.

Переходя къ той части краковскаго населенія, на которой лежали заботы о народномъ просвѣщеніи, австрійскій комиссаръ припомнилъ, что еще во время введенія въ дѣйствіе новыхъ статутровъ Ягеллонской академіи, его товарищами представлено была блестящая картина тѣхъ выгодъ, которыя могутъ извлечь и наука, и ученое сословіе изъ совершившагося преобразованія университета. Онъ прибавилъ только, что организаціонная коммиссія, по соглашенію съ сенатомъ, признала свободу печатанія постояннымъ правомъ Краковской республики: «придавъ наукамъ и искусствамъ смѣлый полетъ, эта свобода», по его мнѣнію, «идя впередъ съ открытымъ челомъ, торжествуя надъ предразсудками, лицемеріемъ и несправедливостью, распространяя повсюду одну истину, превратитъ эту республику въ пристань, доступную для всякаго рода мнѣній». Улучшеніемъ быта краковского духовенства организаціонная коммиссія, по сознанію ея члена, должна была заняться со всею заботливостію, какъ вслѣдствіе увѣренности, что религія служитъ краеугольнымъ основаніемъ для каждаго государства, такъ и въ подражаніе своимъ государямъ, возродившимъ цѣлый свѣтъ подъ покровомъ заключеннаго ими священнаго союза. «Съ цѣлію удаленія пастырей отъ хлопотливыхъ заботъ о своемъ содержаніи», говорилъ онъ, «мы возвысили фундушъ каждаго прихода, по меньшей мѣрѣ до 1,200 злотыхъ польскихъ, не включая въ эту сумму церковные доходы а семинарія, въ которой приготовляются достойные своего званія священники и полезныя народу апостолы, получила ежегодное пособіе въ 9,000 злотыхъ; нынѣшній же епископъ будетъ получать изъ государственной казны 12,000 злотыхъ, какъ почетное содержаніе».

Указавъ на частныя интересы отдѣльныхъ сословій и сѣ

стояній, австрійскій комиссаръ обратилъ вниманіе слушателей на интересы жителей самого города Кракова и населенія его округа. «Обстоятельства», говорилъ онъ, «явно благоприятствуютъ всѣмъ жителямъ Кракова, безъ различія ихъ сословнаго положенія. Дозволенный монархами вывозъ хлѣба и необходимыхъ для жизни потребностей изъ сосѣднихъ государствъ, создалъ такое обезпеченіе, которое, при устройствѣ всякихъ мануфактуръ, привлечетъ въ среду здѣшняго общества достаточное число рабочихъ и сдѣлаетъ Краковъ выгоднымъ мѣстопробываніемъ для чужеземцевъ, чрезъ что увеличатся его денежные обороты. Безъ всякаго сомнѣнія; и народные представители, воспитанные въ школѣ опытности, по изученіи всѣхъ силъ здѣшняго края, въ непродолжительное время проникнутся мыслію, что частныя, падающія на каждого особо, жертвы, могутъ только увеличить общее благо, снабжая всякаго рода удобствами жизнь всѣхъ. А потому опредѣлено, что собраніе представителей весь излишекъ государственныхъ доходовъ, количество которыхъ зависитъ отъ его воли, посвятить на развитіе общественныхъ учреждений; сенатъ уже достаточно доказалъ устройствомъ каналовъ, необходимыхъ для очищенія города, и работами на общественной площади, свою готовность поддерживать неутомимою дѣятельностію похвальные желанія народа. Но нынѣшнее положеніе республики осыпаетъ щедрыми благодѣяніями не только жителей Кракова, но и всѣхъ обывателей, даруя имъ обезпеченіе имущественное, личное и политическое. Установленное число хранителей закона и права составляетъ пока зерно и источникъ суда, ограничиваясь до времени десятью членами; но, вмѣстѣ съ тѣмъ конституція учредила мировыхъ судей, которые, будучи посредниками, по самому назначенію своему, обязаны разсматривать неважные процессы, охранять избѣгающихъ непріятности обывателей отъ обидъ, и въ крайнемъ случаѣ защищать ихъ. Такъ, съ 1-го іюня 1816 года до конца апрѣля 1817 удалось похвальными усиліями этихъ судей окончить полюбовно около 900 дѣлъ. Но если бы пришлось вчинать настоящій процессъ, тогда бы открытые трибуналы, вѣрные предписаніямъ закона, со всею строгостію, принадлежащею лицу судьи, удовлетворили каждого, по мѣрѣ справедливости. Особенное обезпеченіе даетъ каждому обывателю та предусмотрительность закона, по которой уголовный судъ обязанъ доносить сенату о каждомъ арестѣ, въ теченіи 24-хъ часовъ. Этотъ законъ есть настоящій актъ Навеаз Согрус для жителей Кракова. Въ самой публичности суда и участіи въ немъ присяжныхъ найдетъ неправильно обвиненный обыватель

дѣйствительную опору для своей невинности. Конституція, позволяющая выѣхать изъ края, составляетъ вѣнецъ той личной вольности, какой только могъ пожелать себѣ каждый обыватель».

Говоря о матеріальномъ благосостояніи Краковской республики, ораторъ замѣтилъ, что она есть единственное между европейскими государствами Европы, вышедшее изъ двадцатипятилѣтнихъ войнъ свободнымъ отъ государственныхъ долговъ, благодаря великодушію покровительствующихъ ему государей. Доходъ съ ея мѣстныхъ народныхъ имуществъ, приведенный въ извѣстность особою комиссіею, кромѣ поступившихъ навсегда въ казну 240,000 злотыхъ польскихъ, будетъ увеличиваться ежегодно на 27,000. Кромѣ того, краковская территория, при окончательномъ разграниченіи съ сосѣдними государствами, не только получила новый доходъ въ 20,000 злотыхъ, но и одиннадцать деревень, присоединенныхъ къ ея округу, съ 2,000 жителей. По мнѣнію Сюзертъ Спорка, чрезъ десять лѣтъ чистый доходъ Кракова долженъ былъ возвыситься до полутора милліоновъ злотыхъ, а общее число жителей до ста тысячъ; но и во время обнародованія своей конституціи, Краковъ, младшій въ ряду европейскихъ республикъ, уступалъ по числу своихъ жителей и количеству доходовъ только Швейцаріи, Ионическимъ островамъ и Гамбургу, и стоялъ выше республики Санъ-Марино и вольныхъ городовъ Бремена, Любека и Франкфурта. Духъ конституціи, введенный въ Краковъ, по мнѣнію австрійскаго комиссара, отличался господствомъ общинной власти, основы которой проникнуты такою мудростью, что нѣтъ повода опасаться того военнаго преобладанія, которое разрушаетъ мелкія земли и потрясаетъ огромныя государства. «Высшее управленіе находится въ рукахъ народа, какъ въ штатахъ Сѣверной Америки, или, что все равно, въ рукахъ большинства обывателей, которые высылаютъ изъ своей среды депутатовъ въ собраніе представителей, избирающихъ президента, сенаторовъ и судей. Всѣ важнѣйшіе чиновники, отправляющіе исполнительныя, законодательныя и судебныя обязанности, созданы конституціей и суть избранными своего народа, который порученную имъ на извѣстное время власть, смотря по своему расположенію, или утверждаетъ силою голосовъ, или отнимаетъ, перенося ее посредствомъ новыхъ выборовъ на иного обывателя. Каждая изъ этихъ трехъ властей одинаково важна, и отсутствіе которой-либо изъ нихъ повлекло бы все управленіе въ глубокую пропасть. Предсѣдатель сената есть временный начальникъ вмѣщающагося въ этомъ учрежденіи правительства. На его долю выпало наипрѣятнѣйшее право по-

милованія. Если онъ не сниметъ бремени, опредѣленнаго справедливостью, тогда жертва послѣдней подпадетъ подъ судебную кару непрощающаго закона. Сенатъ обладаетъ властью исполнительной, но зерно правительства, собраніе народныхъ представителей, устанавливаетъ законы, и вскорѣ краковскіе обыватели, въ силу послѣднихъ народныхъ рѣшеній, получаютъ первый кодексъ. Но такъ какъ очевидно, что быстрыя и частыя перемѣны законовъ ослабляютъ ихъ дѣйствіе, то мудрость высшихъ дворовъ, поставляя преграды сему злу, рѣшила, чтобы представленіе о новомъ законѣ выходило изъ сената, и чтобы новый законъ до тѣхъ поръ не получалъ силу обязательнаго, пока обѣ палаты (сенатъ и сеймъ), имѣющіе участіе въ законодательствѣ, не освятятъ его своимъ согласіемъ. Далѣе, собраніе представителей разсматриваетъ ежегодные отчеты сената и опредѣляетъ весь бюджетъ. Публичныя пренія въ собраніи народныхъ представителей открываютъ предъ каждымъ обывателемъ дѣйствительное состояніе казны, знакомя его съ главными дѣлами края. Собраніе представителей можетъ предать высшему суду обвиняемаго чиновника, и такимъ образомъ имѣетъ право двойного надзора: надъ употребленіемъ государственныхъ денегъ, и поведеніемъ всѣхъ чиновниковъ. Такая отвѣтственность чиновниковъ въ странахъ конституціонныхъ составляетъ истинную охрану вольностей населенія и дѣйствительное побужденіе для желающихъ удержаться въ своей власти. Ежегодное созываніе народныхъ представителей исполнѣ согласно съ задуманною цѣлью; ибо каждый удаляющійся изъ собранія депутатъ, въ надеждѣ на вторичное избраніе, будетъ старательнѣе вглядываться въ нужды народа и обдумывать мѣры для удовлетворенія ихъ; если же бы, по истеченіи года, заняли въ собраніи мѣста тѣ же самые законодатели, тогда сужденія народнаго представительства объ общественныхъ дѣлахъ походили бы на разговоръ двухъ пріятелей, прервавшихъ его на минуту». Наконецъ, обезпеченная договорами нейтральность Краковской республики освобождена отъ излишнихъ расходовъ на содержаніе войскъ.

Въ концѣ своей рѣчи, графъ Сюзартсъ-Споркъ много распространялся о великодушій покровительствовавшихъ Кракову государей, именуя ихъ прямо опекунами, и о счастьи, ожидавшемъ жителей республики подъ покровомъ дарованныхъ имъ законовъ.

Прусскій комиссаръ не хотѣлъ отстать отъ своего товарища въ краснорѣчіи, и такъ какъ послѣдній уже обрисовалъ установленный организаціонною комиссіею бытъ Кракова, то баронъ фонъ-Рейбницъ пустился въ изложеніе историческихъ обстоя-

тельствъ, создавшихъ Краковскую республику. Всеобщая борьба за свободу народовъ, стоившая много крови, восстановила павшія государства; но Краковъ возродился къ политической жизни безъ всякихъ пожертвованій съ своей стороны. Его жители имѣютъ свое отечество, и гдѣ же? Въ мѣстѣ, гдѣ ихъ окружаетъ классическая земля польской исторіи, гдѣ они видятъ колыбель и гробницы своихъ славныхъ королей; гдѣ могила Ванды, воздвигнутая въ первобытныя времена, свидѣтельствуетъ о чудесахъ, какія производить любовь къ отечеству, гдѣ св. Станиславъ пріялъ мученическій вѣнецъ, гдѣ монархическія добродѣтели Сигизмундовъ низвели благословеніе на цѣлый народъ, гдѣ почиваютъ рыцарскіе останки Баторіевъ, Собѣскихъ, Костюшки и Понятовскаго». Старинная любовь къ отчизнѣ должна возродить въ обывателяхъ Кракова новую любовь къ ней, и въ какое время!—«когда чело цѣлой Европы украсили безсмертные лавры, когда всѣ народы доказали чудотворность той силы, которую возжигаетъ любовь къ отечеству». Восстаніе тирольцевъ, пожаръ Москвы, народное движеніе въ Пруссіи—были проявленіями этой любви. Фонтъ-Рейбницъ не остановился на этихъ общихъ въ то время мѣстахъ при восхваленіяхъ великихъ державъ, низложившихъ Наполеона. Онъ вознудся въ своей рѣчи явленія, о которомъ не такъ охотно говорили современные ему нѣмецкіе дипломаты: «о, сколь великая, возвышенная и свѣтлая минута», провозглашалъ онъ среди поляковъ въ залахъ краковского замка, «минута, которая останется памятною, пока будетъ продолжаться исторія свѣта; минута, когда возникли заботы о правѣхъ и свободѣ народностей! Когда низкія чувства самолюбія и презрѣнныя стремленія къ приобрѣтеніямъ были подавлены; когда народы нѣмецкой и славянской семьи, отъ сѣвернаго полюса до Геркулесовыхъ столповъ, откинувъ застарѣлую ненависть другъ къ другу, бились за одно дѣло и подъ однимъ знаменемъ, когда короли и ихъ подданные соперничали принесеніемъ въ жертву самыхъ дорогихъ имъ предметовъ; когда величайшіе монархи, объятые удивленіемъ предъ возставшими силами народовъ, стали думать о гражданскомъ счастьи будущихъ поколѣній и, посвятивъ привилегіи своего самодержавія духу времени, захотѣли установить и для отдаленнѣйшаго потомства тѣ спасительныя отношенія между правителями и управляемыми, какія вытекли для современниковъ изъ ихъ личной доброты. Можетъ ли быть когда-либо болѣе удобная пора для торжественнаго празднованія основанія республики, которой спасители Европы даютъ спокойное и обезпеченное существованіе?» При такихъ условіяхъ, по мнѣнію фонтъ-Рейбница, всѣ

стороны общественной жизни вольнаго города Кракова могли развиваться съ полнымъ успѣхомъ. Политическая свобода, конституціонные уставы, свобода совѣсти и мысли, открытое плаваніе по рѣкамъ до морского берега, заботливо устроенное управленіе школами, свобода отъ долговъ—все это ручалось за процвѣтаніе Кракова. Нейтральность будетъ охранять Краковъ отъ войнъ, которыя не опустошать его полей, не разрушать домовъ, не убавлять числа его жителей. «Имѣеть ли другая какая страна столь выгодную внѣшнюю обстановку?» спрашивалъ прусскій комиссаръ жителей Кракова, и отвѣчалъ на то: «отъ Архангельска до Тироля, отъ Камчатки до Рейна живутъ только ваши друзья и защитники». Если затруднительное плаваніе по низовьямъ Вислы и можетъ иногда стѣснять краковскую торговлю, то не надо забывать, что города: Броды, Лейпцигъ, Новгородъ, Нюрнбергъ, находившіеся въ менѣе благопріятныхъ географическихъ условіяхъ, принимали столь важное участіе во всемірной торговлѣ. Еслибы кто опасался, что строгая нейтральность лишитъ жителей Кракова военной доблести и превратитъ ихъ изъ сарматовъ въ сибаритовъ, то ему можно напомнить, что цѣлые вѣка покоя и тишины не отняли храбрости у сыновъ Вильгельма Теля. Охранять всѣ дарованныя опекунами (такъ выражался фонъ-Рейбницъ) привилегіи, пользоваться ими для своего преуспѣянія преимущественно въ сельско-хозяйственномъ, промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ—вотъ обязанности жителей Кракова передъ Европою: они должны направить свои силы къ открытію полезныхъ изобрѣтеній и къ улучшенію существовавшихъ уже производствъ. Всѣ граждане должны участвовать въ этомъ дѣлѣ; а поощрять ихъ къ тому заботливою рукой и чуткимъ сердцемъ должна прекрасная половина краковского населенія. «Вы должны утвердиться въ гражданскихъ доблестяхъ», твердилъ прусскій комиссаръ, «въ духѣ согласія, и соперничать любовью къ родинѣ съ сосѣдними народами, особенно съ вашими соплеменниками, которые, перейдя подъ управленіе Александра Благословеннаго, имѣютъ покрыть имя Польши новымъ блескомъ передъ потомствомъ».

«Тебѣ, ясновельможный президентъ», сказалъ въ заключеніе фонъ-Рейбницъ, обращаясь къ президенту сената, «призванному въ болѣею частію сенаторовъ къ своему званію монархами нами, тебѣ передаемъ наше дѣло. Ты имѣешь немалую охрану для себя въ томъ, что сердца цѣлаго народа подтвердили твой выборъ. Еслижъ, однакожъ, когда-либо выступишь изъ своего станія и возвратишься къ семьѣ, то оставь своему преемнику

примѣръ благороднаго, доблестнаго и истинно гражданскаго образа мыслей, который служить лучшимъ знаменемъ въ республикахъ». Такъ смотрѣли на свое дѣло и на будущность Кракова сами члены организаціонной комиссіи, уступившіе свое мѣсто обычнымъ резидентамъ трехъ покровительствующихъ дворовъ.

Но послѣдній годъ дѣятельности организаціонной комиссіи замѣчательнѣе былъ еще тѣмъ, что въ это же время приступлено было къ устройству въ окрестностяхъ Кракова новаго могильнаго кургана, которому суждено было сдѣлаться, вмѣстѣ съ могильными насыпями Кравуса и Ванды, какъ-бы гранями, обозначающими начало и конецъ независимаго существованія Польши. Мы разумѣемъ могилу Костюшки. Еще тотчасъ по смерти его, 3-го (15-го) октября 1817 года, въ разныхъ частяхъ прежней Рѣчи-Посполитой стало обнаруживаться желаніе похоронить останки послѣдняго героя Польши на родной землѣ, и почтить память вождя недавней борьбы за народную независимость памятникомъ, созданнымъ на пожертвованіе отъ всего народа. Первыми, которые принялись за распространеніе этой мысли, были генералъ Мокроновскій, князь Антоній Яблоновскій, референдаръ правительственнаго совѣта царства польскаго Войда, Викторъ Оссолинскій, Гейнрихъ Любенскій, Майеръ, Зеленко, Клиньскій, Забоклицкій и другіе. Милостивое разрѣшеніе императора Александра I ускорило выполненіе такого желанія. Онъ выслалъ въ Золотурнъ князя Яблоновскаго для перевезенія праха Костюшки изъ Швейцаріи въ Краковъ, и издержки на это вѣлѣлъ покрыть изъ кассы царства польскаго. Краковъ, бывшій некогда столицею всѣхъ польскихъ областей, хранившій въ себѣ столько историческихъ памятниковъ польской жизни, предназначенъ былъ снова быть хранителемъ народнаго воспоминанія о послѣднихъ дняхъ польской независимости. Могила Костюшки должна была связать вольный городъ новыми традиционными узамъ съ остальными областями, находившимися подъ отдѣльнымъ правленіемъ трехъ державъ. Еще 9-го (21-го) февраля 1818 года, когда тѣло Костюшки находилось въ Швейцаріи, сенатъ вольнаго города обратился къ ректору Ягеллонскаго университета съ предложеніемъ, чтобы онъ вызвалъ людей свѣдущихъ, къ разрѣшенію вопроса: какой памятникъ долженъ быть поставленъ Костюшкѣ? Изъ сенатскаго предложенія видно, что памятникъ въ то время думали поставить на городской площади, съ какою цѣлью и требовался проектъ колонны или статуи. Затѣмъ, 30-го марта (11-го апрѣля) 1818 года, чрезъ Ульмъ и Дунаецъ на Вѣну,

доставлены были въ Краковъ останки Костюшки. Но только 7-го (19-го) іюня совершена была торжественная процессія перенесенія праха изъ предмѣстья Клепаржъ въ кафедральный соборъ. Первоначальный обрядъ отправлялъ архіепископъ Вороничъ, и заключилъ его прекрасной рѣчью, которую произнесъ при поставленіи гроба въ соборномъ склепѣ. Это было 11-го (23-го) іюня. Гробъ поставленъ былъ тогда на деревянномъ катафалкѣ, хранящемся нынѣ между различными историческими предметами въ музеѣ краковскаго ученаго общества, и имѣющемъ видъ четырехграннаго саркофага на высокомъ пьедесталѣ. Въ день торжества катафалкъ окружали колонны, составленныя изъ различнаго оружія и украшенныя знаменами, гербами и знаками разныхъ польскихъ областей. Гробъ, находившійся наверху катафалка, прикрытъ былъ краковской шапкой и саблей; собственный палашъ Костюшки, покрытый крестомъ, висѣлъ подлѣ его герба. Бока катафалка представляли собою картонны Михаилъ Стаховича, изображавшіе важнѣйшія сцены изъ жизни покойнаго; эти картонны хранятся также въ упомянутомъ музеѣ. На одномъ изъ нихъ представлена колонна съ бюстомъ Костюшки, на голову котораго безсмертіе кладетъ вѣнокъ, а отечество плачетъ надъ гробовою урной; на другомъ изображено было событіе, совершившееся во Франціи, когда одно слово Костюшки, уже находившагося внѣ службы, удержало улановъ отъ нанесенія обиды мельнику, у котораго они хотѣли разрушить плотину; третій картонъ изображалъ прыгу вождя на краковскомъ рынкѣ, 12-го (24-го) марта 1794 г.; на четвертомъ представлено было, какъ президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Вашингтонъ, въ присутствіи собравшихся воиновъ, украшаетъ Костюшку знакомъ Цинцинната.

Слишкомъ два года прошло послѣ перенесенія тѣла Костюшки въ Краковъ, пока тянулись разсужденія надъ разными проектами, представленными сенату, согласно его приглашенію. Изъ множества проектовъ избранъ былъ тотъ, который указанъ былъ общимъ голосомъ, и который нельзя назвать принадлежащимъ какому-либо одному лицу. 7-го (19-го) іюля 1820 года сенатъ издалъ объявленіе, что въ память Костюшки долженъ быть насыпанъ земляной курганъ. Эта мысль понравилась всѣмъ, за исключеніемъ немногихъ составителей проектовъ, предлагавшихъ обелизны, колонны и т. п. Мѣстомъ для кургана избрано было возвышеніе, находившееся въ виду у всего города, издавна называвшееся Сигурникомъ, отъ порослей, спускавшихся по его склону, а съ 1703 года, когда построена была на немъ часовня въ честь св. Брониславы, получившее новое названіе отъ ея имени. Святая Бро-

нислава, жившая въ первой половинѣ XIII-го вѣка, стала такимъ образомъ патронессою Костюшкиной могилы, а часовня ея, реставрированная въ половинѣ прошлаго столѣтія Петронеллою Понатовскою, и славившаяся рисунками Андрея Радванскаго, стала еще болѣе извѣстною. Въ пустынной обстановкѣ, надъ расположившимся у подножія холма древнимъ городомъ, на одной высотѣ съ Вавельскимъ замкомъ и курганами Ванды и Кракуса, рѣшено было воздвигнуть новую могилу. 3-го (15-го) октября 1820 года, въ годину смерти Костюшки, предназначено было приступить къ заложению кургана; но такъ какъ въ этотъ день приходился церковный праздникъ, то сенатъ перенесъ народное торжество на другой день. Съ ранняго утра гора св. Бронислава покрыта была огромными толпами городскихъ и сельскихъ жителей; вершину ея занимала милиція и представители сельскихъ общинъ, а также ремесленные цехи съ ихъ значаими. Въ десять часовъ изъ Кракова двинулся поѣздъ, въ коемъ участвовали члены сената, соборнаго капитула, университета, бѣлое и черное духовенство и всѣ остальные власти вольнаго города. Ровно въ полдень, войтъ Звѣринецкой гмины, къ землямъ которой принадлежалъ холмъ, предназначенный для могилы, встрѣтилъ сенатъ и властей. Послѣ богослуженія, совершеннаго епископомъ Скурковскимъ (позднѣе епископъ), замѣнявшимъ отсутствующаго Воронича, освящено было могильное мѣсто. Затѣмъ, Францисекъ Пашковскій, генералъ польскихъ войскъ и другъ Костюшки, произнесъ длинную рѣчь, въ которой упомянулъ о важнѣйшихъ событіяхъ изъ жизни покойнаго вождя, объ его значеніи и заслугахъ для народнаго дѣла, которое, по словамъ оратора, не должно прекращаться съ его смертью. По окончаніи рѣчи, при громѣ пушекъ и салютовъ краковской милиціи, насыпана была въ основаніе могилы земля изъ-подъ Раславицъ, съ костями павшихъ тамъ въ битвѣ 23-го марта (4-го апрѣля) 1794 года. Ревнители воспоминаній о послѣднихъ минутахъ Рѣчи-Посполитой придумали взять эту землю съ того мѣста, гдѣ погребены были капитанъ Чарнецкій и поручикъ Гостковскій, тутъ же и павшіе во время Рацлавской битвы, и еще оттуда, гдѣ Гвяздацкій и Гловацкій кинулись на непріятельскую батарею. Присланные въ Раславицы нашли на томъ мѣстѣ, которое они должны были раскопать, печку, принадлежавшую бѣдному гончару; возбужденный воспоминаніемъ о Костюшкѣ, гончаръ позволилъ разобрать ее, а рацлавскіе крестьяне добровольно предложили свои труды для такой работы. Добытая такимъ образомъ земля привезена была въ Краковъ, откуда и доставлена къ могилѣ въ сопровожденіи

народной толпы, бывъ встрѣчена у Флоріанскихъ воротъ цѣхами
ихъ значками. Возъ, на которомъ привезена была эта земля,
бранъ былъ косами и пиками въ видѣ вѣнцовъ. Конвоемъ, окру-
жавшимъ возъ, командовалъ капитанъ Яковъ Чернинскій, адъю-
тантъ Костюшки; офицеры, находившіеся въ конвоѣ, одѣты были
старинные польскіе мундиры. Въ то время, какъ насыпали
ту землю, власти подписывали актъ, свидѣтельствовавшій о за-
кладѣ могилы; этотъ актъ, вмѣстѣ съ портретомъ Костюшки и
бычными въ подобныхъ случаяхъ вещами, былъ положенъ въ
оцинкованную урну и помѣщенъ въ срединѣ насыпи. Копія съ него
передана была въ сенатскій архивъ, а въ 1826 году изданы
были особой брошюрой и всѣ документы, касавшіеся погребенія
Костюшки. Первую тачку рацлавской земли высыпалъ на урну
президентъ сената, графъ Станиславъ Водзицкій; затѣмъ всѣ при-
утствовавшіе принялись за ту же работу. Современники, бывшіе
на этомъ торжествѣ, причли тотъ день въ число народныхъ вос-
поминаній: и дѣйствительно, Краковъ видѣлъ тогда на горѣ св.
Брониславы не только гостей со всѣхъ польскихъ земель, но и
представителей разныхъ эпохъ въ ихъ старинныхъ одѣяніяхъ:
барскихъ конфедератовъ, ратниковъ Костюшки и легіонаріевъ
Наполеона. Окончаніе кургана и собраніе дальнѣйшихъ по-
жертвованій на памятникъ поручены были сенатомъ особому ко-
митету, который учрежденъ былъ 12-го (24) ноября 1820 года, и
существовалъ до позднѣйшаго времени. Дальнѣйшее устройство
могилы совершалось по проекту архитектора Гумберта и про-
фессора Сапальскаго: по этому проекту могила должна была
имѣть 42 сажени въ діаметръ, 18 въ вышину и 55 въ спускѣ.
Еще во время насыпанія кургана, княжна Изабелла Чарторый-
ская прислала землю съ поля битвы подъ Моціевичами, гдѣ Ко-
стюшко былъ взятъ въ плѣнъ: эта земля также положена была
на высотѣ 60 футовъ въ урну съ новымъ документомъ. Впослѣд-
ствіи прислана была земля съ полей битвъ подъ Щекотиномъ и
Дубенками, и насыпана въ средину кургана. Расходы на устрой-
ство кургана сильно увеличились вслѣдствіе намѣренія, которое
возмѣлъ въ 1821 году комитетъ, пожелавшій расположить у
подножья кургана небольшое селеніе, которое называлось бы Ко-
стюшковымъ, и въ которомъ бы жили три племянницы покойнаго
вождя. Кромѣ того, рѣшено было произвести скрѣпленія въ раз-
личныхъ мѣстахъ кургана, разбить садъ и проложить удобную
дорогу къ нему. Всѣ эти работы потребовали немало времени
и расходовъ. Къ концу отдѣльнаго политическаго существованія
Кракова издержки на курганъ Костюшки дошли до 220,000 злотыхъ.

тыхъ; предположенная въ началѣ форма его измѣнилась: діаметръ его сталъ длиннѣе на одну сажень и восемь вершковъ, но вышина менѣе на двѣ сажени и четыре фута. Наибольшія пожертвованія поступили отъ графа Артура Потоцкаго (12,000 зл.) и братьевъ Вареолеона и Францишка Цѣсяльскихъ (17,360 зл.). По присоединеніи Кракова къ Австріи, правительство послѣдней признало курганъ Костюшки народнымъ памятникомъ, для чего совершень былъ нотаріальный актъ 20-го марта (1 апрѣля) 1852 года и утвержденъ комитетъ, имѣвшій надзоръ за могилою. Но еще за годъ предъ тѣмъ австрійцы построили подлѣ кургана небольшое укрѣпленіе и расчистили мѣсто для военныхъ упражненій. Эти постройки отдѣлили курганъ Костюшки отъ города и испортили видъ на него. Такъ какъ сенатъ вольнаго города постановилъ, чтобы наверху могилы положенъ былъ камень съ надписью: «Костюшки»; то строительный комитетъ въ іюнѣ 1860 года перевезъ туда большой гранитъ съ Татранскихъ горъ, отъ истоковъ Бѣлаго Дунайца, и велѣлъ высѣчь на немъ означенную надпись. У этого камня поставлена палка съ описаніемъ исторіи кургана, съ соответственнымъ протоколомъ о томъ и восемью билетами польскаго казначейства 1794 года. Наконецъ, еще въ 1852 году издано было прибавленіе къ прежнему описанію могилы.

Такимъ образомъ, при самомъ началѣ Краковской республики, благодаря тому расположенію, которое императоръ Александръ I оказывалъ польской народности и ея историческимъ воспоминаніямъ, окрестности вольнаго города, предназначеннаго для свободной торговли, строгаго нейтралитета и отдѣльнаго политическаго существованія, украсились памятникомъ, укрѣплявшимъ за Краковомъ прежнее значеніе его среди польскихъ земель и напоминавшимъ его жителямъ о послѣдней борьбѣ Рѣчи-Посполитой за свою независимость. Курганъ Костюшки сталъ для Кракова какъ-бы указаніемъ на его роль въ судьбахъ польскаго народа, которая перешла къ нему по наслѣдію, завѣщанному вѣнскимъ конгрессомъ.

Нилъ Поповъ.

МЕЛОДИИ

ИЗЪ ДОМА СУМАСШЕДШИХЪ

Сырокомля.

1.

Я господинъ всему, что міръ въ себѣ вмѣщаетъ.
Все, что въ немъ плаваетъ, и ходитъ, и летаетъ,
И небо, и земля—все собственность моя,
И потерять ее не опасаюсь я:
На ключъ я затворилъ небесныя палаты,
А шаръ земной стянулъ въ надежныя канаты;
Ключъ спряталъ я въ карманъ, завязки сжалъ въ кулакъ—
И ужъ оттуда ихъ не вырвете никакъ.
Ну, люди, смирно всѣ! Вы, духи, смирно, тоже!
Ни пьянуть! А не то, оборони васъ, Боже!
Такъ топну я ногой, такой трезвонъ задамъ,
Что, милые мои, придется жутко вамъ!...
Т-съ! всѣ вы... Слышите? Меня долить дремота...
Да солнце загасить! Оно сегодня что-то
Ужъ слишкомъ бѣтъ въ глаза... А если потушить
Оно не дастъ себя,—ну, голову обрить,
Такъ точно, какъ и мнѣ ее за то обрили,
Что слишкомъ ужъ людей лучи ея палили!..

2.

Спасибо, любезный пріятель,
За книжки, ссуженныя мнѣ!
Большое спасибо! Да только
Ужъ слишкомъ серьезны онѣ!

А въ свѣтѣ и такъ ужъ, мой милый,
Все только серьезность одна...
Меня, признаюсь откровенно,
Совсѣмъ одолѣла она!

Все корчить серьезныя мины:
Чиновникъ въ чернильной норѣ,
Изношенный хлыщъ на паркетѣ,
Индѣйскій пѣтухъ во дворѣ.

Серьезность—и всюду серьезности!
А глянь-ка, любезнѣйшій другъ,
Какія смѣшныя все вещи
Живутъ, происходятъ вокругъ!

Пришли же мнѣ книжечъ веселыхъ,
Чтобъ могъ я за ними прогнать
Мои безотрадныя мысли
И все хохотать, хохотать!

Такая чудесная штука,
Такая здоровая—смѣхъ!
И я приглашаю со мною
Смѣяться рѣшительно всѣхъ.

Всѣ смѣйтесь, безъ удержу смѣйтесь:
И ты, канцелярскій мой крюкъ,
И ты, хлыщеватая тряпка,
И ты, величавый индюкъ!

Всѣ смѣйтесь: вы, люди—надъ смертью,
Ты, смерть—надъ породой людской,
Гора—надъ смиренной долиной,
Долина—надъ гордой горой,

Сердитая черная туча,
 Лучи на лазури небесь,
 Раздольное свѣтлое поле,
 Печалью укутанный лѣсъ...

Все смѣйся! Пусть слышать повсюду,
 Во всякомъ малѣйшемъ углѣ,
 Какъ весело нынче живется
 На этой веселой землѣ!..

3.

Что за странныя фигуры
 По стѣнамъ моей конуры
 Нынче все сплужутъ!
 Разобрать глазамъ трудненько,
 Что такое: деревенька,
 Или городъ тутъ?
 Вотъ какая-то избушка,
 Точно дряхлая старушка
 Грустно склонена,
 Вонъ и церковь тамъ бѣлѣтъ;
 Вѣтерочекъ чуть повѣтъ —
 Ужъ скрипитъ она.
 Стѣны точно сгрызли мыши,
 Провалились доски крыши —
 Жалкій видъ такой!
 Съ колокольни въ околотѣхъ
 Слышенъ хриплый, какъ въ чахотѣхъ,
 Звонъ за упокой.
 Мужиковъ босыхъ двѣ пары —
 Всѣ, какъ эта церковь, стары —
 Бѣдный гробъ несутъ;
 Со свѣчами двѣ вдовицы —
 Двѣ сидѣлки изъ больницы —
 Вслѣдъ за нимъ идутъ.
 Органистъ — онъ пѣвчій тоже —
 Красный носъ на красной рожѣ —
 Не жалѣетъ силъ:
 Чтобъ усилить звучность глотки,

Не одинъ стаканчикъ водки
 Нынче онъ хватилъ.
 Какъ затянеть: *Dies illa!*
 Или равненеть вдругъ: *Sybilla!*
 Или, наконецъ,
Requiescat омъ заляется,—
 Я боюсь: вотъ-вотъ проснется
 Въ гробъ самъ мертвецъ!
 Провожатыхъ мало сзади,
 Любопытства только ради
 Пять-шесть душъ пошли
 Посмотрѣть на погребенье,
 Да мальчишки въ заключенье
 Топчутся въ пыли...
 Вотъ, смутясь при видѣ гроба,
 Двое проходящихъ—(оба—
 Мертвеца друзья)—
 Своротить спѣшатъ искусно
 И вздыхаютъ: «Грустно! Грустно!
 Скверная статья!
 Ахъ, бѣдняга! Вѣдь какое
 Было сердце золотое!
 Какъ, весь міръ любя,
 Согрѣвало и свѣтило—
 И огнемъ своимъ спалило
 Самого себя!
 Жалко, да... Но... власть Господня!
 Живъ и свѣжъ нашъ братъ сегодня,
 Завтра вдругъ капутъ!
 Такова ужъ жизнь земная!..»
 И пріатели, вздыхая,
 Далѣе идутъ...

— «Эй! По комъ такъ голосисто
 Ты блѣнешь?»—у органиста
 Спрашиваетъ франтъ,
 Въ гробъ сквозь стеклышко глазъ,
 «На безжизненномъ лицѣ я
 Вижу умъ, талантъ...
 Кто покойникъ?»— «Не блѣю я»,
 Отвѣчаетъ, негодуя,
 Органистъ;— «пою

По-латыни очень внятно;
 Исполняю аккуратно
     Должность я свою.
 А покойникъ въ гробѣ этомъ
 Былъ—какъ слышалъ я—поэтомъ:
     Все писалъ стихи;
 Да изъ книгъ, что было мочи,
 Набирался дни и ночи
     Всякой чепухи.
 Горемыкой вѣчнымъ жилъ онъ...
 Та, которую любилъ онъ,
     Бросила его;
 Въ дружбу вѣрилъ онъ сердечно,
 И надули всѣ, конечно,
     Друга своего.
 Что писалъ онъ—загрызали
 Рецензенты—(такъ называли
     Этихъ мнѣ господъ);
 Получилъ наслѣдство гдѣ-то—
 Отобрали тѣтки—(это
     Ужъ такой народъ!)
 Не везло ни въ чемъ бѣднягѣ!
 И пришелъ конецъ отвагѣ,
     Сталъ онъ унывать;
 Всѣхъ пугается, дичится;
 Повстрѣчаться съ кѣмъ случится—
     Онъ скорѣй бѣжать!
 И пошли сейчасъ повсюду
 Слухи, толки: «быть тутъ худу!
     Экая бѣда!
 Посмотрите... полу-умный...
 А какой вѣдь былъ разумный
     Парень—хоть куда!»
 Заболѣлъ онъ... на соломѣ
 Дни свои кончается... въ домѣ
     Хлѣба ни крохи,
 Дровъ давно ужъ не бывало,
 А ему и дѣла мало—
     Знай, плететь стихи;
 Иль въ бреду порою скажетъ:
 «Да когда-жъ въ могилу ляжетъ
     Голова моя?..

Какъ любить я всѣхъ!.. За что же
Такъ мнѣ платать?.. Боже, Боже,

Что имъ сдѣлать я?..»

И голодной смертью—(это

Смерть обычная поэта,

Надо полагать),

Умеръ... Жаль бѣднягу... Только

Скверно то, что вотъ изволь-ка

Даромъ отпѣвать!

А за свѣчи, что сгорѣли,

Кто заплатить? Ужъ не тѣ ли,

Кто промежъ писаекъ

Побогаче? Дожидайся!..

Вотъ и пой тутъ, надрывайся

Даромъ, какъ дуракъ!

Ну, да пусть!.. Эй, дѣды, бабы!

Голоса-то ваши слабы...

Посильнѣй! Тяни!..»

И, напрягши дружно силы,

Requiescat у могилы

Гаркнули они.

ПЕТРЪ ВЕЙНВЕРГЪ.

ПРИЗНАНІЯ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОТЦОВЪ

Théophile Gautier: 1) Portraits contemporains. Paris, 2-ième édition, Charpentier et Cie, 1874; 2) Histoire du romantisme etc., deuxième édition, 1874.
Champfleury. Souvenirs et portraits de jeunesse. Paris, E. Dentu. 1872.

Окончаніе.

V *).

Но закончился ли парижскій романтизмъ въ 30-хъ годахъ? Не имѣлъ ли онъ послѣдующей формаціи? На эти вопросы отвѣчаетъ гораздо больше книжка Шанфлѣри, чѣмъ замѣтки и воспоминанія Готье. У Шанфлѣри находимъ мы, въ очень характеристическихъ деталяхъ, исторію народненія второй формаціи того же романтизма, принявшаго только другое прозвище, иныя формы и даже приютившаго въ нѣдрахъ своихъ и литературный, и художественно-пластическій реализмъ. Эта вторая формація была такъ-называемая *богѣма* — слово, получившее и у насъ обширное примѣненіе, часто совсѣмъ нехстати. И Готье говорить о двухъ выдающихся личностяхъ богѣмы, извѣстныхъ русскому читателю (тоже больше по именамъ): о Мюржѣ и Бодлерѣ. Онъ ограничивается одной общей оцѣнкой ихъ литературной фizioноміи, а Шанфлѣри входитъ въ подробности душевной и житейской характеристики. Связь этихъ нео-романтиковъ второй формаціи

---

*) См. выше: янв. 196 стр.

съ людьми генераціи 30-хъ годовъ видна во всемъ, начиная ихъ художественныхъ идеаловъ, авторитетовъ иностранной поэзіи и образцовъ, которымъ они подражали, вплоть до страсти къ чрезвычайному и дикому, доведенной нѣкоторыми изъ нихъ до крайнихъ предѣловъ. И къ личностямъ романтиковъ первой формаци, къ ихъ талантамъ и манерѣ они сохраняли большую слабость, несмотря на разницу эпохъ. У кого была въ рукахъ книжка стиховъ Бодлера, озаглавленная «*Les fleurs du mal*», тотъ помнитъ вѣроятно, что сборникъ этотъ посвященъ Теофилю Готье, названному торжественно: «*le poète impréscable*». Такой эпитетъ, уподобляющій Готье непогрѣшимому папѣ, могъ вылиться только изъ сердца или головы истиннаго поклонника, тѣмъ болѣе, что Бодлеръ помѣшанъ былъ на независимости вкуса и мнѣній, и съ чужого голоса пѣть не желалъ ни подъ какимъ видомъ.

Неудивительно, стало-быть, особливо при обычномъ благодушіи Готье, видѣть въ немъ сочувственнаго и даже хвалебнаго критика талантовъ Мюржé и Бодлера. О нихъ обоихъ онъ говоритъ по поводу смерти. И Мюрже, и Бодлеръ умерли преждевременно, особливо Мюржé, жившій всего тридцать-девять лѣтъ. Готье не хочетъ, въ своей надгробной, такъ-сказать, замѣткѣ, показывать беспорядочность натуры и образа жизни, отразившуюся въ литературной карьерѣ Мюржé. Онъ жалѣетъ о погибшихъ слишкомъ рано поэтическихъ силахъ, и старается только въ легкомъ очеркѣ схватить самыя лучшія стороны дарованія, зря прожившаго свой вѣкъ богемы. Онъ и говоритъ исключительно о поэтѣ. Пѣвецъ *Мими* и *Мюзетты* кажется ему самымъ искреннимъ элегистомъ молодости. Кромѣ молодыхъ порывовъ и тревоженій молодого смѣха и горя, молодой безпашабности и молодой любви, ничего у Мюржé не ищите—и все это окрашено въ особый колоритъ мечтательнаго скептицизма, который не исключалъ ни наивнаго энтузіазма, ни чисто-парижскаго зубоскальства? Готье очень мѣтко замѣчаетъ, что богема иначе и не можетъ писать: онъ живетъ какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ въ цыганскомъ своемъ эльдорадо, а потомъ долженъ исчезать. Запоздалый богема, студентъ съ сѣдыми волосами—печальное зрѣлище и мишень сарказмовъ для буржуа. Готье вполне понимаетъ всѣ мотивы поэзіи Мюржé, и съ внимательностью знатока останавливается на тѣхъ элегіяхъ, гдѣ схвачены самыя живыя краски молодыхъ испытаній... Но всѣ эти мотивы сводятся къ опоевизированію гризетки, къ пѣсенкѣ о Мюзеттѣ. Повторяя то, что онъ уже сказалъ о своемъ пріятелѣ Вабрѣ — страстномъ Шекспирофилѣ—Готье кончаетъ свой этюдъ словами: «на мо-

гдѣ Мюржé нельзя ли бы было написать: «Онъ сложилъ книгу о *Mюзеттѣ*?»

Точно также и о Бодлэрѣ Готье отзывается крайне-сочувственно, указывая только на лучшія стороны его литературной фizioноміи. Дикости Бодлэра Готье объясняетъ не болѣзнью переродившагося романтизма, а главнымъ образомъ тѣмъ, что Бодлэръ родился въ Индіи и рано поглотить былъ чтеніемъ Эдгара Поэ, котораго онъ, какъ извѣстно, и перевелъ такъ хорошо, какъ во Франціи никто бы, кромѣ его, не перевелъ. Вотъ эту-то натурализацию Эдгара Поэ и ультра-фантастическаго рода литературы и ставитъ Готье Бодлэру въ главную заслугу. Любя творчество *an und für sich*, Готье и останавливается на одной художественной и мозговой оригинальности такого рода литературы, какъ произведенія Эдгара Поэ, и не хочетъ поглубже анализировать тѣ плоды, какіе такая беспорядочность фантазій и мысли привнесла въ книжкѣ стихотвореній самого Бодлэра: — «*Les fleurs du mal*». Да онъ бы и не совладалъ съ такимъ анализомъ. Его дѣло выбрать подходящій образъ для сравненія съ талантомъ и направленіемъ. На этотъ разъ онъ проситъ читателя припомнить одинъ изъ разсказовъ американскаго писателя, Натаніеля Готорна (разсказъ этотъ существуетъ у насъ въ переводѣ), гдѣ дочь ботаниста, разводившаго въ саду ядовитыя растенія, такъ пропиталась ими, что весь ея организмъ потерялъ нормальные живительные соки. Съ нею сравниваетъ Готье и Бодлэра, который послѣ своихъ «*Fleurs du mal*» вдался въ дилеттантство изученія разныхъ одуряющихъ средствъ и напечаталъ о нихъ родъ полу-фантастическаго трактата: — «*Les paradis artificiels*». Не мудрено, что онъ сошелъ въ могилу всего сорока-пяти лѣтъ...

Ни Мюржé, ни Бодлэръ не встаютъ передъ нами живые — въ характеристикахъ Готье. Людей этихъ и ихъ нравы надо искать въ книжкѣ Шанфлэри. Романистъ, считающійся, послѣ Бальзака, корифеемъ и даже главой реального изображенія дѣйствительности, — сверстникъ и пріятель членовъ литературно-художественной богемы. Ихъ карьера началась вмѣстѣ. Они принадлежатъ къ періоду отъ конца сороковыхъ годовъ вплоть до расцвѣта наполеоновскаго режима. У нихъ, какъ и у «гюголатровъ» 30-хъ годовъ сложился свой «*petit cépacle*», гдѣ авторитетами были опять-таки Гюго съ позднѣйшими поэтическими талантами: Альфредомъ Мюссе и Альфредомъ де-Виньи. Въ ихъ тѣсномъ кружкѣ жизнь и порыванія явились повтореніемъ того, что переживалъ Готье съ братіей, только въ нѣсколько иной об-

становкѣ: та же была связь и между литературой и другими искусствами, та же беззаботность и погоня за оригинальностью... Только все это приняло гораздо болѣе мягкій оттѣнокъ и охлаждалось все болѣе и болѣе развивающимся скептицизмомъ цыганщины. Въ книжкѣ Шанфлѣри находимъ мы не только картину зарожденія богемы, но и гораздо болѣе объективный тонъ разсказа, чѣмъ у Готье.

Вотъ какъ онъ характеризуетъ то общество молодыхъ людей Латинскаго квартала, куда онъ попалъ, прїѣхавъ въ Парижъ мелкимъ приказчикомъ книжнаго магазина, но съ сильными литературными и художественными поползновеніями. Онъ занимался немножко живописью, и его ввели въ кружокъ прїатели-провинціалы, явившіеся до него въ столицу искать славы Лакруа и Энгро.

«Мой первый визитъ, по прїѣздѣ въ Парижъ, былъ къ моимъ друзьямъ *мазилкамъ* (les garins), которымъ я сообщилъ о моихъ планахъ. Сейчасъ же разнесся слухъ, что будущій водевилистъ только-что остановился въ одномъ изъ *hôtels garnis* Латинскаго квартала, и что у него голодные желудки могутъ найти даровой обѣдъ. Этимъ путемъ я вскорѣ познакомился поближе съ новыми членами кружка «de la bagrière d'Enfer».

«Мюржѣ былъ тогда въ полномъ своемъ блескѣ: въ одно и то же время и поэтъ, и живописецъ, и секретарь русскаго знатнаго барина ¹⁾, онъ ослѣплялъ друзей необычайной роскошью своей квартиры въ улицѣ Туръ д'Овернь».

«Этотъ *appartement* былъ просто-на-просто мансардой; но тамъ читались великолѣпныя драмы въ стихахъ, и онѣ-то скрашивали ея голыя стѣны. Мнѣ сдѣлали честь на первыхъ же порахъ, допустивъ меня до одного изъ такихъ чтеній; но я не очень-то восторгался, не взирая на горячіе возгласы хвалителей.

«Мюржѣ предоставлялъ свои «салоны» брату по поэзіи, и принималъ гостей съ необыкновенной прїятливостью. Прохладительными служили рукоплесканія; но вѣра среди слушателей была сильна, и каждый изъ нихъ былъ убѣжденъ, что призванъ играть, со временемъ, роль Виктора Гюго, Мюссе, Альфреда де-Виньи.

«Таковы были боги этой мансарды, гдѣ царствовали идеи «à la Chatterton». Предисловія г. де-Виньи, тѣ его страницы, гдѣ онъ говоритъ о тяжеломъ положеніи пишущей братіи, сгруп-

¹⁾ Шанфлѣри не говорятъ—кого ценно.

пировали вокругъ поэта нѣсколько писателей-поденщиковъ, въ которыхъ принадлежалъ тогда и Мюржé.

«Я упустилъ его изъ виду на нѣкоторое время. Его занятія въ качествѣ секретаря, его любовныя похождения, ночи, проведенныя надъ работой, удалили его отъ Латинскаго квартала. Я нашелъ его потомъ въ госпиталѣ. Мюржé не былъ боленъ. Но ночная работа, сидѣнье по кафе, словомъ, его обычная гигиена, уже значительно испортили его *парижскую* кровь, которая, пятнадцать лѣтъ спустя, отказывалась поддерживать жизнненность въ его членахъ и уложила его въ постель, гдѣ онъ и нашелъ вѣчный покой.

«Въ госпиталѣ Мюржé писалъ религіозные стихи для своихъ сестеръ. По знакомству съ ассистентами онъ пользовался разными привилегіями, почему онъ и не особенно хотѣлъ выздоравливать.

«Мюржé началъ свою жизненную дорогу ремесломъ клерка у повѣреннаго (avocat). Жалованье онъ получалъ самое ничтожное, особливо при его молодыхъ инстинктахъ. Онъ не хотѣлъ оставаться весь свой вѣкъ писцомъ и открылъ въ себѣ талантъ въ живописи; но его ужасныя акварели (о которыхъ даже въ кружкѣ de la barrière d'Enfer говорили съ улыбкой) не особенно подвинули его художественную карьеру. У него описали мебель въ его квартирѣ, въ улицѣ de la Tour d'Auvergne, и Мюржé затуманился.

— «Черезъ нѣсколько дней, — сказалъ я ему тогда, — я свѣзжаю изъ hôtel garni. Мнѣ пришлютъ изъ дому кое-какую мебель, и отецъ мой согласился высылать мнѣ полгода маленькое денежное подспорье. Хотите раздѣлить это со мною?

«Недѣлю спустя, мы устроились въ квартирѣ, въ улицѣ Во-жираръ, гдѣ меня тотчасъ же посвятили въ закулисныя тайны поэтической жизни.

«Какой молодой человѣкъ, являясь въ Парижъ, не мечталъ поставить на сцену остроумный водевиль? Мюржé и я затѣяли написать водевиль. Въ одинъ день я написалъ эту пьесу, «Email-lée d'esprit». Мюржé подготовилъ себя нѣсколькими чашками кофе для составленія не менѣе остроумныхъ куплетовъ, но послѣ восьми ночей онъ совладалъ всего съ четырьмя куплетами, въ которыхъ и не пахло еще повтомъ. Водевиль мы представили въ два театра: я—въ Пантеонъ, Мюржé—въ Бобинó.

«Въ монастырѣ св. Бенуа, подъ сводами старой церкви, превращенной въ театр, директоръ указалъ мнѣ на цѣлую гору манускриптовъ, восходящую отъ основанія одной изъ колоннъ до

капитали. Я понялъ сразу, что нашей пьесѣ не видать подмостокъ раньше второго пришествія.

«Мюржé понесъ водевилъ въ театръ Бобинó. Директоръ сдѣлалъ за контролемъ, у входа, и принялъ Мюржé въ тотъ часъ, когда входила публика. Мюржé долженъ былъ прочесть водевилъ на открытомъ воздухѣ, передъ контрольнымъ бюро, директору, занятому отбираниемъ билетовъ. Мы повѣлялись больше не писать для театра, думая, что вездѣ точно также странно принимаютъ авторовъ пьесъ.

«Лѣньность боемы вообще ужасно преувеличивали въ разсказахъ о ней. Въ дѣйствительности, трудъ былъ основаніемъ нашей жизни. Вдвоемъ мы сколотили библіотеку. Мюржé доставлялъ поэтовъ, а я—прозаиковъ. Онъ питался очень много Шекспиромъ, въ переводѣ Летуриэра, и вліяніе шекспировскихъ *Concetti* прошло по его манерѣ. Хотя авторъ «*Poésies d'hiver*» прикрывался знаменемъ «*Mimi Pinson*», но Ромео и комедія Шекспира сообщили Мюржé вкусъ къ изысканнымъ діалогамъ «*Vie de Bohème*»,—книгѣ, которая, несмотря на свои недостатки, останется одною изъ самыхъ характерныхъ для поволѣнія, явившагося нѣсколько раньше 1850 года. *Mimi* и *Musette*—дочери *Manon Lescaut*—предшествуютъ «*Дамѣ съ камеліями*» и указываютъ уже на тѣ каменоломни, откуда въ теченіи пятнадцати лѣтъ драматурги извлекли столько мраморныхъ красавицъ!

«Странная случайность литературной жизни! „*La vie de Bohème*“ состояла, вначалѣ, изъ отрывочныхъ разсказовъ, за которые маленький журналъ платилъ по пятнадцати франковъ за штуку. Эти разсказы прошли почти незамѣченными и, быть можетъ, остались бы безвѣстными, еслибъ драматическій писатель не вдѣлалъ ихъ жемчужинъ въ ожерелье театральнаго зрѣлища. Театръ далъ успѣхъ книгѣ, а книга вытянула собою все, что Мюржé написалъ послѣ того до смерти. Останется изъ всего этого два тома: „*La vie de Bohème*“ и „*Les Poésies*“ въ доказательство того, какія стремленія волновали поэтическую натуру такого низменнаго происхожденія, но развившуюся собственными силами и погибшую безвременно въ пеклѣ парижской жизни.

«*Страница прозы стоила Мюржé не меньше цѣлаго стихотворенія.* Страница равнялась цѣлой ночи, а сколько страницъ было изорвано! Въ послѣдніе годы своей тяжелой жизни, Мюржé давалъ журналамъ начатія, но неоконченныя вещи, думая, что нѣсколько напечатанныхъ фельетоновъ возбуждаютъ его къ работѣ и заставляютъ его мозгъ подчиниться условіямъ этого суроваго ре-

мсла. И сколько разъ Мюржé, совсѣмъ разбитый, напрягая свою голову и сердце, силился выдать изъ нихъ нѣсколько страницъ, и еле-еле доканчивалъ, кое-какъ, вещи, написанныя съ поспѣшностью, противъ которой всегда возставала его натура. Мало нарождается такихъ писателей, какъ Лопезъ де-Вега, способныхъ написать цѣлую комедію до завтрака; но этотъ испанецъ переполненъ былъ всякихъ наблюденій, собранныхъ за много лѣтъ; а Мюржé жилъ только своимъ сердцемъ. Онъ подавилъ его немножко; капли вылились въ „*Vie de Bohème*“. Но надо было еще его давить, вставить въ тиски. И вотъ, эта-то мучительная операція и дѣлала его ночи такими болѣзненными».

Все, чтó Шанфлёръ могъ сказать о Мюржé сочувственнаго, сказано въ приведенномъ нами отрывкѣ. Иной читатель пожелалъ бы видѣть еще больше подробностей. Такому близкому пріятелю Мюржé, какъ Шанфлёръ, не трудно было бы удовлетворить подобному желанію, но онъ, точно съ намѣреніемъ, ограничился общими выводами о личности и дѣятельности Мюржé. Жизнь Мюржé и его сверстниковъ была слишкомъ мела, самъ онъ былъ слишкомъ болѣзненный продуктъ парижскаго художества. Почему онъ съ такими усиліями выжималъ изъ себя рассказы и стихотворенія, въ которыхъ мы находимъ только отголоски испытаній богемы? Потому что первая молодость Мюржé прошла въ мелкомъ дилеттанствѣ и лихорадкѣ поденнаго журнальнаго труда, вдали отъ крупныхъ интересовъ общественнаго движенія. Будь это иначе, при его несомнѣнной талантливости, Мюржé писалъ бы и больше, и легче, и не ограничивался бы однимъ изображеніемъ мелкой богемы. Сколько намъ приходится слышать отъ людей, знавшихъ Мюржé лично, онъ вовсе не принадлежалъ, по своему складу, къ живымъ, деликатнымъ натурамъ. Противорѣчіе между талантливостью и узкостью кругозора доканало его, и онъ кончилъ умственнымъ истощеніемъ и нравственнымъ маразмомъ, на который Шанфлёръ накидываетъ, какъ вѣрный другъ, скромное покрывало. Живи Мюржé теперь, онъ былъ бы исписавшійся, вѣчно пьяный бульварщикъ, можетъ быть одинъ изъ «молодцовъ» доблестнаго Вильмессана.

VI.

Шанфлѣри, хоть и принадлежалъ къ кружку нео-романтиковъ, но онъ, какъ видно, не долго питался ихъ иллюзіями. Онъ не бредилъ «Чаттертономъ» и не сталъ вдаваться въ готическія вѣтви. Его здравый смыслъ и наклонность къ повседневной наблюдательности вывели его на дорожку болѣе трезвой литературной работы. Сверстники, въ родѣ Мюржэ, не могли увлекать его настолько, чтобы онъ не понималъ печальной подкладки ихъ творческой дѣятельности: бѣдности содержанія и мелкоты идеалов. Эта нота отчасти и звучитъ въ его воспоминаніяхъ о пѣвицѣ Мими и Мюзетты. Не увлеченъ онъ оцѣнъ и Бодлэромъ, о которомъ онъ намъ рассказываетъ подробности, какъ нельзя болѣе освѣщающія типъ людей, подобныхъ Бодлэру, или, лучше сказать: болѣзнь умственного дилеттантства, разыгравшуюся въ 40-хъ годахъ не въ одной только Франціи. Говоря о Бодлэрѣ, онъ отдѣляетъ его рѣзко изъ рядовъ мелкой цыганщины, какъ крупную силу... Что-же были остальные? спросимъ мы. Онъ самъ отвѣчаетъ въ началѣ той главки, гдѣ собраны всѣ курьезы объ авторѣ «Fleurs du mal». Но не съ безпощадностью генеральнаго прокурора произноситъ Шанфлѣри свой приговоръ: напротивъ, онъ указываетъ и на житейскій гнѣтъ, нужду, ранній и изнурительный трудъ, начатый всѣми ими безъ подготовки. Кто былъ посильнѣе—выкарабкался, да и то не навсегда, остальное кое-какъ промаялось или поглощено было всякими чудищами Парижа.

Послушаемъ рассказчика:

«За исключеніемъ нѣкоторыхъ натуръ, хорошо закаленныхъ, которыя выбрались-таки изъ непроходимыхъ трущобъ богемы, все остальное было обречено прозябать безъ будущности, съ ограниченными идеалами. Ни трудъ, ни отдыхъ, ни достатокъ не позволяли этимъ кандидатамъ въ художники подняться и завоевать себѣ имя; поэтому-то я изумленъ былъ, видя, на какія горы должны были взобраться Мюржэ и пейзажистъ Шантрель изъ того, чтобы извлечь все изъ ничего, найденнаго ими въ колѣбели.

«Нѣсколько позднѣе сплотилась изъ неустрашимыхъ бойцовъ первой банды другая группа молодыхъ людей, гораздо болѣе одаренныхъ, во главѣ которой выставлялся Бодлэръ, отличавшійся весьма характерной странностью. Поэты и живописцы, образовавшіе эту вторую группу, не имѣли ничего общаго съ мазилками «de la barrière d'Enfer». Жизнь ихъ, правда, прохо-

дѣла также въ Латинскомъ кварталѣ, но не въ горготкахъ, не въ кутежахъ, не въ мрачныхъ норахъ, а въ кафе противъ театра «Одеонъ».

«Бодлѣрь и его друзья мало являлись съ богемами первой группы. Ихъ провинціальный, разсудочный темпераментъ ни мало не отвѣчалъ потребностямъ того, кто позднѣе повѣдалъ мученія своей больной души въ «Цвѣтахъ Зла».

«Долгія сношенія съ поэтомъ то приводили меня къ порывистому изумленію, то къ наивнымъ столбнякамъ... Иногда же энтузіазмъ Бодлѣря казался мнѣ мистификаціей. Разъ Бодлѣрь явился съ томомъ Сведенборга подъ мышкой. Онъ увѣрялъ тогда, что нѣтъ ни въ одной литературѣ чего-либо выше Сведенборга. А то, во время нашихъ прогулокъ по музеямъ Лувра, онъ выдавалъ мнѣ Бронцино—весьма манернаго живописца—за высочайшаго мастера всѣхъ школъ.

«Въ другой разъ его встрѣчали съ толстымъ томомъ алгебры. Тогда литературы для него не существовало; надо было предаваться одной алгебрѣ, и Сведенборгъ былъ забытъ для поляка Вронскаго. То вино превращалось, въ его глазахъ, въ мерзѣйшій напитокъ, и одинъ только портеръ имѣлъ свойства развивать умственные способности; то Ванъ-Эйкъ и старые мастера замѣняли этого «мошенника» Бронцино; то какая-нибудь баба становилась для него перломъ созданія,—и тысячи другихъ странностей въ такомъ же вкусѣ.

«Монтань, Лафонтенъ, Мольеръ были три человѣка, которымъ поэтъ выражалъ охотно свою антипатію. Онъ находилъ ихъ слишкомъ мудрыми. Бодлѣрь, какъ всякій невралгическій умъ, не находилъ отголоска своимъ душевнымъ тревогамъ въ произведеніяхъ писателей семнадцатаго вѣка. Напротивъ того, онъ отклонялся на всё, что выходило изъ-подъ пера болѣзненныхъ, странныхъ, уродливыхъ или страшныхъ натуръ: прежде, чѣмъ онъ погрузился въ Эдгарда Поэ, онъ часто говорилъ о Матюренѣ, авторѣ «Мельмота», о Люкѣ, о Гофманѣ; изъ всей древней литературы, съ которой онъ былъ серьезно знакомъ, Бодлѣрь цитировалъ только Лукана и Апулея, такъ-какъ превращенія и очарованія играютъ нѣкоторую роль въ «Сказкахъ» и «Фарсалахъ».

«Бодлѣрь былъ въ 1846 году нѣчто въ родѣ денди; жилъ вмѣстѣ съ живописцемъ, не повидавшимъ его никогда и написавшемъ его портретъ, въ которомъ можно распознать тревоги этой натуры, ищущей однѣхъ странностей. Костюмъ игралъ тогда важную роль въ жизни Бодлѣря. Онъ мучилъ своего портного, добываясь отъ него такого платья, гдѣ-бы побольше было складокъ.

Правильность претила ему. Квартирова въ самомъ центрѣ острова Сентъ-Люи, Бодлъръ изумлялъ обитателей этого квартала странными туалетами, которые онъ то-и-дѣло замѣнялъ простой блузой. Въ сопровожденіи *своего* живописца, Бодлъръ ходилъ въ Сентъ-Жерменское предмѣстье и тамъ озадачивалъ пріятелей дикими мнѣніями, отъ которыхъ онъ никогда не могъ вполнѣ освободиться... Его противники обвиняли его въ томъ, что онъ старался не быть естественнымъ, и въ самомъ-дѣлѣ, онъ только и говорилъ о вещахъ сверхъестественныхъ.

«Фраза Курбѣ, написавшаго впослѣдствіи его портретъ, очень хорошо опредѣляетъ внѣшнюю натуру поэта. — Я право, не знаю, — говорилъ художникъ, — какъ сладить съ портретомъ Бодлѣра: каждый день у него новое лицо. — И Бодлѣръ, дѣйствительно, обладалъ искусствомъ, не хуже бѣглаго съ галерей, мѣнять свой обликъ. То его прическа разсыпалась по воротнику въ изящныхъ и надушенныхъ локоняхъ, то вдругъ его черепъ получалъ синеватый оттѣнокъ, выйдя изъ-подъ бритвы цирюльника. Утромъ онъ являлся улыбающимся, съ букетомъ въ рукахъ, точно Робеспьеръ, отправляющійся на празднѣе «de l'Être suprême», а два дня спустя его приняли бы за монаха-chartreux, роющаго свою могилу: такъ онъ горбился и низко держалъ голову.

«Тѣ, кто не знали лично поэта, приписывали ему всевозможные пороки, и онъ, пожалуй, былъ отчасти радъ прослыть за адское чудище (un caco-démoniaque), до такой степени онъ боялся, что его сочтутъ за будничную натуру. Ища свой странный идеалъ, въ родѣ того, какой онъ позднѣе проявилъ въ своихъ «Fleurs du mal», Бодлѣръ испробовалъ разные яды и тѣломъ своимъ, и духомъ. Онъ изучалъ страсти, какъ ученый, и рассказывалъ о своихъ экспериментахъ такъ, что наивные люди, принимая все за чистую монету, смотрѣли на него, какъ на оттапливающее существо.

«И онъ, въ самомъ дѣлѣ, шокировалъ на первый разъ, и все потому только, что обыденное (le terre-à-terre) производило въ немъ омерзѣніе. Всякій лозунгъ возмущалъ его: находилъ ли онъ его въ военномъ мірѣ, въ демократіи или журнализмѣ. Онъ способенъ былъ сдѣлать большой крюкъ по Парижу, только бы ему не повстрѣчать солдата. Въ юности, рассказывалъ Бодлѣръ, онъ натерпѣлся отъ столкновѣній съ разными генералами. Въ обзорнѣи художественной выставки за 1846 годъ, Бодлѣръ, по поводу республиканцевъ, выказываетъ весьма странную жестокость:

«Испытывали ли вы, — восклицаетъ онъ, — вы всѣ, кого только любопытство завело на улицу въ минуту какой-нибудь политической схватки, ту же радость, какую чув-

ствовать я, глядя, какъ охранитель общественнаго сна—сержантъ или муниципаль—
бьетъ прикладомъ республиканца? И говорили-ли вы, какъ я, „валай, валай сильнѣе,
еще подбавь, municipal de mon соеиг! ибо въ это самое мгновеніе я обожаю тебя
и угождаю Юпитеру, великому подателю правосудія. Тотъ, кого ты бьешь,—врагъ
розъ и врагъ роскоши, изящныхъ искусствъ и литературы, закоренѣлый неоноборецъ,
палавъ Венеры и Аполлона! Онъ не хочетъ больше работать, какъ скромный и безы-
мянный труженикъ, надъ розами и благоуханіями, ему хочется быть свободнымъ,
а онъ такъ невѣжественъ, что не могъ бы завести мастерскую цѣтотъ и благово-
ннхъ товаровъ. Катай же прикладомъ, какъ можно усерднѣе, по лопаткамъ авар-
хиста“.

«Но на эту любовь къ розамъ, къ благоуханіямъ и къ уда-
рамъ прикладами слѣдуетъ смотрѣть, какъ на капризную вы-
ходку въ юмористическомъ родѣ, вызванную надоедливыми демо-
кратами кафе и заговорщиками пивныхъ, которые не разъ на-
рушали мечты и видѣнія поэта».

VII.

Далѣе Шанфлѣри говоритъ, что Бодлѣръ до такой степени
страдалъ жаждой оригинальности, что уничтожилъ всѣ оставшіеся
экземпляры обзорннхъ выставки за 1845 годъ, не желая высту-
пить передъ публикой иначе, какъ во всеоружіи таланта и въ
своеобычной формѣ. Поэтому онъ пятнадцать лѣтъ не печаталъ
своихъ «Fleurs du mal», и не мало его пріятелей получили
извѣстность, позаимствовавшись мотивами его странныхъ, до ди-
кости, идей и образовъ. Изданіе его сборника сопровождалось
судебнымъ процессомъ, на которомъ даже прокуроръ говорилъ
чуть не съ восторгомъ о талантѣ поэта.

Шанфлѣри сообщаетъ при этомъ нѣсколько подробностей:

«Я встрѣтилъ Бодлѣра до засѣданія.

— Васъ, разумѣется, будутъ обвинять въ реализмъ,—сказалъ
ему.

«Поэтъ издалъ гнѣвный крикъ. Онъ не боялся нападокъ и
рѣзкостей общественнаго мнѣнія. Напротивъ, онъ искалъ ихъ; но
онъ хотѣлъ заполучить ихъ одинъ. Такова была его постоянная
«marotte».

«Прокуроръ, только-что вставъ, заговорилъ о реализмѣ, на-
зывая Бодлѣра самымъ пламеннымъ его бойцемъ. Бодлѣръ гри-
масничалъ на своей скамьѣ, сердясь на то, что мое предска-
заніе сбылось».

Шанфлѣри справедливо указываетъ на нелѣпость вѣтки реа-
лизма въ примѣненіи къ Бодлѣру, который былъ мечтателемъ,

искателемъ необычайныхъ настроеній, циникомъ эксцентричности, курьёзомъ во вкусѣ американца Эдгарда Поэ, — недаромъ онъ годами вчитывался въ его произведенія. «Онъ вѣчно презиралъ публику и массу, потому только, что немало вульгарныхъ натуръ умѣли волновать массу. Для него существовали лишь такъ-называемые *délicats*, способные оцѣнить всякую безпорядочность мысли и воображенія и кричащіе всѣмъ людямъ съ здоровыми инстинктами и вкусами: «гаса!» Въ этомъ художественномъ заблужденіи, какъ замѣчаетъ Шанфлѣри, и потерялъ Бодлѣрь свои физическія и умственные силы.

«Будемъ странны!» говорилъ онъ всегда, и приправлялъ свои произведенія самыми ѣдкими приправами. Люди здоровые издавали брезгливое «*rouah*», и это «*rouah*» еще сильнѣе удаляло Бодлѣра отъ здоровыхъ мотивовъ: молодости, семейныхъ радостей, любви, материнской нѣжности. Шанфлѣри сравниваетъ его съ китайскими божками, страшными только издали. Публика сначала боялась его, какъ такого божка; но скоро распознала, что это только пугало, а не настоящее чудовище, и разразилась насмѣшками»...

Бодлѣрь возмущался тѣмъ, что обвинительная власть причислила его къ реалистамъ изъ фатовства, изъ желанія быть во что бы то ни стало *ни на кого непохожимъ*, а вовсе не изъ сознательнаго отношенія къ своему творчеству.

Ну, какой же въ самомъ дѣлѣ былъ онъ *реалистъ*? Кто читалъ его «*Fleurs du mal*», не увлекаясь ихъ дикостью, тотъ не можетъ не признать въ этомъ болѣзненномъ продуктѣ фантазіи отрывки необузданнаго романтизма, съ формами, бьющими на эффекты, посредствомъ того, что французы называютъ «*des crudités*». Развѣ такой человѣкъ, каковаго намъ описываетъ Шанфлѣри, способенъ на трезвое, объективное изображеніе, составляющее суть настоящаго, *реальнаго* творчества? Развѣ эта необузданная погоня за необычайнымъ, пожиравшая Бодлѣра, не есть прямой результатъ цѣлаго направленія жизни и мысли, немѣющаго ничего общаго съ реализмомъ? И не только въ Бодлѣрѣ, но и въ Мюржѣ мы находимъ романтика съ фотографическими приемами литературной работы. Посмотрите «*Vie de Bohème*» на сценѣ, въ той передѣлкѣ, которою Мюржѣ обязанъ Теодору Барьеру, очистите ее отъ подробностей изъ быта цыганщины, и у васъ останется сентиментальная исторія, на которую истинный реалистъ-художникъ не способенъ. Онъ не сталъ бы дѣлать изъ Мими чахоточную героиню, и пребылъ бы гораздо вѣрнѣе дѣй-

ствительности, еслибъ исторіи ея любви не придавалъ слащаваго характера.

Какъ въ творчествѣ, такъ и въ жизни этихъ людей была постоянная фраза. Они сами этого не сознавали хорошенько, и можно вполне согласиться съ Шанфлэри, когда онъ защищаетъ искренность разныхъ сумасбродствъ Бодлэра. Но искренность есть не что иное, какъ привычка, обратившаяся въ рефлексъ. У этихъ людей личная жизнь стояла до такой степени на первомъ планѣ, что они совершенно серьезно полагали своему тщеславію, принося ему въ жертву все, вплоть до таланта.

Послушайте самого Шанфлэри, если вамъ наши обобщенія кажутся слишкомъ рѣзкими.

«Бодлэръ ошибся, наряджаясь пугаломъ и думая сильнѣе поразить этимъ зрѣніе толпы. Такое переразиваніе противорѣчило его настоящей природѣ, т.-е. природѣ умнаго чловека, много видѣвшаго, много научившагося и о многомъ думавшаго.

«Излишекъ странностей Бодлэра былъ, конечно, присущъ ему. Онъ не отрѣшался отъ нихъ и въ эпохи полнѣйшаго обладанія душевными силами. Когда же подавляющая болѣзнь сдѣлала ярче его опущенія, то всплыли наружу и всѣ его прежніе вкусы. Въ немъ жилъ джентльменъ, который много путешествовалъ и привезъ изъ-за моря разныя причуды. Какъ настоящій англичанинъ, Бодлэръ никогда не заботился о томъ, что скажетъ про него толпа. Онъ былъ добрый товарищъ, вовсе не пьяница, какъ объ этомъ много писали, но жадный до эстетическихъ споровъ за бутылкой портера. Всякій экстравагантный фарсъ восхищалъ его, и онъ на меня вовсе не разсердился за то, что я распустилъ слухъ: какъ я его разъ видѣлъ на мосту, любующагося у перилъ отраженіями въ водѣ красиваго парика съ локонами *небеснаго цвѣта*. Парикъ этотъ замѣнилъ изящную прическу, стриженную наканунѣ подъ гребенку. Бодлэръ *допускалъ возможность парика небеснаго цвѣта*. Онъ допускалъ же позднѣе *закругъ* своей шеи нѣчто въ родѣ фіолетовой змѣи-боа, на которой покоились локоны длинныхъ съ просѣдью волосъ, тщательно причесанныхъ, что ему придавало клерикальную фізіономію. Въ «Казино» Бодлэръ, съ толстой тетрадью подъ мышкой, не могъ наглядѣться на кривлянья тѣхъ барынь, которыхъ его другъ Гюн изобразилъ, въ назиданіе потомству, мрачными, холодными и отупѣлыми. Въ самыхъ разнородныхъ мѣстахъ, на публичныхъ балахъ, въ литературныхъ кабачкахъ или салонахъ, Бодлэръ появлялся съ замѣчательной порядочностью. Его совершенное джентльменство увеличиваетъ сходство съ Эдгардомъ Поэ.

Булгарныя натуры ненавидѣли этого человѣка. Женщинамъ нравилось, когда онъ развѣтывался предъ ними во всей своей фантастичности; а развитые умы цѣнили его по достоинству. Теофиль Готье, обладавшій въ интимныхъ бесѣдахъ живымъ критическимъ чутьемъ, говаривалъ мнѣ въ 1848 году: «Бодлэръ—прекрасная ваза съ трещиной». Авторъ «Fleurs du mal» оставилъ нѣсколько друзей, и въ томъ числѣ меня, считающихъ свою обязанностью защищать его отъ обвиненій въ безуміи или преисполненной эксцентричности, которыя могли позволить себѣ только тѣ, кто не былъ съ нимъ знакомъ долгіе годы. Каждый поступокъ Бодлэра, какъ бы ни былъ онъ эксцентриченъ, казался мнѣ искреннимъ; логика была чрезвычайна у поэта, и я объясняю его научныя порыванія тѣмъ омерзѣніемъ, какое возбуждала въ немъ художественная болтовня—«*artisterie*»—слишкомъ легкая тона разговоровъ, доставляемая искусствомъ, когда о немъ судить верны и вкось болтуны и невѣжды.

«Я не могъ бы лучше описать Бодлэра и въ физическомъ, и въ интеллигентномъ отношеніяхъ, какъ сравнилъ его съ нѣкимъ «*Sprit*» англійской пантомимы, которую мы видѣли съ нимъ вмѣстѣ. Этотъ «*Sprit*», появившійся въ драмѣ каждый разъ вверхъ ногами, былъ особенно замѣчательнъ огонькомъ, блестящимъ на концѣ его носа. Я то-и-дѣло оглядывался на сосѣднее кресло, спрашивая себя: не Бодлэръ-ли скрылся для исполненія роли этого страннаго «*Sprit*»? Въ немъ, въ самомъ дѣлѣ, жила чисто-британская странность, неотнимавшая у него ни обаянія, ни пріятности. Можно, пожалуй, заключить, что друзья Бодлэра были сами одержимы этимъ «*Sprit*омъ», и такое мнѣніе представляетъ извѣстное правдоподобіе, какъ мы видимъ вокругъ Гофмана кружокъ преданныхъ людей. Они удивлялись разсказчику и любили его общество, но не были, какъ онъ, сжигаясь тѣмъ внутреннимъ пламенемъ, который создаетъ истинныхъ поэтовъ».

Мы не будемъ осуждать ни Шанфлэри, ни Готье за ихъ благодушное отношеніе къ Бодлэру; но и болѣе объективное объясненіе такихъ явленій не отнимаетъ всё-таки силы у того протеста, который поднять людьми нашей генераціи противъ всякой фразы, рисовки и умственного *безпутства*, если читатель не позволитъ намъ это выраженіе. Намъ сдается, что еслибъ друзья и пріятели такихъ Бодлэровъ нѣсколько построже относились къ ихъ дивостямъ и жалкой тратѣ душевныхъ силъ, эти фаты интеллигенціи и таланта во-время распрощались-бы и съ поэтическимъ цинизмомъ, и съ париками небесно-голубого цвѣта, и с

произведеніемъ опытовъ надъ своимъ грѣшнымъ тѣломъ посредствомъ опиума и разврата.

VIII.

Читатель не забылъ, что въ воспоминаніяхъ Готье и Шанфлэри есть двѣ крупныя фигуры, уже не принадлежащія къ романтическому міру. Одна — Бальзакъ, другая — художникъ Курбэ. И не можетъ не показаться страннымъ, что о Бальзакѣ находимъ мы довольно пространную характеристику не у *реалиста* Шанфлэри, а у *романтика* Готье. Правда, Шанфлэри, по времени своего появленія въ литературѣ, принадлежитъ къ слѣдующей генераціи; за то Готье, по своему направленію, имѣлъ, казалось бы, гораздо меньше поводовъ къ сближенію съ Бальзакомъ. Но такъ случилось. Разница лѣтъ и рода творчества нисколько не помѣшала обожателю Виктора Гюго не только признать въ Бальзакѣ громадный, европейскій талантъ, но и уважать его при жизни какъ гениальнаго писателя. Вышло, даже, такъ, что воспоминаніе о Бальзакѣ заняло въ обѣихъ посмертныхъ книжкахъ Готье первенствующее мѣсто, и по объему, и по фактическимъ подробностямъ, и по литературной отдѣлкѣ.

Бальзакъ, при всей своей всемірной извѣстности, опять-таки принадлежитъ къ числу *именъ*, а не къ числу дѣйствительно-усвоенныхъ публикой и оцѣненныхъ критикой писателей. Когда-то читали у насъ его довольно; но это «когда-то» стоитъ позади возрожденія русской критики. А съ тѣхъ поръ о немъ у насъ, серьезно и съ авторитетомъ, никто не писалъ. Не только заурядный русскій читатель, но и человѣкъ изъ литературной сферы не позадумается у насъ, при имени Бальзака, сказать что-нибудь огульное, пренебрежительное, поверхностное. Откуда идетъ это? Есть тутъ и вина Бѣлинскаго. Онъ одно время восхищался Бальзакомъ, или, лучше, самымъ *сочиненнымъ* героемъ его — «Феррагюсомъ», а потомъ сталъ презирать автора и приравнивать къ фабрикантамъ всякой литературной дребедени... Какъ онъ ни искрененъ былъ въ своихъ приговорахъ, такой промахъ, какъ пренебрежительный взглядъ на Бальзака, ничѣмъ не оправдывается; онъ объясняется только тѣмъ, что Бѣлинскій вообще презиралъ французовъ, а Бальзака достаточно не изучалъ. Не изучала его и наша читающая публика послѣднихъ пятнадцати-двадцати лѣтъ, когда другія имена: Диккенсъ, Тэккерей, Гордонъ, Андрэ Лео, Шпильгагенъ и подъ конецъ Эмиль Золя совсѣмъ заслонили имя Бальзака и похоронили его. Въ рус-

скомъ переводѣ появился превосходный критическій этюдъ Тэна о Бальзака; но врядъ ли многіе обратили на него вниманіе и пожелали заново *прощудировать* Бальзака. Этюдъ Тэна едва-ли не единственный во всей современной критической литературѣ, по своему объективному приему натуралиста: личность и творчество изслѣдованы параллельно и въ ихъ органической связи, каждый приговоръ подерѣвленъ десятками, сотнями фактовъ, каждое свойство писателя объяснено не діалектически, а путемъ положительнаго изслѣдованія. Такая критическая работа, въ ея примѣненіи къ Бальзаку, тѣмъ драгоцѣннѣе, что въ Бальзака самая жизнь романиста также знаменательна, какъ и продукты творчества. Никто изъ новѣйшихъ писателей не уходилъ такъ въ свое дѣло и по натурѣ, и подъ давленіемъ обстоятельствъ, никто не вынесъ такой борьбы съ матеріальной необходимостью добывать какъ можно больше денегъ—какъ Бальзакъ. И въ этой борьбѣ онъ хотъ и умеръ преждевременно, хотъ и долженъ былъ работать съ возбужденіемъ умственныхъ силъ, доходившимъ до крайнихъ предѣловъ; но въ результатѣ получился цѣлый рядъ произведеній, поражающихъ своею жизненностью, разнообразіемъ и силой творчества. Каждый писатель, въ особенности романистъ, найдетъ въ біографіи Бальзака громадный матеріалъ для размышленій, задѣвающихъ самыя сокровенныя струны писательскаго «я». Судьба этого гиганта сдѣлала все, чтобы на первыхъ же порахъ парализовать въ конецъ его творчество. Другой бы на его мѣстѣ (съ такими способностями во всякому труду) ударился въ болѣе легкій способъ къ наживѣ денегъ. Но Бальзакъ продолжалъ свое кровное дѣло, зная, вѣроятно, что его богатырскую, сверхчеловѣческую дѣятельность и современники и потомки будутъ, пожалуй, объяснять одной страстью къ гонорарію. И Вальтеръ-Скоттъ уплатилъ свой громадный долгъ годами неустаннаго труда; но ударъ судьбы постигъ его уже тогда, когда онъ составилъ себѣ большое состояніе, между тѣмъ какъ Бальзакъ сразу впрягъ себя въ тягостное ярмо, которое носилъ почти до самой смерти.

Въ этюдѣ, написанномъ Готье о Бальзака, нѣтъ ничего существенно-новаго сравнительно съ этюдомъ Тэна. И достоинство произведеній, и характеръ жизни являются тѣми же въ его оцѣнкѣ. Но, кромѣ отзвонъ и общихъ сужденій, есть въ немъ не мало личныхъ воспоминаній, помогающихъ выяснитъ до послѣднихъ подробностей нравственную фیزیономію Бальзака. Въ томъ-то и состоитъ достоинство характеристики Тэна, что его обобщенія только подерѣпляются «показаніями» людей, близко

знавшихъ Бальзака и относившихся къ нему при жизни съ терпимостью пониманія и ничѣмъ неизвращеннымъ чутьемъ громадныхъ творческихъ способностей...

Готье рассказываетъ, что въ 1835 году, когда онъ жилъ въ *Impasse Douenné*, Жюль Сандъ пришелъ къ нему съ предложеніемъ отъ имени Бальзака:—писать въ журналѣ «*Chronique de Paris*». Бальзаку очень понравилась манера молодого писателя въ его только-что тогда напечатанномъ романѣ «*Mademoiselle de Maupin*». Съ этихъ поръ они подружились, и эта дружба длилась до смерти великаго романиста. Въ ту эпоху Бальзакъ не написалъ еще крупнѣйшихъ своихъ произведеній; но того, что было уже написано, хватило бы, въ обыкновенное литературное время, на пять, на шесть репутацій. Но тогда надо было бороться съ репутаціями Ламартина, Виктора Гюго, Альфреда де-Виньи, Мюссе, Сентъ-Бёва, Александра Дюма, Мерима, Жоржъ-Занда... Бальзакъ не считалъ себя великимъ жрецомъ, литературнымъ «Далай-Ламой». Въ немъ было, по замѣчанію Готье, довольно гордости, но ни мало не было жалкаго тщеславія. Бальзакъ жилъ тогда около обсерваторіи, въ уединенномъ павильонѣ. Ему стукнуло уже тридцать-шесть лѣтъ. Наружность его поразила юнаго Готье своей рьяностью и силой. Шекспировская фраза о Юліѣ Цезарѣ: «Вотъ это—человѣкъ!» тотчасъ же пришла ему на память. Смущеніе Готье было почти такъ же сильно, какъ и въ первый визитъ къ Виктору Гюго. Уже тогда носилъ Бальзакъ свой бѣлый кашемировый халатъ въ видѣ монашескаго подрясника, съ веревочнымъ поясомъ, какимъ онъ является на портретѣ художника Буланже. Такое странное одѣяніе выбралъ онъ, быть можетъ, потому, говорить Готье, что оно подходило къ его затворнической жизни. Онъ хвалился также чистотой и показывалъ Готье оба рукава, гдѣ не значилось ни единого чернильнаго пятна; вапюшонъ своего монашескаго балахона онъ откидывалъ назадъ и показывалъ круглую, полную, бѣлую шею, рѣзко отгнѣнявшую румяность лица. Здоровье такъ и брызгало у него изо всѣхъ поръ и разливалось алой краской и по щекамъ и въ крупныхъ, волнистыхъ губахъ. Носъ его рѣзко раздвигался на два крыла съ открытыми ноздрями и четырехугольнымъ концомъ. Носомъ своимъ Бальзакъ очень дорожилъ, и когда скульпторъ Давидъ д'Ансе дѣлалъ его бюстъ, онъ говорилъ ему: «займитесь моимъ носомъ,—мой носъ, это—цѣлый міръ!» Верхнюю губу прикрывали тонкіе усы, а подъ нижней сидѣла «мушка». Лобъ у него былъ красивый, обширный, гораздо болѣе остальнаго лица, съ одной прямой морщиной у переносицы; надъ бро-

вами—два возвышенія, указывающія, по толкованію френологовъ, на память мѣстностей; волосы, густые, черные, блестящіе, падали назадъ, точно львиная грива. Но глаза Бальзака Готье объявляетъ единственными въ мірѣ: такимъ огнемъ и магнетизмомъ обладали они. Не одинъ Готье восхищался этими глазами, и жена Эмиля Жирандена, симпатичная Дельфина, въ романѣ своемъ «*La sante de M. de Balzac*», говоритъ о нихъ восторженно; а она была только «пріятелемъ» Бальзака, и никакъ не больше. Эти глаза заслоняли собою неправильность и нѣкоторую тривиальность чертъ. Обыкновенное выраженіе лица его была могучая веселость, во вкусѣ Раблэ, что-то монашески-живальное и рьяное...

Когда Готье пришелъ къ нему въ первый разъ, Бальзакъ, по своему обыкновенію, работалъ всю ночь напролетъ, съ двѣнадцати часовъ; но лицо его не было особенно утомлено, только подъ глазами немного потемнѣло. Разговоръ коснулся, разумѣется, литературы, и Бальзакъ сталъ жаловаться на ужасную трудность французскаго языка. И въ то время, и впослѣдствіи слогъ чрезвычайно тревожилъ и озабочивалъ его. Онъ искренно вѣрилъ тому, что у него нѣтъ никакого стіля. Таково было мнѣніе тогдашней критики. Школа Гюго не признавала авторитета Бальзака. Вся она доводила языкъ до необычайной отдѣлки, вычурности и искусственной колоритности, и находила, что изображать современныхъ людей было и бесполезно, и буржуазно, и лишено лиризма. Готье, хотя и принадлежалъ самъ къ «лапочкѣ» Гюго, но все это отмѣчаетъ съ объективностью, показывающею, что въ немъ чутье художественной правды никогда не умирало. Бальзака и тогда уже всѣ съ жадностью читали, но не выдавали ему иного диплома, какъ «плодовитый романистъ», эпитетъ, пускаемый всегда въ ходъ, когда не хотятъ или не умѣютъ опфнить настоящія свойства писателя. Готье увѣряетъ, что такъ было еще въ 1835 году, какъ оно ни странно покажется. Еслибъ онъ былъ живъ, ему бы можно сказать, что онъ напрасно увѣряетъ насъ; и теперь есть литературныя сферы, для которыхъ творецъ «Человѣческой Комедіи» не что иное, какъ «плодовитый романистъ». Печалуясь о своемъ стилѣ, Бальзакъ совѣтовался безпрестранно съ людьми неизмѣримо ниже себя, хотя очень хорошо зналъ и рассказывалъ, что, прежде нежели сталъ подписывать свои вещи настоящимъ именемъ, написалъ до ста томовъ подъ различными псевдонимами, для того только, чтобы «набить себѣ руку». За завтракомъ, которымъ Бальзакъ угостилъ своего молодого гостя, Готье разглядѣлъ его бѣлые, изящныя, мягкія,

епископскія, такъ-сказать, руки, съ пухленькими пальцами и розовыми ногтями. Онъ ими немало занимался. Завтракъ подавъ былъ тонкій; но обыкновенно, Бальзакъ ѣлъ очень просто, и тутъ же признался, что серебряные приборы взялъ на подержаніе у своего издателя...

Съ этого дня началось, какъ мы сказали, знакомство, а впоследствии и дружба ихъ. Готье дѣлаетъ, затѣмъ, очеркъ жизни и развитія Бальзака, и указываетъ на романъ *Louis Lambert*, гдѣ романистъ записалъ свое собственное дѣтство. Испытанія его въ коллежѣ города Тура—все-таки исторія натуры, рвущейся на свободу и запертой въ душную школьную казарму. Тамъ-то, среди стѣсненій всякаго рода, задумалъ и составилъ онъ свой «Трактатъ воли», о которомъ упоминается нѣсколько разъ въ «Человѣческой Комедіи». Онъ постоянно жалѣлъ о томъ, что потерялъ этотъ первый трудъ школьной юности. Поглощая книги съ необычайной жадностью, Бальзакъ, еще въ коллежѣ, развилъ въ себѣ феноменальную память. Родные испугались физическаго истощенія молодого Бальзака, взяли его изъ коллежа и переѣхали изъ Тура въ Парижъ, гдѣ онъ опять-таки, внѣ школы, продолжалъ свое развитіе. Послѣ университетскаго выпускного экзамена по юридическому факультету, изъ Бальзака хотѣли сдѣлать нотаріуса, но онъ не соглашался. Родители давали ему содержаніе въ теченіи двухъ лѣтъ, а сами вернулись въ провинцію. Бальзакъ помѣстился въ мансардѣ и предался тотчасъ же своему призванію. Готье указываетъ на повѣсть: «*Facino Cape*», гдѣ находятся подробности того, какъ Бальзакъ жилъ въ своей мансардѣ. Утро онъ работалъ въ библіотекѣ, ночью писалъ. Отдыхалъ онъ на улицѣ, гдѣ не переставалъ наблюдать все, что только попадалось ему на пути. Эта способность сдѣлалась въ немъ, какъ онъ выражается: «интуитивной». Онъ совершенно сливался съ людьми, которыхъ наблюдалъ, забывая себя и приобрѣтая не только ихъ взглядъ на жизнь, но ихъ языкъ, привычки, малѣйшія особенности. При этомъ Готье замѣчаетъ, что способность Бальзака къ творчеству ограничивалась однимъ современнымъ ему человѣчествомъ. Онъ никогда не могъ перенестись въ прошедшее и взять оттуда хоть одну живую фигуру. Исторія не занимала его. Въ предисловіи къ «Человѣческой Комедіи» мы находимъ:

«Прочитывая сухіе и отталяивающіе перечни фактовъ, называемые исторіей, кто же не замѣтитъ, что писатели забывали во всѣ времена, въ Египтѣ, Персіи, Греціи, Римѣ, давать намъ исторію нравовъ? Отрывокъ Петронія о частной жизни римлянъ скорѣе раздражаетъ, чѣмъ удовлетворяетъ наше любопытство».

Вотъ, онъ-то и наполнилъ этотъ пробѣлъ. Ни одинъ изъ писателей нашего вѣка не потрудились столько надъ *нравами* своего времени, какъ Бальзакъ. Но въ мансардѣ, сидя на скудномъ содержаніи родителей, Бальзакъ только вспахивалъ свое творческое поле, работая, какъ волъ, надъ выработкой языка, манеры и писательскихъ замысловъ. Комнатку свою и скудную обстановку описалъ онъ въ «*Reau de Chagrin*». Первый его опытъ—трагедія: «Кромвель»—былъ такъ неудаченъ, что другой бы бросилъ сейчасъ сочинительство; но Бальзакъ перешелъ въ роману, продолжая жить совершеннымъ схимникомъ, тратя *по франку* въ день. Изрѣдка позволялъ онъ себѣ пойти погулять въ *Jardin des Plantes*, или на кладбище *Père Lachaise*, но такая жизнь сломила было и его желѣзное здоровье. Захирѣвшій, вернулся онъ въ родное гнѣздо. Тутъ онъ попробовалъ добиться независимаго матеріальнаго положенія, войдя въ дѣло по книжной торговлѣ. У него не достало денежныхъ средствъ для оборотовъ, хотя и хорошо задуманныхъ, и въ результатѣ получились долги. Эти-то долги и впрягли его въ ярмо безконечнаго писанья. Родные не помогли ему во-время, а потомъ, когда заплатили за него, онъ поставилъ себѣ въ священный долгъ—расквитаться съ ними, и началъ свою работу Сизифа, продолжавшуюся десятки лѣтъ, безъ отдыха и пощады своимъ силамъ. Каждый часъ свободы казался ему кражей, преступленіемъ передъ тѣми, кому онъ былъ долженъ.

IX.

Послѣ этого очерка жизни Бальзака, Готье продолжаетъ свои воспоминанія. Прежде всего онъ заявляетъ, что Бальзакъ, при всей громадности *творческаго* таланта, не имѣлъ чисто-литературнаго дара. Это—совсѣмъ не парадоксъ. Форма давалась ему съ чрезвычайными усиліями, тогда какъ замыслы, со всѣми ихъ подробностями, такъ и кишѣли въ его головѣ. Надобна была вся богатырская природа Бальзака, чтобы бороться съ малой способностью къ формѣ. Поэтому-то онъ такъ и передѣлывалъ все, что писалъ. Въ этомъ отношеніи онъ составлялъ рѣзкую противоположность съ романтиками, у которыхъ легкость выраженія и смѣлость стили были общи всѣмъ и каждому. Вѣроятно, подъ влияніемъ личной трудности владѣть литературной формой, Бальзакъ выработалъ особый кодексъ для писательскаго труда, и проповѣдывалъ его молодому Готье. Программа бальзаковской литературной гигиены состояла въ томъ, чтобы закупорить себя на два или

три года, пить одну воду, ѣсть моченные дупины (волчьи бобы), ложиться спать въ шесть часовъ вечера, вставать въ полночь и работать до утра; утро употреблять на просмотръ, исправленіе, передѣлку написаннаго, чтеніе корректуръ, дѣланіе замѣтокъ, собираніе матеріаловъ, а главное—жить въ абсолютномъ цѣломудріи. На послѣднемъ пунктѣ Бальзакъ очень сильно настаивалъ, говоря, что цѣломудріе развиваетъ необычайно творческія способности. А на замѣчаніе Готье, что величайшіе гении не отказывали себѣ въ удовлетвореніи страстей, Бальзакъ отвѣчалъ: «они бы написали кое-что совсѣмъ другое, еслибы не знали женщинъ». Онъ позволялъ одно любовное свиданіе въ годъ, на полчаса. Переписку допускалъ, такъ какъ она «формируетъ стиль». Только при такомъ искусствѣ общалъ Бальзакъ образованъ изъ Готье первокласснаго писателя. И все это проповѣдывалъ онъ вполне искренно и такъ краснорѣчиво, что Готье нѣсколько разъ пробовалъ жить по предписаніямъ учителя, ложился въ шесть, вставалъ за полночь и принимался писать; но ничего изъ этого, кромѣ дремоты съ перомъ въ рукахъ, не выходило.

Да не только въ этомъ, но и въ фантастическихъ разсказахъ о разныхъ сокровищахъ, зарытыхъ въ сокроенныхъ мѣстахъ, Готье, и не онъ одинъ, вѣрилъ Бальзаку: до того убѣжденно говорилъ тотъ на тѣмъ, вымышленные его богатымъ воображеніемъ. Бальзакъ то-и-дѣло мечталъ о богатствѣ, добытомъ какимъ-нибудь чудеснымъ путемъ. И прежде знакомства съ Готье онъ пришелъ на мысль: эксплуатировать остатки серебряныхъ минъ, покинутыхъ въ Сардиніи римлянами. Мысль была хороша; но онъ неблагоуразумно подѣлился ею съ промышленникомъ, который и составилъ себѣ на этомъ состояніе. Мечтая о сокровищахъ и обогащеніи, Бальзакъ первый вложилъ палецъ въ рану современнаго общества—погоню за наживой. До него въ романахъ преобладали исключительно романтическіе мотивы. И когда, въ 1836 г., онъ задумалъ планъ своей «Человѣческой Комедіи» во всѣхъ ея развитіяхъ, безконечный рядъ типовъ сидѣлъ у него въ головѣ, кромѣ тѣхъ, которые были уже созданы, и онъ вполне сознавалъ всю силу своего творческаго гения. Готье приводитъ тутъ слова Александра Дюма про Шекспира: «Шекспиръ, всего больше создавшій, послѣ Бога», и находить, что они еще прямѣе примѣняются къ Бальзаку.

Но какой цѣной доставалось Бальзаку его творчество? Готье, какъ близкій пріятель и очевидецъ, приводитъ подробности этого писательскаго процесса. Во-первыхъ, онъ увѣряетъ, что никакая денежная нужда не заставила бы Бальзака выпустить произве-

деніе, не подвергнувъ его самой послѣдней отдѣлкѣ, такъ-что литературная его добросовѣстность стояла выше, чѣмъ чья-либо. Самая тщательная переправка корректуръ не только отнимала у Бальзака пропасть времени, но и была ему не по карману: издатели ставили на его счетъ прибавку въ типографской платѣ за поправки. Не взирая на долги и постоянную нужду въ деньгахъ, онъ продолжалъ ту же систему работы. И когда онъ, среди ночного безмолвія, съ глазу на глазъ съ листомъ бумаги, сидѣлъ въ кабинетѣ въ своемъ монашескомъ балахонѣ — онъ забывалъ рѣшительно весь міръ. Въ работѣ онъ такъ согрѣвался, что чувствовалъ испарину. Иногда онъ просиживалъ цѣлую ночь надъ одной какой-нибудь фразой, надъ однимъ словомъ....

Обыкновенно онъ писалъ свои романы такъ: выносилъ сюжетъ, онъ набрасывалъ его верстатѣ спѣшной скорописью, почти гіероглифами, на нѣсколькихъ страницахъ, и такой сценарій отправлялъ въ типографію. Получивъ этотъ набросокъ въ гранкахъ, онъ просматривалъ ихъ съ обычной своей критической строгостью и проницательностью. Къ гранкамъ онъ очень много прибавлялъ, такъ-что столбцы корректуръ получали самый фантастическій видъ. Отовсюду бѣжали строчки, перекрещиваясь, поднимаясь и опускаясь; вездѣ торчали всевозможные кресты, крючки и отмѣтки. Когда не хватало мѣста, приклеивались лоскутки бумаги или припиливались булавками. Первоначальный текстъ столбца почти исчезалъ подъ этимъ новымъ наслоеніемъ авторской работы. Въ типографіи бальзаковскія корректуры переходили отъ одного наборщика къ другому: никто не хотѣлъ, больше часу — «faire du Balzac». На слѣдующій день происходила съ чистыми корректурами та же исправительная работа; и такъ до шести, до семи разъ. Готье видѣлъ у Бальзака въ его загородномъ домикѣ цѣлую библіотеку корректуръ каждаго романа; и рядомъ съ этими томами помѣщался на полкѣ фоліантъ, переплетенный въ черный сафьянъ, озаглавленный «Contes mélancoliques». Тутъ собраны были всѣ его долговныя бумаги. Фоліантъ этотъ стоялъ бокъ-о-бокъ съ экземпляромъ «Contes drolatiques».

Несмотря на такой томительный и кропотливый процессъ писанія, Бальзакъ производилъ очень много. Онъ работалъ отъ 16 до 18 часовъ въ день. Когда онъ засаживался за новый романъ, то совершенно исчезалъ; даже друзья теряли его слѣдъ. По прошествіи двухъ-трехъ мѣсяцевъ онъ появлялся неожиданно, съ шумомъ и хохотомъ, наивно дѣлая самому себѣ похвалы. Зато онъ ни отъ кого не добивался ихъ и весьма мало

заботился о томъ, что про него пишутъ, почему нибогда и не ухаживалъ за журналистами. Да это бы и взяло у него слишкомъ много времени. Онъ доставлялъ издателю рукопись, получалъ деньги и убѣгалъ расплачиваться съ кредиторами; нерѣдко они ждали его на дворѣ журнала.... Иногда, поутру, онъ заходилъ къ Готье, запыхавшись, утомленный ночнымъ писаніемъ и голодный. Любимой его ѣдой были, въ такихъ случаяхъ — сардинки. Онъ ихъ мѣшалъ съ сливочнымъ масломъ, дѣлалъ родъ тѣста и ѣлъ его съ хлѣбомъ. Часто онъ тутъ же засыпалъ. Хозяинъ, разумѣется, оберегалъ его сонъ; но Бальзакъ, проснувшись, начиналъ кричать и браниться. За то, что его не разбудили, онъ называлъ Готье предателемъ, воромъ, душегубомъ: еслибы онъ не спалъ, ему пришелъ бы непременно какой-нибудь замыселъ романа, который принесъ бы ему десять тысячъ франковъ; по милости Готье, онъ не попалъ къ банкирамъ, издателямъ, великосвѣтскимъ дамамъ и т. д. и т. д. И все это въ потокахъ пламеннаго краснорѣчія. Въ концѣ филиппикъ цифры убытковъ достигали уже милліона.

Жилъ Бальзакъ въ отдаленной мѣстности Шальо; изъ его оконъ открывался прекраснѣйшій видъ. Вотъ тамъ-то онъ и отдѣлалъ себѣ роскошную квартиру изъ того соображенія, что въ Парижѣ надо *казаться* человекомъ съ деньгами, чтобы имѣть даже литературную репутацію. Отдѣлка этой квартиры подробно описывается у Готье. Она-то и подала поводъ къ толкамъ о необычайной расточительности и страсти къ роскоши Бальзака. На самомъ же дѣлѣ онъ въ своемъ раззолоченномъ будуарѣ велъ жизнь схимника, ѣлъ кое-какъ, по цѣлымъ мѣсяцамъ не пользовался никакими удовольствіями, работалъ на самомъ простомъ столикѣ и спалъ на желѣзной кровати. Его будуаръ былъ устроенъ въ видѣ овала въ четырехугольной залѣ, и вотъ, въ этихъ-то темныхъ углахъ и жилъ настоящій Бальзакъ; а вся декоративная роскошь бѣлаго кашемира и позолоты была для приѣма. Въ этомъ «чертогѣ» онъ задалъ разъ роскошный обѣдъ Готье и нѣсколькимъ пріятелямъ. Вообще, онъ былъ очень умѣренъ и въ пищѣ и въ питъѣ; но ему ничего не значило выпить за обѣдомъ четыре бутылки крѣпкаго вина.... Пировалъ онъ съ пріятелями рѣдко; но постоянной его мечтой былъ — дружескій союзъ, на жизнь и смерть, въ родѣ того, каковой его воображеніе создало въ «Histoire des Treize». Онъ и составилъ уставъ такого тайнаго литературнаго союза подъ именемъ: «Cheval rouge». Цѣль его состояла во взаимной поддержкѣ всякаго рода, съ тѣмъ чтобы члены его добились высшихъ ступеней въ мірѣ литературы, адми-

нистраціи, науки, денежныхъ дѣлъ. Но ничего изъ этого «Cheval-gouge» не вышло, и каждый пошелъ по своей дорожкѣ, не сдѣлавшись ни миллионеромъ, ни перомъ Франціи. Бальзакъ этимъ не смущался, его воображеніе не переставало работать. Что ни день, то новый проектъ, планъ, программа жизни, расходовъ, быстрого обогащенія. То онъ утверждалъ, что слѣдовало тратить *десять су* въ день, никакъ не больше; то онъ требовалъ для самаго обыкновеннаго комфорта *сто тысячъ франковъ* въ годъ. Его попросили доказать это на цифрахъ, и когда потомъ оказалось въ излишней тридцать тысячъ франковъ, онъ отвѣчалъ, не задумываясь: «ну, такъ чтожь... Это—на масло и рѣдиси! Въ какомъ же сколько-нибудь порядочномъ домѣ не продаютъ тридцати тысячъ на маслѣ и рѣдискахъ!» При этомъ онъ упреждалъ Готье огнемъ своихъ взглядовъ и находилъ его скрагой и пошлякомъ, который весь свой вѣкъ ѣлъ одно соленое бретонское масло. Парижская публика очень заинтересовалась его дачей *Les Jardies*. Онъ купилъ эту землю для того собственно, чтобы заложить ее матери, дать ей обезпеченіе въ тѣхъ суммахъ, какія она за него платила. Сейчасъ же онъ началъ строить хозяйственные воздушные замки, доказывая, что не только на его землѣ будетъ выдѣлываться вино лучше товайскаго; но что онъ станетъ доставлять въ Парижъ *по сту тысячъ великолѣпнѣйшихъ ананасовъ*. Такія выходки потѣшали пріятелей, и каждый былъ радъ заполучить къ себѣ Бальзака. Въ особенности г-жа Жиранденъ уважала его талантъ и любила его общество. По свидѣтельству Готье, Бальзакъ никогда не былъ блестящимъ и тонкимъ собесѣдникомъ—*causeur*—но разъ онъ начиналъ говорить, всѣ умолкали подъ обаяніемъ его рынаго, неудержимаго краснорѣчія, остроумія и неистощимой веселости. Никакія заботы и дразги личной жизни не отнимали у него шумной и животальной бодрости духа. Она такъ и обхватывала собесѣдниковъ струей могучей силы и жизненности. Въ анекдотахъ, особливо нѣсколько «скромнаго» свойства, Бальзакъ былъ мастеръ первой руки. Слушая его, говоритъ Готье, каждый воображеніемъ своимъ создавалъ цѣлую фантазмагорію причудливыхъ образовъ и фигуръ; по прошествіи получаса голова уже шла кругомъ отъ этого мерцанія реальныхъ подробностей и невозможныхъ выходокъ фантазій. А то такъ онъ начиналъ говорить жаргономъ дѣйствующихъ лицъ своихъ романовъ и употреблять ихъ прибаутки. Каламбуры ему совсѣмъ не давались, хоть онъ и не скоро пришелъ къ этому убѣжденію. Въ такихъ-то «посидѣлкахъ» болтовни проводили они цѣлые вечера у Жиранденовъ, причеъ самъ Жи-

рарденъ, послѣ газетной работы, приходилъ дремать въ большомъ креслѣ.

Бальзакъ былъ увѣренъ, что проживетъ очень долго, такъ какъ его отецъ умеръ скоропостижно слишкомъ восьмидесяти лѣтъ. Часто онъ мечталъ вслухъ при Готье: повончивъ свою «Человѣческую Комедію», онъ долженъ былъ написать «Теорію похѣдки», потомъ «Монографію добродѣтели», поставить штукъ пятьдесятъ драмъ, составить себѣ огромное состояніе, жениться, имѣть двоихъ дѣтей; «но не больше,—прибавлялъ онъ:—двое дѣтей—очень красиво на переднемъ сидѣнн коляски». Читалъ онъ свои произведенія прекрасно, и Готье находилъ въ немъ задатки первокласснаго актера. Но при такихъ разностороннихъ способностяхъ, Бальзакъ, подобно Сталь, Жоржъ-Занду, Меримѣ, Жанену, не только не могъ писать стихами, но и не любилъ ихъ. Хотя онъ и преклонялся передъ Викторомъ Гюго; но Готье сильно сомнѣвается: полно, чувствовалъ ли онъ всѣ лирическія достоинства поэта. Самъ онъ вылизывалъ свою прозу, какъ ни одинъ стихотворецъ не обдѣлываетъ стихи; а между тѣмъ считалъ писаніе стиховъ пустой, мелкой, дѣтской и скучной работой. Онъ находилъ, что стихъ только стѣсняетъ творчество подробностей, въ которыя онъ влагалъ всю душу своихъ созданій. Также почти разсуждалъ и Стендаль. Бальзакъ всегда удивлялся тому, что Готье такъ занимается стихами, и находилъ, что стихи—не манускриптъ («la copie», по техническому выраженію французскихъ писателей, журналистовъ и типографовъ). Если онъ и уважалъ Готье, то за его прозу. Всѣ писатели романтической школы владѣли одинаково и стихомъ, и прозой. Стихотворцу, вообще, не трудно перейти къ прозѣ; но тотъ, кто—прирожденный прозаикъ, какъ Бальзакъ, никогда почти не владѣетъ стихомъ, и даже, по замѣчанію Готье, тайно претендуетъ за это на стихотворцевъ. У Бальзака, въ романахъ, есть два поэта, и ни одинъ изъ нихъ не возбуждаетъ симпатіи. Онъ не любилъ также журналистовъ и никогда не работалъ для журналовъ, т. е. подгоняя свой трудъ къ соображеніямъ и расчетамъ редакторовъ. Всѣ журналисты, изображенные имъ—куда не симпатичны. Если онъ и печаталъ романы въ фельетонахъ, то доставлялъ ихъ въ редакціи вполнѣ обработанными и не дѣлил на эффектные главки, чтобы каждый нумеръ кончался занимательно. Поэтому-то Сю и Дюма нравились фельетонной публикѣ гораздо больше Бальзака. Онъ при жизни никогда не добивался такихъ громадныхъ успѣховъ, какіе имѣли «Парижскія тайны», или «Вѣчный жидъ», или «Мушкетеръ» съ «Монтекристо». А

одинъ изъ лучшихъ его романовъ: «Les Paysans», едва-ли не самый лучший по широтѣ соціальной и бытовой задачи, до того не понравился подписчикамъ газеты «*Presse*», что редакція прекратила его печатаніе послѣ первой части. Никто еще, въ публикѣ, не понималъ идеи Бальзака охватить своими романами все современное ему общество. Только тогда поняли ее, когда вышло изданіе романовъ съ общимъ заглавіемъ: «Человѣческая Комедія». Съ этой поры перестали уже звать Бальзака «самымъ плодовитымъ романистомъ» — фраза, которая также раздражала его, какъ и — «авторъ Eugénie Grandet». Готье находить, что никто изъ множества критиковъ Бальзака не выставилъ достаточно ярко *современность* его творческаго генія. Классическая древность, которая входитъ въ образованіе каждаго француза, не отразилась ни малѣйшимъ намекомъ въ его произведеніяхъ. Онъ весь былъ въ настоящемъ, и внѣ его ничего не искалъ. Немудрено, что онъ оставался равнодушнымъ къ пластическому искусству, въ особенности къ изображенію идеальной красоты. Но это не мѣшало ему создать столько прелестныхъ женскихъ фигуръ, не выѣзжалъ изъ Парижа, который онъ страстно любилъ и изучалъ. Ему хотѣлось въ своихъ характерахъ и описаніяхъ воспроизводить рѣшительно каждую черту; поэтому-то, вѣроятно, онъ такъ и трудился надъ языкомъ.

X.

Въ этуодъ своемъ, Готье подъ конецъ оговаривается: онъ не имѣлъ намѣренія написать біографію своего знаменитаго пріятеля; да оно и трудно было прослѣдить, по личнымъ сношеніямъ, жизнь Бальзака безъ большихъ пробѣловъ. Какъ бы онъ ни былъ съ кѣмъ друженъ, другу приходилось не видать его по цѣлымъ мѣсяцамъ; а переписки съ изліяніями онъ вести не могъ; даже краткихъ записочекъ почти не писалъ. Кто жила въ обществѣ парижскихъ писателей, знаетъ этотъ эгоизмъ работниковъ слова. Онъ не исключаетъ вовсе большого добродушія и сердечной теплоты. Когда работа сдавалась издателю, Бальзакъ опять показывался въ кружкѣ своихъ пріятелей и продолжалъ разговоръ, точно будто онъ вчера еще бесѣдовалъ съ ними. Отъ времени до времени онъ ѣздилъ по Франціи, изучать мѣстности своихъ провинціальныхъ романовъ, гостилъ у друзей въ деревнѣ, гдѣ ему удобнѣе было жить и спастись отъ кредиторовъ, не дававшихъ ему покою въ Парижѣ. Только послѣ большихъ трудовъ позволялъ онъ себѣ

ѣздки въ Германію, въ сѣверную Италію, въ Швейцарію; но кія поѣздки скорѣе утомляли его, чѣмъ успокоивали; онъ не преставаѣ думать о своихъ долгахъ, срокахъ платежей и обязательствахъ по доставкѣ рукописей, да и денегъ всегда было ишкомъ мало. Своей изумительной памятью онъ схватывалъ все, о ему представлялось по пути; но главнымъ его *объективомъ* илѣ всегда человекъ. Онъ обладалъ способностью жить жизнью оихъ героевъ, какъ никто, и понималъ *реализмъ* въ его высокомъ, художественномъ смыслѣ, какъ самостоятельное творчество, не какъ копированіе дѣйствительности; читалъ онъ много, при ей своей плодovitости, и съ необыкновенной быстротой. Долги помишпали ему составить себѣ прекрасную библіотеку.

Переходя къ привычкамъ Бальзака, Готье говоритъ, что онъ только не курилъ, но и не выносилъ курильщиковъ. Въ его юмѣ, вообще, курили гораздо меньше; а женщины падали въ обморокъ отъ одного вида сигары или трубки. Бальзакъ презиралъ даже героевъ своихъ романовъ, съ привычкою курить. Женщинъ онъ зналъ прекрасно — романы его доказываютъ это ишкомъ убѣдительно. Но *какъ* онъ зналъ ихъ? Пріатели увѣнены были, что только *платонически*, или съ самыми малыми клоненіями отъ платонизма. Его сестра, госпожа де-Сюрвиль, завшая хорошо брата, не раздѣляла этого мнѣнія, прибавляя, что братъ ея отличался необычайной скромностью въ сердечныхъ вѣхахъ. Во все время дружбы Готье съ Бальзакомъ, продолжавшейся съ 1836 года до смерти его, — авторъ «Человѣческой Комедіи» только разъ всего намекнулъ на привязанность изъ самой первой молодости. Зато на словахъ онъ совсѣмъ не отличался глупостіемъ, что мы уже и видѣли изъ разсказа Готье. Онъ много «вралъ» (какъ выражаются у насъ); но про серьезные чувства говорилъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Самымъ близкимъ пріателямъ намекалъ онъ также на свою любовь къ благородной иностранкѣ (извѣстно, что это была русская), и то потому, что любовь кончилась супружествомъ. Только послѣ свадьбы эти пріатели догадались: зачѣмъ Бальзакъ ѣздилъ въ Россію и въ другія дальнія мѣста. Франтовство Бальзакъ выказывалъ въ первый періодъ своего авторства, да и то больше вспышками; обыкновенно же онъ одѣвался весьма просто и даже небрежно. Всѣ знали его зеленый короткій сюртукъ съ мѣдными пуговицами, вѣтчатые панталоны, красный фуляръ и шаршавую шляпу. Въ этомъ костюмѣ онъ относилъ свои корректуры и бѣгалъ по кредиторамъ. Иногда же прохаживался онъ медленно по улицамъ Парижа, глаза по сторонамъ, обдумывая планы, ища именъ и подробно-

стей. Въ сороковыхъ годахъ онъ сильно пополнѣлъ, и волосы уже серебрились; но физіономія проявляла ту же силу, энергию и веселую живучесть. Любитель всякихъ бытовыхъ деталей, Бальзакъ, когда долги его уменьшились, сдѣлался страстнымъ собирателемъ старой мебели. Онъ накапливалъ ее и пряталъ, боясь кредиторовъ; но друзья, подъ конецъ, стали подозрѣвать существованіе этихъ безконечныхъ заимодавцевъ и увѣряли его же самого, что онъ, какъ герой его романа—отецъ Грандэ—пряталъ въ старые чулки миллионныя сокровища. Къ этому времени онъ переѣхалъ въ кварталъ Беаузеу, и его квартира похожа была на какое-то таинственное аббатство, куда проникнуть было чрезвычайно трудно, даже и друзьямъ. Внутри квартира была роскошно и затѣйливо убрана; а снаружи домикъ смотрѣлъ убого. Входъ охраняли нѣсколько человѣкъ прислуги, и безъ записки абсолютно нельзя было добраться до хозяина. Въ этомъ «застѣнкѣ», Готье нашелъ чуть не цѣлый музей разныхъ рѣдкостей и дорогой старинной мебели вмѣстѣ съ роскошнѣйшей отдѣлкой комнатъ въ разныхъ вкусахъ.

Готье изумился, увидавъ все это великолѣпіе и вскричалъ:

— Да вы, вѣрно, очистили всѣ сокровища Абусалема!

— Я все такъ же бѣденъ, какъ и прежде, — отвѣчалъ Бальзакъ: — все это — чужое; я отдѣлалъ домъ для друга, и состою только привратникомъ и хранителемъ этого отеля.

Но истина вскорѣ всплыла наверхъ. Бальзакъ собирался жениться. Всѣ его желанія, казалось, были исполнены. Онъ раскидался съ кредиторами и начиналъ новую жизнь съ любимой женщиной въ такой пріятной обстановкѣ. Даже завистники начали его похваливать за такія произведенія, какъ «*Parents pauvres*» и «*Cousin Pons*», точно чуя скорый конецъ его. Болѣзнь захватила его внезапно и скрутила также быстро. Готье, отправляясь въ Италію, заѣхалъ къ нему. Бальзакъ его не принялъ. Ему сказали, будто онъ уѣхалъ на таможню, за какими-то вещами, садясь въ карету, Готье получилъ записочку отъ жены Бальзака, гдѣ она объясняла ему причину отказа. Внизу стояли собственноручныя слова его:

«Не могу больше ни писать, ни читать. — *Де-Бальзакъ*».

Вѣроятно, думаетъ Готье, это была послѣдняя строка Бальзака, а какъ она характерна! Это — крикъ великаго работника интеллигенціи, лишеннаго своей стихіи!..

Черезъ нѣсколько дней, въ Венеціи, Готье прочелъ въ «*Journal des Débats*» извѣстіе о смерти Бальзака. Этюдъ свой (онъ

былъ написанъ для журнала «*Artiste*») кончаетъ Готье защитой друга отъ упрека въ безнравственности его произведеній. Объ томъ теперь смѣшно говорить; а тогда—въ 1858 г.—было еще, видно, необходимо. Но Готье все-таки лучше бы сдѣлалъ, еслибы казалъ, что гениальному романисту не доставало опредѣленныхъ философскихъ идей, социальныхъ симпатій и нравственныхъ идеаловъ, съ высшей точки зрѣнія; буржуазныхъ же нареканий въ безнравственности реальныхъ изображеній достается довольно и въ настоящую минуту всѣмъ, кто не боится писать творческой истью, а не подмалевывать...

Мы извлекли изъ воспоминаній Готье о Бальзакѣ все, характеризующее не только знаменитаго романиста; но и пріятеля его—романтика. Манера Готье вполне симпатична и вовсе не подмѣнена; но образъ Бальзака выходитъ менѣе рельефно, чѣмъ бы ногіе желали, все отъ той же легкости, какая видна и въ воспоминаніи Шанфлѣри о Курбѣ, къ которому мы и перейдемъ. Готье нигдѣ не говоритъ про Бальзака, какъ про главу *реальной* школы романистовъ, между тѣмъ какъ у Шанфлѣри мы безпрепятственно наталкиваемся на слово «реализмъ», и своего пріятеля Бодлера онъ и самъ не прочь въ сущности считать реалистомъ, нигдѣ достаточно не указывая на то, что какъ Бодлеръ, такъ и Гюргѣ — продукты того же мечтательнаго или сумасброднаго отношенія къ жизни, той же игры въ поэзію, эксцентричность свободу отъ всякихъ требованій и законовъ настоящей реальности. Но въ разсказѣ Шанфлѣри вы чувствуете гораздо болѣе романиста-бытописателя, чѣмъ въ замѣткахъ и воспоминаніяхъ Готье. Онъ не заботится такъ объ стилѣ, общемъ колоритѣ, общемъ впечатлѣніи: подробности играютъ у него главную роль. Готье его мало способенъ къ увлеченію, и сквозь добродушіе пріятеля видна полунасмѣшливая улыбка. Читатель видитъ по одной чертѣ разсказа, что авторъ прошелъ другую школу, чѣмъ сверстники Готье, что его писательство пробивало себѣ тропку къ вѣстности безъ всякихъ иллюзій и энтузіазмовъ, порождая въ то же время мелкое резонёрство и скептицизмъ.

Изъ всѣхъ друзей-пріятелей Шанфлѣри, принадлежащихъ къ области искусства, самая крупная творческая сила, конечно, живописецъ Курбѣ. Этотъ землякъ Прудона — типъ французскаго мужика, и ничего не имѣетъ общаго съ *реалистами* въ родѣ Мюржѣ и Бодлера. Кружокъ, собиравшійся вокругъ него, имѣлъ, можетъ быть, нѣкоторое *историческое* отношеніе къ той богемѣ, куда впервые попалъ Шанфлѣри, но ни мало не страдалъ ея перераженнымъ романтизмомъ. Курбѣ и его сподвижники дерзко

водрузили знамя натурализма и доводили его, какъ мы увидимъ изъ воспоминаній Шанфлѣри, до нетерпимости истыхъ сектаторовъ.

Шанфлѣри очень рано вошелъ въ пріятельскія отношенія къ Курбэ, и приводитъ характерные отрывки изъ своей ранней корреспонденціи, гдѣ глава французскихъ реалистовъ является въ настоящемъ свѣтѣ.

«Курбэ произвелъ впечатлѣніе (разсказываетъ Шанфлѣри) на выставкѣ 1849 г. Съ этого года Курбэ уже *существовалъ*, ибо его «Après diner à Ornans» было признано и толпой, и жюри, которое купило эту прекрасную картину, находящуюся въ настоящее время въ Лилльскомъ музеѣ. Удалившись въ свой маленький городокъ, Орнанъ, Курбэ писалъ мнѣ: «Depuis que je vous ai quitté, j'ai déjà fait plus de peinture qu'un évêque n'en bénirait». Эта фраза рисуеъ всего человѣка: онъ, несмотря на свое житіе въ Парижѣ, остался настоящимъ крестьяниномъ изъ Франшъ-Контэ. Курбэ приготовлялся тогда къ выставкѣ 1851 г. цѣлой серіей значительныхъ картинъ, въ числѣ которыхъ: «Enterrement à Ornans» и «Casseurs de pierres». Последнюю картину онъ такъ мнѣ описалъ въ письмѣ:

„Я ничего не выдумывалъ, любезный другъ; каждый день, идя гулять, я видѣлъ этихъ несчастныхъ. Въ ихъ ремеслѣ совершенно такъ начинаютъ и кончаютъ. Видѣлъ, землепашцы, которымъ пришлось очень по вкусу эта картина, увѣряютъ, что напиши я еще сто такихъ, ни одна не будетъ вѣрнѣе этой“.

«Когда вспомнишь скандалъ, какой произвела на выставкѣ 1851 г. посылка этихъ значительныхъ картинъ, полезно привести здѣсь письмо, написанное мнѣ Курбэ по поводу «Enterrement à Ornans». Артиста такъ сильно обвиняли въ системѣ, въ преднамѣренности, въ шарлатанствѣ, что лучший отвѣтъ любопытнымъ, невѣждамъ и пройдохамъ, приписывающимъ каждому свои собственныя хитрости—напечатать нѣсколько задушевныхъ строкъ, гдѣ онъ разсказываетъ о своихъ трудахъ:

„Здѣсь натурщики дешевы; всѣмъ хочется попасть въ „Enterrement“; никогда всѣхъ не удовлетвори, и наживу немало враговъ. Уже стояли на натурѣ мѣръ, вѣсомъ въ 400 килограммовъ, Курбэ, мировой судья, церковный служитель, нотариусъ, помощникъ мэра Марлэ, мои пріатели, отецъ, мальчишки-пѣвчіе, могильщикъ, два сирота, оставшіеся отъ революціи 93 года, въ тогдашнихъ костюмахъ, собака, погонщикъ и его носильщики, дѣтки (у одного изъ нихъ носъ точно вишня, претолстѣи и въ длину пять большихъ пальцевъ), мои сестры, еще другія женщины и проч. Только мнѣ хотѣлось обойтись безъ двухъ приходскихъ пѣвчихъ, но не было никакой возможности; ко мнѣ пришли сказать, что они обижены, говоря, что изъ причта только ихъ не сняли (pas tirés). Они горько жаловались, повторяя, что они не слѣ-

или мнѣ никакого зла и не заслужили такого посярмленія. Надо быть бѣшеннымъ, чтобы работать въ такихъ условіяхъ, въ какихъ я нахожусь. Я работаю à l'aveuglette; у меня нѣтъ никакой перспективы (persuée). Неужели я никогда не устроюсь, какъ мнѣ хочется? Словомъ, въ эту минуту я оканчиваю пятьдесятъ фигуръ въ натуральную величину; фонъ къ ней—пейзажъ и небо, на полотнѣ въ 20 футовъ длины, на 10 вышины. Есть съ чего околѣть, и вы, конечно, повторите, что я не дремлю».

«Курбѣ ничего больше не прибавляется; онъ не говоритъ о скандалѣ, какой произведетъ его картина, — о преднамѣренномъ скандалѣ, по увѣренію критики. Но не слѣдуетъ ли искать настоящую мысль человѣка въ задушевныхъ письмахъ къ пріятелю? Артистъ жалуется только на недостатокъ persuée своей мастерской. Это былъ узкій чердакъ. Трудно повѣрить, чтобы такое крупное произведеніе, какъ «Enterrement», могло быть исполнено въ такихъ жалкихъ условіяхъ; но чего не дѣлаетъ любовь къ искусству! Позднѣе только Курбѣ узналъ, какимъ онъ сталъ страшилищемъ послѣ отсылки картинъ на выставку 1851 г., но онъ смотрѣлъ и на это спокойно и просто.

«Безполезно поднимать споръ о произведеніяхъ Курбѣ. Молодыя мечты артиста, его воспитаніе, счастливый случай, давшій ему въ учителя человѣка, который развилъ въ немъ независимость, — все это вмѣстѣ лучше поможетъ изучить его, чѣмъ всѣ прищипанія и положенія».

XI.

Въ Парижѣ каждый кружокъ, по отсутствію клубовъ въ англійскомъ вкусѣ, непременно выберетъ себѣ какое-нибудь кафе или пивную, гдѣ и откроетъ ежедневныя засѣданія. Въ классическіе дни «Французской комедіи», когда она еще помѣщалась по-ту сторону Сены, литературнымъ сборищемъ былъ «Café Procope», какъ разъ противъ зданія театра. Онъ существовалъ до послѣдняго времени въ «Rue de l'Ancienne Comédie», но никакого уже значенія не имѣлъ. Каждая эпоха литературнаго и политическаго движенія выбирала свои кафе и кабаки. При Наполеонѣ III посредствомъ кафе производилась ловля республиканцевъ и фабрикація ложныхъ заговоровъ. У Золя въ «Ventre de Paris» можно найти одинъ изъ такихъ кабаковъ со всей вульгарной комедіей конспираціи, гдѣ на пять заговорщиковъ два мушара.

И храмъ реализма, съ главнымъ жрецомъ его, Курбѣ, помѣ-

щался въ пивной, куда Шанфлѣри вводитъ насъ, сообщая разныя подробности, довольно живо переносящія въ этотъ міръ исключительныхъ интересовъ искусства со всей его фламандскою обстановкой.

«То, что составляло въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ силу доктрины реализма, говорить Шанфлѣри, — истекало изъ безпечной вѣры жрецовъ его, связано было съ легкостью вступленія въ его святилище и въ особенности съ веселостью, какая тамъ господствовала. Всѣ эти восхвалители и искатели истины были молоды, здоровы, веселы. На нихъ не осталось слѣдовъ тѣхъ трудобогемы, черезъ которыя большинство ихъ прошло. Курбъ первый отворилъ, въ концѣ 1848 г., врата этого храма. Случай сдѣлалъ то, что внутренность его имѣла протестантскій и сельскій видъ, отвѣчавшій доктринамъ вѣрующихъ. Это была пивная въ нѣмецкомъ вкусѣ: деревянные скамейки и столы, длинная зала съ каменнымъ поломъ, стѣны, выбѣленные известью, полнѣйшее отсутствіе дивановъ и зеркалъ; но кухня заставляла забыть эту деревенскую обстановку, достойную школы реформаторовъ. Огорода вдоль потолка, гирлянды изъ сосисекъ, крутъ сыра, величиною съ мельничные камни, бочки съ вкусной *крутъ* — все это напоминало скорѣе какую-нибудь монастырскую столовую, гдѣ свободомысліе было приличнымъ образомъ питаемо и поливаемо. Реформація была «во вкусѣ». Неудивительно, что слухъ объ этой питательной пищѣ и о веселой болтовнѣ быстро распространился въ извѣстныхъ артистическихъ и голодныхъ кружкахъ Парижа. И, по правдѣ сказать, въ пивной сильно склонялись въ сторону лютеранскую, т.-е. тамъ оказывали радушное гостепріимство игривымъ пѣсенкамъ, сдобному женскому полу и шумной веселости. Реализмъ, понятый такимъ образомъ, былъ очень пріятенъ. Великій жрецъ отличался обходительностью. Пѣвчими, отвѣчавшими «аминь» на всѣ возглашенія сектаторовъ истины, были студенты, находившіе, что религія довольно-таки веселая, почему они и не боялись вербовать въ число ея юныхъ послѣдовательницъ — своихъ возлюбленныхъ.

«Отсюда-то вышло «Enterrement d'Ornans», эта большая картина, написанная безъ всякаго *подхода* (*supercherie*), настоящая церковная картина, съ подробностями, возбуждающими смѣхъ; но каждый взмахъ кисти показываетъ работника, предающаго своему дѣлу и дающаго хорошую поживу тѣмъ, кто дѣйствительно любитъ живопись. Авторъ этой популярной картины былъ добрый товарищъ, безъ задора и гордости, протягивающій руку всѣмъ, кто къ нему подходилъ, большой спорщикъ, при

случаѣ поэтъ и пѣвецъ, съ желудкомъ пошире, чѣмъ у фламандцевъ, всегда веселый, съ геркулесовской силой, но неспособный дать щелчокъ ребенку, говорящій о своемъ искусствѣ со стойкостью мужика, убѣжденіемъ вѣрующаго и туманностью мистика.

«Много набѣжало *парижанъ* въ храмъ реализма; они ходили по разнымъ причинамъ въ эту улицу Haute-Feuille, казавшуюся бульварщикамъ улицей провинціального городка. Во-первыхъ, самые извѣстные живописцы захотѣли посмотрѣть, что за гусь человѣкъ, шумѣвшій такъ своими мужицкими „sabots“. Потомъ явились критики съ зондомъ въ рукахъ, чтобы измѣрить глубину доктрины. Разочарованные, невѣрующіе уже ни во что, засиживались въ пивной, удивляясь тому, что они, хотя мгновенно, начинаютъ чему-то вѣрить. Прокралось въ храмъ и нѣсколько ловкихъ господъ, желавшихъ воспользоваться новой школой. Пришли и дебютанты въ литературѣ и искусствахъ, чтобы выкупаться въ купели реализма; праздный и любопытный народъ заходилъ тоже въ достаточномъ количествѣ; бонъ-виваны сбѣжались со всѣхъ концовъ. Каждый день былъ праздникъ съ 6-ти до 11-ти часовъ, и немало людей за 50 лѣтъ, принимавшихъ участіе въ этихъ трапезахъ, могли лично перенестись къ свѣтлымъ днямъ своей юности. Эти собранія имѣли нѣкоторую связь съ сходками романтиковъ, но въ нихъ сказывался особый, сельскій вкусъ.

«Разъ, вечеромъ, состоялась партія въ бильярдъ изъ Декана, Корбъ, Курбъ и меня. Кто считалъ очки? Не кто иной, какъ Густавъ Планшъ, старикъ Планшъ, вызвавшійся самъ играть роль маркѣра и оставившій на этотъ разъ втунѣ эстетическій споръ, затѣянный около него Шенаваромъ и Бодлэромъ. Густавъ Планшъ началъ уважать эту группу веселыхъ реформаторовъ. Уже болѣзненный критикъ усталъ жить, и банда занимала его. Здѣсь доктрина была безъ педантизма; мы проповѣдывали реализмъ съ громкими взрывами смѣха. Всѣ были равны въ этомъ храмѣ, начиная съ бакалавра, прошедшаго реторику, вплоть до мыслителя, углублявшагося въ философскую систему. Хорошенькія дѣвушки приходили поклевать со студенческаго обѣда и пріятно отбѣивали сборище вѣрующихъ. *Въ эту блаженную минуту политика не существовала. Царствовалъ одинъ реализмъ.* Больше ни о чемъ не хотѣли знать, и для вѣрующихъ «весь Парижъ» былъ въ улицѣ Haute-Feuille. Ни на какомъ театрѣ бульвара не играли такихъ веселыхъ комедій, какъ тутъ. Пивная была настоящей мастерской Курбъ. Туда являлись просить у артиста

позволенія написать его портретъ и біографію, или добиваться чести защищать новую доктрину. Нѣкоторые изъ бывшихъ учениковъ нормальной школы, получившіе извѣстность, обезпечивались тѣмъ, что происходитъ въ новомъ храмѣ, и благоразумно заявляли почтеніе богу и его святымъ. Проповѣдь происходила обыкновенно въ полдень; за завтракомъ учитель охотно излагалъ посѣтителямъ свою систему. Подобно фурьеристамъ, Курбэ смѣло говорилъ о всѣхъ наукахъ и искусствахъ и давалъ совѣты въ вопросахъ, очень мало ему знакомыхъ. Тѣмъ, кто занимался философіей или метафизикой, не слишкомъ-то вкусно приходилось отъ него, и надо было слушать, какъ онъ вообще отдѣлывалъ университетъ. Послѣ обѣда каждый вечеръ начинались бесѣды о поэзіи, ставившія дыбомъ волосы на головахъ стихотворцевъ, придерживавшихся старыхъ правилъ. Новая церковь не допускала рифмы:

Tous les garçons chantaient
Le soir au cabaret qu'ils étaient réunis.
Tous les garçons chantaient,
Répétant ce refrain:
Tra-la-la la, la, la, la, etc.

«Вотъ одинъ изъ куплетовъ, всего болѣе правившійся, въ особенности Густаву Планшу, и я не сомнѣваюсь, что въ настоящую минуту разные нотаріусы и страпчіе повторяютъ его, роаясь въ бумагахъ, а иные провинціальныя врачи—отправляясь на практику въ своихъ таратайкахъ. Такъ было велико число приверженцевъ во всѣхъ классахъ.

«Даже самъ Шенаваръ пѣлъ:

Le soir au cabaret qu'ils étaient réunis...

«Важные кандидаты въ политическіе дѣятели, которыхъ я не назову здѣсь, повторяли также припѣвъ:

Le premier qui chanta
Raconta ses amours,
Tra la-la, la, la, la.

«Это были „Les Orientales“ улицы Haute-Feuille. Одинъ только Прудонъ возмущался этой поэзіей, и нѣтъ никакихъ слѣдовъ ея въ его предсмертной книгѣ объ искусствѣ, посвященной почти исключительно Курбэ. Но софистъ уже позднѣе присталъ къ доктринамъ, когда политическій элементъ подулъ на элементъ веселый. И Бодлэръ находилъ эту поэзію недостаточно сложною: веселости не удалось оживить его бѣдную тревожную душу, и,

послѣ долгихъ посѣщеній храма, поэтъ былъ единственный человекъ, заявившій о своемъ вѣроотступничествѣ.

«Такъ весело прошли три года въ Оивандѣ улицы Haute-Feuille, послѣ чего реалисты разбегались: нѣкоторые не допускали нетерпимости, дѣлавшей изъ живописца какого-то папу, изъ романиста—епископа; другіе умерли. Тѣ же, кто добивался поступленія въ ихъ ряды изъ честолюбивыхъ замысловъ, обратились вспять, находя, что весьма наивна та школа, у которой—ни журналовъ, ни доходовъ, ни добродѣтельныхъ даней. Молодые люди, полные рвенія, находили, что вожаки слишкомъ нерѣшительно отвѣчали на ярые нападки на реализмъ, и хотя кружокъ имѣлъ свою долю пользы, а доктрина была вообще удобна, нѣкоторые умы бросились искренно въ одиночество, ища, нѣтъ ли поверхъ реальности чего-нибудь нематеріальнаго, рождающаго въ сердцѣ человека порывы, которые простое наблюденіе неспособно воспроизвести. Но не такому одиночеству, не такому углубленію въ самого себя обязанъ Курбѣ глубокимъ знаніемъ моря, такъ благотѣльно подѣйствовавшаго на его произведенія за послѣдніе годы».

Свою характеристику Шанфлѣри кончаетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ:

«Несмотря на всѣ катастрофы, неожиданныя и ужасныя, случившіяся съ тѣхъ поръ, я ничего не измѣнилъ въ этомъ портретѣ, набросанномъ двѣнадцать лѣтъ назадъ. Я могъ бы показать, какъ живописецъ—*членъ коммуны*—извѣстнымъ сдѣпленіемъ идей погрузился въ революціонное жерло; но эти мемуары, какъ я ихъ разумѣю—болѣе воспоминанія первой молодости. Идеи, начавшія бродить въ умѣ артиста съ 1852 г.,—съ эпохи, когда мы разстались, требуютъ извѣстнаго развитія, не входящаго въ настоящую рамку. Онѣ будутъ изложены позднѣе, съ грустью, но съ независимостью и искренностью. *Курбѣ былъ единственный изъ всей группы, нарисованной мною, пустившійся въ политику.*»

ХП.

Шанфлѣри въ одномъ мѣстѣ упоминаетъ о Прудонѣ, который приходился землякомъ Курбѣ, былъ съ нимъ знакомъ и черезъ него познакомился съ Шанфлѣри. Казалось бы, для всякаго наблюдателя-романиста такая личность, какъ Прудонъ, должна была сдѣлаться предметомъ особаго интереса. Но видно, нашъ реалистъ умѣлъ копаться только въ своемъ художественномъ мірѣ, а чтобы

относиться объективно къ натурамъ, подобнымъ Прудону, надо воспитать въ себѣ иное мировоззрѣніе.

Мы находимъ во второй части мемуаровъ Шанфлэри страничку, озаглавленную: «Разговоръ съ Прудономъ». Читатель увидитъ въ этомъ отрывкѣ не яростнаго врага великаго соціального критика, не зубоскала или злоязычнаго обскуранта, но жидкаго резонёра и отмѣтчика второстепенныхъ фактовъ, человѣка, которому претитъ все рѣзкое, крупное. Вотъ почему удивляешься, какъ онъ могъ одѣлать творчество Курбэ, и видишь въ его сочувствіи къ живописцу что-то поддѣльное.

«Я засталъ Прудона», рассказываетъ Шанфлэри, «наканунѣ нашего разговора, за столомъ, съ женою и дѣтьми, вокругъ огромной суповой чашки, гдѣ плавало нѣсколько чечевицы. Онъ готовилъ тогда книгу: „De la justice dans la Révolution“, и просилъ меня, не могу ли я ему дать списокъ того, что нужно прочитать, чтобы познакомиться съ современной литературой. Прудонъ ничего не знаетъ изъ художественныхъ произведеній ¹⁾, и вотъ это стѣсняло меня ужасно во время моей прогулки съ нимъ, на другой день, въ Люксанбургскомъ саду. Искусства и изящная словесность положительно чужды ему. Но какъ же можетъ человѣкъ надѣяться въ нѣсколько мѣсяцевъ получить понятіе о современной литературѣ? Прудонъ перешелъ уже тотъ возрастъ, когда беллетристика отвѣчаетъ на внутреннія потребности. Я вижу, что ему хочется знать, хотя онъ и судитъ о каждомъ произведеніи, написанномъ со страстью, съ предвзятой точки зрѣнія.

«Въ разговорѣ онъ то-и-дѣло упоминаетъ о Поль-Луи Куррьё и Беранже. Оба они завершили дѣло разрушенія при реставраціи, а этого совершенно достаточно для неистоваго разрушителя. Конечно, Поль-Луи и Беранже были полезны, но странно мнѣніе, что въ нихъ сидитъ вся современная литература. Видя, что невозможно довести Прудона до признанія того факта, что существуютъ великіе поэты, романисты и драматурги помимо Поля-Луи и Беранже, я спросилъ его: «что вы думаете о Ромео?—О какомъ Ромео?—*Ромео и Юлія*.—А-а!—Однако же? Мой вопросъ смутилъ Прудона. Этотъ дикій знать не хочетъ любви. По его мнѣнію, женщина годна дѣлать дѣтей, заниматься хозяйствомъ и т. п. Прудонъ посреди Парижа остался все тѣмъ же уроженцемъ Франшъ-Конте, гдѣ женщины прислуживаютъ за столомъ и садятся только послѣ мужчинъ. Я зналъ, что мой вопросъ

¹⁾ Писано до смерти Прудона.

смутить его. «Ромео—это любовь», сказалъ я софисту, прощаясь съ нимъ. «Неужели вы думаете, что Шекспиръ, изображая любовь, принесъ меньше пользы человечеству, чѣмъ Поль-Луи, способствуя низверженію реставраціи?»

«Странный человѣкъ этотъ Прудонъ. Я много обглядывалъ его во время нашей прогулки. У него черепъ плохо устроенъ. Подъ относительною искренностью его парадоксовъ скрывается сильная гордость. Маленькій носъ и нѣчто обезьянье въ черепѣ доказываютъ плохо уравновѣшенный мозгъ. Еще не менѣе важная подробность: Прудонъ надѣваетъ очки навыворотъ. Одно съ другимъ связано: идеи съ очками».

Нѣтъ причины не вѣрить искренности Шанфлѣри. Прудонъ, вѣроятно, поражалъ въ ту эпоху своей беллетристической отсталостью. Внѣшность этого крупнѣйшаго современника Шанфлѣри охарактеризована имъ довольно живо; но поразительно то непониманіе этой личности, какое выказываетъ нашъ реалистъ. Все, что онъ о немъ говоритъ дальше, не выходитъ изъ предѣловъ условной наблюдательности и мелкаго мыслительнаго анализа. Онъ рассказываетъ, какъ Курбѣ принялся за артистическое воспитаніе Прудона, и подсмѣивается надъ замѣчаніями *софиста*. Мы узнаемъ также, что Шанфлѣри при февральской республикѣ вѣрилъ въ идеи Прудона, въ чемъ впоследствии и повинился публично. Ему бы можно было въ этомъ и не сознаваться. Мы и безъ него догадались бы, что ему не по плечу идеи Прудона. Онъ не оставляетъ въ покоѣ и пресловутую формулу «*la propriété c'est le vol*», и не задумывается говорить, что Прудонъ укралъ ее у конвентинца Бриссо, упоминающаго въ своихъ мемуарахъ о сочиненномъ имъ разсужденіи на тему: «*la propriété est un vol*».

Неудивительно, что Шанфлѣри приравниваетъ Прудона къ Вельб. Они, по его мнѣнію, похожи на грубаго извозчика, забавляющагося тѣмъ, что опрокидываетъ по дорогѣ всякія мелкія тележки. Онъ, впрочемъ, находитъ, что у Вельб голова гармоничнѣе, чѣмъ у Прудона, почему у него и больше логики. Заключительныя слова его, по поводу этого сравненія, по истинѣ курьезны:

«Прудонъ и Вельб—больше ничего, какъ критики. Черезъ 10 лѣтъ то, что еще теперь считается прекрасными страницами этихъ обоихъ отрицателей, потеряется и забудется: народятся другіе Вельб и Прудоны».

Развѣ не ясно, что для реальнаго романиста между критикой того и другого нѣтъ никакой разницы? *Содержаніе критики*

Прудона для него ни мало не занимательно. Всѣ противорѣчія, указанныя землякомъ Курбѣ въ политическомъ, социальномъ и экономическомъ строѣ Запада, никогда не волновали романиста; стало-быть, для него Прудонъ — грубый софистъ съ обезьяньимъ черепомъ. Гораздо доступнѣе ему личности такихъ разсудочныхъ, чисто-литературныхъ критиковъ, какъ Сентъ-Бёвъ, которому онъ посвящаетъ во второй части своей книжки нѣсколько страницъ. Сентъ-Бёва онъ зазналъ въ 1844 г., когда тотъ не пользовался еще литературнымъ кредитомъ. Онъ довольно вѣрно, но поверхностно, опредѣляетъ умственную натуру Сентъ-Бёва, его любовь къ труду, его скептицизмъ, ловкость, съ какою онъ всѣхъ выпрашивалъ, особенно женскій полъ. Въ Сентъ-Бёвѣ онъ отмѣчаетъ также большую воспримчивость къ общественнымъ настроеніямъ минуты. Вотъ этой-то воспримчивости и не хватаетъ реалистамъ въ родѣ Шанфлёри. Сентъ-Бёвъ напоминаетъ ему Беранже. По его мнѣнію, между ними есть немало сходства: тѣ же буржуазные вкусы, тотъ же недостатокъ интереса къ художественнымъ вещамъ; та же доброжелательность и охота помогать другимъ. Беранже часто не успѣвалъ въ своихъ хлопотахъ, потому что слишкомъ докучалъ богатымъ и вліятельнымъ людямъ. У Сентъ-Бёва было больше такту, и немало молодыхъ людей выбилось въ люди чрезъ него. Вотъ почему, замѣчаетъ Шанфлёри, интеллигентный Парижъ вспомнилъ въ день его похоронъ челоѣка, который въ минуту своей смерти вскричалъ: «Les lettres», совершенно такъ, какъ Гёте, испуская духъ, сказалъ: «свѣтъ».

На этомъ мы и остановимся въ нашихъ выдержкахъ изъ Шанфлёри. Во Франціи его считаютъ многіе «главой реальной школы романистовъ», но этотъ титулъ не присталъ къ нему послѣ Бальзака. Изучить его небезполезно, и въ его романахъ найдется больше наблюдательности, интереса и таланта, чѣмъ въ издѣліяхъ англійскихъ третьестепенныхъ и второстепенныхъ писательницъ, какія переводятся у насъ дюжинами. Самъ Шанфлёри не далъ въ своей книжкѣ такого формулярнаго списка литературной службы, какъ Готье; но изъ нея фізіономія его, какъ писателя, и житейская его доля—достаточно выясняются. Какъ Готье безъ серьезнаго образованія сталъ съ юныхъ лѣтъ писать стихи и романы, а потомъ превратился въ поденщика-фельетониста; такъ и Шанфлёри, еще съ мѣньшимъ образованіемъ, попалъ въ кругъ богемы и пустился въ писательство, долго не думая. Онъ также, какъ и Готье, какъ и Бальзакъ, жилъ перомъ, и если не размѣнялъ

ебя на фельетоны, то пёкъ романы съ неменьшей зависимостью отъ безденежья. Цѣлая половина его книжки состоитъ изъ «Notes et times». Такія «замѣтки» могли бы выдти чрезвычайно интересными и поучительными: вѣдь ихъ писалъ романистъ, имѣющій европейскую репутацію; но, читая ихъ, невольно спрашивается себя: наивность, или самомнѣніе руководили авторомъ при печатаніи этихъ «Интимностей»? Онъ ихъ велъ цѣлыхъ десять лѣтъ, отъ 1852 до 1862 г. Онъ то-и-дѣло говоритъ о своихъ романахъ, но вовсе не такъ, какъ читатель желалъ-бы, т.-е. не вводя нисколько въ лабораторію своего творчества, а точно какой уржуа, записывающій, сколько у него паръ ночныхъ сорочекъ, къ какому числу надо приготовить деньги за квартиру. Мы видимъ только то, что вся его жизнь прошла въ чисто-сочинительской вознѣ, въ мелкихъ чисто-сочинительскихъ заботахъ и оображеніицахъ, внѣ всякаго широкаго соціального движенія, внѣ глубокихъ вліяній философіи, двигательныхъ идей, могучихъ образовъ прекраснаго...

Такая исповѣдь одного изъ крупныхъ «отцовъ» можетъ послужить «дѣтямъ» убійственнымъ матеріаломъ для филиппикъ и для отраженія ударовъ разныхъ филистеровъ печати, нападающихъ на «дѣтей» за ихъ легкость, поверхностное образованіе, густоту и, главное, недобросовѣстность въ работѣ. Мы видимъ, что и Готье растратилъ талантъ на фельетоны, и Шанфлѣри прожилъ лучшіе свои годы въ мелкихъ испытаніяхъ и интересахъ журнальнаго сотрудника. По части же міровоззрѣнія, у Готье мы находимъ вездѣ одни общія мѣста того, что въ кружкѣ Бѣлинскаго звали «прекраснодушіемъ»; а въ «Интимныхъ замѣткахъ» Шанфлѣри кое-какія выписки, болѣе приличныя гимнасту, чѣмъ писателю съ репутаціей, и уклончивые софизмы, показывающіе, что Шанфлѣри не смѣлъ ни въ чемъ доходить до конца. Въ вопросѣ же «добросовѣстности» работы мы видимъ, что главнѣйшую роль играетъ тутъ житейская доля въ связи съ темпераментомъ. Не будь у Бальзака долговъ, онъ писалъ бы меньше; но будь онъ талантливѣе на языкъ, онъ не передѣлывалъ бы такъ корректуръ, а писалъ бы «на-бѣло», какъ написала Жоржъ-Зандъ лучшія свои вещи. Такая же заботливость, какую мы находимъ у Шанфлѣри о своихъ романахъ, отзывается серьезностью какого-то литературныхъ дѣлъ мастера. Видитъ онъ, напр., что публика охладѣла къ такого-то рода романамъ, онъ сейчасъ же замѣчаетъ, что «надо выдумать что-нибудь новенькое». Развѣ это не доказательство отсутствія общихъ идей и настоящего творчества?..

Мы не пишемъ, однакожъ, прокурорской обвинительной рѣчи. Не только Готье и Шанфлѣри, но и всѣ имъ подобные отцы поплатились довольно за то отсутствіе принциповъ и то художественное дилеттантство, въ которыхъ они искали великой мудрости искусства и жизни. А кончили они безпринципіемъ, банальностью личной судьбы, измельчаніемъ таланта, пустыми тревятами или квіетизмомъ во вкусѣ того, какой составлять *pium desiderium* Шанфлѣри, когда онъ говоритъ въ своихъ «Замѣткахъ» о блаженной жизни Аристотеля и Теофраста, упоминаемой Цицерономъ. Читателю знакома эта жизнь. Она называется у насъ «карамзинщиной». И у насъ романтизмъ, переходившій иногда въ дилеттантство реализма, сбиль съ пути не мало народу, но лучшіе его поборники—и во главѣ ихъ нашъ Бѣлинскій—страхнули его съ себя во-время и пошли впередъ, любя человека, общество и знаніе.

Д — В ВЪ.

ЖАЛОБА ТАССА

Изъ Байрона.

I.

О, годы бѣдъ! о, медленное время!
Какъ тяжело питомцу музъ сносить
Въ тиши тюрьмы губительное бремя
Людской вражды, безумья и обидъ!
Томимъ тоской, сгорая жаждой свѣта
И воздуха, стремлюсь я къ нимъ душой,
А тѣнь дверей мрачить лучи разсвѣта
И сквозь зрачки вползаетъ въ мозгъ больной.
Насмѣшливо суровая неволя
Глядитъ въ глаза сквозь запертую дверь,
Что пишу лишь, да свѣтъ дневной—не болѣ—
Впускаетъ.... да ту пищу, что, какъ звѣрь,
Я съ радостнымъ волненьемъ принимаю
И такъ давно ни съ кѣмъ не раздѣляю,
Томясь одинъ въ тюрьмѣ моей сырой,
Что жизнь влачить меня въ неволѣ нудитъ
И, можетъ быть, моей могилой будетъ.
Всѣ это грудь томило мнѣ тоской;
Но, вѣры полнѣ, не падалъ я душой
И, воспаривъ надъ мракомъ преисподень,
Освобождалъ священный градъ Господень.
Я жилъ въ мѣстахъ, гремѣвшихъ славой дѣлъ
Его—Творца, съ святыми и въ святыняхъ,
Мой духъ былъ тамъ—въ далекой Палестинѣ—

И я войну во имя Бога пѣлъ,
 Сошедшаго на землю къ намъ, и нынѣ
 Сидящаго на свѣтлыхъ небесахъ,
 Кѣмъ духъ мой бодрѣ и кѣмъ живѣтъ мой прахъ.
 Чтобъ заслужить прощеніе страданьямъ,
 Я пѣлъ въ тиши—въ плѣну своемъ—о томъ,
 Какъ завоеванъ былъ Господень Домъ
 И какъ Его почтили покаяньемъ.

II.

Оконченъ трудъ—покинута цѣвница,
 Мой вѣрный другъ въ теченіи долгихъ лѣтъ!
 Пускай его послѣдняя страница
 Хранить слезы неизгладимый слѣдъ—
 Повѣрьте мнѣ, не горемъ, не страданьемъ
 Изъ глазъ моихъ она извлечеда,
 А имъ самимъ, души моей созданьемъ,
 Что вокругъ меня, какъ-будто въ грѣзахъ сна,
 Съ улыбкою привѣтливой порхало
 И забывать страданья заставляло.
 Но вотъ, и ты покинуло меня—
 И снова я спокойствія не знаю,
 И снова я, рыдая и стена,
 Подъ гнетомъ бѣдъ главу свою склоняю,
 Какъ бурю надломленный тростникъ.
 Исчезло ты—и я главой поникъ.
 Еще, томясь, я долго пристрадаю;
 Но какъ снесу страданья тѣ—не знаю,
 Хотя къ тому и средства, и пути
 Въ моей душѣ надѣюсь я найти.
 Мой бодрый духъ незыблемъ средь волненій,
 Затѣмъ—что онъ не знаетъ угрызений.
 Меня зовутъ безумнымъ—почему?
 Ужели я отвѣта не прочту
 Въ твоей душѣ, въ огнѣ святого взора
 Твоихъ очей небесныхъ, Леонора?
 Безумья духъ мой полонъ былъ, когда
 Дерзнулъ вознестъ любовь свою туда—
 Такъ высокъ; виновно сердце было—
 Не умъ: оно во мнѣ заговорило.

Я скорбь давно въ груди моей ношу
 И гнетъ ея съ терпѣніемъ сношу.
 Я не былъ слѣпъ, а ты была прекрасна—
 Вотъ почему судьба моя несчастна.
 Но пусть меня здѣсь мучать, какъ хотять—
 Они во мнѣ тебя не истребятъ.
 Счастливыцы—тѣмъ знакомо пресыщенье;
 Но тѣ, чья жизнь — увы — одно мученье—
 Понять любви способны глубину:
 Всѣ страсти ихъ сливаются въ одну,
 И въ океанъ волною неустанной,
 Какъ рѣкъ семья, бѣгутъ; но океанъ
 Что бѣднымъ намъ въ удѣлъ судьбою данъ,
 Есть океанъ бездонный и безгранный.

III.

Чу! надо мной встаютъ рыданья тѣхъ,
 Чьи плоть и духъ томятся въ злой неволѣ.
 Мнѣ слышенъ ихъ безумный, дерзкій смѣхъ
 И свистъ бича, вторимый крикомъ боли.
 Есть люди здѣсь — безумнѣй во сто разъ
 Безумцевъ всѣхъ — что разумъ раздражаютъ,
 И слабый лучъ, въ немъ тлѣвшій, затмѣваютъ
 Мученьями напрасными подь-часъ.
 Имъ деспотизмъ, безгранная ихъ воля
 Затѣмъ нужна, чтобъ дѣлать людямъ зло.
 Мнѣ жить межъ нихъ судила злая доля,
 А если въ гробъ мнѣ время лечь пришло,
 Я здѣсь умру и саваномъ укроюсь.
 Да будетъ такъ! — тогда я успокоюсь.

IV.

Я много снёсъ — могу еще сносить;
 Я все забылъ, что жаждалъ позабыть;
 Но все-жъ живутъ въ душѣ воспоминанья.
 Зачѣмъ забыть не въ силахъ я страданья,
 Какъ всѣ меня забыли, можетъ-быть?

Корю-ль я тѣхъ, что жить меня здѣсь нудятъ
 Въ сырыхъ стѣнахъ, что въ сердцѣ горе будятъ?
 Здѣсь смѣхъ—не смѣхъ, здѣсь мысль—не плодъ ума,
 И человекъ — не жизнь, а смерть сама.
 Здѣсь брань на крикъ и стоны на удары
 Даютъ отвѣтъ, подъ гнѣтомъ злобной кары.
 Насъ здѣсь — толпа, но всякъ съ своей тоской;
 Насъ много здѣсь, но каждый за стѣной,
 Способной лишь служить безумья эхомъ.
 Здѣсь на призывъ отвѣтствуютъ лишь смѣхомъ
 И внемлетъ имъ, сквозь крики, плачь и смѣхъ,
 Всего одинъ, несчастнѣйшій изъ всѣхъ,
 Межъ ними жить хотя и осужденный,
 Но не для мукъ безумія рожденный.
 Но чувствую-ль я злобу противъ тѣхъ,
 Что здѣсь меня, какъ звѣря, заточили,
 Что, объявивъ безумнымъ, въ мнѣньи всѣхъ
 Меня — пѣвца — унизили, убили,
 И жизнь мою и мысли заклеили
 Позоромъ лжи, какъ первородный грѣхъ?
 Но грудь мою вздымала-ль жажда мщенья?
 Желалъ ли я въ сердца моихъ враговъ
 Пролить тоску, сразить борьбой волненья,
 Что губятъ духъ, смиряютъ въ жилахъ кровь?
 Увы, Альфонсъ, я слишкомъ гордъ для мщенья!
 Я всѣмъ простилъ—и жажду умереть.
 Въ душѣ моей, гдѣ только Леонора,
 Царить одна, нѣтъ мѣста для укора:
 Я лишь могу любить — благоговѣть!
 Твой братъ жестокъ: я не рожденъ для мщенья;
 Забыла ты: мнѣ не дано забвенья!

V.

Моя любовь отчаянья не знаетъ;
 Она бальзамъ мнѣ въ сердце проливаетъ,
 Она на днѣ души моей больной
 Незримая, безмолвная таятся,
 Какъ молнія окутанная мглой,
 Готовая надъ міромъ разразиться.
 Да, мысль моя, мой ангелъ, Леонора,

При столкновеньи съ именемъ твоимъ
Даетъ огоньъ врачамъ потухшимъ зора,
Кипѣнье лавы жиламъ огненнымъ —
И вновь на мигъ, смѣняясь чередою,
Пропедающее встаетъ передо мною;
Но пылъ прошолъ — и я — вновь прежній я.
Чужда всѣхъ благъ, росла любовь моя:
Я зналъ, что ты — раба приличій свѣта —
Не можешь быть подругою поэта.
Ни вздохомъ устъ, ни звукомъ словъ живыхъ
Не обличилъ я жгучихъ чувствъ своихъ;
Сама любовь служила мнѣ усладой:
Она сама была себѣ наградой,
И если взоръ являлъ тебѣ еѣ —
Онъ лишь встрѣчалъ молчаніе твоѣ.
Ты предо мной являлась, какъ святая,
И слалъ къ тебѣ я взоръ свой и мечты,
Смирненно прахъ священный лобызая
Вокругъ тебя, но не за-то, что ты
Принцесса — нѣтъ, за то, что озаряла
Тебя любовь и прелестью играла
Во всѣхъ твоихъ движеніяхъ и чертахъ,
Томящей насъ, вселяющею страхъ,
Иль — нѣтъ, не страхъ, а трепетъ обожанья.
И въ этомъ строгомъ самообладаньи
Сіяло нѣчто лучшее порой
Самой любви и нѣжности самой.
Ты надо мной возносила къ небу смѣло,
И предъ твоей звѣзда моя блѣднѣла.
Богда, любя безъ цѣли, я грѣшилъ,
То дорого за это заплатилъ;
Но ты душѣ была еще дороже,
И безъ тебя наказаннымъ быть строже
Еще сто кратъ достоинъ былъ бы я.
Да, та любовь безгранная моя,
Что на меня оковы налагаетъ,
На половину гнетъ ихъ облегчаетъ
И силу мнѣ, безсильному, даетъ
Сносить его другую половину.
Она къ тебѣ мечты мои влечетъ
И помогаетъ нести мою кручину.

VI.

Увы! я жилъ отъ самаго рожденья
 Лишь для любви, для ласкъ и наслажденья.
 Они одни мнѣ видѣлись во всемъ,
 Чѣмъ красенъ міръ, чѣмъ дышетъ все кругомъ.
 Я превращалъ деревья и каменья
 Въ живыхъ боговъ, а дикія растенья
 Въ цвѣтушій рай, въ которомъ я лежалъ
 По цѣлымъ днямъ—и грезилъ, и мечталъ,
 Хотя меня за это и бранили,
 А мудрецы, нахмурясь, говорили,
 Что зло—удѣлъ подобныхъ мнѣ людей,
 Что я стремлюсь къ гибели своей,
 Что лѣнь моя достойна слезъ и кары—
 И лилась брань, и сыпались удары.
 Но я, крѣпясь, не плакалъ, не рыдалъ:
 Я лишь страдалъ и, молча, проклиналъ.
 Когда-жъ къ себѣ, въ свой уголъ возвращался,
 То вновь мечтамъ тѣмъ чуднымъ предавался,
 Что къ намъ порой являются безъ сна.
 Прошли года! Душа была полна
 Нѣмой тоски, тревоги и страданья,
 И чувства всѣ сливались въ желанья,
 Тогда еще не ясномъ для меня,
 Что длилось вплоть до радостнаго дня,
 Въ который рокъ блуждающему взору
 Представилъ разъ внезапно Леонору!
 Съ тѣхъ поръ я быть собою пересталъ,
 Подавленный твоимъ существованьемъ.
 Я божій міръ изъ виду потерялъ—
 И образъ твой сіялъ мнѣ мірозданьемъ.

VII.

Не думалъ я, бродя въ уединеннѣ,
 Что рокъ судилъ окончить въ заточеннѣ
 Мнѣ дни свои въ сообществѣ людей,
 Больныхъ умомъ и мрачныхъ палачей.

Когда-бъ мой умъ лишенъ былъ всякой силы,
 Вполнѣ своей онъ стоилъ-бы могилы;
 Но кто меня въ конвульсіяхъ видалъ?
 Кто бредъ и смѣхъ безумный мой слыхалъ?
 Тоска пловца на берегѣ пустынномъ
 Не такъ тяжка, какъ узы на безвинномъ:
 Предъ нимъ просторъ—вселенная предъ нимъ,
 Моя же—здѣсь, съ убожествомъ своимъ,
 Что превзойти всего лишь можетъ вдвое
 Пространство то, что смерть отгнѣтитъ мнѣ.
 Онъ можетъ взоръ на небо всеблагое
 Поднять съ тоской, ввѣряся волнѣ:
 Но узникъ глазъ къ нему не подымаетъ,
 Хотя его тюремный сводъ скрываетъ.

VIII.

По временамъ я чувствую однако,
 Что разумъ мой вступаетъ въ область мрака:
 Я вижу блескъ божественныхъ огней
 Средь голыхъ стѣнъ сырой тюрьмы моей;
 Злой духъ меня преслѣдуетъ словами
 Насмѣшки злой и мелкими бѣдами.
 Для тѣхъ, чей духъ свободенъ и здоровъ,
 Пустымъ все это можетъ показаться;
 Но тотъ, кто палъ подъ бременемъ оковъ,
 Кто такъ усталъ бороться и терзаться,
 Какъ я, тому нельзя сопротивляться.
 До этихъ поръ я думалъ, что вредить
 Лишь человѣкъ способенъ мнѣ; но нынѣ
 Я вижу, что и духи могутъ быть
 Врагами мнѣ, друзьями ихъ гордыни.
 Увы! забыть я небомъ и землей —
 И духи зла ликующей толпой
 Провозгласить побѣду замышляютъ
 Надъ тѣмъ, чей умъ, слабѣя, померкаетъ.
 За что мой духъ въ горнилѣ томъ пытаются,
 Какъ сталь въ огнѣ?—За то-ль, что я любилъ?
 За то-ль, что грудь святымъ огнемъ сгораетъ,
 Что не любить во мнѣ нѣтъ больше силъ?

IX.

Въ былые дни во мнѣ таился пылъ —
 Они прошли! Рубцы мои не ноютъ,
 Иначе бы я голову разбилъ
 О стѣны тѣ, что свѣтъ небесный кроютъ
 И отымаютъ у моихъ очей
 Веселый блескъ сіяющихъ лучей.
 Но если все, что сказано вѣсь было,
 Я снесъ, стерпѣлъ — и болѣе еще,
 О чемъ — увы — рассказывать нѣтъ силы —
 То лишь затѣмъ, что страстно, горячо
 Я жить хочу, чтобъ смертію позорной
 Не оправдать всей злобы лжи упорной,
 Что въ этотъ гробъ, шипя, меня свела,
 Не запятнать влеймомъ безумья злого
 Чела пѣвца, священнаго чела,
 И чтобъ врагамъ, которымъ нѣсть числа,
 Последняго не предоставить слова.
 Я перейду къ далекимъ временамъ,
 Я превращу мою темницу въ храмъ —
 И цѣлыя народы, поколѣнья
 Сюда толпой придутъ на поклоненье.
 А ты, Феррара гордая! когда
 Величья быть жилищемъ перестанешь,
 Ты ницъ падешь, и болѣе не встанешь;
 Но и тогда, когда ты безъ слѣда
 Сойдешь въ ничто и міръ тебя забудетъ,
 Вѣнокъ пѣвца вѣнцомъ Феррары будетъ.
 А ты, что быть любимой устыдилась
 Простымъ пѣвцомъ — пѣвцомъ, подобнымъ мнѣ,
 Чья грудь зарей стыдливости покрылась
 При мысли лишь, что въ умъ твой заронилась,
 Что можно быть любимой не во снѣ
 И не однимъ владыкой полъ-вселенной,
 Скажи Альфонсу, брату своему,
 Что не смиренъ мой духъ и остоу бранный
 Ни временемъ, ни грустью неизмѣнной,
 Ни бездной золь, грозившею уму —
 (Увы! чума, что бродитъ между нами,

Смиряеть духъ, царить и надъ умами) —
 Скажи ему, что я передъ тобой
 По прежнему главу свою склоняю,
 Что я тебя люблю и обожаю,
 И что когда тѣ башни, что толпой
 Среди пировъ хранять его покой,
 Гербами золочеными покрыты,
 Падутъ во прахъ и будутъ позабыты,
 Тогда мой слепокъ, свидѣтель горькихъ дней,
 Священнымъ мѣстомъ будетъ для людей.
 Но ты, когда исчезнетъ обаянье,
 Которымъ санъ, любовь и обожанье
 Тебя такимъ величьемъ окружаетъ,
 Что все вокругъ колѣни преклоняетъ,
 Получишь полъ-лавроваго вѣнча
 Съ чела пѣвца, съ могилы бѣдняка —
 И на землѣ ничто не будетъ въ силахъ
 Раззять, разрознить наши имена,
 Какъ не могло отнять твой образъ милый
 У грезъ моихъ — томленій полу-сна.
 Да, насъ судьба, карающая грозно,
 Соединить, но только слишкомъ поздно!

Н. ГЕРВИЛЬ.

ЛЬВИНЫЙ ОСТРОВЪ

Письма съ острова Цейлона.

I. Отъ Галле до Гамбанотты.

На «Львиномъ островѣ» львовъ нѣтъ; онъ славится слонами, на немъ водятся леопарды, медвѣди, шакалы, обезьяны, крокодилы и много другихъ звѣрей и птицъ; но львовъ нѣтъ, и врядъли они были когда-либо здѣсь. А между тѣмъ туземцы называютъ свой островъ Сингала-двипа, т.-е. островъ или страна львовъ; арабы передѣляли это имя въ Серендибъ, португальцы въ Zeilan, голландцы въ Ceilan, англичане въ Ceylon, откуда и наше—Цейлонъ. Если вы обратитесь за объясненіемъ имени къ туземцу, или станете искать его въ туземныхъ книгахъ, и тамъ, и тутъ найдете одно и то же объясненіе. *Вижая* былъ первый аріецъ изъ Индіи, пришедшій съ толпою бродягъ на островъ; онъ пришелъ сюда, покорилъ туземное, вѣроятно, не-арійское населеніе, и сталъ царствовать на островѣ; въ продолженіи многихъ лѣтъ, его потомки мирно владѣли островомъ. *Вижая* происходилъ отъ женщины и льва, а потому звался «сингала», львинымъ; въ честь его, покоренный островъ получилъ названіе также львиного. Очевидно, что легенда нисколько не объясняетъ происхожденія названія; она имѣетъ всѣ признаки народной этимологіи, и конечно обязана своимъ происхожденіемъ имени страны, сдѣлавшемуся непонятнымъ задолго до созданія легенды. Вопросъ о томъ, почему островъ, на которомъ нѣтъ львовъ, зовется львинымъ, занималъ также умы туземцевъ. Но не только островъ звался львинымъ, царствовавшая династія, по старому индійскому обычаю, могла также именоваться — льви-

ною (сингала). И подобно тому, какъ Косала или Мобада, могло значить имя и царя, и страны, такъ и «сингала» въ нѣкоторыхъ случаяхъ обозначало царя, въ другихъ подвластную ему страну. Первобытный умъ, настроенный видѣть всюду чудесное и усматривать въ имени или описаніе сущности предмета, или исторію его происхожденія, ухватился за имя царя, а наивная вѣра во все чудесное помогла созданію легенды. Явилось объясненіе очевидной странности, и никому оно не казалось невѣроятнымъ: не царь звался именемъ страны, а страна приняла царское имя, а царь звался лвнымъ, потому что происходилъ отъ льва.

Возможно и другое объясненіе этого имени; оно не пришло въ умы туземцевъ, и, конечно, какъ не согласное съ тѣмъ, что гласятъ ихъ книги, будетъ ими отвергнуто. Весьма рано островъ былъ обращенъ въ буддизмъ; его цари и народъ были ревностные читатели ученія «вѣщаго». Существующія развалины на островѣ свидѣлствуютъ о томъ, съ какимъ усердіемъ воздвигались здѣсь монастыри, храмы и т. д., и въ каждомъ храмѣ непременно найдешь изображеніе льва. Не звался-ли «вѣщій» львомъ изъ рода Саньевъ? Не въ память-ли его на громадныхъ гранитныхъ столбахъ до сихъ поръ стоятъ фигуры львовъ? Отъ этихъ не стинувшихъ львовъ и ведетъ свое начало названіе острова; оно явилось по водвореніи буддизма, и въ названіи острова «лвнымъ» есть прямое указаніе на то, что ученіе льва изъ рода Саньевъ пустило на островѣ глубокіе корни и имѣло тысячи поклонниковъ. Островъ имѣлъ и другія названія; онъ звался по цвѣту своей почвы «мѣдно-краснымъ»; изъ этого туземнаго имени греки сдѣлали Тапробана.

Слава о благодатномъ островѣ давно гремитъ на Западѣ. Весьма вѣроятно, что уже финикійскія суда являлись сюда, въ своихъ поискахъ за восточною роскошью; можетъ быть, отсюда флотъ Соломона привозилъ тѣ восточные товары, которые въ библіи названы индійскими именами. Позднѣе, съ острова получались на Западѣ: корица, товаръ вавилонскій, о которомъ говорится въ откровеніи: «горе, горе, градъ великій Вавилонъ.... и купцы земствъ възрыдають и восплачутся о немъ, яко бременъ ихъ никто же купуетъ.... и корицы, и еиміама, и мвра, и ливана». Первые подробности объ островѣ получены были на Западѣ за восемнадцать столѣтій до водворенія на немъ новыхъ европейцевъ; отъ полководцевъ Македонскаго завоевателя европейцы услыхали рассказы о слонахъ, слоновой кости, о драгоценныхъ камняхъ и водяныхъ чудовищахъ острова. По покореніи Египта Августомъ и вслѣдъ за открытіемъ муссоновъ, когда

торговля съ Востокомъ получила значительное развитіе, значеніе Цейлона возвышается, и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣдѣнія о немъ дѣлаются болѣе точными. Плиній зналъ, сколько городовъ и сколько жителей на островѣ. Ему извѣстны были рѣки и минеральныя богатства острова. Свѣдѣнія Птолемея объ островѣ еще болѣе опредѣленны и полны. Множество мелочныхъ подробностей, сообщаемыхъ имъ, могутъ быть даже въ настоящее время подтверждены очевидцемъ. Съ развитіемъ торговли росли и расширялись свѣдѣнія объ островѣ. Послѣ грековъ, сюда стали приходить арабы, персы, китайцы. Изъ книги Космы Индикоплевста узнаемъ, что на островѣ въ его время были персы христіане; въ особенности арабы имѣли большое значеніе для торговли съ Востокомъ. Съ VI по XI ст. по Р. Х., вмѣстѣ съ персами, они овладѣли совершенно торговлею съ Цейлономъ; послѣ того, какъ торговое значеніе Багдада и Бассоры возросло на счетъ значенія Александріи, ихъ суда встрѣчались въ Галле (Point-de-Galle) съ судами китайцевъ. Цейлонъ, лежащій на половинѣ пути между Аравіей и Китаемъ, долженъ былъ сдѣлаться значительнымъ мѣстомъ склада. Здѣсь былъ центръ міровой торговли, и купцы отдаленнѣйшихъ странъ встрѣчались на Цейлонѣ. Сюда приходили китайцы съ своими шелками. Отсюда арабы вывозили тѣ предметы восточной роскоши, на которые и старая и новая Европа такъ падала. Такое положеніе дѣлъ продолжалось долгое время, и только во времена новѣйшія, вслѣдъ за торговлею венеціанцевъ, мирныя отношенія запада къ востоку смѣнились враждебными. Въ 1517 г., на Цейлонѣ услышали первый выстрѣлъ. Въ обмѣнъ за естественныя богатства португальцы принесли туземцамъ «ученіе мира» и мечъ. Они владѣли частью острова полтора столѣтія, и во все это время война не прекращалась. Съ фанатизмомъ истребляя старую вѣру и безуспѣшно водворяя христіанство, португальцы оставили на островѣ кровавый слѣдъ. Вовлеченные въ громадныя издержки, они принуждены были наконецъ оставить островъ. Ихъ смѣнили голландцы, и въ концѣ прошлаго столѣтія англичане. Разсматривая развитіе нашихъ свѣдѣній о Цейлонѣ, убѣждаемся, что съ этимъ именемъ связаны самыя фантастическія представленія о Востокѣ; распространенію этихъ свѣдѣній во многомъ способствовали пресловутое путешествіе Синдбада, усердно читавшееся въ Европѣ въ средніе вѣка, и вообще арабскіе писатели, для которыхъ Цейлонъ, кромѣ торговаго значенія, имѣлъ и религіозное. Сюда, на поклоненіе Адамовой горѣ и слѣду, начиная съ X ст. по Р. Х., стекались благочестивые странники. Съ этой горой мусульмане связали поэти-

ческое преданіе о падшемъ прародителѣ. Когда Адамъ былъ изгнанъ изъ рая и низверженъ съ седьмого неба, съ этой горы бросилъ онъ послѣдній взоръ на потерянный рай; здѣсь, въ слезахъ и полный раскаянія, онъ искупалъ свой грѣхъ подвижничествомъ; въ продолженіи многихъ лѣтъ онъ простоялъ на одной ногѣ. Его слѣдъ видимъ до сихъ поръ. Этотъ quasi-слѣдъ буддисты называютъ слѣдомъ вѣщаго, христіане—св. Оомы. Словомъ, на островѣ Цейлонѣ, начиная съ древнихъ временъ, сталкивался востокъ съ западомъ. Разсказы о тропической роскоши его природы, о минеральныхъ богатствахъ, воспламеняли фантазію восточныхъ и западныхъ авантюристовъ. За богатствомъ сюда плыли китайцы съ востока, съ запада греки, затѣмъ персы, арабы, венеціанцы и т. д., кончая англичанами.

Суда «Peninsular & Oriental Steam Navigation Company» обыкновенно пристають въ Point-de-Galle, на зарѣ, рано утромъ, и предъ глазами путешественника предстаетъ островъ во всей своей роскошной красѣ. Самый путь, которымъ идутъ эти суда, способствуетъ усиленію перваго впечатлѣнія. Они идутъ путемъ англійскимъ, тѣмъ путемъ, на которомъ англичане построили ворота въ Индію, и ключи отъ этихъ воротъ они крѣпко держатъ въ своихъ рукахъ. Въ Гибралтарѣ путешественникъ видитъ послѣднюю картину европейской природы. Затѣмъ пароходъ останавливается въ Мальтѣ, Александріи и, наконецъ, въ Аденѣ. Печальнѣе Адена или острова Сокотора (у котораго пароходъ не останавливается) нельзя ничего себѣ представить: голыя скалы, казармы, укрѣпленія и невыносимый зной. Лѣтомъ, въ іюнѣ, переѣздъ отъ Александріи до Индіи едва-ли можетъ считаться нетягостнымъ. Жара въ Красномъ морѣ, муссоны въ океанѣ утомляютъ большинство путешественниковъ. И вотъ, наконецъ, послѣ восьмидневнаго переѣзда отъ Адена до Point-de-Galle, пароходъ останавливается у Цейлона. Пестрая картина, развернувшаяся передъ вашими глазами, отчасти уже знакома вамъ по описаніямъ различныхъ путешествій: двойныя лодки сингалезцевъ, торгаша мавры съ драгоценными камнями, потомки арабовъ, когда-то торговавшихъ въ Цейлонѣ; сингалезцы съ чудными длинными волосами, распущенными совершенно такъ же по-женски, какъ это описалъ Птолемей, ихъ простой и нельзя сказать, чтобы удобный костюмъ, описанный китайцами въ VII вѣкѣ по Р. Х., — всѣ эти мелочи и детали сообщены и изображены въ любомъ путешествіи по Цейлону. Едва пароходъ успѣлъ стать на якорь,

какъ со всѣхъ сторонъ на него налетѣли лодки, лодочки; на палубѣ показались разнообразныя народности, населяющія Галле; все это двигалось, кричало, шумѣло, а кругомъ—

...цвѣтъ Божій садъ;
Растеній радужный нарядъ
Хранилъ слѣды небесныхъ слѣзъ.

Я вышелъ на берегъ однимъ изъ первыхъ, переѣхавъ съ парохода въ просторной лодкѣ плута мавра. Въ узенькую, двойную лодку сингалезцевъ, хотя описанную уже классическими авторами, я не хотѣлъ садиться; со мною былъ багажъ, да къ тому же лодка не внушала къ себѣ довѣрія. Я сторговался съ мавромъ за двѣ рупи (4 шил.); но, когда мы пристали къ берегу, я увидалъ, что не отдѣлаюсь двумя рупи. По словамъ мавра, каждый джентльменъ прибавляетъ что-либо на гребцовъ; а гребцовъ было четверо. Поспѣшивъ отдѣлаться отъ гребцовъ и мавра, я прошелъ простою галлереею въ таможенную, гдѣ моего чемодана и не раскрывали даже. Въ отелѣ (Oriental Hôtel), куда я отправился затѣмъ, мнѣ отвели просторную комнату во второмъ этажѣ, съ окнами, выходящими на морѣ. Галле—полу-европейскій городъ, и представляетъ мало примѣчательнаго. Но для новичка на Востокъ и здѣсь найдется кое-что любопытное.

Какъ только приходитъ пароходъ и пассажиры соберутся въ отелѣ, кто въ ожиданіи парохода, отправляющагося въ Европу, либо въ Китай, или Австралію, кто посидѣть только нѣсколько часовъ на сушѣ и затѣмъ плыть дальше, въ Мадрасъ, Калькутту, словомъ, какъ только на просторной, крытой террасѣ отеля завидятся приѣзжіе, чутьемъ почуютъ это мѣстные торгаши и набѣгутъ со всѣхъ сторонъ, каждый съ своимъ товаромъ. Опять мавры съ драгоценными камнями, или часто со стекломъ и мѣдью вмѣсто перла и золота. Мнѣ рассказывали анекдотъ объ одномъ мѣстномъ высокопоставленномъ лицѣ. Особа, пользующаяся большою популярностью между туземнымъ населеніемъ, и особенно между буддійскимъ духовенствомъ, имѣетъ нѣкоторую слабость къ драгоценнымъ камнямъ и считаетъ себя знатокомъ. Случилось разъ особѣ ѣхать на пароходѣ изъ Галле въ Коломбо. На томъ же пароходѣ ѣхалъ одинъ изъ мѣстныхъ жителей, изукрашенный перстнями, запонками, и т. п. различными драгоценностями. Особенно выдавался одинъ перстень, бросавшійся прямо въ глаза любителю драгоценныхъ камней. Владѣлецъ перстня снялъ его и обязательно предложилъ осмотрѣть; зная, что особа считаетъ себя и считается знатокомъ драгоценныхъ камней, онъ при этомъ лукаво попросилъ оцѣнить камень.

— Я заплатилъ за камень меньшей величины сто фунтовъ — отвѣчалъ знатокъ; — вашъ больше и, конечно, стѣбитъ дороже.

— Баше высвопр—ство ошибается — отвѣчалъ владѣлецъ перстня, — я заплатилъ за него всего рупи (2 шил.); когда же по проѣздѣ въ Лондонъ показалъ камень знакомому ювелиру, онъ сказалъ мнѣ, что я передалъ шиллингъ.

Но большинству пріѣзжихъ и проѣзжихъ этотъ случай, конечно, неизвѣстенъ, и мавры бойко торгуютъ на террасѣ. Правда, приходится слышать, какъ, вмѣсто трехъ фунтовъ, покупщикъ предлагаетъ три рупи. Мавръ саркастически улыбается, отходитъ на время, возвращается сызнова, и называя себя *N figut*, т. е. я лучший, первый ювелиръ, предлагаетъ вновь поторговаться. За маврами идутъ другія національности; сингалезцы съ палками изъ различныхъ мѣстныхъ деревьевъ, съ фигурами слоновъ изъ слоновой кости; персы изъ Бомбея съ произведеніями Кашемира. Внезапно, среди глухого говора на террасѣ, доносится съ улицы какой-то пискливый визгъ. То очарователь змѣй; и онъ явился заработать деньгу. Я видѣлъ пляску змѣй въ первый же день своего пріѣзда въ Галле. Потомъ въ Коломбо я видѣлъ двухъ мальчиковъ, очарователей змѣй. Одному изъ нихъ было не болѣе десяти лѣтъ. Оба были совершенно голы, съ препоясанными чреслами, и обращались съ змѣею очень безцеремонно; обвязывали змѣею шею, таскали ее въ рукахъ. А змѣей была *Cobra de Capello*. Змѣю, одну или нѣсколькихъ, сохраняютъ въ круглой плетенкѣ. Волшебникъ садится на корточкахъ передъ плетенкою и, наигрывая свою свирѣль, слегка шевелитъ и подталкиваетъ плетенку. Тихо и какъ будто не охотно поднимаетъ голову змѣя; мало по-малу она раздражается, поднимается вертикально и быстро, съ шипѣніемъ протягиваетъ голову въ голой колѣнѣ очарователя, который такъ же быстро отстраняетъ свою колѣнку. И въ этомъ состоитъ обыкновенно пляска змѣй.

Отель въ Галле, хотя выстроенный и принадлежащій европейской компаніи, представляетъ нѣкоторыя любопытныя, мѣстныя черты. Онъ считается по справедливости однимъ изъ лучшихъ во всей Азій. Комнаты просторны, прохладны и содержатся въ чистотѣ; двери и окна плотно притворяются; прислуга, вся изъ мѣстнаго населенія, внимательна и расторопна; большинство слугъ сингалезцы, и всѣ безъ исключенія въ своемъ національномъ костюмѣ: босоноги и, вмѣсто панталонъ, ноги плотно обвиваются юбкою; во сверху надѣвается или коротенькая куртка, или жакетка англійскаго покроя; длинные волосы заплетены въ пучокъ на затылкѣ. Каждого европейца слуга зоветъ «master», что почти равно-

сильно нашему «баринъ», какъ звался въ Россіи всякій въ нѣмецкомъ одѣяніи. Туземецъ очень услужливъ, но лѣнивъ, трусливъ, подобострастенъ и страшно любопытенъ. Сдѣлайте только видъ, что не прочь отвѣчать на его вопросы, и слуга, принесшій утромъ чашку чаю, закидаетъ васъ вопросами. Ему какъ будто необходимо знать все, что до васъ касается; онъ не прочь освѣдомиться, любите-ли и часто-ли ѣдите, и уже, конечно, спроситъ васъ, когда вы ѣдете, куда ѣдете и откуда пріѣхали. Оставьте книги на столѣ, и будьте увѣрены—ваши книги, особенно если то туземныя, восточныя, подвергнутся тщательному осмотру; но слуга не ограничится однимъ этимъ: при первомъ удобномъ случаѣ, мягко уныбаясь, онъ начнетъ васъ допрашивать, зачѣмъ вамъ, европейцамъ, такія книги, ваше-ли дѣло читать ихъ? Звонковъ въ отелѣ нѣтъ; нѣтъ ихъ и въ частныхъ домахъ. Слугу зовутъ, или хлопая въ ладони, или же, всего чаще, выкрикивая: «*boy*»! Утромъ, въ отелѣ, вы услышите протяжные крики: «*boy*»! раздающіеся изъ разныхъ комнатъ. И какъ, бывало, на Руси на кличъ: «малый», отзывался сѣдовласый, сгорбленный старецъ, такъ и здѣсь; крикнете «*boy*», и въ вашу дверь просунется сѣдая, беззубая голова. Слово «*boy*» весьма вѣроятно есть какое-нибудь испорченное индустанское имя слуги; но, въ настоящее время, въ устахъ англичанъ, оно значитъ не болѣе какъ французское: «*garçon*» и, крикъ «*boy*», никто не думаетъ о происхожденіи слова и не соединяетъ съ нимъ другого значенія. Хотя въ вашей комнатѣ вывѣшено объявленіе, что слугамъ не слѣдуетъ давать денегъ, что плата за всякую услугу будетъ прописана въ вашемъ счетѣ, и объявленіе, конечно, извѣстно слугамъ, но тѣмъ не менѣе получить «подарочекъ», видѣть «ваше вниманіе къ себѣ», слуга не прочь, и не прочь въ нѣкоторыхъ случаяхъ заявить о томъ, конечно весьма робко, выражая слабую надежду на такое благополучіе. Дадите достаточно или много, онъ приложитъ руку ко лбу, въ знакъ благодарности, дадите мало—онъ все-таки приметъ вашу монету, въ обѣ руки, но благодарности при этомъ не увидите, руки ко лбу онъ не приложитъ. Въ мѣстахъ, какъ Галле, гдѣ бываетъ наплывъ всякаго рода иностранцевъ, эта привычка «видѣть къ себѣ вниманіе» развита довольно сильно.

На другой день моего пребыванія въ Галле, рано утромъ, часовъ въ шесть я вышелъ прогуляться. Въ этотъ часъ, въ воздухѣ, около моря чувствуется освѣжительная прохлада; съ моря несется пріятный вѣтерокъ. Миновавъ фортъ и солнцемъ спаленный, огромный лугъ, лежащій между тою частью города, гдѣ живутъ европейцы, и предместьями, я углубился въ одну изъ

улицъ. Я шелъ по ровному какъ полъ шоссе, подъ тѣнью громад-
ныхъ кокосовъ и банановъ. Красно-мѣдный цвѣтъ дороги (от-
куда ведетъ начало греческое названіе острова), тропическая ра-
стительность кругомъ и издали ясно слышимый шумъ волнъ,
ударяющихъ о-берегъ, вся эта обстановка, для непривычнаго
глаза сѣверянина, имѣла видъ театральности; не вѣрилось, что все
это дѣйствительность, что это природа, а не дѣла рукъ человѣче-
скихъ, не громадная оранжерея или зимній садъ съ таинствен-
нымъ каскадомъ. Туземный городъ просыпался; я могъ видѣть
и еще лучше обонять это; всюду чувствовался невыносимый
запахъ кокосоваго масла. Кое-гдѣ, праздно сидя у пороговъ сво-
ихъ мазанокъ, на меня глядѣли сингалезцы; въ нѣкоторыхъ
мѣстахъ я могъ видѣть, какъ свершался женскій туалетъ, или
вѣрнѣе, наблюдать охоту за чужездными звѣрями, гнѣздящимися
въ дебряхъ, на благородной части человѣческаго тѣла—занятіе,
любимое въ Италіи и не безызвѣстное на Руси. На встрѣчу мнѣ
попадались совершенно голые кулі (рабочіе), двуколески, тачи-
мыя быкомъ или парокъ быковъ; все это двигалось, съ провизіею,
въ европейскій городъ. Попадались монахи, молча стоявшіе около
какой-либо лавочки: въ знакъ того, что святой отецъ желаетъ
получить подаваніе; просить объ этомъ ему запрещалъ канонъ.
Мимо меня проходили благочестивые сингалезки съ завтракомъ
на банановыхъ листьяхъ; они спѣшили въ монастыри кормить
отцовъ. Кое-гдѣ нѣжная мать, захвативъ въ грязную горсть гряз-
ную воду, терла черное личико совершенно голаго мальчика.
Наблюдая эти мелочи окружавшей меня картины, я незамѣтно
прошелъ около трехъ миль, и уже хотѣлъ возвращаться домой,
какъ вдругъ за моей спиной раздался дѣтскій голосъ: *Sir! bud
temple!* Мальчишка, лѣтъ двѣнадцать, вызывался показать буддій-
скій храмъ. Онъ затвердилъ эти три англійскія слова, зналъ
въ придачу «three pence», и былъ мѣстнымъ гидомъ. Отъ нечего
дѣлать я пошелъ за нимъ. Мы свернули въ сторону, въ чашу,
и стали подниматься по узенькой тропинкѣ, въ гору. Раститель-
ность, не стѣсняемая мазанками, вытянувшимися въ одну линію,
вдоль дороги, была здѣсь еще роскошнѣе и разнообразнѣе. Хотя
уже было около восьми часовъ, но въ тѣни чувствовалась пріят-
ная прохлада. Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ въ гору,
какъ увидалъ, что за мною тянется цѣлая стая голыхъ, гряз-
ныхъ, въ полномъ смыслѣ слова, черномазыхъ ребятъ. Одинъ
мальчуганъ тащилъ громадный кокосъ и, макая грязные пальцы
въ прорѣзанное отверстіе, предлагалъ мнѣ попить соку. Я отка-
зался. «*Sir! no three pence-coco-nut*» т.-е. вѣдь это даромъ! упраши-

валъ меня мой гидъ. На вершинѣ холма я нашелъ маленький храмъ и рядомъ, побольше, келью. Храмъ не представлялъ ничего любопытнаго. Незатѣйливая архитектура, деревянные статуи Будды, цвѣты передъ статуями и т. д., все что потомъ мнѣ случалось видѣть во множествѣ другихъ новыхъ храмахъ. На фронтонѣ, прямо надъ дверью, намалеваны были корона и англійскій гербъ; подъ этимъ украшеніемъ были прописаны латинскою азбучкою годъ построенія, имя монастыря и главнаго монаха; послѣдній титуловалъ себя Rev^d. Осмотрѣвъ храмъ, я повернулся къ выходу и хотѣлъ уходить, но увидалъ, что у выхода стоитъ послушникъ, лѣтъ четырнадцати, и протягивая ко мнѣ блюдо, выказываетъ намѣреніе не пропустить меня къ выходу; очевидно, онъ собиралъ, деньги за посмотри. Я зналъ, что такой поборъ противенъ буддійскимъ уложеніямъ. Двѣ тысячи лѣтъ съ лишнимъ тому назадъ, подобный поступокъ подалъ поводъ къ расколу въ буддійской общинѣ. Въ сѣверной Индіи, въ городѣ Вайшамі, монахи вздумали по окончаніи утреннихъ молитвъ собирать деньги съ мірянъ. Они выставили посрединѣ храма блюдо, и приглашали благочестивыхъ дѣлать вклады. Вѣсть объ этомъ быстро пронеслась между буддистами; произошелъ скандалъ, и на соборѣ, вскорѣ послѣ того созванномъ, еретики были отлучены отъ буддійской общины. Но то было давно. Тогда на храмахъ не рисовались короны и англійскій государственный гербъ, англичане не ѣзжали осматривать храмовъ, и монахи не называли себя «реверендами». Несмотря на всѣ эти смягчающія вину обстоятельства, я отказался сдѣлать вкладъ. Монахи приняли мой отказъ очень добродушно; извѣстили о моей скупости тотчасъ же главнаго старца, и это не помѣшало установиться добрымъ отношеніямъ между мною и старѣйшимъ монахомъ, плутоватымъ старикомъ. Я осмотрѣлъ его книги, получилъ на другой день полный списокъ заглавій его рукописей. Мы разстались добрыми пріятелями. Когда я достигъ опять улицы и, прощаясь съ моимъ проводителемъ, далъ ему мелочь, я увидалъ, что на мою благодарность предъявляетъ право вся моя непрошенная и незванная свита. Десятки рукъ протягивались ко мнѣ, со словами: Sir! give! Sir! give! Sir! three pence! и т. д. Я оставался глухъ къ жалобнымъ просьбамъ; а толпа между тѣмъ прибывала. Просили и тѣ, которые не знали даже, гдѣ я былъ, и за какую услугу просить другіе; но сорвать что бы то ни было съ сѣра такое любезное дѣло, какъ не позаняться имъ! Разогнать толпу было однакоже очень легко, и я очень скоро отдѣлался отъ ребятъ. Взрослые молча смотрѣли на эту потѣху, и при другомъ случаѣ

охотно попытались бы тѣмъ же способомъ поживиться европейскимъ карманомъ.

Я вернулся въ отель къ завтраку. Ъдять на Цейлонѣ много и часто. Англичане ѣдятъ по-европейски, и свою кухню завели также въ здѣшнихъ отеляхъ, принявъ отчасти нѣкоторые мелкія подробности изъ мѣстной обстановки; такъ, фрукты всѣ мѣстные: ананасы, манго, платаны, апельсины и т. д.; все это не привозное. Совершенно мѣстное блюдо также сиччу; сингалезцы ѣли его до Р. Х.; объ этомъ говорится въ ихъ хроникахъ. Сиччу готовится изъ рису съ различными горячительными приправами; кромѣ того, къ нему подаютъ рыбу, цыплятъ, говядину, какіе-то фрукты, какую-то иеру. Все это смѣшивается и сначала кажется вкуснымъ; но очень скоро сиччу надоѣдаетъ; его подаютъ ежедневно, за завтракомъ, полдникомъ и обѣдомъ. Все остальное—привозное изъ Европы или Австраліи: говядина изъ Австраліи; пиво изъ Англіи; вина изъ Европы и Австраліи; даже сливочное масло и соль часто привозныя изъ Европы. А соли на Цейлонѣ много; это давно извѣстно и вскорѣ, послѣ моего прибытія сюда, я могъ убѣдиться въ этомъ собственными глазами. Но не даромъ англійскіе военные оркестры такъ часто разыгрываютъ на чужбинѣ: «There is no place like home». Бродя по всему свѣту, англичанинъ нигдѣ не можетъ забыть милой родины, которую онъ такъ поэтически называлъ: «home». Какъ воздухъ, ему необходимы различныя мелочи, составляющія англійскій комфортъ и напоминающія любезную сердцу родину. Есть и другая причина, почему всюду, гдѣ заведутся англичане, тамъ является большой спросъ на всякія англійскія вещи. Мнѣ случилось разъ говорить объ охотѣ въ Индіи, съ англичаниномъ, долго тамъ жившимъ и очень образованнымъ человекомъ; мой собесѣдникъ, страшный спортсменъ, жаловался на то, что англійскія собаки не выносятъ здѣшняго климата. На мой вопросъ, нельзя ли ихъ замѣнить туземными, онъ отвѣчалъ, что хотя туземныя собаки вообще очень плохи, однакоже между ними попадаются иногда очень хорошіе экземпляры; но, прибавилъ онъ, не принято находить что-либо туземное хорошимъ или равнымъ по достоинству съ англійскимъ. Такой отзывъ мнѣ показался характернымъ. Мой англичанинъ проговорился, и ненарокомъ высказалъ много правды. Мнѣ случалось сообщать этотъ отзывъ другимъ англичанамъ; нѣкоторые смѣялись, другіе положительно отрицали справедливость словъ охотника; въ его словахъ, однакоже, есть правда; быть можетъ, онъ преувеличилъ, и рѣзко выразилъ то, что дѣйствительно существуетъ, хотя и въ не столь

значительной степени, и въ чемъ можно убѣдиться каждый день, на каждомъ шагѣ, сядя за обѣдъ, входя въ домъ англичанина, прислушиваясь къ его отзыву о туземцахъ, не-англичанахъ.

Въ Галле я прожилъ нѣсколько дней. Развезя рекоменда-
тельные письма и побѣдивъ по городу, я поспѣшилъ отправиться
на востокъ, по южному берегу острова. Мой путь лежалъ чрезъ
Matara, Tangalle—въ Hambantota. Ежедневно, кромѣ воскресенья,
изъ Галле въ Matara отправляется крытая коляска. Европейецъ
платитъ за мѣсто шесть рупи; бюргеры, т.-е. лица смѣшаннаго
происхожденія, мѹданіары (чиновники-туземцы) половину; осталь-
ные туземцы платятъ еще меньше. Европейецъ платитъ больше,
но для него устроена коляска, и онъ полный господинъ въ ней.
Если онъ является позднѣе, когда переднее мѣсто уже занято,
туземецъ или туземка, бюргеръ или бюргерша должны уступить
ему свое мѣсто. Для европейца всегда есть мѣсто, онъ имѣетъ
право согнать съ мѣста туземца или бюргера, заставить ихъ до-
жидаться слѣдующей коляски. Такія преимущества оплачиваются
двойною цѣною. Наканунѣ моего отъѣзда, мнѣ сказали въ отелѣ,
что коляска заѣдетъ за мною. Я всталъ задолго до шести ча-
совъ, позавтракалъ и сталъ ожидать приѣзда коляски. Пробыло
семь, а коляски не было; мною овладѣло беспокойство, не уѣхала
ли коляска безъ меня, и я обратился за разъясненіемъ къ управ-
ляющему отелемъ. Онъ успокоилъ меня, сказавъ, что хотя ко-
ляска должна выѣзжать въ 6^{1/2}, но обыкновенно отъѣздъ замед-
ляется, и обязательно посылалъ слугу узнать, когда наконецъ вы-
ѣдетъ коляска. Слуга вернулся съ извѣстіемъ, что коляска вы-
ѣдетъ чрезъ десять минутъ, но заѣхать въ отель не можетъ, такъ
какъ лошади молодые и останавливать ихъ трудно. Я отправился
въ Office и, придя туда, къ удивленію моему, нашелъ, что лоша-
дей не запрягали. Пассажиры были въ сборѣ. Двѣ бюргерши
занимали переднія мѣста и, при моемъ приходѣ, стали видимо
недоумѣвать о томъ, что имъ дѣлать: уступить ли мѣсто добро-
вольно, или ждать заявленія правъ европейца. Какой-то служи-
тель оффиса предложилъ мнѣ очистить переднее мѣсто. Нако-
нецъ, въ восемь лошади тронулись и борзо понеслись вскачь,
несмотря на то, что въ коляскѣ сидѣло человѣкъ восемь. Я си-
дѣлъ на возлахъ, и могъ отлично видѣть все кругомъ. Мы ѣхали
берегомъ моря, во всю дорогу подъ тѣнью кокосовъ; въ нѣкото-
рыхъ мѣстахъ волны прибывали не болѣе какъ саженью въ
трехъ отъ дороги. Шоссе отъ Галле до Матары великолѣпное, но
стоить оно громадныхъ издержекъ, и плата, взимаемая съ
проѣзжихъ, также очень высока. Птолемей называетъ всю страну

около Матары, къ востоку и западу, страною слоновъ; слоны водились здѣсь еще въ началѣ настоящаго столѣтія, теперь ихъ нѣтъ здѣсь, они встрѣчаются далѣе къ востоку, около Гамбаноты. Черезъ каждыя пять миль мѣнялись лошади въ нашей коляскѣ; мы ѣхали быстро, среди довольно оживленнаго движенія. Приходилось обгонять множество пилигримовъ, отправлявшихся или въ Катрагамъ, или въ Потараганга; нѣкоторые шли пѣшкомъ, другіе ѣхали въ двуколкахъ, запряженныхъ однимъ быкомъ. Кое-гдѣ, по дорогѣ, въ деревняхъ стояли разувершенные колесницы, имѣвшія также отправиться въ Катрагамъ, гдѣ въ 20-хъ числахъ іюля должно было быть великое празднество. Пассажиры мѣнялись на каждой станціи. Иногда, не доѣзжая станціи, кто-нибудь выходилъ или садился; хотя внутреннихъ мѣстъ было всего четыре, но по временамъ въ полдень сидѣло человѣкъ пять и даже шесть. Въ Беллегамѣ, на половинѣ дороги, мы простояли около часу; я успѣлъ осмотрѣть здѣсь одну достопримѣчательность: Беллегамъ — мѣстечко рыбацье; кругомъ мѣсъ кокосовъ, хлѣбныхъ деревьевъ, ареки, яка, и многихъ другихъ деревьевъ; страна очень плодородна и изобилуетъ воздѣланными полями. Не доѣзжая полмили до мѣстечка, въ сторонѣ отъ дороги и въ кущѣ кокосовыхъ деревьевъ стоитъ громадная гранитная скала; въ ней вдѣлана, или можетъ быть высѣчена изъ жамой скалы гигантская фигура въ коронѣ и царскомъ одѣяніи. Въ народѣ фигура зовется «прокаженнымъ царемъ»; объ этомъ царѣ рассказывается такая легенда. Ни на южномъ берегу, ни въ Коломбо, никто не могъ указать мнѣ литературный источникъ легенды. Всѣ, къ кому я обращался, повторяли одно и то же. Въ глубокой древности, въ центральной части острова, былъ нѣкій благочестивый царь; внезапно онъ былъ пораженъ сильнѣею проказою. Опечаленный и огорченный народъ сталъ молиться демонамъ и приносить жертвы. Не принимая участія ни въ томъ, ни въ другомъ, царь, почтивъ «вѣщаго» приношеніемъ вѣтовъ и поручивъ себя его защитѣ, впалъ въ глубокое замятѣе, продолжавшееся очень долго. И было царю видѣніе: великое водное пространство открылось передъ нимъ: оно было лено вблизи и голубаго цвѣта издали. Попробовалъ царь воду; она была горька и непріятна на вкусъ. По берегамъ воднаго пространства высились деревья; такихъ деревьевъ невидывалъ царь нигдѣ; высоки, стройны, безъ сучьевъ и вѣтвей, съ обиліемъ пестрыхъ листьевъ на верхушкѣ. Проснулся царь и недоумѣлъ, что значитъ этотъ сонъ; свершилъ опять приношенія и молится усерднѣе прежняго. Было ему другое знаменіе. Огромный

змѣй (Cobra de capello) предсталъ передъ нимъ. И поднявъ голову, змѣй упорно смотрѣлъ на царя. Затѣмъ, трижды поклонившись царю, змѣй испилъ воды изъ сосуда, стоявшаго передъ царемъ, и удалился. Потрясенный видѣніемъ и появленіемъ змѣй, царь отправился подъ тѣнь священнаго дерева (figus religiosa), гдѣ и заснулъ. Опять предстало ему то же видѣніе, и видитъ онъ: подъ тѣнью громаднаго дерева стоитъ Судодана, отецъ «вѣщаго», и указывая на югъ, говоритъ: «иди на югъ; тамъ увидишь такія же деревья, наяву; ихъ плодъ исцѣлитъ тебя; воспламени дерево, и плодъ упадетъ на землю. За грѣхъ въ первомъ перерожденіи ты пораженъ проказою. Но змѣй, испивъ отъ твоей воды, искупилъ твой грѣхъ». Проснулся царь, созвалъ свою свиту и отправился на югъ, который въ то время былъ не заселенъ. Здѣсь увидалъ царь безбрежное водное пространство и кокосовыя пальмы. Видятъ царь и его спутники высокія деревья съ перовидными листьями и громадными плодами, и не знаютъ, какъ достать плодъ; взобраться на дерево имъ казалось совершенно невозможнымъ. Тутъ царь вспомнилъ заветъ Судоданы, и приказалъ поджечь дерево. Съ трескомъ повалился великанъ. Три мѣсяца питался царь кокосами, и по истеченіи этого времени исцѣлился совершенно. Въ память своего избавленія царь воздвигъ въ скалѣ свою статую.

Отсюда до Матары одиннадцать миль; мы перемѣнили еще разъ лошадей, и въ 12 часовъ я былъ въ Матарѣ въ Rest-hous. Rest-hous—постоянный дворъ, устроенный правительствомъ. Въ Матарѣ постоянный дворъ прекрасно устроенъ и прекрасно содержится. Всюду чистота и опрятность. Домъ состоитъ изъ трехъ большихъ комнатъ на планъ; срединная—пріемная, по бокамъ двѣ спальни. Полъ каменный, покрытъ циновками. Въ спальняхъ покойныя постели и умывальники. Передній фасадъ окруженъ верандою. Изъ срединной комнаты крытый ходъ ведетъ въ столовую, откуда открывается видъ на море. Въ Rest-hous можно имѣть завтракъ, обѣдъ и даже нѣкоторые предметы роскоши: сливочное масло изъ Европы и французскія вина. Обѣдъ и завтракъ, впрочемъ, болѣе длинны, нежели вкусны. Черезъ часъ, по пріѣздѣ въ Матару, я вышелъ на улицу, съ тѣмъ, чтобы начать осмотръ того, что меня интересовало здѣсь. Отсюда на востокъ начиналось древнее царство *Роула*; здѣсь процвѣтала буддизмъ въ началѣ нашей эры, и въ послѣднее время между буддистами южнаго берега стало замѣтно особенное развитіе благочестивыхъ стремленій: монастыри возобновляются, книги собираются, и въ этомъ отношеніи югъ перещеголялъ центръ и сѣверъ острова.

гдѣ, напротивъ, упадокъ вѣры очевиденъ. На улицѣ я недолго оставался въ недоумѣніи, съ чего начать и куда идти. Ко мнѣ подошелъ какой-то человекъ въ сильно поношенномъ европейскомъ костюмѣ; типъ лица его былъ восточный, хотя цвѣтъ кожи и не такъ теменъ, какъ у кровнаго сингалезца. На довольно правильномъ англійскомъ языкѣ, онъ предложилъ мнѣ свои услуги. Тогда я очень удивился его произношенію и знанію англійскаго языка; но, побывавъ впослѣдствіи въ разныхъ мѣстахъ, и видѣвъ въ Коломбо даже буддійскихъ монаховъ, говорившихъ по-англійски, я привыкъ къ этому распространенію англійской рѣчи на островѣ. Всюду говорятъ по-англійски, т.-е. въ каждомъ значительномъ мѣстечкѣ вы можете найти одного или нѣсколькихъ человекъ, говорящихъ бойко по-англійски. Языкъ правителей распространяется помимо вліянія или требованія самого правительства. Правительство какъ будто совершенно не добивается распространенія англійскаго языка. Въ Советово, напр., я видѣлъ полицейскихъ служителей, т.-е. лицъ, принадлежащихъ къ мѣстной администраціи, ни слова не знавшихъ по-англійски. Правительство отпускаетъ деньги одинаково на школы англійскія и на Government Vernacular Schools, т.-е. на школы, въ которыхъ не учатъ англійскому языку. И въ послѣднемъ отчетѣ о народномъ образованіи стоятъ такія цифры: въ 1869 г. число Vernacular Schools было 69, въ 1872 оно возросло до 152; въ 1869 въ нихъ было 2661 ученикъ, въ 1872 г. 6344. Въ томъ же отчетѣ я нахожу слѣдующее: The number of the English and Anglo-vernacular schools has been almost stationary; because, as the English-speaking population increased, missionary and private enterprise helped to supply the educational wants of the communities at large station. Англійскій языкъ распространяется вчасти чрезъ школы миссіонеровъ. Въ эти школы идутъ дѣти и христіанъ, и буддистовъ. Буддисты читаютъ здѣсь Евангеліе и библію, и если не всегда выходятъ христіанами, то всегда приобрѣтаютъ знаніе англійскаго языка. Одинъ очень свѣдущій чиновникъ, англичанинъ, на южномъ берегу, сообщилъ мнѣ, что при повышеніи или при выборѣ лицъ довѣренныхъ онъ не обращаетъ никакого вниманія на знаніе англійскаго языка, и всегда предпочитаетъ лицъ, пользующихся уваженіемъ между своими; лица, истребіяся отъ своей національности, въ большей части случаевъ не заслуживаютъ никакого довѣрія. Въ другомъ мѣстѣ мнѣ сообщили, что англичане въ послѣднее время стали даже тяготиться распространеніемъ своего языка. Туземецъ, выучившись языку своихъ правителей, стремится выйти изъ своей среды, хлопотъ

четь объ официалномъ положеніи, хочетъ быть чѣмъ-нибудь въ администраціи. И масса предложенія превышаетъ спросъ. Не навязывая свой языкъ чрезъ школы, англичане съумѣли добиться его распространенія. Англичанинъ, какъ-бы хорошо онъ ни говорилъ по-сингалезски, въ официальныхъ сношеніяхъ, письменныхъ или *устно*, знаетъ одну рѣчь, англійскую и, вслѣдствіе этого, сама вещь такова, что англійскій языкъ, англійскіе нравы сильно распространяются здѣсь, и, нѣтъ сомнѣнія, будутъ распространяться еще долго. Вліяніе англійской культуры сказывается въ великихъ и малыхъ вещахъ. Оно замѣтно даже въ современномъ буддизмѣ. Въ Коломбо я имѣлъ честь принимать у себя одного буддистскаго монаха; онъ явился съ визитомъ, точно какой-нибудь епископъ, и этотъ столпъ буддизма оставилъ мнѣ карточку, на которой значилось: Revd H. Sumangala. High Priest of Adam's Peak. Онъ говорилъ по-санскритски и по-пали, и охотно бѣдоваля по-англійски, не гнушался пожатія руки невѣрнаго и при прощаніи, *кивая головою*, произносилъ: good bye! А кланяться мірянину запрещалъ законъ! Сингалезцы англичанятся безсознательно; многіе, сохраняя свою юбку, вмѣсто панталонъ, думаютъ что остаются вѣрны своей національности.

Мой гидъ оказался бюргеромъ, и за 1 шил. въ день соглашался показывать все примѣчательное въ Матарѣ. Но, кромѣ буддистскихъ храмовъ, здѣсь ничего не было примѣчательнаго; а потому мы и начали съ храмовъ. Но въ первомъ же храмѣ мы встрѣтили совершенно нелюбезный приемъ. Я пожелалъ осмотрѣть храмъ. Монахи заупрямились и потребовали денегъ за смотръ; получивъ, конечно, отказъ, отцы поставили мнѣ другое условіе: я долженъ былъ разуться при входѣ въ храмъ; я это не согласился. Тогда, испытавъ всѣ эти средства, монахи покончили тѣмъ, что пустили меня въ храмъ безъ всякихъ условій. Множество храмовъ осмотрѣлъ я около Матары; много любопытнаго видѣлъ въ нихъ, но еще болѣе курьезнаго. Самый примѣчательный храмъ расположенъ въ трехъ миляхъ отъ Матары; онъ любопытенъ по немногимъ остаткамъ древности и по историческимъ воспоминаніямъ. Храмъ Дондера, о которомъ я говорю, въ глазахъ буддистовъ былъ когда-то такъ же священъ какъ Адамова гора или развалины Ануродапуры. Разрушенъ въ XVI столѣтіи португальцами, въ настоящее время онъ представляетъ не много любопытнаго: кое-гдѣ видѣются старые столбы да главные ворота; вотъ и все, что осталось отъ древности; другие столбы съ средневѣковыми надписями вывезены отсюда въ недавнее время англичанами. И о быломъ величіи, когда мно-

численныя колонны спускались почти къ самому морю, едва можно составить приблизительно вѣрное представленіе, смотря на кое-гдѣ разбросанныя колонны и обломки колоннъ. Зданіе храма можетъ считаться любопытнымъ образчикомъ современной буддйской архитектуры. Внутри необыкновенно много живописи: исторія Будды, исторія его перерожденій наглядно размазаны по стѣнамъ. Рядомъ съ буддйскою святынею встрѣчаешь здѣсь индійскихъ боговъ; Восудева изображенъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Ему посвященъ небольшой придѣлъ.

Не даромъ старая Копра въ настоящее время славится благочестіемъ монаховъ и мірянъ. Около Мотиса и далѣе у развалинъ, около Гамбантоты я видѣлъ очень характерныя проявленія религіознаго чувства. Однажды я зашелъ въ одинъ храмъ, среди полдня. Жара была невыносимая въ полномъ смыслѣ слова. Я спѣшилъ укрыться подъ прохладную сѣнь какой-нибудь кельи, и взойдя во дворъ храма былъ пораженъ страннымъ зрѣлищемъ: прямо передо мною, вблизи ступы, припавъ лбомъ къ раскаленному граниту, лежалъ старикъ; онъ былъ препоясанъ только у трескъ; жгучіе лучи солнца падали на его обнаженную спину. Но онъ какъ будто не чувствовалъ ихъ, и спокойно, нараспѣвъ, возносилъ моленіе «вѣщему»: «о, ты, кого славить все сущее на землѣ, и все сущее въ небѣ, тебѣ, кого чтутъ люди и боги, поклоняюсь. Да будетъ мнѣ это во благо!» Неподдѣльность и наивность религіознаго чувства въ данномъ случаѣ были несомнѣнны, и дѣтская вѣра во всемогущество мнимыхъ останковъ «вѣщаго», вѣра, смягчавшая горькое сознаніе ограниченности челоувѣческихъ силъ, была даже трогательна. Но, по единичнымъ фактамъ такого рода нельзя составить себѣ вѣрнаго представленія о религіозномъ настроеніи современныхъ буддистовъ. Ихъ благочестіе въ своемъ проявленіи такъ отлично отъ того понятія, которое обыкновенно въ Европѣ соединяется съ этимъ словомъ; ихъ философія, міросозерцаніе такъ оригинальны и чужды европейскому пониманію, а потому неудивительно, что результатъ первыхъ наблюденій бываетъ почти всегда отрицательный: замѣчаешь какой-то непонятный дѣтскій страхъ, и, какъ его слѣдствіе, громадное развитіе суевѣрія; вѣра, религіозное настроеніе—ускользають отъ наблюдателя.

...Осмотрѣвъ храмъ Дондера, я выѣхалъ изъ Матары въ Тангалле. Тангалле, какъ Матара, и далѣе Гамбантота, самъ по себѣ не представляетъ никакого интереса. Здѣсь былъ нѣкогда голландскій фортъ: въ настоящее время тамъ тюрьма. Тутъ голландцы жесточно воевали съ туземцами изъ-за соли. Но въ десяти

миляхъ отъ Тангалле, къ сѣверу, стоитъ знаменитый храмъ Мулгири-Галле; на него ѣздить смотрѣть даже тѣ, кого буддизмъ совершенно не интересуется. Моя поѣздка туда была довольно оригинальна; я ѣхалъ въ сопровожденіи мудаліора. Около семи миль дорога торная, большая; затѣмъ, мы вышли изъ кабриолета и должны были идти около трехъ миль тропинкою, среди частыхъ оставленныхъ рисовыхъ полей и очень диваго пейзажа. Кругомъ была необыкновенная тишина, и нашъ небольшой караванъ двигался среди совершенно пустынной мѣстности. Въ одномъ мѣстѣ я видѣлъ, какъ въ нѣсколькихъ саженяхъ впереди огромная Собга переползла намъ черезъ дорогу; нѣсколько дальше тропинка терялась въ болотѣ; два здоровыхъ кули, составлявшіе нашу свиту, скрестивъ руки, изобразили стулъ, и на немъ перетаскивали насъ чрезъ болото. По дорогѣ мудаліоръ разставилъ своихъ кули; чрезъ каждую милю мы находили подъ тѣнистыми пальмами: стулья для отдохновенія, прислугу съ водою (очень грязною), молодыми кокосами, виномъ и какою-нибудь закускою. Пройти три мили можно было весьма легко, не утомившись. Въ монастырѣ насъ ожидали; въ Dhammasāla, т.-е. зданіи, гдѣ произносится проповѣдь, накрытъ былъ столъ и готовъ былъ завтракъ. На террасѣ стояли стулья, покрытые бѣлымъ. Этимъ выражалось особое уваженіе къ гостямъ. Въ самомъ зданіи, прямо передъ нашимъ столомъ, стояли два громадныхъ сундука съ книгами. Посидѣвъ нѣсколько и обмѣнявшись привѣтствіями съ монахами, мы пошли осматривать горные храмы. Они выстроены въ скалѣ, имѣющей видъ куба; съ двухъ сторонъ скала совершенно перпендикулярна. На вершину ведутъ ступени (545), высѣченные изъ твердаго камня. Поднявшись ступень пятьдесятъ, входимъ на первую террасу; здѣсь въ скалѣ сдѣланы два храма; въ одномъ изъ нихъ, правомъ, множество фресковъ, и нѣкоторые очень древни. Тутъ же, въ скалѣ, на довольно значительной высотѣ, вырѣзана надпись древнѣйшею азбукою. Въ храмѣ налѣво особенно любопытны изображенія на наружной стѣнѣ: фигуры птицъ и львовъ. Поднявшись еще сто ступеней, входимъ на вторую террасу; здѣсь опять два храма и передъ ними резервуаръ чистой воды, окруженный каменною оградой. На третьей террасѣ, еще выше, стоитъ священное древо *Ficus religiosa*. Подъ его тѣнью выстроенъ небольшой храмъ. Мы поднимались при страшномъ солнцепекѣ, по раскаленнымъ ступенямъ. Нигдѣ не было тѣни. Около двадцати ступеней, высѣченныхъ въ перпендикулярной стѣнѣ, вели на самую вершину. По бокамъ висѣли желѣзные цѣпи. Цѣпляясь за нихъ, мы взобрались на вершину. Видъ отсюда дѣйствительно грандіозенъ. На

югъ виднѣется море; въ кушѣ деревь показываются съ одной стороны Тангалле, съ другой—Матара и даже Беллигамъ. Былъ уже двѣнадцатый часъ и нестерпимо жарко. Сходить внизъ было труднѣе, и мы медленно двигались. Преданіе говорить, что монастырь выстроенъ въ 83 г. до Р. Х., царемъ Валагамбагу. Конечно, отъ того времени осталось немного, развѣ та надпись, о которой я упомянулъ, да каменные ступени. Фигуры Будды (18 ф. длины) принесены были сюда въ III в. по Р. Х. Къ этому же времени относится сооруженіе резервуара. Въ XVI в. португальцы разрушили храмы и разогнали монаховъ, въ XVIII храмы и монастырь были возобновлены кондійскимъ царемъ Киртифи. Изъ Гесонгалле, черезъ Гамбантоту, я отправился къ замѣчательнымъ развалинамъ Tessa mahāgama; здѣсь вѣроятно нужно искать упоминаемый Птолемеемъ Магамъ. Лошадей или лошадь въ Тангалле достать невозможно; нужно было нанять быковъ и ѣхать въ мѣстной, крытой двуколѣѣ. Дорога не отличается красотою или удобствомъ; она смѣло можетъ быть уподоблена нашимъ проселочнымъ, и будетъ памятна даже ѣзжавшему по нимъ. Кругомъ разстилается мелкій лѣсъ, всюду видъ запустѣнія. Днемъ, въ томительную жару быки, подгоняемые нестройными выкрикиваніями погонщика, едва передвигаютъ ноги. Въ бонди можно было или лежать, или сидѣть, поджавъ ноги. Безпрестанные толчки мѣшаютъ заснуть и не позволяютъ читать; а кругомъ смотрѣть не на что. Какъ только переѣдешь рѣку Велаве, то исчезаютъ послѣднія рисовыя поля и кокосы. Начинается страна песку и мелколѣсья; нѣтъ ничего печальнѣе этой страны: точно, какъ будто здѣсь люди жили когда-то, и бѣжали, гонимые нездоровымъ климатомъ. Я ѣхалъ цѣлые сутки до Гамбантоты (24 м.), и отъ непривычки ѣздить на быкахъ сильно утомился.

II. ПЕРАГЕРА.

Ежегодно, въ августѣ, въ различныхъ городахъ Цейлона празднуется «Перагера», по улицамъ города проходитъ нѣсколько ючей въ ряду оригинальная процессія. Я добивался напрасно отвѣта на вопросъ, что это за процессія? Въ память чего устроенъ праздникъ? Оевропеившіеся сингалезцы говорили, что праздникъ нѣчто подобное нашимъ ярмаркамъ; другіе утверждали, что процессія была утверждена на потѣху кондійскихъ царей, въ память рожденія бога Вишну. Но были и такіе, которые рассказывали очень любопытную легенду въ объясненіе Перагеры. Слушая различные толки о Перагерѣ, мнѣ стало ясно, что

смысль праздника забыть народомъ и его учеными. Изъ рассказовъ было однако же ясно, что праздникъ очень оригиналенъ и посмотрѣть на него стоить. 26-го августа, я отправился по желѣзной дорогѣ изъ Коломбо въ Конди.

Поѣздъ въ Конди пришелъ поздно, часовъ въ семь. Уже совсѣмъ стемнѣло и, отправляясь со станціи въ отель, я могъ только разглядѣть громадныя холмы кругомъ города. «Queen's Hotel», куда меня привезли, былъ полонъ пріѣзжими; Перагера привлекла немногихъ, но на другой день члены атлетическаго клуба должны были прыгать, скакать, бѣгать, плавать и многими другими способами выказывать свою физическую силу; посмотрѣть на эту потѣху съѣхались англичане изъ разныхъ мѣстъ острова. Съ большими затрудненіями я добылъ комнату. Но мои усилія были вознаграждены: мнѣ досталась небольшая комната съ великолѣпнымъ видомъ на озеро. Направо, вдоль озера вилась дорога въ гору, къ монастырю Момвата; налево, я могъ видѣть знаменитый храмъ Daladamaligowa, въ которомъ хранится зубъ Будды...

Едва окончился обѣдъ, и мы сидѣли еще за кофе, какъ издали стали доноситься нестройныя звуки барабановъ и томъ-тома. Томъ-томъ тотъ же барабанъ, но покрытый кожей только съ одной стороны. Звуки становились все яснѣе и яснѣе. Я воспѣвшилъ выйти на улицу. Пройдя лугъ, разстилавшійся передъ отелемъ, я увидалъ, что процессія уже вышла изъ храма Зуба и направлялась обходить городъ. Первое впечатлѣніе и сильно, и смутно. Въ ясную, лунную ночь, какія только бываютъ на югѣ, вы видите передъ собою оригинальную процессію. Сперва несутся фавелы, знамена, различные значки, на нѣкоторыхъ изображенія луны и солнца; затѣмъ идутъ плясуны съ барабанами и томъ-томами; важно выступаетъ старшина, завѣдывающій хозяйствомъ и имуществомъ храма (Daladamaligowa), и вслѣдъ за нимъ еще съ большою важностью выступаетъ громадный слонъ съ реликвіями (но не зубомъ) изъ храма Зуба (Daladamaligowa). Передъ большими слонами шли два маленькихъ слона, и дагѣ опять знамена, фавелы, плясуны, люди на ходуляхъ, слоны въ храмовъ боговъ: Вишну, Ната, Катрагама, Патани, слоны поменьше, на которыхъ сидѣли жрецы съ цвѣтами. Снова знамена, фавелы, плясуны и, наконецъ, люди съ громадными ковчегами. Кругомъ стояла густая толпа, тихо и молча глядѣя на процессію. Кое-гдѣ видѣлись полицейскіе, но они были совершенно лишніи. Прошла процессія, и за нею я пошелъ бродить по улицамъ; было довольно поздно для Цейлона, часъ десятый въ исходѣ; на улицахъ замѣтно было особенное движеніе; кругомъ

храма Зуба видѣлись огоньки у временныхъ лавочекъ со сластями. Повсюду слышался какой-то гулъ разговаривающихъ голосовъ, и видны были многочисленныя кучки людей. Но все было тихо и добропорядочно: ни драки, ни брани, ни пьяныхъ я не видалъ. Въ 11 часовъ процессія вернулась къ храму Зуба; реликвіи отнесли въ храмъ; слоны и люди разошлись по храмамъ четырехъ боговъ. Такъ кончилась процессія въ первый день моего пребыванія въ Конди.

На другой день, часовъ въ пять вечера, задолго до начала процессіи, я пошелъ, вмѣстѣ съ С., осмотрѣть храмъ Зуба. Процессія снаряжалась и дворъ былъ полонъ народа. Въ нѣкоторыхъ придѣлахъ, посвященныхъ отдѣльнымъ богамъ, совершалось служеніе: женщины на колѣняхъ совершали приношенія цвѣтовъ; въ другихъ, передъ густою толпою плясуны выдѣлывали различныя фигуры. На дворѣ украшали слоновъ. Самый большой стоялъ у входа въ то зданіе, гдѣ хранится зубъ Будды. Мнѣ хотѣлось видѣть зубъ, и, чтобы пройти въ «святая святыхъ», мы должны были подлѣзть подъ слона. Явились монахи и показали намъ на зубъ и колпакъ, подъ которымъ хранятся реликвіи. Въ тотъ вечеръ процессія, обойдя кругомъ города, должна была вернуться чрезъ губернаторскій садъ, въ храмъ Зуба. У губернатора было garden-party; ровно въ девять часовъ у главнаго подлѣзда собралось общество, исключительно англійское, мужчины во фракахъ, дамы разодѣтыя по бальному и въ цвѣтахъ. Вскорѣ послѣ девяти часовъ слышались рѣзкіе и дикіе звуки; мало по-малу они становились все громче и непріятнѣе, и наконецъ справа показались факелы, за факельщиками шли музыканты съ флейтами, барабанами, томъ-томами. Далѣе, въ стройномъ порядкѣ, шли старшины, завѣдывающіе дѣлами храма Зуба. Костюмъ этихъ старшинъ очень живописенъ; особенно красива шляпа, въ родѣ нашей треуголки, надѣтой поперекъ, и вся изукрашенная золотымъ шитьемъ. Проходя мимо губернатора, старшины останавливались и отвѣщивали низкій, почтительный поклонъ. За старшинами шли два небольшихъ слона, на нихъ сидѣло по три человѣка съ цвѣтами. Кругомъ слоновъ тѣснились люди съ барабанами, флейтами и т. д. За двумя слонами двигались три слона, среди нихъ былъ громадный слонъ, везшій въ золотой кѣсткѣ какія-то реликвіи Будды изъ храма Зуба. Какъ только показались слоны, губернаторскіе слуги вынесли пуки сахарнаго тростнику, и началось кормленіе слоновъ. Исключительное участіе въ этой потѣхѣ принимали дамы. Вдругъ одному изъ слоновъ, кажется наибольшему, съ реликвіями Будды, вздумалось зарычать. Произошла нѣкоторая суматоха, дамы попятились назадъ, ступля

попадали. У всѣхъ были свѣжи въ памяти шалости одного слона: нѣсколько дней тому назадъ онъ вздумалъ показать публикѣ, во время процессіи, свою силу—и три человѣка изъ толпы поплатились жизнью. На этотъ разъ слонъ выражалъ свое удовольствіе. За слонами, прыгая и присѣдая, неслись плясуны и музыканты. Туземный балетъ не отличается граціей, и фигуры танцевъ не разнообразны. Плясуны становятся въ рядъ: присѣдаютъ, выбиваютъ дробь ногами, встаютъ, кружатся, поднимаютъ, ломаютъ руки и т. д. Ихъ костюмъ увѣшенъ колокольчиками, а потому каждое движеніе сопровождается необыкновеннымъ шумомъ. Въ числѣ плясунѣвъ были два человѣка на ходуляхъ. За плясунами важно выступалъ Waspaуaka-nileme, т.-е. главный старшина храма Зуба. Кругомъ него неслись вѣера, и шли знаменщики. Этимъ закончилось первое отдѣленіе процессіи. Было еще четыре отдѣленія: въ томъ же порядкѣ шли слоны изъ храмовъ четырехъ боговъ. Передъ и за слонами въ томъ же порядкѣ шли факельщики, плясуны, старшины, karigale (жрецы). На слонахъ неслась святыня храмовъ, и вся процессія закончилась громадными ковчегами съ водою.

Болѣе часа двигалась процессія чрезъ садъ. Гулъ отъ барабановъ, томъ-томовъ, колокольчиковъ, плясунѣвъ, стоялъ невообразимый; въ воздухѣ чувствовался сильный, непріятный запахъ кокосоваго масла отъ факеловъ. А картина была оригинальная и сильно напоминала сцену изъ какого-нибудь фантастическаго балета; кругомъ была такая декоративная обстановка: тихая, ясная ночь, роскошная растительность, и среди оглушительныхъ нестройныхъ звуковъ движется пестрая, оригинальная восточная процессія, не то религіозная, не то на потѣху какого-либо самодержавнаго властелина. У самой дороги, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ проходящихъ громадныхъ слоновъ, стоятъ ряды стульевъ и разодѣтыя дамы въ цвѣтахъ и кружевахъ.

Въ пятницу, 28-го августа, была послѣдняя ночь Перагеры: всю ночь ходила процессія; всю ночь на улицахъ слышался гулъ, нестройные крики различныхъ продавцовъ. Лавочекъ со сладостями прибавилось. По улицамъ расхаживала громадная толпа; въ одномъ мѣстѣ меня такъ сдавили, что я подумалъ о нирванѣ. Но при этомъ я долженъ опять замѣтить: сингалезская толпа — образецъ толпы. Ни драки, ни брани, ни даже особеннаго крика нельзя было замѣтить; пьяныхъ я не видалъ, а во многихъ лавочкахъ продавался арабъ, содовая вода и т. д. Въ четыре часа утра, въ тотъ же день, въ четырехъ миляхъ отъ города, на р. Гатамбе свершился послѣдній актъ праздника. Къ сожалѣнію, я не видалъ его. До разсвѣта, жрецы (karigale) изъ храмовъ четырехъ

боговъ отправились на рѣку; здѣсь они садятся въ разукрашенную лодку, и главный жрецъ храма бога Вишну, разсѣкши золотымъ мечомъ волны, зачерпываетъ воду. Вода эта хранится до слѣдующаго года и во время процессіи выносится въ тѣхъ ковчегѣхъ, о которыхъ было упомянуто выше. Такъ закончился оригинальный праздникъ; но процессію я видѣлъ еще разъ, 29-го августа. У старшинъ есть обычай, по окончаніи праздника благодарить мѣстнаго Government Agent'a за содѣйствія различнаго рода, вѣрнѣе, благодарить правительство за терпимость. Въ два часа дня процессія въ томъ же составѣ и томъ же порядкѣ, какъ выше описано, подошла къ дому правительственнаго агента, бывшему дворцу кондійскихъ царей. М-г Р. созвалъ гостей полюбоваться на церемонію принесенія благодарности и послушать его краснорѣчіе. Все это было довольно оригинально. Подошла процессія къ дому; слоны выстроились въ рядъ передъ террасою; старшины явились на террасу, выстроились въ рядъ и долго говорили по-сингапурски, но смыслъ долгой рѣчи былъ кратокъ, хотя и очень утѣшительнъ: мы вами молъ довольны. М-г Р. отвѣчалъ по-англійски, что онъ также доволенъ благополучнымъ окончаніемъ празднества и старшинами, и въ заключеніе попросилъ старшинъ составить группу и дать снять съ себя фотографію. Старшины, улыбаясь, согласились. На террасу ввели громаднаго слона, и съ него и со старшинъ сняли фотографію.

Я уже сказалъ, что напрасно искалъ отвѣта на вопросы, что такое Перагера? Когда, гдѣ въ первый разъ прошла эта пестрая, оригинальная процессія? Одинъ монахъ изъ храма Зуба, за мой вопросъ о томъ же, отвѣтилъ стихомъ изъ св. писанія буддистовъ: «взошла полная луна и начался праздникъ; заслышался въ городѣ сильный гулъ!» Глядя на террасу, я понялъ сѣткость этой фразы, такъ часто встрѣчающейся въ буддійскихъ книгахъ. Кратче и вѣрнѣе нельзя описать мѣстнаго восточнаго праздника: ясная ночь, гулъ туземной музыки и всюду праздничная, разряженная толпа. Въ такія тихія, свѣтлыя ночи завывались тѣ фантастическіе романы, которые буддисты подобрали съ народѣ и записали въ свои священныя книги. Придѣлавъ душепоспасающее начало и конецъ, наивные монахи воображали, то середина перестанетъ быть соблазнительной для читателя.

Перагера не есть буддійскій праздникъ; монахи не уважаютъ его и не принимаютъ въ немъ никакого участія; ни одного монаха не видать въ процессіи. Правда, выносятся святыни изъ храма Зуба; но и это началось только въ концѣ прошлаго столѣтія. Во дни царя Киртифи (1747—80) въ Конди пріѣхали іамскіе монахи для положенія предѣла какому-то раздорамъ по

поводу посвященія. Однажды ночью отцы были пробуждены необыкновеннымъ шумомъ. Что такое? Что за шумъ?—спрашивал отцы. Имъ отвѣтили, что городъ чествуетъ четырехъ боговъ, когда то преклонившихся предъ господомъ Буддою. Когда вѣрующіе буддисты, монахи, не удовлетворились такимъ отвѣтомъ, они вопрошали передъ самимъ царемъ. Царь былъ находчивъ; несмотря на ропотъ и выговоръ святыхъ отцовъ, Перагеры онъ все-таки не уничтожилъ, а чтобы успокоить своихъ дорогихъ гостей, приказалъ выносить какія-нибудь реликвиі Будды; такимъ образомъ, Перагера стала полубуддійскимъ праздникомъ. Первоначально это былъ вѣроятно индійскій, браминскій праздникъ. На браминское индійское происхожденіе праздника намекаетъ одна легенда, слышанная мною въ Коломбо. Она не записана въ книгахъ, но кое-гдѣ еще живетъ въ народѣ. Въ городѣ Ануродапурѣ царствовалъ Гажабогу; онъ наследовалъ царю Валагамбогу, въ царствованіе котораго на Цейлонъ напали малабарцы, разграбили храмы и ушли со множествомъ плѣнныхъ и унесли съ собою священные сосуды изъ храмовъ. Однажды ночью Гажабогу, переряженный, прогуливался по городу. Въ одномъ домѣ царь увидалъ горько плачущую старуху; она плакала о своихъ сынахъ, плѣненныхъ малабарцами. Ея безутѣшная скорбь сильно поразила царя; онъ рѣшился идти въ походъ, отнять у малабарцевъ плѣнныхъ. вмѣстѣ съ царемъ отправляется въ походъ нѣкій великанъ Нила. Какъ только войско дошло до берега океана, Нилъ сталъ выказывать свою могущественную силу: жезломъ ударилъ онъ по волнамъ, и воды разступились. По-суху прошла царская рать и предстала предъ стѣнами главнаго города малабарцевъ. Малабарскій царь не испугался враговъ и отказался выдать плѣнныхъ. Тутъ начинается рядъ чудесъ, творимыхъ великаномъ и цейлонскимъ царемъ. Нила схватываетъ двухъ слоновъ и, ударяя ихъ головами, убиваетъ. Гажабогу извлекаетъ воду изъ желѣзнаго посоха и пригоршни песку. Устрашенный чудесами и вѣра въ могущество своихъ враговъ, малабарскій царь выдаетъ все захваченное: людей и священные сосуды изъ храмовъ. И въ память удачнаго похода Гажабогу учредилъ Перагеру (113 по Р. Х.).

Такъ гласитъ о началѣ Перагеры легенда. И какъ будто есть нѣкоторая связь между содержаніемъ легенды и праздникомъ. Люди на ходуляхъ, быть можетъ, изображаютъ великана Нилу, а послѣдній актъ праздника, у рѣки, его же чудо, когда онъ провелъ царскую рать по морю, яко по-суху.

Ануродапура.
1-го октября, 1874.

И. М — вв.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ

ОПЫТЪ БІОГРАФІИ.

VII *).

**ЗАПАДНЫЙ КРУЖОКЪ; ВРАЖДА СЪ СЛАВЯНОФИЛЬСТВОМЪ; ЖУРНАЛЬНАЯ
ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ БѢЛИНСКАГО. — 1841-1843.**

Съ конца 1840 или начала 1841 года открывается тотъ послѣдній періодъ жизни БѢлинскаго, въ которомъ окончательно опредѣлился его характеръ, какъ писателя, и общественное значеніе его дѣятельности. Онъ продолжаетъ волноваться, но для него уже выяснилась «дѣйствительность», которая такъ долго не давалась ему изъ-за философскихъ отвлеченностей; выяснилась цѣль, къ которой должна стремиться литература, и наконецъ то положеніе, въ какомъ находился онъ и его друзья въ средѣ русскаго общества.

Для нынѣшнихъ читателей иногда странной, почти невразумительной кажется та тягостная внутренняя борьба, которую мы старались изобразить, и цѣною которой БѢлинскій приходилъ къ своимъ послѣднимъ выводамъ. Дѣло было повидимому такъ просто, и БѢлинскій, казалось, былъ очень наивенъ, когда увлекался въ сторону отъ идей, постигнутыхъ имъ только впоследствии. Но дѣло было просто только повидимому. Развитіе БѢлинскаго началось съ того содержанія, какое представляла наша

---

*) См. выше: 1874, мартъ, 206; апр. 602; іюнь, 573; окт. 469; ноябрь, 68; дек. 491 стр.

общественная образованность къ началу тридцатыхъ годовъ; въ то время были развѣ только слабые зародыши тѣхъ взглядовъ, которые начинаютъ обнаруживаться въ сороковыхъ годахъ, и путь, пройденный Бѣлинскимъ, является необходимой послѣдовательностью; эта послѣдовательность и сообщала выводамъ Бѣлинскаго ихъ твердость и ихъ широкое вліяніе. Если говорить, что дѣло было «просто», то забываютъ, что оно «просто» для насъ именно вслѣдствіе дѣятельности Бѣлинскаго и его круга.

Длинный (по разнообразію смѣнявшихся взглядовъ, но не длинный по времени) процессъ, которымъ переходили мнѣнія Бѣлинскаго, чрезвычайно любопытенъ исторически именно тѣмъ, что въ немъ выразилось теоретическое движеніе мнѣній въ кругу лучшихъ людей тогдашняго образованнаго общества. Бѣлинскій оттого и получилъ свое господствующее положеніе въ литературѣ и свое обширное нравственное вліяніе, что на самомъ себѣ вынесъ и выстрадалъ (о немъ съ полнымъ правомъ можно употребить это выраженіе) весь этотъ рядъ идей и всѣ столкновенія враждебныхъ одинъ другому принциповъ. Въ каждомъ «моментѣ» онъ вполне проникался данной мыслью, вѣровалъ въ нее, покорялся ей, отыскивалъ ея примѣненія, распространялъ ее на свою личную жизнь, и дѣйствительно «переживалъ» ее; если потомъ ему приходилось убѣждаться въ ея односторонности и ошибочности, ему всегда стоило большой душевной боли отказаться отъ нея. Надо думать, что его тогдашніе и позднѣйшіе противники, упрекавшіе его въ перемѣнчивости мнѣній, не испытывали сами ничего подобнаго, если не могли понять настоящаго смысла этихъ перемѣнъ. Бѣлинскій съ справедливой гордостью могъ отвѣтить на подобный упрекъ, сдѣланный ему однажды съ славянофильской стороны ¹⁾. Но, переработавши сомнѣнія и противорѣчія, онъ каждый разъ чувствовалъ себя сильнѣе; страсть усиливала его убѣжденіе, и тогда не только никакіе противники не пугали его, но, напротивъ, онъ искалъ ихъ, вызывалъ ихъ на споръ, и въ борьбѣ чувствовалъ себя въ своей сферѣ. Въ слѣдующихъ ниже письмахъ встрѣтятся слова Бѣлинскаго, въ которыхъ ярко высказывалась эта сторона его личности.

«Отечественныя Записки» поглощали теперь всю дѣятельность Бѣлинскаго. Съ самыхъ первыхъ годовъ этотъ журналъ успѣлъ занять видное мѣсто въ тогдашней литературѣ и вскорѣ приобрѣлъ большое вліяніе въ литературной и читающей публикѣ. Что это вліяніе было прежде всего дѣломъ Бѣлинскаго, об-

¹⁾ Сочин., т. XI, стр. 257—258.

этомъ не можетъ быть и спора. «Отечественныя Записки» были журналомъ того самаго типа, какъ «Московскій Наблюдатель» БѢлинскаго: и въ томъ, и въ другомъ журналѣ литературная критика была тѣмъ существеннымъ отдѣломъ, гдѣ высказывался характеръ изданія, и въ «Отечественныхъ Запискахъ» отдѣлъ критики и библіографіи держался на БѢлинскомъ — наполнялся главнымъ образомъ его трудами, или если трудами другихъ, то подъ вліяніемъ его же критическаго духа и пріемовъ. «Отечественныя Записки» имѣли большое преимущество надъ «Наблюдателемъ» въ одномъ отношеніи, — гдѣ БѢлинскій совсѣмъ не участвовалъ, — во внѣшнемъ порядкѣ изданія; редакція еще до участія БѢлинскаго доставила журналу и другую выгоду — нѣкоторыя (впрочемъ, должно сказать, весьма случайныя) литературныя связи, черезъ которыя въ «Отечественныхъ Запискахъ» явились имена Лермонтова, кн. Одоевскаго, гр. Соллогуба и пр., печатались иногда стихотворенія, оставшіяся послѣ Пушкина. Но этимъ все и кончилось; журналъ при своемъ основаніи не имѣлъ никакого опредѣленнаго взгляда; отдѣлъ критики, до БѢлинскаго, велся чисто случайнымъ образомъ; спеціальныя критикъ, выбранный сначала самой редакціей, была такая посредственность, отъ которой нельзя было ждать никакого содержанія и ни малѣйшаго вліянія въ литературѣ; — журналъ унаследовалъ только, отъ Пушкинскаго круга, неясное уваженіе къ «искусству» и вражду къ Булгарину и Гречу; въ «направленіи» была нѣкоторая наклонность къ особаго рода славянофильству, какое представляли тогда Морошкинъ, Савельевъ-Ростиславичъ, Сахаровъ и т. п.; но затѣмъ не было въ немъ никакихъ задатковъ самостоятельнаго значенія. Это послѣднее дано было исключительно БѢлинскимъ и его друзьями; нѣкоторые изъ нихъ начали участвовать въ «Отеч. Запискахъ» ранѣе БѢлинскаго, но только съ его вступленіемъ этотъ журналъ вполнѣ сталъ органомъ московскаго кружка: БѢлинскій представлялъ наиболѣе дѣятельную силу этого кружка, и вслѣдъ за нимъ и ради него стали усердными и часто «безкорыстными» или даровыми сотрудниками «Отеч. Записокъ» его друзья. Онъ придавалъ всему тому кругу нравственную солидарность, которая отразилась на журналѣ рѣдкимъ единствомъ и цѣльностью характера. Редакція только молча приняла внесенный въ журналъ элементъ. БѢлинскій отдаетъ ей справедливость, что она не вмѣшивалась въ одержаніе его статей. И послѣ, около 1841 г., она точно также приняла новый поворотъ во взглядахъ БѢлинскаго.

Со времени разсказаннаго выше примиренія БѢлинскаго съ

его противниками, прежній кружокъ, котораго родоначальникомъ былъ Станкевичъ, образовался теперь въ гораздо болѣе обширный кругъ людей, который, въ противоположность тогда же сложившемуся славянофильству, стали называть «западнымъ». Съ упомянутымъ примиреніемъ совершенно исчезло прежнее раздвоеніе въ западномъ кружкѣ, и онъ представилъ рѣдкій примѣръ соединенія замѣчательныхъ умовъ, талантовъ и характеровъ, оушевленныхъ одними стремленіями, цѣлью которыхъ было — служить умственному развитію и нравственному облагороженію общества. Эти, такъ-называемые теперь «люди сороковыхъ годовъ» были наиболѣе передовыми выразителями общественной мысли, непосредственными начинателями того движенія, какое совершалось въ послѣднія десятилѣтія.

Позднѣйшіе критики этого времени, особенно не имѣвшіе о немъ личныхъ воспоминаній или нѣсколько близкихъ встрѣчъ съ его уцѣлѣвшими представителями, — бывали наклонны относиться къ ихъ дѣятельности и характерамъ съ строгими сужденіями. Такія сужденія, внушаемые обыкновенно нашими нынѣшними понятіями и условіями, не совсѣмъ справедливы. Прежде всего должно вспомнить общественную среду, въ которой этимъ людямъ привелось вырабатывать свои принципы: среда была далеко не благоприятна для ихъ работы, и трудъ борьбы съ этой средою одинъ требовалъ уже немало нравственной силы и стойкости, и усилія, потраченные на преодоленіе внѣшнихъ препятствій, необходимо терялись для самаго дѣла. Притомъ, не точно было бы судить о ихъ дѣятельности по тѣмъ однимъ слѣдамъ, какіе остались отъ нея въ литературѣ: слишкомъ извѣстно, что ихъ литературныя выраженія были тогда далеко не полны; невольныя умолчанія скрыли для насъ, конечно, наиболѣе пламенные, сильные выраженія ихъ настоящей мысли, и наиболѣе краснорѣчивыя страницы ихъ писаній. Есть много намековъ и положительныхъ фактовъ, указывающихъ, что въ ихъ печатанныхъ тогда сочиненіяхъ мы нерѣдко имѣемъ дѣло только съ блѣднымъ остаткомъ ихъ дѣйствительнаго взгляда на вещи. Далѣе, понятнѣе, что не всѣ друзья этого круга одарены были одинаковой глубиной убѣжденія и силы характера; многіе изъ нихъ не выдержали своихъ идей до конца, отступили и даже измѣнили, — но все-таки было бы невѣрно по нимъ судить о достоинствѣ взглядовъ этого круга за то время; къ сожалѣнію, «среда» слишкомъ могущественна, чтобы легко было выдерживать ея давленіе, и эти многіе, отступившіе и измѣнившіе, не были однако лучше и сильнѣйшіе изъ людей сороковыхъ годовъ, — лучше остались

себѣ вѣрны... «Людемъ сороковыхъ годовъ» дѣлали не разъ упрекъ, что впослѣдствіи, въ наше время, они вообще легко мирились съ наличнымъ характеромъ жизни, удовлетворялись тѣмъ, очень умѣреннымъ «прогрессомъ», который мало удовлетворялъ новыя поколѣнія: имъ ставили въ упрекъ, что они забывали собственное прошедшее. Но это была обыкновенная историческая разниця поколѣній: прежнее понесло свою долю труда, могло естественно утомиться имъ и потерять прежнюю воспримчивость, но вмѣстѣ съ тѣмъ могло удовлетворяться настоящимъ и по той причинѣ, что видѣло въ немъ исполненіе многого, что было искомымъ въ ихъ пору... Еще и въ наше время есть «люди сороковыхъ годовъ», которые и доселѣ, не отдѣляясь отъ новыхъ поколѣній, считаютъ ихъ работу продолженіемъ своей, и представляютъ собой возможно полную солидарность развитія.... Были изъ ихъ среды и такіе люди, которые до послѣднихъ дней оставались впереди всѣхъ лучшихъ прогрессивныхъ стремленій общества.

Тѣсно сплотившійся кружокъ сороковыхъ годовъ представлялъ однако значительное разнообразіе; какъ прежде, такъ еще болѣе теперь общая точка зрѣнія являлась въ немъ съ различными оттѣнками по различію умственныхъ и нравственныхъ характеровъ. Былъ, конечно, неизбѣжный хоръ, своего рода школа, повторявшая слова учителя; но главные дѣятели кружка, какъ Г., Грановскій, Боткинъ, какъ самъ БѢлинскій, были вполнѣ самостоятельны и независимы; и встрѣчи ихъ мнѣній служили только къ болѣе многостороннему и широкому развитію общаго содержанія. Мы будемъ имѣть случай видѣть, что и теперь, когда главный спорный пунктъ былъ рѣшенъ къ общему согласію, между БѢлинскимъ и его московскими друзьями не однажды возникали несогласія, которыя, конечно, смягчались дружескими отношеніями, но тѣмъ не менѣе были довольно сильны... Интересы кружка вообще были обращены къ предметамъ гуманитарной образованности и общественной жизни, и между друзьями была солидарность и взаимодействие, которыя обобщали ихъ мнѣнія въ цѣлый послѣдовательный взглядъ. БѢлинскій уступалъ многимъ изъ друзей въ объемѣ и солидности свѣдѣній, и многое заимствовалъ у нихъ въ этомъ отношеніи, но, какъ у другихъ были свои специальности, у Грановскаго—исторія, у Г.—общіе философскіе вопросы и общественныя науки, у Боткина—эстетическія изученія и европейская литература, — такъ у него спеціальностью было критическое объясненіе русской литературы, и здѣсь его мнѣнія являлись съ своимъ признаннымъ авто-

ритетомъ. Этотъ авторитетъ выросталъ съ каждымъ годомъ его дѣятельности.

Съ тѣхъ же поръ, какъ образовался этотъ новый кругъ, онъ сталъ оказывать свое дѣйствіе и въ литературѣ, и личнымъ вліяніемъ его членовъ. Не входя въ подробности о литературномъ вліяніи, орудіемъ котораго были «Отечественныя Записки», довольно сказать, что съ 1841 года мнѣнія этого журнала становятся очевидно болѣе и болѣе господствующими; эстетическія понятія, историческая оцѣнка литературы, отзывы о современныхъ писателяхъ начинаютъ повторяться и другими, и наконецъ приобрѣтаютъ неоспоримое преобладаніе. Враждебныя партіи (Гречъ и Булгаринъ, Сенковский, Полевой), вліянія которыхъ Бѣлинскій опасался еще такъ недавно, падаютъ сами собою, не столько отъ полемики, веденной противъ нихъ, сколько отъ самаго достоинства взглядовъ Бѣлинскаго, отъ того высокаго уровня, на который онъ поставилъ критику и при которомъ обнаруживалось все пустое ничтожество этихъ партій. Движеніе самой литературы блистательно оправдывало взгляды Бѣлинскаго: посмертное изданіе Пушкина открывало новыя прекрасныя произведенія его зрѣлой эпохи; по смерти Лермонтова, въ «Отечественныхъ Запискахъ» еще долго появлялись юношескія поэмы и новыя великолѣпныя стихотворенія; въ 1842 году Гоголь завершалъ свою знаменательную дѣятельность изданіемъ «Мертвыхъ Душъ»... Лермонтовъ, Гоголь и Кольцовъ были живыми и могущественными фактами того новаго духа времени, новаго тона литературы, который былъ давно предчувствуемъ Бѣлинскимъ и котораго онъ являлся теперь восторженнымъ истолкователемъ... Литературное развитіе оправдывало его идеи и сообщало ему новую увѣренность и энергію. Къ половинѣ 40-хъ годовъ, единственными противниками, съ которыми Бѣлинскому и друзьямъ его приходилось бороться, — оставались славянофилы. Этотъ споръ велся не менѣе упорно, но въ немъ замѣшались уже гораздо болѣе крупныя вопросы, чѣмъ въ старой полемикѣ.

Рядомъ съ тѣмъ, какъ складывалось новое теоретическое направленіе Бѣлинскаго, въ журналѣ появляются произведенія европейскихъ писателей, которыми онъ все больше начинаетъ восторгаться и которые имѣли свою долю вліянія на его взгляды. Это Диккенсъ ¹⁾, и въ особенности Жоржъ Зандъ. Мы увидимъ,

¹⁾ Первое появленіе Диккенса въ «Отечественныхъ Запискахъ» было, кажется, въ 1840 г., кн. 11, въ смѣси: «Квартира со столбомъ и прислугой». Въ 1841 г. былъ напечатанъ «Оливеръ Твистъ», въ 1842 — «Бэрнеби Роджъ». Во 2-й книгѣ «Отеч. Записокъ» 1842 г. находится разборъ отдѣльнаго изданія «Оливера Твиста», на-

какъ безгранично восхищался БѢлинскій романами Ж. Занда, въ которыхъ увлекала его не только повѣія разсказа, но не меньше и общественный смыслъ содержанія. Съ этимъ вмѣстѣ кончалась и теорія «чистаго искусства».

Новая дѣятельность кружка оказала сильное и благотворное дѣйствіе въ другомъ отношеніи. Она вызывала или поддерживала новыя свѣжія силы, которыя начали группироваться около БѢлинскаго и его друзей. Все, что появлялось истинно талантливаго въ поэтической области, въ научныхъ, особенно историческихъ изученіяхъ, примыкало къ этому кругу; глубокое эстетическое пониманіе и свободное пониманіе науки, живое отношеніе къ общественности привлекали лучшіе умы и таланты новаго литературнаго поколѣнія. Нѣтъ сомнѣній, что новая поэтическая литература, слѣдовавшая за Гоголемъ, и дѣятелями которой являются Тургеневъ, Некрасовъ, Григоровичъ, нѣсколько позднѣе Гончаровъ, Достоевскій и пр., унаслѣдовала не только отъ Гоголя, но также отъ БѢлинскаго и его друзей; что серьезное, продуманное вниманіе къ общественнымъ явленіямъ, правдивость въ изображеніи жизни, теплое, гуманное отношеніе къ страдающимъ классамъ, сказавшіяся въ этой новой литературѣ, — были воспитаны одинаково и впечатлѣніями отъ Гоголя, и неутомимой гуманной проповѣдью БѢлинскаго... Новыя изученія русской исторической и экономической жизни, съ какими выступали тогда Соловьевъ, Кавелинъ, Аванасьевъ, Влад. Милютинъ и пр. и пр., и которыя въ то же самое время возникали изъ новаго, болѣе серьезнаго знакомства съ содержаніемъ и приѣмами европейской науки, — и въ этомъ отношеніи явились независимо, — тѣмъ не менѣе опять примыкали къ тому же кругу, въ которомъ всего скорѣе находили симпатію живыя научныя стремленія. Весь этотъ новый рядъ дѣятелей, наиболѣе талантливый, наиболѣе замѣчательный по научнымъ средствамъ, умножаетъ собой тотъ избранный кругъ, начало котораго полагали БѢлинскій и его друзья.

Мы назвали здѣсь нѣкоторыя имена, которыя только позднѣе, во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, появляются въ литературѣ, но въ описываемые годы кругъ БѢлинскаго и его друзей уже начинаетъ приобрѣтать то дѣйствіе на умы, о какомъ мы

скажемъ вѣроятно БѢлинскимъ (но не помѣщенный въ «Сочиненія»): отзывъ еще очень угнѣренный, и Диккенсъ, какъ писатель второстепенный, ставится гораздо ниже В. Скотта и Купера. Въ статьѣ о германской литературѣ, Боткина („Отеч. Зав.“ 1843, кн. 1), былъ помѣщенъ разборъ нѣсколькихъ романовъ Диккенса, взятый изъ *Deutsche Jahrbücher*, 1842.

говорили. Въ Бѣлинскомъ уже теперь, и по праву, является сознание, что дѣятельность его была не безплодна, что она составляет «фактъ русской жизни».

Обращаемся къ письмамъ. Переписка съ Боткинымъ, которая и теперь послужитъ для насъ главнѣйшимъ источникомъ, становится менѣе богата; въ ней есть большіе перерывы, отчасти потому, что, въ теченіе 1841—1843 годовъ, друзья нѣсколько разъ видались, въ Петербургѣ и Москвѣ, — отчасти вѣроятно и потому, что часть писемъ этого времени истреблена или потеряна, — отчасти, наконецъ, Бѣлинскій писалъ меньше прежняго: у него уже проходилъ періодъ «бурныхъ стремленій»; «дѣятельность» разъяснялась для его пониманія; личная жизнь была и теперь исполнена тревогъ, но уже начинаетъ теряться юношеская нетерпѣливая потребность высказываться. Его взгляды продолжаютъ развиваться; но онъ уже не покидаетъ добытой имъ точки зрѣнія — «идеи общества» — и только больше выясняетъ ее для себя, и въ историческомъ, и въ социальномъ, и въ философскомъ смыслѣ. Въ немъ уже не происходитъ рѣзкихъ переломовъ, но его мнѣнія пріобрѣтаютъ все болѣе разносторонность и увѣренность.

Первыя письма, съ марта 1841 г., еще длинны по предмету. Остановимся на письмѣ 1-го марта. Боткинъ между прочимъ прислалъ или перевелъ ему отрывокъ изъ «Hallische (впослѣдствіи Deutsche) Jahrbücher», извѣстнаго журнала лѣвой стороны гегеліанства, который еще ранѣе привлекъ вниманіе друзей-философовъ. Этотъ журналъ, издававшійся (съ 1837 г. Экхтермейеромъ и Арнольдомъ Руге, не разъ упоминается въ ихъ перепискѣ этого времени, и очевидно пользовался ихъ сочувствіемъ; — тѣ примѣненія гегелевской философіи, какія дѣлались либеральной стороной ея послѣдователей, теперь должны были вполне совпадать съ новыми мнѣніями Бѣлинскаго. «Галльскія лѣтописи» проповѣдывали «автономію духа», въ наукѣ — рационализмъ, въ общественной и политической жизни — либерализмъ. Для Бѣлинскаго выдержки изъ нѣмецкаго журнала, сообщаемыя друзьями, были только лишними, пріятными подтвержденіями его настоящихъ понятій. Слѣдующее любопытное и оригинальное письмо представляетъ начало его полной «раздѣлки» съ старо-гегелевской философіей:

„Отрывокъ изъ „Hallische Jahrbücher“, — пишетъ онъ Боткину (от 1-го марта 1841), — меня очень порадовалъ и даже какъ будто вооружилъ и увѣрилъ на минуту — спасибо тебѣ за него, сто разъ спасибо. Я давно уже подозревалъ, что философія Гегеля толь-

моментъ, хотя и великій, но что абсолютность ея результатовъ нигде не годится ¹⁾, что лучше умереть, чѣмъ помириться съ ними. Это я собирался писать къ тебѣ до полученія твоего этого письма. Глупцы врутъ, говоря, что Г. (Гегель) превратилъ жизнь въ мертвыя схемы; но это правда, что онъ изъ явленій жизни сдѣлалъ тѣни, сѣѣвившіяся костяными руками и пляшущія на воздухѣ, надъ кладбищемъ. Субъектъ у него не самъ себѣ цѣль, но средство для мгновеннаго выраженія общаго, а это общее является у него въ отношеніи къ субъекту Молохомъ, ибо пощеголявъ въ немъ (въ субъектѣ) бросаетъ его какъ старые штаны. Я имѣю особенно важныя причины злиться на Г. (Гегеля), ибо чувствую, что былъ вѣренъ ему (въ ощущеніи), мирясь съ расейскою дѣйствительностію, хваля Загоскина и подобныя гнусности, и ненавидя Шиллера. Въ отношеніи къ послѣднему, я былъ еще послѣдовательнѣе самого Г. (Гегеля), хотя и глупѣе Менцеля. Всѣ толки Г. (Гегеля) о нравственности—вздоръ сущій, ибо въ объективномъ царствѣ мысли нѣтъ нравственности, какъ и въ объективной религіи (какъ напр. въ индійскомъ пантеизмѣ, гдѣ Брама и Шива—равно боги, т.-е. гдѣ добро и зло имѣютъ равную автономію). Ты—я знаю—будешь надо мною смѣяться... но смѣйся какъ хочешь, а я свое: судьба субъекта, индивидуума, личности, важнѣе судебъ всего міра и здравія китайскаго императора (т.-е. гегелевской *Allgemeinheit*). Мнѣ говорятъ: развивай всѣ сокровища своего духа для свободнаго самонаслажденія духомъ, плачь, дабы утѣшиться, скорби, дабы возрадоваться, стремись къ совершенству, лѣзь на верхнюю ступень лѣствицы развитія, а споткнешься—падай—чортъ съ тобою—таковскій и былъ... Благодарю покорно, Егоръ Федорычъ (Гегель)—кланяюсь вашему философскому колпаку; ю, со всѣмъ подобающимъ вашему философскому филистерству уваженіемъ, честь имѣю донести вамъ, что еслибы мнѣ и удалось лѣзть на верхнюю ступень лѣствицы развитія, — я и тамъ попросилъ бы васъ отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суетвѣрія, инквизиціи, Филиппа II и пр. и пр.; иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ оловою. Я не хочу счастья и даромъ, если не буду спокоенъ на четъ каждаго изъ моихъ братій по крови... Говорятъ, что дисгармонія есть условіе гармоніи: можетъ быть, это очень выгодно и сладительно для меломановъ, но ужъ, конечно, не для тѣхъ, которымъ суждено выразить своею участію идею дисгармоніи. Впрочемъ, если писать объ этомъ все, и конца не будетъ. Выписка изъ Эхтерейера порадовала меня, какъ энергическая стукушка по философскому колпаку Г., какъ фактъ, доказывающій, что и нѣмцамъ предстоитъ возможность сдѣлаться людьми, человѣками, и перестать быть выцами. Но собственно для меня тутъ не все утѣшительно. Я изъ числа людей, которые на всѣхъ вещахъ видятъ хвостъ дьявола, — это, кажется, мое послѣднее міросозерцаніе, съ которымъ я и иду. Впрочемъ, я отъ этого страдаю, но не стыжусь этого. Человѣкъ самъ по себѣ ничего не знаетъ — все дѣло (зависитъ) отъ иковъ, которые надѣваетъ на него независащее отъ его воли распо-

1) Замѣняемъ болѣе рѣзкое выраженіе письма.

ложеііе его духа, капризъ его натуры. Годъ назадъ я думалъ диаметрально-противоположно тому, какъ думаю теперь,—и право, я не знаю, счастье или несчастье для меня то, что для меня думать и чувствовать, понимать и страдать одно и тоже“.

Не знаемъ, идетъ ли рѣчь вообще о журналѣ, или именно о какой-нибудь статьѣ Эхтермейера; но послѣдній нѣсколько разъ положительно высказывался и противъ самого Гегеля, и противъ его непосредственныхъ учениковъ (Alt-Hegelianer). Такъ, въ одномъ случаѣ, онъ указывалъ, какъ самъ Гегель въ своихъ сочиненіяхъ иногда относился полемически къ практическимъ выводамъ и требованіямъ идеализма, и Эхтермейеръ прямо называлъ это трусостью, измѣной собственному принципу и т. п. ¹⁾.

Этотъ скептицизмъ, въ какой теперь видимо впадалъ Бѣлинскій, очень естественно могъ слѣдовать за потерей прежняго убѣжденія, въ которомъ онъ чувствовалъ или хотѣлъ чувствовать себя защищеннымъ отъ сомнѣній и нерѣшимости. Скептицизмъ приводилъ его къ самому мрачному взгляду на вещи и на себя.

„Вотъ гдѣ должно бояться фанатизма,—продолжаетъ онъ.—Знаешь ли, что я теперешній болѣзненно ненавижу себя прошедшаго... Будешь видѣть на всемъ хвостъ дьявола, когда видишь себя живого въ саванѣ и въ гробѣ, съ связанными назади руками. Чтѣ мнѣ въ томъ, что я увѣренъ, что разумность восторжествуетъ, что въ будущемъ будетъ хорошо, если судьба велѣла мнѣ быть свидѣтелемъ торжества случайности, неразумія, животной силы? Чтѣ мнѣ въ томъ, что моимъ или твоимъ дѣтямъ будетъ хорошо, если мнѣ скверно, и если не моя вина въ томъ, что мнѣ скверно? Не прикажешь ли уйти въ себя? Нѣтъ, лучше умереть, лучше быть живымъ трупомъ! Выздоровленіе! Да въ чемъ же оно? Слова! слова! слова!.. Филистеры, люди пошлой непосредственной дѣйствительности, смѣются надъ нами, торжествуютъ свою побѣду“... ²⁾.

По поводу ихъ прежнихъ философствованій, Бѣлинскій съ раздраженіемъ воспоминаетъ, какъ нѣкогда они видѣли (по Гегелю) въ Пруссіи совершеннѣйшее государство: теперь Бѣлинскій думалъ о ней совсѣмъ напротивъ—это членъ тройственнаго священнаго союза, а союзъ—врагъ всякой свободы... „Вотъ тебѣ и Гегель!“ восклицаетъ Бѣлинскій:—„въ этомъ отношеніи (т.-е. въ пониманіи

¹⁾ Zughaftigkeit und Abfall von dem eignen Princip. См. Hall. Jahrb. 1840, 1841, разныя статьи Эхтермейера. Въ 1842 г. Эхтермейеръ умеръ, и Руге одинъ остался (впрочемъ, уже ненадолго) издателемъ этого журнала.

²⁾ Эта тирада между прочимъ могла бы показать, что философія Тургеневскаго Базарова не была особенной новостью, и могла бы не удивлять и не приводить къ священному ужасу—„людей сороковыхъ годовъ“.

ніи политическаго положенія вещей) Менцель умнѣ Гегеля, а о Гейне нечего и говорить». Лучшее государство, по мнѣнію БѢлинскаго, Сѣверо-Американскіе Штаты, а потомъ Англія и Франція.

Отвѣчая на письмо Боткина, БѢлинскій говоритъ о Полевомъ, — противъ котораго онъ теперь вообще крайне враждовалъ: «что до Полеваго, — согласенъ съ тобою; но откуда же были у него во время оно энергія характера, сила воли? Въ прошедшемъ я высоко цѣню этого человѣка. Онъ сдѣлалъ великое дѣло — онъ лицо историческое».

БѢлинскій говоритъ дальше о журналѣ и, во-первыхъ, о своихъ собственныхъ работахъ. Боткинъ, кажется, находилъ недостатки въ его слогѣ; БѢлинскій замѣчаетъ, что не доволенъ своимъ слогомъ, которому недостаетъ опредѣленности и образности; у него нѣтъ и спокойствія, — котораго, впрочемъ, онъ и не желаетъ...

„Спокойствіе не для меня, — пишетъ онъ. — Мнѣ нужно то, въ чемъ видно состояніе духа человѣка, когда онъ захлебывается волнами трепетнаго восторга и заливаютъ ими читателя, не давая ему опомниться. Понимаешь! А этого-то и нѣтъ, — и вотъ почему у меня много реторики (что ты весьма справедливо замѣтилъ, и что я давно уже и самъ созналъ). Когда ты наткнешься въ моей статьѣ на ритмѣста, то возьми карандашъ и подпиши: здѣсь бы долженъ быть пафосъ, но по бѣдности въ ономъ автора, о, читатель! будь доволенъ и реторическою водою. Но отсутствіе единства и полноты въ моихъ статьяхъ *единственно* отъ того, что второй листъ ихъ пишется, когда перваго уже правится корректура. Разсуди самъ, Боткинъ, какого чорта на это станеть?..“

БѢлинскій говоритъ потомъ о своей статьѣ, которая должна была появиться въ 3-й книгѣ «Отеч. Записокъ» (Раздѣленіе поэзіи на роды и виды): онъ впередъ подчиняется строгому приговору Боткина, признавая, что для подобной работы нужна олова болѣе логическая и систематическая, — и говоритъ, что въ той статьѣ воспользовался «тетрадками», оставленными ему — вымъ, напримѣръ, особенно въ изложеніи лирической поэзіи. Впрочемъ, — что же? Если я не дамъ теоріи поэзіи, то убью гарью, убью наповалъ наши реторики, піитики и эстетики, — это развѣ шутка? И потому, охотно отдаю на поруганіе ¹⁾ ественное имя свое». При этомъ онъ жалуется на цензора, сдѣлавшаго исключенія въ статьѣ, и выписываетъ одно мѣсто, под-

¹⁾ Т.-е. Боткину и компетентнымъ людямъ.

вергшееся такому исключенію ¹⁾. Другое, зачеркнутое въ статьѣ мѣсто, относилось къ «Горю отъ ума», о которомъ Бѣлинскій хотѣлъ сказать, что это произведеніе было обличеніемъ дрянной дѣйствительности.

Статья «Раздѣленіе поэзіи на роды и виды» служила началомъ и попыткой исполненія плана, который съ этихъ поръ и почти до самой смерти занималъ Бѣлинскаго. Въ виду неясныхъ и путаныхъ понятій, господствовавшихъ даже въ литературныхъ кругахъ по вопросамъ эстетики и теоріи литературы, Бѣлинскій задумалъ написать «Теоретическій и критическій курсъ русской литературы», который удовлетворилъ бы настоятельной потребности писателей и публики, и представилъ бы систематическое изложеніе законовъ изящнаго, и затѣмъ основанное на немъ послѣдовательное изложеніе исторіи русской литературы. Бѣлинскій думалъ при этомъ сдѣлать сводъ своихъ идей объ этомъ предметѣ, разсѣянныхъ въ его критическихъ статьяхъ: ему казалось, что эти идеи «по крайней мѣрѣ оригинальны и совершенно отличны отъ всѣхъ, доселѣ обрацавшихся въ нашей литературѣ». Курсъ долженъ былъ заключать, послѣ общаго введенія, эстетику, теорію русскаго стихосложенія, теорію словесности, критическое разсмотрѣніе народной словесности и ея памятниковъ, историческое обозрѣніе памятниковъ письменности до Петра Великаго, исторію книжной литературы съ Кантемира и до новѣйшаго времени, наконецъ, «надежды въ будущемъ» и заключеніе. Въ исторіи литературы онъ хотѣлъ сдѣлать и критическій обзоръ русскихъ журналовъ, имѣвшихъ то или другое, хорошее или вредное вліяніе на литературу. Въ «Отеч. Зап.»

¹⁾ Приводимъ эту выписку, относящуюся къ стр. 56-й „От. Зап.“, 1841. № 3 и къ стр. 349 „Сочин.“, т. XII, вслѣдъ за характеристикой Ромео и Юліи:

„Насъ возмущаетъ преступленіе Макбета и демонская натура его жены; но если спросить перваго, какъ онъ совершилъ свой злодѣйскій поступокъ, онъ вѣрно отвѣтитъ бы: „и самъ не знаю“; а еслибы спросить вторую, зачѣмъ она такъ нечеловѣчески-ужасно создана, она вѣрно бы отвѣчала, что знаетъ объ этомъ столько же, сколько и вопрошающіе, и что если слѣдовала своей натурѣ, такъ это потому, что не имѣла другой... Вотъ вопросы, которые рѣшаются только за гробомъ, вотъ царство рока, вотъ сфера трагедіи!.. Ричардъ II возбуждаетъ въ насъ къ себѣ непріязненное чувство своими поступками, унижительными для короля. Но вотъ Боляброкъ потащитъ у него корону—и недостойный король, пока царствовалъ, является великимъ королемъ, когда лишился царства. Онъ уходитъ въ сознаніе величія своего самосвятости своего помазанія, законности своихъ правъ,—и мудрыя рѣчи, полны высокими мыслями, бурными потоками льются изъ его устъ, а дѣйствія обнаруживаютъ великую душу, царственное достоинство. Вы уже не просто уважаете его—вы готовы передъ нимъ“ (дальше какъ въ печатномъ).

скахъ» заявлено было даже, что книга должна была выйти въ началѣ 1842 года ¹⁾.

Статья въ 3 № «Отеч. Зап.» была отрывкомъ изъ эстетикѣ. Въ № 9—12 того же года былъ помѣщенъ рядъ статей о русской народной поэзіи; наконецъ, въ XII-мъ томѣ «Сочиненій» помѣщено нѣсколько статей, не бывшихъ въ печати («Идея искусства»; «Общее значеніе слова: литература»; «Общій взглядъ на народную поэзію и ея значеніе») и очевидно принадлежавшихъ къ тому же плану,—но цѣлое сочиненіе такъ и не состоялось.

Возвращаемся къ прежнему письму. БѢлинскій въ величайшемъ восторгѣ отъ упомянутыхъ выше характеристикъ Шекспировскихъ женщинъ м-съ Джемсонъ, переведенныхъ Боткинѣмъ. Въ особенности изображеніе Офеліи поразило его—«лучшаго по части критики я не читалъ ни во снѣ, ни на яву съ тѣхъ поръ, какъ родился». Рѣтшеръ ничто въ сравненіи съ этимъ очеркомъ Офеліи, писаннымъ женскою рукою, и вообще книга Джемсонъ, по мнѣнію БѢлинскаго, была жестокий ударъ «критическимъ колапсамъ нѣмцевъ», даже самому Гѣте, который есть самый живой изъ нѣмецкихъ критиковъ... Но БѢлинскій недоволенъ переводомъ: онъ тяжеловатъ, и БѢлинскій думаетъ, что виноваты въ этомъ нѣмцы, которыми Боткинъ слишкомъ много занимается... Самъ БѢлинскій уже сильно усумнился въ Рѣтшеръ, который былъ нѣкогда ихъ общимъ критическимъ образцомъ и авторитетомъ:

„И знаешь ли что,—пишетъ БѢлинскій:—не такъ досадно было бы видѣть еще большіе и важнѣйшіе недостатки въ переводѣ отъ слабаго знанія обоихъ языковъ, неумѣнія или неспособности переводить, чѣмъ тотъ, о которомъ я говорю. Ты онѣметчилъ Рѣтшеръ свой слогъ. Всего больше сбиваетъ тебя съ толку Рѣтшеръ. Ну, чертъ возьми, выскажу же, наконецъ, что давно кипитъ въ душѣ моей. Въ этомъ человѣкѣ много духа ²⁾—не спорю; но въ немъ тоже много и филистерства. Онъ толкуетъ все одно и тоже...“

БѢлинскій съ ожесточеніемъ возстаетъ противъ того, что онъ называетъ въ Рѣтшерѣ «уваженіемъ къ субстанціальнымъ элементамъ общества» (родство, бракъ и т. п.): по теперешнему взгляду БѢлинскаго, эти элементы тогда только имѣютъ свое «субстанціальное» право, когда освящаются чувствомъ, а безъ

¹⁾ «Отеч. Зап.» 1841 г., № 3, Наука, стр. 13—14, прим., гдѣ подробно сообщается о планѣ этого сочиненія; короче въ «Сочин.» т. XII, стр. 277—278, прим.

²⁾ Эта и подобныя фразы—послѣдніе остатки старой терминологіи кружка, которую БѢлинскій теперь все больше и больше бросаетъ.

того они—пустая форма, лицемѣріе или насиліе. Ублекаясь радомъ мыслей, вызванныхъ этой темой, Бѣлинскій предаётся осужденію всѣхъ преданія и пустыя формы, и провозглашаетъ разумъ и отрицаніе. Послѣ нѣсколькихъ энергическихъ фразъ въ этомъ смыслѣ, онъ останавливается: «но объ этомъ послѣ—чувствую, что безъ драки не обойдется», т.-е. съ другомъ, отъ котораго онъ не предполагалъ одобренія своимъ смѣлымъ и неуважительнымъ выводамъ... И вслѣдъ затѣмъ Бѣлинскій, по поводу м-съ Джемсонъ, опять вспоминаетъ Офелію — точно знакомое, близкое, дорогое ему лицо:

„О, Офелія, о, блѣдная красота сѣвера, голубка, погибшая въ вихрѣ грозы!.. Мбчи нѣтъ, слезы рвутся изъ глазъ. Стыдно—у меня теперь въ комнатѣ сидитъ *чиновникъ*, мой родственникъ, человѣкъ преданія и субстанціальныхъ стихій общества“.

Бѣлинскій хочетъ шуткою сдержать свое чувство, но читатель можетъ достаточно видѣть, въ какомъ восторженномъ состояніи писаны эти строки...

Письмо оканчивается отдѣльными отрывками и замѣтками. Онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ приѣзда Боткина въ Петербургъ на пасху; спрашиваетъ мнѣнія Боткина о новыхъ стихахъ Лермонтова («онъ рѣшительно идетъ въ гору и высоко взойдетъ, если пуля дикаго черкеса не остановитъ его пути»); возстаетъ еще разъ противъ Рётшера; сообщаетъ о письмахъ А—ва изъ-за границы, напечатанныхъ въ томъ же № «Отеч. Записокъ», — онъ ему чрезвычайно понравились ¹⁾).

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 13-го марта, снова возвращается вопросъ о той интимной исторіи Боткина, которая вызвала въ друзьяхъ столько размышленій о любви и о женщинѣ. Исторія положительно приходила къ концу; Боткинъ былъ въ печальномъ настроеніи, и искалъ у друга утѣшенія или объясненія труднаго вопроса. Бѣлинскій даетъ это объясненіе, въ которомъ высказался его теперешній взглядъ на старую романтику ихъ

¹⁾ „Въ Смѣси 3-го № „Отеч. Зап.“ напечатаны (почти цѣликомъ) письма А—ва изъ-за границы—прелесты! Я еще больше полюбилъ этого человѣка“.

Рядъ „Писемъ изъ-за границы“ П. В. А—ва, съ марта 1840 г. печатался нѣсколько лѣтъ въ „Отеч. Запискахъ“. Они вообще возбуждали тогда большой интересъ. Главнымъ предметомъ ихъ служила общественная жизнь, интересы образованія и искусства, бытовая жизнь и нравы, и, наконецъ, политическая жизнь, насколько можно было говорить о ней въ то время, когда политическіе вопросы, даже чужихъ странъ, были почти закрыты для литературы. Эти письма, написанныя легко и замѣтательно, прямо подъ свѣжими впечатлѣніями, съ живыми и мѣткими характеристиками нравовъ, были дѣйствительною новостью въ литературѣ.

кружка, известную ему и по собственному опыту. Исторія Боткина началась, какъ мы видѣли, еще въ разгарѣ ихъ романтическаго идеализма; она долго тянулась въ неопредѣленныхъ фантазіяхъ, которыя теперь кончались — ничѣмъ...

„По моему мнѣнію, — пишетъ Бѣлинскій — вы оба не любите другъ друга; но въ васъ лежитъ (или лежала) сильная возможность полюбить другъ друга. Тебя сгубило тоже, что и ее — *фантазмъ*... Ты имѣлъ о любви самыя экзотическія и мистическія понятія. Это лежало въ самой твоей натурѣ... Марбахъ и Беттина (отъ которыхъ ты съ ума сходилъ) развили это направленіе до чудовищности. И ты не совсѣмъ былъ неправъ: такая любовь возможна и дѣйствительна... но возможна и дѣйствительна какъ моментъ, какъ вспышка, какъ утро, какъ весна жизни... Понималъ ли ты теперь, что твоя любовь нисколько не римоваала съ бракомъ и вообще съ дѣйствительностію жизни, состоящею изъ поэзіи и прозы, изъ которыхъ каждая имѣетъ на насъ равно законныя требованія? Вотъ на чемъ срѣзался Станкевичъ, и вотъ на чемъ суждено было срѣзаться и тебѣ. Откуда выходили твои экзальжированныя понятія о брачныхъ отношеніяхъ, гдѣ каждый поцалуи долженъ былъ выходить изъ подноты жизни, а не изъ рефлексіи и пр. Признаюсь, это мнѣ всегда казалось страшною дичью, и я потому казался тебѣ и М. страшною дичью. Но я былъ правъ. Я понималъ, что въ жизни не разъ придется спросить жену, принимала ли она слабительное и... Эта противоположность поэзіи и прозы жизни ужасала меня, но я не могъ закрыть на нее глаза, не могъ не видѣть, что она есть. Тебя это часто оскорбляло, и я внутренне презиралъ себя, видя, что ты, по крайней мѣрѣ, не уважаешь меня. Чтѣ дѣлать — тогда ни одинъ изъ насъ не хотѣлъ быть собою, ибо каждый хотѣлъ быть абсолютнымъ (т.-е. безцвѣтнымъ и абстрактнымъ) совершенствомъ. Теперь мы умны; но дорого цостался намъ этотъ умъ...”

Но хотя Бѣлинскій и видѣлъ фантастичность прежняго, онъ все-таки считаетъ Боткина правымъ въ его идеальной любви, которая была его «лучшимъ сокровищемъ», «драгоценнѣйшимъ перломъ его жизни». Любовь все еще представляется ему въ поэтической окраскѣ, какъ что-то несоединимое съ прозой жизни, погибающее отъ ея прикосновенія; она у него чуть не противоположна браку.

„Я теперь понимаю основную мысль „Ромео и Юлія“, т.-е. необходимость трагической коллизіи и катастрофы. Ихъ любовь была не для земли, не для брака, и не для годовъ, а для неба, для любви, для полнаго и дивнаго мгновенія... Я понимаю возможность, что они противѣли бы со временемъ другъ другу. Не знаю, чтѣ собственно разумѣлъ Гегель подъ „разумнымъ бракомъ“, но если я такъ понимаю его идею, — то онъ — мужикъ умный. Любовь для брака дѣло не только лишнее, но даже необходимое; но она имѣетъ тутъ другой характеръ — тихій, спокойный: удалось — хорошо; не удалось — такъ

и быть, не умираютъ, не дѣлаются несчастны... Разсудокъ тутъ играетъ роль не меньшую чувства, если еще не большую... Женя — не любовница, но другъ и спутникъ нашей жизни...”

Разсужденія Бѣлинскаго объ этихъ предметахъ очевидно сходятъ съ прежней точки зрѣнія. Въ его прежнихъ письмахъ уже говорилось о томъ впечатлѣніи, какое производили на него идеи о женщинѣ у нѣкоторыхъ французскихъ писателей. Онъ отказывается отъ прежняго романтическаго пониманія любви, и оно переходитъ теперь въ другое, идеалистическое представленіе — о полномъ правѣ и свободѣ чувства, въ смыслѣ Жоржа Занда, и въ противоположность «субстанціальнымъ элементамъ», обычаю и преданію. Съ этой же точки зрѣнія онъ говоритъ опять объ *Entsagung*, какое нѣкогда рекомендовалъ ему Боткинъ:

„Нѣкогда ты писалъ мнѣ, что во мнѣ нѣтъ *Entsagung*, и я чуть было не пришелъ въ отчаяніе, что у меня нѣтъ этой прекрасной вещи — даже думалъ, гдѣ бы прикупить оной, или (къ чему я болѣе привыкъ) признаться. У меня и теперь нѣтъ ни *Entsagung*, ни *Resignation*, — и я не хочу ни того, ни другаго, не видя въ нихъ нужды. То и другое есть отрицаніе себя для общаго, а я ненавижу общее, какъ надувателя и палача бѣдной человѣческой личности. Но я думаю, что человѣку надо быть *себѣ на умъ* на счетъ жизни, и больше всего опасаться придавать ей много важности. Ты тонешь въ рѣкѣ: удалось выплыть — хорошо, можно позаняться тѣмъ или другимъ, хоть пообѣдать лишній разъ; тонешь — утѣшай себя мыслию, что все равно, что равно глупо остаться жить, какъ и умереть. Чтобы наслаждаться жизнью, надо имѣть въ запасѣ нѣсколько холодности и презрѣнія къ ней, и спѣшить на ея призывы и обольщенія, выхлѣпавъ съ визитомъ къ человѣку, который очень нуженъ...”

Собственное настроеніе Бѣлинскаго высказывается еще слѣдующими словами, въ концѣ этого разсужденія:

„Чортъ возьми, твое положеніе — мнѣ страшно и въ фантазіи увидѣть себя въ немъ, а между тѣмъ я немного и завидую тебѣ: мнѣ кажется, что все это лучше, чѣмъ мое протяжное и меланхолическое зѣваніе“.

Въ заключеніе, онъ не можетъ обойтись безъ своихъ любимыхъ литературныхъ новостей:

„Лермонтовъ еще въ Питерѣ. Если будетъ напечатана его „Родина“ — то аллахъ-керимъ! — что за вещь — пушкинская, т.-е. одна изъ лучшихъ пушкинскихъ“.

Письмо это уже не застало Боткина въ Москвѣ; онъ отправился въ Петербургъ. Бѣлинскій наконецъ увидѣлся съ своимъ другомъ, впрочемъ ненадолго: Боткинъ пріѣхалъ въ Петербургъ

на шестой недѣлѣ поста въ понедѣльникъ, по судебно-коммерческому дѣлу, и думалъ пробыть до половины апрѣля; но онъ получилъ неожиданное извѣстіе о смерти матери, и въ среду на страстной недѣлѣ уѣхалъ въ Москву. «Я какъ будто и не видѣлся съ нимъ»—пишетъ Бѣлинскій въ другому пріятелю.

31-го марта Боткинъ писалъ Бѣлинскому изъ Москвы о своей домашней потерѣ. Онъ прочелъ и письмо Бѣлинскаго отъ 13-го марта:—«какое умное, спасибо тебѣ», пишетъ онъ.

Свиданіе, какъ ни было коротко, на Бѣлинскаго подѣйствовало оживляющимъ образомъ. Онъ говоритъ объ этомъ въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 9-го апрѣля:

„Твой пріѣздъ былъ для меня такимъ толчкомъ, что и теперь не могу опомниться. Мнѣ легко стало смотрѣть на Питеръ—даже улицы начинаютъ нравиться. Странная натура: я до такой степени во власти моихъ религіозныхъ убѣжденій и заблужденій, что смотрю на вещи сквозь цвѣтъ ихъ стекла и, подъ ихъ вліяніемъ, зимній морозъ готовъ принять за лѣтній жаръ и, наоборотъ...

„Лѣтомъ постараюсь побывать въ Москвѣ—употреблю всѣ силы...

„Хорошъ Шевыревъ: Лермонтовъ подражаетъ Бенедиктову ¹⁾ и пр. Святители! Изъ моей несчастной статьи вырѣзанъ весь смыслъ, ибо выкинуто ровно половина“.

Бѣлинскій разумѣетъ, конечно, свою статью о Петрѣ Великомъ ²⁾, которую онъ писалъ съ большимъ интересомъ и которой, какъ увидимъ, не суждено было быть оконченной...

Письмо отъ 27-го іюня опять любопытно, какъ рядъ размышленій Бѣлинскаго, фактовъ его внутренней жизни и воспоминаній о прошломъ развитіи. Боткинъ какъ-то разъ писалъ ему, что дружба ихъ даетъ имъ то, чего никогда бы не могло дать общество. Бѣлинскій рѣшительно возстаетъ противъ этого: «...мысль глубоко несправедливая, ложь вопіющая!» восклицаетъ онъ, и излагаетъ затѣмъ свои мысли о связи личности съ обществомъ, и въ частности, объ ихъ собственномъ положеніи среди русскаго общества—положеніи, въ которомъ было столько страннаго вслѣдствіе ихъ исключительнаго развитія, и — вслѣдствіе дикаго состоянія самого общества:

„Увы, другъ мой,—говоритъ онъ,—безъ общества нѣтъ ни дружбы, ни любви, ни духовныхъ интересовъ, а есть только порыванія во всему этому, порыванія неровныя, безсильныя, безъ достиженія,

¹⁾ Бѣлинскій имѣетъ въ виду критическую статью его въ „Москвитинѣ“ 1841, т. 4, стр. 525 и слѣд.

²⁾ Статья первая: „Россія до Петра Великаго“ въ „От. Зап.“ 1841, № 4; вторая статья въ № 6 (Сочин., т. IV, стр. 336—408).

болѣзненные, недѣйствительныя. Вся наша жизнь, наши отношенія служатъ лучшимъ доказательствомъ этой горькой истины. Общество живетъ извѣстною суммой извѣстныхъ принциповъ... (въ его средѣ развивается конкретная жизнь его членовъ)... Человѣчество есть абстрактная почва для развитія души индивидуума, а мы всѣ выросли изъ этой абстрактной почвы, мы—несчастные Анахарсисы новой Скѣиѣ. Оттого мы зѣваемъ, толчемся, суетимся, всѣмъ интересуемся, ни къ чему не прилѣпляясь, все пожираемъ, ничѣмъ не насыщаясь... Мы любили другъ друга, любили горячо и глубоко... но какъ же проявлялась и проявляется наша дружба? Мы приходили другъ отъ друга въ восторгъ и экстазъ,—мы ненавидѣли другъ друга, мы удивлялись другъ другу, мы презирали другъ друга...; во время долгой разлуки, мы рыдали и молились при одной мысли о свиданіи, иставали и исходили любовію другъ въ другу, а сходились и видѣлись холодно. тяжело чувствовали взаимное присутствіе и разставались безъ сожалѣнія. Какъ хочешь, а это такъ. Пора намъ перестать обманывать самихъ себя, пора смотрѣть на дѣйствительность прямо, въ оба глаза, не шурясь и не кривя душою... Теперь посмотри на нашу любовь: чтѣ это такое? Для всѣхъ это—радость, блаженство, пышный цвѣтъ жизни; для насъ это трудъ, работа, тяжкая скорбь. Вездѣ богатство и роскошь фантазій, но во всемъ скудость и нищета дѣйствительности“...

Въ жизни общества, въ средѣ котораго они воспитались и должны были дѣйствовать, Бѣлинскій находить такія же странныя и фальшивыя явленія—отъ недостатка правильныхъ условій общественной:

„Ученые профессоры наши—педанты, гниль общества; полуграмотный купецъ Полевой даетъ толчекъ обществу, дѣлаетъ эпоху въ его литературѣ и жизни, а потомъ вдругъ... отступаетъ ¹⁾)... Не знаю, имѣю ли я право упомянуть тутъ и о себѣ, но вѣдь и обо мнѣ говорятъ же, меня знаютъ многіе, кого я не знаю, я, какъ ты мнѣ самъ говорилъ въ послѣднее свиданіе, *фактъ русской жизни*. Но посмотри, что же это за уродливый... фактъ! Я принимаю Гёте и Шиллера лучше тѣхъ, которые знаютъ ихъ наизусть, а не знаю по-нѣмецки... Такъ повинить ли мнѣ себя? О, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Мнѣ кажется, дай мнѣ свободу дѣйствовать для общества хоть на десять лѣтъ... и я, можетъ быть, въ три года возвратилъ бы мою потерянную молодость,... полюбилъ бы трудъ, нашелъ бы силу воли. Да, въ нѣныя минуты я глубоко чувствую, что это—свѣтлое сознаніе своего призванія, а не голосъ мелкаго самолюбія, которое силится оправдать свою лѣность, апатію, слабость воли, безсиліе и ничтожность натуры. Обращусь къ тебѣ. Ты часто говорилъ, что не можешь, ибо не призванъ, писать. Но почему же ты пишешь и притомъ такъ, какъ не многіе пишутъ? Нѣтъ, въ тебѣ есть все для этого, все, кромѣ силы и упорства, которыхъ нѣтъ потому, что нѣтъ того, для кого должно писать: ты не ощущаешь себя въ обществѣ, ибо его нѣтъ“...

¹⁾ Въ подлинникѣ болѣе рѣзкое выраженіе.

Конечно, и самъ БѢлинскій не ощущалъ себя въ обществѣ, и, предвидя вопросъ, — почему же самъ онъ однако пишетъ, — онъ объясняетъ это обстоятельствами: ему казалось, что для его самолюбія, котораго у него много, нуженъ былъ выходъ, а во всякой другой дѣятельности, кромѣ литературной, онъ чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ. Обстоятельства заставили его войти въ «вонючую тину расейской словесности», бѣдность принудила много писать... Понятно, что это объясненіе своей дѣятельности было только порывъ недовѣрія и вражды къ условіямъ жизни. Общее заключеніе таково:

„Все это я веду отъ одного къ одному—мы сироты, дурно воспитанные, мы—люди безъ отечества, и оттого мы хоть и хорошіе люди, а все-таки ни Богу свѣча, ни чорту кочерга, и оттого рѣдко пишемъ другъ къ другу. Да и о чемъ писать? О выборахъ? Но у насъ есть только дворянскіе выборы, а это предметъ (слѣдуетъ рѣзкій отзывъ)... О министерствѣ? но ни ему до насъ, ни намъ до него нѣтъ дѣла, притомъ же..... О движеніи промышленности, администраціи, общественности, о литературѣ, наукѣ? — но у насъ ихъ нѣтъ. О себѣ самихъ? Но мы выучили уже наизусть свои страданія, и страшно надоѣли ими другъ другу... Прощай пока.

Письмо продолжается на другой день, и нельзя безъ теплаго интереса слѣдить за волнованіемъ этой страстной души, которая такъ серьезно ставила задачи жизни и стремилась выполнять ихъ. Скептицизмъ БѢлинскаго не бывалъ продолжителенъ: онъ бывалъ только утомленіемъ отъ нравственной борьбы, минутнымъ невѣріемъ въ жизнь и въ свои силы, — но новое обращеніе къ искусству, къ исторіи, и его идеалы возникали вновь, и страстное чувство опять вырывалось наружу. Вотъ страницы, написанныя на другой день въ томъ же письмѣ послѣ чтенія Плутарха:

„По совѣту твоему, купилъ „Плутарха“ Дестуниса и прочелъ. Книга эта свела меня съ ума. Боже мой, сколько еще кроется во мнѣ жизни, которая должна пропасть даромъ! Изъ всѣхъ героевъ древности трое привлекли всю мою любовь, обожаніе, энтузіазмъ—Тимолеонъ и Гракхи. Біографія Катона (Утическаго, а не скотинны Старшаго) пахнула на меня мрачнымъ величіемъ трагедіи,—какая благороднѣйшая личность! Периклъ и Алкивиадъ взяли съ меня полную и обильную дань удивленія и восторговъ. А что же Цезарь, —спросишь ты. Увы, другъ мой, я теперь забился въ одну идею, которая поглотила и пожрала меня всего. Ты знаешь, что мнѣ не суждено попадать въ центръ истины, откуда въ равномъ разстояніи видны всѣ крайнія точки ея круга: нѣтъ, я какъ-то всегда очутюсь на самомъ краю. Такъ и теперь: я весь въ идеѣ гражданской доблести, весь въ паоосѣ правды и чести, и мимо ихъ мало замѣчаю какое бы то ни было величіе. Теперь ты поймешь, почему Тимолеонъ, Гракхи и Катонъ Утическій... заслонили собою въ моихъ

глазахъ и Цезаря и Македонскаго. Во мнѣ развилась какая-то... фанатическая любовь къ свободѣ и независимости человѣческой личности, которая возможна только при обществѣ, основанномъ на правдѣ и доблести. Принимаясь за „Плутарха“, я думалъ, что греки заслоняютъ отъ меня римлянъ — вышло не такъ. Я бѣсновался отъ Перикла и Алкивиада, но Тимолеонъ и Фокіонъ (эти греко-римляне) закрыли для меня своей суровою колоссальностію прекрасные и граціозные образы представителей афинянъ. Но въ римскихъ біографіяхъ душа моя плавала въ океанѣ. Я понималъ черезъ „Плутарха“ многое, чего не понималъ. На почвѣ Греціи и Рима выросло новѣйшее человѣчество. Безъ нихъ средніе вѣка ничего не сдѣлали бы. Я понималъ и французскую революцію, и ея римскую помпу, надъ которою прежде смѣялся... Обаятеленъ міръ древности. Въ его жизни зерно всего великаго, благороднаго, доблестнаго, потому что основа его жизни—гордость личности, непривыченность личнаго достоинства. Да, греч. и лат. языки должны быть краеугольнымъ камнемъ всякаго образованія, фундаментомъ школы“.

Воспоминанія древняго міра еще усилили въ Бѣлинскомъ то направленіе мыслей, какое внушали ему теперь наблюденія надъ дѣйствительностію. Сила испытанныхъ впечатлѣній убѣждала его, что апатія, его одолѣвавшая, — вовсе не упадокъ энергіи, не ослабленіе его душевныхъ стремленій. Напротивъ:

„Я во всемъ разочаровался, ничему не вѣрю, ничего и никого не люблю, и однакожъ интересы прозаической жизни все менѣе и менѣе занимаютъ меня, и я все болѣе и болѣе — гражданинъ вселенной. Безумная жажда любви все болѣе и болѣе пожираетъ мою внутренность, тоска тяжелѣе и упорнѣе. Это мое, и только это мое. Но меня сильно занимаетъ и не мое. Личность человѣческая сдѣлалась пунктомъ, на которомъ я боюсь сойти съ ума“...

Слѣдуетъ страстная тирада въ защиту достоинства человѣческой личности, инвектива противъ ея угнетателей, — гдѣ вспоминается Бѣлинскому его новый идеалъ, Шиллеръ, «Тиберій Гракъ нашего вѣка», и старый авторитетъ, Гегель, который далеко не удовлетворяетъ его своими политическими теоріями. Бѣлинскій восхищается двумя великими народами древности, успѣвшими достигнуть столь высокаго понятія о достоинствѣ человѣческой личности, и мирится вполне съ французами, которые «безъ нѣмецкой философіи поняли то, чего нѣмецкая философія еще и теперь не понимаетъ». Онъ думаетъ, что ему надобно познакомиться съ сенъ-симонистами. «Я на женщину смотрю ихъ глазами».

Изложеніе взгляда на женщину есть новая страстная филиппика. По мнѣнію Бѣлинскаго, «женщина есть жертва, раба новѣйшаго общества». Онъ съ крайнимъ и рѣзко выраженнымъ негодованіемъ возстаетъ противъ господствующаго взгляда на

женщину, утвержденнаго обычаемъ и другими общественными санкціями, взгляда, унизительнаго для женщины, грубаго, лицемернаго и несправедливаго. За женщиной, по мнѣнію Бѣлинскаго, не признають равнаго человѣческаго права; мужчина считаетъ себя ея господиномъ, и она не имѣетъ выхода изъ подчиненія, какъ бы оно ни было несправедливо и жестоко; ея «честь» понимается самымъ «киргизъ-кайсацкимъ» образомъ: мужчина, насколько не вредя своему достоинству, можетъ свободно отдаваться своимъ влеченіямъ; женщина подвергается суровому осужденію, если уклонилась отъ формальной морали обычая, хотя бы для самаго истиннаго чувства; для нея одной обязательна эта внѣшняя, формальная мораль, и она остается безупречна въ глазахъ общества, если исполняетъ ее, хотя бы это исполненіе было вынужденное или лицемерное. Изображая обычныя отношенія брака, отношенія неровныя и стѣснительныя только для женщины, Бѣлинскій спрашиваетъ: — «почему это? Превосходство мужчины? Но оно тогда законное право, когда признается сознаниемъ и любовію жены, выходитъ изъ ея свободной довѣренности..., иначе право (мужа) надъ нею — кулачное право. Нѣтъ, братъ, женщина въ Европѣ столько же раба, сколько въ Турціи и въ Персіи... И мы еще можемъ фантазировать, что человѣчество стоитъ на высокой степени совершенства». Всѣхъ далѣе ушли въ этомъ отношеніи французы: у нихъ нравы уже предоставляютъ женщинѣ больше свободы, и у нихъ явилась «вдохновенная пророчица, энергическій адвокатъ правъ женщины» — Жоржъ Зандъ. «Великій народъ», добавляетъ онъ.

Мы не могли передать всей рѣзкой силы, съ какою говорилъ здѣсь Бѣлинскій. Довольно сказать, что онъ не щадитъ лицемерія существующихъ обычаевъ и несправедливости, наносимой ими женщинѣ. Ссылка на Жоржъ-Занда указываетъ, въ какомъ смыслѣ сложились теперь его мнѣнія объ этомъ предметѣ. Въ его дальнѣйшей перепискѣ еще встрѣтятся подобные отзывы объ этой писательницѣ, и взгляды, выраженные имъ здѣсь, остались его послѣднимъ мнѣніемъ о женщинѣ, брачныхъ отношеніяхъ и пр. Не трудно видѣть, что эти взгляды очень естественно вытекали изъ его общей точки зрѣнія этого времени, изъ высокаго понятія о человѣческой личности и ея естественныхъ правахъ. Жоржъ-Зандъ, сама по себѣ, едва ли имѣла здѣсь большое вліяніе; Бѣлинскій зналъ ее и раньше, и относился къ ней равнодушно или враждебно; теперь его мнѣніе о ней переимѣнилось совершенно такъ же, какъ мнѣніе о Шиллерѣ, какъ вообще переимѣнилось мнѣніе о «нѣмцахъ» и «французахъ».

Отъ французовъ Бѣлинскій переходитъ въ письмѣ къ литературнымъ предметамъ:

„Кстати, какую гадость написалъ Лермонтовъ о французахъ и Наполеонѣ ¹⁾ — то ли дѣло Пушкина Наполеонъ. И не стыдно ли было твоему любезному Рётшеру (написать) такую гадость о Шекспирѣ и (если это точно шекспировская драма) объективное изображение принять за субъективный взглядъ. Это значитъ изъ великаго Шекспира сдѣлать маленькаго Рётшера. Пигмеи всѣ эти гегелы!“

Бѣлинскій, съ свойственнымъ ему жаромъ, возстаетъ противъ «Генриха VI», или собственно противъ изображенія Анны д'Аркъ, которая сдѣлана здѣсь колдуньей и развратною женщиной. Онъ приписываетъ это вліянію англійскаго національнаго характера, и восклицаетъ съ негодованіемъ: «да будетъ проклята всякая народность, исключаяющая изъ себя человѣчность!» Впослѣдствіи Боткинъ повторилъ это осужденіе шекспировскаго изображенія Анны д'Аркъ ²⁾.

Печатаніе статьи о Петрѣ Великомъ шло неблагополучно. Выше упомянуто, что случилось съ первой статьей. Въ концѣ второй статьи ³⁾ въ журналѣ замѣчено было, что «предположеннаго продолженія статей о «Дѣяніяхъ Петра Великаго», по независящимъ отъ редакціи причинамъ, не будетъ». Въ письмѣ Бѣлинскій говоритъ объ этомъ:

„Въ „О. З.“ напечатана моя вторая статья о Петрѣ Великомъ: въ рукописи это точно о Петрѣ Великомъ, и, не хвалясь, скажу, статья умная, живая; но въ печати—это рѣчь о проницаемости природы и склонности человѣка къ чувствамъ забвенной меланхоліи. Ея исказилъ весь цензурный синедріонъ соборіи. Ея напечатана только треть и смыслъ весь выключенъ, какъ опасная и вредная для Россіи вещь. Вотъ до чего мы дожили: намъ нельзя хвалить Петра Великаго!“

Замѣтимъ, что въ двухъ напечатанныхъ статьяхъ рѣчь идетъ только о Россіи до Петра Великаго, такъ что къ самому предмету авторъ не могъ и приступить: уцѣлѣло только нѣсколько общихъ замѣчаній.

Въ концѣ письма Бѣлинскій проситъ Боткина прочесть «въ его воспоминаніе» пьесу Беранже: «*Nâtons nous*». Теперь онъ очень высоко цѣнитъ Беранже: это «французскій Шиллеръ», бичъ преданія, защитникъ свободы гражданской и свободы мысли. Въ

¹⁾ Онъ разумѣлъ, конечно, „Послѣднее Новоселье“, напечатанное въ „От. Зап.“ 1841, кн. 5.

²⁾ „Шекспиръ какъ человѣкъ и лирикъ“, „Отеч. Зап.“ 1842, кн. 2.

³⁾ „От. Зап.“ 1841, № 6, крѣт., стр. 18. Сочин., т. IV, стр. 408.

Петербургѣ появилось тогда новое изданіе его пѣсенъ, и Бѣлинскій рекомендуетъ своему другу прочесть стихотвореніе: «Adieu, chansons»! которое привело его самого въ восторгъ.

Наконецъ, онъ извѣщаетъ Боткина, что на-дняхъ долженъ уѣхать изъ Петербурга (въ Новгородъ) его бывший противникъ, о которомъ теперь онъ говорить съ величайшей привязанностью...

Письмо отъ 8-го сентября, очень длинное, писано послѣ долгаго промежутка молчанія, какъ говорить самъ Бѣлинскій въ началѣ его, — такъ что здѣсь, повидимому, нѣтъ перерыва въ нашемъ матеріалѣ. Быть можетъ, вслѣдствіе этого долгаго молчанія или по какому-нибудь другому обстоятельству, но Боткинъ возымѣлъ мысль, что другъ его къ нему охладѣлъ; признакомъ охлажденія му, еще раньше, показалось то, что Бѣлинскій (въ приведенномъ выше письмѣ) вспоминалъ объ ихъ старыхъ раздорахъ, о «темныхъ временихъ» ихъ жизни. «Боткинъ, перекрестись, — что ты, пристось съ тобою», отвѣчаетъ на это Бѣлинскій: «ты боленъ...

тебѣ видятся дурные сны». Не писалъ онъ только потому, что мѣлъ не въ духѣ, или некогда, или лѣнь; Бѣлинскій объясняетъ тѣмъ, что если онъ заговорилъ о старыхъ временахъ, — то нисколько не думалъ въ чемъ-нибудь упрекать Боткина, потому что только же можно было бы упрекнуть и его самого; онъ хотѣлъ только указать на ихъ прежнее развитіе, какъ оно представляется ему теперь, и какъ оно отражается своими послѣдствіями на ихъ настоящемъ.

Онъ возвращается опять къ этимъ старымъ воспоминаніямъ, мы имѣемъ въ его словахъ его собственное историческое сужденіе объ ихъ прежнемъ развитіи. Свое настоящее настроеніе онъ изображаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Ты знаешь мою натуру: она вѣчно въ крайностяхъ... Я съ трудомъ и болью расстаюсь съ старою идеею, отрицаю ее до-нельзя, а новую перехожу со всѣмъ фанатизмомъ прозелита. Итакъ, я теперь въ новой крайности, — это идея *соціализма*, которая стала для меня идеею идей, ... альфой и омегой вѣры и знанія... Она (для меня) глотила и исторію, и религію, и философію. И потому ею я объясню теперь жизнь мою, твою и всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался я на этой жизни“...

Въ прежнія времена — говорить онъ — они дружились и ссорились, жили, влюблялись — по теоріи, по книгѣ, непосредственно сознательно. Въ этомъ была ложная сторона ихъ жизни и отпеченій. Они и винили себя за это, но лучше не было, да и будетъ. «Любимая (и разумная) мечта наша постоянно была — вести до дѣйствительности всю нашу жизнь и наши взаимныя

отношенія, и что же? мечта была мечтой и останется ею». Но по мнѣнію Бѣлинскаго, имъ все-таки не въ чемъ винить себя и онъ объясняетъ ихъ настоящее отношеніе къ дѣйствительности и къ обществу — въ томъ же смыслѣ, какъ въ приведенномъ выше письмѣ 27 іюня:

„Дѣйствительность возникаетъ на почвѣ, а почва всякой дѣйствительности—общество. Общее безъ особеннаго и индивидуальнаго дѣйствительно только въ чистомъ мышленіи, а въ живой, видной дѣйствительности оно — ...мертвая мечта. Человѣкъ—великое слово, великое дѣло, но тогда, когда онъ французъ, нѣмецъ, англичанинъ, русскій. А русскіе ли мы?... Нѣтъ, общество смотритъ на насъ какъ на болѣзненные наросты на своемъ тѣлѣ; а мы на общество смотримъ какъ на... ¹⁾ Общество право, мы еще правѣе“...

Общество живетъ извѣстною суммою общихъ убѣжденій и интересовъ, и общества европейскія, въ большей или меньшей степени, имѣютъ свои общественные интересы, въ которыхъ члены ихъ могутъ чувствовать свое родство, свое нравственное разумное единство. Оглядываясь на отношеніе своего кружка къ русскому обществу, Бѣлинскій не видитъ этого родства и единства, и приходитъ къ печальному выводу:

„Безъ цѣли нѣтъ дѣятельности, безъ интересовъ нѣтъ цѣли, безъ дѣятельности нѣтъ жизни. Источникъ интересовъ, цѣлей дѣятельности—субстанція общественной жизни. Ясно ли, логично ли, вѣрно ли? Мы люди безъ отечества—нѣтъ, хуже, чѣмъ безъ отечества, мы люди, которыхъ отечество призракъ, и диво ли, что сами мы призраки, что наша дружба, наша любовь, наши стремленія, наша дѣятельность—призракъ“...

Это было тяжелое сознаніе, къ которому приводило его знакомство съ настоящей дѣйствительностью, и трудно сильнѣе развить тотъ разладъ, который былъ открытъ теперь Бѣлинскимъ между ихъ самыми дорогими стремленіями и средой, гдѣ имъ суждено было жить и дѣйствовать... Отъ этого разлада не удержалась и ихъ личная жизнь, исполненная высокихъ идеальныхъ порывовъ и горькихъ разочарованій... «Станкевичъ былъ инстинктивно по натурѣ, обоимъ насъ, и та же исторія», т.-е. и его жизнь была рядомъ несбывшихся мечтаній. «Есть люди,—разсуждаетъ Бѣлинскій, — которыхъ жизнь не можетъ проявиться ни въ какую форму, потому что лишена всякаго содержанія,—у нихъ, напротивъ: для содержанія ихъ жизни нѣтъ готовыхъ формъ ни у общества, ни у времени. Но въ этомъ-то содержаніи и было не-

¹⁾ Опускаемъ рѣзкія обличительныя выраженія.

значеніе; и БѢЛИНСКІЙ, ясно сознавая ихъ тяжелый разладъ съ обществомъ, сознавалъ вмѣстѣ и то, что это содержаніе есть ихъ нравственное достоинство, что этимъ содержаніемъ создавалось ихъ возникающее вліяніе въ литературѣ и обществѣ. Онъ съ нѣкоторой гордостью говоритъ (какъ позднѣе сказалъ то же самое другой замѣчательный человѣкъ этого круга — даже въ болѣе сильныхъ выраженіяхъ), что еще не видалъ, въ русской жизни, другихъ людей съ такими нравственно-общественными силами и требованіями:—

„Я встрѣчалъ и ви́дъ нашего кружка людей прекрасныхъ, которые дѣйствительнѣе насъ; но нигдѣ не встрѣчалъ людей съ такою ненасытимой жаждою, съ такими огромными требованіями на жизнь, съ такою способностію самоотреченія въ пользу идеи, какъ мы. Вотъ отчего *все къ намъ льнетъ, все подлѣ насъ измѣняется*“... ¹⁾.

Переводя опять на ихъ старый техническій языкъ свое положеніе въ русскомъ обществѣ и роль своихъ идей въ средѣ господствующихъ понятій, БѢЛИНСКІЙ находитъ, что эта роль и положеніе есть — «призрачность»:—

„Форма безъ содержанія—пошлость, часто довольно благовидная; содержаніе безъ формы—уродливость, часто поражающая трагическимъ величіемъ, какъ міеологія древне-германскаго міра. Но эта уродливость—какъ бы ни была она величественна, — она—содержаніе безъ формы, слѣд., не дѣйствительность, а призрачность“.

Возвращаясь къ исторіи ихъ дружбы, БѢЛИНСКІЙ напоминаетъ Юткину, какъ, бывало, надоѣдали они другъ другу толками о своихъ чувствахъ и влеченіяхъ (впрочемъ, въ ту минуту очень для нихъ серьезныхъ), и такъ дополняетъ свое объясненіе ихъ прежняго идеализма:—

„Видишь ли, въ чемъ дѣло, душа моя: непосредственно поняли мы, что въ жизни для насъ нѣтъ жизни ²⁾, а такъ какъ, по своимъ натурамъ, безъ жизни мы не могли жить, то и ударили со всѣхъ огъ въ книгу, и по книгѣ стали жить и любить, изъ жизни и любви сдѣлали для себя занятіе, работу, трудъ и заботу. Между тѣмъ, наши натуры всегда были выше нашего сознанія, и потому амъ слушать другъ отъ друга одно и тоже становилось и скучно, пошло, и мы другъ другу смертельно надоѣдали. Скука переходила въ досаду, досада во враждебность, враждебность въ раздоръ...“

Раздоръ всегда нѣсколько освѣжалъ ихъ, какъ будто они ставились умнѣе, запасались новымъ содержаніемъ; но запасъ

¹⁾ Курсивъ не въ подлинникѣ.

²⁾ Т.-е., что въ жизни обманной для нихъ нѣтъ идеальнаго содержанія.

опять истощался, они возвращались къ личнымъ вопросамъ, «какъ манны небесной алкали *объективныхъ интересовъ*», но ихъ не было, и жизнь ихъ оставалась прекраснымъ содержаніемъ безъ всякаго опредѣленія, т.-е. чистой отвлеченностью.—Бѣлинскій успокоиваетъ своего друга, что, объясняя это, онъ вовсе не хотѣлъ бросить тѣмъ неудовольствія на ихъ старыя отношенія, а напротивъ, пролить на нихъ примирительный свѣтъ сознанія, — не обвинить его или себя, а оправдать.

„Ища исхода,—продолжаетъ Бѣлинскій,—мы съ жадностію бросились въ обаятельную сферу германской созерцательности и думали мимо окружающей насъ дѣйствительности, создать себѣ очаровательный, полный тепла и свѣта, міръ внутренней жизни. Мы не понимали, что эта внутренняя, созерцательная субъективность составляетъ объективный интересъ германской національности, есть для нѣмцевъ то же, что социальность для французовъ. Дѣйствительность разбудила насъ, и открыла намъ глаза, но для чего... Лучше бы закрыла она намъ ихъ навсегда, чтобы тревожныя стремленія жаднаго жизни сердца утолить сномъ ничтожества...“

Но третій ключъ—холодный ключъ забвенья—
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолить...»

Во второй половинѣ этого длиннаго письма Бѣлинскій останавливается на той «соціальной идеѣ», о которой упоминалъ въ началѣ, что она стала для него «идеєю идей». Для избежанія недоразумѣній необходимо замѣтить, что Бѣлинскій употребляетъ это слово не въ томъ специальномъ смыслѣ, какъ оно теперь обыкновенно употребляется, т.-е. онъ разумѣетъ не собственный социализмъ, котораго настоящимъ приверженцемъ не бывалъ (какъ это нѣкоторые утверждали особенно, желая тѣмъ сдѣлать ему лишній попрекъ) и, конечно, мало вникалъ въ его теоретическія построенія; а хочетъ только сказать, что вообще его господствующимъ интересомъ сталъ вопросъ объ обществѣ. Бѣлинскаго едва ли много и занимала идеалистическая сторона тогдашняго социализма, но производила на него впечатлѣніе сторона критическая, т.-е. именно та, съ которой самъ Бѣлинскій начиналъ наблюдать общество.

Старый московскій кружокъ, какъ мы видѣли, въ своемъ идеализмѣ совершенно забывалъ о непосредственной дѣйствительности: находя ее «разумной», онъ и не думалъ о ней. Теперь, когда друзья оглянулись на нее, она поразила ихъ своимъ противорѣчіемъ съ «разумностію»: повязка падала съ ихъ глазъ, передъ ними вдругъ открывалась масса этихъ противорѣчій, а слѣдующая цитата даетъ образчикъ того, какъ дѣйствовали на

БѢлинскаго явленія общественности... Прежде чѣмъ стали опредѣляться для БѢлинскаго частности, онъ былъ подѣ влияніемъ общаго впечатлѣнія отъ цѣлаго тона этой жизни.

„Соціальность... вотъ девизъ мой, — говоритъ онъ въ томъ же инсѣмѣ.— Чтѣ мнѣ въ томъ, что живетъ общее, когда страдаетъ личность? Чтѣ мнѣ въ томъ, что геній на землѣ живетъ въ небѣ, когда толпа валяется въ грязи? Чтѣ мнѣ въ томъ, что я понимаю идею, что мнѣ открыть міръ идеи въ искусствѣ, въ религіи, въ исторіи, когда я не могу этимъ дѣлиться со всѣми, кто долженъ быть моими братьями по человечеству, моими ближними по Христу, но кто — мнѣ чужіе и враги по своему невѣжеству? Чтѣ мнѣ въ томъ, что для избранныхъ есть блаженство, когда большая часть и не подозреваетъ его возможностей. Прочъ же отъ меня блаженство, если оно — остояніе мнѣ одному изъ тысячъ! Не хочу я его, если оно у меня е общее съ меньшими братьями моими! Сердце мое обливается ровью и судорожно содрогается при взглядѣ на толпу и ея предгавителей. Горе, тяжелое горе овладѣваетъ мною при видѣ и босоогихъ мальчишекъ, играющихъ на улицѣ въ бабки, и оборванныхъ нищихъ, и пьянаго извозчика, и идущаго съ развода солдата, и бгущаго съ портфелемъ подѣмышкою чиновника, и довольнаго сою офицера, и гордаго вельможи. Подавши грошъ солдату, я чуть е плачу, подавши грошъ нищей, я бѣгу отъ нея, какъ будто сдѣавши худое дѣло, и какъ будто не желая услышать шелеста собственныхъ шаговъ своихъ. И это жизнь: сидѣть на улицахъ въ лохотяхъ, съ идіотскимъ выраженіемъ на лицѣ, набирать днемъ нѣолько грошей, а вечеромъ пропить ихъ въ кабацѣ — и люди это цдять, и никому до этого нѣтъ дѣла!.. И это общество, на разумлхъ началахъ существующее, явленіе дѣйствительности!.. И послѣ ого имѣетъ ли право человекъ забываться въ искусствѣ, въ знаи! Я ожесточенъ противъ всѣхъ субстанціальныхъ началъ, связывющихъ, въ качествѣ вѣрованія, волю человека!“...

Это было вообще первое впечатлѣніе, исходный пунктъ, изъ котораго развивались частности его взгляда на формы общественности. Выше были указаны примѣры того, какъ измѣнялись и оретическія мнѣнія БѢлинскаго объ искусствѣ подѣ влияніемъ й же мысли о достоинствѣ и правѣ личности. Вотъ еще примѣръ, относящійся къ его давнему любимцу, Кудрявцеву:

„Что за дивная повѣсть Кудрявцева ¹⁾—какое мастерство, какая дожественность—и все-таки эта повѣсть не понравилась мнѣ. Начию бояться за себя—у меня рождается какая-то враждебность провъ объективныхъ созданій искусства. Въ другое время поговорю ѣ этомъ побольше... Поклонись милому Петру Николаевичу—вотъ не человекъ, къ которому любовь моя похожа на страсть“...

¹⁾ БѢлинскій говоритъ, вѣроятно, о повѣсти „Цѣѣтокъ“, въ „От. Зан.“ 1841, кн. 9.

Это—последнее письмо къ Боткину отъ 1841 г., ка-
въ нашемъ матеріалѣ. Здѣсь въ немъ можетъ быть перерывъ,
потому что слѣдующія письма къ Боткину, намъ извѣстныя, на-
чинаются уже съ марта 1842. Впрочемъ, переписка могла оста-
новиться по тому обстоятельству, что Боткинъ въ этотъ проме-
жутокъ, повидимому, сдѣлалъ поѣзду за границу ¹⁾.

Чтобы закончить исторію этого года, приводимъ еще нѣ-
сколько цитатъ изъ переписки Бѣлинскаго съ другими лицами,
гдѣ съ новыхъ сторонъ или съ новыми подробностями освѣщается
его внутренняя жизнь.

Таково, напр., письмо отъ 3-го августа, писанное къ одному
изъ самыхъ давнихъ московскихъ друзей (стоявшему, впрочемъ,
въ сторонѣ отъ идеалистическихъ мечтаній кружка и въ тѣ мо-
сковскія времена болѣе связанному съ другой фракціей «запад-
наго» направленія), гдѣ Бѣлинскій, между прочимъ, съ желчными
шутками рассказываетъ петербургскія литературныя новости и
слухи, и спрашиваетъ о московскихъ. Мы можемъ привести
только нѣкоторые отрывки.

„Вотъ тебѣ нѣсколько новостей. Лермонтовъ убить наповалъ—
на дуэли. Оно и хорошо: былъ человекъ безпокойный, и писалъ хотъ
хорошо, но безнравственно,—что ясно доказано Шевыревымъ и Бу-
рачкомъ. Въ замѣнъ этой потери Булгаринъ все молодѣетъ и здоро-
вѣетъ... О. В. ругаетъ Пушкина печатно, доказываетъ, что Пушкинъ
былъ подлець, а цензура... мараетъ въ „О. З.“ все, что пишется
и нихъ противъ Булгарина и Греча. Литература наша процвѣтаетъ,
ибо явно начинаетъ уклоняться отъ гибельнаго вліянія лукаваго за-
пада... NN ²⁾ торжествуетъ и, говорятъ, пишетъ проектъ, чтобы всѣ
литературу и всѣ кабаки отдать на откупъ П—ну... Однимъ словомъ,
будущность блеститъ всѣми семью цвѣтами радуги... (Упомянувъ нѣ-
сколько событій въ тогдашней европейской политикѣ, Б. продол-
жаетъ:) Жалко видѣть это глупое броженіе мірскихъ суетъ и от-
радно читать статьи Погодина, Бурачка и Шевырева. Богъ явно на-
насъ—вѣдь онъ любитъ смиренныхъ и противится гордымъ. Нація
малороссійская процвѣтаетъ и укрѣпляется.

„Прочтя „Ластовку“ и „Снипъ“ ³⁾ я понялъ все достоинство борща,

¹⁾ Въ „От. Зап.“ 1842, кн. 4, смѣсь, стр. 97—100, помѣщено „Письмо изъ И-
ливъ“, съ подписью: В. Б—нъ, и посланное изъ Рима, 29-го октября.

²⁾ Названо одно извѣстное имя того времени.

³⁾ Малорусскіе альманахи того времени. Разборъ „Ластовки“ въ 6 № „От. Зап.“
1841 (Сочин., т. V, стр. 306). По всей вѣроятности Бѣлинскій написалъ и рецен-
зія на „Снипъ“ въ библиографической хроникѣ 8-й книжки, но не помѣщенныя въ
изданіи и не упомянутая въ спискѣ (т. V).

ала и галушекъ. Жаль, что умеръ Шишковъ — многого мы лишились. Безъ него академія російская осиротѣла, и съ горя спилась въ кругу ¹⁾...

„Статья Г. — прелесть... Давно уже я не читалъ ничего, что бы такъ восхитило меня... ²⁾ Пишу диссертацию, въ которой доказываю, что... національность выше образованія, просвѣщенія, истины и свободы...“

„Цензура не пропустила въ моей статьѣ о Пушкинѣ (3 т.) заглавіе пушкинской статьи „О мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ...“ ³⁾. Боясь доносовъ... цензоръ не хочетъ пропускать ни слова противъ Москвитянина“...“

Дальше мы будемъ имѣть случай говорить объ антипатіи Бѣлинскаго къ возникавшей тогда малорусской литературѣ, антипатіи, которая такъ рѣзко выразилась въ этомъ письмѣ...

Еще два любопытныя письма 1841 г. писаны Бѣлинскимъ къ тому молодому другу, Н. Б., съ которымъ онъ познакомился скорѣ по приѣздѣ въ Петербургъ. Молодой другъ уѣхалъ пономъ изъ Петербурга, и Бѣлинскій только изрѣдка видался съ нимъ. Бѣлинскій возымѣлъ къ нему самую теплую привязанность, о которой свидѣлствуетъ и небольшая извѣстная намъ переписка съ этимъ лицомъ. Молодой другъ стоялъ совершенно внѣ развитія кружка, слѣдовательно и внѣ его фантастическихъ увлеченій; но, свободный отъ нихъ, молодой другъ имѣлъ свой идеализмъ, идеализмъ юности и характера, и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстную долю того чувства дѣйствительности, которое — въ началѣ петербургской жизни Бѣлинскаго — въ особенности казалось послѣднему великой заслугой; — были наконецъ и еще отношенія, которыя сближали Бѣлинскаго съ Н. Б. Въ началѣ 1841 Бѣлинскій пишетъ къ нему и, рассказывая ему о себѣ, изображаетъ ту перемѣну, которая произошла внутри его, и, какъ человѣкъ, испытанный жизнью, хочетъ предупредить молодого друга отъ увлеченій и печальныхъ разочарованій. Оба письма его къ Н. Б., проникнутыя теплымъ чувствомъ и иногда горькою шуткой, могутъ служить какъ заключительный выводъ этого критическаго періода жизни Бѣлинскаго.

¹⁾ Російская академія, по смерти Шипкова въ этомъ году, была закрыта и мѣсто нея, какъ извѣстно, черезъ нѣсколько времени образовано было нынѣшнее П-е отдѣленіе Академіи наукъ. Репутація Російской академіи за послѣдніе годы ея существованія довольно извѣстна.

²⁾ Онъ разумѣетъ статью „Еще изъ записокъ одного молодого человѣка“, „Отеч. Зап.“, 1841, кн. 8, стр. 161—188.

³⁾ Рецензія томовъ IX, X, XI сочиненій Пушкина въ 8-й книгѣ „Отеч. Зап.“ (Соч. т. V, стр. 319—331).

„Увы! какъ много утекло воды съ тѣхъ поръ какъ мы разстались съ вами! — пишетъ онъ, отъ 6-го апрѣля. — Вы не узнали бы меня, встрѣтившись со мною. Лицо мое все то же: апатическое всего чаще, бѣшеное и страстное иногда, и одушевленное тихой грустью очень рѣдко; все также рѣзки его черты, и также некрасиво оно, но я, мой образъ мыслей, — нѣтъ, иной и въ сорокъ лѣтъ не можетъ измѣниться до такой степени! Какъ бы горячо прижалъ я къ сердцу благороднаго З., какъ поняли бы мы теперь другъ друга! Я мучилъ его моими дикими убѣжденіями, занятыми по слухамъ у гегелизма, въ которомъ, и не перевранномъ, такъ много кастратскаго, т.-е. *созерцательнаго* или *философскаго*, противоположнаго и враждебнаго живой дѣйствительности... Да, теперь уже не Гегель, не философскіе колпаки — мои герои; самъ Гёте великъ какъ художникъ, но отвратителенъ какъ личность; теперь снова возникли передо мною во всемъ блескѣ лучезарнаго величія колоссальные образы Фихте и Шиллера, этихъ пророковъ человѣчности (гуманности)... этихъ жрецовъ вѣчной любви и вѣчной правды, не въ одномъ книжномъ сознаніи и браминской созерцательности, а въ живомъ и разумномъ *That*. Художественная точка зрѣнія довела было меня до послѣдней крайности нелѣпости, и я не шутя было убѣдился, что французская литература вздоръ, а о самихъ французахъ сталъ думать точь въ точь какъ думаютъ о нихъ наши богомольныя старухи. Но это только одна сторона моего измѣненія, и сторона хорошая; есть другая сторона — грустная. Я уже не та экстатическая прекрасная душа, которая, обливаясь кровавыми слезами, избиваемая внутренними и внѣшними бѣдами, оскорбленная въ самыхъ законныхъ и святыхъ стремленіяхъ и желаніяхъ, клялась и увѣряла всѣхъ и каждого, змиѣстѣ и себя, что жизнь — блаженство и что лучше жизни нѣтъ ничего на свѣтѣ. Опытъ сорвалъ покрывъ съ жизни — и я увидѣлъ румяна на очаровательныхъ щекахъ этого призрака, увидѣлъ, что объ руку съ нимъ идетъ смерть и тлѣніе, — противорѣчіе. Она хороша для тѣхъ, для кого хороша, и только на то время, когда хороша. Для меня она никогда не была добра, и я безкорыстно гурилъ ей оиміамъ, какъ Донъ-Кихоть своей Дульциней... Было время, когда я не могъ безъ бѣшенства слышать выраженія сомнѣнія о прочности и вѣчности любви на землѣ; мнѣ было досадно встрѣчать у Пушкина веселыя похвалы непостоянству или горькія жалобы на слабость человѣческаго сердца; а теперь эти стихи Лермонтова для меня тоже, что для набожнаго мусульманина стихи изъ алборана:

Кто устоитъ противъ разлуки,
Соблазна новой красоты,
Противъ усталости и скуки
И своенравія любви?

„... Было время когда женщина была для меня божествомъ и нѣтъ какъ-то странно было думать, что она можетъ снизойти до любви къ мужчине, хотя бы онъ былъ гений; а теперь — это уже не божество, а просто женщина, ни больше, ни меньше, существо, на которое я не могу не смотрѣть съ нѣкотораго рода сознаніемъ своего превосходства, которое основывается не на моей личности, а на тѣмъ

на моемъ званіи мужчины. Хороши и мы, но *они* еще лучше... (Слѣдуетъ весьма враждебная характеристика женщинъ). Да, какъ пристальнѣе и поглубже всмотришься въ жизнь, то поймешь и монашество, и схи́му, и желаніе смерти... Все ложь и обманъ, все — кромѣ наслажденія — и кто уменъ — будучи молодъ и крѣпокъ, тотъ возьметъ полную дань съ жизни, и въ лѣта разочарованія у него будетъ богатый запасъ воспоминаній... Вся тайна — смотрѣть на вещи какъ можно проще и легче... Надоѣло — ищите другихъ... Я говорю по опыту: малаго я не хотѣлъ, а лишился всего, и нечѣмъ помянуть юность. Назади и впереди — пустыня, въ душѣ — холодъ, въ сердцахъ — перегорѣлые уголья, которые и въ самоваръ не годятся.. Я очерствѣлъ, огрубѣлъ, чувствую на себѣ ледяную кору... Внутри все оскорблено и ожесточено; въ воспоминаніи, одни промахи, глупости, униженіе, поруганное самолюбіе, бесплодные порывы, безумныя желанія. Я никого, впрочемъ, не виню въ этомъ, кромѣ себя самого и еще судьбы. Такова участь всѣхъ людей съ напряженною фантазією, которые не довольствуются землею и рвутся въ облака. Мой примѣръ долженъ быть для васъ поучителенъ. Спѣшите жить, пока живется“ ...

Другое письмо къ тому же другу писано отъ 9-го декабря. Мы видѣли, что къ этому времени взгляды Бѣлинскаго окончательно приняли новое направленіе; но его душевное состояніе улучшилось мало, и въ немъ до сихъ поръ оставался болѣзненный слѣдъ разочарованій... Бѣлинскій говоритъ о нѣкоторыхъ своихъ прежнихъ привязанностяхъ, еще сохранявшихъ надъ нимъ свою силу, — и замѣчаетъ: «Видите ли, я все тотъ же, что и былъ, все та же *прекрасная душа*, безумная и любящая». Сердце его страдаетъ не отъ недостатка жизни внутренней, а отъ ея избытка, не находящаго себѣ пищи во внѣ. Въ этихъ словахъ онъ разумѣетъ не только свою личную жизнь, — отсутствіе личнаго счастья, — но всю свою дѣятельность:

„Обаятеленъ міръ внутренній, — продолжаетъ онъ, — но, безъ осуществленія во внѣ, онъ есть міръ пустоты, миражей, мечтаній. Я же не принадлежу къ числу чисто-внутреннихъ натуръ... Недостатокъ внѣшней дѣятельности для меня не можетъ вознаграждаться внутреннимъ міромъ, и по этой причинѣ внутренній міръ — для меня источникъ однихъ мученій, холода, апатіи, мрачная и душная тюрьма. Сердце мое еще не отказалось отъ вѣры въ жизнь, ни отъ мечтаній; но сознаніе мое покоряетъ сердце...; для моего же сознанія, жизнь равна смерти, смерть — жизни, счастье — несчастію, и несчастіе — счастію, потому что все это призраки, создаваемые субъективною настроенностію нашего духа въ ту или другую минуту, а сами мы — исчезающія волны рѣки, тѣни преходящія. Я не вѣрю моимъ убѣжденіямъ, и не способенъ измѣнить имъ; я смѣшиваю Донъ-Кихота: тотъ, по крайней мѣрѣ, отъ души вѣрилъ, что онъ рыцарь, что онъ сражается съ великанами, а не мельницами, и что его безобразная и

толстая Дульцинея—красавица; а я знаю, что я не рыцарь, а сумасшедшій,—и все-таки рыцарствую; что я сражаюсь съ мельницами—и все-таки сражаюсь; что Дульцинея моя (жизнь) безобразна и глупа, а все-таки люблю ее, на зло здравому смыслу и очевидности. Но вы не поймете этого... Вы живете въ мірѣ мечтательномъ—и вы счастливы. Но я не завижду вашему счастью, но жалѣю васъ въ немъ. Міръ мечтаній—міръ призраковъ и миражей;—и кто упорно остается въ немъ на всю жизнь, тотъ или дѣлается ограниченнымъ человѣкомъ, или погибаетъ страшно. Для меня нѣтъ ужаснѣе мысли, какъ остаться у жизни въ дуракахъ... пусть бьетъ она меня, но я буду знать, кто и что она, и на удары буду отвѣчать проклятіями: это лучше, чѣмъ позволить ей спеленать себя и убаюкивать какъ ребенка. Гѣте сравнилъ мужа съ кораблемъ, презирающимъ ярость волнъ и бури—прекрасное сравненіе! Такъ вонъ же изъ мирной и тихой пристани, гдѣ только плѣсень зеленая, тина мягкая, да квакающія лагушки, дальше отъ нихъ, туда, гдѣ только волны да небо, предательскія волны, предательское небо! Конечно, разсудокъ говорить, что гдѣ бы ни утонуть,—все равно, но я лучше хотѣлъ бы утонуть въ морѣ, чѣмъ въ лужѣ. Море—это дѣйствительность; лужа—это мечты о дѣйствительности...”

Въ концѣ 1841 года Бѣлинскій надѣялся побывать не надолго въ Москвѣ, и по дорогѣ заѣхать въ деревню Б—хъ, гдѣ у него сохранились самыя дружескія привязанности. Дѣйствительно, Бѣлинскому удалось въ серединѣ или концѣ зимы быть въ Москвѣ и въ деревнѣ; кромѣ того, кажется, и Боткинъ былъ въ Петербургѣ—не знаемъ, раньше или позже. Для Бѣлинскаго эти поѣздки были очевидно великимъ удовольствіемъ; онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ ихъ, съ сожалѣніемъ разставался съ друзьями.

Первое письмо 1842 года, слѣдующее за вышеприведеннымъ, послано отъ 14-го марта въ отвѣтъ на письмо Боткина, приведенное новымъ знакомцемъ ихъ—Кульчицкимъ, который около этого времени присоединился къ кружкѣ петербургскихъ пріятелей Бѣлинскаго. Боткинъ раньше узналъ Кульчицкаго въ Харьковѣ, куда ѣзжалъ по своимъ торговымъ дѣламъ, и затѣмъ, когда Кульчицкій отправился въ 1841 г. въ Петербургъ, Боткинъ отрекомендовалъ его Бѣлинскому. Это былъ «харьковскій литераторъ»,—какихъ описывалъ недавно біографъ Д. И. Каченовскаго,—еще молодой человѣкъ, очень благородный, не безъ таланта, весело-остроумный, но при этомъ еще большой романтикъ; многія понятія его показались Бѣлинскому простодушными, но онъ полюбилъ его за качества его характера. Имя его появилось тогда въ «Отеч. Запискахъ» подъ нѣсколькими стихотвореніями. Теперь Кульчицкій былъ въ Москвѣ и привезъ раз-

сказы о московскомъ кружкѣ: тамъ теперь очень веселились,—и БѢлинскій начинаетъ свое письмо:

„Боткинъ — чудовище! старый развратникъ, козель грѣхоносецъ! Съ ужасомъ прочелъ я нечестивое письмо твое, съ ужасомъ выслушалъ рассказы Кульч. о вашемъ общемъ непотребствѣ, піанствѣ, плотоугодіи, чревонеистовствѣ и прочихъ седьми смертныхъ грѣхахъ! Покайтесь...“

Онъ было собирался ѣхать къ нимъ и веселиться съ ними, но вспоминаетъ, что «гнусный желудокъ» не позволитъ ему этого. «Трагическое распутство!» восклицаетъ онъ, и фантазируетъ опять разгульныя картины на гофмановскую тѣму: «вѣдь нигдѣ на нашъ вопль нѣту отзыва!» Разгульное веселье, очевидно, понималось обѣими сторонами еще нѣсколько романтическимъ образомъ; Боткинъ писалъ, что хотѣлъ «лучше замереть въ развратѣ, чѣмъ въ пріичной любви». БѢлинскому нравились эти слова.

Онъ давно уже собирался писать къ Боткину, но замѣчаетъ, что «отвращеніе къ перу дѣлается въ немъ какой-то болѣзнію». Онъ бранитъ своего друга за то, что тотъ не узналъ БѢлинскаго въ одной статьѣ, напечатанной тогда въ «Отеч. Зап.», подъ названіемъ «Педантъ, литературный типъ» ¹⁾ и подъ псевдонимомъ «Петра Бульдогова». Объ этой небольшой статьѣ, которая вызвана была начавшеюся тогда полемикой съ «Москвитяниномъ» и явнымъ образомъ относилась къ Шевыреву, БѢлинскій говоритъ съ шуточной гордостью, — конечно, не по беллетристическому искусству, а по мѣткости полемической. Статья дѣйствительно задѣла за живое противниковъ, для которыхъ имя БѢлинскаго уже становилось предметомъ ненависти.

„Съ чего ты взялъ, — пишетъ БѢлинскій отъ 14-го марта, прибавляя шуточно-бранный эпитетъ, — смѣшивать мизерную особу И. П. К.—ва съ благородною особою Петра Бульдогова? И какъ ты въ величавомъ образѣ сего часто-упоминаемаго Петра Бульдогова могъ не узнать друга твоего Виссаріона БѢлинскаго, вѣчно-неистоваго, всегда съ пѣною у рта и поднятымъ вверхъ кулакомъ (для выраженія сильныхъ ощущеній, волнующихъ сего достойнаго человѣка)?.. О Б! Б! ты обидѣлъ меня, ей-Богу обидѣлъ!.. (Онъ не сердился бы, еслибы Боткинъ разобрали самую лучшую его статью, —) но *типъ*, сей первый и робкій опытъ юнаго таланта на совершенно новомъ для него поприщѣ... опытъ, столь удачный, столь блестящій — о Б! Б! гдѣ-жъ дружба, гдѣ любовь? Мрачное мщеніе, выходи изъ утробы моей, выставляя змѣиные жала свои ²⁾... Нѣтъ, Б., не шутя, я спо-

¹⁾ „От. Зап.“ 1842, кн. 3, смѣсь, стр. 39—45; Сочин. VI, стр. 485—496.

²⁾ Фраза изъ какого-нибудь романтическаго романа.

собенъ ко многимъ родамъ сочиненій, когда вдохновляетъ меня злоба. Идея *Педанта* мгновенно блеснула у меня въ головѣ еще въ Москвѣ, въ домѣ М. С. Щепкина, когда К—ръ прочелъ тамъ вслухъ статью Ш. Еще не зная, какъ и что отвѣчу я—я, по впечатлѣнію, произведенному на меня доносомъ Ш., тотчасъ же понялъ, что напишу что-то хорошее... Въ Питерѣ, эта штука прошла незамѣченной, „Москвитянина“ у насъ никто не читаетъ, Ш. извѣстенъ какъ мистъ... А статейка была не дурна, да цензурный комитетъ выкинулъ все объ Италиі и стихи Полевого—злую пародію на стихи Ш.

Статья, которая произвела такое впечатлѣніе на Бѣлинскаго, была, конечно, статья Шевырева: «Взглядъ на современное направление русской литературы (сторона черная)», въ 1-й кн. «Москвитянина», 1842. Шевыревъ, изображая «черную сторону» литературы, хотѣлъ нарисовать самыми темными красками—портреты тогдашнихъ петербургскихъ журналистовъ и въ одномъ онъ явно желалъ изобразить Бѣлинскаго (стр. XXVIII—XXX). Портреты были нарисованы очень неумѣло, путано и вяло, но ненависть автора къ оригиналамъ была очевидна ¹⁾.

Вѣроятно, къ тому же письму принадлежатъ разрозненные листы, гдѣ рѣчь идетъ о литературныхъ новостяхъ того же времени:

„Статьею о Майковѣ я самъ доволенъ ²⁾,—пишетъ Бѣлинскій,—хоть она и никому здѣсь особенно не нравится, а доволенъ ею потому, что въ ней сказано (и притомъ очень просто) все, что надо, и въ томъ именно тонѣ, въ какомъ надо было сказать. Статья о Миросшевѣ ³⁾ не подгуляла бы, еслибъ цензура не вырѣзала изъ нея смысла, и не оставила одной галиматии. Послѣ статьи о Петрѣ Великомъ ни одна еще статья моя не была такъ позорно опельмована, какъ статья о Миросшевѣ.

Ему очень нравятся стихотворенія Огарева: «Характеръ», «Была пора», «Кабакъ» (последнее, вромѣ конца), и первая половина повѣсти г-жи Ганъ, писавшей подъ псевдонимомъ Зенеиды Р—вой, «Напрасный Даръ» (—«убійственно хороша»), которая была тогда напечатана въ «Отеч. Запискахъ» (кн. 3), какъ посмертный трудъ этой писательницы; но нѣсколько позднѣе, когда впечатлѣнія выяснились, Бѣлинскій говорилъ объ этой повѣсти уже съ большими оговорками. Затѣмъ надежды быть опять въ Москвѣ:

¹⁾ Подробный разборъ этой статьи читатель найдетъ въ „Соврем.“ 1856, кн. 2, стр. 83—92, гдѣ вообще вѣрно и остроумно охарактеризована тогдашняя журнальная роль Шевырева.

²⁾ „От. Зап.“ 1842, № 3, Критика; Сочин. VI, стр. 102 и слѣд.

³⁾ „От. Зап.“, тамъ же; Сочин. VI, стр. 134 и слѣд.

„Лѣтомъ я опять въ Москвѣ, во что бы то ни стало, и притомъ не меньше какъ отъ одного до двухъ мѣсяцевъ. Зимняя поѣздка меня переродила—я поздоровѣлъ и помолодѣлъ. Вообрази себѣ, что теперь я силю по твоему: въ какое бы время ночи ни легъ—сію же минуту какъ убитый. О моемъ духовномъ здоровіи и состояніи писать къ тебѣ нечего: объ этомъ ты вѣдай по себѣ. Мучительный зензухъ¹⁾ ощущаю къ жизни беззаботной, пустой, праздной, бражнической. Дома быть не могу ни минуты—страшно, мучительно, холодно, словно въ гробу.

Наконецъ, свѣдѣніе объ его финансовыхъ дѣлахъ. Въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ этого года онъ забралъ въ редакціи журнала 3,500 руб. ассигнаціями:

„Увы! страшно подумать—3,500 р.! Гдѣ-жъ они?—спросишь ты:

...Все исчезло безъ слѣдовъ

Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ:

Едва блеснуть, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ—

Куда они? зачѣмъ? откуда?—Кто ихъ спросить...“

Стихи любимаго поэта нашли примѣненіе и въ этомъ при-
скорбномъ обстоятельстве.

Черезъ нѣсколько дней, 17-го марта, Бѣлинскій снова пишетъ къ своему другу. Уже въ прежнемъ письмѣ онъ замѣчаетъ въ себѣ отвращеніе къ перу вслѣдствіе нескончаемой работы, и отказывается писать длинныя письма. Дѣйствительно, письма становятся короче (конечно, съ исключеніями). Но была и другая причина, почему онъ пишетъ теперь меньше: убѣжденія его установлялись окончательно, основные пункты ихъ не возбуждали сомнѣній и недоумѣній какъ прежде, не встрѣчали противорѣчій. Старый другъ, видимо, проходилъ ту же школу—подъ общимъ вліяніемъ и Бѣлинскаго и московскихъ друзей, Грановскаго и потомъ Г., по его переселеніи въ Москву изъ Новгорода, а также подъ вліяніемъ собственныхъ размышленій, чтенія и опыта. Боткинъ не былъ такимъ рьянымъ прозелитомъ «идеи общества», какъ Бѣлинскій: его литературные интересы и работы по прежнему обращены всего больше къ вопросамъ эстетики,—но разногласія между ними, относительно этой «идеи», во всякомъ случаѣ не было, и Боткинъ, владѣвшій иностранными языками, гораздо болѣе начитанный, даже помогалъ Бѣлинскому идти въ этомъ направленіи, сообщая ему фактическія указанія изъ исторіи и литературы.

Письмо 17-го марта не похоже на длинные трактаты, какіе

¹⁾ Sehnsucht—одинъ изъ терминовъ ихъ прежняго романтическаго языка.

Бѣлинскій посылалъ прежде своему другу; это—сборъ отрывковъ о разныхъ предметахъ, о которыхъ ему хотѣлось помѣняться мнѣніями съ другимъ. — Рѣчь заходитъ сначала о Лермонтовѣ.

„Стих. Лерм. „Договоръ“ ¹⁾ — чудо какъ хорошо, и ты правъ, говоря, что это—глубочайшее стихотвореніе, до пониманія котораго не всякій дойдетъ; но не такова ли же и большая часть стихотвореній Лермонтова? Лерм. далеко уступить Пушкину въ художественности и виртуозности, въ стихѣ музыкальномъ и упруго-гибкомъ; во всемъ этомъ онъ уступить даже Майкову (въ его антолог. стих.); но содержаніе, добытое со дна глубочайшей и могущественной натуры, исполинскій взмахъ, демонскій полетъ — съ *небомъ гордая вражда* — все это заставляетъ думать, что мы лишились въ Лерм. поэта, который, по содержанію, шагнулъ бы дальше Пушкина. Надо удивляться дѣтскимъ произведеніямъ Лермонтова—его драмѣ, „Боярину Оршѣ“, и т. п. (не говорю уже о „Демонѣ“): это не „Русланъ и Людмила“, тутъ нѣтъ ни легкокрылаго похмѣлья, ни сладкаго бездѣлья, ни лѣни золотой, ни вина и шалостей амура: нѣтъ, это—сатанинская улыбка на жизнь, искривляющая младенческія еще уста, это „съ небомъ гордая вражда“, это—презрѣніе рока и предчувствіе его неизбѣжности. Все это дѣтски, но страшно-сильно и *взманисто*. Львиная натура! Страшный и могучій духъ! Знаешь ли, съ чего мнѣ вздумалось разглагольствовать о Лермонтовѣ? Я только вчера кончилъ переписывать его „Демона“, съ двухъ списковъ, съ большими разницами ²⁾, — и еще болѣе вникъ въ это дѣтское, незрѣлое и колоссальное созданіе. Трудно найти въ немъ и четыре стиха сразу, которыхъ нельзя было бы окритиковать за неточность въ словахъ и выраженіяхъ, за натянутость въ образахъ; съ этой стороны „Демонъ“ долженъ уступить даже „Эддѣ“ Баратынскаго; но—Боже мой!—что же передъ нимъ всѣ антологическія стихотворенія Майкова, или и самого Анакреона, да еще въ подлинникъ? Да, Боткинъ, глупъ я былъ съ моею художественностію, изъ-за которой не понималъ, что такое содержаніе. Но объ этомъ никогда довольно не наговорился“ ³⁾...

¹⁾ Оно было помѣщено въ той же 3-й книгѣ „От. Зап.“.

²⁾ „Демонъ“ извѣстенъ теперь въ четырехъ или пяти редакціяхъ.

³⁾ „Договоръ“ напечатанъ былъ въ „От. Зап.“, кн. 3, въ томъ текстѣ, который повторенъ и послѣднимъ изданіемъ Лермонтова (т. I, стр. 128). Но Бѣлинскій далье замѣчаетъ, что пѣса напечатана въ журналѣ не вполне, и приводитъ ея „конецъ“. Это—извѣстные стихи изъ посланія гр. Ростопчиной:

Такъ двѣ волны несутся дружно
Случайной, вольной четой и пр.

Точно такъ, какъ въ Соч. Лерм., I, стр. 118 (съ однимъ варіантомъ: вмѣсто—*ихъ разгонитъ* гдѣ нибудь, у Бѣлинскаго вѣрнѣе: „разрознитъ“).

Бѣлинскій, конечно, былъ введенъ въ заблужденіе какимъ-нибудь спискомъ, сѣпшавшимъ эти два стихотворенія, — но въ концѣ однако замѣчаетъ: „сравненіе какъ будто натянутое (оно и дѣйствительно не совсѣмъ идетъ къ „Договору“); но въ немъ есть что-то лермонтовское“.

Далѣе, замѣчанія объ его собственномъ настроеніи, нравственномъ и физическомъ:

„Со мной сдѣлалась новая болѣзнь — не шутя. *Поэтъ груди*, но такъ сладко, такъ сладострастно... Словно волны пламени то нахлынутъ на сердце, то отхлынуть внутрь груди; но эти волны такъ влажны, такъ освѣжительны... Ощущеніе это давно мнѣ знакомо, но никогда оно не бывало у меня такъ глубоко, такъ *чувственно*, такъ похоже на болѣзнь. Особенно овладѣло оно мною, пока я писалъ „Демона“. Странный я человѣкъ: иное по мнѣ скользнетъ, а иное такъ зацѣпится, что я имъ только и живу: „Демонъ“ сдѣлался фактомъ моей жизни, я твержу его другимъ, твержу себѣ, въ немъ для меня міры истинъ, чувствъ, красоть“...

Затѣмъ, въ первый разъ является новая тема, которая съ начала этого года больше и больше овладѣваетъ его мыслями:

„А знаешь ли чтó?—пишетъ онъ.—Да что и говорить—знаешь... Отъ того-то я такъ и люблю говорить съ тобою, что не успѣешь сказать перваго слова, какъ ты ужъ выговариваешь второе...“

„Знаешь ли, когда пора человѣку жениться?—Когда онъ дѣлается неспособнымъ влюбляться, перестаетъ видѣть въ женщинѣ „ее“, а видитъ въ ней просто (имя рекъ),“ и т. д.

Т.-е. когда кончается юношескій романтизмъ. Такая пора, по его словамъ, наступала и для него...

На послѣднія письма Бѣлинскаго Боткинъ отвѣчалъ длиннымъ посланіемъ отъ 22-го марта, извлеченіе изъ котораго приводимъ ниже. Оно даетъ очень любопытный образчикъ тогдашнихъ мнѣній Боткина и бесѣдъ его съ Бѣлинскимъ. Сквозь спობъ выраженія, еще по старому полный философскими терминами, виденъ его новый образъ мыслей, далеко не похожій на режній консервативно-романтический идеализмъ, и указывающій а знакомство съ юнымъ гегеліанствомъ. Боткинъ былъ усерднымъ читателемъ *Deutsche Jahrbücher*, составлявшихъ органъ этой гегеліанской партіи... Окончаніе той сердечной исторіи, которая къ долго занимала обоихъ друзей и была порожденіемъ прежняго романтизма, имѣло свою долю участія въ этомъ измѣненіи взглядовъ откина. Намекая на прежнее, онъ говоритъ о своей теперешней жизни: «—она есть ничто другое, какъ отрицаніе мистики и романтики, къ которымъ особенно была склонна моя натура, но въ торыхъ я совершенно потонулъ въ продолженіи отношеній мо-къ къ N. N. ¹⁾ Все, на чемъ лежитъ печать мистики... и романтики, пробуждаетъ во мнѣ теперь враждебное чувство»... За-мъ начинается длинное разсужденіе, вызванное приведенными

¹⁾ Имя особы, къ которой онъ питалъ романтическое чувство.

выше словами Бѣлинскаго о стихотвореніи Лермонтова «Договоръ». Боткинъ говоритъ о поэзіи Пушкина и Лермонтова, и по этому поводу о современном направленіи европейской литературы и цѣлаго европейскаго развитія:

...„Я зналъ, что тебѣ понравится „Договоръ“, — пишетъ Боткинъ. Въ меня онъ особенно вошелъ, потому что въ этомъ стихотвореніи жизнь разоблачена отъ патріархальности, мистики и авторитетовъ. Страшная глубина субъективнаго я, свергшаго съ себя всѣ субстанціальныя веряги. По моему мнѣнію, Лермонтовъ нигдѣ такъ не выражался весь, во всей своей духовной личности, какъ въ этомъ „Договорѣ“. Какое хладнокровное, спокойное презрѣніе всяческой патріархальности, авторитетныхъ, *привычныхъ* условий, обратившихся въ рутину. Титаническія силы были въ душѣ этого человѣка! Мнѣ сейчасъ представилось то, въ чемъ состоитъ его разительное отличіе отъ Пушкина. Попробую какъ-нибудь намекнуть объ этомъ различіи, хотя чувствую, что сознаніе его во мнѣ самомъ еще не ясно. Пушкинъ всегда пребывалъ въ субстанціальныя сферы. Паеосъ его состоитъ, главное, въ разрѣшеніи (Auflösung) опирающейся на самой себѣ и на произволѣ своемъ субъективности—въ томъ, что мы прежде называли субстанціальными силами. Общій колоритъ его—внутренняя красота человѣка и лелѣющая душу гуманность. Герои его предстоятъ намъ сначала отвлеченными, напряженными — впоследствии трагическая коллизія совершенно перерождаетъ ихъ, разоблачая ихъ отъ напряженности и отвлеченности, наполняя ихъ эгоистическій умъ, „выпѣвшій въ дѣйствіи пустомъ“—общечеловѣческимъ содержаніемъ, дѣлая изъ героев—просто людей, но людей, которые сосредоточиваютъ въ себѣ всѣ наши сердечныя симпатіи: такъ что внимательное чтеніе Пушкина можетъ быть превосходнымъ воспитаніемъ въ себѣ *человѣка*, болѣе нежели чтеніе Гёте. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ глубже Шиллера схватываетъ жизнь. Шиллеръ лишь въ идеальномъ отраженіи схватывалъ ее; отвлекалъ своихъ героев отъ ежедневности, сосредоточивая ихъ въ праздничныхъ ихъ минутахъ. Шиллеръ не любитъ жизни такъ, какъ она есть—съ ея грязью и солнцемъ.... Пушкинъ для того, чтобы разрѣшить трагическія явленія жизни, не улетучиваетъ ихъ въ идеальный міръ, не отвлекаетъ отъ дѣйствительной жизни въ міръ духовности, не ласкаетъ сліяніемъ душъ въ небесныхъ сферахъ, у него страданіе не спекулируетъ на награду: онъ всегда *здѣсь*, всегда на почвѣ простой, общечеловѣческой ежедневности—всегда съ разительнымъ, глубочайшимъ чувствомъ дѣйствительности. Онѣгинъ—сначала отчасти неопредѣленный, туманный и напряженный образъ—постепенно воплощается въ личность *человѣка*... Одна лишь ограниченность и незнаніе могли называть Пушкина подражателемъ Байрона. Въ двухъ поэтовъ, болѣе противоположныхъ въ своемъ паеосѣ. Но о семъ слѣдуетъ объясниться обстоятельно.

„Въ настоящее время начинается въ Европѣ новая эпоха. Міръ среднихъ вѣковъ,—міръ непосредственности, патріархальности, туманной мистики, авторитетовъ, вѣрованій, вступаетъ въ борьбу съ

мыслию, анализомъ... и вступаетъ въ борьбу не въ одинокихъ, разбросанныхъ явленіяхъ,—что было и въ средніе вѣка,—а цѣлыми массами... Во Франціи совершилось отрицаніе средн. вѣк. въ сферѣ общественности; въ Байронѣ явилось оно въ поэзіи,—и теперь является въ сферѣ религіи, въ лицѣ Штрауса, Фейербаха и Бруно Бауэра... Духъ новаго времени вступилъ въ рѣшительную борьбу съ догмами и организмомъ средн. вѣк... Новые люди съ новыми идеями о бракѣ, религіи, государствѣ,—фундаментальныхъ основахъ чело-вѣческаго общества,—прибываютъ съ кажды́хъ днемъ: новый духъ, какъ кротъ, невидимо бѣгаетъ подъ землею—и копаешь ее—чуждый рудокопъ. Das alte stürzt,—es ändert sich die Zeit,—und neues Leben steigt aus den Ruinen.

„Байронъ (мнѣ бы слѣдовало говорить прежде о Руссо—но этакъ писанью моему и конца не будетъ—главное дѣло въ томъ, что Байронъ насквозь пропитанъ сочиненіями Руссо), Байронъ первый явилъ юзтически отрицаніе общественнаго устройства, выработаннаго средними вѣками (ты уже понимаешь, что разумѣю я подъ средн. вѣк.)—или, говоря не вполне мою мысль выражающими словами—отрицаніе стараго времени. Весь существенный паеосъ его состоитъ въ томъ. Субъективное я, столь долгое время скованное веригами патріархальности, всяческихъ авторитетовъ и феодальной общественности—впервые вырвалось на свободу, упоенное ощущеніемъ ея, оторосило отъ себя свои вериги и возстало на давнихъ враговъ своихъ... Паеосъ Пушкина—чисто внутренній; онъ углубленъ въ представленіе явленій внутренняго міра. Сфера историческая, общественная, не его сфера... Онъ чело-вѣкъ преданія и авторитета. Здѣсь, лаго пришлось къ слову, не могу умолчать, что какъ я высоко ни тавлю Онѣгина, и какъ мнѣ истинною и глубокомысленно-дѣйствительною ни кажется развязка его,—все однакожъ не могу я приприться съ положеніемъ Татьяны, добровольно осуждающей себя а проституцію съ своимъ старымъ генераломъ. Конечно, всякое удожественное созданіе есть отдѣльный міръ, входя въ который мы бязуемся жить его законами, дышать его воздухомъ, но какъ тутъ ыть, когда мы застигнуты другими понятіями и принципами, когда о, что прежде считалось нравственнымъ, высокою жертвою, добестію—кажется теперь безнравственнымъ прекрасоудіемъ, слаостію. Поэтическія созданія, являющіяся на такихъ всемірно-историческихъ рубежахъ враждующихъ міросозерцаній, становятся сами въ трагическое положеніе.

„Лермонтовъ весь проникнутъ духомъ Байрона. Какъ геній Байона воспитался подъ влияніемъ Руссо,—такъ Лермонтовъ подъ пніаніемъ Байрона... Внутренній, существенный паеосъ его есть отрианіе всяческой патріархальности, авторитета, преданія, существующихъ общественныхъ условий и связей. Онъ самъ, можетъ, еще не знавалъ этого—да и пора дѣйствительнаго творчества еще не нагупала для него. Дѣло въ томъ, что главное орудіе всякаго анализа и отрицанія есть мысль,—и посмотри, какое у Лермонтова поюдное присутствіе твердой, опредѣленной, рѣзкой мысли—во всемъ, го ни писалъ онъ; замѣть—мысли, а не чувства и созерцаній. Не гсюда ли происходитъ то, что онъ далеко уступаетъ, какъ ты за-

мѣчаешь, Пушкину— „въ художественности, виртуозности, въ стихѣ музыкальномъ и упруго-мягкомъ“. Въ каждомъ стихотвореніи Лермонтова замѣтно, что онъ не обращаетъ большого вниманія на то, чтобы мысль его была высказана изящно—его занимаетъ одна мысль—и отъ этого у него часто такая стальная, острая прозаичность выраженія. Да, пафосъ его, какъ ты совершенно справедливо говоришь, есть „съ небомъ гордая вражда“. Другими словами, отрицаніе духа и міросозерцанія, выработаннаго средними вѣками, или, еще другими словами—пребывающаго общественнаго устройства. Духъ анализа, сомнѣнія и отрицанія, составляющій теперь характеръ современнаго движенія—есть не что иное, какъ тотъ діавольскій образъ—образъ, въ которомъ религиозное чувство воплотило различныхъ враговъ своей непосредственности. Не правда ли, что особенно важно, что фантазія Лермонтова съ любовію лепѣла этотъ „могучій образъ“; для него—

Какъ царь нѣмой и гордый опъ сіялъ
Такой волшебной-сладкой красотою,
Что было страшно...“

Боткинъ продолжаетъ письмо 23-го марта:

„Перечитавъ написанное, вижу, что я болѣе запуталъ, нежели уяснилъ то, что думалъ сказать,—такъ что хочется разорвать. Впрочемъ, и по сбивчивымъ намекамъ ты, можетъ быть, догадаешься о томъ, что думалъ я сказать: это же самое послужитъ тебѣ фактомъ моего настоящаго взгляда кой на что. О такихъ предметахъ не возможно говорить мало...“

Слѣдуетъ еще длинное разсужденіе о значеніи религіи; но мы не будемъ продолжать выписки—читатель, вѣроятно, составитъ и по приведенному понятіе о направленіи мнѣній Боткина. Замѣтимъ только, что въ дальнѣйшемъ изложеніи очень видно знакомство Боткина съ теологами молодого гегеліянства, представившими «теологію» какъ «антропологію»¹⁾.

Передъ этимъ Бѣлинскій имѣлъ еще письмо отъ Боткина, не находящееся въ нашемъ матеріалѣ. Въ первомъ письмѣ Боткина были извѣстія о впечатлѣніи, какое произвелъ въ Москвѣ «Педантъ»: впечатлѣніе было сильное, эта статья страшно раздражила партію «Москвитянина». Второе письмо, о Пушкинѣ, Байронѣ и проч., доставило Бѣлинскому величайшее удовольствіе:

¹⁾ Замѣтимъ къ этому, что въ одной изъ своихъ статей о германской литературѣ, изданныхъ имъ для „Отеч. Записокъ“, Боткинъ, разбирая одну ученую нѣмецкую книгу, интересовавшую его своимъ содержаніемъ, выражаетъ сожалѣніе, что языкъ автора теменъ, тяжелъ и многословенъ, и прибавляетъ: „Когда-то нѣмецкая наука ставитъ обращать вниманіе на литературную сторону своихъ сочиненій, чему уже такой яркій примѣръ подали ей Бруно-Бауэръ, Фейербахъ и другіе!“ („Отеч. Зап.“ 1843, кн. 2, иностр. литер., стр. 50). Такимъ образомъ, эти писатели были ему хорошо извѣстны.

„Вотъ и отъ тебя, любезный Боткинъ, уже другое письмо, — пишетъ онъ, отъ 31-го марта, — да еще какое толстое, жирное и сочное, — и теперь все смакую, граціозно и гармонически прищолкивая языкомъ, какъ ты во время своихъ потребительныхъ священнодѣйствій ¹⁾. Вотъ тебѣ сперва отвѣтъ на первое посланіе. Спасибо тебѣ за вѣсти объ эффектѣ „Педанта“: отъ нихъ мнѣ нѣкоторое время стало жить легче. Чувствую теперь вполне и живо, что я рожденъ для печатныхъ битвъ, и что мое призваніе, жизнь, счастье, воздухъ, пища — *полемика*... ²⁾. Я не совсѣмъ впопадъ понялъ твой кутежъ, ибо хотѣлъ состояніе твоего духа объяснить своимъ собственнымъ... Настоящимъ своимъ кутежемъ ты мстишь мистикѣ и романтикѣ, за то, что эти господа... заставляли (тебя) становиться на ходули, и наслаждаешься желанною свободой. Сущность и поэтическая сторона того, что ты называешь своимъ развратомъ, есть наслажденіе свободой, праздникъ и торжество сверженія татарскаго ига мистическихъ и романтическихъ убѣжденій... Мнѣ во всемъ другой путь въ жизни, чѣмъ тебѣ и всякому другому...

Но Боткинъ, освободившись отъ романтики, сталъ сомнѣваться и въ жизни: за это время онъ «хладнокровно сознавалъ», что жизнь не дастъ ему того, что предчувствовала высшая сторона его натуры. Его слова привели БѢлинскаго въ раздумье: — неужели же жизнь и въ самомъ дѣлѣ ловушка? Неужели она до того противорѣчитъ себѣ, что даетъ требованія, которыхъ выполнить не можетъ? Самъ онъ, однако, все еще надѣялся: «право, и въ страшномъ положеніи; несчастливъ въ настоящемъ, но съ надеждою на будущее, — съ надеждою, съ которою увидѣлся послѣ колгой разлуки». Затѣмъ онъ опять вспоминаетъ о прошломъ:

„....„Волны духовнаго міра“ — вещь хорошая; безъ нихъ человекъ — животное. Но все-таки (согласенъ съ тобою) нельзя вспомнить безъ орькаго смѣха, какъ мы изъ грусти дѣлали какое-то занятіе, и вели протоколы нашимъ ощущеніямъ и ощущеніямъ. Впрочемъ, намъ не потому опротивѣло надоѣдать ими другимъ, чтобы мы перестали жить ими и полагать въ нихъ высшую жизнь, а потому, что поняли ихъ, и они для насъ — не загадка дальше. Боже мой! сколько, бывало, толковъ о *любви*! А почему? — эта вещь была загадкою; теперь

¹⁾ Должно замѣтить, что Боткинъ былъ издавна и до конца жизни великій гастрономъ, большой знатокъ произведеній кулинарныхъ, а также — чаю. БѢлинскій чень остроумно и вѣрно говоритъ объ его „потребительныхъ священнодѣйствіяхъ“.

²⁾ Во второмъ письмѣ Боткина (23-го марта) также есть извѣстія объ эффектѣ „Педанта“. Въ Москвѣ говорили, что лица, задѣтые въ „Педантъ“ и опасавшіяся слѣющихъ „типовъ“ (БѢлинскій намѣревался изобразить еще „Литератора-Циника“), обратились жаловаться министру народнаго просвѣщенія (тогда начальнику цензур), и даже московскому генералъ-губернатору, кн. Д. В. Голицыну. Боткинъ, съ своей стороны, считалъ очень возможнымъ, что будутъ говорить министру о духѣ, направленіи и пр. „Отеч. Записокъ“, и что за этимъ послѣдуютъ соотвѣтственные мѣры.

она для насъ разгадана, — и я скорѣе буду спорить до слезъ объ овѣрахъ и леве, чѣмъ о любви“...

Въ первомъ изъ писемъ, на которыя здѣсь отвѣчаетъ Бѣлинскій, — Боткинъ писалъ ему что-то о Гоголѣ; къ этимъ извѣстіямъ Боткина относятся слѣдующія строки письма Бѣлинскаго, любопытныя по взгляду на Гоголя.

„*Неуваженіе къ Державину* ¹⁾“, — пишетъ Бѣлинскій, — возмутило мою душу чувствомъ болѣзненнаго отвращенія къ Г. (Гоголю): ты правъ, — въ этомъ кружкѣ онъ какъ разъ слѣбается органомъ „Москвитянина“. „Римъ“ — много хорошаго; но есть фразы, а взглядъ на Парижъ возмутительно гнусенъ“.

Дальше увидимъ, что личныя отношенія съ Гоголемъ начинаютъ производить непріятное впечатлѣніе на Бѣлинскаго, вслѣдствіе той натянутой роли, въ какую Гоголь становится съ этою времени особенно.

Бѣлинскому очень нравится рецензія на книгу о философіи пастора Зедергольма, писанная Боткинымъ. — На второе письмо Боткина, приведенное нами выше, Бѣлинскій собирается обстоятельно отвѣчать... Этотъ отвѣтъ находится въ письмѣ отъ 4-го апрѣля.

„Письмо твое о Пушкинѣ и Лермонтовѣ уладило меня, — пишетъ Бѣлинскій. — Мало чего читывалъ я умнѣе. Выказано плохо, но я понималъ, что хотѣлъ ты сказать. Совершенно согласенъ съ тобою. Особенно поразили меня страхъ и боязнь Пушкина къ демону: „печальны были наши встрѣчи“: именно отсюда и здѣсь его разница съ Лермонтовымъ. О Татьянѣ тоже согласенъ: съ тѣхъ поръ, какъ она хочетъ вѣкъ быть вѣрно своему генералу... — ея прекрасный образъ затемняется. Глубоко вѣрно твое замѣчаніе: „поэтическія созданія, являющіяся на такихъ всемірно-историческихъ рубежахъ враждующихъ міросозерцаній — становятся сами въ трагическое положеніе“. Это очень идетъ къ Овѣгину.

„О Лермонтовѣ согласенъ съ тобою до послѣдней йоты, о Пушкинѣ еще надо потолковать. Мнѣ кажется, ты приписываешь натурѣ Пушкина многое, что должно приписывать его развитію. Онъ не былъ исключительно субъективенъ, какъ Гёте: доказательство — его рѣшительная наклонность и способность къ драмѣ, которая такъ не давалась Гёте, и къ которой не былъ расположенъ Байронъ (ибо лирическая драма — другое дѣло — „Фаустъ“ и „Манфредъ“). Отторгло Пушкина отъ исторической почвы его развитіе. Наши гении всему учились понемножку. Страшно подумать о Гоголѣ: вѣдь во всемъ, что онъ написалъ — одна натура — какъ въ животномъ. Невѣжество абсолютное. Что онъ напуталъ ²⁾ о Парижѣ-то!

¹⁾ Повидимому, Гоголь сказалъ подобныя слова по поводу Бѣлинскаго.

²⁾ Въ подлинникѣ болѣе рѣзкое выраженіе.

„Но о Пушкинѣ послѣ, когда-нибудь“...

Короткое письмо отъ 8-го апрѣля заключаетъ въ себѣ извѣщеніе о смерти А. Я. К—ой, женщины, которая внушала Бѣлинскому самое искреннее уваженіе. Смерть ея, неожиданная и тяжкая, поразила Бѣлинскаго, и черезъ нѣсколько дней, отъ 13-го апрѣля, онъ подробно пишетъ Боткину объ этомъ событіи. Эта смерть вызвала въ Бѣлинскомъ самое теплое участіе къ близкимъ г-жи К—ой, и опять пробудила рядъ безотрадныхъ мыслей, низвергавшихъ всѣ его надежды на жизнь, всѣ пламенные его стремленія, оскорблявшихъ его привязанности—страшнымъ представленіемъ смерти. Смерть Станкевича еще разъ вспомнилась ему. Нѣсколько выдержекъ дадутъ понятіе объ его настроеніи:

„...Боже мой! Неужели мнѣ суждена роль какого-то, могильщика! Я окруженъ гробами ¹⁾—запахъ тлѣнія и ладона преслѣдуетъ меня и день и ночь! Я понимаю теперь и египетское обожествленіе идеи смерти, и стоицизмъ древнихъ, и аскетизмъ первыхъ вѣковъ христіанства. Жизнь не стоитъ труда жить—желанія, страсти, скорбь и радость—лучше бы, еслибъ ихъ не было. Великъ Брама ²⁾... онъ порождаетъ, онъ и пожираетъ... Леденѣетъ отъ ужаса бѣдный человѣкъ при видѣ его!.. Лучшее, что есть въ жизни—это *ниръ во время чумы и терроръ* ³⁾, ибо въ нихъ есть упоеніе, и самое отчаяніе; сама скорбь похожа на оргію, гдѣ гробъ и обезглавленный трупъ—не болѣе какъ орнаменты торжественной залы.

„Погибающая собака возбуждаетъ въ насъ жалость—мухи гибнуть тысячами на нашихъ глазахъ—и мы не жалѣемъ ихъ, ибо привыкли думать, что случайно рождаются и случайно исчезаютъ. А развѣ рожденіе и гибель человѣка не случайность? Развѣ жизнь наша не на волосѣхъ ежечасно и не зависитъ отъ пустяковъ? Зачѣмъ же о потерѣ милаго человѣка мы скорбимъ такъ, какъ будто міръ долженъ былъ перевернуться на оси своей, чтобъ лишить насъ его?... (Развѣ судьба не безжалостна—) какъ эта мертвая и безсознательно разумная природа, которая матерински хранитъ роды и виды, по своимъ политико-экономическимъ расчетамъ, а съ индивидуумами поступаетъ хуже, чѣмъ злая мачиха? Люди, въ глазахъ природы, тоже, что скотъ въ глазахъ сельскаго хозяина: хладнокровно рѣшаетъ она: этого на племя пустить, а этого зарѣзать...

„И однакожъ, мысль, что ужъ нѣтъ, былъ человѣкъ—и нѣтъ его, и уже не будетъ, что бездна раздѣляетъ трупъ отъ живыхъ—ужас-

¹⁾ Передъ тѣмъ, на пути въ Москву, въ Новгорождѣ, гдѣ онъ видался съ Г., ему пришлось быть свидѣтелемъ похоронъ ребенка; въ Москвѣ—свидѣтелемъ похоронъ Щепкиной.

²⁾ Такъ онъ называетъ судьбу.

³⁾ Конечно, здѣсь это принимается въ фантастическомъ смыслѣ, такъ видно изъ послѣдующихъ словъ.

ная, сокрушительная мысль. Время-цѣлитель сдѣлаетъ свое, волны жизни на болотѣ ежедневности изгладятъ изъ памяти милый образъ—человѣкъ снова полюбитъ: это утѣшеніе, но утѣшеніе ужасное. Что же такое личность послѣ этого, если не сосудъ съ драгоценною жидкостью: ароматъ вылился—и сосудъ бросаютъ за окно!

Я странный человѣкъ, Б.; смерть Станкевича поразила меня сухо, мертво, но еслибы ты зналъ, какъ это сухое страданіе тяжело! Я какъ будто потерялъ въ немъ не друга, не близкаго къ себѣ человѣка; но скорѣе *необыкновеннаго* человѣка. Можетъ быть, это дѣло долговременной разлуки, а можетъ и потому, что Станкевича я не могъ считать своимъ другомъ, ибо неравенство не допустило возможности этого ни съ его, ни съ моей стороны: онъ слишкомъ сознавалъ свое превосходство, а я слишкомъ самолюбивъ, чтобъ исчезнуть въ человѣкѣ, при которомъ я хоть сколько-нибудь несвободенъ. Какъ бы то ни было—его смерть поразила меня *особеннымъ образомъ* и—повѣришь ли? — *точно также* поразила меня смерть Пушкина и Лермонтова. Я считаю ихъ *моими* потерями, и внутри меня не умолкаетъ дисгармоническій, сухо-мучительный звукъ, по которому я не могу не знать, что это *моя* потеря, послѣ которыхъ жизнь много утратила для меня. Мягче подѣйствовала на меня смерть Л. Б—ой, но *подѣйствовала*...

Затѣмъ, къ апрѣлю относится письмо, отъ котораго намъ извѣстно только окончаніе, дописанное 20-го апрѣля. Это было очень длинное письмо: «Усталъ — едва пишу, а все хочется—кажется, исписалъ бы десять. Ну, да Богъ дастъ—увидимся, переговоримъ обо всемъ», говорится въ началѣ этого отрывка: написана была цѣлая «тетрадь». Изъ того, что уцѣлѣло, видно, что рѣчь шла о новыхъ историческихъ интересахъ, которыми Бѣлинскій былъ въ это время занятъ: это была французская исторія конца прошлаго вѣка. Бѣлинскій, съ обыкновеннымъ увлеченіемъ, читалъ какого-то историка этихъ событій и дѣлился съ Боткинымъ свѣжими впечатлѣніями.

Въ томъ же письмѣ остался намекъ на упомянутыя отношенія его съ Гоголемъ. Бѣлинскій никогда не измѣнилъ своего высokaго понятія о значеніи Гоголя для русской литературы и общественности, но личность Гоголя начинаетъ уже теперь возбуждать въ немъ недоумѣніе и даже непріязненное чувство. Онъ видитъ, что въ Гоголѣ «одна натура»; теоретическія мнѣнія Гоголя уже теперь производятъ въ немъ настоящее негодованіе; онъ опасается, что изъ Гоголя легко можетъ выйти дѣлатель во вкусѣ «Москвитянина». Къ этому присоединилось неискреннее отношеніе къ нему самого Гоголя. Какъ упоминалось прежде, Бѣлинскій въ высшей степени интересовался Гоголемъ; но послѣ перваго легкаго знакомства (вскорѣ по пріѣздѣ Бѣлинскаго въ Петербургъ), они снова встрѣтились, кажется, только около

1841 — 1842 г., у друга Гоголя, Прокоповича, но близкихъ между ними отношеній не завязалось. Гоголь уже проникался въ это время своимъ мистическимъ высокомеріемъ и вмѣстѣ — большой опасливостью съ людьми не ближайшаго его круга, опасливостью, имѣвшей, кажется, въ виду сберечь отъ всякихъ шероховатыхъ прикосновеній его щекотливое самолюбіе, и съ другой стороны — удалить возможность отношеній, невыгодныхъ по его расчетамъ... Повидимому, это послѣднее заставило его отдаляться отъ Бѣлинскаго. Гоголь не могъ не цѣнить въ немъ критика, который — какъ ему, безъ сомнѣнія, было понятно — первый ясно указалъ его значеніе, всегда горячо защищалъ его (и вскорѣ долженъ былъ вновь явиться восторженнымъ партизаномъ «Мертвыхъ Душъ»), но въ то же время, Гоголь опасался сближенія съ писателемъ, къ которому весьма недружелюбно относились его высокопоставленные друзья изъ пушкинскаго круга (кажется, кромѣ Плетнева, — на это время) или друзья изъ «Москвитянина» и изъ славянофильства. Какъ Пушкинъ имѣлъ нѣкоторое малодушіе скрывать отъ «наблюдателей» свое вниманіе къ Бѣлинскому, такъ еще большее малодушіе показалъ въ этомъ случаѣ Гоголь. Онъ желалъ видаться съ Бѣлинскимъ, но только подъ секретомъ... ¹⁾ Это неискреннее отношеніе, какъ сейчасъ увидимъ, подѣйствовало на Бѣлинскаго отталкивающимъ образомъ.

„Я къ Гоголю послалъ письмо, которое думалъ доставить черезъ тебя, но, полагая, что эта тетрадь не будетъ отослана ²⁾, послалъ сегодня по почтѣ. Прилагаю черновое: изъ него ты увидишь, что я повернулъ круто — оно и лучше: къ чорту ложныя отношенія — знай нашихъ — и люби, уважай; а не любишь, не уважаешь — не знай совѣтъ. Постарайся черезъ Щ — а узнать объ эффектѣ письма“...

Къ сожалѣнію, въ нашемъ матеріалѣ нѣтъ ни черновой, ни отвѣта Гоголя; но очевидно, что Бѣлинскій рѣзко указывалъ на «ложныя отношенія».

Далѣе Бѣлинскій сообщаетъ своему другу рядъ новостей. К — въ писалъ изъ Берлина — онъ явно принадлежитъ къ берлинской философской школѣ (т.-е. школѣ Шеллинга, начавшаго читать въ Берлинѣ съ конца 1841 года), которая, по словамъ его, глубже всего, что только есть на свѣтѣ, — «бѣдный Гегель!» замѣчаетъ Бѣлинскій. Самому Бѣлинскому открывалась перспектива

¹⁾ См. воспоминанія о Гоголѣ, г. Анненкова, и также Воспом. о Бѣл., Панаева, въ *Соврем.* 1860, кн. I, стр. 364.

²⁾ Онъ думалъ послать ее „съ okazji“. Замѣтимъ, что въ то время друзья вообще прибѣгали къ этому первобытному способу сообщеній, — что, конечно, имѣло свои достаточныя основанія.

отправиться весной слѣдующаго года за границу, мѣсяца на четыре или на полгода (его приглашалъ съ собой, на свой счетъ, одинъ богатый человѣкъ); — но этотъ планъ вскорѣ разстроился, и Бѣлинскій самъ отказался отъ поѣздки, которая было очень его взманила. Подъ тайной онъ сообщаетъ Боткину, что одинъ изъ его знакомыхъ берется печатать его книгу — исторію русской литературы съ христоматіей, — которая была давно имъ задумана: изданіе должно было доставить ему значительную сумму, какъ онъ думалъ, — но и это предпріятіе не состоялось... Затѣмъ упоминаетъ о пьесѣ гр. Соллогуба въ 5-й книгѣ «Отеч. Записокъ» («Ямщикъ, или шалость гусарскаго офицера», драматическая картина въ одномъ дѣйствіи): пьеса очень не нравится Бѣлинскому: — «въ ней только одно лицо хорошо — ярыги-помѣщика, который — утверждаетъ (авторъ) — потому скотина, что сынъ разбогатѣвшаго взятками подъячаго, а не столбового дворянина»... Бѣлинскій интересуется, какъ напишетъ Фроловъ біографію Станкевича, о чемъ писалъ ему Боткинъ; по его мнѣнію, эту біографію «невозможно написать», — но онъ обѣщалъ собрать и прислать письма Станкевича... ¹⁾).

Личное настроеніе его опять мрачно: «въ общемъ для меня есть еще надежды, и страсти, и жизнь; для себя — ничего. Скучно холодно, пусто; на какое-либо личное счастье — никакой надежды. Горе! горе! Жизнь разоблачена».

За апрѣльскими письмами слѣдуетъ перерывъ въ перепискѣ до ноября. Здѣсь опять вѣроятно недостаетъ писемъ, но отчасти перерывъ объясняется пріѣздомъ Боткина въ Петербургъ лѣтомъ 1842. Если не ошибаемся, на этотъ разъ Боткинъ прожилъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, и еще прежде знакомый съ петербургскимъ кружкомъ Бѣлинскаго, теперь вошелъ въ него окончательно, какъ свой человѣкъ. — Лѣто Боткинъ жилъ въ Павловскѣ, гдѣ жили также и нѣкоторые изъ новыхъ пріятелей; Бѣлинскій оставался, кажется, въ городѣ ²⁾).

¹⁾ Фроловъ, какъ извѣстно, не написалъ біографіи; впоследствии она была написана г. Анненковымъ, у котораго были въ рукахъ и письма Станкевича къ Бѣлинскому, хотя повидимому не всѣ.

²⁾ Отъ этого времени остались два отрывка писемъ, которыми Бѣлинскій писалъ съ своимъ пріятелемъ.

„Сейчасъ унылъ я „Оршею“, — пишетъ Бѣлинскій („Бояринъ Орша“ напечатанъ былъ тогда въ 7-й кн. „Отеч. Зап.“). Есть мѣста убійственно хорошія, а мѣстъ дѣлаго — страшное, дикое наслажденіе. Мочи нѣтъ, я пьянъ и неистовъ. Такіе стихи охмѣляютъ лучше всѣхъ винъ“.

Ему очень нравится стихотвореніе „Петръ Великій“ въ той же книгѣ, подписанное буквами Л. П.: — „читаю и перечитываю ихъ (стихи) съ наслажденіемъ — есть въ

Боткинъ пробылъ въ Петербургѣ (или прїѣзжалъ еще разъ) до ноября. Отъ 7-го ноября Бѣлинскій пишетъ ему, досадуя, что ихъ разставанье произошло неудачно (Бѣлинскій прїѣхалъ въ контору дилижансовъ, когда дилижансъ уже отправился).

Письмо отъ 23-го ноября начинается словами:

На дняхъ Кр. получилъ изъ Воронежа чьи-то стихи „На смерть А. В. Кольцова“... Что это и какъ это, Богъ знаетъ.

„Чувствую, что послѣ этихъ строкъ тебѣ не захочется читать далѣе... Мое впечатлѣніе отъ стиховъ неполно—должно быть, нужно подтвержденіе, или должно быть что-нибудь другое—не знаю“...

Въ такой формѣ получено было ими первое извѣстіе о смерти Кольцова. Подтвержденіе вскорѣ явилось.

Въ біографіи, написанной Бѣлинскимъ, читатель найдетъ рассказъ о послѣднихъ годахъ жизни Кольцова, составленный на основаніи его писемъ ¹⁾. Двое друзей, которые упоминаются здѣсь и съ которыми Кольцовъ переписывался (стр. 115), были разумѣется Бѣлинскій и Боткинъ. Мы слишкомъ отвлеклись бы отъ предмета, если бы стали передавать всѣ рассказы Кольцова объ его жизни дома, по возвращеніи изъ послѣдней поѣздки въ Москву и Петербургъ. Но въ виду недоумѣній, какія возбуждало описаніе этихъ лѣтъ у Бѣлинскаго ²⁾, должно замѣтить, что рассказъ Бѣлинскаго, съ точностью заимствованный изъ писемъ

нихъ что-то энергическое, восторженное и гражданское, есть много смѣлаго, какъ, напр., 16 куплетъ“...

Смѣлый куплетъ былъ слѣдующій:

Таковъ былъ умъ его глубокій.
Но что чудеснѣй: умъ въ Петрѣ,
Иль гражданина духъ высокій
Въ самовластительномъ царѣ?

Далѣе, Бѣлинскому крайне не нравятся въ той же книгѣ стихотворенія: „Преданіе“ изъ Гёте, и „глухо кастратское“ стихотвореніе „Нетерпѣніе“. — Отъ этого опять возвращается къ „Петру Великому“:—„а вѣдь, несмотря на нѣсколько простодушное униженіе Наполеона передъ Петромъ и возвышеніе нашей борьбы съ первымъ, стихи-то „Петръ Великій“ право хороши. Спросите Кр—го, гдѣ онъ ихъ взялъ? Уже это не (Тургеневъ-ли) г. ли Л. Т., что написалъ „Завѣщаніе“ и „Разбойничью пѣсню“?

Имя Тургенева, поставленное нами въ скобкахъ, въ письмѣ написано и зачеркнуто. Г. Тургеневъ около того времени въ первый разъ явился въ „Отеч. Зап.“ съ стихотвореніями, подъ буквами Т. Л.

¹⁾ См. стр. 113—117, Сочин. т. XII.

²⁾ См. напр. «Воронежскую Бесѣду», Сиб. 1861, ст. де-Пуле, стр. 401 и слѣд.

Кольцова за это время ¹⁾, далеко однако не истощаетъ всѣхъ подробностей безотраднaго существованія, какое довелось Кольцову вести въ своей семьѣ, и которое безъ всякаго сомнѣнiя было главнѣйшей причиной его преждевременной смерти. Домашнее преслѣдованіе мелкое и постоянное встрѣтило Кольцова при первомъ появленіи домой въ началѣ 1841 года; его не смягчала даже отчаянная болѣзнь Кольцова; сцена, рассказанная Бѣлинскимъ по письмамъ Кольцова (стр. 115), даетъ образчикъ среды, въ которой онъ долженъ былъ жить, больной и безпомощный...

Друзья, въ особенности Бѣлинскій, настаивали, чтобъ Кольцовъ бросилъ Воронежъ и ѣхалъ въ Петербургъ; Бѣлинскій приглашалъ его жить къ себѣ... Кольцова глубоко трогало это заботливое участіе; въ письмахъ его опять повторяются выраженія безграничной привязанности къ Бѣлинскому, и также Боткину, который съ неменьшимъ сочувствіемъ готовъ былъ о немъ заботиться... Эти друзья оставались для Кольцова всегда свѣтлымъ воспоминаніемъ и нравственной опорой; но приглашенія Бѣлинскаго не привели ни къ чему—тяжкая болѣзнь нѣсколько разъ возвращалась къ Кольцову; нѣсколько разъ онъ былъ на краю гроба; по всей вѣроятности такимъ же образомъ шелъ у него и 1842-й годъ, послѣ того, какъ онъ написалъ Бѣлинскому свое послѣднее письмо, 27-го февраля.

Бѣлинскій также нѣсколько разъ писалъ къ нему—и письма его всегда бывали для Кольцова великимъ удовольствіемъ. Въ началѣ 1842 года, когда отъ Кольцова долго не было извѣстій, редакторъ «Отечественныхъ Записокъ» дѣлалъ справки въ Воронежъ черезъ одного изъ своихъ знакомыхъ ²⁾. Въ письмѣ 27-го февраля Кольцовъ писалъ, что начинаетъ чувствовать себя лучше. Бѣлинскій еще разъ зоветъ его въ Петербургъ.

¹⁾ Съ марта 1841 г., намъ извѣстно восемь писемъ Кольцова: 1-го и 25-го марта, 2-го июля, 23-го октября, 18-го декабря, и одно письмо безъ означенія мѣсяца, вѣроятно апрѣля или мая 1841 г., къ Бѣлинскому и Боткину вмѣстѣ; затѣмъ, 1-го января 1842 г. къ Боткину, и послѣднее, отъ 27-го февраля, къ Бѣлинскому.—Переписка не была частая; но каждый разъ Кольцовъ писалъ письма очень длинныя и обстоятельныя.

²⁾ Кольцовъ упоминаетъ объ этомъ въ письмѣ 27-го февраля. Кр—му онъ не писалъ и объясняетъ это тѣмъ—что затѣмъ онъ будетъ (у Кр—го) «отбивать время собой»; а знакомый его ничего написать не можетъ: «Ч—въ хоть мнѣ и знакомъ, но онъ моихъ домашнихъ дѣлъ не знаетъ, какъ и всѣ чужіе. Къ чему я буду о нихъ рассказывать? Помогутъ ли мнѣ они? Вамъ о нихъ говорю—это другое дѣло. Это объяснять, почему и мѣстный біографъ (авторъ статьи въ «Воронежской Бесѣдѣ») не могъ получить ясныхъ свѣдѣній о домашней жизни Кольцова.

„О Кольцовѣ нечего и толковать,—пишетъ ВѢлинскій къ Боткину отъ 31-го марта 1842 г.—Я писалъ къ нему, чтобы онъ все бросалъ и, *спасая душу*, ѣхалъ въ Питеръ. Я бы не сталъ его приглашать къ себѣ изъ вѣжливости или такъ—такими вещами я теперь не шучу. Богаты не будемъ, сыты будемъ. За счастье почту дѣлиться съ нимъ всѣмъ... Пиши къ нему, и заклинай ѣхать, ѣхать и ѣхать“...

Но эти приглашенія остались безъ отвѣта. 19-го октября 1842 г. Кольцовъ умеръ; ВѢлинскій узналъ объ этомъ только въ концѣ ноября изъ стихотворенія «На смерть Кольцова», при- сланнаго какимъ-то мѣстнымъ стихотворцемъ...

Первое впечатлѣніе было то же, какое уже испытывалъ ВѢлинскій, теряя самыхъ дорогихъ людей,—сухое чувство горя, которое въ первое время не находитъ себѣ выраженія и ложится на душу камнемъ. Въ первомъ письмѣ онъ не сказалъ Боткину больше того, что было выше приведено. Во второй разъ онъ пишетъ о Кольцовѣ отъ 9-го декабря, отвѣчая своему другу: Боткина событіе привело очевидно, кромѣ горя, и въ крайнее негодованіе противъ семьи, роль которой въ судьбѣ Кольцова была ему извѣстна. ВѢлинскій пишетъ:

„Смерть Кольцова тебя поразила. Что дѣлать? На меня такіа вещи иначе дѣйствуютъ: я похожъ на солдата въ разгарѣ битвы—палъ другъ и братъ—ничего—съ Богомъ—дѣло обыкновенное. Оттого-то, вѣрно, потеря сильнѣе дѣйствуетъ на меня тогда, какъ я привыкну къ ней, нежели въ первую минуту. Объ отцѣ Кольцова думать нечего: такой случай могъ бы вооружить перо энергическимъ, громоноснымъ негодованіемъ гдѣ-нибудь, а не у насъ. Да и чѣмъ виновать этотъ отецъ, что онъ—мужикъ? И что онъ сдѣлалъ особеннаго? Воля твоя, а я не могу питать враждебности противъ волка, медвѣдя, а бѣшеной собаки, хотя бы кто изъ нихъ растерзалъ чудо генія или чудо красоты, такъ же, какъ не могу питать враждебности къ паровозу, раздавившему на пути своемъ человѣка. Поэтому-то Христосъ, видно, и молился за палачей своихъ, говоря: не вѣдаютъ бо, что творять. Я не могу молиться ни за волковъ, ни за медвѣдей, ни за бѣшенныхъ собакъ, ни за русскихъ купцовъ и мужиковъ, ни за русскихъ судей и квартальныхъ; но и не могу питать къ тому или другому изъ нихъ личной ненависти. И что напишешь объ отцѣ Кольцова и какъ напишешь? Во 1-хъ, и написать нельзя, во 2-хъ, и напиши—онъ вѣдь не прочтетъ, а если и прочтетъ—не пойметъ, а если и пойметъ—не убѣдится. Издать сочиненія Кольцова—другое дѣло; но какъ издать, на что издать, и проч. и проч. Совокупность всѣхъ такихъ вопросовъ парализуетъ мой духъ и производитъ во мнѣ апатію. Эта апатія, я начинаю догадываться, есть особенный родъ отчаянія.“

Не знаемъ, нужно ли разъяснять сопоставленіе, сдѣланное въ приведенныхъ строкахъ: у насъ много щепетильныхъ народо-

любцевъ, которымъ выраженія Бѣлинскаго могутъ показаться грубымъ неуваженіемъ къ «народу» и т. п. Смыслъ его словъ ясенъ, по ихъ примѣненію; но должно отмѣтить, какъ черту времени, что слово и понятіе «народъ» еще не имѣли тогда своего нынѣшняго употребленія, въ какомъ они становятся выраженіемъ цѣлаго направленія (и за которымъ часто желаетъ прятаться даже обскурантное лицемѣріе). Въ кругу Бѣлинскаго и его друзей (за нѣкоторыми исключеніями, о которыхъ упомянемъ) еще не выработалось этого отвлеченнаго представленія (хотя уже являлась его сущность), и напротивъ еще памятно было, изъ недавняго порядка идей, представленіе о народѣ, какъ неразвитой массѣ, чуждой образованія и враждебной ему. Съ ихъ старой точки зрѣнія, которая еще не во всѣхъ частностяхъ была смѣнена «соціальной идеей», и гдѣ на первомъ планѣ стояли интересы отвлеченной образованности, народъ легко могъ являться громадной, мало проницаемой, — а въ крѣпостныхъ формахъ и совсѣмъ непроницаемой, но инертной массой, неподвижность которой ставить трудно одолимое препятствіе для развитія общественности и образованія. Когда мысль о «народѣ» была выставлена въ извѣстномъ смыслѣ славянофилами, Бѣлинскій отвергъ ее — насколько она отождествляла съ «народомъ» и «преданіе» (съ которымъ, тогда и послѣ, часто отождествлялось равнодушіе или даже вражда къ образованности), и принялъ ее — насколько она представляла общественное начало — то, что называлъ онъ «соціальностью». Только въ этомъ послѣднемъ значеніи онъ отдавалъ, въ послѣдствіи, справедливость народолюбивому стремленію славянофильства — въ той степени, въ какой было въ немъ это значеніе; народность какъ «преданіе», какъ инерція, была ему антипатична, и теперь и послѣ, и говоря о Кольцовѣ, онъ высказалъ это своимъ рѣзкимъ способомъ выраженія...

Далѣе, онъ опять говорить о Кольцовѣ:

„Кр. получилъ еще стихи на смерть К., но увѣдомленія никакого — когда, какъ и пр. Все еще какъ-то ждется чуда, не воскреснетъ ли, не ошибка ли? Страдалецъ былъ этотъ человекъ — я теперь только понималъ его. Мнѣ смѣшно, горько смѣшно вспомнить, какъ презывалъ я его въ Питерѣ, какъ спорилъ противъ его возраженій. К. зналъ дѣйствительность. Торговля въ его глазахъ была синонимъ мошенничества и подлости. Онъ говорилъ, что хорошо быть такимъ купцомъ какъ ты, но не такимъ, какъ (другіе)... Одна мысль о начатіи новаго поприща униженія, пролазничества, плутства, приводила его въ ужасъ, — она-то и усадила его... Чичиковъ дѣйствительно Ахиллъ русской Иліады... Диогенъ, увидя мальчика плывущаго воду изъ рѣки рукою, бросилъ свой стаканъ, какъ нечуждому

вещь: намъ нельзя этого дѣлать, намъ законъ: или хрустальный гра-
венный стаканъ, или смерть, или подлость... Что ни говори, а оно такъ”.

Около этого времени ВѢлинскій получилъ извѣстія о старин-
номъ философскомъ другѣ, жившемъ за-границей. Выше было
сказано, что еще задолго до отъѣзда они такъ разошлись, что
ихъ отношенія были не только холодны, но враждебны. По-
лученныя теперь извѣстія были однако такого рода, что ВѢ-
линскій, который было закалялся имѣть съ нимъ сношенія, возоб-
ювилъ ихъ въ самомъ дружескомъ смыслѣ. Дѣло объясняется пе-
ремѣной, которая произошла въ мнѣніяхъ философскаго друга.

Онъ жилъ эти годы въ Берлинѣ. Берлинъ и послѣ Гегеля
продолжалъ оставаться столицей нѣмецкой философіи. Между про-
чимъ Берлинъ давно привлекалъ своей ученой славой и особенно
воимъ философскимъ талисманомъ и русскую молодежь. Тамъ
числились многіе, посланные отъ правительства; туда отправлялись
молодые дилеттанты; въ Берлинѣ не переводилась русская ко-
онія молодыхъ ученыхъ и дилеттантовъ, особенно философовъ.
Въ концѣ тридцатыхъ годовъ здѣсь перебивали и подолгу жили
ногіе изъ ближайшаго круга друзей и знакомыхъ ВѢлинскаго:
танкевичъ, Невѣровъ, Грановскій, Фроловъ, М. Б., К—въ, Са-
инъ, г. Тургеневъ и пр.

По смерти Гегеля, многочисленная школа его учениковъ со-
раняла преданія учителя, но уже вскорѣ движеніе раздвоилось:
новыя положенія Гегеля развивались и истолковывались съ тѣми
необходимыми вариантами, къ которымъ естественно давали осно-
віе ихъ крайняя отвѣченность съ одной стороны, и съ дру-
ой—явные противорѣчія, которыя обнаруживались нерѣдко между
бщими основаніями гегелевой системы и ея практическими вы-
дами. Къ концу тридцатыхъ годовъ это разнообразіе истолко-
вій свелось къ двумъ главнымъ направленіямъ, и школа раздѣ-
лась на два противоположные и вскорѣ очень враждебные ла-
ря,—это было старое и молодое гегелианство (Alt- и Jung-Hege-
ler). Оба высоко ставили Гегеля; но одни видѣли въ его си-
емѣ чуть не конецъ и завершеніе человѣческаго знанія; другіе
только общія основанія и методъ, истинное приложеніе ко-
рыхъ еще впереди. Первые думали, что въ точности сохра-
ютъ истинный смыслъ гегелианства, держась умѣренныхъ, не-
редѣленныхъ и вообще примирительныхъ практическихъ выво-
въ учителя. Другіе, извлекая изъ гегелианства основанія для
лге смѣлой и рѣшительной критики философскаго и обществен-

наго содержанія, думали напротивъ, что только подобная критика и можетъ быть достойнымъ представительствомъ истинныхъ идей ихъ учителя. Мы называли *Hallische (Deutsche) Jahrbücher*, которыя стали органомъ этихъ молодыхъ гегеліянцевъ; это изданіе было знакомо и нашимъ друзьямъ, которые съ своей новой точки зрѣнія должны были находить въ немъ и въ самомъ дѣлѣ находили много сочувственнаго.

Въ концѣ 1841 года, въ Берлинѣ, гдѣ до тѣхъ поръ официально господствовало старое гегеліянство, произошло цѣлое событіе въ области философіи и ожидалась новая эпоха со вступленіемъ въ университетъ Шеллинга, нѣкогда друга и товарища, потомъ врага Гегеля и крайняго противника его системы. Приглашеніе Шеллинга (изъ Мюнхена) послѣдовало не безъ особенныхъ соображеній. Шеллингъ былъ вызванъ прусскимъ министерствомъ не просто какъ знаменитый философъ, который достоинъ могъ бы смѣнить знаменитаго философа, но именно какъ противникъ Гегеля. Дѣло въ томъ, что министерство начинало иначе смотрѣть на философію Гегеля, которая была нѣкогда настоящей государственной, официальной философіей Пруссіи, считалась наилучшей школой и системой мысленной для благонамѣреннаго гражданина и для чиновника, но теперь внушала большое недовѣріе вслѣдствіе того либеральнаго поворота, какой получала она въ толкованіяхъ лѣвой или молодой стороны гегеліянства. Вызывая Шеллинга на кафедру, въ Берлинѣ падѣялись, что онъ будетъ противодѣйствовать или даже остановить распространеніе гегеліянскаго радикализма и будетъ основателемъ христіанской философіи. Знаменитость философа обѣщала ему успѣхъ. Шеллингъ, который никогда не могъ дать законченнаго изложенія своихъ ученій, явился на этотъ разъ съ новой, «второй» философіей, (уже читанной имъ въ Мюнхенѣ, но не изданной): это была «философія откровенія». Шеллингъ не отдавалъ въ печать своей системы, но слушатели разнесли и даже напечатали содержаніе его лекцій; молодые гегеліянцы встрѣтили его философію враждебно, какъ отступленіе назадъ и реакцію. Это не помѣшало Шеллингу имѣть ревностныхъ послѣдователей съ другой стороны; его изложеніе, нѣрѣдко темное, но имѣвшее извѣстную фантастическую поэзію, производило впечатлѣніе. Выше упомянуто, что восторженнымъ его поклонникомъ сталъ К—въ.

Философское событіе, совершившееся въ Берлинѣ, было описано въ «Отеч. Запискахъ», въ которыхъ была напечатана первая лекція Шеллинга, и затѣмъ упомянуто было объ окончаніи его лекцій, причемъ редакція обѣщала читателямъ обстоя-

тельное изложеніе чтеній Шеллинга о философіи откровенія; это изложеніе ожидалось отъ одного ихъ корреспондента, посѣщавшаго лекціи въ теченіе всего семестра ¹⁾. Въ другихъ журналахъ также заговорили о Шеллингѣ. Но Боткинъ и (вѣроятно по его вѣдѣніямъ) БѢлинскій уже вскорѣ увидѣли, что новая философія Шеллинга вовсе не такова, чтобы они могли ей сочувствовать, и увлеченіе ею одного изъ ихъ берлинскихъ друзей не казалось имъ хорошимъ признакомъ. Нѣсколько позднѣе, Боткинъ высказался о тогдашнемъ положеніи нѣмецкой философіи и о роли, принятой Шеллингомъ, съ явнымъ сочувствіемъ къ лѣвому или молодому гегеліанству ²⁾.

Но когда одинъ изъ ихъ берлинскихъ пріятелей увлекался философіей откровенія, другой бывшій пріятель ихъ, нѣкогда философскій авторитетъ московскаго кружка,—напротивъ, сошелся лично съ молодыми гегеліанцами.

БѢлинскій получилъ извѣстіе объ этомъ въ концѣ 1842, и шлетъ (отъ 7-го ноября) къ одному изъ молодыхъ пріятелей:

„...До меня дошли хорошіе слухи о М., и я—написалъ къ нему письмо!! Не удивляйтесь—отъ меня все можетъ статься ³⁾... Дѣло ешь просто: съ нѣкотораго времени во мнѣ произошелъ сильный реворотъ: я давно уже отрѣшился отъ романтизма, мистицизма и ихъ „измовъ“; но это было только отрицаніе, и ничто новое не мѣняло разрушеннаго стараго, а я не могу жить безъ вѣрованій, религій и фанатическихъ, какъ рыба не можетъ жить безъ воды, рево роста безъ дождя. Вотъ причина, почему вы видѣли меня ошлаго года такимъ неопредѣленнымъ... Теперь я опять иной. И ранно: мы, я и М., искали Бога по разнымъ путямъ — и сошлись однимъ храмѣ. Я знаю, что онъ разошелся съ Вердеромъ, знаю, что онъ принадлежитъ къ лѣвой сторонѣ гегеліанизма, знакомъ съ ⁴⁾, и понимаетъ жалкаго, заживо умершаго романтика Шеллинга. Но во многомъ виноватъ и грѣшенъ; но въ немъ есть нѣчто, что рево ривизируетъ всѣ его недостатки—это вѣчно движущееся начало, живущее во глубинѣ его духа. Притомъ же, дорога, на которую онъ шелъ теперь, должна привести его ко всяческому возрожденію... Я меня, теперь, человѣкъ—ничто; убѣжденіе человѣка—все. Убѣжденіе одно можетъ теперь и раздѣлять и соединять меня съ людьми. Мнѣ стало легче жить... Если я страдаю, мое страданіе стало повышеннѣе и благороднѣе, ибо причины его уже внѣ меня, а не мнѣ. Въ душѣ моей есть то, безъ чего я не могу жить, есть ра, дающая мнѣ отвѣты на всѣ вопросы. Но это уже не вѣра, и

¹⁾ „Отеч. Зап.“ 1842, кн. 2, смѣсь, стр. 65—70; кн. 5, смѣсь, стр. 38—39.

²⁾ „Отеч. Зап.“ 1843, кн. 1, ст. „Германская Литература“, стр. 1—4.

³⁾ Лицо, которому писалъ БѢлинскій, знало о его прежнемъ, враждебномъ речѣ съ философскимъ другомъ.

⁴⁾ Вѣроятно, Руге.

не знаніе, а *религіозное знаніе* и *сознательная религія*. Но объ этомъ послѣ, когда увидимся...”

«Хорошіе слухи», дошедшіе до Бѣлинскаго, говорили вѣроятно о сближеніи философскаго друга съ лѣвой стороной тегерлинства и объ успѣхѣ, какой онъ имѣлъ въ этомъ кругу. Дѣло въ томъ, что онъ доставилъ одну свою работу въ «*Deutsche Jahrbücher*», которая и была тамъ напечатана, подъ французскимъ псевдонимомъ, и съ самымъ сочувственнымъ отзывомъ редакціи¹⁾ отдававшей всю справедливость теоретической силѣ и смѣлой и слѣдовательности автора, и обращающей на статью особенное вниманіе читателей... Этотъ поворотъ соотвѣтствовалъ собственной исторіи Бѣлинскаго, и потому вызвалъ въ немъ опять большую симпатію къ старому другу.

Въ новомъ, отвѣтномъ письмѣ къ тому же лицу, отъ 28-го ноября, Бѣлинскій возвращается къ предметамъ, о которыхъ говорилъ прежде. Упоминая опять о примиреніи съ философскимъ другомъ, онъ объясняетъ, какъ можно любить человѣка за понятія, и какую роль могутъ играть понятія:

«...Любить человѣка за понятія и можно, и не можно. Надо усвоиться въ значеніи слова „понятіе“. Если по вашему *понятію*, яблоко вкуснѣе грушъ, и городъ Торжокъ богаче города Ельца,—а за это не могу ни любить, ни ненавидѣть васъ. Вы поймете меня. Есть понятія религіозныя, отсутствіе ихъ въ человѣкѣ можетъ сдѣлать человѣка и презрѣннымъ, и ненавистнымъ. Есть понятія, для которыхъ—и жизнь, и счастье жизни—возможныя жертвы! Есть понятія, которыя смущаютъ покой ночной, отравляютъ пищу, которая по волѣ и кипятятъ, и прокладываютъ кровь. Читали ли вы когда Ветхій Завѣтъ?... Знаете ли вы, что такое *ревность по Господу, страдающая человека*? Что человѣкъ безъ Бога?—Трупъ холодный. Его жизнь въ Богѣ, въ немъ онъ и умираетъ, и воскресаетъ, и страдаетъ, и блаженствуетъ. А что такое Богъ, если не понятіе человѣка о Богѣ?... М. одержалъ надо мною побѣду, которой можетъ порадоваться... Я нисколько не раскаяваюсь и не жалѣю о моихъ размолокѣхъ съ М.: все это было необходимо и быть иначе не могло. Гадки и пошлы ссоры личныя, но борьба за „понятія“—дѣло святое, и горе тому, кто не боролся!»

Это были собственные ощущенія Бѣлинскаго, которыя читатель видитъ во всей его біографіи.

Возвращаемся къ перепискѣ съ Боткинымъ. Въ томъ письмѣ

¹⁾ Deutsche Jahrb. für Wissenschaft und Kunst, 1842, въ октябрьскихъ номерахъ, статья „Die Reaction in Deutschland. Ein Fragment von einem Franzosen“ (стр. 985—1002), съ подписью Jules Elyard. Псевдонимъ намъ указываетъ оди́нъ современникомъ и „очевидцемъ“ литературныхъ и философскихъ событій той эпохи.

23-го ноября, гдѣ БѢлинскій въ первый разъ извѣщалъ его о смерти Кольцова, онъ сообщаетъ ему потомъ свои личныя и литературныя новости. Онъ въ отчаяніи, что дѣла связываютъ его и вѣроятно не позволяютъ ему отправиться въ деревню къ стариннымъ друзьямъ Б—мъ, которые его звали. «А какъ ѣхать? — работы бездна, времени мало, лѣнь и отвращеніе къ занятію непобѣдимы, денегъ нѣтъ, долговъ пропасть».

„Ты поторопился ѣхать въ пятницу утромъ, вмѣсто субботы вечеромъ, чтобъ не мѣшать мнѣ работать,—и ошибся въ расчетѣ: я вообразилъ, что ты не ѣхалъ, и ничего не дѣлалъ ни въ пятницу, ни въ субботу, а потомъ съ недѣлю посвятилъ на грусть по разлуцѣ съ тобою: у меня сердце нѣжное и къ дружбѣ склонное... Но Кр. не таковъ—.....: говорить, дружба — вздоръ и лѣнь, а надо работать, и я сказалъ себѣ, какъ Кинъ въ глупой трагедіи Дюма: ступай, бѣдная, водовозная лошадь!“

Онъ сообщаетъ, что Гоголь во-время прислалъ «Сцену послѣ представленія комедіи»,—отъ которой БѢлинскій въ восхищеніи: «удивительная вещь — умѣе я ничего не читывалъ по-русски». Во-время конечно потому, что тогда была въ полномъ разгарѣ полемика между защитниками и противниками Гоголя, вновь поднятая появленіемъ «Мертвыхъ Душъ». БѢлинскій въ крайнемъ негодованіи противъ Полеваго, который въ 6 и 7 кн. «Русскаго Вѣстника» разбранилъ на чемъ свѣтъ стоитъ «Мертвыя Души», и «изъ статьи вышелъ доносъ почище Сенковского».

Наконецъ, замѣчаніе объ одной статьѣ Боткина: «Говорятъ, твоя статья крѣпко нравится художникамъ. «Вотъ какъ надо писать» — говорятъ они». Здѣсь разумѣется статья Боткина о выставкѣ въ Академіи Художествъ, въ 11-й книгѣ «Отеч. Записокъ» 1842.

Въ письмѣ отъ 9-го декабря, откуда выше приведенъ отрывокъ о смерти Кольцова, опять идетъ рядъ литературныхъ извѣстій.

Около этого времени начинается періодъ его самой ожесточенной вражды къ славянофильству. Она смягчилась впоследствии, когда само славянофильство опредѣлилось больше и посторонилось отъ нѣкоторыхъ элементовъ, съ которыми вначалѣ было связано; но теперь эта вражда была безусловная. Въ тѣ годы, это была, впрочемъ, вражда собственно къ «Москвитанину». БѢлинскій издавна не любилъ писателей, бывшихъ основателями «Москвитанина»; но когда явился этотъ журналъ (съ 1841 года), ему приходилось имѣть дѣло уже не съ отдѣльными писателями странныхъ мнѣній, а съ органомъ партіи, въ которомъ собра-

лась цѣлая школа людей этихъ странныхъ мнѣній. При этомъ было названо и славянофильство; издатели «Москвитянина» не только были въ нему причисляемы, но на первое время были и самыми дѣятельными представителями всей предполагавшейся школы, — они занимали первое мѣсто въ журналѣ, имъ принадлежали такъ сказать руководящія статьи; а тѣ члены этого круга, какъ Хомяковъ, Кирѣевскіе, г. Самаринъ, К. Аксаковъ — которые впоследствии и были основателями подлиннаго, собственно такъ-называемаго славянофильства — также появлялись въ журналѣ, нисколько не оговаривая своей солидарности съ его тенденціями.

Говорить подробно о тенденціяхъ «Москвитянина» было бы здѣсь излишнимъ; довольно сказать, что это былъ одинъ изъ самыхъ близкихъ выразителей того, что мы назвали въ другомъ мѣстѣ официальной народностью. «Москвитянинъ» съ самаго начала выступилъ съ явной тенденціозностью въ этомъ смыслѣ, но общая тема украсилась собственными мыслями о «заразительныхъ недугѣхъ» и «опасномъ дыханіи» Запада, съ которыми мы дѣлимъ «трапезу», и т. п.; къ этому присоединились и бросавшіеся въ глаза литературные недостатки: литературное безвкусіе, критическія странности Шевырева, наконецъ, нападки на направленіе «Отеч. Записокъ», нападки, которыя высказывались иногда въ той неблагополучной формѣ, какую стали тогда обозначать названіемъ «юридическихъ бумагъ», и т. д.

Столеновенія съ «Москвитяниномъ» начались съ перваго года ¹⁾, и грубый вызовъ сдѣланъ былъ не «Отеч. Запискамъ» и не Бѣлинскимъ. За первымъ озлобленнымъ нападеніемъ послѣдовали другія, отчасти косвенныя, отчасти прямо мѣтившія на Бѣлинскаго, какъ напр. стихотвореніе «Безыменному Критику», знаменитыми въ свое время стихами:

Нѣтъ! твой подвигъ не похвалень!
Онъ Россіи не привѣтъ!
Карамзинъ тобой ужалень,
Домоносовъ — не поэтъ...

и такъ далѣе, въ подобномъ родѣ.

Бѣлинскій, въ это время особенно находившій жизнь и уволѣствіе въ полемикѣ, конечно не оставался въ долгу. Въ 1842 году онъ нѣсколько разъ обращался къ «Москвитянину» въ мелкихъ полемическихъ замѣткахъ и въ упомянутомъ прежде очеркѣ «Педантъ» ²⁾; и можно сказать положительно, что его

¹⁾ См. напр. „От. Зап.“ 1841, № 7; Сочин. V, стр. 389—396.

²⁾ Сочинен., т. VI.

раздражало не только содержаніе нападеній, иногда по истинѣ нелѣпное, но и уродливая форма, эстетическое безвкусіе, какъ въ названномъ стихотвореніи, какъ въ критическихъ статьяхъ Шевырева и т. д.

Ко времени основанія «Москвитянина» принадлежит и окончательный разрывъ БѢлинскаго съ К. Аксаковымъ. Нѣкогда они были очень близки, и теперь БѢлинскій безъ сомнѣнія отдавалъ всю справедливость благородному личному характеру Аксакова; но тотъ «вѣтскій элементъ», который очень вѣрно замѣтилъ въ немъ БѢлинскій еще въ пору своего крайняго консервативнаго идеализма, развиваясь съ теченіемъ времени, долженъ былъ раздѣлить ихъ. Новые взгляды самого БѢлинскаго еще увеличили разстояніе, и К. Аксаковъ съ своей стороны не могъ оставаться съ нимъ въ мирѣ. Аксаковъ еще сохранялъ въ теоріи гегеліанскія преданія, но симпатіи его ушли въ другую сторону; БѢлинскій не могъ остаться хладнокровнымъ въ его союзу съ кругомъ «Москвитянина»...

По переѣздѣ БѢлинскаго въ Петербургъ разногласіе обнаружилось; они помѣнялись письмами, которыя и были окончательнымъ разрывомъ ¹⁾. Лѣтомъ 1841 года БѢлинскій послалъ Аксакову письмо черезъ Боткина, который и самъ переставалъ сочувствовать взглядамъ Аксакова ²⁾. Въ слѣдующемъ году явилось и столкновеніе въ печати. К. Аксаковъ напечаталъ по поводу «Мертвыхъ Душъ» извѣстный восторженный панегирикъ, гдѣ приравнивалъ Гоголя къ Гомеру и Шекспиру, и самымъ серьезнымъ образомъ представлялъ «Мертвыя Души» какъ возрожденіе и продолженіе греческаго эпоса. Разборъ брошюры Аксакова въ «Отеч. Запискахъ» не могъ не указать ея странностей; со стороны Аксакова явилось раздражительное «объясненіе» въ «Москвитянинѣ» (кн. 9), на которое БѢлинскій отвѣчалъ не менѣе раздражительно ³⁾.

Боткинъ писалъ БѢлинскому во время этой полемики (отъ 17-го сентября 1842):... «Аксакова рецензія твоя взбѣсила, и онъ пишетъ отвѣтъ, который напечатается въ Москвитянинѣ». Бот-

¹⁾ Этихъ писемъ мы, къ сожалѣнію, не имѣли въ рукахъ; знаемъ только, что письма были рѣзкія съ обѣихъ сторонъ.

²⁾ Боткинъ пишетъ БѢлинскому отъ 18-го іюля 1841: „Прочелъ твое письмо къ Аксакову. Ну, ну! Вотъ до чего дошло! Но меня это нисколько не удивило. Въ А. лежала всегда возможность того, чѣмъ онъ теперь сталъ, и я благодарю свою натуру, которая никакъ не могла симпатизировать съ нимъ“ т.-е. съ его мнѣніями.

³⁾ Polemica съ Аксаковымъ, „От. Зап.“ 1842, кн. 8; Сочин. VI, 483 и д. „От. Зап.“ кн. 11; Сочин. VI, стр. 523—557.

винъ не ожидалъ, чтобы отвѣтъ былъ умный (потому, конечно, что изготовляемый въ раздраженіи, онъ хотѣлъ и защищать странныя преувеличенія), и съ своей стороны думалъ, что слѣдуетъ дать урокъ (онъ употребляетъ болѣе сильное выраженіе) «московскимъ философамъ, въ которыхъ выразилась вся темная, аспетическая, душная, сидячая, абстрактная сторона нѣмецкаго философствованія», которые схватили одно только внѣшнее движеніе категорій Гегеля, а не уловили его духа.

Но если Бѣлинскій изъ-за «понятій» враждебно разстался и съ прежнимъ близкимъ другомъ, то другіе члены тогдашняго славянофильства, представляемаго «Москвитяниномъ», внушали ему еще болѣе рѣшительную вражду, которая едва ли даже увеличивалась тѣмъ, ему извѣстнымъ, обстоятельствомъ, что нѣкоторые изъ нихъ ненавидѣли его какъ личнаго врага. Въ письмѣ отъ 9-го декабря онъ отвѣчаетъ Боткину, сообщавшему новость о славянофилахъ, т.-е. о кружкѣ «Москвитянина».

„Спасибо тебѣ за вѣсти о славянофилахъ и за стихи на Дмитріева ¹⁾ — не могу сказать, какъ то и другое порадовало меня. Если не ошибаюсь въ себѣ и въ своемъ чувствѣ,—ненависть этихъ господъ радуется меня—я смакую ее, какъ боги амброзію, какъ Боткинъ (мой другъ) всякую сладкую дрань; я былъ бы радъ ихъ мученію... Я буду постоянно бѣсить ихъ, выводить изъ терпѣнія, дразнить. Бой мелочной, но все же бой, война съ лягушками, но все же не миръ съ баранами“...

Выше упомянуто было, что съ новымъ направленіемъ понятій у Бѣлинскаго измѣнился взглядъ на французскую литературу въ частности измѣнилось совершенно его мнѣніе о Жоржъ-Зандъ. Теперь онъ не можетъ говорить безъ восторга объ этой писательницѣ, и романы ея одинъ за другимъ стали появляться въ «От. Зап.». Жоржъ-Зандъ, «это рѣшительно Іоанна д'Аркъ нашего времени,—говоритъ онъ съ его обыкновеннымъ увлеченіемъ въ одномъ письмѣ конца 1842 г.,—звѣзда спасенія и пророчица великаго будущаго». Въ письмѣ къ Боткину (9-го декабря) вѣщается слѣдующая восторженная тирада:

„Мельхіоръ ²⁾—божественное произведеніе. Ж. З. постигла таинство любви лучше всѣхъ нѣмцевъ... Ея любовь—не чувственная, хотя и изящная любовь италіянца, не восторженная, безконечная и чувствѣ и пустая въ содержаніи, романтическая любовь нѣмца, и бессознательно-непосредственная, хотя и глубокая любовь англичанина; ея любовь—дѣйствительность и полнота всякой любви. Малъ

¹⁾ Въ отвѣтъ на стихотвореніе „Безыменному Критику“.

²⁾ Эта небольшая повѣсть напечатана была въ „От. Зап.“ 1842, кн. 12.

хоръ потрясъ меня какъ отравленіе, какъ блескъ молніи, озарившей безконечное пространство — и я пролилъ слезы божественнаго восторга, священнаго безумія... Кстати: ты срѣзлся на Consuelo — это великое божественное произведеніе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ прочесть страницу отъ строки: *Tout-à-coup il sembla à Consuelo que le violon d'Albert parlait et qu'il disait par la bouche de Satan, и пр.*“

Далѣе, онъ восхищается драмой «Густавъ Адольфъ» (въ 12-й кн. «Библ. для Чтенія» 1842) и замѣчаетъ: «ты поймешь, что мнѣ понравилось». О своей статьѣ по поводу Баратынскаго, онъ говоритъ, что она «скомкана, свалена, а, кажется, чуть ли не изъ лучшихъ моихъ марацій». Его огорчаетъ паденіе на сценѣ «Женитьбы» Гоголя, вслѣдствіе плохого исполненія: «теперь враги Гоголя пируютъ». Объ «Игрокахъ» пишетъ, что они запрещены театальной цензурой, — «запрещены произвольно, безъ всякаго основанія». Упоминая о хлопотахъ редакціи «Москвитянина», чтобы оживить этотъ журналъ, Бѣлинскій замѣчаетъ, что объ этомъ «можно сказать одно: хватился монахъ, какъ ужъ смерть въ головахъ»...

Свое личное расположеніе духа онъ изображаетъ въ самомъ мрачномъ видѣ:

„Жить становится все тяжелѣе и тяжелѣе—не скажу, чтобы я боялся умереть съ тоски, а не шутя боюсь или сойти съ ума, или пататься, ничего не дѣлая, подобно тѣни, по знакомымъ. Стѣны моей квартиры мнѣ неаппетитны; возвращаясь въ нихъ, иду съ отчаяніемъ и отвращеніемъ въ душѣ, словно узникъ въ тюрьму, изъ которой ему позволено было выйти погулять. Это ты отъ меня уже слышалъ, но сколько бы я ни повторялъ тебѣ этого, никогда не буду въ силахъ выразить всей дѣйствительности этого страшнаго могольнаго ощущенія. Былъ грѣшокъ—любилъ я въ старину преувеличить иное ради поэзіи содержанія и выраженія; но теперь Богъ съ мною, со всякою поэзіею—немножко спокойствія, немножко веселости и предпочелъ бы чести сильно страдать. Теперь настала пора, когда недо поэзіи, когда страшно увѣряться въ прозаической дѣйствительности собственнаго страданія, а увѣряешься противъ воли“...

Онъ вспоминаетъ, какъ спокойно и весело жилось ему въ то время, когда у него гостилъ Боткинъ, когда, бывало, возвращаясь домой одинъ, онъ видѣлъ со двора привѣтныя огоньки въ своихъ окнахъ и находилъ Боткина «священнодѣйствующимъ» за чаемъ или за другимъ смакованьемъ. «Ты счастливѣе меня — съ тобою Г.», замѣчаетъ онъ.

Зимой этого года Бѣлинскому очень хотѣлось съѣздить въ деревню, къ Б—мъ; онъ ждалъ этой поѣздки съ величайшимъ нетерпѣніемъ, надѣясь найти у друзей отдыхъ и освѣженіе; но

поѣздка не удалась, и это приводило его въ отчаяніе. Онъ по прежнему работалъ, но работа, которая еще раньше начала утомлять его, теперь совершенно опостылѣла ему... Новыя письма къ Боткину, которыя находятся въ нашемъ матеріалѣ, начинаются съ февраля 1843 года. Они писаны все въ томъ же мрачномъ настроеніи.

Это настроеніе было понятно. «Дѣйствительность» раскрывалась для Бѣлинскаго вполнѣ, или во всякомъ случаѣ настолько, что никакія теоретическія примиренія были невозможны: картина этой дѣйствительности—не затуманенная теперь никакими иллюзіями—одна способна была смутить его искони идеалистическую натуру; то отчужденіе отъ общества и людей, которое давно жило въ немъ, какъ инстинктъ, теперь оправдывалось какъ принципъ, усиливалось всѣмъ опытомъ жизни,—тѣмъ болѣе, что саміе идеалы его складывались теперь въ чисто общественномъ смыслѣ и совсѣмъ въ иномъ направленіи, чѣмъ каково было направленіе данной дѣйствительности. Нравственная жизнь опять оказывалась возможною только въ тѣснѣйшемъ дружескомъ кругѣ. Въ литературѣ онъ высказаться не могъ—потому что для самой литературы были закрыты предметы, о которыхъ онъ хотѣлъ бы высказываться, не говоря о томъ, что внѣшнія рамки нашей литературы не дали бы мѣста тому энтузіазму, какой одушевлялъ Бѣлинскаго; всѣ попытки его—даже въ самой стѣсненной формѣ затронуть новые предметы, терпѣли цензурныя крушенія... Журнальная работа, особенно въ этихъ условіяхъ, стала тяготить его и, наконецъ, опротивѣла до послѣдней степени—тѣмъ болѣе еще, что и матеріально вознаграждалась, какъ вообще говорятъ, гораздо менѣе, чѣмъ было бы можно и должно... Очень естественно было, что среди этихъ нравственныхъ страданій онъ сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, испытываетъ мучительное чувство съ одной стороны—невозможности дѣйствовать въ литературѣ, съ другой—своего личнаго одиночества.

А. Пыпинъ.

ВЪ НИЗОВЬЯХЪ АМУ

Путевые очерки.

I.

Отъ Орска до Иргиза.—Слободка Новый-Ташкентъ.—Обработанныя земли.—Эксплуататоры.—Станція Токанъ.—Воспоминанія.—Киргизскія зимовки.—Насмѣшница.—Ночь.—Спящій аулъ.—Степное озеро.—Фортъ Кара-бутакъ.—Киргизскія пашни.—Рѣка Иргизъ.—Городъ Иргизъ.—Непонятный выборъ мѣста.—Базаръ-пустыня.—Преддверіе «кара-кумовъ».

Вчера, поздно ночью, мы переправились черезъ р. Уралъ и остановились на ночлегъ въ одной изъ гостинницъ Орска.

Значить, придерживаясь мнѣнія учебниковъ географіи, мы въ данную минуту находились въ Азіи. Европа и все европейское осталось за нами... Настоящее путешествіе начинается именно съ этой минуты. Разсчитывая съ завтрашняго же дня видѣть много интереснаго, я заранѣе вытащилъ на свѣтъ божій альбомъ и записныя тетради, карандаши и перья, и приготовился начать свои работы.

— Поѣдете «Новымъ-Ташкентомъ» — назадъ поглядывайте: — какъ-бы чего не сръзали...

— А что?

— Народъ ухарскій—тамошніе-то. По шерсти и кличка.

Такъ предостерегалъ насъ хозяинъ гостинницы въ Орскѣ, гдѣ мы провели ночь, осмотрѣвъ тщательно наши укладки, особенно тюки и чемоданы, привязанные сзади экипажей.

Мы знали, что хозяинъ человекъ опытный и мѣстные нравы знающій; а потому, не пренебрегая добрымъ совѣтомъ, пообъщали

ему «быть осторожнѣе и назадъ поглядывать», распростлились съ нимъ и тронулись.

Гремя гайками, покатылся нашъ тарантасъ по безлюднымъ улицамъ унылаго Орска. Звонъ колокольчика взбудоражилъ собакъ, встревожилъ верблюдовъ, лежавшихъ сплошными рядами на базарной площади, вызвалъ въ оконныхъ рамахъ нѣсколько заспанныхъ фізіономій и, нарушивъ утреннюю, раннюю тишину еще спавшаго города, принялся въ свою очередь будить заспавшихся обитателей «Новаго-Ташкента».

Года три тому назадъ, нѣсколько семействъ переселенцевъ изъ Сибири прибыло въ Орскъ, и имъ разрѣшено было поселиться въ его окрестностяхъ,—въ сторону къ степямъ. Черезъ годъ, къ этому поселку прибавилось еще десятка два домиковъ; въ прошедшемъ году, изъ Самарской губерніи еще прибыло до тридцати семействъ и тоже пристроились къ первымъ—и, такимъ образомъ, близъ самаго Орска, образовалось новое предмѣстье, названное почему-то «Новымъ-Ташкентомъ».

Судя по предостереженію хозяина гостинницы, переселенцы не пользовались хорошою репутаціей. Да и самый видъ этого предмѣстья не внушалъ особеннаго къ себѣ довѣрія.

Мрачные домики, кое-какъ срубленные изъ неотесанныхъ бревенъ, большею частью безъ крышъ, съ однимъ потолокомъ, покрытымъ на полъ-аршина землею, поросшимъ высокимъ бурьяномъ и лапушникомъ, смотреть на улицу крохотными, подслѣповатыми окошками—кое-гдѣ блеститъ стеклышко,—кое-гдѣ бѣлѣтъ бумага, чаще просто зияетъ черное отверстіе... Дворы не огорожены; кучи топлива и соломы, наваленныя въ безпорядкѣ, топція коровы и лошади—послѣднія въ очень умѣренномъ количествѣ—тряпье и лохмотья одежды, повѣшенныя на веревкахъ для просушки—все это вѣетъ отсутствіемъ довольства, полнымъ невниманіемъ, даже пренебреженіемъ къ хозяйству, какою-то крайне подозрительною безпечностью, чѣмъ-то такимъ, что невольно заставило насъ вспомнить напутствіе и внимательно поглядывать назадъ—«какъ бы чего такого»...

А вотъ и дощечка подъ дверью одного изъ домиковъ болѣе приличной наружности... Такъ и есть! «Ренсковый погребъ—распивочно и на выносъ»... Вотъ еще одна, напротивъ... Вонъ, за угломъ забора, на задворкѣ, еще... Тамъ, уже безъ затѣй, прямо на оконной ставнѣ мѣломъ написано что слѣдуетъ... Надъ какимъ-то шалашомъ безъ оконъ, съ углубленною лавейкою, вмѣсто двери, на шестѣ покачивается пустая бутылка—молчаливое приглашеніе... Наконецъ, совсѣмъ уже на выѣздѣ, на отлетѣ, яремъ

бѣлымъ пятномъ на зеленой лужайкѣ, словно снѣжная глыба сверкая на утреннемъ солнцѣ, виднѣется холщевая палатка; надъ нею развѣвается красный платокъ и виситъ полуштофъ на тонкой бичевкѣ... Внизу, изъ-подъ полы торчатъ чьи-то ноги безъ сапогъ; съ противоположной стороны торчатъ другія,—еще обутыя... У самой дороги, навзничъ, на всю степь храпитъ синяя, запла-танная чуйка,—пѣгая корова усердно облизывается своимъ шер-павымъ языкомъ,—гуси бродятъ по близости и видимо сторо-нятся...

— Этотъ кабакъ «Во-лузяхъ» прозывается — таперича онъ, вплоть до самаго Кара-бутака послѣдній — пояснилъ ямщикъ и какъ-то машинально началъ сдерживать тройку.

— Трогай, братецъ, трогай!...

Покосился на насъ ямщикъ не то съ недоумѣнiемъ, не то съ выраженiемъ обидной снисходительности къ намъ, не пони-мающимъ всей прелести минутной остановки «во-лузяхъ»... Од-нако—дѣлать нечего, вздохнулъ и выместилъ свою досаду взма-хомъ кнута по всѣмъ тремъ гнѣдымъ спинамъ, покрытымъ на-борною, ямскою сбруею...

Справа и слѣва тянулись полосами свѣжiя, черноземныя паш-ни; за ними, волнистою линiею, виднѣлись холмы, мало по-малу понижающiеся, становящiеся все отложе и отложе, словно распо-лающiеся по безконечному степному горизонту. Зелени мало было видно;—кругомъ, куда только ни достигалъ глазъ, всюду виднѣ-лась взрытая плугомъ земля. Верстъ двѣнадцать уже проѣхали мы, а все не прекращались пашни, все еще виднѣлись слѣды обработки—то прошлогодней, то нынѣшней,—свѣжей... Тамъ и сямъ торчали шалаши и палатки; кое-гдѣ видны были срублен-ныя бревенчатыя сторѣжки,—оставленные на полѣ плуги и бо-роны, телѣги и сбруя... По межамъ бродилъ рабочiй скотъ, пас-шiйся подъ наблюдениемъ черномазыхъ киргизовъ-работниковъ...

Года три тому назадъ я проѣзжалъ этою же дорогою; тогда пашни простирались не болѣе какъ за три-четыре версты отъ Орска. Меня удивила эта перемѣна... Откуда же взялись руки для обработки такого пространства земли.... откуда средства?!....

Законопились народъ рабочiй... Вонъ, вдали, виднѣнъ уже ра-ботающiй плугъ. Мы должны проѣхать мимо него... Вотъ по-ровнялись.

Полуголый киргизъ идетъ за плугомъ; другой—еще мальчикъ, тащить за веревку переднюю пару воловъ. Не вдалекѣ запра-гаютъ еще новый плугъ... Опять киргизы-работники!...

Вотъ тебѣ и «неисправимые кочевники», вотъ тебѣ и «народъ, готовый скорѣе предпочесть смерть, чѣмъ переходъ къ осѣдлости»¹⁾.

Отраднo смотрѣть на эту картину. Сердце радуется при одной мысли, что вотъ скоро вся степь превратится въ одно сплошное, обработанное поле... Зацвѣтетъ довольствомъ, домовитостью; исчезнетъ дикость и необузданность нравовъ, свойственныхъномадамъ... начнется... «Стопъ машина!... закрой клапанъ и удержи!»!...

Нѣсколько торговыхъ тузовъ-мавляковъ изъ Орска и окрестныхъ казачьихъ станицъ нашли себѣ просто очень выгодный способъ, не затрачивая большихъ капиталовъ, почти ничѣмъ не рискуя, нажить себѣ крупные барыши, эксплуатируя степную почву и ея наивныхъ обитателей.

Ходить за допотопнымъ плугомъ не велика важность... мурости особой тутъ нѣтъ никакой; не трудно приучить къ этому дѣлу киргиза, особенно если благодатная земля, даже кое-какъ, неумѣлыми руками изрытая, даетъ обильные урожаи. А тутъ бѣда стряслась надъ степью: зимняя безкормица, падежъ скота (джюгъ), хивинскій походъ, отвлекшій безвозвратно десятки тысячъ верблюдовъ и тысячи рукъ, неудачно приведенныя къ дѣлу новыя положенія о волостяхъ, написанныя въ далекихъ администраторскихъ кабинетахъ и сообщенныя къ свѣдѣнію и исполненію... Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятые, повели къ тому, что напѣлось немало охотниковъ, готовыхъ изъ-за одного только куса хлѣба навѣяться ходить не только за плугомъ, но, пожалуй, даже подъ ярмомъ, таская этотъ плугъ своими собственными силами.

Были слухи, что обнищавые киргизы нанимались за тридцать рублей въ годъ, на своемъ собственномъ содержаніи. Считая, что подобный наемщикъ тратитъ на одежду, обувь и пищу только десять копѣекъ въ сутки, и то ему не хватаетъ на годъ шесть рублей пятидесяти копѣекъ. А забирая впередъ за полгода и болѣе, несчастный номадъ отдается совершенно въ кабалу предприимчивому торгашу и становится не работникомъ его, а просто безответнымъ рабочимъ скотомъ своего нанимателя...

Кончаются, наконецъ, обработанныя поля; по степи волнуется сплошной ковыль, серебрится бѣлая кашка, пестрятъ голубые колокольчики и ярко красныя головки мака; пахнетъ полнѣйшимъ сѣномъ... Одинокое дерево виднѣется вдали, вправо отъ дороги — аулы — святое дерево, получившее святость за то, что, Богъ въсь

¹⁾ Выдержка изъ официального отчета одного, должно быть, весьма дальновиднаго степного администратора.

затѣмъ и почему, оно одно выросло здѣсь, посреди безграничной равнины.

Черезъ нѣсколько минутъ быстрой ѣзды по превосходной, гладкой, какъ скатерть, степной дорогѣ, мы подъѣхали къ станціи Токанъ и лихо подкатили къ тесовому крыльцу новаго станціоннаго дома.

Просторная, чистая и свѣтлая изба для пріѣзжающихъ, снабженная весьма приличною кожанною мебелью и даже стѣнными часами, чисто вымытый досчатый полъ, сверкающій надиво самоваръ и посуда, смотритель въ форменномъ скюртукѣ, услужливый и суетливый, торопливая суетня ямщиковъ на дворѣ и вокругъ экипажей... Русская рѣчь и русскія красныя рубахи... все это нисколько не удивило бы новичка, не ѣдившаго прежде по орско-казалинскому тракту, но я находился въ иныхъ условіяхъ; я былъ еще прежде хорошо знакомъ съ этою дорогою, и, признаюсь откровенно, съ изумленіемъ смотрѣлъ на все окружающее, не вѣря глазамъ, не вѣря, что все это я вижу на яву, а не какой-нибудь несбыточный сонъ разстроеннаго воображенія.

Для того, чтобы объяснить причину моего изумленія, я позволю себѣ отступить не задолго назадъ, года за три или нѣсколько болѣе, и нарисовать сжатую картину этого тракта въ его первоначальномъ видѣ.

Первый разъ я проѣзжалъ этою дорогою осенью 1867 года. Это былъ годъ реформъ вновь завоеваннаго туркестанскаго края.

Понадобились офицеры, чиновники, разный рабочій людъ, и понадобились въ громадномъ количествѣ. И вотъ все это скопилось въ Оренбургѣ и въ Орсеѣ, готовясь къ степному путешествію.

Всѣ гостинницы были переполнены народомъ; по почтовымъ дорогамъ тянулись почти непрерывные ряды экипажей. Большинство переѣзжающихъ были семейные,—и потому,—можно себѣ представить,—съ какими запасами путешествовали они, переселяясь въ край отдаленный, въ которомъ, по крайней мѣрѣ на первое время, трудно, почти невозможно, было найти что-нибудь, удовлетворяющее европейскому требованію комфорта.

Шутники говорили, что осень 1867 года была «великое переселеніе народовъ изъ виленскихъ канцелярій въ ташкентскія».

Вотъ въ это-то бойкое время пришлось и мнѣ, въ первый разъ, проѣхать орско-казалинскимъ почтовымъ трактомъ.

Едва только я выѣхалъ изъ Орска, какъ сразу почувствовалъ, что надолго распростился со всѣмъ, что хотя сколько-нибудь напоминаетъ удобство.

Тройка загнанныхъ, чахоточныхъ клать, приведенная мнѣ послѣ двухсуточного ожиданія, дотащила меня до станціи только глубокою ночью. Станція, та самая, на которой я находился въ настоящую минуту, состояла изъ полуземлянки, наполненной полуразвалившейся печью и ворохами перегнившей соломы. Міриады паразитовъ кишѣли въ этомъ навозѣ; трудно было дышать отъ заразительной вони, несмотря даже на отсутствіе стеколъ въ оконныхъ отверстіяхъ. Оставаться въ этомъ пріютѣ не было ни малѣйшей возможности—и я провелъ остатокъ ночи на дворѣ, устроившись кое-какъ въ своемъ экипажѣ.

Дальнѣйшее мое путешествіе было непрерывный, длинный рядъ всевозможныхъ лишеній и пытокъ. Недостатокъ лошадей,—чаще же неизбѣніе ихъ вовсе на станціяхъ, задерживали меня по цѣлымъ суткамъ и болѣе. Напримѣръ,—на станціи Джалави я просидѣлъ четверо сутокъ, и только случайно нанялъ пару верблюдовъ у проходящаго невдалекѣ каравана.

Все путешествіе мое, какіе-нибудь девяносто верстъ, до Казалинска тянулось пять недѣль, а я еще находился въ сравнительно лучшихъ условіяхъ, чѣмъ остальные путешественники. Я ѣхалъ одинъ и на-легѣ. Каково-то было несчастнымъ семейнымъ, съ женами и дѣтьми, часто грудными.

Всѣ станціи были не лучше первой, мною описанной. Встрѣчались и войлочные кибитки—старыя, покривившіяся, съ безчисленными дырами въ прогорѣвшихъ войлокахъ, не защищающихъ вовсе ни отъ дождя, ни отъ холода, ни отъ вѣтра.

Зима быстро приближалась,—наступили холода, выпалъ снѣгъ, начались страшные, степные бураны.

Положеніе многихъ запоздавшихъ путешественниковъ было отчаянное. На одной изъ станцій, именно, какъ теперь помню—Бугадты-сай,—я нашелъ семейство въ безвыходномъ положеніи: мужъ, какой-то интендантскій чиновникъ, мертвецки пьяный, должно быть съ горя, пластомъ лежалъ подъ тарантасомъ, и только мычалъ—на всѣ мои разспросы... —«вотъ уже вторны сутки такъ-то»--говорила мнѣ его жена, кормившая грудью ребенка. Еще двое маленькихъ дѣтей пищали и ёжились отъ холода подъ какою-то попоною. Вся провизія вышла, не было даже чаю и сахару. Еще вчера вечеромъ доѣли послѣднюю дорожную булку... А впереди оставалась еще большая половина дороги.

Другое семейство я нашелъ еще въ худшемъ положеніи. На этой станціи не было вовсе никакого жилья; кибитку унесло вѣтромъ, и только кучи навоза, сѣдлы востровъ, да обломки телѣжной оси намекали на мѣсто станціи. Ближайшій аулъ былъ

верстъ за двадцать; ближе не было ни одного живого существа, кромѣ волковъ, завывавшихъ по ночамъ, въ нѣсколькихъ десяти шаговъ отъ несчастнаго семейства. Здѣсь тоже истреблены были всѣ дорожные запасы, и путешественники испытывали уже припадки голода.

Дотащившись кое-какъ до этой станціи я задержалъ виргиза-мичива съ его лошадьми, далъ имъ отдохнуть и верхомъ отправился отыскивать ближайшіе аулы. Ночь захватила меня на пути, а вдобавокъ я еще сбился съ дороги, такъ что вернулся только же на другой день утромъ. Надо было видѣть восторгъ несчастныхъ при видѣ нанятыхъ мною верблюдовъ и двухъ барашковъ, купленныхъ для удовлетворенія голодающихъ желудковъ.

Если у кого-нибудь ломался экипажъ,—его бросали, какъ еще совершенно негодную—о починкѣ нечего было и думать—продолжали путь верхомъ на верблюдахъ, а то и попросту бѣшкомъ.

Во всемъ этомъ, чтó я теперь рассказываю, нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія; не найдете никого, кто бы могъ упрекнуть меня въ этомъ, но зато найдется много такихъ, которымъ мое писаніе покажется блѣднымъ въ сравненіи съ тѣмъ, чтó они испытали лично.

Туркестанскій генераль-губернаторъ, узнавши отъ пріѣзжихъ томъ, чтó творится на орско-казалинскомъ трактѣ, немедленно послалъ офицеровъ и чиновниковъ, снабженныхъ деньгами, одеждою, провизіей и лекарствами на встрѣчу переселенцамъ—и эти люди положительно завѣряли о томъ, что имъ приходилось находиться на раздирающія душу катастрофы ¹⁾.

Черезъ четыре года послѣ этого, именно въ 1871 году, снова рѣшилось мнѣ проѣзжать этою же дорогою. Время года было сравненно лучше:—лѣто; и наплыва проѣзжающихъ не было никакого. Но несмотря на эти, болѣе выгодныя условія, я наѣлъ трактъ нисколько ни въ лучшемъ положеніи; тѣ же станціи: кибитки и землянки, то же отсутствіе людей и лошадей, тѣ же суточные ожиданія... А если и посчастливится вамъ найти лошадей, пасущихся вблизи станціи, то это оказывались кони совершенно дикіе, никогда въ своей жизни не видавшіе экипажа, вы рисковали на каждомъ шагу быть искалѣченнымъ, не говоря уже о безконечныхъ ломкахъ и, наконецъ, окончательной орѣзѣ вашего тарантаса.

И вотъ, мнѣ привелось третій разъ промѣрить знакомое раз-

¹⁾ Записки г. Терентьева и доктора Авдіева.

стояніе — и я не узналъ своего стараго знакомаго, орско-казанскаго тракта.

А дѣло было какъ нельзя проще. Стоило только отдать этотъ трактъ съ торговъ предприимчивому человѣку, не поскупиться деньгами, а не сдавать его на попеченіе киргизовъ, безконтрольное попеченіе, тѣмъ болѣе, что съ кочевниками не церемонились и по годамъ не платили имъ ничтожной договорной платы. — Не за что платить — дурно содержите, — говорили тѣ, кому надлежало расплачиваться. — Денегъ не даешь — за что же тебѣ содержать хорошо, — говорили тѣ, кому слѣдовало получать деньги. И такимъ-то образомъ шло дѣло слишкомъ двадцать-пять лѣтъ, пока настоятельная потребность въ сообщеніи не заставила открыть серьезныя торги, по которымъ оренбургскій купецъ Маженьковъ, хорошо знакомый съ дѣломъ, опытный и предприимчивый хозяинъ, взялъ на себя большую половину орско-казанскаго тракта и привелъ его въ прекрасный порядокъ, такъ поразившій меня съ пріѣзда на первую станцію.

Въ нѣсколько минутъ были запряжены новыя лошади, сытые незагнанные до изнеможенія, какъ бывало прежде. Русскій ямщикъ, въ красной рубахѣ, съ мѣдною бляхою на шапкѣ, острожно разобралъ возжи, и мы понеслись въ карьеръ по гладкой черноземной дорогѣ.

Узкою черною лентою тянулась дорога; а по сторонамъ ея во всѣ концы, сливаясь съ синею полоскою отдаленнаго горизонта, раскинулось цѣлое море зелени всѣхъ тоновъ и оттѣнковъ. Красныя головки полевого мака, лиловые ирисы, бѣлесоватыя метелки ковыля, желтыя волоколички, ярко бѣлыя звѣздочки ромашки красиво пестрили степь, наполняя воздухъ чуднымъ ароматомъ, свойственнымъ только степямъ, не тѣмъ унылымъ, выжженнымъ солнцемъ, мертвымъ пустынямъ, которыя предстоятъ еще впередъ, а другимъ, полнымъ жизни, полнымъ движенія, полнымъ смѣшанныхъ, разнообразныхъ звуковъ.

Полевая куропатка съ шумомъ взлетала цѣлыми стаями, чуть не изъ-подъ самыхъ экипажныхъ колесъ; шелкая крыльями, поднималась изъ густой травы тяжелый стрепетъ и неуклюже опускалась опять на то же самое мѣсто. Пестрыя утки вереницею тянулись съ какого-то далекаго озера... Высоко, въ самомъ поднебесномъ, то исчезая въ воздухѣ, то появляясь снова, плавно носились орлы, распластавъ широко свои полутора-аршинныя крылья.

— Гей, гей! — покрикивалъ ямщикъ...

— Гей, гей! — отыликала ему изъ степи киргизъ, привставъ

Третья

пій на стременахъ, приглядывающійся изъ-подъ руки къ про-
зжающему тарантасу.

Вонъ, справа отъ дороги, чернѣетъ что-то приземистое, не
о куча взрытой земли, не то какое-то строеніе; должно быть,
послѣднее... Черный дымокъ вьется надъ нимъ; собаки съ сви-
ѣлымъ лаемъ несутся къ намъ навстрѣчу... Стой! надо посмот-
рѣть... Это зимовки кочевниковъ, интересныя тѣмъ, что пред-
ставляютъ собою переходъ отъ типичной кочевой кибитки къ рус-
ской избѣ, срубленной изъ бревенъ... Этого рода постройки на-
чали появляться въ степи только недавнее время.

Строеніе, къ которому подошли мы, возвышалось надъ по-
верхностью земли не болѣе, какъ на полтора аршина; зато уг-
лублялось оно довольно значительно. Бревна сруба были довольно
хорошо прилажены одно къ другому, щели между вѣнцами
проконопачены сѣномъ и смазаны, надъ всѣмъ этимъ настлана
была плоская крыша съ двумя дымовыми отверстиями; изъ одного
изъ нихъ торчала колѣчатая труба желѣзной печи,—она-то и
дымила.

Нѣсколько совершенно голыхъ ребятишекъ играли на крышѣ
(завидя насъ, мгновенно попрятались, словно сурки по нор-
амъ, особенно насмѣшили насъ одинъ черномазый карапу-
шекъ, сунувшійся въ дымовую дыру; онъ завязъ тамъ и умори-
тельно брыкалъ своими голыми ножками... Трусинку освободила
же его мать, давъ ему при этомъ изряднаго подшлепника...
Оція собаки, что-то въ родѣ борзыхъ, злобно косились на насъ
и рычали. Двѣ женщины, въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ и въ
разныхъ джавлукахъ—головной уборъ въ родѣ чалмы—на го-
ловахъ, толкли просо въ большой деревянной ступѣ. Неподалеку,
на треногомъ желѣзномъ таганѣ, стоялъ большой плоскій котелъ
и въ немъ на медленномъ огнѣ варилась какая-то похлебка,
распространяя вокругъ довольно аппетитный запахъ.

Одна изъ женщинъ при видѣ насъ поспѣшила спустить на
полъ концы джавлука и продолжала свою работу, другая же,
помоложе, вытаращила на насъ свои косые глазки, утерла рукою
носъ и расхохоталась... чего?!. Это уже только самому Аллаху
извѣстно...

— Что нужно? — проговорила она, наконецъ, сквозь слезы,
и снова расхохоталась, искоса поглядывая на насъ и видимо
припоминая что-то уже очень смѣшное...

— Здравствуй! Въ гости къ тебѣ пришли. Хотимъ домъ твой
посмотрѣть,—произнесъ мой товарищъ.

— Домъ не мой, а хозяйскій. Хозяева всѣ въ степи... и

большіе и маленькіе. Далеко въ степи... Тамъ!.. — она махнула рукою на западъ.—Вы откуда?

— Ну, это долго рассказывать,—уклонились мы отъ прямого отвѣта, и направились къ двери, или, правильнѣе сказать, къ четверугольному отверстию, завѣшанному кошмою.

Мы вошли, согнувшись предварительно въ три-погибели. Сразу намъ показалось очень темно, но скоро мы присмотрѣлись. Вдоль земляныхъ, кое-какъ выштукатуренныхъ стѣнъ, тянулись небольшія насыпныя возвышенія въ видѣ лавоѣ, поверхъ нихъ настланъ былъ камышъ, прикрытый кошмами; та линія, гдѣ соединялся срубъ съ землею была проконопачена очень дурно и мѣстами просвѣчивала. Нѣсколько оконъ, узкихъ, горизонтальныхъ щелей продѣланныхъ подъ самую крышею, пропускали слабый свѣтъ; и свѣтъ этотъ, распространяясь больше по потолку, рѣзко очерчивалъ паутину и разныя лохмотья, висѣвшія сверху, скользили по желѣзной трубѣ и оставляли въ совершенномъ мракѣ всю нижнюю часть помѣщенія.

Воздухъ въ этой землянѣ былъ спертъ и удушливъ. Преобладалъ запахъ овечьего навоза и кислаго молока.

Я почувствовалъ нестерпимый зудъ въ ногахъ и началъ чесываться. Товарищъ мой тоже энергично скребъ себѣ ноги ниже колѣнъ... Надо было поскорѣе убираться отсюда.

— Блохъ много!—замѣтила молодая дикарка, и снова растопталась — да такъ, что мы уже и не дождались, когда они успокоятся.

— Вотъ такъ-то... вчера... такіе же... какъ чесались... какъ чесались... Пришли... полѣзли туда... Ха-ха-ха-ха!.. Вотъ чесались! Меня, даже, бить хотѣли...—прорывались севозъ смѣхъ отрывотныя фразы и неслись, вмѣстѣ съ собачьимъ лаемъ, намъ въ догонку.

Такъ вотъ она, причина смѣха... вотъ эти воспоминанія! Мы сами того не вѣдая, служили предметомъ развлечения и увеселенія этой восоглазой красавицѣ, давно уже, быть можетъ, не хотевшей такъ усердно...

Въ домѣ, только-что посѣщенномъ нами, не было никакихъ предметовъ домашнего, хозяйственного быта. Все это было вывезено въ кочевье, и на попеченіе этихъ двухъ женщинъ-работницъ были оставлены только одни голыя стѣны. Женщины эти, впрочемъ, сами лично не пользовались этою избою-землянкою. Должно быть онѣ находили ее не совсѣмъ удобною... Онѣ жили по близости, въ юломейкахъ, торчавшихъ своими завопченными, пирамидальными верхами изъ-за ярко-зеленаго ската лощины.

Скоро попался намъ навстрѣчу верблюжій обозъ, — тоже степ-

ное нововведеніе. Приземистыя телѣги на деревянныхъ осяхъ и, такъ-называемыхъ, бычьихъ колесахъ, въ родѣ тѣхъ, что употребляются въ Малороссіи, запряжены были каждая однимъ верблюдомъ. Обозъ тянулся длинною вереницею, самымъ медленнымъ шагомъ. На нѣкоторыхъ верблюдахъ сидѣли «улаучи» (погонщики). Телѣги были нагружены громадными тюками бухарскаго хлопка—по три тюка на каждой, очевидное преимущество восточной гати передъ вьючною, потому что тотъ же верблюдъ на вьюкъ можетъ нести только два такихъ тюка.

Обозъ шелъ не самою дорогою, а нѣсколько въ сторонѣ, прокладывая себѣ путь цѣликомъ. Это дѣлалось во избѣжаніе встрѣтъ съ почтовыми, всегда сопряженныхъ съ руганью, крикомъ и крайне неудобнымъ сворачиваніемъ цѣлаго обоза, ради одного какого-нибудь тарантасика.

Изрѣдка видѣлись мечети, очень красиво построенныя, въ видѣ домика съ коническимъ минаретомъ и шпилемъ. У заборовъ этихъ зданій всегда видѣлось десятка два осѣдланныхъ лошадей и мелькали красныя верхи киргизскихъ малахаевъ.

Быстро катились мы по степи. Станціи смѣнялись почти незамѣтно. Степь становилась безлюднѣе.

Мало-по-малу дневной жаръ началъ спадать и въ воздухѣ потянуло свѣжестью. Кое-гдѣ, надъ степью поднимался бѣловатый туманъ и колыхался на одномъ и томъ же мѣстѣ, словно дымятій пологъ. Золотистымъ кружкомъ, будто зеркало, оправленное въ темно-зеленую раму, сверкало въ сторонѣ небольшое степное озеро, и какая шумная жизнь кипѣла надъ нимъ, въ немъ, а его сочныхъ, густо заросшихъ берегахъ.

Безчисленные расходящіяся круги бороздили гладкую поверхность воды, въ которой отражались, летающія надъ нею, чайки, улитки и всякая мелкая водяная птица. Рои комаровъ и мошекъ туманными пятнами стояли въ воздухѣ и наполняли его елодичнымъ, тихимъ звономъ. Пестрыя утки всѣхъ цвѣтовъ, орлы и величьи, съ хохлами и безъ хохловъ, плавали и поинутно ныряли, добывая себѣ обильный ужинъ... А вблизи ни одного человѣка, ничего даже такого, что бы напоминало его присутствіе. Ни одинъ выстрѣлъ не тревожилъ этихъ мирныхъ тѣнъ. На свободѣ, безъ опаски, много лѣтъ уже плодятся тѣсь безчисленные птичьи выводки.

«А развѣ шарахнуть!» подумалъ-было я, и потянулся за своею фуфлякою; но... зашевелилось что-то въ родѣ угрызенія совѣсти, я отложилъ свое намѣреніе...

Быстро наступила темнота. Ночь стояла тихая, безлунная.

Звѣздное небо сливалось съ горизонтомъ полосою густого тумана, и въ этомъ туманѣ, тамъ-и-сямъ, красными пятнами вспыхивало костровое зарево. То были огни далекихъ кочевковъ.

Вправо отъ дороги, прерывистою, серебристою полосою сверкала рѣка Оръ—эта степная, животворная жилка всего кочевья района. Страпная рѣка, то текущая на поверхности, то ныряющая въ глубь земли, прокладывающая себѣ дорогу подъ слоемъ песка и снова вырывающаяся на свѣтъ божій, снова отражающая въ своихъ водахъ голубое небо и быстробѣгущія по ней облака.

Разливаясь весною на значительную ширину, — эта рѣка составляетъ послѣ себя множество болотистыхъ затоновъ, — пріимлетъ рыбы и всякой водной дичи.

Киргизы большіе любители ловить первую; и, несмотря на живость характера истыхъ кочевниковъ, по цѣлымъ днямъ, терпѣливо, просиживаютъ съ удочками на берегахъ подобныхъ озеръ-затоновъ.

На разсвѣтъ мы проѣхали близко отъ большого кочевья. Нѣсколько десятковъ войлочныхъ кибитокъ просторно разбросались по отлогому скату. Ночные костры догорѣли и чуть дымили. Все живое спало еще глубокимъ сномъ... Спали люди въ кибиткахъ и просто подъ открытымъ небомъ, на разостланныхъ коврахъ и войлокахъ. Спали верблюды, лежа тѣсными группами и машинально пережевывая вонючую жвачку; спали лошади, сбившись въ косяки; спали овечьи отары, покрывъ собою весь скатъ степной балки, перевалившись черезъ него и простираясь далѣе, до самаго слѣдующаго ската, гдѣ еще все видѣлось однообразное море бѣлыхъ и сѣрыхъ спинъ и темноватыхъ бараньихъ головъ. Черные какъ уголь козы рѣдко выдѣлялись въ отарахъ... Лѣниво развѣсивъ уши, дремали пастушьи ишаки... и опять, какъ всегда, неслись къ намъ напередъ — неугомонные, бессонные сторожевые собаки.

Солнце поднялось уже, когда мы проѣхали фортъ Кара-бутакъ — это первое административное гнѣздо на пути въ степь. Здѣсь живетъ офицеръ-комендантъ, съ нимъ неизбѣжная канцелярія, состоящая изъ двухъ вѣчно пьяненькихъ писарей, десятокъ солдатъ и казанскій татаринъ маркитантъ, торгующій тремя-четырьмя коробками позеленѣлыхъ сардинокъ, картами и нѣсколькими дюжинами бутылокъ хересу и мадеры орскаго производства. И опять же знакомыя дощечки на дверяхъ, опять молчаливо красующіяся въ воздухѣ бутылки и полустофы...

— Орда потреблять начала, потому привыкла, — пояснилъ мнѣ

смотритель станціи, замѣтивъ, должно быть, мой недоумѣвающий взглядъ на эти вывѣски.

— Опять, и начальство неусыпно торговому дѣлу покровительствуетъ,—добавилъ писарь—измятая фізіономія въ форменномъ юрткуѣ и киргизскихъ шароварахъ.

Кара-бутаекъ окруженъ, конечно, степями, но какими степями, полными довольства и жизни; кругомъ богатыя, многоядные кочевья... Хозяйство этого форта, существующее второй десятокъ лѣтъ, могло-бы достигнуть весьма цвѣтущихъ размѣровъ,—но... И вотъ тутъ опять это проклятое, русское «но»!

— За курицу съ меня взяли рубль пятьдесятъ копѣекъ, за кусокъ жареной баранины, фунтовъ пять, два рубля; а въ полумертвѣ отъ форта, въ киргизскомъ аулѣ, за эти же два рубля мнѣ предлагали цѣлаго барана.

Ни одного прутика, ни одного деревца не торчитъ во всемъ фортѣ и его крохотной слободкѣ, а въ канавѣ, у почтовой коюшны, я видѣлъ, Богъ вѣсть откуда и вѣмъ завезенную и брошенную за негодностью, таловую жердь, и эта жердь густо обюсала зелеными отпрысками—нѣмымъ, но краснорѣчивымъ укоромъ безпечному варварству челоуѣка.

Грустно смотрѣть на это неумѣнье, или нежеланіе обставить себя удобствомъ и привольемъ жизни,—эту животную способность удовлетворяться окружающею скудостью и запустѣніемъ.

Есть кусокъ мяса, есть штофъ водки, есть колода картъ, есть... Впрочемъ довольно... Больше ничего нѣтъ,—да и не нужно;—двухъ этихъ трехъ предметовъ за-глаза довольно...

За Кара-бутакомъ степь начинаетъ уже нѣсколько терять вой исключительно зеленый колоритъ. Между травами преобладаютъ полынь и колючка; появляются большія пространства, покрытыя пескомъ. Въмѣсто прозрачной Ори течетъ такой же прерывистый, но мутный и солоноватый Ирғизъ. Даже въ нѣкоторыхъ колодцахъ, на станціяхъ и въ кочевьяхъ, вода имѣетъ солоноватый, прогорклый вкусъ, напоминающій морскую воду.

Въ тотъ же день, по выѣздѣ изъ Кара-бутака, мы наткнулись еще на новое явленіе: въ двухъ или трехъ мѣстахъ, невдалекѣ отъ дороги, я замѣтилъ небольшія пространства земли, исковерканныя плугомъ. Нельзя назвать пашнею эти прерывистыя борозды съ прохватами въ промежуткахъ. Видно было, что гдѣ плугъ слишкомъ уже глубоко врѣзался въ землю и волю стали, тамъ и оканчивалась борозда; гдѣ его вырвали, и онъ проскользнулъ на боку нѣсколько шаговъ, тамъ такъ и осталось не прораханное пространство. Это уже была настоящая киргизская ра-

бота, произведенная по личной инициативѣ кочевника, — профана въ земледѣльческомъ дѣлѣ. На одномъ изъ этихъ полей было засѣяно просо, и уже начали показываться всходы. Ну, для начала и это недурно. Будемъ ждать, — дождемся и лучшаго.

Между Орскомъ и Кара-бутакомъ степь несравненно оживленнѣе, чѣмъ вторая ея половина, отъ Кара-бутака до Иргиза — бывшее уральское укрѣпленіе. Теперь оно стало уѣзднымъ городомъ, и нельзя не удивляться странному выбору мѣста для города, да еще уѣзднаго, центра степной, районной администраціи!

Рѣка Иргизъ — съ водою почти негодною по своему вкусу, и вдобавокъ лѣтомъ почти пересыхающая; тоже небольшое количество воды, пощаженное такъ сказать солнечнымъ жаромъ, кипитъ водяными впами; полное отсутствіе по близости годныхъ пастбищъ; кругомъ глубокіе пески, передвижные, сыпучіе, буйально засыпающіе городъ и уже приведшіе въ негодность нѣсколько вновь разведенныхъ огородовъ — вотъ условія жизни города. Между тѣмъ, верстахъ въ двадцати, даже менѣе, на востокъ, лежитъ прекрасная полоса, обильно орошенная родниками и колодцами, покрытая роскошнымъ кормомъ для скота, недостижимая для песковъ, даже во время урагановъ! Но... и опять классическое «но»!

Прежде на этомъ бугрѣ было укрѣпленіе... Прекрасно!.. изъ этого укрѣпленія далеко видно кругомъ... Чего-же лучше! со стѣнъ этого укрѣпленія удобно чѣмъ-то, что-то и кого-то обстрѣливать... Вотъ и все, что нужно. А до всего остального — никому нѣтъ никакого дѣла... Проживутъ и такъ, а разбѣгутся — тоже не бѣда! Канцелярія и воинская команда останутся на мѣстѣ, останется при нихъ и Касимка-маркитантъ съ заплѣсневыми сыромъ, съ Орскимъ хересомъ и картами и проч. и проч. и проч...

Мы проѣзжали Иргизомъ въ базарный день, которыхъ полагается два въ недѣлю. Унылая пустота царила на базарной площади... Я не насчиталъ и десятка прибылыхъ верблюдовъ.

— Не пріѣзжаютъ, подлецы!.. — ворчить недовольное начальство.

— А зачѣмъ пріѣзжать имъ сюда? — невольно вырывается нескромный вопросъ... но вырывается подъ сурдинкою, — а то, чего добраго, услышать, — еще пакость какую-нибудь сотворять дорожному человѣку. Здѣсь подобныхъ вопросовъ очень не любятъ.

II.

Пески и солонцы.—Новая флора и фауна.—Озеро Ката-куль.—Головскіе домики и ихъ происхожденіе.—Окаменѣлыя озера.—Солончаки.—Бугристые пески.—Сыпучіе пески.—Ураганъ.—Затоны Аральскаго моря.—Рыболовы и орлы.—Аулы и жилия.—Казалинскъ.

Еще только двѣ станціи осталось по тракту Мякенькова. Далѣе уже начнутся «кара-кумы» и новый трактъ, и новое генераль-губернаторство.

Помню хорошо я васъ, грозные «кара-кумы»; сильно врѣзались вы въ моей памяти! Чѣмъ-то вы меня теперь встрѣтите?

Общій зеленый колоритъ степи измѣнился уже въ пепельно-сѣрый... Полюнь, полюнь и полюнь, — вотъ все, что только видятъ глаза... А вотъ и признаки настоящей степной флоры и фауны: толстые стебли вонючки, этого характернаго дѣтища пустынь, тамъ-и-сямъ возвышаются подъ полюнью. Черезъ дорогу, впереди насъ, не болѣе какъ въ четверти версты, пронеслось стадо сайгаковъ... Вотъ они уже далеко! Только бѣловатая, движущаяся полоса пыли указываетъ направленіе ихъ быстрого бѣга. Чу!.. шорохъ внизу, между кюрями... Проворно выются и шныряютъ тамъ безобразныя ящерицы... Медленно ползаютъ неуклюжія черепахи, и все попарно: побольше впереди, это—самка; поменьше сзади, это—ухаживающій самецъ.

Жаромъ пышетъ пламенное солнце, слѣпить глаза яркій блескъ солончаковъ... Исчезъ совершенно этотъ мягкій, освѣжающій токъ зелени... Густая пыль клубами валитъ изъ-подъ колесъ; фыркаютъ и отдуваются усталыя лошади.

Съ нетерпѣніемъ ожидаете вы появленія вдали станціоннаго домика и пристально всматриваетесь въ даль, въ эту волнистую линію, задернутую дрожащею полоскою знойнаго тумана; аккуратно считаете вы часы и минуты, и по времени опредѣляете пройханное разстояніе — верстовыхъ столбовъ не существуетъ. Вы ждете отдыха, ждете прохлады подъ крышею; а прежде, напротивъ, вамъ не хотѣлось даже выходить изъ экипажа, — такъ-бы все и катились безостановочно по этой роскошной зеленой степи, такъ-бы и дышали непрерывно ея живымъ, ароматнымъ воздухомъ.

Вотъ и «Ката-куль», это мертвое озеро, окруженное мертвыми берегами—какая разнища съ тѣми озерами, что встрѣчались прежде!

Около полудня мы проѣхали станцію Терекли, границу Орен-

бургскаго округа съ Туркестанскимъ. Теперь мы уже подъ покровительствомъ новой администраціи, въ послѣднее время обратившей особенное вниманіе на удобство и безопасность путей сообщенія, видя въ этомъ, и совершенно основательно, залогъ благосостоянія новаго края. Нельзя не сказать горячее спасибо за это благое стремленіе.

— Ваше благородіе! Нельзя-съ входить... Потолокъ валится. Половина упала, сейчасъ и остальная рухнетъ.

Этимъ предостереженіемъ встрѣтилъ насъ станціонный казакъ, едва только мы, обрадованные приличною наружностью дома, намѣревались забраться подъ его крышу.

— Жаль! А мы-было отдохнуть хотѣли немного, чаю выпиться!—вдохнулъ мой спутникъ...—Ну, дѣлать нечего! развѣ уже на слѣдующей станціи!..

— На слѣдующей вчера еще потолокъ обвалился. Тамъ дальше—тоже треснуло... Развѣ вотъ на Акъ-джулпасѣ, станціи черезъ пятокъ, тамъ пока еще держится, — тѣшилъ насъ предупредительный казакъ, и пошелъ хлопотать о перепряжѣ лошадей въ наши экипажи.

Я взглянулъ на моего товарища, — тотъ на меня; потомъ оба взглянули на домикъ и принялись его со всѣхъ сторонъ внимательно разсматривать.

Снаружи ничего, домъ какъ домъ! Даже архитектурныя заги есть въ видѣ бѣлой зубчатой оторочки у карниза. Стѣны дома цвѣтомъ сѣренькія, фундаментъ... Чтѣ за чортъ! Гдѣ-же онъ? да, такъ точно! фундамента нѣтъ никакого, хотя онъ и полагается по подрядной смѣтѣ... Дождевая вода подмываетъ сыровыя стѣны снизу, и онѣ вотъ-вотъ готовы распозгаться во всѣ четыре стороны. Крыша плоская, выштукатуренная глиною срубленою соломкою, надъ ней возвышаются двѣ дымовыя трубы, безукоризненной бѣлизны, по той причинѣ чистыя, что печи не топятся, ибо онѣ къ сему вовсе не приспособлены. Зашли внутрь, несмотря на предостереженіе казака: — дѣйствительно «валится». и мы должны были постоять на порогѣ и уже отсюда дѣлать дальнѣйшія наблюденія...—Вотъ такъ потолокъ!.. (Надо замѣтить, что спутникъ мой архитекторъ, и потому его особенно интересовала эта постройка). Къ тонкимъ, расколотымъ на-двое жерди подшиты камышевыя плетенки, такъ-называемыя «чѣи», и все это снизу законопачено и смазано глиною. Подшивка не можетъ выдерживать тяжести штукатурки, а тонкія стропила не допускаютъ болѣе массивную поддержку... Понятно, — должно «валиться». И вотъ, вслѣдствіе этого обстоятельства, проѣзжающіе должны, или

оставаться на дворѣ, какъ и въ прежнее время, или рисковать попасть подъ обвалъ, и понятно, не продолжать далѣе своего пути, не только почтоваго, но и жизненнаго.

Исторія постройки этихъ домиковъ — довольно обыкновенная исторія. Три года тому назадъ поручено было составить смѣты и планы почтовыхъ станцій-пріютовъ по степному тракту... Составили... Вышло и хорошо, и удобно, и не особенно дорого — по полторы тысячи домикъ. По этимъ смѣтамъ предполагались и фундаменты изъ жженого кирпича, и выстланные плитами полы, и печи, годныя для своего назначенія. Однимъ словомъ, все такое, что не заставляло даже пока желать ничего лучшаго. Приглашены были желающіе взять на себя эту постройку съ торговъ; желающіе явились, коимъ были предложены такія стѣснительныя, побочныя условія, что имъ не трудно было догадаться, что весь вызовъ былъ только пустымъ соблюденіемъ формы. Всякому постороннему лицу взяться за дѣло не представлялось ни малѣйшей возможности. И вотъ, строить домики взялось лицо официальное, и вдобавокъ еще такое, отъ котораго зависѣлъ и пріемъ построеннаго. Условія стѣснительныя мгновенно измѣнились въ самыя мягкія и уступчивыя; мало того, потребовалась дополнительная смѣта по семисотъ рублей на станцію—дали и это. Въ результатъ вышло то, что и слѣдовало ожидать отъ такого безцеремоннаго отношенія къ общественному дѣлу и казеннымъ суммамъ, именно: проѣзжающіе только потому не могутъ пользоваться превосходными, изящными, прохладными (даже зимою) головскими домиками, что заглядывать подъ ихъ крыши не совсѣмъ безопасно.

Вотъ они, мои старые, хорошо знакомые кара-кумы! Мы подѣзжаемъ къ ихъ преддверью.

Майское солнце уже успѣло выжечь всю растительность тощихъ, солонцеватыхъ равнинъ. Бѣловатая почва солончаковъ ослѣпительно сверкаетъ на солнцѣ и слѣпить глаза, не защищенные даже синими очками. Часто приходится переѣзжать черезъ озера. Но это—мертвыя озера, безводныя. Странный видъ представляютъ они глазу, непривычному къ этимъ явленіямъ природы:—и берега есть у нихъ, отчетливо видны они со всѣми своими изгибами, и островки есть, покрытые бурою жесткою колючкою, есть даже гладкая, блестящая водная поверхность. Недостаетъ только воды, и даже по близости нѣтъ и капли этой животворной влаги. Это окаменѣлыя озера.

Богъ вѣсть, сколько столѣтій тому назадъ испарились послѣд-

ніа капли воды; озерная соль, вмѣстѣ съ клейкимъ иломъ, осѣла плотнымъ, блестящимъ слоемъ, что еще болѣе увеличиваетъ сходство съ водною поверхностью. Осадокъ этотъ окрѣпъ, сплотился, и, словно по асфальтовой мостовой, глухо гудятъ по немъ экипажныя колеса, отчетливо звякаютъ некованныя копыта почтовой тройки. Вотъ и берегъ! Онъ довольно крутъ... Въ карьеръ хватаютъ на него привычныя лошади, таянутся потомъ потихоньку по глубокому, сыпучему песку, и снова спускаются къ другому, подобному же озеру... Глазъ утомляется этимъ грустнымъ однообразіемъ... Удушливый жаръ стоитъ въ воздухѣ... такъ и парить, словно передъ грозой... Но не рассчитывайте на благотворный дождь, на освѣжающіе атмосферу громовые удары. Это жаръ нормальный, никакихъ перемѣнъ не предвѣщающій, а если и шевельнется вѣтеръ оттуда, гдѣ синюю грядую виднѣтся «Термекъ-бесъ», то это северный вѣтеръ: онъ подниметъ ѣдкую, солонцеватую пыль, и замучитъ васъ эта пыль тяжелымъ кашлемъ, удущьемъ и нестерпимымъ зудомъ въ ноздрахъ, въ углахъ глазъ и въ горлѣ.

Отрадную перемѣною покажутся вамъ, послѣ солонцеватыхъ пустынь, сыпучіе пески, мѣстами голые, мѣстами поросшіе зелеными кустиками молодого саксаула и джингила. Станный видъ имѣетъ мѣстность въ послѣднемъ случаѣ. Почти постоянный вѣтеръ вырылъ и унесъ песокъ оттуда, гдѣ онъ не былъ скрѣпленъ корнями этого кустарника; тамъ же, гдѣ спутались и расплозились эти корни, песокъ остался въ видѣ высокихъ кочекъ, увѣнчанныхъ зеленою кроною саксаула и розовыми султанами джингила. Кочки эти мѣстами такъ высоки, что человекъ верхомъ свободно скрывается за ними. Эти бугристые пески недавно еще были лучшимъ притономъ мелкихъ шайкамъ барантачей и всякой вольницѣ, пришедшей съ Усть-юрта, изъ Арала, черезъ *Болшіе и Малыя Барсуки*, обильные володцами и родниками.

Вотъ показались и высокіе холмы, цѣлыя горы чистаго, сыпучаго песку, лишенныя уже положительно всякой растительности. Горизонтъ исчезаетъ, заслоненный этими холмами и «барханами». Глазъ поражается контрастомъ сѣро-синяго раскаленнаго неба съ красно-темною поверхностью песка. Не менѣе оригинально видѣть, посреди этой самобытной мертвой природы, русскаго ямщика и дикія постройки Голова съ претензіей на архитектуру.

Песчаные барханы словно хмурятся и напоминаютъ о томъ страхѣ, который наводили они прежде на человека, — красная рубаха ямщика рѣзкимъ пятнышкомъ такъ бьетъ въ глаза,

словно подсмѣивается надъ пустынею — и, подмигивая бойкимъ глазомъ—думаетъ: «а все-таки возьметъ наша!»

Безлюдна степь эта. Кромѣ почтовыхъ лошадей, ямщиковъ, смотрителей и верблюдовъ, содержимыхъ на станціяхъ для черной работы на всякій случай, ничего живого вы не встрѣтите дорогою.

Какъ ни напрягайте глазъ, вы не замѣтите даже признака кочевья, не увидите чернѣющуюся верхушку законченной кибитки, не увидите дыма, привѣтливо клубящагося изъ-за горы—ни стада...

А, вотъ ѣдетъ какой-то всадникъ, за плечами у него торчитъ длинный стволъ, заткнутый тряпкою, по бокамъ сѣдла качаются вздутые мѣшки — «коржумы»; войлочная бѣлая шапка надвинута на глаза, одинъ только уголъ надрѣзанныхъ полей торчитъ высокимъ рогомъ. Въ поводу всадникъ этотъ ведетъ другую, заясную лошадь, тоже осѣдланную... Это не житель здѣшній, это оже, какъ и вы, путешественникъ; только онъ путешествуетъ не такъ, какъ вы комфортомъ, — въ экипажѣ и на смѣнныхъ лошадяхъ, а верхомъ, все на одной и той же парѣ. Проѣдетъ ерсть тридцать на одномъ конѣ, пересѣдетъ на другого; еще ерсть тридцать проѣдетъ, отдохнетъ часа два, и дальше отправится въ путь такимъ же незатѣйливымъ порядкомъ. Это, на вѣстномъ языкѣ, называется путешествовать «ике-ать», т.-е. о ву-конь, и составляетъ исключительный способъ далекихъ передвиговъ.

Все путешествие наше по кара-кумамъ тянулось бы ровно и однообразно, еслибы не налетѣвшій передъ разсвѣтомъ ураганъ, адѣлавшій намъ немалой тревоги.

Ураганъ пронесся полосою, съ запада на востокъ; онъ проесть съ собою цѣлыя тучи песку и чуть было не перевернуть верху колесами наши тарантасы. Особенно эффектна была въ ту минуту послѣдняя четверть луны, только-что появившаяся изъ-за горизонта. Багрово-красный, словно раскаленное желѣзо, искъ, оригинально просвѣчивалъ сквозъ взбудораженные массы ещаной пыли и придавалъ всему фантастическій колоритъ. Я оstarался удержатъ въ своей памяти эти эффекты освѣщенія, и два только пріѣхали мы на слѣдующую станцію, зарисовать ихъ въ своемъ походномъ альбомѣ красками.

Близость Аральскаго моря начинала уже выражаться значительнымъ пониженіемъ мѣстности. Справа отъ дороги показались же продолговатыя озера—затоны соленой воды, оставшіеся послѣ залива. Появилась вода—появилась и жизнь. Ярко-бѣлыя круп-

ныя чайки, морскихъ типовъ, съ крикомъ носились надъ зато-
нами; всѣ отмели пестрѣли рыболовами. Множество орловъ не-
подвижно сидѣло на берегу и ждало чего-то. Вотъ одинъ изъ
рыболововъ быстро спустился къ водѣ, черкнулъ крыломъ по ея
поверхности, захватилъ что-то и торопливо понесся къ берегу.
Ближайшій орелъ замѣтилъ это обстоятельство, взмахнулъ крыльями
тяжело, словно раскачиваясь, подпрыгнулъ, наискосокъ понесся
къ рыболову и разомъ заставилъ выпустить добычу. Это уже та-
кія нахальные привычки здѣшнихъ орловъ, привычки, присущіи
впрочемъ всѣмъ хищникамъ «загребать жаръ чужими руками»;
интересно только то обстоятельство, что эти именно милыя при-
вычки вызвали мѣстное названіе, — которымъ называютъ орловъ
здѣшніе киргизы: ихъ величаютъ «уѣздными». Сравненіе не
совсѣмъ лестное; впрочемъ, вполне заслуженное!

Къ полудню мѣстность стала почти горизонтальная; опять
появилась луговая растительность. Тамъ-и-сямъ тянулись, пере-
крещиваясь между собою, сухія русла старыхъ, заброшенныхъ
за недостаткомъ рукъ оросительныхъ арыковъ, забытыхъ съ тѣхъ
поръ, какъ мы, двинувшись лѣтъ двадцать тому назадъ въ эти
края, вытѣснили отсюда хивинскихъ землепашцевъ.

Показались аулы, стада, засновали конные и пѣшіе киргизы,
и не успѣло еще солнце закатиться за темно-лизовую туманную
даль Аральскаго моря, какъ на горизонтѣ, неясными силуэтами,
показались казалинскія мельницы.

III.

Отъ Казалинска до острова Косъ-арала. — На пристани. — Казалинскія дахи. —
Русскіе огороды. — Воспоминанія о саранчѣ. — Косари-киргизы. — Аулы и ихъ
веселое населеніе. — Препятствіе въ плаваніи. — Женщины и дѣвушки. — Натя-
нида. — Богатая кибитка и пирующие гости. — Крѣпость Чингала. — Переправа —
Камыши. — Островъ Косъ-аралъ. — Рыбаки и рыбная ловля.

Утро превосходное. На пристани казалинскихъ пароходовъ
кипитъ самая оживленная дѣятельность. Пароходъ «Самаркандъ»,
одинъ изъ лучшихъ пароходовъ аральской флотиліи, развелъ уже
пары и черная полоса дыма потянулась черезъ мутно-желтую
Сыръ-Дарью, расплываясь по неизменному, противоположному
берегу.

На палубѣ кипитъ самая горячая, суетливая работа «за-
грузки и посадки»... Черезъ полчаса предполагаютъ сняться съ
якоря.

Когда я пришелъ на берегъ, то густая толпа зрителей и провожающихъ заняла уже весь берегъ пестрою, оживленною каймою; а подалеже, немного въ сторонѣ, стояло нѣсколько экипажей—дрожекъ-долгушъ, принадлежащихъ вліятельнымъ лицамъ степного города.

Несмотря на раннее время дня—семь часовъ утра—казалинскія дамы поднялись, принарядились и пожаловали къ пристани проводить отъѣзжающихъ.

«Европа, Европа!... положительно Петербургъ!» — восторгался одинъ изъ пассажировъ, капитанъ здѣшнихъ стрѣлковъ, разсматривая изящныя фигуры дамъ, въ прозрачныхъ кисейныхъ платьяхъ, въ бѣлыхъ безукоризненныхъ перчаткахъ, съ самыми изысканными манерами, съ букетомъ «mille-fleurs», такъ и бющимъ въ носъ, несмотря даже на господствующій въ воздухѣ запахъ, свойственный паровымъ машинамъ.

Еслибы только не эта даль впереди, пустынная, ровная, однообразно-сѣрая, еслибы не эти приземистые обвалившіеся крѣпостные валы, съ скучными казарменными фасадами, изъ-за нихъ выглядывающими... не эти чахлые, запыленные кустарники тальника и еще какой-то дряни, носящіе громкое названіе садовъ, наконецъ, не эти верблюды по близости, убившіе своимъ отвратительнымъ запахомъ даже дамскій mille-fleurs; не эти птицы, конкурирующіе съ свистомъ паровика; не эти полуголыя фигуры въ отрѣпанныхъ халатахъ, сидящія на корточкахъ по обрыву берега и наблюдающія за отплытіемъ шайтанъ-каикеа (чортовой лодки)... то, пожалуй, и можно, особенно послѣ завтрака, вообразить себѣ, что находишься въ Европѣ, на пристани одного изъ комфортабельнѣйшихъ пароходовъ, а не въ Казалинскѣ, чуть не за три тысячи верстъ отъ всего европейскаго.

Сегодня на пароходѣ «Самаркандъ» отплываютъ члены Амурьинской ученой экспедиціи, и потому отплытіе этого парохода получило нѣсколько экстренный, исключительный характеръ.

Съ любопытствомъ, жгучимъ и худо скрываемымъ, прелестныя обитательницы Казалинска разсматривали, непосредственно и черезъ стекла лорнетокъ, подъѣзжающихъ къ пристани дѣятелей науки и искусства и перебрасывались между собою, не лишеными юмора, замѣчаніями. Особенно заинтересовала ихъ длинная, флегматичная фигура англичанина Вуда (Wood), вся въ вѣтло-сѣромъ, медленно-мѣрно шагающая по сходнямъ... Рюкзачокъ фуражки, прихваченной подъ нижнюю губу, бинокль въ футлярѣ у пояса, книжка въ красномъ переплетѣ въ рукахъ,

такая же въ карманѣ, такая же, только подлиннѣе, подъ иппо-пою... все это придавало этой фигурѣ самый стереотипный видъ, хорошо знакомый по безчисленнымъ иллюстраціямъ, а болѣе всего по карриатурамъ «L'Amusant» и «Pour rire».

Все готово. Свистокъ данъ... Велѣно очищать палубу... Кончилисъ цѣлованья и всевозможныя напутствования. Пароходъ отпихнули шестами, «отдали концы», выволокли на середину рѣки—и мы тронулись.

Сырѣ-Дарья у Казали огибаетъ крутую дугу, такъ что, плывъ по ней, мы долго еще видѣли на горизонтѣ казалинскія мельницы и темно-зеленую группу комендантскаго сада. Мало-помалу все это скрылось, наконецъ, изъ вида, и по обѣимъ сторонамъ потянулись низменные, плоскіе берега, съ правой стороны унизанные безконечною цѣпью огородовъ и бахчей, слѣва же покрытые ярко-зеленымъ ковромъ молодого камыша и безчисленными группами киргизскихъ кибитокъ.

Глядя на правую сторону, на эти аккуратно раздѣленные грядки огородовъ, на русскія фигуры, копающіеся между ними, на русскія телѣги и плужки, мнѣ припомнились тѣ труды, тѣ колоссальныя усилія, понадобившіеся переселенцамъ для покоренія этой пустынной, дикой мѣстности—я говорю о мирномъ покореніи путемъ заступа и кирки, идущемъ, впрочемъ, по слѣду, проложенному револьверомъ и берданкою...

Верстъ за двадцать и болѣе отъ Казалинска тянутся эти огороды, прямое, неопровержимое доказательство плодородія здѣшней почвы. Глядя на нихъ, мнѣ припомнились и тѣ страшныя бѣдствія, постигшія ихъ въ 1868 году и чуть не повторившіяся въ 1870 г. Это были два замѣчательнѣйшія нашествія саранчи *пльмы* и *конной*... Я думаю, читатель не посѣтуетъ на меня, если я отклонюсь отъ прямого разсказа и посвящу нѣсколько строкъ воспоминанію объ этомъ бѣдствіи, котораго я былъ очевидцемъ.

Въ 1868 году, въ половинѣ іюня, подъ вечеръ, прискакали киргизы съ лѣваго берега со страшною вѣстью: «саранча идетъ». Это была медленно подвигающаяся пѣшая саранча, т.-е. ползущая. Первая линія этой вражеской арміи была еще далеко, и въ Казалинскѣ успѣли принять всѣ необходимыя мѣры. Мѣстность какъ нельзя болѣе благоприятствовала защитѣ: между гчищами саранчи и Казалею была широкая и довольно быстрая рѣка—Сырѣ-Дарья, черезъ которую, предполагали такъ сначала, невозможно будетъ перебраться этимъ прожорливымъ массамъ. На всякій случай на берегъ выведенъ былъ цѣлый батальонъ солдатъ, вывезены даже орудія, и вдоль всей береговой линіи

огородовъ сложены кучи горючаго матеріала, готовыя, по данному сигналу, вспыхнуть цѣпью костровъ и отгородить поле этимъ огненнымъ барьеромъ. Всѣ жители, отъ мала до велика, собрались и заняли берегъ; все это было вооружено чѣмъ попало, преимущественно инструментами, производящими шумъ...

Къ утру прискакали еще киргизы... Говорять: «близко! земли не видать подъ саранчою... глазомъ не видно—гдѣ начинается она, гдѣ кончается!...»

Всѣ ждали, затаивъ дыханіе, и не безъ тревоги посматривали на противоположный берегъ, на эту сѣро-желтую полосу, въ которой пока еще ничего не замѣтно было подозрительнаго.

Мало-по-малу этотъ сѣро-желтый цвѣтъ сталъ дѣлаться все темнѣе и темнѣе; зеленыя мѣста покрылись, какъ-будто, ржавчиною... Вода у берега окрасилась въ красновато-бурый цвѣтъ и вдоль этой ленты закружилась бѣлая пѣна, будто теченіе рѣки встрѣтило какое-то плавучее препятствіе.

Это начали спускаться въ воду міриады насѣкомыхъ.

Вся эта масса обладала однимъ только инстинктомъ—стремленіемъ впередъ, по данному направленію. Подъ вліяніемъ этого инстинкта, передніе ряды насѣкомыхъ спустились въ воду, ихъ не успѣло еще подхватить теченіемъ, какъ уже новыя и новыя ряды навалились сверху. Все это не успѣвало тонуть, и на нихъ, какъ на живую плотину, пребывали все новыя и новыя массы. Образовался клубящійся валъ, подвигающійся безостановочно впередъ, медленно сносимый наискось теченіемъ рѣки. Вотъ уже близокъ онъ отъ нашего берега; узкая полоса свободной воды пѣнится и прорывается съ страшною быстротою; она становится все уже и уже... Своро живой коверъ перекинулся на эту сторону и густымъ валомъ поднялся на нашъ берегъ... Трудно представить себѣ тому, кто не видѣлъ самъ, эту оригинальную, страшную картину.

Выстрѣлы изъ пушекъ и ружей, трескотня барабановъ и разныхъ инструментовъ, вопли и крики тысячи голосовъ, наконецъ, громадные костры, вспыхнувшіе по всему берегу, не могли остановить этого неудержимаго стремленія. Это была лавина снѣга, которую пытались остановить руками, песчаный ураганъ, которому противопоставили открытый зонтикъ.

Почти мгновенно, съ трескомъ и шипѣніемъ, погасли костры, заваленныя тѣлами саранчи... Все зеленое мгновенно сожрано міриадами прожорливыхъ желудковъ.

Часа три тянулось это опустошительное нашествіе, по направленію къ кара-кумамъ, гдѣ саранча положила въ песокъ свои яйца.

Зная это послѣднее обстоятельство, на будущій годъ ожидали повторенія бѣдствія, но ранняя и дружная весна промыла зараженные пески и унесла зародыши въ Аральское море.

Отъ второго бѣдствія, въ 1870 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, казалинцы отдѣлялись дешевле, хотя нашествіе саранчи имѣло по наружности еще болѣе грандіозный, ужасающій характеръ.

Около обѣда, странный шумъ въ воздухѣ невольно обратилъ на себя общее вниманіе. Этотъ шумъ похожъ былъ на гулъ приближающагося урагана, только съ какимъ-то чрезвычайно зловѣщимъ шипѣніемъ. На юго-восточномъ горизонтѣ показалась темная полоса все болѣе и болѣе расширяющаяся, и скоро захватившая собою полъ-неба. Несмотря на время дня и высокое положеніе солнца, стало темно, какъ въ самыя густыя сумерки. Это масса саранчи, шириною около десяти верстъ, толщиною въ нѣсколько десятковъ сажень и длиною до двадцати верстъ, нагнувшись на Казалию и заслонила собою солнце.

Саранча летѣла такъ низко, что трудно было ходить по улицамъ. По лицу, по головѣ, по чему ни попало, непрерывно хлестали летящіе насѣкомые. Мириады садились на землю, мириады снимались и летѣли дальше. И опять все зеленое было объѣдено и истреблено... Потерю листьевъ выдержали только старыя, хорошо укоренившіеся деревья, а такихъ въ Казалинскѣ было очень и очень не много.

Цѣпь огородовъ, мимо которыхъ проходилъ «Самаркандъ», кончилась; потянулись плоскіе берега, покрытые уже исключительно однимъ камышемъ. Всюду виднѣлись косари—киргизы и русскіе, и блистали на солнцѣ косы... Кочевники только не болѣе пяти лѣтъ какъ научились владѣть косою, а до тѣхъ поръ они и не знали, что такое заготовка корма на зиму.

Камышевое сѣно очень охотно ѣдятъ даже лошади, и запасъ его играютъ немаловажную роль въ степномъ хозяйствѣ. За этою полоскою, чисто прибрежной зелени, свѣтло-зеленымъ, нѣсколько пепельнымъ ковромъ виднѣлись пастбища, покрытыя уже исключительно степною растительностью. Тамъ-и-самъ, словно грибы, высовывались изъ зелени вершины киргизскихъ кибитокъ. Бродили стада овецъ и коровъ, изрѣдка небольшіе косяки лошадей. Аулы лѣпились иногда на самомъ берегу, и съ палубы нашего парохода можно было совершенно свободно разсмотрѣть все, что тамъ дѣлается. Даже внутреннее убранство кибитокъ было открыто для наблюдателя, по случаю поднятыхъ для провѣтриванія бобо-

выхъ войлоковъ... Пароходъ шелъ близко отъ берега — бинники помогали наблюденіямъ. Вотъ, группа женщинъ въ однихъ долгополыхъ рубахахъ, въ громадныхъ джавлукахъ на головахъ, скоблятъ тупыми ножами воловью шкуру и обтираютъ эти ножи о свои же рубахи. Вотъ, одна тащитъ за рога барана, зажавши его между ногъ, точно верхомъ на немъ ѣдетъ. Дальше, группа дѣтей и дѣвушекъ — (послѣднихъ очень легко отличить отъ женщинъ по головному убору) — собралась-было купаться. Начали уже раздѣваться, да замѣтили приближеніе «шайтанъ-канка», и отложили на время свое намѣреніе.

Мужчинъ не было видно вовсе въ аулахъ. Вдали только разбѣжались нѣсколько всадниковъ, мелькая на горизонтѣ чуть замѣтными точками.

Своимъ шумящимъ и посвистывающимъ пароходомъ мы взбудоражили все кочевое населеніе; все повылѣзло изъ кибитокъ и заняло берегъ самыми пестрыми, живописными группами. Совсѣмъ юные ребятишки даже въ воду полѣзли, чтобы поближе рассмотреть чудную лодку; другіе — съ криками и смѣхомъ бѣжали по берегу, провожая наше судно. Шаловливыя киргизки, особенно дѣвушки, смѣялись, показывая при этомъ свои ослѣпительно бѣлые, превосходные зубы, и махали въ знакъ привѣтствія длинными рукавами своихъ рубашекъ.

Случалось пароходу проходить не болѣе какъ въ двухъ-трехъ саженьяхъ отъ берега: надо было видѣть тогда оживленіе этихъ степей; надо было слышать эти шутки и остроты, которыми нѣ перебрасывались съ нашими матросами и стрѣлками... Всѣ эти остроты, большею частью, отличались крайнею нецензурностью и доказывали полную беззабѣчивость молодыхъ, косоглазыхъ, скуластыхъ, но не лишенныхъ нѣкоторой миловидности расавицъ. Женщины въ своихъ солидныхъ тюрбанахъ были враздѣ скромнѣе, и ограничивались только тѣмъ, что поощряли молодежь одобрительными кивками головъ, а иногда и смѣхомъ.

Одна изъ дѣвицъ не удовольствовалась, должно быть, тѣмъ, что успѣла подразнить насъ, пока пароходъ проходилъ мимо; — она вскочила верхомъ на неосѣдланную лошадь и понеслась по берегу... Вся въ красномъ, запыхавшаяся, взволнованная, съ голыми до колѣнъ ногами, съ черными косичками, выбившимися въ-подъ платка, — она была чрезвычайно эффектна въ эту минуту. Ровняясь съ пароходомъ она проскакала версты три, съ криками, не дѣлающими чести ея цѣломудрію; наконецъ она, должно быть, выбилась изъ силъ, остановилась, энергично плю-

нула въ нашу сторону, раскохоталась и шагомъ поѣхала обратно къ своему аулу.

Стопъ!—мы толкнулись носомъ въ отмель и стали,—всего въ двухъ шагахъ отъ берега. Въ одно мгновеніе собрались многочисленные зрители, — но спектакль на этотъ разъ продолжаться не долго; — матросы скоро справились, отпихнулись шестами, и пароходъ пошелъ дальше, дѣлая по случаю мелей самые крутые, непредвидѣнные повороты.

Вообще, плаваніе по Сыръ-Дарьѣ, какъ извѣстно, требуетъ большого навыка и сноровки. Фарватеръ рѣки часто мѣняется, потому что мели переползаютъ съ мѣста на мѣсто, и тамъ, гдѣ вы легко прошли недѣлю тому назадъ, нельзя поручиться, что сегодня вы пройдете также благополучно. По цвѣту воды, по характеру зыби,—опытный глазъ капитана слѣдитъ за подобными измѣненіями, но часто—особенность освѣщенія поверхности, легкая тѣнь отъ пробѣгающаго облака—обманываютъ этотъ глазъ, — и «натыванія» — какъ ихъ здѣсь называютъ, случаются чуть не на каждыхъ десяти верстахъ пройденнаго пути. Дно рѣки везде песчаное или илистое, волненія нѣтъ никакого, а потому толчокъ судна о мель не представляетъ ничего опаснаго, и вызываетъ только минутную остановку. Иногда случаются и слѣдующіе характерные маневры: дурно слушаясь руля, пароходъ не успѣвъ сдѣлать нужный поворотъ, толкнется въ берегъ носомъ и задержится на мгновеніе; а тѣмъ временемъ теченіе повернетъ судно кормою впередъ, эта корма толкнется въ противоположный берегъ, задержится тамъ, и то же теченіе, занеся корму, въ свою очередь занесетъ носъ, и поставитъ судно въ надлежащее положеніе. Такой точно маневръ мы продѣлали у заворота Дарьи, пройдя отъ Казалинска верстъ тридцать, и оставили на мягкихъ берегахъ изрядные отпечатки.

Случалось вамъ когда-нибудь наблюдать за щепкою, плывущей по водосточной канавкѣ? — Сыръ-дарьинскіе пароходы, на своихъ плаваніяхъ внизъ по рѣкѣ, бывають часто очень похожи на эту щепку.

А, вотъ наконецъ и мужское населеніе! На правомъ берегу виднѣется большой аулъ, выбитокъ до сорока. Множество осѣдлыхъ лошадей стоятъ на приволахъ около одной выбитки, отличающейся отъ прочихъ и размѣрами, и цвѣтомъ. Кибитка эта обтянута бѣлымъ войлокомъ, поверхъ него перетянуты широкіе тесьмы, краснаго цвѣта съ ковровымъ узоромъ, боковыя конныя стѣны—тоже приподняты, вмѣсто дверей красный коверъ, надбранный сверху валикомъ. Сѣвонъ красный переплетъ деревян-

ихъ рѣшетокъ видѣются спины сидящихъ. Ихъ довольно много, одѣты они въ парадныхъ костюмахъ, а не въ обыденныхъ рабочихъ халатахъ. У одного свѣтло-синій бархатный халатъ расшитъ даже золотомъ по спинѣ и воротнику. Должно быть, хозяина дома какое-нибудь торжество, и къ нему собрались гости. По близости отъ кибитки стоятъ на треногахъ два большихъ котла, и въ нихъ что-то варится; на разостланномъ войлокѣ лежитъ свѣже-ободранная баранья туша.

Скуластое лицо, въ лисей шапкѣ, съ бородею «à la Napoléon», выглянуло изъ дверей, наставило руку надъ глазами отъ лица, удовлетворило свое любопытство и успокоилось. Это все люди солидные, бывалые, много на своемъ вѣку видавшие, и ихъ удивилъ какимъ-нибудь «шайтанъ-канкомъ». Однако, едва только пароходъ поравнялся съ этою кибиткою, — какъ и оттуда, ропсая и съ трудомъ протискиваясь въ узкія двери, вышли эти лидные люди поглазѣть, хотя бы и на вещь, давно ими виденную.

Женщины и дѣвицы въ этомъ аулѣ вели себя несравненно скромнѣе, чѣмъ въ первыхъ. Еще бы: «сами» дома! Дѣти же сколько не стѣснялись присутствіемъ старшинъ, и чуть въ воду падали, лѣпясь по самому береговому обрыву.

На лѣвомъ берегу видѣются полуразвалившіяся стѣны съ остатками зубцовъ — это старинная крѣпость Чингала. Около и тоже сгруппировалось нѣсколько кибитокъ. Оригинальная, рытая водою, мѣстами обвалившіяся стѣны отбрасываютъ на окружающій песокъ рѣзкую, голубоватую тѣнь; въ этой тѣни лежало стадо козъ, а на самомъ верху, между двухъ углѣбныхъ зубцовъ, сидитъ пастухъ-киргизенокъ, весь голый, въ коленяхъ только штанахъ до коленъ, и во все горло тянетъ свою дикую пѣсню.

— Эй, ты — ворона! — кричитъ ему матросъ съ бака, наставивъ на него рупоромъ.

— Самъ ты ворона! — чуть слышно доносится съ вершины горы.

— Знакомый — въ Казани часто бывалъ, объяснилъ мнѣ мажоръ мое недоумѣніе при звукѣ на русское воззваніе, — русскаго отъѣзда.

Пароходъ идетъ мимо. Скоро и аулъ съ богатою кибиткою вѣщающаго хозяина, и желтыя стѣны Чингалы съ своимъ киргизенкомъ, — все осталось далеко сзади. Песчаная мель видится впереди, она доходитъ почти до самой середины рѣки. Моло не качаются нѣсколько лодокъ — канюковъ, грубо сколочен-

ныхъ въ формѣ башмаковъ, съ загнутыми кверху носами. Здѣсь киргизская переправа, не совсѣмъ законная переправа, потому что, по какому-то непонятному распоряженію, всѣ фортовыя переправы сданы на откупъ и помимо ихъ никто не смѣетъ переправляться на протяженіи сорока верстъ отъ форта, въ обѣ стороны. Должно быть, это очень удобно несчастнымъ киргизамъ, особенно тѣмъ, у которыхъ кочевья занимаютъ оба берега. Впрочемъ, большую часть лѣта, Сырь-Дарья легко переплывается лошадьми и даже мелкимъ скотомъ, а потому странное распоряженіе администраціи остается для кочевниковъ не чувствительнымъ.

Мѣстность стала очевидно ниже. Показались арыки, впадающіе въ рѣку. У нѣкоторыхъ устроены были запруды, для удержанія воды. Вдоль береговъ потянулись плохія пашни, засѣяныя просомъ, и бахчи съ арбузами и дынями.

Сторожа сидятъ въ своихъ камышевыхъ шалашахъ и гоняютъ птицъ трещетками и пращею, швыряя кусочками глины и мелкими камешками.

Большой рукавъ рѣки отдѣлился вправо. Мы вошли въ глубокой, узкій, но за то болѣе глубокой. Кончились обработанныя поля, начались густые камыши, и какіе камыши! Несмотря на то, что теперь начало іюня и растеніе это не достигаетъ даже половины своего роста, всадникъ свободно можетъ спрятаться въ нихъ чаще. Пароходъ идетъ между двухъ ярко-зеленыхъ стѣнъ, чуть не задѣвая ихъ своими колесами.

Поминутно изъ всколыхнувшейся чащи вылетаютъ длиннопалы и плавно несутся надъ самыми камышами. У одного изъ нихъ въ клювъ конвульсивно извивается маленькая змѣя. Вотъ поднялось что-то большое, бѣлое, тяжело взмахнуло своими крыльями, отлетѣло шаговъ на десять и съ шумомъ опустилось внизъ, щелкая по упругимъ стеблямъ, это — пеликанъ, такъ-называемая баба-птица; онѣ появляются здѣсь довольно часто. Вдругъ одинъ мѣстъ пароходъ спугнулъ цѣлую стаю хохлатыхъ утокъ, пестрая вереница поднялась и съ крикомъ заметалась, не представляя, куда бы летѣть отъ этого пыхтающаго и посвистывающаго чудовища.

Стало прохладнѣе; солнце спускалось. Камыши рѣдѣли, и казалось новое развѣтвленіе рѣки. Вдали чуть-чуть видныя мачты... одна, другая, третья... ихъ много. Это пароходъ «Ирровскъ» съ своими баржами, вышедшій изъ Казалинска двѣ недели раньше. Онъ теперь стоитъ на причалахъ у острова Косарала, близъ выхода въ Аральское море. Мы тоже дожи-

прибыть туда же, нагрузиться саксауломъ (мѣстное топливо, о которомъ я буду говорить подробнѣе въ своемъ мѣстѣ), переносить и утромъ выступить въ море.

Чудную картину представлялъ островъ Косъ-аралъ, когда мы, наконецъ, подошли къ нему и стали на причалъ у самаго берега. Островъ образовался изъ большой отлогой косы и отмелей, поросшихъ сначала камышемъ, а впоследствии и другою степною растительностью. Уровень этого острова очень низокъ, а потому онъ не закрываетъ Аральскаго моря, которое видно за нимъ широкою темно-синею полосой.

Солнце спускалось за эту полосу. Все небо горѣло, словно охваченное пожаромъ, и на этомъ огненномъ фонѣ рѣзко очерчивались мачты судовъ съ своими снастями и черныя трубы пароходовъ. На берегу разбросаны были группы палатокъ и кибитокъ, стоянка здѣшнихъ рыбаковъ. У самой воды видѣлись чудовищные котлы, вмазанные въ кольцеобразныя глиняныя печи. Въ этихъ котлахъ вытапливался сомовій жиръ, и красное пламя лизало ихъ закопченные бока, мѣстами даже дѣлаючи красна накалившись. Густые столбы чернаго дыма валили отъ печей и разползались по небу. Снизу эти столбы были багрово-красные, потомъ черные, потомъ опять красные, окрашенные уже послѣдними лучами заходящаго солнца. Рыбачьи лодки, вытасканныя на берегъ для конопатки и осмолки, лежали на пескѣ въ самыхъ живописныхъ группахъ. Всюду видѣлись развѣшанные на жердяхъ для просушки канаты съ крючьями, — варварскій, дикій способъ рыбной ловли, преслѣдуемый на Донѣ, Уралѣ и Волгѣ, какъ уголовное преступленіе, и пользующійся здѣсь, на Сыръ-Дарьѣ, полною гражданственностью.

Громадныя кучи саксаула, заготовленнаго для потребности пароходовъ, поднимались на берегу словно горы. Сотни бѣлыхъ рубахъ копошились у ихъ подножій. Это стрѣлки переносили топливо съ берега на суда, и быстро, торопливо, ну, точно муравьи за работою, — сновали отъ кучъ къ пароходамъ, отъ пароходовъ къ кучамъ, таская тяжелые, узловатые, корявые куски этого страннаго дерева.

На Косъ-аралѣ рыбачать около пятнадцати отдѣльных хозяйствъ. Русскихъ между рабочими мало — преимущественно киргизы, но зато хозяева всѣ безъ исключенія русскіе.

Нанимая киргизовъ по цѣнѣ отъ сорока до пятидесяти рублей въ годъ и закупивъ рублей на сто веревокъ и крючьевъ,

хозяинъ фирмы совершенно обезпечиваетъ себѣ хорошій барышъ, благодаря баснословному обилію рыбы.

Ловится преимущественно «шипъ» (родъ осетра, только тупоголовѣе), сомъ, усаць... ловится и другая рѣчная рыба: сазаны, лини и щуки, но послѣднюю рыбаки пренебрегаютъ. Чтобы опредѣлить приблизительно доходность этой ловли, нужно знать только цѣны, по которымъ продается здѣсь рыбный товаръ на Казалинскомъ рынкѣ. Хорошая, жирная морская осетрина дороже четырехъ копѣекъ за фунтъ, пудами—по рублю пятидесяти копѣекъ. Такъ-называемые, почтари, т.-е. осетры, заходяшіе далеко въ рѣку, измученные продолжительною борьбою съ теченіемъ, худые и безвкусные, отдаются чуть недаромъ. Икра свѣжая по десяти копѣекъ за фунтъ,—жиръ осетровый—четыре рубля пудъ, а сомовій,—до двухъ съ полтиною. Способъ соли икры и рыбы и выварки жира—самый варварскій, а потому продукты получаютъ не особенно хорошихъ качествъ; особенно это отражается на икрѣ, скоро приходящей въ совершенную негодность. Это послѣднее обстоятельство зависитъ также и отъ качества соли, добываемой верстъ за девяносто отсюда прямо изъ земли, взламываніемъ осадочныхъ напластованій. Неподверженная предварительной обработкѣ, соль эта содержитъ много примѣсей, и скоро пріобрѣтаетъ противный, горькій вкусъ съ запахомъ гнили.

Ловля крючьями производится слѣдующимъ образомъ: поперекъ рѣки, на болѣе удобныхъ мѣстахъ, хорошо извѣстныхъ по опыту, протягиваются канаты—переметы, съ деревянными поплавами, и на нихъ, съ промежуткомъ не болѣе трехъ вершковъ, вѣшаются на бичевкахъ желѣзные крючья, очень острые, съ зазубринами на кончикахъ. Благодаря теченію, крючья эти находятся въ постоянномъ движеніи и впиваются во все живое, что только проходитъ мимо; несчастный осетръ или сомъ, попавши на подобный крючокъ, начинаетъ биться и въ него тотчасъ же впиваются другіе крючья, иногда штукъ двадцать, такъ что рыба, несмотря на свою силу, не можетъ уже сорваться. Черезъ извѣстные промежутки времени рыбаки на лодкахъ объѣзжаютъ переметы, «завозы», осматриваютъ ихъ, обираютъ добычу и исправляютъ поврежденія.

Пойманную рыбу тутъ же пластаютъ на берегу, внутренности кипятятъ въ котлахъ для выварки жиру, отдѣляютъ клей и икру и солятъ мясо въ большихъ деревянныхъ ларяхъ, просмоленныхъ и проконопаченныхъ, чтобъ не пропускали раствора «тузлука».

При мнѣ пришли со взморья двѣ лодки, вернувшіяся съ

бора». Онѣ начали выгружать свой грузъ, и цѣлый рядъ громадныхъ осетровъ вытянулся на песокѣ, представляя безобразное, отвратительное зрѣлище. Окровавленные рыбы, съ распоротыми жабрами и разорванными жабрами, бились на песокѣ въ послѣднихъ конвульсіяхъ — были экземпляры до двухъ аршинъ длины даже болѣе, была и мелочь, которую рыбаки швыряли ногами, относились къ ней съ полнымъ пренебреженіемъ.

Вѣтромъ потянуло отъ салотопныхъ котловъ и заразило воздухъ отвратительною вонью. Трудно дышать было отъ этого запаха, но, къ счастью, скоро потянуло въ другую сторону, а то, южъ на Косъ-аралѣ не оставила бы по себѣ пріятнаго воспоминанія.

Кончилась нагрузка топлива; заснули усталые солдаты, угомонились и рыбаки въ своихъ берлогахъ. Островъ заснулъ, и слышался только глухой плескъ берегового прибоя, да рѣзкій звукъ выбиваемыхъ «стеклянокъ» на пароходахъ. Небо чистое, ясное. Барометръ стоитъ хорошо (29+), все предвѣщаетъ намъ хорошую погоду.

IV.

ѣ морѣ.—Утро.—«Анаемскій» нордъ-вестъ.—Матросъ и пѣхотинецъ.—Опасности Аральскаго моря.—Остановка.—Устье Сыръ-Дарьи.—Птичье царство.—Онка.—Голубая вода.—Островъ Барса.—Кельмесь и его страшная легенда.—Свѣжеть въ ночи.—Качка.

Чуть разсвѣло, я проснулся и вышелъ на палубу. За песчаными отмелями острова Косъ-арала — темно-синяя лента захватывала чуть не двѣ-трети горизонта. Проснулась рыбацья слобода; тамъ уже давно все живое находилось въ полномъ движеніи. Густой дымъ валилъ изъ-подъ котловъ, стучалъ молотокъ конопатчика, скрипѣло весло въ деревянной уключинѣ, галѣли рыбаки, перебраниваясь съ одной барки на другую, съ причальныхъ плотовъ на лодки... На одной изъ барокъ ставился громадный трехъ-угольный парусъ. Весь заплатанный, отрепанный, онъ, словно крыло какой-то гигантской птицы, медленно развѣтывался и полоскался на свѣжемъ утреннемъ вѣтрѣ. Верхняя половина его, освѣщенная восходящимъ солнцемъ, горѣла словно огненная, нижняя пряталась еще въ густой, синеватой тѣни. Красиво смотрѣть на все это, глазъ не оторвать.....

— Чортъ бы побралъ этотъ нордъ-вестъ анаемскій! Пожалуй, еще выдти помѣшаетъ!

— А, здравствуйте, капитанъ! Вы думаете?..

— Вотъ посмотримъ! Если не засвѣжѣтъ пуше, — пойдемъ а то дневать придется.

Справились съ барометромъ: стоитъ хорошо, 22 +. Успокоились.

Пароходъ «Перовскъ» развелъ уже пары, взялъ свою баржу на буксиръ и трапы убралъ. Нашъ «Самаркандъ» тоже готовится къ отплытію, и отъ растопленныхъ печей несетъ удушливый, чаднымъ жаромъ.

Вернулась шлюпка, осматривавшая баръ, т.-е. выходъ въ море. Двигающіяся отмели наноснаго теченіемъ песка, мѣняя постоянно направленіе фарватера, дѣлаютъ эту предосторожность далеко излишнею. Баръ оказался вполнѣ удовлетворительнымъ, — на двѣ с половиною фута глубже, чѣмъ намъ надо.

«Перовскъ» далъ свистки и тронулся. Его баржа натянула свои буксиры, попридержала — было прыть парохода, но уступила силѣ и потянулась за нимъ.

Мы должны были выждать, пока «Перовскъ» выберется въ морѣ, и тогда уже сниматься сами. Большинство пассажировъ овладѣло тревожное чувство ожиданія чего-то новаго и не всѣмъ безопаснаго; особенно это было замѣтно между солдатами, толпившимися на бакѣ парохода и на палубахъ баржъ; и въ почти всѣмъ, въ первый разъ пришлось видѣть море, хотя бы даже и Аральское.

— Какъ это тебя волною съ одного бока двинетъ, — ты это сейчасъ либо брюхомъ на палубу, либо о-бортъ скулою... А из-подъ ногъ ровно что у тебя половицы выдергиваетъ, рассказываетъ разныя страсти бывалый матросъ — новичку пѣхотинцу.

— А я обѣими руками держаться буду, — говоритъ смущенный нѣсколько солдатъ.

— Держись, братъ, это хорошо! Да и зубами прихвати маленько, — соглашается матросъ.

— Все нутро-то это изъ тебя повывернетъ... Помереть легче. — слышится за свергомъ канатовъ.

— Зачѣмъ помирать — что за важность!..

Чуть уже виднѣются изъ-за отмелей, поросшихъ камышемъ, трубы «Перовска» и его высокія мачты. Вотъ эти трубы двигаются все тише и тише, вотъ совсѣмъ остановились. Назадъ поворачиваютъ... Да, такъ... Сюда идетъ «Перовскъ»... что случилось?

Бѣловатая полоска дрогнула на горизонтѣ и подернула морскую синеву легкою зыбью. Пахнуло и на насъ свѣжестью и сыростью моря.

— Засвѣжѣло! — не безъ досады проворчалъ капитанъ, положивъ на столѣ биннокль и велѣвъ погасить топки.

Пароходъ «Перовскъ» не рискнулъ выйти въ море и повернулъ оглобли.

Аральское море, открытое со всѣхъ сторонъ, не совсѣмъ удобное море для спокойнаго плаванія, особенно такихъ судовъ, каковы составляющіе аральскую флотилію. Длинной и покойной волны, легко несущей судно, здѣсь не бываетъ, а при первыхъ порывахъ вѣтра поднимается тотчасъ же — такъ-называемая — «толчея», т.-е. мелкая зыбь, увеличившаяся до значительныхъ размѣровъ. Здѣшніе пароходы почти плоскодонные и сидятъ мелко; у нихъ нѣтъ киля, могущаго противостать этой дробной, подтапливающей снизу силѣ, и пароходы рискуютъ, ни болѣе, ни меньше — какъ переломиться. Для баржъ въ этомъ отношеніи опасность предстать меньшая, но, потерявъ пароходъ, они должны остаться въ совершенно безпомощномъ состояніи, — на морѣ, окруженномъ самыми дикими, безжизненными берегами... Смерть отъ голода и жажды на палубѣ, та же смерть — если баржу выкинетъ какъ-нибудь или на пустынный островъ — отмель, — или же на такой же пустынный берегъ; конечно, баржи могутъ еще пользоваться парусами, — а если вѣтеръ стихнетъ, или приметъ невыгодное направленіе?...

Принимая въ расчетъ всѣ эти, могущія случиться, послѣдствія, — пароходы чрезвычайно осмотрительно относятся къ выходу за баръ; и самый легкій вѣтеръ, угрожающій перейти въ порывистый, степной вихрь, задерживаетъ пароходы на барѣ на довольно значительное время, а что всего хуже, на совершенно неопредѣленное. Даже во время самаго плаванія, суда принуждены бывають часто бросать свой курсъ, направляться къ восточному берегу, и искать тамъ затишья, подъ защитою цѣлой цѣпи острововъ, унизывающей этотъ берегъ Аральскаго моря.

Однако на этотъ разъ, на наше счастье, тревога оказалась фальшивою. Море скоро успокоилось, зыбь улеглась; барометръ поднялся еще на 2°22", и къ полудню мы снова развели пары и тронулись съ мѣста стоянки.

Чудную картину представляли безчисленныя развѣтвленія Сырь-Дары, вливавшей въ море свои мутныя воды. Громадныя отмели, почти не возвышаясь надъ водною поверхностью, отличались отъ нея только своимъ золотисто-желтымъ цвѣтомъ. Передъ вашими глазами раскидывалась точно гигантская карта, раскрашенная самыми яркими тонами. Тамъ желтый, сверкающій на солнцѣ песокъ граничитъ съ темно-лиловою полосою воды, на которую набѣжала тѣнь облака; тамъ, словно бирюза, сверкаетъ чудная ла-

зурь отраженнаго неба, рядомъ съ нею тянется изумрудная полоска камышевыхъ зарослей, а за нею, словно снѣгъ, бѣлымъ покровомъ раскинулся солончаекъ, испещренный бурными пятнами прошлогодней, погибшей растительности.

Мѣстами виднѣлись отмели, покрытыя водою не болѣе какъ на дюймъ. Блескъ солнечныхъ лучей скрывалъ желтизну песка, и мириады голенастыхъ, прогуливающихъ, или стоящихъ рядами, на подобныхъ отмеляхъ, казались просто гуляющими на водной поверхности; полныя, опрокинутыя отраженія еще болѣе усиливали этотъ оптический обманъ, и только набѣгающая тѣнь, по временамъ, открывала истину. Бѣлые пеликаны сидѣли на мелі цѣлыми группами; лебеди плавали и ныряли, брызгая и оставивъ за собою длинныя, издали замѣтныя борозды. Тысячи чаекъ съ крикомъ носились надъ мачтами, темный альбатросъ высоко распласталъ въ воздухѣ свои крылья... Да это цѣлое птичье царство!.. Я ничего еще до сихъ поръ не видѣлъ подобнаго!..

Пароходъ «Перовскъ» идетъ далеко впереди насъ. Онъ уже давно вышелъ въ море, онъ ставитъ паруса... этотъ маневръ мы ясно видимъ даже безъ помощи биноклей.

— Не хочеть, чтобъ мы его перегнали... подсмѣивается нашъ капитанъ.

Тщетная попытка! «Перовскъ» только въ 60 силъ, — «Самаркандъ» же въ 75. Мы должны догнать его и обойти черезъ часъ, даже менѣе. Вотъ, мы мало по-малу и поравнялись.

Распустивъ паруса, усиленно дыма обѣими трубами, оставивъ за собою пѣнистую борозду, «Перовскъ» очень красиво рѣжетъ ярко-зеленую, изумрудную поверхность моря. Мы всѣ на палубѣ, смотримъ въ бинокли и любуемся пароходомъ. Тамъ тоже вся палуба пестрѣетъ народомъ; они въ свою очередь любуются нами... эта импровизованная гонка продолжалась недолго; вотъ мы и обошли. «Перовскъ» теперь идетъ сзади насъ; онъ держитъ курсъ немного правѣе.

Бойкій, расторопный матросъ, съ салфеткою подъ мышкою, докладываетъ, что завтракъ поданъ. Безукоризненная бѣлизна скатерти и сверкающее стекло приборовъ дразнятъ аппетитъ и манятъ подъ «тентъ». Пора завтракать!

Мы отошли уже далеко. Островъ Косъ-араль, самая возвышенная часть оставленнаго нами берега, чуть виднѣется туманною полоскою. «Перовскъ» все еще въ виду; онъ не очень-то отстаетъ отъ насъ, — ему паруса помогаютъ.

Я видѣлъ воды нѣсколькихъ морей, и только въ водѣ Аральскаго могу вполне примѣнить эпитетъ «изумрудный». Тутъ,

положительно, нѣтъ поэтического преувеличенія. Вода дѣйствительно прелестнаго изумруднаго цвѣта и необыкновенно прозрачна. Эффектъ еще болѣе усиливается отъ ярко-голубыхъ рефлексовъ тѣневыхъ сторонъ волнъ и ослѣпительной бѣлизны пѣны подъ колесами. Глазъ не выдерживаетъ этого блеска, и если вы, хотя пять минутъ, безостановочно смотрѣли на воду, вамъ долго послѣ этого все остальное кажется, словно задернуто зеленымъ вуалемъ.

На вкусъ вода Аральскаго моря очень солона, и сильно возбуждаетъ кожу послѣ купанья. Все тѣло ваше горитъ какъ въ огнѣ, зато скоро этотъ усиленный жаръ смѣняется пріятною свѣжестью и бодростью во всемъ организмѣ. На пароходѣ, у колеса, устроена превосходная душъ, и мы всѣ очень часто пользуемся этимъ удобствомъ.

Курсъ парохода удаляется мало по-малу отъ восточнаго берега; онъ идетъ какъ разъ серединою моря, напрямикъ. Кругомъ не видно ничего, напоминающаго землю; одна безконечная лазурь водной поверхности. Небо чистое, безоблачное; вѣтерокъ легкій и въ тому же попутный. Наши баржи поставили паруса,—ходъ усилился.

Мы вышли уже на параллель острова «Николая»; самый островъ не можетъ быть видѣнъ; онъ не высокъ, а до него, по крайней мѣрѣ, восемьдесятъ верстъ... А вотъ еще что-то синѣетъ вдаль, вправо; не то облачко, не то миражная, туманная полоска. Это островъ Барса-кельмесь, страшное, зловѣщее названіе, напоминающее одно изъ трагическихъ событій въ жизни при-аральскихъ кочевниковъ.

«Барса-кельмесь» значитъ: туда пойдешь, — назадъ не вернешься. Легенда говоритъ, что, лѣтъ сорокъ тому назадъ, нѣсколько прибрежныхъ ауловъ, испугавшись степныхъ смутъ и разбоевъ, рѣшились воспользоваться суровою зимою, сковавшею льдомъ море, и переселились на этотъ островъ. Переселенцы очень хорошо знали, что постоянно жить на песчаникѣ, лишенныхъ растительности отмеляхъ, — невозможно, а потому запаслись на годъ всѣмъ необходимымъ, рассчитывая слѣдующею зимою, по льду же, вернуться на континентъ. Къ тому времени, предполагали они, въ степи станетъ покойнѣе, кто-нибудь возьметъ же верхъ: или русскіе, или смѣлый батырь ихъ, Аблой-Кенисары... а тогда, во всякомъ случаѣ, вончатыя всѣ военные ужасы. Но, увы! въ степяхъ дѣйствительно успокоилось, за то слѣдующая зима оказалась менѣе суровой, — море не замерзло, и несчастнымъ пришлось провести на островѣ еще годъ. Къ половинѣ этого рокового года, — уже ни одного живого существа не было на островѣ. Голодная смерть

покончила со всѣми, и много лѣтъ спустя, русскія суда, экскурсирующія Аральское море и его острова, нашли только множество человѣческихъ скелетовъ, разбросанныхъ по близости обветшалыхъ, полуразнесенныхъ вѣтромъ, растрепанныхъ кибитокъ. Островъ этотъ получить другое какое-то официальное названіе, кажется островъ «Бековича», но это новое названіе осталось только на картахъ и никому неизвѣстно; народное же названіе «Барсакельмесъ» извѣстно каждому прибрежному кочевнику.

Солнце садилось довольно подозрительно. Туманная полоса, сквозь которую просвѣчивалъ багровый дискъ, все сгущалась и становилась шире. Надо было ночью ждать вѣтра, и вѣтра довольно порывистаго. Солдаты приуныли, матросы стали серьезнѣе, орудія были закрѣплены, маленькія пушки на кожухахъ совсѣмъ убраны, запасы топлива съ палубы спустили куда-то внизъ; вообще были приняты мѣры, чтобы какъ можно ниже перемѣстить центръ тяжести нашего плоскодоннаго парохода-плота. На баржѣ тоже суетились; тамъ обтягивали борта канатомъ, — могущимъ служить перилами... Всѣ, съ нескрываемымъ безпокойствомъ, поглядывали на маленькіе бѣлые всплески, «зайчики», начавшіе уже пестрить поверхность моря.

Пароходъ начало уже покачивать; это не трудно было замѣтить по походе passengers, которые едва держались на ногахъ, поминутно хватаясь руками, за что ни попало.

— Это не долго, — господа, не долго... — подбодривалъ насъ капитанъ съ своего мостика: — *этотъ* не долго дуть будетъ, часа два не больше; къ утру совсѣмъ покойно станетъ.

Берегись! — Бѣлый гребень поднялся надъ бортомъ и перевалился на палубу... Плеснуло-таки изрядно; — кое-кого подмочило... Качка усилилась. Что за безкокойная, безтолевая качка!... То судно покренить на бокъ, такъ что одно колесо погрузится до половины кожуха, а другое вертится чуть не на воздухъ, едва задѣвая воду своими лопастями, то вдругъ поддастъ подъ корму, и пароходъ зароется носомъ... Гдѣ-то потрескиваетъ, и весьма подозрительно... Куда-то внизъ торопливо полѣзли матросы съ ведрами... Всѣ борты унизаны «страдающими». На палубѣ — хоть калоши надѣвай! хорошо, что большинство въ высокихъ походныхъ сапогахъ... Въ каюты идти нѣтъ охоты; тамъ темень непроницаемая; всѣ люки заколочены наглухо, а лампы зажечь нѣтъ никакой возможности... Никакъ стихаетъ?... Какой! еще хуже разыгрывается. Баржи за нами, словно страшныя привидѣнія, такъ вотъ и хотятъ повалиться на носъ; экъ ихъ раскачиваетъ!...

Ночь проведена безъ сна: какой тутъ сонъ, когда съ минуты

на минуту ждешь, что вотъ-вотъ затрепещитъ посильнѣе, вотъ-вотъ «переломится» и тогда... глаза невольно ищутъ спасительнаго буйка... Нашъ англичанинъ оказался предусмотрительнѣе всѣхъ, онъ систематически развернулъ свой гуттаперчевый снарядъ и надуваетъ его; вокругъ пояса у него тоже виднѣется что-то колбасовидное...

Капитанъ былъ правъ, какъ и всегда капитаны бываютъ правы. Еще не успѣла какъ слѣдуетъ разгорѣться утренняя заря, какъ вѣтеръ стихъ и взволнованная поверхность стала понемногу успокоиваться. На «камбузѣ» развели огонь и приготовили чай, это очень хорошій напитокъ послѣ такъ дурно проведенной ночи.

— Ромъ и лимоны неси!..—распоряжается капитанскій помощникъ. Это его специальность и прямая обязанность.

V.

Рѣзкая граница прѣсной воды съ соленою.—Вѣха.—Маякъ.—Новая рыбацья колонія.—Немного географіи.—Улькунъ-дарья.—Аулы.—Кара-капакы.—Наши новые подданные.—Джигитъ.—Быкъ-шалунъ.—Крѣпость Акъ-кала и воспоминанія.—Остановка на ночлегъ.

Мы все еще въ морѣ. Кругомъ вода и небо:—вода ярко-зеленая, небо темно-синее... Вдали, «подъ носомъ», по нашему, сухопутному—впереди—показалась, наконецъ, полоса пепельно-желтаго глинистаго цвѣта.

— Чтѣ это—берегъ?—спрашиваемъ у капитана.

— Нѣтъ, до берега еще далеко; это прѣсная вода.

Недоходя до устья Аму верстъ пятнадцать, вода сразу теряетъ всѣ свои морскія качества: ярко-зеленый цвѣтъ смѣняется мутнымъ, глинистымъ, сильно соленый вкусъ смѣняется совершенно прѣснымъ, и этотъ переходъ поражаетъ глазъ наблюдателя совершеннымъ отсутствіемъ постепенности.

Когда мы подошли ближе, то граница прѣсной и соленой воды опредѣлилась совершенно точно, словно водная поверхность была окрашена двумя разными красками. Въ ту минуту, когда пароходъ пересѣкалъ эту границу, можно было съ носа черпать воду прѣсную, для питья совершенно годную, межъ тѣмъ какъ съ кормы вода зачерпывалась совершенно соленая. Колеса парохода вспахивали уже грязную воду Аму, а еще не улеглась жемчужно-бѣлая борозда, оставленная судами на поверхности моря... Какъ-то странно даже смотрѣть на этотъ феноменъ, и все видѣнное невольно кажется какою-то утрировкой.

Береговъ еще не видно; они далеки, да къ тому же совер-

шенно плоски; скоро должны мы замѣтить маякъ-вѣху, поставленную для указанія «бара». Капитанъ уже отыскиваетъ ее, не отнимая своего бинокля отъ прищуренныхъ глазъ.

Вотъ показалась слѣва какая-то полоска и скрылась за рябью. Вонъ, вдали, подъ бугинпритомъ мелькнули двѣ темныя точки, — это вѣхи?!. Нѣтъ, это лодки; къ намъ плывутъ рыбаки; имъ поручено наблюдать «баръ» и встрѣчать пароходы; за это они получаютъ каждый разъ по два рубля—не особенно дорого!..

Къ намъ приближались два туземныхъ кайка, съ сильно загнутыми вверхъ носами; они шли подъ парусомъ, сильно напоминающимъ классическій—латинскій. На встрѣчу этимъ кайкамъ пошла одна изъ нашихъ шлюпокъ. Встрѣтились, поговорили... Подняли весла вверхъ, — сигналъ:—идти, все обстоитъ благополучно. Кайки пошли къ намъ, шлюпка потянулась куда-то въ сторону.

А, вотъ и берегъ! вотъ и вѣха,—длинная жердь съ пучкомъ хвороста на верхушкѣ, подпертая со всѣхъ сторонъ для устойчивости. Нѣсколько землянокъ разбросано по берегу, двѣ-три кибитки, нѣсколько кайковъ, вытщенныхъ на землю, днищами къ верху... Опять тѣ же котлы и столбы черного дыма, опять знакомые крючья и переметы, развѣшанные для просушки... Это новая рыбацья колонія русскихъ промышленниковъ, перебравшаяся съ Сыра къ устьямъ Аму уже въ недавнее время, послѣ извѣстныхъ политическихъ событій.

Рыбаки не жалуются на новое мѣсто; дѣла ихъ идутъ хорошо: «потому—край не початой, рыба не пугана», какъ говорятъ они сами.

Въ этой колоніи живутъ три семьи, или, правильнѣе—три хозяйства. Наемные рабочіе—мѣстные кара-капкаи; способъ ловли—тотъ же, варварскій,—крючьями; сбытъ въ Казалинскъ, черезъ него—дальше. Съ аму-дарьинскимъ же округомъ, несмотря на близость, колонія эта никакихъ сношеній не имѣетъ, за неудобствомъ сообщенія.

Аму-Дарья не доходить до Аральскаго моря. Верстъ за триста выше, она развѣтвляется на множество рукавовъ, и эти рукава, достигая размѣра значительныхъ, самостоятельныхъ рѣкъ, теряютъ уже названіе Аму, и имѣютъ каждый свое собственное. Главнѣйшія изъ нихъ: Янги-су, Улькунъ-дарья съ своимъ протокомъ Кичкене-дарья, Куванъ-джарма, Талдыкъ и другіе. Эти-то протоки, занимая громадный треугольникъ, вершина котораго Нукусъ — у самого развѣтвленія, а основаніе — извилистая линія морского берега, и называются аму-дарьинскою дельтою,—предметъ изслѣдованія и изученія для нашей экспедиціи.

Мы вошли въ рукавъ Кичене-дарьи «т.-е. малая рѣка», баръ которой оказался наиболѣе удобнымъ...

Тѣ же плоскіе берега, тѣ же песчаные отмели, тѣ же камни, какъ и на Сыръ-Дарьѣ; сходства много. Даже кибитки прибрежныхъ ауловъ тѣ же самыя, по крайней мѣрѣ издали такъ кажется, вблизи можно еще разсмотрѣть нѣкоторую разницу въ формѣ крышъ и самыхъ кибитокъ, болѣе приплюснутой. Первое, что рѣзко бросается въ глаза—это полное отсутствіе головныхъ уборовъ чисто киргизскаго типа; здѣсь вы не встрѣтите уже ни оригинальныхъ малахаевъ, ни разнѣзныхъ войлочныхъ шапокъ, все это замѣняется большою бараньей шапкою преимущественно чернаго цвѣта, чрезвычайно напоминающей кавказскую папаху.

Типомъ лицъ кара-калпаки замѣтно отличаются отъ киргизовъ: приплюснутые монгольскіе носы здѣсь уже рѣдкость, скулы не такъ выдаются, бороды и брови значительно гуще,—замѣтно сильное преобладаніе тюркской расы. Типъ кара-калпака красивѣе типа киргиза, но зато вы здѣсь рѣдко встрѣтите веселую, открытую фizioномію, не встрѣтите этого живого, хитраго, умнаго выраженія глазъ, такъ обыкновеннаго между киргизами, не увидите ни одного смѣлаго, энергическаго движенія. Васъ невольно поражаетъ какая-то забитость, оупленіе, присущія кара-калпаку, и, вглядываясь внимательнѣе въ черты его лица, рассматривая эти глаза, тупо, безцвѣтно, неопредѣленно смотрящія, эти рты, полураскрытые, съ апатично-отвиснувшей нижнею губою, вы ясно видите грустные слѣды забитой, угнетенной расы...

Плывя по Кичене-дарьѣ, мы только къ полудню вышли въ Улькунъ-дарью, которая замѣтно шире, и берега ея значительно оживленнѣе.

Показались вочевья и аулы съ множествомъ кибитокъ и зимовокъ, показались стада, гдѣ преобладали мелкій рогатый скотъ и лошади; невольно обращаетъ вниманіе полное отсутствіе верблюдовъ, не выносящихъ лѣта на этихъ обильныхъ комарами и мошками низменностяхъ. Зато у многихъ кибитокъ видѣлись ясные признаки осѣдлости, или, по крайней мѣрѣ, перехода къ ней:—тамъ-и-сямъ стояли большія двухколесныя арбы, и небольшой обозъ изъ десятка арбъ, запряженныхъ быками въ одиночку, скрылся и визжа на всю округность, тянулся по довольно сносной дорогѣ... Видѣлись участки, вспаханные и засеянные джугарою и просомъ.

И здѣсь, при проходѣ нашихъ судовъ, берега унижывались группами любопытныхъ, но это не были тѣ живые, веселыя группы... Молча, апатично смотрѣли кара-калпаки на невидан-

ную диковину, и потихоньку расходились по своимъ кибиткамъ, когда «диковина» скрывалась изъ вида.

Какой-то джигитъ, въ черной шапкѣ, на высокорослой лошади, покрытой попоною до самыхъ ушей, подѣхалъ къ самому берегу, угрюмо поглядѣлъ на насъ и поскакалъ короткими галопомъ, ровняясь съ судномъ—это и не трудно было для его коня, потому что противъ теченія пароходъ идетъ тихо, не болѣе семи верстъ въ часъ. Часа два провожалъ насъ джигитъ такимъ образомъ; матросы пробовали съ нимъ заговаривать,—не отвѣчаетъ... Свистокъ парохода встревожилъ большое стадо, подошедшее къ рѣкѣ для водопоя... Черный, красивый быкъ замѣтилъ коровъ на палубѣ нашей баржи, заревѣлъ и бросился въ воду; онъ поплылъ къ намъ, ловко борясь съ теченіемъ, выбрался на середину рѣки,—его захлеснуло волною изъ-подъ колеса. На берегу раздались шумъ и крики, особенно между женщинами, слышались угрозы и ругательства, обращенныя къ намъ, будто мы были причиною случившагося съ быкомъ несчастія.

Впослѣдствіи мнѣ не разъ приходилось замѣчать то, далеко недружелюбное отношеніе къ намъ при-аму-дарьинскаго населенія. Если они и не имѣютъ повода относиться къ намъ черезчуръ враждебно, то пока нѣтъ и причинъ къ болѣе теплому дружескому отношенію... Что покажутъ дальнѣйшія событія, будемъ ждать и надѣяться... авось и приручимъ къ себѣ нашихъ новыхъ подданныхъ.

— Не скоро еще!—замѣчаетъ, закуривая сигару, нашъ капитанъ:—онъ старый азіатецъ и хорошо знаетъ мѣстные нравы.

Скоро мы должны пройти подъ самыми стѣнами береговой хивинской крѣпости Акъ-кала — фортъ этотъ былъ построенъ наскоро, года два до нашествія нашего на Хиву, и его возведеніе имѣло уже для насъ довольно ощутительное послѣдствіе. Пароходъ «Самаркандъ», тотъ самый, на которомъ мы плывемъ теперь, сильно пострадалъ отъ хивинскихъ ядеръ, пущенныхъ съ верховъ Акъ-калы; у него подбили орудіе, повредили кожу и перебили прислугу, но въ общемъ результатъ, перевѣсъ канонадъ оказался на нашей сторонѣ, гарнизонъ оставилъ крѣпость и наша эскадра благополучно прошла мимо нея, пробираясь на соединеніе съ оренбургскимъ отрядомъ.

Начались воспоминанія и рассказы объ этомъ событіи; только эти рассказы, выходя прямо изъ устъ очевидцевъ и участниковъ дѣла, отзывались какимъ-то юморомъ, и довольно даже злымъ... Надо полагать, что путешники имѣли какое-нибудь основаніе изощрять такъ свое остроуміе.

Мы завидѣли желтоватыя стѣны крѣпости еще на поворотѣ рѣки, группа деревьевъ зеленѣла за этими стѣнами, дальше — еще какія-то развалины... «Отсюда, говорили мнѣ, — открыть былъ огонь нами — катали все картечью»... Разстояніе на глазъ версты полторы, на дѣлѣ оказалось много больше; картечный же выстрѣлъ имѣетъ значеніе развѣ на одну четвертую часть этого разстоянія.

Послѣ этого знаменитаго Акъ-калинскаго дѣла состоялась и та несчастная командировка Шабашева съ двѣнадцатю матросами, кончившаяся такъ трагически для посланныхъ.

Мы прошли подъ самыми стѣнами Акъ-калы, не болѣе какъ въ двадцати саженьяхъ отъ нихъ. Крѣпость эта въ настоящее время брошена и уже полу-развалилась. Какъ и всѣ азіатскія крѣпости, она состоитъ изъ четырехугольнаго пространства, обнесеннаго довольно высокою, глинобитною стѣною съ фланкирующими угловыми выступами въ родѣ башенъ. По близости ютятся нѣсколько сакель и мазанокъ, и видно что-то въ родѣ небольшого базара. Дымокъ, поднимающійся изъ-за группы «карагачей», указывалъ на присутствіе людей въ этихъ сакляхъ. А, вотъ они и сами вылѣзли изъ-за стѣнокъ и смотрять; въ сгустившихся сумеркамъ чуть только можно разсмотрѣть эти темныя, двигающіяся группы.

Что-то вдругъ сильно застучало у насъ въ лѣвомъ колесѣ... Засуетились, остановились, начали осматриваться. Оказалось — пустая: — лопнулъ ободъ у колеса и вывалилось одно его звено. Пошли дальше. Стемнѣло совсѣмъ, и изъ пароходныхъ трубъ полились огненные фонтаны. На потемнѣвшихъ берегахъ, въ густомъ мракѣ послышались возгласы изумленія и даже страха.

— Три съ четвертью! — раздается голосъ лотоваго матроса.

— Тише ходъ! — слышится съ капитанскаго мостика.

— Ровно три!.. — раздается опять.

— Стопъ машина!

... — Такъ, чѣмъ, ты говоришь, его ранили, — осколкомъ подушки?.. — допрашиваетъ кто-то подъ тентомъ.

Мы вплотную подтянулись къ берегу, занесли «тали», спустили трапъ и расположились на ночлегъ. Тѣмъ временемъ выгрузили на берегъ, установили небольшую переносную кузницу и принялись за починку поврежденнаго колеса.

Разошлись и мы по своимъ ваютамъ — до утра.

Н. КАЗИМЪ.

ПРЕДСМЕРТНАЯ ПѢСНЬ

ПЛЫВНАГО КОНУНГА РАГНАРА.

Звенѣлъ нашъ мечъ!—въ тотъ день счастливый,
Когда въ британскимъ берегамъ
Примчалъ насъ вѣтеръ прихотливый;
Готовилъ савесъ погибель намъ.
Мечи стучали, стрѣлы пѣли,
Врубался въ панцири топоръ,
Но насъ враги не одолѣли,
Раздавленъ бѣшенъ отпоръ.
Чернѣла мертвыми тѣлами
Равнина Дуврская крутомъ,
Обмыло море ихъ—волнами,
И съ честью скрыло подъ пескомъ.

Звенѣлъ нашъ мечъ!—въ день жаркой сѣчи
Среди Нортонскихъ полей,
Разсѣкъ я племъ вождя, на плечи
Скатилась прядь его кудрей,—
И умеръ онъ. Младая дѣва
Вѣнчали съ плачемъ милый прахъ,
Но бардъ сложилъ о немъ напѣвы,
Напрасно женщины въ слезахъ!
Съ войною слава неразлучна,
Нѣтъ лучше въ мѣрѣ дѣлъ войны,
Кто не былъ раненъ, прожилъ скучно,
Какъ осень, дни его темны.

Звенѣлъ нашъ мечъ—считать ли битвы?
 Повсюду грознаго меча
 Враги бѣжали, и молитвы
 Шептали робкія уста.
 Отъ юныхъ лѣтъ съ дружиной славной
 Желѣзо кровью я багрилъ,
 Въ морскихъ походахъ славы равной
 Никто со мной не заслужилъ.
 Съ ладья, добычей нагруженной,
 Завижу-ль берегъ я родной,
 Горятъ костры, народъ довольный
 Встрѣчаетъ чашей круговой.

Звенѣлъ нашъ мечъ!—мои страданья
 Услыште, старые друзья,
 Подъеми кликъ негодованья,
 Дружина вѣрная моя!
 Одинъ въ стѣнахъ сырой темницы,
 Мой голосъ вторить лишь цѣпямъ,
 Ко мнѣ не сходить лучъ денницы,
 На пищу отданъ я змѣямъ.
 Но врагъ отплатить эти муки,
 Зажгутся датскія сердца!
 Берите, дѣти, копьѣ въ руки,
 И мстите кровью за отца!

Звенѣлъ нашъ мечъ!—слабѣетъ голосъ,
 Врагу не страшенъ мой укоръ,
 Серпомъ подрѣзанъ гордый колосъ,
 Мой трупъ утѣшить вражій взоръ.
 Свершилось! Кончить пѣсню время,
 Текуть послѣдніе часы,
 Не страшно скинуть жизни бремя,
 Зовутъ небесныя красы.
 Иду на пиръ въ чертогъ Одина,
 Стопились дѣвы на крыльцѣ...
 Съ виномъ, о, боги! встрѣтите сына,
 Онъ умеръ съ смѣхомъ на лицѣ.

А. ЯЗНКОВЪ.

ПРОСТУПОКЪ АББАТА МУРЭ

РОМАНЪ.

Соч. Эмilia Золя.

XV *).

Комната аббата Мурэ, расположенная на одномъ концѣ приходскаго дома, была большимъ покоемъ съ двумя громадными окнами. Одно изъ нихъ выходило на скотный дворъ Деази, другое на деревню Арто съ видомъ вдаль, на долину, на холмы на весь горизонтъ. Кровать съ желтымъ пологомъ, комодъ изъ орѣховаго дерева, три соломенныхъ стула терялись подъ высокимъ потолкомъ съ бѣлыми балками. Легкій затхлый запахъ свойственный стариннымъ деревенскимъ постройкамъ, поднимался отъ пола, выкрашеннаго красной краской и блестящаго какъ зеркало. На комодѣ большая статуэтка «Безгрѣшнаго Зачатія» стояла между двумя фаянсовыми вазами, куда Тёза воткнула одну сирень.

Аббатъ Мурэ поставилъ лампу передъ Мадонной, на край комода. Онъ чувствовалъ себя такъ дурно, что рѣшился развести огонь въ каминѣ, и присѣлъ передъ нимъ съ щипцами въ рукахъ, глядя, какъ горѣли головни: пламя озаряло его лицо. Подъ собою онъ слышалъ, какъ крѣпко спалъ весь домъ. Отъ тишины, царствовавшей кругомъ, у него шумѣло въ ушахъ и стали слышаться наконецъ какіе-то голоса, шептавшіе ему что-

*) См. выше: янв. 253 стр.

то на ухо. Постепенно и неотразимо эти голоса овладѣвали егѣ вниманіемъ, усиливали тревогу, уже неоднократно въ теченіи дня сжимавшую ему горло. Откуда взялась эта тревога? Чтѣ могло означать это непривычное волненіе, которое все усиливалось и стало наконецъ нестерпимымъ? Между тѣмъ, онъ не знаетъ за собою никакого проступка. Ему казалось, что онъ только-что вчера вышелъ изъ семинаріи, съ тою же сильной вѣрой; что соблазновъ міра для него какъ-бы не существовало, и онъ, живя среди людей, видѣлъ одного Бога.

Ему представилось, что онъ все еще находится въ своей прежней кельѣ; вотъ, настало утро, пробило пять часовъ, моментъ пробужденія семинаристовъ. Дежурный дьяконъ проходитъ, ударяя палкой въ его дверь съ установленнымъ возгласомъ:

— Benedicamus Domino!

— Deo gratias!—отвѣчалъ онъ, еще не вполне проснувшись и съ заспанными глазами.

Соскочивъ на узенькій коврикъ, онъ мылся, стлалъ свою постель, мель комнату, наливалъ свѣжую воду въ кувшинъ. Онъ съ радостью исполнялъ эти хозяйственные распоряженія, пожимаясь отъ утренняго холода. Онъ слышалъ, какъ воробьи просыпались одновременно съ нимъ, на яворахъ, росшихъ на дворѣ, и оглушительно хлопали крыльями и чирикали. Онъ представлялъ себѣ, что они также молятся на свой ладъ, и спускался въ залу Размысленій, гдѣ, прочитавъ молитвы, стоялъ съ полчаса на колѣняхъ, размышляя о любимомъ изреченіи Лойолы: «какая польза человѣку въ томъ, если онъ пріобрѣтетъ вселенную, душу же свою погубить». То была богатая тема для добрыхъ намѣреній, въ силу которыхъ онъ отказывался отъ всѣхъ благъ земли и постоянно дѣлалъ мечту о жизни въ пустынѣ, подъ открытымъ синимъ небомъ, которое было бы его единственной роскошью. Черезъ какихъ-нибудь десять минутъ его колѣни тогда уставали и наболѣвали на каменномъ полу, и онъ мало по-малу приходилъ въ забытѣ, впадалъ въ экстазъ, и въ этомъ состояніи видѣлъ себя великимъ завоевателемъ, властелиномъ огромной имперіи, отвергающимъ корону, разбивающимъ свой скипетръ, попирающимъ ногами невѣроятныя богатства, сундуки съ золотомъ, цѣлые потоки драгоценностей, матерій, унизанныхъ дорогими камнями, чтобы укрыться въ Оивандѣ, облачась въ власяницу, раздиравшую ему кожу. Но обѣдня отвлекала его отъ этихъ мечтаній, и онъ разставался съ ними какъ съ прекрасной дѣйствительной исторіей, будто случившейся съ нимъ во времена днѣ. Онъ причащался, пѣлъ псаломъ ретиво, не слыша ничьего голоса, кромѣ

своего собственнаго, такого чистаго и яснаго, что ему казалось, что онъ доходить до Бога. Возвращаясь въ свою комнату, онъ шагаль черезъ одну ступеньку, какъ это рекомендуютъ Бонавентура и Тома Аквинатскій, шель медленно, съ сосредоточеннымъ видомъ, съ слегка наклоненной головой, находя невыразимое наслаждение въ исполненіи мельчайшихъ предписаній. Затѣмъ, наступало время завтрака. Въ столовой, корки хлѣба, выставленныя позади рюмокъ съ бѣлымъ виномъ, радовали его; у него былъ хорошій аппетитъ, онъ былъ веселаго нрава и говорилъ, наприимѣръ, что вино — добрый католикъ, что было очень смѣлымъ намекомъ на то, что экономъ развлекаетъ бутылки водою. Это не мѣшало юношѣ снова дѣлаться серьезнымъ, входя въ классъ. Онъ писалъ замѣтки въ то время, какъ профессоръ, опершись локтями на кафедру, говорилъ на странномъ латинскомъ языкѣ, вставляя иногда французское слово, когда не могъ подобрать ничего лучше. Возникали пренія; ученики препирались на дикомъ жаргонѣ, съ серьезными лицами. Въ десять часовъ читали Евангеліе въ теченіи минутъ двадцати. Онъ, бывало, приносилъ священную книгу въ богатомъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ, и прикладывался къ ней съ особеннымъ благоговѣніемъ; читалъ съ непокрытой головой, крестясь всякій разъ, какъ проносилъ имена Іисуса, Маріи или Іосифа. Тутъ новое размышленіе заставляло его готовымъ перенести, изъ любви къ Богу, вторичное колѣнопреклоненіе, болѣе продолжительное, чѣмъ первое. Онъ ни на минуту не присаживался на полъ, наслаждаясь искусомъ, длившимся три четверти часа, стараясь отереть въ себѣ грѣхи, и при этомъ доходилъ до того, что считалъ себя отверженнымъ за то, что забылъ наканунѣ вечеромъ приложиться къ двумъ образкамъ своего нарамника, или за то, что заснулъ на лѣвомъ боку: ужасные проступки, которые онъ желалъ бы искупить, простоявъ на колѣняхъ до самаго вечера; счастливые проступки: они занимали его, и безъ нихъ онъ не зналъ бы, чѣмъ наполнить свое невинное сердце, ублажанное непорочною жизнью, которую велъ. Онъ входилъ въ столовую облегченный, какъ будто сваливъ съ груди тяжкое бремя. Дежурные семинаристы, засучивъ рукава рясы, въ полотняныхъ передникахъ, разносили супъ съ вермишелью, вареную говядину, наръзанную маленькими ломтиками, порціи баранины съ бобами. Челюсти дружно работали, воцарялось прожорливое молчаніе; стукъ вилокъ шель въ пережку съ завистливыми взглядами, бросаемыми на тотъ столъ, за которымъ обѣдали надзиратели; имъ подавали болѣе нѣжное мясо, менѣе разбавленное вино. Въ это же самое время громъ

кій голосъ какого-нибудь крестьянскаго сына, съ здоровыми легкими, гнусилъ, безъ точекъ и безъ запятыхъ, какое-нибудь благочестивое чтеніе: письмо миссіонера, указъ епископа, статью изъ духовнаго журнала. Онъ слушалъ, глотая объѣдъ. Эти полемическіе отрывки, эти рассказы о далекихъ путешествіяхъ удивляли, даже пугали его, открывая за семинарскими стѣнами движеніе, громаднѣйшій горизонтъ, о которомъ онъ никогда не думалъ. Еще объѣдъ не былъ доѣденъ, какъ ударъ въ трещотку возвѣщалъ рекреацію. Дворъ былъ посыпанъ пескомъ и засаженъ восемью большими яворами; лѣтомъ они бросали прохладную тѣнь. На югъ шла стѣна, въ пять метровъ вышины, покрытая сверху стеклянными осколками, и поверхъ нея отъ Пассана видна была только верхушка колокольни св. Марка, коротенькая каменная стрѣлка, вырѣзывавшаяся на голубомъ небѣ. Онъ медленно прохаживался рядомъ съ нѣсколькими товарищами отъ одного конца двора до другого, и всякій разъ, возвращаясь назадъ и повернувшись въ стѣнѣ лицомъ, глядѣлъ на эту колокольню: она представляла для него весь городъ, всю землю, раскинувшуюся подъ свободнымъ полетомъ облаковъ. Шумные кружки толковали подъ яворами; друзья уединялись попарно въ уголки, и за ними наблюдалъ какой-нибудь надзиратель, спрятавшійся за оконной занавѣской. Устраивались партіи игры въ мячъ и въ кегли, и нарушали покой мирныхъ игроковъ въ лото, полу-лежавшихъ на землѣ, передъ своими карточками, которыя неожиданно засыпалъ нескромъ мячъ или кегль, брошенный слишкомъ азартно. Когда прозвонитъ колоколъ, шумъ стихалъ, туча воробьевъ поднималась съ яворовъ, ученики, не успѣвъ перевести духъ, шли на урокъ церковнаго пѣнія, со скрещенными на груди руками, серьезными лицами. И онъ кончалъ свой день среди этого мира и возвращался въ классъ, поддичая въ четыре часа, возобновляя свою неизмѣнную прогулку передъ стрѣлкой св. Марка, и ужиная подъ тотъ же шумъ челюстей и громкій голосъ, оканчивавшій утреннее чтеніе; наконецъ, шелъ въ церковь читать вечернія молитвы и ложился спать въ четверть девятого, предварительно кропивъ святой водой постель, чтобы предохранить себя отъ урныхъ сновъ.

Сколько чудесныхъ дней провелъ онъ такимъ образомъ въ томъ старинномъ пассанскомъ монастырѣ, пропитанномъ запахомъ въковой набожности! Въ теченіи пяти лѣтъ, дни слѣдовали 2 днями, протекая съ журчаніемъ прозрачной воды. Въ нагоящую минуту ему припоминалась тысяча мелочей, приводившихъ его въ умиленіе. Онъ вспомнилъ, какъ онъ ходилъ съ

матерью покупать свое первое приданое, двѣ рясы, два пояса, шесть паръ брызжей, восемь паръ черныхъ чулокъ, свою трехуголку. И какъ билось его сердце въ тотъ тихій октябрьскій вечеръ, когда дверь семинаріи затворилась за нимъ! Онъ явился туда двадцати лѣтъ, проведя передъ тѣмъ нѣсколько лѣтъ въ коллегіи, захваченный потребностью вѣрить и любить. На-завтра онъ позабылъ прошлое, точно уснулъ въ этомъ большомъ, молчаливомъ домѣ. Передъ его глазами предстала узкая келья, гдѣ онъ провелъ два года философіи,—родъ какюты, меблированной кроватью, столомъ и стуломъ, и отдѣленной худо сколоченными досками отъ сосѣднихъ келій: ихъ было нагорожено до пятидесяти въ громадномъ залѣ. Затѣмъ представилась келья, которую онъ занималъ будучи уже богословомъ, и гдѣ онъ прожилъ другіе три года; эта была просторнѣе, съ кресломъ, туалетомъ, библіотекой; счастливая комната, гдѣ витали его набожныя мечты!

Въ безконечныхъ корридорахъ, на каменныхъ лѣстницахъ, въ нѣкоторыхъ углахъ его осѣняли внезапныя откровенія, приходила неожиданная помощь. Съ высокихъ потолковъ неслись головы ангеловъ хранителей. Каждая половица, каждый кирпичъ, каждая вѣтка яворовъ говорили ему о блаженствѣ созерцательной жизни. Онъ помнилъ также о четверговыхъ гуляньяхъ. Съ двухъ часовъ вся семинарія уходила куда-нибудь на свѣжій воздухъ, за милю отъ Пласана. Чаше всего гуляли на берегу Біорны, на маленькомъ лугу, усаженномъ узловатыми ивами, мочившими свои листья въ водѣ. Онъ же ничего не видѣлъ, ни большихъ желтыхъ луговыхъ цвѣтовъ, ни ласточекъ, пившихъ на лету, едва касаясь своими крыльями до поверхности воды. До шести часовъ, сидя группами подъ ивами, его товарищи кроме читали канонъ Богородицѣ или попарно *Petites Heures*, необязательный требникъ для молодыхъ семинаристовъ...

Аббатъ Мурэ улыбнулся, переворачивая головы. Въ своемъ прошломъ онъ видѣлъ чистую непорочность, безусловное послушаніе. Онъ былъ лиліей, благоуханіе которой восхищало его наставниковъ. Онъ не могъ припомнить ни одного худого поступка. Никогда онъ не злоупотреблялъ безусловной свободой прогулокъ, когда оба дежурныхъ надзирателя уходили поболтать въ одному сосѣднему патеру; никогда не курилъ гдѣ-нибудь за заборомъ, не пилъ пива съ какимъ-нибудь пріателемъ. Никогда не пряталъ романовъ подъ соломеннымъ матрацомъ, ни бутылокъ съ водкой въ своемъ ночномъ столикѣ. Долгое время даже онъ и не подозрѣвалъ объ окружающихъ его грѣхахъ: о куриныхъ крылышкахъ и пирогахъ, проносимыхъ въ видѣ

контрабанды, во время поста, о грѣшныхъ письмахъ, доставляемыхъ слуганями, и безнравственныхъ разговорахъ, которые велись по угламъ двора. Онъ горько плакалъ въ тотъ день, какъ замѣтилъ, что немногіе изъ его товарищей любили Бога ради Него самого. Тамъ были крестьянскіе сыновья, поступившіе въ монахи изъ страха солдатчины, лѣнтяи, мечтавшіе о ремеслѣ, которое позволяло бы имъ жить въ праздности, честолюбцы, уже смущаемые мечтой объ епископскомъ жезлѣ и митрѣ. А онъ, встрѣтивъ земную грязь у подножія алтара, еще глубже ушелъ въ себя, еще полнѣе предался Богу, чтобы утѣшить Его въ небреженіи, въ какомъ Его оставляли.

Впрочемъ, аббатъ вспомнилъ, что однажды въ классѣ заложилъ ногу на ногу. Когда профессоръ упрекнулъ его, онъ покраснѣлъ какъ ракъ, точно сдѣлалъ нѣчто непристойное. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ, никогда не разсуждалъ и училъ тексты наизусть. Онъ умѣлъ доказывать существованіе Бога аргументами, извлеченными изъ священнаго писанія, мнѣніемъ отцовъ церкви и всеобщимъ признаніемъ народовъ. Аргументы внушали ему всегда непоколебимую увѣренность. Въ первый годъ философіи онъ такъ усердно занимался учебникомъ логики, что профессоръ нашелъ нужнымъ замѣтить ему, что самые ученые не самые святые. Поэтому, со второго года онъ сталъ заниматься метафизикой, какъ обязательнымъ дѣломъ, имѣвшимъ весьма слабое отношеніе къ дневнымъ молитвамъ. Въ немъ зарождалось презрѣніе къ наукѣ; онъ желалъ оставаться невѣждой, чтобы сохранить смиреніе вѣры. Позднѣе, въ классѣ богословія, онъ училъ курсъ «Histoire ecclésiastique» Рорбапé, только изъ послушанія. Одно священное писаніе приводило его въ восторгъ. Онъ находилъ въ немъ желанное знаніе, исторію безконечной любви, и ея одной было достаточно для поученія людей смиренныхъ. Онъ довольствовался толкованіями своихъ учителей, предоставляя имъ критику, не чувствуя нужды въ буквѣдствѣ, чтобы умѣть любить, не обвиняя книги въ томъ, что онѣ крадутъ время, которое должно быть посвящено молитвѣ. Онъ ухитрился даже позабыть о годахъ, проведенныхъ имъ въ коллегіи. Ничего не помнилъ, превратился въ невиннаго ребенка, лепечущаго катехизисъ.

И вотъ какимъ образомъ дошелъ онъ, шагъ за шагомъ, до сана патера. Тутъ воспоминанія затѣснились, трогательныя, все еще пропитанныя небесной радостью. Съ каждымъ годомъ онъ все болѣе сближался съ Богомъ. Набожно проводилъ онъ каникулы у одного дяди, ежедневно исповѣдуясь, причащаясь каж-

двѣ недѣли. Налагалъ на себя посты, пряталъ въ чемоданъ ящички съ крупною солью, и по цѣлымъ часамъ простаивалъ на ней на колѣняхъ. Проводилъ рекреационные часы въ церкви или ходилъ къ одному наставнику, рассказывавшему ему набожныя, чудесныя дѣла. Затѣмъ, съ наступленіемъ Троицына дня, бывалъ награждаемъ свыше мѣры тѣмъ волненіемъ, которымъ переполнялась семинарія, наканунѣ посвященій. То былъ великій праздникъ, небо раскрывалось для избранныхъ, шагавшихъ еще черезъ одну ступеньку. За двѣ недѣли до этого онъ сажалъ себя на хлѣбъ и на воду. Задерживалъ занавѣсы на своемъ окнѣ, лишая себя даже дневного свѣта, повергаясь на полъ въ потемкахъ, умоляя Христа принять его жертву. Въ послѣдніе четыре дня имъ овладѣвала тревога, мучительнѣйшія сомнѣнія въ самомъ себѣ; онъ соскакивалъ съ кровати среди ночи и стучался въ дверь какого-нибудь посторонняго патера, какого-нибудь кармелита, зачастую обращеннаго протестанта, о которомъ ходила чудесная молва. Пространно исповѣдывался ему во всей своей жизни, голосомъ, прерываемымъ рыданіями. Только отпущеніе успокоивало его, освѣжало. Утромъ великаго дня онъ признавалъ себя непорочнымъ, и ему казалось даже, что онъ распространяетъ свѣтъ вокругъ себя. Семинарскій колоколъ рѣзко звонилъ, между тѣмъ какъ іюньскія благоуханія, запахъ резеды, геліотропа, доносились черезъ высокую стѣну двора. Въ церкви ждали родственники, разраженные, растроганные до такой степени, что женщины рыдали подъ вуалями. Затѣмъ начиналась церемонія: диаконы, ожидавшіе посвященія въ священники, шли въ золотыхъ рясахъ; поддіаконы въ ораряхъ, послушники съ стихаремъ, раздѣвающимися на плечахъ, держа въ рукѣ черную шапочку. Органъ гудѣлъ, заливался флейтовыми нотами въ гимнъ радости. У престола епископъ, съ двумя канониками, служилъ обѣдню съ жезломъ въ рукахъ, съ митрой на головѣ. Весь капитулъ былъ въ сборѣ, священники всѣхъ приходовъ толпились вокругъ неслиханной роскоши костюмовъ, золотого сіянія, озареннаго широкимъ лучомъ солнца, проникавшаго въ окно. Послѣ чтенія Апостола начиналось постриженіе.

И по-сѣ время аббатъ Мурэ помнилъ еще холодъ ножницъ, когда его постригли въ началѣ перваго года, какъ онъ поступилъ въ классъ богословія. Легкая дрожь пробѣжала по нему. Но тогда тонзура была еще очень мала, едва въ два сѣмѣ. Позднѣе, съ каждымъ новымъ чиномъ, она росла, все росла, пока не украсила его бѣлымъ пятномъ, величиной съ большую облатку. Органъ гудѣлъ все тише, кадила падали съ се-

ребристымъ звономъ, производимымъ ихъ цѣпочками, испуская облако бѣлаго дыма, который извивался точно кружева. Онъ видѣлъ себя въ стихарѣ, молодымъ послушникомъ, подведеннымъ къ алтарю церемоніймейстеромъ; онъ преклонялъ колѣно, низко опускалъ голову, между тѣмъ какъ епископъ золотыми ножницами отрѣзалъ ему три пряди волосъ, одну на лбу, а двѣ другія за ушами. Черезъ годъ, онъ снова видѣлъ себя въ церкви, наполненной дымомъ ладона; онъ получалъ четыре низшихъ чина, шелъ, ведомый архидакономъ, запирая съ шумомъ большія двери, и вслѣдъ затѣмъ снова раскрывалъ ихъ, чтобы показать, что поставленъ стражемъ церкви; звонилъ въ колокольчикъ правою рукой, въ знакъ того, что его долгъ созывать вѣрныхъ къ богослуженію. Онъ возвращался къ престолу, гдѣ епископъ надѣлялъ его новыми привилегіями: правомъ благословлять хлѣбъ, учить дѣтей закону Божію, заклинять дьявола, служить діаволамъ, зажигать и тушить свѣчи. Тутъ ему припомнилось слѣдующее посвященіе, еще болѣе торжественное, еще болѣе грозное, при звукахъ того же органа; гудѣніе послѣдняго казалось самымъ громомъ Господнимъ; въ этотъ день у него на плечахъ былъ діаконскій орарь, онъ давалъ обѣтъ вѣчнаго цѣломудрія и задрожалъ всѣмъ тѣломъ, не взирая на всю свою вѣру, при грозномъ: *Accedite*—епископа, обратившемъ въ бѣгство двоихъ изъ его товарищей, блѣднѣвшихъ возлѣ него; новыя обязанности его заключались въ томъ, чтобы помогать священнику во время службы у престола, читать посланіе, вытирать чашу, носить вѣреть въ процессіяхъ. И наконецъ, онъ снова явился въ церкви въ процессіи, подъ лучами іюльскаго солнца; но на этотъ разъ шелъ во главѣ процессіи; у его пояса былъ завязанъ стихарь, орарь скрещивался на груди, риза ниспадала съ плечъ. Шагаясь отъ сильнаго волненія, видѣлъ онъ блѣдное лицо епископа, посвящавшаго его въ священническую санъ, тройнымъ возложеніемъ рукъ. Давъ обѣтъ духовнаго послушанія, онъ почувствовалъ, что его точно приподнимаетъ съ плиты церкви, когда епископъ громкимъ голосомъ произносилъ: «*Accipe Spiritum sanctum: quorum remisieris peccata, remittuntur eis, et quorum retineris, retenta sunt*»...

XVI.

Воспоминаніе о блаженныхъ дняхъ юности произвело легкую лихорадку у аббата Мурэ. Онъ не чувствовалъ больше холода; выпустилъ изъ рукъ щипцы, подошелъ къ постели, какъ-бы собираясь лечь, затѣмъ отправился къ окну и приложилъ лобъ къ стеклу, уставясь во мракъ, но ничего не видя. Уже не боленъ ли онъ, что чувствуетъ такую вялость во всѣхъ членахъ, между тѣмъ какъ кровь выпить въ его жилахъ? Въ семинаріи ему случилось раза два похворать. Имъ овладѣвало каждый разъ какое-то физическое безповойство, дѣлавшее его крайне несчастнымъ. Разъ даже онъ слегъ въ постель, въ сильномъ бреду. Тутъ онъ вспомнилъ про молодую дѣвушку, одержимую бѣсомъ, которую братъ Арканжіа вылечилъ, какъ онъ ему рассказывалъ, крестнымъ знаменіемъ, однажды какъ она замертво упала передъ нимъ; и это навело его на мысль о духовныхъ средствахъ, нѣкогда рекомендованныхъ ему однимъ изъ его наставниковъ; молитву, общую исповѣдь, частое причащеніе, выборъ мудраго духовника, пользующагося большимъ вліяніемъ на умъ своего духовнаго сына. И тутъ, безъ всякаго перехода, внезапно, такъ что самъ удивился, онъ вспомнилъ круглое личико одного изъ своихъ старыхъ пріятелей, крестьянскаго мальчика, поступившаго въ *enfant de chaires*, съ восьмилѣтняго возраста; за него платила въ семинарію одна дама, покровительствовавшая ему. Этотъ мальчикъ постоянно смѣлся, заранѣе и наивно наслаждаясь небольшими радостями ожидавшаго его званія: тысяча-двѣсти франковъ жалованья, церковный домикъ съ садомъ, подарки, приглашенія на обѣдъ, доходы отъ бракосочетаній, крестинъ, похоронъ. Этотъ человекъ долженъ былъ чувствовать себя счастливымъ въ своемъ приходѣ.

Грустное сожалѣніе, пробужденное этимъ воспоминаніемъ, чрезвычайно какъ удивило патера. Развѣ онъ также не былъ счастливъ? До сегодняшняго дня онъ ни о чемъ не сожалѣлъ, ничего не желалъ, ничему не завидовалъ. И даже въ настоящую минуту, анализируя себя, не находилъ никакой причины къ огорченію. Онъ былъ все тотъ же, думалось ему, какъ и въ первыя времена своего дьяконства, когда обязательство читать требникъ въ опредѣленные часы наполняло его дни непрерывной молитвой. Съ этой эпохи, недѣли, мѣсяцы, годы протекали, а въ немъ не заронилась ни одна дурная мысль. Сомнѣніе не мучило его; онъ преклонялся передъ таинствами, которыхъ не постигалъ, онъ легко жертвовалъ своимъ разумомъ, потому что

презиралъ его. По выходѣ изъ семинаріи, онъ обрадовался, видя себя чужимъ среди другихъ людей, видя, что иначе ходить, чѣмъ они, иначе держать голову, что у него другіе жесты, другія слова, другія чувства. Онъ чувствовалъ себя женственнымъ, приближеннымъ къ ангелу, очищеннымъ отъ пола. Онъ почти гордился, что не чувствовалъ связи съ людьми, что его воспитали для Бога, старательно очистивъ отъ человѣческой грязи ревнивымъ воспитаніемъ. Ему казалось, что его цѣлые годы продержали въ святомъ елеѣ, приготовленномъ по обряду, и оно пропитало его плоть и какъ-бы освятило ее. Его члены, мозгъ обѣдѣли матеріей и обогатились духомъ, тонкимъ воздухомъ, отъ котораго у него порою кружилась голова, точно земля исчезала у него подъ ногами. Въ немъ жили страхи, невѣдѣніе, наивность монашенки. Онъ говорилъ иногда, улыбаясь, что остался ребенкомъ, и думалъ, что оно такъ и было на самомъ дѣлѣ; что онъ сохранилъ тѣ же ощущенія, тѣ же идеи, тѣ же сужденія. Міръ не измѣнился въ его глазахъ, онъ ему казался такимъ же точно, какимъ былъ тогда, когда мать водила его за руку гулять. Онъ родился патеромъ, и выросъ патеромъ. Когда онъ выказывалъ при Тѣзѣ грубое невѣдѣніе жизни, она съ изумленіемъ глядѣла на него и, странно улыбаясь, замѣчала, «что онъ достойный братецъ m-lle Дезирэ». Въ своей жизни онъ помнилъ только одно постыдное впечатлѣніе. Дѣло происходило въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ его пребыванія въ семинаріи. Ему дали прочесть сочиненіе аббата Кресона, ректора семинаріи въ Валансѣ: *De rebus veneris ad usum confessoriorum*. Онъ окончилъ это чтеніе съ ужасомъ и рыданіями. Эта ученая казуистика порока, выставлявшая на показъ всю человѣческую мерзость, доходящую до самыхъ чудовищныхъ и сверхъестественныхъ страстей, внезапно осквернила чистоту его тѣла и духа. Онъ считалъ себя навѣки запятаннымъ...

Луна всходила изъ-за Гарригъ. Аббатъ Мурэ, все болѣе и болѣе свѣдаемый лихорадкой, открылъ окно, и, облокотившись на него, выставилъ лицо на ночную свѣжесть. Онъ не зналъ, въ какой именно моментъ его схватилъ недугъ. Однако помнилъ, что утромъ, служа обѣдню, былъ очень спокоенъ, очень свѣжъ. Должно быть, онъ заболѣлъ позднѣе, быть можетъ во время своей долгой прогулки по солнцу или подъ холодной тѣнью Парадѹ, а не то и въ душливой атмосферѣ свѣтлаго двора Дезирэ. И снова пережилъ въ мысляхъ весь день.

Передъ нимъ разстилалась обширная равнина, казавшаяся еще трагичнѣе при блѣдныхъ лучахъ луны. Оливковыя, миндальныя,

тощія деревья сѣрѣли среди хаоса большихъ скалъ до темной линіи холмовъ на горизонтѣ. Ложились большія тѣни, виднѣлись изломанныя пики, лужи кровавой земли, гдѣ какъ будто глядѣлись красныя звѣзды, бѣловатыя пятна, походившія на женскія одежды въ беспорядкѣ и открывавшія члены, окутанные мракомъ, дремавшія въ углубленіяхъ земной поверхности. Ночью казалось, что эта горячая почва какъ будто разметалась, охваченная страстью. Она спала, растрепавшись, раскинувшись, отбросивъ куда руку, куда ногу; она сильно и глубоко вздыхала и отъ нея несся запахъ испареній. Казалось, какъ будто мощная Церера, опрокинувшись на спину и утомленная горячими лобзаніями солнца, все еще мечтала объ оплодотвореніи. Вдали, вдоль этого большого тѣла, аббатъ Мурэ слѣдилъ глазами за дорогой въ Оливетъ, узкой блѣдной ленточкой, вившейся точно шнурокъ отъ корсета. Ему еще слышалось, какъ братъ Арканжіа ругался, заворачивая юбки дѣвчонокъ, которыхъ сѣкъ до крови и плевалъ въ лицо взрослымъ дѣвушкамъ. Онъ видѣлъ, какъ Розалія исподтишка смѣялась нахальнымъ смѣхомъ, въ то время, какъ дядя Бамбуссъ бросалъ въ нее комки земли... И тутъ еще, казалось ему, онъ былъ совсѣмъ здоровъ и ему чуть-чуть лишь согрѣвало затылокъ прекрасное утро. Онъ чувствовалъ какой-то смутный трепетъ жизни за спиною, вотъ и все, тотъ трепетъ, который слышался ему съ утра за обѣдней, когда солнце вошло въ церковь черезъ разбитыя стекла. Никогда еще земля не тревожила его, какъ въ этотъ ночной часъ, своей гигантской грудью, своей наготой богини, едва прикрытой серебристой кисеей луны.

Молодой патеръ опустилъ глаза и поглядѣлъ на селеніе Артó. Селеніе спало крѣпкимъ сномъ труженниковъ, какимъ спятъ только крестьяне. Нигдѣ не видно было свѣта. Хижины образовали темныя кучи, перерѣзываемыя бѣлыми полосками проулковъ, освѣщенныхъ луною. И собаки, должно быть, также храпѣли на порогахъ запертыхъ дверей. Быть можетъ, эти Артó наслали на приходскій домъ какую-нибудь ужасную заразу? Позади себя, онъ все еще слышалъ ропотъ жизни, приближеніе которой было такъ мучительно. Артó, даже погруженные въ сонъ, смущали его, потому что ихъ сонное дыханіе долетало до него. Онъ желалъ бы, чтобы подъ окнами у него были только скалы. Селеніе не было достаточно безмолвно; соломенные крыши вздымались; скажины дверей пропускали вздохи, легкій порошокъ, оживленное молчаніе, напоминавшее, что въ этой ямѣ находятся живыя существа, убаюкиваемыя ночной темнотой. Это сосѣдство возбуждало въ немъ тошноту.

Виски его омочены были потомъ, и онъ отворилъ другое окно, ища болѣе свѣжаго воздуха. Внизу, нагѣво, лежало кладбище и высокая полоса «пустыннива»; ни малѣйшій вѣтерокъ не колыхалъ его тѣней. Отъ пустоши несся запахъ скошеннаго сѣна. Большая сѣрая стѣна церкви, стѣна, кишѣвшая ящерицами и поросшая гвоздикой, казалась холодной, озаренная луной, между тѣмъ какъ одно изъ большихъ оконъ сверкало точно сталь. Усыпленная церковь жила въ настоящую минуту только сверхъестественной жизнью божества. Ему мерещилось желтое пятно лампы среди мрака и захотѣлось сойти внизъ, въ церковь, чтобы освѣжить голову среди ея мрака, свободной отъ всякой нечистоты. Но странный страхъ удерживалъ его; ему вдругъ показалось, въ то время, какъ онъ глядѣлъ на стекла, озаренныя луной, что церковь освѣтилась внутри, точно огненная печь, и при блескѣ адскаго пламени въ ней закружились мѣсяцъ май, растенія, животныя, дѣвушки Арто, обхватывавшія деревья обнаженными руками. Затѣмъ, внезапно, онъ увидѣлъ подъ собою скотный дворъ Деширэ, весь черный и дымящійся. Онъ не отличалъ ясно ни клѣтокъ кроликовъ, ни насѣсти куръ, ни домика утокъ. Все это слилось въ одну зловонную массу. Изъ-подъ дверей конюшни несся ѣдкій козлиный запахъ, а поросенокъ, опрокинувшись возлѣ пустой чашки, жирно храпѣлъ. Большой пѣтухъ Александръ запѣлъ, и на его пѣніе откликнулись одинъ за другимъ всѣ деревенскіе пѣтухи.

Только теперь аббатъ Мурэ вспомнилъ, что лихорадеа, сожигавшая его, схватила его на скотномъ дворѣ Деширэ. Тутъ онъ почувствовалъ какъ будто чье-то дыханіе на своей шеѣ и оглянулся, чтобы видѣть, кто это бралъ его за затылокъ. И вспомнилась ему Альбина, высочившая изъ Парадѹ, и дверь, скрывшая видѣніе очарованнаго сада. Онъ припоминалъ, какъ она скакала вдоль безконечной стѣны, вслѣдъ за кабриолетомъ, бросая листья березы, какъ поцѣлуй. Онъ припомнилъ ее также въ сумеркахъ, какъ она смѣялась надъ руготней брата Арканжіа, и какъ юбки ея неслись по дорогѣ, точно облако пыли, поднятое вечернимъ вѣтеркомъ. Ей шестнадцать лѣтъ. Она странна съ своимъ продолговатымъ лицомъ; отъ нея несло свѣжимъ воздухомъ, травой, смѣлей. И она такъ отчетливо припоминалась ему, что онъ видѣлъ маленькую царапину на одной изъ ея тоненькихъ ручекъ. Затѣмъ смѣялась она, глядя на него своими голубыми глазами? Онъ былъ охваченъ ея смѣхомъ, точно звуочной волной, отдававшейся во всемъ его тѣлѣ. Да! вся его болѣзнь происходила отъ того смѣха, которымъ онъ упился.

Стоя посреди комнаты, съ раскрытыми окнами, онъ вдругъ ощутилъ таковой страхъ, что закрылъ лицо руками. Итакъ, прожитый день закончился воспоминаніемъ о бѣлокурой дѣвушкѣ, съ продолговатымъ лицомъ и голубыми глазами? И весь прожитый день входилъ черезъ открытыя окна. Вдали видѣлось пламя красной почвы, страсть большихъ утесовъ, оливковыя деревья, выросшія изъ камней, виноградныя лозы, цѣплявшіяся за края дороги. До него доносился запахъ человѣческаго жилья, прѣсный запахъ кладбища, запахъ ладона въ церкви, смѣшанный съ запахомъ жирныхъ волосъ собравшихся въ церкви дѣвушекъ; сюда же примѣшивался запахъ навоза. И всѣ эти запахи душили его. Онъ старался не слышать ихъ. Но, вотъ, передъ нимъ опять выросла Альбина, точно большой цвѣтокъ, взлелѣанный этой почвой. Она была естественнымъ цвѣткомъ этой почвы и такъ радовалась жизни, что прыгала съ вѣтки на вѣтку и коснулась его губъ, обдавъ его своимъ смѣхомъ.

Патеръ вскрикнулъ. Губы его какъ будто обожгло, огонь разлился по жиламъ. Тогда, ища спасенія, онъ бросился на колѣни передъ статуэткой «Безгрѣшнаго Зачатія», сложивъ руки и взывая — Святая Дѣва, молись за меня!

Статуэтка «Безгрѣшнаго Зачатія», на орѣховомъ комодѣ, нѣжно улыбалась уголками своихъ тонкихъ губъ, обозначенныхъ красной чертой. Она была маленькая, вся бѣленькая. Ея большой бѣлый вуаль, падавшій съ головы до ногъ, былъ съ чуть замѣтной золотой оторочкой. Ея платье, драпировавшееся длинными прямыми складками, было застегнуто на-глухо у самого ворота и только обнажало гибкую шею. Ни одна прядь каштановыхъ волосъ не отдѣлялась. У нея было розовое личико и ясные глаза, обращенные къ небу; она сложила розовыя, дѣтскія ручки, выставляя кончики пальцевъ изъ-подъ складокъ вуала надъ голубымъ шарфомъ, который опоясывалъ ея талію точно ключкомъ неба. Обнажены были только ножки, попиравшія мистическій шиповникъ. И на ея голыхъ ножкахъ выросли золотыя розы, какъ естественный цвѣтъ ея дважды чистаго тѣла.

— Святая Дѣва! молись за меня! — отчаянно повторялъ патеръ.

Эта Мадонна никогда его не смущала. Эта Мадонна никогда не казалась ему грозной, никогда не говорила съ нимъ со строгостью всемогущей госпожи, одинъ видъ которой заставлялъ людей падать ницъ. Она наполняла его комнату благоуханіемъ лиліи. Она была серебряной лиліей въ золотомъ сосудѣ, вѣчной, драгоценной, непорочной. Въ ея бѣломъ вуалѣ, такъ плотно охватывавшемъ ее, не было ничего земного. Ветеромъ — ло-

жась спать, утромъ—при пробужденіи онъ находилъ ее все съ той же улыбкой экстаза.

— Пречистая Матерь, честнѣйшая Матерь, молись за меня!— бормоталъ онъ пугливо, прижимаясь къ ногамъ «Безгрѣшнаго Зачатія», точно все еще слышалъ за спиной звонкій голосъ Альбины.—Ты мое прибѣжище, источникъ моей радости, храмъ моей мудрости, башня слоновой кости, куда я заперъ свою чистоту...

Этотъ отчаянный вопль успокоилъ молодого патера. «Безгрѣшное Зачатіе», все бѣлое, съ глазами поднятыми къ небу, какъ будто еще кротче улыбалось своими тоненькими розовыми губками. Онъ снова началъ растроганнымъ голосомъ:

— Обрати меня снова въ ребенка, благодатная, всесильная Дѣва,—продолжалъ онъ съ безумнымъ порывомъ.—Пусть мнѣ снова будетъ пять лѣтъ. Убей мои чувства, отними мою возмужалость. Пусть чудо сокрушитъ во мнѣ мужчину, я не хочу больше ощущать ни нервовъ, ни мускуловъ, ни біенія сердца, ни желаній. Я хочу превратиться въ вещь, въ бѣлый камень, служащій подножіемъ ногъ твоихъ. И тогда! О, какое блаженство! Я достигну безъ усилія того совершенства, о которомъ мечтаю. О, Мадонна, сосудъ избранія, убей во мнѣ человѣка, дабы безъ страха вѣрить мнѣ свою невинность!

И аббатъ Мурэ, стуча зубами, новалился на полъ въ безпамятствѣ, сраженный горячкой.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

Два большихъ окна, старательно задернутыя бѣлыми коленкоровыми занавѣсами, освѣщали комнату пріятнымъ полусвѣтомъ. Комната была очень высока, очень просторна, меблирована старинной мебелью эпохи Людовика XV, изъ дерева, выкрашеннаго бѣлой краской съ красными цвѣтами и зелеными листьями. Подъ трюмо, надъ дверями, по обѣимъ сторонамъ алькова, еще виднѣлись группы амуровъ, игравшихъ въ какую-то игру, которой уже больше нельзя было хорошенько разобъять. Обои съ овальными медальонами, двухстворчатыя двери, круглый потолокъ, нѣкогда раскрашенный въ яркоголубой цвѣтъ, съ медальонами, перевитыми лентами тѣлеснаго цвѣта, подернулись сѣрой дымкой, придававшей своеобразный характеръ этому

увядшему раю. Напротивъ оконъ, большой альковъ, закутанный въ облакахъ, которыя раздвигали амуры изъ гипса, наклонившіеся какъ-бы затѣмъ, чтобы дерзко заглянуть подъ пологъ изъ бѣлаго коленкора, какъ и занавѣсы оконъ—поражали своей невинностью сзади этой комнаты, гдѣ еще сохранялось какъ-бы отдаленное воспоминаніе о минувшей нѣгѣ.

Сидя возлѣ столика, на которомъ кипѣлъ чайникъ на спиртовой лампѣ, Альбина внимательно глядѣла на пологъ кровати. Она была въ бѣломъ платьѣ, на волосахъ наброшена косыночка изъ стараго кружева; она прислушивалась съ серьезнымъ видомъ взрослой дѣвицы. Слабое дыханіе, дыханіе спящаго ребенка слышалось среди тишины. Прошло нѣсколько минутъ, и Альбина начала тревожиться и, не утерпѣвъ—легкими шагами подошла къ постели и подняла уголокъ полога: Сержъ спалъ на большой кровати, положивъ голову на сложенные руки. Волосы его отрасли за время болѣзни; выросла и борода. Онъ былъ очень блѣденъ; глаза были окружены синевою, губы бѣлыя; въ немъ была грація выздоравливающей дѣвушки; Альбина, растроганная, опустила уголокъ полога.

— Я не сплю,—проговорилъ Сержъ очень тихимъ голосомъ.— Онъ не поднималъ головы, не шевелилъ ни однимъ пальцемъ, какъ-бы поддаваясь сладкому утомленію. Глаза его медленно раскрылись.

— Я слышалъ тебя,—снова прошепталъ онъ.—Ты ходила въ циппочкахъ.

Она очень обрадовалась, что онъ говорилъ ей «ты». Подошла, присѣла на полу у кровати, такъ что лицо ея пришлось на одномъ уровнѣ съ его лицомъ.

— Какъ ты себя чувствуешь?—спросила она.

Она въ свою очередь наслаждалась словомъ «ты», впервые произнесенномъ ею.

— О! ты теперь выздоравливаешь,—продолжала она.—Знаешь ли, что я плакала всю дорогу, когда возвращалась отсюда съ худыми вѣстями. Мнѣ говорили, что ты въ бреду, что если и выздоровѣешь отъ горячки, то сойдешь съ ума.... Какъ я вѣрно поцѣловала твоего дядю Паскаля, когда онъ привезъ тебя сюда поправляться.

Она оправляла его постель съ материнской заботливостью.

— Видишь ли, тѣ голыя скалы были вредны для тебя. Тебѣ нужны деревья, прохлада, спокойствіе.... Докторъ даже никому не сказалъ, что укрылъ тебя здѣсь. Эту тайну знаютъ только тѣ, кто тебя любитъ. Онъ считалъ тебя погибшимъ... Будь

спокоенъ, никто насъ не потревожить. Дядя Жанбернатъ курить свою трубку и торчитъ около своего солода. Другіе потихоньку будутъ освѣдомляться о тебѣ. И самъ докторъ больше не придетъ, потому что въ настоящую минуту я твой докторъ.... Тебѣ, видишь ли, не нужны лекарства...

Онъ точно не слыхалъ ее. Голова его была еще совсѣмъ лаба. Онъ обводилъ глазами комнату, и Альбина подумала, что ему хочется узнать, гдѣ онъ находится.

— Это моя комната,—сказала она.—Я ее отдала тебѣ. Неправда ли, что она хорошенькая? Я выбрала на чердакѣ самую красивую мебель и сама спила коленкоровыя занавѣсы, чтобы солнце не ослѣпляло меня... И ты меня нисколько не стѣснешь. Я буду спать во второмъ этажѣ! Тамъ есть еще три или четыре комнаты.

Онъ все еще тревожился.

— Ты одна?—спросилъ онъ.

— Да, совсѣмъ одна. Зачѣмъ ты меня объ этомъ спрашиваешь?

Онъ не отвѣчалъ и проговорилъ съ усталымъ видомъ.

— Мнѣ все сны снятся.... Я слышу колокола, и это меня томляетъ.

Помолчавъ съ минуту, проговорилъ:

— Запри дверь на ключъ. Я хочу, чтобы ты была одна, совсѣмъ одна.

Когда она вернулась и, придвинувъ стулъ, сѣла у его изголовья, онъ обрадовался какъ ребенокъ, повторяя:

— Теперь никто не войдетъ. Я не буду больше слышать кололовъ.... Когда ты говоришь, я отдыхаю.

— Хочешь пить?—спросила она.

Онъ сдѣлалъ знакъ, что не хочетъ. Онъ глядѣлъ на руки Альбины съ такимъ удивленнымъ и радостнымъ видомъ, что она, улыбаясь, положила одну руку на подушку. Тогда онъ положилъ на нее голову, опираясь щекой на эту маленькую, холодную утку, и слегка засмѣялся, говоря:

— Ахъ! твоя рука такая нѣжная, какъ шелкъ, она освѣтитъ мою голову... Не отнимай ее, прошу тебя.

Послѣ этого воцарилось продолжительное молчаніе. Они очень ружески глядѣли другъ на друга. Альбина спокійно видѣла вое отраженіе въ безстрастныхъ глазахъ выздоравливающаго ержа. Сержъ какъ будто прислушивался къ тому, что ему говорила маленькая, холодная ручка.

— Какая твоя рука славная,—началъ онъ. — Ты и вообра-

зять себѣ не можешь, какую она мнѣ даетъ отраду... Она точно проникаетъ въ мое тѣло и успокоиваетъ боль въ моихъ членахъ. Она точно ласкаетъ, лечитъ меня.

Онъ тихонько гладилъ ручкой свою щеку и оживлялся, точно воскресающій.

— Скажи, ты меня не будешь заставлять пить ничего невкуснаго, ты не станешь мучить меня всякими лекарствами?.. Для меня, видишь ли, достаточно твоей руки. Я пришелъ за тѣмъ, чтобы ты подложила ее подъ мою голову.

— Мой добрый Сержъ, прошептала Альбина, ты очень страдалъ, неправда ли?

— Страдалъ? Да, да, но только давно уже.... Я худо спалъ, видѣлъ страшные сны. Еслибы я могъ, я бы рассказалъ тебѣ все это.

Онъ на минуту закрылъ глаза и силился припомнить.

— У меня совершенные потемки въ головѣ, — пробормоталъ онъ. Какъ это странно. Я возвращаюсь изъ долгаго путешествія. И даже не знаю, откуда я уѣхалъ. У меня была лихорадка, лихорадка, трясшая меня безжалостно... Да, да, я помню все одинъ и тотъ же кошмаръ, заставлявшій меня ползать по безконечнымъ подземельямъ. При каждой сильной боли, подземелье внезапно замыкалось; груды камней падали со свода, стѣны суживались, я задыхался отъ ярости, желая пробиться впередъ; я боролся, работалъ руками, кулаками, головой, ужасаясь, что не въ силахъ буду продраться сквозь обвалъ, все увеличивавшійся. Потомъ, зачастую, мнѣ стѣило только дотронуться пальцемъ: все исчезало, я свободно двигался, по широкой галлерей, и только чувствовалъ утомленіе отъ припадка.

Альбина хотѣла приложить ему руку къ губамъ.

— Нѣтъ, меня не утомляетъ говорить. Видишь, я говорю тебѣ на ухо. Мнѣ кажется, что я думаю, а ты меня слышишь... Всего смѣшнѣе въ моемъ подземельѣ то, что мнѣ никакъ не приходило въ голову вернуться назадъ; я упорствовалъ, хотя думалъ, что мнѣ понадобятся тысячелѣтія, чтобы расчистить одинъ изъ обваловъ. То была ровная задача, которую я долженъ былъ выполнить подъ страхомъ величайшихъ несчастій. Съ битыми коѣнниками, стуча лбомъ о скалу, я мучительно старался поскорѣе пробиться... Но куда?.. не знаю... не знаю...

И онъ закрылъ глаза, сился припомнить. Потомъ съ безпечнымъ видомъ снова прижался къ рукѣ Альбины, говоря со смѣхомъ:

— Ну! это глупо, я просто ребенокъ.

Но молодая дѣвушка, желая убѣдиться, что онъ исполнѣ

безраздѣльно принадлежить ей, разспрашивала его, старалась оживить воспоминанія въ его головѣ. Онъ ничего не помнилъ, онъ дѣйствительно превратился въ счастливаго ребенка. Ему казалось, что онъ родился наканунѣ.

— О! я еще не очень силенъ,—говорилъ онъ.—Видишь! я еще помню, что лежалъ въ кровати и она жгла все мое тѣло; голова моя на подушкѣ была точно на горячихъ угольяхъ. Да! мнѣ было очень нехорошо! Мнѣ казалось, что мое тѣло подмѣнили, что меня всего заново передѣляли, точно испорченный механизмъ...

Это слово разсмѣшило его. Онъ продолжалъ:

— Я теперь буду совсѣмъ новый. Меня отлично очистила болѣзнь... Но, о чемъ ты меня спрашивала? Нѣтъ, тамъ никого не было. Я одинъ страдалъ въ какой-то черной норѣ. Никого, никого. И впереди никого нѣтъ, ничего не вижу... Я твое дитя, если хочешь? Ты меня научишь ходить. Я теперь знаю только тебя. До всего остального мнѣ нѣтъ дѣла. Говорю тебѣ, что больше не существую. Я пришелъ, ты меня взяла—вотъ и все.

И прибавилъ, успокоившись и ласкаясь:

— Теперь твоя рука стала теплая; она точно солнце... Не будемъ больше говорить. Я грѣюсь.

Въ большой комнатѣ съ голубого потолка струилась трепетная тишина. Спиртовая лампа погасла. Альбина и Сержъ, глядѣли на большія коленкоровыя занавѣсы на окошкахъ. Глаза Сержа не отрывались отъ нихъ, какъ отъ источника свѣта. Онъ купался въ немъ, угадывая солнце позади нихъ, и это облегчало ему выздоровленіе. Издалека приносился шелестъ листьевъ, онъ прислушивался къ нему; а на правомъ окнѣ рѣзко обрисовывалась зеленоватая тѣнь высокой вѣтви, и навѣвала ему тревожную мечту о томъ лѣсѣ, который онъ чувствовалъ вблизи себя.

— Хочешь, я раскрою занавѣсы? — спросила Альбина, введенная въ заблужденіе его пристальными взглядами.

— Нѣтъ, нѣтъ! — поспѣшилъ онъ отвѣтить.

— Погода хорошая. Ты увидишь солнце, деревья.

— Нѣтъ, умоляю тебя... Мнѣ ничего не нужно. Эта вѣтка, вонъ тамъ, утомляетъ меня, потому что шевелится, растетъ, точно живая... Оставь мнѣ твою руку, я засну... Все кругомъ было... Это пріятно...

И онъ мирно заснулъ; Альбина сторожила его и обвѣвала ему лицо, чтобы освѣжить его сонъ.

II.

На другой день погода испортилась; пошелъ дождь. Сержъ, охваченный снова лихорадкой, провелъ мучительный день, не спуская глазъ съ занавѣсъ; но отъ нихъ шелъ сѣрый, пасмурный свѣтъ. Онъ не чувствовалъ солнца, искалъ той тѣни, которой вчера такъ боялся, той высокой вѣтки, что, исчезнувъ въ ливнѣ, казалось ему, унесла съ собою весь лѣсъ. Къ вечеру, въ слабомъ бреду, онъ прокричалъ Альбинѣ, что солнце улетѣло, что онъ слышалъ какъ небо и земля оплакивали смерть солнца. Ей пришлось утѣшать его, какъ ребенка, обѣщать ему солнце, увѣрять его, что оно вернется, что она ему дастъ его. Но онъ сожалѣлъ также и о растеніяхъ. Сѣмена должны были страдать подъ землей, ожидая свѣта; у нихъ тоже были кошмары; они бредили, что ползутъ по подземелью, гдѣ путь имъ преграждается обвалами, и отчаянно борются, чтобы добраться до солнца. И принялся тихо плакать, говоря, что зима—болѣзнь земли, что онъ умретъ вмѣстѣ съ нею, если весна не вылечитъ ихъ обоихъ.

Въ теченіи трехъ дней погода стояла отвратительная. Дождь потоками лилъ на деревья. Порывы вѣтра налетали съ шумомъ и ударились въ окна, точно громадныя волны. Сержъ потребовалъ, чтобы Альбина герметически закрыла ставни. При зажженной лампѣ онъ не видѣлъ траурнаго вида занавѣсокъ, не замѣчалъ свинцоваго неба, проникавшаго въ малѣйшія скважины, и доходившаго до него, точно могильная пыль, хоронившая его. Онъ лежалъ безъ движенія, съ худыми руками, блѣднымъ лицомъ, чувствуя себя особенно слабымъ оттого, что природа была нездорова. Минутами, когда черныя тучи заволакивали небо, когда распатываемые бурей деревья трещали, когда земля клонила долъ свои травы подъ ливнемъ, и травы разметывались точно волосы утопленницы, у него захватывало дыханіе, онъ изнывалъ подъ бушующимъ ураганомъ. Но, чуть небо прояснялось, чуть показывался уголокъ синевы между двумя тучами, онъ переводилъ духъ, наслаждался покоемъ омытой дождемъ листвы, бѣлѣющихъ тропинокъ, полей, глотавшихъ послѣднюю каплю воды. Альбина теперь сама звала солнце; она двадцать разъ на день подбѣгала къ окошку лѣстницы, наблюдая за горизонтомъ, радуясь малѣйшему просвѣту, пугаясь темныхъ тучъ съ мѣднымъ отблескомъ, грозившихъ градомъ, боясь, чтобы какое-нибудь слишкомъ черное облако не убило ея милаго больного. Она поговаривала и о томъ,

чтобы послать за докторомъ Паскалемъ. Но Сержъ не хотѣлъ никого видѣть:

— Завтра появится солнце на моихъ занавѣскахъ: я выздоровѣю, говорилъ онъ.

Однажды, вечеромъ, когда ему было очень худо, Альбина протянула къ нему свою руку, чтобы онъ приложилъ къ ней щеку. И такъ какъ рука не помогала, то она заплакала отъ сознанія своего безсилія. Съ тѣхъ поръ какъ на него нашла зимняя спячка, она не чувствовала себя достаточно сильной, чтобы освободить отъ кошмара, давившаго его. Ей нужна была помощь весны. Она сама хирѣла, руки ея леденѣли, дыханіе спиралось. Она не умѣла положить его голову на свое плечо, не умѣла вдохнуть ему жизнь. Цѣлыми часами бродила она по большой опечаленной комнатѣ. Проходя передъ зеркаломъ, видѣла себя въ немъ совсѣмъ черной и думала, что безобразна.

Но вотъ, въ одно утро, когда она поправляла подушки, не смѣя и попытать разрушеннаго волшебства своихъ рукъ, ей показалось, что на губахъ Сержа, до затылка котораго она прикоснулась кончиками пальцевъ, бродить улыбка.

— Открой ставни,—прошепталъ онъ.

Она подумала, что онъ бредитъ, потому что часъ тому назадъ видѣла изъ окна одно лишь траурное небо.

— Спи,—печально отвѣчала она:—я общала разбудить тебя съ первымъ солнечнымъ лучомъ... Спи пока, солнце еще не приходило.

— Нѣтъ, я его чувствую, солнце тутъ... Открой ставни.

III.

И, въ самомъ дѣлѣ, солнце было тутъ. Когда она раскрыла ставни, позади бѣлыхъ занавѣсъ, пріятный желтый цвѣтъ снова согрѣлъ бѣлый уголокъ. Сержъ приподнялся, усѣлся на кровати и увидѣлъ тѣнь отъ вѣтки, возвѣщавшей ему возвратъ жизни. Вся обновленная, земля, съ ея зеленью, ея водами, ея широкимъ поясомъ холмовъ, сосредоточивалась для него въ этомъ колеблющемся силуэтѣ, въ этомъ зеленоватомъ пятнѣ, трепетавшемъ при малѣйшемъ вѣтеркѣ. Она больше не тревожила его. Онъ слѣдилъ за ея колыханіемъ, съ жаднымъ вниманіемъ, нуждаясь въ жизненныхъ сокахъ, о которыхъ она вѣщала. Альбина, ликующая, говорила:

— Ахъ! мой добрый Сержъ, зима прошла... Мы спасены-

Онъ снова улегся, съ прояснившимися глазами, съ болѣе свѣжей головой.

— Завтра,—сказалъ онъ,—я буду очень крѣпокъ... Ты откроешь занавѣсы. Я хочу все видѣть.

Но на другой день имъ овладѣлъ ребяческій страхъ. Онъ ни за что не соглашался, чтобы раскрыли окна. Онъ бормоталъ: «сейчасъ, сейчасъ!» и волновался, опасаясь перваго луча свѣта, который ударить ему въ глаза. Наступилъ вечеръ, а онъ все еще не рѣшился поглядѣть на солнце. Онъ лежалъ лицомъ къ занавѣсамъ, слѣдя на прозрачной ткани за блѣднымъ утромъ, горячимъ полднемъ, лиловатыми сумерками, всѣми красками, всѣми переимѣнами въ небѣ. Тамъ отражались даже сотрясеніе теплаго воздуха, производимое хлопаньемъ крыльевъ птицы, веселіе ароматовъ, трепетавшихъ въ лучѣ. Позади этой завѣсы, позади этой трогательной мечты о мощной жизни природы, онъ слышалъ, какъ приближалась весна, слышалъ музыку, производимую счастьемъ здоровья. И даже, по временамъ, слегка задыхался, когда новый приливъ крови земли слишкомъ рѣзко доходилъ до него, не взирая на преграду занавѣсъ.

На слѣдующее утро онъ еще спалъ, когда Альбина, торопясь выздоровленіемъ, закричала ему:

— Сержъ! Сержъ! вотъ солнце!

Она живо раздвинула занавѣсы и раскрыла окна. Онъ поднялся, всталъ на колѣни на кровати, задыхаясь, изнемогая, прижимая руки къ груди, чтобы помѣшать сердцу разбиться. Передъ собой онъ видѣлъ обширное небо, одну лазурь, безконечную лазурь; онъ омывался въ ней отъ страданія, она убаюкивала его, онъ пилъ въ ней кротость, чистоту, молодость. Одна вѣтка, тѣнь которой онъ видѣлъ, въ тѣ дни перекидывалась черезъ окно, выдѣлялась на голубомъ морѣ своей могучей зеленью. Онъ возрождался къ жизни. Онъ испускалъ невольные крики, залитый свѣтомъ, купаясь въ волнахъ теплаго воздуха, чувствуя, какъ въ него вливалась новая жизнь. Онъ протянулъ руки и упалъ на подушки.

Какой блаженный и трогательный день! Солнце входило слѣва, далеко отъ алькова. Сержъ въ теченіи всего утра глядѣлъ, какъ оно постепенно подвигалось. Онъ видѣлъ, какъ оно приближалось къ нему, желтое, какъ золото, задѣвая старую мебель, заползая въ углы, порою скользя по полу точно развернутая матерія. Наконецъ, около двухъ часовъ, полоса солнца сошла съ послѣдняго кресла, поднялась вдоль одѣяла и раскинулась на кровати, точно распущенные волосы. Сержъ поставилъ свои

худыя руки подъ его горячую ласку; онъ полузакрывъ глаза и чувствовалъ, какъ его пальцевъ касались жгучіе поцѣлуи; онъ точно купался въ свѣтѣ, точно лежалъ въ объятіяхъ свѣтила. И когда Альбина съ улыбкой наклонилась къ нему, прошептала съ закрытыми глазами:

— Оставь меня, не сжимай такъ сильно... Какъ это ты ухитришься держать меня на рукахъ?

Затѣмъ солнце спустилось съ кровати, отошло направо своимъ медленнымъ шагомъ. Тогда Сержъ снова поглядѣлъ, какъ оно удалялось, переходило съ одного кресла на другое, сожалея, что не удержалъ его на своей груди. Альбина осталась у кровати. Оба они слѣдили за тѣмъ, какъ небо постепенно блѣднѣло. Минутами сильная дрожь какъ-бы заставляла его блѣднѣть отъ неожиданнаго волненія. Сержъ всласть разсматривалъ небо; находилъ въ немъ прелестные оттѣнки, о которыхъ никогда и не подозрѣвалъ. Оно было не чисто-голубое, но розовато-голубое, лиловато-голубое, желтовато-голубое, точно живое тѣло, точно обширная нагота, которую вѣтерокъ заставлялъ вздыматься точно женскую грудь. Каждый новый взглядъ вдаль дарилъ сюрпризами, открывалъ незнакомые уголки въ воздухѣ, скромныя улыбки, очаровательныя округленности, газъ, скрывавшій въ глубинѣ мелькнувшаго эдема великолѣпныя тѣла богинь. И онъ носился среди этого переливчатого шелка, этого нѣжнаго пуха лазури. Солнце садилось, лазурь таяла въ чистомъ золотѣ, небо еще сильнѣе поблѣдѣло, медленно сливаясь съ сумерками. Ни одного облачка; только свѣтлая полоска видѣлась на горизонтѣ. Обширное небо заснуло.

— Ахъ! милый малютка!—сказала Альбина, глядя на Сержа, уснувшаго на ея плечѣ въ одно время съ солнцемъ.

Она уложила его и закрыла окна. Но на другой день, на зарѣ, они уже были открыты. Сержъ не могъ больше жить безъ солнца. Силы къ нему возвращались, онъ привыкалъ къ порывамъ вѣтерка, колыхавшаго пологъ алькова. Даже лазурь, вѣчная лазурь начинала ему казаться приторной. Ему надоѣдало быть лебедемъ и бесконечно плавать по прозрачному небесному озеру. Онъ желалъ, чтобы набѣжали темныя облака, какая-нибудь тучка нарушила монотонность этого покоя. По мѣрѣ того, какъ здоровье возвращалось, ему хотѣлось болѣе сильныхъ ощущеній. Теперь онъ по цѣлымъ часамъ глядѣлъ на зеленую вѣтку; ему бы хотѣлось, чтобы она выросла на его глазахъ, распустилась, пустила отпрыски до самой его постели. Ему уже мало одной вѣтки, она только подзадоривала его желанія, го-

вора ему о тѣхъ деревьяхъ, чей громкій призывъ долеталъ до него со двора, хотя онъ не видѣлъ ихъ верхушекъ. Ему слышался безконечный шопотъ листьевъ, болтовня бѣгущихъ водъ, шелестъ крыльевъ, громкій, протяжный голосъ, звенѣвшій въ самомъ солнцѣ.

— Когда ты въ силахъ будешь встать,—говорила Альбина,—ты сядешь у окна... Ты увидишь прекрасный садъ!

Онъ закрывалъ глаза и шепталъ:

— О! я его вижу... я его слушаю, я знаю, гдѣ деревья, гдѣ воды, гдѣ растутъ фіалки.

Затѣмъ продолжалъ:

— Но я худо его вижу, безъ солнца... Надо мнѣ запастись большими силами, чтобы дойти до окошка.

Пороку Альбина, думая, что онъ уснулъ, исчезала на нѣсколько часовъ. А когда возвращалась, то находила его съ блестящими отъ нетерпѣнія глазами, пожираемого любопытствомъ. Онъ ей кричалъ:

— Откуда ты?

Она, смѣясь, показывала ему ботинки, мокрыя отъ росы.

— Ты пришла изъ сада! ты пришла изъ сада!—повторялъ онъ съ восторгомъ.—Я это зналъ. Когда ты вошла, ты была похожа на большой цвѣтокъ... Ты мнѣ принесла весь садъ на своемъ платьѣ.

Она приносила иногда съ собою репейникъ, листокъ, кусочекъ дерева, запутавшіеся въ ея платьѣ. Тогда онъ бралъ эти вещи, пряталъ ихъ подъ подушку, точно святыню. Однажды она принесла ему пучокъ розъ. Онъ былъ такъ взволнованъ, что заплакалъ. Цѣловалъ цвѣты, влалъ ихъ съ собою рядомъ.

Часто, видя, что она приходила запыхавшись, онъ спрашивалъ ее: по какой аллеи шла она? Ходила ли она подъ деревьями или по лужайкамъ? Видѣла ли она гнѣзда? Сидѣла ли подъ шиповникомъ или подъ дубомъ, или въ тѣни тополей? И когда она отвѣчала, когда старалась объяснить ему расположеніе сада, онъ останавливалъ ее:

— Нѣтъ, нѣтъ; молчи... Я не хочу знать... Лучше я самъ погляжу.

И принимался мечтать о зелени, которую чувствовалъ въ двухъ шагахъ отъ себя. Въ теченіи нѣсколькихъ дней онъ жилъ только этой мечтой. Сначала, говорилъ онъ, садъ яснѣе представлялся ему. Съ возвращеніемъ силъ мечта его блѣднѣла... Нерѣшительность увеличивалась. Онъ не могъ больше сказать, росли ли деревья направо, текли ли воды въ глубинѣ, не высились

ли скалы надъ самыми оеопками. Онъ разговаривалъ объ этомъ шепотомъ съ самимъ собою. По самымъ ничтожнымъ признакамъ создавалъ чудесные планы; но вдругъ пѣніе птицы, трескъ вѣтки, запахъ цвѣтка заставляли его все измѣнять: сажать группу сирени, замѣнять лужайку клумбами съ цвѣтами.

Каждый часъ онъ рисовалъ новый садъ къ великому смѣху Альбины, повторявшей ему:

— Все это не то, увѣряю тебя. Ты не можешь себѣ представить. Садъ красивѣе всего, чтó ты видѣлъ прекраснаго... Не ломай же своей головы. Садъ принадлежитъ мнѣ, я тебѣ его дамъ. Не бойся, онъ не уйдетъ.

Сержъ, боявшійся сначала свѣта, вновь струсилъ, когда явилась возможность подойти къ окну. Онъ опять повторялъ: «завтра», ложась спать. Въ одно прекрасное утро Альбинѣ пришлось неожиданно подхватить его подъ руки. Она почти принесла его къ окну, и поддерживая, принуждала глядѣть въ окно.

— Какой ты трусъ!—говорила она съ своимъ красивымъ, звонкимъ смѣхомъ.

И обѣдая рукой горизонтъ, повторяла съ торжествующимъ видомъ:

— Парадѣ! Парадѣ!

Сержъ, безгласный, глядѣлъ въ окно.

IV.

Море зелени—напротивъ, справа, слѣва, всюду. Море, катившее свою волну листьевъ до самаго горизонта, не встрѣчая преграды ни въ домахъ, ни въ стѣнахъ, ни въ пыльных дорогахъ. Море пустынное, дѣвственное, священное, разстилавшее свою дикую прелесть въ невинности уединенія. Одно только солнце входило сюда, каталось по лугамъ, проникало въ аллеи, цѣплялось за деревья своими тонкими огненными волосами, пило изъ источниковъ, заставляя воду трепетать отъ прикосновенія его губъ. Подъ этимъ огненнымъ ливнемъ огромный садъ жилъ причудливой жизнью счастливаго животнаго, выпущеннаго на край свѣта, далеко отъ всѣхъ людей, безусловно свободнаго. Листья, трава юсли въ такомъ безумномъ изобиліи, что садъ былъ какъ-бы залитъ, затопленъ съ одного конца до другого. Со всѣхъ сторонъ видѣлись зеленые скаты, стебли, бившіе вверхъ, точно фонтаны, лѣсныя завѣсы, плотно задвинутыя, плющи изъ ползучихъ растений, разстилавшихся по землѣ, раскидистыя гигантскія

вѣтки. Съ трудомъ можно было признать подъ этимъ ужасающимъ наплывомъ растительности старинный рисунокъ сада Парадѹ. Напротивъ, словно въ гигантскомъ циркѣ устроенъ былъ должно быть нѣкогда цвѣтникъ съ полуразрушенными теперь бассейнами, сломанными рѣшетками, разбитыми лѣстницами, опрокинутыми статуями, облѣвными среди темныхъ газоновъ. Дальше, позади синей линіи воды, росла чаща фруктовыхъ деревьевъ; а еще дальше высокій лѣсъ выдѣлялся лиловатымъ пятномъ, пронизаннымъ лучами свѣта, — лѣсъ, превратившійся въ дѣвственный, верхушки его виднѣлись на самомъ горизонтѣ, отливая желтымъ, блѣдно-зеленымъ, темно-зеленымъ. Направо лѣсъ карабкался по возвышенностямъ, переходилъ въ еловые рощи, вырождался въ скудные кустарники, а обнаженные скалы высились громадной лѣстницей, заграждавшей небо. Камень отливалъ тамъ самыми дикими цвѣтами: яркимъ пламенемъ пожара, желтымъ отблескомъ расплавленной мѣди, — кровавыми пятнами, высохшими на солнцѣ. Пламенные кусты пробивали почву, чудовищныя растенія спали на солнцѣ, точно сонныя пресмыкающіяся, а по покатости струилась серебристая ниточка, сверкавшая издали точно жемчугъ: то падала вода, источникъ тѣхъ мирныхъ водъ, которыя такъ вѣло протекали вокругъ цвѣтника. Налѣво, рѣка катилась посреди обширнаго луга, раздѣляясь на четыре ручья, прихотливо извивавшіеся между тростникомъ, ивами, позади большихъ деревьевъ. Парадѹ, цвѣтникъ, лѣсъ, скалы, воды, луга занимали весь горизонтъ. Море зелени — напротивъ, справа, слѣва, вездѣ, — море, катившее свои зеленныя волны, не встрѣчая на своемъ пути преграды ни въ домахъ, ни въ стѣнахъ, ни въ пыльных дорогахъ.

— Парадѹ! — бормоталъ Сержъ, раскрывая руки какъ бы затѣмъ, чтобы прижать весь садъ къ груди.

Онъ зашатался. Альбина усадила его въ кресло. Такъ онъ оставался около двухъ часовъ, не говоря ни слова. Уперевшись подбородкомъ на руки, онъ глядѣлъ. Минутами вѣки его дрожали; краска бросалась въ лицо. Онъ медленно оглядывался, глубоко дивясь. Тѣ, что его окружало, было слишкомъ обширно, слишкомъ сложно, слишкомъ мощно.

— Я не вижу, не понимаю, — закричалъ онъ, протягивая руки въ Альбинѣ съ жестомъ отчаянія.

Тогда молодая дѣвушка оперлась на спинку кресла. Она взяла его за голову, принудила снова поглядѣть на садъ. Она ему говорила въ полъ-голоса:

— Это все наше... Когда ты выздоровѣешь, мы будемъ гу-

ять. Мы въ цѣлую жизнь не нагуляемся. Мы пойдемъ, куда ты хочешь... Куда ты хочешь идти?

Онъ улыбался, шепталъ:

— О! не далеко... Въ первый день шага за два отъ этой вери... Видишь-ли, я упаду... Вонъ я пойду туда, подъ это дерево, возлѣ окошка.

Она продолжала кротко:

— Хочешь идти въ цвѣтники? Ты увидишь кусты съ розами, большіе цвѣты, которые все заглушили, даже прежнія ален; они засадили ихъ своими букетами... Или не хочешь ли учше въ плодовый садъ, куда я вхожу только ползкомъ, потому что вѣтки подгибаются подъ тяжестью плодовъ... Мы пойдемъ еще дальше, если почувствуешь въ себѣ силы. Пойдемъ въ бсь, въ тѣнистыя чащи, далеко, очень далеко отсюда... А е то когда-нибудь утромъ заберемся наверхъ, на эти скалы. Ты увидишь растенія, которыхъ я боюсь. Ты увидишь источники, цѣлый дождь воды, и мы поставимъ лицо подъ ея рызги... Но если ты предпочитаешь идти вдоль изгородей, по берегу ручья, то надо идти лугами. Вечеромъ, на закатѣ солнца, чень хорошо подъ ивами. Растянешься на травѣ, глядишь, какъ маленькія зеленныя лягушки скачутъ по тростникамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчалъ Сержъ, — ты меня утомляешь, не хочу идти такъ далеко... Я пройду шага два. Этого достаточно.

— Я сама, — продолжала она, — еще не все обошла. Есть ного уголковъ, которыхъ я не знаю. Вотъ уже цѣлыя годы какъ гуляю, а все чую кругомъ себя мѣста, гдѣ тѣнь должна быть рохладнѣе, трава мягче... Слушай, я всегда воображала, что сть одинъ уголокъ, гдѣ бы я желала навѣки поселиться. Онъ онечно гдѣ-то тутъ, по близости; я навѣрное проходила возлѣ, можетъ быть, онъ такъ далеко, что я не добралась до него въ вонхъ безпрестанныхъ прогулкахъ... Не правда ли, Сержъ? мы мѣстѣ станемъ искать его, мы поселимся тамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, молчи, — бормоталъ молодой человѣкъ: — я не юнимаю того, чтó ты говоришь. Ты меня уворишь.

— Парадѣ, значить, не такъ хорошъ, какъ ты мечталъ? — просила она.

Онъ поднялъ лицо и отвѣчалъ:

— Не знаю. Онъ былъ такой маленькій, а теперь все роть... Уведи меня, спрячь меня.

Она отвела его въ постель, успокоивая какъ ребенка, убаюкивая сказками.

— И, нѣтъ! все это выдумки, никакого сада нѣтъ. Я сочинила то, что тебѣ рассказывала. Спи спокойно.

V.

Каждый день она сажала его передъ окномъ въ часы утренней прохлады. Онъ начиналъ бродить по комнатѣ, держась за мебель. Щеки его слегка окрашивались, руки теряли восковую прозрачность. Но, выздоравливая, онъ оставался совсѣмъ тупымъ и жилъ растительною жизнью бѣднаго существа, родившагося наканунѣ. Онъ какъ будто превратился въ растеніе, способное только ощущать теплый воздухъ, въ которомъ купалось. Альбина, запомнившая слова доктора Паскаля, очень тревожилась, видя его такимъ ребенкомъ, такимъ невиннымъ дурачкомъ. Она слыхала, что инныя болѣзни оставляютъ за собою безуміе. И по нѣлымъ часамъ глядѣла на него, ухитряясь, какъ мать, улыбаться, чтобы заставить и его улыбнуться. Онъ еще не смѣялся. Когда она проводила рукой передъ его глазами, онъ не видѣлъ, и слѣдилъ за ней. Онъ едва поворачивалъ голову на шее, когда она говорила. У нея было только одно утѣшеніе: онъ развивался красивымъ ребенкомъ.

Въ теченіи цѣлой недѣли она нѣжно ухаживала за нимъ. Она была очень терпѣлива, ожидая, чтобы онъ выросъ. По мѣрѣ того, какъ проявлялись нѣкоторые признаки пробужденія, она успокаивалась, питая надежду, что время сдѣлаетъ изъ него человека. Онъ слегка вздрагивалъ, когда она дотрогивалась до него. Затѣмъ, однажды вечеромъ чуть-чуть засмѣялся. На другое утро, усадивъ его передъ окномъ, она сошла въ садъ, гдѣ привыкла бѣгать и звать его. Она исчезала за деревьями, пробѣгала на солнцу, возвращалась, запыхавшись, хлопая въ ладоши. А она съ блуждающими глазами, не замѣчала ее сначала. Но она продолжала бѣгать, играя въ прятки, выскакивая изъ-за кустовъ, зовя его... И когда она стала у окна, поднявъ къ нему лицо, онъ протянулъ руки и сдѣлалъ движеніе, какъ будто хотѣлъ идти къ ней. Она вбѣжала въ комнату...

— Ага! ты меня видѣлъ, ты меня видѣлъ!—закричала она.— Ты сойдешь со мной въ садъ, неправда ли?.. Еслибы ты зналъ, какъ ты меня огорчалъ въ послѣдніе дни, прикидываясь дурачкомъ, не глядя на меня и не слушая!

Онъ слушалъ съ какою-то болью, наклоня голову какъ бы отъ страха.

— Ты, однако, поправляешься,—продолжала она. — Ты достаточно силенъ, чтобы пойти въ садъ, когда захочешь... От-его ты мнѣ ничего не говоришь? Ты разучился, должно быть, оворить? Какой крошка! Пожалуй, мнѣ придется учить его горить!

И дѣйствительно она принялась называть ему предметы, до которыхъ онъ дотрогивался. Онъ умѣлъ только бормотать и не въ состояніи былъ произнести отчетливо ни одного слова. Она шла водить его по комнатѣ. Поддерживала и доводила отъ кровати до окна. То было большое путешествіе. Онъ раза два чуть е падалъ по дорогѣ, и это ее смѣшило. Однажды онъ сѣлъ на олѣ, и ей стоило невѣроятныхъ трудовъ поднять его. Потомъ на стала водить его вокругъ комнаты, заставляла садиться на иванъ, на кресла, на стулья; такое кругосвѣтное путешествіе рало обыкновенно около часу. Наконецъ, онъ сталъ немного одить одинъ. Она становилась передъ нимъ съ раскрытыми бѣгѣями и отступала назадъ, зовя его, и ему приходилось роить всю комнату, безъ опоры. Когда онъ капризничалъ, не отѣлъ идти, она вынимала изъ косы гребень и показывала ему, акъ игрушку. Тогда онъ приходилъ за нимъ и спокойно игралъ ребнемъ въ углу, по цѣлымъ часамъ, тихонько царапая имъ уки.

Однимъ утромъ Альбина нашла Сержа на ногахъ. Ему уже чалось открыть одну ставню. Онъ пробовалъ ходить, не дер-ась за мебель.

— Видите, молодецъ какой! — весело сказала она. — Завтра ѣзъ выскочить въ окно, если его оставить одного... Мы, значить, зперъ совсѣмъ крѣпко стоимъ на ногахъ?

Сержъ отвѣчалъ дѣтскимъ смѣхомъ. Къ нему вернулась юно-еская сила, но ощущенія не сдѣлались сознательнѣе. Онъ цѣ-ья утра проводилъ въ виду Парадѣ, съ ребяческой миной, ни-его не понимая и не сознавая. Онъ не умѣлъ отличить платья льбины отъ обивки старыхъ креселъ. Онъ постоянно таращилъ дивленные глаза; въ движеніяхъ его сказывались крайняя ро-ость и нерѣшительность, какъ у существа, не знакомаго съ кружающей средой. Человѣкъ въ немъ еще не просыпался.

— Хорошо, хорошо,—шептала Альбина,—прикидывайся ду-ачкомъ. Сейчасъ увидимъ.

Она вынула изъ косы гребень и протанула ему.

— Хочешь мой гребень. Приди за нимъ.

Она раскрыла дверь настежъ.

Точно заря взшла! точно темная завѣса внезапно разверз-

лась и обнаружила день во всемъ его утреннемъ весельи. Паркъ раскидывался передъ ними зеленый, свѣжій и глубокій, какъ источникъ. Сержъ, восхищенный, остановился на порогѣ, испытывая слабое желаніе ступить ногой въ это озеро свѣта.

— Подумаешь, что ты боишься замочить ноги, — говорила Альбина. — Не бойся, земля сухая.

Онъ ступить шагъ, дивясь упругому сопротивленію песка. Первое соприкосновеніе съ землею вливалось въ него новую жизнь, и онъ, вздыхая, остановился на минуту, какъ вкопанный.

— Ну, смѣлѣе, — повторила Альбина. — Вѣдь ты обѣщалъ мнѣ пройти пять шаговъ. Мы дойдемъ до того тутоваго дерева, что растетъ подъ окномъ... Тамъ ты отдохнешь.

Онъ добрую четверть часа употребилъ на эти пять шаговъ. Послѣ cadaго усилія останавливался, точно ему надо было вырывать корни, которыми онъ приросъ къ землѣ. Молодая дѣвушка, толкавшая его, говорила, смѣясь:

— Ты похожъ на дерево, которое тронулось съ мѣста.

Она прислонила его къ тутовому дереву, подъ солнечнымъ дождемъ, лившимъ съ вѣтвей. Потомъ оставила его и убѣждая, закричавъ, чтобы онъ не трогался съ мѣста. Сержъ, опустивъ руки, медленно повернулъ голову къ парку. Паркъ переживалъ младенческій возрастъ. Блѣдная зелень залита была точно молокомъ, купалась въ блѣдомъ свѣтѣ. Деревья оставались невинными, у цвѣтовъ были дѣтскія краски, воды синѣли наивной синевой, точно большіе, широко раскрытые глаза. Подъ каждымъ листкомъ праздновалось пробужденіе весны. Сержъ остановился у желтаго просвѣта, который образовала передъ нимъ широкая аллея въ густой массѣ зелени. Въ концѣ, на востокѣ, луга, залитые золотомъ, казались лучезарнымъ полемъ, куда сходило солнце. И Сержъ ждалъ, чтобы утро пришло черезъ эту аллею къ нему. Онъ ощущалъ его приближеніе въ тепломъ вѣтеркѣ, сначала едва чувствительномъ, слегка обвѣвавшемъ ему лицо, затѣмъ все усиливавшемся и подъ конецъ заставившемъ его вздрогнуть. Онъ ощущалъ его приближеніе все отчетливѣе и отчетливѣе, оно приносило ему здоровую горечь воздуха, уносило его сладкимъ ароматомъ цвѣтовъ и кустовъ. Онъ обонялъ его въ запахахъ, которыми оно пропитывалось по дорогѣ, въ запахѣ земли, запахѣ тѣнистыхъ лѣсовъ, запахѣ горячихъ растений, запахѣ живыхъ тварей, цѣлымъ букетомъ запаховъ, такимъ сильнымъ, почти одуряющимъ. Онъ слышалъ его приближеніе въ легкомъ полетѣ птицы, крыльями задѣвающей траву. Оно нарушало тишину сада, придавало голосъ всему, до чего не

алось, раздавалось въ его ухахъ музыкой вещей и существъ. Въ видѣль, какъ оно приближалось изъ глубины аллеи, съ луть, залитыхъ золотомъ, такое розовое и веселое, что озаряло на своемъ пути какъ бы улыбкою, и вотъ, наконецъ, утро приблизилось къ тутовому дереву, къ которому прислонился ржъ. Сержъ возродился къ жизни въ это юное утро.

— Сержъ! Сержъ!—кричалъ голосъ Альбины, забѣжавшей высокіе кусты цвѣтника.—Не бойся, я тутъ.

Но Сержъ больше не боялся. Онъ оживалъ на солнцѣ, въ й ваннѣ чистаго свѣта, обливавшего его. Онъ оживалъ въ дцать-пять лѣтъ, съ внезапно проснувшимися чувствами, восцаясь обширнымъ небомъ, счастливой землей, чудеснымъ гоюнтомъ, разстилавшимся вокругъ него. Этотъ садъ, котораго не зналъ наканунѣ, доставлялъ ему необыкновенное нажденіе. Все его приводило въ восторгъ, малѣйшая травинка, иешки аллеи, вѣтерокъ, обвѣвавшій ему щеки. Все его сущство сливалось съ природой; уста его жадно пили ее, ноздри ихали, онъ уносилъ ее въ своихъ ухахъ, скрывалъ въ глугѣ глазъ. Все принадлежало ему. Розы цвѣтника, вѣтви выаго лѣса, скалы, отражавшія шумъ падающихъ потоковъ, а, куда солнце бросало снопы свѣта. Онъ закрылъ глаза и ценно раскрылъ, чтобы вторично насладиться пробужденіемъ.

— Птицы склевали всю землянику,—сказала Альбина, подбѣ-, огорченная.—Вотъ возьми, я нашла только эти двѣ.

Но она остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ, глядя на Сержа восторженнымъ удивленіемъ, пораженная въ самое сердце.

— Какъ ты хорошъ!—закричала она.

И подошла ближе, любуясь имъ и шепча:

— Я тебя нивогда не видывала такимъ.

Онъ точно выросъ. Одѣтый въ широкое платье, онъ стоялъ юмой, какъ тополь, тоненькій, съ тонкими руками, широкой удью, круглыми плечами. Его бѣлая шея свободно поворачи- иась, голова была слегка закинута назадъ. Здоровье, сила, цъ выражались на его лицѣ. Онъ не улыбался; лицо его ло серьезно и кротко; щеки крѣпкія, носъ большой, глаза сѣе, совсѣмъ свѣтлые, властительные. Длинные волосы закрывали ѣ черепъ и падали на плечи черными кудрами, а пробивав- еся усы и борода курчавились надъ губами и на подбородкѣ, севозъ нихъ просвѣчивала бѣлая кожа.

— Ты хорошъ! ты хорошъ! — повторяла Альбина медленно, исѣвши передъ нимъ и поднимая на него ласковые взгляды.

— Но за что ты на меня дуешься? Отчего ты со мной не говоришь?

Онъ стоялъ молча. Глаза его были устремлены вдаль. Онъ не видѣлъ этого ребенка у своихъ ногъ. Онъ заговорилъ, обращаясь къ солнцу:

— Какъ свѣтъ пріятенъ!

И можно было подумать, что эти слова отголосокъ самого солнца. Они вылетѣли точно музыкальное дуновение, точно трепеть теплоты и жизни. Уже нѣсколько дней какъ Альбина слышала голоса Сержа. Она нашла, что и голосъ также измѣнился, какъ и онъ самъ. Ей показалось, что онъ раздавался въ паркѣ съ бѣльшей мягкостью, чѣмъ пѣніе птицъ, съ бѣльшей властью, чѣмъ вѣтеръ, наклонявшій вѣтви деревъ. Онъ былъ вѣстительный, онъ повелѣвалъ. Весь садъ слышалъ его, хотя онъ провѣсся точно шепотъ, и весь садъ вострепнулся отъ радости, которая въ немъ звучала.

— Говори со мной, — умоляла Альбина. — Ты никогда со мной такъ не говорилъ. Тамъ, наверху, въ комнатѣ, когда ты еще не былъ нѣмъ, ты болталъ какъ ребенокъ... Отчего это я не узнаю твоего голоса? Сейчасъ мнѣ казалось, что онъ принесся ко мнѣ изъ сада, будто одинъ изъ тѣхъ глубокихъ вѣтровъ, которые смущали меня ночью, до твоего пріѣзда... Послушай, все умякло, чтобы слушать твой голосъ.

Но онъ продолжалъ не замѣчать ее. Она становилась все нѣмѣе и нѣмѣе.

— Нѣтъ, не говори, если это тебя утомляетъ. Садъ вреденъ для меня. Мы посидимъ тутъ на травѣ, пока солнце не перейдетъ на другую сторону... Погляди, я нашла двѣ ягоды. Я долго ихъ искала. Птицы все склѣвываютъ. Одна изъ этихъ ягодъ для тебя, если хочешь. А не то мы раздѣлимъ каждую пополамъ. Ты меня поблагодаришь, а я тебя послушаю.

Онъ не захотѣлъ сѣсть, отказался отъ ягодъ, и Альбина съ досадой бросила ихъ. Она сама больше не промолвила ни слова. Она больше любила его больнымъ, какъ въ первые дни, когда онъ клалъ свою руку, вмѣсто подушки. Она проклинала здоровье, которое теперь облекало его свѣтомъ, точно безстрашнаго бога. Неужели онъ останется такимъ невнимательнымъ къ ней? Неужели онъ не выздоровѣетъ настолько, чтобы увидѣть ее и полюбить? Она видѣла, что его сѣрымъ глазамъ недостаетъ огня, что красота его была блѣдная, точно красота статуй, слившихся въ крапиву цвѣтника...

Съ этого дня выздоравливающій каждое утро гулялъ въ саду.

нѣ доходилъ до конца террасы, къ широкой лѣстницѣ, разбитыя ступени которой вели въ цвѣтникъ. Онѣ привыкали къ воздуху; солнце оживляло его. Даже разъ онѣ захотѣлъ-было сойти въ лѣстницы, но силы измѣнили ему, онѣ уцѣлся на одной ступенькѣ посреди стѣнницъ, выросшихъ въ трещинахъ плитъ почти съ него ростомъ. Внизу, налѣво, онѣ видѣлъ маленькую ошущу изъ розовыхъ кустовъ. Вотъ, туда-то онѣ мечталъ до- раться.

— Подожди еще,—говорила Альбина.—Запахъ розъ слишкомъ силенъ для тебя. Когда я садилась подъ розовыми кустами, всегда чувствовала себя совсѣмъ усталой, голова у меня кружилась, и мнѣ хотѣлось плакать...

VI.

Наконецъ, въ одно утро она помогла ему сойти съ лѣстницы, ритантывая траву подъ его ногами и раздвигая ему проходъ среди шиповниковъ, которыми поросли послѣднія ступеньки. Они едленно направились въ рощу розъ. То былъ цѣлый лѣсъ съ высокими одностовольными розовыми деревьями, надъ которыми раскидывалась густая шапка зелени, съ розовыми кустарниками, громадными, подобными непроницаемой чащѣ молодыхъ дубовъ. Во времена оны тутъ была великолѣпнѣйшая коллекція растений, которую только можно себѣ представить. Но съ тѣхъ поръ, какъ цвѣтникъ забросили, все въ немъ росло на волѣ,—и вотъ, выросъ бѣственный лѣсъ, лѣсъ изъ розовыхъ деревьевъ, затошилъ всѣ юпинки, отпрыски перемѣшались, разновидности переплелись въ такой степени, что розы всѣхъ запаховъ и цвѣтовъ точно росли на одномъ стволѣ. Ползучія розы устроили на землѣ коверъ, между тѣмъ какъ другія обвивались вокругъ другихъ розовыхъ кустовъ, точно плющъ, образовали цѣлыя стѣны зелени и при малѣйшемъ вѣтеркѣ сыпали настоящій дождь лепестковъ. Естественныя просѣки явились среди чащъ, узкія юпинки, широкія аллеи, очаровательныя крытыя дороги, гдѣ царствовали тѣнь и благоуханіе. Они вели къ перекресткамъ, въ полянамъ, надъ которыми раскидывались бесѣдки изъ маленькихъ красныхъ розъ, шли между стѣнами, устланными маленькими желтыми розами. Въ иныхъ уголкахъ солнце переливалось точно шелковая зеленая матерія, затканная золотомъ. Въ другихъ тѣнистыхъ уголкахъ царилъ тишина альбова, запахъ юбви, запахъ букета, завядшаго на груди у женщины. Розовые

кусты точно шептались. Въ нихъ серывалось множество гнѣздовъ кувыльи.

— Какъ бы намъ не заблудиться, — сказала Альбина, — въ лѣсъ. — Я разъ заблудилась. Солнце зашло, а я все не могу высвободиться изъ розовыхъ кустовъ; они хватали меня на каждомъ шагу.

Но не успѣли они пройти нѣсколько шаговъ, какъ Сержъ разбитый усталостью, захотѣлъ сѣсть. Онъ легъ и крѣпко заснулъ. Альбина сѣла возлѣ него и задумалась. Они были въ концѣ одной тропинки, на краю прогалины. Тропинка шла очень далеко, пересѣкаемая лучами солнца, упираясь другимъ концомъ въ небо, — маленькое, круглое и голубое отверстіе. Другія тропинки пробирались сквозь зеленую чащу. Прогалину образовали высокія розовыя деревья, росшія въ нѣсколько рядовъ и пустившія такую пропасть вѣтвей, переплетенныхъ цѣлымъ лѣсомъ колючихъ лозъ, что цѣлыя густыя завѣсы изъ листьевъ висѣли въ воздухѣ, перекрывались съ одной вѣтки на другую, образуя висячія палатки. Сквозь эту ажурную теань, точно тонкое шторное кружево, въ мельчайшія отверстія проходилъ свѣтъ, солнечною пылью.

Альбина глядѣла на спящаго Сержа. Она еще никогда не видѣла, чтобы онъ такъ крѣпко спалъ, раскидавъ руки, съ неподвижнымъ лицомъ. Вотъ такъ, онъ умеръ для нея, думала ей; она могла поцѣловать его въ лицо, а онъ и не замѣтитъ поцѣлуя. И, печальная, разсѣянная, она занимала свои праздныя руки тѣмъ, что обрывала розы, попадавшіяся ей подъ руку. Надъ ея головой нависъ громадный снопъ цвѣтовъ, закрывая ея волосы, украшая розами ея косу, уши, затылокъ, набрасывая ей на плечи мантию изъ розъ. Подъ ея пальцами розы сыпались и осыпали ее съ ногъ до головы. Онѣ закрывали ея ноги, она зарылась въ розахъ по самую талию.

— О, какой! — произнесла она, соскучившись, и, взявъ двѣ пригоршни розъ, бросила ихъ въ лицо Сержу, чтобы разбудить его.

Онъ все еще не могъ придти въ себя, а розы мѣшали ему раскрыть глаза и ротъ. Это разсмѣшило Альбину.

Сержъ медленно приподнялся. Онъ глядѣлъ на нее съ удивленіемъ, какъ-бы испуганный тѣмъ, что видитъ ее здѣсь. Она спросила:

— Кто ты? откуда ты пришла? что ты тутъ дѣлаешь одна?

Она продолжала смѣяться, восхищенная его пробужденіемъ.

Тогда онъ какъ-будто что-то припомнилъ, и снова заговорилъ съ счастливой увѣренностью:

— Знаю! ты моя любовь, ты плоть отъ плоти моей...

Альбина слушала его съ восторгомъ. Наконецъ-то онъ замѣтилъ ее; наконецъ-то онъ окончательно ожилъ, выздоровѣлъ. Она умоляла его продолжать, протянувъ къ нему руки.

Онъ взялъ ее за руки, повторяя дрожащимъ отъ восторга голосомъ:

— Какъ ты хороша!

Лицо Альбины, подъ солнечнымъ дождемъ, казалось молочной бѣлизны, едва позолоченное дневнымъ свѣтомъ. Дождь ровъ вокругъ нея, на ней, заливалъ ее розовой волною. Ея бѣлокурые волосы, плохо сдерживаемые гребнемъ, увѣнчивали ее блѣднымъ свѣтиломъ; огненные пряди сбѣгали въ беспорядкѣ съ ея затылка. Она была стройна, не очень высока, гибкая, какъ змѣя, съ округленной таліей, съ дѣтскимъ еще станомъ, но уже начинала складываться въ женщину. Ея продолговатое лицо, узкій лобъ, нѣсколько крупный ротъ смѣялись всей нѣжной жизнью, свѣтившейся въ ея голубыхъ глазахъ. При всемъ томъ она была серьезна; щеки у нея были круглы, подбородокъ мясистый. Она была хороша такой же естественной красотой, какъ деревья.

— И какъ я люблю тебя!—произнесъ Сержъ, привлекая ее къ себѣ.

Вокругъ нихъ цвѣли розы. Тутъ царила безумная роскошь растительности, смѣявшейся краснымъ, розовымъ, бѣлымъ смѣхомъ. Живые цвѣты раскрывались точно корсажи, отрывающіе роскошную грудь. Тамъ были желтыя розы, напоминавшія кожу дѣвкихъ женщинъ, соломенные розы, розы лимоннаго цвѣта, розы цвѣта солнца, всѣ оттѣнки лицъ, сожженныхъ горячими небесами. Затѣмъ тѣло становилось нѣжнѣе; чайныя розы отливали очаровательными красками, выставяли скрытыя прелести тѣла, нѣжныя какъ шелкъ, слегка синеватыя отъ голубыхъ жилокъ. Далѣе расцвѣтала игривая жизнь розы: бѣлыя розы, бѣлизны дѣвическихъ ногъ, пробующихъ воду источника; блѣдно-розовыя розы, болѣе скромныя, чѣмъ теплая бѣлизна обнажившагося колѣна, чѣмъ свѣтъ, которымъ озаряетъ молодая рука широкій рукавъ; ярко-розовыя розы, кровь съ молокомъ, голыя плечи, голыя торсы, залитые свѣтомъ. Красныя розы, точно полуоткрытыя губы, дышашія теплымъ ароматомъ. А ползучія розы, большія розовыя деревья, покрытыя цѣлымъ дождемъ бѣлыхъ цвѣтовъ, одѣвали всѣ эти розы, всѣ эти тѣла кружевомъ своихъ востей, невинностью своей легкой кисеи. А

тамъ-и-сямъ, темно-малиновыя розы, почти черныя, заносили этой непорочной бѣлизнѣ страстную рану. Душистый лѣсъ праздновалъ свою свободу. Даже въ травѣ, махровыя розы въ пазухахъ съ высокимъ воротомъ изъ травъ звали любовь. Вдоль тропинки, исполосованной солнечными лучами, бродили цвѣты, представлялись лица, призывавшія пролетавшій мимо вѣтерокъ. Подъ раскинутой палаткой прогалины сверкали улыбки. Ни одна изъ розъ не походила на другую. Каждая любила на свой ладъ. Однѣ соглашались лишь слегка раскрыть свой бутонъ, застѣнчивыя, краснѣющія, между тѣмъ какъ другія, съ распухнувшимъ корсетомъ, задыхающіяся, совсѣмъ раскрытыя, точно смѣялись, какъ-бы обезумѣли отъ страсти. Были маленькія, живыя, веселыя, уходившія одна за другой съ ковардой на чепецъ; были и громадныя, толстыя, точно разжирѣвшія султанши; были и дерзкія, въ кокетливомъ *déshabillé*, съ видомъ кокетоевъ, выставившія на показъ лепестки, точно осыпанныя рисовой пудрой; были и честныя, декольтированныя какъ приличныя буржуазки; были аристократическія, изящныя, прилично оригинальныя, изобрѣтавшія небрежныя наряды. Розы, распустившіяся какъ чаша, предлагали свой ароматъ точно въ драгоценномъ хрусталѣ; розы, раскинувшіяся въ формѣ урны, изливали его по каплѣ; розы круглыя, походившія на кочаны капусты, выпускали его ровнымъ дыханіемъ своихъ уснувшихъ цвѣтовъ; розы въ бутонѣхъ сжимали свои лепестки и пока только дѣвственно вздыхали.

— Я тебя люблю, люблю,—повторялъ Сержъ шопотомъ.

И сама Альбина была большой розой, одной изъ бѣдныхъ розъ, раскрывшихся поутру.

— О! смѣялась она, — ты можешь сжать меня еще крѣпче.

Сержа очаровалъ ея смѣхъ, напоминавшій звонкую трель птицы.

— Это ты такъ поешь,—сказалъ онъ:—никогда не слыжалъ я болѣе пріятнаго пѣнія... Ты моя радость.

И она смѣялась еще громче, съ переливами, точно ноты флейты, звонкія и сливавшіяся съ болѣе низкими нотами. То былъ смѣхъ безъ конца, воркованіе, музыка, торжествующая, воспѣвающая пробужденіе чувства. Все откликалось на этотъ смѣхъ женщины, оживающей для красоты и любви: розы, душистый лѣсъ, весь Парадъ! До сихъ поръ этому большому саду недоставало одной красы, живого голоса, который бы оживлялъ деревья, воды, солнца. Теперь у большого сада явился даръ смѣха.

— Сколько тебѣ лѣтъ? — спросила Альбина, оборвавъ свое пѣніе на звонкой и трепещущей нотѣ.

— Скоро двадцать-шесть, — отвѣчалъ Сержъ.

Она удивилась. Какъ! ему было двадцать-шесть лѣтъ! Онъ самъ удивился тому, что отвѣтилъ безъ всякой запинки. Ему казалось, что онъ родился только сегодня, какой-нибудь часъ тому назадъ.

— А тебѣ который годъ? — спросилъ онъ въ свою очередь.

— Мнѣ? — шестнадцать лѣтъ.

И снова расхохоталась, повторяя сколько ей лѣтъ, напѣвая сколько ей лѣтъ. Она смѣялась тому, что ей шестнадцать лѣтъ, тоненькимъ смѣхомъ, журчавшимъ какъ струйка воды. Сержъ глядѣлъ на нее, дивясь этому смѣху, отъ котораго лицо дѣвочки сіяло. Онъ едва узнавалъ ее, съ ямочками на щекахъ, съ раздвинувшимися губами, съ глазами, точно уголки неба, озареннаго восходящимъ свѣтиломъ.

Онъ протянулъ руку къ ея головѣ.

— Что тебѣ нужно? — спросила она.

И, вспомнивъ, закричала:

— Ты хочешь мой гребень! ты за моимъ гребнемъ?

Тогда она подала ему гребень и распустила свои тяжелыя косы.

Онѣ рассыпались точно развернутая золотая матерія. Волосы дѣли ее до самаго пояса. Пряди, проскользнувшія къ ней на руль, повершили этотъ царственный уборъ. Сержъ слегка вскрикнулъ при видѣ этого блеска.

Но теперь Альбина вознаграждала себя за его долгое моланіе. Она болтала безъ умолку, разспрашивала его.

— Ахъ, какъ ты меня мучилъ! Я потеряла всякое значеніе для тебя и проводила дни безсильная и бесполезная... А между тѣмъ въ первые дни я тебя облегчала. Ты меня видѣлъ, ты говорилъ со мной... Помнишь ли, когда ты лежалъ въ постели, то сыпалъ на моемъ плечѣ, шепча, что я тебѣ помогаю?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Сержъ, — не помню... Я тебя никогда не видѣлъ. Я тебя увидѣлъ въ первый разъ сегодня, ты хороша, лѣпительна; тебя нельзя забыть.

Она захлопала въ ладоши, съ нетерпѣніемъ крича:

— А мой гребень? — Развѣ ты не помнишь, что я давала бѣ мой гребень, когда ты впалъ въ ребячество, чтобы успокоить тебя? Ты еще сейчасъ искалъ его.

— Нѣтъ, не помню... Твои волосы точно мягкій шелкъ. Никогда я не касался твоихъ волосъ.

Она разсердилась, припоминала различные подробности, описывала ему его выздоровленіе въ комнатѣ съ голубымъ потолкомъ. Но онъ, качая головой, приложилъ наконецъ руку къ ея губамъ, говоря съ тревогой и утомленіемъ:

— Нѣтъ, молчи; не помню ничего и не хочу помнить... Я проснулся и нашелъ тебя тутъ среди розъ. Этого достаточно.

Онъ обнялъ ее и мечталъ вслухъ:

— Можетъ быть, я уже жилъ. Это, должно быть, было давно... Я тебя любилъ въ болѣзненномъ снѣ. У тебя были твои голубые глаза, твое продолговатое лицо, твоя дѣтская мина. Но ты старательно прятала свои волосы подъ вуалемъ, а я не могъ снять этого вуала, потому что твои волосы были страшны и умертвили бы меня... Сегодня твои волосы также вротки, какъ и ты сама.

Онъ вертѣлъ длинныя булки въ своихъ рукахъ, прижимая ихъ къ губамъ, точно желая выжать изъ нихъ всю кровь Альбины. Помолчавъ съ минуту, онъ продолжалъ:

— Какъ странно! прежде чѣмъ родиться, видишь во снѣ, что родился... Я былъ гдѣ-то схороненъ. Мнѣ было холодно. Я слышалъ, какъ надо мной волновалась жизнь, но затыкала себѣ уши въ отчаяніи, привыкнувъ къ своей темной норѣ и наслаждаясь въ ней ужасными радостями, не пытаясь даже приподнять грудь земли, давившую мою грудь... Гдѣ же я былъ? Кто же меня вывелъ на свѣтъ?

Онъ напрягалъ память.

— Ты права,—проговорилъ онъ,—я твой, что за дѣло во всего остального!... Вѣдь ты вытащила меня изъ земли, неправда ли? Я, должно быть, лежалъ подъ этимъ садомъ. Я слышалъ, какъ подъ твоими шагами скатывались камушки тропинокъ. Ты меня искала, ты призывала на мою голову пѣніе птицъ, запахъ гвоздики, солнечное тепло... И я догадывался, что ты наконецъ найдешь меня. Я тебя ждалъ, видишь ли, давно уже. Но я не надѣялся, что ты явишься мнѣ безъ своего вуала, съ распущенными волосами, твоими страшными волосами, которые стали теперь такими вроткими.

Онъ посадилъ ее къ себѣ на колѣни и прислонилъ ея лицо къ своему собственному.

— Не будемъ больше говорить. Мы навѣки одни. Мы любимъ другъ друга.

Они сидѣли, невинно обнявъ другъ друга. Они улыбались, и эта улыбка ясно выражала все то, что они хотѣли сказать другъ другу. Долго просидѣли они такимъ образомъ. Солнце поднима-

лось выше, болѣе жаркіе лучи пробирались сквозь высокія вѣтки. Розы желтыя, розы бѣлыя, розы красныя отражали ихъ радость, ихъ улыбку. Вокругъ нихъ распустилось еще нѣсколько бутоновъ. Розы увѣнчивали ихъ, обвивали ихъ гирляндами; и запахъ розъ былъ такъ силенъ, такъ полонъ нѣжности, что, казалось, то былъ ароматъ ихъ собственнаго дыханія.

Потомъ Сержъ причесалъ Альбину. Онъ взялъ ея волосы и съ милой неловкостью криво воткнулъ гребень въ громадный шиньонъ, сооруженный на ея головѣ. И вышло, что она очаровательно причесана. Затѣмъ онъ всталъ, протянулъ ей руки, помогая ей встать на ноги. Оба продолжали улыбаться, не говоря ни слова. Они тихонько пошли по тропинкѣ, задѣвая лицомъ за розы, которыя какъ будто цѣловали ихъ щеки.

VII.

Альбина и Сержъ вошли въ цвѣтникъ. Она глядѣла на него съ тревожной заботливостью, боясь, какъ бы онъ не усталъ. Но онъ успокоивалъ ее легкимъ смѣхомъ. Онъ чувствовалъ себя настолько сильнымъ, чтобы снести ее всюду, куда она захочетъ. Очутившись на солнечномъ припекѣ, онъ радостно вздохнулъ. Наконецъ-то онъ жилъ; онъ не былъ больше растеніемъ, замученнымъ суровостью зимы. И какую нѣжную благодарность чувствовалъ онъ къ Альбинѣ, онъ желалъ бы избавить ея маленькія ножки отъ неровностей тропинокъ; онъ хотѣлъ, чтобы она повисла у него на шеѣ, какъ дитя, убаюкиваемое матерью. Онъ уже охранялъ ее какъ ревнивый стражъ, устранялъ камни и тернія, наблюдалъ, чтобы вѣтеръ не ласкалъ ея волосъ.

Такъ-то Альбина и Сержъ впервые прогуливались по солнцу. Юная чета оставляла за собой чудесное сіяніе. Тропинка трепетала подъ ея ногами, а теплые лучи развертывали передъ ней золотой коверъ. Она подвигалась точно очарованная, между большими цвѣтущими кустарниками, и такая прекрасная, что отдаленныя аллеи манили ее, привѣтствовали шопотомъ удивленія, подобно тому, какъ толпа привѣтствуетъ давно ожидаемыхъ королеванныхъ лицъ. Она составляла одно существо въ высшей степени прекрасное. Они медленно проходили, одѣтые солнцемъ; они были самымъ солнцемъ. Наклоненные цвѣты поклонялись имъ.

Въ цвѣтникѣ поднялось сильное волненіе. Старый цвѣтникъ провожалъ ихъ. Обширное поле, предоставленное самому себѣ въ теченіи столѣтія, уложилъ рая, куда вѣтеръ заносилъ самые

рѣдкіе цвѣты. Счастливый покой Парадѣ, дремавшаго на солнцѣ, не давалъ вырождаться породамъ. Тамъ были ровная температура и почва, которую каждое растеніе долго удабривало, чтобы жить на ней въ безмолвіи своей силы. Растительность тутъ была непомѣрная, великолѣпная, мощно-дикая, исполненная случайностей, создававшихъ чудовищные цвѣты, незнакомые заступу и лейкамъ садовниковъ. Предоставленная самой себѣ, вольная развиваться безъ удержу въ этой пустынѣ, защищаемой естественнымъ оплотомъ, природа развертывалась съ каждой весной все привольнѣе, создавала удивительныя комбинаціи, увеселяла себя въ каждое время года дибовинными букетами, которыхъ ничья рука не должна была срывать. И, казалось, ей доставляло удовольствіе будоражить все, что создалъ человѣкъ: она возмущалась, пуская потоки цвѣтовъ посреди аллей, осаждала украшеніи изъ раковинъ и камешковъ расхолодившейся волной своихъ мховъ, ползучими растеніями охватывала пеленъ статуй и низвергала ихъ на землю, помощью этой гибкой веревки; она ломала плиты бассейновъ, лѣстницы, террасы, запуская въ нихъ кустарники; она отвоевывала тщательно воздѣланные уголки, перестраивала ихъ на свой ладъ, сажала въ нихъ, точно знамя бунта, какое-нибудь зерно, подхваченное на дорогѣ, какую-нибудь скромную травку, которую превращало въ гигантское растеніе. Въ былое время цвѣтенья, содержимый господиномъ, у котораго была страсть къ цвѣтамъ, гордился чудеснымъ выборомъ растеній, посаженныхъ клумбами и бордюрами. Теперь встрѣчались тѣ же растенія, но расплодившіяся, размножившіяся громадными семьями, разбѣжавшими во всѣ концы сада.

Альбина вела Сержа, хотя съ виду казалось, что она опирается на его плечо. Она привела его сначала въ гротъ. Въ чащѣ изъ тополей и ивъ была вырыта пещера, выложенная камнемъ и раковинами, въ настоящее время полуобрушивавшаяся: камни обвалились, узенькія струйки воды просачивались сквозь нихъ. Гротъ исчезалъ подъ наплывомъ зелени. Внизу стѣна изъ штокъ-розъ какъ будто запирала входъ рѣшеткой красныхъ, желтыхъ, лиловыхъ, бѣлыхъ цвѣтовъ; стебли ихъ терялись въ колоссальной крапивѣ бронзово-зеленаго цвѣта, спокойно расточавшей обжогъ своимъ ядомъ. Затѣмъ шла цѣлая гора ползучихъ растеній: жасминъ, усыпанный душистыми цвѣтами; глицины съ листьями, точно изъ тонкаго кружева; густые плющи, словно вырѣзанные изъ лакированнаго толя; гибкія жимолости, покрытыя цвѣточками блѣднаго коралла; влюбленные бородавники, протягивавшіе руки, украшенные бѣлыми кистями. Вокругъ этихъ

растений вились другія, болѣе нѣжныя, плотнѣе переплетая ихъ въ душистую ткань. Настурціи съ зелеными листьями, раскрывали красно-золотые рты. Испанскіе бобы, крѣпкіе какъ тонкія бичевки, сверкали тамъ-и-сямъ живыми искорками. Вьюнки раскидывали вырѣзанныя сердца своихъ листьевъ, звонили своими безчисленными колокольчиками безмолвный трезвонъ пестрыхъ красокъ. Душистые горошки, точно усѣвшіяся бабочки, готовы вспорхнуть при первомъ дуновеніи вѣтерка. Казалось, что видишь роскошную прическу изъ зелени, украшенную дождемъ цвѣтковъ, и пряди которой вырывались со всѣхъ сторонъ; казалось, что какая-то великанша разметалась по землѣ, закинула назадъ голову, и растрепала великолѣпные волосы.

— Я никогда не рѣшалась войти въ эту темную нору, — прошептала Альбина.

Онъ ободрялъ ее.

— Тамъ лежитъ, — прошептала она — мраморная женщина, растянувшаяся во весь ростъ въ водѣ. Вода съѣла ей лицо.

Онъ захотѣлъ поглядѣть въ свою очередь; но содрогнувшись Альбина увела его. Они вернулись на солнечный припекъ, въ рой цвѣтныхъ клумбъ и куртинъ. Они шли по цвѣтистому лугу, куда глаза глядятъ, а не по протоптаннымъ тропинкамъ. Ковромъ имъ служили прелестныя растенія, растенія карлики, въ былое время насаженныя бордюромъ вдоль аллей, теперь же раскидывавшіяся безконечной скатертью. Минутами ноги ихъ утопали въ крапчатомъ шелкѣ розовыхъ смолянокъ, въ пестромъ атласѣ миниатюрныхъ гвоздикъ, въ голубомъ бархатѣ незабудокъ, усѣянныхъ маленькими грустными глазками. Далѣе они проходили по гигантской резедѣ, которая доходила имъ до колѣнъ, точно ароматическая волна; своротили на поле, поросшее ландышами, чтобы не топтать сосѣднаго съ нимъ поля съ фіалками, такими милыми, что имъ было жалъ смять хотя одну изъ нихъ. Но, наконецъ, тѣснимые со всѣхъ сторонъ фіалками, вынуждены были пройти по этой душистой нивѣ, среди самаго дыханія весны. Позади фіалокъ раскидывалась зеленая шерсть лобелей, пестрыя звѣзды плауновъ, голубыя чашки лѣсолюбокъ, желтые кресты мыльника; затѣмъ опять появлялись фіалки, фіалки безъ конца, море фіалокъ, лившихъ имъ подъ ноги свои драгоценные ароматы.

Альбина и Сержъ заблудились. Тысячи растений, болѣе высокихъ, образовали изгороди, оставляя узенькія тропинки, по которымъ они шли. Тропинки заворачивались, пересѣкались, образовали цѣлый лабиринтъ. Часто даже на поворотахъ растенія

преграждали путь: гулявицы, благовонныя, съ хохолками небесно-голубого цвѣта, ясинники съ нѣжнымъ мускусовымъ запахомъ. гребенники, выставлявшіе горлышки мѣднаго цвѣта, съ точками изъ киновари, пунцовые пламенники, лиловые, великолѣпные пламенники, съ куделью изъ цвѣтовъ, которыя прало солнце; розовый левъ съ тонкими какъ волосы былинками; золотоцвѣтъ, похожій на полную луну, золотую луну, съ короткими тусклыми лучами, бѣлыми, лиловатыми, розоватыми. Наша чета перескакивала черезъ преграды и продолжала свое счастливое шествіе между двумя зелеными изгородами. Направо возвышались легкіи маиранъ, маунъ, ниспадавшій чистымъ снѣгомъ, сѣроватыя чернокорни, съ каплями росы въ каждой микроскопической чашечкѣ ихъ цвѣтковъ. Налѣво тянулась цѣлая улица голубковъ; всѣ разновидности ихъ: голубки бѣлыя, блѣдно-розовыя, темно-фіолетовыя, послѣдніе почти черныя, мрачныя, траурныя, съ лепестками, сложенными въ складочки и гофрированными точно крепъ. И дальше, по мѣрѣ того, какъ они подвигались впередъ, изгороди мѣнялись, тянулись цвѣтушіе стебли громадныхъ кавалерскихъ шпоръ, теравшихся въ кудреватыхъ листьяхъ, и сквозь нихъ просовывались раскрытыя пасти львиноустовъ, вытягивалась жидкая зелень тизантовъ, покрытыхъ цвѣтами съ сѣрными крыльями, съ красными крапинами. Колокольчики разбѣгались, вскидывая свои голубыя колокола до самыхъ верхушекъ большихъ чамовидныхъ растений, золотой стебель которыхъ служилъ имъ колокольной. Въ одномъ углу гигантскій укропъ походилъ на даму, укутанную въ тонкое гипюровое кружево и опрокинутую въ воду свой зеленый атласный зонтикъ. Порою, наша чета неожиданно попадала въ глухой переулочекъ; она не могла шагу ступить дальше, потому что гора цвѣтовъ загромождала тропинку. Внизу подножіемъ служили медвѣжьи лапы; изъ нихъ тянулся вверхъ красный гребенникъ, кларкія съ большими бѣлыми крестами, похожими на кресты какого-нибудь варварскаго ордена. Выше, расцвѣтали бѣлыя колизіи, а еще выше красныя наперстанки, голубыя лупины возвышались тоненькими колонками, а на самомъ веру колоссальная клещевина съ кровавыми листьями точно раскидывала сводъ изъ темной мѣди.

Сержъ собирался уже раздвинуть растенія руками, но Албина стала его умолять не дѣлать зла цвѣтамъ.

— Ты сломаешь вѣтки, раздавишь цвѣты,—говорила она.— Я вотъ живу тутъ цѣлыя годы, а еще никого не убila... Поидемъ, я тебѣ покажу анютины-глазки.

Она заставила его вернуться и увела изъ узкихъ тропинокъ

на средину цвѣтника, гдѣ въ былое время находились большіе бассейны. Бассейны, засыпанные землей, превратились въ большіе жардиньерки, съ мраморнымъ бортомъ, перебитымъ и искрошеннымъ. Въ самомъ большомъ порывѣ вѣтра насадилъ чудную корзинку анютиныхъ-глазѣвъ. Бархатные цвѣты казались живыми, съ ихъ бандо лиловыхъ волосъ, желтыми глазами, болѣе блѣдными ртами и нѣжными подбородками тѣлеснаго цвѣта.

— Когда я была моложе, то пугалась ихъ, — прошептала Альбина. — Посмотри-ка на нихъ. Неправда-ли, можно подумать, что тысячи личиковъ смотрятъ на тебя съ земли?.. И они поворачиваютъ свои лица всѣ разомъ. Точно куклы на пружинахъ.

Она повела его дальше. Они обошли другіе бассейны. Въ сосѣднемъ выросли пѣтушьи гребешки такой чудовищной величины, что Альбина не смѣла дотрогиваться до нихъ. Они напоминали ей какихъ-то гигантскихъ, кровавыхъ гусеницъ. Бальзамины желтаго, солнечнаго цвѣта, бѣлаго съ розовымъ, дымчатаго, наполняли другой бассейнъ, гдѣ пружины ихъ сѣмечекъ лопались съ небольшимъ сухимъ трескомъ. Затѣмъ, среди обломковъ фонтана выросла коллекція роскошныхъ гвоздикъ: бѣлыя гвоздики, махровыя гвоздики устѣяли трещины камней своими пестрыми и зубчатыми кисейными рюшами, а въ глубинѣ львиной пасти, нѣкогда извергавшей воду, расцвѣла красная гвоздика такими мощными пучками, что, казалось, будто старый, искалѣченный левъ харазетъ кровью. А рядомъ, главный фонтанъ, старинное озерцо, гдѣ плавали лебеди, превратился въ рошу изъ сиреней, въ тѣни которыхъ левкои, желѣзнякъ и *belles-de-jour* укрывали отъ солнца свой нѣжный цвѣтъ лица, и полу-дремали, насевозъ пропитанные благоуханіемъ.

— А мы еще не прошли и половины цвѣтника! — сказала Альбина съ гордостью. — Вонъ, тамъ растутъ большіе цвѣты, цѣлыя поля, гдѣ я исчезаю, точно куропатка въ хлѣбномъ полѣ.

Они отправились туда. Сошли съ широкой лѣстницы, опрокинутыя урны которой еще пылали высокимъ фіолетовымъ пламенемъ присовъ. Вдоль ступенекъ протекалъ ручеекъ изъ левкоевъ, точно скатерть бураго золота. Репейники, росшіе по обѣимъ сторонамъ, насаждали канделябры изъ зеленой бронзы, тонкіе, колючіе, изогнутые въ видѣ фантастическихъ птичьихъ клювовъ, страннаго образца, въ родѣ китайскихъ курильницъ. Молодилы, между баллюстрадой, спускали бѣлокурыя косы, зеленоватые волосы русалокъ, испещренные плѣсенью. Затѣмъ, внизу раскидывался второй цвѣтникъ, пересѣченный буксами такими же мощными какъ дубы, старинными, правильными буксами, нѣкогда

подстриженными въ видѣ шара, пирамиды, восьмигранной башни, теперь же великолѣпно разросшіеся съ большими лоскутьями темной зелени, въ дыры которыхъ виднѣлось голубое небо.

Альбина провела Сержа направо въ поле, изображавшее въ нѣкоторомъ родѣ кладбище цвѣтника. Слабыя вносили въ него свой трауръ. Процессія маговъ тянулись въ рядъ, напоминая смерть и распуская свои тяжелые цвѣты съ лихорадочнымъ румянцемъ. Трагическіе анемоны толпились отчаянной толпой, съ посинѣлымъ лицомъ, подернувшимся землистымъ оттѣнкомъ подъ вліяніемъ эпидеміи. Приземистый дурманъ раскрывалъ свои лловатыя воронки, куда насѣкомые, наскучившіе жизнью, приходили пить ядъ самоубійства. Ноготки хоронили свои цвѣтки подъ массивной зеленью, мертвыя тѣла, отъ которыхъ уже несло зловоніе разложенія. И другія печальныя растенія виднѣлись кругомъ: мясистыя ранункулы, цвѣта ржаваго металла; гіацинты и клуберозы, задыхавшіеся въ собственномъ запахѣ. Но въ особенности преобладали зольники, цѣлыя процессіи зольниковъ, облеченныхъ въ полу-трауръ своихъ фіолетовыхъ и бѣлыхъ платьевъ изъ полосатаго бархата, гладкаго бархата, отличавшихся богатой простотой. Посреди этого печальнаго поля стоялъ мраморный амуръ, искалѣченный; рука, державшая луку, свалилась въ крапиву; амуръ еще улыбался изъ-подъ липаевъ, подъ которыми коченѣло его голое дѣтское тѣло.

Затѣмъ, Альбина и Сержъ вошли по самый поясъ въ поле изъ піоновъ. Бѣлые цвѣтки лопались дождемъ широкихъ лепестковъ, освѣжавшихъ имъ руки, точно широкія капли проливнаго дождя. У красныхъ цвѣтовъ были апоплексическія рожи, и ихъ широкая улыбка тревожила. Они добрались нагѣво до рощи изъ фуксій, цѣлой чащи гибкихъ, стройныхъ кустарниковъ, восхитившихъ ихъ точно японскія игрушки, и увѣшанныхъ милліонами колокольчиковъ. Послѣ того они перешли черезъ поле вероники съ лиловыми кистями, поле герани и пеларгоній, по которымъ точно пробѣгали пламенные языки, красные, розовые, бѣлые: пылъ остра, оживляемаго малѣйшимъ дуновеніемъ вѣтерка. Имъ пришлось обойти завѣсу изъ спажниковъ, такихъ же высокихъ какъ тростники. Они заблудились въ рощѣ изъ подсолнечниковъ, чащѣ, состоящей изъ стволовъ, не тоньше чѣмъ талія Альбины; тутъ царилъ сумракъ подъ широкими листьями, могущими укрѣпить ребенка, и кругомъ виднѣлись гигантскіе лики, лики свѣтилъ, сіявшихъ какъ солнце. И такъ они перешли въ новую рощу: рощу изъ рододендроновъ, столь густо покрытыхъ цвѣтами, что не видать было ни вѣтвей, ни листьевъ.

— Не безпокойся, мы еще не дошли до конца!— вскричала Альбина:— идемъ дальше.

Но Сержъ остановилъ ее. Они находились въ эту минуту въ центрѣ старинной полуразрушенной колоннады. Стержни колоннъ образовали скамейки, между кустовъ бѣлыхъ бувицъ и барвинокъ. Вдали, между колоннами, которыя еще не обрушились, тянулись новыя поля цвѣтовъ: тюльпаны пестрые, точно расписной фаянсъ; поля куманскихъ фіалокъ, и опять поля, все поля, цвѣтовъ которыхъ уже нельзя было и разобрать, такъ они всѣ переплелись и перепутались.

— Мы никогда не осмотримъ всего,—проговорилъ Сержъ, протягивая руку съ улыбкой.—Вотъ тутъ пріятно будетъ сѣсть, посидѣть и подышать ароматическимъ воздухомъ.

Возлѣ нихъ находилось поле геліотроповъ, издававшихъ таюй нѣжный запахъ ванили, что онъ придавалъ вѣтерку бархатную ласковость. Тогда они усѣлись на одной изъ опрокинутыхъ колоннъ, среди бувета великолѣпныхъ лилій, которыя тутъ выросли. Они ходили больше часу, и перешли отъ розъ къ лиліямъ мимо всѣхъ другихъ цвѣтовъ. Лиліи, съ стройными стеблями, раскидывали надъ ними бѣлый павильонъ, и до самаго вечера Альбина и Сержъ оставались съ лиліями. Имъ было тутъ хорошо; они окончательно возродились къ жизни. У Сержа пропелъ послѣдній лихорадочный жаръ въ рукахъ. Глаза обоихъ охраняли прозрачность ручья, и никакое нечистое чувство не просыпалось въ нихъ. Когда они разстались съ лиліями, имъ было не болѣе десяти лѣтъ; имъ казалось, что они только-что стрѣтились въ этомъ большемъ саду, и будутъ отнынѣ жить въ немъ въ неизмѣнной дружбѣ и въ непрерывныхъ играхъ. И тогда они проходили обратно по цвѣтнику, въ сумеркахъ, цвѣты гали какъ будто скромнѣе, словно радовались тому, что они все еще молоды, и не желали смущать этихъ дѣтей. Рожи піоновъ, орзинки съ гвоздикой, ковры незабудокъ, шпалеры изъ лозовъ не раскидывали больше передъ ними альеова; они топали въ вечернемъ воздухѣ, засыпая такими же чистыми вѣтрами, какъ и они сами. Анютины-глазки глядѣли на нихъ своими маленькими невинными личиками...

VIII.

На другой день, на зарѣ, Сержъ позвалъ Альбину. Она спала въ комнатѣ верхняго этажа, куда ему не приходило въ голову подняться. Онъ выглянулъ изъ окошка и увидѣлъ, какъ она отворяла ставни.

— Сегодня ты не пойдешь въ садъ, — рѣшила Альбина, когда сошла внизъ. — Намъ надо отдохнуть... Завтра я поведу тебя далеко, далеко, куда-нибудь, гдѣ намъ будетъ очень весело.

— Но мы будемъ скучать, — замѣтилъ Сержъ.

— И, вѣтъ, я стану рассказывать тебѣ исторіи.

Они провели превеселый день. Окна были раскрыты, Парадъ входилъ къ нимъ въ комнату и смѣялся вмѣстѣ съ ними.

Сержъ ознакомился наконецъ съ этой счастливой комнатой, гдѣ ему казалось, что онъ родился на свѣтъ. Онъ пожелалъ всю ее осмотрѣть, все объяснить себѣ.

Особенно занимали Сержа амуры, нарисованные надъ дверью. Онъ досадовалъ, что не можетъ разобрать, въ какія игры они играютъ, оттого, что живопись потускнѣла. Съ помощью Альбины, онъ пододвинулъ столъ, куда они оба стали. Альбина объясняла.

— Погляди, вотъ эти бросаютъ цвѣты. Подъ цвѣтами видны теперь только три голыхъ ноги. Мнѣ помнится, что когда-то сюда пріѣхала, я могла еще различить лежавшую даму. Но съ тѣхъ поръ она исчезла.

— А другая нога чья? — спросилъ Сержъ.

— Ахъ! не знаю.

Они обошли потомъ всѣ стѣны, и никакая нечистая мысль не зашла имъ въ голову при видѣ граціозныхъ неприличностей бышаго будуара. Живопись, осыпавшаяся какъ нарумяненное лицо франтихи восемнадцатаго столѣтія, настолько поблѣднѣла, что въ ней виднѣлись тамъ-и-сямъ одни лишь колѣни, да локти людей, валявшихся въ непристойныхъ позахъ. Слишкомъ безцеремонныя подробности, которыми, повидимому, забавлялась любовь былаго времени, исчезли: ихъ стеръ свѣжій воздухъ. И такимъ образомъ, комната, какъ и паркъ, сама собой вернула свою первобытную невинность подъ спокойными и славными лучами солнца.

— Вотъ комната, гдѣ обитаетъ счастье, — сказалъ Сержъ. Молодая дѣвушка важно покачала головой.

— Еслибы я была трусихой, то очень бы боялась этой ком-

наты въ первое время. Я вотъ именно эту исторію и хочу тебѣ рассказать. Я ее слышала отъ здѣшнихъ. Быть можетъ, они все это нагали. Но все-таки я расскажу тебѣ, она тебя позабавитъ.

И она сѣла рядомъ съ Сержемъ.

— Давно, давно тому назадъ... Парадъ принадлежалъ богатому вельможѣ; онъ пріѣхалъ и поселился здѣсь съ красивой дамой. Ворота замка были всегда на запорѣ, стѣны сада были такъ высоки, что никогда и никто не видалъ кончика платья этой дамы.

— Знаю,—перебилъ Сержъ:—дама больше отсюда не выходила.

И видя, что Альбина глядитъ на него съ удивленіемъ, догадывая, что онъ знаетъ ее исторію, продолжалъ вполголоса, самъ цѣваясь:

— Ты мнѣ уже рассказывала эту исторію.

Она протестовала и поспѣшила сказать конецъ этой исторіи:

— Когда вельможа уѣхалъ, у него волосы были совсѣмъ бѣдые. Онъ заколотилъ всѣ входы и выходы, чтобы никто не потревожилъ дамы. Дама умерла въ этой комнатѣ.

— Въ этой комнатѣ!—вскричалъ Сержъ.—Ты мнѣ этого не оворила... Увѣрена ли ты, что она умерла въ этой комнатѣ?

Альбина даже рассердилась. Она повторяла то, что всѣмъ извѣстно. Вельможа выстроилъ этотъ павильонъ для дамы, которая была точно настоящая принцесса. Прислуга замка утверждала оздѣе, что онъ проводилъ въ немъ дни и ночи. Часто также ни видали, какъ онъ водилъ даму по аллеямъ и въ самыя глушія чащи. Но ни за что въ свѣтѣ они не рѣшились бы подкауливать ихъ, когда они по цѣлымъ недѣлямъ пропадали въ арѣ.

— И тутъ она умерла,—повторилъ Сержъ, смущенный этимъ звѣстіемъ. — Ты заняла ее комнату, сидишь на ее мебели, спишь на ее кровати.

Альбина улыбалась.

— Ты знаешь, что я не труслива,—отвѣчала она.—Потомъ, же это было такъ давно...

Они умоляли и съ минуту оглядывали альковъ, потолокъ, стѣны уголки. Какой-то влюбленной нѣжностью вѣяло отъ полированныхъ красокъ мебели, потускнѣвшей позолоты.

— Да,—прошепталъ Сержъ,—тутъ нельзя бояться. Тутъ ишкомъ спокійно.—И Альбина продолжала:

— Но немногіе знаютъ, что они нашли въ саду то мѣсто, гдѣ они проводили почти все свое время. Я знаю это изъ вѣр-

наго источника... Это мѣсто свѣжее и тѣнистое, укрытое въ проходимыхъ тернистыхъ кустарникахъ, такое очаровательное, тамъ забываешь весь міръ. Даму, должно быть, тамъ и похоронили.

— Оно въ цвѣтникахъ? — спросилъ Сержъ съ любопытствомъ.

— Ахъ! не знаю, не знаю! — отвѣчала молодая дѣвушка съ жестомъ унынія. — Я вездѣ искала, но нигдѣ не могла найти этой блаженной полянки... Ее нѣтъ ни въ розахъ, ни въ гороскахъ, ни на коврѣ фіалокъ,

— Быть можетъ, она въ томъ уголкѣ, гдѣ растутъ печальныя цвѣты и гдѣ ты мнѣ показывала ребенка съ сломанной рукой!

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Быть можетъ, оно въ глубинѣ грота, у той прозрачной воды, гдѣ утонула мраморная женщина.

— Нѣтъ, нѣтъ!

Альбина на минуту задумалась. Потомъ продолжала, какъ-бы говоря сама съ собой:

— Съ первыхъ же дней я принялась за поиски. Если я проводила всѣ дни въ Парадѣ, если я перешагивала всѣ уголки, то единственно затѣмъ, чтобы посидѣть на счастливой полянкѣ. Сколько дней убила я на то, чтобы продираться сквозь терни, оббѣгать самые отдаленныя закоулки парка!... О! я бы съ радостью узнала это очарованное убѣжище; на немъ растетъ громадное дерево, которое точно раскидываетъ надъ нимъ шатеръ; тамъ тонкая, мягкая какъ шелкъ, а сквозь стѣны изъ зеленыхъ кустарниковъ не могутъ пробраться даже птицы.

— Тамъ непременно похоронена покойница, — прошептала Альбина, впадая въ задумчивость. — Ее убила радость, когда она сидѣла тамъ. Дерево бросаетъ тѣнь, и сладость этой тѣни убиваетъ... Я охотно умру такой смертью. Мы также умремъ тамъ вмѣстѣ, никто насъ не отыщетъ.

— Нѣтъ, молчи, ты меня огорчаешь, перебилъ встревоженный Сержъ: — я хочу жить на солнцѣ, вдали отъ этой убійственной тѣни. Твои слова меня смущаютъ, точно пророчатъ намъ ужасную бѣду. Навѣрное запрещено садиться подъ дерево, тѣнь котораго производитъ страшное дѣйствіе.

— Да, запрещено! — важно объявила Альбина. — Всѣ здѣшніе жители говорили мнѣ, что это запрещено.

Настало молчаніе; Сержъ всталъ съ дивана, на которомъ лежалъ. Онъ смѣялся, увѣрялъ, что эта исторія его не забавляетъ. Солнце садилось, когда Альбина согласилась наконецъ сойти на минутку въ садъ. Она повела его налѣво вдоль длинной стѣны, служившей оградой, до старинныхъ развалинъ, поросшихъ крапивой.

репейниковъ. На этомъ мѣстѣ въ былое время стоялъ замокъ, о сихъ поръ еще черный отъ пожара, сокрушившаго его стѣны. Подъ репейниковъ кирпичи ломались, гнили обвалившіяся алки. Можно было подумать, что въ этомъ уголѣ навалены или безплодныя скалы, изрытыя, истрескавшіяся, одѣтыя грубой равой, ползучими ліанами, которыя заползали во всѣ сѣважины очно ужи. Сержъ и Альбина исходили это пожарище во всѣхъ направленіяхъ, спускались во всѣ норы, осматривали обломки, тарались прочесть въ пеплѣ прошедшее; они не сознавались въ своемъ любопытствѣ, гонялись другъ за другомъ среди обрушившихся половъ, свалившихся перегородокъ; но на самомъ дѣлѣ только и думали о легендахъ, связанныхъ съ этими развалинами, объ этой дамѣ, прекраснѣе дня, которая волочила свою пелювое платье по этимъ ступенямъ, гдѣ теперь лѣниво прогуливались однѣ ящерицы.

Сержъ усѣлся на грудѣ обломковъ и глядѣлъ на паркъ, разбѣгивавшій свои громадныя зеленныя скатерти; онъ искалъ между деревьями павильона, Альбина молчала, стоя возлѣ него съ серьезнымъ лицомъ.

— Павильонъ вонъ тамъ, направо,— сказала она, хотя онъ ее не спрашивалъ. — Вотъ все, что осталось отъ зданій... Видишь, вонъ тамъ, за липовой аллеей.

Они снова помолчали. Потомъ, точно продолжая вслухъ размышленія, занимавшія ихъ обоихъ, Альбина начала:

— Когда онъ ходилъ къ ней, то, должно быть, спускался по этой аллеѣ, затѣмъ огибалъ каштаны, и они шли въ липовую аллею... На это времени нужно меньше чѣмъ четверть часа...

Сержъ не разжималъ больше губъ. Возвращаясь домой, они спустились по аллеѣ, обогнули каштаны и вошли подъ липы. На травѣ они какъ будто искали слѣдовъ, бантика изъ лентъ, какого-нибудь признака, который бы ясно доказалъ имъ, что они угадали путь. Ночь надвигалась; паркъ звалъ ихъ подъ сѣнь своей листвы громкимъ, замирающимъ голосомъ. ▲

На слѣдующее утро Альбина рано собралась на прогулку, къ которой притовлялась со вчерашняго дня.

— Куда же ты ведешь меня?—спрашивалъ Сержъ.

— Увидишь! увидишь!

Но онъ взялъ ее за руки и прямо поглядѣлъ въ лицо.

— Будемъ благоразумны, пожалуйста. Я не хочу, чтобы ты искала твоей полянки, ни твоего дерева, ни твоей травы, гдѣ умираютъ. Ты знаешь, что это запрещено.

Она слегка покраснѣла, увѣряя, что даже не думаетъ этомъ.

— Куда же ты ведешь меня? — повторялъ Сержъ.

— Сюда, — проговорила она, садясь съ нимъ подъ грушу.

Они находились въ старинномъ фруктовомъ саду парка. Живая изгородь изъ боярышника, стѣна зелени, пробитая брешами, образовала тутъ особый садъ. То былъ лѣсъ плодовыхъ деревьевъ, къ которымъ не прикасался садовничій ножъ болѣе столѣтій. Нѣкоторые стволы пустили мощные побѣги, росли вверхъ и вбокъ, согбенные грозой. Другіе же, узловатые, изборозжденные глубокими дуплами, прикрѣплялись, повидимому, къ землѣ только помощью гигантскихъ остатковъ своей коры. Высокія вѣтви, пригибавшіяся каждый годъ подъ тяжестью плодовъ, далеко раскидывали свои непомерно длинныя сучья; даже самыя обремененныя, сломавшіяся, лежали на землѣ, но не переставали производить. Между собой деревья образовали естественныя подпорки; иные превратились въ искривленные столбы, поддерживавшіе сводъ зелени. Вокругъ cadaго колосса, дикіе побѣги образовали цѣлыя чащи, переплетая старыя стволы своими молодыми стеблями. Среди зеленоватого свѣта, протекавшаго точно чистая вода, въ безмолвіи мха, только и слышался что глухой стукъ отъ паденія плодовъ, срываемыхъ вѣтромъ.

Тамъ были абрикосы-патріархи, бодро переживавшіе свою глубокую старость, разбитые параличемъ съ одного бока, и съ цѣлымъ лѣсомъ мертвыхъ сучьевъ, напоминавшихъ лѣса воокъ какого-нибудь собора; но другой бокъ былъ еще такъ молодъ, что свѣжные побѣги со всѣхъ сторонъ пробивали грубую кору. Почтенныя сливы, покрытыя мхомъ, вытягивались, чтобы выгорѣть отъ горячее солнце, и ни одинъ листокъ на нихъ не завялъ. Висѣвшія деревья образовали цѣлыя города съ домами въ нѣсколько этажей, перекидывая лѣстницы, устраивали помы изъ вѣтокъ, въ которыхъ могло бы помѣститься семейство въ десять человѣкъ. Потомъ шли яблони, съ перебитыми боками, съ искривленными членами, точно калѣки-великаны, съ корявой кожей, покрытой зеленой ржавчиной; гладкія груши, розоватыя персики продавливались въ толпѣ, точно красивыя дѣвушки, попавшія въ тѣсноту. И вокругъ cadaго ствола, вокругъ каждой вѣтки обвивалась виноградная лоза. Она сіяла свѣтлой зеленью на солнцѣ, и приподнявныя головы высокыхъ старцевъ фруктоваго сада какъ будто слегка опьянѣли.

Затѣмъ, налѣво, гдѣ деревья росли съ большимъ просторомъ.

Дѣй стояли миндальныя деревья съ жидкой листвою, — солнце золотило на землѣ тыквы, походившія на упавшую луну. Были также на берегу ручейка, протекавшаго по саду, корявыя дыни, терявшіяся въ скатертяхъ ползучей зелени, равно какъ и глянцоватыя арбузы, своимъ оваломъ напоминавшіе яйца страусовъ. На каждомъ шагу кусты смородины перегораживали старинныя аллеи, выставяя прозрачныя кисти своихъ плодовъ, и каждое зерно ихъ, напоминавшее рубинъ, свѣтилось на солнцѣ. Густыя чащи малинника разрослись точно ежевика, а земля была почти сплошь покрыта ковромъ изъ земляники, и ея зеленые кустики были усыпаны зрѣлыми ягодами, пахнущими ванилью.

Но самый очаровательный уголокъ фруктоваго сада находился близъ стѣны утесовъ, которые въ этомъ мѣстѣ начинали осаждать горизонтъ. Тутъ почва была богатѣйшая и образовалась какъ-бы природная оранжерея, куда солнечныя лучи падали отвѣсно. Сначала приходилось пройти мимо гигантскихъ фиговыхъ деревьевъ, нескладныхъ, вытягивавшихъ свои вѣтви, точно сѣроватыя руки, отягченныя сномъ. Потомъ надо было идти между группами ежевокъ, зелень которыхъ напоминала зелень гигантскихъ буксовъ. Затѣмъ шла чаща боярышника, озеро, лабы, на краю которой гранатовыя деревья образовали вѣчно зеленую опушку. Плоды на нихъ только-что завязывались и были величиною съ дѣтскій кулакъ. Оттуда переходили наконецъ въ рощу изъ лимонныхъ и апельсинныхъ деревьевъ, росшихъ прямо въ землѣ. Прямые стволы образовали ряды темныхъ колоннъ; блестящія листья оживляли своими веселыми очертаніями голубой фонъ неба и тѣнь ихъ, падая на землю отчетливыми, тонкими, заостренными пластинками, образовали на землѣ миллионы разводовъ индійской твани. Здѣсь тѣнь имѣла совсѣмъ особую прелесть, въ сравненіи съ которой тѣнь европейскихъ фруктовыхъ садовъ казалась вялой. Тутъ царствовала теплая радость свѣта, просѣяннаго въ летучую золотую пыль, увѣренность въ неизмѣнной зелени, сила непрерывнаго благоуханія, острый запахъ цвѣтовъ, и болѣе мягкій запахъ плодовъ, придававшій членамъ млѣющую гибкость жаркихъ странъ.

— Будемъ завтракать! — закричала Альбина, хлопая въ ладоши. — Теперь должно быть уже девять часовъ. Я страшно голодна!

Она встала. Сержъ признавался, что тоже голоденъ.

— Глупенькій! — возразила она, — развѣ ты не догадался, что я вела тебя завтракать. Не бойся! Мы здѣсь не умремъ съ голода! Все это припасено для насъ.

Они пробрались подъ деревья, раздвигая вѣтви, протискиваясь въ самую чащу. Альбина шла впереди, оборачиваясь, спрашивала у своего спутника:

— Что ты больше любишь: груши, абрикосы, вишни, смородину?... Предупреждаю тебя, что груши еще зелены; но я все-таки очень вкусны.

Сержъ высказался за вишни, Альбина рѣшила, что действительно съ этого можно начать.

— На томъ деревѣ растутъ дрянныя вишни,—говорила она,—а на этомъ вотъ онѣ слишкомъ кислы; вишни вонъ того дерева созрѣютъ лишь черезъ недѣлю.—Она знала всѣ деревья.

Когда имъ наскучили абрикосовыя, сливовыя, вишневые деревья, они принялись бѣгать подъ жидкими миндальными деревьями, поѣдая незрѣлый миндаль, величиной не болѣе горошины, искали землянику въ травѣ, сердясь на то, что сливы и арбузы еще не созрѣли...

Х.

Недѣлю спустя задумана была новая прогулка въ парк. Собирались идти дальше плодового сада, налѣво, къ большимъ лугамъ, черезъ которые протекали четыре ручья. Приходилось пройти нѣсколько верстъ по травѣ; если заблудятся, то рѣшено было жить рыбной ловлей.

— Я беру съ собой свой ножъ,—сказала Альбина, показывая крестьянскій ножъ съ толстымъ лезвиемъ.

Она всего напихала въ карманы: веревокъ, хлѣба, спичекъ, маленькую бутылку съ виномъ, тряпокъ, гребень, иголокъ. Сержъ приказано было взять съ собой пледъ; но когда они прошли липовую аллею, когда дошли до развалинъ замка, то пледъ въ такой степени надѣлъ ему, что онъ спрятать его подъ уютно обрушившейся стѣны.

Солнце стояло выше, чѣмъ въ прошлый разъ. Альбина замишкалась съ своими приготовлениями. Теплымъ утромъ шли они рядомъ, почти серьезные. Они проходили довольно значительныя разстоянія, не толкаясь и не смѣясь. Они болтали.

— Я никогда не просыпаюсь ночью,—говорила Альбина.— Я хорошо спала эту ночь. А ты?

— Я также,—отвѣчалъ Сержъ.

Она опять заговорила:

— Что значить, когда видишь во снѣ птицу, которая съ тобой разговариваетъ.

— Не знаю... А что тебѣ говорила птица?

— Ахъ! я забыла... Она мнѣ говорила очень хорошія вещи, и много смѣшныхъ... Видишь ли вонъ тамъ этотъ большой макъ? Тебѣ онъ не достанется, тебѣ онъ не достанется!

Она пустилась бѣжать; но Сержъ, благодаря своимъ длиннымъ ногамъ, опередилъ ее, сорвалъ макъ, и съ торжествомъ принялся махать имъ. Тогда она сжала губы, ни слова не говоря; ей очень хотѣлось заплакать. Онъ же не сумѣлъ придумать ничего лучше какъ бросить цѣтокъ.

Она все дулась. Но не прошла и тридцати шаговъ, какъ снова обернулась, улыбающаяся. Терновникъ уцѣпился за ея платье.

— А я вѣдь думала, что это ты нарочно наступилъ на мое платье... Но вотъ кто меня не пускаетъ! Отцѣпи меня, пожалуйста.

Когда онъ отцѣпилъ ея платье, они снова пошли дальше очень серьезно. Альбина увѣряла, что такъ веселѣе гулять, какъ серьезные люди. Они дошли до луговъ. На далекомъ протяженіи передъ ними раскидывались обширные ковры зеленой травы, кое-гдѣ пересѣченныя нѣжной листвою группы ивъ. Зеленые ковры отливали бархатомъ; они были ярко-зеленые, но мало-по-малу блѣднѣли съ разстояніемъ, и на горизонтѣ казались ярко-желтыми, подъ палящими лучами солнца. Группы ивъ въ отдаленіи представлялись золотыми въ трепетаніи солнечныхъ лучей. Танцующія пылинки зажигали свѣтлыя искорки на кончикахъ травинокъ, но когда пробѣгалъ вѣтерокъ по этой открытой пустынѣ, травы переливались и отливали серебромъ. А ближайшіе луга были усыпаны маленькими бѣлыми маргаритками, напоминавшими праздничную толпу на гуляньѣ.

Альбина и Сержъ шли прямо по лугу; трава доходила имъ почти до колѣнъ. Имъ казалось, что они идутъ въ свѣжей водѣ, которая бьетъ ихъ по ногамъ. Мѣстами они попадали въ настоящіе теченія и чувствовали, какъ высокіе стебли пробѣгали у нихъ мимо ногъ. Затѣмъ вступали въ затишье озеръ, въ бассейны низкихъ травъ. Альбина отошла въ сторону и залѣзла въ гигантскую траву, доходившую ей до самого подбородка. Изъ этой травы высовывалась только ея голова. Она постояла съ минутку, подзывая Сержа.

— Иди же! Здѣсь точно купаешься, кругомъ зеленая вода.

Затѣмъ выпрыгнула, не дожидаясь его, и они пошли вдоль

первой рѣчки, пересѣкшей имъ дорогу. Рѣчка была не глубокая и текла между береговъ, поросшихъ дикимъ крессомъ. Она лѣниво катила свои воды, мягко извиваясь, и была такая чистенькая, такая прозрачная, что отражала какъ въ зеркалѣ маглѣйшую былинку, росшую на ея берегахъ. Альбина съ Сержемъ довольно долго спускались внизъ по теченію, пока наконецъ не дошли до деревьевъ, тѣнь которыхъ купалась въ этой лѣнивой струѣ. То были ивы, росшія корнями въ водѣ: у нихъ были разбитые грозой, расщепленные отъ времени стволы, увѣнчанные ребяческими волосами. Тѣнь была такая легкая, что едва задѣвала тонкими полосами берегъ, залитый солнцемъ. Тѣмъ не менѣе вода, такая прозрачная выше и ниже, здѣсь какъ бы слегка рябилась, словно выражая удивленіе, зачѣмъ это по ней волочится такой вуаль. Между ивами клочекъ луга незамѣтно склонился къ водѣ и украшалъ макомъ даже самыя дупла старыхъ, пробитыхъ стволовъ. То было точно зеленая палатка, уврѣженная на трехъ столбахъ, у края воды, въ пустынь переливающейся травы.

— Мы пришли! мы пришли!—закричала Альбина, проскальзывая подъ ивы.

Сержъ сѣлъ рядомъ съ ней, ногами почти въ водѣ. Онъ глядѣлъ кругомъ себя, шепча:

— Ты все знаешь, ты знаешь самыя хорошія мѣстечки... Можно подумать, что это островъ въ десять квадратныхъ футовъ, на который мы набрели среди открытаго моря.

— Да, мы у себя дома,—отвѣчала она, отъ радости хлопая кулакомъ по травѣ. — Это нашъ домъ... Мы займемся хозяйствомъ.

Затѣмъ, какъ-бы ослѣпленная чудесной мыслью, бросилась къ нему и закричала ему прямо въ лицо, со взрывомъ радости:

— Хочешь быть моимъ мужемъ? Я буду твоей женой.

Сержъ пришелъ въ восторгъ отъ этой выдумки; онъ отвѣчалъ, что хочетъ быть ея мужемъ, и хохоталъ громче ея. Тогда вдругъ она сдѣлалась серьезна, и принимая на себя видъ озабоченной хозяйки:

— Знаешь—сказала она,—я буду распоряжаться... Мы завтракаемъ, когда ты накроешь на столъ.

И принялась командовать. Онъ долженъ былъ спрятать все, что она вынула изъ своихъ кармановъ, въ дупло дерева, которое она называла «шкафомъ». Тряпки были бѣлымъ, гребень изображалъ туалетный несессеръ, иголки и нитки предназначались для починки платья путешественниковъ. Что касается

провизіи, то она заключалась въ маленькой бутылкѣ съ виномъ и нѣсколькихъ вчерашнихъ корочкахъ хлѣба; правда, были взяты спички, чтобы варить рыбу, которую должны были наловить.

Накрывъ на столъ, поставивъ бутылку посрединѣ, а три корочки вокругъ, Сержъ рѣшился замѣтить, что угощеніе довольно скудное. Но она пожала плечами, какъ женщина, которая знаетъ, что дѣлаетъ. Она стала въ воду, замѣтивъ серьезно:

— Я буду удить рыбу. Ты же гляди на меня.

Съ добрыхъ полчаса старалась она изъ всѣхъ силъ наловить руками маленькихъ рыбокъ. Она двигалась съ величайшими предосторожностями, чтобы не замутиль воды; затѣмъ, когда подбиралась къ маленькой рыбкѣ, забившейся между двухъ камней, протягивала голую руку, сильно шлепала ею по водѣ, но схватывала только горсть крупнаго песку. Тогда Сержъ принимался хохотать; она же, разсерженная, кричала ему, что онъ не имѣетъ права смѣяться.

— Но,—спросилъ онъ наконецъ,—какимъ образомъ сварить ты свою рыбу? Вѣдь дровъ нѣтъ.

Это окончательно обезкуражило ее. Къ тому же, рыба была не изъ великолѣпныхъ.

— Гляди! вотъ бедренецъ!—вдругъ закричала она, бросаясь на колѣни.—Вотъ что вкусно-то! Мы знатно покушаемъ.

Сержъ долженъ былъ навалить на столъ цѣлую кучу бедренца. Они стали ѣсть его съ хлѣбомъ. Альбина утверждала, что онъ вкуснѣе орѣховъ. Она распорядилась какъ хозяйка дома, рѣзала хлѣбъ Сержу, которому ни за что не хотѣла довѣрить своего ножа.

— Я жена,—отвѣчала она серьезно на всѣ попытки его возмутиться.

Затѣмъ заставила его отнести въ «шкафъ» нѣсколько капель вина, оставшихся на днѣ бутылки. Онъ долженъ былъ даже подмести траву.

До вечера бѣгали они по лугамъ. Они шли куда глаза глядятъ, обходили свой садъ. Альбина шла впереди, не говоря ни слова, но все разыскивая счастливую полянку, хотя тутъ и не было высокихъ деревьевъ, о которыхъ она мечтала. Сержъ оказывалъ ей всевозможныя неловкія вниманія, и наконецъ они вернулись домой, оживленные, смѣющіеся, подъ руку, точно молодая чета супруговъ, возвращающаяся съ веселою прогулки.

XI.

— Мы, значить, больше не пойдемъ гулять?—спросилъ Сержъ нѣсколько дней спустя.

И видя, что она пожимаетъ плечами съ усталымъ видомъ, прибавилъ, какъ-бы насмѣхаясь надъ ней:

— Ты, значить, отказалась отъ поисковъ дерева съ убійственной тѣнью?

Они обратили все это въ шутку и пропутали весь день. Никакого такого дерева и не существовало. Все это бабы сказки. Однако говорили о немъ съ легкой дрожью. А на слѣдующій день рѣшили, что пойдутъ гулять въ паркъ, подъ высокія деревья, которыхъ Сержъ еще не видѣлъ. Поутру Альбина не захотѣла ничего брать съ собой; она была задумчива, даже немного грустна и очень кротко улыбалась. Они позавтракали и вышли гулять очень поздно. Солнце, стоявшее уже высоко въ небѣ, навѣвало на нихъ лѣнь; они медленно шли другъ возлѣ друга, ища тѣни. Ни въ цвѣтникахъ, ни въ плодовомъ саду, которые имъ пришлось переходить, они не останавливались. Прибывъ подъ тѣнь высокихъ деревьевъ, они пошли еще медленнѣе, углубились въ тихую чащу лѣса, не говоря ни слова и глубоко вздохнувъ, какъ-бы облегченные тѣмъ, что укрылись отъ дневного свѣта.

— Какъ здѣсь хорошо!—прошепталъ Сержъ.

Альбина кивнула головой; она не могла произнести ни слова, потому что у нея въ горлѣ что-то сжалось и ей очень захотѣлось плакать. Они не держали другъ друга за руки, какъ обыкновенно. Опустивъ руки, они шли, не касаясь другъ друга, нѣсколько повѣсивъ голову.

Но Сержъ остановился, увидя, что слезы текутъ по щекамъ Альбины и перемѣшиваются съ ея улыбкой.

— Что съ тобой?—закричалъ онъ.—Не ушиблась ли ты?

— Нѣтъ, право, мнѣ смѣшно, — отвѣчала она. — Право, не знаю, запахъ всѣхъ этихъ деревьевъ вызываетъ слезы.

Она посмотрѣла на него и прибавила:

— Ты тоже плачешь. Видишь, какъ это пріятно.

— Да, — прошепталъ онъ, — здѣсь такая густая тѣнь, что даже удивительно. И, не правда-ли, чувствуешь себя хорошо до боли... Но если тебя что-нибудь огорчаетъ, не скрывай отъ меня. Я тебѣ ничѣмъ не досадилъ, ты на меня не сердись?

Она побожилась, что нѣтъ. Она была очень счастлива.

— Если такъ, то почему же ты не весела?.. Хочешь, будемъ бѣгать?

— Ой, нѣтъ, только не бѣгать, — отвѣчала она съ серьезной миной.

И какъ онъ предлагалъ ей другія игры: лазить по деревьямъ за птичьими гнѣздами, искать ягодъ и фіалокъ, она, наконецъ, сказала съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ:

— Мы слишкомъ велики. Глупо вѣчно играть. Развѣ тебѣ не веселѣе тихо идти со мной рядомъ?

Она дѣйствительно такъ мило шла, что ему очень нравилось слушать, какъ стучали ея каблуки о жесткую землю просѣки.

Никогда до сихъ поръ не обращалъ онъ вниманія на ея походку, на то, какъ волочилось ея платье съ гибкими извивами змѣи. Для него казалось неисчерпаемой радостью видѣть, какъ она скромно шла возлѣ него, потому что онъ открывалъ новую прелесть въ малѣйшемъ движеніи ея гибкаго стана.

— Ты права, — закричалъ онъ. — Это веселѣе всего въ мірѣ. Я пойду за тобой на край свѣта, если хочешь.

Но, пройдя нѣсколько шаговъ, спросилъ ее: не устала ли она? Потомъ намекнулъ, что охотно отдохнулъ бы самъ.

— Посидимъ, — пробормоталъ онъ.

— Нѣтъ, — отвѣчала она, — не хочу! Чтѣ мы станемъ дѣлать, сидя? Мнѣ больше нравится ходить.

И прибавила съ серьезнымъ видомъ, прикидываясь, что шутить:

— Ты знаешь, что я ищу своего дерева.

И вотъ, въ теченіи долгихъ часовъ бродили они между деревьями. Они какъ-будто гуляли; едва перекидывались словечкомъ-другимъ другъ съ другомъ, не разставаясь ни на минуту, и забираясь въ самыя непроходимыя чащи. Сначала они вошли въ чащу, стволы которой были не толще дѣтской руки. Имъ приходилось раздвигать ихъ, открывать себѣ путь въ молодыхъ заросляхъ, колотившимъ ихъ по глазамъ легкимъ кружевомъ своихъ листьевъ. Позади нихъ слѣдъ исчезалъ, зелень сливалась, тропинки какъ не бывало. Они шли на удачу, и путь ихъ отмѣчался лишь качаніемъ высокихъ вѣтвей. Альбина, утомясь тѣмъ, что ничего не видѣла въ трехъ шагахъ отъ себя, съ радостью выскочила, наконецъ, изъ этого громаднаго кустарника, которому, казалось, не будетъ конца. Они очутились на небольшой прогалинѣ, пересѣченной безчисленнымъ множествомъ тропинокъ. Со всѣхъ сторонъ между живыми изгородями тянулись узкія аллеи, поворачиваясь, пересѣкаясь, загибаясь на самый прихотливый

ладъ. Они приподнимались на цыпочки и заглядывали чужимъ изгороди, стараясь выбраться изъ этого лабиринта, который, по-видимому, никуда не велъ; но не особенно торопились и охотно промедлили бы здѣсь дольше, еслибы не видѣли передъ собою гордую линію высокихъ деревь. Наконецъ, они вступили подъ нихъ съ чувствомъ благоговѣнія, какъ вступаютъ подъ своды церкви. Стволы, прямые, побѣлѣвшіе отъ лишая, вытягивались вверхъ на страшную высоту и образовали безконечные ряды колоннъ, торжественное безмолвіе царствовало здѣсь, голая земля была такъ тверда, какъ каменные плиты, и Альбина съ Сержемъ прислушивались къ стуку своихъ шаговъ, благоговѣя передъ грандіознымъ уединеніемъ этого храма.

Здѣсь, конечно, должно было находиться таинственное дерево, тѣнь котораго доставляла полное блаженство. Альбина чувствовала его близость по тому очарованію, какое овладѣло ею въ полусвѣтѣ высокихъ сводовъ. Деревья становились для нихъ добрыми существами, полными силы, безмолвія, полными блаженной неподвижности. Они оглядывали каждое дерево, они всѣхъ ихъ любили и ждали, что вотъ они откроютъ имъ нѣчто такое, что сдѣлаетъ ихъ такими же исполинами и такими же счастливыми, какъ и они.

Клены, ясени, бѣлый букъ, кизиль образовали народъ волосовъ, толпу, кроткую и гордую, геройскихъ добряковъ, жившихъ мирно, когда стѣбало только одному нихъ упасть, чтобы поранить и опустошить цѣлый уголокъ лѣса. У вязовъ были громадныя туловища, раздутые члены, переполненные растительнымъ сокомъ и едва прикрытыя легкими пучками маленькихъ листьевъ. Березы, ольхи, бѣленькія точно дѣвцы, выгибали тонкія таліи, распуская по вѣтру свои волосы, точно великія богини, на половину уже превращенныя въ деревья. Яворы выпрямляли правильные торсы, съ гладкой кожей, испещренной красными крапинами. Лиственницы, точно толпа варваровъ, спускались съ отлогости, драпированныя въ полосы зеленой ткани, раздушенные ароматомъ, составленнымъ изъ смолы и ладана. А дубы были королями, громадныя дубы, раскидывавшіе могучія руки и заслонявшіе солнце, деревья-титаны, разбитые грозой, раскиданные въ позавъ непобѣдимыхъ бойцовъ; ихъ разсѣянные члены образовали сами по себѣ цѣлый лѣсъ.

Не одинъ ли изъ этихъ гигантскихъ дубовъ то самое дерево, котораго они ищутъ? Или не одинъ ли изъ этихъ прекрасныхъ яворовъ? Не одна ли изъ бѣлыхъ, какъ женщина, березъ? Или не одинъ ли изъ толстыхъ вязовъ? Альбина и Сержъ шли все дальше,

глаза у нихъ разбѣжались, они потерялись въ толпѣ деревьевъ. Одну минуту имъ казалось, что они нашли то, что искали: они находились среди группы орѣшниковъ, гдѣ тѣнь была такъ прохладна, что они почувствовали дрожь. Дальше ихъ ожидало новое волненіе: маленькая роща каштановъ, покрытыхъ зеленымъ мхомъ, съ раскидистыми, странными вѣтками, достаточно обширными, чтобы на нихъ построить висячія деревни. Еще дальше, Альбина отерла прогалину, куда они оба пустились бѣжать бѣгомъ. Посреди ковра тонкой травы рожковое дерево раскидывало цѣлую грудку зелени, настоящее вавилонское столпотвореніе листьевъ, развалины котораго были покрыты необычайно роскошной растительностью. Они медленно обошли дерево, вошли подъ раскинутыя вѣтви, гдѣ перекрещивались улицы цѣлаго города, осмотрѣли малѣйшія скважины оголившихся корней. Затѣмъ ушли, не испытавъ сверхъестественнаго блаженства, котораго искали.

— Гдѣ это мы? — спросилъ Сержъ.

Альбина сама не знала. Она никогда не бывала въ этой сторонѣ парка. Въ эту минуту они находились среди группы акацій и ракитниковъ, издававшихъ очень сладкій, почти сахарный запахъ.

— Мы заблудились, — отвѣчала она со смѣхомъ. — Я со всѣмъ не знаю этихъ деревьевъ.

— Но, — возразилъ онъ, — у сада есть же конецъ. Ты, конечно, знаешь конецъ сада?

Она обвела рукой вокругъ.

— Нѣтъ... Я видала разъ или два стѣну, по той сторонѣ, вдоль дороги. Здѣсь же никогда.

Они умоляли, испытывая незнакомое имъ доселѣ блаженное сознаніе громадности парка. Ихъ восхищало, что они одни среди такихъ обширныхъ владѣній, что имъ даже приходилось отказываться отъ знакомства съ его границами.

— Ну, что-жъ, что заблудились, — повторилъ Сержъ весело: — гораздо лучше не знать, гдѣ находишься.

Онъ кротко подошелъ къ ней.

— Ты не боишься?

— О! нѣтъ. Я хорошо знаю, что въ саду только мы съ тобой...

Онъ обнялъ рукою ея талію. Такъ вернулись они подъ высокія деревья. Альбина говорила, что немного устала, и приложила голову къ плечу Сержа. Ни тотъ, ни другая однако не предлагали сѣсть. Они даже не думали объ этомъ, это бы ихъ

разстроило. Какое удовольствіе могъ доставить имъ отдыхъ травѣ? Между тѣмъ имъ было такъ весело идти рядомъ. Стандартное дерево было забыто. Они глядѣли другъ другу въ лицо и улыбались. И деревья, клены, вязы, дубы подсказали имъ первыя нѣжныя слова, сказанныя ими другъ другу.

— Я люблю тебя! — произнесъ Сержъ, тихимъ голосомъ, и отъ его дыханія маленькіе золотистые волоски поднялись на вискахъ Альбины.

Онъ искалъ еще другого слова, но могъ только повторить:

— Я тебя люблю! я тебя люблю!

Альбина слушала съ чудной улыбкой. Она училась этой музыкѣ.

— Я тебя люблю! я тебя люблю! — вздыхала она нѣжнѣе, своимъ серебристымъ, дѣвическимъ голосомъ.

Потомъ, поднявъ свои голубые глаза, которые блестѣли, спросила:

— Какъ ты меня любишь?

Тогда Сержъ собрался съ мыслями. Высокія деревья крото глядѣли.

— Я люблю тебя больше всего на свѣтѣ, — отвѣчалъ онъ, — Ты благоухаешь какъ цвѣтокъ, ты теплѣе солнца, ты прекраснѣе всего, чтó я вижу утромъ, открывая окно. Когда я на тебя гляжу, я доволенъ. Я желалъ бы, чтобы у меня была только ты, и я былъ бы очень счастливъ.

Она опустила рѣсницы и качала головой, точно ее убаюкивали:

— Я тебя люблю, — продолжалъ онъ. — Я помню только тебя. Я тебя не знаю, не знаю, кто ты, откуда явилась; ты мнѣ не мать и не сестра, а я люблю тебя такъ, что отдалъ тебѣ все свое сердце и ничего не оставилъ на долю другимъ... Слушай, я люблю твои щеки, шелковистыя какъ атласъ, я люблю твой ротъ, который благоухаетъ какъ роза, я люблю твои глаза, отражающіе меня и мою любовь, я люблю даже твои рѣсницы, и синенькія жилки на твоихъ вискахъ... Я люблю тебя, я люблю тебя, Альбина.

— И я люблю тебя, — прошептала она: — у тебя шелковистая борода, и она не колетъ меня, когда я прислоняю свой лобъ къ твоей шеѣ. Ты силенъ, высокъ, красивъ. Я люблю тебя, Сержъ.

Съ минуту они молчали, восхищенные. Имъ казалось, что ихъ сопровождаетъ пѣніе флейты, что слова ихъ наигрываетъ прекрасный оркестръ, скрытый отъ глазъ. Они шли шагъ за шагомъ, наклонясь другъ къ другу, огибая безъ конца гигантскіе

стволы. Вдали, вдоль колоннады скользили лучи заходящаго солнца, похожіе на процессію дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ, входящихъ въ церковь, чтобы вѣнчаться, при глухомъ рокотѣ органа.

— А за что ты меня любишь?—снова спросила Альбина.

Онъ улыбнулся и не сразу отвѣчалъ. Наконецъ проговорилъ:

— Я тебя люблю за то, что ты существуешь. Этимъ, видишь ли, все сказано. Теперь мы вмѣстѣ, мы вмѣстѣ другъ съ другомъ. Мнѣ кажется, что я бы не жилъ, еслибы не любилъ тебя... Ты мое дыханіе...

Онъ понизилъ голосъ, говоря какъ будто съ самимъ собой:

— Это не сразу узнается. Это вырастаетъ въ человѣкѣ, вмѣстѣ съ сердцемъ. Надо вырасти, надо быть сильнымъ... Помнишь, какъ мы любили другъ друга; но мы не говорили этого. Мы были дѣти, мы были глупы. Потомъ, въ одно прекрасное утро, поймешь это и выразишь... Будь спокойна, у насъ нѣтъ другого дѣла: мы любимъ другъ друга, потому что наша жизнь въ томъ, чтобы любить другъ друга.

Альбина, закинувъ голову, закрывъ глаза, задерживала дыханіе. Она наслаждалась молчаніемъ, еще пропитаннымъ ласкою его словъ.

— Любишь ли ты меня? любишь ли ты меня?—прошептала она, не раскрывая глазъ.

Онъ молчалъ,—чувствуя себя очень несчастнымъ, что не находить больше словъ, чтобы высказать ей свою любовь. Онъ медленно водилъ взоры по ея розовому личику, безмятежному, точно во снѣ. Рѣсницы были точно шелковыя; ротикъ очаровательно улыбался, лобъ былъ безупречной чистоты и сливался съ золотистой линіей волосъ. А онъ хотѣлъ бы излить всю свою гущу въ томъ словѣ, которое трепетало на его губахъ, и не могъ это произнести. Тогда онъ наклонился еще ниже, отыскивая какой чертъ этого очаровательнаго личика выскажетъ онъ верховное слово. Потомъ ничего не сказавъ, но поцѣловалъ Альбину въ губы.

— Альбина, я тебя люблю!

— Я тебя люблю, Сержъ!

Они остановились, трепеща отъ этого перваго поцѣлуя. Она широко раскрыла глаза. Онъ стоялъ слегка вытянувъ губы. Оба, въ краснѣ, глядѣли другъ на друга. Что-то необыкновенно сильное, могущественное охватило ихъ. Они точно вновь встрѣтились, замѣтили при этомъ, что оба выросли, оба созданы другъ для друга, навѣки связаны. Съ минуту они дивились, поднимая глаза въ торжественному своду листьевъ, какъ будто разспрашивая мир-

ное населеніе деревьевъ и желая услышать эхо ихъ поцѣлу. Но въ виду ясной снисходительности деревьевъ, они развеселились какъ влюбленные, увѣренные въ безнаказанности; веселость ихъ была шумная, болтливая.

— Ахъ!—разскажи мнѣ про дни, когда ты меня любишь. Разскажи мнѣ все... Любишь ли ты меня, когда покоился на моей рукѣ? Любишь ли ты меня тогда, какъ я упала разъ съ вишневаго дерева, а ты стоялъ внизу, блѣдный, съ вытянутыми руками? Любишь ли ты меня на лугахъ, когда бралъ за талию, чтобы помочь перескочить черезъ ручьи?

Весь день, они жили словомъ «люблю», которое безпрерывно навертывалось имъ на языкъ съ новой нѣжностью. Они искали его, повторяли встать и нестать, ради одного удовольствія его произнести. Сержъ не искалъ второго поцѣлуя на губахъ Альбины. Они довольствовались воспоминаніемъ о первомъ. Они нашли дорогу, нимало о томъ не заботясь. Когда они выходили изъ лѣсу, наступили сумерки, луна вставала, желтая, среди черной зелени. Чудно было возвращаться среди парка, съ этимъ скромнымъ свѣтиломъ, которое глядѣло на нихъ черезъ всѣ отверстія въ большихъ деревьяхъ. Альбина говорила, что луна за ними слѣдуетъ. Ночь была очень теплая, звѣздная. Вдаль высокія деревья шуршали, и Сержъ, прислушиваясь, говорилъ:

— Они разговариваютъ про насъ.

Когда они проходили по цвѣтнику, цвѣты издавали необыкновенно сладкій запахъ, тотъ запахъ, какимъ пахнутъ цвѣты ночью.

— Покойной ночи, Сержъ!

— Покойной ночи, Альбина!

Они пожали другъ другу руку на площадкѣ перваго этажа не входя въ комнату, гдѣ имѣли обыкновеніе прощаться. Они не поцѣловались. Когда Сержъ остался одинъ, то сѣлъ на кровать и долго прислушивался къ тому, какъ Альбина ложилась и встала, надъ его головой. Онъ былъ утомленъ счастіемъ, и склонился ко сну.

ХП.

Но на слѣдующіе дни Альбина и Сержъ чувствовали нежность въ присутствіи другъ друга. Они избѣгали всякихъ нежностей на прогулку подъ деревьями. Они ни разу не поцѣловались, ни разу не сказали, что любятъ другъ друга. Ихъ удовольствіе жилось не стыдъ, но опасеніе испортить свою радость. А вотъ

ни были не вмѣстѣ, то только и жили сладкими воспоминаніями. ни снова переживали часы, проведенные вмѣстѣ. Кончилось имъ, что ими овладѣло какое-то лихорадочное состояніе. Они глядѣли другъ на друга томными глазами, очень грустные, разваривая о вещахъ, которыя ихъ не интересовали. Потомъ, послѣ продолжительнаго молчанія, Сержъ спросилъ у Альбины тревоженнымъ голосомъ:

— Ты нездорова?

Но она покачала головой, отвѣчая:

— Нѣтъ, нѣтъ. Ты самъ нездоровъ. У тебя руки горячія.

Паркъ внушалъ имъ глухое безпокойство, котораго они не могли понять. Имъ казалось, что какая-то опасность сторожитъ на каждой тропинкѣ; что она налетитъ на нихъ неожиданно, свалитъ на землю, изувѣчитъ. Они молчали; но пугливые взгляды выдавали по временамъ этотъ страхъ, отчуждавшій другъ отъ друга, дѣлавшій ихъ какъ-бы посторонними, нажебытыми другъ другу. Наконецъ, однажды утромъ Альбина испилась, послѣ долгаго колебанія, замѣтить:

— Напрасно ты сидишь все взаперти. Ты опять заболѣешь.

Сержъ притворно засмѣялся:

— Но!—пробормоталъ онъ,—мы вездѣ побывали, знаемъ весь дѣ.

Она отрицательно покачала головой; затѣмъ прибавила очень тихо:

— Нѣтъ, нѣтъ... Мы еще не знаемъ скалъ; мы еще не ходили къ источникамъ. Тамъ я грѣлась зимою; въ декабрѣ тамъ цвѣтитъ весна. Есть уголки, гдѣ сами камни какъ-будто живутъ.

На другой день, ни слова не говоря, они вышли изъ дома, поднялись на лѣво, позади грота, гдѣ спала мраморная женщина. Когда они заносили ногу на первые камни, Сержъ сказалъ:

— Отъ этого-то мы и тосковали, что не все видѣли. Надо еще осмотрѣть. Быть можетъ, тогда мы будемъ спокойнѣе.

День былъ душный, и въ духотѣ чуялась гроза. Они шли одинъ другимъ; солнце пекло ихъ. Альбина воспользовалась минутой, въ тропинка расширялась, чтобы пропустить его впередъ; ее безпокоило его дыханіе; ей была тяжела его близость. Вокругъ нихъ всѣ поднимались широкими уступами; на уступахъ громоздились обширныя плиты, поросшія суровой растительностью. Имъ попадались сначала золотистый дрокъ, полосы съ тимьяномъ, полосы съ шалфеемъ, полосы съ лавендой, всѣ ароматическія растенія: ѣдкій можжевельникъ, горькій розмаринъ, съ такимъ силь-

нымъ запахомъ, что отуманивалъ имъ голову. По обѣимъ сторонамъ дороги остролисть образовалъ изгороди, походившія на изящныя слесарныя издѣлія, на рѣшетки изъ черной бронзы, изъ кованаго желѣза, отполированной мѣди, съ хитрыми украшеніями. Потому имъ пришлось пройти по сосновому лѣсу, чтобы добраться до источниковъ: жидкая тѣнь ложилась на ихъ плечи свинцовымъ бременемъ, сухія иглы хрустѣли подъ ногами, истыкая легкую смолистую пыль, окончательно сожигавшую ихъ губы.

— Твой садъ здѣсь пресердитый,—замѣтилъ Сержъ, поворачиваясь къ Альбинѣ.

Оба улыбнулись. Они находились на берегу источниковъ. Ясныя воды освѣжили ихъ. Онѣ не прятались однако подъ тенью, какъ источники равнины, насаждающіе вокругъ себя густую листву, дабы спокойно спать въ тѣни. Онѣ рождались въ открытомъ солнцѣ, въ углубленіи скалы, и ни одна травинка не зеленила лазури ихъ прозрачныхъ водъ. Источники казались серебряными, залитые яркимъ свѣтомъ. И изъ перваго бассейна растекались въ разныхъ направленіяхъ, вытягивая бѣлыя ручьи. Мѣстами они прыгали точно веселыя, нагія дѣти; мѣстами падали водопадомъ, и его мягкій изгибъ походилъ на перегнутого женскій торсъ, съ прозрачнымъ тѣломъ.

— Овуні руки,—закричала Альбина.—Вода на глубинѣ всѣмъ ледяная.

Въ самомъ дѣлѣ, они могли освѣжить руки. Они бросили другъ другу воду въ лицо, и оставались съ минуту подлѣ воды, дабы паръ, несшагося отъ источниковъ. Солнце было тогда мокрое.

— Погляди!—снова закричала Альбина:—вотъ цвѣтники, на лугу, вонъ лѣсъ.

Съ минуту они глядѣли на Парадѹ, разстилавшійся подъ ихъ ногами.

— И погляди,—продолжала она,—не видно ни одного угла стѣны. Вся земля наша, до самаго края неба.

Они обнялись наконецъ, сами того не замѣчая, спокойными и довѣрчивымъ жестомъ. Источники утоляли ихъ жаръ. На удаляясь, Альбина какъ будто что-то вспомнила, она остановилась. Сержа, говоря:

— Тамъ, внизу скалъ, я видѣла стѣну однажды, давно тому назадъ.

— Однако ничего не видно,—прошепталъ Сержъ, слегка наклонивъ голову.

— Да, да... Она должна быть позади каштановой аллеи, зади этихъ кустарниковъ.

И чувствуя, что рука Сержа нервно сжимаетъ ее руку, привила:

— Можетъ быть, я ошибаюсь... Однако помнится мнѣ, что увидѣла ее однажды передъ собой, выходя изъ аллеи. Она преграждала мнѣ путь и была такъ высока, что я испугалась... черезъ нѣсколько шаговъ очень изумилась. Стѣна оказалась робитой: въ ней была громадная дыра, сквозь которую видна была вся окрестность.

Сержъ поглядѣлъ на нее съ тревожной мольбой во взглядѣ. Она пожала плечами, чтобы успокоить его.

— О! я задѣлала дыру! Будь спокоенъ, мы совсѣмъ одни... сейчасъ же задѣлала дыру. Со мной былъ ножъ. Я надрѣзала жевики и навалила также громадныхъ камней. Сомнѣваюсь, чтобы воробей могъ пробраться сквозь нее. Если хочешь, мы ойдемъ какъ-нибудь взглянуть на нее. Это тебя успокоитъ.

Онъ отрицательно покачалъ головой. Затѣмъ они ушли, бнявшись; но безпокойство снова овладѣло ими. Сержъ искоса оглядывалъ на Альбину; она потупляла глаза; ей было неловко, что онъ на нее смотритъ. Оба желали бы сойти съ утесовъ, потому что имъ вдругъ стало неловко идти обнявшись. И помимо воли, словно повинувшись какой-то силѣ, толкавшей ихъ, ни обогнули скалу и пришли на площадку, гдѣ ихъ снова дадо томленіе солнечнаго припѣва. Тутъ росли уже не ароматическія растенія, мускусъ, тимьянъ, лавенда. Они попирали новыми пахучія травы, полынь, издававшую горькій запахъ; руту, напоминающую человѣческую испарину. Мандрагоны, цикута, черница, бѣлена одуряли ихъ, клонили ко сну, возбуждали тошноту и заставляли шататься, держась за руки.

— Хочешь, я понесу тебя?—спросилъ Сержъ у Альбины, чувствуя, что она шатается.

Онъ уже охватилъ ее руками. Но она высвободилась, тѣло переводя духъ.

— Нѣтъ, ты меня душишь,—проговорила она.—Оставь. Я не знаю, что со мной. Земля точно колеблется подъ моими ногами... меня вотъ гдѣ болитъ.

Она взяла его руку и приложила къ своей груди.

— Пойдемъ въ тѣнь, сядемъ, — произнесъ Сержъ. — Насъ биваютъ растенія своимъ запахомъ.

Онъ повелъ ее за кончики пальцевъ, потому что она вздрагивала, если онъ дотрогивался до ее руки. Зеленая роща, гдѣ

она усѣлась, состояла изъ красивыхъ кедровъ, раскидывавшихъ плоскіе шатры своихъ вѣтвей болѣе, чѣмъ на десять метровъ въ окружности. Затѣмъ, позади, росли странныя шишковатые растенія: кипарисы съ мягкой и плоской, какъ толстый гипюръ, листвою; тисовыя деревья, темная листва которыхъ отливала серебромъ—все растенія, не терявшія листвы и зимой, присутствія, съ темной зеленью, точно блестящая кожа, запятнанная желтымъ и краснымъ, и такая мощная, что солнце скользило по ней, не смягчая ее.

— Сядь,—проговорила Альбина.

И подвинулась, чтобы очистить для него мѣсто. Но онъ отступилъ и продолжалъ стоять. Потомъ, такъ какъ она опять пригласила его сѣсть, онъ опустился на колѣни, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея. Онъ шепталъ:

— Нѣтъ, моя лихорадка сильнѣе твоей, я тебя сожгу. Слушай, еслибы я не боялся задушить тебя, то взялъ бы и прижалъ тебя къ груди такъ крѣпко, такъ крѣпко, что мы перестали бы чувствовать наши страданія.

И подползъ къ ней на колѣняхъ.

— О! какъ бы я хотѣлъ сжать тебя въ своихъ объятіяхъ... Я только объ этомъ и думаю. Но я не умѣю обнять тебя, я чувствую себя далеко отъ тебя... Между нами стоитъ какая-то стѣна, которой не могутъ сокрушить мои руки. Однако я силенъ сегодня; я могъ бы охватить тебя руками, вскинуть себя на плечи, унести тебя, какъ свою собственность. Но это не то. Этого мнѣ еще недостаточно. Когда мои руки держатъ тебя, то держатъ лишь ничтожную часть твоего существа... Гдѣ же ты вся, какъ мнѣ тебя найти?

Онъ распростерся по землѣ, въ позѣ безконечнаго обожанія, и поцѣловалъ край платья Альбины. Тогда она выпрямилась и весь ростъ, сжала виски руками, обезумѣвшая и лепеча:

— Нѣтъ, пожалуйста, пойдемъ дальше.

Она не убѣжала. Она допустила Сержа слѣдовать за собою, медленно подвигаясь впередъ, растерянная, спотыкаясь о корни растеній и сжимая руками голову, чтобы заглушить волненіе, бушевавшее въ ней. Выйдя изъ маленькой рощи, они сдѣлали нѣсколько шаговъ по скалистымъ ступенямъ, гдѣ прозябало цѣлое населеніе жирныхъ и безобразныхъ растеній. Можно было подумать, что тутъ копошились какія-то безыменныя животныя, которыя могли пригрезиться лишь въ кошмарѣ: чудовища, переходившія и на паука, и на гусеницу, и на стоножку, но только безконечно увеличенныя, одни съ гладкой и слизистой кожей,

ругія съ шершавой кожей, волоча искалѣченные члены, скрюченныя ноги, сломанныя руки.

— Вернемся въ тѣнь, — умолялъ Сержъ. — Ты сядешь, я гану на колѣни и буду разговаривать съ тобой.

XIII.

Въ это время паркѣ вполне принадлежалъ имъ. Они завлаѣли имъ безусловно. Не было ни одного уголка, который бы не былъ ихъ собственностью. Для нихъ цвѣла роща изъ розъ, для нихъ цвѣтники издавалъ нѣжные ароматы, и теплое дыханіе, доосившееся ночью въ открытыя окна, убаюкивало ихъ. Плодовый адъ кормилъ ихъ, наполнялъ плодами юбку платья Альбины, свѣжалъ ихъ душистой тѣнью своихъ вѣтвей, подъ которыми было такъ пріятно завтракать на восходѣ солнца. Въ лугахъ принадлежали травы и воды: травы, раскидывавшія передъ ними ковры шелковые; воды, освѣжавшія ихъ. Имъ принадлежалъ лѣсъ, начиная съ громадныхъ дубовъ, которыхъ не могли бы обхватить десять человѣкъ, и кончая тонкими березами, которыя ребенокъ могъ сломать безъ усилія; лѣсъ со сѣми его деревьями, его тѣнью, его просѣками, прѣгалищами, зелеными убѣжищами, незнакомыми самимъ птицамъ; лѣсъ, которымъ они пользовались, какъ имъ вздумается, словно гигантской палаткой, гдѣ укрывали въ полдень свою любовь, одившуюся поутру. Они царили надъ всѣмъ, даже надъ скалами, надъ источниками, надъ этой бѣдовой почвой, съ чудовищными растеніями; послѣднія нравились имъ больше, чѣмъ другіе, огнѣ привлекательные уголки сада за странный трепетъ, испытанный ими тамъ. Итакъ, они царили въ паркѣ безусловно, ни завоевали свои владѣнія, гуляли среди дружественной природы; и она ихъ знала, она привѣтствовала ихъ улыбкой, когда ни проходили, угождала имъ, какъ покорная служанка. И они наслаждались, кромѣ того, небомъ, обширнымъ лазурнымъ своємъ, раскидывавшемся надъ ихъ головами; стѣны не замыкалиго: оно со всѣхъ сторонъ было доступно ихъ взорамъ, оно раздѣляло вмѣстѣ съ ними радость жить, днемъ ихъ привѣтствовало оржествующее солнце, ночью теплый звѣздный дождь. Оно осхищало ихъ во всякій моментъ дня, измѣняясь какъ живое бѣло, утромъ бѣлѣе пробуждающейся красавицы, въ полдень пламенное и страстное, вечеромъ изнемогающее отъ блаженной истомы. У него ликъ его безпрестанно мѣнялся, и самая

ласка его была разнообразна до бесконечности. Особенно дивно оно ихъ по вечерамъ, въ часы разставанья. Солнце, спускаясь къ горизонту, постоянно находило новую улыбку. Порою оно закатывалось, ясное и безмятежное, безъ единого облачка, мало-помалу утопая въ золотой ваннѣ. Въ другіе разы оно горѣло пурпуромъ, прорывало свои газовыя одежды, разливалось пламенемъ по небу, испещряя его какъ-бы хвостами гигантскихъ кометъ, волоса которыхъ зажигали вершины высокихъ деревьевъ. Иногда оно скромно садилось, гася одно за другимъ свои лучи; временами же закатывалось таинственно, позади какого-нибудь большого облака, точно драпируясь сѣрымъ шелковымъ пологомъ альбова и заставляя ночникъ среди возраставшей тьмы.

Не одни растенія признали ихъ главенство: Альбина и Сергъ царственно прохаживались въ толпѣ животныхъ, преклонявшихъ передъ ними. Когда они проходили по цвѣтнику, бабочки ждали для ихъ забавы, опахивали ихъ своими крылышками, слѣдовали за ними, гонялись точно живое трепетаніе солнца, точно летающіе цвѣты. Въ плодовомъ саду они сталкивались на вершинахъ деревьевъ съ жадными птицами: воробьи, зяблики, иволги, ситири отмигивали для нихъ самые зрѣлые плоды, всѣ исклеванные ими. Можно было подумать, что тамъ шумятъ школьники, выпущенные на рекрецію, буйно веселятся мародѣры. Нахальные стаи прилетали таскать вишни у самыхъ ихъ ногъ въ то время, какъ они завтракали. Альбина еще больше забавлялась на лугахъ, ловя тамъ маленькихъ зеленыхъ лягушекъ, сидѣвшихъ въ тростникахъ, съ золотыми глазами и кротостью созерцателей животныхъ. Сергъ въ это самое время сухой соломою, въ которой выживалъ сверчокъ изъ ихъ норокъ, щекоталъ брюшко стрекозъ, чтобы заставить ихъ пѣть, подбиралъ голубыхъ, розовыхъ, желтыхъ насекомыхъ, и сажалъ ихъ на свои маншеты, точно пуговицы изъ сапфира, рубиновъ и топазовъ. Въ другіе дни, въ дни томной нѣжности, они ходили слушать подь деревьями, въ звучной тѣни, серенады своихъ музыкантовъ, хрустальную флейту соловьевъ, серебрястый рожокъ синицы, отдаленный откликъ кукушки; дивились быстрому полету фазановъ, хвосты которыхъ точно зажигали полосу солнца на краяхъ деревьевъ; ослѣплялись, улыбающіеся, пропуская въ нѣсколькихъ шагахъ веселую толпу молодыхъ дѣвѣкъ или пару солидныхъ оленей, замедлявшихъ свой бѣгъ, чтобы поглядѣть на нихъ. Въ другіе разы, когда солнце пекло, они всходили на скалы и забавлялись, спугивая съ полосъ тѣмьяна тучи саранчи, улетающей съ трескомъ горящаго востра; ужи, растянувшіеся вдоль сожженныхъ

устариковъ, ящерицы, покоившіяся на утесахъ, раскаленныхъ о-бѣла, слѣдили за ними дружелюбнымъ взоромъ; розовыя фламинго, мочившія лапы въ водѣ источниковъ, не улетали при ихъ приближеніи, успокоивая своей довѣрчивой серьезностью водяныхъ куръ, дремавшихъ посреди бассейна.

Альбина и Сержъ стали замѣчать жизнь парка, кипѣвшую вокругъ нихъ только съ того дня, какъ сами ожили въ поцѣлѣхъ. Теперь эта жизнь оглушала ихъ минутами, говорила имъ языкомъ, котораго они не понимали, упрасивала ихъ о чемъ-то. Эта жизнь, эти животные голоса и теплота, эти растительные запахи и тѣни смущали ихъ до того, что заставляли сердиться другъ на друга. А между тѣмъ они встрѣчали въ паркѣ только ласковый привѣтъ. Каждая травка, каждый звѣрёкъ становились ихъ ругомъ. Парадъ обратился въ одну сплошную ласку. До ихъ появленія слишкомъ сто лѣтъ одно солнце царило тутъ свободнымъ ласкливымъ, озаоря своимъ величіемъ каждую вѣтку. Тогда адъ знавалъ только его. Онъ видѣлъ, какъ оно каждое утро ерескакивало черезъ его стѣну своими косыми лучами, садилось въ полдень прямо на истомленную землю, уходило вечеромъ на другой конецъ, лаская прощальнымъ поцѣлуемъ листву. Поэтому, садъ не зналъ стыда: онъ принималъ Сержа и Альбину, какъ издавна принималъ солнце, какъ добрыхъ друзей, въ которыхъ не церемонятся. Животныя, деревья, воды, камни или себя съ милымъ сумасбродствомъ, говорили вслухъ, жили на-вспашку, ничего не скрывая, отличаясь невиннымъ безстыдствомъ, прекрасной нѣжностью первыхъ дней вселенной. Этотъ уголокъ или сдержанно подсмѣивался надъ робостью Альбины и Сержа; въ становился нѣжнѣе, раскидывалъ подъ ихъ ногами самую шеловистую траву, сдвигалъ кусты, чтобы заставить ихъ идти по своимъ тропинкамъ.

XIV.

На слѣдующее утро Сержъ заперся въ своей комнатѣ. Ароматы парка раздражали его. Онъ задернулъ коленкоровыя занавѣсы, чтобы не видѣть парка, помѣшавъ ему войти въ себя. Быть можетъ, въ нему вернется невинность дѣтства, вдали отъ этой мени, тѣнь которой какъ будто щекотала его кожу. И въ длинныхъ бесѣдахъ съ Альбиной, ни онъ, ни она не упоминали ни про скалы, ни про воды, ни про деревья, ни про небо. Парадъ какъ будто пересталъ существовать для нихъ. Они старались его забыть, и тѣмъ не менѣе сознавали его присутствіе, его гро-

мадность и мощь, отъ которыхъ ихъ отдѣляли тонкія занавѣсы. Запахъ травъ проникалъ сквозъ щели стѣнъ; отъ протяжныхъ голосовъ звенѣли стекла; вся жизнь природы смѣялась, шепталась у нихъ подъ окнами. И вотъ, блѣднѣя, они возвышали голоса, старались развлечься и не слушать того, что говорилось на дворѣ.

— Видѣла ты, тамъ надъ дверью нарисована женщина, которая на тебя похожа? — спросилъ разъ по-утру Сержъ, въ одну изъ такихъ безпокойныхъ минутъ.

Онъ громко смѣялся. И вотъ, они снова занялись картинами, снова стали передвигать столъ вдоль стѣнъ, ища развлечения.

— О, нѣтъ! — пробормотала Альбина: — она гораздо толще меня. Къ тому же, нельзя и разглядѣть ее хорошенько; она такъ смѣшно лежитъ; головою внизъ.

Они смолкли. На полинявшей живописи, съѣденной-было временемъ, вставала сцена, которой они до сихъ поръ не замѣчали. Лежавшую женщину обнималъ Фавнъ. Можно было ясно различить закинутыя руки, изогнутый торсъ этой полуодѣтой дѣвы, застигнутой на цвѣточныхъ снопахъ, срѣзываемыхъ маленькими амурами, которые съ серпомъ въ рукахъ непрерывно подкадывали новыя пригоршни розъ.

— Нѣтъ, — повторила Альбина: — она на меня не похожа. Она безобразна.

Сержъ молчалъ. Онъ глядѣлъ на женщину, глядѣлъ на Альбину, точно сравнивалъ ихъ. Альбина засучила рукавъ до плеча, чтобы показать, что руки у нея бѣлѣе. Они снова умолкли, глядя на живопись; на губахъ у нихъ вертѣлись вопросы, но имъ не хотѣлось высказать. Большіе голубые глаза Альбины на минуту остановились на черныхъ глазахъ Сержа, въ которыхъ загоралось пламя.

— Ты, должно быть, подновилъ всю комнату? — закричала она, соскакивая со стола. — Подумаешь, что весь этотъ людъ ожилъ.

Они принялись смѣяться, но тревожнымъ смѣхомъ, искоса поглядывая на рѣзвящихся амуровъ и полуодѣтыя фигуры. Они захотѣли, изъ шалости, снова оглядѣть всѣ сцены, дивясь каждому медальону и указывая другъ другу на подробности, которыхъ не было видно въ прошломъ мѣсяцѣ. Мужскія фигуры, обнимавшія, какъ прежде казалось, пустое пространство, теперь оказывалось обнимали женщинъ. И Альбина не говорила больше объ играющихъ дѣтяхъ, Сержъ не рѣшался больше высказывать вслухъ свои предположенія. Они стали вдругъ серьезны, застывали передъ различными сценами, желая, чтобы къ живописи вернулась вся ея свѣжесть. Ихъ только пуще смущали послѣдніе

покровы, маскировавшіе нѣкоторые слишкомъ безцеремонныя подробности.

Но Альбина вдругъ испугалась. Она вырвалась изъ рукъ Сержа, горячее дыханіе котораго чувствовала на своей шеѣ, и ушла въ уголъ дивана, шепча:

— Они меня просто пугаютъ. Мужчины похожи на бандитовъ, у женщинъ такіе глаза, точно ихъ убиваютъ.

Сержъ ушелъ поодаль отъ нея, и они заговорили о другихъ вещахъ. Оба чувствовали большую усталость, точно послѣ долгой прогулки. Имъ было неловко при мысли, что всѣ эти картины на нихъ смотрятъ. Группы амуровъ точно высказывали изъ обоихъ съ нахальствомъ безстыжихъ мальчишекъ, грозя связать ихъ голубыми лентами, которыми крѣпко связывали на потолокъ одну влюбленную чету. Картины оживлялись, развертывали передъ ними исторію дѣвушки, любимой Фавномъ... Ужъ не собираются ли они сойти со стѣнъ? Ужъ не они ли это вздыхаютъ и не ихъ ли дыханіе наполняетъ комнату запахомъ старинной нѣги?

— Здѣсь душно, не правда ли?—замѣтила Альбина.—Сколько я ни провѣтривала эту комнату, въ ней всегда пахло старьемъ.

— Прошлою ночью,—разсказывалъ Сержъ,—меня разбудилъ сильный запахъ. Въ первые дни запахъ былъ слабый, точно прилеталъ издали. Но теперь я не могу спать, запахъ сталъ такъ силенъ, что просто душитъ меня. Вечеромъ въ особенности въ альковѣ такъ жарко, что я теперь сплю на диванѣ.

Альбина приложила палецъ къ губамъ, прошептавъ:

— Это все отъ покойницы, знаешь, той, что жила здѣсь.

Они стали осматривать альковъ, подшучивая, но въ душѣ весьма серьезные. Въ этотъ часъ душистый призракъ покойницы чудился имъ во всѣхъ углахъ комнаты.

— Погляди, вотъ кресло, на которомъ она навѣрное сидѣла,—вскричала Альбина.—На спинѣ чувствуются ея плечи.

Съ этого дня они стали бояться комнаты, какъ боялись сада. Ихъ послѣднее убѣжище становилось страшнымъ мѣстомъ, гдѣ они не могли оставаться вдвоемъ, не наблюдая исподтишка другъ за другомъ. Альбина почти не входила въ нее; она оставалась на порогѣ, у двери, раскрытой настежъ, точно затѣмъ, чтобы имѣть возможность убѣжать каждую минуту. Сержъ одинъ жилъ въ ней въ мучительной тревогѣ, задыхаясь все больше и больше, лежа на диванѣ, пытаясь уклониться отъ вздоховъ парка, запаха старой мебели. Ночью, сцены, нарисованныя на стѣнахъ, навѣвали на него безумныя сновидѣнія, отъ которыхъ у него сохранялась при пробужденіи только нервная тревога. Онъ подумалъ,

что опять расхварывается. И вотъ, онъ проводилъ цѣлые дни молчаливый, съ усталыми глазами, слегка оживляясь лишь въ тѣ часы, когда его навѣщала Альбина. Они останавливались другъ передъ другомъ, серьезно глядѣли другъ на друга, перекидывались изрѣдка ласковыми словами, отъ которыхъ у нихъ на душѣ становилось еще тяжелѣе. Глаза Альбины были еще печальнѣе, чѣмъ у Сержа, и о чемъ то умоляли его.

Прошла недѣля, и Альбина стала появляться въ его комнату лишь на нѣсколько минутъ. Она какъ будто избѣгала его. Приходила озабоченная, не садилась, и торопилась уйти. Когда онъ спрашивалъ ее, упрекалъ въ томъ, что она перестала быть его другомъ, она отворачивалась, чтобы не отвѣчать. Ни за что не хотѣла сказать ему, какъ проводитъ свои утра вдали отъ него, только качала головой съ смущеннымъ видомъ и толковала про свою лѣность. Если онъ приставалъ къ ней, то убѣгала, крикнувъ «прости» изъ-за дверей. Но онъ видѣлъ, что она, должно быть, часто плачетъ. Въ иные дни она бывала смертельно грустна, съ безнадежнымъ лицомъ, медленной походкой, точно наскучивъ жизнью. Въ другіе дни какъ-бы смѣялась про себя. А на слѣдующій день снова впадала въ уныніе и черезъ нѣсколько часовъ опять возрождалась къ надеждѣ.

Сержъ пересталъ спрашивать ее. Теперь, когда она вѣдила, онъ съ тревогой глядѣлъ на нее, боясь, что когда-нибудь у нея не хватитъ силъ вернуться къ нему. Гдѣ могла она пропасть такимъ образомъ? Какая ежечасная борьба дѣлала ее такой печальной и такой счастливой? Однажды утромъ легкие шаги подъ окнами заставили его вздрогнуть. То не могла быть коза; послѣдняя не рѣшилась бы забѣжать такъ далеко. Онъ слишкомъ хорошо зналъ эту легкую походку, отъ которой даже трава не пригибалась. Альбина безъ него бѣгала по Парадѣ. Она изъ Парадѣ приносила и свою безнадежность, и свои надежды, и всю ту борьбу, все то утомленіе, отъ котораго она умирала. Онъ подозрѣвалъ чего она ищетъ, одна, въ зеленыхъ чащахъ, не говоря ни слова, съ нѣмымъ упрямствомъ женщины, поклявшейся найти то, чего ей захотѣлось. Съ этихъ поръ онъ сталъ прислушиваться къ ея шагамъ. Онъ не смѣлъ раздвинуть занавѣсы и слѣдить за ней издали, но съ страннымъ, почти бѣлѣзненнымъ волненіемъ слѣдилъ: направо или налѣво повернула она, идетъ ли по цвѣтнику, или уходитъ дальше? Среди шумной жизни парка, ропота деревьевъ, журчанія водъ, непрерывной пѣсни птицъ, онъ различалъ стукъ ея каблуковъ такъ отчетливо, что могъ бы сказать: идетъ ли она по камешкамъ рѣки, по убѣ-

той зелени лѣса или по плитамъ голыхъ скалъ. Онъ даже научился узнавать, когда Альбина возвращалась, по первому стуку ея каблукѣвъ: въ веселомъ она или грустномъ расположеніи духа? Какъ только она входила по лѣстницѣ, онъ отходилъ отъ окна, не признаваясь ей, что всюду слѣдовалъ за ней. Но она, должно быть, угадывала объ его сообщничествѣ, потому что отнынѣ только взглядами сообщала ему о своихъ поискахъ.

— Останься, не выходи больше, — умолялъ онъ ее однажды утромъ, видя, что она устала больше обыкновеннаго.

Но Альбина вырвалась разсерженная. Сержа начинать еще сильнѣе мучить садъ, гдѣ раздавались шаги Альбины. Легкій стукъ каблукѣвъ сталъ новымъ голосомъ, зовущимъ его, самымъ звучнымъ, покрывавшимъ всѣ остальные. Онъ затыкалъ уши, не хотѣлъ слышать, а далекіе шаги отзывались въ біеніи его сердца. И вмѣстѣ съ тѣмъ, вечеромъ, когда она возвращалась, съ ней къ нему входилъ весь паркъ, съ воспоминаніями объ ихъ прогулкахъ, о медленномъ пробужденіи ихъ нѣжности, среди поощрявшей ихъ природы. Она казалась выше, серьезнѣе, словно возмужала отъ своихъ уединенныхъ прогулокъ.

И вотъ, наконецъ, однажды, около полудня, Сержъ услышалъ, какъ Альбина примчалась бѣгомъ. Онъ запретилъ себѣ прислушиваться къ ея шагамъ, когда она уходила изъ дому. Обыкновенно она возвращалась очень поздно. И онъ дивился, слыша, какъ она бѣжитъ безъ памяти, не разбирая дороги, ломая вѣтки, преграждавшія ей путь. Онъ услышалъ, какъ она смѣялась внизу, подъ окошечками. Когда она бѣжала по лѣстницѣ, то такъ громко дышала, что ему показалось, что онъ чувствуетъ ея дыханіе на своемъ лицѣ. Она настѣжъ раскрыла двери, прокричавъ:

— Нашла!

И сѣла, тихонько, повторяя задыхающимся голосомъ:

— Нашла! наша!

Но Сержъ приложилъ руку къ ея губамъ, растерянный, бормоча:

— Пожалуйста, не говори мнѣ ничего. Я ничего не хочу знать. Погляди, меня трясетъ лихорадка. Я умру, если ты заговоришь.

Тогда она умолкла; глаза ея горѣли, она крѣпко сжимала губы, чтобы слова помимо ея воли не сорвались у нея съ языка, и оставалась до вечера въ комнатѣ, ловя взглядъ Сержа, сообщая ему мало-по-малу то, что ей было извѣстно, когда ей удавалось поймать его взглядъ. Лицо ея сіяло. Отъ нея вѣяло ароматомъ, жизнью, и онъ чувствовалъ, какъ она овладѣвала всѣмъ

его существомъ. Онъ изъ всѣхъ силъ старался воспротивиться этому постепенному подчиненію его воли.

На другой день, сойдя съ верху, Альбина снова ушла въ его комнатѣ.

— Ты не собираешься гулять?—спросилъ онъ, сознавая себя побѣжденнымъ, если она останется съ нимъ.

Она отвѣчала, что нѣтъ, что больше не пойдетъ гулять. И онъ чувствовалъ, что вліяніе ея неотразимо, и побѣда должна остаться на ея сторонѣ. Скоро она возьметъ его за руку и поведетъ на тотъ зеленый коверъ, о прелести котораго такъ краснорѣчиво повѣствовало ея молчаніе. Въ этотъ день она ему ничего не сказала и удовольствовалась тѣмъ, что усадила его у своихъ ногъ на подушкѣ. Только на слѣдующее утро рѣшилась она замѣтить:

— Почему ты все сидишь взаперти? Подъ деревьями такъ чудесно.

Онъ всталъ и съ умоляющимъ видомъ протянулъ руки. Но она засмѣялась.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы не пойдемъ, если ты не хочешь... Но въ этой комнатѣ такой несносный запахъ. Намъ будетъ пріятнѣе, вольнѣе, просторнѣе въ саду. Напрасно ты сердиться на садъ.

Онъ стоялъ безмолвный, съ опущенными глазами, судороги пробѣгали по его лицу.

— Мы не пойдемъ,—повторяла она,—не сердись; но развѣ ты не предпочитаешь траву парка этимъ картинамъ? Помнишь все, что мы видѣли вмѣстѣ... Эти картины нагоняютъ на насъ тоску. Онѣ стѣсняютъ насъ тѣмъ, что вѣчно глядятъ на насъ.

XV.

Они сошли внизъ, пошли по саду, а Сержъ не переставалъ улыбаться. Онъ видѣлъ природу лишь отраженную въ ясныхъ очахъ Альбины. Садъ, видя ихъ, какъ будто смѣялся протяжнымъ смѣхомъ; довольный шопотъ перелеталъ съ листа на листъ до самыхъ отдаленныхъ аллей. Торжественное—тссъ!—пробѣжало по вѣткамъ. Солнце какъ будто подернулось дымкой. Растенія приподнимались, чтобы увидѣть ихъ, когда они проходили.

— Слышишь ли ты ихъ? — спрашивала Альбина вполголоса. — Они умолкаютъ, когда мы подходимъ. Но издали они поджидаютъ насъ и сообщаютъ другъ другу, по какой дорогѣ

мы должны идти... Я тебѣ говорила, что мы не можемъ заблудиться, деревья указываютъ намъ дорогу.

И дѣйствительно, весь паркъ тихонько подталкивалъ ихъ. Казалось, что посреди нихъ выросли чащи изъ кустарниковъ, чтобы помѣшать имъ вернуться назадъ, между тѣмъ какъ передъ ними разстилались шелковые ковры, такіе мягкіе, что они даже не глядѣли себѣ подъ ноги и шли, куда они вели ихъ.

— И птицы сопровождаютъ насъ, — говорила Альбина. — На этотъ разъ синицы. Видишь ли ты ихъ? Онѣ летятъ вдоль изгородей и останавливаются у каждаго поворота, наблюдая, чтобы мы не заблудились.

Потомъ продолжала:

— Всѣ животныя парка съ нами заодно. Развѣ ты ихъ не слышишь? Насъ сопровождаетъ громкій шорохъ: отеляются намъ птицы въ вѣтвяхъ, насѣкомыя въ травѣ, дикія козы и олени въ чащахъ, и даже самыя рыбы въ водѣ... Не оборачивайся, ты ихъ спугнешь; но я увѣрена, что у насъ чудесная свита.

Они все шли впередъ. Альбина болтала лишь затѣмъ, чтобы очаровывать Сержа музыкой своего голоса. Сержъ повиновался малѣйшему движенію руки Альбины; они не знали сами, куда идутъ; они шли, куда глаза глядятъ, и были увѣрены, что пройдутъ прямо туда, куда слѣдуетъ. Но по мѣрѣ того, какъ они проходили дальше, садъ становился все скромнѣе, сдерживалъ вздохи своей листвы, болтовню своихъ водъ, пыльную жизнь животныхъ. Въ немъ царило трепетное молчаніе, религіозное ожиданіе.

Вдругъ, инстинктивно, Альбина и Сержъ подняли голову. Напротивъ нихъ раскидывалась колоссальная зеленая чаша. И пока они колебались, дикая коза, глядѣвшая на нихъ своими прекрасными кроткими глазами, однимъ прыжкомъ прыгнула въ чашу.

— Вотъ тутъ, — сказала Альбина.

Она прошла первая, повернувъ голову въ Сержу и увлекая его за собой. Они скрылись за зеленой листвою, зашуршавшей отъ ихъ прикосновенія, и все стихло. Они вступили въ очаровательный мирный пріютъ. Посреди полянки росло дерево, ослѣненное такой густой тѣнью, что нельзя было разглядѣть его породы. Оно было чудовищной величины; стволъ его вздымался точно грудь, вѣтви раскидывались на дальнее разстояніе, точно могучія руки. Онъ казался добрымъ, сильнымъ, мощнымъ покровителемъ: онъ былъ старѣйшиной сада, прародителемъ лѣса, гордостью травы, другомъ солнца, которое ежедневно вставало и

заходило надъ его вершиной. Съ его зеленого свода проливалась вся радость творенія: аромать цвѣтовъ, пѣніе птицъ, струи свѣта, свѣжее пробужденіе зари, дремотная теплота сумерекъ. Онъ росъ посреди поляны. Вокругъ него другія деревья образовали непроницаемую стѣну, и тутъ царило уединеніе, безмолвіе и полусвѣтъ храма.

Альбина и Сержъ глядѣли на него съ восхищеніемъ. Какъ скоро дерево приняло ихъ подъ свою сѣнь, они почувствовали облегченіе отъ нестерпимой тревоги, мучившей ихъ до того времени. Они не испытывали больше страха, заставлявшаго въ послѣдніе дни бѣгать другъ отъ друга; они успокоились отъ жаркой, отчаянной борьбы, измучившей ихъ, причемъ они сами не знали, противъ какого врага борются такъ ожесточенно. Напротивъ того, теперь ими овладѣло полное довѣріе, крайнее спокойствіе.

Они остановились съ легкимъ вздохомъ, охваченные душевной свѣжестью.

— Воздухъ такой же вкусный какъ плоды, прошептала Альбина.

Сержъ въ свою очередь произнесъ очень тихо:

— Трава совсѣмъ живая; мнѣ кажется, что я наступилъ на край твоего платья.

Они говорили шопотомъ, охваченные религіознымъ чувствомъ. Альбина взглядомъ спрашивала: такъ ли здѣсь хорошо, какъ она говорила. Сержъ отвѣчалъ двумя слезами, скатившимися у него по щекамъ. Радость ихъ была безмѣрная...

Глубокій вздохъ прокатился по верхушкамъ деревь, по тропинкамъ и затерялся на лугахъ. Раздался какъ бы трубный звукъ, окончательный взрывъ, въ которомъ слилась ласка всей земли. Садъ вмѣстѣ съ юной четою испустилъ послѣдній вздохъ страсти. Стволы согнулись точно подъ ударами урагана, у травъ вырвались стонъ; изнемогающіе цвѣты, съ раскрытыми губами, испускали свою душу.

XVI.

Когда Альбина и Сержъ очнулись отъ изумленія, въ какое ихъ повергло неожиданное счастье, они улыбнулись другъ другу. Они возвращались изъ какого-то свѣтлаго края, и пожали другъ другу руки, какъ бы желая выразить благодарность.

Теперь она была его слугой. Она положила голову ему на плечо, глядя на него съ тревожной признательностью. Какъ бы

не разсердился онъ на нее за то, что она привела его сюда? Какъ бы не сталъ упрекать ее со временемъ за минуты, проведенныя у ея ногъ, когда онъ называлъ себя ея рабомъ?

— Ты не сердишься?—смирренно спросила она.

Онъ улыбнулся, поправилъ ей волосы и погладилъ ее какъ ребенка. Она продолжала:

— О! ты увидишь, я не буду надоѣдать тебѣ. Ты даже не будешь знать, тутъ ли я. Но ты не бросишь меня, неправда ли? мнѣ нужна твоя опора...

Она стала вдругъ очень серьезной.

— Люби меня всегда, и я буду послушна, я буду заботиться о твоихъ радостяхъ, я все отдамъ тебѣ, даже самыя сокровенныя желанія.

Сержъ чувствовалъ себя какъ-бы вдвое сильнѣе, видя ее такой покорной и ласковой.—Онъ спросилъ:

— Отчего ты такъ дрожишь? Въ чемъ могу я упрекнуть тебя?

Она не отвѣчала и почти съ грустью глядѣла на деревья, на зелень, на траву.

— Ребенокъ!—продолжалъ онъ со смѣхомъ. — Неужели ты боишься, что я буду сердить на тебя за твой даръ?

Она покачала головой. И, отворачиваясь, чтобы не видѣть больше дерева, прошептала:

— Уведи меня.

Сержъ повелъ ее медленными шагами. Онъ оглянулся и поглядѣлъ на колоссальное дерево въ послѣдній разъ. Онъ его благодарилъ. Тѣнь сгущалась на полянкѣ. Когда, выйдя изъ-подъ густой листвы, они увидѣли солнце, еще озарявшее своимъ лучезарнымъ свѣтомъ край горизонта, то успокоились, особенно Сержъ, который находилъ во всемъ, въ каждомъ растеніи, новый смыслъ. Вокругъ него все преклонялось, все привѣтствовало его любовь. Но къ радости Альбины примѣшивалась тревога. Она вдругъ умолкала среди смѣха и прислушивалась, вздрагивая.

— Что съ тобой?—спрашивалъ Сержъ.

— Ничего,—отвѣчала она, оглядываясь украдкой назадъ.

Они не знали, въ какой сторонѣ парка находились. Обыкновенно ихъ забавляло, когда имъ случалось идти наудачу, куда глаза глядятъ. Но на этотъ разъ они чувствовали странное смущеніе и мало по-малу стали ускорять шагъ, но все далѣе и далѣе забирались въ чащу кустарниковъ.

— Слышалъ?—спросила испуганно Альбина, останавливаясь, вся запыхавшись.

И въ то время, какъ онъ прислушивался, охваченный въ свою очередь тревогой, которой она не въ силахъ была долге скрывать:

— Въ чащѣ раздаются голоса,—продолжала она.—Точно кто-то насмѣхается... Послушай, развѣ подь этимъ деревомъ, вонъ тамъ, не слышно смѣха? А травы точно шепчутся, когда я до нихъ дотрогиваюсь платьемъ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ онъ, желая ее успокоить.—Садъ нашъ любить. Если бы онъ заговорилъ, то не съ тѣмъ, чтобы пугать тебя. Развѣ ты не помнишь всѣхъ ласковыхъ словъ, которыя листва шептала намъ?.. У тебя разстроены нервы, тебѣ все это только чудится.

Но она покачала головой, шепча:

— Я знаю, что садъ нашъ пріятель... Но, значить, кто-нибудь вошелъ въ него. Увѣряю тебя, что я слышу кого-то. Я вся дрожу. Ахъ! пожалуйста, уведи меня, спрячь меня.

Они пошли дальше, озирая деревья: имъ казалось, что изъ за каждаго ствола выставляется лицо. Альбина клялась, что слышитъ вдали шаги, которые ихъ ищутъ.

— Спрячемся, спрячемся!—повторяла она умоляющимъ голосомъ.

И вся вспыхивала. Въ ней пробуждалось чувство стыдливости и охватило ее точно болѣзнь, вызывая краску на ея лицо, которое до сихъ поръ никогда не краснѣло отъ смущенія. Сержъ испугался, увидя, что она вся красная, съ смущеннымъ лицомъ, съ глазами полными слезъ. Онъ хотѣлъ обнять ее, приласкать, успокоить, но она вырвалась, давая ему знать отчаяннымъ жестомъ, что они больше не одни.

— Успокойся,—умолялъ Сержъ:—здѣсь нѣтъ никого. Ты все въ лихорадкѣ. Отдохнемъ съ минуту, умоляю тебя.

У нея не было никакой лихорадки, она хотѣла немедленно вернуться домой.

Между тѣмъ, они никакъ не могли выбраться изъ кустарниковъ. Вдругъ на концѣ одной тропинки очутились лицомъ къ лицу съ преградой, сѣрой, высокой, хмурой громадой. То была стѣна.

— Пойдемъ! пойдемъ! закричала Альбина.

И хотѣла его увлечь. Но не успѣли они сдѣлать двадцати шаговъ, какъ снова наткнулись на стѣну. Тогда они побѣжали вдоль нея, охваченные паническимъ страхомъ. Стѣна оставалась непроницаемой, ни одной сѣважины не было въ ней. Но вонъ вдругъ, воцѣпъ одной лужайки, она точно будто обрушилась. Брешь въ стѣнѣ открывала просвѣтъ на сосѣднюю долину. То

было, должно быть, то отверстіе, о которомъ какъ-то толковала Альбина, и которое она, по ея словамъ, задѣлала ежевикой и камнями. Ежевика валялась, тамъ-и-самъ, точно перерѣзанные куски веревки, камни были отброшены далеко назадъ; можно было подумать, что чья-то бѣшеная рука расширила отверстіе.

XVII.

— Ахъ! я это предчувствовала!—закричала Альбина съ отчаяніемъ.—Я умоляла тебя увести меня... Сержъ, ради самого неба, не гляди!

Сержъ глядѣлъ, помимо воли, прикованный къ бреши. Внизу, на днѣ долины, заходящее солнце озаряло золотой скатертью селеніе Арто, и оно точно видѣніе выдѣлялось изъ сумерекъ, которыми уже были окутаны сосѣднія поля. Отчетливо видны были лачужки, разбросанныя въ беспорядкѣ вдоль дороги, маленькіе дворы, полные навозомъ, узкіе сады, засаженные овощами. Выше выдѣлялся темнымъ профилемъ большой кипарисъ кладбища. Красныя черепицы церкви казались костромъ, надъ которымъ висѣлъ колоколъ, весь черный. Старый приходскій домъ, возлѣ, утерывалъ свои двери и окна вечерней прохладѣ.

— Сжался,—повторяла Альбина, рыдая:—не гляди, Сержъ... Помни, что ты обѣщалъ всегда любить меня. Ахъ! будешь ли ты меня любить теперь хоть сколько-нибудь?.. Послушай, дай я закрою тебѣ глаза своими руками? Ты вѣдь знаешь, что мои руки тебя вылечили... Ты не можешь меня оттолкнуть.

Онъ тихо отстранилъ ее. И въ то время, какъ она цѣплялась за него, обнимала его колѣни, онъ провелъ руками по лицу, какъ-бы желая окончательно разсѣять умственную дремоту, въ которую былъ погруженъ. Такъ вотъ онъ, тотъ невѣдомый міръ, тотъ чуждый міръ, о которомъ онъ никогда не могъ думать, не ощущая глухого страха! Гдѣ же онъ видѣлъ эту страну? Отъ какого сна пробуждался онъ, что чувствовалъ такую жестокую тревогу? Она мало по-малу росла въ его груди и грозила адушить его? Селеніе оживало съ приходомъ поселянъ, возвращавшихся домой. Мужчины шли, перекинувъ черезъ плечо куртку, походкой усталыхъ животныхъ; женщины, на порогѣ домовъ, махивали руками, точно подзывали кого, а дѣти толпами преслѣдовали куръ, бросая въ нихъ камнями. На кладбищѣ, все пострѣлять, мальчикъ и дѣвочка, пробирались вдоль стѣны и четверенкахъ, чтобы не быть замѣченными. Стая воробьевъ

разсаживалась на черепицахъ церкви. Синяя бумажная юбка появилась на порогѣ приходскаго дома, такая широкая, что заняла всю дверь.

— О,—горе! бормотала Альбина,—онъ глядитъ, онъ глядитъ! Послушайся меня. Ты сейчасъ клялся, что будешь меня слушаться. Умоляю тебя, отвернись, погляди на паркъ... Развѣ ты не былъ счастливъ въ саду? Ты говорилъ, что садъ насъ любить, что онъ нашъ другъ. Это онъ отдалъ меня тебѣ. И сколько счастливыхъ дней сулилъ онъ намъ, теперь, когда мы познали благополучіе, скрывающееся подъ его сѣнью... Если же ты не убижишь, если ты меня не уведешь съ собой, смерть войдетъ сюда черезъ это отверстіе. Видишь-ли, другіе люди, весь этотъ міръ станетъ между нами! Мы были такіе одинокіе, такъ затерялись въ этомъ саду, гдѣ деревья сторожили насъ!... Садъ—это наша любовь. Погляди на садъ, умоляю тебя на колѣняхъ.

Но Сержъ весь дрожалъ. Онъ припоминалъ. Прошрое воскресало въ его памяти. Вдали онъ явственно слышалъ жизнь селенія. Тамъ были крестьяне, женщины, дѣти, мэръ Бамбустъ, возвращавшійся съ своего поля въ Оливеттѣ, рассчитывая, какъ-то будетъ сборъ винограда; тамъ были Брошѣ: мужъ ея передвигалъ ноги, жена жаловалась на свою бѣдность, тамъ Розалія за угломъ цѣловала верзилу Фортюнэ. Онъ узнавалъ также обоихъ пострѣлять на кладбищѣ, негодяя Венсана и безстыдницу Катерину, караулившихъ крупную саранчу среди могилъ; и съ ними даже былъ Воріо, черная собака, помогавшая имъ ловить саранчу, совавшая свой носъ въ сухую траву. Подъ черепицами церкви воробьи дрались, прежде чѣмъ расположиться на ночлегъ. Самые смѣлые спускались, входили черезъ разбитыя стекла въ церковь, и слѣдя за ними глазами, онъ припоминалъ шумъ, который они поднимали возлѣ каеэдры, на ступенькахъ эстрады, гдѣ для нихъ всегда бросались крошки хлѣба. А на порогѣ приходскаго дома, Тѣза, въ платьѣ изъ голубой бумажной матеріи, точно еще потолстѣла. Она поворачивала голову, улыбаясь Дезирэ, возвращавшейся со скотнаго двора съ хохотомъ, въ сопровожденіи цѣлаго стада. Затѣмъ обѣ исчезли. Тутъ Сержъ, вѣвъ себя, протянулъ къ нимъ руки.

— Поздно!—пробормотала Альбина, падая между вѣтвей ежевики.—Ты никогда больше не полюбишь меня.

Она рыдала. Онъ же жадно прислушивался, стараясь уловить малѣйшіе звуки вдали, дожидаясь, чтобы знакомый голосъ окончательно разбудилъ его. И вотъ, волоколъ медленно покач-

улся, и медленно въ сонномъ вечернемъ воздухѣ три удара *Angelus* долетѣли до Парадѹ.

— Боже мой!—закричалъ Сержѣ, падая на колѣни. Онѣ рас-
остерся по землѣ и чувствовалъ, какъ эти три удара прошли
него по затылку и откликнулись въ самомъ сердцѣ. Колоколь
звонилъ громче. Онѣ звонилъ безжалостно въ теченіи нѣсколь-
ихъ минутъ, показавшихся Сержу цѣлымъ вѣкомъ. Колоколь
скрепалъ всю его прошлую жизнь: набожное дѣтство, радости
минарив, первыя обѣды въ обожженной долині Арто, гдѣ онѣ
ечталъ о праведномъ уединеніи. Колоколь всегда съ нимъ бе-
додовалъ такимъ образомъ. Сержѣ узнавалъ малѣйшіе оттѣнки
ого голоса церкви, непрерывно раздававшася въ его ухахъ,
добно голосу серьезной и кроткой матери. Отчего же онѣ пе-
сталъ его слышать? Никогда бы онѣ не забылъ прошла-
, еслибы колокола не перестали звонить. Онѣ наклонился
це ниже, и борода его, задѣвъ по рукамъ, испугала его.
нѣ не зналъ, что у него выросли эти длинные волосы, при-
вавшія ему физическую красоту. Онѣ сталъ рвать свою бо-
ду, хватился обѣими руками за голову, ища тонзуры, но во-
сы очень отросли, и тонзура исчезла подъ густыми кудрями
а и затылка.

— Ахъ! ты была права,—проговорилъ онѣ Альбинѣ, бросая
ее взглядъ отчаянія. — Мы преступники, мы заслуживаемъ
рашной кары... А я-то успокоивалъ тебя, я не слыхалъ угрозъ,
летавшихъ до тебя сквозь вѣтви.

Альбина попыталась обнять его, шепча:

— Встань, обѣжимъ вмѣстѣ... Быть можетъ, мы еще можемъ
жить другъ друга.

— Нѣтъ! всѣ силы меня покинули; я упаду, если спотынусь
малѣйшій камешекъ... Слушай. Я ужасаюсь самого себя. Я не
аю, какой человекъ живетъ во мнѣ. Я себя убилъ, и руки мои
агрены собственной кровью. Если бы ты увела меня,—ты ни-
го не увидѣла бы отъ меня, кромѣ слезъ.

Она поцѣловала его плачущіе глаза, и возразила съ увлече-
емъ:

— Нужды нѣтъ! Любишь ли ты меня?

Онѣ, въ ужасѣ, не счумѣлъ ничего отвѣтить. Тяжелые шаги
здались за стѣной, разметывая каменья. То надвигалась какъ
кто гроза. Альбина не ошиблась; кто-то былъ тутъ, нарушая
ръ густыхъ чащъ своимъ ревнивымъ дыханіемъ. И вотъ, оба
хотѣли спрятаться... Но братъ Арканжіа, стоявшій у бреши,
ке увидѣлъ его.

Монахъ простоялъ съ минуту, сжавъ кулаки и не говоря ни слова. Онъ глядѣлъ на нихъ, глядѣлъ на Альбину, охватившую руками шею Сержа, съ отвращеніемъ человѣка, попавшаго въ грязь.

— Я догадывался, -- пробормоталъ онъ сквозь зубы. — Я зналъ, что его тутъ спрятали.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и закричалъ:

— Я васъ вижу... Это отвратительно! Развѣ вы звѣрь, чтобы бѣгать по лѣсу... Скажите, она далеко завела васъ! Она васъ втащила въ грязь, и вотъ, вы поросли щетиной, точно козель... Сломайте-ка сукъ и отколотите ей бока!

Альбина страстнымъ шопотомъ повторяла:

— Любишь ли ты меня? Любишь ли ты меня?

Сержъ, поникнувъ головой, молчалъ, но не отталкивалъ ее.

— Къ счастью, я васъ нашелъ, — продолжалъ братъ Аркажія. — Я открылъ это отверстіе... Вы преступили... и не будете знать ни минуты покоя. Покайтесь, если хотите облегчить свои терзанія... Развѣ вы не видите, что въ ея волосахъ вьется хвостъ змѣи? Бросьте ее, не притрогивайтесь больше къ ней, потому что въ ней начало ада... Во имя Бога, удалитесь изъ этого сада!

— Любишь ли ты меня? Любишь ли ты меня? — повторяла Альбина.

Но Сержъ отскочилъ отъ нея, точно его въ самомъ дѣлѣ жгли ея руки...

— Во имя Бога! во имя Бога! — кричалъ монахъ громовымъ голосомъ.

Сержъ неудержимо направился къ бреши. Когда братъ Аркажія грубымъ движеніемъ вытащилъ его изъ Парадѹ, Альбина, лежавшая на землѣ, безумно протягивая руки къ своей любви, которая удалялась, поднялась, рыдая. Она убѣжала и исчезла между деревьями; распущенные волосы ея били по ихъ стволамъ. И садъ, весь почернѣвшій, преслѣдовалъ Сержа гнѣвнымъ ропотомъ, проклятіемъ цвѣтовъ, травъ, деревъ, утесовъ, водъ, оплывавшихъ поруганіе жизни.

А. Э.

НАШЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

0

РАСКОЛЬНИЧЬИХЪ БРАКАХЪ

Историческій очеркъ.

Въ настоящее время, когда уже рѣшенъ давнишній вопросъ о допущеніи юридическаго брака у раскольниковъ, непризнающихъ гаянства брака, исторія этого вопроса, хотя бы и частная, представляетъ особенный интересъ. Будучи знакомы съ расколомъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, мы ограничимся одною этою мѣстностью ¹⁾.

Первые раскольники, по официальнымъ свѣдѣніямъ, показались въ Лифляндіи послѣ изданія императрицею Екатериною въ 1762 году, 14-го декабря 1762 и августа 1763 г., милостивыхъ манифестовъ, разрѣшавшихъ бѣжавшимъ за границу раскольникамъ возвращеніе на родину и сохраненіе ихъ обрядовъ. По мнѣнію же протоіерея Андрея Іоаннова, лифляндскіе, курляндскіе и польскіе раскольники ведутъ свое начало отъ древнихъ стригольниковъ, укрывавшихся отъ преслѣдованія за границу тогдашней Россіи. Несомнѣнно то, что въ XVIII-мъ вѣкѣ, за нарвскимъ рубежомъ, жило множество раскольниковъ, связанныхъ съ поморскою безпоповщиною. Въ послѣднихъ годахъ того же вѣка, вслѣдствіе разнесшагося слуха, что нѣкоторые изъ раскольниковъ начинаютъ склоняться къ воссоединенію съ церковью, новгородскіе раскольники, съ согласія московскаго общества, отправили за Нарву, для увѣщанія колебавшихся, своего учителя,

---

1) Прибалтійскіе раскольники—оедосѣвцы-безпоповцы.

новгородца крестецкаго яма, Θεодосія Васильева, который удержалъ прежнихъ отступниковъ отъ соединенія съ церковью. Вскорѣ послѣ этого самъ Θεодосій, недовольный уступчивостію поморянъ, отделился отъ нихъ и образовалъ особое согласіе, самое строгое изъ всѣхъ безпоповщинскихъ сектъ, и, по всей вѣроятности, въ то же время увлекъ за собою и лифляндскихъ раскольниковъ, которые и прозвались его именемъ.

Въ грамотахъ, нисанныхъ новгородскими раскольниками при отправленіи Θεодосія, одинаково осуждаются блудное сожитіе и бракъ; вѣнчающихся велѣно приводить къ покаянію и обязывать ихъ, подѣ страхомъ отлученія, жить дѣвственно. Между тѣмъ зарубежные раскольники утверждали, что жениться людямъ нѣтъ грѣха и за то осуждало ихъ новгородское общество.

Въ 1760 году построена въ Ригѣ первая, такъ-называемая большая моленная въ московскомъ форштадтѣ; гражданскій губернаторъ Дюгамель въ 1822 году выдалъ находившимся при ней *ини- ставникамъ* три книги для записыванія крещенныхъ, умершихъ и обвѣнчанныхъ. Послѣдняя книга не употреблялась и брачныхъ свидѣтельствъ наставники не выдавали. Слѣдовательно, въ то время и въ рижскихъ моленныхъ брачныхъ обрядовъ не совершали.

Въ 1827 году маркизъ Паулуччи, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ о неустройствѣ и злоупотребленіяхъ рижскаго раскольниковскаго общества, поручилъ особой комиссіи изслѣдовать ихъ и представить проектъ улучшеній. Предсѣдатель этой комиссіи, вице-губернаторъ Кубе, донесъ, между прочимъ, что такъ какъ раскольники не признаютъ браковъ и не связываютъ себя супружескими обязанностями, то развратъ ихъ доходитъ до крайности, а число женъ и незаконнорожденныхъ дѣтей, брошенныхъ безъ призрѣнія, съ каждымъ годомъ увеличивается къ отягощенію общества. Для прекращенія таковыхъ безпорядковъ, онъ предполагалъ, между прочимъ, строжайше запретить многоженство, предписать заключаемые брачные союзы, а также имена рождающихся дѣтей вносить въ книгу, которую обязаны попечители вести при моленной; наконецъ, незаконнорожденныхъ дѣтей раскольниковъ крестить священниками православной церкви. Послѣднее предположеніе не было одобрено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, но оно, какъ видно, дошло до раскольниковъ и подѣйствовало на нихъ; ибо въ томъ же году они подали мѣстному начальству просьбу, въ коей изъясняли, что для прекращенія на будущее время незаконнаго сожитія общество старобрядцевъ, согласно съ волею начальства и узаконеніями, рѣшилось завести у себя бракосочетаніе по обряду, согласному съ вѣрою, и потому просили дозволенія на то, чтобы бракосочетаніе было совер-

шаемо по обряду ихъ общества, подъ наблюдениемъ 4-хъ особъ, на это избранныхъ попечителей, и чтобы было предписано всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, чтобы таковыя бракосочетанія вездѣ были признаваемы законными, отчего не только прекратится незаконное сожитіе, но и приобрѣтется для моленныхъ значительный доходъ и т. д. Въ такихъ выраженіяхъ просьба раскольниковъ была сообщена генераль-губернаторомъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго воспослѣдовалъ рѣшительный отказъ, съ добавленіемъ, что „для старообрядцевъ постановлены правила въ высочайше утвержденномъ 27-го октября 1800 г. мнѣніи митрополита Платона, на основаніи коего, они могутъ воспользоваться единственно возможнымъ снисхожденіемъ“. Замѣчательно, что въ этой перепискѣ какъ мѣстное начальство, такъ и министерство смѣшивало рижскихъ раскольниковъ-безпоповцевъ съ старообрядцами. Впрочемъ, раскольники не потеряли надежды. Въ просьбѣ, поданной барону Палену въ декабрѣ 1832 года и подписанной отъ имени ееодосіевскаго общества шестью первостатейными гражданами, они изъяснили, что изъ книгъ, выданныхъ имъ въ 1822 году, третья для бракосочетавшихся понынѣ находится безъ употребленія и, къ общему сожалѣнію общества ихъ, происходили и происходятъ по супружескимъ сожитіямъ разныя неудовольствія. А такъ какъ къ отвращенію такихъ существующихъ дарованныхъ старообрядческимъ обществамъ высочайшими указами права составлять браки по ихъ обрядамъ, внѣ церкви и въ домахъ,—что и производится уже въ Москвѣ и С.-Петербургѣ и въ прочихъ губерніяхъ съ давнихъ лѣтъ, по силѣ указовъ 1718 года марта 17-го дня, статьи 17, и 1819 г. марта 26-го дня, чтобы супружескіе союзы всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій сохранять въ ихъ твердости и не разлучать, и указа 1827 года, опубликованнаго 1829 года января 4-го дня, въ коемъ содержится только подтвержденіе прежняго общаго права,—то по сему просили исходатайствовать рижскому старообрядческому обществу дозволеніе на избраніе изъ среды онаго на каждое трехлѣтіе трехъ старшинъ, которые бы опредѣляли степени родства, наблюдали за благоустройствомъ сочетавшихся по благословенію родителей старообрядцевъ, и вносили бы имена сочетавшихся въ выданную на то отъ начальства, въ 1822 году, для браковъ метрическую книгу, съ утвержденіемъ браковъ подписью родителей вступающихъ въ бракъ и постороннихъ свидѣтелей. Для бѣльшей же твердости, какъ и въ супружескомъ житіи, такъ равно и въ обезпеченіи дѣтей и потомства по правамъ наслѣдства, предоставить этимъ старшинамъ право выдавать за своею печатью изъ метрической книги свидѣтельства, кои и представлять мѣстному начальству для скрѣпленія по законамъ.

Препровождая это прошеніе къ министру внутреннихъ дѣлъ, баронъ Паленъ изъяснялъ, что къ удовлетворенію его *не можетъ быть препятствій*, потому, во 1-хъ, что избраніе старшинъ для утвержденія браковъ и наблюденіе за сохраненіемъ ихъ сочетавающимися принесетъ болѣе пользы обществу сихъ послѣднихъ, а во 2-хъ, что заведеніе метрической книги о бракахъ, съ соблюденіемъ установленнаго по этому предмету порядка, равно и выдача свидѣтельствъ, съ законнымъ удостовѣреніемъ мѣстнаго начальства, отвратитъ навсегда безпорядки и несогласія между вступившими въ бракъ, обезпечитъ происходящее отъ сихъ браковъ потомство, улучшить гражданское состояніе самого общества. Изложенная просьба раскольниковъ, несмотря на ходатайство барона Палена, оставлена министерствомъ внутреннихъ дѣлъ безъ послѣдствій, въ виду того, что высочайшимъ повелѣніемъ 4-го февраля 1834 года положено шнуровыхъ метрическихъ книгъ раскольникамъ не выдавать, а для записки рождающихся и умирающихъ раскольниковъ вести особую книгу въ мѣстной полиціи.

Между тѣмъ, вскорѣ разнесся слухъ, что наставникъ, находившійся при динабургской часовнѣ, совершалъ браки, записывалъ ихъ въ книги и выдавалъ брачныя свидѣтельства, которыя скрѣплялись мѣстною полиціею, по приказанію губернскаго правленія. Въ 1834 г. такое свидѣтельство предъявлено было рижской полиціи рижскимъ купцомъ Побѣгаевымъ, въ удостовѣреніе законности его супружества съ тамошнею же раскольницею. Гражданскій губернаторъ донесъ о томъ генералъ-губернатору, который предписалъ ему, на основаніи указа правительствующаго сената 4-го января 1829 года, считать раскольническіе браки и свидѣтельства недѣйствительными, и въ то же время отнестися къ витебскому, могилевскому и смоленскому генералъ-губернатору, прося его запретить впредь наставнику динабургскій часовни вѣнчать рижскихъ раскольниковъ и выдавать имъ свидѣтельства.

Эти свидѣтельства выдавались имъ по слѣдующей формѣ:

Свидѣтельство.

„Дано сіе изъ динабургской старообрядческой часовни (имя мужа) въ томъ, что онъ съ благословенія обѣихъ сторонъ родителей, при нижеподписавшихся свидѣтеляхъ, съ (имя жены), по силѣ церковныхъ правилъ и по указу Его Императорскаго Величества изъ правительствующаго сената, отъ 4-го января 1829 года, въ динабургской старообрядческой часовнѣ принялъ законное супружество, и по указу Его Императорскаго Величества, послѣдовавшему изъ витебскаго губернскаго правленія въ 1829 году, марта 16-го дня, въ

№ 14118, въ брачную книгу, данную отъ динабургской городской полиціи за шнуромъ и печатью оной подъ № ... записанъ; въ чемъ, за подписаніемъ наставника и свидѣтелей, таковое ему выдается. Г. Динабургъ, (число и годъ).

„Подпись наставника

„Подпись свидѣтелей

„Скрѣпа полиціи

„Года ... числа ..., что сіе свидѣтельство нижепоименованными свидѣтелями собственными руками подписано, въ томъ динабургская городская полиція, за подписаніемъ, съ приложеніемъ казенной печати, свидѣтельствуетъ. Г. Динабургъ.

„Подпись городничаго:

письмоводителя:“

Указъ сената, 29-го января 1829 г., на который ссылались въ одно время: наставникъ для оправданія своихъ дѣйствій, и генералъ-губернаторъ для прекращенія ихъ,—былъ главнымъ источникомъ всѣхъ недоразумѣній и противорѣчій въ мѣрахъ относительно раскольниковъ. Смыслъ его не можетъ быть понятъ безъ яснаго уразумѣнія предшествовавшаго указа 1827 г., іюля 19-го. Въ этомъ послѣднемъ изложено: „Правительствующій Сенатъ слушали: во 1-хъ, предложеніе министра юстиціи, при которомъ приложено, въ спискѣ, высочайшее повелѣніе, объявленное предсѣдателемъ государственнаго совѣта, по разсмотрѣнномъ въ ономъ дѣлу и рапорту войсковой канцеляріи войска донскаго, о казакахъ и дочеряхъ ихъ, сужденныхъ за вступленіе въ бракъ по раскольниковскому обряду и по возникшему вслѣдствіе того вопросу: духовному или гражданскому вѣдомству надлежитъ разсматривать и судить дѣла о сихъ людяхъ? А въ ономъ спискѣ написано: по вопросу, въ государственномъ совѣтѣ разсмотрѣнному: духовному или гражданскому вѣдомству надлежитъ разсматривать и судить дѣла о людяхъ, вступившихъ въ бракъ по раскольниковскому обряду, Его Императорское Величество, усматривая, что указомъ святѣйшаго синода, 14-го августа 1808 года, преосвященному воронежскому и черкасскому данномъ, дѣла такого рода постановлено разсматривать и судить гражданскимъ, а не духовнымъ правительствомъ, высочайше повелѣтъ соизволилъ, чтобъ означенный указъ распубликованъ былъ для единообразнаго и повсемѣстнаго исполненія, какъ чрезъ правительствующій сенатъ, такъ и посредствомъ святѣйшаго синода, и, во 2-хъ,—истребованную оберъ-прокуроромъ 1-го департамента правительствующаго сената отъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода копію съ указа святѣйшаго синода, посланнаго преосвященному воронежскому и черкасскому, отъ

14-го августа 1808 года, въ которомъ изложено, что святѣйшій правительствующій синодъ, по донесенію преосвященнаго воронежскаго послѣдовавшему по пяти дѣламъ о бракахъ разныхъ станицъ казачьихъ дѣтей, повѣнчанныхъ старообрядческими попами въ простыхъ домахъ и часовняхъ, опредѣлилъ: поелику вышеизъясненные браки вѣнчаны внѣ церкви, въ домахъ и часовняхъ, и неизвѣстными бродягами въ противность правилъ, изображенныхъ въ кормчей книгѣ, св. апостоловъ 33 пр., помѣстныхъ соборовъ, иже въ Гангрѣ 6 пр., иже въ Лаодикии 32 пр. и о тайнѣ супружества 50 главы и опредѣленія святѣйшаго синода 1722 года, февраля 28 д., 8 пункта и указа онаго 1769 года, августа 18-го числа, то и не могутъ они признаны быть за браки законныя, а за сопряженіе любодѣйное. А какъ таковыя преступленія, по силѣ высочайшей резолюціи на докладныхъ святѣйшаго синода пунктахъ 1722 года, апрѣля 12-го дня состоявшейся, подъявъ суду гражданскому, то предположеніе преосвященнаго воронежскаго, дабы подобныя дѣла отнынѣ, безъ отношенія уже въ духовное правительство, предоставляемы были непосредственному изслѣдованію, сужденію и рѣшенію войсковой канцеляріи, святѣйшій синодъ находить правильнымъ и основательнымъ.

„Разсмотрѣвъ изложенное, правительствующій сенатъ, во исполненіе высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, о изъясненіи онаго, и указа святѣйшаго правительствующаго синода, отъ 14-го августа 1808 года, посланнаго преосвященному воронежскому и черкасскому, опредѣлилъ: для должнаго и непремѣннаго по онымъ, въ потребныхъ случаяхъ, исполненія и свѣдѣнія во всѣ губернскія правленія, уголовныя палаты и равныя имъ мѣста привилегированныхъ губерній и войсковыя канцеляріи войскъ: донскаго, черноморскаго и сибирскаго линейнаго казачьяго, послать указы, каковыми увѣдомить гг. министровъ, военныхъ генералъ-губернаторовъ, управляющихъ и гражданскою частью генералъ-губернаторовъ, градоначальниковъ и присутственныхъ мѣстъ; а во всѣ департаменты правительствующаго сената и святѣйшій правительствующій синодъ сообщить вѣдѣнія“.

Въ этомъ указѣ, кромѣ разрѣшеній на частныя случаи, содержатся два общихъ положенія: 1-е, о томъ, что браки раскольниковъ не должны быть признаваемы за браки законныя; 2-е, о томъ, что браки эти подлежатъ вѣдомству гражданскому.

Указъ 1829 г., января 4-го, содержитъ публикацію Высочайше утвержденного мнѣнія государственнаго совѣта, съ поясненіемъ:

1) что указъ святѣйшаго синода, опубликованный въ 1827 году, не простирается на раскольниковскіе браки вообще; но онъ отно-

тся къ тѣмъ только бракамъ, которые именно въ томъ самомъ извѣстѣ означены.

2) что въ высочайшемъ повелѣніи, объявленномъ въ указѣ правительствующаго сената 1827 г., содержится только подтвержденіе прежняго общаго правила о томъ, что дѣла по раскольниковымъ бракамъ признаются, такъ какъ и всегда были признаваемы, подлежащими вѣдомству не духовнаго, но гражданскаго начальства.

Неточность выражений, употребленныхъ въ этомъ указѣ, подавала поводъ къ сомнѣнію: что разумѣть подъ браками, означенными въ указѣ 1827 г.: тѣ ли только частные случаи, по поводу которыхъ данъ указъ, т. е. пяти браковъ, повѣнчанныхъ раскольниковыми женой въ простыхъ домахъ и часовняхъ, или всѣ вообще браки, входящіе подъ категорію браковъ, заключенныхъ внѣ церкви, въ домахъ и часовняхъ, неизвѣстными бродягами? Последняго толкованія держалось православное духовенство; но раскольники имѣли недолго толковать этотъ указъ въ первомъ смыслѣ.

Въ 1835 году, 12-го декабря, министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ лифляндскому гражданскому губернатору, присланное правительствующимъ сенатомъ на разсмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, представленіе лифляндскаго губернскаго правленія о томъ, къ поступить съ одною женщиною, желавшею приписаться съ дѣтьми къ гор. Ригѣ, въ которомъ покойный мужъ ея былъ мѣщаниномъ.

„Лифляндское губернское правленіе, какъ видно изъ представленія, затрудняется въ припискѣ этой женщины съ дѣтьми къ городу Ригѣ, потому что она была вѣнчана по обряду старообрядческому, а по новымъ браки, совершенные внѣ церкви, на основаніи указа святѣйшаго синода 1808 года, распубликованнаго въ указѣ сената 19-го іюня 1827 года, не признаются за законные, а за сопряженіе любодѣйное.

„Усматривая изъ этого, что лифляндское губернское правленіе, при представленіи правительствующему сенату для разрѣшенія поановленнаго вопроса, не имѣло въ виду высочайше утвержденнаго 12-го декабря 1828 года мнѣнія государственнаго совѣта, распубликованнаго въ указѣ правительствующаго сената отъ 4-го января 1829 г., коимъ пояснено: 1) что указъ святѣйшаго синода 1808 г., распубликованный въ 1827 г., о непризнаніи раскольниковыхъ браковъ за законные, не простирается на раскольниковыя браки вообще, а онъ относится къ тѣмъ только бракамъ, кои именно въ томъ самомъ указѣ означены, и 2) что въ высочайшемъ повелѣніи, объявленномъ въ указѣ правительствующаго сената 1827 года, содержится только подтвержденіе прежняго общаго правила о томъ, что дѣла по раскольниковымъ бракамъ признаются, такъ какъ и всегда были

признаваемы, подлежащими вѣдомству не духовнаго, но гражданскаго начальства, — министр внутренних дѣлъ изъяснилъ лифляндскому губернатору, что за таковыми узаконеніемъ бракъ той женщины съ рижскимъ мѣщаниномъ, такъ какъ и всѣ вообще браки раскольниковъ, совершенные по раскольниковому обряду, *не подлежатъ никакому разсмотрѣнію*, на основаніи высочайше утвержденныхъ 9-го января и 13-го февраля 1826 года, положеній комитета министровъ, объявленныхъ начальникамъ губерній отъ 29-го января 1829 года.

„По силѣ изложенныхъ узаконеній, женщина эта со всѣми дѣти ея, прижитыми въ бракѣ, совершенномъ по раскольниковому обряду, *имѣетъ полное право* быть приписанною по настоящей ревизіи къ городу Ригѣ, если только мужъ ея былъ дѣйствительно рижскимъ мѣщаниномъ“.

Итакъ, по мнѣнію министра внутренних дѣлъ, браки раскольниковъ не подлежатъ никакому разсмотрѣнію, не должны быть признаваемы незаконными, и гражданскія права, основанныя на семейныхъ связяхъ, одинаково распространяются на раскольниковъ и православныхъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что указъ сената 1829 г. даже не внесенъ въ Сводъ Законовъ, потому, вѣроятно, что полагалъ генералъ-губернаторъ, что этимъ указомъ подтверждалось только таковыя же указы отъ 19-го іюня и 10-го декабря 1828 г. объясненные въ Сводѣ Законовъ, томѣ X, въ статьяхъ 26 и 211 (1837 г.).

Отношеніе барона Палена къ витебскому генералъ-губернатору о воспрещеніи наставнику динабургской часовни вѣнчать рижскихъ раскольниковъ и выдавать имъ свидѣтельства, осталось безъ отговорокъ и послѣдствій, а поѣздки рижскихъ раскольниковъ въ Динабургъ продолжались по прежнему. Тогда епархіальная власть обратила на нихъ особенное вниманіе и просила генералъ-губернатора предать ихъ полиціи, чтобы она доносила *о каждой поѣздкѣ раскольниковъ въ Динабургъ*. Вслѣдствіе этого рижскій полиціймейстеръ отвѣчалъ, что дѣйствительно раскольники ѣздятъ вѣнчаться въ Динабургъ, и законнымъ паспортамъ, выдаваемымъ имъ изъ магистрата, что въ этомъ прибѣгаютъ только нѣкоторые изъ богатѣйшихъ раскольниковъ, по причинѣ значительныхъ надержекъ, сопряженныхъ съ такими поѣздками; наконецъ, что полиція имѣетъ за ними постоянное и строгое наблюденіе, но что ей воспрещено высочайше утвержденнымъ 9-го января 1826 г. положеніемъ комитета министровъ входить въ разбирательство ихъ браковъ, и потому она не можетъ о каждомъ такомъ случаѣ доносить начальству, такъ какъ безъ произведенія слѣдствія нельзя получить въ томъ удостовѣренія.

Между тѣмъ епархіальное начальство уведомило генералъ-губернатора, что поѣздки раскольниковъ въ Динабургъ для вѣнчаній

публичная оказательства изъ ученія и богослуженія, воспрещенныя закономъ; что если запрещается раскольниковымъ наставникамъ перѣѣзжать съ мѣста на мѣсто, то тѣмъ менѣе могутъ быть дозволены имъ раскольниковымъ обществамъ таковыя движенія для совершенія своихъ обрядовъ и требъ, и потому настаивало на запрещеніи раскольниковымъ ѣздить въ другія губерніи для совершенія религіозныхъ обрядовъ, а равно и изъ другихъ губерній пріѣзжать въ Ригу такими же цѣлями.

На этотъ разъ настойчивость епархіальной власти возымѣла свое дѣйствіе. Полиція задержала и взяла подъ стражу мѣщанина мѣщанину, ѣхавшихъ вѣнчаться, причемъ было найдено свидѣтельство, данное рижскими раскольниками и подписанное ихъ наставкомъ въ томъ, что означенныя лица вступаютъ въ законное бракосочетаніе, оба старообрядцы, и не имѣютъ между собою никакого дѣла. Гражданскій губернаторъ нашелъ намѣреніе раскольниковъ *отмвозаконнымъ* и выданное имъ свидѣтельство призналъ *публичнымъ оказательствомъ* ихъ ереси, а потому, ссылаясь на законы, являющіе браки, совершенные раскольниками, незаконными, и на подписаніе генераль-губернатора о томъ, чтобы свидѣтельства, выдаваемыя наставниками, почитались недействительными, предлагалъ подвергнуть поступокъ задержанныхъ раскольниковъ и наставника военному изслѣдованію. По приказанію генераль-губернатора, поступокъ наставника и лицъ, подписавшихъ свидѣтельство, на этотъ разъ поставленъ на видъ, съ угрозою подвергнуть ихъ, за повтореніе того же, взысканію по всей строгости законовъ. Такимъ образомъ, излишнее усердіе привело гражданское начальство къ противѣдствію. Незадолго предъ этимъ оно признавало браки раскольниковъ *законными* и принимало за доказательства свидѣтельства наставниковъ, представляемыя въ присутственныхъ мѣстахъ; въ данномъ же случаѣ оно не только препятствуетъ выѣзду, но даже взымаетъ за намѣреніе вѣнчаться въ часовнѣ, за свидѣтельство вовсе предъявленное, а найденное при обыскѣ.

Въ Ригѣ одна крайность смѣнялась другою. Въ 1837 году, одинъ изъ рижскихъ раскольниковъ обратился къ генераль-губернатору съ прошеніемъ, въ коемъ изъяснилъ, что существующія узаконенія не прещаютъ имъ совершать браковъ по ихъ обрядамъ; между тѣмъ полиція беретъ подъ стражу тѣхъ изъ нихъ, которые изъявляютъ желаніе ѣхать въ Динабургъ или въ другое какое мѣсто, а потому просилъ генераль-губернатора разрѣшить и приказать наставнику вѣнчать сына просителя въ Ригѣ, въ моленной. Это прошеніе повело начальство въ затруднительное положеніе. Отказать оно не было права, а позволить—значило какъ-бы идти на переکورъ духовнаго начальству. Губернаторъ приказалъ объявить просителю, что

„со стороны мѣстнаго начальства не предвидится препятствія на обвѣнчаніе въ рижской моленной по раскольниковъ обряду сына ея просителя, съ расколицею“. Разрѣшеніе это расколицики принялъ съ восторгомъ. Черезъ нѣсколько дней епархіальное начальство съ прискорбіемъ писало генераль-губернатору, что въ рижской расколицеской моленной допущено новое публичное оказательство расколицы, что 31-го октября того 1837 года совершено въ ней первое расколицическое бракосочетаніе, при безчисленномъ стеченіи расколицическаго народа, который былъ въ неизобразимомъ восторгѣ отъ сего нововведенія, „къ соблазну и сожалѣнію православныхъ“. На это генераль-губернаторъ отвѣчалъ, что „положеніе о расколицикахъ, высочайше утвержденное и распубликованное отъ 25-го января 1829 года министромъ внутреннихъ дѣлъ, не воспрещаетъ расколицикамъ совершать крещеній, браковъ и погребеній по своимъ обрядамъ, а начальству предписываетъ не входить ни въ какія изслѣдованія о таковыхъ старообрядцахъ и только наблюдать, дабы они *никого вновь не сообращали*; что прежде расколицики не совершали браковъ въ Ригѣ, изъидили за тѣмъ въ Динабургъ, потому что въ тамошней часовнѣ выдавались имъ свидѣтельства о законности ихъ браковъ; что поѣздки въ Динабургъ прекращены собственно по требованію епархіальной власти и, наконецъ, что при совершеніи брака въ рижской часовнѣ, со стороны православныхъ никакого сожалѣнія изъявлено не было“. Любопытно при этомъ показаніе одного расколицика о совершеніи браковъ въ Ригѣ до означеннаго разрѣшенія генераль-губернатора. По его словамъ, въ Ригѣ издавна старообрядцы были сочетаваемы бракомъ во всѣхъ приходскихъ церквахъ города Риги безпрепятственно. Совершавшіе браки священники не только не требовали отъ сочетавающихся старообрядцевъ обязательныхъ подписокъ въ присоединеніи ихъ и дѣтей ихъ, имѣющихъ произойти отъ таковыхъ супружествъ, къ православной церкви, но и увѣряли, что какъ сочетавающіеся, такъ и дѣти ихъ могутъ спокойно и безпрепятственно оставаться въ старообрядчествѣ при своихъ родителяхъ; а потому старообрядцы изъ лучшаго класса, не желая безъ брака совокупляться, изъ опасенія, дабы дѣти ихъ не были сочтены вполсѣдствіи времени незаконными ихъ наслѣдниками, сочетавались бракомъ въ приходскихъ церквахъ на сихъ положеніяхъ, въ чемъ каждый сочетавшійся старообрядецъ можетъ завѣрить своимъ объясненіями. Браки эти, несмотря на значительныя издержки, совершались въ рижскихъ приходскихъ церквахъ, до тѣхъ поръ, пока не воспослѣдовало воспрещеніе вѣнчать бракомъ тѣхъ старообрядцевъ, которые не дадутъ обязательныхъ подписокъ о присоединеніи дѣтей своихъ къ православію и сами не присоединятся. Послѣ этого старообрядцы должны были прибѣгнуть къ священникамъ полковыхъ церквей, которые, вѣроятно,

имѣли такого предписанія, ибо совершали браки на вышеозначенномъ основаніи, не требуя обязательныхъ подписокъ и завѣряя ихъ, то они и дѣти ихъ могутъ спокойно оставаться при своихъ мнѣяхъ. Впослѣдствіи браки начали совершаться по старообрядческимъ ірдамъ въ городѣ Динабургѣ, причемъ выдавались отъ наставка брачныя свидѣтельства, которыя удостовѣрялись полиціею.

Съ вопросомъ о значеніи браковъ, совершаемыхъ раскольниками, тѣсно связанъ вопросъ о томъ, какъ поступать съ прижитыми отъ ихъ дѣтьми? Признавать ли ихъ всѣхъ безъ исключенія незаконно-рожденными и, какъ таковыхъ, *крестить въ православную вѣру*, или пустить между ними различіе, и по какимъ признакамъ отличать законныхъ дѣтей отъ блудно-прижитыхъ, когда у раскольниковъ нѣтъ все законнаго супружества, когда ни церковь православная, ни ни раскольники не дѣлаютъ различія между четою вѣнчанною въ членной и нигдѣ не вѣнчанною?

Вопросы эти не разъ возникали, но до послѣдняго времени не лучали на практикѣ твердаго разрѣшенія, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ.

Въ февралѣ 1837 года, баронъ Паленъ, по поводу дѣла о *при-
жденіи* одной раскольницы *окрестить* рожденнаго ею внѣ брака на въ православную вѣру, входилъ съ представленіемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ о томъ, какъ согласить терпимость, оказываемую раскольникамъ, съ закономъ относительно незаконнорожденныхъ дѣтей. Министръ внутреннихъ дѣлъ въ отвѣтъ своемъ объяснилъ, что такъ какъ, на основаніи высочайше утвержденныхъ 9-го января и 13-го февраля 1826 г. положеній комитета министровъ и з. Зак. т. XIV ст. 46, раскольники, издавна находящіеся въ сектѣ, *преслѣдуются за мнѣнія ихъ о вѣрѣ и могутъ спокойно исполнять принятыя ими обряды*, и такъ какъ мѣстное начальство по этому поному не должно входить ни въ какое изслѣдованіе, ни о бракахъ, совершаемыхъ ими по своему обряду, ни о дѣтяхъ, рождающихся въ таковыхъ бракахъ; то, если раскольница прижила своего сына въ брака, совершеннаго по обряду содержимой ею секты, само собою разумѣется, что не слѣдуетъ принуждать ее къ окрещенію его въ православной церкви; но если онъ прижитъ ею съ такимъ чело-вѣкомъ, который не былъ ея мужемъ, въ такомъ случаѣ надлежитъ считать сказаннаго сына ея незаконнорожденнымъ и руководствоваться касательно окрещенія его въ православную вѣру общими правилами, а сей предметъ постановленными. Такое же точно разрѣшеніе дано министромъ въ 1838 году по другому дѣлу, подобному настоящему.

Вслѣдствіе такого отвѣта министра внутреннихъ дѣлъ, надъ раскольницею наложено слѣдствіе, въ присутствіи депутата съ духовной стороны, причемъ обнаружено, что она дѣвка, имѣетъ троихъ

дѣтей, изъ коихъ первыхъ двухъ прижила она съ однимъ любовникомъ, послѣдняго съ другимъ, не будучи вѣнчана ни по какому ряду, ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Рѣшеніе магистрата по этомъ дѣлу препровождено къ министру внутреннихъ дѣлъ, который сообщилъ гражданскому губернатору состоявшееся по оному положенію комитета гг. министровъ: двухъ старшихъ дѣтей присоединить по чиноположенію, къ греко-россійской церкви, а послѣдняго окрестить по обрядамъ православной вѣры, поручивъ губернскому началству сдѣлать распоряженіе *о зачисленіи ихъ въ военные кантонисты, а дочь въ вѣдомство приказа общественнаго призрѣнія.* Наставникъ, который окрестилъ по обрядамъ содержимой имъ секты сына раскольника, не удостовѣрясь, могъ ли этотъ ребенокъ быть крещенъ въ расколѣ, воспретить отправлять у раскольниковъ богослуженіе и совершать духовныя требы, удаливъ его изъ моленной. Вслѣдствіе того рѣшенія, дѣти раскольниковъ, несмотря на отчаянное сопротивленіе ея, были присоединены, по установленному чину, къ церкви и отданы на время подъ надежный присмотръ. Изъ другихъ дѣлъ, дѣтяхъ, прижитыхъ раскольниками, видно, что въ 1837 г. соблюдаемъ былъ слѣдующій порядокъ: 1) расколическіе наставники обязаны были подписками не крестить дѣтей тѣхъ раскольниковъ, коихъ имъ извѣстно, что они вѣнчаны въ православной церкви. 2) когда расколическая чета являлась къ частному приставу съ просьбою о дозволеніи крестить младенца въ моленной, то приставъ удостовѣрялся предварительно, что они въ православной церкви и обвѣнчаны и точно принадлежатъ къ расколу, по справкѣ въ квартальныхъ книгахъ, затѣмъ выдавалъ разрѣшеніе совершить обрядъ крещенія въ моленной въ присутствіи квартальнаго офицера. Но послѣдствіемъ оказалось, что раскольники не разъ утаивали вѣнчаніе въ православной церкви или принадлежность къ оной мужа или жены за что виновные предаваемы были суду. Для избѣжанія этого, присовокупили къ прежнимъ новую мѣру предосторожности, чтобы всякая чета представляла домовладѣльца поручителемъ въ томъ, что отецъ и мать младенца дѣйствительно раскольники и въ церкви и вѣнчаны. Неудобства этого порядка подробно и ясно исчислены раскольниками въ просьбѣ, поданной ими генералъ-губернатору въ томъ же 1837 году. Они писали, что порядокъ этотъ для нихъ крайне стѣснителенъ, ибо испрошеніе письменныхъ свидѣтельствъ отъ полицейскихъ чиновниковъ, большею частію занятыхъ другими дѣлами, сопряжено съ потерей времени и заставляетъ отлагать крещеніе больныхъ и слабыхъ младенцевъ, которые весьма часто умирали въ время хлопотъ и переговоровъ объ ихъ крещеніи. Еще затруднительнѣе отысканіе поручъ; ибо, кромѣ потери времени, слишкомъ чувствительной для бѣдныхъ работниковъ, оно требуетъ денежныхъ изде-

жекъ и обращено многими домовладѣльцами въ источникъ незаконныхъ доходовъ. По этимъ причинамъ раскольники просили отмѣнить, или, по крайней мѣрѣ, облегчить этотъ порядокъ, дозволивъ наставникамъ ихъ вести при моленной книги о вступающихъ въ бракъ, какъ это дѣлалось въ другихъ городахъ.

Препровождая эту просьбу къ министру внутреннихъ дѣлъ, генералъ-губернаторъ присовокуплялъ, что было бы желательно, чтобы для исправленія нравственности раскольниковъ въ отношеніи семейной ихъ жизни, совершаемые въ рижской моленной по раскольническому ихъ обряду брачныя ихъ сопряженія записывать въ особую книгу при полиціи, по примѣру того, какъ на основаніи высочайшей воли ведутся книги о рождающихся и умирающихъ, съ выдачею имъ копій. Отвѣта на эту просьбу не послѣдовало.

Съ своей стороны, рижскій полиціймейстеръ не только не отстаивалъ введеннаго порядка, но, повторяя отъ себя жалобы раскольниковъ, прибавлялъ еще, что полиціи трудно, даже въ отношеніи къ проживающимъ постоянно въ Ригѣ, удостовѣряться въ томъ, не были ли родители рождающихся младенцевъ задолго обвиняемы въ православной церкви, и рѣшительно нѣтъ никакихъ средствъ приводить это обстоятельство въ извѣстность, когда приходятъ въ Ригу крестить младенцевъ лица изъ другихъ городовъ и сосѣднихъ деревень. Последнее, т.-е. крещеніе иногородныхъ младенцевъ, вслѣдствіе переписки гражданскаго губернатора съ епархіальнымъ начальствомъ, было вовсе воспрещено.

Справедливость жалобъ раскольниковъ и представленій полиціймейстера доказана многими частными случаями, изъ коихъ особенно замѣчательнъ слѣдующій: 1837 года 23-го іюня, въ 8 часовъ утра, явился къ частному приставу 2-й форштадтской части, работающій на фабрикѣ, рижскій житель Трофимовъ и просилъ позволенія крестить прижитаго имъ съ тамошнею работницею сына, родившагося 17-го того же мѣсяца. Но такъ какъ Трофимовъ не представилъ никакого доказательства, то частный приставъ не далъ ему позволенія, а требовалъ, чтобы онъ принесъ ему удостовѣреніе отъ квартальнаго офицера и отъ наставника. Въ полдень Трофимовъ явился съ удостовѣреніемъ отъ квартальнаго, но не принесъ такового отъ наставника и не привелъ поруки, почему просьба его и не могла быть удовлетворена; наконецъ, уже въ 5 часовъ вечера доставилъ онъ какъ поруку, такъ и всѣ потребныя доказательства и получилъ надлежащее на крещеніе ребенка позволеніе. Между тѣмъ, младенецъ умеръ, и Трофимовъ пошелъ опять къ частному приставу, окруженный толпою женщинъ, изъ коихъ одна принесла на рукахъ тѣло ребенка и хотѣла бросить его частному приставу подъ ноги, укоряя его, что онъ былъ причиною гибели младенца. На вопли и крики

сбѣжалось множество народа, поднялся громкій ропотъ, и частію приставу стоило величайшихъ трудовъ убѣдить ихъ разойтись по домамъ.

Прописывая всѣ эти обстоятельства въ отношеніи къ министру внутреннихъ дѣлъ, генераль-губернаторъ испрашивалъ разрѣшенія на слѣдующіе вопросы: 1) должна ли полиція допускать безпрепятственно къ крещенію въ моленной дѣтей, приносимыхъ раскольниками изъ другихъ мѣстъ, не дѣлая напередъ изслѣдованія о вѣрѣ ихъ родителей, и особенно: какъ поступать ей въ такомъ случаѣ, когда приносимы будутъ слабые младенцы; 2) какимъ образомъ поступать съ тѣми изъ раскольниковъ, которые хотя вѣнчаны въ церквахъ, но утверждаютъ, что не давали подписокъ крестить дѣтей своихъ въ православную вѣру.

Въ 1838 году, министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ генераль-губернатору, что вслѣдствіе доклада государю императору о всѣхъ затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ духовнымъ начальствомъ въ Ригѣ относительно раскольниковъ, воспослѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы генераль-губернаторъ, удовлетворяя такимъ требованіямъ духовнаго начальства по дѣламъ о раскольникахъ, которыя согласуются съ существующими постановленіями, въ случаяхъ сомнительныхъ испрашивалъ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, и притомъ подтверждалъ генераль-губернатору наблюдать неослабно всѣ постановленія касательно раскольниковъ, преподанныя въ руководствѣ гражданскимъ начальствамъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнялся соблюденіемъ полиціею въ Ригѣ порядокъ относительно крещенія дѣтей раскольниковъ, какъ несообразный съ принятыми правилами; ибо участіе въ семъ случаѣ полицейскаго офицера даетъ поводъ раскольникамъ предполагать, что совершаемый ими обрядъ крещенія чрезъ ихъ наставника есть законный; предписывалось оставлять безъ вниманія отправленіе богослуженія раскольниками по ихъ обрядамъ, и дозволяя только публичнаго оказательства въ соблазнъ православному, и затѣмъ возложить на обязанность полиціи записывать въ обывательскія книги всѣхъ рождающихся и умирающихъ раскольниковъ въ Ригѣ на томъ основаніи, какъ ведутся списки о всѣхъ живущихъ и прибывающихъ въ домахъ, сообразно порядку, уже установленному въ Дерптѣ. Въ томъ же году, министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ генераль-губернатору другое высочайшее повелѣніе по тому же предмету, чтобы во всякомъ случаѣ *незаконнорожденные отъ раскольниковъ крестить въ православной вѣрѣ*, оставляя на ихъ кормленіе при матеряхъ, а дабы не дать укорениться въ сихъ дѣтяхъ раскольническимъ понятіямъ, то изъ нихъ мужескаго пола зачислять въ военные кантонисты, по достиженіи установленнаго для

того возраста, а женскаго пола пристроивать по распоряженію приказа общественнаго призрѣнія. Но изъ указанныхъ законоположеній все-таки не видно, какихъ дѣтей раскольниковъ надобно считать законными и какихъ незаконными. Затѣмъ, по поводу дѣла о младенцѣ, рожденномъ отъ раскольниковъ четы, обвинянной въ греко-уніятской церкви, министръ внутреннихъ дѣлъ писалъ къ генералъ-губернатору, что на основаніи существующихъ постановленій (Сводъ Зак. Т. XIV о прест. прот. вѣры ст. 46, и высочайше утвержденныя 9-го января 1826 г. положенія комитета министровъ), раскольники не преслѣдуются за мнѣнія ихъ о вѣрѣ и могутъ безпрепятственно совершать крещеніе младенцевъ, браки и погребенія умершихъ по своимъ обрядамъ, безъ всякаго, впрочемъ, публичнаго оказательства ученія и богослуженія ихъ секты. Руководствуясь сими постановленіями, губернскаго начальства хотя и не должны входить въ озысканія о совершенныхъ раскольниками обрядахъ, но однако гнѣвъ не должны давать имъ на совершеніе сихъ браковъ формальныя разрѣшенія, которыя послужили бы къ утвержденію раскольниковъ въ ложной мысли, будто правительство признаетъ ихъ отѣльнымъ обществомъ и содержащимъ ими секты—особыми вѣроисповѣданіями. По симъ соображеніямъ, министръ находилъ, что гражданскій губернаторъ, получивъ просьбы раскольниковъ, вѣнчанныхъ въ уніятскихъ церквахъ, о дозволеніи имъ крестить дѣтей своихъ въ расколъ, напрасно входилъ въ переписку о семъ съ епархіальнымъ начальствомъ и съ генералъ-губернаторомъ; ему надлежало въ то же время отклонить отъ себя эти просьбы, внушивъ раскольникамъ, что правительство, единственно изъ снисхожденія къ ихъ затрудненіямъ, терпитъ совершеніе ихъ обрядовъ, по правиламъ ихъ секты, но не можетъ входить ни въ какое разсмотрѣніе внутренняго управленія сихъ обрядовъ, а тѣмъ менѣе давать на совершеніе ихъ формальное разрѣшеніе.

Въ слѣдующемъ 1839 году, генералъ губернаторъ спрашивалъ министра внутреннихъ дѣлъ: какіе обряды требуются для дѣйствительности брачнаго союза раскольниковъ, такъ какъ большая часть раскольническихъ браковъ совершается безъ всякой особой церемоніи, а потому браки эти, въ существѣ своемъ, суть наложничества? Истинное начальство, не имѣя положительныхъ правилъ, на основаніи коихъ могло бы разрѣшать, въ какихъ случаяхъ надлежитъ крестить раскольническихъ дѣтей въ православную вѣру, и въ какихъ—обряду раскольниковъ, встрѣчаетъ немалое затрудненіе, тѣмъ болѣе, что, какъ изъяснено въ приведенномъ выше отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ, оно не должно входить ни въ какое разсмотрѣніе ни о бракахъ, совершаемыхъ по обряду раскольниковъ,

ни о дѣтяхъ, рождающихся отъ таковыхъ браковъ. Къ этому генераль-губернаторъ присовокуплялъ, что насильное окрещеніе раскольниковъ дѣтей въ православную вѣру произвело ожесточеніе и всеобщій раздоръ между ними. Для избѣжанія всего этого, онъ предлагалъ раздѣлить дѣтей раскольниковъ на четыре класса.

По мнѣнію генераль-губернатора, слѣдовало крестить въ православную вѣру младенцевъ только четвертаго класса, коихъ отцы или неизвѣстны, или не принадлежатъ къ расколу.

Въ отвѣтъ на это предложеніе, министръ внутреннихъ дѣлъ, по высочайшему повелѣнію 13-го мая 1839 г., сообщилъ генераль-губернатору: 1) что, на основаніи изданныхъ о раскольникахъ постановленій, они не преслѣдуются за мнѣнія ихъ о вѣрѣ и могутъ спокойно исполнять принятые ими обряды, слѣдовательно и крещеніе рождающихся младенцевъ, лишь бы не было при семъ публичнаго оказательства ихъ обряда и ученія; 2) что таковыя постановленія, изъ снисхожденія къ заблудшимъ преподаанныя въ руководство мѣстнымъ начальствамъ, уже отстраняютъ всякое ихъ толкованіе и не требуютъ новаго положенія; 3) что вездѣ незаконнорожденными признаются дѣти, рожденные отъ лицъ женскаго пола, и сожительствующихъ мужу по правиламъ своего вѣроисповѣданія или подкинутые для сокрытія виновниковъ преступнаго рожденія, въ которыхъ единственно и должно распространяться высочайшее повелѣніе 30-го апрѣля 1838 года; 4) что не слѣдуетъ возбуждать и желать гласности въ такихъ предметахъ, которые негласно допущаются, какъ изъятія изъ общихъ законовъ единственно по снисхожденію къ заблужденіямъ раскольниковъ, или въ надеждѣ, что они, восчувствовавъ благость къ нимъ правительства, обратятся на путь истины и воспользуются законными правами, всѣмъ особымъ вѣрно-подданнымъ дарованными; и наконецъ 5) что и настоящее разрѣшеніе надлежитъ генераль-губернатору принять къ собственному руководству, не дѣлая по оному никакого объявленія раскольниковъ. Но вопросъ о законности рожденій оставался все-таки неразрѣшеннымъ до настоящаго времени. Только опубликованные недавно правила о метрическихъ записяхъ у раскольниковъ разсѣкаютъ этотъ гордый узелъ. Послѣднимъ закономъ обезпечивается участь ихъ дѣтей, которая доселѣ считалась незаконнорожденными. Вопросамъ, колебаніямъ и недоразумѣніямъ теперь нѣтъ мѣста. Нѣтъ сомнѣнія, что раскольники оцѣнятъ по достоинству эту важную реформу въ ихъ гражданскомъ и семейномъ бытѣ, получившемъ изъ себя наконецъ прочное и опредѣленное основаніе.

В. А.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е февраля, 1875.

По поводу новой финансовой росписи.—Десятилѣтіе судебной реформы.—Ны-
нѣшнее ея положеніе.—Уголовная статистика за 1873 годъ.—Улучшеніе въ ея
пріемахъ.—Особенности въ дѣятельности судовъ.—Вопросъ о преступленіяхъ,
ускользающихъ отъ наказанія.—Отношеніе грамотныхъ.—Слухи въ печати о
новыхъ общихъ правилахъ относительно высшихъ училищъ.—Промальный
объѣдъ В. О. Коршу.

Въ январѣ обнародована государственная роспись на 1875-й годъ.
Подробное ея разсмотрѣніе отлагаемъ до слѣдующей хроники, а те-
перь ограничимся общимъ обзоромъ нашего бюджета за шесть по-
слѣднихъ лѣтъ, и постараемся на основаніи того сообразить финан-
совую перспективу въ ближайшемъ будущемъ. Впрочемъ, для пра-
вильности и основательности сужденія о государственной росписи за
какой бы то ни было годъ, никогда не можетъ быть достаточно
разсмотрѣть только эту роспись, но всегда необходимо принять въ
соображеніе также росписи нѣсколькихъ предшествующихъ лѣтъ и
вѣроятныя ожиданія отъ ближайшаго будущаго. Тогда только, при
видѣ цѣлаго періода годовъ, и новая роспись получитъ свое настоя-
щее значеніе, многое окажется не тѣмъ, чѣмъ оно является при
изолированномъ его изученіи,—вообще вся роспись можетъ освѣтиться
другимъ свѣтомъ.

Всѣ послѣднія росписи, которыя предшествуютъ настоящей, на
1875 годъ, обнаруживаютъ, при внимательномъ ихъ разсмотрѣніи,
одинъ весьма важный и неоспоримо осязательный фактъ:—огромное
увеличеніе доходовъ и огромное возрастаніе расходовъ. Вотъ что
говоритъ намъ недавнее прошедшее.—Ближайшее будущее, дѣйстви-
тельно, общаетъ по меньшей степени столь-же значительное уве-
личеніе расходовъ; но другое дѣло—вопросъ: будетъ ли соотвѣт-
ствовать тому возрастаніе доходовъ?—Возрастаніе доходовъ и расхо-
довъ за ближайшіе годы весьма наглядно представлено въ отчетахъ

государственного контроля. Изъ нихъ видно, что по всѣмъ главнымъ статьямъ поступленіе возрастало постоянно въ слѣдующихъ цифрахъ, выражающихъ милліоны:

	въ 1868 г.	1869 г.	1870 г.	1871 г.	1872 г.	1873 г.	1874 г.
Питейнаго дохода поступило . . .	183	187	168	174	172	179	—
Податей	88	90	96	94	94	93	—
Таможеннаго дохода	35	40	41	47	53	54	—
За право торговли	10	11	11	12	12	13	—
Солянаго сбора	10	9	11	12	13	11	—
Акциза съ табаку	7	7	8	8	10	10	—
Гербовыхъ пошлинъ	7	6	7	7	8	8	—
Крѣпостныхъ и канцелярскихъ . .	3	3	4	5	6	7	—
Съ паспортовъ	2	2	2	2	2	2	—
Отъ желѣзныхъ дорогъ	15	16	13	13	14	17	—

Одинъ простой взглядъ на эту таблицу приводитъ къ заключенію, что хотя доходъ казны почти по всѣмъ статьямъ значительно возрасталъ изъ года въ годъ, но при этомъ главная причина такого возрастанія заключалась не въ томъ, что благосостояніе и богатство жителей увеличивалось, что они извлекали болѣе изъ силъ природы и вслѣдствіе того расходовали болѣе, и притомъ на предметы полезные. Этого не видно изъ нашихъ финансовыхъ свѣдѣній: они говорятъ намъ только объ увеличеніи прямого налога, дохода съ вина, дохода отъ соли и т. д. Менѣе зажиточная и самая малообразованная часть населенія платитъ такимъ образомъ все болѣе и болѣе. Она отдаетъ не нѣсколько процентовъ своего чистаго дохода, но можно почти сказать: она живетъ и работаетъ для того, чтобы уплатить сборы, а затѣмъ въ его пользу остается самая малость. При такихъ условіяхъ весьма естественно, что населеніе относительно мало увеличивается, богатство народное не быстро возрастаетъ, и могутъ быть случаи, когда государственный доходъ волею-неволею извлекается не изъ чистаго дохода народа, а изъ самаго капитала. При такихъ условіяхъ возрастаніе доходовъ казны не можетъ быть результатомъ возрастанія народнаго богатства, что собственно казна сама желала бы сдѣлать источникомъ преуспѣянія своего казначейства.

Какое, въ самомъ дѣлѣ, могло бы имѣть значеніе, наприм., всякое повышеніе питейнаго дохода? Оно значило бы, что народъ еще болѣе предается пьянству; оно сопровождалось бы увеличеніемъ недоимокъ въ подушной подати и уменьшеніемъ расхода на предметы полезные: улучшеніе пищи, одежды, жилищъ. Далѣе, взиманіе подушной подати сопровождается каждый годъ значительными недоборами, несмотря на всѣ мѣры, которыя употребляются при взысканіи недоимокъ. Увеличить размѣръ этого налога въ ближайшемъ буду-

щемъ невозможно, по словамъ самого министра финансовъ, ибо платежныя силы населенія недостаточны, чтобы вынести сколько-нибудь значительную прибавку. Она станетъ возможна только въ будущемъ, когда измѣнится нынѣшняя система раскладки и когда въ платежѣ нынѣшнихъ подушныхъ примутъ участіе и прочія неподатныя сословія. Вотъ почему такъ желательно скорѣйшее измѣненіе старой системы раскладки налога.—По остальнымъ главнымъ статьямъ дохода (таможенному, съ соли, съ табаку, пошлинамъ и пр.) можно ожидать продолженія нѣкотораго увеличенія, но сумма могущаго поступить съ нихъ дохода не настолько значительна, чтобы могла оказать большее вліяніе на общую цифру государственнаго дохода. Притомъ, и въ этихъ разрядахъ дохода казны есть такіе, которые своимъ существованіемъ приносятъ общему богатству края болѣе вреда, чѣмъ сколько доставляютъ выгоды казнѣ. Сюда относится налогъ на соль и доходъ отъ паспортовъ. Первый лишаетъ бѣдныхъ людей необходимой приправы къ ихъ грубой пищѣ и вредитъ скотоводству. Предметъ этотъ достаточно изслѣдованъ и у насъ, и за границей, и распространяться о немъ бесполезно. Налогъ на паспорта падаетъ почти преимущественно на людей бѣдныхъ и отягощенъ не только самъ по себѣ, т.-е. суммой, поступающей въ казну, но и множествомъ второстепенныхъ расходовъ и большой потерей времени, которое весьма дорого для рабочихъ людей. Поэтому весьма желательно, чтобы паспортная коммиссія привела трудъ свой въ скорѣйшее время къ окончанію.—По поводу этой работы и особенно въ отношеніи къ перемѣнѣ податной системы, позволительно будетъ сказать, что громадныя историческія работы освобожденія крестьянъ, судебной реформы и преобразованія смѣтной и контрольной части произведены были у насъ сравнительно въ меньшее время, нежели сколько теперь тянутся разныя работы несравненно менѣ важныя, менѣ трудныя и болѣе простыя. Чему это приписать, мы не знаемъ; быть можетъ, тому, что убѣжденіе въ необходимости этихъ реформъ недостаточно окрѣпло, и ихъ считаютъ чѣмъ-то второстепеннымъ.

Наконецъ, остается еще сказать объ одной статьѣ дохода, которая могла бы быть значительною, еслибъ источникъ ея, со времени недавняго возникновенія его, находился въ другомъ положеніи. Мы говоримъ о желѣзныхъ дорогахъ. Правительство истратило на нихъ громадныя суммы, и этому расходу слѣдовало бы только радоваться, еслибъ употребленіе ассигнованныхъ на желѣзныя дороги суммъ было сколько-нибудь расчетливое и бережливое. Къ сожалѣнію, должно сказать, что ни въ какой отрасли государственнаго хозяйства не было такой иногда безцѣльной траты денегъ. Печальная исторія сооруженія и эксплуатаціи нашихъ желѣзныхъ дорогъ, и ка-

зенныхъ, и частныхъ, слишкомъ извѣстна, и, основываясь на ней, остается только пожелать, чтобъ въ ближайшемъ будущемъ онѣ не потребовали значительныхъ отъ казны пособій. Какъ бы то ни было, но въ настоящую минуту вѣрно одно, а именно, что въ предстоящіе годы никакъ нельзя ожидать увеличенія доходовъ въ той же прогрессіи, въ какой они возрастали въ истекшія 6 лѣтъ; даже, обративъ вниманіе на предметы возраставшихъ доходовъ, трудно желать, чтобы казна обогащалась этимъ путемъ.

Обратимся теперь отъ доходовъ къ расходамъ, и мы увидимъ, за тотъ же періодъ времени, слѣдующіе главные факты.

Дѣйствительные расходы въ послѣдніе годы, по вѣсѣмъ министерствамъ и главнымъ управленіямъ, составляли слѣдующія цифры, въ милліонахъ:

въ 1868 г.	441
„ 1869 „	468
„ 1870 „	485
„ 1871 „	499
„ 1872 „	523
„ 1873 „	539
„ 1874 „	—

Суммы эти распредѣлялись между разными вѣдомствами слѣдующимъ образомъ, въ милліонахъ:

	Въ 1868 г.	1869 г.	1870 г.	1871 г.	1872 г.	1873 г.	1874 г.
Военное министерство	136	147	145	159	165	175	—
Министерство финансовъ	89	90	91	91	103	100	—
По системѣ государств. кредита.	79	88	86	85	88	93	—
Министерство внутр. дѣлъ	37	39	42	43	43	43	—
„ путей сообщенія	22	25	38	33	31	29	—
„ морское	18	18	20	21	22	25	—
„ нар. просвѣщенія	8	9	10	10	11	12	—
„ юстиціи	9	9	9	10	10	11	—
„ двора	10	10	10	10	10	13	—
Вѣдомство св. синода	7	7	8	9	9	9	—

Другіе менѣе значительные по суммѣ расходы здѣсь не приведены.

При первомъ взглядѣ на эту таблицу видно, что ожидать не только значительнаго, но даже какого-либо сокращенія расходовъ въ предстоящій періодъ рѣшительно невозможно ни по одному вѣдомству. Напротивъ того, должно ожидать увеличенія расходовъ, даже въ предположеніи, что весь этотъ періодъ времени пройдетъ совершенно спокойно и что никакія политическія обстоятельства не потребуютъ, наприм., привести войска на военное положеніе. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что разныя улучшенія по военной и морской технической части въ другихъ государствахъ будутъ про-

должаться и что намъ необходимо будетъ вводить ихъ у себя, чтобы не оказаться гораздо слабѣе другихъ державъ. Однимъ словомъ, слѣдуетъ ожидать, что нынѣшнія нормальныя смѣты министерствъ военно-сухопутнаго и морского окажутся скоро недостаточными. Невозможно предвидѣть, какія именно суммы потребуются, но можно съ увѣренностью сказать, что суммы эти будутъ весьма значительны. По разнымъ другимъ управленіямъ потребуются также денежные средства на продолженіе начатыхъ уже преобразованій и на новыя, необходимыя реформы. Суммы эти будутъ, конечно, меньше тѣхъ кредитовъ, которые потребуются для обоихъ военныхъ управленій, но въ общей сложности и онѣ составятъ итогъ весьма значительный. Сюда относятся расходы, которые потребуются на введеніе въ остальныхъ частяхъ имперіи новыхъ судовъ, на преобразованіе полиціи, на устройство тюремъ, на учебную часть, на улучшеніе каналовъ и судоходства по рѣкамъ, на разныя строительныя работы, на улучшеніе быта духовенства, и т. д. Сверхъ того, постоянно возрастающая не только у насъ, но во всей Европѣ и Америкѣ, отъ многихъ весьма сложныхъ и разнообразныхъ причинъ, дороговизна на предметы первой необходимости увеличитъ неминуемо расходы казны по всѣмъ безъ изыятія управленіямъ и вѣдомствамъ. Это увеличеніе должно быть весьма значительно, если судить по послѣднимъ шести годамъ, въ теченіи которыхъ цѣна на разныя предметы возрасла на 30% и болѣе. Наконецъ, расходы казны будутъ весьма велики чрезъ постоянныя потери на курсѣ при переводѣ большихъ суммъ за границу, такъ какъ нельзя надѣяться, чтобы въ это короткое время непрочность денежной системы нашей, которая продолжается почти 20 лѣтъ, была устранена, и чтобы начался желательный размѣръ бумажныхъ денегъ.

Потери на курсѣ будутъ неминуемо значительны, ибо нельзя ожидать, чтобы продолжались непрерывно два обстоятельства, которые теперь поддерживаютъ нашъ курсъ: частое заключеніе желѣзно-дорожныхъ займовъ, или, другими словами, выпускъ консолидированныхъ желѣзно-дорожныхъ облигацій, и вывозъ изъ Россіи большого количества хлѣба, который немедленно уменьшится въ случаѣ хорошаго урожая въ западной Европѣ.

Такимъ образомъ, даже въ мирное время должно ожидать весьма большого увеличенія расходовъ; что же сказать въ случаѣ войны, или только ожиданія войны и вслѣдствіе того приведенія арміи на военное положеніе? Какія тогда потребуются средства, и что мы будемъ въ состояніи сдѣлать при неразмѣнныхъ бумажныхъ деньгахъ?

Такое общее разсмотрѣніе финансовой скалы, по которой въ послѣдніе годы быстро восходили наши доходы и расходы, а вмѣстѣ

и самыхъ статей дохода, должно привести каждого къ простому убѣжденію, что, съ одной стороны, нѣтъ основанія ни думать, ни даже желать, чтобы наши финансовыя силы могли расти, оставаясь при прежнихъ своихъ источникахъ, заповѣданныхъ намъ прежнею финансовою практикою; нельзя также ни предвидѣть, а еще менѣе требовать уменьшенія расходовъ, потому что это было бы равносильно желанію остановки въ распространеніи многихъ предпринятыхъ реформъ на всю Россію. Вѣрно одно, а именно, что предъ нами въ ближайшемъ будущемъ возрастаніе расхода несомнѣнно; но никто, съ тою же увѣренностью, не предскажетъ соотвѣтственнаго тому возрастанія доходовъ. Одна экономія, какъ она ни полезна и ни необходима, не можетъ разрѣшить всѣхъ затрудненій въ будущемъ, особенно, если экономія была бы обращена на довершеніе судебной реформы или училищнаго дѣла. Конечно, вопросъ, возникающій изъ такого положенія дѣлъ, можетъ съ успѣхомъ занимать только лица, близко знакомыя съ нашимъ финансовымъ положеніемъ и состояніемъ народнаго хозяйства. Но нельзя не указать однако на то, что въ наше время, благодаря смѣтной и контрольной реформѣ покойнаго Татаринова, специалисты, взявшись за такой вопросъ, не очутятся въ лѣсу и найдутъ немало средствъ къ выясненію своей задачи; наконецъ, многолѣтняя опытность настоящаго министерства финансовъ можетъ ручаться также за то, что подобная задача могла бы быть выполнена теперь съ совершеннымъ знаніемъ дѣла и съ искреннимъ отрѣшеніемъ отъ старой рутины, такъ какъ тутъ нужны не однѣ голыя финансовыя комбинаціи, но государственный взглядъ на общее положеніе страны и вниманіе къ современнымъ требованіямъ жизни.

Когда, десять лѣтъ тому назадъ, были утверждены „Судебные уставы“, все образованное общество въ Россіи, за ничтожными исключеніями, отнеслось съ полнымъ довѣріемъ къ преобразованію суда на началахъ, выработанныхъ опытомъ другихъ народовъ и наукою. Реформа, основанная на раціональности и человѣчности, была признана примѣнимою къ Россіи и верховной властью, и русскимъ обществомъ, въ томъ убѣжденіи, что начала независимости суда и участія общественнаго элемента въ нѣкоторыхъ степеняхъ его сами по себѣ безусловно вѣрны; что каковы бы ни были несовершенства самого общества, которыя оно могло внести въ свой судъ, но въ этихъ началахъ невозможно создать суда лучшаго. Подтвердилъ ли десятилѣтній опытъ это общее довѣріе, которое сперва представлялось еще только вѣрою, а нынѣ могло уже обратиться въ довѣріе, основанное на фактахъ? Празднованіе юбилея судебныхъ уставовъ

въ ноябрѣ минувшаго года представляло утвердительный отвѣтъ съ обѣихъ сторонъ, участвовавшихъ въ судебной реформѣ: со стороны власти, которая даровала ее, и общества, которое ее приняло. Верховная власть выразила по этому случаю увѣренность, что „лица судебного вѣдомства, проникнутыя сознаніемъ важности возложенныхъ на нихъ обязанностей, будутъ и впредь безпристрастно отправлять правосудіе, и этимъ послужать охранительной силой правительства для поддержанія нравственныхъ началъ и законнаго порядка“. Что касается общества, то юбилей не могъ быть въ немъ празднуемъ съ тѣмъ же увлеченіемъ, съ какимъ общество привѣтствовало самую реформу десять лѣтъ тому назадъ. Это было естественно само по себѣ, и сверхъ того объяснялось еще и тѣмъ, что въ теченіи этихъ десяти лѣтъ, вслѣдствіе различныхъ причинъ, въ русскомъ обществѣ на время ослабла способность отдаваться увлеченію. Тѣмъ не менѣе, въ средѣ общества, юбилей 20-го ноября не прошелъ безъ всякаго ощущенія. Можно только замѣтить, что еслибы десять лѣтъ тому назадъ кто-нибудь имѣлъ возможность съ точностью предсказать намъ это ощущеніе, онъ, по всей вѣроятности, нѣсколько удивилъ бы насъ. Насъ навѣрное удивило бы въ 1864 году предсказаніе, что какъ въ то время въ насъ преобладала надежда на успѣхъ судебной реформы, такъ нынѣ, по прошествіи десяти лѣтъ, въ насъ будетъ преобладать еще все то же самое чувство—надежда, а именно надежда на прочность судебной реформы. А это именно такъ, благодаря между прочимъ извѣстной части печати, которая доселѣ продолжаетъ свои нападенія на учрежденіе присяжныхъ и на выборной принципъ мирового института, и поддерживаетъ такимъ образомъ въ обществѣ опасенія относительно перевершенія совершившагося. Между тѣмъ, и совершилось-то въ теченіи десятилѣтія еще не все, чему предстояло совершиться; примѣненіе реформы еще далеко не окончено; оно частью продолжается, частью еще только предвидится, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Не далѣе какъ въ истекшемъ году, напр., вновь открыто 9-ть окружныхъ судовъ въ губерніяхъ съ чисто-русскимъ населеніемъ. Когда судебную реформу представится возможнымъ примѣнить къ крайнему сѣверу и крайнему востоку Европейской Россіи и къ Сибири — еще неизвѣстно. Что касается преобразованія судовъ на всемъ протяженіи запада Россіи съ царствомъ польскимъ, то хотя это преобразование, по слухамъ, уже рѣшено и быть можетъ будетъ обнародовано уже въ наступившемъ году, но, насколько извѣстно, преобразование это будетъ представлять столь существенныя особенности, что въ немъ правильнѣе было бы видѣть отдѣльную мѣру, а именно преобразование судовъ сообразно съ мѣстными обстоятельствами и съ примѣненіемъ нѣкото-

рыхъ изъ началъ „Судебныхъ Уставовъ“, чѣмъ примѣненіе общихъ началъ этихъ уставовъ, примѣненіи той судебной реформы, которой юбилей мы праздновали два мѣсяца тому назадъ, къ новымъ мѣстностямъ. Выборныхъ мировыхъ судей, какъ слышно, предполагается учредить только въ балтійскомъ краѣ, но зато тамъ не предвидится пока введенія общихъ судебныхъ установлений; въ царствѣ польскомъ мировые судьи будутъ, какъ они уже есть въ западныхъ губерніяхъ—по назначенію. Преобразование общихъ судебныхъ установлений въ царствѣ польскомъ въ суды съ тѣми же названіями, какія введены „Судебными Уставами“—предположено; но, сколько извѣстно, въ этихъ новыхъ учрежденіяхъ оказалось невозможнымъ осуществить и принципъ несмѣняемости судей, и принципъ участія присяжныхъ въ судѣ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, что предпочтительнѣе: избраніе или назначеніе мировыхъ судей, несмѣняемость или смѣняемость членовъ общихъ судовъ, участіе присяжныхъ въ уголовной процедурѣ или исключеніе ихъ участія, мы ограничиваемся замѣчаніемъ, что мировые судьи по назначенію, члены общихъ судовъ, подлежащіе смѣнѣ и окружные судьи безъ присяжныхъ—не тѣ судьи и не тѣ суды, которыхъ дѣятельность намъ уже извѣстна изъ десятилѣтняго опыта, что начала этого преобразования не тѣ, которыя уже вошли въ наше сознаніе и представляются намъ неотъемлемыми элементами судебной реформы. А стало быть, для избѣжанія неясности, мы и не будемъ говорить о распространеніи на западныя части государства той реформы, о юбилей которой мы повели рѣчь.

Надо надѣяться, однако, что эта реформа твердо устоитъ тамъ, гдѣ она уже введена, несмотря на реакціонныя нападки, выражающіяся въ печати, и что, со временемъ, она же будетъ примѣнена и къ тѣмъ краямъ государства, гдѣ еще не введена, и къ тѣмъ, въ которыхъ, покамѣстъ, въ виду особыхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, предполагается ввести особое преобразование судовъ. Вотъ почему при празднованіи десятилѣтія судебной реформы въ обществѣ—сколько можно было прислушаться къ его голосу—и преобладало именно чувство надежды болѣе, чѣмъ спокойное довольство сдѣланнымъ и увѣренность въ немъ. Но самое это чувство надежды и даже тѣ опасенія, которыя оно стремится преодолѣть, развѣ не представляютъ, только въ иномъ видѣ, съ особымъ оттѣнкомъ, довольства общества десятилѣтнимъ опытомъ, который пока составляетъ короткое прошлое нашихъ новыхъ судебныхъ учреждений? Мы не питали бы надежды, что основныя начала судебныхъ уставовъ 1864 года у насъ упрочатся и дѣйствіе ихъ распространится, еслибы опытъ не привязалъ насъ къ нимъ и не побудилъ высоко цѣнить

ихъ несомнѣнныя благодѣянія, не взирая на всѣ несовершенства, какія могли истекать и изъ новизны дѣла, и изъ собственныхъ нашихъ несовершенствъ, какъ общества. Правоспособное общество, какъ и отдѣльное лицо, пользующееся гражданскими правами, несетъ само отвѣтственность за свои несовершенства и ошибки, но выспимъ своимъ благомъ все-таки считаетъ свою правоспособность. Несомнѣнно, предпочтительнѣе быть правоспособнымъ и дѣлать ошибки, имѣя возможность исправляться отъ нихъ, чѣмъ быть неправопоспособнымъ, и все-таки — по неизмѣнному закону всѣхъ дѣлъ человѣческихъ — подлежать ошибкамъ, и притомъ не своимъ.

Оглянувшись на прошлое и будущее нашихъ новыхъ судебныхъ учреждений, присмотримся къ ихъ дѣятельности поближе, на основаніи фактическихъ выводовъ. Подробный обзоръ удобенъ въ предѣлахъ краткаго періода. Для такого обзора представляетъ достаточно данныхъ обстоятельное и весьма полезное изданіе министерства юстиціи: „Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ 1873 году“. Здѣсь отрывается передъ нами только одна область суда, но область суда уголовного, именно та, которая особенно важна для хроники общества, такъ какъ въ этой области наиболѣе и проявляется участіе самого общества въ дѣлѣ суда. Чтобы начать съ размѣровъ дѣятельности новыхъ судебныхъ установленій, укажемъ на фактъ, что по 6 округамъ въ 40 окружныхъ судахъ и у состоящихъ при нихъ судебныхъ слѣдователей производилось въ теченіи 1873 года 131,023 дѣла! Въ этомъ общемъ итогѣ, объемлющемъ всѣ вообще дѣла, бывшія предметомъ уголовного дѣлопроизводства, въ томъ числѣ и прекращенныя безъ суда, преступленія противъ собственности не только преобладали, но составляли половину всего числа возбужденныхъ дѣлъ. Заслуживаетъ вниманія фактъ, что число оконченныхъ слѣдствій простиралось до 76% всего числа производившихся дѣлъ, причемъ во время производства слѣдствій болѣе 82% обвиняемыхъ оставались на свободѣ, а только 17% содержались подъ стражею. Изъ цифръ, относящихся до продолжительности производства слѣдствій, оказывается, что почти по половинѣ возбуждаемыхъ дѣлъ (43—47%) слѣдствія оканчиваются въ теченіи одного мѣсяца, и что только меньшая часть дѣлъ требуетъ слѣдствія, превосходящаго двухмѣсячный срокъ. Изъ дѣлъ, поступающихъ въ окружные суды, самая крупная цифра оканчивается производствомъ въ теченіи мѣсяца, въ судебныхъ палатахъ (въ качествѣ судебной инстанціи) въ теченіи 1—6 мѣсяцевъ, и въ кассационномъ сенатѣ въ теченіи 1 мѣсяца, какъ и въ окружныхъ судахъ.

Само собою разумѣется, что цифры могутъ обнаруживать степень

удовлетворительности судебного производства только въ отношеніи его быстроты, и въ этомъ отношеніи приведенныя цифры представляютъ свидѣтельство вполне удовлетворительное. Всѣ прочія цифровыя данныя, которыми нынѣшній сводъ гораздо богаче прошлагодняго, могутъ служить только для соображеній о характерѣ преступныхъ дѣяній по мѣстностямъ Россіи и распределеній ихъ по разнымъ группамъ народа, могутъ также дать нѣкоторое понятіе о болѣе или меньшей строгости судовъ, въ репрессіи разнаго рода преступленій, но, очевидно, не даютъ матеріала, чтобы судить о степени удовлетворительности приговоровъ. Мы сказали, что нынѣшній сводъ богаче данными, чѣмъ прошлагодній, бывшій первымъ опытомъ. Слѣдуетъ прибавить, что нынѣшній сводъ богаче не только количествомъ данныхъ, но и разработкою ихъ, которая сдѣлана весьма старательно и направлена вполне рационально къ извлеченію выводовъ именно по такимъ вопросамъ, которые могутъ быть выясняемы цифрами и которыхъ выясненіе наиболѣе важно. Нельзя не замѣтить къ чести составителей свода, что они не оставили безъ вниманія и указаній печати, но воспользовались ими для исправленія нѣкоторыхъ приѣмовъ при извлеченіи выводовъ. Дѣленіе свода по основаніямъ своимъ осталось прежнее: первая часть его представляетъ данныя собственно о ходѣ судебного дѣлопроизводства въ общихъ судебныхъ установленіяхъ; вторая часть, наиболѣе интересная, содержитъ данныя о подсудимыхъ и осужденныхъ по всѣмъ дѣламъ, разсмотрѣннымъ тѣми же установленіями, и третья часть—свѣдѣнія о мировой юстиціи, но только относительно лицъ, судившихся за совершеніе наиболѣе тяжкихъ проступковъ, сопровождаемыхъ по закону наказаніями не ниже тюремнаго заключенія. Но въ сравненіи съ первымъ сводомъ введены важныя улучшенія: увеличено количество рубрикъ въ таблицахъ, проведено болѣе постоянное и многообразное раздѣленіе по возрасту, полу, роду занятій подсудимыхъ; измѣнена самая номенклатура преступленій. Все это значительно измѣняетъ и самое свойство данныхъ нынѣшняго года.

Хотя эти перемѣны дѣлаютъ весьма затруднительнымъ сравненіе данныхъ нынѣшняго свода съ прошлагоднимъ, такъ что начало нашей уголовной статистики надо будетъ считать со свода 1873 года, а сводъ за 1872 г. останется только въ видѣ опыта; но такъ какъ всѣ измѣненія представляютъ собою улучшенія весьма существенныя, то, при началѣ дѣла, необходимо было допустить ихъ, съ тѣмъ, чтобы далѣе, въ случаѣ возможности, уже только пополнять картину, но не измѣнять болѣе ея рамокъ и однажды принятой перспективы. Самое сравненіе цифръ относительно дѣлопроизводства въ судебныхъ учрежденіяхъ по сводамъ за 1872 и 1873 годы невозможно, такъ

какъ прошлогоднее изданіе обнимало только свѣдѣнія о дѣлахъ, возникшихъ въ 1872 году, а нынѣшнее изданіе обнимаетъ свѣдѣнія по дѣламъ, производившимся въ судебныхъ мѣстахъ въ 1873 году, безъ всякаго различія, когда эти дѣла возникли, и, такимъ образомъ, объемлетъ все количество дѣлъ, производившихся въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, за отчетный годъ. Нельзя не поблагодарить составителей свода и за то, что для объясненія нѣкоторыхъ цифръ уголовной статистики ими сдѣланы тутъ же ссылки на цифры статистики населенія. Безъ справки съ этими послѣдними цифрами, цифровыя данныя судимости не могли бы служить для выводовъ. Составители свода оговариваются, что они не имѣли въ виду „научныхъ задачъ, состоящихъ въ раскрытіи уголовно-статистическихъ законовъ, такъ какъ, съ одной стороны, цифровыя данныя за одинъ учетный годъ представляютъ собою матеріалъ весьма недостаточный для этой цѣли, а съ другой—потому, что преслѣдованіе ея есть цѣль ученыхъ трудовъ, не входящее въ кругъ дѣятельности министерства юстиціи“. Положимъ, въ тѣсномъ смыслѣ это и справедливо. Нельзя требовать отъ юристовъ и чиновниковъ, состоящихъ при этомъ министерствѣ, чтобы они разрабатывали науку. Но тѣмъ не менѣе, при составленіи своего свода, они должны имѣть въ виду именно задачи научныя, должны располагать и обрабатывать свои данныя такъ, чтобы ими можно было пользоваться для научныхъ задачъ и для „раскрытія уголовно-статистическихъ законовъ“. Никакой иной цѣли ихъ сводъ и имѣть не можетъ, потому что собственно для контроля за успѣшностью, т.-е. быстротою общаго движенія судебного дѣлопроизводства, достаточно было представлявшихся прежде удами вѣдомостей, и совсѣмъ не нужно статистики. Впрочемъ, приведенная оговорка и внушена, вѣроятно, только скромностью составителей, такъ какъ изъ расположенія и обработки ими матеріала очевидно, что они въ дѣйствительности имѣли въ виду задачи научныя.

Статистическія свѣдѣнія нынѣшняго свода обнимаютъ 6 округовъ судебныхъ палатъ, съ 40 окружными судами и съ юрисдикціею, распространенною на 38.710,969 душъ обоего пола. Въ общихъ удахъ состоялось за годъ, въ сложности, окончательныхъ приговоровъ по дѣламъ о 21,449 подсудимыхъ; изъ нихъ судились съ учаіемъ присяжныхъ—17,094 чел., или 79,7 % общаго числа подсудимыхъ. Средняя цифра оправдательныхъ приговоровъ къ общему числу приговоровъ, по всѣмъ судамъ въ сложности, составляла 32,02 процента. Но процентъ оправданій измѣняется, хотя и не въ сильной степени, смотря по роду судовъ. Зато онъ испытываетъ огромныя колебанія смотря по роду дѣлъ, то-есть преступленій. Уже въ прошломъ году, при обзорѣннн перваго свода, мы обратили особен-

ное вниманіе на это послѣднее обстоятельство, которое весьма характеристично. Что касается общаго процента оправданій по совокупности всѣхъ дѣлъ, то уже прошлагодній сводъ разсѣялъ въ прахъ обвиненіе, вводимое на новые суды реакціонерами, будто при новыхъ судахъ стала процвѣтать „безнаказанность“. Нынѣшній сводъ удостовѣряетъ, что, наоборотъ, при существованіи прежнихъ судовъ процентъ оправданій былъ бы гораздо больше, чѣмъ въ сущности должно бы разумѣться само собою, уже вслѣдствіе того, что нынѣ для обвинительнаго приговора не требуется собственнаго сознанія подсудимыхъ, а изъ нынѣшнихъ цифръ оказывается, что *большинство* осужденныхъ не сознались въ своей винѣ (57,26 %; процентъ сознавшихся 42,74). Что касается спеціально предполагавшейся многими склонности присяжныхъ къ оправданію, то и она была положительно опровергнута цифрами прошлагоднаго свода, и опровергается данными нынѣшняго. Съ участіемъ присяжныхъ судились въ 1873 году 17,094 чел.; изъ нихъ оправдано 5,672 чел., т.-е. 33,14 на каждые 100 подсудимыхъ; безъ присяжныхъ же окружными судами оправдано, изъ 4,201 судившихся, 1,136 чел., или 27,04 на 100; судебными палатами, изъ 154 чел., 62, или 40,26 на 100. Итакъ, оказывается, что наибольшая вѣроятность оправданія существуетъ для судимыхъ судебными палатами, гдѣ нѣтъ присяжныхъ, затѣмъ ужъ для судимыхъ въ окружныхъ судахъ съ участіемъ присяжныхъ и наконецъ, наименьшая вѣроятность оправданія—для подсудимыхъ выступающихъ предъ окружнымъ судомъ безъ участія присяжныхъ. Окружные суды, когда они дѣйствуютъ безъ присяжныхъ, какъ бы стараются восполнить своей строгостью сравнительную снисходительность присяжныхъ, но и этого, по справедливости, сказать нельзя такъ какъ дѣла, судимыя этими судами съ присяжными или безъ присяжныхъ, принадлежать къ весьма различнымъ категоріямъ преступленій, а въ категоріяхъ преступленій именно и заключается главное различіе строгости, какъ то доказывается не только огромнымъ колебаніемъ процента оправданій, смотря по родамъ преступленій, въ судѣ присяжныхъ, но и весьма значительнымъ колебаніемъ того же процента, смотря по роду преступленій, въ судахъ безъ присяжныхъ. Колебаніе же процента оправданій, смотря по тому, кто рѣшаетъ вопросъ о фактѣ преступленія и виновности—присяжные или члены суда—слабо. Даже крайніе его предѣлы (представленные приговорами присяжныхъ и окружныхъ судовъ безъ присяжныхъ) обозначаются цифрами 33,14 % и 27,04 %, между тѣмъ какъ колебаніе процента оправданій къ общему числу подсудимыхъ, смотря по роду преступленій, происходитъ въ широкихъ предѣлахъ отъ 100 % до 20 %, и притомъ при судѣ безъ присяжныхъ.

Итакъ, мнѣніе о мнимой „безнаказанности“, вслѣдствіе крайней будто бы снисходительности присяжныхъ, въ общей сложности дѣлѣ рѣшительно и самымъ неопровержимымъ образомъ опровергается фактами. У однихъ оно является ни на чемъ не основаннымъ предразсудкомъ, однимъ изъ проявленій столь часто встрѣчаемаго еще среди нашего общества недовѣрія къ самому себѣ; въ другихъ, мнѣніе это есть злонамѣренное заподозриваніе умственной и нравственной состоятельности русскаго общества, сознательно направленное къ тому, чтобы отрицать его правоспособность. Лучшимъ возраженіемъ противъ такихъ реакціонныхъ воздыханій служатъ факты, что при новыхъ судахъ общій процентъ оправданій составляетъ 32,02 на 100 подсудимыхъ, и даже отдѣльно въ судѣ присяжныхъ—33,14 на 100 подсудимыхъ, между тѣмъ какъ при дѣйствіи прежняго уголовного судопроизводства процентъ оправданій составлялъ отъ 75 до 88 на каждую сотню изъ общаго числа лицъ, привлечавшихся къ ответственности!

При сравненіи цифръ оправданій въ нашихъ новыхъ судахъ съ подобными цифрами соответствующихъ судовъ западной Европы, тѣ и другія цифры оказываются въ среднемъ итогѣ весьма близкими, что служитъ новымъ, весьма вѣскимъ подтвержденіемъ рациональности нашего суда въ общемъ выводѣ. Такъ, изъ числа подсудимыхъ, подлежащихъ разбирательству судовъ разныхъ наименованій, оправдано: ассизными судами (съ присяжными) во Франціи отъ 26 до 28%, присяжными въ Баденѣ 32,31%, присяжными же въ Бельгіи 27%. Столь малая разница нашей средней цифры оправданій присяжными (33,14%) съ приведенными цифрами вполне объясняется различіемъ самаго уголовного кодекса въ разныхъ странахъ. Что касается цифръ, относящихся къ Англіи и Пруссіи, то онѣ менѣе удобны для сравненія съ нашими потому, что и судопроизводство и самая система, принятая для уголовной статистики, у насъ ближе всего подходятъ именно къ существующимъ во Франціи. Въ Пруссіи процентъ оправданій присяжными составляетъ 19 на 100 подсудимыхъ, но при этомъ въ числѣ подсудимыхъ считаются всѣ подлежащіе суду присяжныхъ, хотя бы они и не сдѣлились присяжными, напримѣръ, вслѣдствіе неявки къ суду или сонавія, а это различіе устраняетъ возможность сравненія съ нашими цифрами.

Замѣчательно, что у насъ, также какъ и въ другихъ государствахъ Европы, суды охотнѣе оправдываютъ женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Особенно сильно это различіе проявляется въ судѣ присяжныхъ: ими оправдано мужчинъ 31,62%, а женщинъ 45,63%; но и безъ присяжныхъ окружные суды на 3% примѣрно болѣе оправды-

ваютъ женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Исключеніе представила, за 1873 годъ, только практика судебныхъ палатъ, которыми оправдано мужчинъ 43,26%, а женщинъ только 7,69%, но такъ какъ въ отчетномъ году судебными палатами судилось всего только 14 женщинъ, то изъ этого послѣдняго сопоставленія ничего пока не слѣдуетъ. Отношеніе числа оправданій къ общему числу приговоровъ измѣняется также по мѣстностямъ, хотя въ весьма малой степени; именно различіе между крайними цифрами оправданій присяжными въ разныхъ мѣстностяхъ представляетъ всего 7 $\frac{1}{2}$ % и объясняется сводомъ въ такомъ смыслѣ, что присяжные строже дѣйствуютъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ одноплеменное и притомъ земледѣльческое населеніе (въ саратовскомъ округѣ процентъ ихъ оправданій всего 31,31, вмѣсто средняго 33,14). Изъ столь слабого колебанія по мѣстностямъ въ строгости присяжныхъ на громадномъ пространствѣ губерній, гдѣ дѣйствуютъ уставы 20-го ноября, составители свода вводятъ справедливое заключеніе, что „уголовная юстиція, врученная присяжнымъ засѣдателямъ, отправляется ими по прочнымъ нравственнымъ началамъ, весьма слабо видоизмѣняющимся подъ вліяніемъ мѣстныхъ различій“. Колебаніе процента оправданій по мѣстностямъ въ судѣ безъ присяжныхъ гораздо замѣтнѣе; крайнее уклоненіе здѣсь составляетъ уже не 7, а 12,80%. Здѣсь бѣлая или черная строгость объясняется (по сравненію съ другими данными) уже не разноплеменностью состава населенія, но совсѣмъ инымъ обстоятельствомъ: наименѣе оправданій (безъ присяжныхъ) оказывается въ одесскомъ округѣ, гдѣ велика преступность вообще; наиболѣе въ харьковскомъ округѣ, гдѣ преступность самая слабая. Такимъ образомъ, въ то время, какъ присяжные относятся къ дѣлу почти исключительно на основаніи своего сознанія общихъ нравственныхъ началъ, судьи профессиональные принимаютъ еще въ расчетъ то, что можно бы назвать „требованіями судебно-уголовной политики“: чѣмъ чаще въ данномъ округѣ совершается преступленіе, тѣмъ рѣже бываютъ оправдательные приговоры со стороны судовъ, дѣйствующихъ безъ участія присяжныхъ. То и другое различіе весьма характеристичны и вполне соотвѣтствуютъ характеру того и другого судебного института.

Мы, впрочемъ, весьма далеки отъ того оптимизма, который добровольно отводитъ взоръ отъ всякихъ недостатковъ нашего общественнаго быта. Рядомъ съ реакціонерными искаженіями, и отчасти какъ послѣдствіе ихъ, является у насъ нѣкоторое мнимо-либеральное притворство, указывающее грѣхъ во всякой критикѣ дѣйствительныхъ новыхъ учрежденій. Такое притворство мы прежде всего считаемъ

излишнимъ. Совершенныя въ Россіи реформы лучше всего защищать правдою. Полная правда, безъ всякой утайки, вполне выгодна для всѣхъ этихъ реформъ. Къ сожалѣнію, она не всегда возможна, а потому нельзя винить либеральную печать и въ случаяхъ нѣкотораго „благонамѣреннаго“ умолчанія ея того или другого недостатка. Если нельзя сказать всего въ одну сторону, то довольно естественно умалчивать о другой сторонѣ. Но какъ ни извинителенъ такой образъ дѣйствій, онъ, по нашему мнѣнію, не представляетъ пользы. Полная правда во всѣхъ случаяхъ показываетъ, что въ основныхъ своихъ чертахъ всѣ реформы послѣднихъ 14-ти лѣтъ были вполне рациональны, оправдались дѣломъ, и сознаніе громадной ихъ пользы упрочилось въ обществѣ. Въ настоящее время, освобожденіе крестьянъ, судебная и земская реформы становятся уже краеугольными камнями русскаго общественнаго сознанія; стало-быть, излишне обращаться съ ними какъ съ тонкими фарфоровыми или хрустальными вещами: онѣ уже не боятся полной правды. Итакъ, мы скажемъ, что факты вполне подтверждаютъ рациональность и примѣнимость къ русской жизни новыхъ судебныхъ учреждений, доказываютъ безконечное превосходство ихъ передъ старыми судами. Но мы не скажемъ, что въ дѣлѣ уголовной репрессіи въ Россіи не остается болѣе ничего желать. Напротивъ, мы готовы допустить даже, вмѣстѣ съ нашими реакціонерами, что у насъ существуетъ до нѣкоторой степени „безнаказанность“, только совершенно не въ томъ смыслѣ, какъ разумѣютъ ее они. Мало того, мы сознаемся, что приговоры судовъ, основанные на вердиктахъ присяжныхъ, бываютъ иногда неожиданные. И все-таки мы глубоко убѣждены, что судъ съ присяжными не только безконечно выше прежняго, негласнаго суда, но и лучше суда безъ присяжныхъ въ отношеніи тѣхъ родовъ правонарушеній, которые нынѣ подлежатъ сужденію присяжныхъ, а даже и еще нѣкоторыхъ родовъ правонарушеній, которые нынѣ суду присяжныхъ не подлежатъ. Для охраненія безопасности общества мы предпочтемъ присяжныхъ какъ они есть—судамъ безъ присяжныхъ, потому что эти послѣдніе суды склонны судить не по живымъ, спеціальнымъ обстоятельствамъ каждаго дѣла, а по мертвымъ, общимъ шаблонамъ. Но тѣмъ не менѣе, въ самой уголовной статистикѣ мы видимъ поводы къ тому, чтобы признавать желательнымъ всевозможное стараніе объ улучшеніи составленія списковъ лицамъ, призываемымъ къ исполненію обязанности присяжныхъ, такъ чтобы вѣлывать въ составъ ихъ всѣ образованныя силы страны. Иными словами, нѣтъ лучше суда, какъ судъ общественнаго сознанія; но надо желать, чтобы сознаніе это было ясное, то-есть просвѣщенное. Мы рассмотримъ сказанное сейчасъ поближе; начнемъ съ относительной „безнаказанности“ и

потомъ перейдемъ къ нѣкоторымъ особенностямъ въ отношеніи при-
суженныхъ къ преступленіямъ разнаго рода.

Сравнительная „безнаказанность“ проявляется у нихъ, но не отъ мнимой слабости новаго суда, а отъ глухости, заброшенности нашего уѣзда. Полагаемъ, что еслибы возможно было статистическое сравненіе по родамъ преступленій въ связи съ ихъ мотивами, то оказалось бы, что въ Россіи чаще, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, совершаются крупныя преступленія изъ-за мелкихъ цѣлей. Извѣстно, на-
примѣръ, что конокрадство и поджигательство въ остальной Европѣ далеко не процвѣтаютъ такъ, какъ въ Россіи. Убіиства у насъ совершаются иногда для завѣдомо мелкой, даже ничтожной добычи. Точно также поджоги у насъ вызываются иногда самыми мелкими мотивами. Къ сожалѣнію, въ уголовной статистикѣ нашей есть важный пробѣлъ: она не указываетъ числа констатированныхъ преступленій и отношенія его къ числу дѣйствительно произнесенныхъ приговоровъ. Если за число констатированныхъ преступленій мы примемъ число дѣлъ, производившихся у судебныхъ слѣдователей въ теченіи года, то получимъ цифру 97,545; между тѣмъ число заключеній прокурорскаго надзора, рассмотрѣнныхъ судебными палатами въ качествѣ обвинительныхъ камеръ, было только 34,755, да и изъ этого числа только по 15,602 дѣламъ состоялись въ дѣйствительности опредѣленія о преданіи суду. Если примемъ за среднюю цифру оправданій $\frac{1}{3}$ судимыхъ дѣлъ, то убѣдимся, что безнаказанность, насколько она проявляется, зависитъ не отъ отношенія числа оправданій къ числу судебныхъ дѣлъ, которое выражается цифрами 1:3, но отъ отношенія нераскрытыхъ преступленій къ раскрытымъ, которое выражается примѣрно цифрами 15:97. Правда, изъ 34,755 заключеній прокурорскаго надзора не всѣ, кромѣ 15,602 опредѣленій о преданіи суду, окончательно отстранены опредѣленіемъ о превращеніи слѣдствія; по многимъ дѣламъ состоялись только опредѣленія о приостановленіи слѣдствія и измѣненіи подсудности. Но эта неточность приведеннаго расчета во всякомъ случаѣ должна болѣе чѣмъ уравниваться тѣмъ числомъ преступленій, по которымъ и судебными слѣдователями слѣдствій производимо не было. Дѣло понятно и безъ цифръ; при глухости, заброшенности нашего уѣзда, вокругъ самыхъ столицъ, и тѣмъ болѣе въ прочихъ мѣстностяхъ, преступленія въ Россіи легче совершать, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, и безнаказанность въ Россіи непременно должна быть болѣе. Вѣроятность оправданія преступника предъ судомъ сама по себѣ мала; но она представляется у насъ совершенно ничтожною въ сравненіи съ вѣроятностью для преступника избѣгнуть самаго преданія суду. Вотъ почему тѣ цифры, которыми составители свода доказываютъ утѣш-

тельную гипотезу сравнительно слабой преступности въ Россіи, намъ представляются въ совершенно иномъ свѣтѣ. Когда въ Саксоніи оказывается одинъ подсудимый на 170 жителей, 1 осужденный на 193 жителя, а въ Россіи 1 подсудимый на 715 чел., 1 осужденный на 1,015 человекъ, то это едва-ли доказываетъ, что въ Россіи совершается преступленій въ пять разъ менѣе, чѣмъ въ Саксоніи, а скорѣе доказываетъ именно, что въ Россіи въпятьеро труднѣе разыскать и уличить преступника!

Что касается нѣкоторой неравномѣрности въ отношеніи суда присяжныхъ къ преступленіямъ различнаго рода, то на это обстоятельство мы указывали уже при разборѣ данныхъ прошлагодняго свода. Данные нынѣшняго свода только подтверждаютъ наше мнѣніе. Изъ сравнительныхъ цифръ его слѣдуетъ, что присяжные всего строже относятся къ преступленіямъ религіознымъ; здѣсь процентъ оправданій всего 19,05 вмѣсто средняго 33,14; всего слабѣе къ преступленіямъ противъ женской чести, по которымъ процентъ оправданій оказывается 81,05. Но отношеніе присяжныхъ къ этимъ двумъ родамъ преступленій не составляетъ у насъ особенности суда присяжныхъ. Суды, дѣйствующие безъ присяжныхъ, почти столь же рѣдко выносятъ оправданія по дѣламъ религіознымъ, а еще чаще чѣмъ присяжные произносятъ оправданія по дѣламъ о женской чести. Гдѣ сказывается именно особенность въ репрессивномъ направленіи присяжныхъ сравнительно съ судами, дѣйствующими безъ ихъ участія, это—въ дѣлахъ о покушеніяхъ на личность и покушеніяхъ на собственность. Присяжныхъ, повидимому, менѣе чѣмъ судей возмущаетъ фактъ личнаго насилія и жестокости; зато ихъ болѣе, чѣмъ судей, возмущаетъ фактъ посягательства на чужое имущество. По сравнительному числу оправданій на каждыя 100 однородныхъ дѣлъ, можно вывести слѣдующую характеристику: строже всего относятся присяжные къ корыстнымъ имущественнымъ преступленіямъ (всего 28,06% оправданій), строго, но уже менѣе строго къ преступленіямъ противъ жизни (31,59% оправданій); нѣсколько чаще они устраняютъ обвиненіе въ поджогахъ и истребленіи чужого имущества (36,14% оправданій), что зависитъ отъ трудности представить достаточныя улики въ поджогѣ; но всего чаще присяжные выносятъ оправдательный вердиктъ по дѣламъ о преступленіяхъ противъ личной неприкосновенности, т. е. насиліе, нанесенія увѣчья и т. д. (45,20% оправданій), хотя именно въ этихъ дѣлахъ улики легче собрать, чѣмъ даже въ дѣлахъ по кражѣ. Совершенно иная постепенность замѣчается въ строгости судовъ, дѣйствующихъ безъ присяжныхъ. Рѣже всего они оправдываютъ обвиненныхъ въ преступленіяхъ противъ жизни (19,90% оправданій); затѣмъ строже всего они относятся къ обвиненіямъ въ личномъ на-

силія, увѣчѣ и т. д. (37,54% оправданій); безъ всякаго сравненія легче они оправдываютъ тѣхъ, кто обвиняется въ корыстныхъ имущественныхъ преступленіяхъ (63,39% оправданій). Что же касается обвиненій въ поджогѣ, то именно по трудности собрать улики, суды безъ присяжныхъ по этимъ дѣламъ оправдываютъ чаще, чѣмъ по всѣмъ инымъ (75% оправданій), кромѣ преступленій противъ женской чести.

Приведенныя цифры обусловливаютъ картину, вполне согласную съ воззрѣніями той среды, которая представляется обыкновенно большинствомъ въ составѣ присяжныхъ, какъ воззрѣнія эти должны быть извѣстны каждому, кто знаетъ русскій народъ. Въ представленіи даже той среды у насъ, изъ которой составляется большинство въ среднемъ составѣ присяжныхъ, личность цѣнится менѣе, чѣмъ собственность, а фактъ насилія, даже жестокости, далеко не вызываетъ того возмущенія, какое замѣчается среди народовъ, у которыхъ исторія болѣе развила сознаніе личнаго достоинства, а образованіе смягчило нравы. Но единственное правильное, практическое заключеніе, какое можно извлечь отсюда, состоитъ въ томъ, что необходимо употребить возможныя старанія для привлеченія въ составъ присяжныхъ всѣхъ образованныхъ людей въ Россіи, значительныя категоріи которыхъ доселѣ не принимаютъ участія въ этомъ учрежденіи.

Мы занялись главнымъ образомъ тѣми данными свода, которые могутъ служить для характеристики дѣятельности судовъ. Что касается цифръ уголовной статистики въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть раздѣленія преступниковъ разнаго рода по возрасту, полу, мѣстностямъ, роду занятій, религіи и степени образованія, то эти цифры, при неразработанности у насъ общей статистики, представляютъ матеріалъ, которымъ мало можно пользоваться для выводовъ относительно бытовыхъ условій, вызывающихъ преступленія разныхъ родовъ. Любопытныя особенности русской криминальной статистики, отмѣченныя нами и въ первомъ сводѣ: преобладаніе семейныхъ въ общемъ числѣ преступниковъ и весьма значительный процентъ грамотныхъ въ средѣ совершавшихъ преступленія, повторяются и въ сводѣ за 1873 годъ. Стало-быть, въ этихъ результатахъ нельзя уже видѣть чего-либо случайнаго, хотя ни того, ни другого нельзя, по самой совокупности нашихъ условій, понимать въ смыслѣ прямого. При неразработанности общей статистики, можно принять объясненіе составителей свода, что „хотя въ Россіи лица, состоящія въ супружествѣ, даютъ наибольшій процентъ осужденныхъ (57,78%)—явленіе рѣзко-противоположное замѣчаемому въ государствахъ западной Европы—но

объясненія его слѣдуетъ искать въ сравнительно большихъ цифрахъ супружескихъ сожитій у насъ, чѣмъ на Западѣ, а не въ неблагопріятномъ вліяніи брачнаго состоянія". Относительно принциповъ образованныхъ и грамотныхъ въ числѣ преступниковъ, составители свода на этотъ разъ поступаютъ осторожнѣе, чѣмъ въ прошломъ году, когда они, на основаніи безотносительно малаго числа образованныхъ и грамотныхъ въ общемъ числѣ преступниковъ, дѣлали утѣшительные выводы о вліяніи образованія на уменьшеніе преступленій, оставляя въ сторонѣ слабость процентовъ образованныхъ и грамотныхъ въ общемъ составѣ населенія. Теперь они уклоняются отъ общаго вывода, ссылаясь на неимѣніе статистики образованія; они приводятъ цифры о состояніи грамотности въ войскахъ, но справедливо оставляютъ ихъ въ сторонѣ, такъ какъ огромное большинство грамотныхъ въ войскахъ обучились грамотѣ на службѣ. Но они имѣли бы право принять для сравненія другую цифру военной статистики, именно ту, которая показываетъ процентъ грамотныхъ въ средѣ рекрутъ, поступавшихъ въ войска по прежнимъ наборамъ. Цифра эта была—около 11%. По свѣдѣніямъ объ исполненіи перваго призыва на основаніи общеобязательности военной службы, лицъ сословій, прежде изъятыхъ отъ повинности, въ числѣ новобранцевъ принятыхъ въ войска, оказалось 2¼%. Сложивъ эти цифры, мы можемъ признать, что въ общемъ числѣ молодого мужского населенія Россіи грамотные составляютъ примѣрно 13¼%. Между тѣмъ, въ числѣ мужчинъ, осужденныхъ за преступленія, грамотныхъ и образованныхъ оказывается до 30%; а именно: грамотныхъ 28,83%, получившихъ низшее образованіе 1,19%, среднее образованіе 0,68%, высшее образованіе 0,13%. Какъ ни мало на первый взглядъ представляется здѣсь участіе образованныхъ людей въ средѣ осужденныхъ, но и оно все-таки выше числа такихъ людей по отношенію къ общему составу населенія. Цифру мужского населенія, къ которому относятся цифры свода, можно принять въ 20 милл. душъ. Участіе лицъ высшаго образованія въ числѣ осужденныхъ выражается цифрою 0,13%. Если допустить, что среди 20 милл. мужского населенія тѣхъ же губерній Россіи общее число лицъ, получившихъ высшее образованіе, составляетъ тотъ же процентъ, то оно составитъ 26,000 чел.—цифру, которая по всей вѣроятности скорѣе выше, чѣмъ ниже дѣйствительности. Стало-быть, лицъ даже съ высшимъ образованіемъ въ числѣ осужденныхъ сравнительно оказывается не меньшій процентъ, чѣмъ неграмотныхъ лицъ, средняго образованія; можно даже признать, что процентъ ихъ въ средѣ осужденныхъ значительнѣе, чѣмъ въ средѣ общаго состава населенія тѣхъ же губерній, потому что если взять 0,68% 20-милліоннаго населенія, то

это составитъ 136,000 чел., а такого числа лицъ, получившихъ среднее образованіе среди 20-милліоннаго населенія, у насъ предполагать нельзя. Что касается просто грамотныхъ, то цифра 28,83%, представляющая ихъ долю въ числѣ осужденныхъ, болѣе чѣмъ вдвое превосходитъ процентъ ихъ въ составѣ населенія, какъ онъ представлялся прежними цифрами грамотныхъ среди рекрутъ — 11%. Составители свода не сдѣлали такихъ выводовъ, но поступили основательно, воздержавшись на этотъ разъ отъ доказательства, что неграмотность дѣйствительно оказывается вліятельнымъ факторомъ преступленій, чего тѣми цифрами, которыя у насъ собраны, пока доказывать нельзя, уже потому, что именно въ уѣздахъ, при нынѣшнемъ устройствѣ полиціи, многія преступленія должны ускользать отъ полнаго раскрытія. Положимъ, желаніе доказать, цифрами криминалистике, что просвѣщеніе не увеличиваетъ склонности къ преступленіямъ, само по себѣ есть желаніе благое. Но едва ли въ наше время не слѣдовало бы уже избѣгать доказыванія подобныхъ трузимовъ. Если бы цифры и могли представить ясное подтвержденіе приведеннаго трузима, то не было бы большой выгоды; неужели все еще требуется рѣшеніе вопроса: „учиться или не учиться?“ Дѣлать же особныя усилія, стараться уговорить цифры, чтобы они дали такое благое показаніе, положительно не стоить. Правда, у насъ еще есть кликуши всякой архаической наивности; все еще твердится, что ученіе — тьма, а неученіе — свѣтъ, что грамотность, которая одна даетъ крестьянамъ возможность усчитать старосту и узнать распоряженіе начальства, будто бы развращаетъ крестьянъ, хотя тѣ же самыя кликуши указываютъ на раздолье недобросовѣстныхъ старостъ среди безпомощнаго неграмотнаго народа, какъ на доказательство несостоятельности самаго принципа крестьянскаго самоуправленія. Правда, у насъ нерѣдко еще повторяются во всей ихъ допотопной прелести такія философскія диковины, что „недоученность“ вреднѣе полной безграмотности, „полуобразованность“ хуже дикости и т. п.; но вѣдь для опроверженія подобныхъ диковинъ достаточно, если о нихъ потеряетъ порою нѣсколько словъ фельетонистъ. Нужно ли доказывать, что „ученіе“ и „образованность“, опредѣляемыя программой, которая вчера была иная, чѣмъ сегодня, завтра снова измѣнится, а чрезъ полвѣка станетъ неузнаваемою — не представляютъ никакого опредѣленнаго понятія? Стоить прибавить классъ къ любой школѣ, чтобы всѣ прошедшіе полный ея курсъ до этого времени оказались недоучившимися въ сравненіи съ послѣдующими учениками. Утверждать, что „полуобразованность хуже полнаго невѣжества“, значитъ утверждать, что учиться совсѣмъ не слѣдуетъ, такъ какъ даже высшая нынѣшняя образованность, не говоря уже

о средней, станетъ полуобразованностью со временемъ; одно послѣднее столѣтіе такъ двинуло впередъ всѣ науки и такъ подняло уровень средней образованности въ Европѣ, что люди съ „вполнѣ законченнымъ образованіемъ“ прошлаго вѣка не выдержали бы въ настоящее время вступительнаго экзамена въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Слѣдуетъ ли изъ этого, что „полуобразованность“, процвѣтавшая нѣсколько вѣковъ тому назадъ, когда ученые вѣровали въ астрологию и алхимию, была вредна въ нравственномъ отношеніи; что образованные люди того времени были въ нравственномъ отношеніи хуже дикарей, или хотя бы тогдашней темной массы населенія? Нужно ли доказывать, что всякій лучъ знанія, проникающій въ умъ человѣка, при одинаковости всѣхъ прочихъ обстоятельствъ, совершенствуетъ человѣка? Опасеніе, что значительность процента грамотныхъ и хотя бы образованныхъ въ числѣ подсудимыхъ или осужденныхъ можетъ подать кликушамъ поводъ къ возгласамъ, — справедливо, но ему уступать не слѣдуетъ. Глашатаи эти не имѣютъ авторитета и въ русскомъ обществѣ. Но еслибы даже случилось невозможное, еслибы какимъ-либо чудомъ они получили силу у насъ, мы все-таки можемъ быть спокойны относительно дальнѣйшаго исхода. Въ наше время отдѣльныя страны Европы, отчасти даже Азіи, утратили возможность обособляться и осуществлять въ себѣ какую-нибудь особенную, нигдѣ не существующую форму развитія или застоя.

Что касается показанія цифръ уголовной статистики о значительности процента грамотныхъ и образованныхъ въ итогахъ подсудимыхъ и осужденныхъ, то нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ оно не было принимаемо—когда являлось—въ смыслѣ свидѣтельства противъ нравственнаго вліянія просвѣщенія, потому что это противорѣчило бы здравому смыслу. Такъ точно, еслибы санитарная статистика гдѣ-нибудь обнаружила, что среди достаточныхъ классовъ болѣе больныхъ, чѣмъ среди недостаточныхъ классовъ, то никто не принялъ бы этого показанія въ такомъ смыслѣ, что улучшеніе матеріальнаго быта вообще вредитъ физическому здоровью,—потому что это было бы противно здравому смыслу. А между тѣмъ, нѣтъ невозможности, что когда-либо санитарная статистика и дала бы такое показаніе. Но всякъ понялъ бы его въ иномъ смыслѣ; подобный результатъ долженъ былъ бы значить нѣчто совсѣмъ иное, напр., что нѣкоторыя болѣзни чаще встрѣчаются въ средѣ людей зажиточныхъ, чѣмъ среди бѣдныхъ, и могли бы зависѣть отъ совершенно постороннихъ причинъ: оттого, напр., что среди достаточныхъ классовъ сохраняется до извѣстнаго возраста болѣе значительное число слабыхъ организмовъ, или просто оттого, что регистрація случаевъ заболѣванія точнѣе въ классахъ, которые обращаются къ медицинской помощи, чѣмъ въ тѣхъ клас-

сахъ, которые въ большинствѣ случаевъ обходятся безъ нея. Такъ и показаніе уголовной статистики можетъ быть принимаемо не въ доказательство очевидной нелѣпости, но въ свидѣтельство о дѣйствіи разныхъ другихъ причинъ. Напр., понятно — и это достаточно выяснено уголовною статистикою въ другихъ странахъ — что грамотность и образованность доставляютъ какъ доброй, такъ и злой волѣ новыя средства, новыя орудія. Естественно, что изъ числа судимыхъ за письменный подлогъ, злоупотребленій по службѣ, окажутся грамотными *все*. Но это только одинъ примѣръ. Оказывается, что болѣе трети всего числа преступленій въ Россіи (около 37%) совершаются въ городахъ (въ уѣздахъ только до 63%), между тѣмъ какъ сельское населеніе въ Россіи составляетъ почти 90%. Если сельская преступность представляетъ не 90%, но только 63% въ общемъ числѣ преступленій, то уже отсюда ясно, почему процентъ грамотныхъ и образованныхъ въ числѣ подсудимыхъ долженъ оказаться значительнымъ, такъ какъ тѣхъ и другихъ безъ всякаго сравненія болѣе въ городскомъ, чѣмъ въ сельскомъ населеніи. Стало-быть, здѣсь должны играть роль условія городской жизни. Но и это еще не все. Слишкомъ ясно, что преступленія, совершаемыя въ городахъ, гораздо чаще открываются, чѣмъ преступленія, совершенныя въ дѣсахъ и на дорогахъ. Въ городахъ легче отыскать слѣды и привлечь подозрѣваемыхъ къ обвиненію; легче не только оттого, что больше свидѣтелей, но и оттого еще, что есть полиція, которая у насъ въ уѣздѣ можетъ только дѣйствовать по указаніямъ, но сама ничего усмотрѣть не въ состояніи. Распространяться далѣе объ этомъ вопросѣ мы не можемъ; намъ хотѣлось только сказать, что показаніе цифръ о значительности процента грамотныхъ и образованныхъ въ числѣ осужденныхъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принимаемо въ доказательство нелѣпости, будто образованіе безнравственно, а потому и нѣтъ причины стараться отрицать или ослабить показаніе тѣхъ цифръ. Достаточно оговорить, что оно должно зависѣть отъ другихъ причинъ.

Вообще, относительно какъ статистической разработки, такъ и объясненій цифръ въ нынѣшнемъ сводѣ слѣдуетъ признать, что онъ представляетъ значительный шагъ впередъ, несомнѣнный успѣхъ, хотя нѣкоторые отдѣльные выводы не вполне убѣдительны. Для примѣра, укажемъ на объясненіе статистики женской преступности сравнительно съ мужскою по вѣроисповѣданіямъ. Составители свода выводятъ изъ цитируемыхъ ими процентныхъ цифръ слѣдующее заключеніе: „чѣмъ болѣе, въ виду требованій данной религіи, стѣсненъ кругъ дѣятельности женщины сравнительно съ мужчиною, тѣмъ меньше для нея соблазновъ на преступленіе и тѣмъ меньше цифры, да-

ваемыя ею въ уголовно-статистическія таблицы; замкнутая жизнь магометанки и свободная жизнь женщины-протестантки составляютъ двѣ противоположныя крайности положенія женщины; онѣ отражаются и на цифрахъ ихъ преступленій“. И дѣйствительно, протестантокъ преступницъ сравнительно съ числомъ преступниковъ оказывается всего болѣе, магометанокъ всего менѣе. Но заключеніе составителей свода все-таки невѣрно само по себѣ, потому что изъ него слѣдовало бы, что тѣмъ женщина болѣе стѣснена, менѣе подвергнута соблазнамъ, тѣмъ она нравственнѣе. Между тѣмъ, что же оказывается по родамъ преступленій: что православная женщина, которая болѣе стѣснена въ своей дѣятельности, тѣмъ протестантка, особенно склонна къ преступленіямъ противъ жизни и собственности, а магометанка, уже совершенно стѣсненная въ своей дѣятельности, по словамъ составителей свода, „охотно идетъ на грабежи, разбои и на преступленія противъ управленія!“

Отъ уголовной статистики, которая—повторяемъ—никогда не можетъ служить доказательствомъ, что ученіе есть тьма, перейдемъ къ газетнымъ слухамъ о мѣрахъ, предполагаемыхъ вслѣдствіе безпорядковъ, происходившихъ въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Петербургѣ, прошлой осенью. По этимъ слухамъ, для изслѣдованія причинъ этихъ безпорядковъ была назначена коммиссія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Валуева. По тѣмъ же, явившимся въ печати слухамъ о заключеніяхъ, къ какимъ будто бы пришла коммиссія, можно только составить себѣ приблизительное понятіе о вопросахъ, которые въ ней возбуждались. Идти далѣе и вѣрить этимъ извѣстіямъ относительно самой сущности заключеній коммиссіи, а тѣмъ болѣе мотивовъ, будто бы послужившихъ имъ основаніемъ—можно не иначе, какъ съ величайшей осторожностью. Естественнo, что при такомъ недостовѣрномъ характерѣ свѣдѣній, мы должны воздержаться отъ разсмотрѣнія сущности предположенныхъ будто-бы мѣръ. Ничто намъ не ручается за достовѣрность этихъ извѣстій; а между тѣмъ очевидныя несовершенства въ редакціи этихъ слуховъ, какъ они были изложены въ газетахъ, даютъ основаніе сомнѣваться даже и въ приблизительной точности сообщенныхъ извѣстій. Чтобы подтвердить необходимость отсрочить всякое сужденіе до болѣе положительнаго разъясненія дѣла, мы приведемъ два примѣра. Въ слухахъ, напечатанныхъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ новою редакціею этой газеты, говорилось между прочимъ объ измѣненіи порядка назначеній профессоровъ, вызываемомъ „частыми затрудненіями въ замѣщеніи касседръ и необходимостью устранить вліяніе личныхъ недоразумѣній и даже вражды,

возникающихъ иногда между членами коллегій“, и упоминалось, что по мнѣнію комиссіи, „требованіе оцѣнки ученыхъ заслугъ специалитами можетъ быть согласовано съ требованіемъ извѣстнаго участія въ дѣлѣ и окончательнаго избранія правительственной властью“. При этомъ, говорилось далѣе въ приводимомъ нами слухѣ, „признано вообще полезнымъ уменьшить составъ коллегій, но вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно съ мнѣніемъ министра народнаго просвѣщенія, сохранить, для пользы науки, выборный порядокъ назначенія ректоровъ и декановъ (!)“. Итакъ, если вѣрить этому слуху, министерству народнаго просвѣщенія будто бы не представило возраженій „для пользы науки“ противъ назначенія профессоровъ департаментами, и признало несообразнымъ съ пользою науки только назначеніе тѣхъ же порядкомъ декановъ и ректоровъ. Судить объ этомъ, очевидно, нельзя до полученія болѣе точныхъ и авторитетныхъ извѣстій, такъ какъ предоставленіе избирательныхъ правъ коллегіи, составленной изъ лицъ, назначенныхъ административнымъ порядкомъ, представляло бы у насъ—да и вездѣ—явленіе совершенно новое. Есть примѣры, что предсѣдатели или предводители выборныхъ коллегій назначаются администраціею; но чтобы администраціею назначались избиратели, которые затѣмъ выбирали себѣ предводителей—въ настоящемъ случаѣ декановъ и ректоровъ—это было бы, повторяемъ, нѣчто совершенно новое. Мнѣніе, приписываемое приведеннымъ слухомъ министерству народнаго просвѣщенія, очевидно нисколько не удерживало бы автономію университетовъ, такъ какъ ректоры и деканы, избираемые профессорами, назначенными административнымъ порядкомъ, въ дѣйствительности назначились бы, очевидно, тою же администраціею, которая дала профессорской коллегіи тотъ или другой составъ по своему усмотрѣнію. Здѣсь очевидно есть какое-то недоразумѣніе, и мы должны отнести его къ неточности сообщенныхъ газетами извѣстій. Другой примѣръ еще убѣдительнѣе докажетъ необходимость подождать разъясненія дѣла изъ болѣе авторитетнаго источника изъ слуховъ, помѣщенныхъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Оказывается, будто въ числѣ мотивовъ, принятыхъ комиссіею, былъ слѣдующій—„неудобства, происходящія отъ чрезмѣрнаго (?) притока въ высшія учебныя заведенія учащихся, мало подготовленныхъ въ научномъ отношеніи“. Само по себѣ, неудобство поступленія въ нихъ бы то ни было заведенія учащихся, недостаточно подготовленныхъ къ слушанію въ нихъ курса,—очевидно; это не болѣе чѣмъ простая аксіома. Но въ томъ видѣ, какъ это изложено въ приводимомъ газетномъ слухѣ, это представлялось уже не въ видѣ простой общедоступной истины, но въ видѣ утвержденія факта, что наши высшія учебныя заведенія въ настоящее время дѣйствительно страдаютъ чрезмѣрнымъ

притокомъ мало подготовленныхъ учащихся, и что чрезмѣрный притокъ въ эти заведенія такихъ учащихся неудобенъ, что въ немъ заключается одна изъ причинъ безпорядковъ.

Такъ какъ, по тѣмъ же слухамъ, комиссія состояла исключительно изъ министровъ и лицъ имъ равныхъ, состояла притомъ изъ сѣхъ министровъ, кромѣ министровъ—иностранныхъ дѣлъ и императорскаго двора, и заключенія свои постановила единогласно, то прежде, чѣмъ принять за дѣйствительное выраженіе ея заключеній оложенія, подобныя тѣмъ, на которыя указано для примѣра, необходимо подождать несомнѣннаго разъясненія. Къ этому должно добавить насъ уже то обстоятельство, что въ печати же уже появились нѣкоторые варианты приписываемыхъ комиссіи заключеній; тако-быть, мы имѣемъ не только право, но даже обязанность относиться съ недовѣріемъ къ текстамъ, доселѣ напечатаннымъ. Такъ, въ текстѣ, помѣщенномъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, совсѣмъ не упоминается о признанномъ будто бы комиссіею неудобствѣ чрезмѣрнаго притока“, хотя говорится о введеніи бѣльшей строгости экзаменовъ, какъ и въ текстѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Стало-быть, въ приведенномъ мѣстѣ мы можемъ видѣть произвольное добавленіе. Съ другой стороны, если вѣрить „Московскимъ Вѣдомостямъ“, то комиссія признала будто бы однимъ изъ недостатковъ быта нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, недостатокъ, служащихъ источниками безпорядочныхъ движеній, слѣдующее, между прочимъ, обстоятельство: „утилитарныя цѣли, привлекающія большинство молодыхъ людей въ высшія учебныя заведенія въ надеждѣ именно на несерьѣзность выпускныхъ экзаменовъ“. Между тѣмъ, словъ „въ надеждѣ именно на несерьѣзность выпускныхъ экзаменовъ“ въ текстѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ совсѣмъ нѣтъ, хотя онъ пространнѣе и хотя въ немъ также говорится о неудобствѣ „утилитарныхъ цѣлей“; итакъ, въ отмѣченныхъ сейчасъ словахъ мы вправѣ также усмотрѣть произвольное добавленіе другой редакціи. Между тѣмъ, представляется слѣдующая странность: въ текстахъ обѣихъ газетъ приводятся и составъ комиссіи, и мотивы ея, и заключенія, но при этомъ въ одномъ текстѣ нѣтъ нѣкоторыхъ, весьма существенныхъ мѣстъ, которыя есть въ другомъ, а между тѣмъ, тѣ мѣста, которыя помѣщены въ обѣихъ текстахъ, изложены со сходствомъ *буквальнымъ*. Стало-быть, мы можемъ только предположить, что одинъ и тотъ же корреспондентъ сообщилъ свое изложеніе обѣимъ названнымъ газетамъ, но онѣ помѣстили это изложеніе въ разныхъ видахъ. Все это требуетъ отъ насъ крайней осмотрительности въ приписаніи того или другого мнѣнія такой комиссіи, которая своимъ составомъ представляла почти весь совѣтъ мини-

стровъ. Мнѣніе такого собранія о положеніи дѣлъ въ нашихъ университетахъ и заключеніи его относительно будущности высшихъ училищъ, вообще, имѣютъ слишкомъ важное значеніе, что можно было разсматривать ихъ на основаніи однихъ слуховъ, и на бавовъ не вполнѣ между собою согласныхъ. Никто болѣе насъ не скорбитъ о безпорядкахъ, бывающихъ въ средѣ учащихся; безпорядки эти роняютъ достоинство высшихъ школъ, губятъ молодыхъ людей, отзываются вредно для самаго положенія училищъ, побуждаютъ приписывать особенностямъ ихъ устройства и то, что представляетъ вездѣ просто особенность бурнаго возраста. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что учащіеся должны учиться, а не выбирать смѣлы профессоровъ, хотя отсюда еще не необходимо слѣдуетъ, что сами профессеры неспособны избирать своихъ товарищей. Но нѣтъ такихъ сомнѣній, что однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ къ отстраненію безпорядковъ есть твердость уставовъ. Если мы и рѣшились сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе по существу предположеній въ томъ неостовѣрномъ видѣ, какъ они переданы газетными слухами, то замѣчаніе наше коснется значенія *твердости* уставовъ именно для правительственныхъ цѣлей. Цѣлью назначенія коммиссіи изъ главныхъ начальниковъ всѣхъ вѣдомствъ могло быть только опредѣленіе единства въ дѣйствіяхъ этихъ вѣдомствъ. Но единство въ дѣйствіяхъ для предотвращенія безпорядковъ возможно и при существованіи различныхъ уставовъ въ разныхъ школахъ; однообразіе уставовъ даже немислимо. Между тѣмъ, еслибы была признана необходимость измѣненія уставовъ, а еще до того времени, когда уставы будутъ переработаны, приняты были какія-либо общія правила административнаго дѣйствія, то такіа правила по самой своей общности могли бы заключать въ себѣ только весьма неопредѣленные указанія, и затѣмъ дѣйствительное примѣненіе ихъ, по необходимости, пришлось бы предоставить усмотрѣнію каждаго изъ тѣхъ вѣдомствъ, которымъ разныя высшія учебныя заведенія подчинены. Здѣсь могло бы оказаться то неудобство, что уставы, нынѣ существующіе, вслѣдъ за признаніемъ необходимости ихъ измѣненія были бы какъ-бы приостановлены въ своемъ дѣйствіи, а до работки новыхъ уставовъ преобладали бы въ дѣйствительности отдѣльныя усмотрѣнія отдѣльныхъ вѣдомствъ, что и могло бы помешать не къ желаемому единству, но къ еще большому противъ прежняго разнообразію въ дѣйствіи разныхъ отраслей администраціи по отношенію къ ввѣреннымъ имъ училищамъ. Но, повторяемъ, и это очевидное неудобство, съ правительственной точки зрѣнія, мы называемъ совершенно гадательно, не какъ на нѣчто предусматриваемое нами, но какъ на нѣчто такое, чего слѣдовало бы во всякомъ

чаѣ избѣгнуть. Очень можетъ быть, что ничего подобнаго не изойдетъ, что указаннаго неудобства совѣсть нельзя было бы и исать, еслибы намъ извѣстны были истинныя предположенія имисіи.

Въ составѣ петербургской печати въ прошломъ мѣсяцѣ произошла весьма важная перемѣна, обратившая на себя такое вниманіе пества, что намъ даже было бы излишне называть самый фактъ. ичина такого вниманія, конечно, заключалась прежде всего въ гъ уваженіи, которымъ пользовалась, въ образованныхъ слояхъ пего общества, особенно въ послѣднее время, газета, основанная е Петромъ Великимъ при нашей Академіи Наукъ, и съ января нышняго года перешедшая въ непосредственное вѣдѣніе министра народнаго просвѣщенія; при Академіи оставлена пока одна нѣкая газета, точно также политическая, какъ и русская газета. не повторяемъ тѣхъ соображеній, какія занимали читающую блику, относительно этой перемѣны, и гаданій, будетъ ли минирская газета тѣмъ же самымъ изданіемъ, какимъ была академическая газета; всѣ эти соображенія и гаданія, можетъ быть, окагся со временемъ неосновательными; намъ возможно только прити указаніе самой новой редакціи, изъ котораго видно, что разіе ея отъ предшествовавшей состоитъ главнымъ образомъ въ гъ, что прежняя редакція была обязана печатать на своихъ столбъ статьи, доставляемыя изъ министерства, но съ замѣчаніемъ отъ я, что эти статьи ей сообщены; а нынѣшняя редакція обязана атать такіа статьи безъ подобнаго различенія. Мы не видимъ этомъ никакого неудобства для читателя; здѣсь можетъ возникнуть неудобство для одной только редакціи, такъ какъ читатели бутъ, иногда и несправедливо, принимать ея собственные статьи сообщенныя министерствомъ. Тутъ можетъ явиться также неубство и для самого министерства, какъ правительственнаго учрежденія, такъ какъ теперь могутъ ему, правительственному учрежденію, приписывать статьи, которыя, можетъ быть, имъ вовсе и не сообщены. Вирочемъ, дальнѣйшая практика выяснитъ лучше въ удобства и неудобства послѣдней перемѣны; мы припоминаемъ этому поводу одно, что при основаніи „Правительственнаго Вѣника“ было признано неудобнымъ, чтобы военное министерство ѣло въ своемъ вѣдѣніи собственный литературно-политическій гантъ, какимъ былъ прежде „Русскій Инвалидъ“.

Итакъ, о практическихъ послѣдствіяхъ перемѣны въ редакціи „Петербургскихъ Вѣдомостей“—повторяемъ—говорить преждевременно; данныя для сужденія о новой редакціи доставлены ею еще не

всѣ; и потому мы обратимся только къ тому, что намъ вполне извѣстно и въ нашихъ глазахъ несомнѣнно. Если мы скажемъ, что редакторъ В. Θ. Корша успѣла въ 12 лѣтъ составить себѣ самую добрую славу, то мы только повторимъ тѣмъ убѣжденіе, которое не откажется раздѣлить даже ея литературные противники, способные стать выше личныхъ счетовъ мелкаго самолюбія. Въ эти 12 лѣтъ мы всѣ прожили эпохи колебаній, сомнѣній, весьма естественныхъ въ эпохи преобразованій, когда наиболѣе подвергаются искусу всѣ личные интересы и чувства; такія эпохи трудны для печати всегда, но онѣ особенно трудны для нашей юной печати, которая сама была реформирована всего десять лѣтъ тому назадъ, и поставлена въ первый разъ на европейскую дорогу. Тѣмъ не менѣе, всякій разъ, когда намъ случалось расходиться съ газетою В. Θ. Корша, особенно по экономическимъ вопросамъ, мы должны были отдавать справедливость своему противнику: это всегда было одною борьбою мнѣній, и никогда—борьбою журналовъ, личною борьбою. Вудущій историкъ нашего времени кромѣ того, найдетъ въ газетѣ В. Θ. Корша искреннее выраженіе мнѣній и стремленій лучшей части нашего общества, которая высоко цѣнила всѣ послѣднія реформы, безъ самолюбивыхъ идей подчинять общественное мнѣніе во что бы то ни стало, и съ одною любовью добру. Такой характеръ газеты не могъ не обусловливаться, конечно, помимо талантовъ сотрудниковъ, также и личнымъ характеромъ редактора; такъ поняло это и большинство петербургскихъ редакцій, пригласившее В. Θ. Корша на прощальный обѣдъ 19-го января. На обѣдѣ присутствовало до 20 петербургскихъ редакцій, но можно подуматъ, что это—одна семья, привыкшая собираться ежедневно вокругъ обѣденнаго стола: такъ много было задушевности безъ всякихъ фразъ, безъ официальныхъ рѣчей. Провинціальная пресса: изъ Москвы: „Русскія Вѣдомости“ и „Современныя Извѣстія“; изъ „Кіевскій Телеграфъ“, и изъ Одессы: „Одесскій Вѣстникъ“ и „Воросійскій Телеграфъ“ — выразили свое участіе телеграммами. Къ этимъ телеграммамъ присоединилась заграничная телеграфическая фирма изъ бывшихъ петербургскихъ редакторовъ, П. Д. Боборыкинъ. Обѣдъ заключился предложеніемъ подписки на стипендію изданія В. Θ. Корша, и тутъ же собрано было до 1500 рублей. Послѣ обѣда была получена опоздавшая въ пути телеграмма Ив. С. Тургенева, выразившая то же желаніе, которымъ Н. А. Некрасовъ закончилъ первый тостъ въ честь гостя, а именно, чтобы В. Θ. Коршъ имѣлъ возможность когда-нибудь возвратиться къ тому занятію, которое онъ называлъ любимымъ въ своемъ прощаніи съ читателями. Присоединился и мы къ этому желанію.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е февраля, 1875.

изъ Гладстона отъ управленія партіею.—Положеніе либеральной партіи въ аментѣ.—Современные ея эпитоны.—Маркизъ Гартингтонъ.—Гладстонъ-ицистъ.—Новый переворотъ въ Испаніи.—Несостоятельность всѣхъ партій.—Неизбѣжность воцаренія Альфонса.

Парламентскія партіи въ Великобританіи готовились къ открытію, и среди партій либеральной, то-есть среди нынѣшней оппозиціи, возникалъ вопросъ о программѣ дѣйствій, или, лучше сказать, о положеніи, какое она должна занять, такъ какъ о пріобрѣтеніи власти пока не могло быть рѣчи. Слабость либеральной партіи исѣла не только отъ того, что въ нынѣшней палатѣ общинъ либералы составляютъ меньшинство, но еще, и въ особенности, отъ той дезорганизациі, оказавшейся въ средѣ этой партіи. Передовая кина либераловъ давно уже была недовольна самимъ Гладстономъ, видя, что онъ не рѣшался на новыя радикальныя мѣры въ гѣдніе годы своего министерства. Умѣренные либералы, или виги гѣсномъ смыслѣ, были утомлены уже тѣмъ рядомъ преобразованій, ыры были дѣйствительно осуществлены Гладстономъ. Представили протестантскихъ диссидентовъ были недовольны его закои о народномъ образованіи. Ирландскіе члены, которые принадлежатъ къ составу либеральной партіи, въ послѣднее время были овольны вождемъ ея за то, что онъ выступилъ въ качествѣ анти-истскаго писателя. Дисциплина, необходимая для партіи, замѣтно оѣбла уже при министерствѣ Гладстона; въ теченіи же 1874 года, а либералы стали оппозиціею, она продолжала ослабѣвать вслѣд-е самаго образа дѣйствій своего вождя. Дѣло въ томъ, что онъ ялся въ рядахъ своей парламентской партіи только наѣздами, гупалъ въ качествѣ вождя только въ отдѣльных случаяхъ и бмъ, произнесъ какое-либо обязательное для всей партіи слово,

вновь исчезалъ изъ парламента, удалялся въ міръ Гомера или словесныхъ споровъ, а армію свою покидалъ какъ бы на произволъ судьбы. Между тѣмъ, до тѣхъ поръ, пока онъ оставался признаннымъ главою партіи, никто изъ другихъ вліятельныхъ членовъ не рѣшался принимать руководство ею на себя. Талантливый и бывшій министръ финансовъ, внушилъ къ себѣ личную антипатію своей рѣзкостью и, сверхъ того, не пользовался довѣріемъ либераловъ еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ, въ 1865 году, вступилъ въ союзъ консерваторами, чтобы отклонить вторую избирательную реформу, которая была осуществлена затѣмъ двумя годами позже. Форстеръ, считавшійся ближайшимъ сподвижникомъ Гладстона и повѣреннымъ его общихъ взглядовъ, казался слишкомъ радикаленъ въ гнѣвъ, такъ какъ онъ уже принялъ на себя обязательство осуществить, въ смыслъ требованій диссидентовъ, нѣкоторые измѣненія въ законахъ 1870 и 1872 годовъ о народномъ образованіи, имъ же проведенныхъ. Результатъ послѣднихъ выборовъ, показавшій, что большинство избирателей склонно пока отложить дальнѣйшія, сколько-нибудь существенныя реформы, показавъ, что изъ всѣхъ отдѣленій либеральной партіи, въ настоящее время, наиболѣе соответствовала бы настроенію страны фракція чистыхъ виговъ или умѣренныхъ, весьма угнетала либераловъ. Виднѣйшимъ представителемъ этого направления въ нынѣшней оппозиціи сталъ, въ послѣднее время, сэръ Уильямъ Гаркортъ. Но его никакъ не могли бы признать руководителемъ радикалы, ни ирландцы, и еслибы чистые виги рѣшились, въ соизвѣстіи своей сравнительной популярности въ настоящее время, выступить съ какою-нибудь опредѣленною программой, имѣя во главѣ сэра Уильяма Гаркорта, то это повело бы къ полному распаду либеральной партіи. Что касается графа Гранвилля, который, по своему личному положенію и долговременности своей политической дѣятельности, являлся крупнѣйшимъ представителемъ всей либеральной партіи, послѣ Гладстона, то онъ могъ бы быть только номинальнымъ главою партіи, но не руководителемъ ея, уже потому, что онъ членъ верхней, а не нижней палаты, которой уже не принадлежитъ державная власть въ государствѣ. Нечего прибавлять, что какъ названные лица, такъ и другіе замѣтнѣйшіе члены либеральной партіи, напримѣръ, маркизъ Гартингтонъ и г. Гошенъ, далеко отстаютъ отъ Гладстона въ личныхъ дарованіяхъ и въ политическомъ искусствѣ; въ послѣднемъ у Гладстона нѣтъ равного во всемъ британскомъ парламентѣ настоящаго времени. Самъ Дизраэли, въ сравненіи съ великимъ, истинно-государственнымъ ораторомъ, Гладстонъ; главное парламентское искусство Дизраэли, это —

дѣйствій, а не сила аргументаціи; въ этомъ послѣднемъ отношеніи его далеко превосходитъ Гладстонъ, котораго свѣтлый, аналитическій умъ проникаетъ, какъ ножъ, въ тончайшіе пробѣлы демонстраціи противника и съ поразительной ловкостью и ясновидѣніемъ распоряжается въ цѣломъ лѣсу цифръ, котораго иной умъ и объять не можетъ.

Итакъ, положеніе либеральной партіи къ началу 1875 года было таково, что представлялась новая сессія не только безъ опредѣленной программы, но и безъ дисциплины, такъ какъ вождь признанный принималъ начальство только урывками, и затѣмъ удалялся, а никто не рѣшался замѣнить его, да и не могъ выступить руководителемъ всей партіи. Въ передовой статьѣ газеты „Times“, написанной 13-го января, поставленъ былъ вопросъ: что будетъ дѣлать Гладстонъ въ предстоящую сессію? Въ этой статьѣ ему указывались два удовлетворительные исхода: или принять вновь постоянное, непрерывное управленіе оппозиціею въ палатѣ общинъ, или ясно и рѣшительно отказаться отъ предводительства оппозиціею, такъ чтобы она могла избрать себѣ другого вождя. Въ мнѣніи англійскаго общества, оппозиція въ парламентѣ является одною изъ существеннѣйшихъ и необходимѣйшихъ частей всего политическаго организма націи. Безъ опредѣленной, сознательной и дѣятельной оппозиціи, по мнѣнію англичанъ, правильное теченіе политической жизни столь же невозможно, какъ и безъ опредѣленнаго и сознательнаго большинства, изъ котораго исходить и на которое опирается существующее въ данное время правительство. Поэтому, единственнымъ неудовлетворительнымъ исходомъ для Гладстона „Times“ называлъ третій путь, тотъ средній путь, котораго держался Гладстонъ въ теченіи 1874 года: пребываніе его въ сѣверномъ Уэльсѣ во время сессіи, происходившей въ Уэстминстерѣ, появленіе его въ парламентѣ налетомъ, „съ билетомъ на обратный проѣздъ“, оставленіе оппозиціи безъ всякаго руководства въ девяти случаяхъ изъ десяти, съ тѣмъ, что при десятомъ случаѣ Гладстонъ появлялся изъ Уэльса въ Уэстминстеръ какъ бы для того, чтобы внести окончательное замѣшательство въ ряды его приверженцевъ. „Times“ высказывалъ, съ сожалѣніемъ, что до того времени всѣ настоянія членовъ либеральной партіи побудить Гладстона къ дѣятельному и непрерывному исполненію его обязанности, какъ вождя оппозиціи, оказывались тщетными, и выражалъ еще, что хотя окончательный отказъ его отъ предводительства въ либеральной партіи былъ бы тяжелой потерей для страны, но что и такая потеря была бы все-таки менѣе пагубна для общественнаго дѣла, чѣмъ тотъ способъ дѣйствій, котораго Гладстонъ въ послѣднее время держался.

Въ тотъ самый день, когда была написана эта статья, въ постоу еще и не могла быть прочтена Гладстономъ, онъ по къ графу Гранвиллю письмо, въ которомъ объявлялъ о своемъ шеніи отказаться отъ руководства либеральной партіею, при что рѣшеніе его неизмѣнно. Отказъ свой онъ мотивировалъ д желаніемъ. Такое рѣшеніе Гладстона произвело въ Англіи весьма сильное впечатлѣніе. Органы всѣхъ партій выразили по поводу его сожалѣніе, и за немногими исключеніями—неодобреніе. Органъ Гладстона, „Daily Telegraph“, утѣшалъ себя мыслию, что Гладстону, что бы онъ ни сдѣлалъ, не удалось бы заслужить одобренія большинства печати въ настоящее время; что ему ставится въ вину его добровольное удаленіе, но въ еще бѣльшую вину была бы поставлена рѣшимость оставить за собою прежнее положеніе; та же газета замѣтила, что Гладстону, которому теперь 65 лѣтъ и который началъ свою политическую дѣятельность съ 22-хъ-лѣтняго возраста, отдавъ своей странѣ 43 года своей жизни, всѣ лучшія свои силы, должно быть позволено распорядиться остаткомъ жизни и силъ по своему личному усмотрѣнію. Все это, безъ сомнѣнія, справедливо, и если Гладстонъ мотивировалъ свой отказъ отъ предводительства либеральной партіею просто тѣмъ, что онъ усталъ, что уже не чувствуетъ болѣе силъ для служенія обществу, наконецъ, хотя бы тѣмъ, что политика ему надоѣла, едва ли можно было бы не удовлетвориться такимъ объясненіемъ. Но Гладстонъ, въ письмѣ своемъ, мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что желаетъ посвятить остатокъ своихъ силъ иному, специальному предмету, который его особенно занимаетъ. Не могло быть сомнѣнія, что предметъ этотъ—богословскія изслѣдованія. Итакъ, оказывается, что Гладстонъ отказался отъ предводительства либеральной партіею не въ силу сколько-нибудь извинительнаго эгоизма, но вслѣдствіе убѣжденія, что онъ можетъ принести обществу отнынѣ бѣльшую пользу сочиненіемъ статей философическаго или каноническаго содержанія, чѣмъ участіемъ въ опредѣленіи дальнѣйшей судьбы своего отечества, предводительствомъ въ защитѣ и осуществленіи своихъ взглядовъ на лучшее направленіе государственнаго быта Великобританіи. Вотъ гдѣ заключалась причина общихъ, отчасти весьма рѣзкихъ нападокъ англійской печати на рѣшеніе Гладстона. Газета „Pall Mall“ замѣтила, что о рѣшеніи этомъ слѣдуетъ пожалѣть уже потому, что въ немъ представляется замѣчательный примѣръ самообольщенія, такъ какъ Гладстонъ оставилъ политическія пренія для религіозной полемики, безъ сомнѣнія, не только по склонности къ послѣдней, но еще и по убѣжденію, что онъ въ ней мастеръ. „Въ этомъ онъ сильно ошибается. Г-нъ Гладстонъ—весьма плохой писатель; при чтеніи его произведеній

можно только при особенно старательномъ изученіи и отбросивъ въ сторону всякое сравненіе съ хорошимъ изложеніемъ, открыть нѣкоторые слѣды той силы, которая составляетъ могущество его въ парламентскихъ преніяхъ". „Pall Mall" заключила свое разсужденіе замѣчаніемъ, что Гладстонъ-памфлетистъ напоминаетъ собою Ришльё, писавшаго трагедію, и Фридриха Второго, слагавшаго александрійскіе стихи, но что Ришльё при этомъ все-таки продолжалъ управлять страной, а Фридрихъ не уставалъ вести войны.

Литературная область, которую избралъ Гладстонъ, чтобы служить обществу остаткомъ своихъ силъ, не была доселѣ избираема никѣмъ изъ замѣчательнѣйшихъ политическихъ дѣятелей новѣйшей исторіи, за исключеніемъ Гизо, если только можно причислить послѣдняго къ числу такихъ людей. Это область религіозной, или точнѣе, канонической полемики. Гладстонъ, одинъ изъ членовъ того поколѣнія оксфордскаго университета, которое было предано усиленію идеи авторитета въ англиканской high church, поколѣніе, къ которому принадлежитъ и извѣстный теологъ Ньюмэнъ, принявшій католичество,—возсталъ противъ ультрамонтанства въ томъ новомъ видѣ, какъ оно представилось папскими „силлабусами" и опредѣленіями ватиканскаго собора 1870 года, то-есть прямымъ осужденіемъ всѣхъ современныхъ политическихъ догматовъ, всѣхъ тѣхъ принциповъ, которые болѣе и болѣе входятъ въ общее сознаніе современнаго общества и становятся основами внутренней политической жизни. Главной цѣлью возраженій Гладстона служило подтвержденіе и развитіе въ католицизмѣ ученія о необходимости полного и безусловнаго повиновенія папѣ. Успѣхи католицизма въ самой Англіи, по-видимому, вызвали Гладстона на бесплодное поле религіозной борьбы. Онъ помѣстилъ статью въ „Contemporary Review", которою оспаривалъ значеніе тѣхъ рельефныхъ, но немногочисленныхъ и уединенныхъ обращеній въ католичество, какія оказались въ Англіи. Затѣмъ, онъ издалъ брошюру о декретахъ ватиканскаго собора, въ которыхъ доказывалъ несомнѣнность безусловнаго повиновенія папѣ съ долгомъ гражданина, котораго первыя обязанности связываютъ съ благомъ страны. Наконецъ, въ статьѣ, напечатанной въ „Quarterly Review", онъ отнесся съ ироніею къ аллокуціямъ, въ которыхъ папа какъ-бы нарочно доводитъ свои требованія отъ вѣрующихъ католиковъ до невозможнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчерпываетъ лексиконъ всѣхъ сколько-нибудь литературныхъ бранныхъ словъ. Въ средѣ англійскихъ католиковъ эти сочиненія Гладстона вызвали отчасти разладъ, отчасти бурю. Одинъ изъ виднѣйшихъ представителей католицизма, лордъ Эктонъ заявилъ въ печати, что никогда англійскіе католики не послушаются такихъ приказаній, которыя были бы несо-

образны съ ихъ преданностью странѣ. За это лордъ Эктонъ былъ преданъ порицанію со стороны представителей духовной католической власти въ Англіи. Противоположное, „правовѣрное ученіе“ было выражено среди англійскихъ католиковъ еще года два тому назадъ графомъ Денби въ словахъ: „мы прежде католики, а потомъ англичане“, съ присовокупленіемъ, что и члены протестантскихъ сектъ въ Англіи признаютъ себя „прежде христіанами, а потомъ англичанами“, и что въ положеніи этомъ нѣтъ ничего ни новаго, ни несообразнаго съ гражданской вѣрностью (loyalty). На эту самую тѣму были настроены всѣ осужденія и возраженія, которыя послышались на Гладстона со стороны католическихъ духовныхъ властей, писателей и митинговъ. Противъ него выступили, одинъ за другимъ, монсиньоръ Кэпель, самъ архіепископъ Маннингъ, и наконецъ — товарищъ Гладстона по университету Ньюмэнъ; всѣ они, какъ и множество второстепенныхъ писателей и ораторовъ на католическихъ митингахъ, старались защищать ту самую тѣму, которая съ такою ясностью была однажды высказана графомъ Денби. Вмѣстѣ съ тѣмъ, религиозная полемика, вызванная еще биллемъ о „правилахъ богослуженія“, принятыхъ парламентомъ въ прошлой сессіи, и направленнымъ противъ ритуалистовъ, возгорѣлась съ новою силой, такъ что англиканскіе ритуалисты, то-есть приверженцы того направленія, къ которому принадлежитъ Гладстонъ, подверглись нападеніямъ съ обѣихъ сторонъ: на нихъ возстали и англикане, стоящіе за „чистоту“ обрядовъ, упрекая ритуалистовъ въ наклонности къ католицизму, и католики, во главѣ которыхъ опять явился монсиньоръ Кэпель, упрекая ритуалистовъ въ томъ, что они играютъ въ нѣчто похожее на религиозный маскарадъ, усвоивая себѣ одну за другой главнѣйшія внѣшнія формы католицизма, которыя въ ихъ богослуженіи, не выражая собою догматовъ, которыхъ они не усвоили себѣ, остаются пустыми формами, лишенными всякаго содержанія. Такое неожиданное оживленіе религиозныхъ вопросовъ и споровъ представляется страннымъ тѣмъ наблюдателямъ, которыми упущено было изъ виду, что идеи, живущія въ массахъ народа, продолжаютъ составлять реальную силу въ политикѣ.

Между тѣмъ, отказъ Гладстона отъ руководства либеральной партіею открылъ возможность и вмѣстѣ необходимость замѣны его другимъ человекомъ. Гладстонъ, впрочемъ, не отказался отъ своего мѣста въ парламентѣ, а стало быть, можно ожидать, что въ нѣкоторыхъ отдѣльных случаяхъ онъ все-таки будетъ возвышаться въ немъ голосъ, что за отказомъ его отъ предводительства, можетъ быть, будетъ не особенно желательно для либеральной партіи, такъ какъ при своемъ личномъ авторитетѣ рѣчи его не могутъ не оказывать

вліянія и впредь, создавая тѣмъ затрудненіе для будущаго вождя. Безспорнымъ главою либеральной партіи является теперь графъ Гранвилль, но, по указанной уже причинѣ, а также и потому, что онъ никогда не игралъ видной роли въ борьбѣ по внутреннимъ политическимъ вопросамъ, онъ будетъ только номинальнымъ главою либеральной партіи, подобно тому, какъ герцогъ Ричмондъ считается главою партіи консервативной. Сверхъ того, графъ Гранвилль останется главнымъ представителемъ виговъ въ палатѣ лордовъ. Но руководителемъ партіи можетъ быть только членъ палаты общинъ. Выше уже показано отношеніе, въ какомъ находятся къ разнымъ фракціямъ либеральной партіи значительнѣйшіе ея представители въ нижней палатѣ. Ни Лоу, ни Форстеръ, ни сэръ У. Гаркортъ не могли быть избраны въ вожди всей партіи, и за невозможностью остановиться на одномъ изъ нихъ, выборъ повидимому окончательно палъ на маркиза Гартингтона, о личности котораго поэтому и слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. — Гартингтонъ сравнительно молодой человекъ; ему 42 года. Въ министерство онъ вступилъ въ первый разъ въ 1863 году, въ должности товарища военнаго министра, въ кабинетѣ Росселя; затѣмъ онъ былъ назначенъ военнымъ министромъ передъ паденіемъ этого кабинета; въ кабинетѣ Гладстона въ 1868 г. онъ былъ генералъ-почтмейстеромъ, а затѣмъ, съ 1871 г. до паденія виговъ — главнымъ секретаремъ по дѣламъ Ирландіи. Репутацію дѣятельнаго и способнаго человека онъ приобрѣлъ въ должности военнаго министра. Гартингтонъ — хорошій ораторъ, хотя далеко не первостепенный. Онъ представитель Нью-Радпора въ палатѣ общинъ; въ палатѣ общинъ, а не въ палатѣ пэровъ, онъ занимаетъ мѣсто потому, что, какъ маркизъ Гартингтонъ, онъ — пэръ ирландскій, а ирландскіе пэры имѣютъ только представителей своего сословія въ палатѣ лордовъ, но не состоятъ наследственными ея членами. Но Гартингтонъ будетъ членомъ палаты лордовъ со временемъ, потому что онъ старшій сынъ герцога Девоншѣра, одного изъ первыхъ магнатовъ Англіи. Это обстоятельство отчасти благопріятствовало нынѣ избранію его въ руководители либеральной партіи. Такъ какъ, со временемъ, онъ долженъ перейти въ верхнюю палату и, стало быть, утратить положеніе руководителя своей партіи, то онъ представлялся теперь какъ-бы временнымъ, переходнымъ вождемъ, а такого охотника признаютъ различныя фракціи либеральной партіи, изъ числа которыхъ и виги и радикалы надѣются приобрести со временемъ преобладающее значеніе въ общемъ составѣ либеральной партіи. Сверхъ того, соперникамъ, изъ которыхъ никто не выдвигается безспорно на первый планъ, легче склониться передъ высокимъ общественнымъ положеніемъ Гартингтона, чѣмъ предъ личнымъ авто-

ритетомъ одного изъ своей среды; по крайней мѣрѣ это такъ въ Англіи. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, и хотя Гартингтона выбрали за недостаткомъ лучшаго, не слѣдуетъ думать, что онъ — человѣкъ незначительный. Человѣкъ, который достигъ въ Великобританіи важнаго министерскаго поста и отправлялъ свою должность съ отличіемъ, лично незначительнымъ быть не можетъ. Само собою разумѣется не только то, что онъ окончилъ университетскій курсъ (въ Кембриджѣ), но и то, что слово его заслуживаетъ вниманія и имѣетъ вѣсъ среди того собранія, которое представляетъ цвѣтъ умственныхъ силъ, знанія и политической опытности такой страны, какою Великобританія. Затѣмъ, отъ дальнѣйшей судьбы разныхъ отгѣнковъ либеральной партіи будетъ зависѣть, изъ котораго ряда выйдетъ человѣкъ, способный окончательно замѣнить собою Гладстона, когда маркизъ Гартингтонъ изъ предводителя либеральной партіи преобразится въ герцога Девоншѣра. Лично Гартингтонъ, какъ вѣрный сподвижникъ Гладстона, назначенный министромъ ирландскихъ дѣлъ вслѣдъ за реформою поземельныхъ законовъ въ Ирландіи, не представляетъ чистый вигизмъ въ старинномъ смыслѣ, чѣмъ сэръ У. Гаркортъ. Но нельзя однако сказать, что радикалы очень охотно подчинились руководительству столь аристократическаго вождя. Самое образованіе новаго клуба либеральной партіи, который получилъ названіе Devonshire и образовался подъ влияніемъ Кэвендишей, Росселей и другихъ представителей наслѣдственнаго, аристократическаго вигизма, не могло понравиться передовой дружинѣ либераловъ, которая во всѣхъ этихъ историческихъ традиціяхъ склонна видѣть что въ родѣ процессіи лорда-мэра, въ парикахъ и съ алебарщиками, или сожиганія кулы Гея Фоукса. Но временное настроеніе страны, да и положеніе дѣлъ на континентѣ Европы мало благоприятствуютъ радикаламъ, такъ что они должны будутъ пока шествовать въ рядахъ, предводимыхъ новымъ вождемъ либеральной партіи.

Одно лицо, какъ бы велики ни были заслуги и авторитетъ его, значить не много тамъ, гдѣ твердыя, никѣмъ неоспариваемыя учрежденія обезпечиваютъ судьбу народа, предоставляя ему одну распоряжаться ею. Но одно лицо, даже сравнительно мелкое, можетъ значить весьма много тамъ, гдѣ судьба націи брошена на произволъ искателей приключеній. Удаленіе такого человѣка, какъ Гладстонъ, не произведетъ ни малѣйшаго перерыва не только въ государственной жизни Англіи, но даже и въ правильной дѣятельности ея партій, между тѣмъ какъ испанскому правительству достаточно было поспорить съ однимъ второстепеннымъ генераломъ, относительно мелкимъ человѣкомъ, каковъ былъ Арсеній Мартинесъ-Ду-

ность, чтобы произошелъ государственный переворотъ, и управление судьбой всей націи перешло изъ однихъ рукъ въ другія. Мартинесъ-Кампосъ, при президентствѣ Кастеляра, въ 1873 году, отличился въ подавленіи кантоналистскаго движенія на югѣ. Альфонсистскія сочувствія его были извѣстны, но такъ какъ они были вообще сильно распространены въ арміи, то Кастеляру не было выбора; онъ долженъ былъ брать тѣхъ генераловъ, какіе были. И вотъ, Мартинесъ-Кампосъ онъ назначилъ генераль-капитаномъ въ Каталоніи, куда проникали въ то время отряды дон-Альфонса, не того дон-Альфонса, которому сочувствовалъ генераль-капитанъ, но одного изъ карлистскихъ вождей, брата легитимистскаго претендента, дон-Карлоса. Такимъ образомъ, когда годъ тому назадъ генераль Павія въ Мадридѣ положилъ конецъ парламентской агитаціи, разогнавъ кортесы—которые съ той поры уже и не собирались—Мартинесъ-Кампосъ управлялъ Каталоніею и считалъ себя вправе вліять на исходъ переворота, произведеннаго въ Мадридѣ такимъ же, какъ онъ, генераль-капитаномъ. Вліяніе Мартинесъ-Кампоса могло бы выразиться въ такомъ смыслѣ, что новое правительство получило бы альфонсистскій характеръ, составилось бы съ цѣлью возстановленія монархіи, низвергнутой въ 1868 году; случилось совершенно иное. Во главѣ новаго правительства сталъ маршалъ Серрано, главный представитель революціи 1868 года, побѣдитель при Альколеѣ, затѣмъ регентъ, потомъ министр-президентъ короля Амедея, наконецъ глава новаго правительства, представлявшаго въ Испаніи нѣчто въ родѣ септенната, только безъ національнаго собранія и безъ утвержденной на семь лѣтъ власти. Когда маршалъ Серрано составилъ первое министерство, Мартинесъ-Кампосъ убѣдился, что реставраціи не предполагалось, такъ какъ въ составѣ министерства остались даже республиканцы Гарсіа-Рунсъ и Мартосъ. Тогда Мартинесъ-Кампосъ сложилъ съ себя званіе генераль-капитана и произнесъ, 23-го января 1874 г., прощальную рѣчь къ каталонцамъ, въ которой выразилъ сожалѣніе, что „не были исполнены обѣщанія“, отъ которыхъ можно было ожидать установленія „истинно-національнаго правительства, могущаго соединить всѣ партіи въ Испаніи, за исключеніемъ только карлистовъ и кантоналистовъ“.

За такое формальное осужденіе правительству, высказанное генераломъ, Мартинесъ-Кампосъ, по распоряженію Серрано, былъ арестованъ, подвергнутъ слѣдствію, но не былъ преданъ военному суду, а просто сосланъ на Балеарскіе острова. Тамъ онъ и оставался, совершенно забытый, по крайней мѣрѣ въ Испаніи. Въ послѣднихъ числахъ декабря, Мартинесъ-Кампосъ прибылъ въ Валенсію, и въ Мурвiedро, древнемъ Сагунтѣ, явился 29-го декабря къ стоявшимъ

тамъ двумъ батальонамъ и побудилъ ихъ провозгласить королей Испаніи Альфонса XII, сына Изабеллы. Генераль Ховелльера, командующій центральною арміею, вмѣсто того, чтобы двинуться на Мувіедро, присоединился къ возстанію; по всей вѣроятности, Мартинесъ-Кампосъ, дѣлая pronunciamiento, заранѣе былъ увѣренъ въ согласіи Ховелльера, который только предоставилъ ему рискъ первой попытки, съ тѣмъ, чтобы если она не произведетъ неблагоприятнаго впечатлѣнія въ арміи центра, пристать къ движенію. Затѣмъ, прочіе генералы присоединились такъ скоро къ этому перевороту, что позволительно было догадываться о существованіи обширнаго военнаго заговора. За нѣсколько мѣсяцевъ до возстанія Мартинеса-Кампоса, въ Испаніи собирались подписи къ адресу, выражавшему дону-Альфонсу вѣроподданническія чувства; адресъ этотъ, покрытый достаточнымъ числомъ подписей, которыя каждой изъ партій въ Испаніи, какъ и во Франціи, собрать не трудно, такъ какъ каждая партія имѣетъ значительное число приверженцевъ; для поднесенія этого адреса принцу отправилась депутація за-границу. Донъ-Альфонсъ, принявъ ее, старался утѣрить ее въ своей преданности конституціоннымъ принципамъ. Въ то время на это обстоятельство обращено было мало вниманія. Между тѣмъ, едва ли это представленіе адреса не находилось въ связи съ составленіемъ серьезнаго заговора, рукою котораго и явился Мартинесъ-Кампосъ.

Извѣстна была вражда князя Бисмарка къ карлистамъ, извѣстно было также, что донъ-Альфонсъ ѣздилъ нѣсколько времени тому назадъ въ Берлинъ, по всей вѣроятности для того, чтобы выпросить себѣ если не помощь, то по крайней мѣрѣ увѣреніе, что германскія дипломатія не откажетъ ему въ своемъ признаніи. Изъ сопоставленія этихъ фактовъ, а также изъ довольно таинственнаго, трудно объяснимаго образа дѣйствій, нѣкоторыя клерикальныя газеты выводили заключеніе, что все дѣло было устроено заранѣе Бисмаркомъ, чтобы имъ были приобрѣтены орудія для провозглашенія монархін въ пользу Альфонса, дабы тѣмъ совершенно лишить надежды донъ-Карлоса. Противъ этой догадки можно привести вѣскія возраженія, указавъ на нѣкоторыя, весьма рельефныя заявленія новаго правленія въ Испаніи. Но окончательно это дѣло можетъ быть выяснено только тѣмъ отношеніемъ, въ какое это правленіе станетъ къ Германіи въ дѣйствительности. Что касается заявленій, бывшихъ доселѣ, то всѣ они были подозрительны, какъ былъ подозрителенъ и образъ дѣйствій Серрано.

Серрано не задолго передъ тѣмъ отправился къ сѣверной арміи съ цѣлю, а можетъ быть и подъ предлогомъ только, начать решительныя военныя дѣйствія противъ карлистовъ. Эти дѣйствія

енныя дѣйствія“, о которыхъ ежемѣсячно извѣщалось телеграммами всему свѣту, и которыя—когда бывали—происходили неизмѣнно оло 25-го числа мѣсяца, на этотъ разъ нисколько не начались въ обычную пору. Между тѣмъ, въ Мадридѣ президентъ совѣта, Сагаста, всѣми министрами, получивъ извѣстіе о pronunciamiento 29-го числа, выпустилъ на слѣдующій день торжественно-самоувѣренную прокламацію, которая начиналась словами: „въ тотъ самый моментъ, когда глава государства принялъ начальство надъ сѣверной арміею, чтобы при помощи пожертвованій, принесенныхъ страной съ благодарнѣйшимъ великодушіемъ,—положить конецъ несчастной карлистской войнѣ, въ этотъ возвышенный моментъ нѣкоторое число солдатовъ арміи центра, подъ предводительствомъ генераловъ Мартинес-ампоса и Ховелльера и вблизи непріятеля, подняли знамя возстанія въ пользу дона-Альфонса Бурбонскаго“. Далѣе, въ прокламаціи серждалось, что въ этомъ „непозволительномъ дѣйствіи“ (замѣчательно, что даже министерство не рѣшилось назвать его дѣйствіемъ реступнымъ, такъ какъ, въ сущности, существовавшій порядокъ не сновывался ни на какомъ законѣ) не приняли никакого участія ни сѣверная, ни каталонская арміи, ни вообще войска прочихъ военныхъ округовъ. Поэтому выражалась надежда на скорое подавленіе возстанія „со всей строгостью въ границѣ законовъ“ и увѣреніе въ преданности министерства страи и твердости его въ исполненіи ежащаго на немъ долга. Прокламація эта была подписана всѣми министрами безъ исключенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, министерство по телеграфу стало посылать маршалу Серрано усиленные требованія, чтобы онъ немедленно возвратился въ Мадридъ. Но Серрано медлилъ; почему—неизвѣстно съ достовѣрностью. Быть можетъ, онъ боялся оставить сѣверную армію, опасаясь, что вслѣдъ за его отъѣздомъ и она сдѣлаетъ pronunciamiento, отъ котораго могло удерживать ее его присутствіе. Если онъ думалъ такъ, значитъ, не зналъ своихъ генераловъ и своей арміи. Но можетъ быть и то, что онъ нарочно не поѣхалъ въ Мадридъ, чтобы дать время движенію охватить столицу; можетъ быть, что и самый отъѣздъ его изъ Мадрида былъ сдѣланъ для того, чтобы дать возможность военнымъ заговорщикамъ совершить дѣло, повидимому, безъ его участія и даже вопреки ему. Какъ бы то ни было, Серрано медлилъ возвращеніемъ въ столицу и далъ сперва знать министерству, что пріѣхать онъ не можетъ потому, что уже приготовился дать сраженіе карлистамъ; этотъ отвѣтъ самъ оказался подозрительнымъ, такъ какъ въ дѣйствительности войска еще не выступали со своихъ позицій, и для того, чтобы дать сраженіе карлистамъ, надо было еще предпринять движеніе впередъ, которое потребовало бы нѣсколькихъ дней. Потому, онъ

уже сообщилъ министерству, что не можетъ ничего сдѣлать, такъ какъ находить сѣверную армію склонною присоединиться къ рѣшительному. Послѣ этого второго сообщенія, Серрано послѣднимъ образомъ бѣжалъ во Францію, бросивъ и свою армію, и свою государственную власть, и оставивъ своихъ министровъ на произволъ судьбы. Что касалось министровъ, то ихъ искренности можно скорѣе вѣрить, чѣмъ искренности Серрано. Еслибы они участвовали въ заговорѣ, или были предупреждены объ его серьезности, то, по всей вѣроятности, они не выпустили бы такой прокламаціи, которая новымъ правленіемъ будетъ вимѣнена имъ въ вину и не дѣлали бы тѣхъ успѣховъ, которыя ими были предприняты, чтобы спасти дѣло въ Мадридѣ. Военный министръ Серрано, Бедоя, бросился въ казармы уговаривать офицеровъ и солдатъ, и нашелъ полное разочарованіе. Первыми оказали неповиновеніе артиллеристы, начавшіе и при Амадеѣ тотъ кризисъ, который побудилъ его оставить Испанію. Артиллеристы и саперы объявили министру, что они несогласны драться противъ „либеральной“ арміи центра. Вмѣстѣ съ тѣмъ получены были извѣстія, что сѣверная армія намѣрена пристать къ движенію, Ховелльяръ и Мартинесъ-Кампосъ идутъ на Мадридъ. Тогда министры издали протестъ противъ насилія, а генералъ-капитанъ Новой Кастильи, командующій въ Мадридѣ генералъ Примо-де-Ривера, провозгласилъ Альфонса XII королемъ Испаніи. Важнѣйшіе альфонсисты въ Мадридѣ, между ними Кановасъ-дель-Кастильо, бывшій воспитателемъ дона-Альфонса, были еще наканунѣ арестованы Сагастой и, конечно, Альфонсъ не проститъ этого бывшему министру. Примо-де-Ривера извлекъ ихъ изъ тюрьмы и призвалъ ихъ къ себѣ на квартиру, чтобы они составили новое правительство. Въ это происходило 30-го числа, и къ полудню новое правительство, т. е. есть министерство короля Альфонса, было готово, такъ что нѣкоторые ревностные альфонсистскіе домохозяева успѣли еще ночью того же дня, который насталъ при мнимой республикѣ, устроить иллюминацію въ честь дона-Альфонса и его министровъ, Кановаса съ товарищами.

Во главѣ новаго правительства сталъ, какъ уже сказано, Кановасъ-дель-Кастильо, приверженецъ конституціонной монархіи, альфонсистъ, откровенный, который впрочемъ по самой особенности своего личнаго положенія, какъ бывшій воспитатель дона-Альфонса, и не могъ бы не считаться альфонсистомъ. Правительству обѣщали свою поддержку не только генералъ Павія, авторъ прошлагодняго государственнаго переворота, и адмиралъ Топете, одинъ изъ виновниковъ революціи 1868 года—въ этомъ еще не было бы ничего замѣчательнаго, такъ какъ эти лица принадлежать къ той категоріи

военныхъ „карьеристовъ“, которая составляетъ истинную язву Испаніи; но и такіе люди, какъ Сорилля, Мартосъ и самъ Кастеларъ. Присоединеніе Сориллы показываетъ, что онъ вѣритъ въ возможность существованія парламентской монархіи при Альфонсѣ, не думаетъ, что монархія эта будетъ военной диктатурой. При парламентской монархіи Сорилля явится главою либеральной буржуазской оппозиціи аристократическому и военному элементамъ, которые будутъ стремиться къ господству надъ молодымъ королемъ. Демократъ полу-республиканецъ Мартосъ и глава республиканцевъ, бывший президентъ Кастеларъ присоединились къ новому правленію, конечно, вслѣдствіе разочарованій, какія принесла имъ республика въ Испаніи; тѣмъ самымъ они засвидѣтельствовали, что дѣло республики, надолго, если не навсегда, проиграно въ Испаніи, и что возстановленіе Альфонса было явленіемъ естественнымъ и потому необходимымъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что оно въ дѣйствительности произошло само собою безъ всякаго пособія извнѣ. Что возстановленіе женской линіи испанскихъ Бурбоновъ было естественно, это зависѣло отъ полной несостоятельности, выказанной остальными правленіями, выступавшими на сцену ея. Въ лицѣ Амедея неопровержимо было доказано, что парламентская монархія сама по себѣ, какъ бы искренна и нравственно-чиста она ни была, не можетъ удержаться въ Испаніи. Правленіе должно быть не только образцовымъ, безупречнымъ въ смыслѣ принципа; оно должно быть менѣе абстрактнымъ, чѣмъ принципъ, должно имѣть тѣло, корни въ странѣ. Еслибы Примъ остался въ живыхъ, онъ могъ бы представить собою эту реальную связь, могъ бы сроснуть савойскую династію съ Испаніею. Безъ него, безъ реальной связи со страной, принципъ былъ безсиленъ укрѣпиться въ ней. Республика въ Испаніи выказала полную свою несостоятельность еще до того времени, когда Павія совершилъ свой „подвигъ“, разогнавъ кортесы. Во французскомъ національномъ собраніи роялистскіе ораторы часто провозглашаютъ положеніе, что республика во Франціи неизбѣжно приводила къ военной диктатурѣ. Это невѣрно по отношенію къ Франціи; акты 18-го бримера и 2-го декабря вовсе не были вызваны необходимостью; они были только произвольнымъ насиліемъ. Республикѣ во Франціи не дали развиваться и упрочиться, и приведенные акты насилія надъ нею состоялись именно въ такое время, когда республика вполнѣ обезпечивала и единство государства, и порядокъ. Если и допустить а priori, что республика не можетъ оказаться состоятельною во Франціи, то все-таки слѣдуетъ признать, что ей не дали времени и возможности выказать свою несостоятельность. Совсѣмъ иное мы видѣли въ Испаніи. Здѣсь, послѣ отреченія Амедея, въ теченіи двухъ

лѣтъ испробованы были принципы и программы всѣхъ отѣнковъ республиканской партіи, и испробованы съ полнѣйшимъ неуспѣхомъ. Свобода проявилась главнымъ образомъ въ полнѣйшемъ паденіи дисциплины среди войскъ. Полки отказывались отправляться на Кубу, отдѣльные батальоны и роты отказывались выступать изъ одного города и идти въ другой по приказанію начальниковъ. Нерѣдко было нанесеніе имъ оскорбленій, даже случаи убійства офицеровъ солдатами, а принципъ либерализма понимался въ такомъ смыслѣ, что наказывать виновныхъ нельзя. Принципъ провинціальной автономіи и городского самоуправленія повелъ къ провозглашенію отдѣльными провинціями и городами ихъ независимости отъ Испаніи. Облегченіе народныхъ тягостей главнымъ образомъ представлялось тѣмъ, что никто не хотѣлъ платить податей, а солдаты, получая непомѣрную по средствамъ Испаніи плату, по 1 песету (франку) въ день, отказывались драться чаще одного раза въ мѣсяцъ, развѣ между собой. Несостоятельность республики выказалась окончательно тѣмъ, что вожди партій принуждены были сами мало по-малу отрекаться отъ своихъ принциповъ или уступать, по желанію самихъ кортесовъ, мѣсто людямъ, которые соглашались дѣлать необходимые шаги назадъ отъ безусловныхъ принциповъ. Самъ Кастеляръ, великій ораторъ гуманности и свободы, долженъ былъ отнестись къ федеральному принципу—бомбардированіемъ, и, къ ужасу своему, требовать восстановленія смертной казни въ войскахъ, объявлять осадное положеніе и т. д. Республика въ Испаніи уже сама осудила себя, истощивъ всѣ свои лекарства и возвратясь къ старой методѣ леченья, когда Павія вырвалъ изъ ея рукъ ту палку, за которую она уже было взялась, но которую держала слишкомъ не твердо.

О правленіи Серрано нечего говорить. Въ теченіи цѣлаго года онъ ничего не сдѣлалъ, даже не далъ названія своему правленію; оно оставалось какимъ-то инкогнито, дѣйствующимъ неизвѣстно въ чью пользу, и въ концѣ-концовъ никому пользы не приносило. Правда, у Испаніи оставалась еще одна перспектива: коренной реакціей противъ революціи могло быть воцареніе дона-Карлоса. Трудно рѣшить, что было бы лучше для Испаніи—воцареніе дона-Карлоса, или дона-Альфонса; обѣ эти династіи имѣютъ тяжкое прошлое. Первыя низвела Испанію съ ея исторической высоты, лишила ее колоній, обратила ее въ какой-то іезуитскій коллегіумъ. Вторая дала Испаніи тридцатилѣтніе междоусобныхъ войнъ, перемѣшанныхъ съ военными возстаніями, и тѣмъ окончательно унизила и разорила эту страну. Система военнаго фаворитизма, введенная сперва Христиною, потомъ продолжавшаяся въ самомъ возмутительномъ видѣ при Изабеллѣ, создала въ Испаніи тотъ трудно излечимый элементъ анархіи, который

представляется военными „карьеристами“, преобладаніемъ и вмѣстѣ распущенностью войска. Сравнить относительныя достоинства такихъ династій, которыхъ все прошлое представляетъ одну исторію бѣдствій народа, довольно трудно. Но въ настоящемъ случаѣ былъ на лицо фактъ, который дѣлалъ такое сравненіе излишнимъ. Дѣло въ томъ, что карлизмъ выказалъ неоспоримымъ образомъ неспособность свою покорить Испанію, провести своего короля въ Мадридъ. Если когда, то ужъ конечно въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ карлизмъ имѣлъ наилучшіе шансы для успѣха. Враги его сдѣлали, кажется, все, чтобы облегчить ему побѣду, и карлисты, дѣйствительно, одерживали побѣды; при равныхъ силахъ они почти всегда бывали побѣдителями, но побѣды ихъ были безплодны. Донъ-Карлосъ не могъ перейти черезъ Эбро. Для этого войску его не только недоставало силъ, но, что важнѣе—недоставало желанія. Вся сила карлизма—въ баскахъ, въ ихъ чувствѣ независимости. Но оказалось, что баски, именно подъ вліяніемъ этого чувства, согласны гнать либераловъ изъ Бискайи и Наварры, желаютъ имѣть у себя королемъ донъ-Карлоса, но несогласны идти воевать за Эбро; они положительно отказывались отъ этого. Когда самыя побѣды какого-либо дѣла остаются безплодными, то это уже лучшее доказательство его несостоятельности. Нынѣшняя война карлистовъ показала, что сильное на сѣверѣ, гдѣ оно поддерживается независимостью басковъ и природными условіями, дѣло карлизма совершенно лишено силы экспансивной; что, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, оно не можетъ перешагнуть за Эбро съ какими-либо шансами на успѣхъ. Стало-быть, дѣло это не имѣетъ будущности. Между тѣмъ, у партіи альфонсистской были приверженцы во всей Испаніи и особенно много ихъ было въ составѣ арміи, среди высшихъ офицеровъ. Стало-быть, возстановленіе женской линіи Бурбоновъ было вполне возможно; а при несостоятельности, обнаруженной прочими партіями, оно было даже естественно и неизбежно.

Въ какой мѣрѣ ему однако содѣйствовало внѣшнее вліяніе, это можетъ разъясниться только со временемъ. Теперь фізіономія новаго правленія еще нисколько не обрисовалась: переговоры съ Германіею о вознагражденіи за истребленіе карлистами коммерческаго судна „Gustav“ еще не окончены; отношенія новаго правительства къ клерикальной партіи еще не проявились; сверхъ того, съ карлистами начаты переговоры, и былъ слухъ о возможности соглашенія. Вотъ почему необходимо отсрочить еще разсказъ и сужденіе о первыхъ шагахъ короля Альфонса XII. Мы возвратимся къ его личности и къ воцаренію его, когда получимъ сколько-нибудь достаточныя дан-

ныя для правильнаго разумѣнія тѣхъ ближайшихъ условій, при которыхъ оно состоялось.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24/12 января, 1875.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Когда я вспоминаю о своей юности — я разумѣю политическую юность, начало сороковыхъ годовъ, когда я и мои сверстники начали заниматься политикой, — то мнѣ живо представляется то чувство зависти, съ какою мы смотрѣли на государства, имѣвшія парламентскія и конституціонныя учрежденія, именно на Англію и Францію. Хотя парламентская жизнь существовала въ то время и въ южной Германіи, но прусская цензура считала ее слишкомъ заразительною и особенно заботилась о томъ, чтобы въ газетахъ или совсѣмъ не было извѣстій о парламентскихъ дѣлахъ Бадена, Вюртемберга и Баваріи, или чтобы они являлись тщательно подправленными; между тѣмъ англійскія и французскія пренія наполняли цѣлые столбцы газетъ, и ими можно было наслаждаться въволю. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что порокъ, присущій нѣмцамъ той эпохи — пристрастіе ко всему иностранному и презрѣніе ко всему своему — все болѣе и болѣе усиливался и пускалъ корни все глубже и глубже. Масса образованной публики была твердо убѣждена въ томъ, что только въ Англіи и Франціи могутъ быть государственные люди и ораторы, а нѣмцы не могутъ имѣть и никогда не будутъ имѣть ни малѣйшей способности ни къ тому, ни къ другому. Самое большее, на что они способны, — это производить цѣлыми массами аккуратныхъ чиновниковъ, школьныхъ педантовъ, жандармовъ и „пушечное мясо“, хотя храбрость ихъ представлялась собственно миеомъ, и очевидно совсѣмъ не могла идти въ сравненіе съ геройскими подвигами, которыми отличались въ то время солдаты великой націи въ Алжирѣ, и которые составляли предметъ удивленія для всего образованнаго міра. Затѣмъ удивлялись, что нація выказываетъ мало самоувѣренности, хотя правительству съ его системою опеки слѣдовало приписать болшую часть вины въ этомъ. Понятно, что это пристрастіе къ иностранному переходило и въ область матеріальнаго. Такъ какъ нѣмцы, повидимому, не могли соперничать съ англичанами и французами въ политическомъ искусствѣ, то они, какъ раз-

лось, должны были отставать отъ нихъ и во всѣхъ другихъ искусствахъ. Богатый и образованный человѣкъ удовлетворялъ свою потребность въ предметахъ роскоши, часто даже и въ обыкновенныхъ вещахъ, англійскими или французскими произведеніями, а если онъ былъ эклектикъ, то тѣми и другими вмѣстѣ, но никакъ не нѣмецкими, хотя уже тогда и въ Германіи промышленность была сильно развита. Практическіе англичане умѣли этимъ пользоваться. Они не только продавали въ Германіи массу собственныхъ товаровъ, но даже, пользуясь дешевою рабочею платою на нѣмецкихъ фабрикахъ, приготавливали здѣсь множество товаровъ съ англійскими клеймами, перевозили ихъ въ Англію и оттуда опять продавали ихъ простодушнымъ нѣмцамъ. Два писателя тридцатыхъ годовъ, имѣвшіе наибольшій кругъ читателей, Гейне и Бёрне, безустанно указывали нѣмцамъ на ихъ отсталость отъ несравненнаго, постоянно стоящаго во главѣ цивилизаціи французскаго народа, и нѣмцы слушали ихъ съ довѣріемъ и, что всего удивительнѣе, не краснѣя отъ стыда.

Я хотѣлъ только указать на зависть, какую ощущалъ каждый образованный нѣмецъ, глядя на конституціонныя учрежденія болѣе прогрессивныхъ сосѣдей. И что же теперь! Гёте сказалъ: чего желаетъ человѣкъ въ юности, то исполняется въ старости. Слова эти, повидимому, справедливы и въ примѣненіи къ цѣлымъ народамъ. По-крайней-мѣрѣ Пруссія — хотя конечно про нее нельзя сказать, что съ 1847 года она перешла изъ юности въ старость — имѣетъ теперь такъ много парламентаризма, что его иногда просто хочется отослать ко всѣмъ чертямъ. Пожалуйста, не истолкуйте въ дурную сторону этотъ шуточный тонъ, какой я уже не разъ позволялъ себѣ передъ вашими читателями относительно нашихъ дѣлъ, — но какъ же быть: что худо, то худо! Рейхстагъ и двѣ „палаты“ прусскаго ландтага — это адъ для депутатовъ, журналистовъ, а даже и для публики, хотя послѣдняя счастливѣе въ томъ отношеніи, что не *вынуждена* непремѣнно читать газетные отчеты о всѣхъ парламентскихъ преніяхъ, но *добровольно* на себѣ это зло въ томъ отношеніи, что отчеты *занимаютъ* мѣсто у болѣе пріятныхъ свѣдѣній. Не менѣе 90 членовъ рейхстага состоятъ въ то же время членами какой-нибудь палаты ландтага, и эти высокопоставленные лица безъ сомнѣнія имѣютъ даръ одновременно быть въ разныхъ мѣстахъ. Для примѣра можно привести 16-ое число, день открытія прусскаго ландтага. Открытіе это происходило въ бѣлой залѣ королевскаго дворца и продолжалось не болѣе 20-ти минутъ. Затѣмъ одни изъ членовъ должны были спѣшить въ палату депутатовъ на Dönhofsplatz, другіе — въ палату господъ на Лейпцигскую площадь, потому что государственныя постройки децентрализованы неописаннымъ или, лучше сказать, не-

понятнымъ образомъ, можетъ быть для того, чтобы не лишить нѣкоторыхъ министровъ и депутатовъ. Я говорю не совсѣмъ въ шутку. Хотя постоянно идутъ разговоры о томъ, что желательно было бы соединить парламентскія постройки по возможности на одной площади, именно въ западной части города близъ Wilhelmsstrasse, гдѣ находится большая часть министерствъ, но этого до сихъ поръ нѣтъ, и для постройки зданія для рейхстага до сихъ поръ все ищутъ мѣста, хотя деньги ассигнованы на этотъ предметъ уже два года тому назадъ. Слѣдовательно, можно думать, что министры не хотятъ лишиться себя прогулокъ. Хотя каждый изъ нихъ держитъ экипажъ, но я думаю ни одинъ не пользуется имъ, если не нужно ѣхать прямо къ королю.

Если кто-нибудь изъ моихъ читателей будетъ въ Берлинѣ и обратится ко мнѣ, то я обязуюсь показать ему всѣхъ министровъ на улицѣ пѣшихъ, разумеется, если у меня будетъ время (я ничѣмъ не рискую, такъ какъ у меня совсѣмъ нѣтъ свободного времени). Они въ этомъ отношеніи уподобляются цвѣтамъ, раскрывающимся въ опредѣленные часы дня; это называютъ, какъ извѣстно, цвѣточными часами. Часть города, гдѣ можно наблюдать это,—Wilhelmsstrasse отъ Липъ до Лейпцигской улицы, и небольшія части этихъ послѣднихъ улицъ. Wilhelmsstrasse, какъ извѣстно, единственная улица, оставшаяся до нѣкоторой степени аристократическою въ центрѣ города въ ней нѣтъ курильных и ресторановъ, которыя въ другихъ мѣстахъ попадаются на каждыхъ десяти шагахъ. Только банкиры и немногу проталкиваются между принцами и министрами, съ которыми они уже давно находятся въ равномъ общественномъ положеніи... Девять часовъ утра! Дайте мнѣ вашу руку и позвольте мнѣ быть вашимъ чичероне. Мы идемъ подъ Липами и сворачиваемъ въ Wilhelmsstrasse. Улицы еще почти пусты, потому что Берлинъ принадлежитъ къ числу поздно просыпающихся городовъ. На углу Wilhelmsstrasse пропыхгиваетъ стройный человѣкъ, почти юноша, въ длинномъ платьѣ читающій маленькую книжку—явленіе въ Берлинѣ не совсѣмъ обыкновенное. Еслибы это было въ 12 часовъ, то мальчики навѣрное проводили его неподражаемымъ и непереводаемымъ берлинскимъ выраженіемъ: *Pietsch konnt!* Настоящій *Pietsch* былъ одинъ изъ послѣднихъ пьяницъ, которые мало-по-малу совсѣмъ исчезли съ улицъ Берлина, когда потребление пива вытѣснило потребление водки. Этотъ молодой человѣкъ—капелланъ князь Радзивиллъ, извѣстный прееводитель ультрамонтановъ; онъ желалъ бы ввести въ протестантскомъ городѣ обычай читать на улицахъ молитвенники, какъ теперь все болѣе и болѣе дѣлается въ католическихъ странахъ, отчасти для того, чтобы дать очевидное доказательство благочестія, от

части изъ болзни развлекаться дѣянiями грѣховнаго міра. Это одинъ изъ обычаевъ, введенныхъ иезуитами. Пойдемте дальше! Тутъ Hôtel Royal, образующій входъ съ лѣвой стороны въ Wilhelmsstrasse — самый фешіонебельный отель въ городѣ, такъ какъ въ немъ помѣщаются князья и принцы и вообще всѣ счастливые смертные, занимающіе не какую-нибудь одну комнату или комнату съ кабинетомъ, а цѣлый этажъ; возлѣ этого отеля мы встрѣчаемъ рослаго, престарѣлаго человѣка, отличающагося безукоризненнымъ туалетомъ, отчасти согнутаго и опирающагося на палку. Это министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Эйленбургъ, который въ это время уже выходитъ, и, стало быть, совсѣмъ не оправдываетъ всеобщей молвы, будто онъ долго спитъ. Куда идетъ графъ въ такой ранній часъ, я не знаю, и слѣдить за нимъ было бы нескромно, тѣмъ болѣе, что графъ Эйленбургъ холостякъ и можетъ дѣлать и позволять себѣ все, чтó хочетъ. Я искренно сочувствую этому нѣкогда столь ненавидимому человѣку. Въ немъ есть что-то истинно аристократическое, а въ серьезныхъ чертахъ его есть нѣчто, выражающее характеръ. Во время столкновенiя онъ превосходно выдерживалъ нападки оппозиціи, и ему доставляло даже удовольствіе вызывать ихъ. Когда въ министерствѣ Бисмарка пробита была первая брешь, то оппозиція думала, что ей будетъ легко управиться съ Эйленбургомъ, который вмѣстѣ съ Бисмаркомъ былъ душою репрессивной политики, и на него были направлены всѣ силы оппозиціи. Но Эйленбургъ остался совершенно спокоенъ, какъ будто бы онъ во время пребыванiя въ Японiи изучилъ по источникамъ восточный стоицизмъ, и выждавши время, онъ провелъ окружной законъ (Kreisordnung), самый замѣчательный административный законъ, изъ всѣхъ учрежденныхъ въ Пруссiи съ 1807—1808 года. Такимъ образомъ, одно время онъ былъ въ палатѣ депутатовъ *regnum gata*, а благоволеніе императора къ нему непоколебимо съ незабвеннаго дня 13-го iюля 1870 года, когда онъ былъ единственнымъ совѣтникомъ короля въ Эмсѣ; онъ наслаждается жизнью съ мудростію, и хотя, повидимому, совсѣмъ чуждъ тщеславія и не выходитъ изъ сферы, начертанной Бисмаркомъ, но я не поручусь за то, что онъ отказался отъ мысли играть когда-нибудь руководящую роль въ политикѣ, можетъ быть въ то время, когда во главѣ правительства станутъ національные либералы, за которыми опять послѣдуетъ консервативное правительство.

Пойдемъ далѣе по Wilhelmsstrasse, къ правленію канцлера, гдѣ все еще погружено въ глубокой сонъ, и ко дворцу Радзивилла, который только-что проданъ государству за почтенную сумму 6 милліоновъ марокъ, къ вновь строящемуся дворцу князя Плессъ, который на зло всѣмъ классическимъ архитекторамъ и художественнымъ крити-

камъ велѣлъ строить его по образцу замка Шамбора, — тутъ мы встрѣтимъ здѣсь еще министра, если только онъ немного запоздалъ. Онъ небольшого роста, съ брюшкомъ, элегантно одѣтъ, съ блестящею шляпою на головѣ, и, если погода ненадежна, съ зонтикомъ подъ мышкой. Это новый министръ сельскаго хозяйства, докторъ Фриден-таль, идущій изъ своего элегантнаго дома на Lennestrasse въ министерство сельскаго хозяйства. Онъ сегодня опоздалъ, потому что, къ ужасу чиновниковъ, привыкшихъ къ его аристократическому предшественнику, онъ часто является въ министерство въ 8 часовъ утра и заваливаетъ ихъ массою новыхъ предпріятій. Шекспиръ! гдѣ твое знаніе людей? Не сказалъ ли Цезарь:

...Я-бъ хотѣлъ имѣть

Вокругъ себя людей безпечныхъ, тучныхъ,

Которые бы спали ночью.

Этотъ министръ уже на пути къ толщинѣ, и теперь, пожалуй, уже довольно толстъ; у него лысая голова, онъ принадлежитъ къ числу образцовыхъ семейныхъ людей, и потому вѣроятно спитъ по ночамъ, — а между тѣмъ посмотрите, какъ онъ дѣятеленъ. Прежніе министры сельскаго хозяйства исходили изъ принципа, что въ сельскохозяйственныхъ дѣлахъ можно ничего не дѣлать. Милосердный Господь править по своей волѣ, и солнце свѣтитъ неизмѣнно, — что же тутъ можетъ сдѣлать человекъ, хотя бы и министръ. Если же кто изъ прежнихъ министровъ хотѣлъ заниматься политикой, то изъ этого выходило только то, что онъ благосклонно выслушивалъ жалобы крупныхъ землевладѣльцевъ, и стремился къ тому, чтобы государство „что-нибудь для нихъ сдѣлало“, а это, само собою разумѣется, возможно только на чужой счетъ. Старанія эти разбивались о сопротивленіе другихъ министровъ, и такимъ образомъ министерство сельскаго хозяйства оставалось седьмою спицею въ колесницѣ... Постоянно существовало сомнѣніе относительно того, слѣдуетъ ли уничтожить его, или оставить, и никогда еще никто не жаловался, что оно дѣлаетъ меньше дѣла, не имѣя главы, чѣмъ тогда, когда у него одна глава. И вотъ, приходитъ новый министръ, который находитъ, что дѣло есть, хотя бы задача министра заключалась только въ присканіи помощи землевладѣльцамъ, этому и до сихъ поръ еще выдающемуся классу въ государствѣ. — Онъ тотчасъ же при вступленіи въ должность замѣтилъ невыполнимыя требованія сельскихъ хозяевъ, принимая чрезъ нѣсколько дней послѣ изначенія его министромъ депутаціи силезскихъ хозяевъ въ свое имѣніе; онъ высказалъ имъ свою программу, которая, какъ и всѣ его произведенія, совершенна по формѣ и богата мыслями. Онъ сказалъ имъ между прочимъ: „государство имѣетъ возможность посред-

ствомъ изданія законовъ, организаціи учреждений, соотвѣтственнаго управленія, дать подавленнымъ силамъ свободный исходъ, усилить ихъ въ нравственномъ и хозяйственномъ отношеніи, открыть и выровнять имъ путь къ ихъ цѣли, наконецъ, оно можетъ собрать разрозненныя силы, дать имъ почву для совмѣстной дѣтельности, — но никогда государство не будетъ въ силахъ, вмѣсто естественнаго хода вещей, зависающаго отъ законовъ установленныхъ Богомъ, поставить произволъ; никогда не должно государство нарушать или измѣнять въ пользу *одного рода дѣтельности или одной промышленности общій* порядокъ вещей, развившійся естественно и исторически вслѣдствіе совмѣстнаго проявленія *всѣхъ* родовъ человѣческой дѣтельности. Требования такого рода дѣйствій опасны: они приводятъ, въ концѣ-концовъ, къ ослабленію, къ пессимизму, и такимъ образомъ лишаютъ бодрости лучшія силы и уничтожаютъ богатые послѣдствіями стремленія“.

Онъ во всякомъ случаѣ выказалъ высокій политическій смыслъ и твердость характера тотчасъ же при вступленіи въ новую должность, не увлекаясь желаніемъ сдѣлаться популярнымъ, общая невыполнимое. Новый министръ скоро показалъ также, что онъ серьезно стремится доказать, что можно дѣйствовать съ пользою инымъ путемъ; онъ издалъ полезные законы относительно дѣйствій при заразныхъ болѣзняхъ и другихъ предметовъ, даже виноградная вошь (*Phylloxera vastatrix*) обратила на себя его вниманіе, и онъ издалъ постановленія объ уничтоженіи этого насѣкомаго въ Пруссіи; а тамъ, гдѣ его власть, какъ министра, прекращается, въ германскомъ рейхстагѣ, гдѣ онъ простой депутатъ, онъ употребляетъ всѣ силы на то, чтобы обратить вниманіе на филоксеру и положить на ея истребленіе время до обѣдни, что вызвало комическій гнѣвъ и бесполезное сопротивленіе со стороны ультрамонтановъ, которые увидѣли въ этомъ дальнѣйшій шагъ къ объединенію Германіи и расширенію власти союза. По имперской конституціи, ветеринарныя мѣры подлежатъ власти союза, а Рейхеншпергеръ вывелъ умозаключеніе, какъ будто бы онъ былъ въ области духовъ, что ветеринарія происходитъ отъ *veterina* (рабочій скотъ), тогда какъ филоксера есть *пресмыкающееся!* Но и это не помогло, и виноградная вошь признана, несмотря на ультрамонтановъ, врагомъ имперіи.

Мы отчасти замедлили съ этими разъясненіями, но это очень хорошо, потому что въ этотъ часъ намъ едвали встрѣтятся еще министры. Хотя министерство торговли помѣщается возлѣ самой Фоссовой улицы, но министръ живетъ въ самомъ министерствѣ, а выходитъ уже въ поздніе часы. Если кто имѣетъ особенное желаніе его видѣть, — что разумѣется удобнѣе всего въ парламентѣ, — тотъ

долженъ идти въ эти мѣста передъ вечеромъ, когда министръ выходитъ на прогулку. Онъ появляется, идя подъ руку съ одной стороны съ женою, съ другой стороны—съ дочерью, и обыкновенно въ зоологическій садъ, въ которомъ онъ прогуливается съ тѣми же лицами и по воскресеньямъ. — Если мы возвратимся назадъ, то вѣроятно намъ попадутся дорогою два человѣка, изъ которыхъ одинъ только-что вышелъ изъ министерства юстиціи, — другой идетъ туда. Это министръ юстиціи, Леонгардтъ, и его младшій статсъ-секретарь, Фридбургъ, — два человѣка, несходные другъ съ другомъ до поразительной степени. Леонгардтъ—очень плотный, коренастый, съ крупными чертами лица; другой—небольшого роста, тонкій, съ очень утонченными чертами лица, очень любезный, со всѣми знакомый и чувствующій себя хорошо на всякомъ мѣстѣ. Д-ръ Фридбургъ будетъ вѣроятно преемникомъ Леонгардта, что не мѣшаетъ обоимъ быть въ отличныхъ отношеніяхъ между собою, такъ какъ Леонгардтъ уже давно имѣетъ желаніе выйти въ отставку по разстроенному здоровью. Фридбургъ, кромѣ того, довѣренное лицо наслѣднаго принца, съ которымъ онъ видится каждое утро. Это имѣетъ значеніе для будущаго, которое можетъ скоро осуществиться.

Немного позднѣе на сценѣ появляется фигура, подобная Леонгардту, — г. Кампаузенъ, министръ вице-президентъ и министръ финансовъ. Его брюшко съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе округляется, но онъ носитъ его съ бодростью и нравственнымъ спокойствіемъ. По своей одеждѣ, онъ занимаетъ средину между элегантно и небрежно одѣтыми министрами. Онъ всегда въ черномъ и имѣетъ отчасти педантическую наружность. Напротивъ, Дельбрюкъ, который выходитъ въ это же время, принадлежитъ къ элегантнѣйшимъ. На немъ темный сюртукъ, свѣтлые панталоны и жилетъ, занимающій по цвѣту средину между сюртукомъ и панталонами. Весь свѣтъ недавно былъ удивленъ, когда разнесся слухъ, что Дельбрюкъ хочетъ жениться. Кто видѣлъ его такъ рано въ *Wilhelmsstrasse à quatre épingles*, съ тросточкой въ рукахъ, тотъ, конечно, уже заподозрилъ его либерализмъ.

Нечего и говорить, что Фалькъ также ходитъ пѣшкомъ, и даже Бисмаркъ дѣлаетъ это, несмотря на возможность „покушеній“, — если только позволяетъ ему здоровье, хотя онъ и Мольтке подвергаются неудобству въ томъ отношеніи, что они слишкомъ извѣстны и потому всегда рискуютъ собрать позади себя хвостъ изъ любопытныхъ. — Все сказанное выше я привелъ для того, чтобы показать простоту жизни въ этомъ кружкѣ, которая не ограничивается только внѣшностью, но проявляется во всѣхъ отношеніяхъ министровъ къ публикѣ и даже къ своимъ подчиненнымъ. Это совсѣмъ не то, что

спѣсь прежнихъ бюрократическихъ министровъ, обычная въ прежнее время, и нисколько не похожая на обожаніе министерскаго поста во Франціи, гдѣ для каждаго, не носящаго маршальскій жезлъ, онъ составляетъ высшую цѣль честолюбія и предметъ удивленія.

Такимъ образомъ, очевидно, что здѣшніе министры хотя и ходятъ пѣшкомъ, но нисколько не считаютъ неудобствомъ отдаленность зданій парламента. Совсѣмъ другое думаютъ депутаты, и когда графъ Мюнстеръ, тевнерешній посолъ въ Лондонѣ, жившій тогда здѣсь противъ Бранденбургскаго парка и, конечно, имѣвшій лошадей и экипажи, предложилъ прекрасный Kroll's-garten превратить въ площадь для зданія парламента, и велъ въ этомъ смыслѣ сильную пропаганду, то его желанія встрѣтили сопротивленіе со стороны большинства тѣхъ депутатовъ, у которыхъ нѣтъ лошадей и которые при этомъ совсѣмъ не желаютъ совершать ежедневно два раза путешествіе въ средину зоологическаго сада. Точно такое же неудобство представляетъ разбросанность станцій, которыя теперь по всѣмъ направленіямъ отстоятъ далеко отъ центра города. Одна центральная станція представляла бы несомнѣнныя выгоды для всякаго дѣла, но объ этомъ и не думаютъ, хотя теперь еще можно было бы приобрести мѣсто сравнительно дешево. Предпримчивый духъ американцевъ, богатство англичанъ и французская инициатива свыше чужды Германіи, и самоуправленіе понимается часто въ такомъ смыслѣ, что оно должно ставить препятствіе необходимымъ улучшеніямъ. Тиранническій президентъ полиціи Берлина въ худшее время реакціи, Гингельдей, пренебрегая всѣми правами города, устроилъ водопроводъ и превосходную пожарную команду. Безъ его деспотическаго управленія, если бы все было предоставлено на благоусмотрѣніе коммунальныхъ представителей, въ Берлинѣ и до сихъ поръ пожалуй не было бы ни того, ни другого.

Но я уклонился отъ первоначальной темы о парламентахъ, съ которой началъ свою рѣчь. 25-ти-лѣтній опытъ показалъ, что нѣмцы также способны къ политикѣ и въ частности къ парламентской жизни и политическому краснорѣчію, какъ французы и англичане. Весь секретъ состоитъ въ томъ, что думали, будто можно научиться плавать, не входя въ воду; что касается до краснорѣчія въ частности, то въ парламентскихъ лѣтописяхъ Пруссіи и Германіи можно найти цѣлый рядъ рѣчей, вполне классическихъ, какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Во главѣ ихъ, конечно, слѣдуетъ поставить тѣ рѣчи Бисмарка, о которыхъ я думаю, что они и въ позднѣйшее время будутъ считаться образцами краснорѣчія и источниками политической мудрости и будутъ также изучаться какъ рѣчи древнихъ (хотя, можетъ быть, я и впадаю въ этомъ слу-

чаѣ въ понятное и часто встрѣчающееся заблужденіе — считать пережитое самимъ собою важнѣйшимъ, сравнительно съ прошлымъ). Но въ какое бы вы пришли изумленіе, если бы слышали его сами! Великіе англійскіе ораторы прошлаго столѣтія говорили всегда съ меншею публичностью, и ихъ рѣчи не сохранялись въ буквальной передачѣ, а только въ извлеченіяхъ, такъ что съ ними знакомишься изъ вторыхъ рукъ. Въ настоящее время въ Германіи наиболѣе развита публичность парламентскихъ засѣданій, многі тысячи лицъ сами слышали Бисмарка, и его рѣчи (а также и всѣ другія) сохраняются, можно сказать, не съ стенографическою, а съ фотографическою точностью. Какъ фотографія даетъ изображеніе предмета со всѣми находящимися на немъ пятнами, которыхъ не хочеть видѣть живописецъ, такъ точно стенографическій отчетъ передаетъ всѣ случайные перерывы, которые живо передаютъ парламентскую обстановку: ободрительные и ободряющіе возгласы, порицаніе, междометія, смѣхъ, ропотъ, необыкновенное возбужденіе, — насколько все это можно выразить объективно. Для того, чтобы получить объ этомъ полное понятіе, нужно, конечно, все видѣть и слышать самому, потому что когда канцлеръ поднимается, то необыкновенное вниманіе, внезапное прекращеніе того глухого шума, который присущъ всякому большому парламентскому собранію, необычайное возбужденіе, когда никто не желаетъ проронить ни одного слова оратора, возрастающая неловкость тѣхъ, противъ которыхъ канцлеръ обращаетъ свои страшные сарказмы, — повергаютъ въ болѣе и болѣе изумленіе даже тѣхъ, кто постоянно слушаетъ князя. Даже и въ глазахъ этихъ лицъ канцлеръ каждый разъ дѣлается болѣе великимъ. Въ особенности достойно удивленія искусство, съ какимъ онъ какое-нибудь незначительное слово дѣлаетъ средоточіемъ, высшимъ пунктомъ своей рѣчи, характеризующимъ общее положеніе: „Воззваніе къ страху никогда не найдетъ себѣ отзыва въ нѣмецкихъ сердцахъ“. „Мы идемъ не въ Каноссу“. „Канни отталкиваютъ они Кульмана, онъ все-таки останется пристыженнымъ къ поламъ ихъ сюртуковъ“. Эти и подобныя имъ выраженія сами по себѣ не выражающія ничего необыкновеннаго, въ устахъ канцлера производятъ необыкновенное дѣйствіе или, какъ мы рождаются здѣсь, становятся окрыленными и чрезвычайно удачно характеризуютъ положеніе, относительно котораго высказываются. Бисмаркъ, конечно, представляетъ исключительное явленіе, но рейхстагъ и прусскій ландтагъ обладали и обладаютъ значительнымъ числомъ замѣчательныхъ, отчасти даже великихъ ораторовъ, но только въ послѣднее время, согласно направленію хода вещей, число патетическихъ ораторовъ уменьшилось, и только ультрамонтаны и социал-

ные демократы, не имѣющіе ни одного первостепеннаго оратора, подвизаются еще на этомъ поприщѣ. Соціальные демократы, кромѣ того, два года тому назадъ лишились лучшихъ своихъ ораторовъ, Бебеля и Либкнехта, которые, какъ извѣстно, сидятъ уже два года въ тюрьмѣ, а выдающійся ораторъ ультрамонтановъ, Малинкордтъ, умеръ. Но ихъ можно назвать ораторами только по страстности, какую они вносили въ пренія, потому что краснорѣчивыми ораторами они не были.

Такъ какъ я заговорилъ объ ультрамонтанахъ, то не могу обойти вашего послѣдняго „Иностраннаго обозрѣнія“, съ которымъ я не со-всѣмъ согласенъ. Вы говорили въ немъ, что ультрамонтаны благопріятствуютъ Бисмарку, такъ какъ безъ нихъ онъ не могъ бы достигнуть своихъ цѣлей. Я думаю, что если бы спросить объ этомъ мнѣніе самого Бисмарка, то онъ, конечно, не сказалъ бы о нихъ того же, а отвѣтилъ бы вѣроятно словами: избави Богъ cadaго отъ такихъ благодѣтелей! Въ самомъ дѣлѣ, иностранцы цѣнятъ слишкомъ низко всю серьезность этой культурной борьбы для Германіи и въ особенности для Пруссіи, и если князь Бисмаркъ пользовался нѣсколько разъ враждою ультрамонтановъ для достиженія какой-либо, заранѣе предполагаемой цѣли, то навѣрное онъ былъ бы сердечно радъ, если бы ему никогда болѣе не пришлось рассчитывать на такую помощь, потому что ультрамонтаны—злѣйшіе враги Пруссіи и Бисмарка, и когда онъ думаетъ о томъ, что можетъ умереть раньше окончанія этой борьбы, то навѣрное ему приходитъ въ голову вопросъ: наслѣдуетъ ли ему въ этой войнѣ такой же безстрашный и опытный вождь, какой для этого нуженъ? Такъ какъ политикою великихъ государствъ не всегда могутъ руководить великіе люди, то когда одинъ избранный подвинетъ государство сильно впередъ, тогда уже достаточно одного здраваго смысла и умѣренныхъ дарованій для его преемниковъ, чтобы удержать пріобрѣтенное, точно также какъ въ семействѣ, гдѣ одинъ членъ вслѣдствіе своихъ дарованій и дѣятельности пріобрѣтаетъ имущество, которое только сохраняется его дѣтьми и внуками. Но при культурной борьбѣ совсѣмъ иное. Эта борьба противъ господства папства надъ цѣлымъ міромъ продолжается уже болѣе тысячелѣтія, она никогда не прекращалась и, насколько можно предвидѣть, никогда не прекратится. Она никогда не кончалась миромъ, а только затихала на время,—точно также будетъ и теперь. Такъ какъ корень этого столкновенія заключается въ томъ, что католики внѣ государства имѣютъ еще духовнаго главу въ Римѣ,—германское правительство никогда не требовало прекращенія этой связи. Оно признаетъ учрежденіе папства необходимую составною частью католической вѣры, въ чемъ убѣж-

дены и сами католики, и если раньше или позже наступитъ перемиріе, по той причинѣ, что Римъ признаетъ условія, постановленныя государствомъ, то начнется тайная борьба противъ государства, которая съ такимъ постоянствомъ и такимъ успѣхомъ велась болѣе полустолѣтія. Церковные законы послѣднихъ лѣтъ, существенная выгода которыхъ заключается въ томъ, что они по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени гарантируютъ національное образованіе духовныхъ лицъ, составляютъ слабое оружіе въ этой борьбѣ. Но совсѣмъ иное было бы положеніе вещей, еслибы правительство, руководясь фальшивой идеей миролюбія, стало бы дѣлать уступки и отмигать нѣкоторые законы, и такимъ образомъ дало бы церкви возможность торжествовать побѣду. Я ни въ какомъ случаѣ не могу утверждать, что это невозможно. Именно въ послѣднее время всячески стараются приобрести вліяніе въ извѣстномъ направленіи, гдѣ есть надежда на болѣшую склонность къ сантиментальной политикѣ и — этого въ особенности не слѣдуетъ забывать — что въ Германіи мало вѣроатно вторичное совпаденіе двухъ такихъ непреклонныхъ характеровъ, какъ императоръ Вильгельмъ и его канцлеръ. Представьте себѣ, что произошло бы, если бы церковная политика Германіи сдѣлалась слабѣе? Французы называютъ свое теперешнее состояніе характеристическимъ словомъ „gâchis“, но это „gâchis“ было бы удовлетворительнымъ состояніемъ сравнительно съ тѣмъ, какое возникло бы въ Германіи и въ особенности въ Пруссіи, если бы измѣнена была теперешняя церковная политика. Одинъ изъ здѣшнихъ юмористическихъ листовъ издалъ каррикатуру, подъ которой, если не ошибаюсь, было подписано „юбилейный годъ“, и которая представляетъ, каково было бы положеніе вещей, если бы побѣдила церковь, какъ постоянно пророчествуетъ клиръ. Сверху, въ срединѣ картины новое правительство — Виндгорстъ, котораго художникъ изобразилъ съ тремя знаменитыми волосами канцлера (безсмертное изображеніе Бладерадачча) и въ кирасирскомъ мундирѣ его; съ одной стороны извѣстный майнцкій епископъ Кеттелеръ — въ видѣ военнаго министра; съ другой стороны извѣстный редакторъ „Germania“ въ видѣ духовнаго министра. Слѣва стоитъ небольшая фигура князя Бисмарка въ видѣ преступника, справа Ласкеръ, привязанный къ столбу, и подъ нимъ надпись: „Der Jude wird verbrannt“ — „Жидъ будетъ сожженъ“ (извѣстные слова изъ „Натана Мудраго“, который теперь хорошо извѣстенъ русской публикѣ по тщательному переводу г. Крылова; о немъ здѣшняя газета „Post“ дала весьма благопріятный отзывъ). Я теперь не забылъ другія фигуры каррикатуры, характеризующія упомянутое положеніе, но достаточно и этихъ, чтобы показать намѣреніе художника. Фантазія его, конечно, при этомъ разыгралась, но дѣйствитель-

ность была бы еще комичѣе. Министерство Бисмарка уничтожится. Въ Пруссіи и въ имперіи всѣ выдающіеся руководители великой политики съ 1866 года отходить на задній планъ, національные либералы и всѣ умѣренно консервативныя фракціи (германская имперская партія, свободные консерваторы и новые консерваторы), которые теперь во всѣхъ существенныхъ вопросахъ поддерживаютъ правительство, сдѣлались бы оппозиціонными, а членовъ новаго министерства пришлось бы искать въ рядахъ центра (ультрамонтаны) и въ партіи „Крестовой газеты“. Отъ послѣдней остались, какъ извѣстно, только развалины. Въ рейхстагѣ и въ палатѣ депутатовъ консерваторовъ этого сорта совсѣмъ или почти нѣтъ; а въ палатѣ господѣ, гдѣ они прежде преобладали, они, со времени послѣдняго назначенія пэровъ, составляютъ меньшинство, и хотя тамъ еще и теперь есть нѣкоторые дѣйствительно великолѣпные экземпляры, однако они появляются на свѣтъ, какъ допотопныя существа, какъ политическія ископаемыя. Если между ними необходимо будетъ искать министровъ, то придется обратиться къ государственнымъ людямъ, которые были устранены новѣйшимъ развитіемъ—Отто фонъ-Мантейфелю, котораго ненавидятъ, какъ немногихъ, графу Липпе, министру юстиціи прежняго кабинета Бисмарка, имя котораго соединено съ самымъ темнымъ періодомъ прусскаго законодательства. Безъ сомнѣнія, центръ долженъ будетъ обратиться къ такой комбинаціи. Извѣстно, что центръ и консерваторы упомянутого отгѣнка не обладаютъ большинствомъ ни въ рейхстагѣ, ни палатѣ депутатовъ, и не будутъ обладать имъ съ придачею поляковъ и нѣсколькихъ датчанъ и непримиримыхъ партикуляристовъ. Слѣдовательно, если должно остаться парламентское управленіе, то должно будетъ распустить рейхстагъ и палату депутатовъ, и правительство вынуждено будетъ помогать побѣдѣ тѣхъ элементовъ, съ которыми оно до сихъ поръ было въ борьбѣ. Все это бывало въ исторіи; но къ этому присоединяется еще то, чего никогда не бывало: партія, которая стала бы во главѣ правленія, горячо осуждала разрывъ съ Австріею, уничтоженіе прежняго германскаго союза, сверженіе прежнихъ владѣтельныхъ князей и присоединеніе ихъ владѣній; она осуждала также всѣ узаконенія послѣдняго десятилѣтія. Она, конечно, не уничтожила бы сразу всего сдѣланнаго, но не симпатизировала бы ему. На Германію такое колебаніе имѣло бы, естественно, весьма сильное вліяніе; либеральныя и протестантскія государства по возможности обратились бы къ самимъ себѣ, чтобы не подвергнуться вторженію реакціи, которая получила бы перевѣсъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ сильны ультрамонтаны, какъ напр., въ Баваріи. Въ концѣ-концовъ, все протестантское населеніе Германіи было бы сильно

стѣснено. Всему міру извѣстно, что если въ XVI-мъ и отчасти въ XVII-мъ столѣтіи римская церковь была въ высшей степени нетерпима и воинственна, то здѣшній протестантизмъ, напротивъ, отличался миролюбіемъ и терпимостью. Ни одинъ протестантъ въ Германіи не думаетъ о стѣсненіи католическаго вѣроисповѣданія. Совсѣмъ иначе относится ультрамонтанство! Католическая церковь ни разу не отказалась отъ положенія, что только она обладаетъ святостью и имѣетъ право на обязанность возвращать въ свои нѣдра заблудшихъ овецъ милосердіемъ или силою. Папа Пій IX-й, въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Вильгельму, даже выразилъ свои права на авторитетъ надъ *всеми христіанами*, и развѣ не удивительно, что это сказано могущественнѣйшему протестантскому монарху. Посмотрите затѣмъ на органы католической церкви. Они отвергаютъ смѣшанные браки и всѣми силами вліяютъ въ такихъ случаяхъ на католиковъ въ томъ отношеніи, чтобы дѣти были тоже католики; ультрамонтанскіе органы, какъ „Germania“, говорятъ съ крайнимъ пренебреженіемъ объ евангелической церкви и предсказываютъ скорое распаденіе ея,—короче сказать, протестантское населеніе чувствуетъ вообще, что если бы вслѣдствіе слабости правительства католическая церковь образовала государство въ государствѣ, то она прибрѣла бы такое могущество, что протестантизмъ былъ бы задавленъ. Развѣ мы не видимъ, что даже въ гордой своимъ просвѣщеніемъ Франціи правительство издаетъ правила очень сомнительнаго достоинства, и развѣ Испанія, съ возстановленіемъ короля Альфонса, хотя его и нельзя считать прочнымъ, не предалась въ руки ультрамонтановъ, что тотчасъ же сопровождалось преслѣдованіемъ протестантовъ? Побѣда ультрамонтанства въ Пруссіи сопровождалась бы, слѣдовательно, стѣсненіемъ протестантовъ, и это вызвало бы ожесточенную исполненную ненависти оппозицію. Я не буду однако рисовать дѣле эту картину, она могла бы показаться фантастическою, какъ и всѣ картины будущаго. Но ни одинъ народъ не можетъ забыть своего прошедшаго, а Германія, бывшая театромъ тридцатилѣтней войны, помнить это въ особенности по двумъ причинамъ, которыя существуютъ и теперь, также какъ 250 лѣтъ тому назадъ, именно — во-первыхъ, въ Германіи разрѣшается вопросъ, должно ли въ Европѣ господствовать папство; во-вторыхъ, потому, что положеніе Германіи въ срединѣ Европы даетъ поводъ вмѣшиваться иностраннымъ силамъ во внутреннія распри и получать при этомъ свои выгоды. Кромѣ того, къ сожалѣнію, каждый непредубѣжденный человѣкъ долженъ согласиться, что настоящее положеніе протестанства въ высшей степени непрочно. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать, что организація католической церкви способна возбудить удивленіе. Высшимъ

мірская мудрость долгое время направляла свою дѣятельность на то, чтобы дать наибольшую законченность этому организму, и папа, такимъ образомъ, и не владѣя землею и людьми, могущественнѣе самаго могущественнаго монарха, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ есть католики. Романскіе народы только повидимому преданы церкви: они соблюдаютъ только внѣшнія формы, а образованныя массы обыкновенно свободномыслящи, но не думаютъ вмѣшиваться въ дѣла церкви, которая кажется имъ полезною для нѣкоторыхъ цѣлей. Въ Германіи религія, напротивъ, понимается болѣе внутреннимъ образомъ, она—дѣло сердца и ума; нѣмцы хотятъ сперва изслѣдовать, а потомъ уже вѣрить. Это еретическій духъ, который считается Римомъ за своего злѣйшаго врага, и котораго Римъ преслѣдуетъ всѣми средствами и подавляетъ его, гдѣ только можетъ. Такъ-называемый принципъ свободного изслѣдованія хотя и прекрасенъ самъ по себѣ, но не можетъ привести къ единству вѣроисповѣданія. Стремленіе указать то, чему мы вѣримъ, ведетъ къ столкновенію религіи съ философіей, при которомъ вѣра нисколько не выиграетъ. Протестантская церковь въ Германіи впала какъ-бы въ процессъ разложенія, такъ какъ упомянутое направленіе (представителемъ котораго служить такъ-называемая протестантская община) заходитъ такъ далеко, что для вѣры почти совсѣмъ ничего не остается, или остается очень мало; ортодоксальная (старолутеранская) партія по крайней мѣрѣ оставляетъ мѣсто для исповѣданія вѣры, но совсѣмъ не имѣетъ силы для пропаганды. Изъ сообщества евангелической церкви слѣдуетъ исключить тѣхъ, которые уклоняются отъ нея въ мелочахъ по переложенію библіи и символу вѣры, и которые еще и теперь готовы преслѣдовать всякаго еретика (въ ихъ смыслѣ), какъ и римская церковь. Изъ этой партіи исходили осужденія и преслѣдованія получившаго такую извѣстность здѣшняго проповѣдника Сидова, которыя обратили на себя такое вниманіе; эта же партія имѣла вліяніе на провинціальныя синоды, которые во всѣхъ старыхъ провинціяхъ начали дѣлать все, чтобы отклонить отъ себя всѣхъ образованныхъ людей еще болѣе, чѣмъ теперь. Послѣдніе стали въ очень фальшивое положеніе, утверждая, что просвѣщеніе и религія—двѣ вещи, которыя могутъ быть удобно соединены между собою, даже допуская очень широкое толкованіе догматовъ; но дѣло въ томъ, что церковь только и держится догматами; поэтому, несмотря на честность протестантской общины, она до сихъ поръ не имѣла успѣха. Существуетъ небольшой кружокъ образованныхъ лицъ, которыя желали бы имѣть религію, содержащую въ себѣ только понятное и не имѣющую ни чудесъ, ни тайнствъ; но безъ нихъ религія становится уже не религіей. Логическое развитіе процесса распаденія въ евангелической

церкви совершается поэтому неудержимо. Съ одной стороны, уменьшается вѣра образованныхъ людей, переходя наконецъ въ чистый деизмъ; съ другой стороны, лица, имѣющія потребность въ вѣрѣ, все болѣе и болѣе становятся склонными обходиться безъ предписаній церкви, имѣющей извѣстную систему догматовъ и обязывающей ихъ вѣрить. Вотъ что дѣлаетъ отчасти лютеранская, а еще болѣе католическая церковь, а поэтому въ Англіи, также какъ и въ Германіи, та часть протестантскаго духовенства, которая строже всего придерживается догматической точки зрѣнія (такое направленіе въ Германіи называютъ ортодоксальнымъ, — не знаю, правильно ли у васъ понимаютъ это выраженіе), становится склонною къ римской церкви и часто переходитъ въ нее.

Между тѣмъ, религія все болѣе и болѣе охватывается индифферентностью массъ, и особенно въ евангелической церкви. Дѣйствіе такъ-называемаго закона о гражданскихъ бракахъ, который, какъ извѣстно, составляетъ только часть закона о приведеніи въ извѣстность личнаго состоянія и о гражданской формѣ заключенія брака, съ 1-го октября, когда онъ вошелъ въ силу, представило много печальныхъ доказательствъ этого. Этимъ закономъ уничтожилась обязательность церковныхъ актовъ крещенія и вѣнчанія. Гражданскіе акты внесенія въ списки родившихся и объявленія о бракѣ чиновникамъ обязательны и достаточны для государства. Хотя, конечно, никто не получилъ права оставаться безъ церковнаго крещенія или вѣнчанія, но значительное число лицъ считаетъ эти церковныя церемоніи излишними, и не только здѣсь, въ Берлинѣ, или въ большихъ городахъ, но и въ селахъ. Кромѣ религіознаго индифферентизма въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ и другая причина, — церковныя акты стоить денегъ и даже сравнительно значительнаго количества денегъ, а такъ какъ евангелическіе духовные должны жить отчасти на доходы съ этихъ актовъ, то уничтоженія ихъ они не могутъ переносить равнодушно. Часть евангелическаго духовенства живетъ очень бѣдно, и уменьшеніе ихъ доходовъ совсѣмъ повергаетъ ихъ въ нищету.

Отъ этого со всѣхъ сторонъ раздаются крики о помощи. Церковь подвергается большой опасности быть совсѣмъ покинутою, если останется въ такомъ положеніи; ее должно поднять, безъ чего духовныя лица существовать не могутъ и естественно будутъ вооружены противъ государства. Упомянутая помощь должна состоять въ томъ, чтобы духовные акты совершались безденежно, и правительство должно вознаграждать духовенство за его потери, которыя они очевидно терпятъ. Правительство должно разъяснить однако, что оно съ своей стороны не принимаетъ на себя обязанности вознаграждать

духовныхъ лицъ. Эта обязанность должна быть возложена на общины (не на политическія, а на церковныя общины, что однако въ большинствѣ случаевъ одно и то же; такъ, напр., цѣлая деревня съ однимъ евангелическимъ или только съ католическимъ населеніемъ образуетъ и политическую, и церковную общину). Но на это возражаютъ лица, знакомыя съ деревенскимъ населеніемъ, что вслѣдствіе этого будутъ цѣлыми массами выходить изъ церкви, чего законъ воспретить не въ состояніи. И въ этомъ отношеніи католическая церковь поставлена несравненно лучше. Она не требуетъ никакихъ вознагражденій, и низшее духовенство, по причинѣ безбрачія, нуждается въ меньшемъ, чѣмъ женатое евангелическое духовенство, а при этомъ высшее католическое духовенство поставлено гораздо лучше высшаго евангелическаго духовенства. Во всякомъ случаѣ это показываетъ недостатокъ религіознаго чувства, если уже народъ жалѣетъ сравнительно ничтожныхъ издержекъ на полныя уваженія и, въ сущности, общія всему христіанству формы. Какъ отличается въ этомъ отношеніи Америка, гдѣ каждая церковь поддерживается только своими послѣдователями, и однако находится въ блестящемъ положеніи! Легко понять, что доказательства религіознаго индифферентизма для духовенства имѣютъ большое значеніе, и оно всѣми силами старается ему противодѣйствовать. Нѣкоторые пасторы совѣтуютъ для этого: лишеніе причастія и нѣкоторыя другія церковныя наказанія для тѣхъ, которые избѣгаютъ крещенія и вѣнчанія, а наиболѣе горячіе изъ нихъ съ болѣею готовностью употребляли бы въ дѣло родъ отлученія, какъ въ католической церкви; однако всѣ эти мѣры едва ли могутъ имѣть успѣхъ. Такимъ образомъ, слѣдовательно не остается ничего болѣе, какъ предоставить рѣшеніе этого вопроса государству. Вы видите изъ этого, что настоящее положеніе евангелической церкви совсѣмъ неудовлетворительно. Поэтому союзъ провинціальныхъ синодовъ въ 6-ти восточныхъ провинціяхъ (Бранденбургъ, Помераніи, Познани, Силезіи, Саксоніи и Пруссіи), происшедшій на этой недѣлѣ, возбуждаетъ большой интересъ. Эти провинціальные синоды составляютъ вторую ступень на пути къ самоуправленію евангелической церкви, которое учреждено постановленіемъ 10-го сентября прошлаго года. Такимъ образомъ (оставляя въ сторонѣ представительство духовныхъ общинъ, общинные церковные совѣты), низшую ступень самоуправленія составляютъ окружныя синоды, вторую—провинціальные, и третью — общій синодъ. Высшая инстанція составляется всегда путемъ выбора изъ низшихъ, только съ тѣмъ, чтобы часть ихъ была утверждена королемъ. Уже при выборахъ въ общинные церковные совѣты и въ окружныя синоды, обнаруживается, что строго церковная партія имѣетъ большинство на своей сто-

ронѣ (масса народа не участвуетъ въ выборахъ) и верховный церковный совѣтъ, который относительно церковной политики раздѣляетъ мнѣніе теперешняго правительства, добивается отсрочки провинціальныхъ синодовъ и боится, чтобы фанатическая ортодоксальная партія не начала пользоваться всякимъ случаемъ для того, чтобы изрекать анафему противъ новыхъ церковныхъ законовъ. Очень возможно, что это случится, хотя и нельзя постоянно отсрочивать, да и вообще эта мѣра едва ли улучшить положеніе вещей. Разъ попробовать однако не мѣшаетъ.—Это замѣчательное и едва ли совершенно случайное совпаденіе, что союзъ упомянутыхъ синодовъ совершился въ то время, когда прусскій законъ о гражданскихъ бракахъ сдѣланъ имперскимъ, такъ какъ вчера, послѣ многихъ засѣданій, наконецъ было окончено вторичное чтеніе этого закона, и такимъ образомъ ультрамонтанамъ снова нанесенъ тяжелый ударъ. Извѣстно, что уже давно дѣлались попытки издать законъ о гражданскихъ бракахъ для всей имперіи, но всегда этотъ планъ разбивался о препятствія; поэтому, прусское правительство предварительно составило спеціальныя законы для отдѣльныхъ странъ, которые и были опубликованы 9-го марта прошлаго года. Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ были начаты переговоры съ баварскимъ правительствомъ, которые на этотъ разъ привели къ соглашенію. Такъ какъ для Баваріи законъ о гражданскихъ бракахъ составляетъ насущную потребность, если только правительство желаетъ освободиться до нѣкоторой степени отъ вліянія клира, а потому при извѣстномъ составѣ баварскаго ландтага провести спеціальныя законы было бы немислимо, тогда какъ законъ для всей имперіи устраняетъ всякое сопротивленіе въ отдѣльныхъ частяхъ. Имперскій законъ не отличается въ сущности отъ прусскаго. Веденіе списковъ о состояніи, способъ заявленія, актъ развода, внесеніе въ книги—все одно и то же; напротивъ, въ имперскомъ законѣ сдѣлана попытка привести въ единообразіе и имущественныя права супруговъ, и такимъ образомъ сдѣланъ очеркъ будущей работы по составленію единообразныхъ гражданскихъ законовъ. Необходимость такой попытки заключалась въ томъ, что въ Германіи, и въ особенности въ Баваріи, относительно имущественныхъ правъ супруговъ господствовало большое разнообразіе. Новымъ закономъ, напр., введены единообразныя правила о запрещеніи браковъ, такъ что въ будущемъ уже не можетъ происходить того, чтобы въ одной части Германіи допускались браки въ извѣстныхъ степеняхъ родства, а въ другой нѣтъ. Дѣйствительный прогрессъ заключается далѣе въ томъ, что всѣ предписанія, ограничивающія право вступать въ бракъ болѣе, чѣмъ допускаетъ теперешній законъ, уничтожены. Имъ не только уничтожено запрещеніе племяннику жениться на старой теткѣ и за-

прещеніе браковъ между христіанами и евреями, но также и знаменитое постановленіе прусскаго права (Landrecht), по которому „мужчина благороднаго сословія не можетъ вступать въ бракъ съ женщиною изъ крестьянскаго или низшаго сословія“, положеніе, которое въ сущности уже было уничтожено совершенно яснымъ выраженіемъ прусской конституціи, что сословныхъ преимуществъ болѣе не существуетъ и что всѣ пруссаки передъ закономъ равны, но которое однако стояло въ законѣ къ изумленію юристовъ и здраваго человѣческаго смысла, и признавалось имѣющимъ силу по мнѣнію высшаго суда (höchste Gerichtshof). Довольно сильное сомнѣніе вызвали тѣ положенія закона, которыми опредѣлялась необходимость согласія отца и матери на предполагаемый бракъ, и которыя касались такъ-называемаго ограниченія родительскаго согласія. При третьемъ обсужденіи было рѣшено: вступающія въ бракъ дѣти для этого должны имѣть согласіе на бракъ отъ родителей, если сыну нѣтъ 25, а дочери 24 лѣтъ. Дѣти старше этого возраста, если на бракъ нѣтъ дозволенія родителей, могутъ обратиться къ ограниченію права родительскаго позволенія, т.-е., выражаясь проще, просить судей признать запрещеніе неосновательнымъ. Но только не было согласія относительно того, на какихъ основаніяхъ судьи должны въ такихъ случаяхъ давать рѣшеніе. Отчетъ комиссіи постановилъ, чтобы судьи рѣшали по свободному соображенію обстоятельствъ. Это было отвергнуто, но, вмѣсто этого, не поставлено ничего другого, такъ что все держится на воздухѣ. Недавно въ законъ введено положеніе, что возрастъ для вступленія въ бракъ долженъ быть увеличенъ до 20 лѣтъ для мужчины и 18 лѣтъ для женщины, тогда какъ гражданское совершеннолѣтіе считается съ 18 лѣтъ, а въ докладѣ хотѣли постановить возрастъ для вступленія въ бракъ въ 18 и 14 лѣтъ. Изъ этого оказывается, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, что даже либеральная партія заботится о томъ, чтобы эманципация личности отъ прежнихъ стѣсненій не шла слишкомъ быстро. Наконецъ, новый законъ отличается отъ прусскаго прибавкою одного § слѣдующаго содержанія: „церковныхъ обязательствъ относительно крещенія и вѣнчанія этотъ законъ не касается“. Сперва это положеніе вызвало много противорѣчій, потому что считали его излишнимъ, ибо оно подразумѣвается само собою; однако потомъ его приняли и даже впослѣдствіи разнесся слухъ, что самъ императоръ требовалъ его включенія, потому что отсутствіе его въ прусскомъ законѣ могло имѣть видъ, что законъ будто бы намѣренно желаетъ пренебреженія церковными актами.

Кромѣ этого закона и имперскаго бюджета, рейхстагъ былъ занятъ двумя важными предметами: закономъ о ландштурмѣ, который на

этихъ дней былъ принятъ въ третьемъ чтеніи, и закономъ о банкахъ, который послѣ перваго чтенія былъ переданъ въ комиссію для переработки, въ такомъ родѣ, чтобы учрежденіе имперскаго банка стояло во главѣ его. Комиссія работала съ удивительными усиліями; законъ выдержалъ два чтенія, второе чтеніе *in plenum* назначено, впрочемъ, на-завтра. Слѣдовательно, теперь лучше всего сообщить объ этомъ, потому что это мое письмо будетъ помѣщено въ февральской книжкѣ „Вѣстника“, а рейхстагъ тогда уже будетъ распущенъ и всѣ извѣстія придется потомъ сообщать очень поздно. Я тѣмъ болѣе отваживаюсь на это теперь, что никакихъ нечаянностей ожидать нельзя. Правительства и большинство рейхстага сходятся въ желаніи, чтобы привести къ концу законъ о банкахъ. Обѣ стороны заботятся о томъ, и постепенно противорѣчія, существующія между ними, будутъ устранены. При такихъ обстоятельствахъ никто не желаетъ работать напрасно, и съ обѣихъ сторонъ дѣлаютъ все возможное, чтобы достигнуть цѣли. Главный пунктъ новаго закона, что основной капиталъ имперскаго банка долженъ быть созданъ изъ частныхъ средствъ (сильная партія желала, чтобы банкъ работалъ только государственнымъ капиталомъ), но что дивидендъ будетъ значительно ограниченъ, отчасти большими налогами, которые вообще будутъ наложены на банкъ, изъ которыхъ самый тяжелый—пошлина на банкнотные билеты, частью тѣмъ, что дивидендъ свыше $4\frac{1}{2}\%$ дѣлится поровну между акціонеромъ и правительствомъ. Хотя вообще члены національнаго единства очень обрадованы закономъ и ограниченіемъ числа частныхъ банковъ, которое необходимо вызовется этимъ, а также и выгодой въ національно-экономическомъ отношеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ озабоченно думаютъ о томъ, оправдаются ли идеи, положенныя въ основаніе закона, и не заключается ли въ немъ основной ошибки, которая будетъ вредить благосостоянію и, можетъ быть, вызоветъ большіе кризисы. Эти опасенія очень понятны, послѣ того какъ Германія вслѣдствіе миллиардовъ претерпѣла такіа потера. Финансовая исторія послѣднихъ четырехъ лѣтъ опровергнула все, что было установлено финансовой наукой: французы, несмотря на громадные платежи Германіи, находятся въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ послѣдняя, гдѣ торговые обороты и промышленность упали, и въ цѣны, а въ особенности рабочая плата, возвысились до такой степени, что прекращается возможность конкуренціи съ иностранными государствами. Министръ финансовъ, Кампаузенъ, который, правда, состоитъ министромъ финансовъ только въ Пруссіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ руководитъ финансовою политикою и имперіи, ибо считается хорошимъ финансистомъ, — такъ счастливъ, что у него всегда оказывается доходъ болѣе предполагаемаго; и при всемъ томъ возни-

каетъ все болѣе и болѣе сомнѣній относительно того, не дѣлаетъ ли онъ ошибокъ, въ чемъ, конечно, повинно вѣстѣ съ нимъ большинство какъ рейхстага, такъ и прусскаго ландтага. Относительно монетной реформы, мнѣ кажется, едва ли можно сомнѣваться въ этомъ. Съ 1-го января во всей Германіи введенъ счетъ на марки, между тѣмъ новыхъ денегъ еще нѣтъ, за исключеніемъ небольшого количества золотой монеты, которая очень быстро исчезаетъ. Есть финансисты, которые боятся, что когда оставшіяся новыя деньги будутъ выпущены въ оборотъ, что непременно должно быть сдѣлано, то золото съ быстротою уйдетъ изъ страны, а въ Германіи останутся только бумажныя деньги, да и они, вслѣдствіе новаго банковаго закона, такъ сильно ограничивающаго выпускъ банковыхъ билетовъ, будутъ въ недостаточномъ количествѣ.

Но оставимъ всѣ эти замѣтки. Будущее покажетъ, справедливы ли эти опасенія. Притомъ же, я еще не сказалъ ни слова объ иностранной политикѣ, хотя въ послѣднее время она опять начала играть значительную роль. Отношенія къ Франціи продолжаютъ быть дружественными, несмотря на разоблаченія во время процесса Арнима, возбуждшія только временное вниманіе. Напротивъ, Германія страннымъ образомъ повидимому связана съ Испаніей, съ тѣхъ поръ, какъ послѣ долгаго отчужденія, лѣтомъ 1870 года, названіе обѣихъ странъ соединено было вѣстѣ съ именемъ Гогенцоллерновъ.

Призваніе Альфонса на испанскій тронъ многіе считаютъ ударомъ для политики Бисмарка, такъ какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ князь Бисмаркъ особенно старался о признаніи свергнутаго теперь правительства Серрано. Однако, это совсѣмъ несправедливо. Что донъ-Альфонсъ имѣлъ въ арміи много приверженцевъ, и что конституціоналисты въ Испаніи возлагали на него большія надежды, было уже давно извѣстнымъ фактомъ, и нельзя думать, что Бисмаркъ не зналъ этого. Можно указать притомъ и на то, что даже правительство Серрано вовсе не было враждебно къ Альфонсу; напротивъ, оно скорѣе подготовило ему дорогу къ трону, и что Серрано альфонсисты даже предлагали принять регентство до прибытія Альфонса. Князю Бисмарку вѣроятно все равно, какое правительство будетъ въ Мадридѣ, и онъ призналъ бы всякое за исключеніемъ донъ-Карлоса. Даже донъ-Карлосъ лично ему не противенъ, и онъ вооруженъ противъ него только до тѣхъ поръ, пока онъ служитъ представителемъ ультрамонтанскаго принципа. Этимъ можно объяснить также извѣстную сдержанность германской политики относительно Альфонса. Этотъ молодой монархъ, можетъ быть, пришелъ въ Испанію съ лучшими намереніями править либерально, конституціонно и независимо отъ духовенства, но слѣдуетъ очень опасаться того, что духовенство

скоро опять пріобрѣтетъ вліяніе и что Альфонсъ вступить на тотъ путь, который былъ гибеленъ для его матери. Восемь дней тому назадъ было получено извѣстіе, что матросы нѣмецкой канониры „Наутилусъ“ заняли Зарауцъ. Въ первую минуту органы здѣшней прессы были такъ возбуждены этимъ, что забыли свою обычную осторожность, приняли это извѣстіе безъ провѣрки и предались даже патристическому торжеству, не обращая вниманіе на то, что подобный *coup de main*, хотя бы онъ былъ направленъ и противъ карлистовъ, но во всякомъ случаѣ могъ бы повести къ затрудненіямъ; кромѣ того, этимъ вѣроятно оказана была бы плохая услуга Альфонсу, такъ какъ страстно привязанные къ своей независимости испанцы сочли бы это неумѣстнымъ вмѣшательствомъ.

Точно также на Востока повидимому непокойно, въ особенности изъ Вѣны насъ осыпаютъ депешами о напряженномъ состояніи между Турціей и Сербіей, и Богъ знаетъ еще о какихъ интригахъ и поклонахъ. Здѣсь никто не интересуется этими вещами (кромѣ дипломатовъ по занятіямъ и нѣкоторыхъ редакторовъ, погруженныхъ въ высшую политику) и никто ихъ не понимаетъ. Въ Вѣнѣ интересуются этимъ потому, что Австрія думаетъ, будто имѣетъ какую-то восточную миссію. Въ Германіи объ этомъ не имѣютъ никакого понятія, и къ восточнымъ дѣламъ здѣсь совершенно равнодушны. Я думаю даже, что иностранное управленіе имѣетъ объ этомъ небольшое понятіе. Единственнымъ знатокомъ ихъ считается фонъ-Радовицъ, прежній генеральный консулъ въ Бухарестѣ, теперешній греческій посланникъ, который однако съ лѣта не живетъ тамъ и работаетъ въ иностранномъ управленіи. Конечно, дипломаты не упускаютъ изъ виду того, что происходитъ на Востока, но я думаю, что на это смотрятъ только съ той точки зрѣнія, чтобы поддержать миръ и въ этомъ случаѣ идти за одно съ Австріей и Россіей. Австрія теперь сознаетъ, какія выгоды могутъ доставить ей эти дружескія отношенія, потому что она никогда не наслаждалась такимъ спокойствіемъ, какъ съ 1866 года, и употребляетъ на армію гораздо меньше издержекъ сравнительно съ Пруссіей. Къ сожалѣнію, Англія совсѣмъ ненасытна въ своемъ эгоизмѣ. Она погружена въ иллюзію, что все въ не касается континентальной политики, а между тѣмъ и казывается очевидно большую симпатію къ Франціи, которая увеличится еще больше, когда проведенъ будетъ тоннель подъ каналомъ Ла-Маншъ, и усилить сношеніе обѣихъ странъ болѣе, чѣмъ теперь.

Карнавалъ этого года, очень краткій, начался при дворѣ 21 числа, за которымъ слѣдовалъ балъ по подпискѣ въ оперномъ театрѣ. Императоръ былъ на обонхъ празднествахъ, вполне здоровый и веселый. Повидимому, недавняя болѣзнь, внушавшая опасенія, прошла безъ

всякихъ послѣдствій. Князь Бисмаркъ не присутствовалъ, вѣроятно по болѣзни; многіе не хотятъ однако вѣрить этому, но полагаютъ, что въ его отсутствіи играла роль политика. Это навѣрное преувеличено. Во всякомъ случаѣ, при дворѣ канцлеру нечего ожидать не-пріятности встрѣтиться съ однимъ изъ тѣхъ господъ, въ сюртукамъ которыхъ, по его ѣдкому выраженію, присталъ Кульманъ. Центръ блисталъ своимъ отсутствіемъ, вѣроятно потому, что никто изъ нихъ не былъ приглашенъ. Въ придворнаго кружкѣ карнавалъ былъ скученъ, потому что въ финансахъ нѣтъ никакого улучшенія. Повсюду вслѣдствіе страшныхъ катастрофъ выборъ средствъ и довѣріе все уменьшается. Въ литературѣ ничего новаго, кромѣ новаго тома извѣстнаго сочиненія Густава Фрейтага. На королевскомъ театрѣ съ успѣхомъ поставлены „Die Hermannschlacht“, Генриха Клейста, извѣстнаго автора „Käthchen von Heilbronn“, и привлекательную комедію „Der zerbrochene Krug“. Эта пьеса написана во время самаго глубокаго приниженія Германіи, и, само собою разумѣется, держалась тогда въ тайнѣ; съ тѣхъ поръ ей постоянно болѣе удивляются, но меньше читаютъ, и ни одинъ театръ не считаетъ возможнымъ ее поставить. Остальные театры пробавляются французскими пьесами. Гёте сказалъ однажды: „настоящій нѣмецъ не можетъ терпѣть французъ, но съ удовольствіемъ пьетъ ихъ вино“. Къ этому можно прибавить—„и смотреть ихъ пьесы“. Въ этомъ отношеніи война ничего не измѣнила. Народы въ своихъ привычкахъ консервативнѣе, чѣмъ думаютъ.

К.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

10/21 января, 1876 г.

Внѣшняя политика Англіи и средне-азиатскій вопросъ.

Съ незапамятныхъ временъ еще не бывало такого затишья въ Великобританіи, какъ то, которое снизошло на нее въ настоящій моментъ. Невиданное и неслыханное явленіе въ дѣтописяхъ парламентской системы: всѣ довольны! Консерваторы радуются тому, что правленіе находится въ ихъ рукахъ, либералы въ восторгѣ, что не они правятъ; послѣдній фактъ хотя болѣе необыченъ, но весьма понятенъ. Недавно одинъ изъ вождей радикальной партіи отважился начертить программу „будущей страницы исторіи либеральной пар-

тія", и это немедленно вызвало со стороны одного сатирическаго журнала изображеніе пустой страницы съ подписью „*finis*“ на концѣ. Конечно, слово „*finis*“ тутъ излишне, но что страничка пуста, этого кажется невозможно отрицать. Самые искусные корифеи партіи не могутъ занести на нее ничего, кромѣ неопредѣленныхъ росчерковъ, между которыми смутно виднѣются слова: „отдѣленіе церкви отъ государства“, вслѣдствіе чего и становится ясна причина покорности, съ которой либералы подчиняются своему бездѣйствію, довольствуясь ролью зрителей дѣяній своихъ противниковъ и выжидая удобнаго случая воспользоваться ихъ промахами. Черезъ нѣсколько дней парламентская сессія откроется, всѣ заранѣе ожидаютъ спокойной и благодушной бесѣды, гдѣ будетъ безобидно и невозмутимо трактроваться о вопросахъ, относящихся до мѣстныхъ и хозяйственныхъ интересовъ.

Въ виду такихъ обстоятельствъ Гладстонъ отказался, вѣроятно, на этотъ разъ совершенно серьезно, отъ своего званія главы либеральной оппозиціи. Въ письмѣ, адресованномъ на имя лорда Гранвилля, отъ 13-го января, онъ заявляетъ, что достигнувъ 63-лѣтняго возраста и посвятивъ сорокъ два года общественной дѣятельности, онъ считаетъ себя вправѣ удалиться на покой и употребить послѣдніе годы своей жизни сообразно своимъ вкусамъ. Всѣ органы прессы единогласно оплакиваютъ это давно ожидаемое и вполне естественное рѣшеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что если программа либеральной партіи не досказала своего послѣдняго слова, то программа самого Гладстона исчерпана окончательно и, какъ мы уже не разъ повторяли, реформы, совершенныя подъ его руководствомъ, представляютъ собою такую обширную и законченную систему, которой легко удовлетворить наиболѣе требовательныхъ. Въ настоящее время Гладстону положительно ничего не остается сказать, но во всякомъ случаѣ пусть сторонники его утѣшатся и осушатъ свои слезы: онъ еще вернется. Политика и положеніе вождя партіи не такія вещи, отъ которыхъ легко отказываются люди, особенно послѣ сорока-двухъ-лѣтней привычки. Конечно, я знаю, что мнѣ могутъ указать на примѣръ Суллы; но я отвѣчу, что для послѣдователя сэра Роберта Пили не существуетъ условій, заставившихъ римскаго диктатора похоронить себя въ его виллѣ Кумахъ. Между прочимъ прибавлю, что „удаляющийся на покой“ эксъ-премьеръ не пренебрегаетъ случаевъ совершить этотъ шагъ самымъ замѣтнымъ образомъ и обратить на себя вниманіе Европы. Нѣсколько поздно говорить теперь о брошюрѣ его „*О декретахъ Ватикана*“, такъ какъ не было журнала и газеты, которые бы не сдѣлали изъ нея извлеченій мѣсяца три тому назадъ. Однако же толки о ней не совсѣмъ еще улеглись, и не далѣе какъ

вчера, д-ръ Ньюмэнъ, бывшій пювенстъ, перешедшій въ католичество (см. „Вѣстн. Европы“ за августъ 1874 г.), напечаталъ формальный отвѣтъ на нечестивое домогательство Гладстона, въ видѣ письма на имя герцога Норфолькскаго, одного изъ вождей англійской католической аристократіи. Отвѣтъ достоинъ вызова. Дѣйствительно, что такое брошюра Гладстона? Объясненіе, что со времени провозглашенія догмата непогрѣшимости нельзя оставаться вѣрнымъ подданнымъ, бывши искреннимъ католикомъ. Но это опредѣленіе совершенно неосновательное, или, вѣрнѣе, въ немъ весь вопросъ вертится около мелочей. Въ сущности, всякій человѣкъ, повинующійся приказаніямъ и законамъ, исходящимъ отъ власти, чуждой его собственному отечеству, безъ различія того, будетъ ли эта власть единоличная или коллегіальная — заключается ли она въ лицѣ папы или собора, въ лицѣ диктатора или парламента, — но во всякомъ случаѣ, подчиняющійся ей уже не свободенъ и не можетъ быть вполне признанъ гражданиномъ своей страны. Догматъ непогрѣшимости только ярче освѣтилъ уже давно извѣстный фактъ, но и въ послѣднемъ отношеніи Гладстонъ преувеличилъ его значеніе. Съ этой точки зрѣнія, Ньюмэну было не трудно доказать ему, что никакой существенной перемены не произошло. Изъ брошюры послѣдняго, которая въ свою очередь служить теперь предметомъ безконечныхъ препирательствъ, мнѣ приходитъ на память одинъ аргументъ, необычайно прелестный по своей наивности. Доказывая божественную силу папскаго всемогущества, онъ упоминаетъ объ эпизодѣ ссоры, возникшей между Піемъ VII и Наполеономъ I, когда императоръ съ гнѣвнымъ презрѣніемъ встрѣтилъ угрозу отлученія отъ церкви, изреченную намѣстникомъ св. Петра, и сказалъ слѣдующую фразу: „кого хочетъ испугать папа своими устарѣвшими, средневѣковыми громами? Неужели онъ думаетъ, что звукъ его словъ способенъ заставить моихъ солдатъ побросать оружіе?“ — „И что же, — прибавляетъ отецъ Ньюмэнъ (причисленный нынѣ къ штату Ватиканской молельни), — во время русской кампаніи, по подлиннымъ словамъ Сегюра, *оружіе выпадало изъ рукъ солдатъ!*“ Его священство, отецъ Ньюмэнъ оказался бы гораздо находчивѣе, избравъ для примѣра логики фактовъ, слова юнаго Ла-Сагала, пріѣхавшаго изъ Саксоніи въ Парижъ въ 1811 году, съ цѣлью сдѣлать покушеніе на жизнь Наполеона. „Я перешелъ въ католичество, — сказалъ молодой человѣкъ Буррьену на допросѣ, — потому что, вслѣдствіе отлученія отъ церкви, произнесеннаго папой надъ Наполеономъ, убійство его становится богоугоднымъ дѣломъ“ ¹⁾.

¹⁾ Mémoires de Bourrienne, T. VIII, chap. 21.

Итакъ, вотъ полемика, на которую мы обречены въ настоящій періодъ *клерикальной политики*, заставляющей насъ переживать снова споры объ инвеститурахъ и проч. Что дѣлать, нужно брать политическія задачи въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ являются въ жизни, и Гладстонъ въ этомъ случаѣ совершенно правильно отнесся къ дѣлу. Онъ замѣтилъ, съ обычной своей смѣтливостью, ошибку, въ которую впалъ, издавши свою статью о ритуализмѣ, и подаль поводъ Дизраэли принять на себя роль защитника протестантизма и старой Англіи, о чемъ я уже говорилъ подробно въ послѣдней моей корреспонденціи (ноябрьская книжка „В. Е.“ за 1874 г.): въ то время онъ выступалъ съ предостереженіемъ противъ ритуализма и высокой церкви (*high church*), теперь онъ принимаетъ ту же позицію относительно католицизма.

По его мнѣнію, однако же, только высшіе слои общества поддаются соблазну; въ подтвержденіе этого онъ ссылается на статистику католическихъ браковъ, которая представляла цифру 4,89 въ сто въ 1854 г., а теперь упала до 4,02. Тутъ очевидно существуетъ ошибка, проистекающая отъ невѣрной оцѣнки статистическихъ данныхъ. Самыя многочисленныя обращенія происходили нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и не могли коснуться людей, достигающихъ только нынѣ возраста вступленія въ бракъ, и слѣдовательно не вышедшихъ еще изъ-подъ родительской власти. Надо подождать, что скажетъ статистика браковъ относительно дѣтей новообращенныхъ. Во всякомъ случаѣ наилучшимъ мѣриломъ должно признать возрастающее число часовенъ, церквей и т. п., и я могу только повторить цифры уже цитированныя мною по этому предмету въ моемъ письмѣ, писанномъ въ прошедшемъ августѣ, а именно: въ Англіи, въ 1874 г. католическое народонаселеніе возрасло до 2 милліоновъ, вмѣсто прежней цифры 600,000, получившейся по переписи 1851 г. При этомъ слѣдуетъ помнить фактъ ирландскаго эмиграціоннаго движенія.

Каково бы ни было количество и качество обращеній и не взирая на то, являются ли они слѣдствіемъ политической необходимости или убѣжденій, но явленіе это сильно тревожитъ бывшаго премьера. Онъ еще разъ возвращается къ нему въ статьѣ, посвященной разбору рѣчей, произнесенныхъ Піемъ IX ¹⁾. Мы говоримъ о критикѣ двухъ томовъ „рѣчей“, обнимающихъ ораторскую дѣятельность папы отъ 1870 до 1873 г., собранныхъ нѣкимъ дономъ-Паскуалемъ, съ разрѣшенія на то ихъ автора. „Намъ часто случалось видѣть“, восклицаетъ Гладстонъ, „непогрѣшимость, облеченную въ парадную одежду и въ праздничномъ плюмажѣ: непогрѣшимость, подъ бровей

¹⁾ Quarterly Review. Январь, 1873 г.

туманныхъ теологическихъ фразъ, непроницаемыхъ ни для пониманія невѣственной толпы, ни для насъ, просвѣщенныхъ людей, но донъ-Паскуаль проводитъ насъ за кулисы. Онъ знакомитъ насъ съ непогрѣшимостью въ ея домашнемъ, можно сказать халатномъ ея туалетѣ, онъ раскрываетъ настежь дверь ея рабочаго кабинета и показываетъ ее намъ въ минуты ея отдохновенія, когда она безъ всякихъ стѣсненій и оглядокъ предается самымъ безумнымъ выходкамъ. Продолженіе написано въ томъ же тонѣ. Указавъ на признаки упадка, все болѣе и болѣе проявляющіеся въ папствѣ, на растлѣніе его духовенства, превращающагося со дня на день „въ армію, въ полицейскихъ сыщиковъ и въ касту... и выбирающихъ именно такой моментъ“, восклицаетъ онъ, „для провозглашенія главы своей „непогрѣшимымъ“ и поднесенія ему отъ имени потомства титула „Великаго“. Въ довершеніе же комичности положенія, какъ разъ является горсть титулованныхъ англичанъ, которые зачисляются въ ряды самыхъ пылкихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ пошлыхъ его сторонниковъ, хотя вся нація массой отворачивается отъ него болѣе рѣшительно и явно, чѣмъ во всѣ предшествовавшіе періоды исторіи“. Изъ этой выдержки можно составить нѣкоторое понятіе о живости и пикантности статьи. „Times“ находитъ ее несвоевременной; по мнѣнію этой газеты, папа обязанъ выполнить извѣстную роль, и его не слѣдуетъ смущать во время исполненія долга. По этому поводу приводится слѣдующій анекдотъ. Дѣло происходило восемь лѣтъ тому назадъ; послѣ паденія кабинета Росселя, три члена упраздненнаго министерства путешествовали по Италіи и были представлены папѣ, который во время аудіенціи договорился до откровенности и высказалъ прямо свое личное мнѣніе о посѣтителяхъ. Изъ трехъ гостей своихъ, оказалось, что онъ любитъ и понимаетъ—одного лорда Кларендона;—понимаетъ, но не любитъ второго (имя его не названо), а третьяго, Гладстона, не любитъ и не понимаетъ. Добавимъ, что послѣдній потребовалъ поправки: папа его любитъ, но не понимаетъ.

Нечего и говорить, насколько все это невинно. Однако, будь сказано не во гнѣвъ „Times'у“, при настоящихъ условіяхъ, подобныя заявленія со стороны вліятельныхъ государственныхъ дѣятелей смахиваютъ сильно на поддержку прусской политики. Не слѣдуетъ забывать также прошлагодняго митинга англійскихъ протестантовъ, пославшихъ своимъ германскимъ единовѣрцамъ адресъ, съ выраженіемъ симпатій и дружескихъ благопожеланій. Въ Англіи общественное настроеніе умовъ, очевидно, склоняется въ пользу союза съ Пруссіей, вслѣдствіе весьма разнообразныхъ причинъ.

Такъ какъ партіи создаютъ намъ періодъ отдыха въ дѣлахъ

внутренней политики, то мы воспользуемся этимъ досугомъ для того, чтобы взглянуть попристальнѣе въ современное, не лишнее интереса положеніе Соединеннаго Королевства относительно европейскаго континента—въ особенности же относительно той страны, гдѣ настоящее письмо разсчитываетъ найти читателей.

Не хотѣлось бы мнѣ „начинать съ Адама“, однако же приходится, извинившись предварительно, вернуться вспять къ нѣкоторымъ давно минувшимъ событіямъ. Съ каедръ раздаются громы похвалы пресловутому европейскому равновѣсію и политикѣ, ведущей свое начало отъ вестфальскаго мира. Дѣйствительно, мы обязаны ему совершенно новымъ элементомъ. До него — всѣ войны велики изъ-за всемірнаго преобладанія, и пальма владычества переходила поочередно отъ египтянъ къ ассирійцамъ, отъ персовъ къ грекамъ. Отвариваясь, что я подразумеваю здѣсь господство надъ цивилизованнымъ міромъ, а въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, въ этомъ смыслѣ Европы еще не существовало. Наконецъ, Римъ соединилъ подъ иго своего желѣзнаго скипетра оба континента. Со времени распаденія римской имперіи, въ Европѣ, сдѣлавшейся средоточіемъ цивилизаціи, водворяется политическая анархія. Современные государства находились еще тогда въ первомъ періодѣ своего образованія, и вестфальскій трактатъ, на который классическіе дипломаты продолжаютъ смотрѣть какъ на фундаментъ прочнаго зданія, въ сущности имѣлъ только значеніе перемирія посреди ожесточенной борьбы, продолжавшейся изъ-за европейской гегемоніи. Франція, латинская нація, возрожденная притокомъ германской крови, на мгновенье успѣваетъ завладѣвать спорнымъ преобладаніемъ — сначала при Людовикѣ XIV, позднѣе при помощи революціи и Наполеона. Но ея могущество, частью искусственное, рушится въ одинъ день, и всѣми трактатами кое-какъ сглаживаютъ новое перемиріе, на основаніи еще болѣе шаткихъ, чѣмъ принципы 1848 года. Національности раздробляются на удачу, съ единственной цѣлью соблюденія симметрии и равновѣсія; въ эту пору Англія, которой Веллингтонъ даруетъ славу ватерлооскаго сраженія, пріобрѣтаетъ, тоже весьма кратковременно, преобладающее вліяніе на конгрессы европейскихъ державъ.

Внутренняя работа безостановочнаго роста національностей наруживается снова въ 1848 году. Возникаетъ крымская война, и Италія первая освобождается. Событія 1870—71 годовъ наносятъ послѣдніе удары дряхлой политикѣ. Франція и Пруссія одинъ на одинъ сводятъ свои личные счета на глазахъ всей испуганной и прислушивающейся Европы, и изъ этого столкновенія вырастаетъ вновь сплотившаяся въ одно нѣмецкая національность, торжествующая побѣду надъ двумя нѣкогда могущественнѣйшими державами, и съ

пови́тся владычицей всей западной Европы. Когда, въ прошедшемъ маѣ, лордъ Джонъ Россель обратился къ правительству съ запросомъ о внѣшней политикѣ, удалившійся отъ дѣлъ, старый вождь либеральной партіи не могъ не убѣдиться въ горькой истинѣ: англійское вліяніе совершенно ступсезалось на совѣтахъ континентальной Европы. Куда дѣвались плоды крымской кампаніи, предпринятой преимущественно ради династической славы и преуспѣянія наполеонидовъ? Остались отъ нихъ памятники—въ Пэлль-Мэлль (Pall-Mall) и, скажемъ въ скобкахъ, очень некрасивый памятникъ.—Уничтоженіе договора 1836 года, жене́вская конвенція по дѣлу Алабамы—но все это вмѣстѣ взятое довольно скудные результаты, не уравнивающіе даже блестящихъ побѣдъ надъ ашантіями.

Отнынѣ борьба между территоріальными единицами, сплоченными болѣе или менѣе произвольно, немислима, она уже прямо ведется между національностями, скажемъ болѣе—между расами. Это старое движеніе древнихъ временъ просыпается снова. Теперь на первомъ планѣ стоитъ германская раса, и Англіи естественно предстоитъ идти по стопамъ „главы семейства“. Къ этому влекутъ ее какъ собственные интересы, такъ и единство происхожденія. Авторъ статьи, напечатанной въ послѣднемъ № „British Quarterly Review“ (за январь, 1875 г.) выражаетъ опасенія на счетъ возможности дружескаго союза между Германіей и Россіей. „Освобожденіе отъ крѣпостной зависимости миллионовъ людей“, говоритъ онъ, „считавшихся до сихъ поръ чуть ли не за нулей и превращенныхъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія въ свободныхъ гражданъ и мелкихъ землевладѣльцевъ; введеніе новой системы воинской повинности, включившей всѣ слои народонаселенія въ военную службу; колоссальная сѣть желѣзныхъ дорогъ, раскинутая съ поразительной быстротой въ недавнее время, съ цѣлью облегчить стратегическія передвиженія, словомъ—все доказываетъ, что Россія сознаетъ свое предназначеніе играть важную роль въ зрѣющихъ событіяхъ, и вѣроятно имѣющихъ разразиться къ концу настоящаго столѣтія, и готовится къ нимъ“. Онъ прибавляетъ: „дай Богъ, чтобы, до рокового столѣновенія между Германією и Россією, эти двѣ сѣверныя державы не задумали соединиться для какого-нибудь совмѣстнаго предпріятія на Западѣ или Востокѣ“.

Едва ли будущее оправдаетъ эти опасенія. Германская имперія, въ виду своего дальнѣйшаго развитія, должна наравнѣ со всѣми прочими желать сохраненія совершенной неприкосновенности устьевъ Дуная. Англія это понимаетъ отлично, и потому политика Бисмарка постоянно заслуживаетъ здѣсь одобренія, чтобы не сказать болѣе. По поводу испанскаго вопроса, когда кабинетъ Гладстона отказы-

вался признать республиканское правительство Серрано, также как и республику Кастелара, инициативу въ этомъ дѣлѣ принять на себя торійскій кабинетъ, и онъ съ Дизраэли отважился на этотъ поступокъ вслѣдъ за Германіей. Во время процесса графа Арнима „Times“ съ самаго начала высказывалъ, что „во всякомъ случаѣ, чѣмъ бы дѣло ни кончилось, власти имперіи заранѣе могутъ быть оправданы въ своихъ дѣйствіяхъ“ („Times“, 10 декабря, 1874). Всѣмъ извѣстенъ маленькій скандалъ, происшедшій въ истекшемъ декабрѣ, по поводу рѣчи, произнесенной Дизраэли на банкетѣ лорда-мэра, въ которомъ онъ восхвалялъ „преимущества, права и вольности, составляющія достояніе рабочихъ сословій въ этой странѣ, какими не пользуются даже аристократическіе классы въ другихъ государствахъ“. Нѣсколько дней спустя, въ газетахъ появилось „сообщеніе“, объясняющее, что премьеръ въ своемъ разсужденіи не имѣлъ въ виду никакихъ намековъ на процессъ, предстоящій къ разбирательству въ Пруссіи, „такъ какъ арестъ графа Арнима не носитъ признаковъ произвола и произведенъ сообразно законамъ страны“. Подобное заявленіе было совершенно бесполезно и послѣдовало, очевидно, только подъ давленіемъ требованій берлинскаго кабинета. А между тѣмъ, Англіи въ настоящую минуту ничего не грозитъ со стороны Германіи, это несомнѣнно; слѣдовательно, всѣ эти дружескія заигрыванія и лести пускаются въ ходъ ради будущаго драгоцѣннаго союза.

На самомъ дѣлѣ, Великобританія сознаетъ, что почва все болѣе и болѣе колеблется подъ ея ногами. Тонъ русской прессы пугаетъ ее. Въ прошломъ мѣсяцѣ „Saturday Review“ не могъ удержаться отъ нѣсколькихъ горькихъ словъ, вырванныхъ у него статьями одной изъ русскихъ газетъ по восточному вопросу. „Гигантская армія, образующаяся въ Россіи“, говоритъ онъ, „организуется, конечно, не безъ цѣли какихъ-нибудь завоеваній, которыя будутъ предприняты и ведены по всѣмъ правиламъ филантропіи, выработанной въ Брюсселѣ“ (№ отъ 12-го декабря). Какъ видите, иронія довольно безобиднаго свойства, но англійская журналистика не заходитъ далѣе этихъ границъ язвительности, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ. Однако же восточный вопросъ, въ особенности же средне-азиатскій, не переставалъ занимать нашихъ публицистовъ въ теченіи всего послѣдняго времени. Цѣлый годъ уже, какъ постоянно является масса брошюръ и замѣчательныхъ статей, за подписью весьма уважаемыхъ писателей и специалистовъ военнаго дѣла, трактующихъ объ этомъ предметѣ. Вопросъ этотъ, самъ по себѣ, можетъ быть извѣстенъ вамъ гораздо лучше, чѣмъ намъ, англичанамъ, и я считаю бесполезнымъ разбирать его съ технической стороны. Для васъ можетъ имѣть интересъ лишь то, что о немъ здѣсь говорится несмотря на скудость офи-

ціальных документовъ, общественное мнѣніе достаточно высказалось для того, чтобы возможно было вывести изъ него заключеніе.

Два совершенно различныхъ воззрѣнія встрѣчаются въ статьяхъ, касающихся средне-азиатскихъ дѣлъ; одно принадлежитъ писателямъ изъ военнаго сословія, другое элементу гражданскому. Для писателей изъ послѣдней категоріи „руссофобія“ заклеилась оттѣнкомъ комичности и поступила въ разрядъ тихихъ помѣшательствъ, вредящихъ только лицамъ, одержимымъ этимъ недугомъ. „Нельзя не повторять и не стараться всячески установить фактъ, что мысль о занятіи Индіи русскими войсками заслуживаетъ вполне названіе горячечнаго бреда (distempered dream), которое она получила“—говоритъ авторъ одной солидной статьи, помѣщенной въ апрѣльской книгѣ „Quarterly Review“¹⁾. Онъ доходитъ даже до изліяній своей радости по поводу того, что „послѣдняя преграда, которую дикое варварство Средней Азіи воздвигало противъ цивилизаціи, уничтожена, наконецъ, успѣхами русскихъ въ Хивѣ“. Чтò не мѣшаетъ ему однакоже, дойдя до историческаго изложенія послѣдней экспедиціи и особенно до эпизода присоединенія завоеванной территоріи, видѣть опасность положенія Россіи, рискующей поддаться, какъ онъ выражался, внушеніямъ „честолюбивой и эгоистической партіи военной аристократіи“, которая пользуется настоящими дружескими отношеніями, существующими между Россіей и Англіей, для достиженія своихъ цѣлей; правительство Великобританіи получаетъ совѣтъ назначить компетентныхъ представителей своей власти въ мѣстности наиболѣе угрожаемыя этими „military nobles“, и тогда ихъ козни будутъ разстроены и спокойствіе обезпечено міру.

Такъ гласитъ органъ консерваторовъ, т.-е. до извѣстной степени органъ настоящаго правительства, а это становится тѣмъ болѣе вѣско, что самые видные члены партіи имѣютъ обыкновеніе сотрудничать въ этомъ журналѣ. Съ безпристрастной точки зрѣнія нельзя не замѣтить, что такой образъ мыслей грѣшитъ простоватостью и не блещетъ силой аргументовъ. Гораздо предпочтительнѣе, по-моему, откровенность лорда Гранвилля, объявившаго въ своей депешѣ, отъ 7-го января 1874 года, что онъ не усматриваетъ „никакой практической выгоды“ въ слишкомъ точномъ обсужденіи договора съ Хивой: любезный способъ высказывать свое неудовольствіе въ минуту, неудобную для явнаго обнаруженія своихъ чувствъ.

Въ томъ же апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ „Edinburgh Review“²⁾, появилась статья о западномъ Туркестанѣ и Кашгарѣ. Журналъ выговъ

¹⁾ April, 1874. *Russian advance in Central Asia.*

²⁾ «Edinburgh Review». April, 1874.

оказалъ не менѣе благодушнѣ, чѣмъ его соперникъ. Въ этомъ ученѣмъ изслѣдованіи революціонныхъ движеній, приведшихъ къ возмущенію Якубъ-бея, либеральный публицистъ вторитъ своему торійскому собрату и рукоплещетъ успѣху русскихъ и новому горизонту, открытому путемъ завоеваній торговлѣ цивилизованныхъ націй. Тутъ нѣтъ уже и намековъ на какія-нибудь затрудненія, нѣтъ слѣда даже попытки къ борьбѣ, хотя бы въ формѣ нравственнаго вліянія; событіе оцѣнивается съ полнѣйшимъ и изумительнымъ оптимизмомъ. Самъ Лейбницъ не могъ бы быть отвлеченнѣе, а мягкосердный Панглось навѣрное прослезился бы отъ умиленія при видѣ столькихъ добрыхъ людей.

Но далеко не такими глазами смотритъ на дѣло капитанъ Тренчъ, 20-го гусарскаго полка: „Руссофобія“, говоритъ онъ „проснулась въ 1865 г. во время взятія Ташкента; въ 1868, при взятіи Самарканда; въ 1873—послѣ хивинской экспедиціи. Затѣмъ всѣ успокоились и, между тѣмъ какъ по поводу Герата трепетали за Индію, теперь считаютъ мысль о непріятельскомъ вторженіи за смѣшную химеру 1)“. Нечего пояснять, что мы перешли въ настоящую минуту на военную почву: слышится звяканіе саблей, виднѣются крутящіяся усы, и вашъ воинственный „Голосъ“ можетъ смѣло вступить въ разговоръ, не боясь ударить лицомъ въ грязь. Но безъ шутокъ, капитанъ Тренчъ вовсе не пришлецъ въ литературѣ.

Уже пять лѣтъ тому назадъ онъ издалъ по этому предмету очеркъ, чрезвычайно подробный и обстоятельный, какъ съ политической, такъ и съ стратегической стороны, очеркъ, полный своеобразныхъ взглядовъ, не лишенныхъ значенія для обѣихъ партій 2). Онъ, насколько мы знаемъ, очень уважаемъ въ арміи и вышеприведенныя слова его были сказаны на митингѣ, въ присутствіи высшихъ военныхъ чиновъ, собирающихся въ „Royal United service institution“.

Средства, предлагаемыя имъ „въ видѣ поправки къ успѣхамъ Россіи“, отличаются совсѣмъ другими свойствами, чѣмъ консерваторскія измышленія. Онъ не ограничивается также приглашеніемъ, сдѣланнымъ однимъ писателемъ, правительству поощрять англичанокъ къ изученію русскаго языка. Впрочемъ, онъ умѣренъ—но только со стороны выжидательной. Онъ согласенъ ждать; пока желѣзныя дороги, находящіяся теперь въ постройкѣ, будутъ сооружены, пока навигація по Сыръ-Дарьѣ не вполнѣ обезпечена, до тѣхъ поръ Англія въ опасности. Слѣдовательно, ей позволено дышать свободно еще пять-шесть лѣтъ. Но послѣ этого, если границы англійскихъ владѣ-

1) *The Central Asian question*, London, 1873. 8°, 28 стр.

2) *The Russo-Indian question*. London. 1869. 8°, 185 стр.

ній въ Индіи останутся при *statu quo*, то положеніе вещей совершенно измѣнится, и перевѣсъ выгодъ перейдетъ на сторону Россіи. Англія можетъ устранить это неудобство, занявъ Кандагоръ. Значеніе Герата преувеличивали ошибочно: городъ этотъ можно считать воротами Индіи только въ томъ смыслѣ, что онъ служитъ ключомъ къ Афганистану съ запада, т.-е. съ единственной точки, откуда можно проникнуть въ Кандагоръ, который и имѣетъ настоящее право считаться воротами Индіи. Стратегическое значеніе этого пункта неоспоримо, и заключается въ слѣдующихъ соображеніяхъ: онъ охраняетъ всѣ три дороги въ Индустанъ, черезъ Ширварпуръ, Гюзней и Кабуль. Городъ лежитъ въ самой плодотворной мѣстности, обладающей всѣми условіями къ удобному продовольствію постояннаго гарнизона. Наконецъ, черезъ него Герать всегда могъ бы находиться подъ прикрытіемъ англичанъ (*The Russo-Indian question*, стр. 161).

Полковникъ Генри Гринъ не особенно стоитъ за занятіе Кандагора, и разрѣшаетъ стратегическій вопросъ слѣдующимъ образомъ: ¹⁾ его тоже пугаетъ разрастаніе русскихъ желѣзныхъ дорогъ, но онъ, примѣняясь къ методу гомеопатовъ: лечить подобное подобнымъ, прежде всего пропагандируетъ проведеніе желѣзной линіи въ долину Евфрата. Затѣмъ онъ рекомендуетъ занять Кетту, на границѣ Белуджистана и Афганистана—построить желѣзную дорогу изъ Дадуръ въ Белуджистанъ, въ Суккуръ, что обезпечивало бы сообщенія съ сѣтью индійскихъ желѣзныхъ дорогъ и оградило бы Англію отъ всякой опасности со стороны Средней Азіи.

Безъ сомнѣнія, занятіе Кетты удобоисполнимѣе, чѣмъ завладѣніе Гератомъ. Тѣмъ не менѣе оба достойные воина принадлежатъ къ школѣ покойнаго генерала сэра Сиднея Коттона, который безъ дальнихъ околичностей совѣтовалъ „немедленное и постоянное занятіе Кабула, Кандагора и Герата“. Вотъ это такъ рѣшительно и прямо! какъ говоритъ генералъ въ „Герцогинѣ Герольштейнской“. Но такіе планы, болѣе реальные, впрочемъ, чѣмъ проекты генерала Троши—не очень цѣнятся элементомъ гражданскимъ, и заслуживаютъ съ его стороны презрительныя прозвища „дикихъ измышлений офицеровъ пенджабской арміи“.

Третій военный, гораздо болѣе умѣренный, чѣмъ предыдущіе, и держащійся, такъ сказать, золотой середины между двумя лагерями, недавно объяснилъ все неудобство и невозможность предлагаемыхъ наступательныхъ мѣръ. Майоръ Эвансъ Белль, въ весьма замѣчательной статьѣ ²⁾, въ которой вопросъ разсматривается всесторонне,

¹⁾ *The Defence of the North-Western frontier of India*. London, 1873.

²⁾ *The Afghan succession*. Fortnightly Review; июнь 1874 г. Майоръ Эвансъ Белль, кромѣ того, издалъ въ 1869 г. „*The Oxus and the Indus*“, весьма интересную книгу по этому вопросу.

доказываетъ, какъ нельзя лучше, неосновательность этихъ воинственныхъ порывовъ. Кромѣ значительныхъ издержекъ, занятіе означенныхъ мѣстностей имѣло бы прямымъ слѣдствіемъ возстановленіе противъ англичанъ всего туземнаго и сосѣдняго населенія, что было бы немаловажнымъ обстоятельствомъ въ случаѣ войны. Всѣ политическіе выводы автора основываются на этомъ исходномъ пунктѣ. Вѣроятно не забыть еще запросъ лорда Нэпира, обращенный къ Эттрику, бывшему посланнику при с.-петербургскомъ дворѣ и временно назначеннаго вице-королемъ Остѣ-Индіи, во время засѣданія палаты лордовъ, бывшаго 9-го мая 1874 г. Онъ спрашивалъ: „поддержитъ-ли правительство ея величества афганскаго эмира въ случаѣ не вызваннаго нападенія“. На что лордъ Дѣрби отвѣтилъ, что въ этомъ случаѣ вмѣшательство „highly probable“—весьма вѣроятно. Князь Горчаковъ увѣрялъ впрочемъ, что при необходимости преслѣдовать турецкія полчища за предѣлы Афганистана будутъ стараться держаться какъ можно ближе къ границѣ; онъ просилъ англійское правительство, съ полной искренностью, наблюдать за эмиромъ въ Кабулѣ, такъ же, какъ русское правительство надзираетъ надъ ханствами на своихъ границахъ ¹⁾. Въ этомъ-то и заключается опасность, по мнѣнію майора Белля. Англійская политика въ Афганистанѣ было крайне недѣла въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, говоритъ онъ. Колебанія въ дѣлѣ признанія Ширъ-Али (избраннаго сына Достъ-Магомеда), въ 1863 году возбудили надолго противъ насъ непріязнь въ Афганистанѣ. Съ тѣхъ поръ, дѣйствительно послѣдовало примиреніе въ Умбаллѣ (1869), устроенное лордомъ Мэйсомъ, бывшаго въ то время вице-королемъ Индіи. Но болѣе чѣмъ вѣроятно, что первое впечатлѣніе еще не улеглось. „Конечно, — разсуждаетъ онъ, — изъ дипломатическихъ соображеній не было упомянуто ни полусловомъ объ уменьшеніи и уничтоженіи англійскаго вліянія, случившихся не вслѣдствіе военныхъ дѣйствій или завоеваній русскихъ войскъ, но по милости интригъ и происковъ, которыми занимались въ столицѣ и въ сосѣднихъ провинціяхъ“. Въ заключеніе онъ говоритъ: необходимо написать новый договоръ съ Ширъ-Али, необходимо изгладить слѣды прежней вражды, для чего авторъ предлагаетъ слѣдующія мѣры.

Со времени присоединенія Пенджаба къ индійской имперіи въ 1849 году, до 1868 г. англійскимъ войскамъ пришлось совершить не менѣе двадцати трехъ пограничныхъ кампаній противъ „*Hill tribes*“, т.-е. непріязненныхъ кочевыхъ племенъ, населяющихъ горы на сѣверъ и на югъ отъ Пешавара. Съ своей стороны, кабулистанское

¹⁾ *Papers on Central Asia* (1874 г.), (правительственное сообщеніе).

правительство до сихъ поръ оказалось безсильнымъ противъ населенія своихъ провинцій, принадлежащаго въ этимъ племенамъ. До тѣхъ поръ, пока оба склона горы не будутъ подчинены одной власти, нельзя рассчитывать на усмиреніе дикихъ ордъ, слѣдовательно невозможно и думать проложить себѣ дорогу съ этой стороны, въ случаѣ нужды. Индія отдѣлена въ этомъ пунктѣ постоянной преградой, черезъ которую немислимо настоящее общеніе съ Афганистаномъ и приобрѣтеніе вліянія надъ эмиромъ и афганцами. М-ръ Эвансъ Белль предлагаетъ уничтожить это положеніе, уступивъ Ширъ-Али въ полное распоряженіе весь округъ Пешавара и Деражатъ. „Если мы передадимъ эти неповорныя племена въ руки ихъ соплеменниковъ, мы положимъ этимъ самымъ начало образованію мирнаго и правильнаго государства. Съ водвореніемъ въ Пешеварѣ афганскаго правителя и интеллигентнаго англійскаго уполномоченнаго, намъ уже нечего будетъ бояться поступательнаго движенія русскихъ“. Для довершенія, предлагаемой мѣры, за которой нельзя не признать крайней оригинальности, слѣдовало бы помочь афганцамъ установить правильное престолонаслѣдіе, потому что нельзя упускать изъ виду, что племянника Ширъ-Али, Аббъ-уръ-Рахмана, продолжаютъ держать, про запасъ, въ квартирѣ русскаго главнаго штаба, въ Туркестанѣ.

Должно признаться также, что англійское правительство поставило себя въ фальшивое положеніе съ своей нейтральной полосой, предложенной лордомъ Кларендономъ, въ 1869 г. Въ 1871 году, князь Горчаковъ изъявилъ согласіе на предложеніе с-тъ-джемскаго кабинета: онъ призналъ формальную принадлежность провинцій Бадакшана и Ваггана къ Афганистану, нейтральность котораго русскій кабинетъ съ той поры принялъ на себя обязанность гарантировать. Плачевный успѣхъ для правительства Гладстона! Англичане связали себя сами по рукамъ и по ногамъ, отказались отъ всякаго движенія за предѣлы Кетты, предоставляя при этомъ полную свободу перехода русскимъ войскамъ черезъ ханства, вплоть до самой границы своего союзника, эмира афганскаго. Въ апрѣльскомъ номерѣ „*Saturday Review*“ оплошность эта доказана до очевидности. Съ той самой минуты Мерръ угрожаетъ постоянная опасность. „Нѣтъ причинъ думать“, говоритъ эта газета, „чтобы лордъ Дѣрби измѣнилъ способъ дѣйствій, избранный лордомъ Гранвиллемъ; но онъ хорошо сдѣлаетъ, воздержаваясь отъ всякой дипломатической переписки съ Россіей, исключая развѣ того случая, что оказалось бы нужнымъ опредѣлить ту границу ея завоеваній, за которой ей нельзя рассчитывать на наше согласіе. Мерръ находится на пути къ Герату, онъ стоитъ внѣ афганской территоріи, но всякая попытка двинуться за предѣлы его

была бы сопряжена съ опасностью и повела бы къ возраженіямъ (*would be dangerous and objectionable*)".

Можно резюмировать положеніе слѣдующимъ образомъ. Въ періодъ послѣднихъ двадцати лѣтъ, Россія расширила значительно свои владѣнія въ Азіи и заняла въ ней угрожающій постъ. Существуют, конечно, политическія необходимы, и послѣднія завоеванія служатъ тому самымъ неопровержимымъ доказательствомъ. Но послѣдствія ихъ, изъ-за своей неизбѣжности, нисколько не перестаютъ быть важными. Нельзя отрицать, что эти необозримыя пространства, эти непроходимыя степи, доступны только однимъ верблюдамъ, и то до нѣкоторой степени—бываютъ гораздо чаще лишней обузой, чѣмъ цѣннымъ приобрѣтеніемъ. Но, во-первыхъ, слѣдуетъ помнить, что изобрѣтены желѣзныя дороги, съ другой стороны, бываютъ различныя степи, также какъ и различныя кочевыя племена. Я согласенъ, что города, о которыхъ идетъ рѣчь, падаютъ и разваливаются,—что народы, таскающіе на своихъ плечахъ мѣшки, нагруженные отрубленными головами, снятыми съ своихъ враговъ, ни болѣе ни менѣе, какъ у насъ носятъ кули съ картофелемъ, не представляютъ собою вовсе идеала цивилизаціи; тѣмъ не менѣе Самаркандъ, древняя столица Тамерлана, этотъ сказочный уголокъ арабскихъ поэтовъ, сохранилъ еще обаяніе, хотя бы чисто фиктивное, и Россія, думая, не преминетъ воспользоваться этимъ въ средѣ магометанскаго населенія. Жители Бухары куда предпочтительнѣе самоѣдовъ и остяковъ. Я не хочу распространяться объ этихъ вещахъ, но невозможно отрицать того факта, что англійская политика потерпѣла на Востокѣ жестокія пораженія за истекшее двадцатилѣтіе, на берегахъ Чернаго моря, какъ на берегахъ Каспійскаго, а равно и на окраинахъ Персидскаго залива.

Это обнаруживается и теперь, когда Великобританія не пытается даже возвысить своего голоса въ воскресающемъ вопросѣ Черногоріи: три сѣверныя державы однѣ приняты на себя уладить столкновеніе. Но пусть не заблуждаются: несмотря на свое видимое смиреніе, Англія далеко не такъ еще низко упала. Вовсе нѣтъ: она обдумывается, колеблется, старается по возможности замедлить взрывъ войны, войны ожесточенной и всеобщей, и стремится возобновить свои союзы. И, какъ я уже говорилъ выше, Германія состоитъ нынѣ предметомъ ея искательствъ. Наступитъ часъ, и она бросится въ объятія, и борьба будетъ тѣмъ кровопролитнѣе, чѣмъ болѣе она изрѣветъ.

Пока Англія тоже подчиняется логикѣ фактовъ и политическихъ послѣдствій завоевательной системы, что должно располагать ее къ снисходительности въ отношеніи къ другимъ. Эта „логика“ застав-

лаетъ ее уничтожать одинъ изъ рѣдкихъ экземпляровъ, сохранившихся доселѣ въ Индіи туземныхъ королевствъ. Княжество Барода составляетъ одну изъ значительныхъ частей маротской федераціи, и находится въ сѣверо-восточномъ изгибѣ Индіи. Нынѣ царствующій князь, или „гунковаръ“, арестованъ въ первыхъ числахъ января, по обвиненію въ покушеніи къ отравленію британскаго уполномоченнаго, полковника Фаира. Этотъ развратный и весьма не щепетильный князекъ, стѣсненный личностью полковника, возымѣлъ мысль отдѣлаться отъ него съ помощью шербета изъ мышьяка и толченаго алмаза. Мышьякъ—средство опошленное, но идея подмѣси алмазнаго порошка служить доказательствомъ, по меньшей мѣрѣ, благосостоянія преступника. Самая плохая сторона дѣла заключается въ томъ, что этотъ вѣнценосецъ, терпимый до сихъ поръ англичанами, пользовался большою популярностью, благодаря особенно щедрой раздачѣ духовенству продуктовъ поборовъ, собираемыхъ съ остальныхъ своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ, когда правительство вице-короля отозвало полковника Фаира, гунковаръ отпраздновалъ это счастливое событіе великолѣпнымъ пиршествомъ, заданнымъ имъ 3,000 браминамъ. По истинѣ, князь способенъ былъ бы исполнить умиленіемъ сердца нѣмецкихъ католиковъ. Но какъ бы то ни было, арестъ произведенъ немедленно послѣ покушенія, и покровитель браминовъ заключенъ въ тюрьму, мѣсто же его заступилъ англійскій военный сановникъ, съ предписаніемъ править въ духѣ законовъ и обычаевъ аборигеновъ. Процессъ, который на-дняхъ начнется передъ „Chief justice“ Бенгаліи, не лишенъ интереса со стороны вѣроятныхъ разоблачений придворныхъ нравовъ индійскаго властителя. Во всякомъ случаѣ, имъ будетъ замѣненъ обѣщанный процессъ Нана-Саиба. Не взирая на единодушныя утвержденія телеграфныхъ агентствъ и депешъ самого вице-короля и „Times“, какъ кажется, вышла ошибка, и я ввелъ васъ въ заблужденіе подъ прикрытіемъ этихъ столь авторитетныхъ источниковъ. Въ сущности, въ этомъ дѣлѣ еще не сказано послѣдняго слова, и весьма можетъ статься, что англійское правительство просто трусило передъ публичнымъ процессомъ и посмертными разоблаченіями, которые, быть можетъ, вывели бы на свѣтъ Божій вещи не совсѣмъ лестныя для британской проницательности.

Разъ мы вступили на почву процессовъ, я долженъ внести въ свою лѣтопись два судебныхъ разбирательства, которыя, касаясь конечно сферу менѣе возвышенныхъ, надѣлали однако много шума въ Лондонѣ, въ послѣднее время. Первое мѣсто по своей важности занимаетъ процессъ „Рёбери противъ Гранта и Самсона“—это дѣло до того серьёзное, что его можно назвать почти государственнымъ,—оно почти-что скомпрометтировало „Times“!! Такъ, по-крайней

мѣръ, говорить злые языки, но осмотрительность заставляетъ и спѣшить заключеніями. Я не могу входить во всѣ подробности, чѣмъ сильно сожалею, такъ какъ эта исторія очень поучительна. Но она занимаетъ не менѣе тридцати столбцовъ „Times“ (13, 14 января и т. д.) самаго мелкаго шрифта, и я позволю себѣ краткій ея очеркъ: существуетъ одна маленькая французская книжечка, очень занимательная, — хотя авторъ ея послѣ того не произвелъ ровно ничего остроумнаго — озаглавлена она „Поиски Жерома Патуро за социальнымъ положеніемъ“ (Jérôme Paturot à la recherche d'une position sociale). Въ ней описывается одинъ молодой человѣкъ, перепробовавшій всѣ возможныя формы общественной дѣятельности; онъ является поочередно то будничнымъ гулякой, то артистомъ, сенъ-симонистомъ, финансистомъ, и наконецъ членомъ иціональной гвардіи. Въ одну изъ эпохъ своихъ похожденій онъ дѣлается директоромъ „общества нефтяныхъ копей Марокка“, настоящей, неподдѣльной нефти, происхожденіе которой терлется во вѣкахъ вѣковъ и анализъ которой доказалъ, что изъ нея можно извлечь золото и серебро. Капиталъ общества: шесть милліоновъ и т. д. Вообразите, что всѣ эти шутки превзойдены дѣйствительностью; общество „марокской нефти“ блѣднѣетъ передъ чудесами „Lincoln Gold mining company“ (общество линкольнскихъ золотыхъ рудниковъ), и говоря ужъ объ „Эмми“ и о „Pyramide-range mining company“ (общество пирамидъ). Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ одномъ изъ уголковъ Калифорніи, близъ Санъ-Франциско, нѣкими промышленниками отысканъ рудникъ, затмѣвающій всѣ богатства Голконда и способный ослѣпить самого Алладина съ его лампой. Стоить прибыть на мѣсто, вскопать слегка землю, и безъ малѣйшаго труда, работая лопатой на дилеттантскій манеръ, дорываешься до залежей брилліантовъ, рубиновъ и прочихъ драгоценныхъ камней только нагибайся и бери. Люди съ вѣсомъ подтверждаютъ фактъ — въ томъ числѣ и генералы, и вотъ организуется общество. Между прочимъ, вышеназванный Рёбери являлся въ качествѣ очевидца: онъ самъ копалъ, вырывалъ и осыпалъ брилліанты, подвергшіеся прѣбъ и одобренію лондонскихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ. И вдругъ въ „Times“ появляется рядъ статей, повѣствующихъ о томъ, что эти брилліанты были куплены въ самомъ Лондонѣ на значительныя суммы; затѣмъ были разбросаны и разсыяны на удачу, или скорѣе нарочно на почвѣ знаменитаго открытія. И это оказывается свѣдѣливымъ. М-ръ Рёбери обвиняется въ качествѣ сообщника въ этихъ шуткѣ. Послѣ чего обвиняемый привлекаетъ къ суду м-ра Сампсона, редактора статей „City“ и „Money articles“ въ „Times“ и противъ Гранта, обвиняемаго въ подкупѣ и наущеніи Сампсона. Судъ прѣ

сяжныхъ нашель, что *Рёбери* былъ самъ жертвой обмана, и присудилъ *Сампсона* въ уплатѣ 300 фунтовъ стерлинговъ. До этого пункта все идетъ только смѣшное, но пренія обнаружили, что *Сампсонъ* поддавался вліянію *барона Гранта* при составленіи своихъ статей о денежномъ рынкѣ, и получалъ за это суммы, доходящія отъ 2500 до 3000 фунтовъ въ годъ. Вслѣдъ за этимъ „*Times*“ напечаталъ, 19-го января, смиренное и трогательное объясненіе, въ которомъ онъ соболѣзнуетъ, что облако омрачило его репутацію, по милости „*служашаго*“, осмѣливагося злоупотребить до такой степени довѣріемъ, въ которое его облекли. Печальнѣе всего тутъ то обстоятельство, что подобныя факты придають силу толкамъ о продажности прессы, на которую и безъ того косо смотритъ толпа, часто совершенно ошибочно. Во всякомъ случаѣ, для „*Times*“ дѣло непріятное.

Другой процессъ, менѣе важный, еще болѣе подстрекнулъ любопытство и вниманіе въ нѣкоторой части лондонскаго населенія. Недавно на Сентъ-Джемскомъ театрѣ шла пьеса „*Virt-Virt*“, извѣстная оперетка *Оффенбаха*. Какъ кажется, представленіе не блистало ни съ какой стороны: пѣвцы не пѣли, танцовщицы не умѣли танцевать, оркестръ фальшивилъ, а актеры вовсе не играли. Дирекція надѣялась вознаградить все это женскими ножками, очень скупо прикрытыми трико, и на афишѣ красовалось не менѣе сорока именъ *Бланшей, Луизъ, Эми* и проч., совершенно неизвѣстныхъ дотошъ въ театральныхъ лѣтописяхъ. Говоря, что эти юныя созданія не обладали искусствомъ танцевать, я выражаюсь неточно: четыре балерины выдѣлывали какіе-то сложныя па, окрещенные въ какое-то названіе, но въ которыхъ знатоки, не колеблясь, признали канканъ. „*What a shame!*“ споръ не замедлилъ перейти въ прессу. „*Daily Telegraph*“ напечаталъ цѣлую диссертацию объ этомъ предметѣ; страницы наполнялись, аргументы летѣли вслѣдъ за аргументомъ, одни отрицали существованіе танца, носящаго извѣстное имя, другіе утверждали противное.

Но это были лишь цвѣты, ягоды преподнесъ публикѣ самъ директоръ театра. Редакторъ „*Vanity Fair*“ высказалъ нѣсколько рѣзкихъ сужденій о пьесѣ, танцахъ и актрисахъ, и это подало директору С.-тъ-Джемскаго театра злополучную мысль начать противъ него искъ за диффамацию, что породило процессъ довольно забавный для всѣхъ, исключая бѣднаго истца. Присяжные постановили приговоръ въ пользу газеты, и тѣмъ самымъ оправдали ея нападки, несмотря на всю ихъ запальчивость. *Маркизъ Герфордъ, лордъ Шамберлейнъ*, слѣдовательно, лицо официальное, которому поручена цензура англійскихъ театровъ, явился въ качествѣ свидѣтеля и, не обинуясь, заявилъ, что танецъ, о которомъ спорили, „положительно и

сознательно быть неприличенъ". Къ этому времени относится его циркуляръ, разосланный ко всѣмъ столичнымъ содержателямъ театровъ, въ которомъ, „не желая впадать въ смѣшную роль предписывать длину костюмовъ, онъ тѣмъ не менѣе приглашаетъ ихъ настоятельно наблюдать за покроемъ юбокъ своихъ танцовщицъ и за стратегіей ихъ движеній“.

Слѣдуетъ ли упоминать о томъ, что пресса выказала немоторное единодушіе въ похвалахъ этой мѣрѣ, отчасти вызванной ею же самой. „Spectator“, восплавъ рвеніемъ, чуть не превзошелъ своего крестнаго отца, Аддисона, и, ужасаясь, воскликнулъ: *Horresco referens!* въ Лондонѣ существуютъ театры, куда мать не можетъ повести дочерей своихъ! — Все тотъ же прищѣвъ, все та же протестантская безразличность, не имѣющая за собой даже оправданія въ религіозности. Таковъ условный тонъ, — словомъ, это „самъ“ во всей его силѣ. Нѣкоторые люди желали ли бы преобразовать сцену по образцу своихъ романовъ, тогда всѣ матери могли бы возить туда дочерей, — но — боги! — какія горы скуки мы бы приобрѣли тогда. Не споримъ, есть границы всему, и нравственность имѣетъ свои права, но я держусь мнѣнія того свидѣтеля, который отвѣтилъ смѣло судья: „все чисто для чистыхъ“, что прекрасно выражается французскою поговоркой: *honni soit qui mal y pense*. Если англійскіе драматурги желаютъ писать исключительно для пятнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ, то, конечно, это ихъ дѣло. Но тогда Шекспиръ лишній, и, право, не отрицаютъ его только изъ патріотическаго самолюбія. Это замѣтно изъ всего, что пишется для современной сцены.

Такъ какъ рѣчь наша вознудась танцевъ, то кстати приведу здѣсь еще другой случай, изъ той же области, — случай чрезвычайно мѣтко характеризующій нѣкоторыя стороны англо-саксонскихъ нравовъ. Я не полагаю, чтобы сцена, которую я намѣреваюсь разсказать, была бы мыслима въ какой-либо другой странѣ, исключая развѣ Соединенныхъ Штатовъ, отчизны всѣхъ! подобныхъ эксцентричностей. Въ моемъ очеркѣ англійскихъ религіозныхъ сектъ (августъ, „Вѣст. Евр.“, 1874 г.), я упомянулъ о шекерахъ или трясункахъ, скакунахъ и т. д. Община изъ этой категоріи существовала въ прошедшемъ мѣсяцѣ, близъ города Лимингтона, имѣя пристанище на землѣ, подаренной ей однимъ изъ ея единовѣрцевъ. Эта община сдѣлала нѣсколько займовъ, по которымъ не платила. Земля была описана, поступила въ продажу съ аукціона, и присуждена кредиторамъ. 13-го декабря явились туда подчиненные шерифа, начали вносить мебель и прочіе пожитки на большую дорогу. Но главною задачею была не въ томъ: шекеровъ было 140 человекъ, изъ коихъ 111 женщинъ и дѣтей, и всѣ отказывались покинуть свои жилища.

Согласно обрядамъ своей религіи, они всё прыгали, плясали, хлопали въ ладоши и пѣли или, вѣрнѣе, кричали во всю мочь: „Praise the Lord! Praise his name! (Хвалите Господа! Хвалите имя Его!)—пришлось употребить силу. Одна дама, „мать стада“, была выведена насильно, остальные пошли вслѣдъ за ней, приплясывая и подпрыгивая, и всё эти бѣдняки столпились около своей рухляди, на дорогѣ, не соглашаясь сойти съ нея. Пошелъ дождь, поднялся вѣтеръ и налетѣла буря, гораздо страшнѣе той, какую намъ показываютъ въ „King Leav“,—но ничто не помогало. Шекеры не удалялись отъ излюбленнаго мѣста всю ночь, прыгали и горланили „Praise the Lord“, пока всё не попадали отъ изнеможенія. Нечего прибавлять, что кончилось тѣмъ, что ихъ урезонили и убѣдили принять предложенный имъ кровъ. По-моему, самымъ приличнымъ убѣжищемъ для нихъ былъ бы Бадламъ, а между тѣмъ это зрѣлище должно по настоящему радовать пуританъ стараго закала, которые могутъ дѣйствительно полагать, что они живутъ въ доброе старое время своихъ святыхъ и пророковъ.

Такъ-то кончился для „лондонцевъ“ 1874 годъ; мы проводили его скандальчиками и эксцентричностями. Въ заключеніе, случилась катастрофа „*Cosspatrick's*“, стоившая жизни 300 человѣкамъ, у которыхъ не оставалось ничего, кромѣ выбора умереть отъ воды или отъ огня. Оставаясь въ Англіи, они также могли бы погибнуть, попавши въ Шистопъ, напримѣръ, и находясь на поѣздѣ, сошедшемъ съ рельсовъ, гдѣ около сорока человѣкъ были раздавлены.

„Лисабонъ гибнетъ, а Парижъ танцуетъ“!

Таковъ вѣчный круговоротъ жизни, объ этомъ нечего печалиться, какъ нечего радоваться; жаловаться тоже не на что,—остается одно—изучать и предвидѣть.

Р.

ИЗВѢСТІЯ.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе Комитета 16-го декабря 1874 г.

- 1) Выдано: 150 руб. вдовѣ недавно умершаго писателя; 100 р. писателю, лишенному временно-средствъ къ существованію, и 50 р. писательницѣ, въ видахъ предоставленія ей возможности окончить специальное образованіе.
- 2) Отклонены ходатайства шести лицъ.
- 3) Положено внести въ университетъ 50 руб. въ уплату за слушаніе лекцій однимъ студентомъ.
- 4) Изъявлена благодарность Общества Н. А. и В. А. Манассеинымъ за содѣйствіе ихъ Комитету.

Засѣданіе Комитета 30-го декабря 1874 г.

- 1) Выдано 75 р. больной и обремененной семействомъ вдовѣ сына извѣстнаго писателя.
- 2) Выдано 40 руб. престарѣлой вдовѣ писателя.
- 3) За силою § 5 устава, отклонено ходатайство одного лица о пособіи.
- 4) Выдано 100 руб. больной вдовѣ извѣстнаго писателя и 50 р. престарѣлому и находящемуся въ крайности отцу покойнаго писателя.
- 5) Изъявлена благодарность Общества П. Е. Басистову, за содѣйствіе его Комитету, и редакціи „Финансоваго Обзорнія“ за пожертвованіе 100 руб. въ неприкосновенный капиталъ Общества.
- 6) Выдано 250 руб. находящемуся въ затруднительномъ положеніи семейству писателя.
- 7) Назначены стипендіи, по 62 р. 50 к. каждая, четыремъ вольнослушателямъ с.-петербургскаго университета.

Общее собраніе 5-го января 1875 г.

По открытіи собранія секретарь прочелъ слѣдующій отчетъ:
„Мм. гг., въ послѣднія шесть недѣль истекшаго года комитетомъ Общества были выданы слѣдующія единовременныя пособія: двумъ лицамъ по 25 р., двумъ по 40 р., четыремъ по 50 р., одному 75 р., двумъ по 100 р., одному 150 р.; одному 250 р., одному 300 р. и одному 350 р.“

Кромѣ того, на похороны скончавшагося въ больницѣ писателя было отпущено 40 р. и въ уплату за слушаніе лекцій даровитымъ молодымъ человѣкомъ внесено въ с.-петербургскій университетъ 25 р.:

такую же сумму положено внести въ университетъ за того же студента и во второй половинѣ 1875 г.

Учрежденныя Обществомъ стипендіи для студентовъ и вольнослушателей названнаго университета сохранены на первую половину наступившаго года за тѣми же лицами, которыя пользовались ими въ концѣ 1874 г.

Въ ссуду было выдано 60 р. Сумма эта, равно какъ и вообще всѣ выданныя въ прошломъ году ссуды, уже возвращена въ кассу Общества; но нѣкоторыя изъ ссудъ уплачены не самими заемщиками, а лицами, поручившимися за нихъ.

Неденежныя пособія оказаны тремъ лицамъ, а именно: по просьбѣ одного провинціального писателя, было сдѣлано сношеніе съ редакціею прекратившагося уже изданія объ уплатѣ причитающихся за статьи просителя денегъ, но отвѣта на сообщеніе Комитета еще не получено. Рукопись другого писателя, также провинціального, посланная имъ въ одну изъ петербургскихъ редакцій, взята оттуда, по его просьбѣ, и передана въ другую редакцію. Наконецъ, вслѣдствіе ходатайства Комитета, составленное покойнымъ писателемъ руководство по ариметикѣ одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

17 ходатайствъ различнаго рода, и преимущественно о пособіи, было отклонено, такъ какъ просители или не принадлежать къ числу лицъ, имѣющихъ право на помощь Общества, или пользовались уже ею и притомъ неоднократно, или же заявляли такія требованія, какъ, напр., о предоставленіи мѣста или занятія, которыя не могли быть удовлетворены Комитетомъ по независящимъ отъ него причинамъ.

Благодарность Общества изъявлена Н. И. Тяну, Н. Н. Буличу, В. А. и Н. А. Манассеинымъ и П. Е. Басистову за содѣйствіе ихъ Комитету, и редакціи „Финансоваго Обзорѣнія“ за сдѣланное ею пожертвованіе въ неприкосновенный капиталъ Общества.

Въ заключеніе, въ виду предстоящей разсылки экземпляровъ отчета за 1874 г., Комитетъ обращается къ вамъ, мм. гг., и вообще ко всѣмъ членамъ Общества съ покорнѣйшею просьбою о доставленіи секретарю Общества (Г. К. Рѣпинскому, Эртелевъ пер., 1, кв. 4) точныхъ свѣдѣній о мѣстѣ вашего жительства и объ увѣдомленіи о всякой въ этихъ свѣдѣніяхъ перемѣнѣ. Весьма нерѣдко случается, что члены Общества, выходя изъ Петербурга или вообще мѣняя мѣсто своего пребыванія, не оставляютъ свѣдѣній, куда они переѣзжаютъ, и такимъ образомъ сношеніе съ ними дѣлается крайне затруднительнымъ, а иногда и совершенно невозможнымъ.

Комитетъ позволяетъ себѣ также напомнить о предстоящей уплатѣ членскихъ взносовъ и недоимокъ въ нихъ. Напоминаніе это вызвано тѣмъ, что къ концу прошлаго года недоимка во взносахъ числилась болѣе, чѣмъ за 80-ю членами, и нѣкоторыхъ изъ нихъ, за неплатежъ взносовъ болѣе трехъ лѣтъ, Комитетъ вынужденъ былъ исключить изъ списка членовъ Общества. Платежи принимаются, какъ казначеемъ Общества, Петромъ Александровичемъ Ефремовымъ (Лиговка, 25), такъ и въ книжныхъ магазинахъ А. Ѳ. Вазунова въ С.-Петербургѣ и И. Г. Соловьева въ Москвѣ. Кромѣ того, они могутъ быть

уплачиваемы и въ конторѣ Товарищества „*Э. П. Баймаковъ и Ком.*“, подъ особыя, заведенныя въ конторѣ для этой цѣли квитанціи“.

Изъ прочитаннаго затѣмъ отчета казначея видно, что къ 17-му ноября 1874 года въ кассѣ было 58,096 руб. 47 коп. Вновь поступило: взносы 18-ти лицъ—285 руб.; отъ редакціи „*Финансоваго Обзорѣнія*“—100 руб.; процентныя деньги отъ редакціи „*Вѣстника Европы*“ за 1874 г.—67 руб. и возвратъ 13-ти ссудъ—3,110 руб. Израсходовано на пенсіи—862 руб., на пособія—1,815 руб., на воспитаніе—445 руб., на похороны—40 руб., на ссуду—60 руб. Къ 1-му января 1875 г. въ кассѣ 58,426 руб. 47 коп.

По прочтеніи отчетовъ была произведена баллотировка лицъ, предложенныхъ въ члены Общества и членовъ ревизіонной комиссіи. Въ члены Общества избраны: Владиміръ Ивановичъ Вильсонъ, Робертъ Ивановичъ Габерпеттель, Иванъ Ѳеодоровичъ Доссъ, Иллариусъ Игнатьевичъ Кауфманъ, Александръ Николаевичъ Кишенскій, Дмитрій Ефимовичъ Кожанчиковъ, Ѳеодоръ Владиміровичъ Кривцовъ, Степанъ Ѳеодоровичъ Платоновъ, Борисъ Михайловичъ Ѳеодоровъ, Владиміръ Оттомаровичъ Барановъ, Александръ Ѳеодоровичъ Отто, Анна Алексѣевна Вильямсонъ.

Въ ревизіонную комиссію выбраны: А. А. Краевскій, Э. К. Ватсонъ, П. А. Гайдебуровъ, Н. С. Таганцевъ, Н. В. Кидоненковъ, Е. И. Утинъ и К. К. Арсеньевъ.

Въ заключеніе И. И. Кауфманъ прочелъ статью, подъ заглавіемъ: „*Финансовая наука и финансовыя операціи.*“

Отъ редакціи. Въ январьской книгѣ (стр. 250) было помѣщено стихотвореніе изъ Гейне; по случайному недосмотру переписывавшаго, какъ мы въ томъ убѣдились лично изъ доставленнаго намъ впослѣдствіи оригинала рукописи, двѣ послѣднія строфы этого стихотворенія остались незамѣченными, и потому не попали въ печать:

Лежатъ онъ неподвижно,
Въ груди дыханья нѣтъ;
На блѣдныя ланиты
Льетъ утро слабый свѣтъ.

Въ волненьи мать глядѣла
На кроткія черты—
И, чуть дыша, зашѣла:
„Благословенна Ты!“

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ 1875.

Книга первая.—Январь.

	стр.
УСАДЬБА И НА ПОРЯДКЪ.—Повѣсть.—П. Д. БОБОРЫКИНА	5
ПЕРВЫЙ ГОРОДЪ КРАКОВЪ.—1815-1846.—I-III.—Н. А. ПОПОВА	107
СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Ты почто злая кручинница.—П. Прозрачныхъ облаковъ сло- койное движеніе.—ГР. А. К. ТОЛСТАГО	157
АНТРОПОЛОГІЯ И ДАРВИНИЗМЪ.—И. И. МЕЧНИКОВА	159
ПРИЗНАНІЯ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОТЦОВЪ.—Théophile Gauthier и Champfleury.—I-IV.— Д—ЕВЪ	196
ГРИВОЗДОВСКАЯ МОСКВА, въ письмахъ М. А. Волковой къ В. И. Ланской.— 1812-1818 гг.—1815-й годъ—М. П. СВИСТУНОВОЙ	219
ИЗЪ ГЕЙНЕ.—Стихотвореніе.—А. Б.	250
ПРОСТИГОБЪ АББАТА МУРЪ.—Романъ Эм. Золя.—Книга первая.—А. Э.	253
НАУКА И ЛИТЕРАТУРА ВЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ.—Письма изъ Англіи.—I-VI.— РЕ—РЪ	330
ХРОНИКА.—Внутреннее Овозраженіе.—Вопросъ 1874 года 1875 году и послѣдую- щимъ.—Что важнѣе: такъ намъ быть? или какъ намъ быть?—Огульная характеристика современнаго общества и его печати.—„Дѣния міиія“ и ихъ европейскіе корни.—Начало всесловности на Западѣ.—Самоуправ- леніе въ московской и до-московской Руси.—Правильность исторической почвы новѣйшихъ преобразованій.—„Культурный“ слой въ древней и но- вой Россіи.—Опытъ его самоуправленія.—Вопросы будущаго развитія	371
ИНОСТРАННОЕ ОВОЗРАЖЕНІЕ.—Министерскій кризисъ въ Берлинѣ.—Столкновение Ар- мина съ Бисмаркомъ.—Дипломатическія разоблаченія.—Судъ надъ Ар- нимомъ.—Положеніе дѣлъ во Франціи.	408
ИЗВѢСТІЯ.—I. Отчетъ о дѣятельности комитета Общества вспоможенія студентамъ с.-петербургскаго университета.—II. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ	426
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТЪ.	

Книга вторая. — Февраль.

✓ Альбомъ.—Группы и портреты.—II.—В. КРЕСТОВСКАГО (Псевдонимъ).	стр. 437
✓ Вольный городъ Краковъ.—1815-1846.—IV-VII.—Н. А. ПОПОВА	460
Мелодія изъ дома сумасшедшихъ.—Сирокомя.—П. И. ВЕЙНБЕРГА	513
✓ Признанія литературныхъ отцовъ. — Théophile Gauthier и Champfleury.—V-XII. — Окончаніе.—Д—Е—ВЪ.	519
Жалова Тасса.—Изъ Байрона.—Н. В. ГЕРБЕЛЯ.	553
Львинный островъ.—Письма съ острова Цейлона.—I-III.—И. М.—ЕВЪ.	566
✓ В. Г. Балинский. — Опытъ біографіи. — VII. Западныя кружки; вражда съ славянофильствомъ; журнальная дѣятельность Балинскаго. 1841-43 гг.—А. Н. ПЫПИНА.	591
Въ низовьяхъ Аму.—Путевые очерки.—I-V.—Н. Н. КАРАЗИНА	651
Предсмертная пѣснь пѣззанаго конунга Рагнара.—А. И. ЯЗЫКОВА	692
✓ Проступокъ аббата Муръ. Романъ Эм. Золя.—Окончаніе первой книги и книга вторая.—А. Э.	694
Хроника.—Наше законодательство о раскольничьихъ вракахъ. — Историческій очеркъ.—В. А.	775
Внутреннее Овозрѣніе.—По поводу новой финансовой росписи. — Десятилѣтіе судебной реформы.—Нынѣшнее ея положеніе. — Уголовная статистика за 1873 годъ.—Улучшеніе въ ея приемахъ.—Особенности въ дѣятельности судовъ.—Вопросъ о преступленіяхъ, ускользающихъ отъ наказанія.—Отношеніе грамотныхъ.—Слухи въ печати о новыхъ правилахъ относительно высшихъ училищъ.—Прощальный объѣздъ В. Θ. Коршу	791
Иностранное Овозрѣніе.—Отказъ Гладстона отъ управленія партіею.—Положеніе либеральной партіи въ парламентъ.—Современныя ея эпитеты. — Маркизъ Гартингтонъ.—Гладстонъ-публицистъ. — Новый переворотъ въ Испаніи.—Несостоятельность всѣхъ партій. — Нензбыжность воцаренія Альфонса	819
Корреспонденція изъ Берлина. — Общественныя замѣтки.—К.	834
Корреспонденція изъ Лондона.—Внѣшняя политика Англіи и СРЕДНЕ-АЗІАТСКІЙ ВОПРОСЪ.—Р.	855
Извѣстія.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.	874
Отъ Редакціи	876
Библиографическій Листокъ.	

592569

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 2-я.

ФЕВРАЛЬ, 1875.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 2-я.—ФЕВРАЛЬ, 1875.

- I.—АЛЬБОМЪ.—Группы и портреты.—II.—В. Крестовскаго (Псевдонимъ) . . . . .
- II.—ВОЛЬНЫЙ ГОРОДЪ КРАКОВЪ.—1815-1846.—IV-VII.—Н. А. Попова . . . . .
- III.—МЕЛОДИИ ИЗЪ ДОМА СУМАСШЕДШИХЪ.—Сыроемля.—П. Н. Вейнберга . . . . .
- IV.—ПРИЗНАНИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОЦОВЪ.—Théophile Gauthier и Champfleury.—V-XII.—Окончаніе.—Д—евъ . . . . .
- V.—ЖАЛОБА ТАССА.—Изъ Байрона.—П. В. Гербеля . . . . .
- VI.—ЛЪВИНЫЙ ОСТРОВЪ.—Письма съ острова Цейлона.—I-II.—Н. М—евъ . . . . .
- VII.—В. Г. БЪЛИНСКИЙ.—Опытъ біографіи.—VII. Западный кружокъ; вражда съ славянофильствомъ; журнальная дѣятельность Бѣлинскаго. 1841-43 г. — А. Н. Пышина . . . . .
- VIII.—ВЪ НИЗОВЬЯХЪ АМУ.—Путевые очерки.—I-V.—Н. Н. Каразина . . . . .
- IX.—ПРЕДСМЕРТНАЯ ПѢСНЬ ПЛѢННАГО КОНУНГА РАГНАРА. — А. В. Языкова . . . . .
- X.—ПРОСТУПОКЪ АББАТА МУРЭ.—Романъ Эм. Золя.—Окончаніе первой книги и книга вторая.—А. Э. . . . .
- XI.—ХРОНИКА.—НАШЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ О РАСКОЛЬНИЧЬИХЪ БРАКАХЪ.—Историческій очеркъ.—В. А. . . . .
- XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—По поводу новой финансовой росписи.—Десятилѣтіе судебной реформы.—Нынѣшнее ея положеніе.—Уголовная статистика за 1873 годъ.—Улучшеніе въ ея приѣмахъ.—Особенности въ дѣятельности судовъ.—Вопросъ о преступленіяхъ, ускользающихъ отъ наказанія.—Отношенія грамотныхъ. — Слухи въ печати о новыхъ правилахъ относительно высшихъ училищъ.—Прощальный обѣдъ В. О. Коршу . . . . .
- XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Отказъ Гладстона отъ управленія партіей.—Положеніе либеральной партіи въ парламентъ.—Современные ея элитоны.—Маркизъ Гартингтонъ.—Гладстонъ-публицистъ.—Новый переворотъ въ Испаніи.—Несостоятельность всѣхъ партій.—Неизбѣжность воцаренія Альфонса . . . . .
- XIV.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Общественныя замѣтки.—К. . . . .
- XV.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.—Внѣшняя политика Англіи и средне-азиатскій вопросъ.—Р. . . . .
- XVI.—ИЗВѢСТІЯ. — I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ . . . . .
- XVII.—ОТЪ РЕДАКЦІИ. . . . .
- XVIII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. —

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—VIII стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1875 г., и объ особенностяхъ этой же редакціею второго тома „Года“, истор.-полит. обзорѣнія 1873—74 гг., см. ниже.

Съ апрѣльской книги начнется печатаніе исторической хроники
КУДЕЯРЪ, Н. И. Костомарова.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
А. О. БАЗУНОВА

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 30.

Въ январѣ поступили въ продажу слѣдующія книги:

ПРЖЕВАЛЬСКІЙ, Н. Монголія и страна тангутовъ. Трехлѣтнее путешествие въ восточной агорной Азіи. Т. I-й. Спб. 1875 г. Ц. 3 р., перес. за 2 ф.

КРЕСТОВСКІЙ, В. Кровавый пухъ. Хроника о новомъ смутномъ времени государства русскаго. Періодъ первый: Панургово стадо. 2 т. Спб. 1875 г. Ц. 4 р., перес. за 4 ф.

ВНИСЪ, Г. Вѣдѣніи бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Ч. 2-я. Западные народы. М. 1875 г. Ц. 4 р., перес. за 4 ф.

СОВОЛОВЪ, Л. Географическія и статистическія свѣдѣнія о зараванскомъ округѣ, съ приложеніемъ списка населенныхъ мѣстъ округа. Спб. 1875 г. Ц. 3 р. перес. за 3 ф.

КРЕСТОВСКІЙ, В. (псевдонимъ). Большая медвѣдица. Романъ въ пяти частяхъ. 2 т. Спб. 1875 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

КАРАВИНЪ, Н. На далекихъ окраинахъ. Романъ, иллюстрированное изданіе. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

БАТЮШКОВЪ, П. Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи, издаваемые по Высочайшему повелѣнію. В. 6-й. (Вильна). Спб. 1875. Ц. 5 р., перес. за 6 ф.

ГОГОЛЬ, Н. Вечера на хуторѣ, близъ Диканки. В. 2-й. Страшная мѣсть. Иллюстрированное изданіе. М. 1875. г. Ц. 7 р., перес. за 6 ф.

РИТТИХЪ, А. Племенной составъ контингентовъ русской арміи и мужского населенія Европейской Россіи. Спб. 1875. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

ПРИБРАЖЕНСКІЙ, А. Прочтемъ — хлѣбъ наживемъ. Чтеніе для крестьянъ-земледѣльцевъ. Спб. 1875. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

ЧИСТЯКОВЪ, М. Курсъ педагогикъ, составленъ по программѣ, утвержденной для женскихъ институтовъ вѣдомства императрицы Маріи. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

ЕВРОПЕУСЪ, Д. Объ Угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и сѣверной части Скандинавіи до прибытія туда нынѣшнихъ ихъ жителей. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. перес. за 2 ф.

СОМОВЪ, А. Каталогъ произведеній иностранной живописи (оригиналовъ и копій). Спб. 1875 г. Ц. 80 к., перес. за 2 ф.

ФЛАМАРІОНЪ, К. Исторія неба. Спб. 1875 г. Ц. 3 р. 50 к., перес. за 3 ф.

ВИСКОВАТОВЪ, В. Сборникъ игръ и занятій для семьи и школы, съ 330 рисунками. Спб. 1875 г. Ц. 3 р., перес. за 3 фута.

ВЕРНЪ, Ж. Таинственный островъ. Ч. I-я. Воздушные крушения. Спб. 1875. Ц. 1 р., перес. за 2 ф.

СУВОРИНА, А. Русскіе замѣчательные люди. Изд. 3-е. Спб. 1875 г. Ц. 40 к., перес. за 1 ф.

ГУДЕНЪ, Р. Руководство къ познанію и выбору часовъ карманныхъ, стѣнныхъ, столовыхъ и къ уходу за ними. Спб. 1875 г. Ц. 60 к., перес. за 1 ф.

ЮГОВЪ, П. Повѣсти, рассказы и стихотворенія. Т. I-й. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 1 ф.

ВОВОРЫКИНЪ, П. Докторъ Цыбулка. Рапсодія въ трехъ книгахъ. М. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

ЖИЗНЬ ГУБЕРНАНТКИ. Полночный вѣдокъ. Утеранный комелекъ. Спб. 1875 г. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

В. СКОТТЪ. Ламермурская невеста,

Выстипки Европы.—Февраль, 1875.

съ картинами. Спб. 1875 г. Ц. 3 р. 50 к., перес. за 3 ф.

ПРОДОЛЖЕНИЕ БОРЬБЫ съ глущей ученостью. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

СОЧИНЕНИЯ ГЕНРИХА ГЕЙНЕ въ переводѣ русскихъ писателей подъ редакціею П. Вейнберга Т. 4, изд. 2. Спб. 1875 г. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

ДАНИЛОВЪ, П. Вѣчный двигатель. Романъ. М. 1875 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

ТАЙНЫ ЦАРСТВОВАНИЯ НАПОЛЕОНА III. (Интимная исторія). Де-Бомонъ Васси. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

РИМСКІЯ ЖЕНЩИНЫ, ихъ воспитаніе и положеніе въ обществѣ. Сочиненіе Г. Буассье. Спб. 1875 г. Ц. 40 к., перес. за 1 ф.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ЕВРОПѢ. Якубовича. Т. 3-й. Швейцарія. Съ большою картою, 5-ю планами и 44 рисунками. Спб. 1875 г. Ц. 3 руб. 50 к., перес. за 2 ф.

НЬЮ-ІОРКСКІЯ ТАЙНЫ. Вильяма Коббъ. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

ОТГОЛОСКИ НА ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ЯВЛЕНІЯ. Критическіе очерки, А. Миллюкова. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 75 к., перес. за 2 ф.

ПРИРОДА И ЖИЗНЬ. Научно-литературный сборникъ для дѣтей старшаго возраста. Съ 38-ю политипажамми. Спб. 1875 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

УСПѢХИ ЗНАНІЯ. Д. Тяндаля. Спб. 1875 г. Ц. 50 к., перес. за 1 ф.

ГОДЪ ВЪСТНИКА ЕВРОПЫ. Историко-политическое обозрѣніе. 1873—1874 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

ЖАЖДА БОГАТСТВА. (Изъ разсказовъ неугомоннаго челоуѣка). В. Никитина. Спб. 1875. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

ТОРФЪ, какъ новый источникъ богатства юго-западнаго края. Ф. Коссовскаго. Кіевъ, 1875 г. Ц. 50 к., перес. за 1 ф.

ДОЧЬ РЫНКА. Комическая опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Клервилля, Сиродена и Кененга, для русской сцены передѣлана В. Курочкинымъ. Спб. 1875 г. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

ВОПРОСЪ О НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫХЪ. Соч. А. Н. Сиб. 1875 г. Ц. 60 к., перес. за 1 ф.

ДИККЕНСЪ, Ч. Замогильныя записки Пиквикскаго клуба. Спб. 1875 г. Ц. 3 р. 50 к., перес. за 3 ф.

ЦИММЕРМАНЪ, Э. Путешествіе въ Венесуелу, для дѣтей, съ рис. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. перес. за 1 ф.

ГРИВОВДОВЪ, А. Горе отъ Ума. Ком. въ 4 д., Ред. примѣч. и объясненія Н. Гривосова. Изд. 40, Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 75 к. перес. за 2 ф.

СОКОЛОВЪ, А. Театральныя болота. Хроника-романъ въ трехъ частяхъ. Кнѣз. III-я и послѣдняя. Розы и тернии. Спб. 1875 г. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

СПУТНИКЪ МАШИНИСТА, руководство и справочная книга для почтальвовъ, машинистовъ, механиковъ, инженеровъ, технологовъ, фабрикантовъ и заводчиковъ, техническихъ учреждений и школъ. В. 1-й, съ подпиской на 2, 3 и 4. Ц. 4 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться за всѣми вообще книгами какъ вновь выходящими, такъ и прежде изданными.

BULLETIN LITTÉRAIRE

de la librairie de CHARLES RICKER (A. Munx).

St.-Petersbourg, Perspective de Newsky, № 14.

Nouveautés de Janvier 1875.

BRÜHL, C. Zootomie aller Thierklassen für Lernende nach Autopsien skizziert. Atlas. Lief. 1—3. à 2 r.

CAMPBELL, A. La vita di fra Paolo Sarpi. 2 r.

CAMPBELL, M. Annales de la typographie néerlandaise au XV siècle. 9 r.

CARRE. L'ancien Orient. 2 vls. 4 r. 80 k.

COYTEUX, F. Études sur la physiologie. 4 r. 80 k.

DEGEN, L. Ziegel-Architectur als Fortsetzung von dessen Ziegelrohbau. Heft. 1—6. à 1 r. 5 k.

DODEL. Schoepfungsgeschichte. 6 r.

FORSCHUNGEN zur deutschen Geschichte. 15 Bd. 1 Hft. p. cplt. 5 r. 25 k.

GAREIS, A. Die Bewirthschaftung des Meeres mit Rücksicht auf den adriatischen Golf. 1 r. 50 k.

GILLMARE. Prairie and foret. 6 r.

GLADSTONE, W. Die vaticanischen Decrete nach ihrer Bedeutung für die Unterthanentreue. 60 k.

GUVERNATIS, A. DE. Lettura sopra la mitologia vedica. 1 r. 60 k.

HANSLICK. Die moderne Oper. geb. 3 r.

HARE. Days near Rome. 2 vls. 12 r.

HODDER, M. Westropp. A manual of precious stones and antique gems. 3 r.

HODGSON. Essays of the languages. 7 r. 15 k.

IHERING, R. Le combat et le droit. 60 k.

KREMER. Culturgeschichte des Orients. 6 r.

KUNSTSCHAEETZE ITALIENS. Lief. 1—5. à 50 k.

LAENGIN, G. Johann Peter Hebel. 1 r. 50 k.

LENGENFELD, TH. Russland im 19 Jahrhundert. 4 r.

LINDNER, G. Lehrbuch der empirischen Psychologie als inductive Wissenschaft. 4 Afh. 1 r. 45 k.

LINDAU, P. Gesammelte Aufsätze. Beiträge zur Literaturgeschichte der Gegenwart. 3 r. 50 k.

MACH, E. Grundlinien der Lehre von den Bewegungsempfindungen. 1 r. 50 k.

MOSENTHAL, S. Die Sirene. Komödie in 4 Aufzügen. 1 r. 20 k.

NORDPOLARFAHRT, DIE ZWEITE DEUTSCHE, in den Jahren 1869 u. 1870 unter Führung d. Kap. Koldoway. 2 Bd. Wissenschaft. Ergebnisse. 2 Abth. 9 r.

OCHOROWICZ, I. Bedingungen des Bewusstwerdens. 90 k.

OVERBECK, I. Pompeji in seinen Gebäuden, Alterthümern und Kunstwerken. 3 Afh. 10 r.

PLON, E. Thorwaldsen, sein Leben und seine Werke. A. d. Französ. 4 r.

PREYER. Geschichte der deutschen Mystik. I. 4 r. 50 k.

REYNTIENS, N. Bismarck et Cavour. L'Unité de l'Allemagne et l'unité de l'Italie. 1 r. 40 k.

RIEGEL, H. Grundriss der bildenden Künste. 3 Afh. 4 r. 50 k.

RIS-PAQUOT. Dictionnaire des marques et monogrammes des faïences, poteries, grès terre de pipe etc. anciennes et modernes. 2 ed. 4 r.

RUSS, C. Die fremdländischen Stubenvögel ihre Naturgeschichte, Pflege und Lucht. Lief. I. 1 r. 50 k.

SALM-SALM. Zehn Jahre aus meinem Leben. I. 2 r. 25 k.

SCHUMANN, I. Lehrbuch der Pädagogik. II. 1 r. 50 k.

SIEGFRIED, C. Philo von Alexandria als Ausleger des alten Testaments. 4 r. 50 k.

SILBERSTEIN, A. Deutsche Hochlands-Geschichten. 2 Bde. 3 r.

SMILES. Lives of engineers. 6 r. 75 k.

STEPHENS, F. Flemish and french pictures. With notes concerning the painters and their works. 14 r.

STÖPEL, F. Zur Bankfrage. Beiträge zum Verständnisse der volkswirtschaftl. Bedeutung der Banknoten. 50 k.

THIMM, F. Shakespeariana from 1564—1864. 2 r.

TOWNSHEND. Wild life in Florida. 15 r.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
Н. ФЕНУ И КОМПА.

(С.-Пб., по Фонтанкѣ, противъ Лѣтнаго сада)

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

- Чистякова, М. Б.** Курсъ Педагогическ. Ц. 1 р. 50 к.
Фламаріонъ. Исторія неба. Ц. 3 р. 50 к.
Біаръ. Отъ старшаго къ меньшому, отъ малаго къ большому. Ц. 2 р.
Водовозова. Жизнь европейскихъ народовъ. Т. I. Ц. 3 р. 50 к.
» Изъ русской жизни и природы. Ц. 1 р. 50 к.
Чарльзъ Кемдэнъ. Моя юность. Ц. 75 к.; въ папкѣ 1 р.
Полевой. Русскія народныя сказки. Ц. 4 р.; въ изящномъ кожаномъ переплетѣ 4 р. 50 к.; въ богатомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ 5 р.
Цитовичъ. Уроки по Закону Божію для полковыхъ унтеръ-офицерскихъ школъ. Ц. 30 к.
Федорченко. Элементарная геометрія. Ц. 1 р. 50 к.
Страховъ. Первые уроки изъ географіи. Ц. 15 к.
Абаза и Силаковъ. Руководство по обученію въ начальныхъ военныхъ школахъ. Ц. 75 к.
Чельцовъ. Молитвы и символъ вѣры. Ц. 20 к.
Беллярминовъ. Руководство къ русской исторіи съ дополн. изъ всеобщей. Ц. 50 к.
Гавловскій. Руководство къ геометрич. черченію. Ц. 1 р. 25 к.
Фохтъ. Собраніе дѣтскихъ одноголосныхъ пѣсень. 1-му вып. (для младшаго возраста) ц. 1 р.; 2-му вып. (для средн. возраста) 1 р. (оба выпуска съ аккомпаниментомъ фортепіано).
Его же. Собраніе одноголосныхъ пѣсень безъ аккомпанимента. Ц. 1 р. 25 к.
Соколова, Н. Подарокъ дѣтямъ. Сборникъ пьесъ и пѣсень для одного голоса. Ц. 1 р.

Магазинъ снабженъ учебниками, рекомендованными для учебныхъ заведеній всѣхъ разрядовъ. Кромѣ учебниковъ, въ магазинѣ имѣется всегда прекрасный выборъ книгъ для дѣтскаго чтенія и чтеній для народа.

Каталогъ учебныхъ пособій высылается *безплатно* по первому требованію. Для начальныхъ школъ имѣется отдѣльно списокъ дешевыхъ учебныхъ пособій.

Въ послѣднее время полученъ большой выборъ дешевыхъ музыкальныхъ инструментовъ для первоначальнаго преподаванія.

Вышла и раздается гг. подписчикамъ вторая книжка ежемѣсячнаго, историческаго, иллюстрированнаго сборника

„ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ“.

Содержаніе ея слѣдующее: Текстъ: I. Воспитаніе Екатерины II. Акад. Я. К. Грота.—II. В. Н. Татищевъ, администраторъ и историкъ XVIII столѣтія. Гл. V и VI. Проф. К. Н. Бестужева-Рюмина.—III. Царевичъ Алексѣй Петровичъ (окончаніе). Проф. Н. И. Костомарова.—IV. Эллино-скинскій міръ на берегахъ Понта. Историко-этнографическій очеркъ. Проф. Д. И. Иловайскаго. — V. Юсафъ Батуринъ. Эпизодъ изъ царствованія императрицы Елизаветы Петровны, по архивнымъ документамъ. А. П. Барсукова.—VI. Калиостро въ Петербургъ въ 1771 году. Е. П. Карновича.—VII. Очерки Восточной Сибири. 1) Иркутскъ, его настоящее и прошлое.—Близость города.—Въ Иркутскѣ.—Много попечителей и мало пользы.—Дѣятельность въ обществѣ и что такое это общество. — Необразованность купечества.—Чиновники.—Осмотръ города.—На базарѣ.—Населеніе; статистическія данныя и выводы изъ нихъ.—Эпизодъ изъ исторіи Иркутска: борьба торгово-промышленнаго сословія съ чиновничествомъ.—Низшій классъ населенія.—Описаніе и характеристика Иркутска въ 1735 г. — Отсутствіе памятниковъ древности. — Заключение.—II. А. Ровинскаго.—VIII. Черты изъ жизни графа Аракчеева. II. Настасья Минкина и Михаилъ Шумскій. И. К. Отто. — IX. Библиографія: Исторія Россійской Академіи. Соч. М. Сухомлинова. Вып. 1-й. К. Н. Б.-Р. — Сборникъ Императорскаго Историческаго общества. Т. 13-й. Е. А. Бѣлова. — Рисунки: 1. Императрица Екатерина II (въ молодости).—2. Принцесса Іоанна-Елизавета Ангальтъ-Цербстская (мать Екатерины II).—3. Принцъ Христіанъ-Августъ Ангальтъ-Цербстскій (отецъ Екатерины II).—4. Царица Евдокія Ѳеодоровна.—5 и 6. Древнія вазы съ изображеніями скиновъ. — 7. Калиостро. — 8. Видъ Иркутска.

Подписка на «Сборникъ» принимается въ главной конторѣ, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, рядомъ съ Пассажемъ, д. № 46, при типографіи и хромофотографіи издателя В. И. Граціанскаго.

Подписная цѣна за двѣнадцать годовыхъ книжекъ, съ портретами, рисунками и другими приложеніями 12 р. с., съ доставкою на домъ 12 р. 50 к. с., съ пересылкою 13 р. 50 к.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Коммисіонеровъ Московскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества

І. ЮРГЕНСОНА,

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 9
(на углу Невскаго проспекта)

П. ЮРГЕНСОНА,

Москва, Петровка, № 6
(на углу Кузнецкаго моста)

поступило въ продажу

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ ЮРГЕНСОНА:

Для фортепіано: Мендельсонъ, Capriccio op. 5 (50 к.); Rondo capriccioso op. 14 (45 к.); Fantaisie op. 15 (30 к.); Trois fantaisies-caprices op. 16 (45 к.); Capriccio brillant op. 22 (75 к.); Concerto op. 25 (1 р.); Fantaisie op. 28 (75 к.); Concerto op. 40 (1 р. 50 к.); Variations sérieuses op. 54 (60 к.); Sechs Kinderstücke op. 72 (60 к.); Lieder ohne Worte. Пѣсни безъ словъ. 48 №№ въ одной книгѣ (2 р.); Тоже въ 8 тетрадяхъ (по 60 и 75 к.); Chopin, 4 Mazurkas op. 6 (30 к.); op. 7 (30 к.); op. 30 (35 к.); op. 33 (45 к.); Nocturnes: op. 9 № 2 (15 к.); op. 15 № 2 (20 к.); op. 32 № 1. 2 (по 20 к.); op. 37 № 1. 2 (по 20 к.); Polonaises: op. 26 № 1 (30 к.); op. 40 № 1 (30 к.); Valses: op. 18 (30 к.); op. 34 № 1. 2. 3 (по 20 к.); op. 42 (30 к.); op. 64 № 1. 2. 3 (по 20 к.); op. 69 (30 к.); op. 70 (30 к.); Вѣсь 14 вальсовъ въ одномъ томѣ (1 р.); Liszt, Mélodies de Schubert: Adieu (20 к.); Au bord de la mer (20 к.); Le voyageur (30 к.); Erlkönig (35 к.); Sérénade (20 к.); Rhapsodie hongroise № 2 (90 к.); Spinnerlied (65 к.); Valse de l'opéra Faust de Gounod (1 р.); Marche de l'opéra Tannhäuser (60 к.); Romance de Tannhäuser (35 к.); Schubert, Moment musical (15 к.); Schumann, Carnaval. Scènes mignonnes (1 р.); 8 Fantasiestücke op. 12 (1 р.); Kinderscenen op. 15 (45 к.); Kreisleriana 8 fantasien op. 16 (1 р.); Arabesque op. 18 (20 к.); Blumenstück op. 19 (20 к.); 8 Noveletten op. 21 (1 р. 70 к.); Vier Nachtstücke op. 23 (50 к.); Abends (20 к.); Grillen (20 к.); Warum (15 к.); Träumerei (15 к.); Berceuse (20 к.); Drey-schock, Célèbre nocturne (15 к.); Bach, Deux gavottes (20 к.); Echo (15 к.); Rondo (15 к.); Field, Allegro de concert (30 к.); Камаринская (20 к.); Gloria, Etude de concert (30 к.); Hummel, Rondo favori (30 к.); Hiller, Zur Guitare (20 к.).

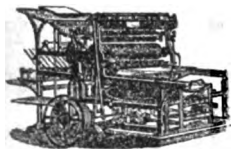
Полныя оперы для фортепіано по 50 к.: Фиделіо, Эгмонтъ, Норма, Соня-була, Ромео и Юлія, Бѣлая дама, Калифъ Багдадскій, Лючія, Любовный напитокъ, Орфей, Четыре времени года, Сотвореніе міра, Цампа, Иосифъ, Донъ-Жуанъ, Волшебная флейта, Свадьба Фигаро, Севильскій цирюльникъ, Отелло, Волшебный стрѣлокъ, Оберонъ, Эврианта и др. (каждая 50 к.). Эти же оперы въ новомъ переложеніи Мендс-орфа, въ форматѣ въ 4-ю д. л. (каждая 60 к.).

Полныя оперы для фортепіано въ четыре руки: Фиделіо (1 р.); Норма (1 р.); Сонябула (1 р.); Эгмонтъ (50 к.); Цампа (1 р. 25 к.); Донъ-Жуанъ (1 р. 25 к.); Свадьба Фигаро (1 р. 25 к.); Волшебная флейта (1 р.); Севильскій цирюльникъ (1 р.); Волшебный стрѣлокъ (90 к.); Оберонъ (1 р.); Фенелла (1 р. 50 к.); Лючія (1 р.); Рев-иэмъ Моцарта (50 к.); Мессія (1 р.); Прещіоза (50 к.).

Сборникъ любимыхъ увертюръ: Бетховена, Беллини, Вебера, Моцарта, Рос-сини, Шуберта, и др. для одного фортепіано; 8 выпусковъ, въ каждомъ отъ 8 до 10 увертюръ (за выпускъ 50 к.); тоже для фортепіано въ четыре руки; 9 выпусковъ (по 65 к.); тоже для фортепіано со скрипкою; 6 выпусковъ (по 75 к.).

За пересылку прилагается особо и взимается съ общаго вѣса посылки. Каталогъ дешевымъ изданіямъ высылается бесплатно. Требованія гг. мно-городныхъ исполняются съ первоотходящею почтою. Въ этихъ же магази-нахъ можно получить всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изда-ны и объявлены.

Здѣсь же принимается подписка на дешевый журналъ для фортепіано: „Die Musi-кальsche Welt“ (Le monde musical) на 1875 г. (годъ 4-й). Ежемѣсячно отъ 5 до 6 по-лѣнныхъ пѣснь. Годовая цѣна подписки 2 р. 70 к., съ пересылкою 4 р.

ПАРОВАЯ и СКОРОПЕЧАТНАЯ ТИПОГРАФІЯ

М. М. Стасюлевича.

Книжный складъ типографіи:

ПАТАНЪ МУДРЫИ, драматич. стихотвореніе Лессинга. Перев. В. Крылова. Спб. 1875. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

ВОПРОСЫ О ЖИЗНИ И ДУХѢ, Дж. Г. Льюиса. Перев. съ англ. Т. І. Спб. 1875. Ц. 2 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

ИЗУЧЕНІЕ СОЦІОЛОГІИ, Г. Спенсера. Пер. съ англ. Т. І и II. Спб. 1874—75. Ц. 3 р.; вѣс. 3 ф.

ОТВѢТСТВЕННОСТЬ ПРИ ДУШЕВНЫХЪ БОЛѢЗНЯХЪ, Маудсли. Пер. съ англ. Спб. 1875. Ц. 2 руб. 50 коп.; вѣс. 2 ф.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ въ Александровскую эпоху, 1799—1826 гг. П. Аммонкова. Спб. 1874. Ц. 1 р. 75 к.; вѣс. 2 ф.

УЛЭ и ВАГНЕРЪ. Руководство къ общей патологіи. Переводъ съ шестого дополненнаго нѣмецкаго изданія 1874 г. студентовъ университета св. Владимира. Подъ редакціей доцента общей патологіи, д-ра Н. С. Афанасьева. Ц. 4 р.; вѣс. 3 ф.

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ, съ примѣчаніями. Для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, составилъ Андрей Филоновъ. Ч. IV. Изд. второе, исправленное и дополненное. Спб. 1873. Стр. 877. Ц. 1 р. 60 к.; вѣс. 4 ф.

Всѣ четыре части Русской Христоматіи одобрены Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Просв. для гимназій и прогимназій, а Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ — для духовныхъ семинарій.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. М. Неомарова. Первый отдѣлъ, въ трехъ выпускахъ: 3 р. 75 к.—Второй отдѣлъ: выпускъ четвертый—цари Михаилъ и Алексѣй. Ц. 1 р. 25 к.; выпускъ пятый—царь Ѳеодоръ и царица Софья. Ц. 1 р. 50 к.

АЛЕКСѢИ СЛОБОДИНЪ. Семейная исторія, въ пяти частяхъ. П. Альминскаго. Спб. 1873. Стр. 457. Ц. 2 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

ФРАНЦЪ ФОНЪ-ЗИКИНГЕНЪ. Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ф. Лассала. Перев. А. и С. Крыль. Спб. 1873. Стр. 259. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ, ПОСЛОВИЦЫ И ЗАГАДКИ. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Состав. П. В. (Петръ Вейнвергъ). Спб. 1873. Ц. 20 к.

РОВИНЗОНЪ КРУЗЕ, А. Аммонской. Новая переработка темы де-Фоз. Съ 10-ю карт. и 35-ю политипажамъ. Изд. В. Лесевича. Спб. 1874. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

КУРСЪ РУССКАГО УГОЛОВНАГО ПРАВА, Н. С. Таганцева. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Вып. 1-й. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 75 к.; вѣс. 2 ф.

Гг. Книгопродавцы обращаются въ контору типографіи, въ Спб., на В. О., 2-я линія, д. № 7: открыта отъ 10-ти ч. до 1 ч. утра и отъ 3-хъ до 6-ти вечера.

— 75 КОПѢЕКЪ—КАЖДАЯ КНИГА —

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНИЕ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

I.—А. С. ПУШКИНЪ.

Съ портретомъ, біографіею и извлеченіемъ изъ Бѣлинскаго и Гоголя о Пушкинѣ.

Первый отдѣлъ: Мѣднй Всадникъ. — Полтава. — Борисъ Годуновъ. — Русалка. — Евгенийъ Онѣгинъ (гл. 2-я и 6-я). — Братья-разбойники. — Галубъ.

Второй отдѣлъ: Пѣсни, сказки и пр., всего 26.

Третій отдѣлъ: Арапъ Петра Великаго. — Лѣтопись села Горохина. — Дубровский.

II.—М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

Съ портретомъ, біографіею и извлеченіемъ изъ Бѣлинскаго о поэзіи Лермонтова.

Первый отдѣлъ: Демонъ (весь). — Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго кушца Калашникова. — Дума. — Три Пальмы. — Мцыри (изъ исповѣди). — Сказка для дѣтей, и мелкія стихотворенія, всего до 40.

Второй отдѣлъ: I. Герой нашего времени: Максимъ Максимычъ; Тамань; Фаталистъ. — II. Два отрывка изъ начатой повѣсти.

III.—Н. В. ГОГОЛЬ.

Съ портретомъ, біографіею и извлеченіемъ изъ Бѣлинскаго о Гоголѣ.

I. Старосвѣтскіе помѣщики. — II. Вій. — III. Разсказъ о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. — Ревизоръ (два послѣднія дѣйствія). — Мертвыя души (первыя четыре главы). Всего около 30 печатныхъ листовъ.

IV.—В. А. ЖУКОВСКІЙ.

Съ портретомъ, біографіею и извлеченіемъ изъ Бѣлинскаго о поэзіи Жуковского.

Сельское кладбище. — Свѣтлана. — Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ. — Аббадона. — Золова арфа. — Овсяный кисель. — Графъ Габсбургскій. — Орлеанская дѣва (Прологъ). — Шильонскій узникъ. — Торжество побѣдителей. — Спящая царевна. — Война мышей и лягушекъ. — Сказка о парѣ Берендеѣ. — Ундина (9 главъ). — Руستمъ и Зорабъ (Третій бой). — Сказка о Иванѣ Царевичѣ. — Одиссея (9-я пѣсня). — Царскосельскій лебедь и др. мелкія стихотворенія.

Главный складъ изданія «Русской Библіотеки» помѣщается въ типографіи М. Стасюлевича, въ Петербургѣ, на Васильевскомъ Островѣ, 2-я линія, д. № 7.

Книгопродавцы, земскія управы и учебныя заведенія, обращаясь въ контору вышеупомянутой типографіи, пользуются уступкою 10 коп. съ продажной цѣны экземпляра первой книги — 75 копѣекъ въ бумажкѣ, и 1 рубль въ англійскомъ переплетѣ — и 20% отъ второй книги и слѣдующихъ. Иногородные прилагаютъ за пересылку 25 копѣекъ на каждую отдѣльную книгу, и 70 к. при выпискѣ всѣхъ четырехъ томовъ вмѣстѣ. Всѣ четыре тома съ пересылкою: 4 р. въ пер., и 3 р. 15 к. въ бумажкѣ.

ии о русской адвокатурѣ, 1866—1874 гг.
 К. К. Арсеньева. Спб. 1875. Стр. 294.
 Ц. 2 р.

и надѣемся вскорѣ познакомить читателей
 общіе съ вышедшимъ на-дняхъ трудомъ
 Арсеньева, въ высшей степени интерес-
 нъ для однихъ специалистовъ,—а теперь
 ограничимся указаніемъ его содержанія.
 виду разнорѣчивыхъ и случайныхъ толковъ
 нашей адвокатурѣ, которая не мало эксплуа-
 тируется людьми партій, почтенный авторъ,
 давъ обзоръ дѣятельности спб. совѣта
 повѣренныхъ, за первыя восемь лѣтъ его
 существованія. Въ первой части К. К. Арсень-
 ева излагаетъ свое собственное мнѣніе о поло-
 женіи и задачахъ нашей адвокатуры, мнѣніе,
 основаніи котораго легла восьмилѣтняя дѣя-
 тельность автора, какъ адвоката и члена совѣ-
 та, котораго онъ былъ не разъ предсѣдателемъ.
 второй части разсматривается дѣятельность
 этого совѣта въ его главномъ назначеніи кон-
 вировать членовъ адвокатскаго сословія и
 держивать въ его средѣ дисциплину, съ цѣлью
 адить обществу отъ возможныхъ злоупотреб-
 ній этою профессіей. При новости адвокат-
 го дѣла въ Россіи, книга г. Арсеньева мо-
 жетъ служить литературнымъ кодексомъ, кото-
 рый окажетъ полезное содѣйствіе къ тому, чтобы
 ась сложился и окрѣпъ обычай въ сословіи
 адвокатовъ, и чтобы прочно установившаяся
 дисциплина въ средѣ его членовъ внушила объ-
 ству то уваженіе къ нему, какому и должны
 взоваться подобныя сословія, какъ сословіе
 адвокатовъ, врачей, профессоровъ, служителей
 религіи и т. п. До сихъ поръ мы имѣемъ только
 дисциплинированныхъ округа съ совѣтомъ
 ис. повѣренныхъ, а именно, С.-Петербургскій,
 московскій и Харьковскій. Надобно надѣяться,
 что чтеніе книги К. К. Арсеньева убѣдитъ мно-
 гихъ въ необходимости подвергнуть адвокатуру
 всѣмъ судебнымъ округамъ подобной же дис-
 циплины; и это было бы новымъ полезнымъ
 результатомъ этого тщательнаго и вполне добро-
 вѣстнаго труда.

ипросъ о незаконнорожденныхъ. Соч. А. И.
 Спб. 1875. Стр. 75. Ц. 50 к.

Авторъ настоящей брошюры разсматриваетъ
 въ статьяхъ, но весьма точныхъ чертахъ зако-
 нодательства по вопросу о незаконнорожден-
 ныхъ, какъ у древнихъ, такъ и новыхъ наро-
 довъ, а именно, во Франціи, Германіи, Швеціи
 и Турціи. Главная часть брошюры посвящена
 нашему законодательству. Изъ сравненія по-
 лѣднаго съ законамъ, наприм., Пруссіи, сама
 обою выясняется необходимость реформы на-
 шего законодательства въ смыслъ смягченія его
 по освобожденія дѣтей отъ ответственности за
 порочность, которой они собственно не при-
 нести.

Монголія и страна тангуты. Трехлѣтнее пу-
 тешествіе въ восточной нагорной Азіи. Н.
 Пржевальскаго. Т. I. Спб. 1875. Стр. 381.
 Ц. 2 р. 25 к.

Новый трудъ нашего неутомимаго путеше-
 ственника займетъ видное мѣсто въ европей-
 ской литературѣ: ему удалось проникнуть и
 про странствовать три года, совершивъ такимъ
 образомъ путь въ 11 тысячъ верстъ, въ тѣхъ
 частяхъ Сѣвернаго Китая, которыя остаются до

сихъ поръ terra incognita. Настоящій томъ
 представляетъ общій интересъ, содержа въ
 себѣ весьма наблюдательный разсказъ о самомъ
 странствіи, съ живымъ описаніемъ природы и
 населенія. Къ нему приложены тщательно вы-
 полненныя карты. Къ сожалѣнію, скудость ма-
 териальныхъ средствъ лишила автора возмож-
 ности точныхъ измѣреній, и ему пришлось
 дѣйствовать глазомѣрно. Казалось бы, для та-
 кого дѣла труднѣе найти человѣка, чѣмъ деньги;
 но вышло иначе. Зато, все, зависѣвшее отъ
 трудолюбія автора и его любви къ своему дѣлу,
 выполнено, какъ нельзя лучше. Впрочемъ, это
 нельзя назвать только дѣломъ,—это цѣлый по-
 двигъ, и нельзя не поздравить г. Пржевальскаго
 съ такимъ счастливымъ его выполненіемъ.

Природа и жизнь. Научно-литературный сбор-
 никъ, для дѣтей старшаго возраста, съ 38
 политик. Изд. М. Малышевой и А. Пы-
 ловой. Спб. 1875. Стр. 392. Ц. 2 руб.

Достоинство подобныхъ сборниковъ прежде
 всего обуславливается выборомъ, который, въ
 свою очередь, зависитъ отъ знакомства соста-
 вителей съ литературою избраннаго предмета.
 Издатели нынѣшняго сборника ограничились
 иностранными источниками, и остановились на
 хорошихъ; но намъ кажется, что въ наше вре-
 мя слѣдуетъ обратить вниманіе и на отече-
 ственную литературу путешествій, которая на-
 чинаетъ давать не мало матеріаловъ для подоб-
 ныхъ изданій. Въ настоящемъ сборникѣ обра-
 щаютъ на себя вниманіе восемь, новыхъ для
 русской печати, разсказовъ Андерсена, и исто-
 рическій разсказъ: «Авраамъ Линкольнъ», а
 также англійская повѣсть: «Семейство Мерри-
 валей». Какъ хорошій матеріалъ для воспита-
 тельнаго чтенія, эту книгу можно смѣло реко-
 мендовать каждому.

Для народнаго чтенія. Изданія московскаго ко-
 митета грамотности. Шесть выпусковъ. М.
 1874. Ц. отъ 2 до 20 коп.

Издатели выбрали изъ лучшихъ нашихъ пи-
 сателей, какъ Гоголь, Ив. С. Тургеневъ и гр.
 Л. Н. Толстой, небольшіе разсказы, удобные
 для отдѣльнаго изданія брошюрой, и сдѣлали
 ихъ такимъ образомъ гораздо дешевле рюмки
 водки. Остается только пожелать, чтобы оче-
 видная добрая цѣль Комитета была имъ вполне
 достигнута, и чтобы въ народѣ дѣйствительно
 эта «рюмка водки» нашла себѣ предпочтеніе.
 Мы находимъ только неумѣстнымъ по содержа-
 нію и крайне аляповатымъ по выполненію ри-
 сункомъ обертки; можно подумать, что состави-
 тель этого рисунка хотѣлъ поддѣлаться подъ
 предполагаемый имъ народный вкусъ и поддер-
 жать его. Впечата болѣе подходила бы къ мо-
 литвеннику или часослову, нежели къ такимъ
 разсказамъ, какъ, напримѣръ, «Пѣвцы» или «Ви-
 рюнь» И. С. Тургенева.

Полное собраніе сочиненій Гоголя, перев. и
 изд. п. р. Н. В. Гербеля и А. Л. Соколов-
 ского. Т. IV. Спб. 1874. Стр. 353. Ц. 75 к.

Мы уже говорили о предпріятіи г. Гербеля
 издать полное собраніе одного изъ оригиналь-
 нѣйшихъ писателей нашего нынѣшняго вѣка, ко-
 торый не имѣетъ себѣ подобнаго въ области
 фантазіи. Нынѣшнимъ выпускомъ заключается
 одно изъ самыхъ капитальныхъ произведеній
 Гофмана: «Серапионовы братья».

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ВЪ 1875-мъ ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

С.-Петербургъ: 15 р., 50 коп. безъ доставки;—16 р. съ доставкою на домъ.

Губерніи: . . . 17 руб., съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію.

За-границею: Германія и Австрія—19 р.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества—20 р.; Франція и Данія—21 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и Греція—22 р.; Швейцарія и Италія—23 р.; Азія—24 р.; Америка—25 рублей.

Примѣчаніе. При перемѣнѣ адреса изъ С.-Петербурга въ губерніи доплачивается 1 р. 50 к.; а изъ губерніи въ С.-Петербургъ—50 к.; изъ Петербурга или изъ губерній за-границу—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: Главная Контора «Вѣстника Европы», на Невскомъ пр., 30, при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова.
» Одессѣ: Книжный магазинъ А. Черкесова и К^о, Преображенская улица, д. Великанова.

Въ Москвѣ: Книжный магазинъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.
» Харьковѣ: Книжный магазинъ А. Черкесова и К^о, Московская улица, 6.

Примѣчаніе. Иногородные, высылая деньги по почтѣ, обращаются исключительно въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допустить выдачу газетъ и журналовъ.—О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно съ указаніемъ прежняго мѣстожителства.—Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

„ГОДЪ“ ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Томъ первый: 1872-73. Стр. 568. Въ двухъ частяхъ, съ приложеніемъ документовъ и Каталогами книгъ русскихъ и иностранныхъ за 1873 г.

Томъ второй: 1873-74 гг. Стр. 746. Въ трехъ частяхъ, съ приложеніями документовъ и Каталогами книгъ русскихъ и иностранныхъ за 1874 г.

Цѣна каждого тома ДВА рубля съ пересылкою.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невск. просп., 30.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр. Академ. пер., 9.

B'D. OCT 17 1913

